

ПРАВОСЛАВНОЕ
ОБЗРѢНІЕ.

1887.

Т О М Ъ ІІ.

М О С К В А.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
Страстномъ бульварѣ.
1887.

ФИЛОСОФСКІЯ ВОЗРЪНІЯ

ДЖИОРДАНО БРУНО И ВЛІЯНЦЕ ИХЪ НА НОВУЮ ФИЛОСОФІЮ.

Ученый міръ европейскій въ настоящее время занятъ итальянскимъ мыслителемъ эпохи возрожденія—Джіордано Бруно. Поводомъ къ этому послужила мысль, возникшая у соотечественниковъ Бруно, почтить знаменитаго мыслителя памятникомъ въ виду предстоящаго трехсотлѣтія со дня его смерти ¹⁾. Общество

¹⁾ Дж. Бруно родился въ 1548 г. въ итальянскомъ городѣ Нолѣ (въ Кампаніи), бывшемъ однимъ изъ главныхъ центровъ литературно-философскаго движенія того времени, благодаря ученой дѣятельности тамъ такихъ знаменитостей, какъ Понтанъ и Лаврентій Валла. Первоначальное воспитаніе Бруно получилъ у своего отца, который имѣлъ хорошее литературное образованіе и былъ другомъ извѣстнаго поэта Танзилла. Отецъ готовилъ Бруно въ духовное званіе и для дальнѣйшаго образованія отправилъ своего 10—11-лѣтняго сына въ Неаполь, гдѣ въ 1563 г. Бруно вступилъ въ доминиканскій орденъ и оставался въ немъ до 1576 года. Уже въ это время молодой монахъ навлекъ на себя подозрѣніе въ еретичествѣ тѣмъ, что удалилъ изъ своей кельи всѣ иконы, кромѣ Распятія, и вмѣсто житій святыхъ предпочиталъ чтеніе отцевъ церкви и философскихъ книгъ. Впрочемъ, это не помѣшало Бруно сдѣлаться въ 1572 г. священникомъ монастыря Св. Варооломея (въ Кампаніи), откуда онъ былъ переведимъ потомъ въ теченіе трехъ лѣтъ въ другіе монастыри на короткое время, пока снова не воротился въ Неаполь. Здѣсь противъ Бруно скоро возникло подозрѣніе въ сочувствіи арианству, такъ что молодому монаху предстояла серьезная опасность попастьъ суду

почитателей Бруно обратилось ко всѣмъ почти учено-литературнымъ знаменитостямъ Европы съ просьбою принять участіе въ торжествѣ публичными чтеніями и литературными трудами о Бруно. У насъ въ Россіи это приглашеніе сочувственно приняли Московское психологическое общество и Нѣвдороссійскій университетъ. 10 февраля 1885 года читали публичныя лекціи о Бруно: въ Москвѣ—Троицкій и Стороженко, въ Одессѣ—Гротъ. Лекціи Троицкаго и Стороженко намъ неизвѣстны, но Н. Я. Гротъ напечаталъ свое чтеніе въ Запискахъ Новороссійскаго университета (т. 41-й) и издалъ отдѣльною брошюрою. За би-

инквизиціи и бытъ приговореннымъ къ сожеженію. Удалившись тайно изъ доминиканскаго монастыря, Бруно ушелъ въ Римъ, гдѣ былъ принятъ въ монастырь della Minerva. Но неаполитанскіе инквизиторы преслѣдовали Бруно и въ Римѣ, обвиняя его между прочимъ и за то, что онъ читалъ Іеронима и Златоуста съ примѣчаніями Эразма. Тогда Бруно бѣжалъ изъ Рима, и съ этого времени велъ кочевую жизнь, странствуя по разнымъ городамъ Европы. Сначала онъ путешествовалъ по итальянскимъ провинціямъ, потомъ въ 1577 г. удалился въ Женеву, гдѣ получилъ ученый дипломъ *magister artium* и каѳедру философіи при университетѣ. Въ 1579 г. онъ прибылъ въ Парижъ, гдѣ занимался сначала литературною дѣятельностію, а потомъ получилъ профессуру въ Сорбоннѣ. Здѣсь Бруно имѣлъ такой успѣхъ, что даже самъ король французскій Генрихъ III пожелалъ познакомиться съ молодымъ философомъ, особенно заинтересовавшись его ученіемъ о познаніи, чѣмъ подалъ Бруно поводъ издать обширное сочиненіе «о методѣ и искусствѣ познанія и мысленія», посвященномъ королю, которому Бруно посвятилъ и другое сочиненіе свое «О тѣняхъ идей».—Вслѣдствіе политическихъ безпорядковъ Бруно удалился изъ Парижа въ 1583 г. и прибылъ въ Лондонъ, снабженный отъ короля рекомендательнымъ письмомъ къ французскому посланнику Мишель-де-Кастельно. Самъ ученый и литераторъ, чуждый религіозной нетерпимости, Кастельно радушно принялъ философа и предоставилъ ему всѣ средства заниматься литературными работами. Пользуясь досугомъ, Бруно написалъ здѣсь главнѣйшія изъ своихъ сочиненій: «Вечеръ въ Великую Среду», «О безконечномъ, универсѣ и мірахъ», «Изгнаніе торжествующаго звѣря», «О героической любви», «Кабала» (первыя три посвящены Кастельно). Нѣсколько разъ пытался Бруно распространить свои философскія идеи посредствомъ лекцій и диспутовъ въ университетѣ, но не имѣлъ успѣха: здѣсь еще во всей силѣ царилъ схоластика и Аристотель считался непогрѣшимымъ. Въ Лондонѣ Бруно познакомился со многими учеными знаменитостями того времени, былъ даже представленъ Елизаветѣ и нашелъ хорошій пріемъ. Такъ продолжалось до 1585 г., когда Кастельно былъ отозванъ въ Парижъ, куда вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ прибылъ и Бруно. Но политическія волненія снова заставили Бруно покинуть Парижъ. Въ 1586 г. онъ отправился въ Германію: въ Виттенбергскомъ университетѣ ему пре-

блиографическою рѣдкостью сочиненій Бруно, Н. Я. Гротъ пользовался только новѣйшими статьями европейскихъ ученыхъ въ иностранныхъ журналахъ. Какъ всѣ вообще похвальные списки, статьи эти не свободны отъ преувеличеній и другихъ юбилейныхъ крайностей. Не свободна отъ нихъ и брошюра Грота. Заявляя себя поклонникомъ и послѣдователемъ Бруно, т.-е. пантеистомъ-гилозонистомъ, Гротъ ставитъ итальянскаго поэта-философа слишкомъ высоко, выше всѣхъ новѣйшихъ философовъ.

доставлена была полная свобода преподаванія своей философіи. Но этою свободою Бруно пользовался только два года. По смерти Христіана I кальвинисты, захвативъ въ свои руки политическую власть, заставили Бруно покинуть Виттенбергъ. Побывавъ въ Прагѣ и Гелмштадтѣ, Бруно прибылъ въ апрѣлѣ 1590 г. во Франкфуртъ-на-Майнѣ. Здѣсь философъ свелъ знакомство, оказавшееся для него потомъ роковымъ, съ однимъ знатнымъ и богатымъ венеціанцемъ—Джовани Мочениго, который сдѣлался покровителемъ, другомъ и ученикомъ Бруно въ надеждѣ узнать отъ него искусство изобрѣтеній и тайныя науки. Посѣтивъ съ своимъ покровителемъ Цюрихъ и Падуу, Бруно прибылъ потомъ въ Венецію (въ 1591 г.) и жилъ у Дж. Мочениго, вращаясь среди тамошнихъ литературныхъ знаменитостей и занимаясь систематическою обработкою своихъ философскихъ идей, которую онъ намѣревался представить папѣ, чтобы получить прощеніе и позволеніе остаться въ священническомъ санѣ въ доминиканскаго ордена. Но суевѣрный Мочениго, не найдя у Бруно того, что предпологалъ, рѣшилъ выдать своего учителя тайной инквизиціи. Бруно уже ранѣе предчувствовалъ это и собрался удалиться во Франкфуртъ. Но Мочениго ночью напалъ на соннаго Бруно, связалъ его и предалъ въ руки венеціанской инквизиціи 23 мая 1592 г. Предъ судомъ Бруно не отрекся отъ своихъ философскихъ воззрѣній, которыя онъ представилъ суду въ краткомъ и систематическомъ очеркѣ. Бруно отдѣляетъ философію отъ богословія и раскрываетъ философскія идеи не касаясь религіи и не нападаетъ на нее. 3 июня Бруно далъ инквизиціи отвѣтъ, что хотя онъ и высказывалъ прежде нѣкоторыя еретическія мнѣнія, но никогда не отвергалъ спасительности таинствъ и всегда стремился снова воротиться въ лоно церкви, убѣжденный въ вѣрности мученій, ожидающихъ нераскаянныхъ грѣшниковъ,—что онъ, желая воссоединиться съ церковію, отрекается отъ своихъ прежнихъ ересей и искренно раскаивается въ нихъ,—что онъ готовъ за спасеніе своей души принять эпитимію, какъ бы она ни была тяжела. Просидѣвъ два мѣсяца въ одиночномъ заключеніи, Бруно на коленяхъ молилъ Бога и судей о прощеніи, обѣщая исправиться, если ему оставить жизнь. Быть-можетъ философъ и получилъ бы прощеніе въ венеціанскомъ судѣ, еслибы папа не потребовалъ его въ Римъ. Въ виду чистосердечнаго раскаянія Бруно въ своихъ религіозныхъ заблужденіяхъ, ему и здѣсь готовы были уже дать помилованіе. Но инквизиторы, кромѣ того, требовали отъ Бруно, чтобы онъ публично отрекся отъ всѣхъ своихъ философскихъ

Впрочемъ, занятый болѣе изложеніемъ своего философскаго *credo*, одесскій профессоръ не далъ обстоятельнаго, систематическаго и отчетливаго представленія о философскихъ воззрѣніяхъ Джіордано Бруно. Считаемо по этому не лишнимъ познакомиться русскую читающую и размышляющую публику съ философскою системою Бруно въ очеркѣ болѣе подробномъ и цѣльномъ, а также дать воззрѣніямъ итальянскаго мыслителя оцѣнку болѣе безпристрастную и философско-историческую, независимо ни отъ какого философскаго *credo* или *non credo*. При составленіи очерка мы пользовались латинскими сочиненіями Бруно въ изданіи Гёрёпера, діалогомъ „О причинѣ, принципѣ и единомъ“ въ переводѣ съ итальянскаго на нѣмецкій Лассона (въ *Philosophische Bibliothek* v. Kirchmann, Bd. 53), обстоятельнымъ изложеніемъ содержанія прочихъ сочиненій Бруно съ обширными изъ нихъ выдержками у Бартольмэ (*Jordano Bruno par Christian Bartholmèss*, Paris, 1846) и кромѣ того систематическими обработками философіи Бруно у Гёрёпера (*Summa terminorum metaphysicorum Jordani Bruni Nolani, in opera latina* p. 421 sg.), Клеменса (*Giordano Bruno und Nicolaus von Cusa, v. Clemens*, Bonn, 1847), Карьера (*Die philosophische Weltanschauung der Reformationszeit*, Stuttgart, 1847), Риттера (*Geschichte der Philosophie*, Bd. IX) и Штöккля (*Stöckl, Geschichte des Philosophie der Mittelalters*, Mainz, 1866).

Извѣстные подъ названіемъ „возрожденія“ вѣка XV и XVI представляютъ намъ эпоху всеобщаго оживленія наукъ и искусствъ въ Европѣ послѣ продолжительнаго застоя ихъ подъ гнетомъ узкихъ схоластическихъ формъ и деспотизма вѣнскихъ

воззрѣній и написала опроверженіе противъ нихъ. Такъ какъ Бруно не хотѣлъ этого сдѣлать, то и былъ осужденъ на смертную казнь 9 февраля 1600 г. «Вы обнаруживаете болѣе страха, сказалъ онъ своимъ судьямъ, объявляя мнѣ смертный приговоръ, чѣмъ я, слушая его». У Бруно оставался еще семидневный срокъ, въ который онъ могъ избѣжать смерти, отречься отъ своей философіи. Но философъ хранилъ молчаніе. 17-го февраля онъ былъ сожженъ и пепель его разсыпана на четыре стороны. См. у Lasso'n'a, Einleitung.

авторитетовъ. Разорвавъ вѣковыя оковы схоластики, человѣчская мысль съ юношескою отвагою устремилась теперь къ свободному и самостоятельному изслѣдованію законовъ природы и вопросовъ философскихъ. Но еще не имѣя своего собственнаго выработаннаго метода, она не была въ состояніи твердыми шагами идти по пути научно-философскаго прогресса и подчинилась личному произволу каждаго мыслителя. Отсюда всеобщая умственная анархія, разнообразіе философскихъ школъ и взаимная борьба между ними—составляютъ отличительную черту умственной жизни того времени. При всемъ томъ нельзя не замѣтить двухъ общихъ направленій, въ которыхъ преимущественно работала тогда философская мысль. Это—всеобщая *раціоналистическая* и *пантеистическая* тенденція мыслителей эпохи возрожденія.

Борьба за свободу философствующаго разума противъ догматизма и деспотизма схоластики началась собственно изученіемъ подлинныхъ сочиненій Аристотеля, давшимъ возможность увидѣть искаженія идей греческаго философа въ рукахъ его средневѣковыхъ толкователей и поклонниковъ. Результатомъ этого изученія было появленіе новой подлинной философіи великаго Стагирита, оказавшейся не только различною, но и противоположною философіи его средневѣковыхъ комментаторовъ. Возникла упорная и ожесточенная вражда между защитниками той и другой, которая конечно не могла не компрометировать считавшійся дотолѣ неприкосновеннымъ авторитетъ Стагирита. Борьба противъ схоластическаго авторитета поднялась и съ другихъ сторонъ—со стороны поклонниковъ Платона, Зенона, Пифагора, Плотина и др. Главною сценою этой борьбы была родина Бруно—Италія. Какъ въ области религіозной въ лицѣ Савонароллы она представляетъ намъ борца противъ средневѣковыхъ традицій папства, такъ она же является предвѣстницею новаго философскаго духа и направленія, свободы мысли и широты изслѣдованія. Правда, схоластическая закваска умственнаго рабства оставалась еще и у мыслителей эпохи возрожденія; отрицая одни авторитеты, они по большей части подчинялись другимъ. Но изученіе классической литературы сообщало имъ и духъ классической свободы и широты мысли, такъ что та же Италія въ лицѣ Кардана, Телезія, Кампанеллы, Ванини представляетъ намъ

попытки поднаго отрѣшенія философствующаго разума отъ всякаго чуждаго ему авторитета.

Всеобщая пантеистическая тенденція мыслителей разсматриваемой эпохи была также наслѣдіемъ греческой, преимущественно стоической и новоплатонической философіи. Вліянію послѣдней особенно подпали тогдашніе натурфилософы: Порта Баптиста, Генрихъ Агриппа фонъ-Неттесгеймъ, Гельмонтъ и Парацельсъ. Гипотеза Коперника открыла для натурфилософіи еще болѣе широкій путь къ пантеизму. Препжній взглядъ на землю какъ центръ вселенной и на небо какъ объемлющій землю сводъ смѣнился теперь представленіемъ универса въ формѣ живаго организма, разчлененнаго на безконечное множество отдѣльныхъ, хотя и стоящихъ въ общей неразрывной связи, міровыхъ системъ съ своими солнцами и землями, съ своими центрами и небесами. Отсюда, далѣе, явилось стремленіе искать Бога не внѣ вселенной—на небѣ, но внутри самаго универса,—видѣть въ Богѣ субстанцію, принципъ и общій центръ міровой жизни. Такой пантеистическій характеръ имѣютъ системы всѣхъ, слѣдовавшихъ за Коперникомъ натурфилософовъ: Кеплера и особенно двухъ соотечественниковъ и почти современниковъ Бруно—Кардана и Телезія. Вообще едва ли будетъ преувеличеніемъ, если древне-элеатское изреченіе: „ἐν καὶ πᾶν“ мы поставимъ эпиграфомъ ко всѣмъ философскимъ системамъ эпохи возрожденія.

Указанныя особенности въ направленіи философской мысли вѣка Джіордано Бруно ясно отразились и на философіи послѣдняго. Онъ является выразителемъ и представителемъ общаго духа своей эпохи, т.-е. рационалистомъ и пантеистомъ. Сдѣлалъ ли онъ что-либо новаго въ этомъ направленіи, или же повторилъ и скомбинировалъ только то, что было извѣстно уже и ранѣе его—увидимъ послѣ изложенія его философской системы.

Философскія сочиненія Джіордано Бруно не представляютъ законченной и замкнутой въ себѣ системы, къ которой онъ отнѣсились бы какъ отдѣльныя части къ единому цѣлому. Поэтому, не имѣя возможности слѣдовать здѣсь за самимъ Бруно, мы отдѣльно изложимъ его ученіе о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ²⁾.

²⁾ Впрочемъ, въ Ватиканскомъ архивѣ быть-можетъ сохранилась рукопись Бруно, представленная папѣ, въ которой философъ кратко и систематично изложилъ свои воззрѣнія.

1. Ученіе о Богѣ ³⁾.

Приступая къ философскому раскрытію понятія о Богѣ, Бруно ставитъ себѣ слѣдующія два условія. Во 1-хъ, философія не должна и не можетъ изслѣдовать существо и природу Божества въ отрѣшенности отъ міра,—она не имѣетъ возможности говорить о Богѣ какъ сущемъ въ себѣ самомъ, какъ трансцендентной, внѣ міра живущей, сущности. Это—задача теологіи и дѣло вѣры, а не испытующаго разума философа. Для послѣдняго Богъ постижимъ лишь настолько, насколько онъ можетъ открываться разумному оку человѣка въ явленіяхъ міровой жизни, какъ въ своемъ зеркалѣ и отраженіи,—насколько вообще можно знать художника и творца по его произведенію. „Кто смотритъ на статую, говоритъ Бруно, тотъ не видитъ скульптора; кто созерцаетъ образъ Елены, тотъ видитъ не Апеллеса, но только произведеніе его гения, которое есть не сущность художника, а только проявленіе его сущности“. Такимъ образомъ философія познаетъ Бога не въ Его трансцендентной сущности, но въ Его имманентной міру дѣйственности ⁴⁾. Во 2-хъ, въ своихъ изысканіяхъ философъ обязанъ слѣдовать внушеніямъ собственнаго разума и непосредственной очевидности, а не авторитету какого-либо философа или религіи. Послѣдніе имѣютъ для него значеніе только второстепеннаго и вспомогательнаго средства ⁵⁾.

Какое же знаніе о Богѣ находитъ разумъ въ явленіяхъ міровой жизни?

Всѣ явленія міровой жизни, не будучи причинами себя самихъ, предполагаютъ свое начало и основаніе въ чемъ-либо другомъ. А какъ цѣпь конечныхъ причинъ нельзя продолжать въ безконечность, то нашъ разумъ, слѣдуя врожденному ему закону причинности, вынужденъ въ основу всѣхъ условныхъ явленій полагать безусловную сущность, какъ абсолютную первооснову и послѣднее первоначало всего условнаго бытія ⁶⁾.

³⁾ Почти все ученіе Бруно о Богѣ мы излагаемъ собственными словами философа.

⁴⁾ Von der Ursaché 46—49, Opp. lat. Gfrörer, II, 473—495.

⁵⁾ Opp. lat. I, 199. 299.

⁶⁾ Von der Ursache 49. Opp. lat. II, 15—30.

Это общее понятіе безусловнаго первоначала распадается у Бруно на два болѣе частныя понятія: *принципа* и *причины* бытія.

„Въ обыденной рѣчи, говоритъ Бруно, эти понятія часто употребляются одно вмѣсто другаго, но въ философскомъ языкѣ онѣ должны быть строго различаемы,—и принципъ не то же, что причина. Такъ напримѣръ точка есть принципъ линіи, но не причина производящая линію; *terminus a quo* есть принципъ движенія, между тѣмъ какъ причиною служитъ двигатель; верхняя посылка есть принципъ силлогизма, котораго причиною производящею служитъ мышленіе“ ⁷⁾).

Принципъ есть внутренняя, имманентная основа вещи, неотдѣлимая отъ ея бытія; это то, благодаря чему *возможна* вещь и безъ чего она немыслима, т.-е. ея форма и матерія. *Причина* есть то, благодаря чему вещь не только возможна, но и *дѣйствительно существуетъ*, т.-е. сила, приводящая въ дѣйствительность матерію и форму вещей, и потому она есть виѣ вещей и явленій пребывающая и отдѣлимая отъ нихъ, организующая все и устрояющая сила ⁸⁾). „Но, говоритъ Бруно, есть большое различіе между понятіемъ причины и принципа въ отношенія къ предметамъ природы и въ отношеніи къ Богу. Когда мы называемъ Бога верховнымъ принципомъ и верховною причиною, то разумѣемъ одну и ту же сущность, только въ разныхъ отношеніяхъ; когда же говоримъ о причинахъ и принципахъ въ природѣ, то беремъ различныя вещи и въ разныхъ отношеніяхъ“ ⁹⁾). Такимъ образомъ, какъ причина, Богъ все производитъ и устрояетъ, есть упорядочивающая вещи разумная сила, міровая душа и внутренній міровой художникъ или *natura naturans, causa causans*; какъ принципъ, онъ ⁷⁾ самъ становится всѣмъ, все производитъ изъ себя, всего себя реализируетъ въ формѣ бытія универса и есть *natura naturata, causa causata* ¹⁰⁾). Итакъ, Богъ является у Бруно въ одно и то же время и трансцендентнымъ и имманентнымъ по отношенію къ вещамъ; имманентнымъ, по-

⁷⁾ Von der Ursache, 50.

⁸⁾ Gfrörer, Summa term. metaph. Bartholmäss, II, 132; Clem 10.

⁹⁾ Von der Ursache 49.

¹⁰⁾ Bartholmäss, II, 333 up. I.

сколько онъ самъ становится вещами и есть всѣ вещи, какъ ихъ принципъ; трансцендентнымъ, поскольку онъ есть внѣ явленій пребывающая разумная причина ихъ, такъ же отличная отъ нихъ, какъ причина и производитель отличны отъ слѣдствія и произведенія. Онъ подобенъ кормчему, который, хотя и составляетъ часть движущейся массы корабля, неотдѣлимъ отъ нея и участвуетъ во всѣхъ ея движеніяхъ, но въ то же время по своей волѣ можетъ измѣнить ея движенія и управляетъ ими и потому отличенъ отъ прочей массы корабля,—или душѣ человека, которая хотя и неотдѣлима отъ тѣла, поскольку она живетъ вмѣстѣ съ нимъ и участвуетъ въ его состояніяхъ, но въ то же время и отлична отъ него, какъ управляющая имъ безтѣлесная сущность ¹¹⁾).

Раскрывая въ частности понятіе о Богѣ, какъ *первопричинѣ* міроваго бытія, Бруно различаетъ три вида причинъ, которыя въ сущности суть только одна первопричина: дѣйствующую, формальную и конечную. *Дѣйствующею* причиною Богъ является постольку, поскольку онъ, какъ внутренней, художественно дѣйствующій міровой разумъ, все приводитъ въ дѣйствительность, извнутри упорядочиваетъ матерію и вызываетъ различные роды и виды существъ. Взятая сама въ себѣ, въ отрѣшенности отъ причинъ формальной и конечной, дѣйствующая причина оказывается простою производительною силой, чисто дѣятельностію міровой души, поскольку эта дѣятельность можетъ быть разсматриваема нами сама въ себѣ, внѣ связи и отношенія къ плану и намѣренію субъекта дѣйствующаго. По отношенію къ продуктамъ своей дѣятельности она тоже, что безсодержательная сила мышленія въ человѣкѣ по отношенію къ порождаемымъ ею идеямъ и понятіямъ. Какъ такая чисто формальная и безсодержательная сила дѣйствія, дѣйствующая причина не можетъ существовать, но необходимо предполагаетъ основаніе и содержаніе своей дѣятельности, т.-е. она можетъ дѣйствовать только по напередъ существующей идеѣ дѣйствія, плану и намѣренію субъекта дѣйствующаго или міровой души, и потому она неотдѣлима отъ двухъ остальныхъ причинъ—формальной и конечной.

— — — — —
 Von der Ursache, 54 ср. Lasson, pp. 13, стр. 149—150; Bartholmäss, II, 134—135, 146 стр. I.

Формальная причина есть идеальное основаніе дѣятельности дѣйствующей, идея или форма и идеальное предсуществованіе дѣйствія. Такимъ образомъ міровая душа является не только силою переводить все возможное въ дѣйствительность, но и разумомъ, дѣйствующимъ по существующимъ въ немъ идеямъ. Какъ скульпторъ не можетъ произвести статуи, если онъ напередъ не имѣетъ идеи о ней, такъ же точно и художественно дѣйствующая душа универса не могла бы произвести всего стройнаго разнообразія міроваго бытія, еслибы она напередъ не владѣла идеями производимаго. Наконецъ, *конечная* причина есть конечная цѣль дѣйствія дѣйствующей, состоящая въ дѣйствительномъ осуществленіи идей и плановъ міровой души съ возможнымъ совершенствомъ. Она такъ же нераздѣльно связана съ дѣйствующею причиною, какъ и формальная, ибо безъ цѣли не можетъ быть разумнаго дѣйствія. Такъ всѣ эти три вида причинъ въ сущности суть только одна первопричина, одинъ разумно дѣйствующій въ мірѣ художникъ. „Различные философы, говоритъ Бруно, давали различныя наименованія этой причинѣ... Мы же назовемъ ее внутреннимъ художникомъ, т.-е. такимъ, который изнутри образуетъ матерію, изъ корня и зерна гонитъ стволы и отростки, изъ отростковъ—вѣтви, изъ вѣтвей—сучья, изъ сучьевъ почки; распредѣляетъ и изнутри начинаетъ нѣжную ткань листьевъ, цвѣтовъ и плодовъ и обратно изъ цвѣтовъ, плодовъ и листьевъ гонитъ сокъ къ вѣтвямъ и стволу, а изъ ствола—къ корню. Чтò производитъ этотъ внутренній работникъ въ растеніяхъ, тоже самое совершаетъ онъ и въ животныхъ и во всѣхъ вещахъ ¹²⁾).

Надъ чѣмъ же работаетъ этотъ внутренній міровой художникъ и изъ чего производитъ онъ все безконечное разнообразіе формъ міровой жизни? Основаніемъ или матеріаломъ, изъ котораго Богъ производитъ всѣ вещи, служить его же собственная природа. Самъ Богъ, какъ причина, реализируетъ или эксплицируетъ себя въ многообразіи конечныхъ вещей и становится ихъ *перво-принципомъ*. Это саморазвитіе или самоэкпликація Бога, какъ принципа міровой жизни, распадается, по ученію Бруно, на два момента—*форму* и *матерію*, силу пассивную и активную.

¹²⁾ Von der Ursache 51—54; ср. Barth. 133; Carrier, 411—417.

„Долгое время, говорить Бруно, я былъ послѣдователемъ тѣхъ философовъ, которые формы считаютъ только случайными качествами природы. Но потомъ внимательнѣе и зрѣлѣе обмысливъ, я нашелъ, что въ природѣ должно признать два вида субстанцій (т.-е. принциповъ индивидуальныхъ вещей): форму и матерію. Если должно признать силу начальственную, источникъ дѣятельности и дѣйствительности всѣхъ вещей, то нужно также признать и соответствующій ей субстратъ, въ которомъ сосредоточена страдательная сила всѣхъ вещей; въ той заключается способность дѣйствовать, въ этой—способность воспринимать дѣйствіе. Какъ форма, такъ и матерія суть силы; но сила одной состоитъ въ томъ, чтобы все производить, сила другой—всѣмъ быть“¹⁴⁾. Такимъ образомъ всѣ явленія міровой жизни, по учению Бруно, суть результатъ дѣйствія двухъ силъ: пассивной или матеріи, служащей принципомъ возможности бытія вещи, и активной или формы, служащей принципомъ дѣйствительнаго существованія вещи.

Что касается въ частности до *матеріи*, то, говоритъ Бруно, чтобы опредѣлить ее и выдѣлить изъ формы, обыкновенно обращаются къ сравненію природы съ искусствомъ. Какъ въ произведеніяхъ искусства одинъ и тотъ же матеріалъ можетъ принимать разнообразный видъ въ рукахъ искуснаго художника, такъ и въ произведеніяхъ природы одинъ и тотъ же безформенный и безкачественный матеріалъ лежитъ въ основаніи безконечнаго разнообразія формъ міровой жизни¹⁵⁾. Изъ сѣмени выростаетъ трава, колось, зерна. Зерно дѣлается хлѣбомъ, обращается въ кровь, потомъ въ сѣмя. Изъ сѣмени образуется человекъ, потомъ трупъ, земля, камень и т. д. Въ основаніи всѣхъ этихъ измѣненій должно лежать нѣчто такое, что, постоянно измѣняясь и принимая различныя формы, само остается неизмѣннымъ и только способнымъ ко всѣмъ измѣненіямъ. Какъ скоро мы выдѣлимъ изъ этого нѣчто всѣ текуція и измѣнчивыя формы феноменальнаго бытія, у насъ останется простая потенція или субстратъ, сила возможности всѣмъ быть. Этотъ субстратъ природы не ~~можетъ~~ быть тѣлесною субстанціею, ибо

¹⁴⁾ Von der Ursache, 74; Barth. 136; Carrier, 420.

¹⁵⁾ Von der Ursache 76—77.

предикать тѣлесности есть качественность и постоянная измѣняемость, предполагающія неизмѣняемое и безкачественное основаніе. Это, однимъ словомъ, есть безпредѣльная, безформенная, воспринимаемая однимъ умомъ, но не чувствами, пассивная сила бытія или матерія ¹⁶⁾. Какъ сила возможности бытія, она лежитъ въ основѣ всякой дѣйствительности; ибо все, что есть въ дѣйствительности, необходимо должно быть возможнымъ, такъ какъ невозможное не бываетъ. Поэтому матерія служитъ общимъ основаніемъ не только міра чувственного, но и духовнаго. Эту мысль Бруно основываетъ на понятіи порядка, связности и единства бытія, предполагающимъ общій принципъ, каковымъ можетъ быть только безкачественная матерія, а отнюдь не форма, служащая принципомъ многообразія и качественности. „Невозможно, говоритъ Бруно, спорить съ тѣмъ, что какъ все чувственное предполагаетъ субстратъ чувственно-ощущаемаго, такъ все духовное предполагаетъ субстратъ интеллектуальнаго. Поэтому должно быть нѣчто, что соотвѣтствуетъ общему понятію обоихъ субстратовъ. Всякое существо основывается на какомъ-либо бытіи, исключая верховнаго существа, которое тождественно съ своимъ бытіемъ, потому что его возможность есть и его дѣйствительность, ибо оно есть все, что можетъ быть“ ¹⁷⁾. Какъ и чувственный міръ, интеллектуальный и духовный имѣетъ разнообразныя формы, предполагающія ту же безформенную возможность бытія или матерію, которая служитъ субстратомъ и чувственного бытія ¹⁸⁾. Оба міра слѣд. различаются не матеріей, но формою ¹⁹⁾. Какъ человѣкъ и левъ при формальномъ различіи имѣютъ общую животную и тѣлесную природу, такъ точно и міръ чувственный и сверхчувственный различаются только тѣмъ, что одна и та же матерія *здѣсь* является подъ опредѣленіемъ одной неизмѣнной формы и *заразъ* есть все въ дѣйствительности, чѣмъ она можетъ быть, а *тамъ* она является подъ опредѣленіемъ формы протяженія, дѣлимости, послѣдовательнаго развитія во времени и постоянной измѣняемости. Тогда какъ въ Богѣ матерія без-

¹⁶⁾ Von der Ursache, 77—78; Carrier, 421—422; Barth. 136.

¹⁷⁾ Von der Ursache, 102—103.

¹⁸⁾ Von der Ursache, 184.

¹⁹⁾ Barth. 142.

предѣльна и неограниченна, въ чувственныхъ и тѣлесныхъ видахъ она ограничена частными формами ²⁰⁾). Принимая въ условныхъ вещахъ различныя формы, становясь протяженною, дѣлимою и ограниченною, матерія въ себѣ самой однакоже остается недѣлимою, тождественною себѣ, неизмѣнною, не протяженною и безпредѣльною силою возможности всѣмъ быть. Это впрочемъ не даетъ права видѣть въ ней чистую и абсолютно пассивную возможность, какъ *prope nihil* или *μη ον* нѣкоторыхъ философовъ. Напротивъ матерія есть настолько же реальная сила, какъ и форма, и не абсолютно лишена послѣдней, но носить въ себѣ зародыши или потенціи всего безконечнаго разнообразія дѣйствительныхъ формъ, такъ что матерія развиваетъ ихъ изъ себя самой, а не получаетъ ихъ отъиному. Не будучи сама опредѣлена никакою формою въ отдѣльности, она имѣетъ всѣ формы въ возможности и принимаетъ ихъ въ дѣйствительности: *nullas habet dimensiones, ut omnes habeat*. Подобно засѣянной нивѣ, матерія носить въ своемъ нѣдрѣ всѣ зародыши и сѣмена формъ и только ждетъ плодотворнаго дождя, чтобы произвести все скрытое внутри ея богатство дѣйствительнаго бытія. Она—чреватая или беременная безконечнымъ разнообразіемъ формъ міровой жизни, но еще не родившая ихъ ²¹⁾). Она подобна землѣ во время ночи, скрывающей предметы, пока солнце не освѣтитъ ихъ ²²⁾). Въ противномъ случаѣ, т.-е. еслибы матерія не заключала въ себѣ всѣхъ зародышей формъ, откуда появилось бы все разнообразіе бытія дѣйствительнаго? Какимъ образомъ матерія могла бы стать всѣми формами въ дѣйствительности, еслибы она не была всѣми ими въ возможности? ²³⁾.

Чтобы безконечное разнообразіе индивидуальнаго бытія изъ зародышнаго и потенціального состоянія въ лонѣ матеріи перешло въ дѣйствительность, для этого необходимъ второй принципъ бытія—сила активная или *форма*, опредѣляющая саму въ себѣ неопредѣленную и безкачественную матерію. Какъ въ произведеніяхъ искусства, напр. въ скульптурѣ, необдѣланный мраморъ

²⁰⁾ Von der Ursache 106—109; Carrier, 425—426; Clemens 16—17.

²¹⁾ Von der Ursache, 81—88; Barth. 142—143; Clemens 7.

²²⁾ Von der Ursache 110—111.

²³⁾ Von der Ursache 112—115.

морѣ становится дѣйствительною статуей только тогда, когда художникъ сообщаетъ ему идеально содержащуюся въ его умѣ форму, такъ и въ природѣ всѣ различія и опредѣленности индивидуальныхъ бытій могутъ явиться въ дѣствительности только подъ опредѣленіемъ различныхъ формъ. Такимъ образомъ, какъ въ произведеніяхъ искусства, такъ и въ произведеніяхъ природы форма является необходимымъ условіемъ и принципомъ дѣйствительности. Въ природѣ есть много различныхъ родовъ формъ: формы элементарныя (напр. огня, воды) и сложныя (послѣднія одухотворяютъ и приводятъ въ единство и гармонію цѣлаго части сложныхъ и составныхъ тѣлъ), растительныя, животныя, интеллектуальныя ²⁴⁾. Каждая изъ нихъ съ своей стороны концентрируется при посредствѣ матеріи въ безконечномъ разнообразіи индивидуумовъ ²⁵⁾. Однакоже всѣ эти частныя виды и роды формъ суть проявленія одной общей первоформы, къ которымъ эта послѣдняя относится какъ субстанція къ своимъ модусамъ и акциденціямъ. Тогда какъ всѣ частныя формы постоянно измѣняются, общая и единая первоформа остается всегда себѣ равной и неизмѣнною субстанціей ихъ. Какъ и первоматерія, эта первоформа не есть пустая абстракція, теряющаяся въ частныхъ формахъ индивидуальныхъ вещей, но реально дѣйствующая активная сила, опредѣляющая безформенную первоматерію; она есть индивидуумъ, душа универса въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ, по отношенію къ которой Богъ, какъ общая безразличная въ себѣ міровая субстанція, является душою этой души міра ²⁶⁾. Проявляясь въ безконечномъ разнообразіи формъ индивидуальныхъ, эта первоформа проникаетъ и оживотворяетъ всю природу, какъ въ ея цѣлости, такъ и во всѣхъ ея частяхъ; ибо все, что существуетъ, можетъ существовать только подъ опредѣленіемъ общей первоформы. Какъ всеобщая міровая душа и активная сила бытія, эта первоформа, въ ея отрѣшенности отъ формъ частныхъ, очевидно совпадаетъ у Бруно съ понятіемъ причины дѣйствующей и неразрывно связанныхъ съ послѣдней—формальной и

²⁴⁾ Von der Ursache 61--64.

²⁵⁾ ibid. 65.

²⁶⁾ ibid. 66; Barth. 103; Clemens 29.

конечной. Отсюда первоформа у Бруно получает тѣ же опредѣленія и атрибуты, какъ и первопричина, т.-е. она является у него разумною силой, художественно дѣйствующимъ міровымъ разумомъ, *natura naturans, causa causans* или *efficiens*, по отношенію къ которой матерія подъ опредѣленіемъ частныхъ формъ есть *natura naturata* или *causa causata* ²⁷⁾.

Итакъ, всѣ разнообразныя виды причинъ и принциповъ въ концѣ концовъ сводятся у Бруно ко двумъ общимъ и основнымъ принципамъ бытія: формѣ или духу, активному принципу разумности и идеальности бытія, — и матеріи или тѣлу, пассивному принципу возможности и реальности бытія. Разумъ и мышленіе есть главное свойство формальнаго принципа, протяженіе — общее свойство самой въ себѣ безкачественной и неопредѣленной матеріи. Таково различіе между этими двумя принципами міроваго бытія. Спрашивается: есть ли это различіе субстанціальное, или же только абстрактно-логическое? Суть ли форма и матерія двѣ противоположныя субстанции, такъ что міровая жизнь является результатомъ ихъ борьбы и постоянного осидиванія первою послѣдней, какъ думали древніе философы? Бруно рѣшительно отвергаетъ субстанціональную противоположность между формою и матеріей. Какъ та, такъ и другая, по его ученію, суть силы и потому могутъ имѣть только логическое и качественное различіе въ своихъ проявленіяхъ въ области условно-феноменальнаго бытія. Сами же въ себѣ, въ отрѣшенности отъ своихъ частныхъ проявленій, онѣ необходимо предполагаютъ одна другую и вмѣстѣ совпадаютъ въ безразличное единство общей первосубстанции бытія. Что форма, какъ принципъ дѣйствительности, не можетъ существовать и быть мыслима безъ матеріи, какъ принципа возможности, это необходимо слѣдуетъ изъ положенія Аристотеля, что невозможное не бываетъ. Точно также и матерія, какъ возможность всѣмъ быть, не можетъ существовать раньше и безъ силы все произвести, ибо тогда возможное стало бы дѣйствительнымъ прежде чѣмъ явился принципъ дѣйствительности. Такимъ образомъ только въ абстракціи можно раздѣлять форму и матерію, въ дѣйствительности же онѣ представляютъ реальный синтезъ бытія, одну нераздѣльную первооснову бытія ²⁸⁾.

²⁷⁾ Von der Ursache, 97.

²⁸⁾ Von der Ursache 65—67. 116—117.

Это-то высшее единство и реальный синтезъ всѣхъ принциповъ бытія и есть то, что Бруно называетъ *Богомъ*, послѣднимъ и безусловнымъ первоначаломъ бытія или абсолютною *первосубстанціей*. Въ противоположность всему условному, измѣнчивому и качественно-опредѣленному Богъ или абсолютная субстанція пребываетъ неизмѣнною, всегда себѣ равною и тождественною сущностью, ибо иначе Онъ не былъ бы бытіемъ абсолютнымъ и послѣднимъ первоначаломъ всего. Онъ не можетъ имѣть никакихъ частныхъ опредѣленій и предикатовъ, ибо тогда онъ подпалъ бы подъ категорію бытія ограниченного и частнаго. Абсолютная первосубстанція есть безразличная всеобщность и совершеннѣйшее единство всѣхъ различій. Она есть все заразъ, въ абсолютномъ единствѣ и безразличіи. Она не есть ни матерія, ни форма въ отдѣльности, ибо если бы она была чѣмъ-либо однимъ, тогда она ограничивалась бы другимъ, какъ внѣ ея даннымъ и независимымъ отъ нея бытіемъ. Она есть заразъ и матерія и форма: матерія, поскольку въ ней все дѣйствительное возможно, — форма, поскольку въ ней все возможное дѣйствительно. Такимъ образомъ субстанція есть заразъ дѣйствительность всего возможнаго, — сила дѣятельная и страдательная, — причина все производящая и основаніе всѣмъ становящееся, — познаніе, познающее и познаваемое, — субъектъ и объектъ, мышленіе и бытіе, свобода и необходимость, движеніе и покой, холодъ и теплота, центръ и периферія, — абсолютное добро, совершенство, любовь, благость, высочайшій разумъ, и т. д. Однимъ словомъ Богъ или первосубстанція есть абсолютная полнота бытія въ единствѣ и множествѣ, — безразличная дѣйствительность всего возможнаго, — тождество всѣхъ различій и противоположностей условнаго и частнаго бытія. Всякая частная вещь есть то, чѣмъ она можетъ быть только какъ эта опредѣленная вещь, и притомъ не заразъ, а въ послѣдовательности времени и развитія, — и въ каждый данный моментъ она есть только то, чѣмъ можетъ-быть именно въ этотъ одинъ моментъ и притомъ въ отдѣльности отъ другихъ частныхъ вещей, наряду съ которыми она существуетъ. „Такъ напр. солнце, говоритъ Бруно, не можетъ быть луною или другою какою-либо вещью. Притомъ въ каждый частный моментъ своего бытія оно не есть все то, чѣмъ можетъ-быть солнце, потому что когда оно находится на востокѣ,

тогда его нѣтъ ни на западѣ, ни на югѣ, ни въ другихъ пунктахъ неба. Если сравнивать Бога съ солнцемъ, то должно сказать, что оно есть все, чѣмъ оно можетъ быть,—что одновременно оно и на востокѣ, и на западѣ, и на сѣверѣ, и на югѣ и вообще въ какомъ угодно пунктѣ земнаго шара. Такъ какъ это верховное солнце, будучи всѣмъ, чѣмъ оно можетъ быть, и обладая всѣмъ, чѣмъ способно обладать, никогда не присутствуетъ (actualiter) въ какомъ-либо одномъ пунктѣ безъ возможности (possibilititer) быть во всѣхъ другихъ: то оно всегда и одновременно присутствуетъ вездѣ и во всемъ, такъ что является подвижнымъ и быстрымъ, но въ то же время постояннымъ и не подвижнымъ. Но абсолютное есть не только то, чѣмъ можетъ-быть солнце, но и то, что есть и чѣмъ можетъ-быть каждая частная вещь,—оно есть всѣхъ возможностей возможность, всѣхъ дѣйствительностей дѣйствительность, всѣхъ жизней жизнь, всѣхъ душъ душа, всѣхъ сущностей сущность. Посему въ откровеніи Богъ называется *Сый*. Все многообразное и противоположное въ Немъ тождественно, и всякая вещь въ немъ одно. Онъ стоитъ выше различій какъ времени и мѣста, такъ и дѣйствительнаго и возможнаго, потому что для него нѣтъ стараго или новаго, ни возможнаго или дѣйствительнаго. Посему въ откровеніи онъ называется: „первый и послѣдній“⁴. Однимъ оловомъ Богъ есть абсолютная complicatio бытія, ибо все частное объемлетъ въ себѣ complicité—въ полномъ единствѣ и безразличіи²⁹).

Такимъ мы должны представлять Бога, если онъ есть неограниченная и безусловная основа условнаго и ограниченнаго бытія. „Нашъ разумъ, говоритъ Бруно, не можетъ понять, какимъ образомъ нѣчто можетъ быть однимъ и въ то же время всѣмъ сразу, и потому наше познаніе ограничивается въ этомъ случаѣ только аналогіями и сравненіями и никакимъ образомъ не можетъ уяснить то, что несравнимо, неизмѣримо, необъятно и единственно³⁰). Такое понятіе о субстанціи пріобрѣтается не дискурсивнымъ разсудочнымъ мышленіемъ и путемъ умозаключеній, но есть дѣло непосредственнаго воззрѣнія ума — высшей познавательной способности; оно не есть отвлеченіе мышленія отъ яв-

²⁹) Von der Ursache 89—92. 122—123. Cp. Clemens 19—20. 7--10.

³⁰) Opp. lat. 473. Sq. Barth. 140.

лейшій опыта, но дано а priori и само служить условіемъ мышленія, познанія и опыта ²¹⁾). Эта первосубстанція есть общій центръ міровой жизни, въ которомъ какъ лучи въ фокусъ собираются и объединяются всѣ различія и противоположности феноменальнаго бытія. Это не есть абстрактная всеобщность понятія, выведенная путемъ отвлеченія отъ частныхъ явленій и теряющаяся въ нихъ, но реальная сила и дѣйствительная сущность, живой индивидуумъ, душа универса, сколько живущая въ явленіяхъ міровой жизни, столько же и пребывающая внѣ и выше ихъ ²²⁾.

II. Ученіе о мірѣ.

Какъ живая и реально-дѣйственная сущность, Богъ отъ вѣчности въ силу внутренней необходимости своей природы изъ абсолютнаго единства и компликативнаго бытія въ себѣ эксплицируетъ или открываетъ себя посредствомъ формы и матеріи въ противоположностяхъ и многообразіи бытія въ универсѣ. Всѣ вещи въ мірѣ въ своей совокупности, какъ модусы и акциденціи формы и матеріи, этихъ нераздѣльныхъ моментовъ или атрибутовъ абсолютной субстанціи, выражающихъ всю полноту ея жизни и внутренней природы, составляютъ экспликативную дѣйствительность всего возможнаго. Поэтому міръ есть *экспликативная полнота компликативной полноты бытія Бога*. Богъ и міръ—одна и таже величина только въ различной формѣ бытія. Все, что есть въ Богѣ, есть и въ мірѣ, но въ Богѣ все въ безразличіи и единствѣ, а въ мірѣ въ многообразіи и множественности; Богъ есть міръ въ формѣ компликативной, міръ есть Богъ въ формѣ экспликативной. Какъ Богъ пребываетъ во всѣхъ вещахъ, такъ равно и всѣ вещи существуютъ въ Богѣ. Какъ Богъ, будучи заразъ матеріей и формой, есть дѣйствительность всего возможнаго, такъ и міръ, какъ осуществленіе всѣхъ возможныхъ частныхъ различій, заключенныхъ въ матеріи въ видѣ потенцій, есть также дѣйствительность всего возможнаго. Но въ Богѣ все дано заразъ и въ единствѣ, такъ что въ каждый

²¹⁾ Von der Ursache, 93.

²²⁾ Grörer II, 555—558; Summa terminorum 421 sq.

данный моментъ онъ есть все сразу; міръ же есть все въ многообразіи, опредѣленности и ограниченности индивидуальныхъ вещей и во временномъ развитіи. Такимъ образомъ между Богомъ и міромъ только формально-логическое, а не субстанціальное различіе. Самъ въ себѣ безразличный и неограниченный никакою частною формою, въ мірѣ Богъ становится раскрывающимся въ процессъ развитія и быванія ³⁸⁾).

Какъ постепенное, совершающееся во времени и пространствѣ раскрытіе (экспликація) всей полноты божественной сущности, міръ является *живымъ организмомъ*, одушевленнымъ не только во всей своей цѣлостности, но и во всѣхъ своихъ частяхъ. Перехода изъ *бытія въ себѣ* въ форму *бытія—универса*, субстанція развивается въ мірѣ, какъ душа въ своемъ организмѣ или зерно въ деревѣ. Если такимъ образомъ универсъ есть органическое развитіе единой міровой души, то онъ долженъ быть мыслимъ по аналогіи съ животнымъ. Общая первоформа есть общія міровая душа; частныя же формы, какъ проявленія единой первоформы, суть души индивидуальныхъ вещей. Такъ всѣ вещи въ мірѣ, отъ звѣздъ до минераловъ, суть одушевленные, живыя и органически развивающіяся существа, „Столь, говоритъ Бруно, какъ столь, одежда какъ одежда, стекло какъ стекло конечно неодушевлены. Но какъ естественныя и сложныя вещи, они необходимо имѣютъ въ себѣ матерію и форму. Какъ бы мала и ничтожна ни была вещь, она имѣетъ въ себѣ часть духовной субстанціи, той живой божественной силы, которая одушевляетъ всю природу, — она слѣдовательно состоитъ изъ живыхъ частей. Жизнь, заключенная въ неодушевленныхъ предметахъ, находится какъ бы въ скрытомъ состояніи и нуждается только въ благоприятныхъ условіяхъ, чтобы изъ бездушнаго повидимому состоянія перейти въ форму растенія или животнаго, вообще организоваться въ какое угодно тѣло, которое считается одушевленнымъ. Такимъ образомъ всѣ безъ исключенія вещи имѣютъ въ себѣ душу и жизнь, но только по субстанціи, а не по дѣятельности“. Эту мысль Бруно доказываетъ нѣкоторыми наглядными примѣрами. Такъ благородные металлы и драгоценныя камни дѣйствуютъ не только на наше тѣло, но и на нашу душу, вы-

³⁸⁾ Von der Ursache 123; Stöckl, III, 127—128.

зывая въ ней извѣстныя пожеланія и настроеніе, каковаго дѣйствія на нашъ духъ металлы и камни не могли бы производить, еслибы они были неодушевленные существа, потому что взаимодействие возможно только между однородными предметами³⁴⁾. Впрочемъ, хотя и всѣ вещи обладаютъ душою и жизнію, но не всѣ въ одинаковой мѣрѣ пользуются употребленіемъ души. Поэтому рядъ одушевленныхъ бытій въ природѣ отъ человѣка нисходитъ постепенно до существъ, имѣющихъ душу только въ потенціи. Такъ вездѣ въ природѣ разлита жизнь, всюду присутствуетъ единая міровая душа въ различныхъ формахъ и степеняхъ; міръ въ цѣломъ есть животное; его части—члены и органы этого животного, которое проникаетъ и въ которыхъ живетъ и развивается міровая субстанція, какъ душа въ своемъ тѣлѣ³⁵⁾.

Если универсъ есть Богъ только въ другой формѣ бытія, то онъ долженъ быть также и *безконеченъ*, но тоже въ другой формѣ. Какъ безконечный производитель, Богъ долженъ производить и безконечное произведеніе; какъ абсолютная дѣйствующая причина, онъ не можетъ ни на одинъ моментъ оставаться праздымъ, и потому его дѣятельность въ мірѣ продолжается въ безконечность; далѣе, какъ безконечное совершенство, благодать и любовь, Богъ желаетъ и безконечнаго проявленія себя въ безконечномъ числѣ существъ; наконецъ, какъ отображеніе безконечнаго Бога, міръ и самъ долженъ быть такъ же безконеченъ, какъ его первообразъ. Таковы положительныя доказательства, приводимыя Бруно въ пользу безконечности универса. Всѣ они сводятся къ тому, что допускать конечность міра значить ограничивать его абсолютную и неограниченную первопричину. Тоже самое доказываетъ онъ и путемъ отрицательнымъ,—отсутствіемъ основаній въ пользу конечности міра. Единственное основаніе, по мнѣнію Бруно, въ пользу ограниченности универса можетъ заключаться только въ показаніи вышнихъ чувствъ. Но чувства не даютъ намъ какого-либо общаго и опредѣленнаго центра и предѣла міра,—въ каждой данной точкѣ пространства для каждаго наблюдателя является свой центръ и предѣлъ, такъ

³⁴⁾ Von der Ursache, 60, Barth. 135.

³⁵⁾ Von der Ursache, 56 — 60. Подробнѣе эту мысль раскрываетъ Бруно въ отдѣльномъ сочиненіи: «De immenso et innumerabilibus».

что то, что служить границею и предѣломъ для одной вещи и для одного наблюдателя, совсѣмъ не таково для другихъ. Поэтому на основаніи показанія чувствъ скорѣе можно вывести обратное заключеніе, что въ природѣ вездѣ центръ и граница для каждой въ отдѣльности вещи и слѣдовательно нигдѣ ихъ нѣтъ для всего универса. Далѣе, если универсъ ограниченъ и внѣ его—ничто, то гдѣ же онъ находится и что ограничиваетъ его? Ничто, какъ несуществующее, не можетъ быть границею чего-либо существующаго. Не можетъ міръ находиться и въ безконечномъ пустомъ пространствѣ, ибо такого пространства, какъ чего-либо отдѣльнаго отъ матеріи, по ученію Бруно, нѣтъ,—а есть только безпредѣльная матерія и пространство, какъ ея общая форма въ мірѣ чувственномъ. Наконецъ, какое, спрашиваетъ Бруно, можно найти основаніе для ограниченія дѣятельности абсолютнаго конечнымъ проявленіемъ его абсолютной природы? Почему зеркало и отраженіе не могутъ быть такъ же безконечны, какъ и первообразъ? Безконечность универса однокже отлична отъ безконечности Бога. Универсъ безконеченъ въ томъ отношеніи, что онъ не имѣетъ пространственнаго ограниченія, что его процессъ никогда не начинался и никогда не окончится; но онъ состоитъ изъ ограниченныхъ и конечныхъ частей и подчиненъ условіямъ пространственнаго и временнаго развитія. Тогда какъ Богъ безконеченъ во всѣхъ отношеніяхъ, міръ безконеченъ только въ своей цѣлости и конеченъ въ частяхъ. Такимъ образомъ безконечность универса есть только тѣнь и отображеніе безконечности Бога ³⁶).

Существующій міръ не есть свободный актъ божественной воли, но дѣло внутренней потребности божественной природы и *необходимъ*, такъ что другой міръ кромѣ дѣйствительно существующаго невозможенъ. Какъ абсолютная дѣятельность, Богъ не можетъ не творить и оставаться празднымъ; какъ абсолютная любовь, добро и совершенство, Богъ не можетъ не проявлять своей природы на безконечномъ числѣ существъ и не изливать на нихъ своихъ благъ. Поэтому міръ отъ вѣчности и необходимо производится Богомъ и Богъ не мыслимъ безъ міра. И не только

³⁶) Von der Ursache, 140—142. 119—122, — Actotysmus 7. Gfr. II, fase. I, Barth. 150—153; Clemens 21—25; Carrier, 437—438.

необходимъ міръ вообще, по и въ частности этотъ существующій міръ. Это слѣдуетъ у Бруно съ одной стороны изъ понятія о божественной свободѣ воли, а съ другой изъ понятія о природѣ существующаго міра. Воля, по его учению, въ Богѣ состоитъ не въ произволѣ или свободѣ выбора, но въ слѣдованіи законамъ (своей внутренней природы и внутренней необходимости, такъ что свобода совпадаетъ въ Богѣ съ необходимостію. Приписывать же Богу свободу воли, значитъ приписывать ему несогласную съ его абсолютностію колеблемость и нерѣшительность. Богъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ того, что онъ дѣйствительно есть, а потому онъ не можетъ и не хочетъ ничего другаго, кромѣ того, что онъ дѣйствительно можетъ и хочетъ. Если Богъ произвелъ дѣйствительно существующій міръ, то это потому, что онъ дѣйствительно желалъ и могъ произвести только этотъ одинъ міръ и не могъ и не желалъ произвести другаго. Притомъ по самой природѣ своей существующій міръ таковъ, что другаго міра быть и не можетъ; ибо онъ есть дѣйствительность всего возможнаго въ компликативной формѣ бытія,—и потому допускать возможность другаго міра значитъ допускать возможность невозможнаго. Такимъ образомъ міръ, по учению Бруно, необходимъ морально и метафизически ³⁶⁾).

Изъ нравственной и метафизической необходимости міра слѣдуетъ его совершенство, состоящее въ томъ, что всѣ вещи въ немъ необходимы для стройности и совершенства цѣлаго универса. Несовершенства и кажущіеся недостатки въ мірѣ существуютъ только по отношенію къ частнымъ вещамъ и имѣютъ индивидуальный характеръ; въ міровомъ же цѣломъ все необходимо и имѣетъ значеніе въ общей гармоніи универса. Какъ тѣни необходимы въ картинѣ и диссонансы въ музыкѣ, такъ необходимы несовершенства и противоположности въ мірѣ, ибо совершеннѣйшая гармонія можетъ состоять только въ единствѣ частныхъ противоположностей и объединеніи индивидуальных различій, — безъ различій нѣтъ единства, слѣдовательно нѣтъ и гармоній. Подобно тому какъ не отдѣльный звукъ или цвѣтъ, но гармоническое сочетаніе многихъ цвѣтовъ и звуковъ въ одно стройное цѣлое услаждаетъ нашъ взоръ и слухъ, такъ же точно

³⁶⁾ Это ученіе раскрывается преимущественно въ De innumerabilibus, Cap. 11. 12.

только совпаденіе въ общее единство частныхъ различій и противоположностей (*condiscentia oppositorum*) можетъ произвести мировую гармонию. Какимъ образомъ всѣ частныя различія и противоположности совпадаютъ въ единство общей мировой гармоніи, это Бруно раскрываетъ посредствомъ нѣкоторыхъ сравненій и аналогій: бесконечно малая хорда и дуга сливаются; продолженная въ бесконечность кривая линия совпадаетъ съ прямою; бесконечно тупой уголъ дѣлается бесконечно острымъ; тепло и холодъ переходятъ одно въ другой и предѣлъ самой низкой теплоты есть и начало холода; каждая смерть есть рожденіе новаго и каждое рожденіе есть смерть стараго; любовь есть ненависть и наоборотъ, ибо любить то, что пріятно намъ, значитъ ненавидѣть то, что противно; не находятъ ли врачи противоядія въ ядѣ? Не доставляютъ ли исцѣленія непріятныя лѣкарства? Какъ всѣ указанныя противоположности примиряются въ своихъ высшихъ принципахъ, такъ и всѣ вообще противоположности условнаго бытія объединяются въ безусловномъ первопринципѣ ³⁷⁾.

Это совпаденіе въ Богѣ всѣхъ противоположностей и различій Бруно называетъ *гармонією* универса. Это не гармонія машины и механическаго согласія ея частей, но живаго органическаго единства въ живомъ многообразіи. Какъ въ живомъ организмѣ всѣ части и члены находятся въ постоянномъ взаимодействіи между собою, взаимно нуждаются другъ въ другѣ, всѣ одинаково необходимы и имѣютъ равное значеніе въ жизни цѣлаго организма, всѣ проникаются и оживляются одною общею душою: такъ точно всѣ вещи въ природѣ суть необходимые члены безконечнаго мирового организма, всѣ проникаются и приводятся въ стройное согласіе единою мировою душою ³⁸⁾.

Раскрывая посредствомъ матеріи и формы компликативную полноту *бытія въ себѣ* въ экспликативной формѣ *бытія въ универсѣ*, абсолютная субстанція прежде всего дробится на бесконечное число простыхъ и недѣлимыхъ *монадъ* или атомовъ. Концентрируясь и, такъ-сказать, сокращаясь въ нихъ, она чрезъ нихъ эксплицируется потомъ въ безконечномъ разнообразіи сложныхъ формъ мировой жизни. Монада поэтому составляетъ

³⁷⁾ Von der Ursache, 90. 131—134. Barth. 148; Carrier, 446—449, 434—439.

³⁸⁾ Von der Ursache, 135—136.

первичную и простѣйшую форму экспликаціи міровой субстанціи въ бытіи универса. Въ этомъ, кажется, смыслѣ нужно понимать связь монадологии Бруно съ его ученіемъ о единствѣ міровой субстанціи, хотя самъ онъ и не выясняетъ этой связи ³⁹).

По своей природѣ монада есть *недѣлимая сущность, самостоятельный психическій и нематеріальный атомъ*, — неизмѣнная, простая и всегда тождественная себѣ сущность вещей (*substantia rerum*). Она не состоитъ изъ частей, не можетъ быть ни увеличена ни уменьшена, въ ней всѣ измѣренія равны, всѣ частныя различія и противоположности разрѣшены въ индивидуальное *психическое* единство. Такая монада лежитъ, по ученію Бруно, въ основѣ каждой вещи, какъ ея неизмѣнная субстанція. Необходимость признанія такой монады онъ предполагаетъ на томъ основаніи, что невозможно допустить дѣлимость матеріи въ безконечность, — что на какія мелкія части ни дробить матерію, въ концѣ концовъ, по закону причинности и достаточнаго основанія, мы все-таки вынуждены будемъ остановиться на такихъ частяхъ, которыя, сами будучи недѣлимы, служатъ основаніемъ дѣлимости матеріи. Математика и физика заставляютъ признать такую недѣлимую основу сложныхъ фигуръ и явленій; такъ первая выходитъ изъ предположенія точки и единицы, лежащихъ въ основаніи всѣхъ фигуръ и чиселъ, — вторая принимаетъ въ основаніе всѣхъ сложныхъ тѣлъ недѣлимый и неразложимый атомъ. Монада же есть метафизическій атомъ, нематеріальный центръ силъ. Сама не сложная и непространственная, — не будучи ни движеніемъ, ни фигурою, ни тѣломъ, — монада служитъ основаніемъ всякаго тѣла, пространства, движенія и фигуры. По отношенію къ вещамъ она тоже, что точка по отношенію къ линіи и единица къ числу. Какъ безъ точки не можетъ существовать линія и число безъ единицы, такъ никакая вещь не мыслима безъ монады; какъ точка производитъ разнообразныя фигуры и единица числа, такъ и монады, слагаясь, раздѣляясь и взаимодействуя между собою, производятъ все безконечное разнообразіе сложныхъ вещей.

³⁹) Ученіе о монадѣ раскрывается въ сочиненіяхъ Бруно: «De monade» и «De triplici minimo et mensura». Ср. Barth. 348 и далѣе.

Будучи нематеріальними, психическими индивидуумами, *монады живуть психическою жизнью—представленієм и стремленієм.* Въ этомъ сходны всѣ монады; всѣ онѣ имѣють одну психическую природу и отражаютъ въ себѣ весь универсъ. Всѣ онѣ поэтому суть живые микрокозмы, сокращенные универсы. Но, имѣя одинаковую природу и ведя одну жизнь, всѣ монады, какъ самостоятельные психическіе индивидуумы, различны между собою, такъ что универсъ представляетъ безконечное разнообразіе монадъ и въ природѣ нельзя отыскать и двухъ совершенно сходныхъ вещей. Такимъ образомъ въ отличіе отъ древнихъ атомистовъ Бруно приписываетъ своимъ монадамъ качественную опредѣленность и индивидуальность. Чѣмъ же различаются между собою монады? Такъ какъ всѣ монады имѣють одну и ту же психическую природу, владѣють, по аналогіи съ человѣческой душою, одними и тѣми же силами—представленіємъ и стремленіємъ и всѣ онѣ суть живые микрокозмы, то очевидно между ними можетъ быть только степенное различіе, т.-е. каждая монада отражаетъ въ себѣ универсъ своеобразно, смотря по степени совершенства своихъ силъ и своей природы. Въ этомъ отношеніи различіе монадъ подчинено закону строгой постепенности и послѣдовательности, такъ что универсъ представляетъ собою постепенную іерархическую лѣстницу монадъ, начиная съ самой низшей и послѣдовательно восходя до абсолютной монады монадъ. Стоящія на самой низкой ступени бытія монады только живутъ; это—монады неорганической природы. Онѣ не лишены совершенно способности ощущенія и стремленія, но ощущаютъ и стремятся своимъ, непонятнымъ для насъ, образомъ; въ нихъ въ самой низкой степени и, такъ сказать, въ тусклой формѣ отражается универсъ. Далѣе слѣдуютъ монады чувствующія—царство растений; потомъ воображающія и размышляющія—царство животныхъ. Животныя, по ученію Бруно, не суть автоматы или бездушныя машины, но владѣють психическими силами—памятью, воображеніємъ и даже способностію сужденій и умозаключеній. Бруно приводитъ много примѣровъ изъ жизни животныхъ, особенно изъ жизни пчелъ и муравьевъ, въ доказательство ихъ разсудительности и смѣтливости. Конечно разумъ животныхъ не совершенствуется, какъ разумъ человѣка, но это, по мнѣнію Бруно, указываетъ только на степенное отличіе ума

животныхъ отъ человѣческаго. Онъ находитъ даже у животныхъ нѣчто аналогичное нашей нравственности. Дальнѣйшую ступень представляютъ монады, владѣющія кромѣ способностей общихъ у всѣхъ животныхъ особенною интеллектуальною силою—обнимать всѣ частныя различія въ высшемъ единствѣ—или умомъ. Это—царство разумно сознательныхъ существъ—человѣка и духовъ. Самое высшее и послѣднее мѣсто въ іерархіи монадъ принадлежитъ абсолютной монадѣ монадъ или Богу. Какъ лучи выходятъ изъ фокуса, какъ искры сыплются изъ пламени, такъ изъ этой абсолютной монады монады возникаютъ всѣ конечныя монады и къ ней снова возвращаются, сливаясь въ ней въ абсолютное¹ единство бытія.

Всѣ тѣла и сложныя вещи представляютъ собою совокупность простыхъ и недѣлимыхъ монадъ. Когда низшія монады соединяются между собою въ формѣ простаго агрегата или смѣшенія безъ опредѣленнаго центра и подчиненія одной высшей монадѣ, тогда являются неорганическія тѣла, когда же низшія монады комбинируются въ порядкѣ подчиненія и соподчиненія около одной высшей, тогда являются организмы. Высшая монада, около которой въ организмахъ комбинируются низшія, называется центральною монадою или душею организма, низшія же монады составляютъ тѣло организма. Какъ внутренней художникъ центральная монада сама созидаетъ себѣ тѣло, ткеть его разнообразныя ткани, производитъ пищевареніе, кровообращеніе, дыханіе и т. д., распорядясь монадами низшими и однѣ изъ нихъ, какъ негодныя, замѣняя другими. При этомъ, какъ центральная монада дѣйствуетъ на монады периферическія и управляетъ ими, такъ равно и сама терпитъ на себѣ воздѣйствія со стороны послѣднихъ.

Итакъ весь *универсъ есть совокупность живыхъ силъ*, въ немъ нѣтъ пустоты Эпикура, но повсюду постоянная жизнь и движеніе монадъ, которыя, ежеминутно слагаясь и разлагаясь, производятъ безконечное разнообразіе и текучесть частныхъ формъ міровой жизни. Поэтому въ природѣ нѣтъ смерти и уничтоженія, а есть только постоянное измѣненіе и движеніе монадъ. Какъ простая и несложная сущность, монада неразложима, а потому неразрушима и безсмертна. До рожденія всякая монада находится въ состояніи неразвитости, сжатости или зародыша. Рож-

даясь, она изъ состоянія сжатія или центра переходитъ въ состояніе расширенія центра ⁴⁰). Жизнь есть пребываніе монады въ состояніи сферы или окружности, а смерть и есть возвращеніе монады къ центру, сокращеніе и сжатіе ея. Отсюда понятно, что всякая смерть и разрушеніе сложныхъ тѣлъ есть ничто иное, какъ переходъ безсмертныхъ и неразрушимыхъ монадъ изъ одной комбинаціи въ другую; такъ что всякая смерть въ природѣ есть рожденіе новаго и всякое рожденіе есть смерть стараго.

Свои *космологическія воззрѣнія* ⁴¹) Бруно раскрываетъ главнымъ образомъ въ противоположность Аристотеліанскимъ средневѣковымъ взглядамъ на міръ. Нѣтъ, говоритъ онъ, неподвижнаго небеснаго свода, на которомъ были бы прикрѣплены звѣзды, нѣтъ и пустоты Эпикура; но все безконечное пространство наполнено эфиромъ, который служитъ связью, какъ міровыхъ тѣлъ, такъ и элементовъ природы. Этотъ эфиръ не только проникаетъ всѣ тѣла но и присущъ душѣ. Безконечное эфирное пространство вмѣщаетъ въ себѣ безконечное число міровыхъ системъ, состоящихъ изъ солнцъ и окружающихъ ихъ планетъ и кометъ. Какъ солнца, такъ и планеты состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, но съ преобладаніемъ какого-либо одного изъ нихъ. Такъ на солнцахъ преобладаютъ теплота и огонь, а на земляхъ и планетахъ прохлада и влага. Отъ планетъ солнца отличаются также и тѣмъ, что они свѣтятъ своимъ собственнымъ свѣтомъ, тогда какъ планеты—заимствованнымъ отъ нихъ. Нельзя думать, чтобы солнца свѣтили потому, что они служатъ вмѣстилищами одного огня. Свѣтъ ихъ происходитъ отъ того, что они слишкомъ быстрымъ вращеніемъ воспаляютъ окружающій ихъ эфиръ. Всѣ небесныя тѣла находятся въ постоянномъ движеніи: планеты движутся около солнцъ и около своихъ осей; а солнца—только около самихъ себя, потому что въ универсѣ нѣтъ такого общаго центра, около котораго вращались бы всѣ небесныя тѣла. Метафизическимъ принципомъ движенія міровыхъ тѣлъ служитъ міровая душа. Вторичною же или физическою причиною

⁴⁰) *Nativitas est expansio centri, vita consistentia sphaerae, mors contractio centrum.* Barth. 364.

⁴¹) *Carrier, 442--445; Barth. 223. дал.*

движенія является всеобщее стремленіе тѣлъ одного къ другому и ихъ взаимодействіе. Такъ солнца стремятся къ прохладѣ планетъ, а планеты—къ теплотѣ солнцъ и потому они постоянно движутся другъ противъ друга.

Всѣ *небесныя тѣла* суть одушевленные существа, населенныя, такъ же какъ и земли, различными родами живыхъ существъ. Конечно, говорить Бруно, нельзя думать чтобы люди при своей настоящей организаціи могли жить на солнцѣ; но нельзя отрицать и того, что оно, какъ и другія небесныя свѣтила, населено живыми существами, обладающими умомъ и сознаниемъ.

Наша земля не составляетъ, какъ думали въ древности и въ средніе вѣка, центра всего универса. Она есть только маленькая часть во всемъ мірозданіи, есть только планета и, какъ всѣ другія планеты, вращается около себя и движется около солнца. Небо, окружающее нашу землю, не есть сводъ, усѣянный звѣздами, но безконечное эфирное пространство, въ которомъ вращается безконечное множество міровыхъ системъ, имѣющихъ каждая свое небо и свой центръ. Подобно прочимъ міровымъ тѣламъ наша земля есть одушевленный организмъ; ея горы, равнины, моря и потоки соотвѣтствуютъ костямъ, кожѣ, жиламъ и другимъ частямъ одушевленнаго тѣла; вѣтры, облака, приливы и отливы морскіе суть тоже, что вдыханіе и выдыханіе въ живыхъ тѣлахъ. Какъ организмъ, земля не можетъ быть совершеннымъ шаромъ; она только приближается къ этой формѣ. Какъ во всемъ универсѣ, такъ и на землѣ, элементы находятся въ постоянномъ взаимодействіи, движеніи и измѣненіи. Вода, поднявшаяся въ формѣ пара, сгущается въ облака и тучи и потомъ въ видѣ дождя или снѣга снова падаетъ на землю, чтобы опять начать тотъ же рядъ измѣненій. Такъ происходитъ постоянный обмѣнъ элементовъ и вѣчный круговоротъ жизни.

III. Ученіе о человѣкѣ.

Человѣкъ, по ученію Бруно, стоитъ на границѣ между конечнымъ и безконечнымъ, божественнымъ и земнымъ; онъ есть *medium Substantiarum*, связь двухъ различныхъ міровъ. По тѣлу и чувствамъ онъ связанъ съ міромъ матеріальнымъ и конечнымъ; но

его умъ стремится къ безконечному и божественному. Изъ всѣхъ существъ чувственнаго міра онъ одинъ имѣетъ стремленіе къ безконечному прогрессу и самоусовершенствованію, владѣетъ самосознаніемъ и способностію все многообразие частныхъ вещей и явленій представлять подъ формою абсолютнаго единства. Его душа есть наиболѣе совершенное зеркало универса въ сравненіи съ другими монадами тѣлеснаго міра. Таково положеніе человѣка въ универсѣ.

Подобно всѣмъ органическимъ существамъ человѣкъ есть комбинація низшихъ монадъ около одной высшей или центральной. Поэтому душу человѣческую нельзя признавать за результатъ смѣшенія матеріальныхъ атомовъ, какъ думали древніе атомисты. Она есть самостоятельная монада, сама служащая принципомъ организаціи и соединенія низшихъ монадъ ⁴²⁾, подобно міровой душѣ, она есть внутренній художникъ тѣла (*spiritus architectus*) извнутри комбинирующій около себя низшія монады и производящій удивительныя ткани тѣла, обмѣнъ веществъ, пищевареніе, усвоеніе, выдѣленіе, кровообращеніе и пр. Но и тѣло съ своей стороны воздѣйствуетъ на душу, доказательствомъ чего служатъ магическія дѣйствія. Тогда какъ тѣло постоянно измѣняется, такъ что въ старости въ немъ не остаются тѣ атомы, какіе были въ дѣтствѣ, душа всегда пребываетъ тождественною себѣ и неизмѣнною личностію. Такая природа души указываетъ на ея безсмертіе. О безсмертіи души свидѣтельствуетъ также стремленіе ума въ безконечной истинѣ, воли къ безконечному совершенству, чувства къ безконечной красотѣ и любви. Эти стремленія человѣческой души необходимо должны получить удовлетвореніе и человѣкъ долженъ объединиться съ объектомъ своихъ стремленій, такъ какъ въ природѣ нѣтъ пустыхъ и неисполнимыхъ влеченій. Однакоже не всякій и не сразу по смерти объединяется съ Богомъ, но, смотря по образу своей земной жизни, переселяется въ различныя тѣла. Одни дѣлаются животными, другіе переселяются снова въ тѣла людей и, являясь опять на землю, дѣлаются героями, мыслителями, поэтами и пр., нѣкоторые же улетаютъ на высшія планеты и звѣзды ⁴³⁾.

⁴²⁾ Barth. 559—364; Carrier, 449—455.

⁴³⁾ Barth. 359—364; Carrier, 449—455.

Умственное назначеніе человека состоитъ въ изслѣдованіи и познаніи истины и потому всякій долженъ быть философомъ. Философъ—не тотъ, кто только занимается изысканіемъ истины, но тотъ, кто поступаетъ сообразно съ пріобрѣтѣннымъ имъ знаніемъ. Далѣе, философу необходимо быть не только сухимъ и холоднымъ мыслителемъ, но и поэтической жаръ вдохновенія долженъ одухотворять его произведенія. Что касается до объекта философіи, то прежде всего согласно съ своими современниками Бруно называетъ ее физикой универса. Однакоже она, по его мнѣнію, не ограничивается изслѣдованіемъ законовъ природы, но должна изыскивать и открывать въ нихъ слѣды высшей разумной силы, читать въ великой книгѣ природы исторію дѣлъ Божіихъ и по этимъ дѣламъ узнавать природу внутренняго міроваго художника. Такимъ образомъ философія для Бруно совпадаетъ съ естественной или рациональной теологіей. Ясное и опредѣленнѣе, чѣмъ его современники, разграничиваетъ Бруно естественную и положительную теологію, разумъ и вѣру. Это, говоритъ онъ, двѣ различныя, но непротивоположныя науки; предметъ ихъ—одинъ и тотъ же: единая абсолютная истина, но въ изысканіи ея онѣ слѣдуютъ различнымъ дорогамъ. Теологіи основывается на авторитетѣ вѣры и откровенія; философія стремится понять и уразумѣть абсолютную истину на почвѣ разума. Разумъ и вѣра имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ и начало; вѣра только выше (*supra*) разума, но не противоположна ему (*contra*). Самъ разумъ часто прибѣгаетъ къ вѣрѣ и опирается на ней; такъ напр. онъ вѣритъ аксіомамъ, вѣритъ тамъ, гдѣ невозможно привести очевидныхъ доказательствъ. Поэтому религіи не должна стоять въ антагонизмѣ съ философіей; но обѣ онѣ должны существовать совмѣстно одна съ другой.

Задача философіи состоитъ въ изысканіи истины. Но какъ съ одной стороны существуютъ различные способы и орудія къ изысканію истины, а съ другой—предметы познанія столь многочисленны, что не могутъ быть обняты одной наукой, то Бруно дѣлаетъ попытку дѣленія и классификаціи наукъ. Впрочемъ у него нѣтъ для этого какого-либо одного принципа, но нѣсколько. Такъ напр. смотря по различію ступеней бытія онъ дѣлитъ науку на частныя науки: о Богѣ, универсѣ и человекѣ, или частнѣе: на теологію, пневматологію, космографію, этику, антро-

пологію и т. д. до послѣдней ступени бытія. Здѣсь Бруно въ системѣ наукъ стремится отобразить систему бытія; наука и познаніе, по его мнѣнію, должны внутренними чертами изобразить то, что природа представляетъ во внѣшнихъ знакахъ. По отношенію къ его современникамъ классификація Бруно замѣчательна тѣмъ, что между всѣми науками онъ видитъ живую органическую связь и всѣ ихъ стремится органически объединить въ метафизикѣ. Съ этой цѣлью онъ дѣлитъ ихъ на инструментальныя и предметныя. Инструментальныя науки приготовляютъ къ познанію истины и служатъ орудіями его; это—поэзія, грамматика и риторика, объединяющіяся въ логикѣ, изслѣдующей вообще законы и способы познанія и мышленія. Запасшись логикой, какъ орудіемъ познанія, духъ человѣческой обращается къ познанію и изслѣдованію объектовъ истины; здѣсь являются: физика, математика и этика. Эти науки съ своей стороны объединяются въ метафизикѣ, потому что каждая изъ нихъ изучаетъ не только частныя явленія, но и общія и неизмѣнныя основы ихъ. Такъ физика занимается не только изученіемъ частныхъ и измѣнчивыхъ явленій природы и ихъ законовъ, но усматриваетъ въ нихъ слѣды высочайшей, неизмѣнной силы; математика всѣ частныя числа и фигуры сводитъ къ ихъ общимъ основаніямъ—единицѣ и точкѣ; этика изучаетъ не только частныя нравственныя правила и обязанности, но изыскиваетъ общую абсолютную основу добра и нравственности. Такимъ образомъ, какъ и метафизика, всѣ эти три науки имѣютъ одну общую цѣль и стремленіе—постичь вѣчное универсальное основаніе всего, абсолютную первопричину міра. Что же касается до инструментальныхъ наукъ, объединяющихся въ логикѣ, то и онѣ также объединяются съ метафизикой, потому что законы мышленія, изслѣдуемые ими, суть и законы бытія, изслѣдуемые метафизикой; такъ что изучая первые мы въ то же время изучаемъ и вторые. ⁴⁴⁾

Если таковъ предметъ познанія и таковы науки, изслѣдующія его, то спрашивается: какой же долженъ быть *методъ* и орудіе *познанія*? Не осуждая вполнѣ авторитета вѣры въ дѣлѣ изысканія истины, Бруно однакоже стремится установить чисто раціо-

⁴⁴⁾ Barth. 326 дал.

нальный методъ изслѣдованія философскихъ вопросовъ и при помощи сомнѣнія и очевидности старается очистить науку отъ предразсудковъ и заблужденій схоластики. Всякое познаніе и изслѣдованіе истины, по его мнѣнію, слагается изъ двухъ различныхъ актовъ: *отрицательнаго* и *положительнаго*. Первый состоитъ въ очищеніи почвы, на которой должно быть воздвигнуто зданіе науки, отъ всѣхъ предразсудковъ и ложныхъ мнѣній (*fundamina falsi prima tolluntur*). Средствомъ для этого служитъ *сомнѣніе*. Въ началѣ философъ долженъ усумниться во всемъ (*principio dubitans*) — въ своихъ чувствахъ и разсудкѣ, въ истинности всѣхъ мнѣній объ извѣстномъ предметѣ. Онъ долженъ поставить себя въ состояніе индифферентности и нерѣшительности и, отрѣшившись такимъ образомъ отъ всѣхъ предразсудковъ и предубѣжденій, съ одинаковымъ безпристрастіемъ разсмотрѣть всѣ мнѣнія объ извѣстномъ предметѣ, какъ *pro* такъ и *contra*. Только уже послѣ строгаго и безпристрастнаго обсужденія и оцѣнки различныхъ мнѣній философъ долженъ перейти къ положительному разрѣшенію задачи. Очевидно сомнѣніе Бруно есть чисто гипотетическое и орудное, но не принципиальное; оно есть только средство, а не цѣль. Бруно сомнѣвается для того, чтобы, уничтоживъ заблужденія и предразсудки, отыскать истину, но не для того, чтобы заподозрить возможность и достовѣрность самой истины. Онъ сильно вооружается противъ тѣхъ, кто сомнѣніе доводитъ до отрицанія возможности истины и достовѣрности всѣхъ познаній, и считаетъ такое сомнѣніе абсурдомъ. „Какимъ образомъ, говорить онъ, могутъ считать познаніе невозможнымъ дѣломъ по принципу и въ то же время всю жизнь проводить въ изысканіи истины?... Предположивъ, что нельзя ничего знать, по какому праву потомъ утверждаютъ, что разумъ извращенъ по природѣ и по существу неспособенъ достигнуть истины? Если что невозможно, такъ это не наука, а пирронизмъ“⁴³⁾. Такимъ образомъ сомнѣніе Бруно есть въ сущности рациональная вѣра и рациональный догматизмъ. Отъ религіозной эта вѣра отличается тѣмъ, что тогда какъ та опирается на ви́шній авторитетъ (*habet certitudinem ex alieno sensu*), эта

⁴³⁾ Barth. 266.

основывается на собственномъ разумѣ философа (ex proprio sensu) ⁴⁶).

Освободившись посредствомъ сомнѣнія отъ предразсудковъ и ложныхъ мнѣній, изслѣдованіе и познаніе истины вступаетъ на *положительный путь*, состоящій въ методологическомъ изслѣдованіи предмета. Здѣсь могутъ быть два метода: *дедуктивный*—методъ ума (mens), высшей познавательной силы человеческого духа, приложимый только къ созерцанію абсолютнаго первоначала въ его отрѣшенности отъ частнаго и условнаго бытія, и *индуктивный*—собственно познавательный методъ природы и ея законовъ, равно какъ и открывающихся въ нихъ слѣдовъ абсолютнаго. Бруно предписываетъ слѣдующія четыре правила индукцій, сходныя съ 4-мя методологическими правилами Декарта: 1) всегда нужно выходить изъ того, что для насъ *болѣе всего известно, достоверно и очевидно* и что наиболѣе близко къ намъ и сподручно (ex notioribus et proximioribus seu promptioribus nobis); 2) не вдаваясь въ разсмотрѣніе частныхъ, слѣдуетъ сначала обнять предметъ *однимъ общимъ взглядомъ*, отличить предметъ отъ другихъ съ нимъ сходныхъ (a confuso ad distinctum) 3) потомъ нужно перейти къ *разсмотрѣнію деталей*, различить и разграничить части предмета (distinguere, distribuere); 4) наконецъ слѣдуетъ *обобщить и классифицировать* разсмотрѣнныя частности и свести ихъ къ общему единству (a partibus ad tota) посредствомъ этихъ правилъ познаніе постепенно, вѣрными и твердыми шагами (ordine, gradibus certis), должно восходить отъ известнаго къ неизвѣстному, отъ частнаго къ общему, пока наконецъ не достигнетъ до абсолютнаго единства, гдѣ сливаются и объединяются всѣ частныя различія и противоположности ⁴⁷).

Такому поступательному ходу нашего познанія соотвѣтствуютъ нѣсколько силъ и способностей психическихъ, которыя всѣ такъ тѣсно объединены между собою, что одна порождаетъ другія и всѣ вмѣстѣ объединяются и завершаются въ высшей силѣ человеческого духа—умѣ. Самое низшее мѣсто въ іерархической лѣстницѣ познавательныхъ силъ занимаетъ *чувство*—sensus; его

⁴⁶) Gfrörer, Summa terminorum II, 515; De innumerabilibus III, 1, De triplici minimo I, 1.

⁴⁷) De umbris idearum 302. 308. 316—321.

отправленія относятся къ чувственно-матеріальному міру, душа созерцаетъ посредствомъ него внѣшнія вещи и явленія отрывочно и безсвязно, какъ бы чрезъ окна или щели темницы. Чувство раздѣляется на внѣшнее, состоящее изъ пяти внѣшнихъ чувствъ, посредствомъ которыхъ мы познаемъ внѣшній объективный міръ, и внутреннее, которое даетъ намъ знать о состояніяхъ нашего собственнаго тѣла и переноситъ въ нашу душу впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ. Дальнѣйшую ступень занимаетъ вторая познавательная сила *разсудокъ*—*ratio*, которая состоитъ изъ нѣсколькихъ отправленій. Сюда относятся: общее чувство, воспринимающее, сравнивающее и различающее впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ, сознание, отличающее нашу душу отъ внѣшнихъ впечатлѣній, субъектъ отъ объекта, сопровождающее и освѣщающее всѣ отправленія мышленія; воображеніе, соединяющее образы и впечатлѣнія, добытыя душою, въ понятія и производящее посредствомъ комбинаціи старыхъ образовъ и представленій новыя концепціи; наконецъ память, сохраняющая въ душѣ впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ и концепціи воображенія. Чувство и разсудокъ поражаютъ третью познавательную способность *мысленіе*—*intellectus*, способность сужденій и умозаключеній, опредѣленія сходства, различія и основанія вещей; вообще это—способность дискурсивнаго мышленія. Самую высшую ступень въ іерархіи познавательныхъ силъ занимаетъ *умъ*—*mens*. Въ отличіе отъ способности дискурсивнаго мышленія умъ есть способность непосредственнаго интуитивнаго воззрѣнія или созерцанія абсолютнаго единства. На этой ступени развитія духъ человѣческой имѣетъ простую, лишенную всякаго смѣшенія и различій, идею всеобщаго единства и безразличной всеобщности, какъ субстанціальной основы бытія; онъ отрѣшается здѣсь отъ всего конечнаго и сложнаго и всецѣло погружается въ созерцаніе безконечнаго и абсолютно простаго. Эта высшая точка интеллектуальнаго развитія составляетъ принадлежность только нѣкоторыхъ избранниковъ неба или геніевъ; она есть непосредственный даръ самого Бога, божественный лучъ, посылаемый въ душу генія, безъ всякихъ усилій съ его стороны. Это однако же не исключаетъ необходимости для генія самодѣятельнымъ трудомъ возгрѣвать въ себѣ божественный даръ ⁴⁸⁾).

⁴⁸⁾ Gfrörer, II. 239. 634. 606.

Въ число орудій познанія Бруно включаетъ и *математику*. Такъ въ кругъ онъ видитъ доказательство совпаденія различій въ единствѣ субстанціи и раскрытіе ея единства въ многообразіи міроваго бытія; единица служитъ у него прототипомъ абсолютной монады монадъ; заимствуемые имъ изъ математики доказательства совпаденія противоположностей частныхъ вещей въ абсолютномъ намъ уже извѣстны. Поэтому Бруно считаетъ необходимымъ для философа знаніе математики ⁴⁹⁾.

Узнавъ методъ и орудія познанія истины, мы должны спросить, что можетъ ручаться намъ за то, что, пользуясь этими орудіями, мы не сдѣлали никакого злоупотребленія ими, пришли къ вѣрнымъ результатамъ и достигли истиннаго познанія? Какой *критерій* истины?

Критеріемъ истины, по ученію Бруно, служитъ *очевидность*. Она бываетъ тогда, когда мы невольно, даже вопреки своимъ интересамъ и склонностямъ, вынуждаемся принимать что-либо за истину, — когда невозможно никакое сомнѣніе. Такъ напримѣръ нельзя усумниться въ существованіи матеріи, если я чувствую на себѣ вліяніе тѣла; въ бытіи души, когда я мыслю, ощущаю и по своей волѣ могу идти на встрѣчу всѣмъ опасностямъ и даже тѣлеснымъ мученіямъ. Итакъ, невольное признаніе чего-либо за истину, внутреннее и непреодолимое согласіе съ чѣмъ-либо — таковы признаки истинной очевидности.

Очевидность, какъ и истина, сама по себѣ *одна*, не можетъ имѣть различныхъ формъ и приводить къ различнымъ результатамъ. Но по различію объектовъ познанія и его способовъ и орудій очевидность можетъ имѣть нѣсколько видовъ. Такъ бываетъ очевидность *интеллектуальная* и *научная*. Первая есть непосредственное убѣжденіе въ истинности очевидныхъ самихъ по себѣ положеній и аксіомъ; вторая является результатомъ ряда сужденій, умозаключеній и доказательствъ. Однакожъ, научная очевидность основывается на интеллектуальной; потому что безъ непосредственно очевидныхъ аксіомъ и положеній невозможны никакіе выводы и умозаключенія. Есть также очевидность *чувственная* и *разумная*, изъ которыхъ можно имѣть одну, не владѣя другой. Такъ напримѣръ, слѣпца нельзя увѣрить въ

⁴⁹⁾ Знаніе математики для познанія раскрывается въ *De monade et cet.*

существованіи цвѣтовъ; неразвитый философски человекъ не можетъ понять истинъ, очевидныхъ для философа. Но если очевидность по существу своему одна, то во 1-хъ: какъ объяснить тотъ фактъ, что *чувства иногда обманываютъ насъ* и нерѣдко стоятъ въ противорѣчій съ разумомъ? На это Бруно отвѣчаетъ, что чувства всегда передаютъ намъ вѣрныя впечатлѣнія, насколько это возможно въ сферѣ ихъ отпращиваній. Если же происходятъ иллюзіи и ошибки, то въ этомъ виноваты не чувства, но разумъ, когда онъ ложно толкуетъ показанія чувствъ, принимаетъ случайное за необходимое, требуетъ отъ чувствъ того, чего они не могутъ дать и считаетъ показанія ихъ абсолютно истинными, тогда какъ они истинны относительно, т.-е. въ сферѣ только частнаго и условнаго бытія. Такъ напримѣръ, когда чувства представляютъ намъ солнце маленькимъ кружкомъ, то въ своей сферѣ они передаютъ вѣрный фактъ. Но если заключать отсюда, что солнце таково на самомъ дѣлѣ, то это будетъ ошибка разума. Это будетъ значить—требовать отъ чувствъ того, чего они не имѣютъ и что не ихъ дѣло. Разумъ долженъ понимать и истолковывать показанія чувствъ, сообразуясь съ ихъ природою и законами ихъ отпращиваній. Поэтому очевидность чувственная ниже разумной и должно подчиняться послѣдней. Тогда какъ чувства даютъ намъ знать о частныхъ и случайныхъ явленіяхъ и воспринимаютъ подъ условіями пространства, времени, числа, фигуры и т. д., разумъ стоитъ выше всѣхъ этихъ ограниченій и познаетъ вѣдъ пространственное, вѣдъ временное, необходимое, неизмѣнное, вѣчное и универсальное. Во 2-хъ: какъ объяснить фактъ *существованія заблужденій* и различныхъ философскихъ мнѣній? Что касается до заблужденій, то они, по мнѣнію Бруно, основываются не на истинной очевидности, но на ложной, т.-е. на отступленіи отъ истинной очевидности. Ложь и заблужденія не суть что-либо положительное, имѣющее въ своемъ основаніи что-либо дѣйствительное и истинное, но они суть только отсутствіе и отрицаніе истины. Внутренними признаками истины служатъ: простота и отсутствіе смѣшанности и сбивчивости, постоянство и отсутствіе противорѣчій. Всѣ же ложныя мнѣнія и теоріи суть не болѣе, какъ отрицаніе этихъ признаковъ истины и отступленіе отъ нихъ. Такъ ложь всегда противорѣчитъ себѣ, смутна, сбивчива, непостоянна и измѣнчива. Поэтому она даже и не существуетъ въ

собственномъ смыслѣ, но постоянно уничтожается и измѣняется. Что же касается до различія мнѣній и философскихъ системъ, то, представляя заблужденія и уклоненія отъ истины, всѣ онѣ въ то же время имѣютъ и свою долю истины. По этой причинѣ Бруно стремится привести всѣ философскія системы въ гармоническое единство, какъ части и органическіе члены одной науки объ единой абсолютной истинѣ. Всѣ философскія системы, по его мнѣнію, проповѣдуютъ и изслѣдуютъ одну истину, только различными путями и въ различной формѣ. На этомъ основаніи Бруно старается у всѣхъ философовъ найти одну общую истину и, дѣлая изъ нихъ много заимствованій въ своихъ сочиненіяхъ, является умѣреннымъ эклектикомъ. Одного личнаго опыта философа, по его мнѣнію, недостаточно для отысканія и изслѣдованія истины,—для этого потребны цѣлые вѣка прогресса человѣческаго ума и милліоны работниковъ науки. Пользуясь прежними пріобрѣтеніями человѣческой мысли, *не смѣдуетъ однакоже брать за абсолютный авторитетъ одного какого-либо философа* и рабски слѣдовать ему. Можно конечно давать предпочтеніе изъ всѣхъ философовъ одному, но его мысли должны быть строго провѣрены посредствомъ рациональной критики, т.-е. сомнѣнія и очевидности. Бруно сильно вооружается противъ обычая его современниковъ слѣпо подчиняться какому-либо одному изъ греческихъ философовъ,—обычая, перешедшаго въ эпоху возрожденія по наслѣдству отъ схоластики. Чѣмъ дольше, говорить онъ, живетъ человѣчество, тѣмъ большею мудростію и умственными пріобрѣтеніями обогащается оно, такъ что Платонъ и Аристотель не могли знать всего, что было узнано и открыто послѣ нихъ. По этой причинѣ было бы нелѣпостію считать ихъ непогрѣшимыми авторитетами для мыслителей всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ.

Сомнѣваясь во всемъ, Бруно, какъ мы видѣли, не сомнѣвается однако же въ самой возможности для разума знать истину и считаетъ пирронизмъ нелѣпостію. На чемъ же основываетъ онъ эту *вѣру въ нашъ разумъ*? Что можетъ поручиться за то, что самыя очевиднѣйшія истины и аксіомы не суть обманъ и всеобщія иллюзіи человѣчества? На это Бруно отвѣчаетъ: во 1-хъ указаніемъ на природу абсолютнаго источника всякаго познанія. Какъ абсолютная истина, Богъ, надвѣливъ насъ разумомъ и

стремленіемъ къ истинѣ, не можетъ обманывать насъ. Во 2-хъ онъ догматически предполагаетъ тожество законовъ мышленія и бытія. Одинъ и тотъ же абсолютный разумъ открывается какъ въ природѣ, такъ и въ духѣ; тамъ и здѣсь присутствуетъ одинъ и тотъ же свѣтъ и истина. Различіе между духомъ и природою, законами мышленія и бытія, только формальное: что въ природѣ отображено какъ бы во внѣшнихъ знакахъ, то самое въ духѣ является написаннымъ внутренними чертами. Въ природѣ божественная истина является въ формѣ внѣшнихъ предметовъ, образовъ и знаковъ,—а въ духѣ въ формѣ идей и понятій; природа поэтому есть духъ въ реальной формѣ бытія, а духъ есть природа, но въ идеальной формѣ. Въ 3-хъ, Бруно принимаетъ теорію врожденности идей человѣческому духу и, утверждая априорность научнаго познанія, возводитъ его начало и источникъ къ абсолютной истинѣ. При своемъ рожденіи наша душа является не *tabula rasa* или, какъ выражается Бруно, пустою комнатою, но прежде всякаго опыта ей врождены сѣмена божественныхъ истинъ и научнаго познанія. Однако же идеи всеобщаго и необходимаго познанія врождены человѣческой душѣ не въ видѣ готовыхъ представленій, но въ формѣ зародышей или потенцій (*semina principiorum rationi connata sunt*), которые путемъ развитія должны постепенно доходить до яснаго ихъ сознанія и развиваться въ необходимыя и универсальныя истины. Жизнь развиваетъ эти зародыши или принципы божественныхъ истинъ, опытъ оплодотворяетъ и орошаетъ ихъ, а спекулятивное мышленіе приводитъ въ зрѣлость. Развивая эти первоначально насаяжденные въ духѣ зародыши истины, человѣкъ (последовательно переходя отъ сложнаго и частнаго къ простому, единому и универсальному), доходитъ до научнаго познанія и до абсолютнаго источника всего бытія и всякой истины⁵⁰⁾.

Однако же *наше познаніе*, по ученію Бруно, не можетъ быть абсолютно истиннымъ, подобнымъ познанію абсолютнаго ума. Человѣкъ есть только модусъ абсолютной субстанции; въ его душѣ есть только лучъ абсолютнаго свѣта истины, только тѣнь божественныхъ идей. И потому, какъ модусъ отличенъ отъ суб-

⁵⁰⁾ Barth. 260-271. 285.

станціи и тѣнь отъ первообраза, такъ и человѣческое познаніе отлично отъ абсолютнаго знанія божественнаго ума. Правда человѣкъ обладаетъ способностію все обнимать однимъ взоромъ и чрезъ непосредственное интуитивное воззрѣніе ума (*mens*) представлять все многообразіе вещей подъ формою абсолютнаго единства,—способностію, которая приравниваетъ его нѣкоторымъ образомъ къ божественному уму. Несмотря на это, абсолютное бытіе и истина такъ совершенны и необъятны, что ограниченный умъ человѣка никогда не можетъ обнять ихъ во всей ихъ цѣлости. Все наше познаніе абсолютнаго существа и абсолютной истины ограничивается только аналогіями и сравненіями несравнимаго и неизмѣримаго совершенства. Абсолютное знаніе и истина суть только идеаль, къ которому стремится нашъ умъ и къ которому онъ можетъ только болѣе или менѣе приближаться. Поэтому Бруно рекомендуетъ лучше незнаніе, сознаніе своего безсилія, вѣру и любовь тамъ, гдѣ нашъ разумъ отказывается постичь непостижимое, чѣмъ смѣлыя и фантастическія гипотезы ⁵¹⁾.

Нравственное назначеніе человека состоитъ въ постоянномъ *самоусовершенствованіи*. Хотя человѣкъ, такъ какъ онъ совмѣщаетъ въ себѣ два міра—духовный и чувственный, долженъ равнѣ съ духомъ совершенствовать и свое тѣло; но главное нравственное назначеніе его состоитъ въ совершенствованіи собственно духа, ибо послѣднему принадлежитъ господство надъ тѣломъ и, при постоянной измѣняемости послѣдняго, неизмѣняемость и безсмертіе. Познавая разумомъ абсолютную истину, добро и совершенство, человѣкъ долженъ посредствомъ воли исполнять ихъ въ своей жизни. На такое нравственное назначеніе человѣка указываетъ врожденная ему одному изъ всѣхъ существъ чувственнаго міра жажда безконечнаго совершенства. Стремись къ полному совершенству и совершая добро въ своей жизни, мы тѣмъ самымъ все тѣснѣе объединяемся съ объектомъ нашихъ стремленій и сами дѣлаемся все божественнѣе и свѣтлѣе. Возможность такого безконечнаго моральнаго прогресса для че-

⁵¹⁾ Раскрывается въ *De umbris idearum*: ср. *Sigillus sigillorum*, (Gfrörer 566—589; Barth. 107—108; Carrier, 456—457.

ловѣка обусловливается данною ему свободою воли, т.-е. способностью познавать и избирать доброе и злое, истинное и ложное, разумное и неразумное. Такъ какъ все въ мірѣ подчинено закону строгой необходимости, то истинная свобода состоитъ въ добровольномъ подчиненіи человѣка этой необходимости и въ добровольномъ выполненіи своего назначенія. Впрочемъ это не исключаетъ возможности добровольнаго уклоненія человѣка отъ своего назначенія и совершенія грѣха и зла. Зло, по ученію Бруно, не есть что-либо реально существующее. Оно имѣетъ только отрицательный характеръ, т.-е. оно есть отрицаніе и отсутствіе добра и потому — нѣчто не существующее. Оно не существуетъ для Бога, ибо онъ не имѣетъ идеи о немъ, — а тѣмъ менѣе оно можетъ ограничивать Его, ибо несущее не можетъ ограничивать сущее. Поэтому зло, равно какъ и несовершенства въ мірѣ, имѣетъ частный и индивидуальный характеръ; оно существуетъ и имѣетъ значеніе только по отношенію къ человѣку. Для послѣдняго же оно необходимо, какъ условіе добра, потому что еслибы не было зла и возможности добровольнаго уклоненія человѣка отъ своего назначенія, то и выполненіе нравственнаго закона не было бы его заслугой и добродѣтью ⁵²⁾.

Нравственнымъ и добродѣтельнымъ *дѣйствіемъ* Бруно называетъ только то, которое явилось *плодомъ долгой и серьезной обдуманности и твердой рѣшимости*. Добродѣтель сама въ себѣ одна; но по различію обстоятельствъ и предметовъ она получаетъ различныя наименованія: любви, надежды, терпѣнія, благоразумія и т. д. Общее свойство и отличительный признакъ всякаго добродѣтельнаго дѣйствія есть *избраніе средины между крайностями излишка и недостатка*. Такъ напримѣръ, терпѣніе занимаетъ средину между безпокойствомъ и безчувственностію, благочестіе—между идолослуженіемъ и атеизмомъ и пр. Добродѣтель должна управлять всѣми дѣйствіями человѣка во всѣхъ сферахъ его дѣятельности—частной, общественной и религіозной ⁵³⁾. Въ жизни общественной каждый долженъ трудиться на пользу и благосостояніе общества, имѣя въ виду общечеловѣческую про-

⁵²⁾ Carries, 459.

⁵³⁾ Barth, 361—364.

грессъ. Въ жизни религіозной человѣкъ долженъ выполнять обязанность богопочтенія. При этомъ Бруно осуждаетъ религіозный фанатизмъ и нетерпимость къ иновѣрцамъ и не считаетъ ложною ни одну религію. *Всѣ религіи*, по его ученію, *воздаютъ почета одному и тому же абсолютному существу*, только въ различныхъ формахъ. Поэтому онъ не осуждаетъ ни египетскаго культа животныхъ, ни почитанія звѣздъ и вообще всѣхъ тварей. Всѣ произведенія природы, какъ животныя, такъ и растенія, суть живые образы и носители божества; это—самъ Богъ въ вещахъ (*natura est Deus in rebus*). По этой причинѣ почитать тварь,—значить почитать скрытое въ ней божество. Самымъ лучшимъ средствомъ къ возбужденію религіознаго чувства служитъ созерцаніе небесныхъ свѣтилъ. Какъ совершеннѣйшія существа, они суть и совершеннѣйшіе образы и носители Божества, съ наибольшею ясностію и полнотою открывающія человѣческому взору совершенства своего первообраза. На звѣзды, по мнѣнію Бруно, можно даже смотрѣть какъ на изшія Божества и поклоненіе имъ вводить въ религіозный культъ ⁵⁴).

Самое высшее нравственное состояніе человѣка бываетъ тогда, когда его стремленіе къ абсолютному совершенству обращается въ такъ-называемую Бруно, „героическую любовь“ (*amor heroicus*) или „героическій восторгъ“ (*furore heroicus*). Въ этомъ состояніи человѣкъ до сильнаго и постояннаго аффекта увлекается стремленіемъ къ истинѣ, добру и красотѣ, дѣлается ихъ героемъ, страстнымъ поклонникомъ и невольникомъ, всецѣло посвящаетъ себя изученію абсолютной истины и осуществленію добра, пренебрегаетъ всѣ возможныя препятствія, могущія встрѣтиться на пути къ этому, жертвуя всѣмъ, даже жизнью ⁵⁵).

IV. Оцѣнка философіи Бруно.

Какъ эклектикъ, Бруно представляетъ намъ въ своей философской системѣ заимствованія почти у всѣхъ предшествовавшихъ ему болѣе или менѣе замѣчательныхъ мыслителей. Основное

⁵⁴) Barth. 365. 103.

⁵⁵) Это ученіе Бруно раскрываетъ въ особомъ «гимнѣ любви» и сочиненіи «О героическомъ восторгѣ». Ср. Barth. 118—128. Lasson 21—22.

положеніе элеатовъ: „ἐν καὶ τᾶν“ и ихъ стремленіе все многообразіе міровыхъ явленій свести къ единству первоначала легко въ основу всей философіи Бруно. У пифагорейцевъ онъ заимствуетъ терминъ монады и ученіе о Богѣ, какъ абсолютной монадѣ, равно какъ и значеніе числа, особенно единицы, въ философіи; у Анаксагора—ученіе о художественно дѣйствующемъ въ мірѣ умѣ (νοῦς). Ученіе Бруно о вещахъ какъ тѣняхъ и копіяхъ идей и о героической любви имѣетъ связь съ ученіемъ Платона объ идеяхъ и эросѣ. У Аристотеля Бруно беретъ ученіе о причинахъ дѣйствующей, конечной и формальной, понятіе о матеріи какъ пассивной возможности бытія и формѣ какъ опредѣляющей безформенную матерію активной силѣ, — точно также ученіе о добродѣтели какъ результатѣ совмѣстнаго дѣйствія разума и воли и благоразумной середины между крайностями излишка и недостатка. Со стойками философія Бруно стоитъ въ связи въ ученіи о проникающей и оживляющей универсѣ міровой душѣ и объ одушевленности міра. У Филона и Плотина Бруно заимствуетъ: понятіе о единомъ первоначалѣ бытія, какъ безразличной всеобщности, лишенной всѣхъ частныхъ опредѣленій; ученіе о міровой душѣ какъ дѣятельномъ началѣ міра, которое творитъ міръ и упорядочиваетъ всѣ вещи въ силу нравственной необходимости и внутренней потребности своей природы творить, а не оставаться празднымъ; ученіе о душѣ и ея отношеніи къ тѣлу какъ къ своему орудію, доказательства нематеріальности души, ея безсмертія и неразрушимости, классификацію душевныхъ силъ на чувство внѣшнее и внутреннее, — понятіе о разсудкѣ какъ способности дискурсивнаго мышленія и разумѣ или умѣ какъ высшей способности непосредственнаго воззрѣнія и созерцанія абсолютнаго; наконецъ ученіе объ отрицательномъ и субъективномъ характерѣ зла и несовершенствъ въ мірѣ и ихъ необходимости для совершенства и добра.

Изъ послѣдующихъ мыслителей съ философіей Бруно имѣютъ связь: Скоттъ Эригена и Николай Кузанскій. У перваго Бруно заимствуетъ понятіе единой міровой субстанціи, раскрывающейся въ частныхъ вещахъ какъ своихъ модусахъ и акциденціяхъ; также ученіе о единовременной трансцендентности и имманентности Бога по отношенію къ міру. Со вторымъ Бруно стоитъ въ связи въ ученіи о Богѣ какъ дѣйствительности всего возмож-

наго, абсолютной полнотѣ бытія, компликации всѣхъ вещей, тождествъ и совпаденіи всѣхъ различій и противоположностей частнаго бытія; взглядъ на универсъ какъ на экспликацію божественной сущности и математическія доказательства той мысли, что въ безконечномъ совпадаютъ и объединяются всѣ частныя различія и противоположности. Что касается до мыслителей эпохи возрожденія, то общая связь ихъ пантеистической и рационалистической тенденціи съ философіей Бруно нами уже указана. Большею частью ихъ системы были возобновленіемъ ученія древнихъ философовъ и потому говорить объ ихъ отношеніи къ Бруно значило бы повторить уже сказанное. Мы можемъ здѣсь указать только на двухъ изъ нихъ: Парацельса и Коперника. Съ натурфилософскою системою Парацельса философія Бруно представляетъ сходство въ ученіи о всеобщей одушевленности природы, даже камней и минераловъ, въ отрицаніи смерти въ природѣ, въ ученіи о необходимости противоположностей и различій для жизни и развитія, зла для добра. У Коперника Бруно заимствуетъ почти всю свою космологію ⁵⁶⁾.

Изъ сказаннаго видимъ, какъ много обязанъ Бруно своимъ предшественникамъ. Однако же было бы слишкомъ несправедливо видѣть въ его философіи простой только механической сборникъ чужихъ идей. Уже то одно, что Бруно заимствуемымъ идеи подвергаетъ рациональной критикѣ и освѣщаетъ однимъ началомъ, даетъ его философіи право на болѣе или менѣе самостоятельную систему. Независимо отъ этого, философія Бруно представляетъ намъ нѣсколько такихъ взглядовъ и идей, которые или вполне новы и оригинальны, или же представляютъ дальнѣйшее развитіе метафизическихъ началъ предшествовавшихъ ему философскихъ системъ. Сюда принадлежатъ:

1. Раскрытіе понятія о субстанціальномъ единствѣ міроваго бытія. Ученіе Бруно объ абсолютной субстанціи выработалось изъ идей Филона и Плотина о „единомъ“ путемъ долгаго историческаго развитія этихъ идей въ средневѣковой мистической школѣ. Ученіемъ о „единомъ“ абсолютномъ первоначалѣ всего

⁵⁶⁾ О средневѣковыхъ мыслителяхъ и философахъ возрожденія см. Stöckl'я и Carrier'a въ цитованныхъ сочиненіяхъ.

бытія, Филонъ и Плотинъ завершили стремленіе классической философіи къ объединенію всего многообразія частнаго и феноменальнаго бытія въ единствѣ принципа. Это „единое“ явилось у нихъ абсолютнымъ безразличіемъ, стоящимъ внѣ и выше всѣхъ противоположностей и различій условнаго бытія; оно лишено всѣхъ частныхъ признаковъ и опредѣлений; ему нельзя приписать ни одного предиката; его нельзя назвать даже бытіемъ въ собственномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, пріобрѣтенное путемъ отвлеченія отъ частныхъ явленій, „единое“ Филона и Плотина возведено на такую высоту метафизической абстракціи, на которой оно лишилось всѣхъ признаковъ реальнаго бытія и обратилось въ абстрактное ничто, въ чистую противоположность міру реальныхъ явленій. Хотя этимъ александрійская философія и достигла полнаго монизма въ ученіи о первоначалѣ всего, но за то внесла непримиримый разладъ между этимъ „единымъ“ съ одной стороны и реальнымъ міромъ съ другой. Положивъ въ основу бытія абсолютно единое начало, какъ самую высшую абстракцію отъ условныхъ и частныхъ явленій, александрійская философія однако же не въ состояніи была отвѣтить на вопросъ: какимъ образомъ „единое“, лишненное всѣхъ признаковъ реальной сущности и стоящее ко всему качественно опредѣленному въ прямой абстрактно-логической противоположности, можетъ быть основаніемъ многообразія и качественной опредѣленности міра реальнаго? Сами Филонъ и Плотинъ сознавали эту трудность и хотѣли избѣжать ея введеніемъ посредствующихъ между „единымъ“ и міромъ началъ, первый—Логоса, второй—Нуса и міровой души. Но этимъ дуализмъ только сглаживался и маскировался, но не уничтожался. Препятствіе къ примиренію дуализма между Богомъ и міромъ являлось для Филона и Плотина и съ другой стороны—со стороны матеріи. Оставивъ аристотелевское понятіе о ней какъ абсолютно противоположномъ формѣ и духу пассивномъ началѣ бытія, философія Филона и Плотина никакимъ образомъ не могла поставить ее въ субстанціональное единство съ Богомъ и формою. Поэтому для александрійскихъ философовъ всегда должно было оставаться въ мірѣ нѣчто противобожественное, нѣкоторый небожественный остатокъ, который необходимо вель къ дуализму Бога и міра, матеріи и духа.

Іоаннъ Скоттъ Эригена, перенесшій идеи Плотина въ средне-вѣковую философію, сдѣлалъ попытку выйти изъ Платиновскаго дуализма на началахъ его же философіи. Согласно съ Платиномъ онъ полагаетъ въ основу всего бытія абсолютно безкачественное и неопредѣленное начало, или, какъ самъ онъ называетъ его, *божественное ничто* (первая природа). Это первоначало порождаетъ изъ своей сущности *умъ* (вторая природа), носящій въ себѣ идеально весь міръ въ абсолютномъ единствѣ. „Умъ“ въ свою очередь производитъ, какъ одну изъ своихъ идей, *сущность* (*οὐσία*—третья природа), которая, какъ высшая абстракція, содержитъ въ себѣ всѣ частныя понятія и вещи. Эта усія, распадаясь на содержащіяся въ ней частныя понятія, какъ субстанціи на свои акциденціи, производитъ *міръ* частныхъ и условныхъ явленій (четвертая природа). Такимъ образомъ Эригена превратилъ понятіе универса въ чисто логическій процессъ раскрытія идеи. Но отвергнувъ реальность міра и матеріи и признавъ всѣ частныя вещи за проявленіе абстрактнаго логическаго понятія, Эригена хотя и возвелъ міръ въ субстанціональное единство съ Богомъ и отрицаніемъ матеріи примирилъ дуализмъ классической и александрійской философіи между принципами міроваго бытія, но за то сталъ въ противорѣчіе съ непосредственнымъ убѣжденіемъ человѣческаго разума въ реальности міра и матеріи. Его философія не рѣшаетъ, но уничтожаетъ вопросъ, поставленный классической философіей, примиреніи духа и матеріи, Бога и міра.

Въ такомъ положеніи вопросъ о субстанціальномъ единствѣ бытія перешелъ въ средне-вѣковую мистику, которая въ лицѣ своихъ представителей—Эккарта, Таулера и др., усвоивъ идеи Плотина, стремилась помирить ихъ съ христіанской догматикой, но не сдѣлала ни одного новаго шага на пути къ примиренію платиновскаго дуализма. Очевидно, для рѣшенія проблемы требовалось: съ одной стороны свести Бога съ высоты платиновской абстрактной неопредѣленности и противоположности міру къ опредѣленности Его внутренней природы,—а съ другой измѣнить Аристотеліанское понятіе о матеріи и мірѣ такъ, чтобы не представлялось никакихъ препятствій къ сліянію ихъ въ субстанціальное единство съ Богомъ. Не вполне сознательную попытку къ рѣшенію вопроса такимъ именно путемъ первый сдѣ-

даль нѣмецкій философъ Николай Кузанскій. Онъ опредѣлялъ Бога какъ дѣйствительность всего возможнаго и абсолютную полноту бытія и такимъ образомъ вмѣсто Платиновскаго и Эригеновскаго безпредикатнаго „единаго“ поставилъ такое начало бытія, которое заразы и въ абсолютномъ единствѣ имѣеть всѣ опредѣленія и предикаты. Въ Богѣ, по его ученію, находится все и Онъ во всемъ; въ Немъ—всѣ вещи и одно съ нимъ; также и Онъ во всѣхъ вещахъ и одно съ ними. Отсюда далѣе слѣдуетъ, что, какъ въ Богѣ, такъ и въ мірѣ находятся всѣ вещи; но въ Богѣ—въ состояніи единства, безразличія, компликаціи, а въ мірѣ—въ состояніи экспликаціи, различія, опредѣленности и индивидуаціи. Такимъ образомъ Богъ и міръ, по ученію Николая Кузанскаго, суть одна величина, они имѣють одно и то же содержаніе и бытіе; но образъ и форма ихъ бытія различны. Поэтому между Богомъ и міромъ только формальное и относительное различіе; по субстанціи же они—одно. Отсюда Кузанскій философъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, долженъ былъ придти къ пантеистическому воззрѣнію на Бога и міръ со всѣми, необходимо вытекающими отсюда, выводами. „Но,—говорить Бруно объ этомъ философѣ, называя его однимъ изъ рѣдкихъ геніевъ, которые когда-либо были въ Европѣ,—его наблюденія, подобно наблюденіямъ моряка на морѣ, когда корабль, колеблемый волнами, то поднимается, то опускается, не были такъ устойчивы и спокойны, какъ наблюденія того, кто находится на твердой почвѣ и не только въ извѣстные промежутки времени, но и всегда безпрерывно видитъ полный и ясный свѣтъ. Причиною этого было то, что самъ онъ еще не отвергъ всѣхъ ложныхъ основоположеній, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ согласно съ общепринятымъ ученіемъ, вслѣдствіе чего онъ также, вѣроятно намѣренно, но несомнѣнно очень осторожно, далъ своимъ книгамъ заглавія „Объ ученюмъ незнаніи или о невѣственной учености“. Дѣйствительно, Николай Кузанскій не сознавалъ или не хотѣлъ сознать всего значенія и послѣдствій своего понятія о Богѣ и, желая удержаться на почвѣ христіанской догматики, колеблется между пантеизмомъ и христіанствомъ. Такъ, вопреки своему ученію о формальномъ только различіи между Богомъ и міромъ, онъ призналъ Бога трансцендентною сущностію, принялъ догматъ о троичности лицъ въ Богѣ, ученіе

о твореніи міра изъ ничего во времени, о возможности другихъ міровъ, случайности существующаго и его зависимости отъ божественнаго произвола. Все это стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчїи съ ученїемъ Николая Кузанскаго о Богѣ.

Взявъ у нѣмецкаго философа понятїе о Богѣ, Бруно рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе выводитъ всѣ вытекающїя изъ этого понятїя слѣдствїя. Богъ, по ученїю Бруно, заразъ есть все и имѣетъ всѣ предикаты и опредѣленїя. Онъ заключаетъ въ себѣ всѣ вещи и есть міръ въ абсолютномъ единствѣ и компликативной формѣ бытїя; равно и міръ и всѣ вещи суть самъ Богъ въ развитїи, экспликаціи и многообразїи. Такимъ образомъ, Богъ и міръ явились у Бруно одною и тою же величиною, однимъ бытїемъ—только въ различной формѣ. Отсюда въ его философіи оказались ненужными посредствующїя между Богомъ и міромъ начала платиновской и эригеновской философіи и все сведено къ строгому монизму міроваго принципа. Далѣе, вмѣсто прежней абсолютной противоположности Богу міръ получилъ у Бруно предикаты Божества—безконечности, необходимости и совершенства, только подъ другой формой бытїя. Наконецъ, онъ измѣнилъ выработанное Платономъ и Аристотелемъ понятїе о матерїи, какъ противоположномъ формѣ и нѣкоторомъ противубожественномъ началѣ міроваго бытїя,—понятїе, служившее камнемъ преткновенїя для Плотина и его послѣдователей. Не уничтожая матерїи подобно Эригену, Бруно первый примирилъ ее съ активнымъ и божественнымъ началомъ бытїя и отсюда съ самимъ божествомъ. Изъ прежней абсолютно пассивной и совершенно противоположной духу или формѣ субстанціи Бруно возвелъ матерїю въ силу, имѣющую отъ силы активной только качественное и формальное, но не субстанціальное различїе. Она, по его ученїю, относится къ формѣ не какъ абсолютно пассивный и равнодушный къ формальнымъ измѣненїямъ субстратъ, но въ своемъ нѣдрѣ она уже носитъ всѣ зародыши формъ міровой жизни, какъ своихъ цѣлей или потенцій, къ осуществленїю которыхъ сама она стремится собственною силою. Она явилась у него носителемъ формы, не-матерїальною силою индивидуациі общей первоформы въ мірѣ частныхъ явленїй,—и что прежде считалось свойствами матерїи, т.-е. тѣлесность, дѣлимость, ограниченность и пространственность, стали у Бруно

простымъ феноменомъ силы. Преобразивъ такимъ образомъ матерію въ силу и приписавъ ей всѣ предикаты послѣдней—неизмѣняемость, духовность и безпредѣльность, Бруно на ряду съ формою могъ внести ее въ божественную сущность и объ ихъ разсматривать какъ два нераздѣльные и отъ вѣчности другъ друга предполагающіе атрибуты или выраженія единой абсолютной первосубстанции.

Итакъ, ноланскій философъ первый ясно поставилъ и сдѣлалъ попытку рѣшить вопросъ, унаслѣдованный отъ классической философіи, о субстанціальномъ единствѣ Бога и міра, духа и матеріи. Всѣ послѣдующія пантеистическія системы, удерживая основное понятіе философіи Бруно о субстанціальномъ единствѣ бытія отличаются отъ нея или только большею законченностью и стройностью въ развитіи этого понятія, или же воззрѣніемъ на способъ возникновенія міра изъ абсолютной субстанции и формою пантеизма.

2. Ученіе о безконечности и метафизической необходимости міра, о необходимости реального существованія частныхъ различій и противоположностей, какъ условія общей міровой гармоніи, о необходимости зла для добра,—также ученіе объ отрицательномъ и частномъ характерѣ несовершенствъ и недостатковъ въ мірѣ, понятіе объ универсѣ какъ живомъ организмѣ и ученіе о всеобщей одушевленности природы—все это по частямъ можно найти и у предшественниковъ Бруно. Самому Бруно здѣсь принадлежитъ только болѣе глубокое философское обоснованіе этихъ идей и ихъ болѣе систематическое раскрытіе.

3. Ученіе о монадахъ, какъ живыхъ субстанціяхъ вещей, всецѣло принадлежитъ философскому генію Бруно. вмѣсто прежнихъ безкачественныхъ и не различимыхъ другъ отъ друга матеріальныхъ атомовъ, которые не могли объяснить многообразія и качественной опредѣленности бытія,—Джіордано Бруно,—первый созналъ метафизическую необходимость положить въ основу явленій живые и индивидуально-опредѣленные центры силъ, въ различныхъ степеняхъ отражающіе въ себѣ сокращенно весь универсъ.

4. Наконецъ, въ ученіи о познаніи первому Бруно принадлежитъ раскрытіе и обоснованіе рациональнаго метода. Борьба мыслителей эпохи возрожденія за свободу и независимость разума,

при отсутствіи общепризнаннаго и выработаннаго метода, ограничивалась, какъ мы говорили уже, большею частію замѣною однихъ авторитетовъ другими и веда къ полной анархіи въ области философіи. Поэтому рациональный методъ Бруно замѣчательнень уже просто какъ попытка ограничить субъективный произволъ тогдашнихъ философовъ, выработавъ создать обязательные для разума методологическіе принципы. Но кромѣ этого его методъ замѣчательнень своею законченностію и обоснованностію, такъ что, какъ увидимъ ниже, Декартъ, котораго *Discours de la méthode* ставятъ обыкновенно началомъ эры новой философіи, собственно въ методологическомъ отношеніи не сказалъ ничего новаго сравнительно съ Бруно. Наконецъ, отвергнувъ платоновскую теорію врожденности идей въ формѣ готовыхъ представленій, изъ воспоминанія которыхъ состоитъ познаніе, Бруно первый призналъ, что идеи врождены нашему духу въ видѣ потенцій или зародышей всеобщаго и необходимаго познанія, нуждающихся для своего проявленія и раскрытія въ извѣстныхъ условіяхъ и развитіи.

Не смотря на всю оригинальность указанныхъ идей и ихъ важность въ ходѣ развитія философской мысли, Бруно не произвелъ переворота въ исторіи философіи и не основалъ школы въ строгомъ смыслѣ этого слова. Причина этого заключается въ томъ, что философія Бруно не имѣетъ строгаго единства, стройности и законченности. Большею частію Бруно въ поѣтическихъ образахъ и метафорахъ воспѣваетъ свои философскія идеи, не доказывая и не раскрывая ихъ строго философскимъ и научнымъ путемъ; онъ болѣе поэтъ, чѣмъ философъ и строгій мыслитель. Многие, даже изъ существенныхъ и рѣшительныхъ пунктовъ своей философіи онъ оставилъ не раскрытыми и не примирилъ тѣхъ противорѣчій, въ какихъ нѣкоторые изъ нихъ стоятъ, по отношенію къ ея основнымъ положеніямъ и ея существенному характеру. Не задаваясь подробно критикой всѣхъ недостатковъ философіи Джордано Бруно, мы укажемъ здѣсь, только тѣ изъ ея существенныхъ и наиболѣе важныхъ противорѣчій, которыя имѣли значеніе въ дальнѣйшемъ движеніи философской мысли и изъ устраненія которыхъ возникли философскія системы: Спинозы, Лейбница и Шеллинга.

Во 1-хъ, Бруно не доводитъ до рѣшительныхъ слѣдствій свое

понятіе о Богѣ, какъ безразличной всеобщности всего бытія и тождествѣ всѣхъ противоположностей и различій. Такъ онъ склоняется въ пользу личности Божества, удерживаетъ понятіе о Богѣ, какъ сознательномъ духѣ и художественно дѣйствующемъ въ мірѣ разумѣ, даже не отвергаетъ трансцендентности Бога въ смыслѣ христіанскомъ, хотя ученіе о существѣ Бога самомъ въ себѣ безъ отношенія Его къ міру и отсылаетъ изъ области философіи и разума въ область теологіи и вѣры. Между тѣмъ все это рѣшительно противорѣчитъ понятію Бруно о Богѣ какъ тождественной въ себѣ и безразличной міровой субстанціи, вноситъ различимость во внутреннюю жизнь Божества и изъ имманентной міру субстанціи возводитъ Его въ трансцендентную личность. Такимъ образомъ упрекъ, какой дѣлаетъ Бруно Николаю Кузанскому, въ колебаніи между христіанствомъ и пантеизмомъ, отчасти можетъ быть обращенъ и къ міросозерпанію поланскаго философа. Во 2-хъ, ученіе Бруно о цѣляхъ въ исторіи и природѣ, о свободѣ человѣческой воли, о виновности человѣка и его посмертной отвѣтственности за грѣхъ и зло стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ ученіемъ о нравственной и метафизической необходимости какъ всего универса, такъ и всѣхъ частныхъ вещей и явленій. Въ 3-хъ, съ понятіемъ Бруно о субстанціи, какъ вѣчной и абсолютной дѣйствительности всего возможнаго и безусловной полнотѣ бытія, нельзя согласить ученіе объ ея органическомъ развитіи въ міровомъ процессѣ. Если Богъ отъ вѣчности есть абсолютная полнота бытія и въ каждый данный моментъ своей жизни есть дѣйствительность всего возможнаго, то онъ не можетъ быть мыслимъ какъ органически и постепенно развивающееся въ міровомъ процессѣ живое начало; ибо развитіе предполагаетъ цѣль, т. - е. потенциальную только, а не актуальную дѣйствительность. Для Бруно возможны были только два выхода изъ этого противорѣчія, одинаково непримиримые съ основными началами его системы. Или, строго развивая понятіе о субстанціи, какъ абсолютной полнотѣ бытія и вѣчной дѣйствительности всего возможнаго, онъ долженъ былъ отвергнуть всякую для нея возможность органическаго развитія въ міровомъ процессѣ и признать универсъ за вѣчно данный при субстанціи предикатъ, слѣдующій изъ нея, не какъ дерево изъ зерна, но какъ предикатъ изъ понятія, или теорема изъ

аксіомы. Или же, удержавъ понятіе о міровомъ организмѣ и постепенномъ развитіи субстанціи въ міровомъ процессѣ, слѣдовало признать Бога не за актуальную, но за потенциальную только полноту бытія, т.-е. признать, что субстанція только въ концѣ своего развитія въ міровомъ процессѣ раскрываетъ въ дѣйствительности всю полноту потенциально заключеннаго въ ней бытія. Первый путь для примиренія противорѣчій философіи Бруно, какъ увидимъ, избралъ Спиноза, а второй—Шеллингъ. Въ 4-хъ, положивъ въ основу всѣхъ вещей и явленій простыя, недѣлимые и неразрушимые монады и приписавъ имъ всѣ предикаты субстанцій вещей, Бруно не выяснилъ ихъ отношенія къ единой абсолютной субстанціи. Если міръ есть развитіе единой абсолютной субстанціи въ своихъ модусахъ и акциденціяхъ, если непосредственными принципами вещей служатъ двѣ силы—форма и матерія, какъ два атрибута единой субстанціи, то очевидно и всѣ монады должны быть сведены на степень бытія модальнаго, получить предикаты акцидентальныхъ сущностей—измѣняемости, ограниченности и пр. и чрезъ это, потерявъ всѣ признаки субстанцій вещей, стать совершенно излишнимъ и ничего необъясняющимъ плеоназмомъ принциповъ бытія. Если же Бруно удерживаетъ въ своей системѣ понятіе монады и надѣляетъ ее предикатами истинной субстанціи (неизмѣняемости, неразрушимости, недѣлимости и пр.), то, чтобы сохранить ея самостоятельность, какъ необходимый признакъ въ понятіи субстанціи, онъ долженъ бы былъ изолировать монаду отъ абсолютной субстанціи и изъ пантеиста сдѣлаться деистомъ. Этотъ послѣдній путь, какъ увидимъ, избралъ Лейбницъ.

У. Вліяніе идей Бруно на послѣдующую философію.

Хотя по причинѣ указанныхъ недостатковъ своей философіи Бруно не совершилъ какого-либо замѣтнаго переворота въ движеніи философской мысли, однакожъ его идеи не остались совершенно безплодными и мертвыми. Нѣкоторые изъ корифеевъ новой философіи усвоили идеи голландскаго мыслителя и развивали ихъ въ стройныя системы. Таковы: Декартъ, Спиноза, Лейбницъ и Шеллингъ.

1. *Декартъ*. Достоинство и оригинальность философіи Декарта обыкновенно полагаютъ въ томъ, что онъ основалъ рациональный методъ философскаго познанія и, отвергнувъ все авторитеты, исходнымъ пунктомъ философіи поставилъ мыслящій субъектъ и личный разумъ философа. Этимъ методомъ и стоитъ философія Декарта въ тѣсной связи съ итальянскимъ мыслителемъ.

Не отвергая вѣры, Декартъ подобно Бруно рѣшительно возстаетъ противъ ея значенія въ философіи; точно также онъ является рѣшительнымъ противникомъ авторитета древнихъ философовъ. Изъ іезуитской коллегіи Ла-Флэшъ Декартъ, какъ самъ онъ признается, вынесъ одно только сомнѣніе въ истинности всей прежней философіи и убѣжденіе въ пустотѣ и бесплодности схоластическихъ приемовъ изысканія истины. Поэтому онъ рѣшился остаться наединѣ съ собою и только въ себѣ самомъ и въ великой книгѣ природы искать отвѣтовъ на возникавшіе въ его годовѣ философскіе вопросы. Силою только собственнаго разума хотѣлъ онъ отыскать твердую почву и фундаментъ для зданія философіи. Чтобы пріобрѣсти такое основаніе, Декартъ рѣшился сначала усумниться въ достовѣрности всѣхъ нашихъ познаній: въ бытіи Бога, въ существованіи вѣшняго міра, даже собственнаго тѣла; ибо, думаетъ онъ, ничто не можетъ поручиться за то, что все это истинно и достовѣрно, а не есть всеобщая иллюзія, подобная той, какой мы подвергаемся во время сна. Какъ же вышелъ Декартъ изъ такого сомнѣнія къ положительной философіи? Если Архимедъ, говоритъ онъ, требовалъ себѣ только маленькой точки опоры, чтобы двинуть всю землю, то для меня достаточно хоть одного, самого ничтожнаго достовѣрнаго факта, чтобы найти въ немъ точку опоры для всей философіи и выхоть разума изъ огульнаго сомнѣнія. Фактъ самаго сомнѣнія и есть, по его мнѣнію, такая точка опоры и такой несомнѣннѣйшій и достовѣрнѣйшій фактъ. Сомнѣваясь во всемъ, и предполагая, что я во всемъ обманываюсь, я однако же ни въ какомъ случаѣ не могу усумниться и счесть за иллюзію то, что я сомнѣваюсь и мыслю. Но очевидно для того, чтобы мыслить и сомнѣваться, я долженъ существовать; ибо какъ бы я могъ мыслить, еслибы не существовалъ? Итакъ несомнѣнно, что я—мыслящій, существую—*cogito ergo sum*. Но если фактъ моего мыслящаго существованія есть единственный достовѣрный

фактъ, въ которомъ невозможно никакое сомнѣніе, то какимъ образомъ построить на этомъ основаніи все зданіе философіи? Разсматривая положеніе—*cogito ergo sum* и спрашивая, что сообщаетъ ему такой характеръ несомнѣнности и достовѣрности, Декартъ находитъ отвѣтъ въ непосредственной очевидности этого положенія, исключаящей возможность всякаго сомнѣнія въ немъ. Поэтому все, что такъ же очевидно, т.-е. такъ же ясно и раздѣльно познается нами, какъ положеніе, что „я существую, потому что мыслю“, все это точно также истинно и достовѣрно. Запасшись очевидностію, какъ всеобщимъ критеріемъ достовѣрности познанія, Декартъ на основаніи этого критерія принимаетъ потомъ за истину все, въ чемъ онъ сомнѣвался въ началѣ, т.-е. бытіе Бога, существованіе внѣшняго міра, тѣла, ангеловъ и т. д. Но здѣсь сами собою возникаютъ два вопроса. Во 1-хъ, какъ примирить съ всеобщностію этого критерія фактъ существованія заблужденій и различія философскихъ школъ, имѣющихъ въ своемъ основаніи также субъективную очевидность? Ошибки и заблужденія, по мнѣнію Декарта, происходятъ отъ ложной очевидности, зависящей отъ предразсудковъ и страстей; истинная же очевидность всегда приводитъ къ одной истинѣ. Во 2-хъ, что можетъ поручиться за то, что само *cogito ergo sum* не есть всеобщая иллюзія человѣческаго разума и насмѣшка злаго генія надъ человѣческимъ познаніемъ? Богъ, отвѣчаетъ Декартъ, виновникъ нашего познанія, не можетъ и не имѣетъ нужды вводить насъ въ заблужденіе, ибо онъ есть абсолютная истина и правда. Заблужденія, по его мнѣнію, происходятъ отъ насъ самихъ и неправильнаго пользованія данными намъ отъ Бога средствами къ познанію, а не отъ самого Бога и не отъ самыхъ средствъ.

Таковъ славный въ исторіи философіи рациональный методъ Декартовой философіи, состоящій въ сомнѣніи, какъ отрицательномъ, и очевидности, какъ положительномъ средствѣ къ отысканію истины. Очевидно сомнѣніе Декарта имѣетъ тотъ же характеръ и цѣль, какъ и сомнѣніе Бруно—посредствомъ рациональной критики освободить философію отъ предразсудковъ и отыскать истину. Сомнѣніе Декарта, какъ и сомнѣніе Бруно, есть только методологическій приемъ изысканія и доказательства истины. „Мое намѣреніе, говоритъ Декартъ о своемъ сомнѣніи,

направляется только къ тому, чтобы укрѣпить и разчистивъ зыбкую почву и песокъ, найти каменистое основаніе“. Поэтому сомнѣніе Декарта и Бруно въ сущности есть не иное что, какъ рациональная вѣра и догматизмъ. Правда Декартъ, въ отличіе отъ Бруно, повидимому не на вѣру и не непосредственно принимаетъ очевидность за критерій достовѣрности нашихъ познаній, стараясь обосновать свой критерій на достовѣрнѣйшемъ и несомнѣннѣйшемъ положеніи—*cogito ergo sum*. Однако же, если онъ могъ сомнѣваться въ достовѣрности математическихъ аксіомъ, въ существованіи тѣла и внѣшняго міра, въ достовѣрности чувственнаго познанія, то на какомъ основаніи онъ не сомнѣвается въ самомъ—*cogito ergo sum*? Если возможно допустить, что какой-либо злой геній обманываетъ насъ, заставляя думать, что два равны тремъ и что существуетъ внѣшній міръ, то почему не допустить, что тотъ же злой геній ложно увѣряетъ насъ въ существованіи нашего мышленія? Поэтому Декартово *cogito ergo sum* есть не болѣе достовѣрный фактъ, какъ и тѣ, какіе приводитъ Бруно, что „я не могу усумниться въ существованіи матеріи и міра, если я испытываю на себѣ ихъ дѣйствіе, ни въ бытіи духа, если я мыслю и поступаю по своей волѣ“. Такимъ образомъ критерій истинности Декартовой философіи въ сущности сводится къ критерію Бруно, что достовѣрно то, что невольно признается нами за истину, и въ чемъ, даже вопреки своей волѣ, мы не можемъ усумниться.

Сходство Декартова метода съ методомъ Бруно простирается и на болѣе частные пункты. Такъ на вопросы: можетъ-ли быть очевидность всеобщимъ критеріемъ истины въ виду существованія различныхъ философскихъ школъ и заблужденій, а также—что можетъ поручиться за достовѣрность самого критерія достовѣрности?—оба философа даютъ совершенно тождественные отвѣты. Заблужденія и ошибки, по ихъ ученію, суть результатъ уклоненія отъ истинной очевидности и происходятъ отъ предубѣжденій и страстей. Основаніе же самой возможности для человека знать истину они видятъ въ Богѣ, который, какъ высочайшая истина, не можетъ и не имѣетъ нужды обманывать насъ. Все различіе между обоими философами въ этомъ послѣднемъ случаѣ сводится къ тому, что Бруно бытіе Бога признаетъ непосредственно данною для разума истинною, какъ условіе и пред-

положеніе всякаго познанія, и непосредственно вѣрить въ способность разума, какъ модуса и частицы Божества, познавать истину; между тѣмъ какъ Декартъ маскируетъ свой догматизмъ и вѣру въ разумъ посредствомъ логическаго круга въ доказательствахъ, утверждая достовѣрность бытія Бога на основаніи непосредственной очевидности *cogito ergo sum*, а достовѣрность этого послѣдняго—на основаніи бытія Бога. Оба философа, далѣе, принимаютъ теорію врожденности человѣческому духу идей и догматическое предположеніе тождества законовъ мышленія и бытія, какъ необходимыя слѣдствія ихъ рациональной вѣры. Наконецъ даже методологическія правила Декарта имѣють много сходства съ представленными нами 4-мя правилами индукціи Бруно. Такъ первое правило Декартова метода: „не принимать за истину ничего, чего я ясно не созналъ такую“ есть ничто иное, какъ выраженіе общаго у Декарта и Бруно критерія достовѣрности познанія—очевидности, состоящей въ ясности и раздѣльности познанія. Второе правило: „всякую трудность, которую я изслѣдую, разлагать на столько частей, насколько то возможно и потребно для того, чтобы было удобнѣе разрѣшить оную“, соотвѣтствуетъ тому, что Бруно разумѣетъ подъ „*distinguere, distribuere*“. Третье — „послѣдовательно выводить свои мысли, начиная съ предметовъ самыхъ простыхъ и удобныхъ (*aisés*) для познанія и потомъ мало по малу, какъ бы по ступенямъ, подниматься къ познанію самыхъ сложныхъ“ соотвѣтствуетъ тому, что Бруно обозначаетъ: „*ex promptioribus et proximioribus, ordine, gradibus certis*“. Наконецъ четвертое правило Декарта: „дѣлать всегда исчисленія столь цѣльные и обзорнія столь общія, что я былъ бы увѣренъ, что ничего не опустилъ“ заключается во второмъ правилѣ индукціи Джордано Бруно ⁵⁷⁾.

Изслѣдователь картезіанской философіи Францискъ Буилле ⁵⁸⁾ склоняется въ пользу того мнѣнія, что въ своихъ взглядахъ на универсъ Декартъ находился подъ вліяніемъ философіи Бруно. Дѣйствительно въ нѣкоторыхъ чертахъ ученія Декарта о мірѣ нельзя не замѣтить отпечатка идей Бруно. Тамъ онъ держится оптимистическаго взгляда на универсъ и подобно Бруно счита-

⁵⁷⁾ См. *Discours de la methode*, II partie, edit. par Jules Simon 7—15 p.

⁵⁸⁾ François Bouillier, *Histoire de la philosophie Cartesienne*, I, 15.

еть его совершеннымъ во всей его цѣлости, а не въ отдѣльных частяхъ. „Когда изслѣдуютъ, говорить онъ, совершенны ли произведенія Бога, то не слѣдуетъ брать во вниманіе единичную тварь въ отдѣльности, но вообще всѣ твари вмѣстѣ, ибо одна и таже вещь, которая пожалуй и съ нѣкоторымъ основаніемъ можетъ показаться весьма несовершенною, если бы она была одна въ мірѣ, не перестаетъ быть весьма совершенною, будучи разсматриваема, какъ часть всего универса“. Онъ склоняется также въ пользу ученія Бруно о безконечности міра, при чемъ подобно Бруно въ отличіе отъ безпредѣльности Бога считаетъ универсъ безконечнымъ только во всей его цѣлости, но не въ отдѣльных частяхъ. Наконецъ согласно съ Бруно Декартъ отрицаетъ возможность пустоты въ природѣ и признаетъ безконечность пространства, какъ неотдѣлимаго отъ безпредѣльной матеріи ея атрибута.

На основаніи столь близкаго и доходящаго иногда до мелкихъ подробностей сходства философіи Декарта съ философіей Бруно Гюэ (Huet) заключаетъ, что Декартъ похитилъ у Бруно свое ученіе о методѣ философіи, умолчавъ объ этомъ. Правда, этому мнѣнію повидимому противорѣчитъ то обстоятельство, что Декартъ съ пренебреженіемъ относился ко всей предшествовавшей ему философіи и, выставляя всегда на видъ свою самостоятельность, хвастался ея незнаніемъ. При всемъ томъ однакожь трудно допустить, чтобы Декартъ былъ совершенно незнакомъ съ идеями Бруно. Во время своего пребыванія въ коллегіи Ла-Флэшъ, какъ самъ признается, онъ читалъ много книгъ наиболѣе интересныхъ и рѣдкихъ. Любознательность Декарта едва ли могла не побудить его къ знакомству съ идеями философа; столь замѣчательнаго по своей печальной судьбѣ и возбуждающаго большое движеніе умовъ во время своихъ путешествій по Европѣ. Притомъ память о Бруно, не задолго до зрѣлаго возраста Декарта читавшемъ свои лекціи въ Сорбоннѣ, была еще такъ свѣжа, что любознательный Декартъ могъ познакомиться съ идеями этого философа еще въ коллегіи, если не по изданнымъ Бруно въ Парижѣ двумъ методологическимъ сочиненіямъ своимъ, то посредствомъ школьнаго преданія. Но съ другой стороны, если и соглашаться съ Гюэ, что Декартъ былъ знакомъ съ методомъ Бруно, нельзя однакоже видѣть въ немъ только

похитителя и литературного вора. Только строго философское, свободное от схоластических тонкостей Бруно и обстоятельное раскрытие Декартомъ рациональнаго метода философскаго познанія могло совершить переворотъ въ исторіи философіи и сообщить ей новое движеніе и направленіе. Кромѣ того, Декартъ сдѣлалъ новый шагъ сравнительно съ Бруно тѣмъ, что исходнымъ пунктомъ и точкою отправленія всякой философіи поставилъ субъектъ мыслящій. Тогда какъ исходнымъ пунктомъ философіи Бруно служитъ абсолютная субстанція, какъ непосредственно данная нашему уму (*mens*) истина и постулатъ всякаго познанія, Декартъ старался построить свою систему на сомнѣвающемся и мыслящемъ духѣ и этимъ открылъ для философіи новую эру.

2) *Спиноза* ³⁹⁾. Подобно Бруно, Декартъ призналъ въ явленіи міровой жизни модусами матеріи и духа, мышленія и протяженія. Но вопреки Бруно онъ установилъ между этими принципами бытія условнаго совершенную противоположность, такъ что въ конечныхъ вещахъ онъ видѣлъ или только модификаціи протяженія при совершенномъ отсутствіи въ нихъ мышленія, или же модификаціи одного духа при совершенномъ отсутствіи въ нихъ матеріальности и тѣлесности. Кромѣ того онъ совершенно изолировалъ абсолютную субстанцію отъ духа и матеріи и призналъ ее трансцендентною сущностію по отношенію къ послѣднимъ. Такою картезіанскій дуализмъ между духомъ и матеріей съ одной стороны и между этими послѣдними и Богомъ съ другой Спиноза снова примиряетъ въ абсолютномъ безразличіи одной имманентной міру абсолютной субстанціи и возвращается къ ученію Бруно о Богѣ, какъ абсолютномъ единствѣ духа и матеріи и безразличной всеобщности бытія.

Абсолютная субстанція, по ученію Спинозы, не можетъ быть выражена двумя или нѣсколькими предикатами; она есть безграничное единство и всеобщность всего бытія, т.-е. безконечнаго

³⁹⁾ Не подлежитъ сомнѣнію, что Спиноза, Лейбницъ, Шеллингъ, Якоби и др. были не только знакомы съ философскими идеями Бруно, но и увлекались ими и писали въ честь Итальянскаго мыслителя похвальные сочиненія, какъ напр. Лейбницъ и Шеллингъ. Вообще Бруно былъ весьма популяренъ среди новѣйшихъ философовъ, какъ по своей геройской смерти, такъ и еще болѣе по своимъ воззрѣніямъ.

числа атрибутовъ. Такое понятіе о субстанціи у Спинозы, какъ и у Бруно, совпадаетъ съ понятіемъ о Богѣ. Итакъ Богъ, по ученію Спинозы, есть абсолютное единство всѣхъ противоположностей и различій, абсолютная полнота бытія въ единствѣ. (1) Богъ нельзя сказать, что онъ пространственъ, хотя протяженіе и есть его вѣчный атрибутъ; его нельзя назвать и мышлениемъ; онъ не есть ни духъ ни матерія въ отдѣльности, но то и другое вмѣстѣ. Равнымъ образомъ онъ не есть какое либо бытіе въ отдѣльности, но все бытіе заразъ и въ абсолютномъ единствѣ; онъ есть абсолютная complicatio всего бытія, безусловная и неограниченная сущность, исключаяющая всякую частную и индивидуальную опредѣленность, ибо всякая опредѣленность есть ограниченность (*omnis determinatio est negatio*). Очевидно, такое понятіе о субстанціи совершенно тождественно съ опредѣленіемъ ея въ философіи Джордано Бруно. Какъ и у Бруно, у Спинозы субстанція лежитъ въ основѣ всего бытія и, будучи сама безразличнымъ единствомъ духа и матеріи, раскрывается посредствомъ ихъ, какъ своихъ атрибутовъ, въ безконечномъ разнообразіи частныхъ вещей, какъ своихъ модусовъ и акциденцій. Удержавъ ученіе Бруно о субстанціальномъ единствѣ духа и матеріи, Спиноза стоитъ однакоже на почвѣ картезіанскаго дуализма (въ нѣсколько измѣненномъ видѣ) въ ученіи объ ихъ природѣ и ихъ раскрытіи въ мірѣ модусовъ и акциденцій.

Признавая частныя вещи модусами двухъ божественныхъ атрибутовъ—духа и матеріи и объединяя эти послѣдніе въ нераздѣльное единство абсолютной субстанціи, Спиноза рѣшаетъ вопросъ о субстанціальномъ единствѣ бытія точно такимъ же образомъ, какъ и Бруно. У Бруно Спиноза беретъ и всѣ дальнѣйшіе выводы изъ понятія о Богѣ, какъ безразличной и имманентной міру субстанціи. Въ 1-хъ, какъ субстанція, лежащая въ основѣ всѣхъ явленій міровой жизни, Богъ есть производящая все причина, *causa efficiens*, но не *transcendens*, какъ у Декарта, а *immanens*, какъ у Бруно. Міръ съ своей стороны есть модификація и экспликація божественной сущности въ безконечномъ числѣ ограниченныхъ и конечныхъ модусовъ. Поэтому Богъ и міръ суть одна природа и имѣютъ только формальное, а не субстанціальное различіе. Богъ есть природа, поколику она производитъ все *natura naturans*; міръ есть природа, поколику она

становится всё́мъ—*natura naturata* (термины Бруно). Такимъ образомъ, какъ и у Бруно, у Спинозы самъ Богъ становится міромъ и раскрывается въ многоразличіи частныхъ и ограниченныхъ существъ. Во 2-хъ экспликаціа субстанціи въ міръ есть дѣло ея внутренней необходимости. Въ Богъ свобода равна необходимости и потому міръ отъ вѣчности слѣдуетъ изъ Бога, какъ необходимо данный при немъ его предикатъ, безъ котораго онъ невысказимъ. Въ 3-хъ вопреки картезіанскому взгляду на природу, какъ на мертвый механизмъ, Спиноза возвращается къ ученію Бруно о всеобщей одушевленности природы. Такъ онъ приписываетъ душу и жизнь, хотя и въ различныхъ степеняхъ, животнымъ, растеніямъ и даже минераламъ: „*omnia quavis diversis gradibus animata tamen sunt*“. Въ 4-хъ, подобно Бруно Спиноза смотритъ на человѣка, какъ на модусъ абсолютной субстанціи, поставляетъ его нравственное назначеніе въ познаніи необходимыхъ законовъ, правящихъ бытіемъ, въ добровольномъ подчиненіи имъ и въ любви къ Богу.

Взявъ у Бруно идею субстанціального единства бытія, Спиноза однакоже строже и логичнѣ раскрылъ какъ понятіе самой субстанціи, такъ и всё вытекающія изъ него слѣдствія. Мы видѣли, что Бруно, не отвергая прямо и рѣшительно идею личности Бога и приписывая ему разумъ и сознаніе, тѣмъ самымъ вопреки своему понятію о субстанціи, какъ безразличной всеобщности бытія, внесъ въ ея природу внутреннюю различимость и опредѣленность. Спиноза рѣшительно отвергъ всякую частную опредѣленность субстанціи; она, по его ученію, не есть индивидуумъ или личность, не есть разумъ, дѣйствующій по плану и цѣлямъ, но абсолютное безразличіе всего, абсолютное тожество всёхъ различій. Субстанція Спинозы—это подлежащее, которое можетъ быть мыслимо только въ своихъ предикатахъ подобно тому, какъ вода можетъ быть мыслима только подъ атрибутами жидкости, прозрачности и т. д. Далѣе, Бруно призналъ универсъ живымъ, развивающимся индивидуумомъ, вѣчнымъ осуществленіемъ сущаго въ безконечномъ процессѣ быванія. Поэтому онъ удержалъ понятіе цѣли въ природѣ и прогресса въ исторіи. Но мы видѣли, что понятіе развитія субстанціи въ процессѣ универса стоитъ у Бруно въ рѣшительномъ противорѣчій съ его ученіемъ о Богѣ, какъ вѣчной дѣйствительности всего возможнаго и аб-

солютной полнотѣ бытія. Если въ Богѣ все дано отъ вѣчности, какъ дѣйствительность, то онъ не можетъ развиваться въ мірѣ, и міръ долженъ быть данъ при немъ въ вѣчной и неизмѣнной дѣйствительности экспликативнаго бытія. Такой выводъ изъ ученія Бруно о субстанціи по отношенію къ міру сдѣлалъ Спиноза въ своей философіи. Такъ какъ развитіе предполагаетъ не актуальную, а только потенциальную и неразвитую дѣйствительность всего возможнаго, то міръ, по ученію Спинозы, слѣдуетъ изъ субстанціи, какъ отъ вѣчности и неизмѣнно данный при ней ея предикатъ, подобно тому какъ изъ понятія треугольника слѣдуетъ, что сумма его угловъ равна двумъ прямымъ. Такъ послѣдовательно раскрытая идея субстанціи обратила живой и органически развивающійся универсъ Итальянскаго философа въ оцѣпенѣлый и вѣчный покой абстрактнаго понятія Спинозы.

Отсюда далѣе Спиноза не могъ принять ученія Бруно о необходимости реального существованія условій общей міровой гармоніи, ибо это значило бы ограничить неограниченную субстанцію въ ея модусахъ. Концентрація неизмѣнной и безграничной сущности въ измѣнчивыхъ и ограниченныхъ существахъ, по ученію Спинозы, есть *contradictio in adjecto*. Поэтому Спиноза приписалъ своимъ модусамъ не необходимую, но только случайную дѣйствительность; это—случайно поднятыя на водѣ волны, не имѣющія для нея реального и необходимаго значенія, несуществующія субстанціально.

Наконецъ Спиноза устраняетъ противорѣчія Бруно въ ученіи о человѣческой свободѣ, о виновности и отвѣтственности чело-вѣка за грѣхъ. Такъ какъ чело-вѣкъ есть только случайный модусъ субстанціи и такъ какъ все въ природѣ подчинено закону строгой необходимости, то чело-вѣкъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ обладать свободою воли. Если онъ думаетъ, что поступаетъ по своему произволу, то это такая же иллюзія, какъ если бы брошенный съ высоты камень вообразилъ, что онъ летитъ по своей волѣ. Изъ такого ученія о чело-вѣческой волѣ необходимо слѣдуетъ у Спинозы отрицаніе зла и отвѣтственности чело-вѣка за грѣхъ.

3) *Лейбницъ*. Спиноза хотя и свелъ духъ и матерію къ единству абсолютной субстанціи, но въ ихъ проявленіи въ конечныхъ вещахъ онъ, подобно Декарту, призналъ ихъ параллельными,

противоположными и взаимно себя исключаящими атрибутами Бога. Философія Лейбница ставитъ своей задачей—примирить этотъ картезіанскій дуализмъ принципозъ міровой жизни и свести всѣ явленія къ единству динамическаго начала. Если бы, думаетъ Лейбницъ, тѣла были модусами одного только протяженія, какъ учили Декартъ и Спиноза, они не могли бы различаться между собою; ибо само по себѣ одноформенное и равнодушное ко всѣмъ измѣненіямъ протяженіе не можетъ быть принципомъ многообразія индивидуальныхъ вещей. Далѣе, тогда тѣла владѣли бы только свойствами протяженія, но не могли бы переходить изъ движенія въ покой и не владѣли бы силой сопротивленія и инертности. Наконецъ само протяженіе, какъ сложное и дѣлимое, не можетъ быть первичнымъ и предполагаетъ въ своемъ основаніи нѣчто недѣлимое и несложное; ибо по закону достаточнаго основанія мы не можемъ признать, подобно Декарту, безконечную дѣлимость матеріи и вынуждаемся остановиться на какомъ либо первичномъ, простомъ и несложномъ началѣ. Итакъ въ основѣ вещей и явленій, по ученію Лейбница, должны лежать простой, несложный, побуждающій тѣла переходить изъ движенія въ покой и обратно, служащій причиною всѣхъ измѣненій вещей, принципъ или сила. Нельзя признать въ основѣ явленій только одну силу, какъ это сдѣлалъ Спиноза, ибо тогда невозможно было бы объяснить многообразія феноменальнаго бытія и всѣ вещи, какъ ея модусы, были-бы пассивны и несамостоятельны, чему однакоже противорѣчитъ опытъ. Поэтому нужно признать, что въ основѣ безконечнаго множества явленій лежитъ такое же множество различныхъ силъ, но какъ сила не можетъ существовать сама по себѣ и предполагаетъ своего носителя или субстанцію, которой она принадлежитъ, то въ соотвѣтствіе множеству силъ слѣдуетъ признать множество ихъ носителей, различныхъ субстанцій, невидимыхъ и нематеріальныхъ атомовъ или монадъ.

Итакъ стремленіе примирить картезіанскій дуализмъ принципозъ міроваго бытія привело Лейбница къ понятію монады Бруно, которое онъ и положилъ въ основу всей своей философской системы. Удержавъ всѣ существенныя опредѣленія и предикаты монады Бруно, Лейбницъ однакожь примиряетъ противорѣчіе монадологии послѣдняго. Строясь на почвѣ философіи Бруно, фи-

лософія Лейбница представляет намъ такія уклоненія и преобразованія послѣдней, которыя были неизбѣжнымъ логическимъ слѣдствіемъ отринутаго ею противорѣчія монадологіи Бруно. Таково въ общихъ чертахъ отношеніе философіи Лейбница къ философіи Джордано Бруно.

Въ частности Лейбницъ беретъ у Бруно понятіе о монадѣ какъ живомъ индивидуумѣ, психической сущности, качественно опредѣленномъ и нематеріальномъ атомѣ, простой и недѣлимой субстанціи и метафизическомъ центрѣ силъ. Бруно не опредѣлялъ, въ какомъ отношеніи стоитъ монада къ матеріи и формѣ, этимъ двумъ принципиальнымъ силамъ мировой жизни. Философія Лейбница дѣлаетъ здѣсь новый шагъ впередъ сравнительно съ монадологіей Бруно. Каждая монада, по его ученію, заключаетъ въ себѣ, какъ два нераздѣльные момента своей природы, двѣ силы—страдательную и дѣятельную. Первая есть принципъ матеріи, тѣлесности и механической дѣятельности, она составляетъ тѣло монады; вторая есть ея душа, форма и цѣль, принципъ единства и гармоніи ея жизни. Душа или форма монады, по ученію Лейбница, относится къ тѣлу и матеріи, не какъ къ чему либо внѣшнему и чуждому для себя, но какъ къ нераздѣльно связанному съ ней ея носителю. Форма присуща матеріи или тѣлу, какъ опредѣляющая его сила, потенція или цѣль его развитія. Очевидно это ученіе Лейбница о матеріи и формѣ заимствовано у Бруно. Подобно этому послѣднему онъ возводитъ матерію въ силу страдательную, въ нематеріальный носитель формы, какъ своей цѣли или потенціи, принимаетъ первоначальный синтезъ формы и матеріи, дѣйствующей и конечной причинъ. Поэтому все различіе здѣсь Лейбница отъ Бруно сводится только къ тому, что онъ ученіе послѣдняго о дѣйствующей и конечной причинахъ, матеріи и формѣ и ихъ взаимномъ отношеніи изъ абсолютной монады монадъ перенесъ на монады конечныя, что не только не отрицается у Бруно, но съ логическою необходимостію слѣдуетъ изъ его понятія о монадахъ какъ болѣе или менѣе точныхъ копійхъ абсолютной монады.

Полагая, подобно Бруно, монады въ основу всѣхъ вещей и явленій, Лейбницъ вездѣ въ природѣ видитъ душу и жизнь. Монада Лейбница, далѣе, какъ и монада Бруно, будучи несложною и недѣлимою сущностію, неразрушима и безсмертна: смерть и

рожденіе монады есть только переходъ ея изъ одного состоянія въ другое. До рожденія монада, по ученію Лейбница и Бруно, находится въ состояніи зародыша, сжатія и сокращенія; рожденіе есть раскрытіе, распространеніе и развитіе (*evolutio*) зародыша, или, какъ говоритъ Бруно, *expansio centri*,—а смерть есть только сокращеніе и сжатіе (*involutio*) монады или возвращеніе ея къ центру (*contractio in centrum*). Въ природѣ поэтому нѣтъ смерти и уничтоженія субстанцій, а есть только формальное измѣненіе комбинацій монадъ; такъ что каждая смерть и каждое рожденіе суть только переходъ субстанціи изъ одной формы въ другую.

Внутренняя жизнь монады, по ученію Лейбница и Бруно, состоитъ въ представленіи (*representatio*) и стремленіи (*appetitio*). На вопросъ: что представляетъ монада? Лейбницъ отвѣчаетъ ученіемъ Бруно о ней, какъ о живомъ микрокозмѣ; каждая монада, по его ученію, есть міръ въ маломъ, зеркало и отраженіе универса. Признавъ, что всѣ монады сходны по своей природѣ, ибо онѣ имѣютъ одни и тѣже силы представленія и стремленія и отражаютъ въ себѣ одинъ и тотъ же универсъ, Лейбницъ заимствуетъ у Бруно также и ученіе объ ихъ безконечномъ степенномъ различіи. Каждая монада, по его ученію, отражаетъ универсъ съ своей субъективной точки зрѣнія, смотря по той ступени, на какой стоитъ она въ іерархической лѣстницѣ монадъ. Въ этомъ отношеніи универсъ, какъ совокупность монадъ, представляетъ безконечное разнообразіе и всевозможные отбѣики степеннаго различія, такъ что въ природѣ нельзя найти и двухъ совершенно сходныхъ вещей. Согласно съ Бруно, Лейбницъ подчиняетъ различіе монадъ закону строгой послѣдовательности и постепенности, такъ что универсъ представляетъ постепенно восходящій рядъ ступеней монадъ, начиная съ самой низшей и восходя постепенно до абсолютной монады монадъ. Даже самыя іерархическія ступени монадъ заимствованы Лейбницемъ у Бруно. Согласно съ послѣднимъ у него самую низшую ступень занимаютъ монады голыя (*nudae*) или спящія, которыя лежатъ въ основѣ неорганической природы; представленія ихъ совершенно темны, а стремленіе является слѣпымъ и бессознательнымъ влеченіемъ. Это тѣ монады, которымъ Бруно приписываетъ только жизнь. Выше стоятъ дремлющія (у Бруно чувствующія) монады

растительнаго царства, обладающіи жизненною силою и само-дѣятельностію. Далѣе слѣдуютъ монады сновидящія—царство животныхъ. Вопреки картезіанскому ученію о животныхъ, какъ о бездушныхъ автоматахъ, Лейбницъ приписываетъ имъ, согласно съ Бруно, представленія, ощущенія, память, разсудокъ, эмпирическое знаніе и инстинктъ. Высшую ступень занимаютъ монады бодрствующія—царство разумныхъ существъ: человекъ и духовъ. Эти монады владѣютъ не только представленіемъ и стремленіемъ, но и способностію сознавать свои психическія состоянія,—не только перцепціею и инстинктомъ, но и апперцепціею и сознательною волею.

Какъ микрокосмы, всѣ монады отражаютъ въ себѣ универсъ и въ этомъ отношеніи всѣ онѣ сходны между собою; но въ то же время каждая изъ нихъ отражаетъ универсъ своеобразно. Такимъ образомъ вселенная представляетъ единство въ безконечномъ индивидуальномъ разнообразіи, результатомъ чего является міровая гармонія. Вопреки Спинозѣ, уничтожившему реальность частныхъ вещей, Лейбницъ, подобно Бруно, видитъ въ противоположностяхъ и различіяхъ индивидуальнаго бытія необходимое условіе общей міровой гармоніи, заимствуя у Бруно самый терминъ для обозначенія ея—*condiscentia oppositorum*.

Согласно съ Бруно, Лейбницъ признаетъ, что все разнообразіе феноменальнаго бытія есть результатъ различныхъ сочетаній монадъ между собою. Комбинируясь въ формѣ простаго агрегата или смѣшенія безъ одного опредѣленнаго центра, низшія монады производятъ неорганическую природу. Когда же монады соединяются въ порядкѣ подчиненія и соподчиненія около одной высшей центральной монады, тогда онѣ производятъ тѣла органическія, при чемъ центральная монада составляетъ душу организма, а прочія ея тѣла. Смотри по той ступени бытія, на какой стоитъ центральная монада, происходятъ различные организмы—растений, животныхъ и человекъ.

Душа человекъ, по ученію Лейбница, какъ монада, имѣетъ отъ другихъ монадъ только степенное отличіе, состоящее въ большемъ совершенствѣ ея силъ представленія и стремленія, достигающихъ въ ней до апперцепціи и сознательной воли. Въ ученіи о познаніи отъ картезіанской теоріи Лейбницъ возвращается къ теоріи Бруно о врожденности идей, т.е. онъ признаетъ вро-

жденность человеческому духу необходимых и всеобщих априорных категорий познания въ формѣ простыхъ только потенцій или неразвитыхъ зародышей и сѣмянъ, которыя должны развиваться путемъ опыта и достигаютъ до сознанія только при извѣстныхъ условіяхъ. Согласно съ Бруно Лейбницъ признаетъ также постепенное развитіе рациональнаго и философскаго познанія изъ чувственнаго и эмпирическаго.

Въ основу всѣхъ религій Лейбницъ, вмѣстѣ съ Бруно, полагаетъ врожденный человѣку инстинктъ или стремленіе къ абсолютной монадѣ монадъ. Онъ старается также разграничить и примирить разумъ и вѣру, естественную или рациональную и откровенную или положительную теологію. Рациональная теологія, по его ученію, основывается на разумѣ, а положительная на вѣрѣ. Но вѣра не противоположна разуму, а только выше его; и разумъ съ своей стороны не исключаетъ вѣры и не противорѣчитъ ей. Подобно Бруно, Лейбницъ считаетъ законными всѣ религіи, потому что всѣ онѣ воздаютъ почтеніе одному и тому же верховному существу. только въ различныхъ формахъ. У Бруно заимствуетъ онъ и понятіе о Богѣ, какъ абсолютной монадѣ монадъ, открывающейся въ ряду конечныхъ монадъ въ различной мѣрѣ и степени. Согласно съ Бруно, онъ подчиняетъ божественную волю нравственной необходимости, основаніе бытія міра видитъ въ необходимой потребности божественной природы творить и проявлять свою любовь и благодать, считаетъ существующій міръ нравственно необходимымъ и настолько совершеннымъ, что другаго болѣе совершеннаго міра быть не можетъ. Но вопреки Бруно, Лейбницъ признаетъ только нравственную необходимость міра. Метафизически, по его ученію, возможны другіе міры, и изъ всѣхъ возможныхъ Богъ творитъ только одинъ, дѣйствительно существующій, какъ возможно совершеннѣйшій, потому что божественная воля, какъ абсолютно совершенная, по закону своей внутренней природы, всегда выбираетъ наиболѣе разумное и совершенное. Впрочемъ, это отступленіе Лейбница отъ ученія Бруно привело его къ противорѣчію съ своей монадологіей. Если возможны другіе міры, то они не могутъ быть, по ученію Лейбница, мыслимы даже божественнымъ умомъ иначе, какъ только въ формѣ монадъ. Поэтому, если изъ всѣхъ возможныхъ и представляемыхъ божественнымъ

умомъ міровъ сотворенъ только одинъ, то отсюда слѣдуетъ, что остались неосуществленными нѣкоторыя монады и слѣдовательно нѣкоторыя ступени въ ихъ іерархической лѣстницѣ, что противорѣчитъ Лейбницеву закону непрерывности и міровой гармоніи; по которому въ природѣ не можетъ быть скачковъ и универсъ есть осуществленіе всѣхъ возможныхъ различій. Такимъ образомъ, для избѣжанія этого противорѣчія, Лейбницу слѣдовало воротиться къ ученію Бруно о метафизической необходимости универса и въ существующемъ мірѣ признать осуществленіе всего возможнаго.

На вопросъ: какъ примирить съ совершенствомъ міра существованіе въ немъ зла и недостатковъ, Лейбницъ отвѣчаетъ теоріей о злѣ, какъ метафизическомъ несовершенствѣ міра. Міръ, по его ученію, не можетъ быть абсолютно совершенъ, ибо тогда онъ не отличался бы отъ Бога; поэтому, въ немъ всегда должно быть нѣкоторое лишеніе или недостатокъ (*privatio*) абсолютнаго совершенства. Но зло и недостатки существуютъ, по ученію Лейбница, какъ и Бруно, только въ субъективномъ воззрѣніи и съ индивидуальной точки зрѣнія, — въ цѣломъ же универсѣ нѣтъ несовершенствъ, а есть только различныя ступени совершенства, какъ необходимыя условія общей міровой гармоніи. Зло и недостатки имѣютъ въ цѣломъ универсѣ такое же необходимое значеніе, какъ и диссонансы въ музыкѣ или тѣни въ картинѣ⁶⁰).

Изъ сказаннаго видимъ, что Лейбницъ заимствовалъ у Бруно почти всѣ основныя черты своей философіи. Но Лейбницъ сдѣлалъ сравнительно съ Бруно шагъ впередъ, особенно въ монадологіи. Мы видѣли, что Бруно, приписавъ монадѣ всѣ свойства истинной субстанціи вещей, сталъ въ противорѣчіе съ своимъ пантеистическимъ ученіемъ о единой, раскрывающейся въ мірѣ чрезъ посредство формы и матеріи, абсолютной первосубстанціи. Монада должна получить у него всѣ свойства акцидентальнаго бытія. Самъ онъ, вопреки субстанціальности монадъ, признаетъ ихъ взаимодѣйствіе и вліяніе одна на другую и этимъ приписываетъ имъ взаимную обусловленность и измѣняемость. Лейбницъ строже и послѣдовательнѣе раскрываетъ понятіе субстанціальности монады. Онъ изолируетъ ея жизнь отъ всѣхъ чуж-

⁶⁰) Впрочемъ эта теорія развивалась и ранѣе Бруно, напр. у стоиковъ.

дыхъ и постороннихъ вліяній, какъ со стороны конечныхъ монадъ, такъ и абсолютной монады монадъ. Монады, по его ученію, не имѣютъ оконъ и дверей, посредствомъ которыхъ каждая изъ нихъ могла бы сообщаться съ другими и подвергаться ихъ вліянію. Будучи совершенно непроницаема для постороннихъ вліяній, монада Лейбница развивается изъ первоначальнаго зародышнаго состоянія совершенно самостоятельно и изолированно, такъ что всякій данный моментъ ея развитія есть необходимое слѣдствіе ея же собственнаго предшествовавшаго состоянія и условіе всѣхъ будущихъ состояній ея. Въ этомъ отношеніи развитіе монады подчинено закону такой строгой постепенности, что высочайшій умъ по каждому данному моменту ея развитія можетъ прочесть всю исторію ея развитія какъ прошедшаго, такъ и будущаго.

Это болѣе строгое раскрытіе субстанціальности монады легло въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ уклоненій Лейбница отъ философіи Бруно. Такъ Лейбницъ, удержавъ понятіе Бруно о міровой гармоніи, какъ совпаденіи въ единство реально существующихъ индивидуальныхъ различій и противоположностей, измѣнилъ это понятіе на столько, насколько это было необходимымъ логическимъ слѣдствіемъ преобразованнаго имъ понятія монады. Такъ какъ всѣ монады, по ученію Лейбница, ведутъ совершенно изолированную жизнь и непроницаемы одна для другой, то міровая гармонія является у него результатомъ самодѣтельности каждой монады. Всякая монада, по его ученію, занимаетъ свое опредѣленное мѣсто въ универсѣ не потому, что она подвергается вліянію другихъ монадъ, но потому что въ себѣ самой носитъ представленіе о всемъ универсѣ и сообразно съ этимъ представленіемъ самодѣтельно занимаетъ свое опредѣленное мѣсто въ немъ. Но откуда же получаютъ монады представленіе объ универсѣ и міровой гармоніи? До своего реального осуществленія міровая гармонія, по ученію Лейбница, существуетъ идеально въ божественномъ умѣ и при твореніи каждой монады вложено въ нее Богомъ представленіе объ этой гармоніи. Поэтому, міровая гармонія отъ вѣчности предустановлена Богомъ, однакоже не въ томъ смыслѣ, чтобы Богъ для ея устройства вмѣшивался въ дѣла міра и чрезъ это лишалъ монады самостоятельности, но въ томъ, что онъ предвидѣлъ, какое мѣсто каждая изъ мо-

нѣтъ сообразно своей природѣ занять въ универсѣ и на основаніи этого предвѣдѣнія предопредѣлилъ ей это мѣсто. Такимъ образомъ, тогда какъ у Бруно міровая гармонія состоитъ въ органическомъ единствѣ и живомъ взаимодействіи монадъ между собою и основана на единствѣ живаго, всепроникающаго міроваго начала, въ системѣ Лейбница она является гармоніей мертваго, прекрасно устроеннаго механизма, части котораго, находясь внѣ всякой связи между собою, приведены высочайшимъ умомъ въ точное соотвѣтствіе и въ стройный міровой аккордъ. Для Бруно универсъ есть безконечный живой организмъ, разчлененный на безконечное число живыхъ частей, для Лейбница напротивъ онъ есть прекрасная и совершеннѣйшая машина, состоящая изъ живыхъ частей, но мертвая въ своей цѣлости: универсъ Бруно—безконечное живое существо, универсъ Лейбница—прудъ или садъ, наполненный мириадами живыхъ существъ. Такъ, послѣдовательно проведенное Лейбницемъ понятіе монады Бруно обратило живой организмъ вселенной въ мертвый механизмъ предустановленной гармоніи.

Точно такое же преобразование должно было потерпѣть въ философіи Лейбница ученіе Бруно объ отношеніи центральной монады къ периферическимъ въ органическихъ существахъ. Организмъ, по ученію Лейбница, есть агрегатъ совершенно независимыхъ и не имѣющихъ между собою никакой связи монадъ. Онъ является въ силу того, что каждой монадѣ предустановлено, изолированно и независимо отъ другихъ монадъ, занять свое опредѣленное мѣсто въ той или другой формѣ ихъ комбинацій. Поэтому согласіе души и тѣла не есть результатъ ихъ органической связи и взаимодействія, но происходитъ отъ того, что монады тѣла совершенно изолированно и независимо отъ души отражаютъ въ своемъ представленіи всѣ ея состоянія и по творческому велѣнію въ точности согласуются съ ними въ своемъ дѣйствіи. Такимъ образомъ, согласіе души и тѣла у Лейбница есть точное согласіе двухъ отдѣльныхъ и независимыхъ другъ отъ друга часовыхъ механизмовъ, столь прекрасно устроенныхъ, что безъ посторонняго содѣйствія они идутъ въ точномъ согласіи между собою.

Наконецъ, чтобы удержать самостоятельность монады, Лейбницъ долженъ былъ измѣнить ученіе Бруно о Богѣ и Его отно-

шеніи къ міру. Богъ, въ системѣ Лейбница, долженъ былъ явиться совершенно изолированнымъ отъ міра и трансцендентною сущностію; всѣ отношенія Его къ конечнымъ монадамъ ограничиваются только единичнымъ актомъ творенія ихъ. Однажды создавъ монады и на основаніи предвѣднія предопредѣливъ столь совершенную міровую гармонію, что она не нуждается въ поправкахъ и въ постороннемъ содѣйствіи, Богъ предоставилъ міръ его собственнымъ силамъ, пребывая самъ въ совершенной изолированности отъ него.

При безпристрастномъ взглядѣ на философскую систему Лейбница въ связи съ философіею Джіоданѣ Бруно, нельзя не сознаться, что первая есть только дальнѣйшее развитіе и преобразование послѣдней. Лейбницъ стремится удержать въ своей философіи почти всѣ главныя идеи Бруно и измѣняетъ ихъ лишь постольку, поскольку это было необходимо при устраненіи имъ противорѣчій монадологіи Бруно. Поэтому утвердившаяся за Лейбницемъ слава оригинальнѣйшаго мыслителя совершенно несправедлива. Однако же это не даетъ права слишкомъ низко ставить его философію, какъ это дѣлаетъ Дюрингъ въ своей критической исторіи философіи. Оцѣнивая философскія системы на основаніи одной только оригинальности и новости высказываемыхъ въ нихъ идей и гипотезъ, Дюрингъ конечно могъ слишкомъ пренебрежительно отнести къ философіи Лейбница и поставить ее ниже философіи Бруно. Но односторонность такого критерія оцѣнки философскихъ системъ очевидна сама собою. Кромѣ изобрѣтенія оригинальныхъ гипотезъ и новыхъ идей, въ ходѣ прогрессивнаго развитія человѣчества можетъ имѣть такое же, если не большее, значеніе ихъ научная доказательность и строгость раскрытія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мыслитель можетъ имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ тотъ, у кого онъ заимствуетъ свои идеи и взгляды. Такое именно значеніе и имѣетъ философія Лейбница. Безсвязно и бездоказательно набросанныя идеи Бруно Лейбницъ обработалъ въ стройную философскую систему и раскрылъ ихъ со всею строгостію философскаго анализа. Тогда какъ понятіе монады у Бруно является философски не обоснованною и бездоказательною концепціею его воображенія, стоящею въ довольно сомнительной связи со всею его системою, у Лейбница оно выведено путемъ точнаго анализа явле-

ній міровой жизни и имѣть строго философское обоснованіе. Далѣе, тогда какъ внутренняя жизнь монадъ и ихъ классификація у Бруно основаны на бездоказательной аналогіи и суть скорѣе плодъ его поэтической фантазіи, чѣмъ серьезной мысли, Лейбницъ раскрываетъ и обосновываетъ это на гениальной теоріи безсознательной психической жизни и на данныхъ эмпирической психологіи. Вообще, для философскаго раскрытія и научнаго обоснованія идей Бруно нуженъ былъ гений Лейбница, который могъ оживотворить и оцѣнить остававшуюся дотолѣ мертвою и незамѣченною идею Бруно о монадѣ, какъ динамической основѣ міровыхъ явленій.

4) Философія *Шеллинга* не представляетъ одной законченной и строго замкнутой въ себѣ системы. Впродолженіи своей жизни онъ часто мѣнялъ свои воззрѣнія. Сначала онъ является послѣдователемъ Фихте, потомъ подчиняется вліянію Бруно и Спинозы и въ концѣ жизни усваиваетъ мистицизмъ Плотина, а потомъ Бѣма. Поэтому, мы ограничимся здѣсь только періодомъ его увлеченія идеями Бруно, къ которому относится одно изъ его сочиненій, озаглавленное именемъ итальянскаго мыслителя.

Мы видѣли, что Спиноза, развѣвъ до крайнихъ выводовъ понятіе Бруно о субстанціи, обратилъ его идею о живомъ субстанціальномъ единствѣ бытія въ абстрактное единство мертваго понятія; а Лейбницъ, усвоивъ динамизмъ и монадологію Бруно, довелъ самостоятельность монады до совершенной изолированности ея отъ виѣшнихъ вліяній, такъ что живой, органически сплоченный универсъ Бруно преобразовалъ въ мертвый механизмъ предустановленной гармоніи. Шеллингъ воротился къ идеѣ Бруно объ универсѣ, какъ живомъ организмѣ, части котораго объединены и одухотворены однимъ общимъ, раскрывающимся въ нихъ, міровымъ началомъ.

Въ частности, Шеллингъ заимствуетъ у Бруно понятіе общей міровой субстанціи, какъ безразличной всеобщности духа и матеріи, и абсолютнаго тождества всѣхъ противоположностей. Вопреки Фихте, уничтожившему природу въ духѣ, Шеллингъ призналъ духъ и матерію, я и не я самостоятельными, взаимно себя обуславливающими и предполагающими другъ друга моментами единаго абсолютнаго первоначала. По его ученію, духъ или Я не можетъ существовать безъ природы или не-я и наоборотъ;

поэтому, мы не имѣемъ права давать первенства ни матеріи, ни духу. Но если матерія и духъ одинаково самостоятельны и, какъ имѣющіи другъ въ другъ одинаковую нужду, соотносительны, то они не могутъ быть безусловными первопринципами бытія и сами нуждаются въ высшемъ абсолютномъ первопринципѣ. Чтобы быть абсолютнымъ, первоначало не можетъ предполагать что-либо внѣ себя данное, но все должно заключать въ себѣ, т.-е. быть заразъ и духомъ и матеріей, и я и не я. Такъ, выходя изъ односторонностей философіи Фихте, Шеллингъ возвращается къ понятію Бруно объ абсолютной субстанціи. Согласно съ Бруно, Шеллингъ опредѣляетъ послѣднюю первопричину бытія какъ абсолютную всеобщность, безразличіе и тожество всѣхъ противоположностей и различій, какъ единство идеальнаго и реальнаго, субъективнаго и объективнаго, духа и природы. Первопричина, по его ученію, есть ни то, ни это въ отдѣльности, но все заразъ и въ абсолютномъ единствѣ. Это первоначало есть Богъ. Такое понятіе о Богѣ Шеллингъ согласно съ Бруно ставитъ необходимымъ условіемъ и предположеніемъ всякаго бытія и познанія. Оно не есть результатъ умозаключеній и дискурсивнаго мышленія, (ибо всякое мышленіе и познаваніе возможны только при предположеніи тожества и согласія я и не я, идеи и вещи), но дѣло непосредственнаго интуитивнаго воззрѣнія нашего разума. Какъ и Бруно, Шеллингъ изъ своего первоначала выводитъ апріорнымъ путемъ всю систему бытія и познанія.

Въ состояніи абсолютнаго безразличія Богъ, по ученію Шеллинга, какъ и Бруно, никогда не бываетъ,—такое понятіе о Богѣ есть только необходимое предположеніе и условіе всякаго бытія. Въ дѣйствительности же Богъ отъ вѣчности дифференцируется, по Шеллингу, или эксплицируется, по Бруно, въ противоположностяхъ и различіяхъ условнаго бытія. Міръ слѣдовательно такъ же вѣченъ, какъ самъ Богъ, и Богъ немислимъ безъ міра. Однакоже въ своемъ дифференцированіи Богъ не теряетъ своего единства и трансцендентности, такъ что Богъ, по ученію Шеллинга, какъ и Бруно, въ одно время есть трансцендентная, производящая все причина, и становящійся всѣмъ, имманентный вѣщамъ и неотдѣлимый отъ нихъ принципъ. На вопросъ: въ какихъ различіяхъ прежде всего дифференцируется абсолютный Индифференцъ, Шеллингъ, подобно Бруно, отвѣчаетъ, что въ духъ и природу, въ

матеріи и формъ, въ я и не я. Отсюда духъ и матерія, какъ различные моменты одной и той же субстанціи, по ученію Шеллинга, имѣютъ только формальное различіе. Одна и та же тождественная себѣ субстанція лежитъ въ основѣ какъ матеріальнаго такъ и духовнаго міра. Самодифференцируемая въ формѣ не я, она является тѣломъ, объектомъ и матеріей; самодифференцируемая въ формѣ я, она является всеобщей формой міровой жизни, безконечной міровой душой, оживляющей универсъ, какъ въ его цѣлости, такъ и во всѣхъ частяхъ. Универсъ Шеллинга, какъ и Бруно, есть безконечный живой организмъ; всякая частная вещь есть частный моментъ дифференцированія абсолютнаго индефференца въ міровомъ процессѣ. Согласно съ Бруно, Шеллингъ видитъ въ индивидуальныхъ вещахъ модусы и акциденціи одной субстанціи, различающіеся только формою и степенью выраженія въ нихъ абсолютнаго. Наконецъ, согласно съ Бруно, Шеллингъ всѣ вещи считаетъ конечными лишь постольку, поскольку онѣ полагаются въ ихъ взаимномъ отношеніи между собою,—въ Богѣ же всѣ онѣ безконечны и сливаются въ абсолютное единство. Поэтому, какъ у Бруно, такъ и у Шеллинга, универсъ является безконечнымъ и конечнымъ въ одно время: безконечнымъ, поскольку онъ въ своей цѣлости служитъ выраженіемъ безконечной субстанціи и въ ней представляетъ абсолютное единство и тождество; конечнымъ, поскольку онъ разсматривается состоящимъ изъ конечныхъ вещей, которыя, взятая каждая въ отдѣльности, взаимно себя ограничиваютъ и обуславливаютъ.

Хотя Шеллингъ вопреки Спинозѣ и возвратился къ воззрѣнію Бруно на универсъ, какъ на живое органическое развитіе единой первосубстанціи, но онъ отступилъ и отъ послѣдняго тѣмъ, что измѣнилъ его понятіе о субстанціи. Мы видѣли, что для примиренія противорѣчія философіи Бруно въ понятіи о субстанціи и универсѣ возможны были два пути. Первый изъ нихъ избралъ Спиноза, а второй — Шеллингъ. Послѣдній внесъ въ жизнь субстанціи понятіе ея развитія въ универсѣ. Абсолютно безкачественный и неопредѣленный индефференцъ, по ученію Шеллинга, постепенно раскрывается въ процессѣ универса до самосознанія какъ послѣдней цѣли своего развитія, такъ что природа въ своихъ существахъ представляетъ постепенныя сту-

пени восхожденія абсолютнаго къ самосознательному духу въ чловѣкѣ. Такимъ образомъ, вопреки вѣчной актуальной полнотѣ бытія субстанціи Бруно, абсолютный индефференцъ Шеллинга достигается этой полноты только въ процессѣ міроваго развитія;— только въ концѣ этого процесса онъ раскрываетъ въ дѣйствительности заключенную въ немъ потенціально всю безконечную полноту бытія.

Съ Шеллингомъ, по нашему мнѣнію, прекращается непосредственное вліяніе идей Бруно на новѣйшихъ философовъ. Причина этого та, что въ изложенныхъ нами четырехъ системахъ раскрыты всѣ оригинальныя стороны философіи Бруно. Декартъ развилъ раціональный методъ познанія, состоящій въ сомнѣніи и очевидности и основанный на вѣрѣ въ личный разумъ философа. Лейбницъ изъ кратко и отрывочно набросанной монадологіи Бруно создалъ стройное и философски обоснованное міровоззрѣніе. Спиноза до послѣднихъ предѣловъ развилъ идею Бруно о субстанціальномъ единствѣ бытія. Наконецъ Шеллингъ раскрылъ идею Бруно о живомъ органическомъ развитіи абсолютнаго начала въ міровомъ процессѣ, дополнилъ и исправилъ ее внесеніемъ въ міровую субстанцію понятія о постепенномъ развитіи ея изъ потенціальной въ актуальную полноту бытія. Такимъ образомъ кратко и не вполне связно набросаннымъ идеямъ Бруно обязаны системы четырехъ геніальнѣйшихъ представителей новой философіи.

М. М — въ.

ШОТЛАНДСКІЙ ПРОПОВѢДНИКЪ

ЭДВАРДЪ ИРВИНГЪ И ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛИ.

Опытъ историко-критическаго изслѣдованія.

Протестантскіе реформаторы, отдѣлившись отъ римско-католической церкви, остановились, можно сказать, на подорогѣ. Какъ ни старались они отбросить все, чѣмъ характеризовалось такъ называемое ими римское суевѣріе, у нихъ все-таки осталось многое, что напоминало, или по крайней мѣрѣ могло напомнить отвергнутый ими Римъ. Это можно, независимо отъ всего другаго, доказать и тѣмъ фактомъ, что уже во время реформациі XVI столѣтія ясно обнаружались два направленія реформаторовъ: менѣе послѣдовательныхъ, каковы лютеране, и болѣе послѣдовательныхъ, каковыми были ученики Цвингли и Кальвина. Мы не будемъ останавливаться подробно на изслѣдованіи разностей, которыми отличались и отличаются эти протестантскія вѣроисповѣданія, потому что это не относится къ нашей задачѣ. Мы обратимъ вниманіе только на внѣшнюю сторону дѣла и скажемъ, что еслибы протестанты на первыхъ же порахъ вполне отвергли все римское суевѣріе, такъ сказать совершенно раздѣлились съ римскимъ католицизмомъ, то большаго раздѣленія въ ихъ средѣ не появилось бы. Оно именно и обусловливалось между прочимъ большимъ или меньшимъ

удержаніемъ у себя того, что составляло собственность римской церкви, большею или меньшею близостью къ послѣдней. Въ самомъ дѣлѣ, въ лютеранской церкви оставлены, наприимѣръ, изображенія Воскресенія Христова, которыя можно видѣть при входѣ въ лютеранскіе храмы. Это было непослѣдовательно. Болѣе послѣдовательные протестанты не оставили въ своихъ церквахъ не только никакихъ изображеній, но даже и самаго креста, упорно поддерживая, до самаго послѣдняго времени, строгую простоту въ своей религіозно-церковной жизни. Еще не такъ давно (въ 1885 году) одинъ шотландскій пасторъ былъ преданъ наприимѣръ публичному суду за то, что вопреки строгой простотѣ пресвитеріанскаго богослуженія и вообще религіозно-церковной жизни, чуждой повидимому какихъ-бы то ни было внѣшнихъ предметовъ богопочитанія, относился съ почтеніемъ ко кресту, какъ предмету священному.

Кратко сказать, разница между протестантами заключалась въ томъ, что у однихъ изъ нихъ осталось болѣе церковной *внѣшности*, у другихъ менѣе, какими-бы теоретическими ученіями подобное положеніе дѣла ни оправдывалось.

Однако и у этихъ послѣднихъ протестантовъ внѣшность все-таки осталась. Положимъ, не было въ ихъ церквахъ ни иконъ, ни креста, и молящіеся при богослуженіи не могли ни на чемъ внѣшнемъ сосредоточить своего вниманія, кромѣ одной личности проповѣдника. Но внѣшній религіозный культъ и у такихъ строгихъ протестантовъ все-таки былъ и есть, потому что безъ него повидимому обойтись нельзя. Такъ совершеніе таинствъ, какъ бы не были они малочисленны, произнесеніе молитвъ требовали извѣстныхъ установившихся формъ, хотя бы только для сохраненія внѣшняго порядка. Далѣе съ отверженіемъ римскаго католицизма со всею его внѣшнею обрядностью у протестантовъ появились свои собственные катихизисы, молитвенники, доктрины, исповѣданія. Изучать катихизисъ, молиться по молитвеннику, слѣдовать въ истолкованіи христіанскаго вѣроученія извѣстной доктринѣ или исповѣданію—все это уже нѣкотораго рода внѣшность въ сравненіи наприимѣръ съ непосредственнымъ изученіемъ Библіи, съ молитвой, свободной отъ всякихъ предписанныхъ или установившихся формъ и совершенно свободнымъ, независимымъ ни отъ какихъ доктринъ и исповѣданій истолкованіемъ

Библии. Чтобы лучше понять, что такое эта протестантская церковная внѣшность, слѣдуетъ обратить вниманіе и на другое весьма важное обстоятельство. Вслѣдствіе ли практической необходимости, которая дѣлаетъ невозможнымъ все новое и новое появленіе религиозныхъ и богослужебныхъ формъ и такимъ образомъ заставляетъ невольно пользоваться уже существующими и установившимися формами, или же вообще вслѣдствіе присущей человѣку потребности выражать свое религиозное чувство нагляднымъ образомъ, въ какихъ-либо внѣшнихъ знакахъ, упомянутые протестантскіе катихизисы, молитвенники, исповѣданія и проч. современемъ начали пользоваться у протестантовъ неменьшимъ уваженіемъ, чѣмъ какимъ пользуются и предметы римскаго внѣшняго богочитанія, т.-е. иконы, мощи, обряды и проч. у католиковъ. Такимъ образомъ вмѣсто *римскаго суевѣрія* появился у протестантовъ страшный *формализмъ*, который угрожалъ и такъ называемую протестантскую свободу сдѣлать одною фикціей, потому что отступленіе отъ какой-нибудь буквы, содержащейся въ томъ или другомъ молитвенникѣ или исповѣданіи, стало считаться большимъ грѣхомъ и иногда строго наказывалось. Этимъ объясняется и существованіе въ протестантизмѣ самаго *преданія*, которое охраняло существующія формы и обычаи и даже обуславливало самую возможность существованія отдѣльных протестантскихъ церквей. Лютеранская церковь напри- мѣръ, если можно такъ выразиться, основана на ученіи Лютера, дошедшемъ конечно по преданію. Вселенскіе соборы были отвергнуты, но XXXIII члена вестминстерскаго исповѣданія получили у протестантовъ едва ли не такую же силу, какую имѣютъ постановленія вселенскихъ соборовъ въ другихъ церквахъ, оставшихся вѣрными древнему преданію.

Все это казалось самымъ крайнимъ протестантамъ крайнюю непослѣдовательностію, противорѣчащею духу протестантизма. Отсюда стремленіе и къ уничтоженію чисто протестантской церковной внѣшности, результатомъ чего будетъ появленіе, какъ выражаются нѣкоторые пресвитеріанскіе писатели, совершенно чистой религіи (*pure religion*), *духовнаго христіанства*, которое вполнѣ будетъ соответствовать ученію Христа о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ.

Одну изъ такихъ попытокъ къ освобожденію церкви отъ всего вѣшняго и возстановленію среди протестантовъ совершенно чистой, духовной религіи и дѣлаетъ шотландскій проповѣдникъ Э. Ирвингъ съ своими послѣдователями. Насколько эта попытка была удачна, будетъ видно изъ предлагаемаго изслѣдованія.

I.

Личность Э. Ирвинга.

Различные писатели отзываются объ Ирвингѣ совершенно различно. Одни относятся къ нему съ великимъ уваженіемъ, хотя и не придаютъ большаго значенія основанной имъ сектѣ, которая при этомъ все-таки считается главнымъ дѣломъ его жизни; другіе превозносятъ его послѣдователей, стараясь на ихъ счетъ унижить Ирвинга; третьи съ одинаковымъ почтеніемъ относятся и къ нему и къ его послѣдователямъ; наконецъ четвертые не находятъ достаточно рѣзкихъ словъ, чтобы выразить свою крайнюю ненависть и къ самому проповѣднику и къ его послѣдователямъ.

Частныя основанія подобныхъ мнѣній будутъ указаны ниже. Теперь же мы постараемся вообще рѣшить вопросъ, кто-такое былъ Ирвингъ и это рѣшеніе должно имѣть (*implicite*) довольно немаловажное значеніе для всего дальнѣйшаго хода предлагаемаго изслѣдованія. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы прежде всего посмотримъ, къ кому считаютъ Ирвинга его почитатели.

По мнѣнію одного изъ его біографовъ, лично его знавшаго, Голя (который можетъ считаться старѣйшимъ изъ извѣстныхъ намъ лично его біографовъ) Ирвингъ былъ человѣкомъ необыкновеннымъ, геніальнымъ, предъ которымъ меркнутъ блестящія свѣтила даже нѣмецкаго богословія и нѣмецкой проповѣднической каѳедры. Впрочемъ нужно замѣтить, что хотя этотъ біографъ и пишетъ на нѣмецкомъ языкѣ, но не будучи нѣмцемъ по происхожденію ¹⁾, онъ довольно свободно относится къ нѣмецкимъ богословскимъ авторитетамъ, чего можетъ быть и не

¹⁾ Голь былъ родомъ изъ Швейцаріи.

позволили бы себѣ природные нѣмцы, еслибы имъ пришлось заговорить объ Ирвингѣ раньше Голя. Этимъ объясняется, что по мнѣнію послѣдняго даже и Шлейермахеръ, котораго такъ много изучаютъ и истолковываютъ богословы, и тотъ не выдерживаетъ съ Ирвингомъ почти никакого сравненія. Вотъ что между прочимъ говоритъ Голь объ Ирвингѣ:

„Послѣ того, какъ я оставилъ Англію, мнѣ пришлось слышать и въ другихъ мѣстахъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ проповѣдниковъ: я слышалъ Монода въ Парижѣ, Маляна въ Женевѣ, Клауса Гармса въ Килѣ, Толюкка въ Галле, Шлейермахера въ Берлинѣ, Фэзи въ Цюрихѣ. Но проповѣдника, подобнаго Ирвингу, мнѣ слышать опять не пришлось. Тотъ или другой изъ первыхъ проповѣдниковъ въ большой или меньшей степени владѣлъ то однимъ, то другимъ изъ принадлежащихъ Ирвингу даровъ; но никто изъ всѣхъ, которыхъ я слышалъ, не совмѣщалъ въ себѣ столь многого, какъ Ирвингъ. По способности приковывать къ себѣ вниманіе слушателей ближе всѣхъ я могу поставить къ нему Шлейермахера, какъ бы ни различались они по своему внѣшнему виду и своему духовному міросозерцанію“²⁾.

Книжка М. Голя долгое время служила главнымъ и почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній объ Ирвингѣ въ Германіи. Да и до 1880 года, какъ замѣчаетъ авторъ статьи объ Ирвингѣ и ирвингианахъ, напечатанной въ послѣднемъ изданіи энциклопедіи Герцога, обстоятельныхъ сочиненій о нихъ на нѣмецкомъ языкѣ еще не появилось³⁾. Очень естественно поэтому, что взгляды и сужденія Голя были усвоены и другими нѣмецкими писателями-богословами, которые теперь не только не думали опровергать сдѣланнаго имъ, слишкомъ можетъ быть смѣлаго сравненія Ирвинга съ Шлейермахеромъ, но и пошли еще дальше. Именно, вмѣстѣ съ признаніемъ за Ирвингомъ качествъ „даровитѣйшаго“ проповѣдника⁴⁾, нѣкоторые нѣмецкіе ученые стали утверждать, что и совершенное имъ дѣло, вызванное имъ къ жизни направленіе, имѣютъ значеніе всемірное и заслуживаютъ

²⁾ M. Hohl, Bruchstücke aus d. Leben und d. Schriften E. Irving's 2-te Ausgabe, St. Gallen, 1850. S. 253, 254.

³⁾ Real-Encyklopedie, B. VII, S. 160. Leipzig, 1880.

⁴⁾ См. напр. Der Irvingismus. Ein Vortrag von I. W. Schu lze. Berlin, 1856. S. 6

поэтому полного и внимательнаго изученія. „Вы должны со мной согласиться, писалъ, напримѣръ, д-ръ Ю. Кёстлинъ въ 1857 г., что направленіе (ирвингянское), которое многіе цѣнятъ довольно невысоко, не только заключаетъ въ себѣ замѣчательную оригинальность и особеннаго рода внутреннюю связь, но что оно имѣетъ въ виду и важнѣйшіе интересы нашей христіанской жизни и выставляетъ на видъ ея глубочайшіе вопросы. Можемъ-ли мы сомнѣваться, что многіе, которые судятъ объ ирвингянствѣ какъ упомянуто выше, обратятъ на него современемъ больше вниманія, хотя это направленіе и принадлежитъ уже прошлому и сокрыто въ полумракѣ, и оцѣнятъ его какъ въ высшей степени интересное, для своего времени и для всѣхъ временъ полное значенія явленіе?“ Въ подобномъ же духѣ выражается объ ирвингянствѣ и извѣстный нѣмецкій богословъ, докторъ Мартенсенъ. Онъ думаетъ, что въ немъ „находится такое богатство правильныхъ взглядовъ въ глубины слова Божія, во времена начала и конца (in die Zeiten des Anfangs und des Endes), такъ много элементовъ для истиннаго сужденія о знаменіяхъ нашего времени, что въ церковной наукѣ оно уже заявило свои полныя права на обширное критическое обзорѣніе“⁵⁾.

Въ такомъ случаѣ конечно очень жаль, что нѣмецкіе ученые, какъ сказано, не представили публикѣ ни одного полнаго „критическаго обзорѣнія“ даннаго предмета, несмотря и на то, что все дѣло находится „въ полумракѣ“. Можетъ быть въ противномъ случаѣ Ирвингъ давно уже занялъ бы соответствующее мѣсто въ наукѣ и сталъ бы цитироваться, какъ и Шлейермахеръ, въ качествѣ великаго богословскаго авторитета, и чѣмъ непонятнѣе были бы выраженные имъ мнѣнія, тѣмъ больше оказывали бы нѣкоторые ученые и усердія къ ихъ уразумѣнію. Все могло бы быть. Теперь же намъ не остается ничего больше, какъ только пожелать нѣмецкимъ ученымъ успѣха въ исполненіи ихъ добрыхъ намѣреній подвергнуть ученіе Ирвинга и его послѣдователей обширному критическому обзорѣнію.

⁵⁾ Dr. I. Köstlin, Der Irvingismus und d. evangelische Protestantismus. Eine zeitgeschichtliche Skizze; Gelzer's Prot. Monatsblätter, 1857, IV. S. 257. Dr. H. Martensen, Die christliche Dogmatik, Neuer Abdruck, 1870. S. III. Цитаты взяты у Köhler'a, Het Irvingisme, 1876, стр. 7 и 8.

Обращаемся къ разсмотрѣнію мнѣній объ Ирвингѣ, какія мы встрѣчаемъ въ самой Англїи. Здѣсь многіе писатели ставятъ его еще выше, чѣмъ въ Германїи. Для насъ впрочемъ въ существѣ дѣла не особенны важны мнѣнія, какія высказываютъ о немъ его біографы, Вашингтонъ Вильксъ и мистриссъ Олифантъ⁶⁾. Маколей гдѣ-то замѣтилъ, что біографы не могутъ относиться къ изображаемымъ ими лицамъ иначе, какъ только съ похвалами, и эта замѣтка имѣетъ полную силу относительно обоихъ названныхъ біографовъ. Первый изъ нихъ отступаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги даже отъ обыкновенной простоты рѣчи и посредствомъ возвышенныхъ словъ старается выразить Ирвингу свое въ нѣкоторомъ родѣ чуть ли не благоговѣніе; что касается біографіи мистриссъ Олифантъ, то эта біографія есть не болѣе ни менѣе, какъ обширный, двутомный ему панегирикъ. Слова „великій гений“ (great genius), „великій проповѣдникъ“ (great preacher), относимыя къ Ирвингу, встрѣчаются здѣсь почти на каждой страницѣ, а обиліе другаго рода преувеличенныхъ сужденій о немъ, нужно признаться, много роняютъ и достоинство этой біографіи, написанной живо и увлекательно и сообщающей вѣрные факты изъ жизни Ирвинга, если только останавливаться на однихъ фактахъ и не обращать вниманія на сужденія о нихъ, высказываемыя біографомъ. Мистриссъ Олифантъ оказала вообще немаловажную услугу памяти Ирвинга. Мы думаемъ, что благодаря преимущественно этой писательницѣ онъ такъ и остался великимъ гениемъ во мнѣніи многихъ англичанъ, отъ которыхъ, вслѣдствіе ихъ серьезнаго и трезваго отношенія къ изслѣдуемой нами сектѣ, можно было бы ожидать и большаго безпристрастія въ сужденіяхъ объ ея основателѣ. Въ этомъ отношеніи вовсе уже немаловажны для насъ отзывы объ Ирвингѣ, которые дѣлаетъ напримѣръ ученый историкъ секты, Э. Миллеръ. Несмотря на свою строгую, и вообще, превосходную критическую оцѣнку ирвингянскаго ученія, и онъ все-таки не можетъ отрѣшиться отъ мысли, что Ирвингъ былъ великій проповѣдникъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ Миллеръ считаетъ

⁶⁾ E. Irving: an ecclesiastical and literary biography by W. Wilks. Lond. 1854.—The Life of E. Irving by Mrs. Oliphant, 2 voll Lond. 1862. Эта послѣдняя книга въ короткое время выдержала четыре и анїи; мы пользовались вторымъ изд.

его „достоиннымъ соперникомъ Демосоена“⁷⁾, въ другомъ называетъ его „безпорнымъ гениемъ“ (unquestioned genius)⁸⁾. И что всего замѣчательнѣе, подобныя отзывы дѣлаются вопреки слишкомъ очевиднымъ фактамъ, доказывающимъ какъ нельзя болѣе ясно, что вмѣсто достойнаго соперничества съ Демосоеномъ, Ирвингъ говорилъ только одинъ вздоръ, легко разлетающийся даже при самомъ легкомъ прикосновеніи критики.

Если далѣе признать подлинною рекламу, которую присоединилъ къ своему пятитомному изданію рѣчей и сочиненій Ирвинга его племянникъ (а не признать нѣтъ никакихъ основаній)⁹⁾, то можно видѣть, что нѣкоторые англійскіе журналы, изъ отзывовъ которыхъ объ Ирвингѣ и составлена вся реклама, зашли уже слишкомъ далеко и даже переступили въ своихъ похвалахъ ему предѣлы обыкновеннаго приличія. Мы думаемъ, что для русскаго читателя не безинтересно будетъ посмотреть, какъ умѣютъ расхваливать своихъ „великихъ гениевъ“ англичане, а потому и приводимъ цѣликомъ содержащіеся въ рекламѣ отзывы, расположенные племянникомъ Ирвинга crescendo:

„Ирвингъ, говорится въ ней, почти единственный изъ новыхъ людей, который переживалъ, что говорилъ и проповѣдывалъ то, что переживалъ. Его слова, болѣе чѣмъ всякаго другаго современнаго оратора, были „жизнью, прошедшею сквозь огонь мышленія“. Онъ говорилъ то, что находилось въ глубинѣ его души, и это дѣлаетъ его сочиненія какъ бы продолженною и идеальною его біографіею. Мы привѣтствуемъ, поэтому, съ большою радостью появленіе этихъ томовъ. Первымъ и послѣднимъ томомъ вѣроятно исчерпается вся жизнь Ирвинга, изображенная мистриссъ Олифантъ“.

Подпись: *The Saturday Review.*

„Было время, когда тотъ, кого нельзя забыть, долженъ былъ имѣть достойный памятникъ. Ничего лучшаго нельзя было построить надъ его могилой, какъ издавъ эти памятники его *genia*.

The English Churchman.

⁷⁾ The history and doctrines of Irvingism by E. Miller, M. A., 2 voll. Lond. 1878. Vol. 1, p. 84.

⁸⁾ Ibid. p. 140.

⁹⁾ The collected Writings of F. I., edited by his nephew the rev. G. Carlyle, M. A. 5 voll. Lond. 1864, 1865.

„Сочиненія Ирвинга безцѣнны. Это благородный вкладъ въ сокровищницу мышленія и другихъ пріобрѣтеній нашего поколѣнія,—кладъ *великой, талантливой, божественной души* (of a great, gifted and godly soul)“.

The Patriot.

„Даже тѣ, которые мало заботятся о прогрессѣ богословской науки, должны быть поражены *великими нравственными и умственными качествами* Ирвинга, какъ проповѣдника. *Лучшихъ образцовъ церковной проповѣди врядъ ли ить еще можно найти*“.

The Reader.

„Самый великій проповѣдникъ изъ всѣхъ, которые были известны миру со временъ апостольскихъ (the greatest preacher the world had scen since apostolical times)“.

Blackwood's Magazine.

Изъ этихъ отзывовъ всего болѣе любопытенъ послѣдній, именно потому, что напримѣръ, Златоустъ и другіе проповѣдники пользуются въ Англіи неменьшею извѣстностью, чѣмъ и въ другихъ странахъ. Говоря объ Ирвингѣ, какъ о величайшемъ проповѣдникѣ со временъ апостольскихъ, *Blackwood's Magazine*, а вмѣстѣ съ нимъ и племянникъ Ирвинга, самъ носящій титулъ *reverend'a* (преподобія), ставятъ очевидно даже Златоуста ниже Ирвинга; нечего и говорить о другихъ проповѣдникахъ, которые проповѣдывали въ Англіи и гдѣ-нибудь еще до и послѣ него: всѣ они стоятъ ниже его!...

Если таковы отзывы о немъ дѣлаемые иностранцами, то никакъ нельзя сказать, чтобы мы, русскіе, отставали отъ нихъ въ поклоненіи этому великому таланту. Правда, у насъ въ Россіи о немъ знаютъ очень мало, во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ, напримѣръ, о Златоустѣ. Но есть и у насъ люди, знающіе великаго шотландскаго проповѣдника, которые говорятъ о немъ едва-ли сдержаннѣе нѣмецкихъ и англійскихъ ученыхъ и повидимому пользуются всякимъ случаемъ, чтобы воздать ему дань уваженія. Такъ г. Орловъ, напечатавшій хорошую въ общемъ статью подъ заглавіемъ „Ирвингизмъ“, въ „Православномъ Обозрѣніи“, говоря объ Ирвингѣ, какъ проповѣдникѣ, называетъ

его „звѣздою первой величины“¹⁰⁾, а говоря о проповѣдяхъ его, носящихъ общее заглавіе: „О воплощеніи Господа нашего Иисуса Христа“, сообщаетъ, что въ нихъ „высказались *вполнѣ гениальный, глубокой умъ* Ирвинга, его чрезвычайно живое воображеніе и творческая фантазія, его *изумительно* тонкая и остроумная логика“. „Съ наслажденіемъ,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—перечитывали мы это *превосходное* произведеніе и жалѣли только о томъ, что авторъ задался невозможною для человѣческаго ума задачею—постигнуть непостижимое, проникнуть въ самую глубь того, во что даже ангелы безуспѣшно желаютъ проникнуть,—уяснить и представить самымъ нагляднымъ образомъ всѣ вопросы, относящіеся къ воплощенію нашего Господа, и потому еще яснѣе обнаружилъ всю немощь и неспособность для этого человѣческихъ, хотя и гениальныхъ силъ (гениальная немощь и неспособность!). *Намъ кажется, что за смяченіемъ нѣкоторыхъ, дѣйствительно рѣзкихъ выраженій, сочиненіе это могло бы украсить страницы даже православной богословской литературы*“¹¹⁾.

Читая эти и подобные отзывы, мы вправдѣ предполагать, что люди, ихъ дѣлающіе, представляютъ намъ какія-нибудь вѣскія основанія своихъ мнѣній. Такое предположеніе тѣмъ болѣе естественно, что проповѣдническая гениальность и сама по себѣ вещь довольно шаткая. Мы еще понимаемъ, почему гениаленъ такой-то физикъ, математикъ, астрономъ. Называя ихъ гениальными, мы по крайней мѣрѣ знаемъ, что такой-то физикъ открылъ какой-нибудь совершенно неизвѣстный до него людямъ физическій законъ,—и притомъ открылъ неслучайно,—математикъ—какую-нибудь—математическую формулу, астрономъ—по меньшей мѣрѣ увидѣлъ первый какую-нибудь новую звѣзду. Но понять, что такое гениальность (и опредѣлить это слово) въ такъ-называемой области умозрительной для насъ уже гораздо труднѣе, хотя мы и не отказываемся считать иногда гениальными людей, которые отлично изучили тотъ или другой предметъ человѣческаго знанія, увидѣли въ этомъ предметѣ какую-нибудь невиданную прежде связь и, если и не совершили открытій, то по крайней мѣрѣ освѣтили предметъ такимъ яркимъ свѣтомъ, что этимъ обезпечили успѣхи

¹⁰⁾ «Правосл. Обзорѣніе» 1875 г. ноябрь, стр. 447.

¹¹⁾ Ibid. 1876 г. февраль, стр. 273, 274.

всѣхъ дальнѣйшихъ научныхъ работъ. Но несмотря и на это, слова: „геніальный философ“, „геніальный юристъ“, „геніальный историкъ“, кажется очень рѣдко употребляются въ наукѣ, а можетъ быть и вовсе не употребляются. Соединить же какое-нибудь опредѣленное представленіе съ словами: „геніальный проповѣдникъ“ для насъ еще труднѣе, хотя мы и понимаемъ подъ ними *что-то такое*, чего вполне уяснить себѣ не можемъ. Во всякомъ случаѣ нужно признать, что многіе, которые много молчатъ, проповѣдуютъ гораздо лучше тѣхъ, которые много говорятъ. Даже люди, которые считаются или могутъ считаться геніальными ораторами, могутъ быть плохими церковными проповѣдниками, потому что отъ этихъ послѣднихъ, кромѣ согласованія своей жизни съ ученіемъ Евангелія, можетъ требоваться еще и согласованіе съ Евангелиемъ проповѣдуемыхъ идей; въ противномъ случаѣ, фактически отрицая то самое, во имя чего они проповѣдуютъ, а слѣдовательно отрицая и все дѣло своей проповѣди, они не могутъ очевидно считаться ни истинными, ни геніальными христіанскими проповѣдниками.

Геній познается въ своихъ твореніяхъ. Мы вправѣ были бы, говоримъ, ожидать, что писатели, ставящіе Ирвинга такъ высоко, представлятъ публикѣ какія-нибудь вѣскія основанія своихъ мнѣній о немъ. Лучше всего было бы конечно, еслибы эти мнѣнія были по крайней мѣрѣ результатомъ ихъ тщательнаго изученія его сочиненій. Но въ дѣйствительности этого нѣтъ и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тѣ же самые писатели въ большинствѣ и не подвергали его сочиненій такому изученію. Объ этомъ косвенно свидѣтельствуетъ прежде всего недостатокъ „критическихъ обзрѣній“, не появившихся въ Германіи до 1880 г. Появились-ли подобныя обзрѣнія послѣ этого времени, мы не знаемъ, хотя и можемъ сказать съ нѣкоторою увѣренностію, что таковыхъ не было. Во всякомъ случаѣ можно спросить, на какомъ же основаніи гг. Кёстлинъ и Мартенсенъ въ свое время говорили о всемірномъ значеніи ирвингіанскаго направленія, выразившагося, безъ сомнѣнія, *прежде всего* въ сочиненіяхъ Ирвинга, когда это направленіе, по ихъ же собственнымъ словамъ, было для нихъ terra incognita? Что касается другихъ лицъ, которые писали объ Ирвингѣ или его сектѣ, то изъ нихъ намъ извѣстенъ одинъ, и то только вѣроятно прочитавшій такъ-ска-

затѣ насковозь его сочиненія: это его биографъ, Вашингтонъ Вильксъ. Другіе же или прямо признаются, что и не пробовали приняться не только за полное изученіе, но даже и просто за чтеніе сочиненій Ирвинга (по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ), какъ это дѣлаетъ Голь ¹²⁾, или же въ своихъ произведеніяхъ такъ мало его цитируютъ, что ихъ незнакомство съ его сочиненіями не можетъ—повторяемъ—подлежать никакому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что оставляя безъ вниманія то, что говорилъ самъ Ирвингъ, они усердно цитируютъ сочиненія его послѣдователей, которыя не имѣютъ уже и завѣдомо никакой важности. Впрочемъ все это и легко понять. Если справедливо, что великій мужъ открывалъ въ своихъ произведеніяхъ глубины своего ума и сердца, то нужно признать, что эти глубины совершенно непостижимы ¹³⁾...

Такимъ образомъ аргументъ въ пользу геніальности Ирвинга, если онъ дѣлается на основаніи его сочиненій, можетъ считаться или совершенно несостоятельнымъ, или по крайней мѣрѣ неосновательнымъ. Не болѣе имѣетъ вѣса и другой аргументъ, который повидимому считаютъ сильнѣйшимъ. За невозможностью узнать Ирвинга изъ его сочиненій, ссылаются на мнѣнія о немъ высказанныя и выраженные лондонскою публикой, когда онъ предъ ней проповѣдывалъ. Если эта публика оглушала его громомъ рукоплесканій, то стало быть онъ былъ несомнѣнно геніальный, даровитѣйшій проповѣдникъ. Но писатели, выставляющіе на видъ подобное обстоятельство, за исключеніемъ развѣ мистриссъ Олифантъ, сами очень хорошо знаютъ, что громъ рукоплесканій происходилъ только вслѣдствіе временной ошибки модной публики, и какъ только эта ошибка была понята и исправлена, тогда и вся популярность Ирвинга въ Лондонѣ исчезла, какъ дымъ. Можно ли, спрашивается дѣлать какія-нибудь заключенія основываясь на одной публичной ошибкѣ?

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что несмотря на громкія похвалы, расточаемыя Ирвингу его почитателями, вопросъ объ его личности можетъ все-таки считаться вопросомъ нерѣшеннымъ.

¹²⁾ Bruchstücke... S. 79.

¹³⁾ По этой причинѣ, познакомившись съ указанными пятью томами его сочиненій, мы не рѣшились уже выписывать и приступить къ чтенію его «Prophetical Writings», изданныхъ въ двухъ томахъ тѣмъ же племянникомъ (1866 и 1870 гг.).

Мы думаемъ, что для рѣшенія этого вопроса нѣтъ нужды особенно много рыться въ сочиненіяхъ Ирвинга и отыскивать въ нихъ какія-либо принадлежащія ему гениальныя мысли. Точно также для этого нѣтъ нужды и смотрѣть на него въ то время, когда его оглушалъ въ Лондонѣ громъ рукоплесканій, такъ какъ вообще можно считать несомнѣнною истину, что для опредѣленія дѣйствительныхъ качествъ великихъ людей не слѣдуетъ смотрѣть на нихъ въ то время, когда они находятся на высотѣ своей славы. Вы сами невольно увлекаетесь движеніемъ массы и сами можете рукоплескать невольно, хотя бы просто изъ приличія; но какъ скоро вы увлеклись, вы уже чужды безпристрастнаго отношенія къ великому человѣку. Эти послѣднія соображенія невольно побуждаютъ насъ поискать въ жизни Ирвинга такихъ моментовъ, во время которыхъ онъ не былъ *окружаемъ* никакимъ *шумомъ*; а принимая во вниманіе извѣстное французское изреченіе: „никто не бываетъ великъ для своего собственнаго слуги“, которая можетъ также означать, что никто не бываетъ великъ и вообще для своего близкаго человѣка или многихъ близкихъ людей, мы еще болѣе убѣждаемся въ томъ, что обращеніе ко времени, когда Ирвингъ находился только въ обществѣ своихъ близкихъ людей и не успѣлъ еще приобрести никакой славы, можетъ привести къ полученію и самыхъ вѣрныхъ о немъ свѣдѣній.

Къ счастью мы отыскиваемъ въ его жизни такіе моменты. Это было преимущественно тогда, когда великій мужъ, по выраженію его біографовъ, жилъ и дѣйствовалъ „во мракѣ“, т.-е. во мракѣ неизвѣстности. Мракъ этотъ покрываетъ первые тридцать лѣтъ его жизни,—ихъ кажется совершенно достаточно, чтобы судить о степени его умственнаго и нравственнаго развитія. Разсматривая его жизнь за это время, мы узнаемъ, во первыхъ, насколько онъ былъ образованъ; во вторыхъ, какъ онъ обнаружилъ приобретенныя образованіемъ качества и свои природныя способности, и третьихъ, какъ смотрѣли на это обнаруженіе люди, его окружавшіе, знавшіе его съ пеленокъ, и были ли они расположены усматривать въ его дѣятельности какія-либо глубины его ума и сердца. Прежде, чѣмъ обращаться къ разсмотрѣнію всѣхъ этихъ подробностей, мы сообщимъ, для ясности

дѣла, краткія и общія свѣдѣнія объ его жизни за указанный періодъ времени.

Онъ родился 4 августа 1792 года въ шотландскомъ городкѣ Аннанѣ. Его отецъ былъ кожевникъ и имѣлъ свою ферму; онъ не былъ особенно богатъ. Первоначальное образованіе Ирвингъ получилъ подъ руководствомъ своего отца, который „прилежно училъ его катихизису по воскресеньямъ“, а потомъ въ мѣстной народной школѣ, или „академіи“. Тринадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Единбургскій университетъ, гдѣ и учился десять лѣтъ, до 1815 года. Впрочемъ это послѣднее выраженіе нѣсколько неточно. Онъ пробылъ въ университетѣ собственно только четыре года, а остальные шесть лѣтъ былъ внѣ его, занимая должность народнаго учителя сначала въ шотландскомъ городкѣ Гаддингтонѣ, а потомъ въ Киркальди. Это объясняется тѣмъ, что по университетскому обычаю, студенты могли послѣдніе нормальные четыре года specialнаго университетскаго курса проводить гдѣ-либо внѣ университета, зарабатывая себѣ средства къ жизни; но въ такомъ случаѣ они должны были числиться студентами вмѣсто четырехъ шесть лѣтъ. Такіе студенты обязаны были только по временамъ являться въ университетъ, читать тамъ написанныя ими разсужденія и подвергаться испытаніямъ. Ирвингъ все это выполнилъ. По окончаніи курса въ университетѣ по богословскому факультету, онъ получилъ право лиценціата шотландской церкви отъ пресвитеріи въ Киркальди и соединялъ нѣкоторое время обязанности лиценціата съ обязанностями учителя въ этомъ городкѣ. Затѣмъ оставилъ его и пробывъ нѣсколько времени въ Единбургѣ, сдѣлался ассистентомъ знаменитаго шотландскаго проповѣдника доктора Томаса Чомерса (Chalmers) въ Глесго. Въ 1822 году онъ получилъ мѣсто штатнаго пастора при такъ-называемой шотландской каледонской капеллѣ въ Лондонѣ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію подробностей изъ жизни Ирвинга за описанное время, мы должны отмѣтить прежде всего тотъ фактъ, что въ своемъ юномъ возрастѣ этотъ великій мужъ не былъ надломленъ наукой, какъ это иногда бываетъ со многими дѣтьми. Съ одной стороны мы видимъ, что онъ былъ „дикъ и необузданъ“ (wild und unbandig)¹⁴⁾, а съ другой—что онъ не

¹⁴⁾ Hohl, Bruchstücke... S. 2.

оказалъ почти ровно никакихъ успѣховъ въ первоначальной народной школѣ, въ которой учился. Это вполне подтверждаетъ и сама мистриссъ Олифантъ. Правда, какъ она, такъ и другіе біографы Ирвинга указываютъ, что онъ въ раннемъ возрастѣ отличался любовью къ математикѣ и будто бы зналъ эту науку. Но едва ли можно думать, что его математическія познанія сколько нибудь выдавались и отличали его отъ сверстниковъ. Намъ кажется даже, что утвержденіе, будто великій мужъ былъ съ самаго дѣтства хорошимъ математикомъ, имѣетъ въ себѣ нѣкотораго рода скрытую цѣль. Дѣло въ томъ, что Ирвингъ послѣ познакомился съ сочиненіями Канта и по характеру мышленія походилъ или старался походить на этого философа; а извѣстно, что Кантъ хорошо зналъ математику. Были, кромѣ того, и въ самой Шотландіи многіе извѣстные люди, которые пріобрѣтали себѣ научную славу, начавъ именно съ математики. Сообщая о математическихъ успѣхахъ Ирвинга, біографы его вѣроятно и имѣютъ цѣлю или доказать, что развитіе его шло одинаково съ развитіемъ другихъ замѣчательныхъ людей, или, что онъ былъ способенъ, какъ математикъ, къ высшему спекулятивному мышленію. Но всѣмъ подобнымъ сообщеніямъ совершенно противорѣчатъ факты. Великаго человѣка за его очень малые успѣхи наказывали въ школѣ очень часто и иногда очень даже больно, почему онъ и возвращался время отъ времени домой „съ испи-панными до крови ушами“ ¹⁵⁾.

Университетскіе успѣхи великаго человѣка были едва ли лучше. Чтобы судить вообще о нихъ, можно принять во вниманіе замѣтку мистриссъ Олифантъ о томъ, что они не были выше успѣховъ его товарищей и что онъ не былъ особенно прилежнымъ студентомъ ¹⁶⁾. Обобщая эту мысль и очевидно ссылаясь, на мистриссъ Олифантъ, историкъ секты, Келеръ, прямо говорить, что Ирвингу не доставало хорошаго богословскаго образованія и что списки, хранящіеся въ эдинбургской бібліотекѣ, свидѣтельствуютъ противъ него ¹⁷⁾. Но здѣсь опять намъ сообщаютъ о математическихъ успѣхахъ и даже объ успѣхахъ въ

¹⁵⁾ Mrs. Oliph. The Life of E. J. vol 1, p. 13.

¹⁶⁾ Ibid. p. 30.

¹⁷⁾ Het Irvingisme, 29.

латинскомъ языкѣ, которыми будто бы Ирвингъ обратилъ на себя вниманіе университетскихъ профессоровъ Кристисона и Лесли! Каково въ дѣйствительности было вниманіе къ Ирвингу Кристисона, любопытныя свѣдѣнія объ этомъ сообщаетъ историкъ Томасъ Карлейль, учившійся у того же профессора нѣсколько позже Ирвинга. Карлейль говоритъ о себѣ, что профессоръ однажды вспомнилъ о немъ и при этомъ смѣшалъ его съ нѣкимъ мистромъ *Ирвингомъ-Карлейлемъ*, который былъ значительно старше и имѣлъ рыжіе волосы. Ни Ирвингъ, ни Карлейль такими волосами не обладали и профессоръ, можетъ быть, выдумалъ третье лице, назвавъ его двумя именами, принадлежащими его двумъ дѣйствительнымъ бывшимъ ученикамъ. Словомъ, при воспоминаніи о нихъ въ умѣ профессора произошла однажды замѣчательная путаница... При этомъ о несуществовавшемъ мистрѣ Ирвингъ-Карлейль онъ былъ того мнѣнія, что это былъ самый плохой латинистъ изъ всѣхъ, которыхъ онъ зналъ (*the worst latinist of all my acquaintance*)¹⁸⁾. Что касается профессора Лесли, то для выясненія его отношеній къ Ирвингу достаточно сказать, что этотъ профессоръ былъ человѣкомъ очень ученымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и оригинальнымъ и эксцентричнымъ.

Послѣ сказаннаго легко понять и тотъ фактъ, что великій человѣкъ не отличался ни въ раннее, ни въ послѣдующее время своей жизни большою охотою и къ чтенію книгъ. Хотя онъ какъ утверждаютъ и читалъ еще въ дѣтствѣ сочиненія отцовъ церкви (и между ними Златоуста), а также извѣстное въ Англіи сочиненіе Гукера „*Ecclesiastical Polity*“, которое будто бы даже „дало толчокъ развитію его мыслей“, однако нужно думать, что къ этимъ сочиненіямъ онъ не относился съ большимъ интересомъ. Карлейль, хорошо знавшій Ирвинга, говоритъ, что онъ усерднымъ читателемъ никогда не былъ, а всегда только *вылавливалъ* изъ многихъ книгъ *сущность* того, о чемъ въ нихъ говорилось¹⁹⁾. Другое дѣло Арабскія ночи и книги съ разными подозрительными заглавіями: Ирвингъ, повидимому, не мало увлекался чтеніемъ подобныхъ книгъ и если изъ нихъ и вылавливалъ,

¹⁸⁾ Reminiscences by Thomas Carlyle edit. by Froude, 2 voll. Lond. 1881. Voll 1, p. 99.

¹⁹⁾ Reminiscences, I, 103.

то ужъ вѣроятно все. По крайней мѣрѣ мистриссъ Олифантъ, замѣчая мимоходомъ объ этомъ любопытномъ фактѣ, считаетъ нужнымъ даже сдѣлать упрекъ направленный по адресу университетской бібліотеки за то, что въ ней хранились и выдавались юнымъ гениямъ для прочтенія разныя подозрительныя книги ²⁰⁾.

Теперь мы постараемся коротко разсмотрѣть первоначальную дѣятельность Э. Ирвинга: а) въ качествѣ педагога, б) въ качествѣ миссіонера и в) въ качествѣ проповѣдника.

а) Еще не кончивъ курса въ университетѣ, а проведя въ немъ только первые четыре года, онъ является въ Аннанъ и старается произвести тамъ своей собственной персоной немаловажное впечатлѣніе на своихъ бывшихъ учителей, когда-то усердно дравшихъ его за уши, и на мальчишекъ той школы, въ которой онъ учился прежде. Съ великою важною онъ разсуждаетъ предъ ними объ Эдинбургѣ, то „о томъ профессоръ, то о другомъ“, „объ ихъ заслугахъ и методѣ“, о чудесномъ, далекомъ мірѣ знанія въ Эдинбургѣ. Э. Ирвингъ былъ тамъ, онъ былъ знакомъ съ этимъ міромъ! Впечатлѣніе было кажется громадное, и на учителей, и на учениковъ! ²¹⁾. Это былъ первый, неофициальный, дебютъ великаго человѣка въ педагогическомъ мірѣ. Насколько былъ характеристиченъ этотъ дебютъ, объ этомъ предоставляемъ судить самому читателю, напомнивъ ему о только что разсказанныхъ успѣхахъ Ирвинга.

Сдѣлавшись официальнымъ учителемъ въ Гаддингтонѣ, онъ по видимому производить цѣлую реформу въ педагогическомъ мірѣ. Онъ преподаетъ по какимъ-то „новымъ методамъ“ и своимъ преподаваніемъ вызываетъ къ себѣ въ своихъ ученикахъ „горячее удивленіе и энтузіазмъ, свойственныя только юнымъ созданіямъ, въ раннее, цвѣтущее время ихъ жизни“ ²²⁾. „Я слышалъ,—пишетъ насмѣшливо объ этомъ Карлейль,—много повсюду объ Ирвингѣ, слышалъ, какъ онъ отличался въ наукахъ, какіе блестящіе успѣхи дѣлалъ въ качествѣ учителя, какъ два профессора (т.-е. Кристисонъ и Лесли) послали его въ Гаддинг-

²⁰⁾ Vol. 1, p. 31.

²¹⁾ Remin. by T. Carlyle, I. 88, 89.

²²⁾ Mrs. Oliph. The Life of E. J. I, 41.

тонь и какъ его новая *академія* и новые методы просвѣщали и удивляли всѣхъ ²³⁾. То же самое было, по словамъ его біографовъ и другихъ писателей, и въ Киркальди, гдѣ онъ былъ учителемъ съ 1812 до 1818 года. Казалось, что и здѣсь успѣхи его учениковъ были быстры, методы удивительны ²⁴⁾; объ учителяхъ остались въ ученикахъ самыя пріятныя воспоминанія ²⁵⁾. Своимъ долговременнымъ преподаваніемъ въ Киркальди онъ успѣлъ заставить горожанъ даже усиленно стремиться къ свободному воспитанію, вслѣдствіе чего въ Киркальди, кромѣ его школы, была возобновлена и прежде него существовавшая школа, но заброшенная ²⁶⁾.

Было ли все это дѣломъ хвастовства самаго Ирвинга или его біографовъ, трудно рѣшить. Но первое вѣроятнѣе, потому что хвастовство и тщеславіе было можно сказать въ самой его натурѣ ²⁷⁾. Можно думать, поэтому, что его біографы въ своихъ произведеніяхъ только вѣрно отобразили принадлежащее самому Ирвингу оригинальное хвастовство.

Все это можно доказать тѣмъ, что въ дѣйствительности среди шотландцевъ развивалась мало по малу ненависть къ нему и злоба, и именно съ того времени, когда они начинали оцѣнивать подостоинству все фальшивое значеніе его „новыхъ мето-

²³⁾ Reminisc. I, 91, 92.

²⁴⁾ Memoirs of the life and writings of T. Carlyle by shepherd. 2 voll. Lond. 1881. vol. I, p. 22.

²⁵⁾ Mrs. Oliph. I, 53.

²⁶⁾ Ibid. I, 75.

²⁷⁾ Черта эта, которую мы наблюдаемъ въ Ирвингѣ въ теченіе всей его жизни, была, нужно думать, наследственная, родовая. Карлейль наблюдаетъ въ родственникахъ Ирвинга по отцѣ общую всѣмъ имъ наклонность къ добродушному хвастовству (*kindly vanity*), и присутствіе въ нихъ какого-то безвреднаго самолюбія, которое доставляло имъ удовольствіе и никого изъ постороннихъ не оскорбляло. Что касается родственниковъ Ирвинга по матери, носившихъ фамилію Lowthers, то и они были не менѣе тщеславны. Такъ они старались приписать себѣ знаменитое происхожденіе—отъ реформатора Мартина Лютера, основываясь на сходствѣ фамилій (*Lowther-Luther*). Это тщеславіе выражалось иногда и въ еще болѣе забавныхъ фактахъ. Одинъ изъ родственниковъ Ирвинга по матери построилъ себѣ при жизни надгробный памятникъ, который долженъ былъ указывать и современникамъ и потомкамъ на славные его подвиги. Въ числѣ ихъ главными были выигрышъ процесса у братьевъ и постройка моста. См. Remin. by T. Carlyle, I, 70; Mrs Oliph. I, 2.

довѣ“. Въ чемъ состояли эти методы, для насъ остается непроницаемой тайной. Но что за ними скрывались нѣкоторыя совершенно неблаговидныя вещи, это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Про Ирвинга говорили съ одной стороны, что онъ „воспитывалъ дѣтей удивительно хорошо“; съ другой—что для этого требовалось слишкомъ много „жестокости“. ²⁸⁾ Не лишне замѣтить, что розги (flogging) были въ Шотландіи дѣломъ привычнымъ и не было ничего особеннаго, если и Ирвингъ относился съ почтеніемъ къ тому, что называется „согласіемъ народовъ“. Но не смотря даже и на это обстоятельство, его жестокость возбуждала общее недовольство, потому что онъ былъ повидимому жестокъ даже въ средѣ множества жестокихъ учителей. Дисциплина великаго человѣка была такъ сурова, онъ наказывалъ своихъ учениковъ во имя своихъ „новыхъ методовъ“ такъ безжалостно, что „стоны, которые по временамъ слышны были въ класной комнатѣ, возбуждали жалость и негодованіе въ сосѣдяхъ“ ²⁹⁾ Нашелся одинъ столяръ, который когда Ирвингъ искалъ себѣ помощника по школѣ, явился къ нему въ рубашкѣ съ засученными рукавами и топоромъ въ рукахъ, „съ страшной проніей“ спрашивая, не желаетъ-ли мистеръ Ирвингъ взять его себѣ въ помощники ³⁰⁾. Эта выходка дѣйствительно не лишена была „страшной проніи“: чтобы помогать Ирвингу въ его педагогической дѣятельности, нужно было просто засучить рукава и взять въ руки топоръ.

Мистриссъ Олифантъ, вполне подтверждая все это, старается впрочемъ показать людямъ „великаго генія“ и въ подобныхъ случаяхъ.

Розги по мнѣнію біографа не слишкомъ заставляли унывать мальчиковъ въ Киргальди и не слишкомъ уменьшали ихъ довѣріе къ своему учителю ³¹⁾.

Нельзя но согласиться, что если подобное замѣчаніе вѣрно, то Ирвингъ былъ дѣйствительно и несомнѣнно педагогическій геній. Но въ томъ то и дѣло, что оно не совсѣмъ вѣрно. Изъ

²⁸⁾ Remin. by T. Carlyle, I, 98.

²⁹⁾ Mrs Oliph. The Life of E. I. I, 52.

³⁰⁾ Ibid.

³¹⁾ Ibid. p.

другихъ, не менѣе достовѣрныхъ, чѣмъ и біографія мистриссъ Олифантъ, источниковъ извѣстно, что въ Киркальди терпѣли педагогическую дѣятельность великаго педагога цѣлыхъ семь лѣтъ; наконецъ и такое терпѣніе допнуло. Не получая никакого удовлетворенія на свои жалобы, ему приносимыя, *разнѣванные* родители начали удалять своихъ дѣтей изъ его школы и думать о другихъ средствахъ ихъ воспитанія ³²⁾ Вотъ почему въ Киркальди была возобновлена прежняя заброшенная школа, а вовсе кажется не потому, что онъ развилъ стремленіе къ свободному воспитанію. Онъ началъ учить дѣтей частнымъ образомъ; но и это дѣло не имѣло успѣха ³³⁾.

б) Какъ миссіонеръ, Ирвингъ замѣчательнѣе тѣмъ, что величественно пускалъ одни только мыльные пузыри. Мысль о проповѣди язычникамъ евангелія являлась въ его головѣ *только* въ такое время, когда, не признаваемый въ качествѣ гениальнаго педагога, а потомъ и проповѣдника, онъ „не имѣлъ никакихъ особенно блестящихъ видовъ“ ³⁴⁾ на своей родинѣ. „Отвергнутый живыми“, какъ выражался онъ на своемъ фигуральномъ языкѣ, онъ желалъ тогда „вступить въ общеніе съ мертвыми“ ³⁵⁾.

Мысль о миссіи къ язычникамъ онъ начинаетъ лелѣять уже въ Гаддингтонѣ. Она впрочемъ не выразилась еще теперь ни въ чемъ, кромѣ поступковъ, отчасти свидѣтельствующихъ объ его бездѣльничествѣ. Здѣсь намъ представляется интересная аналогія, которую можно провести между нимъ и основателемъ секты мормоновъ, Іосифомъ Смитомъ. Послѣдній до основанія своей секты „обнаружилъ замѣчательный талантъ къ ничего недѣланію“ и съ вилообразной орѣховой палкой отыскивалъ колоды; первый бросалъ камни въ лужи, чтобы по звуку ихъ паденія узнавать глубину водъ (!), опытъ, которымъ онъ намѣренъ былъ пользоваться въ предполагаемомъ путешествіи по морю для проповѣди язычникамъ евангелія ³⁶⁾.

³²⁾ Сравн. Remin. by T. Carl. I, 98, 99; Memoirs of T. Carl. by Shepherd, I, 22.

³³⁾ Mrs Oliph. I, 75, 76.

³⁴⁾ Ibid. p. 42.

³⁵⁾ Memoirs of Thomas Chalmers by W. Haqua, D. D. Edinb. 1873, 2 voll. vol. 1, p. 565.

³⁶⁾ Mrs. Oliph. I, 42.

Первоначально свидимому означенная мысль Ирвинга не имѣла въ себѣ ничего опредѣленнаго: онъ вообще намѣренъ былъ просвѣщать язычниковъ, — какихъ именно, неизвѣстно. Но потомъ она дѣлается нѣсколько опредѣленнѣе: удалившись изъ Киркалди по причинѣ обнаруженной къ нему ненависти и при этомъ не зная, „что дѣлать дальше“, онъ избираетъ мѣстомъ своей евангельской проповѣди Персію, куда и хочетъ отправиться, совершивъ предварительно (неизвѣстно съ какою цѣлью) „путешествіе по Европѣ“. Воображеніе его при этомъ нѣсколько разыгрывается и явиться въ Персію „обыкновеннымъ“, „похожимъ на другихъ миссіонеромъ ему представляется дѣломъ довольно унизительнымъ: онъ хочетъ быть для Персіи ни больше ни меньше, какъ только новымъ Ксавье ³⁷⁾. Когда же положеніе великаго миссіонера въ Шотландіи сдѣлалось совершенно невыносимымъ, тогда онъ избралъ мѣстомъ своей проповѣди Ямайку ³⁸⁾. Но увы! Бѣдные персидскіе язычники такъ и остались непроевангелизованными Э. Ирвингомъ: имъ не пришлось не только видѣть этого новаго Ксавье, но и слышать о немъ! Не менѣе печальная участь постигла и островъ Ямайку. Всѣ величественные миссіонерскіе планы Ирвинга оканчивались ничѣмъ.

Замѣчательно, что въ послѣдствіи, предъ массою лондонской публики, онъ не упустилъ все-таки случая похвастаться этими совершенными въ юности миссіонерскими подвигами ³⁹⁾.

в) Прежде, чѣмъ приступать къ изображенію первоначальной проповѣднической дѣятельности Ирвинга, нужно сдѣлать нѣсколько кое-какихъ предварительныхъ замѣчаній. При этомъ мы просимъ русскаго читателя имѣть въ виду больше англійскіе, чѣмъ русскіе нравы.

Не представляется дѣломъ совершенно невѣроятнымъ, что одною изъ причинъ обнаруженной къ великому человѣку ненависти, когда онъ былъ учителемъ въ Гадингтонѣ и Киркалди, были, между прочимъ и подозрительныя отношенія къ обучав-

³⁷⁾ W. Wilks, E. I. p. 9.

³⁸⁾ Mrs. Olyph. I, 87, 88; срв. Memoirs of T. Chalmers by W. Hanna, I, 565.

³⁹⁾ The collected Writ. of. E. I. vol. 1, p. 435: «It is amongst the pleasantest recollections of my early years, that in my youth their cause (т.-е. дѣло миссіонеровъ) was the subject of my prayers and the end of my secret savings».

шимся у него дѣвочкамъ. Слѣды такихъ отношеній замѣтны и тогда, когда его біографы тщательно стараются ихъ загладить, выставляя на видъ все его идеальничанье ⁴⁰⁾. Мы впрочемъ не будемъ распространяться объ этомъ предметѣ. Скажемъ только, что если опять сравнить Ирвинга съ Іосифомъ Смитомъ (оба они были основателями духовнаго христіанства), то предполагаемый нами фактъ, что великій проповѣдникъ не былъ совершенно чуждъ довольно интенсивныхъ *мормоническихъ* инстинктовъ, можетъ получить только значительное подтвержденіе.

Несомнѣнно однако же при этомъ одно обстоятельство, что „любовныя похождения“ (love-making) великаго мужа, окончательно совершенныя имъ въ то время, когда онъ могъ уже рассчитывать на успѣхъ, были не совсѣмъ удачны. Несмотря на то, что онъ пускался и въ поэзію и сочинялъ стихи ⁴¹⁾, ему приходилось оставаться въ числѣ совершенно несчастныхъ и безнадежныхъ поклонниковъ ⁴²⁾. Только нѣкая миссъ Изабелла Мартинъ, дочь пастора въ Киркальди (которая брала у него прежде уроки), наградила его вниманіемъ и даже, какъ говорятъ, постаралась его „очаровать“. Она была очень дурна собой, сентиментальна и недалководидна ⁴³⁾; Ирвингъ въ послѣдствіи соединился съ ней брачными узами повидимому *volens-nolens* (1823 г.) и есть основанія предполагать, что этотъ бракъ не былъ особенно счастливымъ.

Неудачи, испытанныя Ирвингомъ независимо отъ миссъ Изабеллы Мартинъ, естественно вызывали въ немъ желаніе чѣмъ-нибудь отличиться. Но такъ какъ дѣйствительныхъ достоинствъ, которыми онъ могъ бы пріобрѣсти къ себѣ расположеніе женщинъ, въ немъ не было, то онъ и началъ стараться производить эффектъ „своими *возвышенными идеалами*“, вѣроятно не предполагая, что женщины меньше всего способны цѣнить идеалы, хотя и возвышенные, но почему-либо неосуществимые. Съ подобнымъ фактомъ мы уже встрѣчались при разборѣ дѣятельности его въ качествѣ миссіонера. Первоначальная (а отчасти и

⁴⁰⁾ См. напр. Mrs. Oliph. I, 38, 39, 56.

⁴¹⁾ Remin. by T. Carlyle, vol. II, p. 81.

⁴²⁾ Mrs. Oliph. I, 85.

⁴³⁾ Remenscences I, 116.—118.

послѣдующая) дѣятельность его въ качествѣ церковнаго проповѣдника была обнаруженіемъ цѣлаго ряда подобныхъ же фактовъ.

Разумѣется, чѣмъ возвышеннѣе идеаль, тѣмъ меньше возможности и выразить его какими нибудь простыми словами и тѣмъ больше нужды такъ-сказать приноровлять къ нему словесное его выраженіе. Такимъ образомъ слѣдствіемъ возвышенныхъ идеаловъ явился у Ирвинга и соответствующій имъ *возвышенный слогъ*, который, можно замѣтить кстати, часто употребляется людьми, чувствующими свое превосходство надъ другими. Онъ бываетъ для великихъ людей необходимъ, особенно когда они чувствуютъ, что ихъ не совсѣмъ долюбливаютъ, потому что съ людьми, ихъ не любящими, они не могутъ говорить совершенно просто и естественно.

Такимъ образомъ склонность къ хвастовству, которая, какъ мы видѣли, можетъ считаться природнымъ, наследственнымъ качествомъ Ирвинга, вслѣдствіе вышеизложенныхъ обстоятельствъ, постепенно усилилась и, вѣроятно путемъ различныхъ преобразованій, перешла въ постоянную *напыщенность* которая вошла въ шривычку и сдѣлалась отличительнымъ качествомъ великаго проповѣдника въ теченіе всей его жизни. Если трудно предположить, что этотъ великій человекъ былъ гениаленъ вообще, то нельзя не согласиться, что онъ былъ дѣйствительно гениаленъ по своей постоянной напыщенности и что въ этомъ случаѣ онъ можетъ служить незамѣнимымъ образомъ для всякаго рода напыщенныхъ ораторовъ. И эта напыщенность прежде всего проявлялась въ его отношеніяхъ именно къ женщинамъ. Странное дѣло! Наблюдая отношенія его къ нимъ, мы видимъ, что онъ въ теченіе всей своей жизни читаетъ имъ однѣ только возвышенные проповѣди! Въ этихъ проповѣдяхъ онъ, кажется, всегда старается представить себя героемъ, если не положительно и прямо, то по крайней мѣрѣ косвенно. Если же за неимѣніемъ геройскихъ поступковъ, онъ терпитъ неудачи, то онъ старается произвести по крайней мѣрѣ эффектъ своими писательскими способностями. Его постоянная натянутость и напыщенность заходятъ иногда просто за предѣлы всякаго вѣроятія. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что писалъ, на примѣръ, Ирвингъ даже своей женѣ въ своихъ частныхъ письмахъ: „моей Изабелѣ я высказываю все

однимъ словомъ, что я желаю и стараюсь любить ее, какъ Христосъ возлюбилъ свою церковь“⁴⁴⁾; „ты почтила свою страну (т.-е. Шотландію) исполненіемъ обязанностей жены и матери хорошо и вѣрно“⁴⁵⁾; „тебѣ, любезная супруга, церковь обязана(!) всѣми благодѣяніями(!), какія я могу теперь оказать ей(!)“⁴⁶⁾ Подобная напыщенность заставляла Ирвинга дѣлать и другіе курьёзы, въ нѣкоторыхъ странахъ совершенно и немыслимые. Издавъ, въ 1828 году, нѣкоторыя свои проповѣди, подъ общимъ заглавіемъ: „*Homilies on baptism*“, т.-е. бесѣды о крещеніи, онъ напечаталъ при нихъ, вмѣсто предисловія, цѣлое посвященіе... своей собственной супругѣ! Какимъ образомъ послѣдняя могла смотрѣть равнодушно на это публичное выставленіе своего имени при „бесѣдахъ о крещеніи“, остается фактомъ, несомнѣннѣмъ понятнымъ даже и при ея недалекости. Что касается самаго этого посвященія, занимающаго почти полторы печатныхъ страницы, то нужно признать, что и оно есть курьёзъ съ самой первой до самой послѣдней строчки. Совершенно не къ лицу Ирвингъ, если можно такъ выразиться, пародировать въ этомъ случаѣ обычныя апостольскія привѣтствія, какія мы встрѣчаемъ въ разныхъ апостольскихъ посланіяхъ. „To Isabella Irving, my wife, and the mother of my two departed children (Изабеллѣ Ирвингъ, моей супругѣ, и матери моихъ двоихъ усопшихъ чадъ)“, — эти слова начертаны крупными буквами и красуются въ заглавіи посвященія. Дальше слѣдуетъ: „My honoured and beloved wife! (достоуважаемая и любезная супруга!) Вѣрю въ своемъ сердцѣ, что *доктрина* о святыхъ таинствахъ, содержащаяся въ сихъ проповѣдяхъ, сдѣлалась извѣстною мнѣ *впервые* (цѣлая доктрина сдѣлалась извѣстною Ирвингу—впервые!), когда нужно было намъ приготовиться къ потерѣ нашего первенца“⁴⁷⁾. Ибо въ ту самую седмицу, въ которую ты отправилась съ нимъ въ Шотландію, откуда онъ никогда уже не возвращался (въ Лондонъ), мой умъ направленъ былъ къ размышленію и проповѣданію сихъ рѣчей относительно того положенія, какое занимаютъ крещенные въ

⁴⁴⁾ Mrs. Oliph. The life of. E. J. vol. I, 217.

⁴⁵⁾ Ibid. p. 235.

⁴⁶⁾ Ibid. II, 145.

⁴⁷⁾ Здѣсь разумѣется сынъ его, умершій въ дѣтскомъ возрастѣ.

церкви, что и составляет предметъ шестой и седьмой рѣчи о крещеніи“... Посвященіе это оканчивается такъ: „да сотворить тебя Господь матерью множества и другихъ дѣтей, ради славы своего святаго имени“ ⁴⁸⁾! Дѣйствительно, читая подобныя строки, съ вышеприведеннымъ замѣчаніемъ одного изъ англійскихъ журналовъ, что Ирвингъ проповѣдывалъ то, что переживалъ, и переживалъ то, что проповѣдывалъ, нельзя не согласиться!

Эта пылченность которою обнаруживалъ онъ въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ вообще и въ частности къ своей собственной супругѣ, и производила вѣроятно ту „торжественную атмосферу“, которою онъ отличался еще будучи только „студентомъ богословія“. Появленіе „торжественной атмосферы“ было повторяемъ дѣломъ совершенно для него естественнымъ: не имѣя возможности быть героемъ на другихъ поприщахъ, особенно педагогическомъ, онъ хотѣлъ быть таковымъ героемъ въ качествѣ духовнаго лица и проповѣдника.

Какъ бы то ни было, но мы видимъ, что не будучи сопровождаемъ такого рода атмосферою Ирвингъ не могъ совершить даже такого, повидимому, простаго дѣла, какъ прогулка по улицамъ какой нибудь шотландской деревеньки или города. Въ это время онъ обращалъ вниманіе „и стараго и малаго“ на свою высокую и величественную фигуру. Работники бросали свои работы, а уличные мальчишки—свои игры, и всѣ стояли „разинувъ ротъ“, пока *докторъ* Ирвингъ (такъ-называли его простодушные шотландцы) не скрывался изъ виду ⁴⁹⁾. То же величіе можно было наблюдать, когда онъ находился въ гостяхъ, гдѣ всего больше, вѣроятно, было бы прилично веселое и добродушное настроеніе. Однажды за обѣдомъ въ какомъ-то семействѣ, одинъ молодой человѣкъ позволилъ себѣ съ неуваженіемъ говорить о священномъ званіи и объ уловкахъ пасторовъ. „Мало-по-малу онъ началъ задѣвать и Ирвинга, который до того времени не обращалъ на него никакого вниманія; юноша прямо высказывался, что Ирвингъ принадлежитъ къ обманывающему міръ сословію. Послѣдній выслушалъ это молча, и затѣмъ обратился къ присутствующимъ съ такою рѣчью: „друзья мои! я не хочу давать

⁴⁸⁾ The collected Writings of E. J. vol. II, pp. 247, 248.

⁴⁹⁾ Mrs. Oliph. The Life of E. J. I, 52: W. Wilks, p. 6.

отвѣта сему несчастному юношѣ, который оскорбляетъ Господа въ лицѣ его служителя; но помолимся о немъ, да не вмѣнится ему сего во грѣхъ“. Торжественно поднявъ свою руку и заставивъ такимъ образомъ инстинктивно повиноваться себѣ всѣхъ пораженныхъ страхомъ гостей, Ирвингъ всталъ во весь свой величественный ростъ и торжественно просилъ Бога о помилованіи оскорбителя“⁵⁰⁾. Несомнѣнно, что „несчастному юношѣ“, представлявшему изъ себя, очевидно, въ данномъ случаѣ „вѣтряную мельницу“, урокъ былъ данъ хорошій, благодаря необыкновенной силѣ аргумента; но при всемъ томъ, врядъ ли можно предполагать, что подобные инциденты, если они правдивы, свидетельствовали о полной умственной неповрежденности „служителя Божія“.

Страсть дѣлать „малыя вещи великими“, какъ выражается одинъ его біографъ, или, говоря иначе, дѣлать изъ всякой мухи слона, постоянно все какъ-то преувеличивать, производила то, что и въ проповѣдяхъ его, которыя онъ произносилъ съ церковной каедры, было для всѣхъ замѣтно „слишкомъ много напыщенности (over muscle grandeur)⁵¹⁾. Правда, произнесенныя Ирвингомъ въ первое время его проповѣднической карьеры проповѣди до насъ не дошли. Но каковы онѣ были, можно судить по отношенію къ нимъ его слушателей. Если справедливо, что напыщенная ложъ бываетъ такъ же отвратительна, какъ и всякая другая,—а можетъ-быть она бываетъ и еще отвратительнѣе, отличаясь отъ обыкновенной лжи тѣмъ, что высказывается съ полныхъ сознаниемъ ея важности и значенія (въ подобныхъ случаяхъ ложъ ставится какъ бы на пьедесталь), — то этимъ вполне можно объяснить обстоятельство, почему Ирвинга возненавидѣли въ Шотландіи не только въ качествѣ педагога, но и въ качествѣ проповѣдника. Общій характеръ отношеній къ его проповѣди можно выразить тѣмъ, что слушатели, когда онъ всходилъ на церковную каедру, поворачивались къ нему спиной и затѣмъ выходили изъ церкви. Но бывали и другіе случаи, въ которыхъ дѣло оканчивалось неприличными выходками, соеди-

⁵⁰⁾ Mis. Oliph. The Life of E. J. I, 122, 123.

⁵¹⁾ Ibid. p. 67.

ненными даже съ непочтеніемъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ проповѣдывалъ. Мистриссъ Олифантъ сообщаетъ, что нѣкоторый пресвитеріанинъ однажды грубо хлопнулъ дверцами своей скамейки и съ шумомъ вышелъ вонъ изъ церкви, когда высокая фигура школьнаго учителя показалась на церковной каедрѣ ⁵²⁾. Изъ сообщенія же Карлейля объ этомъ фактѣ видно, что пресвитеріанинъ не только шумѣлъ и хлопалъ, но даже почему-то и захлебывался отъ злости.

Потерпѣвъ такимъ образомъ въ Киркальди полную и чувствительную неудачу и въ качествѣ проповѣдника, Ирвингъ, кажется, началъ окончательно сходить съ ума. Въ его головѣ появляется проповѣдническая *idea fixe*, которая сосредоточиваетъ на себѣ все его вниманіе, всѣ силы его ума и одна, почти исключительно, начинаетъ руководить всѣми его дѣйствіями. Удалившись изъ Киркальди, ненавидимый, онъ, какъ сказано, поселился на время въ Единбургъ и вмѣсто того, чтобы заняться какимъ-нибудь опредѣленнымъ дѣломъ, — можетъ-быть иногда и голодая, — занимается только усовершенствованіемъ своего непризнаннаго проповѣдническаго дара. Изъ сообщеній его біографовъ мы знаемъ, что съ этою цѣлю онъ прежде всего сжигаетъ всѣ свои прежнія проповѣди. Имѣя въ виду множество изданныхъ имъ впослѣдствіи проповѣдей, мы не предполагаемъ, чтобы это „*auto-da-fé*“ было причиною какой-либо чувствительной потери для человѣчества и что въ данномъ случаѣ онъ поступилъ не вполне благоразумно. Но увы! подвергнувъ сожженію свои прежнія проповѣди, онъ пишетъ новыя, которыя и произносить *только предъ самимъ собой*, или предъ такими „воображаемыми“ слушателями, однимъ изъ которыхъ былъ бы онъ самъ, еслибы слушалъ свою собственную проповѣдь. Мистриссъ Олифантъ не мало распространяется объ этомъ обстоятельствѣ и видитъ въ немъ какой-то „величайшій секретъ“, которымъ можно объяснить проповѣдническую силу Ирвинга, замѣченную въ немъ послѣ; біографъ даже предлагаетъ всѣмъ проповѣдникамъ въ мірѣ воспользоваться его примѣромъ, чтобы имѣть успѣхъ въ дѣлѣ проповѣди ⁵³⁾. Можно согласиться съ мистриссъ Олифантъ

⁵²⁾ Ibid. Срв. Remin. by Th. Carlyle, vol. 1, p. 121.

⁵³⁾ Ibid. pp. 82, 83.

въ томъ, что дѣйствительно въ указанномъ обстоятельствѣ былъ какой-то „величайшій секретъ“; но чтобы это обстоятельство могло служить для объясненія „всѣхъ чудесъ“, которыя свойственно было совершить этому „генію“,—съ этимъ уже никакъ нельзя согласиться. Именно „величайшій секретъ“ всѣхъ упомянутыхъ трудовъ Ирвинга по сожиганію прежнихъ и сочиненію новыхъ проповѣдей для своей собственной персоны заключался, по нашему мнѣнію, единственно въ томъ, что когда онъ выступилъ послѣ этихъ трудовъ снова на проповѣдь, то ни малѣйшей проповѣднической „силы“ въ немъ снова не оказалось. Если, такимъ образомъ, онъ и былъ пожалуй похожъ на Демосеена по приемамъ, которые онъ употреблялъ для усовершенствованія своего проповѣдническаго дара, то отнюдь не былъ похожъ на него по результатамъ этихъ приемовъ. Цѣлый рядъ фактовъ послѣдующей проповѣднической дѣятельности его доказываетъ все это въ совершенствѣ.

Неудача постигла Ирвинга въ первый же разъ послѣ Демосееновскихъ трудовъ въ Эдинбургѣ при выступленіи на церковную кафедру. Онъ проповѣдывалъ въ присутствіи доктора Чомерса, который искалъ себѣ ассистента при одной изъ церквей въ Глессго, гдѣ былъ пасторомъ. Несмотря на то, что Ирвингъ употребилъ повидимому всѣ силы своего ума, чтобы поправиться Чомерсу и сдѣлаться его ассистентомъ, проповѣдь его не произвела все-таки „благопріятнаго впечатлѣнія“, хотя самъ Ирвингъ и былъ о ней того мнѣнія, что она была „произведеніемъ необыкновеннаго ума“. Вслѣдствіе этого Чомерсъ слишкомъ медлилъ приглашеніемъ его къ себѣ въ ассистенты, очевидно размышляя, приглашать его или нѣтъ ⁵⁴⁾, такъ что онъ даже совершенно и отчаялся въ успѣхѣ. Наконецъ, приглашеніе все-таки послѣдовало и въ 1819 году Ирвингъ сдѣлался ассистентомъ Чомерса.

Если усовершенствованный проповѣдническій даръ его не могъ быть надлежащимъ образомъ оцѣненъ докторомъ Чомерсомъ, который могъ быть компетентнымъ судьей его проповѣдническихъ талантовъ, то еще менѣе можно было ожидать, что этотъ

⁵⁴⁾ Days and weeks elapsed without any indication of his (r.-e. Ирвинга) preaching having made any favourable impression. Memoire of Th. Chalmers, I, 565. Срв. письмо Ирвинга, помѣщ. у Mrs. Oliph. I, 92, 93.

даръ будетъ оцѣненъ другими шотландскими пресвитеріанами. Отношеніе послѣднихъ къ проповѣди Ирвинга во все время его пребыванія въ Глесго было можно сказать безжалостно. Какъ ни старался онъ обнаружить свои способности, изъ нихъ „ничего не выходило“. И это случилось, нужно замѣтить, при обстоятельствахъ, которыя дѣлають проповѣдь церковнаго оратора наиболѣе цѣнною.

Положеніе Гласго въ то время, когда въ немъ проповѣдывалъ Ирвингъ, было крайне бѣдственно. Цѣна на хлѣбъ поднялась, а массы рабочихъ рукъ оставались незанятыми; товары не получали сбыта. Ожидали сильныхъ возмущеній; вся мѣстность приняла угрожающій видъ ⁵⁵).

Казалось бы, что бѣдствія глесговскихъ ткачей, которые сидѣли безъ хлѣба, должны были бы хоть на время отрезвить Ирвинга и заставить его забыть о своихъ талантахъ и ихъ усовершенствованіи, словомъ забыть о самомъ себѣ ради другихъ. Есть извѣстія, что это и было дѣйствительно такъ: біографъ Чомерса, докторъ Ганна, утверждаетъ, что Ирвингъ былъ дѣлатель и его дѣятельность была даже полезна ⁵⁶); это время, нужно думать, было единственнымъ изъ жизни Ирвинга, когда о немъ можно было сказать, что онъ дѣйствительно былъ полезенъ. Но и при всемъ томъ, труды его на пользу его бѣдствующихъ и голодающихъ ближнихъ въ сущности имѣли въ себѣ только одну скрытую цѣль—привлечь ихъ побольше къ своей церковной каюедрѣ. Этого мало. Въмѣсто того, чтобы скромно совершать свое служеніе и свою филантропическую дѣятельность, онъ не мало заботился и о томъ, какъ бы сдѣлаться достойнымъ соперникомъ доктора Чомерса на церковной каюедрѣ. Послѣдній былъ личностью, которою можетъ справедливо гордиться Шотландія, и потому очень естественно, что все „соперничество“ Ирвинга съ докторомъ Чомерсомъ, какъ въ это, такъ и въ послѣдующее время, не могло выходить изъ предѣловъ одного пустаго и жалкаго ему подражанія. Ирвингъ походилъ на Чомерса только „какъ лягушка на вола въ извѣстной баснѣ“. Въмѣсто „энерги-

⁵⁵) Memoires of Th. Chalmers by dr. W. Hanna I, 537, 538; срв. Mrs. Oliph. I, 101—103.

⁵⁶) Vol. I, p. 567.

ческой мысли своего учителя“, вмѣсто его „сильной и страстной дикціи“, въ рѣчахъ Ирвинга встрѣчались только „гремучія и искривленныя общія мѣста“, или же „неостроумныя антитезы“, „неясныя эпитеты“; между тѣмъ какъ „бѣдная и ничего незначащая идея, завернутая въ массу мишурнаго блеска и топорную фразеологію, выглядывала, какъ важная леди изъ раковины или какъ мышь изъ-подъ пышнаго бадахина“⁵⁷⁾. Несмотря такъ-сказать на ухаживанья Ирвинга, слушатели и теперь по прежнему только поворачивались къ нему спиной, за исключеніемъ развѣ немногихъ. Самъ же Чомерсъ, можетъ-быть изъ вѣжливости, а можетъ быть для поощренія, высказывалъ иногда Ирвингу кое-какіе комплименты⁵⁸⁾. Но когда онъ замѣчалъ, что Ирвингъ начиналъ обнаруживать „эксцентрическіе или глупые поступки (eccentricity or imprudence)⁵⁹⁾, то просто-на-просто *привязывалъ его на цѣль*⁶⁰⁾. Эта цѣнь была накидываема съ такою ловкостію, съ такимъ мастерствомъ, что Ирвингъ задыхался отъ нея при первой малѣйшей попыткѣ или возможности сдѣлать какой-нибудь эксцентричный или глупый поступокъ. Можетъ быть въ этомъ обстоятельствѣ и кроется объясненіе, почему Ирвингъ былъ дѣйствительно полезенъ. Но для него такое положеніе въ Глессго сдѣлалось невыносимымъ. Полученное имъ приглашеніе занять мѣсто при шотландской каледонской капеллѣ въ Лондонѣ послужило къ окончанію его проповѣдническихъ страданій въ Шотландіи и онъ съ радостію поспѣшилъ принять это приглашеніе.

Прощаясь съ своими слушателями въ Глессго, онъ изображаетъ свои собственныя заслуги этому городу. Но такъ какъ эти заслуги не были надлежащимъ образомъ оцѣнены, то это обстоятельство и даетъ ему случай откровенно назвать Глессго „проклятымъ городомъ, избившимъ *пророковъ*, и предавшимъ смерти Самаго Христа“⁶¹⁾.

⁵⁷⁾ W. Wilks. p. 115

⁵⁸⁾ Mrs. Oliph. I, 116.

⁵⁹⁾ Ibid. p. 156.

⁶⁰⁾ At. the very moment, when he (Irving) recognised with generous enthusiasm the advantages of his position, he felt its limits and confinements like a chain of iron round his neck. Ibid. I, 129.

⁶¹⁾ The collected Writings of E. J. vol. III, p. 443.

Изъ сказаннаго можно видѣть, насколько справедливо судятъ объ Ирвингѣ нѣкоторые нѣмецкіе и англійскіе писатели. Думаемъ, что онъ не только не былъ какимъ-либо *genіемъ*, но не былъ даже и *genіемъ полтъшанннмъ* (почему и не можетъ, въ качествѣ единицы, служить подтвержденіемъ теоріи итальянскаго профессора Ломброзо), хотя помѣшательство его на одной определенной идеѣ и врядъ ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію...

Это обстоятельство побуждаетъ насъ высказать мнѣніе, которое, правда, мы не могли подвергнуть обширной и тщательной повѣркѣ, но которое считаемъ вѣроятнымъ. Это мнѣніе служитъ прямымъ отвѣтомъ на вопросъ: могутъ ли основатели мистическихъ сектъ, мистическихъ ученій, и въ частности такъ-называемаго духовнаго христіанства, отличительнымъ характеромъ котораго до настоящаго времени, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, былъ мистицизмъ, — могутъ ли эти основатели быть выдающимися, гениальными людьми? Въ личности Ирвинга мы встрѣтились было съ подобнымъ фактомъ. Но при тщательномъ разоблаченіи этого факта можно видѣть, что Э. Ирвингъ не представляетъ какого-либо исключенія. А это въ свою очередь наводитъ на мысль, что для основанія какой-либо мистической секты, члены которой именуютъ себя духовными христіанами, не только не нужно никакой гениальности, но и просто недюжиннаго таланта, а достаточное богословское образование можетъ считаться даже и значительнымъ препятствіемъ для достиженія указанной цѣли.

II.

Проповѣдь Ирвинга въ Лондонѣ.

„Когда Ирвингъ былъ моимъ ассистентомъ въ Глессго, — говоритъ докторъ Чомерсъ, — онъ не привлекалъ къ себѣ многихъ слушателей, но за то онъ вполне привлекалъ и къ себѣ, и къ своей проповѣди тѣхъ немногихъ людей, съ умами которыхъ былъ сходенъ его собственный умъ. Я часто замѣчалъ, что именно такого рода вліяніе производятъ люди, мышленіе которыхъ отли-

чается особенными свойствами или эксцентрично. Они, как магнитъ, притягиваютъ къ себѣ сродные имъ умы⁴ 62).

Такимъ образомъ, если бы Э. Ирвингъ сталъ оказывать широкое вліяніе на многихъ людей, то подобный фактъ можно было бы считать совершенно случайнымъ. На немногихъ же людей онъ могъ дѣйствовать, какъ магнитъ, *воплоть* ихъ къ себѣ привлекая. И дѣйствительно въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы видимъ, что на немногихъ Ирвингъ производилъ не только систематическое, *зачумляющее* и притупляющее ихъ умственные и нравственные силы дѣйствіе, но что это дѣйствіе было и пріятно, привлекательно для самихъ зачумляемыхъ, которые продолжали идти за Ирвингомъ и тогда, когда его эксцентричности доходили до невозможнаго. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока подобное систематическое зачумленіе не перешло въ своего рода бѣшенство, удивительное по своимъ характеристическимъ особенностямъ.

Разсматривая проповѣдническую дѣятельность Ирвинга въ Лондонѣ, мы прежде всего встрѣчаемся съ упомянутымъ *случайнымъ фактомъ*, которымъ теперь и займемся.

Въ Лондонѣ не знали, кто такое былъ Э. Ирвингъ; не знали ни объ его новыхъ педагогическихъ методахъ, ни о проповѣдническомъ дарѣ, ни о подвигахъ въ качествѣ просвѣтителя Персіи и Ямайки. Онъ былъ тамъ человѣкомъ новымъ, безъ прошлаго, и никто не зналъ, какою глубокою ложью могли быть его возвышенные идеалы, откуда они проистекали и какъ мало согласовались съ дѣйствительными его поступками. Поэтому стоило ему теперь только воспользоваться своею неизвѣстностью, чтобы привлечь въ свою капеллу массы поклонниковъ. Такъ дѣйствительно и случилось. Сначала слушателей въ его убогой и маленькой капеллѣ было немного: вся его конгрегація состояла только изъ пятидесяти человѣкъ. Но вотъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала его проповѣди въ Лондонѣ случайно заглянулъ въ его капеллу извѣстный философъ, сэръ Джемсъ Мэккинтошъ, и услышалъ здѣсь проповѣдь Ирвинга о какихъ-то сиротахъ, находящихся подъ покровительствомъ Божиимъ. Проповѣдь понравилась Джемсу Мэккинтошу. О своемъ впечатлѣніи онъ пере-

⁴) Memoirs of Th. Chalm. by W. Hanna, II, 213.

даждь знаменитому Каннингу, который также побывалъ въ каледонской капеллѣ и немного спустя послѣ того, будучи въ палатѣ общинъ, заявилъ тамъ, что онъ недавно слышалъ, какъ одинъ шотландскій пасторъ говорилъ проповѣдь, которая была самою краснорѣчивою изъ всѣхъ, какія приходилось ему когда-либо слышать. Эти слова возбудили любопытство и многіе отправились въ каледонскую капеллу лично удостовѣриться въ справедливости словъ Каннинга⁶²). Таковы обстоятельства, бывшія одною изъ главныхъ причинъ громадной популярности Ирвинга въ Лондонѣ.

Кромѣ этой причины были и другія. Здѣсь можно указать на разницу, которая отличаетъ англичанъ отъ шотландцевъ. Первые, говоря вообще, трезвѣе шотландцевъ въ умственномъ отношеніи и болѣе ихъ способны къ практической дѣятельности. Англійскіе ораторы говорятъ обыкновенно ясныя, трезвыя рѣчи; философы болѣе цѣнятъ индуктивный методъ въ своихъ изслѣдованіяхъ; богословы не имѣютъ большой склонности витать въ неопредѣленныхъ сферахъ и познавать непостижимое. Вслѣдствіе этого нигдѣ такъ-называемый „германскій мистицизмъ“ не имѣлъ меньше корней для своего развитія, чѣмъ въ Англіи. Въ Шотландіи наоборотъ, — педаромъ Эдинбургъ называется у шотландцевъ „сѣверными Аѳинами“, тамъ преобладаетъ больше умозрѣніе и дедукція, а также и мистицизмъ, хотя послѣдній и много отличается отъ того мистицизма, который существуетъ въ Германіи.

Ирвингъ представлялъ въ Англіи нѣкоторую новинку, нѣкоторое исключеніе изъ общаго правила, будучи облеченъ во всеоружіе „германскаго мистицизма“, только лишь въ незначительной степени преобразованнаго въ шотландскій „практическій мистицизмъ“. А между тѣмъ трезвыя прозаическія, практическія, юмористическія, сатирическія, ироническія рѣчи, въ которыхъ англійскіе ораторы и писатели сосредоточивали и сосредоточиваютъ свое вниманіе на мелочахъ, могли и прискучивать, и англичане поневолѣ должны были стремиться къ чему-нибудь *высшему*, съ удовольствіемъ набрасываясь на произведенія, которыя по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны удовлетворяли такому стремленію.

⁶²) Mrs. Oliph. The Life of E. J. I, 158, 159.

Таковы и были проповѣди Ирвинга, въ которыхъ онъ варварскимъ языкомъ древнихъ англійскихъ и шотландскихъ богослововъ изображалъ свои возвышенные, неопредѣленные и туманные идеалы, будучи въ тоже время совершенно не способенъ къ какому-либо юмору, ироніи или сарказму. Въ противоположность шутивымъ и веселымъ людямъ Ирвингъ, сказать кстати, былъ вообще серьезенъ и угрюмъ,—обстоятельство, сильно характеризующее людей съ ложными религіозными убѣжденіями.

Наконецъ слѣдующая и можетъ-быть самая главная причина его популярности заключалась въ томъ, что онъ особенно понравился благочестивымъ дамамъ высшаго лондонскаго общества. Въ этомъ случаѣ, кажется, главное значеніе имѣли не столько содержаніе и характеръ произносимыхъ имъ проповѣдей, сколько внѣшній его видъ и манера ихъ произношенія. Громаднаго роста, косоглазый, съ одной стороны—красавецъ, съ другой—похожій на разбойника ⁶⁴⁾, съ длинными, черными, спускающимися до плечъ волосами, атлетически сложенный, обыкновенно блѣдный, то спокойно торжественный, то суровый и гордый, дающій видъ постоянного сознанія своей святости, — онъ представлялъ изъ себя для благочестивыхъ англійскихъ дамъ великолѣпную находку. Сюда нужно прибавить его рѣзкій сѣверный акцентъ и сильные, театральные, грубые и неграціозные, но впечатлительные жесты, которыми сопровождалъ онъ прознесеніе своихъ проповѣдей ⁶⁵⁾. Громадный голосъ его, усовершенствованный еще въ дѣтствѣ упражненіями надъ чтеніемъ Мильтона и напыщенной книги Оссіана ⁶⁶⁾, обладалъ необыкновенною гибкостью и былъ то плавенъ и мелодиченъ, то гремѣлъ какъ громъ. Голь, лично слышавшій Ирвинга, говоритъ: „какъ мало можно изобразить на бумагѣ раскаты грома, завываніе бури или шумъ сильнаго водопада, такъ мало можно изобразить на ней и краснорѣчіе Ирвинга“ ⁶⁷⁾.

⁶⁴⁾ W. Wilks p. 6: His face was of that bifold beauty, that, viewed on one side, as some one has said, you had the profile of a brigand, on the other that of saint. *

⁶⁵⁾ Miller, The history and doct. of Irvingism I, 24.

⁶⁶⁾ Mrs. Oliph. I, pp. 31, 56.

⁶⁷⁾ Bruchstücke... S. 111.

Увлекаясь больше подобными качествами, публика стала наполнять можно сказать до давки церковь, въ которой онъ проповѣдывалъ, при чемъ забыты были даже вѣроисповѣдныя различія и члены напимѣръ англиканской церкви охотно посѣщали каледонскую пресвитеріанскую капеллу. Въмѣсто прежнихъ пятидесяти человѣкъ его конгрегаціи число ея членовъ въ короткое время увеличилось до тысячи пятисотъ. Его торжествующіе и ликующіе біографы стараются какъ можно ярче изобразить все эти быстрые успѣхи его въ Лондонѣ. „Знатнѣйшія особы страны,—говоритъ одинъ,—знаменитѣйшія парламентскіе ораторы: Каннингъ, Брумъ (Brougham), Мэккинтошъ и Скарлеттъ, дамы высшаго общества, много членовъ королевской семьи и даже, какъ говорятъ, сами коронованныя персоны скоро сдѣлались его слушателями“ ⁶⁸). Другой изображаетъ все дѣло еще подробнѣе. „Парламентскіе вожди обѣихъ сторонъ, даже премьеръ тори, лордъ Ливерпуль (къ ужасу лорда Эльдона), судьи, адвокаты всѣхъ степеней, фешенебельные медики и студенты медицины, замѣчательныя красавицы, купчихи, клирики и диссентеры, а также мужчины и женщины, которые скорѣе слѣдовали модѣ, чѣмъ имѣли какія-либо претензіи на умъ и религіозность, осаждали двери и протискивались въ церковь“ ⁶⁹). Когда это „нашествіе“ англійской публики на каледонскую капеллу сдѣлалось наиболѣе страшнымъ, многіе изъ тѣхъ, которые ходили слушать Ирвинга, никогда не слыхали его голоса; нѣкоторымъ же въ это время не приходилось видѣть даже и самой церкви, въ которой онъ проповѣдывалъ ⁷⁰). „Ближайшія улицы были запружены на далекое разстояніе телѣжками, экипажами, и болѣе чѣмъ за часъ времени до начала богослуженія въ церкви часто была уже давка. Многіе взбирались на сосѣднія крыши и взлѣзали на церковныя окна. Кратко сказать, думали бытъ святыми отъ одного только слушанія этого апостола. Знатнѣйшія особы страны, придворныя дамы, герцогини должны были занимать иногда (о, ужась!) *кос-какія* мѣста среди стоящихъ массъ“ ⁷¹). Это послѣднее замѣчаніе больше

⁶⁸) Ibid. S. 12, 13.

⁶⁹) W. Wilks., E. J. p. 31, 32.

⁷⁰) Miller, The history and doct. of Irvingism, I, 23, 24.

⁷¹) Nohl, Bruchstücke... S. 39, 40.

всего относилось къ нѣкоей лэди Джерси, которая, забывая о своемъ высокомъ происхожденіи, садилась даже на ступенькахъ каеэдры, на которой проповѣдывалъ Ирвингъ, вслѣдствіе чего получила и нѣкоторую извѣстность. Карлейль, цитируя чьи-то слова, зло подсмѣивается надъ этою лэди, называя ее „лэди, которая высиживаетъ на ступенькахъ каеэдры“... ⁷²⁾).

Такова была популярность Ирвинга въ Лондонѣ. Онъ сдѣлался моднымъ проповѣдникомъ, благодаря кратковременному увлеченію публики его темными идеями и такому же кратковременному расположенію англійскихъ дамъ. Самъ онъ не искалъ обыкновенной популярности, какой ищутъ (если только ищутъ) „обыкновенные“ проповѣдники, не различающіе ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, а искалъ ея именно въ высшихъ классахъ общества, забывая совершенно, что служеніе бѣдняку во всякомъ случаѣ можетъ быть такъ же полезно и почетно, какъ и служеніе благочестивымъ членамъ высшихъ общественныхъ классовъ, которые могли бы всегда найти и другія средства къ выраженію и пожалуй удовлетворенію своего благочестія. Все это, вмѣстѣ взятое, составляло грубѣйшую ошибку Ирвинга, нисколько не свидѣтельствующую о томъ, что онъ стоялъ выше обыкновенныхъ шарлатановъ. Если между нимъ и послѣдними и была какая-нибудь разница, то она заключалась кажется единственно въ томъ, что обыкновенные шарлатаны преслѣдуютъ въ занятіяхъ шарлатанствомъ какія-нибудь практическія цѣли, Ирвингъ же шарлатанилъ и пускалъ шель въ глаза единственно изъ любви къ этому искусству. Какъ ни худо первое, оно все-таки лучше послѣдняго.

Еще при самомъ прибытіи въ Лондонъ, онъ чутьемъ догадывался, что тамъ „была его сфера“ ⁷³⁾; еще тогда „голова его закружилась отъ похвалъ, ему выраженныхъ“, вслѣдствіе чего онъ и „преисполнился надеждъ и дѣятельности“ ⁷⁴⁾. „Мой умъ,—говорить Ирвингъ,—который давно не обнаруживалъ роста, теперь снова пробудился и истина сама ему открывается“ ⁷⁵⁾. Теперь можно было увидѣть всему міру, „какія великія дѣла онъ въ со-

⁷²⁾ Reminiscences, I, 235.

⁷³⁾ Mrs. Oliph. The Life of E. J. I, 134.

⁷⁴⁾ Ibid. p. 135.

⁷⁵⁾ Ibid.

стояніи былъ совершить⁷⁶⁾. Онъ какъ будто сорвался съ цѣпи, на которой держалъ его докторъ Чомерсъ, и забывая о давленіи, произведенномъ на него этимъ проповѣдникомъ, онъ осмѣливается теперь фамильярно называть его „своимъ любезнымъ другомъ“⁷⁷⁾. Таковы были мысли, волновавшія этого великаго челоѣка, этого, какъ онъ самъ себя называлъ, служителя Божія, по прибытіи въ Лондонъ.

Когда же онъ воочію увидѣлъ исполненіе своихъ проповѣдническихъ желаній, то его самомнѣнію не было границъ. Популярность прежде всего доставила ему „глубокое удовольствіе“⁷⁸⁾. „Благодарю Бога, пишетъ онъ, мой успѣхъ кажется не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Храмъ каждый день переполненъ; начинаютъ говорить и о построеніи другаго, вполне хорошаго храма, достойнаго нашей матери-церкви и родной страны“⁷⁹⁾. Это удовольствіе было стимуломъ для всѣхъ его способностей⁸⁰⁾, а равно и для непрестанныхъ трудовъ⁸¹⁾. Онъ хочетъ поучать теперь поэтовъ, политиковъ, законовѣдцовъ и ученыхъ⁸²⁾, не удовлетворяющихся будто бы обыкновенными простыми рѣчами, и безъ большихъ разсужденій выступаетъ предъ своими слушателями какъ пророкъ, какъ Ілія, какъ Іоаннъ Креститель, проповѣдующій въ нравственной пустынѣ⁸³⁾. Онъ чувствуетъ себя проповѣдникомъ правды (preacher of righteousness), котораго послалъ Богъ великому городу, принцамъ, вельможамъ и совѣтникамъ великаго государства и хочетъ исполнить свою миссію вѣрно⁸⁴⁾. Весь свой бѣдный умъ напрягаетъ онъ при этомъ для суроваго обличенія всѣхъ живущихъ: „никогда претензіи общественныхъ классовъ не подвергались такому презрѣнію, пороки богачей такъ строго не осуждались“⁸⁵⁾, говоритъ его біографъ. Но на самомъ

⁷⁶⁾ Ibid. p. 143.

⁷⁷⁾ Ibid. p. 148.

⁷⁸⁾ Ibid. p. 161.

⁷⁹⁾ Ibid. p. 156.

⁸⁰⁾ Ibid. p. 161.

⁸¹⁾ Ibid. p. 193.

⁸²⁾ Ibid. pp. 166, 167; W. Wilks, E. J. p. 64.

⁸³⁾ Hohl. Bruchstücke... S. 13.

⁸⁴⁾ Mrs. Oliph. I, 186.

⁸⁵⁾ W. Wilks, p. 33.

дѣлѣ гениальное безсиліе обнаруживается и здѣсь. Сказать, что слуги не повинуются господамъ, господа притѣсняють своихъ слугъ, дѣти не почитаютъ родителей и проч.— все это такія общія мѣста, длиннѣйшія разсужденія о которыхъ врядь-ли можно ставить въ особенную заслугу какому бы то ни было великому таланту. Только въ немногихъ случаяхъ Ирвингъ повидиму отступаетъ отъ общихъ мѣстъ и его обличенія получаютъ вслѣдствіе этого нѣкоторый характерный оттѣнокъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, не взирая ни на „высидивающую лѣди“, ни на принцевъ крови, ни на парламентскихъ вождей, онъ говоритъ откровенно всѣмъ своимъ слушателямъ, что они походятъ на *стадо свиней*, очарованное Цирцеей, позабывшее о своемъ благородномъ происхожденіи ⁸⁶⁾.

Мы не будемъ разбирать подробно проповѣдей, которыя проносилъ онъ предъ лондонской публикой въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Постараемся дать только общую ихъ характеристику и вмѣстѣ съ тѣмъ изложить сущность его ученія.

Будучи отуманенъ популярностью, онъ сталъ считать себя великимъ истолкователемъ Священнаго Писанія. Неоднократно, объясняя своимъ слушателямъ священные тексты, онъ предлагалъ имъ такую альтернативу: или это такъ, т.-е. мое истолкованіе вполнѣ вѣрно, или же я не имѣю никакого дара истолкованія ⁸⁶⁾. Тонъ его рѣчи теперь сдѣлался еще болѣе напыщеннымъ высокоумѣрнымъ, чѣмъ прежде. Онъ теперь относится напыщенно и съ высокоумѣріемъ не только къ своимъ слушателямъ, но даже повидимому и къ самому Божеству. Читая, напримѣръ, его рекомендуемая для украшенія страницъ православной богословской литературы проповѣди „О воплощеніи Слова Божія“ ⁸⁷⁾ какъ-то невольнo и почти постоянно думаешь, что Ирвингъ говоритъ какъ бы такъ: „Богъ хотѣлъ сдѣлать то-то и то-то; но я утверждаю, что Онъ не могъ или не хотѣлъ сдѣлать ни того, ни другаго“. Употребленіе одинаковыхъ, повторяющихся чуть

⁸⁶⁾ The collect. Writ. of. E. J. vol. I, p. 47.

⁸⁶⁾ Hohl, Bruchstücke. S. 83. Срв. The collect. Writ. of. E. I. I, 152: J. perceive that either there is no meaning in this and the last parts of the parable or that is the meaning, which J. have now given.

⁸⁷⁾ The collect. Writ. of E. Irving, vol. V.

не на каждой строкѣ громкихъ выраженій, въ родѣ слѣдующихъ: ослоты сатаны, колесницы, кони, градущій гнѣвъ и проч., а также темнота, неопредѣленность и бѣдность мысли дѣлають чтеніе этихъ проповѣдей до-нельзя утомительнымъ. Его можно сравнить съ длиннымъ, безконечнымъ, и притомъ совершенно безцѣльнымъ и бесполезнымъ путешествіемъ по какой-то дикой, пустынной мѣстности, при которомъ очень часто повторяются еще и толчки, въ родѣ указанныхъ. Постоянно при этомъ чтеніи сожалѣешь о томъ, что Ирвингъ не сжегъ всѣхъ своихъ произведеній, какъ это онъ сдѣлалъ съ своими юношескими опытами, и что его племяннику понадобилось издавать ихъ въ довольно объемистыхъ томахъ... Произволь и разнузданность мышленія, мистицизмъ и аллегоризація, мысль, которая какъ бы гложетъ и истребляетъ самую же себя и при этомъ какіе-то вопли отъ разстроеннаго, слишкомъ больнаго воображенія, которые по временамъ прорываются и производять какой-то страшный, болѣзненный диссонансъ въ великомъ хаосѣ неясныхъ звуковъ—таковъ, по нашему мнѣнію, общій характеръ проповѣдей Ирвинга.

Что касается общаго характера и смысла его ученія, то для уразумѣнія ихъ можно обратиться преимущественно къ IV тому его сочиненій. Здѣсь онъ излагаетъ по крайней мѣрѣ болѣе ясно, чѣмъ гдѣ-либо, свой символъ вѣры. То, что сказано имъ въ началѣ этого тома, составляетъ ариаднину нить, имѣя которую въ рукахъ, можно еще разсчитывать на выходъ изъ безконечно-запутаннаго лабиринта его проповѣдническаго мышленія. Скажемъ больше. Его мысли, которыя сейчасъ будутъ изложены, составляютъ основную, главную тему его проповѣдей, которую онъ развивалъ на всѣ лады въ теченіе всей своей жизни. И если обратить вниманіе на то, что означенная тема можетъ быть подробно разъяснена на двухъ-трехъ страницахъ, то нельзя не удивляться, какимъ громаднымъ терпѣніемъ обладалъ и самъ онъ, и его слушатели, когда онъ развивалъ предъ ними эту неглубокую и необширную тему устно и письменно, и по утрамъ, и по вечерамъ, въ теченіе всего пребыванія своего въ Лондонѣ, отъ 1822 до 1834 года!

За невозможностью передать вполне ясно на русскомъ языкѣ выраженныя имъ мысли, мы будемъ дѣлать, гдѣ нужно, вольный переводъ его рѣчей.

Всякій, читающій его произведенія, можетъ замѣтить обильное и частое повтореніе въ нихъ выраженій, встрѣчающихся во всѣхъ его проповѣдяхъ, выраженій, въ которыхъ онъ употребляетъ слово: *spiritual* (духовный). Такъ кромѣ слова *spirit* (духъ), мы встрѣчаемъ выраженія: духовное священство (*spiritual ministry*), духовные дары (*spiritual gifts*), духовный мужъ и мужи (*spiritual man and men*), духовное богослуженіе (*spiritual worship*), духовное ученіе (*spiritual doctrine*), духовная религія (*spiritual religion*), духовное христіанство (*spiritual Christianity*), духовное имя (*spiritual name*), духовная жизнь (*spiritual life*), духовная мудрость (*spiritual wisdom*) и проч. Можно даже сказать, что эти слова не сходятъ у него съ языка; самъ онъ отличаетъ себя отъ другихъ главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ мыслить „болѣе спиритуально“ (*more spiritually*), чѣмъ всѣ другіе, а въ одномъ мѣстѣ называетъ себя и „адвокатомъ духовной жизни“ (*a commissioned advocate of spiritual life*)⁸⁸). Вотъ это-то понятіе о „спиритуальности“ онъ и раскрываетъ преимущественно въ IV томѣ своихъ сочиненій.

Прежде всего онъ думаетъ, что весь современный ему христіанскій міръ впалъ въ *идолопоклонство*. Мы не сомнѣваемся, что подобная мысль не принадлежитъ ему самому, а заимствована, и именно у Бэкона Веруламскаго, котораго онъ былъ почитателемъ и подражать которому старался, хотя и совершенно въ другой области—религіозной, считая себя здѣсь такимъ же реформаторомъ, какимъ былъ Бэконъ въ философіи. Последній, какъ извѣстно, разсматривая современное ему состояніе науки, главнымъ препятствіемъ къ ея прогрессу считалъ присутствіе въ человѣческомъ мышленіи такъ называемыхъ идоловъ: *idola fori*, *idola theatri*, *idola specus*... Ирвингъ переноситъ подобныя же понятія въ религіозную область и повидимому много старается о томъ, чтобы и здѣсь также получились *idola*. Онъ дѣйствительно ихъ и находитъ и поклоненіе имъ называетъ: *idolatry of the imagination*, *idolatry of the sense*, *idolatry of forms* и проч. Какъ только эти идолы нашлись, то обличить послѣ этого идолопоклонниковъ было уже не особенно трудно.

⁸⁸) The collected Writings, IV, 125.

Онъ величественно обращаетъ свой взоръ на римскихъ католиковъ и *другихъ идолопоклонниковъ*, разумѣя, очевидно подъ этими послѣдними преимущественно греко-восточныхъ христіанъ, и находить, что они не только ничѣмъ не отличаются отъ язычниковъ, но именно самые язычники-то и суть. Они, по его мнѣнію, заражены больше *чувственнымъ идолопоклонствомъ* (idolatry of the senses) или и просто идолопоклонствомъ, подъ которымъ онъ разумѣетъ поклоненіе чувственнымъ предметамъ религіознаго богопочитанія и внѣшнюю обрядность. Алтарь католиковъ, поэтому, для него есть „мерзость изъ мерзостей“⁸⁹⁾, а самый Римъ ни что иное, какъ „вавилонская блудница“, „Содомъ и Египетъ, гдѣ и Господь нашъ распятъ“⁹⁰⁾. Нечего сказать, положеніе римскихъ католиковъ и греко-восточныхъ православныхъ незавидное! Но это незавидное положеніе даетъ поводъ великому проповѣднику однимъ взмахомъ пера начертать картину безъ всякаго сомнѣнія грандіозную: миллионы католиковъ и миллионы православныхъ, какъ бы соединившись воедино, а можетъ быть и воздвѣвая горѣ руки, *громко* будто-бы взываютъ къ нему, Эдварду Ирвингу, о помощи!⁹¹⁾... *Ex occidente lux!!...*

Онъ обращается къ протестантамъ. Я знаю, говоритъ онъ, что и вы тоже въ свое время были идолопоклонниками (этотъ переводъ сжатый и совершенно вольный). Но реформація обратила васъ на путь истины: она возстановила среди васъ опять духовную религію⁹²⁾. Это дѣлаетъ васъ отвѣтственными за имѣющійся у васъ недостатокъ *духовности* и заставляетъ васъ стремиться къ ней еще ревностнѣе. Посмотрите, дѣти у васъ почитаютъ своихъ родителей (Ирвингъ обличалъ и за непочтеніе)! О, ужасъ, вѣдь это идолопоклонство! Родители замѣняютъ у васъ божество для дѣтей и дѣти бываютъ божествомъ для родителей!⁹³⁾. А что дѣлаютъ ваши ученые? Они занимаются

⁸⁹⁾ Ibid. p. 40.

⁹⁰⁾ Ibid. p. 188. См. Откр. XI, 8.

⁹¹⁾ Ibid. p. 16: Catholics and other idolaters of the earth deserve to be blamed, and loudly call upon our help.

⁹²⁾ Ibid. p. 39: Reformation brought us back again to spiritual religion.

⁹³⁾ Ibid. p. 7.

изученіемъ растений, животныхъ, законовъ физической и нравственной природы и это изученіе составляетъ для нихъ все, дѣлается цѣлью ихъ жизни, ради которой они забываютъ и о вѣчной жизни и о Богѣ *4). Развѣ это поклоненіе изучаемымъ предметамъ не идолопоклонство?!

Оставивъ невѣрующихъ, я обращаюсь къ протестантамъ, которые считаютъ себя религіозными и думаютъ о вѣчной жизни. Среди нихъ идолопоклонство развито еще въ большей степени. Они наклонны уважать тѣ мнѣнія, которыя отличаютъ ихъ, какъ членовъ той или другой церкви или секты, отъ всѣхъ другихъ христіанъ *5). Если народы, живущіе въ южныхъ странахъ, избрѣли множество предметовъ суевѣрія, облегчающихъ пониманіе духовнаго посредствомъ чувственнаго, то сѣверные народы отвергли это идолопоклонство и впади въ другое. Здѣсь идолами служатъ холодныя и грубыя абстракціи человѣческаго разсудка *6), который преобладаетъ надъ небесною набожностію и святою ревностію! Торжественное спокойствіе души, которое необходимо для нея, когда она становится лицомъ къ лицу предъ своимъ Учителемъ, разстроивается разсужденіями о томъ, что ортодоксально, и что нѣтъ, что соотвѣтствуетъ и что не соотвѣтствуетъ духу евангелія. Духъ вѣрующаго дѣлается вялымъ, будучи напитанъ абстрактными истинами и формальными положеніями. Библейскія истины излагаются въ сухихъ формулахъ, что даетъ пищу одному уму, оставляя голоднымъ сердце. Библия служитъ не источникомъ божественной мудрости, а средствомъ для защиты частныхъ школьныхъ мнѣній *7). Формулы и доктрины сдѣлались народными идолами: строгія отлученія ожидаютъ всякаго, кто сомнѣвается въ ихъ превосходствѣ, и настаиваетъ на томъ, чтобы высказывать одну только истину и ничего, кромѣ истины. Катихизисы, въ которыхъ означенныя доктрины и формулы изложены, получили такое важное значеніе, что ихъ цѣнятъ какъ бы наравнѣ съ Библіей *8). Вы сдѣлались нетерпимыми

*4) Ibid. p. 10.

*5) Ibid. vol. I, p.

*6) Ibid. pp. 8, 9.

*7) Ibid. p. 8.

*8) Ibid. p. 28.

ковсѣмъ, кто находитъ въ Библии какое-либо мнѣніе, несогласное съ вашимъ собственнымъ, какъ будто-бы эти люди посягаютъ на самую неповрежденность вашей вѣры, и какъ будто-бы они замышляютъ ниспровергнуть всю вашу религію. Точное формулированіе какого-либо церковнаго мнѣнія съ церковной кафедры, изъ устъ дитяти и старика, который лежитъ на смертномъ одрѣ-вотъ все, чего вы требуете отъ вѣрующихъ христіанъ. Какъ вы можете терпѣть такое идолопоклонство? Какъ вы можете выносить этотъ *логическій и метафизическій видъ*, который приняла религія въ вашихъ храмахъ, будучи дѣломъ одного ума, иссушая сердце и уничтожая святую и добродѣтельную жизнь?!⁹⁹⁾.

Я не останавливаюсь на этомъ. Я знаю, что и сами протестанты почувствуютъ смущеніе, увидѣвъ, какъ далеко я захожу. Но что же дѣлать! Этого требуетъ моя духовная религія. Вы, протестанты, послѣ реформациі оставили суевѣріе и идолопоклонство, которыми отличаются католики; вы перестали чтить праздники и святыхъ, соблюдать посты предписанные римскою церковью, преклоняться предъ мощами и иконами. Вы отвергли многое, но не отказывали въ своемъ уваженіи Библии. Это—единственная священная книга изъ всѣхъ, которая осталась у насъ за отверженіемъ преданія и сочиненій церковныхъ учителей. Но я говорю вамъ: ваше уваженіе къ Библии есть также идолопоклонство!¹⁰⁰⁾ „Библия! Только и есть, что Библия! Можетъ-ли она говорить намъ проповѣди? Въ состояніи-ли она одна научить насъ? Если Богъ опредѣлилъ научить насъ посредствомъ какой-нибудь книги, то Онъ послалъ-бы намъ Библию съ неба! Насъ можетъ просвѣщать только Духъ. Самъ Богъ говоритъ намъ. Самъ Богъ открываетъ намъ, что мы должны дѣлать и проповѣдывать“¹⁰¹⁾. Поэтому ваше уваженіе къ Библии несомнѣнно

⁹⁹⁾ Ibid. p. 30

¹⁰⁰⁾ It may make many to startle when I tell them, that the first point upon which we are at present assailable, and where the enemy hath worked his mines the most effectually, is the Holy Scriptures itself, and that even now the worship of God is hindered in the midst of us by the idolatry of the Bible. Ibid. IV, 75; см. также p. 48 и всю IV рѣчь.

¹⁰¹⁾ Слова, означенныя кавычками, сказаны были анабаптистами при самомъ началѣ Лютеровой реформациі. Мы приводимъ эти слова потому, что Ирвингъ говорилъ тоже самое, только гораздо темнѣе. Авторъ «Исторіи рефор-

съ истиннымъ духовнымъ богопочитаніемъ. Поэтому же напрасны и все ваши труды, имѣющіе цѣлью изученіе и истолкованіе Библии! Вы разбираете въ ней каждое слово, печатаете ее въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, заботитесь о томъ, какъ бы не вставить или не убавить въ ней одной буквы, какъ будто все это нужно для вѣчнаго спасенія!

Я иду еще дальше. Вмѣстѣ съ Библіей у васъ, протестантовъ, остались еще таинства, не все, которыя были въ римской церкви, а только крещеніе и причащеніе. Какъ бы мало вы, сравнительно съ католиками, ни отдавали почтенія этимъ таинствамъ, все-таки и то незначительное уваженіе къ нимъ, какое осталось въ протестантскихъ странахъ, есть идолопоклонство! Я утверждаю, что отъ сего времени нѣтъ этихъ таинствъ, нѣтъ ни крещенія, ни причащенія!¹⁰²⁾

Послѣ подобныхъ разсужденій мысль Ирвинга запутывается въ какихъ-то непроходимыхъ трущобахъ, проникнуть въ которыя нѣтъ уже никакой возможности. Но для насъ достаточно и сказаннаго, изъ котораго можно видѣть, что онъ хочетъ путемъ отрицанія существующихъ вѣроисповѣданій выяснить, что такое проповѣдуемая имъ духовная религія, духовное христіанство. Положительные признаки такого христіанства для насъ темны, Ирвингъ при выясненіи ихъ совершенно запутывается и ищетъ свою „спиритуальную“ религію даже въ раю, утверждая, что такова и была пменно религія Адама и Евы до ихъ грѣхопаденія¹⁰³⁾. Зато для насъ совершенно ясны признаки духовной религіи Ирвинга которыя можно назвать отрицательными. Мы видимъ, что отрицаніе, дѣлаемое имъ, слишкомъ широко и касается всѣхъ существующихъ христіанскихъ религій. Онъ отрицаетъ во первыхъ римскую и греческую церкви за ихъ *суетнріе*,

маціи въ XVI стол.» Мерль д'Обинье, при означенныхъ словахъ дѣлаетъ слѣдующую замѣтку: «Thus did these fanatics... attack the fundamental principle on which the entire Reformation is founded—the all-sufficiency of the Word of God». Тоже можно сказать и объ Ирвингѣ. Мерль д'Обинье справедливо находить связь между нимъ и братьями въ Цвикау. См. History of the Reform. of the sixteenth century by M. d'Aubigné, translated by H. White, Edinb. vol. III, pp. 46, 47, и примѣчаніе переводчика на той же страницѣ.

¹⁰²⁾ См. VII рѣчь въ IV томѣ.

¹⁰³⁾ Ibid. p. 50.

за существованіе въ нихъ *внѣшняго* религіознаго культа; обращаясь къ протестантамъ, онъ находитъ у нихъ болѣе тонкія формы, въ которыхъ выражается ихъ *суевѣріе*, и вслѣдствіе этого отрицаетъ и самый протестантизмъ вмѣстѣ съ Библіей и его немногочисленными таинствами, воздвигая на его мѣстѣ какую-то свою собственную новую религію.

Спрашивается однако, что же остается послѣ такого отрицанія?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы должны сказать, что Ирвингъ дѣлаетъ два главныхъ вывода изъ своихъ разсужденій, но это онъ дѣлаетъ совершенно неволью и безсознательно. Одинъ изъ этихъ выводовъ можно назвать *логическимъ*, а другой *практическимъ*.

Выводъ логическій. Духовная религія Ирвинга есть отрицаніе всего христіанства. И дѣйствительно, она насколько можно судить изъ его проповѣдей есть религія, *ни въ чемъ невыражающаяся*, потому что всякое ея *выраженіе*, только потому что оно *выраженіе*, есть уже нѣчто внѣшнее. Чтобы объяснить эти послѣднія слова, представимъ частный примѣръ. Извѣстно, что есть молитва внѣшняя и внутренняя, и что существенный признакъ первой заключается въ томъ, что она выражается во внѣшнихъ знакахъ, видимыхъ для постороннихъ, а второй—что она совершается внутри самого молящагося. Но можетъ-ли внутренняя молитва обойтись совершенно безъ какого-либо внѣшняго ея выраженія? Нѣтъ, потому что она все-таки выражается посредствомъ знаковъ и образовъ, видимыхъ если не посторонними, то по крайней мѣрѣ *внутри* молящагося, видимыхъ имъ однимъ и только имъ самимъ. Какъ скоро мы признаемъ, что подобныхъ внѣшнихъ знаковъ не должно быть и внутри молящагося, что его молитва должна обходиться совершенно безъ нихъ, то, очевидно, уничтожимъ и самое понятіе о молитвѣ, какое мы соединяемъ обыкновенно съ этимъ словомъ. То же самое имѣетъ полную силу и относительно духовной религіи, духовнаго христіанства. Не сопровождаясь никакимъ внѣшнимъ культомъ, оно перестаетъ быть религіей и христіанствомъ. Это—поклоненіе Богу безъ *всякаго видимаго* къмъ бы то ни было поклоненія, любовь ко Христу безъ *всякихъ видимыхъ* выраженій этой любви, это—религія безъ всякихъ историческихъ основаній, безъ связи съ прошлымъ, это—какое-

то *пустое пространство*, наполнить которое какимъ-либо содержаниемъ было бы уже въ сущности грѣхомъ, преступленіемъ противъ этой новой, совершенно чистой религіи. И такая религія будто бы вполне соответствуетъ ученію Христа о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ!

Что дѣйствительно таковъ настоящій, дѣйствительный смыслъ разсматриваемой нами духовной религіи Ирвинга и его послѣдователей (а можетъ быть и всѣхъ другихъ духовныхъ религій), что дѣйствительно она представляетъ изъ себя полное отрицаніе христіанства, можно видѣть отчасти изъ того, что и самъ Ирвингъ, и его послѣдователи, опять невольно и безсознательно, но съ математическою необходимостію указанный именно выводу и сдѣлали.

Объ Ирвингѣ рѣчь будетъ впереди. Что касается его послѣдователей то о нихъ мы знаемъ, что они *мало говорятъ о Христѣ и что Онъ не особенно много у нихъ извѣстенъ* ¹⁰⁴).

Въ подтвержденіе справедливости этихъ словъ, сказанныхъ однимъ изъ лицъ, имѣвшихъ возможность близко наблюдать жизнь ирвингианъ, мы можемъ указать и на мнѣніе о нихъ одного ученаго изслѣдователя и знатока современной христіанской церкви. „Рискуя зайти слишкомъ далеко, говоритъ онъ въ предисловіи къ своей книгѣ, мы включаемъ въ свое изслѣдованіе и нѣкоторыя христіанскія общества, въ которыхъ такъ много недостатковъ и которыя представляютъ такъ много странностей, что *ихъ членовъ нѣкоторые не хотѣли считать христіанами* (напр. квакеры, ирвингиане etc.) Мы понимаемъ всю щекотливость вопроса объ этомъ предметѣ. Однако, видя общество, которое еще *связано кое-какою связью со Христомъ, какъ бы ни была слаба эта связь*, мы медлимъ произнесеніемъ ему *полнаго осужденія и приложеніемъ къ нему названія, которое бы исключало его изъ лона церкви*. Мы довольствуемся тѣмъ, что ставимъ его на самомъ заднемъ планѣ въ общемъ составѣ христіанскихъ церквей“ ¹⁰⁵).

¹⁰⁴) «Of Christ little is said; indeed, He is not much known in these parts». См. Miller, The History and doct. of Irvingism, I, 333.

¹⁰⁵) Tableau de l'Église chrétienne au dix-neuvième siècle par Armand de Mestral, Lausanne 1870, p. 2.

Итакъ, если Ирвинга и его послѣдователей и считать христіанами, то это можно дѣлать развѣ только единственно изъ крайняго къ нимъ снисхожденія.

Выводъ практической. Въ чемъ заключался этотъ выводъ, разсмотрѣнію этого будутъ посвящены послѣдующія страницы предлагаемаго изслѣдованія. Теперь же мы сдѣлаемъ только предварительныя замѣчанія и скажемъ, что этотъ выводъ находится въ непримѣримомъ противорѣчій съ выводомъ логическимъ. Ирвингъ и его послѣдователи логически отрицаютъ христіанство вслѣдствіе отрицанія всѣхъ существующихъ формъ его выраженія или исповѣданія; но практически они сдѣлать этого не могутъ. Этимъ объясняется то, что отвергнувъ Библію, Ирвингъ все-таки продолжалъ ее читать, изучать и цитировать до конца своей жизни, а отвергнувъ таинства—онъ продолжалъ ихъ совершать и даже съ большею торжественностію и великолѣпіемъ, чѣмъ прежде. Религіозное чувство, вопреки теоретическимъ разсужденіямъ о духовной религіи требовало для себя внѣшняго выраженія и это вызвало у послѣдователей Ирвинга появленіе множества богослужебныхъ обрядовыхъ формъ, которыя почти не уступаютъ даже обрядамъ римской церкви. Это конечно парадоксъ; но не во внѣшнемъ ли ирвингианскомъ культѣ и заключается указанная *кое-какая* связь послѣдователей Ирвинга со Христомъ?

Чтобы сдѣлать практической выводъ, заключающійся въ полномъ противорѣчій съ представленнымъ выше понятіемъ духовнаго христіанства, необходима была такъ-сказать борьба съ выводомъ логическимъ. Отсюда крайне враждебное отношеніе Ирвинга и его послѣдователей—къ логикѣ. Они даже и не ограничиваются одною борьбою съ ней, а совсѣмъ хотятъ устранить ее изъ своей религіозной жизни и это ведетъ ихъ съ одной стороны къ принятію замѣчательнаго принципа, съ которымъ они и шествуютъ по пустому пространству, а съ другой — къ замѣчательной діалектикѣ, которая отличается отъ всякой другой діалектики тѣмъ, что оказывается совершенно непобѣдимой.

Свой великій принципъ Ирвингъ высказывалъ не одинъ разъ и это много послужило къ тому, что его ясность и сознательность не подлежатъ никакому сомнѣнію. Принципъ этотъ—*илю-ность*. Только принявъ такого рода принципъ, онъ могъ вести

свое зачумленное стадо въ дебри своей духовной религіи и съ одинаковымъ удобствомъ шествовать и по совершенно пустому пространству и равнодушно смотрѣть, когда это пространство наполнялось и нѣкоторымъ совершенно произвольнымъ содержаніемъ. Только съ такимъ принципомъ онъ имѣлъ возможность надѣяться на успѣхъ въ сбиваніи съ толку своихъ слушателей, и никто не могъ бы его въ этомъ упрекнуть. На этомъ же принципѣ основывается и только-что указанная ирвингiанская діалектика. Разсуждая о ней, мы должны сказать, что мы не вполнѣ согласны съ однимъ бойкимъ французскимъ критикомъ, который повидимому не взирая ни на какіе авторитеты говоритъ, что „ирвингизмъ (что бы ни разумѣлъ французскій критикъ подъ этимъ словомъ) ниже всякой критики“ и что попытка критиковать его походить на „великое толченіе воды въ ступѣ“ (*un grand coup d'ereé dans l'eau*)¹⁰⁶). Мы думаемъ, что ученіе Ирвинга и его послѣдователей не только ниже всякой критики, но и стоитъ совершенно внѣ ея и именно благодаря принятому ими великому принципу и ихъ непобѣдимой діалектикѣ. Послѣдняя состоитъ въ томъ, что они отличаются необыкновенною способностью дѣлать черное бѣлымъ и наоборотъ, и не стѣсняясь никакими слишкомъ очевидными фактами, никакими требованіями здраваго смысла выходить если не побѣдоносно, то по крайней мѣрѣ спокойно изъ всѣхъ затрудненій, изъ которыхъ многіе другіе не могли бы такъ легко освободиться. И дѣйствительно мы увидимъ послѣ, наблюдая жизнь зачумленного кружка, что она идетъ вообще довольно спокойно до тѣхъ поръ, пока критика, какъ молнія, не прорѣжется въ этотъ кружокъ и не произведетъ въ немъ страшнаго переполоха. Но это только на минуту, она не освѣжаетъ здѣсь душнаго воздуха, и въ сектѣ наступаетъ опять спокойствіе и невозмутимая тишина, какъ будто никакой критики и не существовало. Положимъ, говорятъ ея члены всевозможнымъ критикамъ, мы дѣлаемъ *мудо*, поступаемъ вопреки здравому смыслу; но вѣдь такъ учили Христосъ и апостолы. Словомъ они повторяютъ то же самое, что говорила въ сатиру Эразма богиня глупости, — пусть кто-нибудь попробуетъ опровергнуть ея доводы! Ихъ діалектика, оправдывающая ихъ религію,

¹⁰⁶) Цитата у Kohler'a, Het Irving. стр. 7.

вращается въ томъ же пустомъ пространствѣ, гдѣ не къ чему такъ-сказать прикрѣпиться, не за что взяться, гдѣ нѣтъ ни исторіи, ни какихъ-либо нравственныхъ началъ. Но если и при такомъ положеніи дѣла все-таки удастся кому-либо уличить ихъ въ какой-либо безсмыслищѣ, или же если они и сами, невольно и безсознательно, догадываются о ней, то и въ этомъ случаѣ у нихъ всегда есть выходъ. Они скажутъ, что ихъ смутилъ дьяволъ,—вотъ и все. Дьяволъ для секты, какъ увидимъ, совершенно необходимъ, безъ него она жить не можетъ. Самъ Ирвингъ очень часто упоминаетъ о немъ въ своихъ проповѣдяхъ; тоже дѣлаютъ и его послѣдователи. Онъ много имъ помогаетъ выпутываться изъ всевозможныхъ противорѣчій. Нужно ли оправдать какую-нибудь безсмыслицу, сдѣланную ими самими, — они ссылаются на то, что эта безсмыслица сдѣлана была, или, въ крайнемъ случаѣ, была внушена самимъ дьяволомъ; они винятъ его въ своихъ собственныхъ прегрѣшеніяхъ, ставятъ его причиною прегрѣшеній другихъ,—и безъ сомнѣнія поступаютъ справедливо. Ихъ ученіе и дѣятельность суть слѣдствіе ихъ собственной похоти и лжи (какъ это и можно видѣть на примѣрѣ Ирвинга) и они винятъ въ нихъ отца похоти и лжи въ человѣкѣ, дьявола...

Читатель будетъ имѣть возможность познакомиться послѣ подробнѣе съ этой непобѣдимой ирвингянскою діалектикою; теперь же мы займемся изслѣдованіемъ вопроса, насколько широко было принятіе Ирвингомъ указаннаго принципа, т.-е. принципа глупости. Въ этомъ случаѣ можно сказать, что принципъ глупости имѣлъ для него всеобъемлющее значеніе. По его взгляду имъ долженъ руководиться и всякій христіанскій пасторъ, и всякій христіанинъ въ теченіе всей своей жизни, съ самой колыбели до самой своей смерти. „Жизнь всякаго христіанина, всякаго христіанскаго пастора, должна быть однимъ великимъ рядомъ глупостей (A christian's life,—a christian minister's life,—is one great series of imprudences)¹⁰⁷⁾—торжественно восклицаетъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей. Эти золотыя слова не составляютъ какой-нибудь обмолвки со стороны великаго таланта. Мы видимъ, что вся его жизнь дѣйствительно была однимъ великимъ рядомъ глупостей, и это опять даетъ намъ право согласиться съ

¹⁰⁷⁾ The collect. Writings of E. J. vol. II, p. 140.

англійскимъ журналомъ, утверждающимъ, что Ирвингъ переживалъ то, что проповѣдывалъ, и наоборотъ. Но кромѣ того, есть и другія болѣе вѣскія доказательства, что вышеприведенныя слова не составляютъ никакой обмолвки. Вотъ, напримѣръ, какъ въ одномъ мѣстѣ онъ прославляетъ всемірно-историческое значеніе глупости: „первоначальная проповѣдь евангелія обязана была своимъ успѣхомъ единственно глупости проповѣдниковъ; та же глупость избавила міръ и отъ страшнаго суевѣрія, которое не много уступало только суевѣрію адскому; и посредствомъ глупаго проповѣданія евангелія протестантская вѣра можетъ поддерживать свое существованіе, и могутъ распространяться блага протестантизма въ папскихъ странахъ“¹⁰⁸...

Неизвѣстно, что чувствовала высшая англійская публика, выслушивая подобное прославленіе человѣческой глупости изъ устъ „новаго апостола“. Но во всякомъ случаѣ было необходимо, что ея увлеченіе проповѣдями его не могло продолжаться долго тѣмъ болѣе, что однажды высказавъ свой знаменитый принципъ, Ирвингъ уже не хотѣлъ остановиться, а шель все дальше и дальше. Вслѣдствіе этого періодъ его проповѣднической славы въ Лондонѣ собственно говоря продолжался не болѣе двухъ лѣтъ, а затѣмъ эта слава сильно пошатнулась и многіе стали его здѣсь ненавидѣть такъ же, какъ и въ Шотландіи. Особенно сильно повредила его популярности одна рѣчь, сказанная имъ въ миссіонерскомъ обществѣ въ 1824 году, показавшая всѣмъ ясно, какимъ кривымъ зеркаломъ была его проповѣдническая душа и какъ невѣрно она отображала въ себѣ предметы, находящіеся передъ нею.

Миллеръ называетъ Ирвинга „безспорнымъ гениемъ“ именно за эту рѣчь. Мы сейчасъ увидимъ, насколько справедливо это мнѣніе, при краткомъ ея разборѣ. Мы предупреждаемъ читателя, что разборомъ этой рѣчи, мы теперь вполнѣ вводимъ его, такъ сказать, въ великое море ирвингiанской глупости, проповѣдан-

¹⁰⁸) It. was by the foolishness of preaching that the gospel prevailed at first; by the foolishness of preaching aiwas recovered from a pit of nuperstitios second only to the pit of hell; and by the foolishness of preaching, of gospel preaching in all its life and energy, will the Protestant faith keep its ground, or extend its blessed emancipation to papal lands. Ibid. IV, 41.

ной Ирвингомъ и его послѣдователями,—въ великое море глумленія надъ здравымъ смысломъ и истиною, которое началось главнымъ образомъ съ 1824 года и съ тѣхъ поръ продолжается до настоящаго времени,—и что съ этого времени читатель долженъ „оставить всякую надежду“.. Ко времени произнесенія Ирвингомъ этой рѣчи относится начало специфическаго првингянскаго дѣла, которое прежде не выступало еще рельефно изъ общей массы протестантскихъ заблужденій, и скрывалось какъ бы въ общемъ туманѣ. Теперь оно выступаетъ предъ нами наружу, хотя и не получаетъ еще все-таки особенной опредѣленности. Все это, конечно, возбуждаетъ къ указанной рѣчи Ирвинга особенный интересъ, который увеличивается еще и отъ того, что въ ней изображаются идеальные агенты проповѣданной имъ духовной религіи, просвѣщающіе языческій міръ громко требующій для себя помощи,—языческій не въ собственномъ смыслѣ, а скорѣе христіанско-языческій, который называется языческимъ вслѣдствіе своей незначительной „спиритуальности“.

Дѣло было такъ. Лондонское Миссіонерское Общество, празднуя свою годовщину, пожелало приглашеніемъ „великаго таланта“ для проповѣди почтить свой праздникъ, имѣя въ виду придать ему какъ можно болѣе торжественности ¹⁰⁹⁾. Ирвингъ понялъ всю важность сдѣланнаго ему предложенія сказать рѣчь и, какъ самъ онъ говоритъ, удалился въ спокойное и мирное мѣсто, въ тиши изслѣдовалъ Священное Писаніе и размышлялъ тамъ о тѣхъ вещахъ, съ которыми и вознамѣрился познакомить публику ¹¹⁰⁾. Мы обращаемъ вниманіе на это послѣднее обстоятельство потому, что онъ отнесся слѣдовательно съ полнымъ сознаниемъ того, что сказано было имъ въ Миссіонерскомъ Обществѣ. 1-я мая 1824 года, въ обширной церкви, когда-то построенной для Уайтфилда, собралось огромное множество публики. Чтобы не заставить дожидаться народъ, собравшійся задолго до начала богослуженія, рѣшено было начать послѣднее за часъ до назначеннаго времени.

Ирвингъ сказалъ рѣчь, длившуюся необыкновенно долго, около четырехъ часовъ. Для этой рѣчи онъ взялъ текстомъ X главу

¹⁰⁹⁾ Mrs. Oliph. I, 197.

¹¹⁰⁾ The collect. Writings of E. J. vol. I, p. 429.

Евангелія отъ Матѳея, гдѣ Спаситель даетъ наставленія своимъ ученикамъ, посылая ихъ на проповѣдь. Нельзя не согласиться, что выборъ этой главы текстомъ для проповѣди вполне приличествовалъ миссіонерскому празднику. Но Ирвингъ былъ чуждъ всякаго желанія произносить какой-либо панегирикъ миссіонерскому обществу, какъ это дѣлали многіе другіе проповѣдники, имъ приглашаемые, и какъ этого ожидало само общество; напротивъ, его рѣчь съ начала до конца имѣла цѣлью подорвать къ обществу все уваженіе, которымъ оно пользовалось въ публикѣ, показать ему, что принципы, на которыхъ основывалась его дѣятельность, ложны, и что въ самомъ этомъ обществѣ нѣтъ никакой нужды. Это онъ хотѣлъ доказать главнымъ образомъ тѣмъ, что миссіонеры ни въ какихъ пожертвованіяхъ, собраніе которыхъ было одного изъ цѣлей общества, не нуждаются, если хотятъ быть именно такими миссіонерами, какими быть заповѣдалъ имъ Самъ Христосъ. Ирвингъ указываетъ на 9 и 10 стихи указанной главы Евангелія, гдѣ говорится: „не берите съ собою ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха“, и объясняетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Христосъ не позволилъ миссіонерамъ заботиться ни о чемъ необходимомъ, или пользоваться какою-нибудь помощью въ своихъ путешествіяхъ, брать съѣстные припасы (!) и даже сумы, чтобы класть въ нее какія-либо приношенія сострадательныхъ или благочестивыхъ людей... Безъ посоха, безъ обуви, они, миссіонеры, путешествуютъ одинъ за другимъ (!); ихъ обутия въ сандалии ноги пылятся и жгутся отъ солнечнаго жара... Наиболѣе *беззащитная* птица, *летающая подъ облаками*, слабое, наиболѣе преслѣдуемое животное, скрывающееся въ норѣ или бѣгающее поровному мѣсту, больше снабжены всѣмъ вещественнымъ, чѣмъ эти апостолы; ибо птицы имѣютъ гнѣзда, въ которыя могутъ летать, и звѣри имѣютъ норы, въ которыя могутъ скрываться отъ преслѣдованій; но основатели духовнаго и вѣчнаго царства не имѣютъ, гдѣ преклонить свои головы“¹¹¹⁾. Какъ много здѣсь искаженій и искривленій внесено Ирвингомъ въ совершенно простыя и ясныя слова Спасителя! Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что

¹¹¹⁾ The collect. Writ. of. E. J. vol. I, p. 449.

какъ для членовъ миссіонерскаго общества, такъ и для всякой бѣдной вдовицы, которая принесла бы свою лепту на дѣло про-свѣщенія язычниковъ, послѣ такого словоизверженія, должно было сдѣлаться совершенно яснымъ, что всѣ подобныя пожертвованія совершенно излишни. Ирвингъ высказывалъ это съ полнымъ убѣжденіемъ, и для всякаго, неимѣющаго возможности проникать въ глубину его словъ, можетъ-быть дѣломъ совершенно несомнѣннымъ, что его слова, если освободить ихъ отъ указанныхъ неточностей, вполне и соответвуютъ словамъ Спасителя. Но нужно сказать, что великій человекъ повидимому и самъ не чувствовалъ, когда чрезъ нѣсколько страницъ, въ той же миссіонерской проповѣди безсознательно самъ уподобился бѣдной вдовицѣ, приносящей свою скудную лепту на дѣло миссій. Именно, онъ напечаталъ свою проповѣдь и въ предисловіи къ ней сказалъ, что деньги, которыя будутъ выручены отъ продажи, онъ жертвуетъ одной бѣдной вдовѣ, оставшейся безъ средствъ къ существованію послѣ смерти своего мужа, бывшаго миссіонеромъ ¹¹²⁾. Стало-быть пожертвованія все-таки бываютъ нужны, если и не самимъ миссіонерамъ, то по крайней мѣрѣ ихъ вдовамъ. За что же было упрекать членовъ миссіонерскаго общества, когда они и сами жертвовали, и собирали пожертвованія для миссіонеровъ? За что было упрекать по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые можетъ-быть жертвовали на дѣло миссій и не выставляя такъ нагло на видъ предъ публикой своего собственнаго кошелька, какъ это сдѣлалъ Ирвингъ, да притомъ еще и не одинъ разъ ¹¹³⁾?

Но мы чувствуемъ, что дѣлая подобныя возраженія, мы начинаемъ бороться съ непобѣдимую діалектикою,—а эта борьба не составляетъ задачи настоящаго изслѣдованія. Поэтому, лучше продолжимъ объективное изслѣдованіе предмета. Лишивъ проповѣдниковъ Евангелія всякаго имущества, великій проповѣдникъ старается лишить ихъ и всякой мудрости, всякаго благоразумія. Связь его мыслей въ этомъ случаѣ довольно ясна: благоразум-

¹¹²⁾ *Ibid.* p. 429.

¹¹³⁾ См. vol. III, p. 354. На этой страницѣ Ирвингъ между прочимъ проповѣдуетъ о наслѣдствѣ, доставшемся ему отъ кого-то, которое онъ роздалъ бѣднымъ. Срви. *Mrs. Oliph.* I, 114.

ный человѣкъ не отправится, напимѣръ, на сѣверъ, къ дикарямъ, живущимъ около Ледовитаго океана, запасшись только сандаліями и одной одеждой, и вообще не будетъ подвергаться не нужнымъ, не приносящимъ никому никакой пользы опасностямъ, когда можно обойтись и безъ нихъ. Ирвингъ не думаетъ, что слова Спасителя въ этомъ случаѣ нужно „осторожно истолковывать и благоразумно исполнять“ ¹¹⁴), а прямо вооружается противъ практическаго благоразумія, которое приводитъ его даже въ трепеть ¹¹⁵), и опять ссылается на примѣръ Христа и Его апостоловъ. „Когда Царь небесный, говоритъ онъ, послалъ двѣнадцать апостоловъ къ народамъ, то выбралъ людей незначительныхъ, не имѣвшихъ славы, которою обладали греки и римляне, не ученыхъ, не знавшихъ философіи, рыбаковъ съ внутренняго озера, т.-е. людей, которые никогда не отличились ни однимъ подвигомъ въ исторіи міра: галилеянъ, презираемыхъ іудеями, которые и сами были презрѣннымъ народомъ“ ¹¹⁶). Христосъ „хотѣлъ освободить ихъ отъ поклоненія мудрости и потому позаботился о томъ, чтобы они были глупы“ (He took care they should be foolish) ¹¹⁷); они не должны были отличатся никакими качествами ума или вкуса (to take their distinction by the grade of intellect or of taste) ¹¹⁸); они были глупцы и были довольны, если ихъ считали такими ради Христа; сумасшедшіе, энтузіасты, фанатики, авантюристы, babblers, illiterate clowns! ¹¹⁹). Ирвингъ не ограничивается и этимъ. Онъ предлагаетъ всякому изъ своихъ слушателей на досугъ подумать, нѣтъ-ли и еще какихъ-нибудь болѣе *грубыхъ* названій, которыя можно было бы приложить къ апостоламъ!... Таковы, по его мнѣнію, были и должны

¹¹⁴) The collected Writ. I, 488.

¹¹⁵) Ibid. p. 431: «Мнѣ помнится, говоритъ Ирвингъ, что я въ этой столицѣ слышалъ, какъ при великихъ рукоплесканіяхъ были сказаны на одномъ публичномъ митингѣ, въ присутствіи главъ и вождей религіознаго міра, слѣдующія слова: «еслибы меня спросили, какое первое качество миссіонера? Я отвѣтилъ бы: благоразуміе. А второе? — Благоразуміе. А какое третье? — Я опять отвѣтилъ бы: благоразуміе». Я затрепеталъ, когда услышалъ подобныя рѣчи»

¹¹⁶) Ibid. p. 448.

¹¹⁷) Ibid. p. 455.

¹¹⁸) Ibid. p. 457.

¹¹⁹) Ibid. pp. 452, 508; сравн. vol. III, p. 350.

быть апостолы, посланные на проповѣдь самимъ Христомъ, и таковы должны быть и всѣ другіе миссіонеры, если хотятъ быть идеальными, а не простыми миссіонерами...

Но вотъ встрѣчаются великому проповѣднику въ той же главѣ Евангелія слова, сказанныя Спасителемъ тѣмъ же ученикамъ: „я посылаю васъ, какъ овецъ среди волковъ: и такъ будьте мудры, какъ змии, и просты, какъ голуби“.

Какъ же объясняетъ эти слова Ирвингъ?

Онъ объясняетъ ихъ такимъ образомъ: „идите,—это, по его мнѣнію сказалъ будто-бы Самъ Христосъ Своимъ ученикамъ,— идите, избранные Мои, въ пасть хищнаго волка: міръ жаждетъ вашей крови и идетъ съ оружіемъ противъ васъ. Однако идите (Go, said He, my chosen ones, go like the defenceless lamb into the paw of the ravenous wolf: the world thirsteth for your blood, and is in arms against your undefended lives. Nevertheless go) ¹²⁰⁾.

Несмотря однако на подобное объясненіе, Ирвингъ все таки, кажется, чувствуетъ, что этотъ текстъ сильно противорѣчитъ всему ученію, изложенному имъ въ собраніи миссіонерскаго общества. Поэтому онъ, желая выпутаться изъ противорѣчій, пускаетъ въ ходъ приобрѣтенную имъ діалектику и примѣняетъ къ идеальнымъ миссіонерамъ свое излюбленное понятіе о „спиритуальной мудрости“. Разсматриваемые, съ этой точки зрѣнія, апостолы, какъ первые проповѣдники Евангелія языческому міру, а за ними и всѣ послѣдующіе идеальные миссіонеры, являются теперь у него „ходячими письмами“ (moving epistles) „отъ Духа Божія“ ¹²¹⁾, „эфирными существами“, „отверстіями трубы, чрезъ которую звучитъ гласъ Божій“ (the missionary is the hollow of that trump which resoundeth the voice of God) ¹²²⁾ и т. д. Что касается ихъ глубиною евангельской простоты, то о ней, повидимому, не имѣлъ никакого понятія этотъ, совершенно и самъ ея чуждый, „величайшій ораторъ нашего времени“.

Понятно, что подобное глумленіе надъ здравымъ человѣческимъ смысломъ показало членамъ лондонскаго миссіонерскаго общества, какую ошибку они сдѣдали, пригласивъ Ирвинга проповѣ-

¹²⁰⁾ Ibid. I, 451.

¹²¹⁾ Ibid. 462.

¹²²⁾ Ibid. 504.

дывать во время своего годовичнаго праздника. Безъ сомнѣнія, они сдѣлали ему честь своимъ приглашеніемъ, а онъ публично называлъ ихъ дураками и невѣждами¹²³); они рассчитывали, что послѣ или во время торжественнаго праздника, благодаря зажигающей сердца проповѣди великаго оратора, въ общество посыпятся со всѣхъ сторонъ денежныя пожертвованія на дѣло миссіи, а Ирвингъ именно и возсталъ противъ этого. И какъ бы въ довершеніе оскорбленія, нанесеннаго миссіонерскому обществу, онъ не удовлетворился однимъ произнесеніемъ въ церкви своей рѣчи, но, какъ сказано, напечаталъ ее, посвятивъ ее нѣкому Кольриджу, который пользовался репутациею чуть не сумасшедшаго. Члены общества были раздражены и это вызвало въ литературѣ противъ Ирвинга цѣлую бурю¹²⁴), а публика, вида себя обманутою Ирвингомъ, почувствовала повидимому стыдъ, который былъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше она увлекалась подобными проповѣдями прежде. Счастливы люди, у которыхъ есть по крайней мѣрѣ стыдъ! Еслибы не было въ нихъ такого чувства, то неизвѣстно, въ какихъ ирвингянскихъ трущобахъ мы блуждали бы, можетъ быть, въ настоящее время, потому что ни злая критика, ни сатира не караетъ такъ сильно людей, какъ ихъ собственное, присущее имъ чувство стыда. Какъ бы то ни было, но извѣстно, что англійская публика начала мало-по-малу оставлять Ирвинга; когда чрезъ три года послѣ его миссіонерской рѣчи въ 1827 году отстроены были его почитателями новый храмъ, достойный его „матери церкви и родной страны“, то онъ думалъ, что колесницы будутъ опять стоять на далекое разстояніе и отъ этого храма, и что жаждущіе спасенія будутъ лазить на крыши и окна. Но увы!—Этотъ новый храмъ былъ очень великъ, — онъ былъ гораздо больше каледонской капеллы; толпа его наполнила, правда, но давки, тѣсноты не было, а о колесницахъ не было уже и помину¹²⁵). Ирвингъ, вѣроятно, не предполагалъ, что его популярность могла отчасти зависѣть и отъ того, что церковь, въ которой онъ проповѣдывалъ, была невелика. Все это было сильнымъ ударомъ его честолюбію и самонѣнію. Этимъ

¹²³) Ibid. Foolish men! vain, ignorant and foolish men!

¹²⁴) Mrs. Oliph. I, 198.

¹²⁵) Ibid. p. 409.

всѣмъ дѣло однако не ограничилось. Англійская публика, оставивъ Ирвинга, отправилась смотрѣть на „египетскихъ крокодиловъ“ и „прокезскихъ охотниковъ“¹²⁶⁾, съ такимъ же расположеніемъ, съ какимъ прежде ходила въ каледонскую капеллу. „Мода измѣнилась“ и Ирвингу какъ нельзя лучше было доказано, что ~~что~~ во мнѣніи англичанъ онъ стоялъ въ дѣйствительности не выше какого-нибудь „египетскаго крокодила“, привезеннаго въ британскій зоологическій садъ.

Тотъ стыдъ, который вызвали въ англичанахъ проповѣди Ирвинга, лучше всего можно наблюдать въ наиболѣе образованныхъ отдѣльныхъ людяхъ. Къ нимъ прежде всего принадлежалъ докторъ Чомерсъ. Онъ никогда не цѣнилъ Ирвинга такъ, какъ оцѣнили его въ Англии въ самомъ началѣ его популярности, хотя и высказывалъ ему, какъ мы замѣтили, нѣкоторые комплименты. Громадная популярность Ирвинга уничтожила было къ нему предразсудокъ въ Чомерсѣ, и онъ началъ было смотрѣть на него какъ-то снисходительнѣе, чѣмъ прежде. Но какъ скоро Ирвингъ началъ совершать невозможныя „экстравагантности“ (сумасбродства) и въ Лондонѣ осторожный и слишкомъ „благоразумный“ Чомерсъ удаляется отъ него едва слышными шагами, но тѣмъ не менѣе быстро и рѣшительно и наконецъ становится къ нему въ такое положеніе, что о какомъ-либо взаимномъ общеніи не могло быть уже рѣчи; на всѣ заискиванія Ирвинга со стороны доктора было только гробовое молчаніе!...¹²⁷⁾. Подобнымъ же образомъ удалялся отъ Ирвинга и Карлейль, его прежній близкій другъ, хотя можетъ быть и не такъ осторожно и неслышно, какъ Чомерсъ. Намъ по крайней мѣрѣ кажется, что у Карлейля составилъ болѣе трезвый взглядъ на Ирвинга изложенный въ „Воспоминаніяхъ“ только много спустя послѣ смерти послѣдняго и вмѣсто прежнихъ, даже иногда восторженныхъ, о немъ отзывовъ

¹²⁶⁾ W. Wilks, p. 204.

¹²⁷⁾ Mrs. Oliph. The Lif of E. J. vol. II, pp. 69, 117—119, 134, 137—141, 174, 341, 342. Мистрисъ Олифъ изображаетъ отношенія Чомерса къ Ирвингу иногда совершенно въ ложномъ свѣтѣ (напр. vol. II, p. 119). Самъ Чомерсъ говорить, что причиною его непріязненныхъ отношеній къ Ирвингу были «сумасбродства и обскурантизмъ» послѣдняго. См. Memoirs of Th. Ch. by W. Hanna, II, 174.

мы встрѣчаемъ въ „Воспоминаніяхъ“ не мало колкостей. Вообще нужно сказать, что для многихъ людей Ирвингъ былъ ненавистенъ не только при его жизни, но даже и послѣ смерти, и кажется не мало употреблено было стараній замаскировать чѣмъ-нибудь свою связь съ нимъ со стороны многихъ людей, силою обстоятельствъ становившихся къ нему въ такое или иное отношеніе. Въ этомъ случаѣ особенно замѣчателенъ примѣръ какого-то профессора Скотта изъ Манчестера. Мистриссъ Олифантъ хотѣла вѣроятно сдѣлать великую услугу этому профессору, а можетъ быть и доставить ему „безсмертіе“¹²⁸⁾, поставивъ его въ связь съ безсмертнымъ Ирвингомъ въ первомъ изданіи своей біографіи. Но профессоръ Скоттъ съ такою злобою отнесся къ подобнаго рода безсмертію, что мистриссъ Олифантъ не могла даже и скрыть своей радости по поводу совершеннаго изъятія его имени изъ втораго изданія своей біографіи¹²⁹⁾...

Когда такимъ образомъ англійская публика мало-по-малу покинула Ирвинга, около него остался незначительный кружокъ людей, составленный изъ разнаго сброда. Одни изъ этихъ людей примкнули къ нему, стараясь воспользоваться его извѣстностію и извлечь изъ нея какія-нибудь выгоды; другіе немногіе—были люди, „съ умами которыхъ былъ сходенъ его собственный умъ“.

III.

Д р у м м о н д ъ и К о м п а н і я .

Между дѣятельностію Эдварда Ирвинга въ качествѣ педагога и въ качествѣ проповѣдника было значительное сходство. Будучи педагогомъ, онъ поучалъ и просвѣщалъ маленькихъ дѣтей; будучи проповѣдникомъ—взрослыхъ. Какъ въ своей педагогикѣ онъ не старался слѣдовать по избитой колѣѣ обыкновенныхъ, рутинныхъ педагоговъ, такъ и въ своихъ проповѣдяхъ онъ не старался подражать обыкновеннымъ, рутиннымъ проповѣдникамъ. И тамъ и здѣсь у него имѣлись „новые методы“, которыми онъ и хвалился при всякомъ удобномъ случаѣ. Какъ

¹²⁸⁾ Срви. The Life of E. J. I, 67.

¹²⁹⁾ См. предисл. къ втор. изданію біограф. м-сь Олифантъ.

тамъ, такъ и здѣсь его ученики не всегда его слушали. А это послѣднее обстоятельство, въ свою очередь, дѣлало для него необходимымъ употребленіе какихъ-нибудь дисциплинарныхъ средствъ, которыя могли бы побудить его учениковъ къ должному вниманію, должному усвоенію преподаваемаго и вообще къ должному повиновенію.

Разумѣется, тѣ средства дисциплины, которыя употреблялъ онъ въ Гаддингтонѣ и Киркальди, были совершенно непримѣними въ Лондонѣ, да еще къ членамъ высшаго лондонскаго общества. Методы его были по прежнему новы, но ученики были уже другіе. вмѣсто того, чтобы жаловаться на него своимъ родителямъ, какъ это было въ Киркальди, они привели его самого на судъ здраваго смысла и логики. Въ одной каррикатурной брошюркѣ, изданной еще въ 1823 году, т.-е. годъ спустя послѣ начала его проповѣди въ Лондонѣ, быстро выдержавшей восемь изданій, онъ былъ вызванъ въ полное собраніе судей, въ которомъ и долженъ былъ оправдываться въ шести взведенныхъ на него обвинительныхъ пунктахъ (въ шутовствѣ, скоморошничествѣ, шарлатанствѣ, богохульствѣ и проч.). Несмотря на свои оправданія, онъ былъ все-таки осужденъ. Въ приговорѣ значилось, что онъ „осуждается за странствованіе по распутіямъ, вопреки дисциплинѣ того сословія, къ которому принадлежитъ и за сопротивленіе христіанскимъ принципамъ любви и милосердія“¹²⁰⁾. Вотъ до какихъ предѣловъ дошла дерзость его учениковъ!

Дисциплинарныя средства были необходимы!

Но такъ такъ, повторяемъ, ученики были другіе, а все дѣло Ирвинга приняло уже спиритуальный характеръ, то само собою разумѣется, что и дисциплинарныя средства вмѣсто матеріальныхъ, должны были также сдѣлаться спиритуальными. Такимъ образомъ, пользуясь понятіями, предложенными самимъ же Ирвингомъ, приходимъ къ раскрытію новаго понятія, для него самого можетъ быть и не вполне яснаго, однако совершенно необходимаго. Бичеваніе своихъ слушателей, терзаніе ихъ нервовъ, стараніе разстроить ихъ воображеніе, омрачить ихъ рассудокъ и притупить нравственное чувство изображеніемъ ужаснѣйшихъ адскихъ мученій,—вотъ тѣ спиритуальныя средства (spiritual

¹²⁰⁾ Miller, The history and doct. of Irv. I, 48, 49.

flogging), которая стала употребляться онъ очень скоро послѣ перемѣщенія своего въ Лондонъ.

Средства эти были уже давно испытаны проповѣдниками въ Шотландіи, причемъ оказывались всегда самые благопріятные результаты и вообще все дѣло имѣло очевидный успѣхъ. Послушаемъ, что говорить, напримѣръ, Бокль о древнихъ шотландскихъ проповѣдникахъ.

„По всей Шотландіи, почти безъ исключенія, проповѣди составлялись по одному плану и били на одно и то же впечатлѣніе. Возбудить страхъ было главною цѣлью. Духовенство хвасталось, что его настоящимъ призваніемъ было гремѣть гнѣвомъ и проклятіями Господа. Въ его глазахъ Богъ не былъ уже благодѣтелемъ, но жестокимъ и беспощаднымъ тираномъ. Оно возвѣщало, что всѣ люди, за исключеніемъ очень небольшой части, осуждены на вѣчное бѣдствіе. И когда оно принималось описывать эти бѣдствія, его мрачныя фантазіи съ наслажденіемъ оставались на картинѣ ужасовъ. Въ краскахъ, которыми духовенство рисовало эти мученія, оно возстановляло и превосходило варварскія представленія варварскихъ вѣковъ. Оно съ наслажденіемъ обѣщало своимъ слушателямъ, что грѣшники будутъ горѣть въ вѣчномъ огнѣ и висѣть на своихъ языкахъ. Оно описывало, какъ ихъ будутъ бичевать скорпіонами, какъ они увидятъ вокругъ себя своихъ ближнихъ среди судорогъ и стонровъ. Какъ они будутъ повержены въ кипящее масло и расплавленный свинецъ. Рѣка изъ огня и сѣры, шире самой земли готовилась для нихъ; въ нее они будутъ погружены; ихъ кости, печень, легкія будутъ жариться, но не сгорать. Въ то же время ихъ будутъ точить черви, и между тѣмъ какъ все это будетъ терзать ихъ тѣло, ихъ будутъ окружать дьяволы, подсмѣиваться надъ ними и забавляться ихъ страданіями. Таковы были первыя ступени страданій и только начало ихъ: мука, кромѣ того, что была нескончаемою, должна была становиться все сильнѣе. Это усиліе должно было производиться тѣмъ, что одну геенну смѣняла другая; и, чтобы страдалецъ не могъ притерпѣться, онъ долженъ былъ, по временамъ, быть перемѣщаемъ и на новыхъ мѣстахъ испытывать новыя мученія,—предосторожность, необходимая для того, чтобы мученіе не могло притупить чувства, но постоянно

усиливалось бы по мѣрѣ вѣчнаго въ немъ пребыванія¹³¹⁾. Дисциплинарное значеніе подобныхъ проповѣдей было удивительное. „Страхъ, говорить Бокль, доводилъ народъ до безумія. Всякій разъ, какъ только проповѣдникъ упоминалъ о сатанѣ, смущеніе бывало такъ велико, что церковь оглашалась вздохами и стонами. Видъ шотландской конгрегациі въ такіе дни трудно себѣ представить. Нерѣдко народъ, онѣмѣлый и обезумѣвшій отъ страха, сидѣлъ, какъ приросшій къ своимъ мѣстамъ“¹³²⁾.

Относительно Ирвинга извѣстно, что онъ питалъ большое уваженіе къ древнимъ шотландскимъ писателямъ, а равно и къ уставамъ и обычаямъ древней шотландской церкви. Онъ старался говорить языкомъ этихъ писателей и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлять въ XIX столѣтіи то, что находилось можетъ быть уже въ забвеніи. Этимъ объясняется и его возстановленіе тѣхъ древнихъ картинъ, которыя приводили когда-то въ содроганіе благочестивыхъ людей. Но если древніе шотландскіе проповѣдники, какъ можно видѣть изъ словъ Бокля, преимущественно изображали картины физическихъ мученій, то Ирвингъ прибавилъ къ нимъ еще мученія нравственныя и при этомъ оказалъ такъ много усердія, что его картины выходили чуть ли не ужаснѣе древнихъ. Всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочесть, напримѣръ, проповѣди его „О Словѣ Божиемъ“ (On the Word of God)¹³³⁾ или „Притчу о сѣятелѣ“ (The parable of the sower)¹³⁴⁾, можетъ вполне убѣдиться, что, по Ирвингу, „тѣ, которые нарушаютъ законъ Господень и Христово Евангеліе ни въ какомъ случаѣ не избѣгутъ страшнѣйшихъ мученій“. Подобно древнимъ шотландскимъ проповѣдникамъ съ наслажденіемъ останавливается онъ на образахъ страшнаго мщенія и человѣческаго унынія, на вопляхъ грѣшниковъ, безнадежно осужденныхъ на вѣчныя мученія, на ихъ мукахъ и корчахъ, на пылающемъ озерѣ. Для образца мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшую выдержку изъ его сочиненій, замѣтивъ при этомъ кстати, что эта выдержка считается

¹³¹⁾ Истор. цив. въ Англіи, переводъ Бестужева-Рюмина и Тиблена, Спб. 1864 г., т. II, стр. 315 и слѣд.

¹³²⁾ Ibid. стр. 314.

¹³³⁾ The coll. Writ. of E. J. vol. I.

¹³⁴⁾ Ibid.

нѣкоторыми его скудоумными біографами какъ одинъ изъ блестящихъ образцовъ его ораторскаго краснорѣчія.

„Придетъ, наконецъ, время,—говоритъ онъ, — когда мщеніе возстанетъ, чтобы выйти, и уныніе будетъ сопровождать его, и отъ колесъ ихъ колесницы распространятся и вдаль и вширь разрушеніе и трепетъ въ средѣ враговъ Царя. Погубленіе не будетъ медленнымъ и разрушеніе будетъ быстро,—какъ заключеніе вѣчности и произнесеніе приговора. Тогда около огненной ямы будетъ слышанъ вопль страданій; страшный злодѣй отвергавшій при жизни милосердіе, найдетъ теперь двери отвергнутаго имъ милосердія вѣчно запертыми; изнѣженные и благовоспитанные люди, ослабленные чувственными удовольствіями, будутъ теперь разрѣшаться въ печальныхъ вопляхъ и порывистыхъ рыданіяхъ. Исчезнетъ веселье, бывающее на землѣ; рѣзвая свобода будетъ заключена на вѣки въ предѣлы неумолимой необходимости. *Земная зелень, со всею ея красотою и цвѣтами* исчезнетъ. *Утреннія и вечернія привѣтствія родственниковъ* (т.-е. „добраго утра“ и „добраго вечера“?), ласковый голосъ друзей, *нѣжный шопотъ сердечной любви* исчезнутъ и вмѣсто нихъ будутъ только плачъ и скрежетъ зубовнѣй. Нѣжныя имена отца, матери, дѣтей, жены и мужа, со всею домашнею любовью и чувствами и внутреннія проявленія естественнаго инстинкта (?), связывающаго семейство, когда, несмущаемое несогласіемъ, оно превращаетъ всю свою жизнь въ одно обнаруженіе высокаго чувства, низводя на землю рай,—все, все исчезнетъ. Вмѣсто всего будетъ ровное пылающее озеро, уединенная темница, пустое нѣдро, корчи и муки ужаса и безнадежности, и червь не умирающій и огонь не угасающій“¹³⁵).

Такими мученіями Ирвингъ не ограничивается, но изобрѣтаетъ и другія, еще болѣе страшныя. Его біографъ Вашингтонъ Вильксъ, съ удовольствіемъ приводя цѣликомъ въ своей книгѣ мѣста, подобныя указанному, говоритъ, что онъ совсѣмъ отказывается дѣлать какія-либо выдержки изъ сочиненія Ирвинга, появившагося въ 1823 году, съ дикимъ заглавіемъ: „For the jugment to Come,—an Argument in nine parts“. Вильксъ говоритъ, что изображенія

¹³⁵) Vol. I, pp. 42, 43.

геенны, сдѣланныя въ этомъ сочиненіи Ирвингомъ, такого рода, что воспроизводить ихъ было бы несправедливо по отношенію къ памяти о немъ и притомъ бесполезно въ религіозномъ отношеніи. Эти мученія такъ страшны, что отъ нихъ болитъ голова и ноетъ сердце и что они противорѣчатъ нравственному чувству¹³⁶). Да и самъ Ирвингъ, съ такою любовью созерцавшій адскія муки, въ означенномъ сочиненіи признается, что и ему самому дѣлается страшно, когда онъ о нихъ пишетъ¹³⁷).

Подобная тема, за которую онъ взялся, естественно связывалась и съ другою, не менѣе ужасною, именно темою о страшномъ судѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только онъ завелъ рѣчь о мученіяхъ, то уже легко могъ натолкнуться и на вопросы, когда эти мученія наступаютъ и когда и какъ будетъ происходить страшный судъ. Да и самыя священныя книги, изъ которыхъ онъ заимствовалъ образы для своихъ проповѣдей, безъ сомнѣнія злоупотребляя этими книгами для своихъ собственныхъ дисциплинарныхъ цѣлей, связываютъ представленія объ адскихъ мученіяхъ съ образами страшнаго суда. Ирвингу оставалось только бесконечно варіировать священные тексты касающіеся этого предмета, развивать ихъ содержаніе посредствомъ привнесенія къ нимъ множества свойственныхъ его рѣчамъ дополненій и искаженій, а также и образовъ, заимствованныхъ изъ современной ему дѣйствительности. И нужно признать, что это послѣднее не было и особенно трудно: онъ могъ обратить вниманіе напри- мѣръ на удовольствія, какими пользуются люди въ своей обыкновенной повседневной жизни и затѣмъ говорить, что на томъ свѣтѣ никакихъ удовольствій, конечно для грѣшниковъ, ужъ не будетъ. Не будетъ тамъ ни утреннихъ и вечернихъ привѣтствій, какія дѣлаютъ близкіе родственники, ни зеленыхъ луговъ, ни естественнаго инстинкта и т. д.

Таковъ, но нашему мнѣнію, смыслъ и значеніе перехода Ирвинга къ разсужденіямъ о страшномъ судѣ. Мы не думаемъ, чтобы этотъ переходъ обусловливался несчастіями, которыя его постигли (какъ это хотятъ утверждать его біографы), если только не считать несчастіемъ его проповѣдническаго паденія. Дѣйстви-

¹³⁶) W. Wilks, E. J. pp. 103, 104.

¹³⁷) Ibid. p. 99.

тельные несчастія Ирвинга, заключающіяся въ потерѣ нѣсколькихъ маленькихъ дѣтей, были съ одной стороны едва ли настолько велики, чтобы вызвать въ немъ глубокую міровую скорбь—*Weltschmerz* и желаніе освободиться отъ современной ему печальной дѣйствительности посредствомъ сверхъестественнаго переворота. Съ другой стороны, скорбь людская, дѣйствительная и глубокая, всего меньше кажется выражается въ ораторскомъ искусствѣ, а онъ продолжалъ ораторствовать и послѣ потери своихъ дѣтей. Это показываетъ, что онъ на самомъ дѣлѣ вовсе и не былъ способенъ къ какой-либо дѣйствительной и глубокой скорби; а на основаніи множества фактовъ можно сказать, что онъ и намѣренно надѣвалъ на себя маску скорбящаго человѣка только для того, чтобы похвастаться предъ англійской публикой даже своею собственною скорбію! Мы не думаемъ также, чтобы причиною перехода его къ тѣмъ же разсужденіямъ о страшномъ судѣ были появившіяся въ то время поэмы Соути и Байрона, которыя отличались большимъ кощунствомъ ¹³⁸). Можетъ-быть эти поэмы и были внѣшнимъ поводомъ для написанія Ирвингомъ его сочиненія о страшномъ судѣ (*Argument for Judgment to Come*) и онъ могъ въ немъ угрожать таковымъ судомъ Соути и Байрону,—но только именно внѣшнимъ и если бы его не было, то Ирвингъ все равно взялся бы за изображенія мученій и страшнаго суда. Такимъ образомъ все это дѣло объясняется гораздо проще, а именно съ одной стороны дисциплинарными цѣлями, съ другой предчувствіемъ, а можетъ быть и созерцаніемъ того же проповѣдническаго паденія и прекращенія популярности. Такъ отчасти и объясняетъ это дѣло Карлейль. „При видѣ Каннинга, Брума, лэди Джерси и К^о,—говоритъ онъ,—толпящихся около него и слушающихъ его изъ недѣли въ недѣлю какъ бы вѣстника спасенія, благороднѣйшія и радостнѣйшія мысли овладѣли его умомъ. „Христіанская религія сдѣлается опять непреложной истиной, а не одной только скучной формой, и будетъ управлять міромъ,—а онъ недостойный, именно онъ, избранъ быть для этого орудіемъ“. Жестоко были посрамлены подобныя надежды, но Ирвингъ не хотѣлъ сдѣлать до конца своей жизни какой-либо уступки. Въ этомъ — ключъ для объясненія всего послѣдующаго его по-

¹³⁸) *Visions of Judgment.*

веденія, его сумасбродствъ, заблужденій, насколько я могу понимать ихъ ¹³⁹⁾). Также судить объ этомъ предметѣ и Миллеръ. По словамъ его Ирвингъ „былъ наказанъ жестоко и, можно сказать, палъ. Высота, которой онъ быстро достигъ по прибытіи въ Лондонъ, когда ему только-что наступало тридцать лѣтъ, могла любому человѣку вскружить голову... Но когда съ теченіемъ времени фэшенебельные люди отреклись отъ него (мода была странно измѣнчива въ эти дни), онъ началъ искать странныхъ средствъ для привлеченія публики (to seek for bizarre attractions) ¹⁴⁰⁾).

Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній можно видѣть, что обращеніе къ страннымъ средствамъ было больше всего и прежде всего его личнымъ дѣломъ, которое служило для удовлетворенія его собственныхъ цѣлей. Но этому послѣднему нисколько не противрѣчатъ обстоятельства, которыя можно назвать и общественными, также побуждавшія его говорить рѣчи о мученіяхъ и страшномъ судѣ. Весь міръ представлялся ему въ какомъ-то страшномъ хаосѣ идолопоклонства и невѣрія и онъ принялъ на себя отнюдь нелегкую задачу преобразовать его своимъ краснорѣчіемъ. Чѣмъ меньше подобная попытка была удачна вслѣдствіе обычнаго легкомыслія фэшенебельнаго міра, и чѣмъ больше чувствовалъ себя неспособнымъ къ этому Ирвингъ, несмотря на все свое высокоуміе и высокоуміе, тѣмъ больше онъ долженъ былъ чувствовать и потребность въ сверхъестественномъ вмѣшательствѣ, слѣдствіемъ котораго было бы обновленіе грѣшнаго міра ¹⁴¹⁾, и затѣмъ неописуемое блаженство праведниковъ. Это вмѣшательство именно въ данномъ случаѣ имѣло или могло имѣть для него свой надлежащій, дѣйствительный смыслъ. Вотъ, вѣроятно, почему въ томъ же „аргументѣ“, вмѣстѣ съ изображеніемъ страшныхъ мученій, находятся и изображенія неописуемаго блаженства, на которыя Ирвингъ тратилъ не меньше трудовъ, чѣмъ и на изображенія страданій. Дальше мы должны сказать, что разсужденія Ирвинга о страшномъ судѣ были и отголоскомъ дѣйствительнаго общественнаго движенія, существовав-

¹³⁹⁾ Reminiscences, I, 235, 236.

¹⁴⁰⁾ I, 148.

¹⁴¹⁾ См. напр. подтвержденіе этой мысли у Miller'a, I, 26, 27.

шаго въ Англии и во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія, и что въ данномъ случаѣ онъ вылавливалъ то, что такъ-сказать чувствовалось въ самомъ обществѣ. Движеніе направлено было къ изслѣдованію и истолкованію пророческихъ книгъ, преимущественно Апокалипсиса, и было отчасти хилиастическимъ, а отчасти эсхатологическимъ. Причину его находятъ въ страшныхъ событіяхъ французской революціи и войнахъ, которыя, какъ это обыкновенно бываетъ, заставляли людей вѣрить въ скорое окончаніе міра, близкое пришествіе антихриста и наступленіе страшнаго суда. На существованіе подобнаго движенія въ Англии указывало преимущественно появленіе въ значительномъ количествѣ сочиненій о второмъ пришествіи, авторы которыхъ не имѣли никакой связи съ Ирвингомъ.

Такимъ образомъ личное дѣло Ирвинга было вполне согласно съ дѣломъ общественнымъ, получало въ послѣднемъ свое достаточное оправданіе, а это, въ свою очередь, имѣло весьма важныя слѣдствія какъ въ его жизни, такъ и въ жизни его послѣдователей. Изученіе имъ священныхъ книгъ, преимущественно книги пророка Давида и Апокалипсиса, съ цѣлью посредствомъ мистическихъ толкованій узнать и опредѣлить точнѣе когда будетъ страшный судъ, поставило его въ связь съ людьми, также разсуждавшими о подобныхъ вопросахъ,—людьми большею частью мало извѣстными даже въ самой Англии, которые старались отуманить и помрачить его недалекій умъ и которыхъ онъ самъ въ свою очередь отуманивалъ и зачумлялъ. Такъ, за нѣсколько времени до происшествій, которыя будутъ изложены ниже, онъ познакомился съ упомянутымъ выше Кольриджемъ, поэтомъ и философомъ, зараженнымъ съ ногъ до головы „германскимъ мистицизмомъ“ и пессимизмомъ. Между тѣмъ какъ многіе смотрѣли недовѣрчиво на Кольриджа, находя проповѣдуемые имъ идеи слишкомъ темными и самого его считая, какъ сказано, чуть не за сумашедшаго, Ирвингъ сидѣлъ у его ногъ съ жадностью глотая каждое его слово. Между ними установилась какая-то тайная связь, имѣющая свое основаніе въ ихъ общемъ знакомствѣ съ нѣмецкой философіей и трансцендентальной поэзіей ¹⁴²⁾. Эта

¹⁴²⁾ Memoirs of Th. Chalmers by W. Hanna II, 127.

связь могла быть тѣмъ сильнѣе, что Кольриджъ, принимая такъ-называемыя воскуриванія отъ Ирвинга, и самъ считалъ послѣдняго подобнымъ апостолу Павлу и Лютеру¹⁴³⁾. Гнусавымъ голосомъ говорилъ Кольриджъ Ирвингу объ упадкѣ современнаго ему человѣчества, поверженнаго въ атеизмъ и матеріализмъ, полного низкихъ сомнѣній, ложныхъ стремленій и ложныхъ успѣховъ, и вмѣстѣ съ этимъ оплакивалъ и печальное состояніе современнаго ему христіанскаго міра. Онъ сообщилъ Ирвингу много идей, которыя были весьма важны для него и которыя онъ послѣ развилъ, какъ на примѣръ идеи о всеобщемъ примиреніи людей съ Богомъ, тысячелѣтнемъ царствѣ и проч.¹⁴⁴⁾. Спустя нѣсколько времени послѣ этого знакомства Ирвингъ познакомился и съ какимъ-то мистеромъ Фреромъ (Frege), который представляется вообще личностью довольно темною. Несомнѣнно однако, что онъ былъ или просто сумашедшій, или же оригиналь и эксцентрикъ. Онъ написалъ двѣ книги, изъ которыхъ одну назвалъ „Взгляды на пророчества“ (Views on the Prophecies), а другую „Трактатъ о пророчествахъ Даниила“ (Treatise on the prophecies of Daniel)¹⁴⁵⁾. Въ этихъ книгахъ онъ изложилъ систему объясненія пророчествъ, имъ самимъ измышленную, которая была совершенно нова и неизвѣстна міру. Но она была такъ темна, что Фреръ не мало времени метался изъ стороны въ сторону съ своими новыми идеями о пророчествахъ, не находя человѣка, который былъ бы въ состояніи ихъ понять. Наконецъ судьба столкнула его съ Ирвингомъ; Фреръ и изложилъ ему со всѣмъ краснорѣчіемъ, которымъ обладалъ, свои взгляды на пророчества¹⁴⁶⁾. Ирвингъ также не сразу эти взгляды понялъ, какъ самъ утверждаетъ. Однако искра была заронена. Онъ сталъ „размышлять“ и чѣмъ больше размышлялъ, тѣмъ больше взгляды Фрера привлекали къ себѣ его вниманіе и сочувствіе, такъ что въ концѣ онъ посвятилъ даже послѣднему и одну свою рѣчь, произнесенную въ 1825 году, въ которой прямо называетъ его своимъ „учителемъ“, а самого себя счи-

¹⁴³⁾ W. Wilks, p. 151.

¹⁴⁴⁾ W. Wilks, pp. 150—152; см. Mrs. Oliph. I, 189—191.

¹⁴⁵⁾ Miller, The history and doct. of Jrving. I, 27.

¹⁴⁶⁾ Mrs. Oliph. I, 222, 223.

таетъ только „достойнымъ воспріять вѣру относительно того, что Богъ сдѣлалъ извѣстнымъ впервые ему, мистеру Фреру, своему достойному служителю“¹⁴⁷). Какъ далеко зашелъ Ирвингъ, вступивъ въ знакомство съ этими и подобными людьми и начавъ усердно заниматься изслѣдованіемъ книги пророка Даніила и Апокалипсиса, можно видѣть отчасти и изъ того, что его языкъ, который былъ всегда туманнымъ и варварскимъ, теперь получаетъ еще новыя свойства, которыми вообще отличается языкъ мистиковъ и сумасбродовъ. Съ такимъ языкомъ мы знакомимся, читая напримѣръ сказанія существующія у мормоновъ и другихъ подобныхъ имъ сектантовъ. Мы можемъ кое-какъ опредѣлить свойства этого языка, сказавъ что онъ какъ-то слишкомъ *насмуренъ* и *урюмъ*, а рѣчи на немъ произносимыя скорѣе походятъ на какое-то мычаніе, чѣмъ на обыкновенныя человѣческія рѣчи. Въ сочиненіи посвященномъ мистеру Фреру, носящемъ какъ и „Argument“ также дикое заглавіе „*Babylon and infidelity foredoomed*“ (Вавилонъ и невѣріе предопредѣленные), Ирвингъ и заговорилъ такого рода языкомъ. Въ этомъ сочиненіи онъ пытается объяснить значеніе „синхроническаго метода“ въ толкованіи пророческихъ книгъ, а также значеніе семи апокалипсическихъ печатей, семи трубъ и „малой книги“. Печати, по его мнѣнію, означаютъ восточную римскую имперію, а трубы—западную, и въ частности пятая и шестая трубы означаютъ бѣдствія, нане-сенныя послѣдней сарацинами и турками. Книга есть образъ храма Божія или церкви и т. д. „Вавилонъ великій“ есть папство, которое есть въ то же время и антихристъ. Періодъ папскаго владычества продолжался 1260 лѣтъ, — отъ 533 года (времени изданія эдикта Юстиніаномъ) до 1793 года (самый страшный годъ изъ времени французской революціи), когда французская революція положила конецъ папскому владычеству. Та же революція служитъ знаменіемъ паденія не только папства, но и турецкой имперіи, а также и скорого наступленія страшнаго суда¹⁴⁸)...

Однажды ставъ на путь къ подобному изслѣдованію пророчествъ, Ирвингъ не удовлетворился только такими толкованіями.

¹⁴⁷) См. Mrs. Oliph. I, 226, 227.

¹⁴⁸) W. Wilks, pp. 179—184.

Въ томъ же 1825 году друзья его принесли ему книгу, озаглавленную такъ: „Второе пришествіе Христа въ славу и величіе“, написанную на испанскомъ языкѣ. Сочиненіе это приписывалось знаменитому еврейскому толкователю Священнаго Писанія XII вѣка, бенъ-Ездрѣ. Ирвингъ взялся за его переводъ на англійскій языкъ и когда онъ былъ оконченъ, издалъ книгу въ 1826 году ¹⁴⁹⁾. Но въ этомъ случаѣ великій человѣкъ допустилъ кажется довольно крупный промахъ. Испанская книга на самомъ дѣлѣ принадлежала не еврейскому толкователю, а одному испанскому іезуиту. Біографы Ирвинга (вмѣстѣ съ нимъ самимъ) стараются повидимому нѣсколько поубавить значеніе этого факта, говоря, что онъ съ нѣкотораго времени сталъ питать, „просто-сердечную любовь ко всѣмъ, кто умилчался предъ явленіемъ его Учителя“ ¹⁵⁰⁾ Но на самомъ дѣлѣ переводъ книги не былъ совершенъ вполнѣ простосердечно: Ирвингъ просто не зналъ, кто былъ дѣйствительный авторъ означеннаго сочиненія, иначе онъ не только не сталъ бы переводить книги, вслѣдствіе своей непримиримой ненависти къ папскому владычеству, но даже и не взялъ бы ея въ руки. По крайней мѣрѣ фактъ, что онъ перевелъ ее, стоитъ въ совершенномъ противорѣчьи съ образомъ его мышленія, какъ бы ни было оно нестройно и противорѣчиво ¹⁵¹⁾. Когда переводъ былъ изданъ, то нужно же вѣдь было какъ-нибудь оправдаться въ своей связи съ іезуитствомъ.

Неизвѣстно, какая судьба постигла бы всѣ эти толкованія пророческихъ книгъ, еслибы дѣло довольно неожиданно не приняло оборота, бывшаго можно сказать критическимъ въ исторіи секты. Кризисъ начался съ того времени, когда нѣкто мистеръ Друммондъ, богатый англійскій банкиръ, вздумалъ устроить у себя въ домѣ пророческіе митинги или пророческіе кон-

¹⁴⁹⁾ Ibid. pp. 273—279.

¹⁵⁰⁾ Mrs. Oliph. I, 380.

¹⁵¹⁾ Келеръ думаетъ, что Ирвингъ высказывалъ симпатіи къ римской церкви и ссылается на мѣста изъ его сочиненій I, 529, V, 481 и проч. См. Köhler, Het Irvingisme, 142, 143. Но въ приведенныхъ мѣстахъ едва ли выражаются Ирвингомъ какія-либо симпатіи именно къ римско-католической церкви. Всѣ эти соображенія имѣютъ впрочемъ силу только ad hoc, въ примененіи къ данному частному случаю. Взглядъ Ирвинга на чуждыя ему исповѣданія будетъ послѣ изложенъ подробнѣе.

силіумы (ихъ называютъ также пророческими конференціями и даже пророческимъ парламентомъ) съ пѣлюю подробнаго изученія священныхъ пророческихъ книгъ и точнаго ихъ истолкованія. Мистеръ Генри Друммондъ былъ однимъ изъ слушателей Ирвинга ¹⁵²), можетъ быть начитался пророческихъ сочиненій и наслушался пророческихъ разговоровъ, чѣмъ и объясняется его, какъ скоро увидимъ, совершенно дикое намѣреніе.

Прежде, чѣмъ вести рѣчь объ этихъ митингахъ, мы должны сказать, кто-такое былъ мистеръ Друммондъ. Личность эта имѣетъ такое важное значеніе въ исторіи секты, что пройти о ней молчаніемъ совершенно невозможно; даже вопросъ о томъ, кто былъ основателемъ секты и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ ея исторіи, Друммондъ или Ирвингъ, можетъ считаться вопросомъ нерѣшеннымъ. Одни стоятъ за Друммонда, считая Ирвинга только за одного изъ почтенныхъ дѣятелей секты, другіе—за Ирвинга, считая Друммонда и всѣхъ остальныхъ ея дѣятелей только выразителями идей Ирвинга. Къ сожалѣнію вопросъ о личности Друммонда мы не можемъ разработать съ возможными подробностями, какъ потому, что намъ неизвѣстно, появились ли о немъ до настоящаго времени какія-либо біографическія свѣдѣнія, такъ и потому, что познакомились только съ однимъ изъ его многочисленныхъ сочиненій. Намъ извинять, поэтому, если свѣдѣнія о немъ, ниже сообщаемыя, будутъ довольно кратки.

Генри родился въ 1786 году, въ Англіи; онъ происходилъ отъ одной знатной шотландской фамиліи. Шестнадцати лѣтъ онъ былъ отданъ въ Гарроу; отсюда поступилъ въ оксфордскій университетъ и послѣ двухлѣтнаго пребыванія въ немъ совершилъ путешествіе по Россіи, женился на дочери знатнаго англійскаго графа и познакомился съ Питтомъ и другими государственными людьми. Благодаря этому знакомству онъ рано усвоилъ себѣ принципы вѣрности коронѣ, сохраняя при этомъ впрочемъ полную свою независимость ¹⁵³), почтеніе къ учрежденіямъ, при которыхъ Англія такъ долго процвѣтала, вмѣстѣ съ признаніемъ проповѣданныхъ его современниками ученій объ естественныхъ правахъ человѣчества. Съ 1810 до 1813 года Друммондъ

¹⁵²) Mrs. Oliph. I, 220; W. Wilks, p. 186; Hohl, Bruchstücke. S. III.

¹⁵³) W. Wilks, p. 185: An independent supporter of the Queen's Governement.

былъ членомъ англійскаго парламента, избранный въ это званіе отъ округа Plympton Earle. Въ 1813 году онъ оставилъ свое членство, но потомъ, въ 1847 году, снова сдѣлался членомъ парламента и находился въ этомъ званіи до 1860 года, времени своей смерти ¹⁵⁴).

Что касается личныхъ достоинствъ мистера Генри Друммонда, то главное изъ нихъ заключалось въ томъ, что онъ былъ очень богатъ ¹⁵⁵). Всѣ эти самоотверженные дѣятели на пользу христіанства, идеальные миссіонеры безъ суммы, безъ посоха, всѣ изслѣдователи пророчествъ въ благоговѣніи преклонили свои головы и заговорили чуть не шепотомъ, когда на нихъ было угодно обратить свое вниманіе этому золотому тельцу!

Какъ велики были богатства Друммонда, можно видѣть изъ того, что онъ былъ главою англійскаго банка подъ фирмою „Друммондъ и К^о“. На свои деньги онъ основалъ кафедру политическаго экономіи въ оксфордскомъ университетѣ, „будучи убѣжденъ въ необходимости распространенія въ обществѣ здравыхъ понятій объ этомъ предметѣ“. На свои же деньги онъ отправлялъ путешествовать по всему свѣту нѣкоторыхъ путешественниковъ ¹⁵⁶). Но видно что и при этомъ ему некуда было дѣваться съ деньгами. И вотъ, подобно изображенному Диккенсомъ англійскому Подснау, въ одно прекрасное время Друммондъ „почувствовалъ, что на немъ лежала обязанность принять Провидѣніе подъ свое покровительство“. Это послѣднее обстоятельство, конечно, нѣсколько странно; но оно находитъ себѣ полное объясненіе въ той чрезмѣрной гордости, какою отличался мистеръ Генри Друммондъ. Онъ, по словамъ Карлейля, „почти сходилъ съ ума отъ огромнаго высокомерія, которое вмѣстѣ съ гордостію и тщеславіемъ было казалось во всѣхъ его фибрахъ и дѣлало его жизнь непрерывной несостоятельностью“ ¹⁵⁷). Этими словами вполне объясняется и то обстоятельство, что Друммондъ, подобно Подснау, „всегда съ точностью зналъ виды

¹⁵⁴) Miller, The History and doct. of Irvingism I, pp. 30—32.

¹⁵⁵) См. Remin. by Th. Carlyle, I, 297: «He was... abundant in speculation as well as in money». Oliph. I, 390.

¹⁵⁶) Miller, ibid.

¹⁵⁷) Reminiscences, I, 312.

Провидѣнія. Люди низшаго достоинства и менѣе уважительные никогда не могли бы знать этого въ точности; но мистеръ Подснапъ-Друммондъ зналъ всегда въ точности“.

Нѣкоторые другія стороны характера этого воплощеннаго Подснапа были не менѣе замѣчательны. О Друммондѣ говорить, что это былъ совершенный парадоксъ ¹⁵⁸). Замѣчательно, что онъ небылъ лишенъ природныхъ способностей: будучи, напримѣръ, членомъ парламента, онъ могъ говорить тамъ остроумно, саркастически; его рѣчь изобиловала афоризмами. Но его умъ какъ-то странно соединился съ глупостью, смѣлость съ боязливостью, человеколюбіе съ жестокосердіемъ, а вмѣстѣ съ сентенціозными періодами въ его рѣчахъ встрѣчались и выраженія, которыя были крайне дѣтскими. Его высокая, тощая сѣдовласая фигура, всегда совершенно прямая, всегда скрупулезно одѣтая въ черное платье въ однихъ возбуждала смѣхъ, въ другихъ злобу и ненависть; когда онъ говорилъ въ парламентѣ, то его фигура была обыкновенно совершенно неподвижна, онъ представлялъ изъ себя говорящую статую ¹⁵⁹). Онъ былъ язвительнъ, изворотливъ, но силы ума его и характера были необузданны и все это соединялось съ ненасытимой любовью блистать и фигурировать ¹⁶⁰).

У Друммонда былъ собственный паркъ, расположенный въ „красивой мѣстности“, недалеко отъ Лондона, называвшійся паркомъ Альбюри. Это было „одно изъ пріятнѣйшихъ мѣстечекъ Англіи“. Въ паркѣ былъ роскошный домъ.

Вотъ этотъ-то мистеръ Друммондъ и пригласилъ къ себѣ, въ концѣ 1826 г., всѣхъ извѣстныхъ ему изслѣдователей пророчествъ, безъ различія вѣроисповѣданій, какъ пасторовъ, такъ и мірянъ, чтобы въ теченіе недѣли, въ спокойномъ уединеніи, какое можно было найти въ его домѣ, заняться „размышленіемъ о тѣхъ великихъ пророческихъ вопросахъ, которые касались особенно близко положенія современнаго христіанства“ ¹⁶¹).

¹⁵⁸) Miller, I, 33: The man was himself a paradox.

¹⁵⁹) Ibid. см. pp. 32—34.

¹⁶⁰) Remin. by Th. Carlyle, I, 297, 298: Sharp, elastic, haughty kind of man; had considerable ardour, disorderly force of intellect and character, and especially an insatiable love of shining and figuring.

¹⁶¹) Miller, I, 37.

Нужно впрочемъ замѣтить, что инициатива подобнаго приглашенія, несмотря на все остроуміе Друммонда, не принадлежала все-таки ему самому, а нѣкому мистеру Уэй, который повидимому просто, какъ говорится, подбилъ Друммонда пригласить къ себѣ истолкователей, безъ сомнѣнія имѣя въ виду его искреннее желаніе принять Провидѣніе подъ свое покровительство. Друммонду такъ понравилась мысль собрать въ своемъ домѣ цѣлый сонмъ пророковъ, что онъ кажется совершенно съ нею освоился, такъ сказать полюбилъ ее, сталъ считать все это дѣломъ своимъ личнымъ дѣломъ, приписывать себѣ всю честь его инициативы, вовсе не замѣчая что въ данномъ случаѣ онъ былъ только игрушкою нѣкоторыхъ слишкомъ ловкихъ людей, желавшихъ во имя религіозныхъ цѣлей поживиться чѣмъ-нибудь на его счетъ. Что все „размышленіе о великихъ пророческихъ вопросахъ“ было дѣйствительно только предлогомъ, по крайней мѣрѣ для большинства истолкователей пророчествъ, къ его эксплоатации это, на нашъ взглядъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ доказательство обратимъ сначала вниманіе на самую неопредѣленность сдѣланнаго имъ приглашенія. Что такое значило, въ самомъ дѣлѣ, размышлять о великихъ пророческихъ вопросахъ, да еще о такихъ, которые особенно близко касались положенія современнаго христіанства? Какой разумный и честный человѣкъ, чуждый совершенно своекорыстныхъ цѣлей, могъ бы отвѣтить безъ всякаго колебанія своимъ согласіемъ на подобное приглашеніе? Но для извѣстныхъ Друммонду истолкователей не было замѣтно повидимому никакой неопредѣленности, странности и даже нелѣпости подобнаго приглашенія, они чужды были повидимому всякихъ колебаній и поспѣшили отвѣтить полнымъ своимъ согласіемъ. На основаніи же значительнаго количества фактовъ мы можемъ утверждать, что еслибы Друммондъ сдѣлалъ и какое-либо другое, еще болѣе странное приглашеніе то и оно не было бы встрѣчено толкователями хохотомъ... Тѣмъ болѣе они не могли не откликнуться на его зовъ, когда этимъ они могли удовлетворить своей собственной, дѣйствительной или воображаемой, жаднѣ изслѣдованія пророческихъ книгъ,—а жизнь въ Альбюри могла быть только слишкомъ привлекательна! Прежде всего—спокойное уединеніе, какъ оно бываетъ пріятно послѣ городского шума! Затѣмъ „княжеская

щедрость“ (princely munificence), „гостепріимный кровъ“ (hostitable roof) ¹⁶³⁾, за которые хвалитъ Друммонда Ирвингъ, тоже чего-нибудь да стоили. Мы не имѣемъ данныхъ судить, до какихъ предѣловъ простиралось это гостепріимство. Но принимая во вниманіе, что изслѣдователи пророческихъ книгъ очень полюбили паркъ въ Альбюри и кажется не мало потрудились даже надъ отыскиваніемъ такихъ мѣстъ Священнаго Писанія, изъ которыхъ, послѣ надлежащаго ихъ истолкованія, можно было видѣть, что жизнь въ Альбюри была для нихъ необходима; что послѣ нѣкоторые изъ *пророковъ*, находясь въ числѣ гостей Друммонда, проводили свое время „въ роскоши“ ¹⁶⁴⁾; что онъ не щадилъ своихъ средствъ для того, чтобы задуманное имъ дѣло увѣнчалось полнымъ успѣхомъ (и съ этою цѣлью принявъ на свой счетъ изданіе ирвингянскаго журнала „Morning Watch, т.-е. „Утренніе Часы“, выходившаго въ теченіе трехъ лѣтъ съ 1830 до 33 г.) ¹⁶⁵⁾, и что наконецъ онъ былъ вообще „финансовымъ хребтомъ“ ¹⁶⁵⁾ всей ирвингянской системы, мы можемъ думать, что проводить время въ Альбюри дѣйствительно было очень хорошо и что слова Ирвинга „княжеская щедрость“ небыли, вопреки обыкновенію, пустыми словами. Кромѣ того, нужно замѣтить, что члены устроенныхъ Друммондомъ пророческихъ митинговъ, собравшись въ его домъ одинъ разъ, въ 1826 году, не ограничились пребываніемъ въ Альбюри въ теченіе только „недѣли“, какъ было сначала предположено, но собирались ежегодно въ томъ же мѣстѣ до 1830 года, такъ что всего было пять пророческихъ митинговъ, а послѣ почти основали въ Альбюри и постоянное свое мѣстопробываніе.

Помимо цѣлей эксплуатаціи Друммонда нѣкоторые изслѣдователи имѣли впрочемъ и другія причины отнести сочувственно къ его приглашенію. Такъ Ирвингъ, бывшій въ числѣ приглашенныхъ, несомнѣнно видѣлъ въ Друммондѣ предметъ, нѣкоторымъ образомъ напоминающій ему объ его прежней проповѣд-

¹⁶³⁾ Ibid. 37, 39.

¹⁶⁴⁾ Ibid. p. 60.

¹⁶⁵⁾ Ibid. p. 40.

¹⁶⁶⁾ Ibid. p. 288.

нической популярности. Большинство высшихъ англійскихъ особъ удалилось отъ него къ египетскимъ крокодиламъ, а мистеръ Друммондъ былъ одною изъ личностей, которая не мѣняла его и на какого крокодила, безъ сомнѣнія влѣдствіе того что умъ Ирвинга былъ особенно сходенъ съ умомъ Друммонда. Поэтому очень естественно, что въ словахъ перваго обнаруживалась и лесть, какъ скоро онъ заговаривалъ о послѣднемъ; по Ирвингу Друммондъ является предъ нами вовсе не парадоксомъ, а благороднымъ дѣятелемъ на пользу христіанскаго просвѣщенія и христіанскимъ благотворителемъ, будто бы промѣнявшимъ свѣтскій лоскъ и свѣтскую карьеру на смиренное званіе „служителя Божія“¹⁶⁶). Относясь съ подобными похвалами къ самому Друммонду, Ирвингъ не забывалъ и принадлежащаго ему парка. Онъ написалъ даже въ честь Альбюри стихи (а ихъ, какъ мы знаемъ, онъ сочинялъ чрезвычайно рѣдко), которые начинались такъ:

О, Альбюри!...¹⁶⁷)

Итакъ, слѣдуя приглашенію истолкователи пророческихъ книгъ начали ежегодно, въ теченіе пяти лѣтъ, собираться въ домъ мистера Друммонда. Странный видъ представляли эти собранія. Изъ списка ихъ членовъ, помѣщеннаго у Миллера¹⁶⁸), можно видѣть, что на нихъ присутствовали: двадцать шесть пасторовъ изъ нихъ два доктора; два лорда; тринадцать джентльменовъ разнаго званія, одинъ капитанъ и одинъ лейтенантъ,—всего сорокъ четыре толкователя (впрочемъ число членовъ на разныхъ митингахъ было разное, оно колебалось между двадцатью и сорока четырьмя). Изъ сказаннаго видно, что даже лорды, одинъ капитанъ и одинъ лейтенантъ почувствовали все великое значеніе водновавшихъ духовный міръ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ было цѣлью собраній, и принесли свои, можетъ быть и скудныя, лепты въ сокровищницу богословскаго мышленія присутствовавшихъ на собраніяхъ въ такомъ значительномъ количествѣ теологовъ! Странность увеличивается, если мы рассмотримъ объясненіе, дѣлаемое при означенномъ списокѣ Миллеромъ. Оказы-

¹⁶⁶) Ibid. 37, 40; тоже у Mrs. Oliph. I, pp. 392—394.

¹⁶⁷) Miller, ib. 39, 40.

¹⁶⁸) P. 41.

вается, что въ числѣ пасторовъ было девятнадцать, принадлежавшихъ къ англиканской церкви, одинъ былъ пасторомъ моравской общины въ Англіи, два пастора отъ диссентеровъ и четверо — господствующей шотландской церкви, одиннадцать англійскихъ мірянъ, одинъ мірянинъ пресвитеріанинъ и шесть англичанъ, званіе которыхъ неизвѣстно ¹⁶⁹). Такимъ образомъ мистеръ Друммондъ обладалъ несомнѣнно чарующею силою, соединяя подъ своимъ крыломъ людей даже различныхъ вѣроисповѣданій и заставляя ихъ позабывать въ стремленіи къ достиженію одной общей цѣли свои вѣковыя религіозныя распри! Изъ лицъ присутствовавшихъ на митингахъ, въ исторіи секты болѣе или менѣе извѣстны, кромѣ Друммонда и Ирвинга: Hugh Mac-Neil, ректоръ прихода въ Альбюри, предѣдатель собраний; Робертъ Стори изъ Роснита (Rosneath), шотландскій пасторъ; Гэтли Фреръ, извѣстный уже намъ истолкователь пророчествъ, Годенъ Стюартъ, устроитель молитвенныхъ митинговъ о ниспосланіи Св. Духа, Спенсеръ Персиваль, членъ парламента, и Маркъ Тюдоръ, редакторъ ирвингянскаго журнала „Утренніе Часы“, послѣ ирвингянскіе „апостолы“, еврей Джозефъ Вольфъ, путешественникъ. Въ хозяйнѣ дома, мистеръ Друммондъ, эти собранія нашли своего достойнаго исторіографа, который написалъ три объемистыя книги in 8° подъ заглавіемъ: „Dialogues on prophesy“, изданныя въ 1827—29 гг. Какъ видно изъ заглавія форма, принятая Друммондомъ въ этомъ сочиненіи разговорная; дѣйствующія лица были выведены имъ подъ вымышленными именами,—Ирвингъ—подъ именемъ Анастасія, еврей Вольфъ—Иосифа и одинъ изъ членовъ—Уэй Базилика ¹⁷⁰). Какъ историкъ, мистеръ Друммондъ впрочемъ нѣсколько покривилъ душой: Келлеръ сообщаетъ, что многое, что было говорено на митингахъ, не записано, и записано многое изъ того, о чемъ не было говорено ¹⁷¹). Что касается общаго характера книги, то даже и относящіяся съ почтеніемъ къ памяти Друммонда біографы Ирвинга находятъ въ ней полный хаосъ ¹⁷²).

¹⁶⁹) Ibid. p. 40.

¹⁷⁰) Ibid. 43.

¹⁷¹) Het Irvingisme, 20, 21.

¹⁷²) Mтв. Oliph. I, 395.

Порядокъ совѣщаній, бывшихъ на этихъ собраніяхъ, вопросы, которые были поставлены и заключенія, которыя были сдѣланы, представляются не менѣ любопытными, чѣмъ и все остальное. Засѣданія, по крайней мѣрѣ на первомъ митингѣ, въ 1826 году, происходили три раза въ день. Утреннее засѣданіе отъ 8 до 9 часовъ начиналось „молитвой ко Господу о ниспосланіи свѣта, мудрости, терпѣнія, благоговѣнія къ Его славѣ, общенія *святыихъ* и всякаго другаго дара и благодати Святаго Духа, необходимыхъ для успѣха *въ трудѣ, назначенномъ въ тотъ день Божиимъ Провидѣніемъ*“. Эта молитва совершалась однимъ изъ пасторовъ. Послѣ этого одинъ изъ членовъ собранія, которому было заранѣе поручаемо обдумать какой-нибудь предметъ и предложить его на разсужденіе собранія, сообщалъ его членамъ „регулярно свои мысли, съ приличными ихъ доказательствами, заимствованными главнымъ образомъ изъ Священнаго Писанія. Остальные члены сидѣли въ это время вокругъ большаго стола и записывали тексты, которые, по мнѣнію брата, достаточно подтверждали его мысль“. Послѣ завтрака и обѣда, которымъ посвящалось два часа (въ это время каждый долженъ былъ обдумывать, что онъ намѣренъ сказать въ собраніи), истолкователи снова собирались въ 11 часовъ. Въ это время предсѣдатель, послѣ общей молитвы, подходилъ къ каждому члену и спрашивалъ, что онъ думаетъ относительно разсматриваемаго предмета. Когда каждый высказалъ свое мнѣніе, остальные „прилежно работали перьями“ записывая вкратцѣ, что было говорено. Въ подтвержденіе своихъ словъ каждый долженъ былъ ссылаться на Священное Писаніе; экземпляры Библіи лежали на столѣ; объяснять священные тексты помогалъ „одинъ изъ самыхъ ученыхъ знатоковъ Св. Писанія въ цѣломъ мірѣ“, и притомъ „братъ Господа по плоти“, еврей Джозефъ Вольфъ. Это засѣданіе продолжалось часа четыре или пять и оканчивалось молитвой. Въ семь часовъ вечера снова собирались и въ это время старались привести въ связь все сказанное и вывести заключеніе, причемъ предсѣдатель старался какъ можно больше придать глубины разсужденіямъ и устранить трудности, которыя встрѣчались въ теченіе дня. Въ 11 часовъ ночи всѣ расходились послѣ пѣнія псалма и вечерней молитвы. Такъ описываетъ порядокъ совѣщаній самъ

Ирвингъ ¹⁷³⁾. Онъ же слѣдующимъ образомъ излагаетъ и пред-меты занятій. Впервыхъ, они занимались изслѣдованіемъ ученія Священнаго Писанія относительно язычниковъ (sic); во вторыхъ, о возникающихъ отсюда обязанностяхъ христіанскихъ пасторовъ и народа относительно языческихъ церквей (sic) третьихъ, объ ученіи относительно настоящаго и будущаго положенія евреевъ (sic); четвертыхъ, о возникающихъ отсюда обязанностяхъ относительно евреевъ (sic); пятыхъ, о системѣ пророческихъ видѣній и чиселъ у пророка Даниила и въ Апокалипсисѣ; шестыхъ, объ ученіи Писанія относительно втораго пришествія; наконецъ, объ обязанностяхъ церкви и міра, возникающихъ отсюда (sic) ¹⁷⁴⁾.

Изъ этого можно видѣть, какъ были мудрены поставленные вопросы. Они были такъ мудрены, что нѣкоторые изъ членовъ митинговъ *не выдерживали*, и, несмотря на все гостепріимство Друммонда, старались подальше отойти отъ его компаніи, быть можетъ даже изъ опасенія потерять свою репутацію здравомыслящихъ людей. Этимъ и объясняется, почему число членовъ на разныхъ митингахъ было разное. При этомъ нужно еще замѣтить, что Друммондъ хотя и былъ щедръ, однако дѣлалъ такъ не совсѣмъ даромъ: толкователи пророческихъ книгъ, въ награду за его гостепріимство, должны были, какъ кажется, платить этому господину своимъ согласіемъ съ тѣми мнѣніями, утвердить которыя ему было желательно. Это замѣчаніе мы провѣряемъ, рассматривая преимущественно сдѣланные на этихъ достопочтенныхъ собраніяхъ выводы. Они настолько нелѣпы, что мы никакъ не можемъ и думать о принадлежности ихъ всему собранію. Не всѣ же его члены, среди которыхъ были люди, имѣвшіе ученую степень доктора, были въ самомъ дѣлѣ совершенно тупоумны! Ясно, что золото и гостепріимство Друммонда имѣли надеждащее вліяніе не только на постановку пророческихъ вопросовъ, но и на составленіе на нихъ отвѣтовъ и выводовъ и что разсужденія отдѣльныхъ, сколько-нибудь благоразумныхъ членовъ въ сущности ничего не значили. Вотъ къ какимъ замѣчательнымъ выводамъ пришли „единогласно“ члены пророческихъ митинговъ въ Альбюри:

¹⁷³⁾ Ibid. pp. 392—394.

¹⁷⁴⁾ Mill. I, 37, 38.

1) „Современное христіанство (the present Christian dispensation) не должно перейти нечувствительно, вслѣдствіе постепеннаго распространенія евангельской проповѣди, въ состояніе тысячелѣтнаго царства (!!). Оно (христіанство) окончится судомъ, слѣдствіемъ котораго будетъ разрушеніе видимой церкви и общества, подобно тому, какъ окончилъ существованіе іудейство (the Jewish dispensation).

2) Когда будетъ происходить этотъ судъ надъ христіанствомъ, евреи будутъ возвращены въ обѣтованную землю.

3) Судъ будетъ произведенъ первоначально, если не исключительно надъ христіанскими народами и начнется именно въ той части церкви, которая получила больше благъ, а слѣдовательно и подлежить большей отвѣтственности.

4) По окончаніи суда наступитъ періодъ универсальнаго благосостоянія всего человѣчества и даже животныхъ, называемое обыкновенно тысячелѣтнымъ царствомъ.

5) Великій періодъ 1260 лѣтъ начался въ царствованіе Юстиніана и окончился французскою революціей, когда апокалипсическія чаши начали изливаться. Нашъ Господь скоро явится и посему на обязанности всѣхъ, въ сіе вѣрующихъ, лежитъ настойчиво предлагать мысли объ этомъ вниманію всѣхъ людей“¹⁷⁵⁾.

Толкователи пророческихъ книгъ не ограничились одними подобными выводами. Вотъ что говорить, напримѣръ, о митингѣ 1827 г. Миллеръ:

„Объясненіе пророчествъ, кажется, приняло на этомъ митингѣ болѣе опредѣленное направленіе и истолкователи пророчествъ отъ своихъ общихъ замѣчаній о возвращеніи евреевъ въ Іерусалимъ и наступающемъ пришествіи Господа для основанія Своего тысячелѣтнаго царства, перешли къ болѣе подробному приложенію пророчествъ „ко временамъ и лѣтамъ“ текущаго періода. Было предположено, что апокалипсическая чаша излилась на Римъ въ 1798 году отъ Рождества Христова, и что второе пришествіе Христа имѣетъ быть въ 1847 году. При такомъ методѣ точнаго толкованія они очевидно стали на ненадежную почву, вслѣдствіе чего и случился любопытный инцидентъ, сильно поразившій Роберта Стори. Во время засѣданій ими были получены извѣстія

¹⁷⁵⁾ Ibid. pp. 44, 45.

о смерти принца Рейхштадскаго, сына Наполеона I. „Эти извѣстія невѣрны“, сказалъ одинъ изъ нихъ, вскочивъ съ своего мѣста, „потому что они переворачиваютъ вверхъ дномъ все наше толкованіе!“ Младшій Наполеонъ былъ признанъ ими апокалипсическимъ звѣремъ¹⁷⁶⁾.

Этого, полагаемъ, совершенно достаточно, чтобы прекратить рѣчь о митингахъ въ Альбюри.

Какъ ни темно было все это толкованіе пророчествъ и приложеніе ихъ къ современнымъ событіямъ, одно было все-таки въ этомъ толкованіи ясно, именно что Христось придетъ въ самомъ скоромъ времени. Такое предположеніе имѣло и должно было имѣть конечно дѣльный рядъ слѣдствій, о которыхъ рѣчь будетъ впереди. Теперь же мы займемся разсмотрѣніемъ ученія Ирвинга о Христѣ, которое если и не было послѣдствіемъ толкованія пророчествъ, то по крайней мѣрѣ было съ нимъ связано. Связь эта видна изъ того, что занятія Ирвинга пророческими книгами и его проповѣдь о Христѣ происходили одновременно и какъ бы параллельно одно съ другимъ¹⁷⁷⁾. Но кромѣ этой вышней связи можно усматривать и другую, болѣе тѣсную. Христось долженъ былъ придти и произвести судъ надъ всѣмъ современнымъ человѣчествомъ; но спрашивается, кто же такое былъ этотъ Христось?! Знали ли о Немъ люди, надъ которыми Онъ долженъ произвести свой страшный судъ? И если не знали-то не слѣдовало ли ихъ познакомить съ Нимъ?!

Мы должны опять имѣть въ виду англійскіе нравы, чтобы понять надлежащимъ образомъ смыслъ подобныхъ вопросовъ...

Оказывается что Христось, раньше XIX столѣтія, повидимому „не особенно много былъ извѣстенъ“ какъ въ Англии, такъ и другихъ странахъ. По словамъ Миллера возстановленіе великаго ученія о воплощеніи со всѣми его чудесными подробностями было характеристической чертой богословской науки только текущаго столѣтія. Миллеръ ставитъ Ирвингу и его друзьямъ въ заслугу, что они были „піонерами“ начавшагося движенія, которое можетъ-быть названо христорогическимъ¹⁷⁸⁾.

¹⁷⁶⁾ Ibid. p. 42.

¹⁷⁷⁾ Mrs. Oliph. II, 3.

¹⁷⁸⁾ I, 88; II, 11.

Мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе ученія Ирвинга и его послѣдователей о Христвъ въ полной увѣренности, что это ученіе, подобно всѣмъ другимъ ихъ ученіямъ стоитъ „ниже критики“. Однако имѣя въ виду во всякомъ случаѣ интересный фактъ, мы постараемся раскрыть съ возможною краткостью его сущность.

Въ силу практическихъ склонностей, свойственныхъ англичанамъ, они съ большею любовью останавливаются на изслѣдованіи человѣческихъ свойствъ личности Богочеловѣка, и нельзя сказать, чтобы такое изслѣдованіе было почему-либо неправильно или не имѣло для себя какихъ-либо законныхъ оснований. Если всякій христіанинъ долженъ знать о Христвъ, какъ о Богѣ, то ничто не препятствуетъ ему знать о Немъ и какъ о человѣкѣ и въ твореніи англійскаго богослова Фаррара мы встрѣчаемся съ блестящимъ образцомъ такого изслѣдованія свойствъ личности Христа преимущественно какъ человѣка. Ирвингъ, какъ британецъ, также предложилъ ученіе о Христвъ, преимущественно какъ о человѣкѣ, хотя къ такому ученію и были примѣшаны теоріи, которыя можно назвать практико-мистическими. Но изслѣдованіе свойствъ человѣческой личности Христа, само по себѣ вполне правильное и законное, вышло изъ-подъ его пера совершенно уродливымъ и по общему признанію англійскихъ богослововъ еретическимъ. Душа его и здѣсь была такимъ же кривымъ зеркаломъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, обезображивая все, что въ ней отражалось; а обстоятельство, что Ирвингъ училъ о *грѣховности плоти* Христа, слишкомъ характеристично и показываетъ, что одною изъ побудительныхъ причинъ къ такому ученію были собственные его инстинкты, которые мы можемъ здѣсь также назвать *мормоническими*...

Въ чемъ же заключается сущность его ученія о грѣховности плоти Христа? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ замѣтить, что по обыкновеннымъ христіанскимъ представленіямъ Христось есть для человѣчества вѣчный идеаль, къ которому человѣкъ приближается только посредствомъ безконечнаго усовершенствованія. Христось, какъ Богочеловѣкъ и какъ совершенный идеаль человѣчества, чистъ и безгрѣшенъ. „Онъ не сдѣлалъ никакого грѣха и не было лести въ устахъ Его (1 Петр. II, 12)“. „И вы знаете, что Онъ явился для того, чтобы взять

грѣхи наши, и что въ Немъ нѣтъ грѣха (1 Иоан. 3, 5)⁴. „Таковъ и долженъ быть у насъ Первосвященникъ: святой, непричастный злу, непорочный, отдѣленный отъ грѣшниковъ и превознесенный превыше небесъ (Евр. VII, 26)⁴. „Что касается вопроса о томъ, былъ ли Христосъ *способенъ* ко грѣху или нѣтъ, или выражаясь языкомъ той схоластической и богословской области, въ которой возникъ самый вопросъ,—что касается вопроса о погрѣшности или непогрѣшимости Его человѣческой природы, то это такой вопросъ, который никогда бы не возникъ въ простой и благоговѣйной душѣ“¹⁷⁹). Между тѣмъ, по Ирвингу съ одной стороны не Христосъ представляетъ изъ Себя вѣчный идеалъ для человѣчества, а онъ самъ, Э. Ирвингъ, представляетъ изъ себя такой идеалъ, къ которому долженъ приближаться Христосъ, принявшій зракъ раба! Съ другой—Ирвингъ, отвѣчая на вопросъ о погрѣшности или непогрѣшимости человѣческой природы Христа, рѣшаетъ, безъ сомнѣннй въслѣдствіе недостатка простоты и благоговѣйности, этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, именно, что плоть Христа была погрѣшима, и не только погрѣшима, но и просто грѣховна.

Подобно Фаррару онъ также кое-гдѣ сравниваетъ Христа съ воиномъ, но съ такимъ, который есть въ то же время и вождь людей на полѣ брани. При этомъ человѣкъ представляется ему воиномъ раненымъ на полѣ битвы. Можетъ ли этотъ послѣдній слѣдовать за воиномъ — вождемъ, который не раненъ и не умираетъ? Конечно нѣтъ. Такъ и человѣкъ, пораженный грѣхомъ и умирающій, не можетъ слѣдовать за Христомъ, если Онъ безгрѣшенъ, т.-е. не можетъ подражать Ему въ своей жизни, въ своихъ дѣлахъ, потому что Христосъ, въслѣдствіе Своей безгрѣшности, слишкомъ далеко отстоялъ бы въ такомъ случаѣ отъ человѣка, былъ бы для него идеаломъ недостижимымъ. Возможность слѣдованія за Христомъ и подражанія Ему обуславливается, слѣдовательно, добровольнымъ уничтоженіемъ Самого Христа до степени принятія Имъ человѣческой *грѣховной сущности*, съ которою Онъ долженъ былъ бороться въ теченіе всей Своей жизни и которую преобѣдилъ только въ силу божественнаго Своего существа. Безгрѣшный Христосъ кажется Ирвингу не-

¹⁷⁹) Жизнь І. Христа, Ф. Фаррара, перев. А. Лопухина, Спб. 1865 г., стр. 56.

полнымъ, недостаточнымъ человѣкомъ; нужно, чтобы Онъ былъ нашимъ братомъ и родственникомъ по самому Своему существу которое должно быть грѣховно. Къ такимъ мыслямъ привело Ирвинга необдуманное сравненіе. Мы просимъ сравнить его ученіе съ ученіемъ, изложеннымъ на 56—58 стр. сочиненія Фаррара, чтобы понять, какая глубокая разница существуетъ между тѣмъ и другимъ. Кроме того мы можемъ предложить Ирвингу съ полнымъ правомъ вопросъ: если на полѣ битвы находится раненый вожьдъ и раненые воины, то какимъ же образомъ они могутъ бороться съ врагами и побѣждать ихъ?

Это ученіе Ирвинга о грѣховности плоти Христа было совершенно сознательнымъ его ученіемъ. Напрасно нѣкоторые почитатели его стараются нѣсколько загладить это дѣло, говоря, что со стороны его были только безсознательныя обмолвки, что ни онъ самъ, ни его слушатели не замѣчали въ произносимыхъ имъ рѣчахъ никакой ереси¹⁸¹⁾. Изъ чтеній „О воплощеніи“ можно видѣть слишкомъ ясно совершенно обратное, именно, что Ирвингъ не только настаиваетъ на безусловной вѣрности своего ученія и противопоставляетъ его всѣмъ другимъ ученіямъ, но и хвалится даже тѣмъ, что оно принадлежитъ ему, что онъ совершилъ въ данной области открытіе. Выраженія о грѣховности плоти Христа очень часто встрѣчаются въ чтеніяхъ; здѣсь есть даже цѣлая глава, первая часть которой (32 страницы) посвящена исключительно доказательству того, что „плоть Христа, подобно моей плоти, была по своей сущности (in its proper nature) смертна и поврежденна; что онъ былъ сѣменемъ Давида, сѣменемъ Авраама, сѣменемъ жены; что Онъ былъ сѣменемъ жены послѣ ея паденія, а не прежде“¹⁸²⁾; что Христосъ „боролся съ грѣхомъ“¹⁸³⁾; что „такая вѣра необходима для спасенія и что противоположное ученіе, которое считаетъ плоть Христа *негрѣховною и даже неисклонною ко грѣху* есть отрицаніе Его человѣчества“; что „плоть Христа была доступна *всѣмъ* искушеніямъ, что чрезъ нее Онъ былъ искушаемъ *во всемъ*, въ чемъ

¹⁸¹⁾ Mrs. Oliph. II, 3, 4.

¹⁸²⁾ The collect. Wr. of E. J., V, 116.:

¹⁸³⁾ Ibid. 124.

искушаемся и мы ¹⁸⁴); что когда Христосъ принялъ смертную и поврежденную плоть, дѣло Святаго Духа заключалось въ томъ, чтобы сдѣлать эту плоть безсмертною и безгрѣшною ¹⁸⁵) и т. д. Послѣ того, какъ Ирвингу было доказано его еретичество, онъ сдѣлалъ нѣкоторую уступку. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ все-таки не былъ совершенно ортодоксаленъ. „Исходная точка (ученія о грѣховности плоти Христа), — говоритъ онъ, — просто заключается въ слѣдующемъ: была ли плоть Христа безгрѣшна и неповрежденна по своей собственной природѣ, или отъ вселенія Святаго Духа. Я утверждаю послѣднее“ ¹⁸⁶).

Поставивъ самого себя идеаломъ, къ которому долженъ приближаться Христосъ, Ирвингъ повторяемъ, умалшлъ, уничтожилъ Христа ради человѣка. Трудно ли было допустить вмѣстѣ съ тѣмъ и возвышеніе человѣка, и въ частности самого Ирвинга, до степени *его посредничества между Богомъ и людьми*? Если подобная мысль дѣйствительно принадлежитъ Ирвингу, если онъ дѣйствительно и совершенно ясно воображалъ себя такимъ посредникомъ, какъ бы ставя самого себя на мѣсто Христа, — то мы должны только сказать, что послѣ изложеннаго ученія его о грѣховности плоти Христа подобная мысль не представляла для него ничего неестественнаго...

Итакъ, принявъ къ сердцу очень близко постановленіе, сдѣланное на митингахъ въ Альбюри, по которому пришествію Христа слѣдовало ожидать въ самомъ скоромъ времени, и подвергнувъ съ своей собственной точки зрѣнія разработкѣ христологическіе вопросы, Ирвингъ проповѣдывалъ о томъ и другомъ предметѣ не только въ Лондонѣ, но вознамѣрился сообщить о пришествіи Христа и о тайствѣ воплощенія еще и своимъ соотечественникамъ. Съ этою цѣлью онъ и совершилъ въ 1828 и 1829 годахъ два путешествія по Шотландіи. Трудно сказать, каковы были причины, заставившія теперь шотландцевъ, за немногими исключеніями, собираться слушать его въ огромномъ количествѣ. Можетъ быть ихъ заставляла дѣлать такъ слава его въ Лондонѣ, которая безъ сомнѣнія достигала Шотландіи, а мо-

¹⁸⁴) Ibid. 128.

¹⁸⁵) Ibid. 136.

¹⁸⁶) (м. ibid. pp. 3—6.

петь быть и то обстоятельство, что старая популярная тема о страшномъ судѣ и адскихъ мученіяхъ была тамъ снова воспомнута и шотландскіе пресвитеріане обрадовались челоувѣку, пришедшему къ нимъ съ спеціальною цѣлью проповѣдать о покаяніи и возвѣститъ, что „время близко“. Какъ бы то ни было, но церкви въ Шотландіи теперь не могли уже вмѣстить въ себѣ всего множества его слушателей и онъ долженъ былъ проповѣдывать „на открытомъ воздухѣ“. Говорятъ, что число ихъ доходило до десяти и тринадцати тысячъ челоувѣкъ, хотя всѣ подобныя исчисленія конечно и не легко провѣрить. Въ одной изъ церквей случился даже инцидентъ, молва о которомъ разнеслась по всей Англіи и Шотландіи, какъ о страшномъ событіи. Когда Ирвингъ, по прибытіи въ Киркальди, намѣренъ былъ тамъ проповѣдывать, толпа наполнила церковь до такой степени, что галереи не могли выдержать тяжести и обрушились. Около тридцати пяти челоувѣкъ было убито, много искалѣчено ¹⁸⁷⁾.

Біографы Ирвинга любятъ вообще выводить очень важныя заключенія изъ очень неважныхъ случаевъ. Такъ напр. рожденіе Ирвинга 4 августа 1792 года возводится ими въ событіе, которое совпало съ однимъ изъ замѣчательныхъ моментовъ французской революціи ¹⁸⁸⁾. Такимъ образомъ выходитъ: великая французская революція и великій Эдвардъ Ирвингъ! Конечно, всякій досужливый челоувѣкъ могъ бы въ этомъ случаѣ предложить много вопросовъ, касающихся дня рожденія Э. Ирвинга: можно было бы, на примѣръ, спросить, почему онъ родился въ 1792 году, а не 1789 г.? Почему онъ родился именно 4 августа 1792 года, а не 21 января 1793 года? и т. д. Но ужъ если видѣть какую-нибудь связь между рожденіемъ Ирвинга и французской революціей, то почему же не видѣть въ томъ, что случилось въ Киркальди, „перста Божія“, наказывающаго и проповѣдника, и его слушателей? А между тѣмъ происшествіе въ Киркальди единогласно истолковывается въ пользу Ирвинга, какъ несомнѣнное доказательство его великаго ораторскаго таланта.

¹⁸⁷⁾ Memoirs of Th. Chalmers by W. Hanna, II, 174.

¹⁸⁸⁾ Mss. Oliph. I, 1.

IV

Н О В Ы Й С В Ъ Т Ъ .

Если мы обратимся къ древней шотландской церковной исторіи, то найдемъ, что такъ называемое prophesying—пророчествованіе извѣстно было у шотландскихъ пресвитеріанъ еще съ самаго времени реформаци. Основываясь преимущественно на словахъ апостола Павла: „ревнуйте о томъ, чтобы пророчествовать“ (1 Кор. 14, 39) и вообще на ученіи, изложенномъ въ XIV главѣ перваго посланія къ Коринѳянамъ, шотландскіе реформаторы хотѣли по крайней мѣрѣ „вышнимъ образомъ“ подражать тѣмъ собраніямъ въ Коринѳѣ, въ которыхъ пророки пророчествовали. Такъ древняя Book of discipline, т.-е. книга церковнаго устройства или церковный уставъ, „считаетъ, по словамъ Ю. Кѣстлина, въ высшей степени полезнымъ, чтобы вездѣ, гдѣ существуютъ школы и ученые люди, еженедѣльно былъ назначаемъ одинъ день для упражненій, которыя апостолъ Павелъ называетъ пророчествованіемъ. Они должны были состоять изъ чтенія Св. Писанія, наученія и утѣшенія присутствующихъ нѣсколькими ораторами поочередно. Въ означенной книгѣ говорится затѣмъ и собственно о засѣданіяхъ и собраніяхъ истолкователей (session and company of interpreters). Съ одной стороны эта книга всякому, въ комъ предполагался даръ назиданія, подъ страхомъ выговора и дальнѣйшихъ церковныхъ наказаній, вмѣняетъ въ обязанность участвовать въ собраніяхъ, потому что никто въ церкви не можетъ жить по своей волѣ, но если церковь того потребуетъ, всякій долженъ оказывать свои услуги для назиданія другихъ. Съ другой стороны въ ней сказано, что согласно съ словами апостола Павла, для избѣжанія безпорядковъ, число говорящихъ въ собраніяхъ всякій разъ не должно было превышать трехъ; толкователямъ строго воспрещено было позволять себѣ свободное толкованіе, употребляемое общественными проповѣдниками, отступать отъ текста или допускать какое либо развитіе общихъ положеній; наконецъ, послѣ каждаго пророчествованія должны были вмѣстѣ съ старостами собираться пасторы и произносить сужденіе о томъ, что было сказано, а

равно и дѣлать выговоры каждому толкователю за допущенныя имъ ошибки. О дѣйствительномъ существованіи подобнаго обычая мы ничего не знаемъ. Кажется, вмѣсто сходства съ указанными апостоломъ собраніями, все дѣло немедленно получило видъ и значеніе конференцій пасторовъ, на которыя собирались сосѣдніе пасторы, обязанные наблюдать за пророчествованіями съ своими сослуживцами въ городѣ и находившимися тамъ старостами. Такія же собранія мы видимъ скоро и въ Англіи; имъ покровительствовали разные епископы и дворяне, а позднѣе лордъ Бэконъ рекомендовалъ ихъ королю Іакову; но Елизавета ихъ запретила; въ извѣстіяхъ, которыя имѣются относительно установленія этихъ послѣднихъ собраній, Макъ-Кри находитъ, что они устроены были по шотландскому образцу и что при этомъ нѣсколько разъ были употреблены даже выраженія самой Book of discipline. Но въ Шотландіи ихъ религіозный характеръ былъ въ скоромъ времени отодвинутъ на задній планъ и замѣнился церковнымъ и уже въ 1580 году изъ нихъ образовались пресвитеріи, т.-е. окружныя собранія пасторовъ, происходившія тогда болѣею частію однажды въ мѣсяць. Однако и тогда во всякомъ собраніи, вмѣстѣ съ церковными занятіями, были толкуемы и отдѣлы Священнаго Писанія; Макъ-Кри говоритъ, что слѣды такого обычая можно было наблюдать въ 1814 году и даже еще позднѣе¹⁸⁴⁾.

Отсюда видно, что подражаніе пророческимъ собраніямъ въ Коринѣ заключалось въ краткомъ толкованіи Священнаго Писанія, въ простомъ перифразѣ священныхъ текстовъ со стороны лицъ, чувствовавшихъ себя къ тому способными, и все это происходило подъ строгимъ контролемъ мѣстныхъ пресвитеровъ и старостъ. Но даже и такое подражаніе, въ такихъ ограниченныхъ размѣрахъ, было въ сущности однимъ только *prim desiderium* древнихъ шотландскихъ реформаторовъ, которое или вовсе не осуществлялось, или же служило только необходимымъ дополненіемъ къ ихъ практической и организаторской дѣятельности, не имѣя самостоятельнаго характера. Это *prim desiderium* и осуществилъ Э. Ирвингъ съ своими послѣдователями, но ка-

¹⁸⁴⁾ Die Scottische Kirche. Ein Beitrag von I. Köstlin. Hamburg und Gotha 1852 S. 58—60.

кимъ образомъ, что, не смотря на постоянную мысль о пророческихъ собраніяхъ, по образцу бывшихъ въ Коринѣ, среди шотландскихъ пресвитеріанъ, выраженіе недоумѣній послышалось со всѣхъ сторонъ въ Шотландіи по поводу этого осуществленія: такъ оно было дико! такъ мало оно соответствовало указанной мысли шотландскихъ реформаторовъ, а равно и ученію, изложенному въ XIV главѣ перваго посланія къ Коринѣянамъ!

Нужно замѣтить, что начало всего этого дѣла, т.-е. возстановленія пророческаго говоренія и дара языковъ, представляется въ полномъ туманѣ, несмотря на попытки нѣкоторыхъ писателей сколько возможно яснѣе это дѣло представить. Несомнѣнно, что въ немъ было множество разныхъ причинъ, которыя такъ перепутались между собою, что распутать ихъ, отличить главные причины отъ второстепенныхъ, нѣтъ никакой возможности. Одинъ изъ видныхъ ирвингійскихъ писателей, докторъ Нортонъ, написавшій не смотря на свою, такъ сказать, ирвингійскую извѣстность, очень пустую и пошлую книжку о „возстановленіи пророковъ и апостоловъ“, высказываетъ все-таки вѣрное замѣчаніе, что и „первое происхожденіе естественныхъ и видимыхъ событій едва-ли подлежитъ изслѣдованію; тѣмъ меньше подлежитъ ему то, что отличается спиритуальнымъ характеромъ и невидимо“¹⁹⁰⁾ Ту же мысль, только въ другихъ выраженіяхъ, повторяетъ и Кёлеръ: „часто, говоритъ онъ, и естествоиспытателю, не смотря на всѣ усилія, не удастся съ точностью опредѣлить, гдѣ въ природѣ начинается новая жизнь; тѣмъ меньше возможности представляется изслѣдователю наблюдать зародыши явлений нравственнаго и духовнаго міра, которыя нерѣдко даже и вовсе не поддаются никакому наблюденію“¹⁹¹⁾.

Не пытаясь изслѣдовать въ самомъ корнѣ явленія, которыя сдѣлались доступны для общаго наблюденія, что впрочемъ, и не составляетъ дѣла особенной важности, мы однако съ большою ясностію усматриваемъ ту связь, какая существовала между ними и дѣятельностью членовъ пророческихъ конференцій въ Альбюри. Во время своихъ путешествій по Шотландіи съ про-

¹⁹⁰⁾ The Restoration of Apostles and Prophets p. 2. Lond. 1861. См. объ авторѣ этой книги у Miller'a I, 123.

¹⁹¹⁾ Het Irvingisme, стр. 46, 47.

повѣдью о томъ, что „время близко“, Ирвингъ посѣтилъ не только значительные города Шотландіи, но и множество незначительныхъ мѣстечекъ, какъ это видно изъ собственныхъ его писемъ ¹⁹²⁾). Несомнѣнно, что въ это время онъ проповѣдывалъ тамъ „о возрожденіи, когда апостолы будутъ возсѣдать на своихъ тронахъ“, „о послѣднихъ временахъ“, толковалъ апокалипсисъ и побуждалъ многихъ къ молитвѣ о духовныхъ дарованіяхъ. Мысль объ этихъ послѣднихъ появилась у него гораздо раньше его путешествій по Шотландіи. Такъ еще въ 1825 году онъ считалъ себя некомпетентнымъ отвѣчать на вопросъ, почему они прекратились въ церкви, а въ 1828 году онъ высказывалъ, что „спиритуальные дары, столь широко распространенные въ христіанской церкви апостольскаго вѣка, не принадлежать исключительно ей, или одному какому-нибудь періоду въ исторіи церкви, но церкви всѣхъ вѣковъ, и если исчезли въ ней, то вслѣдствіе только недостатка вѣры“. Эти „сверхъестественныя дарованія, которыя давно уже вышли изъ употребленія, будутъ восстановлены только ко времени втораго пришествія, въ чудесномъ царствѣ, въ которомъ они будутъ имѣть свое надежащее значеніе“ ¹⁹³⁾). Мысль, сходную съ мыслию Ирвинга, высказывалъ и другой членъ пророческихъ митинговъ въ Альбюри, шотландскій пасторъ Робертъ Стори изъ Роснита. Именно на митингъ въ Альбюри 1828 года онъ говорилъ между прочимъ и о чудесныхъ дарованіяхъ первоначальной христіанской церкви, утверждая, что эти дарованія прекратились не потому, чтобы церковь въ нихъ больше не нуждалась, а потому, что охладѣла и сдѣлалась мертвою ея вѣра въ нихъ. Высказывая такое мнѣніе, Стори былъ защитникомъ митинговъ, устроенныхъ пасторомъ Гольдэнномъ Стюартомъ, съ цѣлью испрошенія духовныхъ дарованій ¹⁹⁴⁾). Послѣдній былъ, какъ сказано, также членомъ митинговъ въ Альбюри. Сильно принимая къ сердцу невысокое релігіозное состояніе Англіи, онъ опубликовалъ трактатъ, въ которомъ средствомъ для освобожденія отъ такого состоянія считалъ „соединеніе вѣрующихъ въ молитвѣ ко Всемогущему Богу о

¹⁹²⁾ Цитаты см. у Köhler'a, стр. 49.

¹⁹³⁾ Mrs. Oliph. II, 103, 104; ср. Köhler, стр. 62.

¹⁹⁴⁾ Köhler, стр. 48, 49.

испосланиі Св. Духа¹⁹⁵. Кромѣ того онъ ѣздилъ по Англіи и Шотландіи, проповѣдуя о томъ же и побуждая всѣхъ къ молитвѣ о духовныхъ дарованіяхъ, для которой сочинилъ и форму. Его проповѣдь дѣйствительно и была причиною многихъ молитвенныхъ митинговъ съ цѣлью испрошенія Св. Духа, составлявшихся въ Англіи и Шотландіи. Начало ихъ Робертъ Нортонъ относитъ къ 1826 г.¹⁹⁶).

Ближайшею причиною дѣйствительнаго появленія духовныхъ дарованій была дѣятельность того же Роберта Стори и еще двухъ друзей Ирвинга, шотландскаго пастора Кэмбелла изъ Роу (Row) и шотландскаго лиценціата Александра Скотта. Послѣдніе оба усвоили себѣ ученіе Ирвинга о грѣховности плоти Христа и держались вмѣстѣ съ нимъ ученія и о всеобщемъ примиреніи людей съ Богомъ¹⁹⁶). Сущность этого послѣдняго заключалась въ томъ, что въ моментъ искупленія были примирены съ Богомъ не только тѣ, которые вѣровали во Христа, но что искупительное дѣйствіе крестныхъ страданій простиралось на всѣхъ людей, вѣрующихъ и невѣрующихъ, жившихъ до и послѣ воскресенія Христова. Какую связь имѣло это ученіе съ духовными дарованіями, это мы затрудняемся рѣшить. По Келеру она была чисто внѣшнею, именно, въ томъ, что ученіе о всеобщемъ примиреніи было совершенно противоположно распространенной въ Шотландіи доктринѣ о предопредѣленіи и предъизбраніи, которая однихъ людей осуждала безвинно на вѣчныя мученія, другимъ предоставляла вѣчное блаженство. Если доктрина о предопредѣленіи и предъизбраніи приводила шотландцевъ къ суровости нравовъ, то ученіе о всеобщемъ примиреніи, напротивъ, проливало мягкій свѣтъ на ихъ жизнь. Какъ и слѣдовало ожидать, это ученіе, вызвавшее одобреніе у однихъ, встрѣчено было враждебно другими, преимущественно клиромъ, результатомъ чего были споры въ той мѣстности, гдѣ жилъ и проповѣдывалъ Кэмбеллъ, а результатомъ споровъ—оживленіе религіозной жизни, которое давало полный просторъ и другаго рода еретическимъ и мистическимъ ученіямъ. Такимъ образомъ Робертъ Стори изъ Роснита, полагавшій, что духовныя дарованія должны были снова

¹⁹⁵) The Restorat. of Apostl. p. 2.

¹⁹⁶) Mrs. Oliph. II, 24—26.

появиться въ церкви, Ирвингъ съ своими ученіями и нѣкоторые другіе учителя не могли не встрѣтить довѣрія въ мѣстности, гдѣ жилъ Камбелль и самъ Стори, находившейся на сѣверо-западѣ Шотландіи, преимущественно на берегахъ Клайда ¹⁹⁷⁾).

Теперь мы перейдемъ къ изображенію самыхъ интересующихъ насъ фактовъ.

Сначала о появленіи духовныхъ дарованій въ Шотландіи было чудесное предсказаніе. Нѣкій Джемсъ Груббъ (Gribb), служившій корабельнымъ работникомъ у нѣкоего корабельнаго мастера Джонстона, въ Портъ-Глесго, въ теченіе своей жизни отличался полнымъ невѣріемъ, но находясь на смертномъ одрѣ († 1828 г.), покаялся. Ему было видѣніе, вслѣдствіе котораго онъ предсказалъ близкую смерть своему мастеру, Джонстону, а также и то, что въ церкви скоро явится „дѣло Божіе“ и что Джонстонъ предъ своею смертію узнаетъ какую-то тайну. Джонстонъ дѣйствительно скоро захворалъ и умеръ. Предъ своею смертію онъ воскликнулъ: „теперь мнѣ извѣстна великая тайна!“ Около него находилась въ это время какая-то женщина и онъ, произнеся означенныя слова, взялъ ее за руки и оба они вмѣстѣ воскликнули: „слава, слава, слава!“ ¹⁹⁸⁾.

Великая тайна дѣйствительно скоро была открыта міру. Въ пятнадцати миляхъ отъ Портъ-Глесго, въ Ферникарри, жила, вмѣстѣ съ своею сестрою, одна молодая дѣвушка, Изабелла Камбелль, не находившаяся въ родствѣ съ упомянутымъ выше однофамильцемъ-проповѣдникомъ ¹⁹⁹⁾. Она отличалась такимъ благочестіемъ, что еще при жизни прослыла святою. Около ея дома собиралось множество „паллигримовъ“, которые желали ее видѣть. Изабелла жила недолго; много жалѣли объ ея смерти. Робертъ Стори въ память ея написалъ книжку подъ заглавіемъ „Peace in believing“, гдѣ изобразилъ ея жизнь; книжка скоро разошлась въ большомъ количествѣ экземпляровъ ²⁰⁰⁾. Такимъ же благочестіемъ, какъ Изабелла, отличалась и ея сестра, Мэри, которая была портнихой ²⁰¹⁾. Это была красивая молодая дѣ-

¹⁹⁷⁾ Het Irvingisme, стр. 47—50; ср. Mrs. Oliph. II, 106.

¹⁹⁸⁾ R. Norton. The Restoration of Apostles and Prophets pp. 3, 4, 24.

¹⁹⁹⁾ Mill. I, 51.

²⁰⁰⁾ Mrs. Oliph. II, 106.

²⁰¹⁾ Mill. I, 51.

вущка, какъ полагають, богато одаренная умственными способностями, но отъ природы склонная къ мечтательности и мистицизму. Говорять что она была помолвлена за одного молодого человѣка и надѣялась, по выходѣ замужъ, вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ далекія страны и проповѣдывать тамъ Евангеліе язычникамъ. Но эти мечты ея не осуществились, ея женихъ скоро умеръ. Вслѣдствіе этого она заперлась въ свою комнату и никуда не выходила. Думали, что Мэри была сильно больна и именно тою же болѣзнію, отъ которой померла и ея сестра, т.-е. чахоткой, не обынновенной „туберкулезной“, но такой, которая происходила отъ періодическаго образованія нарывовъ въ легняхъ. Эти нарывы, время отъ времени разрываясь и лопаясь, давали мѣсто образованію другихъ. Робертъ Стори, на случай ея смерти, приготавлилъ къ печати и ея біографію ²⁰²).

Къ этой то Мэри Кэмбеллъ и явился, въ концѣ 1829 года, Александръ Скоттъ съ своею проповѣдью и началъ убѣждать ее въ возможности крещенія Духомъ Святымъ. Но Мэри, кажется, не вполнѣ сначала ему вѣрила. По крайней мѣрѣ самъ Ирвингъ, рассказывая послѣ объ этихъ обстоятельствахъ, пишетъ что Скоттъ ушелъ отъ нея ни съ чѣмъ,—потому что она отличалась крѣпкимъ и постояннымъ расположеніемъ духа,—торжественно заповѣдавъ ей только читать Дѣянія апостоловъ и не сразу отвергать то, во что самъ Скоттъ вѣрилъ, какъ въ истину Божию ²⁰³). Несмотря однако на все это, мысль о крещеніи Духомъ Святымъ, можно думать, все-таки западала въ голову мечтательной дѣвушки. Посѣщавшіе ее Робертъ Стори и Кэмбеллъ можетъ быть и не говорили ей прямо о крещеніи Духомъ Святымъ, какъ это дѣлалъ Скоттъ, но сообщали, что на ней можетъ обнаружиться даръ исцѣленія отъ болѣзни отъ Духа Святаго ²⁰⁴). Можетъ быть вмѣстѣ съ этимъ ей была сообщена и мысль о дарѣ языковъ, а такого дара она страстно желала, потому что онъ избавилъ бы ее отъ многихъ трудовъ при просвѣщеніи язычниковъ, о которомъ она продолжала думать на случай своего

²⁰²) Mill. I, 51, 52; Köhler, 51, 52; Norton, 27; Орловъ, «Прав. Обзорніе», ноябрь 1875 г., стр. 450.

²⁰³) W. Wilks, 208, 209; Мгв. Oliph. II, 128.

²⁰⁴) Miller, I, 52.

полнаго выздоровленія. Отсюда можно видѣть, что Кэмпбелль и Стори въ сущности проповѣдывали ей то же, что и Скоттъ, т.-е. о возможности крещенія Духомъ Святымъ, но проповѣдывали это крещеніе, такъ-сказать въ болѣе конкретной, а слѣдовательно и болѣе понятной для молодой дѣвушки, формѣ. И дѣйствительно, убѣжденіе Скотта, Кэмпбелла и Стори скоро принесли желаемый плодъ и Мэри начала пророчествовать. Это была первая ирвингская пророчица.

Въ одинъ день, въ концѣ марта мѣсяца 1830 года, она лежала въ постелѣ и размышляла съ своими домашними о дарѣ языковъ и о миссіи къ язычникамъ. Весь тотъ день она провела „благоговѣйно, въ постѣ и молитвѣ ко Господу о возстановленіи духовныхъ дарованій“,—и вдругъ начала пророчествовать на неизвѣстномъ языкѣ. Онъ не былъ понятенъ ни ей, и никому изъ присутствующихъ. Она думала, что это есть языкъ жителей Пелевскихъ острововъ въ Тихомъ океанѣ. То же явленіе повторилось и еще разъ, 28 марта. По окончаніи пророчествованій Мэри возвращалась къ своему прежнему состоянію утомленія и слабости ²⁰⁵⁾.

Слухъ объ этомъ происшествіи скоро достигъ семейства Макдональдъ, жившаго тамъ же, гдѣ жилъ Груббъ, т.-е. въ Портъ-Глесго. Это семейство, состоящее изъ двухъ братьевъ, Джемса и Джорджа, и сестры Маргариты, отличалось необыкновеннымъ благочестіемъ и приверженностію къ господствующей шотландской церкви. Въ своемъ домѣ братья и сестра Макдоналды устраивали молитвенные митинги, длившіеся необыкновенно долго и совершавшіеся съ необыкновенною ревностію. Они молились о спасеніи церкви и міра, но не о чудесахъ, о которыхъ они думали и говорили мало. Меньше всего они ожидали для себя духовныхъ дарованій ²⁰⁶⁾. Впрочемъ они раздѣляли ученіе Скотта о чудесныхъ дарованіяхъ въ церкви и скоро усвоили и ученіе Кэмпбелла о всеобщемъ примиреніи людей съ Богомъ. Чтобы поддерживать связь съ этимъ послѣднимъ проповѣдникомъ, они даже нанимали себѣ квартиру и жили въ Роу, гдѣ жилъ Кэмпбелль ²⁰⁷⁾.

²⁰⁵⁾ Mill, I, 52, 53; Nort. 27, 28; Köhler, 53, 54; Hanna, Memoirs of Th. Chalmers, II, 195.

²⁰⁶⁾ Norton, The Restoration of Ap. and Prophets, pp. 5, 6.

²⁰⁷⁾ Mill, I, 54, 55.

Подобно Мэри Кэмпбелъ и Маргарита была сильно больна; она не вставала съ постели 18 мѣсяцевъ; ея домашніе ожидали ея смерти ²⁰⁶⁾.

Въроятно 13 апрѣля 1830 года ²⁰⁷⁾ и Маргарита стала пророчествовать. Первыми словами ея были: „теперь наступаетъ время для обильнаго изліянія Св. Духа“. Спустя часа два или три послѣ начала этого пророчествованія пришли домой обѣдать братья Макдональды, находившіеся при своихъ занятіяхъ (они были корабельщики). Маргарита обратилась къ братьямъ съ длинною рѣчью, которую заключила молитвой о Джемсѣ, чтобы онъ получилъ Св. Духа. Почти тотчасъ послѣ этой молитвы Джемсъ спокойно сказалъ: „да, я получилъ Св. Духа!“ и отойдя отъ ея постели къ окну, простоялъ тамъ молча минуту или двѣ, а затѣмъ снова подошелъ къ сестрѣ и сказалъ ей, измѣнившись въ лицѣ и „съ неописуемымъ величіемъ“: „встань и стой прямо!“ Онъ повторялъ эти слова, держа ее за руку,—и Маргарита встала, исцѣлившись внезапно отъ всѣхъ своихъ недуговъ. Послѣ этого всѣ, бывшіе съ ней, сѣли и начали обѣдать ²¹⁰⁾.

Въ тотъ же день Джемсъ, отправившись вмѣстѣ съ братомъ на свои работы, написалъ Мэри Кэмпбелъ письмо, въ которомъ сообщалъ ей о внезапномъ выздоровленіи Маргариты и повелѣвалъ Мэри во имя І. Христа встать и ходить. Болѣзнь послѣдней въ это время усилилась. Но „едва я прочитала первую страницу письма,—такъ рассказываетъ сама Мэри о своемъ чудесномъ выздоровленіи,—какъ на меня снизошла въ изобиліи сила (I became quite overpowered) и я положила письмо на нѣсколько минутъ въ сторону. Я не могла однако успокоиться до тѣхъ поръ, пока не взяла его снова и не стала читать. При чтеніи каждое слово наполняло меня силою; когда же я дочитала до повелѣнія встать, сила сдѣлалась такою, что не могу и описать. Я поистинѣ почувствовала голосъ Христа,—такой голосъ, которому я не могла противиться. Меня объяла могучая сила. Я чувствовала, что поднимаюсь съ земли и всѣ недуги мои уничтожились какъ бы по слову Христа. И въ самомъ дѣлѣ я вне-

²⁰⁶⁾ Ibid. 53.

²⁰⁷⁾ Köhler, стр. 54.

²¹⁰⁾ Norton, 8, 9.

завно получила возможность встать на ноги, ходить и прыгать, гѣть и радоваться“²¹¹⁾.

На другой день послѣ отсылки письма Джемсъ сказалъ: „пойду, посмотрю, не перешла-ли Мэри Кэмбелль чрезъ рѣку“, т.-е. чрезъ рѣку Кляйдъ, которая протекаетъ между Портъ-Глесго и Ферникарри. Всѣ удивились, потому что знали что Мэри умираетъ; Джемсъ никому и ничего не говорилъ о письмѣ. Но Мэри дѣйствительно прибыла, какъ и утверждалъ Джемсъ, чувствуя себя вполне здоровою²¹²⁾.

Въ теченіе двухъ дней послѣ этого домъ Магдональдовъ осаждали любопытные, которые узнали о томъ, что у нихъ случилось, очень скоро²¹³⁾. Многие стали устраивать молитвенные митинги, думая получить даръ пророчества и исцѣленій; на этихъ митингахъ не мало вzywали о ниспосланіи апостоловъ²¹⁴⁾. Кромѣ Мэри Кэмбелль, Маргариты и Джемса и Джорджъ скоро сталъ пророчествовать. Были и чудеса, кромѣ указанныхъ: однажды Маргарита поднялась съ земли и стояла нѣсколько времени на воздухѣ, какъ статуя²¹⁵⁾.

Теперь мы вернемся въ Лондонъ. Тамъ очень зорко слѣдили за всѣмъ, что происходило въ Шотландіи. Тамъ отвергли Библию и искали для себя „новаго свѣта“, который и обрѣли въ откровеніяхъ, выходившихъ изъ устъ новоявленныхъ шотландскихъ пророчицъ и пророковъ. Такимъ образомъ мысль Ирвинга, высказанная имъ гораздо раньше въ Лондонѣ, о недостаточности Библии для полнаго христіанскаго просвѣщенія теперь готова была вполне „реализоваться“, осуществиться нагляднымъ образомъ, и компанія мистера Друммонда скоро должна была торжественно возгласить: „насъ просвѣщаетъ только Духъ! Самъ Богъ говорить намъ!“

Пророчества, выходившія изъ устъ Мэри Кэмбелль и Магдональдовъ, — скажемъ словами Локка, — были для нашихъ лондонскихъ друзей откровеніемъ, потому что они крѣпко въ него

²¹¹⁾ Ibid. 9, 10.

²¹²⁾ Ibid.

²¹³⁾ Ibid.

²¹⁴⁾ Ibid. 25; ср. Mill. I, 57.

²¹⁵⁾ Ibid.

вѣрили и они вѣрили въ это откровеніе, потому что оно было для нихъ откровеніемъ. Словомъ рѣшающее значеніе всегдѣ этомъ дѣлѣ могла имѣть одна только вѣра. Стоило только повѣрить въ пророковъ и въ ихъ пророчествованія и тѣ другія озадаченныя бы вполнѣ истинными; наоборотъ, они не получили бы никакого значенія, не могли бы замѣнить библейскихъ откровеній, еслибы въ нихъ мало вѣрили. И однако, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, въ дѣлѣ, въ которомъ нужна была только вѣра, задумали произвести изслѣдованіе. Неизвѣстно, съ какою цѣлью оно было произведено; можетъ быть для укрѣпленія вѣры, которая могла и колебаться. О происшествіяхъ въ Шотландіи сдѣланъ былъ докладъ на пророческомъ митингѣ въ Альбюри 1830 года, нѣсколько послѣ появленія чудесныхъ дарованій въ Шотландіи. Такъ какъ все случившееся въ Шотландіи служило сильнымъ подтвержденіемъ сдѣланныхъ на митингахъ въ Альбюри выводовъ о близости пришествія Христа, такъ какъ шотландскія чудеса были *знаменіемъ* близости этого пришествія, то вѣсть о нихъ была принята въ Англіи съ восторгомъ и собраніе опредѣлило молиться о ниспосланіи ихъ и въ Англіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ произвести основательное изслѣдованіе всего, что случилось въ Шотландіи ²¹⁶⁾.

Теперь впервые выступаетъ предъ нами нѣкто мистеръ Кардаль (Cardale),—будущій первовзванный и верховный ирвингійскій апостолъ, лице, имѣвшее послѣ большое значеніе въ зачумленномъ кружкѣ. Онъ былъ по профессіи адвокатъ и кажется имѣлъ вполнѣ „адвокатскую совѣть“; по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ онъ принадлежалъ къ такъ-называемымъ англійскимъ „высоко-церковникамъ“ (high-churchmen) ²¹⁷⁾. Несомнѣнно, что это былъ человѣкъ очень умный,—онъ былъ гораздо умнѣе многихъ другихъ своихъ „братьевъ“, бывшихъ членами зачумленнаго кружка. Съ умомъ въ немъ соединялась и значительная сила воли, вслѣдствіе чего онъ съ успѣхомъ могъ впоследствии управлять всѣмъ зачумленнымъ стадомъ и держать его говоря вообще, въ полномъ себѣ повиновеніи. Про него рассказываютъ, что однажды, когда его „братья“ не хотѣли принять его мнѣнія,

²¹⁶⁾ Mill. 1, 61; Köhler 59, 60.

²¹⁷⁾ Köhl. 60.

онъ взявъ свою шляпу и сказалъ, что уйдетъ и не придетъ до тѣхъ поръ, пока они не согласятся на его предложенія ²¹⁸⁾. Кардэль былъ человѣкъ въполнѣ практической. Но называя его такимъ, мы разумѣемъ подъ словомъ „практической“ то, что соединяется съ нимъ въ его житейскомъ употребленіи. Кардэль былъ человѣкомъ практическимъ въ худомъ, обыкновенномъ значеніи этого слова, и повидному, не брезговалъ никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей не былъ чуждъ плутовства, мошенничества и іезуитства. Его безсовѣстность выразилась особенно въ томъ обстоятельстве, что не будучи способенъ, по характеру своей натуры, ни къ какимъ пророчествованіямъ, онъ все-таки сдѣлался послѣ пророкомъ ²¹⁹⁾, безъ сомнѣнія желая этимъ угодить Друммонду, а въ послѣдствіи, владея неограниченно въ кружкѣ, онъ пересталъ говорить обыкновеннымъ человѣческимъ языкомъ, хотя несомнѣнно и былъ къ тому способенъ, и выражался подобно Пивѣи, сидящей на своемъ треножникѣ. Это послѣднее происходило вѣроятно отъ того, что мистеръ Кардэль, хотя и властвовалъ въ кружкѣ, однако хорошо понималъ, что говорить какимъ-нибудь инымъ языкомъ, кромѣ нечеловѣческаго, было бы слишкомъ опасно вблизи сумасброднаго мистера Друммонда!

Очутившись въ роли скромнаго изслѣдователя шотландскихъ чудесъ, будущій верховный ирвингійскій апостолъ повидному хорошо взвѣсилъ, какія выгоды можно было извлечь изъ этого обстоятельства: еслибы, послѣ изслѣдованія, чудесныя дарованія въ Шотландіи оказались въполнѣ истинными, то мистеръ Друммондъ безъ сомнѣнія еще больше раскрылъ свой туго набитый кошелекъ для поддержанія всего этого дѣла, при чемъ конечно будущій верховный апостолъ не потерпѣлъ бы отъ этого никакого убытка. Подобный расчетъ могъ оправдываться и тѣмъ обстоятельствомъ, что пророковъ уже звали лично въ Лондонъ, говоря, что тамъ богатые и вліятельные члены конгрегаціи мистера Ирвинга позаботятся объ ихъ хорошемъ и приличномъ содержаніи. Но пророки! теперь почему-то на перемѣщеніе въ

²¹⁸⁾ Mill. I, 111.

²¹⁹⁾ Norton, p. 65.

Лондонъ не соглашались и предпочли остаться на своихъ мѣстахъ ²²⁰).

Итакъ, Кардэль, въ августѣ 1830 г., отправленъ былъ въ Шотландію въ качествѣ изслѣдователя. Нельзя не удивляться, какъ предусмотрителенъ былъ мистеръ Друммондъ! Онъ отправилъ въ Шотландію человѣка, который былъ адвокатомъ и слѣдовательно могъ хорошо изслѣдовать все дѣло съ юридической точки зрѣнія. Предусмотрительность Друммонда не ограничивалась этимъ. Въмѣстѣ съ Кардэлемъ былъ отправленъ еще медикъ, докторъ Томпсонъ, — этотъ могъ изслѣдовать все дѣло хорошо и съ физиологической точки зрѣнія. Мотивы, вслѣдствіе которыхъ былъ посланъ еще нѣкій Гендерсонъ и три лэди, совершенно неизвѣстны ²²¹).

Коммиссія провела въ Шотландіи около мѣсяца. По возвращеніи въ Англію ея члены донесли что въ Шотландіи дѣйствительно появились *языки*. Кардэль говорилъ, что произносимыя пророчицами и пророками пророчества были „согласны одни съ другими и благозвучны“; „персоны, во время говоренія на неизвѣстныхъ языкахъ, а равно и во время говоренія отъ духа на своемъ собственномъ языкѣ, находились очевидно подъ сверхъестественнымъ вліяніемъ“; кромѣ того, и заявленія самихъ пророковъ, которые представлялись честными, благочестивыми и трезвыми людьми, могли также служить доказательствомъ истинности пророчествъ. Пророки говорили, что ихъ органами рѣчи овладѣваетъ святой Духъ, и что они изрекаютъ именно то, что имъ передано, а не выражаютъ какихъ-либо своихъ собственныхъ мыслей и намѣреній. Все это дѣло было такъ несомнѣнно и убѣдительно, что четверо изъ членовъ коммиссіи и сами получили даръ пророчества, будучи въ Шотландіи ²²²).

Въ октябрѣ 1830 г. въ Лондонѣ былъ созванъ митингъ для обсужденія результатовъ изслѣдованія, большинство членовъ котораго убѣдилось въ истинности всего дѣла ²²³). Поэтому было открыто много молитвенныхъ собраній для испрошенія Св. Духа въ домахъ частныхъ лицъ.

²²⁰) Mill. I, 52.

²²¹) См. Mill. I, 61.

²²²) Ibid. 61, 62.

²²³) Ibid. 65.

Въ томъ же октябрѣ случилось и необыкновенное происшествіе, взволновавшее весь Лондонъ. У одного клирика въ Лондонѣ была дочь, Елизавета Фанкортъ, которая, по словамъ однихъ, восемнадцать мѣсяцевъ, по словамъ другихъ восемь лѣтъ²²⁴⁾ была катъкой. Одинъ „семейный другъ“ однажды нѣсколько замедлилъ въ ея комнатѣ, когда всѣ другіе отправились кушать, и въ это время сказалъ ей: „во имя Іисуса Христа встань и ходи“. Елизавета внезапно встала и сошла внизъ по лѣстницѣ, чтобы принять участіе въ трапезѣ. Она сдѣлалась совершенно здоровою и ея выздоровленіе было началомъ цѣлаго ряда изцѣленій въ Англіи которыхъ насчитываютъ до сорока шести²²⁵⁾.

Это обстоятельство вѣроятно еще] болѣе усилило молитвы о духовныхъ дарованіяхъ, которыя наконецъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ и въ Англіи. Первое пророческое говореніе было здѣсь на одномъ помственномъ митингѣ въ домѣ Кардэля, спустя шесть мѣсяцевъ послѣ начала такихъ митинговъ въ его домѣ, именно 30 апрѣля 1831 года²²⁶⁾. Докторъ Нортонъ говоритъ, что духъ сошелъ на „жену одного вѣрнаго джентельмена, которая была несклонна къ энтузіазму“; при этомъ онъ имѣетъ безстыдство утверждать, что она не имѣла никакихъ связей съ братьями въ Портъ-Глесго²²⁷⁾. Но эта мистриссъ была никто иная, какъ жена самаго же Кардэля²²⁸⁾. Она сначала говорила на неизвѣстномъ языкѣ, потомъ три изреченія произнесла по англійски: „Господь возглаголетъ своему народу; Господь не медлитъ своимъ пришествіемъ; Господь грядетъ“. Вскорѣ мистриссъ Кардэль изрекала еще дважды, а гувернанка упомянутого выше члена пророческихъ митинговъ въ Альбюри, Спенсера Персивала, нѣкая миссъ Голль (Hall) „пѣла отъ духа“. Мистриссъ Кардэль послѣ рассказывала, что сначала она хотѣла противиться силѣ, которая снизошла на нее предъ пророчествомъ, но не могла, потому что она чувствовала невыразимую близость Бога. Однажды вечеромъ къ-мъ-то было выражено сожалѣніе о томъ, что даръ

²²⁴⁾ Norton 43, 44; срви. Mill. 62.

²²⁵⁾ Norton, *ibid.*; см. также p. 91.

²²⁶⁾ Mill. I, 66; срви. Norton, p. 42.

²²⁷⁾ *Ibid.*

²²⁸⁾ Срви. Mill. I, 66; Köhl. 61.

языковъ получили главнымъ образомъ женщины. На это вѣроят-
но, какая-нибудь пророчица, отвѣтила подъ вліяніемъ „силы“:
„такъ и должно быть, потому что Богъ избралъ немудрое міра,
чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ,
чтобы посрамить сильное; и незнатное міра и уничиженное и
ничего незначущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее;
для того, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ“...
(1 Кор. 1, 27—29)²²⁹⁾.

Незадолго до генеральнаго собранія 1831 года²³⁰⁾, которое
обыкновенно бываетъ въ маѣ мѣсяцѣ, въ новой церкви Ирвинга,
бывшей въ Риджентъ Скверъ устроены были также молитвенные
митинги по слѣдующему поводу. Его друзья, Кэмпбелль и Скоттъ,
вмѣстѣ съ нѣкимъ пасторомъ Маклиномъ, были привлечены
шотландскимъ генеральнымъ собраніемъ къ суду за свои ереси.
Такъ какъ въ послѣднихъ повиненъ былъ и Ирвингъ, то онъ
и созывалъ вѣрующихъ молиться о томъ, чтобы Господь даро-
валъ мудрость генеральному собранію въ его разсужденіяхъ²³¹⁾.
На митинги, устроенные Ирвингомъ, собирався разный сбродъ,
состоящій изъ клириковъ и мірянъ разныхъ вѣроисповѣданій,
которые молились о подаваніи мудрости генеральному собранію,
иногда вовсе и не зная о томъ, что такое генеральное собра-
ніе²³²⁾. Не смотря на молитвы, друзья Ирвинга были осуждены;
однако молитвенные митинги въ его церкви не прекратились,—
только цѣлью ихъ сдѣлалось теперь испрошеніе духовныхъ да-
рованій²³³⁾. Молились горячо и усердно, при чемъ кромѣ людей,
извѣстныхъ Ирвингу, никто изъ постороннихъ на эти митинги
не былъ допускаемъ. Ирвингъ „волновалъ народъ“, побуждая
его молиться²³⁴⁾. Молились въ надеждѣ, что Богъ не подаетъ вѣ-
рующимъ камня, когда они просятъ у него хлѣба²³⁵⁾,—и молитвы
были услышаны.

²²⁹⁾ Norton. The Restor. of Ap. and Prophets, p. 42, 43.

²³⁰⁾ Mrs. Oliph., The Life of E. J. II, 187.

²³¹⁾ Ibid. 173.

²³²⁾ Ibid. 142, 143, 173.

²³³⁾ Ibid. 183, 184, 187—189.

²³⁴⁾ Köhler 61, 62.

²³⁵⁾ Mrs. Oliph. ib. 187.

Нѣкто мистеръ Таплинъ (Tarlin), сынъ одного клирика, считался знаткомъ еврейскаго, греческаго и латинскаго языковъ и былъ начитанъ въ Священномъ Писаніи. Онъ былъ честенъ и искренно вѣровалъ. Воображеніе его было сильно; онъ былъ при этомъ смиренъ сердцемъ, прямъ и настойчивъ. Денегъ онъ говорить не искалъ, хотя и былъ бѣденъ ²³⁶). Словомъ это былъ настоящій пророкъ. Онъ и сталъ первый пророчествовать на митингахъ въ церкви Ирвинга. Однажды утромъ, когда начали читать 43 главу книги пророка Исаія, какъ громъ, раздались въ обширномъ зданіи изъ устъ Таплина пророчества на неизвѣстномъ языкѣ. Затѣмъ онъ произнесъ по англійски: „Иегова, услыши насъ“! Ирвингъ воздалъ хвалу Богу. На другой день стали читать 28 главу пророка Іезекіиля. Опять мистеръ Таплинъ возгласилъ: „Ты, Британія! Ты, помазанный херувимъ“! На третій день опять пророчество: „Господь пришелъ; Онъ посреди васъ. Его око видѣло, Его сердце сжалилось надъ бѣдствіями Своего народа и Онъ освободитъ его. Онъ не умедитъ“ ²³⁷).

Ирвингъ могъ лично наблюдать теперь пророковъ и вполне убѣдился, что ихъ пророчествованія суть „дѣло Божіе“, что чрезъ нихъ говорилъ Самъ Духъ святой. Но если такъ, то зачѣмъ же ограничивать пророковъ, зачѣмъ не позволять имъ пророчествовать публично въ церкви, во время богослуженія? Не значило ли это противиться голосу Св. Духа, запрещать Ему говорить въ своей церкви?! Такъ думалъ Ирвингъ, а пророки были съ нимъ согласны. Они требовали отъ него, чтобы онъ дозволилъ имъ пророчествовать не въ одномъ только тѣсномъ кружкѣ вѣрующихъ, секретно отъ посторонней публики, а открыто въ церкви, и такъ какъ онъ на это не соглашался, то они порицали его, негодуя за сопротивленіе Св. Духу. Ирвингъ и самъ чувствовалъ, что въ то время, когда всѣ другіе пасторы прерывали съ пророками всякое общеніе (такъ сдѣлали и нѣкоторые члены митинговъ въ Альбюри, видя, что дѣло зашло уже слишкомъ далеко) и отлучали ихъ отъ церкви, онъ остался единственнымъ человѣкомъ, который могъ принять пророковъ подъ свое покровительство, а слѣдовательно косвенно такъ-сказать

²³⁶) Miller, I, 68.

²³⁷) Norton, 46, 47.

покровительствовать и Самому Духу Святому!! Все это можетъ-быть льстило самолюбію великаго проповѣдника, но онъ, какъ видно, все-таки не потерялъ еще на столько здравый смыслъ, чтобы не разсудить, что публика, и безъ того уже имъ скандализованная, будетъ скандализована еще больше, если дозволить сумасбродному и бѣшеному Таплину извергать громовыя пророческія звуки при общественномъ богослуженіи.

Дѣло впрочемъ скорѣ разрѣшилось само собою. Тотъ общественный скандалъ, который произошелъ въ церкви Ирвинга, лучше всего изобразить словами очевидцевъ. Вотъ что говоритъ Пилкингтонъ, самъ бывшій пророкомъ и послѣ оставившій свои пророчествованія, о первомъ пророческомъ говореніи въ церкви Ирвинга при общественномъ богослуженіи:

„Я пришелъ, говорить Пилкингтонъ, въ церковь и получилъ по обыкновенію большое назиданіе и утѣшеніе отъ проповѣдей и молитвъ м-ра Ирвинга; но вдругъ мои размышленія были прерваны хорошо извѣстнымъ голосомъ одной изъ сестеръ, которая, будучи не въ состояніи сдержатъ себя, не смотря на установленный порядокъ, бросилась въ ризницу (vestry) и начала пророчествовать; въ это время другая, какъ мнѣ казалось, отъ той же причины побѣжала по боковой сторонѣ храма вонъ изъ церкви, чрезъ главный выходъ. Сильныя, истерическія, непонятныя звуки послышались среди всей конгрегаціи и произвели крайнее смятеніе. Когда каждый изъ присутствующихъ въ церкви, которыхъ было отъ 1500 до 2000, поднялся съ своего мѣста и хотѣлъ слышать, видѣть и понять то, что происходило, то все это произвело шумъ, который легко вообразить. М-ръ Ирвингъ просилъ о вниманіи и когда порядокъ былъ возстановленъ, объяснилъ то, что случилось. Это по его словамъ не было новостью, а было только ново для конгрегаціи; онъ нѣсколько времени думалъ о томъ, удобно ли въ ней это нововведеніе. Хотя дѣло и казалось ему истиннымъ, онъ однако боялся разсвѣять народъ. Теперь же, когда все это случилось по волѣ Божіей, онъ считаетъ своею обязанностью ей повиноваться. Затѣмъ онъ сказалъ, что намѣренъ перемѣнить предметъ своей рѣчи, которую онъ хотѣлъ произнести въ тотъ день, и изложить XIV главу посланія къ Коринѣянамъ, чтобы объяснить то, что случилось. Сестра вернулась въ это время изъ ризницы на свое

мѣсто и м-ръ Ирвингъ, смотря на нее съ каеэды, сказали мягкимъ тономъ: „успокойся, сестра! успокойся!“ Затѣмъ онъ началъ свою рѣчь³³⁸⁾.

Когда случилось это „событіе“, неизвѣстно въ точности; мистрисъ Олифантъ полагаетъ, что это было „рано въ ноябрѣ“ 1831 года³³⁹⁾; но всѣ другіе писатели согласны въ томъ, что первое публичное пророческое говореніе въ церкви Риджентъ-Скверъ было 16 октября³⁴⁰⁾. Сестра, которая пророчествовала, была упомянутая выше миссъ Голль³⁴¹⁾.

„Вечеромъ (того же дня),—говорить другой свидѣтель— очевидецъ, мистрисъ Гамильтонъ,—въ церковь собралась огромная толпа. Галереи были страшно полны. Съ самаго начала богослуженія въ церкви была неприличная мѣсту суматоха; около дверей голоса людей самымъ непристойнымъ образомъ мѣшались съ пѣніемъ и молитвами. М-ръ Ирвингъ почти кончалъ свою проповѣдь, когда одна лѣди начала пророчествовать. Народъ слушалъ ее спокойно нѣсколько минутъ. Но вдругъ множество ротозѣевъ на галереяхъ начали шикать, а за ними другіе стали кричать: тише! третьи и четвертые стали издавать еще какіе-то звуки и дѣлали такъ до тѣхъ поръ, пока конгрегація, за искаченіемъ людей, твердо вѣрившихъ въ Бога, не пришла въ крайнее смятеніе. Нѣкоторые изъ означенныхъ ротозѣевъ (кажется, это была шайка карманниковъ, желавшихъ произвести переполохъ), заперли двери на галереяхъ, и это къ счастью, потому что стоило только кому-нибудь броситься къ дверямъ и упасть, многіе простились бы съ жизнью, — такъ много было народа. Страшное событіе, бывшее въ Киркальди, предстало предо мной, и, я думаю, предъ глазами м-ра Ирвинга. Онъ тотчасъ всталъ и сказалъ: „помолимся!“ и началъ молиться, преимущественно произнося слѣдующія слова: „Господи, утиши народное волненіе“, и повторяя ихъ все громче и громче. Это успокоило тѣхъ, которые сидѣли на скамьяхъ; всѣ перестали двигаться и дѣйствительно Господь утишилъ народное волненіе. Мы послѣ этого на-

³³⁸⁾ Mrs. Oliph. II, 197, 8.

³³⁹⁾ Ibid.

³⁴⁰⁾ Mill. I, 68; Köhler 67; Norton, 48; Hohl. 141.

³⁴¹⁾ Mill. ibid.

того времени вошло въ моду упрекать духовенство (какъ отжившее такъ и современное), презрительно относиться ко всей его исторической дѣятельности. Опираясь на одинъ, много два, три факта, свидѣтельствующіе объ умственныхъ и нравственныхъ недостаткахъ извѣстныхъ членовъ духовенства, эти строгіе судьи обыкновенно выводятъ, что эти недостатки суть *отличительныя признаки всего духовенства* въ извѣстный періодъ времени, положимъ столѣтіе. Препираться съ этими изслѣдователями не считаемъ нужнымъ: одно то, что два, много три факта возводятся ими *въ законъ*, тогда какъ многочисленные факты другого рода безусловно игнорируются, достаточно говорить и о достоинствѣ ихъ выводовъ и о степени достовѣрности послѣднихъ... Говоря такъ мы вовсе не имѣемъ въ виду ставить спеціальною цѣлю нашего изслѣдованія — во чтобы то ни стало оправдать духовенство, представить его въ идеальномъ свѣтѣ; мы считаемъ долгомъ, во имя исторической правды, указать какъ на факты, свидѣтельствующіе о темныхъ сторонахъ въ жизни и дѣятельности духовенства, такъ и на факты другого рода. Съ другой стороны — исторія дѣятельности духовенства въ отношеніи къ расколу — есть полная исторія всего этого сословія въ послѣдніе два вѣка. Нельзя говорить о борьбѣ духовенства съ расколомъ и въ то-же время не касаться его нравственного и умственного состоянія, его быта и общественнаго положенія, а это дѣло не совсѣмъ легкое. Но это еще не главное. Какъ ни велика масса историческихъ фактовъ, для полной и вѣрной исторіи и совершенно безпристрастной оцѣнки дѣятельности духовенства въ отношеніи къ расколу — этихъ фактовъ еще недостаточно. Намъ не вполне еще извѣстны административныя распоряженія, выполненіе же ихъ часто совершенно неизвѣстно, или о немъ только можно догадываться. Документы XVII вѣка еще не всѣ изданы, а — изданіе документовъ XVIII вѣка началось только. Полная и совершенно вѣрная исторія дѣятельности духовенства въ отношеніи къ расколу, слѣдовательно, дѣло будущаго. Поэтому мы сочтемъ свою задачу выполненною, если соберемъ все относящееся къ нашему предмету и укажемъ путь, по которому должны идти изслѣдованія.

П Е Р І О Д Ъ 1.

Не мало было сдѣлано попытокъ къ объясненію происхожденія раскола въ русской церкви болѣе или менѣе вѣроятныхъ и одно-стороннихъ; но уже поверхностнѣе и одностороннѣе взгляды тѣхъ, которые причину происхожденія раскола видятъ въ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ, въ характерѣ администраціи и личномъ характерѣ патріарха Никона, хотя этотъ взглядъ имѣетъ на своей сторонѣ большинство. Взглядъ этотъ, впервые высказанный раскольниковымъ историографомъ Денисовымъ ¹⁾, раздѣляли наши первые историки Голиковъ ²⁾ и Арцыбашевъ ³⁾ и въ послѣднее время съ особенною силою защищалъ его г. Нильскій ⁴⁾. Утверждающіе такъ забываютъ, что обнаруженіе раскола послѣдовало много ранѣе даже перваго собора объ исправленіи книгъ, по поводу распоряженія патріарха Никона о поклонахъ

¹⁾ Аще всежезательнѣи слушательіе всеусердно познать восхотятъ откуда таковая всепреужасная и лютая постигша въ Россіи и кака вина всепрезлѣйшихъ схизматическихъ смущеній (т.-е. раскола) и кто сихъ многоплачевныхъ церковныхъ трясеній новосодѣтель? Не отъ инуду врагъ и непріятель пришедый, не варвары, ниже скихъ толь прелютыми скорбми не исцѣльно уязвивый російскія чада, но свой, своея росіи воспитанный, благодарный, много досодительный членъ (Никонъ, глаголю,—патріархъ)... той кротцѣ рещи всю ризу церковную пребезстудне растерза. Виноградъ Россійскій Денисова. Рукопись Моск. Дух. Академіи л. 22—29.

²⁾ Ревностная поспѣшность Никона въ семь (изданіи и разсылкѣ книгъ) произвела раскольниковъ. Таковое первопрестольника церкви Россійскія попеченіе, по истинѣ, колико было похвально, толико нужно; но ревностная поспѣшность, съ каковою онъ за сіе принялся, ежели смѣю связать, не соображено было съ умоначтаніемъ тогдашняго не просвѣщеннаго народа готоваго за малость, ничего незначащую, отторгнуться отъ сообщенія церкви и отъ своихъ единовѣрныхъ соотечественниковъ; и посему подлежало издали такой народъ къ сему пріуготовлять вразумленіемъ о нуждѣ исправленія таковаго. Первая книга — служебникъ, съ поправленіемъ намечатанная, привела народъ къ отпаденію отъ церкви. «Дѣянія Петра Великаго» Голикова т. XIII, стр. 40.

³⁾ Старопечатныя книги, привезенныя Арсеніемъ Сухановымъ, «разсмотрѣны были на соборѣ въ Москвѣ и найдены совершенно сходными съ древними славянскими; вслѣдствіе чего и опредѣлено соборомъ исправить по нимъ новопечатныя московскія. Отъ этого произошло раскола, продолжающіеся донныя». Повѣствованіе о Россіи, Арцыб. т. III, стр. 423.

⁴⁾ Христіанское Чтеніе 1861 г. т. I, отд. 2-й, стр. 89 и далѣе. «Нѣсколько словъ о происхожденіи раскола».

и о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія ⁵⁾ и что нѣкоторые расколоучители, насадившіе расколъ, были высланы изъ Москвы еще до собора объ исправленіи книгъ; забываютъ, что русскій расколъ имѣлъ совершенно самостоятельное развитіе въ лицѣ монаха Капитона Колесникова, по имени котораго современниками названы были всѣ раскольники и съ которыми соединились расколоучители, высланные изъ Москвы ⁶⁾. На совершенно самостоятельное развитіе раскола, независимо отъ исправленія и изданія книгъ патріархомъ Никономъ, указываетъ окружная грамота Ростовскаго митрополита Іоны, въ которой онъ еще въ 1652 году предостерегалъ свою паству отъ раскольниковъ ⁷⁾, слѣдовательно еще до вступленія на патріаршій престолъ патріарха Никона. Нѣтъ, исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, суровая личность патріарха Никона, и начало централизаціи власти не суть причины происхожденія раскола: это только внѣшній поводъ, толчокъ къ обнаруженію раскола; причина же происхожденія раскола лежитъ глубже. По нашему мнѣнію, главная и единственная причина происхожденія

⁵⁾ Никонъ посвященъ въ санъ патріарха 25-го іюля 1652 г., «въ великій постъ прислать память къ Казанской къ Героному Іоанну, что не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны, еще и тремя бы персты креститися». Автобіогр. Аввакума протоп. стр. 21. Изданіе Кожанчыкова. Аввакумъ не обозначаетъ года и числа, когда было прислано это предписаніе патріарха Никона; но изъ связи рѣчи видно, что это было въ первый годъ патріаршества Никона. Это побудило Аввакума съ нѣкоторыми другими «написать изъ книгъ выписки о сложеніи перстовъ и о поклонѣхъ» и подать государю, послѣ чего они были высланы изъ Москвы. Автобіогр. Аввакума, стр. 22 и слѣдующія.

⁶⁾ Посланія Ігнатія митроп. тобольскаго, стр. 97—100.

⁷⁾ Акты историческіе т. IV, стр. 174. Г. Щановъ въ своемъ сочиненіи «Русскій расколъ старообрядства» указываетъ не одну, а нѣсколько причинъ, содѣйствовавшихъ происхожденію раскола; но главною и единственною все-таки остается одна—именно упадокъ просвѣщенія въ половинѣ XVII вѣка. Мертво-обрядовое направленіе религіозной жизни русскаго народа, дѣйствительно имѣвшее важное значеніе для развитія раскола, есть прямое слѣдствіе упадка просвѣщенія: только умственно неразвитый способенъ остановиться на формѣ, обрядѣ и принять ихъ за сущность, содержаніе религіи. Другія же причины — разнузданность духовенства, строгое управленіе патріарха Никона, условія государственной жизни и проч. объясняютъ намъ только, — почему именно расколъ принялъ такое, а не иное направленіе.

раскола въ русской церкви—это упадокъ просвѣщенія. Со времени Монгольскаго ига невысокій уровень умственнаго развитія и духовнаго просвѣщенія въ Россіи упадалъ все ниже и ниже. Вся забота мыслящихъ людей того времени обращена была главнымъ образомъ на сохраненіе политическаго тѣла отъ конечнаго разрушенія; объ умственномъ и духовномъ образованіи заботились настолько, чтобы *церкви Божіи не остались безъ тннѣя*. Но что во время Монгольскаго ига было дѣломъ необходимости, слѣдствіемъ недосуга и множества другихъ серьезныхъ дѣлъ, то въ послѣдствіи обратилось такъ-сказать въ пагубную привычку. На умственное развитіе и духовное просвѣщеніе въ Россіи постепенно установился взглядъ сначала какъ на-что-то не особенно важное и необходимое, а потомъ какъ на-что-то излишнее и даже не совсѣмъ безвредное. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка съ трудомъ уже можно было найти грамотнаго человѣка, котораго бы можно рукоположить въ санъ священника или діакона. „Приводягъ ко мнѣ, говоритъ Геннадій архіепископъ Новгородскій, мужика; я приказываю ему читать апостола, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ. Я отказываю ему и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можемъ добыть кто-бы умѣлъ грамотъ ^а). Вотъ и обругалъ всю землю, будто нѣтъ человѣка на землѣ, кого бы ставить во священство. Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктению, а онъ и къ слову пристать не можетъ: ты ему говоришь то, а онъ другое. Приказываю учить азбуку и они поучившись немного азбуки, просятъ прочь, и не хотятъ учить ее. А у меня духа не достааетъ ставить такихъ неучей во священники. Мужики невѣжи учатъ ребятъ грамотъ и портятъ... А отойдетъ отъ мастера (учителя), и ничего не умѣетъ, едва-едва бредетъ по книгѣ; и церковнаго порядка вовсе не знаетъ“. Напрасно возставали противъ такого упадка просвѣщенія люди благомыслящіе, искренно заботившіеся о благѣ своего отечества: голосъ ихъ оставался голосомъ вопіющаго въ пустынь. Св. Геннадій (1485—1505) умолялъ сперва великаго князя, а потомъ митро-

^а) Акты Историч. I, № 104. Описаніе рукоп. Румянцевск. Музея. Восток. № XXXIX.

полита обратить вниманіе на жалкое состояніе просвѣщенія и завести училища подъ надзоромъ и контролемъ правительства; но просьба его не была исполнена. На Стоглавомъ соборѣ вновь поднятъ былъ вопросъ объ упадкѣ грамотности: присутствующіе на соборѣ просили государя завести училища, потому что ставится въ попы приходять мало умѣющіе грамотѣ, а когда архіереи у нихъ спрашиваютъ, отчего они мало умѣютъ грамотѣ, то они отвѣтъ чинятъ: мы-де учимся у своихъ отцевъ или мастеровъ, а инде-намъ учиться негдѣ; сколько отцы наши и мастера умѣютъ, потомъ и насъ учать⁹⁾. Положено было заводить училища, но соборное опредѣленіе осталось безъ исполненія: училища не было заведено ни одного. Положеніе дѣлъ постепенно измѣнялось къ худшему. Невѣжды открыто стали доказывать вредъ науки и чтенія книгъ. Не много спустя послѣ стоглаваго собора Курбскій, обличая это жалкое убѣжденіе, писалъ: „а Бога ради не потакаемъ безумнымъ, паче же лукавымъ, мнящимся быти учителями, яко самъ азъ отъ нихъ слышалъ, паче же прелестникомъ:... глаголютъ бо они, прельщаючи юношъ къ наукѣмъ хотящихъ навикати писанія, глаголюще: не читайте книгъ многихъ! и указаютъ на тѣхъ, кто ума изступилъ, и онсица въ книгахъ зашелся, а онсица въ ересь впалъ. О бѣда! отъ чего бѣсы бѣгаютъ и исчезаютъ, и чѣмъ еретицы обличаются, а нѣкоторые исправляются, сіе они оружіе отъемлютъ, и сіе врачество смертоноснымъ ядомъ нарицаютъ“¹⁰⁾.

Тотъ же вѣроятно Курбскій въ предисловіи къ переводу твореній св. Іоанна Дамаскина замѣчаетъ, что сами учителя русскіе съ большею охотою занимаются болгарскими и бабьими баснями, нежели дѣлами приличными ихъ званію, прямыми своими обязанностями. „У насъ десятой части книгъ учителей нашихъ старыхъ не переведено лѣности ради и нерадѣнія нашихъ властей; ибо нынѣшняго вѣка мнящіеся учителя (грѣхъ нашихъ ради) больше и въ болгарскія басни, або паче въ бабскія бредни упражняются, прочитаютъ и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителей рамѣхъ наслаждаются“¹¹⁾. При такомъ взглядѣ

⁹⁾ Стоглавъ, главы 25 26.

¹⁰⁾ Описаніе рукописи Румянцев. Музея, стр. 557.

¹¹⁾ Тамъ же № СХСІІІ, стр. 242.

массы на умственное развитіе, что читающій книги непременно долженъ или *ума изступитися*, или *въ книгахъ зайтися* или *въ ересь впасть* понятно само собою, что попытка Бориса Годунова образовать въ Россіи училище и университетъ должна была остаться одною попыткою. Духовенство и народъ на предложеніе Годунова отвѣчали, что отъ этого погибнетъ чистота вѣры, возникнутъ ереси. Русскій народъ самъ обрекалъ себя на умственную неподвижность и застой въ болѣе благопріятныя минуты политической жизни для духовнаго образованія. Съ тою же самою цѣлію русскій народъ старался оградить себя отъ всякаго внѣшняго сношенія съ остальнымъ міромъ и заключиться въ своей исключительной особености.

Въ слѣдовавшій за тѣмъ періодъ—въ нашей исторіи—смуть и междуцарствія некогда было думать о просвѣщеніи, приходилось опять спасать политическое тѣло отъ грозившей ему опасности—подпасть иноплемennому игу, опять залѣчивать раны. Уровень просвѣщенія сдѣлался еще ниже и постепенно долженъ былъ падать. Въ прежнее время недостатокъ духовнаго просвѣщенія восполнялся съ одной стороны церковнымъ богослуженіемъ, съ другой—устною проповѣдію. Но въ разсматриваемый нами періодъ времени и этотъ небогатый источникъ духовнаго просвѣщенія изсякъ окончательно: устная проповѣдь замолкла еще въ XIII вѣкѣ, или въ началѣ XIV; въ церкви для скорѣйшаго отправленія извѣстной церковной службы, пѣли и читали вдругъ въ два, три и болѣе голосовъ, такъ что ничего не возможно было разобрать и понять ¹²⁾). Лучшіе люди того времени понимали опасность и то зло, которое легко могло произойти отъ такого положенія дѣлъ, они жаловались на гибель училищъ, на крайній упадокъ просвѣщенія, на недостатокъ свѣдущихъ людей, но на всѣ эти вопли никто не обращалъ вниманія. Передъ временемъ восшествія на патриаршій престолъ п. Никона эти жалобы дѣлаются какимъ-то болѣзненнымъ стономъ близкимъ къ отчаянію. Въ предисловіи къ Кормчей, отпечатанной еще при жизни патриарха Іосифа, читаемъ: „погибе наказаніе, погибоша училища, погибоша исправляющіе божественныя писа-

¹²⁾ Исторія Россіи Соловьева т. XI, стр. 283.

ніа, погибоша поучающіеся въ божественныхъ догматѣхъ. Виждь убо, аще не плача достойна суть сіа окаянная времена наша, въ ня же, увы, достигохомъ“!... ¹³⁾).

При отсутствіи училищъ, гдѣ бы могло сообщаться правильное систематическое образованіе, просвѣщеніе большинства русскихъ людей XVII вѣка ограничивалось *одною грамотностію*. Грамотность одна, конечно, не могла принести большой пользы, еслибы она даже и очень была распространена; но и самая грамотность была далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Соловецкіе старцы отказываются принять новоисправленныя книги прежде всего потому, что они по новымъ книгамъ не сумѣютъ служить. Когда архимандритъ Соловецкой обители Ілія объявилъ на черномъ соборѣ соловецкимъ старцамъ о присылкѣ новоисправленныхъ книгъ, то священники и діаконы посмотрѣли книги и сказали: „будемъ служить по старымъ служебникамъ, по которымъ мы сперва учились и привыкли. Мы старики и по старымъ служебникамъ очередей своихъ недѣльныхъ держать не сможемъ, а по новымъ по старости лѣтъ учиться не можемъ, да и некогда, что учено было и того мало видимъ, а по новымъ книгамъ намъ чернцамъ коснымъ не переимчимымъ и грамотѣ не навичнымъ сколько не учиться, а не навичнуть. Лучше съ монастырскою братіею въ трудахъ быть“ ¹⁴⁾. Въ словахъ старцевъ много грустной правды. Они не просматривали новыхъ книгъ, не знали, какъ велики измѣненія въ новыхъ книгахъ сравнительно съ старыми; они отказываются просто потому, что они грамотѣ *не навичны*. И неудивительно, въ это время „погибе наказаніе, погибоша училища дѣтей, погибоша исправляющая божественная писанья, погибоша поучающіеся въ божественныхъ догматѣхъ“... ¹⁵⁾), слѣдовательно въ словахъ соловецкихъ монаховъ должно видѣть не злоумышленный какой-либо отказъ, а дѣйствительную неспособность отправлять богослуженіе по ново-исправленнымъ книгамъ. Этотъ отзывъ соловецкихъ монаховъ говорить, что грамотность въ то время находилась въ самомъ жалкомъ видѣ: выучившійся *по одной книгѣ не способенъ былъ читать по другой*; чтобы чи-

¹³⁾ Историческое извѣстіе о раскольникахъ, Андрея Іоаннова ч. I, стр. 60.

¹⁴⁾ Исторія Россіи Соловьева т. XI, стр. 287.

¹⁵⁾ Историческое извѣстіе о раскольникахъ I, стр. 60.

тать по новой книгѣ нужно было вновь учиться. Правда были и навичные грамотѣ; но по своему умственному развитію они стояли нисколько не выше не навичныхъ: читали безъ смысла и не понимали того, что читали. Старець Арсеній, бывшій справщикомъ при патріархѣ Филаретѣ, говоритъ: „злословіящіе насъ тоцію черниламъ вѣрятъ и письменамъ, и тѣхъ въ конецъ добрѣ не свѣдятъ; не знаютъ ни православія ни кривославія, божественная же писанія тоцію по чернилу проходятъ“¹⁶⁾. Головщикъ Логгинъ читаль и пѣль безъ смысла; онъ на примѣръ пѣль: *Аврааму и стѣмні его*¹⁷⁾, показывая тѣмъ, что онъ ничего не понималъ изъ читаннаго. То же самое замѣчаетъ писатель и хронографъ XVII в.: умѣющіе читать, говоритъ онъ, воображаютъ себя мудрыми, а между тѣмъ когда стануть читать псалмы Давида или священное писаніе не вѣдятъ убо, что глаголютъ или чтуть¹⁸⁾. Умъ русскихъ людей XVII вѣка какъ-то отупѣлъ и сдѣлался неспособнымъ понимать самыя общепонятныя и вразумительныя писанія: бесѣды Златоуста для головщика Логгина показались *негодною мужскою*, когда преподобный архимандритъ Діонисій установилъ ихъ читать въ церкви, а для другихъ—просто невразумительными и непонятными¹⁹⁾.

Самодѣятельность ума высказывалась въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, которые обличаютъ крайнее невѣжество и суевѣріе. „Какое имя тому древу на немъ же обѣсися Іуда? Коего мѣсяца сотвори Богъ Адама? Что рече Христось Іосифу, когда онъ несъ Его ко гробу? отъ чего пошло не ясти скоромнаго въ понедѣльникъ день?“ подобные бессмысленные вопросы занимали умъ русскихъ грамотниковъ XVII вѣка; а толкъ (отвѣтъ) на эти вопросы состоитъ по большей части изъ одного набора словъ, не имѣющихъ никакого смысла. Но и грамотный ишущій образованія съ трудомъ его могъ найти, потому что нужно было почерпнуть истину изъ грязнаго засореннаго источника. Какую пользу могъ извлечь для своего духовнаго развитія, для знанія даже свободно умѣющій читать всякую книгу, когда различные

¹⁶⁾ Русскій расколъ старообрядства. Щапова, стр. 140—141.

¹⁷⁾ Житіе архимандрита Діонисія, стр. 69, изд. 1824 г.

¹⁸⁾ Русскій расколъ старообрядства. Щапова, стр. 143.

¹⁹⁾ Тамъ же.

сборники—единственный родъ литературы, предназначенный для познавательнаго и образовательнаго такъ-сказать чтенія—были преисполнены рѣшеніемъ вопросовъ въ родѣ такихъ: на какомъ древѣ повѣсился Іуда? Какихъ ангеловъ долженъ призывать человекъ, находясь въ опасности—заблудиться въ пути, попасть въ руки разбойниковъ, залиться въ водѣ и проч., съ одной стороны, а съ другой—ложью, ересями? Необходимо было сильнѣйшій природный умъ и необыкновенный критическій тактъ, чтобы выдѣлать зерно истины изъ кучи суевѣрнаго и вздорнаго мусора, которымъ переполнены были тогдашніе сборники: а откуда могъ быть пріобрѣтенъ этотъ критическій тактъ? откуда было взято основаніе, мѣрку для критерія? И вотъ даже лучшіе люди того времени необходимо должны были раздѣлять суевѣрныхъ, часто еретическія мысли; потому что ложь, прикрытая именемъ *писанія Св. отца*, имѣла полное право на вѣру читателя и была гарантирована такимъ образомъ отъ всякой провѣрки: ее необходимо нужно было принимать такъ, какъ она есть, какъ непреодолимую истину... При отсутствіи книгопечатанія цензуры не было и не могло быть: каждый списывалъ или составлялъ сборникъ для своего домашняго обихода, куда могъ заносить все, что ему угодно по усмотрѣнію. Но цензуры не установилось и послѣ, когда уже было введено книгопечатаніе, сколько это можно заключить изъ опредѣленій собора 1681 г.²⁰⁾ Всякая самая безтолковая богословская дичь имѣла полное право сочиняться и являться въ свѣтъ, безъ опасенія быть разоблаченною и узанною. Стоило только эту бессмыслицу прикрыть именемъ *писанія Св. отца* и она дѣлалась истиною, которую должно принимать и которой должно вѣрить и которою въ крайнемъ случаѣ можно защищаться, доказывать какъ высшимъ авторитетомъ. И дѣйствительно, всякія бредни невѣжественнаго ума входили въ различныя книги и пользовались полною вѣрою читавшихъ. Что можетъ быть, повидимому, бессмысленнѣе и безтолковѣе измышленнаго откровенія Богоматери Василию объ аллилуйи?—тѣмъ не менѣе этотъ безтолковый и въ высшей степени еретическій образчикъ богословской бессмыслицы, этотъ бредъ грубаго, невѣжественнаго и необразованнаго ума не только былъ

²⁰⁾ Акты Истор

V, № 75. Смотри 14 предложеніе царя и отвѣтъ собора.

признанъ за дѣйствительное откровеніе, но даже послужилъ основаніемъ для опредѣленной соборныхъ 1651 г. ²¹⁾. Учрежденіе типографіи повидимому должно было остановить сочиненіе и распространеніе этихъ бредней съ поддѣльнымъ влеймомъ; но на самомъ дѣлѣ вышло противное ²²⁾. И этотъ критическій тактъ дѣйствительно не могъ выработаться, и его не было. Для примѣра приведемъ одинъ фактъ, который несомнѣнно доказываетъ положительное отсутствіе этого необходимаго начала. Арсеній глухой, бывшій справщикомъ книгъ при патріархѣ Филаретѣ, долженъ былъ замарать въ чинѣ освященія воды слово „и огнемъ“, которое здѣсь не имѣетъ никакого смысла и было внесено, очевидно, невѣжественными справщиками. Не говоря о томъ, что слово это здѣсь не имѣло никакого смысла, Арсеній имѣлъ полное право замарать его еще и потому, что изъ 12 славянскихъ списковъ, бывшихъ у него подъ руками, 10 не имѣли этой вставки; въ одномъ изъ двухъ послѣднихъ это слово поставлено на полѣ въ другомъ—подъ строкою, и только въ печатномъ находилось, въ строкѣ ²³⁾. Не вникая въ смыслъ словъ, чрезъ одно внѣшнее сравненіе, можно было видѣть, что это слово вычеркнутое—позднѣйшая произвольная вставка; но на это никто не обратилъ вниманія: справщики были объявлены еретиками... Этотъ фактъ очевиднымъ образомъ свидѣтельствуется какъ о крайнемъ невѣжествѣ и упадкѣ богословскаго образованія, такъ и о положительномъ отсутствіи критическаго такта и положительной неспособности сравнивать и различать.

Необходимымъ слѣдствіемъ крайняго упадка образованія было поврежденіе текста священныхъ и церковно-богослужебныхъ книгъ. По самому существу дѣла это поврежденіе текста со стороны повредившихъ было отчасти *ненамѣренное*, т.-е. когда ошибки входили въ книги отъ недосмотра переписчиковъ, — послѣдности и нерадѣнія ихъ; отчасти *намѣренное, но не злонамѣренное*, т.-е. когда переписчики или справщики на книгопечатномъ дворѣ ста-

²¹⁾ Это безсмысленное «откровеніе» помѣщено въ Словарѣ писател. дух. чина. I, стр. 180—182 и въ исторіи Русской Церкви Филарета черниг. пер. III, стр. 132, примѣчаніе 306.

²²⁾ Акты Историч. т. V, № 75. Смотр. 14-е предложеніе царя.

²³⁾ Исторія о расколахъ Игнатія, архіеп. воронеж., стр. 126—129.

рались уяснить темныя мѣста, поправить ошибки дѣйствительныхъ или мнимыхъ, и по безграмотству своему вмѣсто исправленія искажали текстъ, сами не сознавая того; отчасти *знамательное*, когда переписчики и справщики свои частныя суевѣрныя мнѣнія старались возвести на степень догмата и истины церковной—какъ это сдѣлали Юсифскіе справщики ²⁴⁾). Этимъ путемъ съ теченіемъ времени текстъ оразнообразился до возможной степени. Изъ краткаго сравненія текста, сдѣланнаго преосвященнымъ Птиримомъ въ его Прашицѣ ²⁵⁾, митрополитомъ Григоріемъ ²⁶⁾ и нѣкоторыми другими ²⁷⁾ можно видѣть, что съ трудомъ можно было найти двѣ книги, тождественныя по тексту, если онѣ только различнаго изданія. Конечно, несходство въ словахъ, когда это несходство не нарушаетъ правильности смысла, еще не особенно важное дѣло; но среди несходства виѣшняго, несходства въ словахъ въ до-никоновскихъ книгахъ было большое несходство въ самомъ смыслѣ ²⁸⁾). По мѣстамъ встрѣчались ереси, которыя подрывали самыя основы христіанской религіи ²⁹⁾, и если эти ереси не имѣли особеннаго вліянія на религіозныя понятія общества, то единственно только потому, что общество въ религіозномъ отношеніи было очень неразвито и рѣдко вникало въ смыслъ; словомъ невѣжественныя и грубыя ошибки не производили своего вліянія потому, что само общество въ это время

²⁴⁾ Такъ объясняли происхожденіе ошибокъ въ книгахъ препод. Максимъ Грекъ и потомъ Птиримъ, еписк. нижегор. Прашица духовн. л. 30—33.

²⁵⁾ Прашица дух. Птирима. Отвѣтъ на вопросъ 14-й л. 30—53.

²⁶⁾ Истинно древняя христіанская церковь митр. Григорія ч. II, стр. 338—381.

²⁷⁾ Православный Собесѣдникъ 1865 г. ч. I, стр. 3—57.

²⁸⁾ Такъ напр., въ евангеліи отъ Лики въ старо-славянскомъ изданіи сказано: яже Кесарево-Кесареву, въ Юсифовскомъ изданіи: еже есть Кесареви. Въ евангеліи отъ Иоанпа по Ююлевскому: не у бѣ Духъ Святый яко Иисусъ, не у бѣ прославленъ, по Юсифовскому: не у бѣ Духъ Святый далъ, яко Иисусъ и проч. Въ октоихѣ Филаретовскомъ: прїидите сошедшеся съ языки ихъ сляемъ, по Юсифск.: прїидите сошедше съ языки ихъ размѣсимъ. По Филаретов.: осудилъ мя еси, Спасе, по Юсифов.: осудихся Спасе. По Филаретовск.: яже отъ ада своимъ заколеніемъ избавленіе прїи и честь; по Юсифовск.: яже отъ Адама своимъ заколеніемъ избавленіе даде и цѣну и проч. Прашица духовн. л. 36—39.

²⁹⁾ Прашица Птирима л. 30 на оборотѣ и 31. Русскій расколъ старообрядства, стр. 39, 66.

было невѣжественно, не въ состояніи разобрать, отличить, да и было настолько холодно, что не хотѣло вникать.

Лучшіе люди того времени видѣли всю глубину зла и тѣ пагубныя послѣдствія, которыя могли произойти отъ искаженія книгъ. Чаше и громче стали раздаваться тоскливыя жалобы на невѣжество, на недостатокъ людей ученыхъ, которые бы исправили ошибки въ книгахъ, „погрѣшительная въ разумъ“. Въ предисловіи и послѣсловіи каждой книги, назначавшейся для общественаго употребленія, говорилось, что въ ней много ошибокъ, но что исправить ихъ они не могутъ, потому „что „забвеніе и скудость въ разумъ надъ всѣми хвалится“³⁰⁾. Такъ въ предисловіи къ апостолу, изданному въ 7157 г. (1649) говорится: „вась, о богоизбранная чета! православія отецъ и братію освященныхъ, и причеть, паче же и простыхъ и всѣхъ въ благочестіи приспѣвающихъ, писанія догматѣхъ прилежащихъ; мы грубіи ни дѣлу ни слову искусніи вси потрудившесе, припадающе праха персти, съ купнокопѣннымъ наклоненіемъ лица своя прилагаюша и да несподобимся отъ вашего преподобія, елика убо вникнувъ, обрящете въ сей книзѣ, погрѣшительная за недовѣдніе наше разумнаго прошествія, яко да и вы отъ направляющаго умные слухи въ разрушеніи сердець вашихъ милость получите отъ Бога, а забвеніе и скудость въ разумъ надъ всѣми нами хвалится: по совѣту же соборныя церкви исправите недоконченная или погрѣшенная въ разумъ“³¹⁾. Съ теченіемъ времени эти жалобы на испорченность книгъ и недостатокъ свѣдущихъ людей, которые бы могли исправить книги, дѣлаются какимъ-то болѣзненнымъ стономъ близкимъ къ отчаянію. Въ предисловіи къ Кормчей, отпечатанной еще при патріархѣ Іосифѣ и изданной уже при Никонѣ, между прочимъ такъ рисуется положеніе дѣлъ съ этой стороны: „погибе наказаніе, погибоша учѣлица дѣтей, погибоша исправляющіе Божественная Писанія, погибоша поучающіеся въ Божественныхъ догматѣхъ... Не туне убо мы, православный читателю, придохомъ на сія словеса, но самовидцы есмы предреченнымъ, не могохомъ взирати на хуленія богостудныхъ чловѣкъ и удержатися, иже возсташа на церковныя уставы

³⁰⁾ Историческое извѣстіе о расколѣ Андрея Іоаннова 1, стр. 58.

³¹⁾ Тамъ же, стр. 57-58.

наша и взаконенія; вина же сицевымъ никто же точію нерадѣніе наше. Воззри убо сице не дѣлостенъ еси? *.

Обращете ли чинъ и послѣдованіе по узаконенному святыхъ и богоносныхъ отецъ взаконенію?... Но вѣмъ не удобы обрѣсти возмозети не точію въ соборныхъ градскихъ церквахъ, но ниже въ епископіяхъ паче ниже въ монастыряхъ. Виждъ убо аще не плача достойна суть сія окаянная времена наша, въ няже увы!—достигохомъ "...³²). Итакъ, по сознанию нашихъ современниковъ, невозможно было найти ни одной право, безъ всякаго порока списанной книги ни въ градскихъ соборахъ, ни въ епископіяхъ, ни даже въ монастыряхъ, о сельскихъ церквахъ и говорить не стоитъ... Очевидно была самая настоятельная нужда въ исправленіи церковно-богослужебныхъ, нравоучительныхъ и вѣроучительныхъ книгъ, нужда глубоко сознанная самими простосердечными современниками; но этого исправленія не могли допустить.

Съ самаго начала народъ русскій искренно и глубоко полюбилъ христіанскую религію православно-восточнаго исповѣданія; онъ всею душою преданъ былъ своей религіи, сроднился съ нею и недопуская возможнымъ своего существованія внѣ *этой именно* религіозной формы. Сознавалъ ли народъ такъ ясно и отчетливо, какъ великій князь Владиміръ, принявшій эту религію, что славянскому племени свойственна одна эта только религіозная форма, что въ ней именно залогъ будущаго величія и славы русскаго народа, или инстинктивно предугадывалъ, только народъ такъ слился съ своею религіею, что религіозныя отличія сдѣлались вмѣстѣ и національными отличіями русскаго народа. Мы видѣли, до какой низкой степени пало просвѣщеніе на Руси, видѣли, что плодомъ этого упадка было крайнее поврежденіе священныхъ, нравоучительныхъ и церковно-богослужебныхъ книгъ, обрядовъ церковныхъ, чиновъ и уставовъ. Необходимо было радикальное исправленіе: это видѣли и сознавали всѣ, по крайней мѣрѣ могли видѣть. Въ предисловіи и послѣсловіи каждой книги говорилось, что много ошибокъ, что ихъ нужно исправить, что

* Обращете ли гдѣ право списанную безъ всякаго порока церквахъ святыхъ книгу?

³²) Тамъ же. стр. 60.

пусть каждый знающій исправляетъ. Какимъ же образомъ могло случиться, что какъ только дѣйствительно приступили къ исправленію книгъ, обнаружился расколъ и охватилъ почти разомъ всю Россію?—это необходимо должно было случиться. Большинство того времени видѣло необходимость исправленія, но не могло допустить его. Почему?—Просто потому, что оно не знало, будетъ ли исправленное истинно, православно, словомъ опасалось утратить чистоту вѣры. Это немного можетъ показаться страннымъ, но оно на самомъ дѣлѣ такъ было и такъ должно было быть. Большинство искренно было убѣждено въ томъ, что оно не можетъ отличить истину отъ лжи, православія отъ ереси, и боялось, чтобы подъ покровомъ исправленія не совершилось искаженія и извращенія (опасеніе не лишенное основанія и совершенно натуральное). Какъ же поступить въ такомъ дѣлѣ? Очевидно, необходимо было рѣшить этотъ вопросъ такимъ образомъ: „пусть лучше существуетъ старое, хотя оно имѣетъ недостатки, чѣмъ принять новое для насъ совершенно неизвѣстное, новое, которое можетъ быть истинно православное, но можетъ быть и переполненное всякаго рода ересями“. При своей искренней, горячей любви къ вѣрѣ православной, съ одной стороны, и при крайнемъ невѣжествѣ съ другой—этотъ вопросъ иначе никакъ не могъ рѣшаться; значить все должно существовать въ томъ видѣ, какъ оно есть. Отсюда—освященіе всего существующаго, неприкосновенность каждой буквы, особенное уваженіе къ старинѣ истинной или мнимой. Невѣжество, неспособность отличить истинное отъ ложнаго съ одной стороны и опасеніе утратить чистоту вѣры, истинное православіе—съ другой, указали особенное основаніе, по которому исправленіе книгъ оказывалось совершенно излишнимъ, положительно ненужнымъ и даже преступнымъ.—„Святые отцы благоугодили Богу по этимъ книгамъ“; слѣдовательно въ этихъ книгахъ нѣтъ ничего невѣрнаго, неправославнаго или еретическаго; слѣдовательно опять эти книги святы и нужно заботиться только о томъ, чтобъ *эти книги* не повреждались,—предохранить *эти книги* отъ порчи. И вотъ у русскихъ XVI и XVII вѣка едва ли не каждая книга сдѣлалась *боговдохновенною*; общая мнѣя книга *боговдохновенная*, потому что въ ней излагаются Божественные догматы, спрѣчь службы

общія, пѣваемыя на праздники на Господскіе и проч. ³³⁾, служебникъ—книга *боговдохновенная* ³⁴⁾ и потребникъ—книга *боговдохновенная* ³⁵⁾, книга *боговдохновенная* и *Шестодневъ*, реще вкратцѣ—избранная отъ книги Октоихъ ³⁶⁾; боговдохновенная книга Октоихъ ³⁷⁾—часословецъ и т. под. ³⁸⁾. Боговдохновенною книгою, содержащею въ себѣ Божественныя догматы была и всякая другая книга, толкующая о предметахъ церковныхъ, или заключающая въ себѣ нѣкоторую долю церковныхъ пѣсенъ, разсужденій о предметахъ вѣры или съ точки зрѣнія церковной. А такъ какъ въ церковно-богослужебныя книги, вѣроучительныя и нравоучительныя сборники, часто вносились произвольныя мнѣнія и разсужденія, заблужденія и болгарскія басни ³⁹⁾, то и это по необходимости было возведено на степень *Божественнаго догмата*, не подлежащаго измѣненію, на который можно сослаться въ подтвержденіе своихъ мнѣній. И эта боговдохновенность простирается не на смыслъ и духъ книги, не на общее только содержаніе, но на каждое слово, на каждую букву, которая ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть измѣнена. Почти всѣ эти невѣжды вѣрили, „что не точію въ вѣрѣ, но ни въ малѣйшей чертицѣ каноновъ и пѣсней, что ни у какого слова, ни у какой рѣчи не убавить, не прибавить ни единого слова не должно, и что православнымъ должно умирать за единую букву азъ“ ⁴⁰⁾; такъ въ одномъ изъ своихъ писемъ учить и Аввакумъ. Это уваженіе

³³⁾ Дополненіе къ описанію старообрядческихъ книгъ Толстаго и Царскаго, Строева № 20, стр. 39—40.

³⁴⁾ Тамъ же, стр. 51, № 26.

³⁵⁾ Тамъ же № 27, стр. 52, № 30, стр. 57.

³⁶⁾ Тамъ же №№ 33 и 31, стр. 58—59, 61.

³⁷⁾ Тамъ же № 37, стр. 68.

³⁸⁾ Тамъ же №№ 40, 42, 46, 49, 52, 53, 55, 61, 62 и проч.

³⁹⁾ Каждая изъ богослужебныхъ книгъ имѣла введеніе, предисловіе и послѣловіе, отдѣльныя проповѣди, сказанія и т. п. Въ этихъ предисловіяхъ и послѣловіяхъ иногда писалось очень много произвольнаго, и на нихъ, между прочимъ раскольники ссылаются доселѣ. Смотри Поморскіе отвѣты. Сборники же, такъ называемая Киряллова книга, Феодоритова, хотя онѣ переполнены самыми грубыми ошибками и неблагонамеренными вставками, у раскольниковъ доселѣ считаются боговдохновенными, не подлежащими никакому измѣненію; на нихъ ссылаются, какъ на высшее доказательство, противъ котораго нельзя и возражать.

⁴⁰⁾ Русскій расколъ старообрядства. Щапова, стр. 73.

ко всему существующему, освященіе его дошло въ XVII вѣкѣ до крайней нечѣлости, отняло какъ будто у всѣхъ разумъ, поправило сознание и лишило способности отличать истинное отъ ложнаго, хотя отличить такъ легко, такъ просто. Мы говорили, что еще во время монгольскаго ига вошло въ обыкновеніе пѣть и читать въ нѣсколько голосовъ. Обычай этотъ держался до половины XVII вѣка во всемъ его безобразіи. Противъ этого обычая вооружился Никонъ, бывший въ то время новгородскимъ митрополитомъ, бояринъ Ртищевъ и протопопъ Іоаннъ Нероновъ. Созванъ былъ въ царскомъ дворцѣ соборъ и на соборѣ опредѣлено: пѣть и читать въ одинъ голосъ, какъ повелѣваютъ правила св. отцевъ. Дѣло святое и необходимое. Но этимъ постановленіемъ измѣнялось *statu quo*, измѣнялся установившійся порядокъ дѣлъ, и вотъ бывшіе на соборѣ и согласные съ соборнымъ постановленіемъ, объявлены ханжами, еретиками. „Никольскій попъ Прокофій гдѣ ни сойдется съ Гавриловскимъ попомъ Иваномъ, такъ и начнетъ ему говорить: „завайте вы, ханжи, ересь новую—единогласное пѣніе, да людей въ церкви учить, а мы людей въ церкви прежде не учивали, учивали ихъ въ тайнѣ на духу; бѣса вы имате въ себѣ; всѣ ханжи и Благовѣщенскій протопопъ такой же ханжа“. 11 февраля 1651 года собрались священники въ тиунской избѣ, начался у нихъ споръ о единогласномъ пѣніи. Лукинскій попъ Савва съ товарищами кричалъ: мнѣ къ выбору о единогласіи руки не прикладывать, напередъ бы вы велѣли руки прикладывать боярамъ и окольниковымъ: любо ли имъ будетъ единогласіе? Гавриловскій попъ Иванъ возражалъ: вы презираете изволеніе Божіе, правила св. отцевъ, уставъ, государево повелѣніе и святительское благословеніе. Ты ханжа,—мальчишка! кричали ему противники: ты былъ уже у патріарха въ смиреніи, будешь и еще; а намъ хоть умереть, а къ выборамъ о единогласіи рукъ не прикладывать“⁴¹⁾. Церковная проповѣдь — ересь, единогласное чтеніе и пѣніе—ересь, поправленная буква въ книгѣ — ересь, лучше умереть, чѣмъ проповѣдывать въ церкви, — отправлять богослуженіе по ковоисправленной книгѣ, — читать и пѣть въ одинъ голосъ... какое тупоуміе, какое невѣжество, какая ко всему этому фа-

⁴¹⁾ Исторія Россіи. Соловьева. т. XI, стр. 283.

натическая ревность! Въ этомъ стремленіи заклеить именемъ ереси все, что только не согласовалось съ установленнымъ порядкомъ, что не тождественно съ существующимъ положеніемъ дѣлъ, высказалась болѣе инстинктивная, чѣмъ сознательная боязнь за свое невѣжество. Мнимые защитники истины понимали, что они не въ состояніи отличить истиннаго по своему невѣжеству и боялись, чтобы подъ покровомъ истины не вошла въ церковь ложь, ересь. Единственнымъ средствомъ избѣжать ошибокъ, не допустить чего-либо еретическаго представлялось заботиться о сохраненіи настоящаго въ томъ видѣ, какъ оно есть, и однажды навсегда прекратить входъ всему, что хотя сколько-нибудь разнилось отъ настоящаго—будь оно хорошее и благодѣтельное, или дѣйствительно вредное и гибельное: въ такомъ случаѣ, правда, ничто не улучшится, но и не ухудшится. Думаемъ въ силу этихъ соображеній русскій народъ того времени такъ ревнито отстаивалъ *statu quo*, такъ бережно охранялъ его отъ всего могущаго поколебать его. Система, очевидно, дѣтская. Не дозволялось измѣнять что либо предъ глазами; а что дѣлалось за глазами, на то никто не обращалъ вниманія, предполагал, что тамъ ничего не дѣлается и не можетъ дѣлаться. Невозможное дѣло, чтобы такимъ путемъ можно было предохранить и порчу книгъ и измѣненіе обрядовъ и т. п. Книги должны были портиться, обряды разнообразиться ⁴²⁾, истинно древнее замѣняться новымъ. Препятствовали вхожденію новаго прямымъ путемъ; окольными же путями всякая богословская дичь имѣла полное право сочиняться и являться въ свѣтъ, безъ опасенія быть узанною и разоблаченною. Нужно было только объ этомъ молчать. А стоило только этой новосочиненной безсмыслицѣ просуществовать извѣстный періодъ времени и она уже являлась стариною, завѣтомъ св. отцевъ; на нее можно было ссылаться въ подтвержденіе своихъ жалкихъ мнѣній и ею можно было доказывать какъ высшимъ авторитетомъ и все это дѣлалось очень просто, безъ всякаго злаго намѣренія. Сначала собственное мнѣніе, соображеніе заносилось кѣмъ-либо въ частный

⁴²⁾ Въ это время вошло въ употребленіе много новыхъ обрядовъ, не согласныхъ съ духомъ православной церкви. См. Исторія Русской Церкви. Филарета Черн. пер. III, стр. 127.

собственный сборникъ, для своего домашняго обихода; другой, списывающій этотъ сборникъ, заносилъ туда вмѣстѣ съ отрывками изъ твореній отеческихъ и эту прибавку; частное мнѣніе получало такимъ образомъ имя святоотческаго писанія⁴³⁾. И вотъ черезъ одно, много два-три поколѣнія частное мнѣніе дѣлалось завѣтомъ отцевъ, стариною, не подлежащую сомнѣнію. Воспитавшіеся на этихъ сборникахъ эти частныя мнѣнія вносили въ общественныя и церковно-богослужебныя книги. Всѣ эти раскольническія доказательства объ осьмиконечномъ крестѣ, о сугубомъ аллилуіа, о двуперстномъ знаменіи, о хожденіи по солонь, и нестриженіи бороды и усомъ и т. п.; которыя часто поражаютъ своею безтактностью и подчасъ—очевидною неглубокостью, вошли въ употребленіе именно такимъ путемъ. Такимъ путемъ конечно дошелъ издатель Корниловой книги Михаилъ Роговъ до того, что „христіанамъ мученія не будетъ“⁴⁴⁾; такимъ путемъ дошелъ и Аввакумъ до того, что лучше исповѣдываться у мірянина, чѣмъ у зазорнаго священника, что можно причащаться св. камколіемъ⁴⁵⁾ и т. п. Слѣдовательно невѣжество съ одной стороны и искренняя любовь къ отеческой религіи,—съ другой—родили стремленіе сохранить *statu quo*, съ цѣлю сохранить отечественную религію во всей ея чистотѣ. Но эта послѣдняя цѣль, какъ мы видѣли, не была достигнута. Ошибки въ книгахъ возрастали; явилась самая настоятельная нужда исправленія; исправленія допустить не могли.. Здѣсь главная и основная причина раскола. При такой настроенности значительной части духовенства, бояръ и народа достаточно было самаго ничтожнаго повода, самаго неважнаго измѣненія въ обрядѣ, чтобы произошелъ взрывъ, чтобы эти ревнители существующаго порядка отдѣлились отъ церкви, рѣшились умереть. При такой настроенности вступилъ на патріаршій престолъ Никонъ, истинный ревнитель благочестія, порядка и чистоты церковной. Никону еще до патріаршества суждено было узнать, что церковь Рус-

⁴³⁾ Сборники эти постоянно списывались, такъ какъ они были единственнымъ родомъ литературы, предназначеннымъ для религіозно-нравственнаго воспитанія, единственными книгами для чтенія.

⁴⁴⁾ Русскій расколъ старообрядства. Щапова, стр. 64.

⁴⁵⁾ Описаніе нѣкоторыхъ раскольнич. рукописей. Александра В. ч. II, стр. 18—19.

ская въ это время была не во всемъ согласна съ церковію греческою, что книги богослужебныя наполнены ошибками, чины повреждены. Предъ рукоположеніемъ Никона въ санъ митрополита новгородскаго (1649 г.) прибылъ въ Москву іерусалимскій патріархъ Паисій „поклонитися благочестивому, державному и Богомъ въичанному царю... Алексію Михайловичу“, какъ онъ самъ говорилъ въ грамотѣ, данной Никону по рукоположеніи, его въ санъ митрополита ⁴⁶⁾, и тогда же замѣтилъ новопосвященному митрополиту, что въ церкви русской есть нововведенія какъ напримѣръ—новое сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія ⁴⁷⁾. Въ 1651 году прибывшій въ Москву назаретскій митрополитъ Гавріиль замѣтилъ много нововведеній и обличалъ ихъ. Эти обличенія по всей вѣроятности были извѣстны и Никону, потому что Никонъ очень часто посѣщалъ Москву и проживалъ тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Управление новгородскою митрополіею ближе познакомило Никона какъ съ недостатками въ чинахъ церковныхъ, такъ съ умственными и нравственными недостатками духовенства, бояръ и народа, объ исправленіи которыхъ онъ долженъ былъ заботиться и по своему сану и по особому приказанію іерусалимскаго патріарха, рукоположившаго его въ санъ митрополита ⁴⁸⁾. Не могъ, конечно, оставить безъ вниманія ревностный Никонъ и тѣ предисловія и послѣловія церковно-богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ говорилось о множествѣ ошибокъ въ книгахъ и неспособности справщиковъ исправить ихъ. Потому, какъ увидимъ потомъ, Никонъ, по вступленіи на патріаршій престолъ, немедленно обратилъ вниманіе на изданіе церковно-богослужебныхъ книгъ. Сознывая всю важность первосвятительскаго служенія вообще и особенную трудность этого служенія въ то время, Никонъ далъ положительный отказъ посланнымъ отъ царя и собора съ предложеніемъ занять ему московскій патріаршій престолъ. „Нѣсмь таковыя мѣры, да архипастыремъ буду“, сказалъ онъ въ храмъ, куда его приказали привести царь и соборъ. Царь, соборъ и всѣ присутствующіе

⁴⁶⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. т. III, — 135, стр. 448.

⁴⁷⁾ Слово огищательное патріарха Никона. См. Прибавленіе къ Скрижали 1656 г. л. I.

⁴⁸⁾ Собраніе государ. грамотъ и договоровъ т. III, № 135.

въ храмѣ пали на помость церковный и со слезами просили Никона занять патріаршій престолъ. Никонъ пораженъ былъ смиреніемъ царя, силою просьбы и угрозою суда Божія за отказъ; онъ изъявилъ согласіе на принятіе первосвятительскаго сана, но безусловно. „Знаете, говорилъ онъ предстоящимъ, какъ дошелъ у насъ свѣтъ евангельской вѣры и какъ мы приняли отъ вселенскихъ патріарховъ правила ев. апостоловъ, св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отецъ, и постановленія греческихъ православныхъ государей. По всему этому мы называемся христіанами и хранителями правилъ и постановленій церкви. Такъ называемся мы, но на самомъ дѣлѣ весьма мало оправдываемъ сіе названіе (а яже суть дѣлы, зѣло скудно дѣйствуется въ насъ). Но помните, что не слышатели, но творцы закона праведны предъ Богомъ; *что мя зоветъ: Господи! Господи!* и не творите яже глаголю, говоритъ намъ Спаситель нашъ. Итакъ если желаете избрать наше смиреніе патріархомъ всероссійскимъ, дайте мнѣ слово и сотворите завѣтъ въ этой соборной и апостольской церкви предъ Господомъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и св. Его Евангеліемъ, предъ образомъ преблагословенныя Дѣвы Богородицы, предъ св. ангелами и всѣми святыми, что вы непремѣнно обѣщаетесь хранить заповѣди Евангелія Христова, правила и постановленія св. церкви и будете слушаться насъ во всемъ, какъ первосвятителя и отца верховнѣйшаго. Тогда мы не можемъ отречься отъ сего великаго архіерейства“. Предстоящіе клялись повиноваться ему и Никонъ согласился принять на себя санъ всероссійскаго патріарха ⁴⁹⁾. Положеніе церковныхъ дѣлъ хорошо было извѣстно Никону; а между тѣмъ ревность Никона не допускала никакихъ сдѣлокъ, никакихъ уступокъ; его совѣсть могла быть спокойна только въ такомъ случаѣ, когда все сдѣлано такъ, какъ требовало того существо самаго дѣла. Онъ предвидѣлъ, что ему потребуется власть большая, нежели которою пользовались предшествовавшіе ему патріархи, а потому считалъ положительно необходимымъ заручиться клятвою безусловнаго повиновенія ему во всемъ, касающемся церкви, если непремѣнно хотятъ имѣть

⁴⁹⁾ Исторія о расколахъ. Игнатіа, архіепа. воронежскаго, стр. 157—158. Житіе Никона, патріарха московскаго. Шушерина, стр. 32.

его своимъ патріархомъ. Еще въ санъ новгородскаго митрополита, не пользуясь полновлостиемъ патріарха въ церковныхъ дѣлахъ, Никонъ исправилъ порядокъ службъ церковныхъ во всей Россіи, установилъ единогласное чтеніе и пѣніе въ церкви, несмотря на нерасположеніе самаго патріарха Іосифа и нѣкоторой части духовенства ⁵⁰⁾. Понятно само собою, что первые дни управленія Никона дѣлами русской церкви должны были ознаменоваться распоряженіями его, клонившимися къ устройству церковныхъ дѣлъ, слѣдовательно въ первые дни его правленія долженъ былъ явиться расколъ. Такъ и случилось.

22-го іюля 1652 года Никонъ рукоположенъ въ санъ патріарха, а 11 января 1653 года,—менѣ чѣмъ чрезъ полгода, онъ издалъ указъ, которымъ предписывалось составить опись книгамъ, которыя находятся въ степенныхъ монастыряхъ, а эти описи прислать въ Москву, на тотъ конецъ, чтобы „въдомо было, гдѣ которыя книги взяты печатнаго дѣла исправленія ради“ ⁵¹⁾. Но такъ какъ къ самому дѣлу исправленія книгъ еще не приступали, то и взрыва со стороны мнимыхъ защитниковъ старины не послѣдовало: взрывъ произвелъ менѣ важное повидимому распоряженіе Никона, которое послѣдовало вслѣдъ за указомъ о составленіи описи книгамъ и присылкѣ ихъ въ Москву. Въ февралѣ или началѣ марта (въ началѣ великаго поста) патріархъ Никонъ сдѣлалъ распоряженіе о поклонахъ, руководясь уставомъ восточной церкви, и о троеперстномъ знаменіи. Это то распоряженіе и послужило толчкомъ къ обнаруженію раскола. Объ этомъ обстоятельствѣ, имѣющемъ такое важное значеніе въ исторіи раскола, протопопъ Аввакумъ рассказываетъ такимъ образомъ.—„Въ великій постъ прислалъ (патріархъ) память къ Казанской къ Неронову Іоанну, что не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣно, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны, еще же и тремя бы персты креститися“ ⁵²⁾. Видимъ, говоритъ

⁵⁰⁾ Житіе патр. Никона. Шушерина. стр. 25. Исторія Россіи. Соловьева, т. XI, стр. 283. Грамота Алексѣя Михайловича въ Костромѣ къ игумену Герасиму и поцу Георгію.

⁵¹⁾ Чтенія Москов. Общ. исторіи и древн. російск. 1848 г. № 6.

⁵²⁾ Автобіогр. Аввакума, стр. 21. Аввакумъ не обозначаетъ времени, но изъ связи рѣчи видно, что это было въ первый годъ патріаршества Никона, слѣдов., въ половинѣ февраля или началѣ марта 1653 г.

дальше Аввакумъ, что „зима хоцеть быти; ноги подкосились, руки задрожали“ и проч. Нероновъ ходилъ молиться въ часовню, гдѣ будто бы ему было откровеніе, Аввакумъ, которому Нероновъ поручилъ вѣдать церковь, вооружалъ народъ противъ сдѣланныхъ распоряженій о поклонахъ и о сложеніи перстовъ, а потомъ вмѣстѣ съ Данииломъ выписали изъ книгъ выписки о сложеніи перстовъ и о поклонахъ и подали царю въ формѣ челобитной ⁵³⁾. Значительная часть русскаго духовенства и народа настроены были такимъ образомъ, что не могли дозволить ни малѣйшаго измѣненія въ существующемъ, и лишь только приказано измѣнить, эта часть защитниковъ *statu quo* необходимо должна была порвать связь съ церковію, составить изъ себя особенное религіозное общество.

Патріархъ Никонъ видѣлъ взрывъ, можетъ-быть предвидѣлъ его, предпринялъ противъ него свои мѣры, но не могъ остановиться. Онъ предвидѣлъ, что исправленіе книгъ произведетъ еще большій взрывъ; но въ исправленіи книгъ была самая настоятельная нужда, и отложить этого дѣла Никонъ не хотѣлъ и не могъ. Въ началѣ, по вступленіи на патріаршій престолъ (1652 г.). Никонъ дозволилъ издать уже приготовленные къ печати апостолъ, цвѣтную тріодъ и канонъ; но съ мольбою о прощени ошибокъ, тамъ же, безъ поправокъ были изданы въ слѣдующемъ году—евангеліе, апостолъ и общая минея ⁵⁴⁾; но часословъ 1653 г. выпущенъ былъ съ поправками и значительными измѣненіями, какъ это можно видѣть изъ послѣсловія ⁵⁵⁾, псалтырь также выпущенъ былъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ ⁵⁶⁾. Но очевидно, такое исправленіе не соответствовало существу дѣла и не могло удовлетворить патріарха Никона: оно было допущено съ единственною цѣлю не распространять болѣе самыхъ гру-

⁵³⁾ Тамъ же, стр. 22 и болѣе.

⁵⁴⁾ Обзорѣніе славянской библиографіи выпускъ IV, стр. 174--183.

⁵⁵⁾ «Вѣдомо пусть будетъ сіе, яко въ прежнихъ часословѣхъ начало положено вечерни; въ сихъ же по указу и благословенію великаго господина святѣйшаго Никона, начало положено противъ прежнихъ (т.-е. древнѣйшихъ) множицею изданныхъ въ псалтырѣхъ съ возслѣдованіемъ и древнихъ греческихъ переводовъ». Строева описаніе Славянск. книгъ Царскаго № 179.

⁵⁶⁾ Въ псалтыри исключено слово о крестномъ знаменіи. Строева описаніе Славянск. книгъ Царскаго № 180.

быхъ ошибокъ. Никонъ же съ самаго вступленія своего на патріаршій престолъ думалъ объ иномъ исправленіи, о провѣркѣ книгъ по греческимъ подлинникамъ и по древнимъ русскимъ харатейнымъ. Въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ книгъ, издававшихся для церковнаго или общественнаго употребленія, высказывались жалобы на испорченность церковно-богослужебныхъ книгъ и желаніе, чтобы они были исправлены *соборно* ⁵⁷⁾; такого же исправленія требовалъ Стоглавый соборъ, бывшій при Іоаннѣ Грозномъ ⁵⁸⁾; того же требовала важность дѣла. Сознавъ необходимость исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и рѣшившись исправить ихъ, патріархъ Никонъ предложилъ царю въ 1654 г. созвать соборъ изъ русскихъ пастырей и разсудить о разногласіи и несходствѣ печатныхъ русскихъ, церковно-богослужебныхъ книгъ съ греческими и древними харатейными славянскими. Царь изъявилъ свое согласіе и назначилъ мѣстомъ сборныхъ засѣданій свои палаты. Отцы собора собрались въ 1654 г. въ Москву и открыли свои засѣданія въ царскихъ палатахъ, подъ предсѣдательствомъ царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона ⁵⁹⁾. Кромѣ патріарха на соборѣ присутствовали пять митрополитовъ, четыре архіепископа, одинъ епископъ, одиннадцать архимандритовъ и игуменовъ, тринадцать протоіереевъ и весь царскій синклитъ. Патріархъ Никонъ произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ, что нѣтъ ничего богоугоднѣе, какъ

⁵⁷⁾ Такъ изданномъ при патріархѣ Іосифѣ Соборникѣ, такъ-называемомъ Іосифовскомъ, напечатанномъ въ 1612 (7150) года, на листѣ 169 говорится: «елика убо аще вникнувшѣ, обрящете въ ней (книгѣ) не украшеніе въ словесѣхъ, или погрѣшеніе въ рѣчѣхъ, или неудобрѣніе въ дѣлѣ: то по совѣту соборныя и апостольскія церкви, да исправите». Въ прологѣ мартовской четверти въ 1643 (715) г. въ предисловіи говорится: «по совѣту соборныя и апостольскія церкви исправляйте недоконченная или непогрѣшительная въ разумѣ». Въ апостолѣ Іосифовскомъ, напечатанномъ въ 1649 (7157) г. въ предисловіи говорится: «по совѣту же соборныя и апостольскія церкви исправляйте недоконченная или погрѣшительная въ разумѣ». Истор. извѣстіе о расколѣ прот. Андрея Іоаннова ч. I, стр. 54—58.

⁵⁸⁾ «а которыя св. книги, (яко то) евангеліе апостолы и исалтири и прочія книги во дождьдо церкви обрящете неправлены и описливы, и вы бы тѣ книги святыя съ добрыхъ переводовъ исправляли соборнѣ». Истор. извѣстіе о расколѣ ч. I, стр. 37.

⁵⁹⁾ Увѣст. духовн. предисл. л. 20 и приложение къ Скрыжали 1656 г.

поучаться заповѣдямъ Господнимъ, хранить и исполнять правила и постановленія св. вселенскихъ и православныхъ помѣстныхъ соборовъ и св. отцевъ и потреблять всякія *новинны*, какъ главную причину смятеній и раздѣленій въ церкви ⁶⁰⁾; потомъ указалъ на нѣкоторыя нововведенія и обычаи въ богослуженіи и богослужебныхъ книгахъ, которыхъ нѣтъ ни въ харатейныхъ славянскихъ, ни въ греческихъ книгахъ ⁶¹⁾, и заключилъ свою рѣчь слѣдующими вопросами: „новымъ ли московскимъ печатнымъ книгамъ послѣдовать въ нихъ же многія обрѣтошася отъ преведшихъ и преписующихъ неискусно, съ древними греческими и словенскими несходство, и несогласіе, явнѣе же рѣщи погрѣшенія; или древнимъ греческимъ и словенскимъ иже обое купно чинъ и уставъ показываютъ“ ⁶²⁾? Царь и отцы собора отвѣчали: „достойно и праведно исправить противу старыхъ харатейныхъ книгъ; и мы такожде утверждаемъ быти и вѣруемъ якоже греческія и наши старыя книги и уставы повелѣвають“. Здѣсь уже на соборѣ издано было повелѣніе выслать изъ монастырей въ Москву древнія богослужебныя книги „иже отъ греческаго языка на словенскій прежде пяти сотъ лѣтъ, и внище преведенныя и на хартіи писанныя“ ⁶³⁾. Древнія книги немедленно были высланы въ Москву изъ всѣхъ древнихъ россійскихъ книгохранилищъ монастырскихъ. На соборѣ же, бывшемъ въ Москвѣ 1654 года, обнаружилось, что не всѣ желали исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ. Между подписями присутствовавшихъ на соборѣ недоставало подписи Павла епископа коломенскаго, двухъ архимандритовъ, одного игумена и двухъ протоіереевъ. Но противодѣйствіе немногихъ членовъ собора (вышеозначенныхъ шести, несогласныхъ съ опредѣленіями собора) не могло оставить соборныя опредѣленія безъ исполненія.

Но чтобъ исправленіе церковныхъ книгъ не показалось желаніемъ одного патріарха и царя, царь и патріархъ въ томъ же году послали въ Константинополь благонамѣреннаго грека Ма-

⁶⁰⁾ Увѣтъ духовн. л. 21—23.

⁶¹⁾ Скрыжаль 1656 г. л. 45, 46, 59.

⁶²⁾ Увѣтъ духовн. л. 24 на оборотѣ. Скрыжаль 50.

⁶³⁾ Увѣтъ духовн. 25 на оборотѣ. Описаніе старообрядческихъ книгъ, служащихъ дополненіемъ къ описанію книгъ Толстого и Царскаго № 89, стр. 157

цуила съ грамотами, въ которыхъ предложили константинопольскому патріарху Папсію 26 вопросовъ; въ этихъ вопросахъ изложено было, въ чемъ церковь русская оказалась несогласною съ греческою. Здѣсь же былъ предложенъ вопросъ Папсію, какъ должно поступить съ Павломъ епископомъ коломенскимъ и другими, несогласившимися съ соборнымъ опредѣленіемъ. Папсіей, по полученіи грамотъ, немедленно созвалъ въ Константинополь соборъ, который единодушно утвердилъ опредѣленіе московскаго собора объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ и вмѣсто отвѣта на грамоты царя и патріарха прислалъ самое дѣяніе константинопольскаго собора, подписанное всѣми присутствовавшими на немъ, присовокупивъ сюда вѣрный списокъ Символа вѣры⁶⁴). Соборное дѣяніе изложено въ формѣ письма отъ патріарха Папсія къ патріарху Никону. Похваливъ ревность патріарха Никона о церковномъ благоустройствѣ, патріархъ Папсіей излагаетъ свой взглядъ на церковныя неурюстройства въ Россіи, даетъ нѣкоторыя наставленія и потомъ представляетъ подробный отвѣтъ на каждый изъ вопросовъ, предложенныхъ ему патріархомъ Никономъ. Для насъ особенно важны слѣдующія мѣста этого письма. „Твое преблагенство сильно жалуется на несогласіе нѣкоторыхъ чиновъ, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ церквахъ, и думаетъ, что различіе въ чинахъ растлвваетъ нашу вѣру. Похвалиемъ воззрѣніе, ибо кто опасается впасть въ малое прегрѣшеніе, тотъ предохраняетъ себя отъ великихъ. Но исправляемъ намѣреніе: ибо иное дѣло еретики, которыхъ апостольскія заповѣдуетъ избѣгать по первому и второму наказанію, какъ развращенныхъ и раздорниковъ; и иное дѣло несогласяющіеся въ ненужныхъ чинахъ, несоставляющихъ сущность нашей вѣры, какъ на́примѣръ: различіе во время отправленія богослуженія и во всемъ томъ, что оставляется въ уставѣ на волю настоятеля—сіе ни единое разлученіе творить, токмо егда сохраняется таяжде вѣра наша непреложно. Церковное чинопослѣдованіе составилось не вдругъ, но постепенно и разновремено; прежде читали въ церкви только одиннадцать псалмовъ и вообще до Дамаскина, Козьмы и другихъ пѣснотворцевъ не пѣли ни

⁶⁴) Самое соборное дѣяніе константинопольскаго собора приложено къ Сурьжали, изданной патр. Никономъ. Увѣщ. духовн. 31.

тропарей, ни кондаковъ, ни каноновъ; тѣмъ не менѣ неизмѣнно сохранялась та же самая вѣра и различіе въ чинахъ церковныхъ не вмѣнялось въ еретическое различіе (разньство). И теперь не должно думать, будто развращается наша вѣра, если одинъ творить послѣдованіе нѣсколько иначе отъ другаго—въ вещахъ не касающихся существа вѣры нашей“⁶⁵⁾. Такой взглядъ имѣлъ патріархъ Паисій и весь константинопольскій соборъ на неважныя и на несущественныя разногласія въ церковныхъ чинахъ; но очевидно подъ категорію этихъ несущественныхъ отступленій патріархъ Паисій не подводилъ раскольническихъ мнѣній и отступленій, какъ это можно видѣть изъ его отвѣтовъ на вопросы Никона, и изъ его совѣта, какъ должно поступить съ Павломъ коломенскимъ и другими, несогласившимся съ опредѣленіемъ московскаго собора 1654 года. Въ отвѣтъ на седьмой вопросъ патріарха Никона, Паисій писалъ: „вы пишете о распряхъ, происходящихъ у васъ касательно чина божественнаго тайнодѣйствія. Молимъ именемъ Господа нашего Иисуса Христа, да прекратитъ ихъ твое преоблаженство разумомъ твоимъ: ибо *рабу Господню не подобаетъ сваритися* (2. Тим.) особенно въ вещахъ несущественныхъ и не относящихся къ догматамъ вѣры“⁶⁶⁾. Но отвѣчая за нимъ на осьмой и девятый вопросы Никона и царя, въ которыхъ спрашивали Паисія, какъ поступить съ Павломъ епископомъ коломенскимъ и протопопомъ Іоанномъ Нероновымъ, Паисій отвѣчалъ: „о епископѣ коломенскомъ Павлѣ и о протопопѣ Іоаниѣ Нероновѣ вы говорите, что они не согласуются съ вами, содержатъ свои особыя книги, свою литургію, свое крестное знаменіе, что они даже порицаютъ наши патріаршія молитвы, и литургію и стараются принести намъ новины своя и сокровенныя молитвы, какъ бы исправленіе—отвѣчаемъ: все это знаменія ереси и раскола, и кто такъ говоритъ и вѣруетъ, тотъ чуждъ есть нашей православной вѣры“⁶⁷⁾. Итакъ или пусть чистосердечно принимаютъ, какъ содержитъ и догматствуетъ православная наша церковь, или если по первомъ и второмъ увѣщаніи останутся непреклонными, то отлучить ихъ

⁶⁵⁾ Скрыжаль. 1656 г., стр. 644—648.

⁶⁶⁾ Тамъ же, стр. 709.

⁶⁷⁾ Тамъ же, стр. 711—712.

отъ овецъ Христовыхъ, чтобы не питати ихъ смертною пажитію: такъ думаемъ мы и весь соборъ объ этомъ предметѣ“⁶⁸). Въ заключеніе патріархъ Паисій присовокупилъ: „я слышалъ, что въ вашихъ церковныхъ чинахъ есть еще много несогласнаго съ чиномъ великой церкви, и удивляюсь, почему ты не спрашиваешь объ нихъ. У васъ будто бы и въ самомъ символѣ вѣрѣ сдѣлано прибавленіе, котораго у насъ нѣтъ, потомъ и иныя нѣкоторыя несогласія въ церковныхъ вещахъ“⁶⁹).. Такой отвѣтъ константинопольскаго собора и патріарха возбудилъ еще большую ревность въ царѣ и патріархъ Никонъ къ исправленію церковныхъ богослужебныхъ книгъ; но желая сдѣлать исправленіе возможно совершеннымъ и, не безъ основанія предполагая, что собранныхъ книгъ изъ русскихъ книгохранилищъ еще недостаточно, они отправили съ богатою милостынею на востокъ инока Арсенія Суханова, чтобы онъ не щадя никакихъ издержекъ пріобрѣлъ тамъ греческія рукописи, зная, что св. восточная церковь во всякое достовѣрное утвержденіе имѣетъ неоскудное древнихъ рукописныхъ книгъ стяжаніе: въ Царь-градѣ, во Іерусалимѣ, — Антиохіи — Александріи, на Аѳонской и Синайской горѣ и въ прочихъ мѣстахъ въ тѣхъ странахъ премногое множество обрѣтается книгъ по епархіямъ и по святымъ обителямъ“⁷⁰).

Вскорѣ прислано было въ Москву болѣе 700 книгъ и рукописей, изъ коихъ нѣкоторыя были писаны болѣе чѣмъ за 1000 л. Тогда по старанію патріарха Никона былъ созванъ въ 1655 г. новый соборъ. На немъ, кромѣ пастырей русской церкви, присутствовали два восточныхъ патріарха — антиохійскій Макарій и сербскій Гавріилъ и два митрополита — никейскій Григорій и молдавскій Гедедъ. Новый соборъ, одобряя дѣянія соборовъ московскаго и константинопольскаго 1654 г..., немедленно приступилъ къ чтенію и сличенію собранныхъ книгъ и „обрѣтоша древнія греческія съ ветхими словенскими книгами во всѣмъ согласующіяся: въ новыхъ же московскихъ печатныхъ книгахъ, съ греческими же и словенскими древними, многая несогласія и погрѣшенія“⁷¹). Потомъ отцы собора провѣрили переведенную

⁶⁸) Тамъ же, стр. 713.

⁶⁹) Предисловіе къ Увѣту духовн. л. 30 на оборотѣ.

⁷⁰) Правица духовная Питирима л. 308.

⁷¹) Увѣтъ духовн. л. 37 на оборотѣ и 39.

скрижалъ и новоисправленный служебникъ, повелѣли ихъ напечатать въ томъ же въ 1655 году, и опредѣливъ исправить и всѣ другія св. книги, въ какихъ только находятся погрѣшности, окончили свои засѣданія. 1655 года вышелъ изъ печати служебникъ, 1656 г. скрижалъ и преданы во всеобщее употребленіе. Дѣло исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ шло довольно быстро: не проходило ни одного года, въ который бы не вышло той или другой книги въ исправленномъ видѣ. Способъ исправленія книгъ былъ слѣдующій: исправляли евангеліями въ евангеліяхъ погрѣшенія, апостолами въ апостолахъ, октоихами въ октоихахъ, мнѣями въ мнѣяхъ, тріодами въ тріодахъ и т. д.⁷²⁾, сличая известную исправленную книгу со всеми того же рода книгами греческими печатными, древними греческими и русскими харатейными. Такъ напр. при исправленіи требника были сличаемы: требникъ, писанный на Аѳонской горѣ въ грубой древности; требникъ, писанный въ Россіи въ 1481 году (6989); харатейный требникъ греческаго царя Іоанна Кантакузена, писанный въ 1348 году (6856); требникъ митрополита Макарія, председателя Стоглаваго собора; другой требникъ Аѳонской горы и многія другія⁷³⁾. Но чтобъ и при такихъ громадныхъ средствахъ не вкралось въ исправленные книги какихъ-либо ошибокъ, патріархъ Никонъ замѣнилъ старыхъ книжныхъ, малообразованныхъ и даже недобросовѣстныхъ справщиковъ новыми, получившими школьное образованіе и знающими въ совершенствѣ не только греческій, но даже и латинскій языки. Въмѣсто протопоповъ Ивана Неронова и Аввакума, священниковъ Лазаря и Никиты и дьякона Ѳедора Иванова, теперь занимался исправленіемъ книгъ Епифаній Славеницкій и Арсеній Дамаскинъ, вызванные изъ Кіева еще въ 1649 году⁷⁴⁾, Арсеній Грекъ, Іаковъ, по прозванью философъ и архимандритъ Аѳонскій Діонисій⁷⁵⁾. Каждую книгу потомъ просматривалъ самъ патріархъ Никонъ. Немедленно по выходѣ изъ печати каждой новоисправленной

⁷²⁾ Пращица духовная Питирѣха л. 157.

⁷³⁾ Увѣтъ духовн. 190—193, 204 на оборотѣ и 205.

⁷⁴⁾ Собравіе государ. грамотъ и договоровъ № 135, стр. 419—450.

⁷⁵⁾ Арсеній грекъ прибылъ въ Москву съ патріар. Паясіемъ въ 1649 г. Истина св. соловедкой об тели, стр. 15, 174, 189.

книги, патріархъ Никонъ разсылалъ ее по церквамъ и монастырямъ съ строжайшимъ указомъ — отправлять богослуженіе по новоисправленнымъ книгамъ, а старыя испорченныя присылать въ Москву, гдѣ ихъ потомъ сожигали ⁷⁶⁾. Епархіальнымъ архіереямъ, архимандритамъ, игуменамъ и поповскимъ старостамъ предписывалось наблюдать за подвѣдомыми имъ духовными лицами и церковными книгами, чтобы богослуженіе непременно отправлялось по новоисправленнымъ книгамъ, чтобы на просфорахъ изображался четвероконечный крестъ, а не осмьмиконечный, грозя въ противномъ случаѣ подвергнуть жестокому наказанію ослушниковъ ⁷⁷⁾. Въ то же время Никонъ распорядился, чтобы типографія Крестнаго монастыря прекратила печатаніе такъ называемыхъ кутенскихъ псалтырей; потому что онѣ не исправлены ⁷⁸⁾. Мы видѣли, что толчкомъ къ обнаруженію раскола послужило повидимому самое ничтожное обстоятельство — распоряженіе патріарха Никона о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и о поклонахъ въ св. сорокатысячнику. Этимъ пока и ограничивалось содержаніе раскольническаго ученія; но чтобы оправдать свой разрывъ съ церковію, расколоучители возвели эти пункты (поклоны и перстослож.) на степень догмата, старались всѣхъ убѣдить, что это большое отступленіе отъ ученія православной церкви, и дѣятельно заботились объ увеличеніи своей партіи. Цѣль была достигнута. На соборѣ 1654 г. объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ Павелъ епископъ Коломенскій и протоіерей Іоаннъ Пероновъ подали свой голосъ противъ этого исправленія, какъ это можно видѣть изъ грамотъ царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона и отвѣтовъ Константинопольскаго патріарха и собора ⁷⁹⁾. Партія раскольниковъ увеличилась и притомъ лицами авторитетными: „они злокозненіе дерзали роптать на первопрестольнаго священно-начальника богопоставленнаго Россійскія церкви правителя богоизбраннаго... иже умовредною завистію воздвижени, или дебѣлымъ невѣже-

⁷⁶⁾ Исторія о расколахъ, Игнатія архіея. воронежскаго, стр. 112. О строгости при отбораніи старыхъ книгъ преимущественно свидѣлствуютъ раскольническіе писатели.

⁷⁷⁾ Церковная исторія. Платова.

⁷⁸⁾ Историч. акты. т. IV, № 126.

⁷⁹⁾ Скрыжаль, стр. 711.

ствомъ помрачени⁸⁰⁾. По выходѣ изъ печати служебника (1655 г.) и особенно скрижали (1656 г.), которая такъ сильно поражала внесенныя въ богослужебныя книги частныя мнѣнія и, слѣдовательно, обличала неправомысліе, недобросовѣстность и невѣжество Іосифскихъ справщиковъ, раскольники окончательно отдѣлились отъ церкви: „по напечатаніи скрижали, говорить преосвященный Птиримъ, противницы возстали и возбѣсилися разными и душепагубными хулами на св. восточную и велико-россійскую церковь, и отпавъ отъ нея отступниша и отдрашася“⁸¹⁾.

По отпечатаніи служебника и скрижали ученіе раскольническое увеличилось новыми пунктами, раскольническое общество — новыми членами. Расколуучители вооружились противъ четвероконечнаго креста, тройнаго аллилуіа, хожденія противъ солнца, противъ всѣхъ новопечатныхъ ихъ книгъ, вышедшихъ и имѣющихъ выйти изъ печати и противъ существующей церковной іерархіи. На сторону раскола стали всѣ Іосифскіе справщики и недовольные патріархомъ — царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ, протопопъ Логгинъ, старецъ Авраамій и пр. Они писали челобитныя царю, ходили по церквамъ съ проповѣдію *рушеніи* вѣры⁸²⁾, состязались съ чтецами и пѣвцами въ церкви, вступали въ жаркія пренія съ самимъ патріархомъ Никономъ⁸³⁾, пока онъ не нашелъ нужнымъ выслать ихъ изъ Москвы, такъ какъ дерзость расколуучителей переходила всякія границы. Аввакумъ ходилъ въ церковь учить народъ (съ проповѣдію о расколѣ) и однажды во время всеобщаго бѣднія произвелъ своею проповѣдію открытый бунтъ⁸⁴⁾. Іоаннъ Нероновъ тоже дѣлалъ въ Успенскомъ соборѣ⁸⁵⁾. Чтобы сильнѣе вооружить народъ противъ начатаго исправленія ц. - б. книгъ и измѣненія нѣкоторыхъ чиновъ церковныхъ, раскольники прибѣгали къ самымъ

⁸⁰⁾ Тамъ же, стр. 14.

⁸¹⁾ Пропіяца. Птирима 409.

⁸²⁾ Исторія Русской Церкви. Филарета чер. пер. III, стр. 156, примѣч. 353.

⁸³⁾ Россійскій виноградъ, статьи о Аввакумѣ и І. Нероновѣ.

⁸⁴⁾ Исторія Русской Церкви. Филарета п. III, стр. 156, примѣчаніе 353.

⁸⁵⁾ «Аллилуіа въ соборной церкви не скоро трегубити начаша: за неже протопопъ Іоаннъ Нероновъ начать въ церковь оную присно ходити и не даяше трегубити аллилуіа. Многажды и съ Никономъ благоревностнѣ спирашеса». Виноградъ російскій, статья Іоаннъ Нероновъ.

низкимъ и возмутительнымъ средствамъ. Они распространяли самыя недѣльныя сказанія въ массѣ народной—о жизни патріарха Никона, о религиозныхъ его убѣжденіяхъ и намѣреніяхъ. Расколотые учителя были высланы изъ Москвы, но не мало осталось послѣдователей ихъ, которые продолжали дѣло въ духѣ своихъ учителей. Во время моровой язвы въ 1654 г., когда патріархъ Никонъ по просьбѣ царя оставилъ Москву и отправился съ царскимъ семействомъ въ мѣста свободныя отъ мороваго повѣтрія, раскольники распустили слухъ, будто общественныя бѣдствія постигли Россію за начатое п. Никономъ исправленіе книгъ. Въ подтвержденіе своихъ бредней они ссылались на видѣніе какой-то женки Стефанидки Колуженки и ея брата Терешки, которые утверждали, что видѣли видѣніе отъ образа и слышали повелѣнія о прекращеніи печатанія новыхъ книгъ *). Разсчитанное средство не произвело желаннаго дѣйствія; фанатики измыслили другое: они—вздумали представить Никона врагомъ вообще христіанской религіи, человѣкомъ съ самыми злыми замыслами. 25-го августа князь Пронскій съ товарищами былъ у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ. Около церкви собралось много народа изъ разныхъ слободъ; принесли въ кіотъ икону Спасъ-Нерукотворенный, лицо и образъ соскребены. Когда бояринъ вышелъ отъ обѣдни, земскіе люди подошли къ нему и стали говорить: „Взять этотъ образъ на патріарховъ дворъ у тиглеца Новгородской сотни Софрона Лопатникова и отдать ему образъ изъ тѣлесной избы, для череписки, лице выскребено, а скребли образъ по патріархову указу“. Выступилъ Софронъ Лопатниковъ и сталъ говорить: „мнѣ было отъ этого образа явленіе, а мірскіе люди за такое поруганіе должны стать“. Мірскіе люди подхватили: „На всѣхъ теперь гнѣвъ Божій за такое поруганіе: такъ дѣлали иконоборцы; во всемъ виноватъ патріархъ, держитъ онъ вѣдомаго еретика старца Арсенія, далъ ему волю, велѣлъ ему быть у справки печатныхъ книгъ, и тотъ чернецъ много книгъ перепортилъ, ведутъ насъ къ конечной гибели, а тотъ чернецъ за многія ереси, вмѣсто смерти, сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь. Патріарху пристойно было быть на Москвѣ и молиться за православныхъ христіанъ, а онъ Москву поки-

*) Собраніе государств. грамотъ и договоровъ пер. III, № 178.

нуль, и попы, смотря на него, многіе отъ приходскихъ церквей разбѣжались, православные христіане помп्राютъ безъ покаянія и безъ причастія. Напишите, бояре, къ государю царю, къ царицѣ и царевичу, чтобъ до государева указа патріархъ и старецъ Арсеній куда нибудь не ушли⁸⁷. Пронскій объяснилъ народу, что патріархъ уѣхалъ по государеву указу и что онъ самый указъ предъ отбѣздомъ его показывалъ соцкимъ. Народъ выслушалъ это спокойно, но потомъ въ тотъ же день толпа явилась у краснаго крыльца, принесла иконныя доски, говоря, что съ этихъ досокъ образа соскребены. „Мы, говорили изъ толпы, эти доски разнесемъ во всѣ слободы и сотни и завтра придемъ къ боярамъ по этому дѣлу“... Пронскій объ этомъ писалъ патріарху Никону⁸⁷). Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ неразборчивъ человѣкъ въ средствахъ—въ минуты несчастій, какъ легко подстрекнуть его къ самому отчаянному средству для поправленія своихъ дѣлъ. Моровая язва одно изъ самыхъ страшныхъ общественныхъ бѣдствій; весь народъ находился въ паническомъ страхѣ; подстрекнуть къ бунту, открытому возстанію въ такія времена искусному интригану—весьма легкое дѣло. Этого очевидно хотѣли и раскольники. Эти факты въ одно и то же время свидѣтельствуютъ и о томъ, какіе глубокіе корни расколъ пустилъ въ Москвѣ и какое онъ принималъ направленіе подъ вліяніемъ такихъ опытныхъ азартныхъ вожаковъ, какъ Аввакумъ и *иже* съ нимъ. Между тѣмъ расколуучители на пути въ ссылку и на мѣстѣ ссылки занимались самою дѣятельною пропагандою; одни „всюду народы укрѣпляше, стояти твердо въ староцерковномъ благочестіи“⁸⁸), другіе „новые уставы и законы обличая, но древняго благочестія предѣлъ содержати“⁸⁹) и т. под. Изъ самого мѣста заточенія они писали письма къ царю, вліятельнымъ лицамъ въ столицѣ, думая убѣдить ихъ въ томъ, что Никонъ патріархъ дѣйствительно искажалъ вѣру, и что мнѣнія ихъ, раскольниковъ, вполне православны; разсылали посланія къ цѣлымъ обществамъ⁹⁰). Нѣкоторые думали вооружить противъ Никона

⁸⁷) Исторія Россіи. Соловьева, т. X, стр. 368—369.

⁸⁸) Виноградъ Россійскій о протопресв. жуromскомъ Логгинѣ, л. 83.

⁸⁹) Тамъ же, статья о священнодіаковѣ Феодорѣ.

⁹⁰) Исторія Русской Церкви. Филарета пер. III, стр. 156; примѣчаніе 353.

царя и вельможъ, дѣлая самыя нелѣпыя толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ, изданной Никономъ скрижали ⁹¹⁾). Расколоучители осыпали п. Никона бранью и клеветами, и наконецъ, чаще и чаще стало повторяться нелѣпное предположеніе—что Никонъ предотеча антихриста. Появились сочиненія въ этомъ родѣ. Стоустая масса разносила эти нелѣпыя сказки по всей Россіи и вооружила народъ и значительную часть духовенства противъ новыхъ книгъ. Никонъ имѣлъ неосторожность разослать расколоучителей въ разные концы Россіи ⁹²⁾ и такимъ образомъ расколъ одновременно насажденъ былъ почти во всей Россіи. Самъ по себѣ народъ смотрѣлъ равнодушно на начатое дѣло исправленія книгъ, потому что не понималъ здѣсь почти ничего; онъ безъ малѣйшаго сопротивленія принялъ бы новоисправленныя книги, какъ не много ранѣе того хладнокровно и безъ сопротивленія принялъ раскольническія мнѣнія, внесенныя въ книги Юсифовскими справщиками, полагая, что слѣдить за этимъ дѣломъ — обязанность архіерея, а не простаго народа, какъ не много спустя говорили стрѣльцы. Только подъ вліяніемъ проповѣди расколоучителей, которые доказывали народу (а народу приходилось вѣрить на слово), что искажена вся вѣра, что ихъ хотятъ обратить въ латино-римскую вѣру и т. под., народъ, дорожившій, своею отечественною вѣрою, рѣшился порвать связь съ церковію. Что же дѣлало духовенство? какія оно предпринимало мѣры къ уничтоженію возникшаго зла и насколько эти мѣры соотвѣтствовали существу самого дѣла, насколько онѣ были такъ-сказать разумны?—Рѣшеніе этихъ вопросовъ и составляетъ предметъ нашего изслѣдованія. Для удобства изслѣдованія дѣтельность духовенства въ отношеніи къ расколу отъ его возникновенія до учрежденія синода

⁹¹⁾ Жезль правленія §2. Раскольническое толкованіе о «полѣѣ».

⁹²⁾ Аввакумъ сначала отправленъ былъ въ Tobольскъ, а потомъ въ «далечайшія сибирскія страны въ самыя глубочайшія предѣлы, за великимъ озеромъ Байкаломъ». Протопопъ костромской Даниилъ, по лишеніи сана, сосланъ въ Астрахань. Логинъ, протопопъ муромскій, отправленъ въ свой городъ Муромъ. Романовскій попъ Лазарь и суздальскій попъ Никита разосланы были по своимъ городамъ. Князь Львовъ—начальникъ книгопечатнаго двора, сосланъ въ Соловецкій монастырь. Протопопъ Іоаннъ Нероновъ сначала отправленъ въ Симоновъ московскій монастырь, потомъ въ Спасо-Каменный вологодскій, а оттуда въ Кольскій. Діаконъ Федоръ—въ Tobольскъ.

раздѣлимъ на два главные періода: первыйъ отъ возникновеніи раскола до суда надъ п. Никономъ (1653—1666 г.), второй—отъ собора „на новоявленные раскольники“ до учрежденія синода (1666^{1/2}—1721 г.).

П Е Р В Ы Й П Е Р І О Д Ъ.

(1653—1666 г.).

Расколъ возникъ при патріархѣ Никонѣ, при немъ, хотя и вполнѣ, опредѣлилось его содержаніе и вполнѣ—направленіе раскола; поэтому и обозрѣніе дѣятельности духовенства противъ раскола должно начать съ этого времени и именно съ дѣятельности патріарха Никона.

Не опасаясь впасть въ ошибку, можно сказать, что п. Никонъ ясенѣе понималъ другіихъ дѣйствительную причину раскола и употреблялъ средства къ искорененію его самыя радикальныя. Если п. Никону не удалось уничтожить возникшаго при немъ раскола, это несколько не говоритъ противъ дѣйствительности принятыхъ имъ мѣръ противъ возникшаго зла. Мѣры эти были самыя дѣйствительныя и радикальныя, прямо были направлены противъ корня зла: но нужно помнить, что одна личность не въ силахъ уничтожить того, что создано исторіею, подготовлялось цѣлыми вѣками и глубоко вкоренилось въ жизни, не въ силахъ вдругъ дать иное направленіе жизни народа, перевоспитать его. Впрочемъ есть много данныхъ для того предположенія, что еслибы п. Никонъ остался на патріаршемъ престолѣ до конца своей жизни и сохранилъ бы полную самостоятельность въ своей дѣятельности, какою онъ пользовался до удаленія въ Воскресенскій монастырь, онъ уничтожилъ бы расколъ. Какъ дѣятель противъ раскола, п. Никонъ имѣетъ большое преимущество предъ всѣми послѣдующими дѣятелями противъ раскола XVII и половины XVIII вѣка. Это преимущество состоитъ въ умѣнни пользоваться обстоятельствами, въ умѣнни находить средства съ одной стороны и въ общемъ направленіи дѣятельности съ другой. Предусмотрительный, предприимчивый и рѣшительный п. Никонъ не пропускалъ ни одного случая, ни одного обстоятельства, которыя можно воспользоваться къ уврачева-

нію недуга; онъ предпринималъ мѣры, въ дѣйствительности которыхъ не сомнѣвался, и которыя прямо достигали своей цѣли. Но какъ ни дѣйствительны были прямыя мѣры, предпринимаемыя патріархомъ къ искорененію раскола, онъ не ограничивался одними ими: вмѣстѣ съ средствами, которыя должны были оказать свое дѣйствіе сейчасъ же, п. Никонъ употреблялъ средства, которыя должны были дѣйствовать постепенно, дѣйствовать противъ самаго корня болѣзни, противъ той причины, которая произвела расколъ. Дѣйствовалъ, очевидно, какъ опытный медикъ, который, залѣчивая извѣстную рану, старается вмѣстѣ съ тѣмъ подѣйствовать на организмъ такъ, чтобы предупредить на будущее время появленіе этихъ ранъ.

Какъ только возникли на соборѣ несогласія, п. Никонъ счелъ долгомъ обратиться за совѣтомъ къ Константинопольскому патріарху Паисію, который прислалъ такое наставленіе: „Твое прѣблагенство сильно озабочено несогласіемъ нѣкоторыхъ чиновъ, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ церквахъ, и думаешь, что эти чины различныя растлѣваютъ нашу вѣру. Мысль похвальная: кто боится преступленій малыхъ, тотъ предохраняетъ себя отъ великихъ. Но исправляемъ намѣреніе: ибо иное дѣло ересь и иное дѣло несогласіе чиновъ; но если какой-либо церкви случится разнствовать отъ другой въ нѣкоторыхъ неважныхъ и несущественныхъ чинахъ, т.-е. не касающихся членовъ и догматовъ вѣры, какъ напр. время совершенія литургіи, то такое несогласіе не производитъ никакого раздѣленія, лишь бы только сохранялась непреложно та же вѣра. Церковь не отъ начала приняла то чинопослѣдованіе, какое содержитъ нынѣ, а постепенно: до св. Космы, Дамаскина и другихъ мы не имѣли ни тропарей ни канонныхъ; тѣмъ не менѣе это не производило никакого раздѣленія между церквами, когда соблюдалась одна и та же вѣра, и онѣ не считались ни еретическими ни раскольническими. Такъ и нынѣ не должно думать, будто развращается наша вѣра, если одинъ нѣсколько иначе творитъ свое послѣдованіе, чѣмъ другой—въ вещахъ несущественныхъ, т.-е. не касающихся членовъ вѣры... Увѣщавай всѣхъ принять тотъ чинъ, который содержится во всей восточной церкви и дошелъ до насъ по преданію изначала безъ малѣйшей перемѣны“. Но очевидно то, за что ратовали на соборѣ Павелъ епископъ Ко-

ломенскій и протоіерей Иванъ Нероновъ, къ которымъ потомъ присоединилось множество другихъ, константинопольскій соборъ и патріархъ не причисляли къ категоріи вещей несущественныхъ и неважныхъ. „Что же касается епископа коломенскаго Павла и протопопа Іоанна Неронова, о которыхъ вы говорите, что они не соглашаются съ вами, содержать свои особыя книги, свою литургію и свое крестное знаменіе, что они даже порицаютъ наши патріаршія молитвы и литургію и стараются принести намъ новины своя, отвѣчаемъ: такъ какъ все это признакъ ереси и раскола, то кто такъ вѣруеть и говоритъ, тотъ чуждъ православной нашей вѣры... И такъ, или пусть чистосердечно примуть, что содержитъ и какъ догматствуетъ православная наша церковь, или если они послѣ перваго и втораго увѣщанія останутся непреклонными, то отлучите ихъ отъ стада овецъ Христовыхъ, чтобъ они не давали имъ смертной пищи: такъ думаетъ и весь соборъ объ этомъ предметѣ“⁹³). Патріархъ Никонъ, получивъ это наставленіе, старался насколько возможно во всемъ послѣдовать совѣту константинопольскаго собора. Онъ началъ убѣждать заблудшихъ отказаться отъ своихъ заблужденій, старался разъяснить имъ все, что только подавало поводъ къ разногласію; призывалъ часто къ себѣ на патріаршій дворъ, дозволялъ приходиться всѣмъ для разсужденія и вступалъ съ упорными расколоучителями въ жаркія пренія⁹⁴). Но эти пренія, происходившія на патріаршемъ дворѣ безъ постороннихъ свидѣтелей, расколоучителями конечно объяснялись въ свою пользу. Они трубили всѣмъ о своей побѣдѣ, какъ и раскольники, бунтовавшіе въ Москвѣ въ 1682 г., которые вышедши изъ собора кричали: „побѣдихомъ, побѣдихомъ“⁹⁵! Народъ, не слышавшій этихъ состязаній, конечно, долженъ былъ вѣрить на слово расколоучителямъ. Чтобъ вывести народъ изъ заблужденія, п. Никонъ нѣкоторыхъ расколоучителей обличалъ публично въ церкви и если оставались непреклонными разстригалъ ихъ⁹⁵).

⁹³) Скрыжалъ 1656 г. въ приложеніи л. 644, 709, 710 и 711.

⁹⁴) Объ этомъ свидѣлствуютъ сами расколыническіе писатели. Такъ Денисовъ говоритъ своемъ Виноградѣ, что къ патріарху Никону часто приходилъ состязаться о «перемѣнѣхъ» Іоаннъ Нероновъ.

⁹⁵) Виноградъ Россійскій. Денисова, статьи: Даніилъ. Павель епископъ коломенскій л. 74.

Къ той же цѣли вѣроятно была направлена и устная проповѣдь п. Никона. Никонъ обладалъ живымъ и увлекательнымъ даромъ слова, обстоятельнымъ знаніемъ Св. Писанія, твореній св. отецъ, соборныхъ постановленій: располагая такими громадными средствами, онъ не упускалъ ни одной божественной службы въ храмъ безъ живаго назидательнаго собесѣдованія съ народомъ. Бесѣда его была проста, естественна, удобопонятна и задушевна: народъ стекался со всѣхъ сторонъ многочисленными толпами слушать живую увлекательную бесѣду своего пастыря. Многіе изъ слушателей не могли удержаться отъ слезъ. Въ своихъ церковныхъ собесѣдованіяхъ п. Никонъ часто касался начатаго имъ дѣла исправленія книгъ, чиновъ и обрядовъ и сильно поражалъ расколуучителей.⁹⁶⁾ Но такъ какъ они распространяли свои бредни въ массѣ народной и многихъ успѣли уже вооружить противъ самаго патріарха; то п. Никонъ рѣшился употребить одно изъ самыхъ лучшихъ средствъ для убѣжденія заблудшихъ и сомнѣвающихся. Въ 1655 году прибыли въ Москву два восточные патріарха Антиохійскій Макарій и Сербскій Гавріилъ и два митрополита Никейскій Григорій и Молдавскій Гедeonъ. Желая воспользоваться ихъ пребываніемъ въ Москвѣ для обличенія заблудшихъ, онъ пригласилъ ихъ участвовать на соборѣ, и между прочимъ обратился къ нимъ съ посланіемъ, въ которомъ убѣдительно просилъ прибывшихъ іерарховъ, чтобъ они возвѣстили ему, на какой сторонѣ истина, на сторонѣ ли тѣхъ, которые утверждаютъ, что должны креститься тремя перстами десницы или которые утверждаютъ, что должно креститься двумя только перстами?⁹⁷⁾ Святители отвѣчали: „преданіе пріяхомъ съ начала вѣры отъ святыхъ апостоловъ, и святыхъ отецъ и св. седми соборовъ творити знаменіе честнаго креста, съ тремя первыми перстами десныя руки, и кто отъ христіанъ православныхъ не творитъ крестъ такъ, по преданію восточныя церкви, еже держа съ начала даже до днесь есть еретикъ и подражатель

⁹⁶⁾ Житіе Никона. Шумерина: «Въ боуждо отъ божественнаго писанія сказаніи богодухновенноу бесѣдоу украсиши его благопріятенъ и слушающемъ увеселителенъ, и непокоряющима Богу и святей церкви страшенъ»...

⁹⁷⁾ Скрыжалъ 1656 г. Приложение. Вопросъ великаго государя вѣщшаго Пятона и проч. (Эта приложение безъ нумераціи).

арменовъ. И сего ради имамы его отлучена отъ Отца, Сына и Св. Духа и проклята и за извѣщеніе истины подписахъ своею рукою. Макарій милостію Божіею, патріархъ великаго Божія града Антіохіи и всего востока! Почти тѣми же словами высказали свой отвѣтъ и три остальные святителя ⁹⁸⁾). Это отвѣтное посланіе восточныхъ святителей какъ особенно важное для того времени было отпечатано отдѣльно и издано для обличенія раскольничьяго ученія о перстосложеніи ⁹⁹⁾). Но чтобъ отвѣтъ восточныхъ святителей сдѣлать извѣстнымъ для всѣхъ, чтобъ народъ могъ выслушать его изъ устъ самихъ святителей, п. Никонъ предложилъ тотъ же самый вопросъ Антіохійскому патріарху Макарію во время всенощнаго бдѣнія въ день св. Мелетія въ Чудовъ монастырѣ, гдѣ присутствовалъ царь съ своимъ синклитомъ, много духовенства и огромное стеченіе народа. Когда въ чтеніи изъ пролога дошли до того мѣста, гдѣ говорится, что св. Мелетій сначала показалъ три перста и не было знаменія, затѣмъ сложилъ два и къ нимъ пригнулъ одинъ и отъ руки его произошелъ огонь, Никонъ во всеуслышаніе предложилъ вопросъ Макарію, что означаетъ это повѣствованіе? Макарій отвѣчалъ: (вопросъ Никона о житіи и чудѣ св. Мелетія тѣмъ болѣе былъ кстати, что многіе опирались на это житіе въ подтвержденіе своихъ произвольныхъ мнѣній. См. скриж. прибавл. 799 стр.) „мужи всего православія слышите: азъ, преемники и наслѣдники сего св. Мелетія престолу вѣмъ извѣстно, яко сей святой Мелетіи три первые персты разлучены показа другъ отъ друга, отъ нихъ же и знаменія не бысть. Тыя же три паки и соединивъ ими же и знаменіе показа. И аще кто сими тремя персты на лицѣ своемъ образъ креста не изобразуетъ, но имать творити, два послѣднія соединяя съ великимъ пальцемъ, да два велико средня простира имѣти, и тѣмъ образъ креста изображати, таковый арменоподражателъ есть; арменове-бо тако воображаютъ на себѣ крестъ“ ¹⁰⁰⁾). Голосъ великаго патріарха долженъ былъ имѣть очень важное значеніе для русскаго общества того времени; опредѣленіе его, слышанное множествомъ народа изъ устъ

⁹⁸⁾ Тамъ же отвѣтъ пресвятѣйшаго Макарія и проч.

⁹⁹⁾ Словарь писателей духовн. чин., стр. 505.

¹⁰⁰⁾ Скрижали 1656 г. Слово отвѣщательное въ приложеніи

самого Макарія, сильно должно было подорвать авторитетъ лжеучителей и истинность распространяемыхъ ими мнѣній; потому п. Никонъ рѣшился воспользоваться этимъ голосомъ въ другой разъ, чтобы поразить лжеученіе. Къ торжественному служенію въ недѣлю православія въ Успенскій соборъ собрались царь съ синклитомъ, бывшіе въ Москвѣ архіереи, духовенство и безчисленное множество народа, и вотъ во время самаго обряда православія, когда церковь однихъ благословляла за ихъ подвиги, а другихъ — непокорныхъ проклинала, патріархъ Ангіохійскій Макарій, ставъ предъ царемъ и народомъ и показывая три первые перста правой руки, сложенные вмѣстѣ, воскликнулъ: „этими тремя первыми великими перстами всякому православному христіанину должно изображать на лицѣ своемъ крестное знаменіе. Если же творить кто по писанію Θεодорита и ложному преданію, тотъ проклятъ“. Гавріиль Сербскій патріархъ и Григорій митрополитъ Никейскій произнесли тоже отлученіе ¹⁰¹⁾. Но чтобы не оставалось никакого сомнѣнія, что двуперстное сложеніе не есть православное, не есть древнее и дѣйствительно занесено въ Россію армянскими торговцами, п. Никонъ приказалъ привести армянъ, проживавшихъ въ Москвѣ. Оказалось, что армяне крестились двумя перстами. Дальнѣйшее слѣдствіе показало, что нѣкоторые изъ нихъ занимались пропагандою въ пользу двуперстнаго сложенія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своихъ посланіяхъ Игнатій митрополитъ Тобольскій ¹⁰²⁾. Мѣра эта, вполнѣ согласная съ благоразумнымъ совѣтомъ, даннымъ Константинопольскимъ патріархомъ, дѣлаетъ честь уму и находчивости п. Никона: она благоразумна и убѣдительна и строго была направлена противъ того способа, какимъ лжеучители старались распространить свое мнѣніе въ массѣ народа и отстоять свое заблужденіе. Выше мы видѣли, къ какимъ срѣдствамъ прибѣгали расколуучители: діаконъ Θεодоръ, протопопъ Іоаннь Нероновъ постоянно ходили въ церковь и тамъ предъ лицомъ всего народа запрещали пѣвчимъ пѣть аллилуіа по трижды; Аввакумъ дѣлалъ тоже самое и пользовался такимъ успѣхомъ, что од-

¹⁰¹⁾ Тамъ же, Слово отвѣщательное.;

¹⁰²⁾ Третье посланіе Игнатія митрополита тобольскаго.

нажды произвелъ даже открытій мятежъ въ церкви ¹⁰³⁾. Тѣмъ же способомъ вѣроятно распространяли свои мнѣнія и другіе жеучители. Расколоучители чернили и клеветали на п. Никона, они всѣхъ старались убѣдить, что п. Никонъ дѣйствуетъ „самочинно“, умышленно искажаетъ вѣру. Пользуясь популярностью и почетомъ въ средѣ народа, угождая боярамъ и запекивая ихъ милостиваго вниманія, они умѣли очень многихъ склонить въ пользу своихъ мнѣній. Нельзя даже отвергать той мысли, что расколоучители не пришли бы къ открытому возстанію (какъ это случилось потомъ), еслибы только имъ удалось склонить на свою сторону большую часть жителей Москвы: судя по писаніямъ Аввакума, онъ вполне расположенъ былъ прибѣгнуть къ этой ужасной мѣрѣ ¹⁰⁴⁾. Отсюда само собою понятно и почему п. Никонъ прибѣгъ къ этому способу убѣжденія и какое значеніе для заблуждающихся и колеблющихся имѣло наставленіе восточныхъ святителей о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія. Авторитетъ патріарха Никона и подчиненнаго ему духовенства расколоучители значительно умѣли подорвать: ихъ заподозрѣли въ недобросовѣстности и произвольности; они могли имѣть личныя цѣли и выгоды; голосъ ихъ потому не могъ имѣть непрекаемой силы доказательности... Но вотъ говорятъ святители востока; они не имѣютъ и не могутъ имѣть никакихъ частныхъ цѣлей, у нихъ здѣсь нѣтъ ни враговъ ни друзей; они говорятъ, очевидно, такъ, какъ учить церковь: голосъ ихъ, очевидно, въ одно и то же время убѣждаетъ сомнѣвающихся, возстановляетъ авторитетъ п. Никона и единомыслищихъ съ нимъ архіереевъ и духовенства и сильно обличаетъ расколоучителей въ произвольности распространяемаго ими ученія ¹⁰⁵⁾. Правда,

иногда и дресса. курава

¹⁰³⁾ Вмѣстѣ съ нимъ взято было до 60 человекъ и посажено въ тюрьму, который онъ вѣроятно успѣлъ убѣдить въ истинности своихъ мнѣній. Исторія Русской церкви. Филарета, ч. III, стр. 156.

¹⁰⁴⁾ Посланіе Аввакума къ царю Феодору Алексѣевичу. Описаніе нѣкоторыхъ раскольниковыхъ рукописей, Александра Б. ч. II, стр. 37—38.

¹⁰⁵⁾ Описаніе московской синодальной бібліотеки Ал. Горскимъ и Невоструевымъ ч. 2, отд. III, № 310, стр. 524. Въ сборникѣ «Щитъ вѣры» помѣщено сочиненіе «о крестномъ знаменіи четырехъ братьевъ Плещеевыхъ», изъ котораго видно, что эти Плещеевы держались раскола и употребляли двуверстное сложеніе; но услышавъ въ Успенскомъ соборѣ отъ вселенскаго патріарха вышечриве-

эта мѣра имѣла особенно важное значеніе только для Москвы, а не для всей Россіи; и хотя всегда Россія во всемъ слѣдовала тому, чего держалась Москва, но патріархъ находилъ необходимымъ и вмѣстѣ возможнымъ познакомить провинціи со всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось въ Москвѣ.

Расколоучители пронесли слово лжи и клеветы по всѣмъ концамъ тогдашней Россіи; довѣрчивые простолюдины охотно вѣрили всему сказанному о дѣлахъ вѣры такими авторитетными лицами, какъ бывшіе справщики. Нисколько не удивительно, если въ самое короткое время значительная, можетъ быть бѣльшая часть населенія Россіи стала на сторону раскола; патріархъ Никонъ, ревностно заботившійся о чистотѣ религіозныхъ вѣрваній своихъ пасомыхъ, не могъ оставить безъ вниманія такого крупнаго явленія, какъ распространеніе раскольничьихъ понятій въ массѣ населенія, и нашелъ два средства, которыми можно парализовать дѣятельность расколоучителей и возвратить къ церкви отпадающихъ отъ нея по невѣднію. Эти средства—проповѣдь (собственно миссіи) и печатное слово. У насъ нѣтъ ни одного историческаго свидѣтельства, принадлежащаго православному писателю, о дѣятельности миссіонеровъ, которыхъ посылалъ п. Никонъ въ различныя мѣста Россіи; но раскольническія сочиненія едигласно объ этомъ свидѣлствуютъ, хотя для нихъ выгоднѣе бы было о семъ умалчивать. Изъ этихъ сочиненій видно, что обязанность миссіонеровъ главнымъ образомъ состояла въ разъясненіи народу, въ чемъ состоитъ и съ какою цѣлію сдѣлано измѣненіе и поправка въ чинахъ, обрядахъ и книгахъ, и убѣждать народъ остаться вѣрнымъ церкви и ея пастырямъ.

Такъ Денисовъ въ своемъ Виноградѣ, говоря о перемѣнахъ, сдѣланныхъ Никономъ (о триперстномъ знаменіи, о четвероконечномъ крестѣ, тройномъ аллилуіа, пятипросфоріи и т. п.), замѣчаетъ, что эти нововведенія распространялись по всей Россіи довольно быстро и принимались охотно съ сочувствіемъ: „учатся говорить онъ, архіереи и священницы, аки язычницы благосло-

денное объясненіе, послѣдовали ученію церкви и въ опроверженіе заблужденія своего и другихъ написали означенное сочиненіе. Нужно полагать, это не единственные лица, на которыхъ подѣйствовало убѣщаніе патріарха.

вляти и служить, учатся народъ знаменатися и молитву творити, аки варвары, аки не знающіе и ниже Бога ниже закона“ ¹⁰⁶). Почему же всё такъ ревностно начали учиться новому? Потому отвѣчаетъ Денисовъ, что „Никонъ посла проповѣдниковъ повсюду“, которые и научили всѣхъ мнимымъ новинамъ ¹⁰⁷). Кто были эти „проповѣдники“, посланные Никономъ, неизвѣстно; но очевидно, проповѣдь ихъ достигала своей цѣли. Въ другомъ своемъ сочиненіи Денисовъ съ особенною скорбію говорить „и повелѣ печатати книги съ вышеозначенными нововнесеніи, и тыя всюду по странамъ російскія державы разсылати и всякую службу молитвословія по онымъ совершати, коимъ повсюду разсылаемымъ, во вся митрополіи, грады, страны, монастыри, села и веси: во всѣхъ парохіяхъ каждому священниковъ разсылаемымъ, никто же обрѣтенъ противустоящъ; никтоже оныя новшества возражающъ, ни единъ отъ великихъ монастырей и градовъ мало постоя“ ¹⁰⁸). То же самое пишетъ и Нероновъ изъ мѣста заточенія къ царицѣ, что „исправляющаго въ челоуѣцѣхъ нѣсть“, т.-е. защитниковъ раскола; „никто же оная новшества возражающъ“, кромѣ епископа коломенскаго Павла и Аввакума ¹⁰⁹). Но куда не проникала проповѣдь, живое слово, тамъ должны были узнать изъ книгъ и тетрадей, съ какою цѣлію и почему начато исправленіе ц. б. книгъ и какъ ведется дѣло исправленія книгъ. Къ каждой новоизданной книгѣ—служебнику, скрижали и другихъ, вышедшимъ при патріархѣ Никонѣ, была приложена полная и подробная исторія исправленія книгъ, изъ которой каждый могъ видѣть, что дѣло начатое п. Никономъ принадлежитъ не произволу Никона, а совершается по опредѣленію всей православной церкви, такъ какъ на это было соизволеніе восточной церкви греческой; потомъ, что дѣло исправленія совершается съ возможною осторожностію, съ самымъ строгимъ разборомъ, и слѣдовательно, погрѣшности, искаженія здѣсь быть не можетъ; наконецъ, что оно совершается согласно желаніямъ прежнихъ списщиковъ, которыя они заявили въ предисловіяхъ и послѣ-

¹⁰⁶) Виноградъ Россійскій. Денисова л. 61 на оборотѣ.

¹⁰⁷) Тамъ же, л. 63 на оборотѣ.

¹⁰⁸) Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловец. сборн. л. 10 на оборотѣ и 11.

¹⁰⁹) Русскій расколъ старообрядства. Щапова, стр. 46, примѣч. 2.

словіяхъ изданныхъ ими книгъ и согласно опредѣленію прежнихъ соборовъ. Такъ какъ книги эти были разосланы по всѣмъ церквамъ, то каждый слѣдовательно имѣлъ полную возможность знать подробно о дѣлѣ исправленія книгъ. Къ новоизданнымъ книгамъ сверхъ того были приложены цѣлыя отдѣльныя разсужденія, которыя разъяснили народу, почему повелѣвается дѣлать такъ, а не иначе¹¹⁰⁾. Чтобы познакомиться съ достоинствомъ этихъ приложений и значеніемъ ихъ для того времени, мы приведемъ здѣсь кратко содержаніе статей, приложенныхъ къ скрижали, изданной патріархомъ Никономъ въ 1656 году.

Послѣ полной и подробной исторіи исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ, слѣдуетъ въ скрижали слово монаха Дамаскина въ недѣлю крестопоклонную—, сирѣчь третію недѣлю святыхъ постовъ“. Излагая значеніе и силу креста, Дамаскинъ между прочимъ говоритъ, что мы должны осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ на каждомъ мѣстѣ, при началѣ и окончаніи каждаго дѣла, при входѣ и выходѣ, при всѣхъ положеніяхъ и состояніяхъ. „Обаче не сотворишь безумно и не смотрѣливо, якоже творять вятщии не вѣдуще; но имать творити и, якоже есть дѣло благочестивому христіанину. Суть нѣщии, иже овогда на челѣ своемъ, овогда на рамѣ своемъ, овогда на чревѣ своемъ полагають руку свою, и творять крестъ свой безумно... Но како долженъ есть творити кійждо благочестивый христіанинъ крестъ свой?—Первѣе убо да совокупить три своя персты, за Святую Троицу: великій перстъ и два другія, суцая близъ его. Таже первѣе положить ю (руку съ сложенными перстами) на челѣ своемъ, второе на чревѣ своемъ, третье на правомъ рамѣ, четвертое—на лѣвомъ рамѣ (въ подлинникѣ изображеніе руки съ православнымъ сложеніемъ перстовъ). Егда творить тако, тогда знаменуеть истинный крестъ“¹¹¹⁾. Слово монаха Дамаскина излагаетъ только православное сложеніе перстовъ въ крестнаго знаменія; но не объясняетъ, почему должно слагать персты такимъ образомъ и что есть неправославнаго въ перстосложеніи раскольниковъ. Это достаточно раскрываетъ и объясняетъ второе слово, приложенное

¹¹⁰⁾ Скрижаль 1656 г. Разсужденія иподіакова Дамаскина о сложеніи трехъ перстовъ и объ именованномъ благословеніи. Въ приложеніи.

¹¹¹⁾ Скрижаль 1656 г., л. 770—773.

къ Скрижали, — „о еже коема персты десныя руки изобразати крестъ“. Въ началѣ этого слова приводится свидѣтельства св. отцевъ о формѣ креста, именно—что онъ долженъ быть четырехъ-сторонній или четырехконечный; затѣмъ излагается основаніе для трехъ-перстнаго сложенія. „Если мы желаемъ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, то прежде всего должны сложить три первые перста, во образъ Св. Троицы: великій перстъ, называемый пальцемъ, и два другіе близъ него находящіеся—указательный и велико-средній. Такимъ соединеніемъ первыхъ трехъ перстовъ знаменуется равенство и соединеніе, но вмѣстѣ и не смѣшеніе лицъ Св. Троицы. Ибо какъ во Св. Троицѣ „нѣсть первое и послѣднее, ниже болѣе и менѣе, но цѣлы три уполности, соприисносущи себѣ суть и равни; сиче и въ тѣхъ трехъ первыхъ перстахъ нѣсть большаго, ни меньшаго, равенство имуть къ себѣ же и другъ къ другу, якоже и въ самихъ ихъ видѣти есть. Соединеніемъ же тѣхъ перстовъ вкупѣ, не якоже мѣстомъ разсѣкающе, съ малыми послѣдними, великій палецъ мимо среднихъ двухъ протягше соединяемъ, но аrieвы пропасти злобознаго раздѣленія бѣгающе, единосуществовіе исповѣдуемъ оныя Св. Троицы. Несмѣшеніемъ же разнство лицъ проповѣдающе, Савелліеву скудость отрѣваемъ“. Такъ издревле учила церковь слагать персты для крестнаго знаменія, но не всѣ слѣдуютъ этому ученію. Нѣкоторые (раскольники) большой палецъ съ двумя послѣдними малыми соединяютъ, изображая тѣмъ таинство Св. Троицы; двумя же остальными, которые остаются простертыми указательнымъ и велико-среднимъ—таинство смотрѣнія Бога-Слова. Въ доказательство истинности такого сложенія перстовъ приводятъ свидѣтельство блаженнаго Мелетія, Θεодорита и Максима Грека, инока св. Горы, обители Ватопедскія. „Къ симъ, говоритъ слагатель слова, да прострется отъ насъ слово вопрошительное, вкупѣ и увѣщательное о употребленіи ихъ крестнаго изображенія, еда истинствуютъ?“ Рцыте вы, соединяющіе великій перстъ, сіе—есть палецъ, со двѣма послѣдними,—вѣліе неровенство и разстояніе мѣстное между себѣ имущими, како можете исповѣдати таинство Святыя Троицы соприисносущныя и равнославныя. приличными воистину всячески, изображеніемъ первообразнаго идѣже нѣсть первенство, ниже послѣдство, якоже выше рѣхомъ, и ниже большинство, ниже меньшинство, во онаго

естествѣ... Рцйте же еще прочее и о двухъ перстахъ, указательномъ, глаголю, и среднемъ, ими же глаголете исповѣдши таинство смотрѣнія Бога-Слова и глаголюще заключати въ сихъ Божество и человѣчество, како исповѣдуете?—Зрите убо егда не впадаете (аще и не хотящимъ вамъ) во еже мудрствовати двѣ вѣпостаси во единомъ Христѣ, и раздѣляти по Несторію глаголющему, иного убо быти Бога-Слова, иже отъ Отца рожденнаго прежде вѣкъ, другаго же Иисуса, рожденнаго отъ Назарета, человѣка просто истцевавшему и по любви соединенна, а не Бога истина воплощася якоже и вы нынѣ раздѣляете... Но да не убо мнится кто въ васъ мысля и бояся отложите новъ вводное и не обдержное сіе изображеніе; покоримся же паче вси вкупѣ древнему преданію отъ св. апостоловъ и св. отецъ преданному, еже трети первыми персты вообразити на лицѣ нашемъ честный крестъ¹¹³⁾... Теперь, продолжаетъ составитель слова, остается разсмотрѣть приводимыя вами свидѣтельства въ защиту вашего новаго перстосложенія. Скажите, кто же изъ св. отецъ установилъ такъ креститься. Будто Мелетій патриархъ антиохійскій, на котораго вы ссылаетесь? Но мы положительно знаемъ, что такого преданія онъ никому не передавалъ; развѣ аще его отъ сего приводите вы, егда ему на соборѣ бывшу съ вѣрными и со аріаны стязающуся о вѣрѣ и не могущу чѣмъ припрѣти я? тогда якоже повѣствуется въ житіи его сице,—возставъ, показа имъ три персты и не бысть знаменія; потомъ же два совокупль, и единъ пригнувъ, благослови люди. И изыде отъ него огонь, яко молнія, и вся вѣрныя удиви, противныя же устраши и посрами? Рцйте убо противніи: которые три въ началѣ персты Мелетій показа разлученны? два ли послѣднія съ великимъ пальцемъ, якоже вы мните или три первыя великія, глаголю палець указательный же и великосредній? Не сице убо ему тогда дѣйствующу изображеніемъ, яко же нещуете два ему малыя послѣднія соединити, и единъ великій персть, си есть палець, къ нимъ пригнути, но по всему извѣстно его свидѣтельство, первому и обдержному и по всюду содержащемуся преданію помогающее, а не вашему нововводному и второму: якоже и повѣсть тамо сама свидѣтельствуется, якоже рѣхомъ: не

¹¹³⁾ Тамъ же, стр. 799—806.

два бо малыя перста съ великимъ пальцемъ разлучены другъ отъ друга показа "... И далѣе, прибавляетъ авторъ слова, что никакое другое соединеніе перстовъ для Милетія по цѣли было невозможно ¹¹³⁾.

Еще ссылаетесь вы на Θεодорита, который будто бы учить, что персты должно слагать для крестнаго знаменія по вашему. Но какой же это Θεодоритъ, какое его прозваніе, какого онъ города — антиохійскій, кирскій или какой иной? Если города Кира, то мы знаемъ, что писанія его на славянскій діалектъ не переведены, и писаній его мы не знаемъ и не имѣемъ; гдѣ же они существуютъ, нужно помнить, что они не всѣ принимаются церковію: потому въ нихъ находится много клеветы на поборника вѣры Кирилла и на св. третій вселенскій соборъ, бывшій въ Ефесѣ, и на нашу православную вѣру, помогая злочестивому Несторію; почему его писанія отвергнуты церковію и преданы проклятію св. отцами пятаго вселенскаго собора. Другихъ же Θεодорита никакихъ сочиненій нѣтъ и даже названій ихъ не существуетъ ни въ какихъ катадогахъ: и потому, если только на этомъ писаніи вы основываете правильность вашего перстосложенія, то понятно, что это основаніе далеко не твердое ¹¹⁴⁾.

Въ доказательство правильности двуперстаго сложенія вы еще ссылаетесь на Максима Грека. „Мы знаемъ, что Максимъ мужъ благъ и разума и премудрости исполненъ бѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ его писанія. Но что онъ написалъ о семъ (перстосложеніи), не знаемъ, на какомъ основаніи такъ писалъ: или какъ человекъ, по снисхожденію послѣдовалъ утвердившемуся въ насъ обычаю, или боялся навѣтовъ невѣждъ; намъ кажется, что все, что онъ объ этомъ написалъ, отъ себя написалъ: потому что въ подтвержденіе написаннаго ни на кого не ссылается ни на апостоловъ, ни на кого изъ святыхъ древнихъ, который бы училъ такимъ образомъ, не упоминаетъ даже, что это уже установившееся сложеніе перстовъ, что оно все вселенское“. Въ заключеніе своего разсужденія слагатель слова убѣждаетъ всѣхъ повиноваться церкви и ея пастырямъ, которымъ повелѣ-

¹¹³⁾ Тамъ же, стр. 807—812.

¹¹⁴⁾ Тамъ же, стр. 812—814.

вають повиноваться св. апостолы ¹¹⁵⁾). Далѣ къ Скрыжали приложено разсужденіе „Николая Священнаго, Молокса, протопопа Новиійскаго“ объ именованномъ благословеніи или „о знаменованіи соединяемыхъ перстовъ руки священника, внигда благословити ему христоименитый народъ“ ¹¹⁶⁾). Задача этого разсужденія доказать, что священнику необходимо слагать персты для благословенія такъ, чтобы перстами изобразились начальныя буквы имени Иисуса Христа. Іс. Хѣ.

Наконецъ, къ Скрыжали приложены еще два слова, имѣвшихъ особенную важность для того времени: „Максима монаха грека сказаніе о еже како подобаеть извѣстно и твердо блюсти символъ, сирѣчь исповѣданіе православныя вѣры“ ¹¹⁷⁾, и „отъ книги монаха Зиновія, бывша ученика премудра Максима Грека, яже написа въ обличеніе ереси Феодосія Косого, иже бысть въ лѣто 7060 глава 51“ ¹¹⁸⁾. То и другое слово заключаетъ въ себѣ сводъ соборныхъ постановленій и св. отцевъ о томъ, чтобы символъ Никео-Цареградскій не былъ измѣняемъ ни кѣмъ и ни подъ какимъ видомъ. Эти приложения къ изданной патріархомъ Никономъ Скрыжали даютъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на всѣ вопросы, которые сдѣлались камнемъ преткнанія и соблазна, сначала только для расколоучителей, а потомъ начали волновать умы большей части русскаго общества того времени. „Прежде всего — сомнѣвались — имѣлъ ли право патріархъ Никонъ касаться этого дѣла, имѣлъ ли право приступить къ исправленію книгъ и измѣнять уставы и чины“? Выходи изъ того положенія, что „святые отцы благоугодили Богу по этимъ книгамъ, необходимо было отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Чтобы устранить всякую тѣнь сомнѣнія, патріархъ Никонъ помѣстилъ въ Скрыжали списокъ съ соборнаго дѣянія объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, присланный константинопольскимъ патріархомъ. Въ немъ опредѣленно и ясно изложены права и преимущества патріарха,

¹¹⁵⁾ Тамъ же, стр. 814—817.

¹¹⁶⁾ Тамъ же, листы 818—829.

¹¹⁷⁾ Тамъ же, стр. 830 и далѣ.

¹¹⁸⁾ Не потому ли непосредственно послѣ раскольническихъ толковъ о нововведеніяхъ и перемѣнахъ, сдѣланныхъ патріархомъ Никономъ, въ раскольническихъ сборникахъ слѣдуетъ статья подъ именемъ «извѣщеніе о грѣдѣхъ»?

въ немъ прямо вмѣнялось въ обязанность патріарху слѣдить за чистотою вѣры и обряда, наблюдать затѣмъ, чтобы церковь русская *во всемъ* была согласна съ церковію греческою. Значить, онъ не только имѣлъ ка то право, но это была его прямая обязанность, долгъ.

Далѣе: всѣ предисловія и послѣсловія книгъ, изданныхъ послѣ стоголаваго собора, говорили о необходимости исправленія книгъ, и исправленіи не едино-личномъ, но *соборномъ*. Никонъ считалъ необходимымъ объяснить, что и на этотъ разъ онъ нисколько не отступаетъ ни отъ общаго и давнишняго желанія, ни отъ опредѣленія даже стоголаваго собора. Съ этою цѣлію къ скрыжали приложилъ списокъ съ соборнаго дѣянія (1654—1655 гг.) и полную исторію начатаго исправленія книгъ. Исправленіе книгъ было *соборное* въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ первыя книги разсмотрѣны были соборомъ и изданы съ благословенія и утвержденія собора. Наконецъ опредѣленія исправить книги (и даже наказать противниковъ исправленія) принадлежить не русской церкви: оно утверждено на патріаршемъ Константинопольскомъ соборѣ. Для этого приложено къ скрыжали самое соборное дѣяніе этого собора. Лично п. Никону не принадлежить ничего, кромѣ похвалъ и одобренія Константинопольскаго патріарха и собора за ревность и благоустройство церкви. Но тогда какъ одна статья, приложенныя къ скрыжали, клонились къ оправданію личности п. Никона и начатаго имъ дѣла исправленія книгъ и чиновъ, другія были направлены противъ неправильныхъ мнѣній, установившихся въ церкви, и ихъ защитниковъ. Для насъ въ настоящее время представляется немного страннымъ, какимъ образомъ можно спорить о перстосложеніи, и какъ можно утверждать, что этимъ перстомъ болѣе прилично изобразить это именно лице Св. Троицы; поэтому можетъ представиться, что п. Никонъ возставалъ изъ-за пустаго и заботился о пустомъ, но нужно помнить, что дѣло происходитъ въ половинѣ XVII вѣка... Что несущественному и неважному придано такое важное значеніе, въ томъ п. Никонъ нисколько не виновенъ: и перстосложенію, и всему тому, изъ-за чего возставали раскольники, Никонъ, какъ увидимъ потомъ, придавалъ не особенно важное значеніе. Все это несущественное и не важное возведено на степень догмата и истины церковной са-

ими раскольниками. Никонъ готовъ былъ сдѣлать уступку, но этой уступки не хотѣли и не могли принять фанатическіе расколоучители; еслибъ имъ была сдѣлана уступка, все-таки они не удовлетворились бы и—главное—не перестали бы считать п. Никона и всѣхъ его послѣдователей еретиками. Они только тогда удовлетворились бы, когда бы вся церковь приняла ихъ ученіе. Слѣдовательно, п. Никонъ поставленъ былъ въ необходимость придать особенно важное значеніе сложенію перстовъ для крестнаго знаменія и доказать противникамъ превосходство ученія церковнаго предъ ученіемъ раскольниковъ. И нужно согласиться, что это превосходство церковнаго ученія доказано „двумя словами“ приложенными къ скрыжали вполне удовлетворительно, равно какъ основательно раскрыта несостоятельность раскольниковскаго ученія. Отличаясь внутренними достоинствами, эти сочиненія не лишены и вѣншихъ достоинствъ. Они отличаются духомъ умѣренности и кротости, чужды раздражительности и бранчивости, чѣмъ особенно отличаются полемическія сочиненія послѣдующаго времени.

Послѣднія два слова—Максима грека и инока Зиновія въ одно время доказывали и необходимость пересмотра начатаго п. Никономъ и ставили раскольниковъ въ противорѣчіе: тѣ самые учителя, на которыхъ ссылались раскольники, говорятъ въ пользу Никона и начатаго имъ дѣла и осуждаютъ раскольниковъ. Вотъ почему раскольники особенно не влюбили скрыжали, старались найти въ ней какъ можно больше ересей, и вотъ почему, по выходѣ скрыжали, раскольники „возбѣсилса и отдралса отъ церкви“, какъ говоритъ митрополитъ Тобольскій Игнатій. Греческая церковь одобрила Никона и дѣйствія Московскаго собора, значить, на взглядъ раскольниковъ, и греческая церковь утрапила древнее православіе ¹¹⁹⁾.

Враги Никона думали воспользоваться общественнымъ бѣдствіемъ, чтобъ накинуть черное покрывало какъ на личность самого патріарха, такъ и на начатое имъ дѣло исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ. Отсутствіе патріарха и суевѣріе народа ручались за успѣхъ ихъ несчастнаго предпріятія. Когда въ 1654 г., по отъѣздѣ царя съ войскомъ къ польскимъ

¹¹⁹⁾ Акты археографич. экспедиціи, IV, № 78.

границамъ, обнаружилась первые признаки мороваго повѣтрія, царь просилъ патріарха принять на себя попеченіе о сохраненіи царскаго семейства ¹²⁰). Поручивъ управленіе церковными дѣлами Сарскому митрополиту, п. Никонъ отправился съ царскимъ семействомъ въ Троице-Сергіевъ монастырь, въ окрестностяхъ котораго еще не распространилось моровое повѣтріе ¹²¹). Разсылая грамоты о мѣрахъ предосторожности противъ этой язвы, отъ имени царицы Маріи Ильиничны и царевича Алексѣя Алексѣевича, п. Никонъ старался воодушевить жителей Москвы и преподавать имъ религіозное утѣшеніе; изъ Троицкой лавры онъ послалъ въ Москву двѣ чудотворныя иконы, какъ надежнѣйшее средство для прекращенія общественнаго бѣдствія ¹²²). Но въ стану на Нерли патріархъ узналъ, что въ Москвѣ кто-то распустилъ слухъ, будто общественное бѣдствіе постигло Россію за начатое п. Никономъ исправленіе книгъ. Но чтобъ лучше убѣдить суевѣрный и запуганный народъ въ этой мысли, указывали на видѣніе какой-то женки Стефанидки Калуженки и ея брата Терешки, утверждавшихъ, что они видѣли видѣніе отъ образа и слышали повелѣніе о прекращеніи печатанія новыхъ книгъ ¹²³). Патріархъ Никонъ зорко слѣдилъ за направленіемъ общественнаго мнѣнія; онъ хорошо понималъ, кому нужно и для кого выгодно распространять такіе нелѣпые слухи, зналъ, что при всеобщемъ возбужденномъ состояніи этотъ слухъ могъ возбудить суевѣрный народъ къ бунту, и потому приказалъ произвести строгое слѣдствіе о видѣніи означенной женки. Слѣдствіе было произведено, и п. Никонъ указалъ на противорѣчіе въ показаніяхъ Стефанидки и Терешки... и та женка съ братомъ своимъ Терешкою въ рѣчахъ своихъ разнилась: женка Стефанидка указывала въ видѣніи на образъ великомученицы Прасковіи, нареченныя Пятницы, а братъ ея Терешка указывалъ на образъ Пресвятыя, пречистыя Богородицы; да женка-жъ та рассказывала, что братъ ея отъ роду своего

¹²⁰) Дополненіе къ актамъ историч. т. III, № 119, отд. IV.

¹²¹) Грамоты эти смотри Дополнительныя акты историч. т. III, № 119, стр. 443—528. Акты археогр. эксед. т. IV, №№ 75, 77. Акты историч. т. IV, № 92. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. III, № 180.

¹²²) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. III, № 178.

¹²³) Пропущенныя мѣста въ грамотѣ, кажется, такъ должно понимать.

былъ нѣмъ, а Терешка самъ про себя сказывалъ, что онъ говорилъ нѣмо, а нѣмъ не быть, и то знатно, что они солгали, и выбъ впредь такимъ не быличнымъ вракамъ не вѣрили. А что они говорили, чтобъ печатный дворъ запечатали и чтобъ книгъ не печатать и книгъ печатать, давно невѣлено для мороваго повѣтрія ¹²⁴⁾. Грамота эта была назначена для всеобщаго прочтенія, такъ какъ касалась слишкомъ важнаго предмета ¹²⁵⁾: такъ поступалъ Никонъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Въ какой мѣрѣ нужно было подобное заявленіе, легко заключить изъ того, что на всѣхъ напалъ панической страхъ отъ ужасовъ моровой язвы и слухъ, пущенный, очевидно, недоброжелателями Никона о гнѣвѣ Божиѣмъ за исправленіе книгъ, могъ найти себѣ полную вѣру и сочувствіе; моровая язва 1654—55 годовъ буквально опустошила Москву, многіе города и села, и легко могла представиться простому народу гнѣвомъ Божіимъ за особенное какое-либо великое преступленіе, каковымъ представить хотѣли начатое Никономъ книжное исправленіе ¹²⁶⁾. Сдавъ порученное ему семейство царское въ Вязьмѣ самому царю, п. Никонъ посѣдилъ въ опустошенную Москву и былъ принятъ съ восторгомъ ¹²⁷⁾. Но не прошло и полгода по прекращеніи моровой язвы, какъ она появилась вновь въ Астрахани и скоро проникла во внутреннюю Россію. Патріархъ по просьбѣ царя вновь отправился съ царскимъ семействомъ въ мѣста свободныя отъ мороваго повѣтрія. Враги Никона не оставили его въ покоѣ и на этотъ разъ. Къ старой клеветѣ они прибавили еще новую на самого патріарха. Отъ гнѣва Божія скрыться никуда невозможно; отвратить его никакъ нельзя, слѣдовательно принимать какія-либо мѣры предосторожности ни подъ какимъ видомъ не

¹²⁴⁾ Отсюда въ грамотѣ начинаются большіе пропуски — но полагаемъ, что въ нихъ содержится эта именно мысль.

¹²⁵⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. III, № 179. Дополненіе къ актамъ историческ. т. III, № 119, отдѣл. VI. Словарь писат. дух. чина «Никонъ».

¹²⁶⁾ Какъ велика была смертность, можно составить себѣ понятіе по документамъ собранымъ въ Дополненіи къ актамъ историч. т. III, № 119, отдѣл. VI, LXXII, LXXVIII, LXXX, LXXXIV и друг.

¹²⁷⁾ IX приложеніе къ «начертанію жизни патріарха Никона», составленное Аполосомъ.

слѣдуетъ. Патріархъ Никонъ каждый разъ удаляется изъ Москвы, не хочеть раздѣлять опасностей съ своею паствою и поступаетъ слѣдовательно не такъ, какъ должно истинному пастырю. Ко всему этому присовокупляли старую клевету о причинѣ мороваго повѣтрія. Никонъ, чтобъ успокоить умы, разослалъ обширную грамоту, въ которой объяснялъ истинную причину общественнаго бѣдствія и давалъ подробный отвѣтъ на всѣ мысли, волновавшія въ то время умы. Преподавъ пастырское благословеніе всякаго чина людямъ, патріархъ писалъ: „во многіихъ годахъ моровое повѣтріе есть, а отчего, то единъ Богъ святыи вѣсть, и никому о семъ знати не належитъ, развѣ еже глаголати, яко не бываетъ злоба, сирѣчь скорбь, ни во градѣ ни въ селѣ, аще не Господь попустилъ... Указавъ такимъ образомъ на дѣйствительную причину общественныхъ несчастій и бѣдствій, Никонъ убѣждаетъ всѣхъ прибѣгать къ Божіему милосердію, къ раскаянію во грѣхахъ, къ посту и молитвѣ какъ единственнымъ средствамъ, посредствомъ которыхъ можно снискать Божію милость „коегожда вкупѣ и особо, молимъ васъ, о своихъ мимошедшихъ и о настоящихъ прегрѣшеніяхъ каются и грѣхи свои святымъ чистымъ исповѣданіемъ очистити и молитвою и постомъ со слезами праведный гнѣвъ Божій устави“... „тѣмъ же, всякъ отъ васъ, яко сынъ восточныя церкви, по силѣ да поститесь, и елицы, по разсужденію отецъ своихъ духовныхъ, аще достойни явятся пречистыхъ и животворящихъ таинъ тѣла и крови Христовы, да причастится. Аще ли по семъ нашемъ завѣщаніи кто отъ злобы не отступитъ, и святымъ исповѣданіемъ, и постомъ и молитвами не присвоится Господеви, и по разсужденіи отецъ своихъ духовныхъ, святыхъ таинъ не сподобится, и обрящеть его Богъ, яко вси обрящеть, по реченному во пророцѣ: „въ чемъ ты застану въ томъ ты и сужду“... Затѣмъ Никонъ убѣждаетъ „если можно, опасно отъ мороваго повѣтрія ходити, за не еже опасство отъ сего повѣтрія съ помощію Божією имѣти добро есть и благопріятно“ и множествомъ примѣровъ изъ Св. Писанія и изъ исторіи церкви опровергаетъ ту ложную мысль, что удаляться отъ опасности и бесполезно и грѣшно, какъ многіе думали въ то время. „А иже непослушаніемъ своимъ прехождение сотворити и восхотѣша и не точію самихъ себя отъ совѣсти прельщаема въ вольную и непотребную напасть ври-

нуша, но и прочимъ многимъ ненаученнымъ ложная видѣнія и лукавая сонія сказующи и сими тѣхъ прельстивше, лютою тою язвою своевольнѣ тѣхъ уморити сотвориша, за нихъ же мечь воспринимуть отъ Вседержительны руки, мною, не мечьше убійца“... Совѣтующіе не принимать предосторожностей слышаютъ на видѣнія: „видѣхъ сонѣ, видѣхъ сонѣ и извѣщеніе ея и ея пріяжъ отъ Бога, дабы многихъ всѣхъ себѣ отторгнули“; но изъ этого вышло только то, что послѣдующіе ихъ расказаніе погубили и увеличивали тѣмъ лютою язву. И не удивительно, что такъ дѣлается: это необходимо, потому что противно ученію христіанскому. „Поэтому, чада возлюбленная, яко истинныи христіане, истиннаго сего владыки нашего Христа повелѣнія никакже преслушайте, и отъихъ лукавыхъ же пророковъ и ложныхъ ихъ словесъ отнюдь не послушайте“... и сдѣлаете не только полезное себѣ, но даже окажетесь исполнителями заповѣди Христовой не слушать жеучителей и получите мзду. Но онъ не хотѣлъ оставить безъ отвѣта и нелѣпыхъ слуховъ о причинѣ его отвѣзда изъ Москвы и о причинѣ самой моровой язвы, будто ее накладалъ Никонъ, начавшій нечестивое дѣло исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ. Съ пастырскою кротостію и прощая клеветникамъ, онъ замѣчаетъ, что онъ выѣхалъ изъ Москвы не по своей волѣ, но по указу государя, совѣтуетъ впредь не умножать своихъ грѣховъ присвоеніемъ себѣ права судить другихъ, принадлежащаго одному только Богу и опровергаетъ ту нелѣпую мысль будто онъ виновникъ этого общественнаго бѣдствія. Никто, говорить онъ, за другаго не наказывается и не страдаетъ: „еже кто согрѣшаетъ, за сіе самъ и судъ воспринметъ, а не иніи за него“...; говорящіе же, что ради того или другаго таковая язва бысть въ мірѣ, говорятъ безъ смысла (туне) и только грѣхи къ грѣхамъ прилагають. И заключаетъ свое пастырское посланіе обращеніемъ къ милосердому Богу, къ которому совѣтуетъ обратиться и всѣмъ своимъ пасомымъ ¹²⁸⁾.

Это посланіе, дышащее кротостію и любовію христіанскаго пастыря, отвѣчающее снисходительно на всѣ нелѣпые слухи, порожденные невѣжествомъ, суевѣріемъ и злобою враговъ сви-

¹²⁸⁾ Посланіе это можно читать въ приложеніи къ «начертанію жизни патр. Никона» Аполлоса № VI.

дѣтельствуешь, что патріархъ Никонъ старался по возможности слѣдовать тому мудрому совѣту, который далъ ему константинопольскій патріархъ отъ лица всего константинопольскаго собора и заботился довести до истины заблуждающихся путемъ разумнаго убѣжденія. Время не оставило намъ никакихъ данныхъ для опредѣленія того, какое вліяніе произвело это посланіе, написанное съ цѣлю опровергнуть нелѣпыя слухи; но, судя по тому, что подобныя нелѣпыя слухи, будто виновникъ общественнаго бѣдствія патріархъ Никонъ, болѣе не возникали, — съ достовѣрностію можно полагать, что оно произвело желанное впечатлѣніе ¹²⁹⁾. Никонъ хорошо понималъ свойства русскаго народа; онъ зналъ, что народъ охотно внималъ всякому внушенію, отъ кого-бы оно не было дѣлаемо. Въ силу этого онъ могъ вполне разсчитывать на дѣйствіе своей грамоты или пастырскаго посланія. Народъ охотно внималъ жезучителямъ, но онъ также способенъ былъ внимать и внушеніямъ самого Никона. Судя по тѣмъ фактамъ, какіе передаетъ г. Соловьевъ въ своей исторіи т. X, стр. 366, можно понять, какъ было благодѣтельно удаленіе расколотителей изъ самой Москвы и какъ слѣдовательно благоразумно поступилъ Никонъ. Еслибы они были тамъ, едва ли можно сомнѣваться, что исторія со скребеннымъ образомъ Нерукотвореннаго Спаса окончилась бы открытымъ бунтомъ; а онъ, если когда особенно могъ быстро распространиться по Россіи, то это именно въ это время общественнаго бѣдствія, въ это именно время крайняго обѣднѣнія народа вслѣдствіе невѣроятныхъ налоговъ и общаго сильнаго возбужденія умовъ.

Мѣры, предпріятыя патріархомъ Никономъ къ ослабленію и уничтоженію раскола, обличаютъ въ немъ умнаго и предусмотрительнаго администратора; но эти мѣры не въ силахъ были совершенно уничтожить раскола, даже остановить его на болѣе продолжительное время: путемъ такихъ мѣръ можно было остановить развитіе раскола только на нѣкоторое время, словомъ— эти мѣры имѣли значеніе и силу только въ данный моментъ.

¹²⁹⁾ Замѣчательно, раскольники, такъ усердно отыскивающіе вины Никона и обвиняющіе его въ небывалыхъ преступленіяхъ, нигдѣ не говорятъ, что моровое повѣтріе было слѣдствіемъ начатаго патріархъ Никономъ исправленія церковныхъ богослужебныхъ книгъ.

Очень хорошо это видѣлъ Никонъ и потому—мѣръ, предпринимаемыхъ къ ослабленію раскола (о которыхъ мы говорили), не считалъ достаточными и особенно дѣйствительными. Главная причина происхожденія раскола въ русской церкви по мнѣнію Никона былъ крайній упадокъ просвѣщенія въ Россіи вообще и духовнаго просвѣщенія въ частности ¹³⁰⁾. Поэтому, главнымъ и единственнымъ средствомъ къ уничтоженію раскола патріархъ Никонъ полагалъ распространеніе просвѣщенія въ Россіи вообще и особенно въ средѣ духовенства. Самому патріарху Никону не пришлось получить полнаго систематическаго образованія,—хотя онъ достигъ значительной степени умственнаго развитія и владелъ обширными богословскими познаніями; но онъ зналъ по опыту, какъ труденъ путь самообразованія и потому находилъ необходимымъ завести школы, въ которыхъ бы получали правильное систематическое образованіе. Почти не подлежитъ сомнѣнію, что первое наше училище ¹³¹⁾ заведено если не Никонъ, то по крайней мѣрѣ по его мысли и при его участіи. Учрежденіе Преображенскаго монастыря и при немъ училища приписывается боярину Ѳеодору Михайловичу Ртицеву, который убѣдилъ царя вызвать въ Москву для этой цѣли ученыхъ иноковъ изъ Кіева; но едва ли учрежденіе этого училища принадлежитъ одному боярину Ртицеву. Никонъ и Ртицевъ связаны были взаимною любовію и о всѣхъ дѣлахъ („о благоустроеніи“) совѣтовались ¹³²⁾; основаніе училища положено въ то время, когда Никонъ былъ въ Москвѣ и пользовался особеннымъ довѣріемъ

¹³⁰⁾ Скрыжалъ 1656 г. См. предисловіе.

¹³¹⁾ Первое училище основано было въ Москвѣ патр. Филаретомъ. Словарь писателей духовнаго чина, ч. I, стр. 48. Строева, описаніе книгъ Царскаго 140. Пріавленіе къ твореніямъ св. отцевъ 1845 г., стр. 154. Но невѣжды возстали противъ этого источника просвѣщенія. Обвиняя Арсенія въ неправоуміи, невѣжды вооружились и противъ того ученаго учрежденія, которымъ завѣдывалъ Арсеній Грекъ. При патріарх. Іосифѣ, если это училище и существовало (на что впрочемъ нѣтъ никакихъ данныхъ), то, вѣроятно, только по имени, и вообще дѣятельность его была не широка. Вѣроятнѣе же всего, что вмѣстѣ съ ссылкой Арсенія Грека въ Соловецкій монастырь училище пало само собою. Словарь писателей дух. чин. ч. I, стр. 41. На этомъ-то основаніи, училище, открытое въ Москвѣ въ 1649 или 1650 гг., по справедливости можно назвать первымъ училищемъ московскимъ.

¹³²⁾ Древняя Россійская Вивліюэика, ч. XVIII, стр. 396.

и любовію государя, при участіи котораго и совершился вызовъ ученыхъ изъ Кіева ¹³³). Мысль основать для училища монастырь во имя Преображенія Господня, близь церкви Св. Ап. Андрея Первозваннаго—(чьмъ хотѣли выразить, что отсель начинается преобразование духовной жизни русскаго народа, какъ оно когда-то было преобразовано Св. Ап. Андреемъ Первозваннымъ) утверждаютъ, принадлежитъ Никону ¹³⁴). Самъ патріархъ Никонъ глубоко уважалъ знаніе и еще въ санѣ новгородскаго митрополита собралъ богатую библіотеку, преимущественно состоявшую изъ книгъ латинскихъ и греческихъ ¹³⁵). Все это приводитъ къ убѣжденію, что Спасо-Преображенская школа основана при участіи Никона ¹³⁶). Вступивъ въ управленіе дѣлами русской церкви, патріархъ Никонъ обратилъ особенное свое вниманіе на училища: онъ возобновилъ патріаршее училище, упавшее послѣ Арсенія Грека, и опредѣлилъ къ нему начальникомъ и главнымъ преподавателемъ Епифанія Славеницкаго, этого истинно-просвѣщеннаго инока, всею душою преданнаго дѣлу просвѣщенія ¹³⁷); помощниками къ нему опредѣлены Арсеній Грекъ, котораго патріархъ Никонъ вызвалъ изъ эточенія, и Петръ по прозванью Бѣлорусецъ ¹³⁸). Въранныя такимъ опытнымъ руководителямъ, какъ Славеницкій, Сатановскій, Птицкій, Арсеній Грекъ ¹³⁹), чудовское

¹³³) Никонъ рукоположенъ въ санъ новгородскаго митрополита въ 1649 году 9 марта. Въ этомъ же году были вызваны изъ Кіева Арсеній Сатановскій и Демаскииъ Птицкій. Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, т. III, № 136. Грамота эта писана 14 мая, но Никонъ оставался въ Москвѣ. Собраніе государ. грамотъ и договоровъ, т. III, № 135.

¹³⁴) Странникъ 1863 г. июль, стр. 38. Примѣчаніе.

¹³⁵) Временникъ, т. XV, стр. 133—134.

¹³⁶) Не тѣ ли добродѣтели, которыхъ по достоинству невозможно одѣнать, вышлѣ въ виду іерусалимскій патріархъ, когда далъ власть Никону носить мантию, «приложенія червонія». Собраніе государ. грамотъ и договоровъ, т. III, № 136.

¹³⁷) Словарь писателей дух. чин. я. I, стр. 190.

¹³⁸) Тамъ же, стр. 189—190.

¹³⁹) О Епифаніѣ Славеницкомъ говорится такъ: это мужъ многоуменней, еще и не кто таковъ во времени семъ не только грамматикъ и риторикъ, но и философъ и самыя теологіи извѣстныиъ мыслитель и опытный преголовникъ еллинскаго, словенскаго и польскаго діалектовъ. «Словарь писателей духов. чина т. I, стр. 190—191. Тоже самое почти говорится и о ученыхъ достоинствахъ Сатановскаго и Птицкаго; они называются вѣдущими божественное писаніе, важными еллинскому языку и съ еллинскаго языка на словескую рѣчь переводитъ умно-

(патріаршее) и Андреевское училища обѣщали въ будущемъ принести самыя богатые плоды. Вызванные въ Москву, ради ученія словено-россійскаго народа дѣтей Еллинскому показанію¹⁴⁰⁾, „для реторическаго ученія“ и „ради россійскаго народа въ просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія¹⁴¹⁾, не смотря на свои усиленные труды по части переводовъ разныхъ книгъ съ греческаго и латинскаго языковъ, кievскіе ученые занимались въ школахъ съ особеннымъ усердіемъ и сравнительно въ короткое время достигли значительныхъ результатовъ¹⁴²⁾. Въ пособіе учащимъ патріархъ Никонъ собралъ громадную библіотеку, въ которой находилось болѣе 1000 томовъ¹⁴³⁾. Въ этой массѣ латинскихъ, греческихъ, нѣмецкихъ и славянскихъ книгъ, печатныхъ и писанныхъ на бумагахъ и пергаментѣ, кромѣ книгъ Св. Писанія и Твореній Св. Отцевъ церкви, было множество книгъ ученыхъ—грамматики, реторики, логики, лексиконы, физики, космографіи, географіи, географическія карты и замѣчательнѣйшіе изъ греческихъ поэтовъ и философовъ¹⁴⁴⁾.

Патріархъ Никонъ убѣжденъ былъ, что расколъ окончательно можетъ быть уничтоженъ только подъ условіемъ распространенія просвѣщенія. Этимъ объясняется его особенное вниманіе къ московскимъ школамъ и наставникамъ, совѣтами которыхъ постоянно пользовался¹⁴⁵⁾. Едвали есть основаніе сомнѣваться,

щими и латинскую рѣчь достаточно знающими... Собраніе государ. грамотъ и договоровъ, т. III, № 136.

¹⁴⁰⁾ Словарь писателей дух. чина, ч. I, стр. 190.

¹⁴²⁾ Помощники Славенецкаго въ переводѣ Библіи—бывшій игуменъ Молчанскаго монастыря Евфимій, іерей Никифоръ, іеродіаконъ Чудова монастыря Моисей, Михайль Родостамовъ и Флоръ Герасимовъ—безъ сомнѣнія воспитанники этихъ школъ. Словарь писателей дух. чина, стр. 193—194. Называются они знающими еллинскій и латинскій языкъ и научно-славянскій. Эти познанія они приобрѣли дѣйствительно къ короткій срокъ, такъ какъ съ удаленіемъ Никона въ Воскресенскій монастырь и особенно по вѣзложеніи Никона оба училища пали. Словеницкій, завѣдывающій школами, переселился на Крутицы и посвятилъ себя исключительно переводу Библіи и Твореній Св. Отцевъ. Словарь писателей дух. чина, стр. 192—195.

¹⁴³⁾ Чтенія Моск. Общ. истор. и древн. російск. 1846 г. № 5. Временникъ, т. XV.

¹⁴⁴⁾ Тамъ же. Словарь писателей дух. чина, стр. 502—503.

¹⁴⁵⁾ Словарь писателей дух. чина, стр. 191.

что воспитанниковъ этихъ школъ патріархъ Никонъ хотѣлъ потомъ сдѣлать служителями церкви и борцами противъ раскола. Правда, объ этомъ нигдѣ не говоритъ Никонъ, но и странно бы было сказать, что заботятся о распространеніи просвѣщенія и умноженіи просвѣщенныхъ служителей церкви только ради раскола. Очевидно, взглядъ патріарха Никона на расколъ вѣрнѣе и мѣры, предпринимаемыя имъ къ уничтоженію его, отличаются особенною цѣлесообразностью: дѣятельство было направлено и должно было дѣйствовать противъ самаго корня болѣзни. И если бы патріархъ Никонъ управлялъ дѣлами русской церкви до конца своей жизни, то можно утвердительно сказать, что расколъ былъ бы уничтоженъ, по крайней мѣрѣ уничтоженъ бы былъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ первоначально явился т.-е. какъ религіозно-обрядовая секта или общество: съ паденіемъ Никона пали и заведенныя имъ училища и такимъ образомъ церковь лишилась необходимыхъ для нея просвѣщенныхъ дѣятелей и въ самую критическую минуту должна была ограничиваться одними предписаніями, которыя остались безъ исполненія, по недостатку людей способныхъ исполнить предписываемыя благодѣтельныя мѣры. Но не одна Москва или патріаршая епархія нуждалась въ образованныхъ, просвѣщенныхъ служителяхъ церкви; въ такой же мѣрѣ нуждались въ нихъ и всѣ другія епархіи; потому патріархъ Никонъ заботился объ образованіи школъ и въ другихъ епархіяхъ. Въ соборномъ дѣяніи объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, московскому патріарху вмѣнялось между прочимъ въ обязанность заботиться объ образованіи въ каждой епархіи школъ, воспитанники которыхъ рукополагаемы бы были потомъ въ санъ священника. Это предписаніе собора прежними патріархами, кромѣ Филарета, не было приведено въ исполненіе по разнымъ болѣе или менѣе уважительнымъ причинамъ. Патріархъ Никонъ, сознававшій пользу и необходимость школьнаго воспитанія вообще и въ особенности въ его время, рѣшился привести въ исполненіе опредѣленіе собора. Всѣмъ епископамъ русской церкви онъ предписывалъ, чтобы они „поучая весь народъ спасительнымъ Христовымъ заповѣдемъ, особенно отрочать покаянія (обученія знанія) усердно желающихъ, ученію, чтенію и добродѣльному и согласному пѣнію, по преданію св. восточныя церкви, заботились учить и показывать, избирая на сіе учителей

въ благихъ свидѣтельствующихъ и богобоязненныхъ: и сея ради вины, якоже дѣпо, училища поставляти, и ни кому же отъ неискусныхъ и не дѣпотныхъ показателей въ нихъ даяти дерзновеніе¹⁴⁶⁾. Правда, предписаніе это, какъ это увидимъ потомъ, не было приведено въ исполненіе; но полагаемъ — еслибы Никонъ остался на патріаршемъ престолѣ, это предписаніе, имѣвшее необыкновенную важность, не осталось бы безъ исполненія. Училища не заводились за недостаткомъ достаточно образованныхъ учителей, но предприимчивый патріархъ Никонъ умѣлъ находить выходъ изъ подобныхъ дѣйствительно стѣсненныхъ обстоятельствъ. Онъ успѣлъ основать цѣлыя ученныя общества въ Москвѣ, члены которыхъ работали день и ночь; безъ сомнѣнія, нашелъ бы средство найти если не такихъ, то подобныхъ дѣятелей и для провинцій¹⁴⁷⁾: по вступленіи на патріаршій престолъ Никонъ продолжалъ вызывать ученыхъ иноковъ изъ Кіева и южно-русскихъ монастырей¹⁴⁸⁾.

Борьба съ возникшимъ расколомъ безъ образованнаго духовенства была положительно невозможна, не могла благополучно кончиться для церкви. Значительная часть самаго духовенства не понимала сущности своей религіи, отождествляла ее съ обрядомъ, съ формой и развивала въ себѣ мертвообрядовое направленіе религіозной жизни, чрезъ что необходимо становилась на сторону раскола. Патріархъ Никонъ положилъ пресѣчь это ложное направленіе религіозной жизни въ самомъ источникѣ: онъ прежде всего нашелъ необходимымъ издать Скрыжаль, въ которой заключалось толкованіе церковныхъ обрядовъ, таинствъ, священнодѣйствій и вещей, чтобы ввести такимъ образомъ духовенство въ самый духъ и смыслъ церковно-богослужебныхъ обрядовъ, книгъ и вещей. До тѣхъ поръ пока русскія школы въ состояніи будутъ приготовить достаточное количество образован-

¹⁴⁶⁾ Древняя Россійская Вивлюэика, ч. III, стр. 301.

¹⁴⁷⁾ Какъ много работали въ Москвѣ южно-русскіе иноки, можно заключать по одному количеству представленныхъ ими переводовъ, хотя эти же самые иноки занимались и въ школахъ и составляли сверхъ того учебники. Словарь писателей духовн. чина, см. Епифаній Словеничій, Арсеній Грекъ, Арсеній Сатановскій, Дамаскинъ Птичій.

¹⁴⁸⁾ Русскій расколъ старообрядства. Шапова, стр. 69.

ныхъ служителей церкви, Никонъ хотѣлъ сдѣлать и настоящихъ болѣе достойными своего высокаго служенія, сознающими свой долгъ и обязанности. Эта цѣль изданія Скрыжали прямо высказана въ предисловіи этой книги. „Богоизбранный, святѣйшій московскій патріархъ Никонъ, Богоданный въ свѣтоводительство всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, свѣтоводитель и благотшавивый пастырь словеснаго стада Христова, пастырству его врученнаго, питая оное благовонною евангельскаго ученія пажитію, напоая животворными водами богопріятныхъ поученій и на правую стезю богоугоднаго житія наставляя,... благоусердно печется о томъ, чтобы весь священный россійскій причетъ духовный привести ко ясному знанію, пониманію священнодѣйствій: ибо какъ древле патріархъ Іаковъ, для напоенія овецъ безсловесныхъ отвалилъ вещественный камень отъ вещественнаго владыя, такъ онъ нынѣ поотщился отвалить мысленный камень непониманія, невѣжества, лежащій въ умахъ многихъ, для того, чтобы словеснымъ овцамъ Христовымъ напоеннымъ быть чистою водою яснаго разумѣнія священнодѣйственныхъ образовъ: ибо по его священно-начальническому, богоугодному, ревностному, благопоспѣшному и душеполезному старанію, полезная книга, содержащая въ себѣ толкованіе божественной литургіи, ясное изъясненіе таинственныхъ священнодѣйствій и всѣхъ священныхъ вещей знаменованіе, переведена съ греческаго на славянскій языкъ и въ великую духовную пользу всего священнаго причта православной русской церкви напечатана“¹⁴⁹). Съ тою же цѣлю Никонъ спѣшилъ перевести и издать „шесть словъ св. Іоанна Златоустаго о священствѣ“, извѣстныя у насъ болѣе подъ именемъ просто „книги о священствѣ“¹⁵⁰), которую и послѣ нѣсколько разъ издавали и разсылали по приходскимъ церквамъ.

Заботясь о просвѣщеніи наличнаго духовенства патріархъ Никонъ обратилъ особенное вниманіе на рукополагаемыхъ вновь, чтобы въ средѣ ихъ не было недостойныхъ священнаго сана, равно какъ строго слѣдилъ и затѣмъ, чтобы и все наличное духовенство вело жизнь, сообразную съ его высокимъ служеніемъ-

¹⁴⁹) Скрыжаль 1656 г. Предисловіе л. 1--3.

¹⁵⁰) Словарь писателей дух. чина, ч. I, стр. 186.

Въ патриаршей своей епархіи онъ самъ лично испытывалъ ставленниковъ и требовалъ подробнаго отчета о ихъ нравственной жизни отъ тѣхъ обществъ, въ средѣ которыхъ протекла ихъ предшествовавшая жизнь; въ другія епархіи къ епархіальнымъ архіереямъ послалъ строгій указъ, чтобы они обращали самое строгое вниманіе на нравственныя качества рукополагаемыхъ или ставленниковъ. И нужно полагать, что эти указы не оставались безъ исполненія. Въ маѣ 1654 года Макарій митрополитъ новгородскій послалъ грамоту съ прописаніемъ указа п. Никона о ставленникахъ, Тихвинскаго монастыря архимандриту Іосифу о выборѣ и порядкѣ представленія къ нему ставленниковъ, для посвященія ему въ церковныя чины „у великаго государя, отца нашего, святѣйшаго Никона, патриарха московскаго и всея Россіи, указъ о ставленникахъ, кому ставится въ попы или дьяконы, чтобъ посадскіе люди или въ волостѣхъ волостные люди, выборные и челобитныя за руками приносили къ тебѣ архимандриту; а выборы писали бы, чтобы онъ грамотѣ умѣлъ, и смиренъ, и церковному правилу искусенъ, и отъ Божественныхъ книгъ сказателенъ, и не пьяница, и не зорникъ, и не тать, и не душегубецъ, и не разбойникъ, и креста на судѣ не цѣловать, и въ боярскихъ дворѣхъ, и въ холопахъ, и въ крестьянахъ не бывалъ, и женатъ первымъ бракомъ на двѣцѣ по закону съ вѣнчаніемъ, а дѣтъ бы былъ 30 лѣтъ, а дьяконъ—25 лѣтъ; да сверхъ того выбору, чтобы того дьячка отецъ его духовный свидѣтельствовалъ, что онъ достоинъ священства“¹⁵¹). Правда, не всегда такъ строго исполнялось на дѣлѣ предписаніе патриарха; есть извѣстіе, что самого п. Никона обманывали его приближенные, будучи подкуплены ставленниками; но все-таки начало положено и отъ него нужно было ожидать добрыхъ плодовъ. Впрочемъ, нужно полагать, продолжки архіерейскихъ келейныхъ не безъизвѣстны были п. Никону: чтобы подѣйствовать на нечистую совѣсть этихъ людей онъ приказалъ перевести Епифанію Славеницкому „посланіе св. Василія Великаго о хиротоніи на мѣдѣ бываемой,—Геннадія патриарха константинопольскаго и другихъ о томъ же предметѣ“¹⁵²).

¹⁵¹) Акты археограф. экспедицій, т. IV, № 331.

¹⁵²) Словарь писателей дух. чина, стр. 186.

Забываясь о духовномъ просвѣщеніи русскаго духовенства п. Никонъ старался нравственно перевоспитать его, и строго наказывалъ тѣхъ, которые небрежно исполняли свои обязанности или которые вели себя безнравственно. Примѣровъ этихъ очень много ¹⁴³); самъ п. Никонъ сознается, что онъ поступалъ строго съ виновными въ духовенствѣ и нѣкоторыхъ изъ нихъ не оставлялъ безъ наказанія въ церкви; но упоминаетъ объ этомъ какъ о необходимомъ и совершенно законномъ. Никонъ какъ бы предвидѣлъ и предчувствовалъ, что нравственная жизнь духовенства и небрежное исполненіе обязанностей своего званія сдѣлается однимъ изъ самыхъ главныхъ пунктовъ обвиненія православныхъ со стороны раскольниковъ, въ отступничествѣ и еретичествѣ. Итакъ, вотъ характеръ и направленіе дѣятельности п. Никона противъ раскола: съ одной стороны, онъ путемъ устнаго и письменнаго слова старался объяснить опасавшимся за чистоту вѣры, что здѣсь нѣтъ никакаго искаженія и поврежденія, что способъ исправленія устраняетъ всякую возможность злонамѣреннаго искаженія; съ другой стороны, онъ заботился о распространеніи просвѣщенія въ массѣ народа и особенно въ средѣ духовенства, о возвышеніи нравственности духовенства: такъ какъ только подъ этимъ условіемъ возможна борьба съ расколомъ и только этимъ однимъ возможно и уничтожить расколъ и предотвратить на будущее время появленіе его въ церкви. Никонъ съ перваго раза вѣрно опредѣлялъ сущность болѣзни и ея причину и прописалъ самое надежное и дѣйствительное лѣкарство; ко всему этому онъ сумѣлъ найти вѣрныхъ исполнителей своей воли. Благодаря этимъ мѣрамъ и энергіи, съ которою они приводились въ исполненіе, расколъ быстро падалъ, раскольниковое общество сокращалось, въ средѣ раскола не находилось уже дѣятелей, въ чемъ сознавались сами расколоучители ¹⁴⁴). Очень можетъ быть, что расколъ окончательно былъ бы уничтоженъ, еслибы патріархъ Никонъ остался на патріаршемъ престолѣ до конца своей жизни. Но такъ какъ многіе считаютъ виновникомъ раскола единственно п. Никона,—его распоряженія, то не лишнимъ считаемъ рассмотреть это мнѣніе.

¹⁴³) Русскій расколъ старообрядства. Щапова, стр. 63—66.

¹⁴⁴) Тамъ же, стр. 46.

Прежде всего обвинили п. Никона,—въ образованіи раскола въ русской церкви расколоучители и раскольническіе писатели; но препираться съ этими толкователями историческихъ явленій, опровергать ихъ мнѣнія и взгляды едва-ли будетъ разумнымъ дѣломъ: всѣ раскольническія сужденія на этотъ разъ направлены къ одной цѣли, именно доказать, что п. Никонъ еретикъ, даже болѣе того—онъ антихристъ, и при доказываніи этой послѣдней мысли дошли до возможной нелѣпости. Препираться поэтому, говоримъ, съ раскольниками—безполезно и не совсѣмъ разумно. Но немногѣ выше стоятъ на этотъ разъ и объясненія нашихъ первыхъ историковъ. Такъ Голиковъ говоритъ: исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ было необходимо; „но ревностная поспѣшность, съ каковою онъ за сіе принялся, ежели смѣю сказать, не соображена была съ умоначертаніемъ непросвѣщеннаго тогдашняго народа, готоваго за малость, ничего не значущую, отторгнуться отъ сообщенія церкви и отъ своихъ единовѣрныхъ соотечественниковъ; и посему надлежало таковой народъ издали приуготовить къ сему вразумленіемъ о нуждѣ исправленія тако-го“¹⁵⁵). Что народъ былъ непросвѣщенъ и готовъ за малость, ничего не значущую, отторгнуться отъ общенія церковнаго — это совершенно вѣрно, и мы въ своемъ мѣстѣ показали, почему народъ не могъ допустить ни малѣйшаго измѣненія въ книгахъ и обрядахъ; но что этотъ „непросвѣщенный народъ былъ неприготовленъ къ тому“, что его „необходимо было издали приуготовить къ сему вразумленіемъ о нуждѣ исправленія книжнаго“, и что въ концѣ концовъ—„ревностная поспѣшность п. Никона въ семъ произвела раскольниковъ“—согласиться съ этимъ положительно невозможно. Какимъ образомъ можно было приуготовить непросвѣщенный народъ, и въ чемъ должно состоять это приуготовленіе? историкъ къ сожалѣнію умалчиваетъ. Единственный способъ приготовленія, на нашъ взглядъ, состоитъ на этотъ разъ въ возможно частомъ объясненіи народу о порчѣ настоящихъ книгъ и необходимости исправленія ихъ. Но это объясненіе дѣлалось почти въ теченіе столѣтій; почти въ каждой книгѣ, назначенной для церковнаго и общественнаго употребленія, говорилось о неисправности настоящихъ книгъ, о крайней нуждѣ

¹⁵⁵) Дѣяніе Петра Великаго, т. XIII, стр. 40.

исправления и недостаточномъ знаніи для такого дѣла настоящихъ справщиковъ: развѣ это не объясненіе и будто этого объясненія недостаточно, тѣмъ болѣе, что объясненіе такое дѣлалось почти въ теченіе цѣлаго вѣка? Слѣдовательно могли и должны были знать о нуждѣ исправленія *все*; такъ какъ книги съ подобными объясненіями постоянно были на глазахъ у всѣхъ. Если этого было недостаточно, то вѣдь соборенно говоря оставалось одно средство объяснить непросвѣщенному народу сію нужду исправленія книгъ: приказать крикунамъ (бирючамъ) „кликать кличь“ о порчѣ книгъ и нуждѣ исправленія ихъ... Нѣтъ, если въ такой продолжительный періодъ времени народъ оказался неприготовленнымъ, то, значить, и приготовить его уже нельзя было: вопли о порчѣ книгъ неготовили потому, что уже составилось убѣжденіе въ святости буквы и потому неприкосновенности настоящихъ книгъ.

Съ другой стороны дѣло исправленія книгъ нельзя назвать дѣломъ поспѣшнымъ. Прежде исправленія книгъ, какъ извѣстно, было три собора—два въ Москвѣ и одинъ въ Константинополѣ (о чемъ то же было не безъизвѣстно народу); а такой способъ веденія дѣла нельзя назвать поспѣшнымъ. Что же касается до *своевременности* начатаго исправленія книгъ, то нужно замѣтить, никогда еще въ этомъ исправленіи не было такой настоятельной нужды, какъ во время Никона: развѣ можно было терпѣть такія поврежденія въ книгахъ, какъ то, что „христіанамъ мученія не будетъ“ и „аще намъ грѣшнымъ Св. Писаніе и муками претитъ, но Господь Богъ милости Своея ради созданія Своего не погубитъ?“¹⁵⁶). Откладывать исправленіе книгъ еще на неопредѣленное время было бы преступно и вредно для чистоты религиозныхъ убѣжденій народа.

Есть изслѣдователи, которые даже обвиняютъ п. Никона въ невѣжествѣ и неблагонамѣренности¹⁵⁷), вслѣдствіе которой и явился будто бы расколъ въ русской церкви, но такъ какъ въ этомъ не обвиняютъ п. Никона не только историки, но даже лучшіе изъ раскольниковъ, и такъ какъ во всей дѣятельности п. Никона нѣтъ ни одного факта, свидѣтельствующаго о неbla-

¹⁵⁶) Книга Кириллова, л. 9.

¹⁵⁷) Исторія царствованія Алексѣя Михайловича Берта, ч. I, стр. 219 и дал.

гонимѣренности его въ дѣлѣ исправленія книгъ, то и мнѣніе это не заслуживаетъ опроверженія. Особеннаго вниманія заслуживаетъ изслѣдованіе г. Нильскаго „Нѣсколько словъ о происхожденіи раскола“¹⁵⁸⁾, такъ какъ оно исключительно посвящено рѣшенію вопроса: кто виноватъ въ происхожденіи раскола въ русской церкви?—хотя, нужно сознаться, ходъ и направленіе изслѣдованія нѣсколько странны и непонятны¹⁵⁹⁾. „Первымъ дѣйстви-

¹⁵⁸⁾ Христіанское Чтеніе. 1861 г., т. I, стр. 89—154.

¹⁵⁹⁾ «Какъ ни много было задатковъ въ XV и XVI вѣкахъ для появленія раскола, тѣмъ не менѣе расколъ, говоритъ г. Нильскій, только могъ явиться въ XVII вѣкѣ, при благопріятныхъ къ тому условіяхъ, но могъ и не явиться, еслибы обстоительства патріаршества Никона были иныя, чѣмъ какъ это случилось на самомъ дѣлѣ», (стр. 89). Такое воззрѣніе г. Нильскаго на происхожденіе раскола въ русской церкви вытекаетъ изъ его основнаго взгляда на всѣ историческія событія: «мы не принадлежимъ, говоритъ онъ, къ категоріи тѣхъ, кои въ историческихъ событіяхъ видятъ какую-то логическую необходимость и исторію считаютъ потокомъ, ровно текущимъ по извѣстному направленію и достигающимъ своей цѣли, которая хотя и не предугадавана заранѣе, но все-таки очевидна по самому ходу дѣла. Не отвергая основныхъ законовъ историческаго движенія, которыми управляется каждое общество, мы въ тоже время даемъ полное значеніе въ общемъ ходѣ событий личности (стр. 138). Слѣдовательно долженъ быть виновникъ происхожденія раскола, должно быть лице, которое такъ или иначе содѣйствовало появленію раскола въ моментъ его обнаруженія, а не однѣ условія историческаго развитія русскаго народа виноваты въ происхожденіи раскола. Кто же именно виноватъ въ появленіи раскола? Патріархъ Никонъ и его распоряженія. «На какія же именно изъ дѣйствій Никона можно указать, какъ на такія, которыя прямо или косвенно содѣйствовали появленію раскола?» (Стр. 101). Патріархъ Никонъ велъ дѣло исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ со всевозможною осторожностію, по совѣту не только русскою, но и восточною церкви, и въ самомъ дѣлѣ исправленія книгъ цѣль ничего такого, изъ-за чего можно было возстать нѣкоторымъ «членамъ» (стр. 90—101); но патр. Никонъ сдѣлалъ нѣкоторыя неосторожныя распоряженія, именно удалилъ съ книгопечатнаго двора старыхъ справщиковъ и велъ дѣло исправленія безъ совѣта и разсужденія съ ними, (а они были народъ честолюбивый и съ сознаниемъ собственнаго ученаго достоинства); затѣмъ разослалъ старыхъ справщиковъ и ихъ друзей въ дальнія мѣста въ заточеніе; наконецъ разослалъ новыя книги съ строгимъ указомъ объ отправленіи богослуженія по этимъ именно книгамъ и приказалъ отбирать старыя: это неосторожныя распоряженія патр. Никона и произвели расколъ. Оскорбленные прежніе справщики начали вооружать народъ противъ новыхъ книгъ (а старыя отбирали и такимъ образомъ не дано было возможности предубѣжденнымъ противъ новыхъ книгъ провѣрять,—что и какъ измѣнено въ новыхъ книгахъ, сравнительно съ старыми). Такимъ образомъ выходитъ, что расколъ явился не по

емъ п. Никона, содѣйствовавшимъ появленію раскола, мы признаемъ, говорить г. Нильскій, распоряженіе его касательно справщиковъ книгъ, бывшихъ при патріархѣ Іосифѣ. Известно, что послѣ того, какъ рѣшено было дѣло исправленія книгъ, Никонъ прежнихъ справщиковъ удалилъ отъ печатнаго двора и на мѣсто ихъ назначилъ новыхъ. Распоряженіе это г. Нильскій находитъ не вполне благоразумнымъ. „Избравъ новыхъ справщиковъ книгъ, онъ долженъ былъ по благоразумію, до поры до времени оставить на печатномъ дворѣ и прежнихъ. Вреда особеннаго отъ этого не могло бы быть, а между тѣмъ отъ такого распоряженія не послѣдовало бы и того зла, какое принесло

поводу исправленія книгъ и сдѣланныхъ въ нихъ измѣненій, а вслѣдствіе удаленія и оскорбленія ученаго самолюбія старыхъ справщиковъ. Но и прежніе справщики, по мнѣнію Нильскаго, возстали противъ Никона и исправленія книгъ не по личному только оскорбленію и личной неприязни къ патріарху, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по своимъ религиознымъ убѣжденіямъ и привязанностямъ, (стр. 117). Поэтому, говоритъ онъ, расколъ есть произведеніе XVII вѣка и именно—тѣхъ случайныхъ обстоятельствъ которыми было полно время Никонова патріаршества, «хотя, прибавляетъ далѣе, и по нашему мнѣнію, не могла не имѣть и дѣйствительно имѣла неоспоримое вліяніе религиозная жизнь нашихъ предковъ въ вѣкахъ, предшествовавшихъ XVII вѣку, на проявленіе раскола въ той, а не иной формѣ» (стр. 138—139). Къ этимъ случайнымъ обстоятельствамъ, какъ напр. оскорбленіе старыхъ справщиковъ, «возстававшихъ не по одной личной неприязни къ патріарху, а и по своимъ религиознымъ убѣжденіямъ и привязанностямъ», присоединилось не менѣе случайное обстоятельство — непопулярность патріарха Никона и особенно въ средѣ бояръ, которые изъ ненависти къ строгому и взыскательному патріарху соединились съ расколо-учителями и вооружили противъ Никона самого царя, распорядившагося за всѣ заслуги Никона церкви и государству послать его въ заточеніе. Но нерасположеніе бояръ къ личности патріарха, имѣвшее такое важное значеніе,—обстоятельство случайное, хотя бояре, по словамъ самого г. Нильскаго, давно были развращены, давно оставили уставы и обычай благочестивыхъ предковъ, (стр. 110, 111—154), а обязанность Никона, какъ патріарха, конечно, была обличать ихъ. Но всѣ эти обстоятельства, имѣвшія такое важное значеніе въ дѣлѣ появленія раскола, «всѣ ошибки Никона были только грѣхомъ невѣдѣнія», (стр. 152). «Итакъ расколъ произошелъ вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, возникшихъ въ началѣ второй половины XVII вѣка, по милости главныхъ дѣятелей этой эпохи на поприщѣ церковномъ и гражданскомъ и есть въ этомъ отношеніи явленіе чисто случайное, (стр. 149). Таковъ ходъ и направленіе изслѣдованія г. Нильскаго. Скажемъ его же словами: «кто не захочетъ видѣть въ этихъ мысляхъ и ихъ комбинаціи противорѣчія, тотъ все-таки найдетъ въ нихъ лутанину» (стр. 138). Объяснять крупныя историческія явленія случаями, случайными обстоятельствами, на нашъ взглядъ, едва ли законно и

книжному дѣлу и всей церкви удаленіе этихъ лицъ отъ занимаемой ими должности“. Если и было бы какое-либо неудобство отъ присутствія прежнихъ справщиковъ на книго-печатномъ дворѣ, то неудобство это незначительное: „между прежними и новыми справщиками происходили бы только интриги и происки разнаго рода“. „Но внимательный надзоръ патріарха могъ если не прекратить, по крайней мѣрѣ ослабить внутренній раздоръ между его подчиненными“. Но это ничтожное неудобство (интриги и происки) ничего не значать въ сравненіи съ тѣми благами

едва ли можно. Случай, какъ явленіе безпричинное, или какъ явленіе, произшедшее отъ соединенія нѣсколькихъ причинъ, неимѣющихъ достаточнаго основанія къ своему существованію и существованію притомъ необходимому, — ничего не объясняетъ: ссылаться на случай и случайныя обстоятельства—значитъ отказываться отъ попытки объяснить данный фактъ. Г. Нильскій отстаиваетъ право личности и влияніе отдѣльныхъ лицъ на ходъ историческихъ событій. Цѣль благородная, но осуществленіе неудачно. Отстаивать право личности и ссылаться при этомъ на случай — значить впадать въ непримиримое противорѣчіе: потому что, коль скоро дѣло объясняется чисто случайными явленіями, стеченіемъ обстоятельствъ, какъ говорятъ, то какое же значеніе имѣетъ здѣсь личность? она становится не болѣе не менѣе, какъ игрушкой этихъ обстоятельствъ. Говорить такъ, не значить ли, напротивъ, отрицать у лицъ отдѣльныхъ и то послѣднее ихъ влияніе на ходъ историческихъ событій, которое имъ принадлежитъ дѣйствительно? Когда объясняется дѣло ходомъ историческаго развитія, на долю личности, правда, достается немого; но здѣсь по крайней мѣрѣ не отрицается ея значеніе, какъ единицы въ личности, такъ-сказать коллективной, которая на этотъ разъ только и признается; но когда объясняютъ дѣло случаемъ, то отрицаютъ у личности всякое значеніе; она является личностью безъ правъ, безъ значенія,—словомъ—личностью безличною. А между тѣмъ для такого-то, вовсе не глубокаго вывода г. Нильскому пришлось переищивать и перепутать обстоятельства дѣйствительно случайныя (случайныя въ томъ смыслѣ, что онѣ не развивались въ предшествовавшей жизни народа) и обстоятельства вовсе не случайныя, какъ напр. упадокъ просвѣщенія, религиозныя убѣжденія и привязанности, характеръ и направленіе религиозной жизни русскаго народа, своевоіе и разнузданность духовенства, безнравственность бояръ и т. п. Для того же вывода, что расколъ есть явленіе чисто случайное, г. Нильскому пришлось умалчивать объ одномъ, усиливать безъ нужды другое, давать нѣкоторымъ историческимъ документамъ та кое значеніе котораго они не имѣютъ. И вмѣсто того, чтобы «дать полное значеніе въ ходѣ историческихъ событій личности», г. Нильскій своимъ изслѣдованіемъ успѣлъ доказать именно ту мысль, которую старался опровергнуть, именно что «его бы ни совершали въ половинѣ XVII вѣка основательное преобразование обрядовъ, Никонъ или Іоакимъ, расколъ долженъ былъ явиться, какъ плесело при вѣя шеницы».

послѣдствіями, которыхъ вправѣ ожидать отъ такой мѣры. Аввакумъ и другіе прежніе справщики, состязаясь съ новыми, быть можетъ сами убѣдились бы въ неправотѣ своихъ мнѣній и оставили бы ихъ. Но лишь только они удалены были отъ печатнаго двора, „справщики, и прежде не совсѣмъ довольные патріархомъ за его преобразованія, теперь сдѣлались самыми первыми и заклятыми его врагами... Ученое самолюбіе ихъ оскорблено было до послѣдней степени... И такъ какъ они не могли высказывать истинныхъ причинъ своего нерасположенія къ патріарху, то, разумѣется, позаботились поискать причины, хотя и ложныя, тѣмъ не менѣе не безопасныя для патріарха. Книжное исправленіе, начатое Никономъ, и указало имъ путь къ открытію этихъ причинъ...¹⁶⁰⁾.

Всѣ разсужденія г. Нильскаго о томъ, какъ неблагоуразумно было со стороны Никона изгнать старыхъ справщиковъ съ книго-печатнаго двора можно признать совершенно излишними; потому что обнаруженіе раскола послѣдовало гораздо ранѣе, чѣмъ онъ полагаетъ, именно—по поводу распоряженія п. Никона о поклонахъ, о сложеніи перстовъ и объ аллилуіа, когда еще не приступали къ исправленію книгъ и когда по словамъ самого г. Нильскаго справщики были на книго-печатномъ дворѣ. Когда составленъ былъ соборъ въ Москвѣ (1654 г.) о необходимости исправленія ц. б. книгъ, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ здѣсь не подписались подъ соборнымъ опредѣленіемъ и замѣчательно—эти нѣкоторые были не одни старые Іосифовскіе справщики, но въ числѣ ихъ были и не справщики; какъ напр. Павелъ епископъ коломенскій. Эти факты достаточно, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуютъ, что придавать особенно важное значеніе въ дѣлѣ происхожденія раскола изгнанію справщиковъ съ книго-печатнаго двора, толковать объ оскорбленіи ихъ ученаго самолюбія, значенія этого самолюбія и т. п. нѣтъ никакой нужды и основанія. Тѣмъ не менѣе считаемъ нелишнимъ ближе рассмотреть соображенія г. Нильскаго.

Еслибы старые справщики остались на книгопечатномъ дворѣ, то раскола бы не было, потому что старые справщики, бесѣдая съ новыми, могли даже убѣдиться въ неправотѣ своихъ мнѣній

¹⁶⁰⁾ Христіанское Чтеніе 1861 ч. 1, стр. 101—107.

и оставить ихъ. Предположеніе довольно странное. Отчего же тѣ же самые справщики не перемѣнили своихъ убѣжденій, когда имъ разъясняли самъ патріархъ, когда имъ объясняли потомъ цѣлый соборъ и истощали для убѣжденія ихъ всевозможныя доказательства? Будто соборъ 1667 года, состоявшій изъ множества русскихъ и греческихъ архіереевъ, въ числѣ которыхъ было не мало истинно-образованныхъ людей, будто, говоримъ, этотъ соборъ не въ состояніи былъ представить достаточныхъ основаній для сдѣланныхъ въ книгахъ и обрядахъ измѣненій, будто соборъ не могъ убѣдить этихъ лицъ, если они только, по мнѣнію г. Нильскаго, способны были слушать разъясненія и перемѣнять свои убѣжденія?! Къ тому же, думаемъ, убѣжденія и разъясненія цѣлаго собора авторитетнѣе убѣжденій и разъясненій новыхъ справщиковъ. Впрочемъ, мы можемъ предположить, что бы вышло, еслибы старые справщики остались по прежнему на книгопечатномъ дворѣ. Когда исправленіемъ книгъ занялся Троицкій архимандритъ Діонисій, то старые справщики за замаранное слово „и огнемъ“ не задумались объявить его еретикомъ и довели дѣло до того, что Діонисій попалъ въ тюрьму. Правда п. Никонъ былъ много образованнѣе п. Филарета и не могъ такъ пассивно относиться къ дѣлу, какъ сей послѣдній; но кто знаетъ, сила интриги и происковъ очень велика... Но допустимъ, что Никонъ не промѣнялъ бы новыхъ справщиковъ на старыхъ; а въ такомъ случаѣ положить конецъ интригамъ можно было только однимъ путемъ, именно изгнаніемъ старыхъ справщиковъ съ книго-печатнаго двора. И вотъ опять оскорбленіе ученаго самолюбія?... Нильскій въ подтвержденіе вѣрности своихъ соображеній ссылается на извѣстное письмо Неронова къ Вонифатьеву, въ которомъ говорится „а еже бы были у него, патріарха, въ послушаніи, и безъ *разсужденія* не прекословити ни въ чемъ, самое беззаконное се дѣло...“; то нужно замѣтить, что 1) безъ *разсужденія* не прекословити *ни въ чемъ*—не значитъ непременно въ дѣлѣ исправленія книгъ, какъ это думаетъ вывести г. Нильскій, и 2) и самое письмо писано по другому случаю и имѣетъ нѣсколько иное содержаніе, чѣмъ какое желаетъ дать ему г. Нильскій. Подъ *церковными вещами*, въ которыхъ Нероновъ считаетъ незаконнымъ *безъ разсужденія* соглашаться съ патріархомъ, Нероновъ разумѣетъ иное, чѣмъ г. Нильскій, какъ это можно ви-

дѣтъ изъ другаго письма Неронова и особенно преній его съ п. Никономъ на соборѣ по дѣлу протопопа Логгина.

Съ большею справедливостію обвиняетъ г. Нильскій Никона въ томъ, что онъ разослалъ расколоучителей въ заточеніе въ разныя мѣста, почему расколъ одновременно былъ насажденъ почти во всѣхъ концахъ Россіи того времени; такъ какъ расколоучители на пути въ ссылку и на мѣстѣ заточенія занимались самою дѣятельною пропагандою раскольническихъ мнѣній ¹⁶¹⁾. Замѣчаніе дѣйствительно справедливое. Еслибы расколоучители были сосланы въ одно мѣсто, то расколъ распространился бы только въ одной той мѣстности, куда сосланы бы были расколоучители: народъ одинаково вѣрилъ по своей простотѣ и расколоучителямъ и православнымъ проповѣдникамъ. Заточеніе расколоучителей въ различныхъ мѣстахъ дѣйствительно ошибка со стороны п. Никона и ошибка очень большая. Но говоря такъ, мы все-таки не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые говорятъ, что п. Никонъ слишкомъ жестоко и неразборчиво поступалъ съ расколоучителями, что ихъ даже слѣдовало оставить на свободѣ ¹⁶²⁾. Выше мы говорили, къ какимъ мѣрамъ способны были прибѣгнуть расколоучители, чтобы доставить своимъ вѣрованіямъ торжество: Аввакумъ произвелъ бунтъ въ церкви, его послѣдователи подстрекали народъ къ бунту во время моровой язвы. Само собою понятно, что можно было ожидать отъ такихъ фанатиковъ, еслибы имъ оставлена была свобода дѣйствій; по возвращеніи изъ ссылки, когда Аввакуму была предоставлена свобода, онъ въ короткое время „запустошилъ церкви“, слѣдовательно, истинная любовь къ пасомымъ, забота о ихъ спасеніи требовала, чтобы у расколоучителей была отнята возможность распространять свое лжеученіе и вооружать довѣрчивый народъ противъ церкви и ея пастырей. Но разсылая расколоучителей въ отдаленныя мѣста отъ Москвы въ заточеніе, п. Никонъ поступалъ далеко не такъ строго и жестоко съ ними, какъ объ этомъ толкуютъ раскольническіе писатели. На пути въ заточеніе они имѣли возможность „свободнымъ гласомъ проповѣдывать древле-церковное благочестіе и обличать новины“, на мѣстѣ за-

¹⁶¹⁾ Тамъ же, стр. 116—121.

¹⁶²⁾ Церковная Исторія. Платона, т. II, стр. 135—136.

точеніи они получали мѣста, какъ напр. Аввакумъ въ Тобольскѣ; въ самомъ мѣстѣ заточенія они жили свободно, какъ напримѣръ Лазарь „о которомъ знаетъ градъ Тобольскъ яко ему нѣкогда улицы бываху тѣсны, и люди 'его подѣ руки водиша (пьяна), егда самъ до дому не можаше прійти“... ¹⁶³⁾ и свободно проповѣдывали свои суевѣрія ¹⁶⁴⁾. Слѣдовательно п. Никонъ съ расколоучителями поступалъ далеко не такъ строго, какъ объ этомъ говорятъ. Съ другой стороны удаливши изъ Москвы противившихся волѣ патріарха, Никонъ дѣлалъ самое строгое различіе между дѣйствительными расколоучителями и людьми повиновавшимися церкви, но недовольными п. Никономъ за строгость и единоличное сужденіе проступковъ духовенства. Нероновъ, строго говоря, не былъ расколоучителемъ; онъ возсталъ противъ патріарха за особенную его строгость въ духовенству; поэтому Никонъ, послѣ самаго короткаго срока изгнанія, возвратилъ его въ Москву, несмотря на то, что Нероновъ часто и много дѣлалъ ему оскорбленій ¹⁶⁵⁾. Когда Нероновъ пришелъ съ раскаяніемъ, Никонъ плакалъ, возвращая его церкви и, несмотря на новыя и грубыя оскорбленія со стороны Неронова, Никонъ просилъ прощенія у него: „по грѣхамъ моимъ не терпѣливъ я: прости Господа ради“... ¹⁶⁶⁾. Такой осмотрительный образъ дѣйствій п. Никона заслуживаетъ не осужденія, а похвалы.

Еще болѣе неблагоприятно, по мнѣнію г. Нильскаго, поступилъ п. Никонъ, когда приказалъ вдругъ отбирать прежнія неисправленныя книги, а на мѣсто ихъ вводить новыя, и особенно неблагоприятно потому, что расколоучители еще до выхода изъ печати книгъ уже достаточно успѣли вооружить народъ противъ новыхъ книгъ. „Никону, говорить г. Нильскій, при такихъ обстоятельствахъ оставалось постараться какъ-бы и во что-бы ни

¹⁶³⁾ Описаніе нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненій. Александра Б. ч. II, стр. 85.

¹⁶⁴⁾ Подробное и обстоятельное опроверженіе этого рода клеветъ и обвиненій на патр. Никона. См. Творенія Св. Отцовъ 1860 г. книга 2 «опроверженіе раскольничьихъ клеветъ взводимыхъ раскольниками на патріарха Никона».

¹⁶⁵⁾ Русскій расколъ старообрядства. Щапова, стр. 83—84.

¹⁶⁶⁾ Тамъ же, стр. 50, см. примѣчаніе.

стало, показать неправоту распространившагося мѣнія, а для этого самую естественною мѣрою было разослать новоисправленные книги, но ничуть не отбирать прежнихъ, чтобы люди, предубѣжденные противъ первыхъ, могли разрѣшать свои недомѣнія сличивъ ихъ съ послѣдними. Тогда каждому проповѣднику лжи можно было сказать: „приди и виждь, случай и повѣрай и ты найдешь перемену въ словахъ, новость въ выраженіяхъ, но не порчу вѣры. А если тебѣ не нравятся и новыя слова, поступай какъ знаешь, служи по старымъ книгамъ“... Никонъ приказалъ отобрать старыя книги, и вотъ „люди самые скептическіе, до которыхъ только достигала молва объ испорченности книгъ, ожидали ихъ съ недоувѣріемъ. Вотъ книги являются, но въ то же время отбираются старыя. Это почему? Эти книги неисправны, отвѣчаютъ посланные патріарха. Какъ такъ? Уже ли же мы служили и молились Богу доселѣ не такъ, какъ слѣдуетъ? Уже ли наши молитвы были не въ спасеніе, а въ грѣхъ? Чего же смотрѣли люди, отъ которыхъ зависѣло это дѣло?... Многіе изъ этихъ вопросовъ совершенно неизбѣжныхъ при такомъ порядкѣ вещей до того важны, что положительный отвѣтъ на нихъ былъ страшнымъ ударомъ для вѣрующей души, и вотъ волей-неволей приходится отвѣчать отрицательно, а при такомъ отвѣтѣ мысль объ испорченности новыхъ книгъ является уже само собою ¹⁶⁷⁾... Тоже почти говорить въ своей исторіи и митрополитъ Платонъ ¹⁶⁸⁾. Въ своемъ мѣстѣ мы говорили, что п. Никонъ „старался дѣйствительно какъ бы и во чтобы то ни стало объяснить народу, что исправлено и почему исправлено; и видѣли, что предпринятая имъ мѣры—проповѣдь миссіонеровъ и печатныя тетради—достигали своей цѣли, о чемъ съ такимъ сокрушеніемъ говорятъ сами раскольники. Путемъ такихъ мѣръ быстро распространялось триперстное сложеніе перстовъ, именословное благословеніе и т. п.; путемъ такихъ мѣръ, думаемъ, народъ былъ бы убѣжденъ и въ превосходствѣ новоисправленныхъ книгъ. Еслибы явилась нужда, сдѣлано бы, конечно, было и болѣе подробное и обстоятельное объясненіе, почему это

¹⁶⁷⁾ Христіанское Чтеніе 1861 г. ч. I, стр. 121—124.

¹⁶⁸⁾ Церковная Исторія митрополита Платона, ч. II, стр. 235—237.

исправлено такъ, а не иначе; но при п. Никонѣ этой нужды не было: она явилась много позже, когда Никонъ пребылъ долгое время въ Воскресенскомъ монастырѣ и когда бояре съ цѣлю усилить свою партію вызвали изъ заточенія расколуучителей и предоставили имъ полную свободу дѣйствій, свободу дѣйствительно на этотъ разъ принесшую очень много зла. Г. Нильскій говорить, что, еслибы оставлены были старыя книги вмѣстѣ съ новыми и предоставлена была полная свобода относительно книгъ, то у раскольниковъ отнято бы было главное орудіе и раскола бы не было. Мы знаемъ, что въ одно время п. Никонъ готовъ былъ рѣшиться на такую мѣру, но сомнѣваемся, чтобы она могла принести дѣйствительную пользу. „Вопроси нѣкогда старецъ Григорій (Нероновъ) патріарха, рече: иностранныя власти нашихъ служебниковъ не хулятъ, но и не похваляютъ; патріархъ рече: все равно по какимъ хочешь, по тѣмъ и служишь... И доколѣ старецъ Григорій былъ на Москвѣ, умолилъ протопопа съ братією въ соборной церкви на клиросахъ, чтобы не четверить аллилуіа, ти же послушаша старца, говорили аллилуіа по дважды, въ третіе Слава Тебѣ Боже: патріархъ же ничтоже имъ глаголя, точію подьякъ, псалтирь говоря, заповѣданіе патріарха творилъ, четверилъ аллилуіа“¹⁶⁹). Патр. Никонъ, очевидно, далеко былъ отъ того фанатизма, который ему навязываютъ; но тѣмъ не менѣе, думаемъ, что эта мѣра не принесла бы пользы, еслибы она была распространена на всѣхъ. Изъ всѣхъ началъ самое вредное и никогда не приносившее ровно никакой пользы—это начало индефферентизма; но если гдѣ это начало вредно, то именно въ дѣлахъ церковныхъ, въ дѣлѣ вѣры. Вопросы: „ужели мы молились Богу и служили доселѣ не такъ, какъ слѣдуетъ? Уже ли наши молитвы были не въ спасеніе, а въ грѣхъ“? дѣйствительно могли быть страшнымъ ударомъ для вѣрующей души при отрицательномъ на нихъ отвѣтѣ. Но эти вопросы и отвѣты могли колебать только *нѣкоторые*, тогда какъ безразличіе въ такомъ дѣлѣ—какъ „по какимъ книгамъ хочешь, по тѣмъ и служи“ могло быть ударомъ для всѣхъ, по крайней мѣрѣ *для очень многихъ*. Старыя книги испорчены, объ этомъ и говорили

¹⁶⁹) Русскій расколъ старообрядства. Шапова, стр. 47—48.

и писали въ самыхъ книгахъ богослужебныхъ цѣлый вѣкъ; вышли новыя и говорятъ, „по какимъ хочешь по тѣмъ и служи“— значить опять *не достали ничего*: опять *истины не обрѣтоша*, приходилось сказать вѣрующимъ, какъ говорить игумень Артемій о соборѣ стоглавомъ ¹⁷⁰⁾, а такой взглядъ, конечно, долженъ былъ принести несравненно болѣе вреда, чѣмъ предпочтеніе однихъ книгъ предъ другими. Не нужно забывать и того, что на такой способъ дѣйствованія не уполномочивало Никона ни одно каноническое постановленіе, ни одинъ фактъ изъ церковной практики. Г Нильскій ссылается на Константинопольскій соборъ 1654 г., и—отвѣтъ Константинопольскаго патріарха, которымъ будто бы Никонъ уполномочивался на такой способъ дѣйствованія по отношенію къ новымъ книгамъ; но ссылается совершенно незаконно: отвѣтъ Паисія предписывалъ Никону совершенно иной образъ дѣйствованія, даже болѣе строгій, нежели какой Никонъ употреблялъ на самомъ дѣлѣ. „Твое преблагенство сильно жадуешься на несогласіе нѣкоторыхъ чиновъ, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ церквахъ, и полагаешь, что эти различныя чины растлѣвають нашу вѣру. Хвалимъ мысль и проч... Такъ и нынѣ не должно думать, будто развращается наша вѣра православная, если одинъ кто-либо творить послѣдованіе свое нѣсколько иначе въ вещахъ несущественныхъ, т.-е. не касающихся членовъ вѣры“. Этотъ мудрый совѣтъ, говоритъ г. Нильскій, очевидно касался чинопослѣдованій служебника (хотя ни откуда это и не видно), который Никонъ прежде всего и велѣлъ отбирать. Такъ же прямо и спускательно совѣтовалъ Паисій Никону смотрѣть и на другія болѣе важныя разности, существовавшія въ то время въ нашей церкви. Всего болѣе, какъ извѣстно, смущало Никона распространившееся въ ту пору двуперстіе, которое употребляли и для крестнаго знаменія и для благословенія священническаго. Паисій, основывая на преданіи обычай креститься тремя первыми перстами правой руки, писалъ что: „такъ какъ Богъ съ клятвою обѣщалъ Аврааму да благословятся вси языцы земстїи о сѣмени его, которое есть Іисусъ Христосъ—Іс. Хс., то церковь благословляетъ всѣхъ,

¹⁷⁰⁾ Акты археографич. след. I, № 239, стр. 253.

начертывая рукою священною имя Мессіи—Іс.—Хс̄. Какими бы перстами кто не изображалъ эти четыре буквы, разности не будетъ: только бы и благословляющій и благословляемый имѣли въ мысли, что благословіе сходитъ отъ Иисуса Христа рукою священническою¹⁷¹⁾. Г. Нильскій говоритъ, что этимъ самымъ Паисій совѣтовалъ смотрѣть такъ же снисходительно и на друія бо́лье важныя разности, существовавшія въ ту пору въ церкви. Неправда. И этими то словами Паисій не даетъ права смотрѣть безразлично на существовавшія въ то время разности, ибо прямо требуетъ чтобы все-таки были изображены буквы Іс.—Хс̄; но Паисій далѣе говоритъ яснѣе и опредѣленнѣе объ этомъ предметѣ, о чемъ почему то умалчиваетъ г. Нильскій: „что-же касается, говоритъ Паисій, до епископа Коломенскаго Павла, Іоанна Неронова и другихъ, о которыхъ вы говорите, что они имѣютъ свои книги, свое перстосложеніе и пр., то ихъ, если они по двукратномъ увѣщаніи ни покорятся, отлучить отъ церкви¹⁷²⁾. Этотъ отвѣтъ прямо и положительно объясняетъ намъ воззрѣнія п. Паисія и всего Константинопольскаго собора на случившіяся въ церкви разности, изъ котораго никакъ не слѣдуетъ, что Паисій совѣтовалъ Никону смотрѣть на случившіяся разности безразлично.

Еще г. Нильскій говоритъ, еслибы были оставлены старыя книги вмѣстѣ съ новыми, то каждый бы имѣлъ возможность сравнивать и такимъ образомъ лично бы имѣлъ возможность убѣдиться, что никакого искаженія вѣры нѣтъ, а есть только ничего незначащія измѣненія въ словахъ. Можетъ быть; только странно, вотъ уже почти цѣлое столѣтіе предоставлена эта свобода имъ и возможность сравнивать книги (со времени учрежденія единовѣрія); отчего же они не придутъ къ убѣжденію, что искаженія вѣры нѣтъ, а есть только ничего незначащее измѣненіе въ словахъ, отчего не придутъ къ убѣжденію, когда уже сдѣлано возможно полное разъясненіе этихъ недоразумѣній, когда каждое изъ положеній раскола опровергнуто самымъ основательнымъ образомъ?!

¹⁷¹⁾ Христіанское Чтеніе 1861 г. ч. I, стр. 126—128.

¹⁷²⁾ Скрыжалъ 1656 г., стр. 709, 710—712.

П Е Р І О Д Ъ П.

(1666—1721 гг.).

Печальное зрѣлище представляет русская церковь во время пребыванія патріарха Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ и во время суда надъ нимъ. Монастырскій приказъ постепенно расширялъ предѣлы своей власти и наконецъ не видѣлъ и не зналъ такой области въ церковныхъ дѣлахъ, гдѣ бы свое вмѣшательство считалъ незаконнымъ, неумѣстнымъ: отъ завѣдыванія монастырскими и церковными имѣніями онъ перешелъ къ суду надъ монастырскими „властями“, отъ суда надъ духовными лицами къ поставленію служителей церкви ¹⁷³⁾. Духовенство и временно заправлявшіе дѣлами русской церкви, не имѣя представителя, дѣйствовали слабо, нерѣшительно, не имѣли никакой власти. Расколоучители, вызванные и защищаемые съ особенною цѣлію боярами, открыто проповѣдывали и проповѣдь сопро-
вождалась почти невѣроятнымъ успѣхомъ: масса населенія и значительная часть духовенства стали открыто на сторону раскола. Священники, не сдерживаемые никѣмъ, вели себя дурно и дѣло своего служенія исполняли недостойно, народъ совсѣмъ оставилъ храмы и завелъ у себя крестовыхъ поповъ. „И того ради ихъ дьяволоплевелнаго лжесловія священницы возненавидѣша о всякомъ церковномъ благочиніи и попеченіи, о немъ же слово воздадутъ въ день правосудія Божія, и книгъ новопечатныхъ, яже печаташася при святѣйшемъ Никонѣ патріархѣ и послѣ его отшествія, начаша гнушати и по нимъ божественнаго славословія не исполняютъ ¹⁷⁴⁾. Положеніе церковныхъ дѣлъ, очевидно, было самое жалкое: и дѣла крайне запутались и дѣятелей не было. Необходимо было принять какія-либо мѣры. Царь „повелѣ собору быти всѣхъ архіереевъ своєю благочестивыя державы въ царствующемъ, преименитомъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ“ ¹⁷⁵⁾. Въ февралѣ 1666 года (7174) всѣ епископы русской церкви прибыли въ Москву и открыли свои засѣданія

¹⁷³⁾ Дѣло патріарха Никона, стр. 28, прил. № 1.

¹⁷⁴⁾ Дополнит. акты историческіе, т. V, № 102, стр. 459.

¹⁷⁵⁾ Тамъ же, стр. 442.

въ патриаршей крестовой палатѣ, подъ предсѣдательствомъ новгородскаго митрополита Птирима ¹⁷⁶⁾).

Такъ какъ соборъ специально созванъ былъ „на новоявляшіяся раскольники и мятежники святѣя православно-каѳолическіи церкви ¹⁷⁷⁾); то прямою и главною его обязанностию было: установить правильный взглядъ на появившихся раскольниковъ, опредѣлить отношенія, въ которыхъ церковь должна стоять къ раскольникамъ, указать способъ дѣйствованія и мѣры, посредствомъ которыхъ можно заблудшихъ чадъ возвратить въ нѣдра св. церкви и, наконецъ, разъяснить, какъ должно смотрѣть на требованія и домогательства раскольниковъ и какъ поступать съ ними, если они не раскаются и не пожелаютъ вновь воссоединиться съ св. церковію.

Отцы собора приступили къ выполненію возложеннаго на нихъ порученія съ особенною осторожностію. Отцамъ собора представлялось повидимому невозможнымъ, чтобы расколъ могъ возникнуть и такъ быстро распространиться, не имѣя какого-либо повода со стороны церкви или управляющихъ дѣлами церкви; потому „отцы собора совѣтоваша между собою не прежде начати иныя о мятежѣ, расколѣ и непостоянствѣ тако въ православныхъ догматѣхъ вѣры, якоже и въ преданіяхъ святыхъ отецъ взыскати и судити, нежели о той же винѣ соиспытатися и совзыскати, дабы не услышати кому онаго: врачу исцѣлися самъ, или онаго: чѣ видѣши сучецъ, ꙗже въ оцѣ брата твоего, бервна же, еже есть въ оцѣ твоемъ, не чуеши“ ¹⁷⁸⁾? Найдено, что всѣ отцы собора вѣруютъ право; слѣдовательно, можно бы приступить къ самому дѣлу, для разрѣшенія котораго главнымъ образомъ и созванъ соборъ; но здѣсь встрѣтилось еще нѣчто, о чемъ нужно было „соиспытатися и совзыскатися“.

Исправленіе чиновъ церковныхъ и церковно-богослужебныхъ книгъ, послуживши окончательнымъ толчкомъ къ обнаруженію раскола, было сдѣлано съ одобренія восточныхъ патриарховъ и по греческимъ книгамъ, какъ по своему первоисточнику. Расколу учителя, стараясь доказать, что книги дѣйствительно испорче-

¹⁷⁶⁾ Тамъ же, стр. 442—443.

¹⁷⁷⁾ Тамъ же, стр. 439.

¹⁷⁸⁾ Тамъ же, стр. 443.

ны патріархомъ Никономъ, а не исправлены, прибѣгли къ самому рѣшительному средству, обличающему крайнюю ихъ дерзость и недобросовѣстность: они заподозрили православіе восточныхъ патріарховъ и неповрежденность текста церковно-богослужебныхъ книгъ греческихъ на томъ основаніи, что патріархи восточные находятся подъ игомъ великаго гонителя имени христіанскаго, а книги греческія печатаются въ городахъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, подвластныхъ духовному владычеству римскихъ папъ ¹⁷⁹⁾. Отсюда, слѣдовательно, выводъ такой: если церковно-богослужебныя книги, исправленныя и вновь переведенныя съ греческаго языка, переведены вѣрно и по своему содержанію ничѣмъ не отличаются отъ подлинника; то вѣрный переводъ ихъ не можетъ служить доказательствомъ ихъ неповрежденности, ихъ такъ-сказать православности: такъ какъ самыя подлинники, по которымъ повѣряли и исправляли, искажены папистами, въ городахъ которыхъ они и печатались. За чистоту и неповрежденность ихъ ручаются восточные патріархи? но свидѣтельство ихъ не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого значенія, такъ какъ они находятся подъ властію великаго гонителя христіанъ, турецкаго султана, и находясь подъ игомъ, утратили чистоту вѣры, какъ это видно будто бы изъ проскинитарія Арсенія Суханова. Слѣдовательно, хотя книги, изданныя при патріархѣ Никонѣ, переведены вѣрно съ греческихъ книгъ, хотя и патріархи восточные одобрили,—все это не имѣетъ силы доказательности и нисколько не ручается за неповрежденность нашихъ новыхъ церковно-богослужебныхъ книгъ. Очевидно, расколоучители подрывали дѣло исправленія книгъ въ самомъ основаніи. Вотъ почему отцы московскаго собора 1666 г. прежде, нежели начали

¹⁷⁹⁾ Проскинитарій Арсенія Суханова на этотъ разъ оказалъ самую жалкую услугу. Небрежное исполненіе устава греческими христіанами истолковано Сухановымъ въ самомъ неблагопріятномъ смыслѣ для православія восточныхъ христіанъ. Раскольники съ радостію ухватились за это свидѣтельство Суханова. Выписки изъ Проскинитарія можно найти почти въ каждомъ раскольническомъ сборникѣ, какъ одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ упадка православія на востокѣ, а слѣд. и на Руси; потому что исправленіе книгъ сдѣлано при участіи грековъ, по греческимъ книгамъ. Для доказательства этой послѣдней мысли Проскинитаріемъ пользовался и Денисовъ. Смотри Виноградъ Россійскій, рукопись Моск. Дух. Академіи.

разсуждать о расколѣ и раскольникахъ, должны были заняться рѣшеніемъ слѣдующихъ вопросовъ: а) какъ должно думать о святѣйшихъ патріархахъ греческихъ — константинопольскомъ, александрійскомъ, антиохійскомъ и іерусалимскомъ, — православны ли они, живя подъ властію великаго гонителя имени христіанскаго? б) греческія книги печатныя и рукописныя праведны ли и достовѣрны и держати ихъ годствуетъ ли? в) какъ должно думать о соборѣ 1654 г. (1162), на которомъ опредѣлено исправить церковно-богослужебныя книги ¹⁸⁰⁾? Митрополитъ новгородскій Питяримъ, предсѣдатель этого собора, и всѣ присутствовавшіе на соборѣ на два первые вопросы дали отвѣтъ утвердительный; соборъ 1654 г. признали православнымъ ¹⁸¹⁾. Потомъ приступили къ пересмотру исправленныхъ при патріархѣ Никонѣ книгъ, — нѣтъ ли въ нихъ какихъ-либо погрѣшностей, которыя бы оправдывали раскольниковъ въ разрывѣ ихъ союза съ церковію? Но послѣ самаго тщательнаго пересмотра, ничего подобнаго въ новыхъ книгахъ не нашли: „все архіереи, митрополиты, архіепископы и епископы, и отъ прочихъ духовныхъ чиновъ нарочитіи мужіе, архимандриты, игумены и протопопы, въ патріаршей крестовой палатѣ испытывахомъ подробну чрезъ многое время, новоисправленныя и новоприведенныя печатныя книги и старыя харатейныя славяно-россійскія рукописныя о вышереченныхъ вещехъ и о прочемъ, и ямчтоже стропостию или развращенна или вѣрѣ нашей православной противно въ новоисправленныхъ и новопреведенныхъ печатныхъ книгахъ обрѣтохомъ, но все согласно со старыми славяно-россійскими харатейными книгами, въ нихъ же видѣхомъ и святыи символъ безъ прилога, „истиннаго“ и проч. ¹⁸²⁾. Для отцевъ собора было очевидно, что исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ и чиновъ церковныхъ произведено было со всевозможною строгостию и осмотрительностію, и патріархъ Никонъ заслуживаетъ особенной похвалы и благодаренія, какъ осуществившій цѣли и стремленія церкви. Слѣдовательно, церковь не можетъ сдѣлать никакой, даже малѣйшей уступки жалкимъ невѣжественнымъ суевѣрамъ. Церковь

¹⁸⁰⁾ Дополнител. акты историч V, № 102, стр. 343.

¹⁸¹⁾ Тамъ же, стр. 343—344.

¹⁸²⁾ Тамъ же, стр. 484.

русская во всю свою историческую жизнь постоянно заботилась о сохраненіи единства съ церковно-восточною; она ревниво охраняла это единство и это согласіе и всегда уничтожала всякое возникшее разногласіе не только въ духѣ и мысли, но даже въ самомъ незначительномъ, несущественномъ обрядѣ, иногда въ словѣ. Само собою разумѣется, она не можетъ порвать этого единства въ угоду жалкимъ суевѣрамъ. Такимъ образомъ, церковь по мнѣнію собора не могла сдѣлать никакой уступки, никакого снисхожденія раскольникамъ, не унижая достоинства церкви, потому что это шло бы въ разрѣзъ съ постоянными коренными стремленіями русской церкви. Кромѣ совершеннаго согласія новоисправленныхъ книгъ съ греческими печатными и рукописными и съ древними русскими харатейными, кромѣ постоянного стремленія русской церкви сохранить полное согласіе и единство съ церковно-восточною, отцы собора 1666 г. не могли сдѣлать раскольникамъ уступки еще потому, что понятіе о богодухновенности расширено было до возможныхъ границъ. Каждая церковно-богослужебная книга почиталась книгою, въ которой все содержаніе богодухновенно, въ которой содержатся божественные догматы¹⁸³): книгами содержащими божественные догматы почитались и служебникъ, и октоихъ, и минея, и часословъ и шестодневъ, и уставъ... ясно, что по такому широкому понятію о богодухновенности считалось боговдохновеннымъ и подлежащимъ измѣненію и важное и несущественное; измѣнять, дѣлать какія-либо уступки значило посягать на богодухновенность книгъ, которыми предписывается поступать и дѣлать такъ, а не иначе, не уважать предписываемаго Самимъ Духомъ Божиимъ. Хуленіе раскольниками святыхъ таинъ православной церкви, наименованіе ихъ антихрисловою скверною и сложеніе двухъ перстовъ для крестнаго знаменія по мнѣнію собора были почти одинаково важными преступленіями: за то и за другое онъ положилъ одинаково страшную клятву. Отсюда, если по самымъ добросовѣтнымъ излѣдованіямъ найдено, что должно креститься тремя перстами, а не двумя, что должно ходить противъ солнца, а не по солнцу, — пѣть аллилуіа по трижды, а не по дважды и проч., то

¹⁸³) Дополн. описанію старопечать, книгъ Толстаго (и Нарскаго. Строев, №№ 20, 27, 26, 37, 40, 42, 46, 49, 52, 53, 55, 61, 62 и проч.

ревнующіе о чистотѣ вѣры и церкви не могутъ сдѣлать ни малѣйшей уступки, не умаляя достоинства церкви, не помрачая чистоты ея. Такими соображеніями руководились отцы собора 1666 г. и эти соображенія послужили основаніемъ, на которомъ утверждено и опредѣлено отношеніе церкви къ отступившимъ, опредѣлена цѣль, къ которой въ данномъ случаѣ должны стремиться служители и вообще заправляющіе дѣлами церкви ¹⁸⁴). Опредѣленіе собора, на которомъ присутствовали три патріарха и множество епископовъ восточной и русской церкви, было непреложимо и обязательно для всѣхъ: клятва простиралась и на тѣхъ, кто бы вздумалъ оказать послабленіе, снисхожденіе умственному убожеству раскольниковъ. И мы дѣйствительно видимъ, что соборъ въ своихъ опредѣленіяхъ и предписаніяхъ (которые имѣли полную силу до учрежденія синода) архимандритамъ, игуменамъ, поповскимъ старостамъ требовалъ, чтобы все исполнялось до малѣйшихъ подробностей такъ, какъ написано въ новыхъ служебникахъ и какъ установлено патріархомъ Никономъ и послѣ него соборами, грозя въ противномъ случаѣ отлученіемъ отъ церкви и даже „тѣлеснымъ озлобленіемъ“. Соборнѣ заповѣдуетъ архимандритамъ и игуменамъ, протопопамъ и старостамъ поповскимъ, дозировать по часту во всѣхъ церквахъ, да поучаютъ мѣстніи священники, кійждо въ своемъ приходѣ и кійждо священникъ вся своя духовныя дѣти, мужи же и жены покарятися во всемъ безъ всякаго сумнѣнія святой восточной церкви“ ¹⁸⁵). Въ частности соборъ предписывалъ: „Къ симъ убо нынѣ общемъ, милостію Божіею православіи вселенстіи патріарси, Паисій папа и патріархъ великаго града Александріи и судія вселеннѣй и Макарій патріархъ Божія града великія Антиохіи и всего востока, вкупѣ со братомъ и сослужителемъ нашимъ святѣйшимъ киръ Іоасафомъ патріархомъ московскимъ и всея Россіи, и съ преосвященными митрополиты, архіепископы и епископы россійскими, и сопрілучившимися здѣ греческими архіереями, и со прочими,

¹⁸⁴) Соборъ 1667 года есть продолженіе собора 1666 года; такъ какъ прежде нежели соборъ изъ русскихъ пастырей 1666 года окончили свои засѣданія, пріѣхали восточные патріархи, подъ предсѣдательствомъ которыхъ соборъ и продолжилъ свои засѣданія. *

¹⁸⁵) „Дополн. акты историч. V, стр. 460.

и совѣмъ освященнымъ соборомъ великороссійскаго государства, во имени великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, соборнѣ заповѣдуемъ всѣмъ вамъ архимандритамъ и игуменамъ и всѣмъ монахамъ, протопопамъ и старостамъ поповскимъ и всѣмъ священникамъ мѣстнымъ и немѣстнымъ, клирикамъ же и всякаго роду православнымъ христіанамъ, великимъ и малымъ, мужемъ же и женамъ, и повелѣваемъ покараться во всемъ, безъ всякаго сумнѣнія и прекословія святѣй восточнѣй и апостольстѣй церкви Христовѣ. Архимандрити же и игумени да научають братію свою въ монастырѣхъ, протопопы и старосты поповскіе и попы мѣстные и немѣстные, мѣстные же священники кійждо въ своемъ приходѣ прихожанъ и кійждо священникъ вся своя духовныя дѣти муже же и жены и отроки, да учать по часту во всѣхъ церквахъ и наединѣ, дабы покорялися вси *во всемъ*, безъ всякаго сумнѣнія, святѣй восточной церкви; и книги, яже за повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и благословеніемъ и совѣтомъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ братій нашихъ исправившася и приведошася и напечаташася при Никонѣ, бывшемъ патріархѣ и послѣ его отшествія за благословеніемъ освященнаго собора, книги служебники, и требники и прочія (за несуть право исправлены) пріимати и по нихъ да прикажите правити церковное все Божіе славословіе, чинно и не мятежно, и единогласно, и гласовое пѣніе пѣти на рѣчь; и святыи символъ пріимати и глаголати, якоже святіи и богоносніи отцы въ первомъ вселенскомъ соборѣ, иже въ Никеи и во второмъ вселенскомъ соборѣ, иже въ Константинополѣ, написаша греческимъ языкомъ, и прочіи вселенстїи и помѣстніи собори пріимаша и утвердиша, якоже нынѣ исправлено противъ греческаго и напечатася славенскимъ языкомъ, безъ прилога „истиннаго“ и безъ всякаго измѣненія, тако убо держати всѣмъ повелѣніемъ и глаголати въ церкви и повсюду исповѣданіе православныя вѣры; и аллилуіа въ божественномъ пѣніи въ учененныхъ мѣстѣхъ глаголати трижды, сирѣчь: „аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ Боже, сице трижды по древнему преданію, якоже писано есть въ древнихъ харатейныхъ славенскихъ и греческихъ книгахъ, и знаменіе честнаго и животворящаго креста творити на себѣ тремя первыми персты

десныя руки, палець глаголенный и иже близъ его глаголемый указательный и средній слагати вкупъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, дваже глаголемый мизинець и иже близъ его близосредній, имѣти наклоненны и празды, по древнему преданію св. апостоловъ и св. отецъ; тако бо имуть вси народи христіанстіи, мнози языцы, иже суть въ православіи отъ востока и до запада, преданіе издревле и до нынѣ неизмѣнно держать якоже и нынѣ видится и въ Россіи, яко мужіе поселяне неизмѣнно изъ древянаго обычая знаменуются тремя первыми персты; и молитву Іисусову глаголати еще: „Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ“, въ церковномъ пѣніи и во общемъ собраніи, а на единѣ, якоже кто хоцетъ; къ сему же приказати всѣмъ просфорницамъ, гдѣ кому приказано, чтобы просфоры печатали печатію четвероконечнаго креста, якоже выше изобразися, по свидѣтельству великихъ учителей Аѳанасія Великаго, Іоанна Дамаскина и иныхъ, яко и отъ двою древу сложенный крестъ истинный есть крестъ; посему же и чинъ церковный и монастырскій и посты хранити по преданію св. апостоловъ и св. отецъ, якоже святая, соборная и апостольская церковь содержитъ ко спасенію всѣмъ православнымъ христіанамъ. Еще же повелѣваемъ всѣмъ вамъ освященному чину и показуемъ, како вамъ знаменовати, сирѣчь благословляти народъ: сложившу десныя руки іерею два перста, глаголемый указательный простертъ и великосредній мало наклоненъ, яже знаменуетъ Іисусъ и паки два перста глаголемый палець и близосредній наклонена другудружно совокуплены, яже знаменуетъ литеру Х, и паки присовокупленъ къ близосреднему персту малый персть глаголемый мизинець простертъ и мало наклоненъ, яже знаменуетъ литеру С, и вся сія три персты знаменуютъ хс; и симъ именемъ Господа нашего Іисуса Христа завѣщаваемъ вамъ знаменовати вѣрныхъ народы, по реченному ко Аврааму о Христвѣ: „и въ семени твоёмъ возблагословятся вси языцы“¹⁸⁶). Потомъ „и объ этомъ вамъ (архимандритамъ, игуменамъ и проч.) сказывать вамъ всѣмъ приходскимъ священникамъ и самимъ досматривать, чтобы при погребеніи усопшихъ священники и діаконъ ходили предъ гробомъ усопшаго, за иконою; потому что священники

¹⁸⁶) Тамъ же, стр. 385—87, 460, 462 и 466.

предводители, за гробомъ же должны идти сродники“¹⁸⁷⁾; „наблю-
дать и за тѣмъ, чтобы во время литургіи на маломъ выходѣ съ
евангеліемъ и на великомъ выходѣ съ св. дарами и на утрени
въ великую субботу священники и діаконы ходили противъ солнца,
а не по солнцу“¹⁸⁸⁾.

Изслѣдовавши и дознавши, что исправленное истинно, пра-
вильно и согласно съ ученіемъ церкви восточной, соборъ тре-
бовалъ, чтобы все предписанное имъ исполнялось съ особенною
точностью, и за малѣйшее нарушеніе предписаннаго угрожалъ
отлученіемъ отъ церкви, тѣлеснымъ озлобленіемъ и страшнымъ
проклятіемъ. „Аще же кто отъ васъ не послушаетъ хотя во
единомъ чесомъ повелѣваемыхъ отъ насъ, или начнетъ преко-
словити и вы на таковыхъ возвѣщайте намъ, и мы таковыхъ
накажемъ духовно; аще же и духовное наказаніе наше начнутъ
презирати, и мы таковымъ приложилъ и тѣлесная озлобленія“.
Потомъ, обращаясь къ архимандритамъ, игуменамъ, протопонамъ
и старостамъ поповскимъ, соборъ говоритъ: „аще же вы сами
начнете повелѣніе наше презирати и не учнете радѣти и по
церквамъ дозирати, или на ослушниковъ и безчинниковъ не бу-
дете извѣщати, а кромѣ вашей извѣту гдѣ въ церкви которой-
нибудь вашего сорока обряцется какое противу сего нашего
соборнаго писанія неисправление или нестроеніе, и *хотя едино
что*, а намъ учинится вѣдомо: и за то тебѣ старость и деся-
скимъ быти въ церковной казни безъ всякія пощады“¹⁸⁹⁾.

Но полагая, что духовнаго наказанія и тѣлеснаго озлобленія
недостаточно для ослушниковъ соборнаго предписанія, соборъ
положилъ страшную клятву на всѣхъ тѣхъ, кто не покорится
церкви и останется при своемъ убѣжденіи до самой смерти.
„Сіе наше соборное повелѣніе и завѣщаніе ко всѣмъ вышерече-
ннымъ чинамъ православнымъ заповѣдуемъ и повелѣваемъ
всѣмъ неизмѣнно хранить и покоряться святѣй восточнѣй цер-
ви. Аще ли же кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ, и
не покорится святѣй восточнѣй церкви и сему освященному
собору или начнетъ прекословити и протівлѣтисѣ намъ: и мы

¹⁸⁷⁾ Тамъ же, стр. 462.

¹⁸⁸⁾ Тамъ же, стр. 470.

¹⁸⁹⁾ Т. же, стр. 437.

таковаго противника данною намъ властію отъ всесвятаго и животворящаго Духа, аще будетъ отъ священнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствія и благодати и проклятію предаемъ, аще же отъ мірскаго чина отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и св. Духа и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретника и непокорника, и отъ православнаго всеочленія и стада и отъ церкви Божія отсѣваемъ, яко гнивь и не потребенъ удъ, дондеже вразумится и возвратится въ правду покаяніемъ. Аще же кто не вразумится и не возвратится въ правду покаяніемъ и пребудеть въ упрямствѣ своемъ до скончанія своего: да будетъ и по смерти отлученъ и не прощенъ, и часть его и душа его со Іудею предателемъ и съ распятыми Христа жидовы, и со Аріемъ и съ прочими проклятыми еретиками, желѣзо, каменіи и дрѣвеса да разрушатся, и да расплятятся; а тои да будетъ не разрѣшенъ и не разрушенъ и яко кнѣпанъ, во вѣки вѣковъ, аминь ¹⁹⁰).

Взглядъ собора раздѣляли всѣ архіереи того времени и потому съ особенною ревностію заботились о точномъ исполненіи предписаній собора 1666 года. За неисполненіе даже не существеннаго, они строго наказывали тѣхъ, кто дѣйствовалъ вопреки предписаніямъ собора. Такъ въ 1668 году митрополиту новгородскому Питириму сдѣлалось извѣстнымъ, что нѣкоторые просвиришки пекутъ просфоры съ изображеніемъ осьмиконечнаго креста, а священники Тихвинскаго посада, не смотря на запрещеніе собора, изъ этихъ просфоръ вынимаютъ агнецъ, которымъ причащаютъ своихъ духовныхъ дѣтей. Поэтому поводу Питиримъ писалъ Тихвинскаго монастыря архимандриту Іонѣ: „и такъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тыбъ, сыну, на Тихвинскомъ посадѣ поповъ допросилъ по священству: того Тихвинскаго посаду всякихъ чиновъ жилацкихъ людей божественныхъ и пречистыхъ тайнъ причащали просвирами старыя ли печати крестовъ, или новыя печати крестовъ? да будетъ, по допросу, Тихвинскаго посаду попы скажутъ, что они дѣтей своихъ духовныхъ или иныхъ какихъ чиновъ людей божественныхъ и пречистыхъ тайнъ причащати просвирами старыми печати крестовъ, а не новой печати крестовъ и кого именно — дѣтей своихъ духовныхъ или иныхъ

¹⁹⁰) Тамъ же, стр. 487.

какихъ чиновъ людей причащали: и тыбъ, по нашему указу, тѣхъ поповъ отказавъ отъ божественныя службы, а отказавъ, велѣлъ тѣхъ поповъ дать на крѣпкіе поруки съ записьми, а за поруками тѣхъ поповъ прислать къ намъ въ Великій Новгородъ, съ провожатымъ. А которыхъ церковей просвирки тѣ просвиры пекли и печатали старыхъ печатей кресты, и тыбъ тѣхъ просвирнъ отослать въ Тихвинскій дѣвичій монастырь подъ началь и велѣлъ ихъ держать въ Тихвинскомъ монастырѣ, скованныхъ, на цѣпяхъ до нашего указу“¹⁹¹⁾. Очевидно, уступки, снисхожденія не могли сдѣлать даже въ самомъ не существенномъ. Служеніе на просфорахъ съ печатію осьмиконечнаго креста считалось преступленіемъ на столько важнымъ, что за него однихъ отсылали въ монастырское заточеніе и сажали на цѣпь, другимъ запрещали священнодѣйствіе, за конвоемъ для личнаго объясненія отправляли къ мѣстному епархіальному начальству, гдѣ ихъ ожидали *пена, жестокое служеніе, тѣлесныя озлобленія*.

Съ большимъ вниманіемъ и энергіею—какъ за дѣломъ несравненно большей важности—слѣдили, чтобъ богослуженіе отправлялось по новоисправленнымъ книгамъ. Хотя обыкновенно говорятъ, что патріархъ Пиконъ, разсылая новоисправленные книги, отбиралъ старыя и жегъ, и что онъ былъ на этотъ разъ неумолимо строгъ, это едвали вѣрно. Старыхъ книгъ было въ употребленіи очень много, и духовенство—по привычкѣ ли отправлять богослуженіе по старымъ книгамъ, или въ угоду прихожанамъ, или по собственной наклонности къ расколу—отправляло богослуженіе по старымъ книгамъ. Судя по количеству дошедшихъ до нашего времени документовъ этого рода, должно заключить, что епархіальное начальство зорко слѣдило за этимъ дѣломъ, требовало, чтобы богослуженіе непременно отправлялось по новымъ книгамъ, и строго наказывало осмѣлившихся не исполнить приказаній. Въ 1671 году 29 мая поповскому старостѣ Архангельскому попу Лаврентію Федорову отъ митрополита Новгородска Питирима прислана была грамота, по которой „велѣно ему на Вогъ и Вожскомъ уѣздѣ и во всемъ своемъ заказѣ, по всемъ святымъ Божиимъ церквамъ, попомъ съ причетники уче-

¹⁹¹⁾ Акты историческіе, т. IV, № 204.

нить заказъ крѣпкій, чтобы попы и дьяконы и причетники Божественную службу служили по новоисправленнымъ службникамъ и просвирами, на которыхъ изображенъ четвероконечный крестъ, и пѣли бы и говорили бы единогласно по новоисправленнымъ же книгамъ“¹⁹²⁾. Но чтобъ приходскіе священники въ точности исполняли предписаніе мѣстнаго архіерея, поповскій староста предписывалъ десятскимъ понамъ, чтобъ они не только приказывали исполнять предписанное митрополитомъ, но и взяли бы съ нихъ сказки: „который попь какъ служилъ или служить и на просфорахъ который крестъ изображенъ; а у которыхъ церковей новоисправленныхъ службниковъ нѣтъ и по тѣхъ попѣхъ и по церковныхъ старостахъ писати поручныя записи, что имъ тѣ новоисправныя службники купити“¹⁹³⁾. Въ слѣдующемъ году вновь „вѣдомо учинилось великому господину преосвященному Питириму, митрополиту великаго новгорода и великихъ Лукъ, что на Вогвѣ, въ Шенкурскомъ островѣ и во всей Вожской десятинѣ, во всѣхъ четырехъ четвертяхъ, по монастыремъ у игуменовъ и устроителей, и у черныхъ поповъ съ братьею, и по погостамъ и по выставкамъ у поповъ и у дьяконовъ и церковныхъ причетниковъ, по святымъ Божиимъ церквамъ многое церковное неисправленіе, поютъ и говорятъ не единогласно и по книгамъ старыя печати, а не по новоисправленнымъ“¹⁹⁴⁾. Поповскому старостѣ посланъ указъ, но съ особеннымъ полномочіемъ, котораго прежними указами поповскому старостѣ не предоставлялось. Въ памяти поповскаго старосты Пречистенскаго Успенскимъ попамъ говорится: „да вашиже попамъ и дьякону въ церквахъ Божіихъ служить по службникамъ новоисправленнымъ печати и просвирами четвероконечнаго креста, а будетъ вы по службникамъ новоисправленнымъ печати служить и просвирами четвероконечнаго креста, и пѣти и говорити единогласно... не учнете, и за то васъ, по указу великаго господина преосвященнаго Питирима митрополита великаго Новгорода и Великихъ Лукъ, велѣно поповскому старостѣ Предотеченокому попу Прокопью смирять жестокимъ смиреніемъ, а буде кто не

¹⁹²⁾ Акты археограф. экспед., т. IV, № 184, стр. 235.

¹⁹³⁾ Тамъ же, стр. 236.

¹⁹⁴⁾ Тамъ же, № 188, стр. 241.

покажется (не научится) и на такихъ непокорниковъ велѣно ему писать въ великій Новгородъ къ великому господину преосвященному Питириму, митрополиту великаго Новгорода и Великихъ Лукъ и ихъ за крѣпкими поруками съ провозатымъ велѣно присылать же въ великій Новгородъ¹⁹⁵).

Очевидно, епархіальное начальство не хотѣло сдѣлать ни малѣйшей уступки или снисхожденія заблуждающимъ: оно требовало безусловнаго исполненія всего предписаннаго, не обращая никакого вниманія на внутреннее расположеніе тѣхъ, кому предписывается исполнять. Достоинство и святость церкви не могутъ входить въ какія-либо сдѣлки, и этого одного совершенно достаточно для того, чтобы церковь требовала безусловнаго исполненія всего предписаннаго. Но исполнялись ли эти предписанія? Не оставались-ли они предписаніями, безъ исполненія? Что эти предписанія исполнялись не вездѣ—это несомнѣнно: одно уже то, что такого рода предписанія разсылались въ большомъ числѣ и послѣ, служить несомнѣннымъ доказательствомъ не всегда точнаго ихъ исполненія. Но несомнѣнно также и то, что неисполненіе предписаній необходимо влекло за собою исполненіе всѣхъ угрозъ. У насъ немного документовъ, откуда можно было бы видѣть, что поповскіе старосты и десятскіе жестоко наказывали своихъ подчиненныхъ, смиряли ихъ жестокимъ смиреніемъ за неисполненія предписаннаго; но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что угрозы въ архіерейскихъ указахъ не оставались одними угрозами, но приводились въ исполненіе поповскими старостами, если только они сами не придерживались раскола; потому что съ самихъ поповскихъ старостъ взыскивали не менѣе строго. „Если вы сами (поповскіе старосты) поведѣніе наше начнете презирать и не будете заботиться и наблюдать по церквамъ, или не будете доносить на ослушниковъ и безчинниковъ, и сдѣлается извѣстнымъ помимо вашего донесенія о какомъ-либо нестроеніи въ церквахъ *вашего сорока*: и за то тебѣ поповскому старостѣ и десятскимъ быти въ церковной казни, безъ всякія пощады“¹⁹⁶). Извѣстнымъ для епархіальнаго архіерея это нестроеніе и безчиніе въ церкви легко могло сдѣлаться. Слѣдо-

¹⁹⁵) Тамъ же, стр. 242.

¹⁹⁶) Дополн. акты истор. V, № 102, стр. 467.

вательно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія отрицать, чтобъ поповскіе старосты и десятскіе не прибѣгали къ тѣмъ строгимъ, даже жестокимъ мѣрамъ, на которыя ихъ уполномочивала высшая епархіальная власть для приведенія въ исполненіе своихъ предписаній. Но и строгія предписанія и строгія мѣры мало помогали, судя по тому, что предписанія епархіальныхъ архіереевъ объ отправленіи богослуженія по новоисправленнымъ книгамъ и о прочемъ продолжали разсылаться и послѣ, какъ они разсылались до этого времени.

Чтобъ положить конецъ этому упорству со стороны низшаго духовенства патріархъ Іоакимъ повидимому прибѣгъ къ самому рѣшительному средству: онъ приказалъ отобрать все старыя книги, чтобы такимъ образомъ отнять у духовенства средство противиться предписаніямъ высшаго начальства и удовлетворить раскольническимъ склонностямъ простаго народа. Въ 1677 году декабря 4 изъ патріаршаго разряда прислана грамота къ Новгородскому митрополиту такого содержанія. Въ нынѣшнемъ 186 году декабря въ 1 день указали мы, святѣйшій патріархъ, въ епархіи твоей въ монастырѣхъ, и въ соборныхъ и приходскихъ и въ ружныхъ церквахъ старобытныя, харатейныя книги, по которымъ церковныя службы не исправляются ¹⁸⁷⁾, отобрать и прислать къ Москвѣ, а тѣхъ монастырей у властей, а церковей у поповъ взять росписи, какими книгами у нихъ недовольство, и вмѣсто тѣхъ харатейныхъ взятыхъ книгъ даны имъ будутъ на Москвѣ съ печатнаго двора печатныя книги“ ¹⁸⁸⁾. Нужно полагать, что подобныя же грамоты изъ патріаршаго разряда были посланы и къ другимъ архіереямъ. Въ силу это грамоты въ Москву присылались старыя книги: такъ изъ Михайловскаго Сковородскаго монастыря прислали 5 книгъ ¹⁸⁹⁾. Но и эта мѣра, очевидно, не была исполнена въ полной силѣ подобно другимъ; въ 1683 году Устюжскій архіепископъ Геласій предписывалъ Соловчегодскому духовенству отправлять богослуженіе по по-

¹⁸⁷⁾ Выраженіе: «по которымъ церковныя службы не исправляются», думаемъ на этотъ разъ не имѣетъ смысла. Если не исправляются, то зачѣмъ въ обмѣнъ ихъ патріархъ предлагаетъ новыя книги?

¹⁸⁸⁾ Дополн. акты истор., т. VII, № 63, стр. 305.

¹⁸⁹⁾ Тамъ же, стр. 306.

воисправленнымъ книгамъ и приказывалъ поповскимъ старостамъ досматривать и смирять непокорныхъ ²⁰⁰); того же, много спустя, долженъ былъ требовать и патріархъ Адрианъ въ 7 § инструкции, написанной для поповскихъ старостъ ²⁰¹). Того же потому требовалъ Тамбовскій епископъ въ инструкции составленной для поповскихъ старостъ ²⁰²).

(Отсюда слѣдуетъ, что взглядъ собора 1666—67 гг., на раскольниковъ и на отношеніе къ нимъ церкви былъ господствующимъ взглядомъ епархіальнаго начальства, духовной администраціи отъ собора до учрежденія синода. Церковь не можетъ сдѣлать никакой уступки раскольникамъ, а заправляющіе дѣлами церкви должны требовать, чтобы исполнялось все, какъ опредѣлилъ соборъ, сама церковь.

Строгія предписанія духовной власти касались не только духовенства, но въ равной мѣрѣ простиралась на массу населенія, на весь народъ, который въ дѣлѣ религіи былъ подчиненъ духовному суду, какъ и духовенство. Духовное начальство того времени за неисполненія обязанностей христіанина, за нарушение церковныхъ правилъ по дѣйствующему въ то время закону имѣло полное право подвергать и мірянъ не только церковному наказанію—спитиміямъ, но даже смирять жестокимъ смиреніемъ. Полагая не безъ основанія ²⁰³), что нехождение въ церковь и удаленіе отъ таинствъ безъ особенно важной причины есть видимый признакъ послѣдованія ученію раскола, духовное начальство, предписывая духовенству отправлять богослуженіе по новоисправленнымъ книгамъ, въ то же время требовало отъ ми-

²⁰⁰) Акты археогр. экспед., т. IV, № 275.

²⁰¹) Древняя российская Вивлюевка, XV, стр. 374.

²⁰²) Историко-статистическое описаніе тамбовской епархіи. Хитрова, стр. 14.

²⁰³) Собору, нужно полагать, было извѣстно, что Аввакумъ словомъ и писаніемъ «возбранилъ православнымъ христіанамъ отъ священниковъ новоисправленные книги въ священнодѣйствіи употребляющихъ божественныхъ таинъ комкалия способлятися». Дополн. акты историч., т. V, № 102, стр. 448; что онъ заповѣдывалъ раскольникамъ причащаться св. комкалиемъ, вмѣсто Св. Таинъ. Описаніе нѣкоторыхъ раскольничьихъ сочин. Александра Б. ч. II, стр. 18; что заповѣдывалъ не ходить въ православную церковь и избѣгать исповѣди у православныхъ священниковъ, а если необходимость заставитъ, то рассказывать попу, «какъ лисица, куры крапа». Тамъ же, стр. 19.

рянъ, чтобы они ходили въ церковь въ господскіе и богородичныя праздники и государевы ангелы, исповѣдывались, причащались св. таинъ и вообще исполняли всѣ обязанности христіанина ²⁰⁴); 1668 г. Новгородскій митрополитъ Питиримъ требовалъ чрезъ Іону, архимандрита Тихвинскаго монастыря, чтобы духовенство представило росписи: „кто писаны того Тихвинскаго посаду всякихъ чиновъ жилецкіе люди въ нынѣшній постъ и въ иные посты не постились и у своихъ отцовъ духовныхъ на исповѣди не были и св. таинъ не причащались ²⁰⁵). Въ 1671 году десятскому попу Борису Никитину дана память, въ которой ему предписывается, чтобы онъ внушилъ духовенству отправлять богослуженіе по новоисправленнымъ книгамъ, а мірянамъ посѣщать храмъ Божій и говѣть въ посты, если же „которые крестьяне или ихъ жены и дѣти не учнутъ поститися и св. Христовыхъ таинъ причащатися, и къ тѣмъ крестьянамъ въ дома ихъ приходскихъ церквей и иныхъ приходовъ попамъ ни съ какою святѣнію приходять не велѣно, и тѣхъ крестьянъ, ихъ женъ и дѣтей въ церковь пушать и никакихъ приношеній отъ нихъ въ церковь принимать не велѣно“ ²⁰⁶). Но въ слѣдующемъ году, вмѣсто этого духовнаго наказанія, приказано было: такихъ непокорниковъ мѣстному духовенству представлять на Софійскій дворъ; къ поповскому старостѣ ²⁰⁷). Въ 1672 г. Геласій, архіепископъ Устюжскій, предписывалъ поповскому старостѣ „надсматривать надъ духовенствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказывать на крѣпко о неговѣющихъ въ постъ, объ отмѣтникахъ и противящихся

²⁰⁴) Такъ смотрѣло и гражданское правительство на тѣхъ, кто не ходилъ въ церковь, не исповѣдывался и не причащался Св. Таинъ. См. указныя статьи о раскольникахъ Акты археол. экспед., т. IV, № 284. Не хожденіе въ церковь считалось признакомъ посѣдованія русскому. См. Виноградъ Россійскій, л. 116. Рукопис. моск. дух. академіи.

²⁰⁵) Акты историч., т. IV, № 204, стр. 436. Такъ еще собору 1666—67 гг. извѣстно было, что раскольники удаляются исповѣди и Св. Таинъ причастія у православныхъ священниковъ, и соборомъ опредѣлено завести по церквамъ метрическія книги. «Велѣно всѣмъ священникамъ держати во всѣхъ церквахъ записныя четыре книги для записыванія въ оныя: крещенныхъ, въ супружество вѣчаныхъ, живыхъ прихожанъ и преставльшихся». Описаніе рукописей Румянцева муз. № СССС V, стр. 609—610.

²⁰⁶) Акты экспед., т. IV, № 184.

²⁰⁷) Тамъ же, № 188.

церкви Божіи, и раскольниковъ и капитюнскаго ученія и наставлять ихъ къ благочестію... а на ослушниковъ и безчинниковъ писать бы къ намъ, на Устюгъ великій²⁰⁸⁾. По открытіи же Холмогорской каведры, мѣстному воеводѣ царскою грамотою данъ былъ приказъ, чтобъ онъ противъ ослушниковъ и раскольщиковъ давалъ, по требованію архіерея, ратныхъ людей, сколько потребуется²⁰⁹⁾.

Сознавая истинность защищаемаго дѣла, церковное правитель-ство, не дѣлая никакихъ уступокъ, путемъ силы старалось про-вести въ жизнь народа обряды, чины и измѣненія, которыя сует-вѣрный и невѣжественный народъ заклеймилъ именемъ ереси и отступленія отъ вѣры и которыхъ потому отвращался. Ду-ховное правительство какъ бы не замѣчало этого отвращенія къ новому въ значительной части народа и духовенства и строго требовало—отъ однихъ—чтобъ богослуженіе отправлялось такъ, какъ найдено лучшимъ и православнымъ, отъ другихъ—чтобъ они не отвращались этого нѣсколько измѣненнаго богослуженія; оно какъ будто силою и угрозами думало утвердить въ массѣ тѣ убѣжденія, которыя она не хотѣла принять, и полюбить то, что народъ болѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, возненавидѣлъ. Церковное правительство, не обращая вниманія ни на что, требовало точнаго исполненія предписаннаго и угрожало нака-заніемъ (и дѣйствительно наказывало) за неисполненіе пред-писаннаго.

Это настойчивое требованіе со стороны православнаго ду-ховнаго правительства отъ раскольниковъ безусловнаго испол-ненія всего предписаннаго и полнѣйшаго повиновенія церкви вызвало въ нашъ вѣкъ много обличеній, особенно со стороны свѣтскихъ писателей. Самое распространеніе раскола стараются объяснить именно тѣмъ только однимъ, что духовное правитель-ство не предоставило на волю каждаго отправлять богослуженіе по новоисправленнымъ или старымъ книгамъ, употреблять трех-перстное или двуперстное знаменіе креста, четвероконечный или осмьмиконечный крестъ, трегубое или сугубое аллилуія и пр. и клеймятъ все духовенство того времени и низшее и высшее

²⁰⁸⁾ Тамъ же, № 275, стр. 401.

²⁰⁹⁾ Акты историч., т. V, № 93, стр. 145 - 146.

именемъ невѣждъ, не умѣвшихъ отличить существенное отъ несущественнаго, обрядъ отъ догмата и пр. Говорятъ такъ часто— но едва ли дѣло. Уступка невѣжеству, не принося никакой пользы, необходимо должна принести одинъ вредъ. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, расколъ еще не пришелъ къ сознанию собственнаго ничтожества и самъ бы не принялъ никакой уступки, а еслибы и принялъ, то отнесся бы къ ней совершенно иначе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ защитники суевѣрныхъ страдальцевъ за вѣру. Еслибы раскольникамъ формально дозволено было употреблять старыя книги, двуперстное сложеніе и все изъ-за чего возстали они, то раскольники все-таки не перестали бы называть православныхъ слугами антихристовыми, таинства православной церкви—антихристовою скверною, церкви—конскимъ стоялицемъ, не перестали бы называть до тѣхъ поръ, пока церковь не отказалась бы отъ всего того, что съ точки зрѣнія раскольниковъ неправославно, и не стало бы мыслить и поступать, какъ требовали раскольники. Само собою разумѣется, что этого церковь не могла сдѣлать, не переставая быть церковію, а слѣдовательно и раскольники не могли вступить въ общеніе съ церковію и не могли иначе относиться къ ней, какъ враждебно. Не мѣшаетъ этимъ писателямъ помнить, что раскольники въ 1682 году съ оружіемъ въ рукахъ приходили просить не уступокъ со стороны духовнаго правительства, а— *возстановить старую вѣру* и Никита вовсе не могъ предположить, чтобы вѣнчавшіеся на царство цари могли остаться православными послѣ того, когда ихъ патріархъ причастилъ дарами, вынутыми изъ просфоры съ четвероконечнымъ крестомъ. Патріархъ Іоакимъ попробовалъ было сдѣлать уступку раскольникамъ, но эта уступка не только не была принята, не принесла никакой пользы, но даже вызвала насмѣшку со стороны раскольниковъ. Раскольническій историкъ Савва Романовъ, повѣствуя о бунтѣ 1682 года и соборѣ, влагаетъ въ уста патріарха Іоакима такой отвѣтъ, когда у него спрашивали: „за что церковная власть такъ жестоко обращается съ раскольниками: „мы за крестъ и за молитву въ срубахъ не жжемъ и не пытаемъ, мы за то жжемъ, что еретиками насъ называете и не повинуетесь св. соборной и апостольской церкви, а кто хочетъ какъ, тотъ такъ и крестится“ ²¹⁰). Тоже самое передаетъ Денисовъ

въ своемъ Россійскомъ виноградѣ. Полковникъ Лопухинъ, разоряя вязниковскіе скиты, предлагалъ раскольникамъ, разумѣется не безъ соизволенія на то патріарха Іоакима, креститься двумя перстами и требовалъ только одного: ходить въ православную церковь. Чтоже вышло? приняли ли раскольники то, что имъ предлагали? Нѣтъ! Раскольницы, предназначенныя къ сожженію, не приняли этого предложенія ²¹¹⁾ и только дали поводъ велерѣчивому раскольническому историографу насмѣяться надъ слабостію Лопухина, или вѣрнѣе—надъ слабостію патріарха Іоакима, именемъ котораго Лопухинъ дѣлалъ раскольникамъ подобныя предложенія.

Такимъ образомъ, предоставленіе свободы въ дѣлѣ религіи приводило къ совершенно противоположному слѣдствію, чѣмъ какого можно ожидать. Раскольники смотрѣли на подобную снисходительность со стороны православной церковной власти, какъ на сомнѣніе въ справедливости своего дѣла. Равнымъ образомъ, такое отношеніе къ расколу должно было произвести самое невыгодное впечатлѣніе въ средѣ тѣхъ, которые были послушны голосу своихъ пастырей церкви. Всѣмъ извѣстенъ способъ, которымъ уничтожались въ русской церкви ереси. Это сначала требованіе повиноваться св. церкви, потомъ—жестокое смиреніе, монастырская казнь, торговая казнь и наконецъ градская казнь. Этотъ способъ проложенъ исторіею; къ нему всѣ присмотрѣлись, находили совершенно законнымъ. Что же должно было родиться въ умахъ тѣхъ, которые 10—15 лѣтъ назадъ слышали страшныя проклятія противъ дуперстія, сугубой аллилуіа и пр., а теперь видятъ, что представляется на волю каждого, по какимъ книгамъ хочешь, по тѣмъ и служи, какъ знаешь, такъ и поступай. Почему незаконное 10—15 лѣтъ назадъ теперь является законнымъ? Что значить это снисхожденіе церковной власти? Да ужъ не правы ли раскольники? Этотъ рядъ мыслей, необходимо возникавшій въ головѣ каждого, долженъ былъ неблагопріятно отозваться на твердости религиозныхъ убѣжденій вѣрныхъ чадъ церкви. Могутъ сказать: кто же виноватъ?—само же духовенство проклинало, само оно произнесло отлученіе? Да, церковь произнесла отлученіе и не русская только, но и восточная, и прежде всего

²¹⁰⁾ Исторія Саввы Романова.

восточная. Съ другой стороны,—имѣла ли право церковь *не произвести* этого отлученія? Гдѣ и въ какихъ каноническихъ постановленіяхъ повелѣвается церкви именовать своими вѣрными чадами тѣхъ, которыя не признають ея правъ и порицають всѣ таинства и установленія самыми поносными именами, отрицають ея истинность, чистоту, святость? Едва ли есть или когда-нибудь существовало на свѣтѣ правительство, которое бы признавало своими вѣрноподанными не признающихъ его за законное и старающихся ниспровергнуть его!? Рано создало это церковное правительство, во время остановилось и законно и благоразумно рѣшилось не дѣлать никакихъ уступокъ до тѣхъ поръ, пока сами раскольники не сознають своего ничтожества, крайней несостоятельности и не стануть *просить сами* этихъ уступокъ со стороны церкви. Нѣтъ, церковь поступала совершенно законно и благоразумно, употребляя другія мѣры для обращенія раскольниковъ, а не эту отличающуюся крайнимъ индифферентизмомъ. Объ одномъ только можно пожалѣть, это именно о томъ, что церковь при обращеніи раскольниковъ не удержалась въ предѣлахъ чисто духовныхъ мѣръ .

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БЮГРАФИИ ОСНОВАТЕЛЯ АЛТАЙСКОЙ МИССИИ, АРХИМАНДРИТА
МАКАРІЯ (М. Я. ГЛУХАРЕВА).

Feci quod potui, faciant meliora potentes.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія въ городѣ Вязьмѣ, Смоленской губерніи, большимъ почетомъ пользовался священникъ отецъ Іаковъ Глухаревъ. Сначала онъ служилъ въ приходской Бого-явленской церкви, потомъ въ Введенской соборной. Поставленъ онъ былъ изъ студентовъ по окончаніи имъ полнаго семинарскаго курса, что уже само по себѣ было рѣдкостью въ то крайне неразборчивое въ этомъ отношеніи время. Тогда не затруднялись въ выборѣ священниковъ и зачастую ставили не только изъ недоучившихся семинаристовъ, но и изъ малограмотныхъ причетниковъ. Кромѣ почтенія, которое внушалъ къ себѣ о. Іаковъ, какъ поставленный изъ ученыхъ, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ за то, что очень усердно исполнялъ пастырскія обязанности, не упускалъ случая обращаться къ прихожанамъ съ поученіями и проповѣдями и кромѣ того самъ съ женою своею Агапіею служилъ примѣромъ скромной и благочестивой христіанской семейной жизни. О. Іакова и мать Агапію такъ любили вязьмитяне, что и по смерти обоихъ добрая память о нихъ долго жила и хранилась въ Вязьмѣ и ея окрестностяхъ.

Какъ была велика семья ихъ, свѣдѣній нѣтъ. Намъ известны

только два сына ихъ: Михаилъ и Алексѣй, изъ которыхъ первый приобрѣлъ почетную извѣстность и значеніе въ нашей отечественной церкви, какъ основатель и учредитель алтайской миссіи и какъ переводчикъ Библии; о второмъ же мы знаемъ только, что онъ былъ священникомъ въ томъ же городѣ Вязьмѣ, но по кончинѣ жены своей долго и не безъ приключеній странствовалъ, пока не поступилъ въ Кіевскую лавру, гдѣ и кончилъ жизнь іеросхимонахомъ въ дальнихъ пещерахъ.

Матеріаловъ для полной оцѣнки дѣятельности М. Я. Глухарева было бы достаточно, но къ сожалѣнію не всѣ они предоставлены гласности, а что явилось въ печати разбросано въ разное время по разнымъ изданіямъ, при чемъ издатели позволяли себѣ сообразно своимъ личнымъ взглядамъ измѣнять, урѣзывать и сокращать и дойти даже до исправленія текста дневника. имъ самимъ веденнаго, что вызвало разнорѣчіе въ описаніи нѣкоторыхъ фактовъ и путаницу въ числахъ. Свѣдѣнія о немъ были бы гораздо полнѣе и цѣннѣе, еслибы въ печати явились во всей полнотѣ и цѣлости: а) его дневникъ, который онъ велъ на Алтаѣ и представлялъ преосвященному, какъ отчетъ о дѣятельности миссіи; б) воспоминанія о жизни его, начиная съ 10-лѣтняго возраста, написанныя имъ, какъ исповѣдь, для настоятеля Глинской пустыни, гдѣ онъ жилъ нѣкоторое время, и в) записки его келейника А. А. Орлова, отставнаго унтеръ-офицера и Георгіевскаго кавалера (впослѣдствіи Болховской Оптиной пустыни іеросхимонаха Макарія), который простымъ безыскусственнымъ языкомъ описалъ, какъ умѣлъ, дѣятельность о. Макарія какъ начальника Алтайской миссіи, и какъ настоятеля Болховской пустыни, до самой кончины его. Къ сожалѣнію воспоминанія архимандрита Макарія и записки его келейника А. Орлова остаются не изданными, потому будто бы, что изданіе ихъ считается еще несвоевременнымъ, въ чемъ мы позволяемъ себѣ усумниться, такъ какъ со времени кончины о. Макарія прошло уже почти полвѣка. Время уходитъ, и эти то весьма цѣнные матеріалы могутъ исчезнуть ¹⁾. Мы взяли на себя собрать и указать по крайней мѣрѣ то, что имѣется въ настоящее время. И то небольшое,

¹⁾ Они, какъ слышно, едва и не сгорѣли во время пожара, бывшаго весной нынѣшняго года въ домѣ начальника Алтайской миссіи.

что явилось въ печати, уже достаточно свидѣтельствуешь о значеніи этой замѣчательной, свѣтлой личности.

Михаилъ Яковлевичъ Глухаревъ родился 8 ноября 1792 года въ день Архистратига Михаила. Первоначальнымъ воспитаніемъ и образованіемъ онъ обязанъ единственно своимъ родителямъ; эти-то начатки воспитанія въ благочестивомъ родительскомъ домѣ и дали его дѣятельности то направленіе, которому онъ неуклонно и неизмѣнно слѣдовалъ въ теченіе всей своей жизни. Отъ отца своего онъ вѣроятно унаслѣдовалъ и развившіяся впоследствии любовь и ревность къ проповѣди, отъ матери, отличавшейся такъ же строгой безукоризненной нравственностью,— протость и смиреніе. Въ родительскомъ домѣ талантливыи мальчикъ дѣлалъ подъ руководствомъ отца такіе успѣхи, что уже съ семи лѣтъ могъ заниматься переводами съ русскаго языка на латинскій. Воспользовавшись способностями своего сына, о. Іаковъ сумѣлъ такъ хорошо подготовить его, что при помѣщеніи въ духовное училище Михаилъ Глухаревъ былъ принятъ прямо въ третій классъ. Тутъ впервые мальчику, получившему въ родительскомъ домѣ нѣжное воспитаніе, пришлось съ ранняго возраста знакомиться и свыкаться съ тяжелой и трудовой жизнью и разнаго рода лишеніями и огорченіями. До Предтеченскаго монастыря, въ которомъ помѣщалось училище, было довольно далеко отъ дома о. Іакова, и сыну его Михаилу приходилось поневолѣ проводить цѣлые дни съ утра до вечера въ училищѣ. Возвращаться домой, чтобъ только пообѣдать, и затѣмъ опять бѣжать въ школу было затруднительно. Вотъ онъ и долженъ былъ довольствоваться до вечера захваченнымъ съ собою утромъ изъ родительскаго дома скромнымъ завтракомъ, т.-е. хлѣбомъ, картофелемъ или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. Самый образъ школьнаго воспитанія въ духовныхъ училищахъ, суровый и доходившій тогда до непонятной въ наше время жестокости въ обращеніи съ дѣтьми, отозвался то же на неособенно крѣпкомъ здоровьѣ впечатлительнаго мальчика, пріобышшаго дома къ совершенно противоположному обращенію. Несмотря на то, что онъ учился прилежно и благодаря своимъ способностямъ очень успѣшно, все-таки разъ какъ то случилось, что мальчикъ не успѣлъ выучить всего заданнаго большаго урока и сердитый учитель вышелъ изъ себя и пригрозилъ ему: „по-

слушай! если ты опять не выучишь урока, я спору тебѣ всю кожу отъ шеи до пятъ“²⁾). Нѣжный восьмилѣтній ребенокъ былъ такъ напуганъ этой дикой выходкой учителя, что возвращаясь вечеромъ домой, озабоченный мыслію, что его оплошность огорчить родителей, проплакалъ всю дорогу и не поберегся отъ простуды, а случилось это зимой. Бѣдный мальчикъ занемогъ и едва не умеръ, прохворавъ съ полгода. Слѣды этой болѣзни: слабость груди и утрата прежней силы голоса остались навсегда. Изъ вѣземскаго училища Михаилъ Глухаревъ за отличные успѣхи былъ переведенъ въ смоленскую семинарію, гдѣ съ такими же успѣхами, послѣ нѣкотораго перерыва занятій, во время нашествія Наполеона, кончилъ въ 1813 году полный курсъ, съ званіемъ студента. По окончаніи семинарскаго курса Михаилъ Глухаревъ былъ опредѣленъ учителемъ въ смоленское духовное училище, гдѣ пробылъ недолго; въ слѣдующемъ же 1814 году, для составленія 2-го курса вновь открытой с.-петербургской духовной академіи, были вытребованы изъ семинарій лучшіе воспитанники. Начальство смоленской семинаріи распорядилось отправить въ академію Михаила Глухарева. Онъ скоро обратилъ на себя вниманіе какъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ, самыхъ талантливыхъ студентовъ³⁾ и какъ отличавшійся еще не зауряднымъ, особенно между студентами того времени, пріятнымъ свѣтскимъ обхожденіемъ и благовоспитанностію. Послѣднія качества пріобрѣлъ онъ, благодаря своей воспримчивости, вращаясь, во время помянутаго перерыва въ семинаріи занятій, въ дворянской средѣ. Когда армія Наполеона подходила къ Смоленску, то многіе жители Смоленска бѣжали. Въ эту пору Михаилъ Яковлевичъ уѣхалъ въ Тверскую губернію, куда былъ приглашенъ къ одному богатому помѣщику учить дѣтей: въ домѣ-то этого помѣщика онъ и пріобрѣлъ то знаніе свѣтскихъ приличій и умѣнье держаться и въ высшемъ обществѣ, которыми отличался

²⁾ «Странникъ» 1861 г., май.

³⁾ Въ бібліотекѣ московской духовной академіи хранятся его юношескія сочиненія на заданныя темы: не говоря объ интересѣ, который они возбуждаютъ своимъ содержаніемъ, они уже по однимъ отмѣткамъ рукою такого строгаго цѣнителя, какимъ былъ ректоръ Филаретъ: «прекрасно», «превосходно», что повторяется очень часто, указываютъ на талантливость автора.

отъ прочихъ товарищей; но въ послѣдствіи въ домѣ же этого помѣщика, проживавшаго по зимамъ въ Петербургѣ и приглашавшаго Михаила Яковлевича къ себѣ какъ стараго знакомаго, онъ едва не подпалъ подъ вліяніе мистиковъ. Извѣстно, что тогда мистицизмъ былъ въ большомъ ходу и сочиненія Сведенборга, Экартсгаузена, Вема, Гюнъ и тому подобныя—въ модѣ. Знакомство съ сочиненіемъ Арндта считалось даже обязательнымъ для студентовъ академіи. Франкмасонскія логи тогда у насъ тоже процвѣтали. Какъ было не заманить умнаго и талантливаго студента въ свои кружки, не сдѣлать его своимъ адептомъ? И вотъ студента Глухарева затащили даже на радѣніе Татариновой. Онъ однако, предостерегаемый постоянно письмами отца и матери, которая, какъ умная и образованная женщина, продолжала тоже слѣдить за нимъ, остерегся и не пошелъ далѣе комнаты, сосѣдней съ главной, въ которой должно было состояться собраніе, т.-е. радѣніе. Его оставили въ покоѣ. Изъ этой-то передней комнаты онъ видѣлъ, какъ съѣзжавшіеся члены общества, переодѣвшись въ длинные бѣлые балахоны и прикрывши лица башлыками или кашюшонами, появлялись въ залѣ и тихо и чинно шествовали одинъ за другимъ вокругъ стѣнъ зала; какъ потомъ ихъ медленное движеніе становилось оживленнѣе, быстрѣе и наконецъ перешло въ такое дикое, бѣшеное, что ему показалось, что они стали отдѣляться отъ пола и точно не касаясь его ногами—кружиться; онъ до того перенугался, что убѣждалъ, что называется безъ оглядки, и явился домой даже безъ шляпы, которую въ испугѣ забылъ захватить. Случай этотъ не остался безъ вліянія на студента Глухарева. Излишняя довѣрчивость его, какъ молодаго человѣка, уступила болѣе зрѣлому взгляду на людей. Онъ сталъ въ отношеніяхъ своихъ къ нимъ осторожнѣе, сдержаннѣе. Часто въ академическихъ кондуктнхъ спискахъ стали появляться отмѣтки о немъ: „молчаливъ“. Ректоръ духовной академіи архимандритъ Филаретъ (въ послѣдствіи митрополитъ московскій) полюбилъ студента Глухарева за трудолюбіе, отличные успѣхи во всѣхъ предметахъ и даже по изученію исторіи и языковъ, которыми не особенно интересовались въ то время въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства, а больше всего конечно за его благочестіе и добрую нравственность. Но любя и отличая его своимъ постояннымъ вниманіемъ и расположеніемъ,

Филаретъ не баловаль его, а относился къ нему довольно строго и велъ его, какъ говорилъ впоследствии самъ о. Макарій „стропотными путями“, подвергая его терпѣніе испытанію и развивая въ немъ присущія ему съ дѣтства кротость и смиреніе. Несмотря на нѣкоторую суровость и жесткость отношеній ректора Филарета, студентъ Глухаревъ понималъ и цѣнилъ своего наставника и руководителя, считая его своимъ благодѣтелемъ и такъ искренно любилъ, такъ безпредѣльно уважалъ его, что безпрекословно подчинялся его вліянію. Михаилъ Яковлевичъ говорилъ впоследствии: „я отдалъ свою волю исполнѣ преосвященнѣйшему Филарету, ничего не дѣлалъ и не начиналъ безъ его совѣта и благословенія и почти ежедневно исповѣдывалъ ему свои помыслы“. Чувства эти онъ хранилъ до конца жизни, и митрополитъ Филаретъ, полюбивъ студента Глухарева, сохранилъ навсегда привязанность къ своему ученику и не разъ впоследствии выручалъ и ограждалъ его отъ опасностей, которымъ онъ подвергался, благодаря необыкновенной пылкости и энергичности своего характера. Это свидѣтельствуетъ и постоянная взаимная переписка ихъ и тотъ фактъ, что когда митрополитъ получилъ извѣстіе объ опасной болѣзни о. Макарія, бывшаго уже настоятелемъ въ Оптиной пустыни, немедленно отправилъ къ нему изъ Москвы своего домашняго врача и былъ очень огорченъ, когда узналъ, что о. Макарій скончался. Услыхавъ потомъ, что Дмитріеву-Мамонову удалось сдѣлать карандашемъ портретъ о. Макарія, митрополитъ озаботился пріобрѣсти экземпляръ для себя, велѣлъ вставить въ рамку и повѣсить въ своемъ кабинетѣ.

Новый магистръ М. Я. Глухаревъ не былъ оставленъ при академіи, а былъ опредѣленъ прямо инспекторомъ въ екатеринославскую семинарію и ректоромъ тамошнихъ уѣзднаго и приходскаго училищъ. Такое назначеніе для молодаго человѣка, только что кончившаго курсъ, было конечно дивно и обѣщало многое впереди; но если ректоръ Филаретъ, полюбивъ студента Глухарева, считалъ нужнымъ вести его „стропотными путями“, то этимъ лестнымъ для молодаго человѣка назначеніемъ духовное начальство вывело его, въ самомъ началѣ его служебной дѣятельности, еще на болѣе горшій путь. Въ Екатеринославѣ въ то время въ духовныхъ училищахъ царствовала крайняя безурядица, а преосвященный Іовъ Нотемкинъ, передъ которымъ,

благодаря его дружескимъ связямъ съ всеильнымъ въ то время княземъ А. Н. Голицынымъ, преклонялась вся губернія, былъ не изъ тѣхъ лицъ, подъ начальствомъ которыхъ было бы приятно. Отправляя магистра Глухарева въ Екатеринославъ, въ пору преобразованій духовныхъ училищъ, имѣли можетъ-быть въ виду пользу, которую онъ могъ принести тамъ при введеніи новыхъ порядковъ; но упустили изъ виду, что уничтожить или передѣлать старую закваску было не подъ силу одному молодому человѣку, хотя бы такому энергичному человѣку, какимъ былъ Михайлъ Яковлевичъ, тѣмъ болѣе, что и роль его въ этихъ преобразованіяхъ была, по характеру занимаемой имъ должности, далеко не первостепенная и не самостоятельная. Если и главные начальствующія лица встрѣчали и встрѣчаютъ иногда препятствія въ осуществленіи благихъ намѣреній и распоряженій, то гдѣ же было съ успѣхомъ бороться юному новичку инспектору? Вступивъ въ должность, при открытіи семинаріи въ преобразованномъ видѣ, онъ произнесъ по этому случаю рѣчь, которая почему-то была вытребована въ Петербургъ, въ комиссію духовныхъ училищъ. Копіи съ этой рѣчи къ сожалѣнію не удалось найти въ дѣлахъ семинаріи. Затѣмъ Михайлъ Яковлевичъ скоро убѣдился, что преобразование духовныхъ училищъ нисколько не улучшило положенія ни учащихся, получавшихъ крайне скудное, почти нищенское содержаніе, ни учащихся, которые по прежнему были разбросаны по квартирамъ въ довольно большомъ городѣ, что представляло не мало затрудненій для наблюденія за воспитанниками. „Екатеринославскія Епархіальныя Вѣдомости“ (1878 г. № 8), основываясь на данныхъ, почерпнутыхъ изъ архивовъ екатеринославской семинаріи и консисторіи, указываютъ какъ на несомнѣнный фактъ: „что тогдашніе начальники семинаріи своимъ личнымъ отношеніемъ и своими распоряженіями какъ будто нарочно старались держать въ черномъ тѣлѣ подчиненную имъ учительскую корпорацію“.

Коммиссія духовныхъ училищъ, признавая конечно недостаточность жалованья назначеннаго преподавателямъ, разрѣшила имъ частныя занятія и дозволила даже совмѣстно съ преподавательской должностію занимать и другія; семинарское же начальство находило это вреднымъ. Несмотря на то однако, что само семинарское начальство считало это вреднымъ, само оно

все-таки пользовалось разрѣшеніемъ комиссіи духовныхъ училищъ, но руководствовалось притомъ своими личными соображеніями и дѣйствовало совершенно произвольно, то-есть, однимъ преподавателямъ разрѣшало эти занятія, другимъ—нѣтъ. Нищенское положеніе учителей вело къ безнравственнымъ и унижительнымъ отношеніямъ ихъ и къ своему начальству и къ родителямъ учениковъ. Всякаго рода дары и подарки не считались грѣхомъ. Вотъ среда, въ которую попалъ магистръ Глухаревъ. Что же могъ онъ сдѣлать, при всемъ желаніи своемъ принести пользу, когда самъ состоялъ въ зависимости отъ начальства, да еще враждебно къ нему относившагося? Ну, и оставалось ему дѣйствовать самостоятельно только въ тѣсномъ кругу его собственныхъ обязанностей. Строгій къ себѣ, онъ былъ строгъ и взыскателенъ, какъ начальникъ и наставникъ, по отношенію къ воспитанникамъ. Занимаясь преподаваніемъ нѣкоторыхъ предметовъ, именно: церковной исторіи и нѣмецкаго языка, онъ требовалъ отъ учениковъ постояннаго вниманія и отчетливаго знанія; но несмотря на это, ученики его очень любили, потому что онъ былъ справедливъ и нелицепріятенъ и относился къ нимъ какъ отецъ родной. Испытавъ въ дѣтствѣ на самомъ себѣ послѣдствія суроваго обращенія учителя, онъ ставилъ бывшій съ нимъ случай, на который мы выше указали, въ примѣръ, какъ долженъ быть учитель остороженъ и въ словахъ и въ обращеніи съ дѣтьми, и самъ остерегался оскорблять нѣжные чувства дѣтскаго возраста.

Тѣхъ учениковъ, которые усерднѣе занимались и лучше учились, отличалъ и поощрялъ: приглашалъ къ себѣ на домъ, бесѣдовалъ съ ними и давалъ имъ изъ своей библіотеки книги для чтенія, стараясь всѣми средствами направлять воспитанниковъ на путь добра. Довольствуясь скуднымъ содержаніемъ, онъ никогда не принималъ отъ родителей или родственниковъ своихъ учениковъ подарковъ, которые приносились по укоренившемуся обычаю, а отсылалъ ихъ полностью въ бурсу, въ пользу воспитанниковъ, содержаніе которыхъ въ то время было очень бѣдно и скудно. Что было по сердцу ученикамъ и родителямъ, то не приходилось по сердцу сослуживцамъ Михаила Яковлевича. За исключеніемъ немногихъ, его не долюбливали особенно ректоръ и одинъ изъ наставниковъ семинаріи,—именно профессоръ фи-

лософіи; эти отличались явной неприязнью къ нему и никогда не упускали случая вредить ему. Поводомъ къ этому была конечно зависть и мелкое самолюбіе. Едва только кончившій курсъ студентъ, и почти что юноша, назначенъ инспекторомъ: вводитъ новые порядки, отвергая старые установившіеся обычаи и особенно такіе, которые даютъ доходцы. Вель онъ жизнь самую скромную и уединенную, какъ строгій монахъ. Дѣла было у него по всѣмъ тремъ должностямъ много, а свободное отъ служебныхъ занятій время онъ посвящалъ ученымъ трудамъ, просиживая за ними нерѣдко ночи. *Confessiones Augustini* были въ то время его любимымъ занятіемъ. Въ первое время по пріѣздѣ его въ Екатеринославъ, многіе пытались заводить съ нимъ знакомство, приглашали его на вечера, предлагали женитьбу и прискакивали даже невѣсту; но онъ скоро бросилъ всѣ эти знакомства, потому что въ обществѣ и особенно женскомъ ощущалъ скуку и душевную пустоту. Искреннія связи поддерживалъ онъ изъ своихъ сослуживцевъ только съ соборнымъ священникомъ о. Иоанномъ Герболинскимъ, въ домѣ котораго и пріютился, перебравшись къ нему изъ своей инспекторской холодной и сырой квартиры, въ ветхомъ семинарскомъ зданіи. У о. Герболинскаго онъ сошелся еще съ о. А. С. Понятовскимъ и о. Каллиникомъ; только эти три личности да еще духовникъ его о. Ливерій и служили ему утѣшеніемъ и поддержкой при всѣхъ непріятностяхъ, которыя ему приходилось выносить по службѣ. Особенно дорогъ былъ ему о. Каллиникъ, ставшій потомъ, по отбытіи о. Ливерія на покой, его духовникомъ. Воспоминая о немъ въ бытность свою на Алтаѣ, о. Макарій писалъ къ Е. М. З. „И вотъ мнѣ представляется въ воспоминаніи духовный отецъ мой въ Господѣ, нелицемѣрный рабъ Христовъ, священникъ, служившій въ Екатеринославѣ, о. Каллиникъ, мужъ апостольскаго достоинства, исполненный смиренія, любви и терпѣнія, крестonosецъ, котораго жизнь была Христова благоуханіе, и который среди всѣхъ искушеній, пребывая вѣрнымъ до смерти, получилъ, какъ и вѣрую и надѣюсь, вѣнецъ побѣды и славы, и вошелъ въ радость Господа своего“ ⁴⁾). Выполняя съ строгою послѣдовательностью свои обязанности наставника, Михаилъ Яковлевичъ относился

⁴⁾ «Странникъ», августъ 1886 г.

постоянно и къ прочимъ своимъ служебнымъ обязанностямъ по должности съ такою же строго-непоколебимою и неподкупною честностью и правдивостью. не смотря на то, что эта безкорыстная любовь къ правдѣ иногда возбуждала поводъ къ непріятнымъ столкновениямъ и съ самимъ преосвященнымъ Іовомъ екатеринославскимъ. По характеру своему преосвященный Іовъ былъ личность совершенно своеобразная и до сихъ поръ неразгаданная, непонятная. Одни считали его личностію глубоко-нравственною, дѣховною, достойною уваженія, другіе осуждали его. Преосвященный Іовъ приходился племянникомъ Г. А. Потемкину и перешелъ въ монашество изъ службы военной. Онъ былъ трезвымъ и строгимъ монахомъ, часто служилъ самъ, не менѣе четырехъ разъ въ недѣлю, именно: каждую среду, пятницу, субботу и воскресенье. Служеніе его отличалось благолѣпіемъ и точностію, а какъ онъ требовалъ, чтобъ все читалось медленно и внятно, то и обѣдня длилась около 4-хъ часовъ. При строгой монастырской жизни, онъ умѣлъ сохранить общительность и свѣтское обращеніе. О. І. Герболинскій, служившій при немъ 8 лѣтъ, такъ описываетъ его: „видъ и взглядъ его былъ суровъ, глаза затемнялись густыми черными бровями; голосъ былъ сильный и рѣзкій, характеръ отъ природы чрезвычайно горячій и вспыльчивый, а потому, при малѣйшей неисправности или сопротивленіи ему, онъ выходилъ изъ себя и дѣлалъ поступки самыя неприличныя не смотря ни на какое время и мѣсто“⁵⁾. Вѣрнѣ всего недобрые отзывы о преосвященномъ Іовѣ слѣдуетъ приписать невольнымъ выходкамъ его вспыльчиваго и раздражительнаго характера, при той приниженности того запискиванія не только со стороны лицъ, которые его окружали, и отъ него зависѣли, но и вообще со стороны работавшаго предъ нимъ екатеринославскаго общества. Сильный по своимъ дружескимъ связямъ съ временщикомъ, княземъ А. Н. Голицынымъ, онъ не всегда былъ расположенъ удовлетворять просьбамъ разныхъ искателей мѣстъ, наградъ и милостей, что могло служить поводомъ къ тому, что его многіе не долюбивали, а боялись всѣ. Мы склонны скорѣе вѣрить отзывамъ о немъ такой правдивой

⁵⁾ «Странникъ» 1861 г. май.

личности, какиѣ былъ всегда о. Макарій, который хотя и немало вынесъ отъ него непріятностей и даже несправедливостей, но питалъ къ нему большое уваженіе. Несправедливыя выходки преосвященнаго Іова о. Макарій приписываетъ науськиванію близкихъ къ преосвящ. Іову лицъ, которыя успѣли вкратъся къ нему въ довѣренность и овладѣть имъ, а въ суровыхъ выходкахъ преосвящ. Іова о. Макарій находилъ добрую цѣль. Вспоминая о немъ, онъ говоритъ: „такъ преосвящ. Іовъ выжималъ изъ меня всякую сырть—все, что казалось ему недовольно чистымъ“.

Письма о. Макарія (1860 г. ч. I, стр. 160—65) указываютъ на то, что онъ любилъ преосвящ. Іова, несмотря на всю жесткость отношеній къ нему преосвященнаго. Въ воспоминаніяхъ своихъ, о которыхъ мы упомянули въ началѣ, и которыя были написаны о. Макаріемъ, какъ исповѣдь о. Филарету, настоятелю Глинской пустыни, о. Макарій очень подробно описалъ преосвящ. Іова. Изъ этихъ записокъ о. Макарія, Д. Т. Мизко извлекъ все что касалось преосвящ. Іова и издалъ какъ его жизнеописаніе отдѣльной книжкой. Здѣсь намъ опять приходится повторить сожалѣніе о томъ, что записки о. Макарія хранятся до сихъ поръ подъ снудомъ и не издаются будто бы потому, что это еще не-своевременно. Записки эти весьма цѣнный историческій матеріалъ для того времени, когда жилъ и дѣйствовалъ о. Макарій, и матеріалъ тѣмъ болѣе цѣнный, что о. Макарій отличался постоянно любовію къ правдѣ, а записки его сверхъ того были еще его исповѣдью. Первымъ поводомъ къ столкновенію молодаго инспектора Глухарева съ преосв. Іовомъ послужилъ годовой отчетъ; по этому отчету семинарской суммы должно было оставаться къ слѣдующему году пятнадцать тысячъ рублей, которые и должны были по прежде заведенному порядку храниться вмѣстѣ со штатной архіерейской суммой въ домовую ризницѣ архіерея. Оправдательнаго документа не было на лицо, и объ остаточныхъ деньгахъ надо было справиться у самого преосвященнаго. Ректоръ, экономъ и секретарь подписали отчетъ безъ справки; но Михаилъ Яковлевичъ подписать отчетъ отказался и потребовалъ предварительно или провѣрку суммы или представленія документа на ея израсходованіе. Преосвящ. Іовъ, которому объ этомъ было донесено, позвалъ инспектора къ себѣ и грубо крикнулъ ему: „какъ! Ты не вѣришь мнѣ“? на что Михаилъ Яковлевичъ съ своей

обычной скромностью кротко отвѣтилъ: „видѣе высокопреосвященство! какъ архипастырю я вамъ вѣрю, какъ человѣку — не вѣрю; вы можете умереть.“ Какъ ни сердился пресвящ. Іовъ, но долженъ былъ уступить справедливому требованію и внести всю недостававшую сумму въ семинарское правленіе, послѣ чего и Михаилъ Яковлевичъ подписалъ отчетъ. Не смотря на это обстоятельство, а можетъ-быть и благодаря ему, пресвящ. Іовъ, сознавая достоинства Михаила Яковлевича и, цѣня его, пожелалъ привлечь его къ себѣ. Еще будучи въ академіи студентъ Глухаревъ, подъ влияніемъ ли ректора Филарета или личной склонности къ духовной жизни, выражалъ желаніе поступить въ монашество, но откладывалъ исполненіе этого желанія съ намѣреніемъ предварительно испытать себя. Замѣтя эту склонность, пресвящ. Іовъ всячески старался убѣдить Михаила Яковлевича рѣшиться наконецъ принять постриженіе, предложилъ для этого свою домовую церковь и своего духовника іеромонаха Ливерія, который въ то время былъ духовнымъ отцемъ и Михаила Яковлевича. Неученый, неполучившій особеннаго образованія, но глубоко-религіозный и опытный въ духовной жизни старецъ Ливерій пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ Екатеринославѣ и имѣлъ повидимому не мало влиянія на Михаила Яковлевича. Съ особенною любовію и уваженіемъ воспоминаетъ о немъ о. Макарій въ своихъ письмахъ (1860 г. ч. I, стр. 225). Вліянію о. Ливерія конечно и слѣдуетъ приписать, что Михаилъ Яковлевичъ рѣшился такъ рано вступить въ иночество. 24 іюня 1818 года онъ принялъ постриженіе и нареченъ Макаріемъ. Преосвященному Іову было это такъ пріятно, что онъ на другой же день, т.-е. 25 іюня, рукоположилъ о. Макарія во іеродіакона, а черезъ три дня, 28 іюня, въ іеромонаха. Не одному пресвящ. Іову было это должно-быть пріятно, потому что не прошло и трехъ недѣль, какъ указомъ Св. Синода, 17 іюля, о. Макарій былъ причисленъ къ разряду соборныхъ іеромонаховъ Кіево-Печерской лавры. Тутъ вѣроятно не обошлось безъ участія преосвященнаго Филарета. Мы уже указали на плохое состояніе екатеринославской семинаріи и тамошніе порядки или вѣрнѣе безпорядки, но приходится обратиться къ нимъ еще и войти въ нѣкоторыя подробности. Съ новымъ преобразованиемъ низшіе классы были отдѣлены отъ семинаріи подъ именемъ приходскихъ

и уѣздныхъ училищъ. Курсы были расширены, число классовъ и число воспитанниковъ увеличено. Одного вновь выстроеннаго деревяннаго дома было мало, старыя же семинарскія зданія разваливались. Помѣщикъ Жмелевъ предложилъ купить у него домъ, въ которомъ нѣкоторое время помѣщалась семинарія. Семинарское правленіе вошло съ представленіемъ къ преосвящ. Іову о крайней необходимости покупки этого дома. Указывалось, что семинарія тѣсна, отдалена отъ квартиръ учениковъ, отчего дѣти въ зимнее время много страдали. Разсѣянность ученическихъ квартиръ по разнымъ и дальнимъ мѣстамъ лишаетъ начальство возможности слѣдить за учениками. Съ покупкой дома Жмелева предполагалось, что всѣ эти неудобства будутъ устранены и что будетъ возможно, по крайней мѣрѣ половину всѣхъ учениковъ приходскаго и уѣзднаго училищъ, не только казеннокоштныхъ, но и квартирныхъ помѣстить въ домъ Жмелева, а остальнымъ ученикамъ дать такимъ образомъ возможность занять квартиры вблизи семинаріи. О. Макарій не подписалъ этого представленія, а приложилъ къ нему въ отдѣльной запискѣ свое мнѣніе. Признавая необходимость покупки дома или возведенія новыхъ пристроекъ, въ виду пользы совмѣстнаго жительства и лучшаго надзора за учениками, о. Макарій выставилъ всю невыгоду и даже явный убытокъ отъ покупки дома Жмелева. „Домъ Жмелева, писалъ о. Макарій, близокъ только къ одному углу города, стоитъ на крутомъ мѣстѣ, куда зимою совершенно заносится дорога, и ученикамъ будетъ гораздо тяжелѣе ходить въ домъ Жмелева, чѣмъ въ настоящее зданіе семинаріи“. Домъ Жмелева не приспособленъ къ жительству въ немъ учениковъ и всѣхъ настолько, что въ слѣдующемъ же году потребуются починки, а въ нынѣшнемъ—расходъ на первоначальное обзаведеніе. Если всѣхъ семинаристовъ помѣстить въ домъ Жмелева, то малолѣтніе останутся безъ надзирателей. Отдать девять тысячъ, — отдать всѣ семинарскія деньги, — а между тѣмъ въ семинаріи слишкомъ большія нужды. Зима—холодъ, а комнаты не отапливаются; кухни порядочной нѣтъ, столовой тоже, носуды тоже, остальныхъ службъ тоже. Такимъ образомъ, заключаетъ Макарій, лучше скорѣе окончить новостроящійся семинарскій корпусъ, помѣстить въ немъ всѣхъ учениковъ низшихъ классовъ, а вслѣдъ затѣмъ приступить къ постройкѣ другаго корпуса“. Но къ преосвящен-

ному конечно ужъ забѣжали и Жмелевъ и ректоръ семинаріи и представили дѣло въ другомъ свѣтѣ. Обманутый и раздраженный Іовъ вызвалъ къ себѣ членовъ семинарскаго правленія и потребовалъ, чтобъ о. Макарій взялъ назадъ свое мнѣніе; но о. Макарій отказался, не смотря на угрожающій и перешедшій потомъ въ ласковый тонъ просьбы преосвященнаго, и смиренно отвѣтилъ: „преосвященнѣйшій владыко! Извольте дѣлать, что вамъ благоугодно, я не препятствую, и только по совѣсти изложилъ свои мысли, какъ думаю объ этомъ“. На этотъ разъ дѣло тѣмъ и кончилось. Черезъ нѣсколько времени Іовъ пригласилъ къ себѣ о. Макарія одного, обошелся съ нимъ ласково, подарилъ ему полукафтане на бѣличьемъ мѣху, крытое атласомъ и снова принялся убѣждать его согласиться на покупку дома. О. Макарій и съ подаркомъ въ рукахъ стоялъ на своемъ, кротко повторяя тѣ же слова, что и прежде. Тогда преосвященному пришло вѣроятно на мысль помучить о. Макарія и испытать его терпѣніе. Преосвящ. Іовъ попросилъ о. Макарія надѣть полукафтанье и ѣхать съ нимъ въ самарскій монастырь. Безмолвно выполнилъ о. Макарій это странное желаніе преосвящ. Іова и, не смотря на стоявшіе въ то время большіе жары и на то, что полукафтанье было не по немъ и очень длинно, вышелъ вмѣстѣ съ преосв. Іовомъ п сѣлъ съ нимъ въ карету. Они поѣхали въ загородный архіерейскій монастырь, версты за 30 отъ Екатеринослава. Пріѣхавъ въ монастырь, о. Макарій долженъ былъ въ тепломъ, длинномъ полукафтаньи ходить съ преосвященнымъ по монастырю, саду и рошѣ и выслушивать, какъ Іовъ рассказывалъ ему объ устройствѣ монастыря, его принадлежностяхъ и владѣніяхъ. Изнемогавшій отъ усталости и жары о. Макарій выдержалъ испытаніе до конца безъ малѣйшаго ропота, и во очію доказалъ тѣмъ, что онъ самъ лично изъ послушанія готовъ выполнять и доходящія даже до несообразности, до сумазбродства требованія власти предержавшей, но душою кривить не склоненъ. Когда воротились домой, преосвящ. Іовъ, отпуская о. Макарія, сказалъ: „тебѣ мой подрясникъ немного длиненъ, не годится“, и взялъ свой подарокъ назадъ. Затѣмъ однако преосвящ. Іовъ одумался и отослалъ подаренный подрясникъ о. Макарію. О. Макарій берегъ его и дорожилъ имъ, какъ нѣмымъ свидѣтельствомъ урока смиренію и терпѣнію, полученному отъ преосвящ.

Іова и носилъ подрясникъ только по праздникамъ. Подвергнувъ такой пыткѣ о. Макарія, самъ Іовъ не подумалъ воспользоваться урокомъ, даннымъ и ему въ свою очередь о. Макаріемъ: вѣдь долженъ же былъ Іовъ наконецъ убѣдиться, что о. Макарію ничѣмъ нельзя было ни вынудить, ни подкупить чтобъ заставить измѣнить правдѣ. Увѣренный и убѣжденный Жмелевымъ и ректоромъ преосвящ. Іовъ утвердилъ представленіе семинарскаго правленія, но далъ такую резолюцію: „о покупкѣ дома на пріобрѣтенную, до новаго преобразованія семинаріи, сумму представленіе сдѣлать дозволяемъ; чтожъ принадлежитъ до инспектора семинаріи, что онъ не подписалъ,—то уповательно потому, что во первыхъ долженъ онъ жить въ томъ домѣ, гдѣ назначается жить уѣзднымъ и приходскимъ ученикамъ для удобнѣйшаго за ними надзора: ибо въ запрошедшей зимѣ, по его неопытности или нерадѣнію, нѣкоторые ученики вовсе сдѣлались калѣбками лишеніемъ на ногахъ всѣхъ перстовъ, а другіе, найденные въ снѣгу, едва избавились отъ смерти; да притомъ по своей и нынѣ обязанности нерадить въ подачѣ еженедѣльныхъ рапортовъ, какъ объ успѣхахъ учениковъ, такъ и о бытіи учителей въ классѣ. О чемъ объявить ему въ присутствіи, чтобы онъ подавалъ каждой седмицы по окончаніи классовъ въ субботы; да притомъ дать ему замѣтить, что предполагаемый домъ полагается купить на ту сумму, которая пріобрѣтена еще до преобразованія“. Не очень грамотныя строки эти не требуютъ объясненія. Ясно само собой, какое недоброе чувство руководило рукою ихъ писавшею. Какъ хватило духу обвинять о. Макарія въ нерадѣніи одѣтяхъ, когда нерадѣніе именно прежняго-то семинарскаго начальства и было виною случаетъ, бывшихъ еще до Макарія и теперь припоминаемыхъ и со словъ его враговъ приписанныхъ преосвящ. Іовомъ Макарію? О. Макарій далъ подписку: „сію резолюцію его высокопреосвященства, въ присутствіи семинарскаго правленія, апрѣля 30 дня, слушалъ семинаріи инспекторъ іеромонахъ Макарій“; а черезъ три дня подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности инспектора семинаріи и ректора училищъ „для подкрѣпленія, какъ онъ выразился въ прошеніи, своихъ силъ“. Прошенію этому конечно обрадовались, на увольненіе согласились, и въ концѣ мая всѣ дѣла были уже сданы профессору семинаріи Кутузову, назначенному исправлять должность инспектора

семинаріи и ректора училищъ; но академическое начальство уволило о. Макарія только до выздоровленія, такъ что онъ въ сентябрѣ долженъ былъ опять вступить въ должность инспектора семинаріи и ректора училищъ.

Сообщая эти крайне любопытныя свѣдѣнія о неурядицахъ, съ которыми были сопряжены постройки семинарскихъ зданій въ Екатеринославѣ, „Екатеринославскія Епархіальныя Вѣдомости“ присовокупляютъ, что послѣ долго длившейся переписки съ академическимъ правленіемъ и съ комиссіей духовныхъ училищъ покупка дома Жмелева все-таки состоялась; но затѣмъ скоро оправдалось и мнѣніе о. Макарія. Домъ оказался до того ветхимъ, что на него пришлось затратить большую сумму и не смотря на это онъ все-таки оказался до то неудобнымъ, что въ концѣ концовъ его пришлось продать за безцѣнокъ. Преосвящ. Іовъ никогда не переставалъ пытаться терпѣніе о. Макарія, точно считалъ это своею обязанностью. Нерѣдко случалось, что накануне какого-нибудь праздника онъ призывалъ о. Макарія, и какъ будто съ намѣреніемъ, не ~~въ~~ теченіи дня, а уже поздно ночью и просилъ написать проповѣдь на завтра. Послушный Макарій возвращался въ свою келью, садился писать и проводилъ такимъ образомъ ночь за сочиненіемъ проповѣди. Готовая къ утру проповѣдь заслуживала обыкновенно похвальный отзывъ и благодарность преосвященнаго. Можетъ-быть не даромъ, не безъ намѣренія ректоръ Филаретъ не оставилъ магистра Глухарева при академіи, а устроилъ дѣло такъ, чтобы онъ прямо со студенческой скамьи попалъ въ суровую школу жизни и, продолжая идти „стропотнымъ путемъ“, совершенствовался. Филарету конечно былъ хорошо знакомъ Іовъ, который былъ такъ близокъ къ кн. А. Н. Голицыну, а отношенія Филарета къ послѣднему извѣстны. Какъ бы то ни было, а положеніе о. Макарія становилось все тяжелѣе и тяжелѣе, и только его незлобный характеръ, необыкновенная кротость и смиреніе, при помощи утѣшеній его друзей: отцовъ Калиника, Ливерія, Герболинскаго и Понятовскаго, способствовали мириться съ средой, въ которой ему приходилось выносить много скорбей и огорченій. Но всему есть мѣра, всему—конецъ, пришелъ конецъ и терпѣнію о. Макарія, тѣмъ болѣе, что поводы къ истощенію его терпѣнія не прекращались какъ нарочно.

Въ высшихъ, собственно говоря въ такъ-называемыхъ интеллигентныхъ слояхъ общества появлялись у насъ, да и теперь еще появляются (Редстокъ, Пашковъ и проч.) такія вѣянія, которыя, несмотря даже на ихъ несообразность, охватывая лучшую часть общества, овладѣвая иногда и умами недюжинными, держатся очень упорно и довольно долго, пока наконецъ сами собою и незамѣтно не исчезаютъ безслѣдно. Вѣянія эти обыкновенно не мѣстнаго происхожденія, а пришлыя, наносныя съ чужбины. Такъ, вскорѣ послѣ эпохи 1812 года и всеобщаго умиротворенія явилась у насъ наклонность къ мистицизму, явились и мистики. Такъ какъ между мистиками числились и сильные міра сего, то и мистицизмъ отъявился силой. съ которой приходилось иному считаться, а иному проходимцу при помощи этой силы и личной ловкости обдѣлать свои дѣлишки и вылѣзти изъ ничтожества въ люди. Въ пору разгара мистицизма явились въ Петербургъ два квакера. Передъ иностранцами мы искони привыкли расшаркиваться и даже благоговѣть, а тутъ два ново-прибывшихъ иностранца отъявились квакерами и стало-быть людьми очень подходящими по части мистицизма. Какъ было не оказать имъ покровительства? Не облегчить путешествіе имъ по Россіи? Снабженные рекомендательными письмами, квакеры отправляются на югъ, заѣзжаютъ и въ Екатеринославъ и являются къ о. Макарію съ письмомъ отъ пр. Филарета. Въ 1-й книгѣ „Русской Старины“ за 1874 годъ напечатано, въ переводѣ И. Т. Осинина, извлеченіе изъ дневника (1818—1819) квакера Грилье де Мобилье о свиданіи его съ о. Макаріемъ: „19 іюля, вечеромъ, мы отправились къ Макарію, къ которому у насъ было письмо отъ Филарета. Это — ректоръ (?) здѣшней семинаріи, мы застали его въ келліи, которая отличается совершенной простотой. Макарій человекъ весьма смиренный и съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ; онъ раскрылъ (?) предъ нами свое сердце и бесѣдовалъ съ нами о внутреннихъ движеніяхъ своей религіозной жизни и о пути, какимъ угодно было св. Духу вести его,—пути неизвѣстномъ и малопонятномъ для окружающихъ его лицъ. Макарій очень тяготится (?) многочисленностью внѣшнихъ обрядовъ, сопровождающихъ богослуженіе греческой церкви и преувеличеннымъ почитаніемъ св. иконъ. Его понятія о крещеніи и причащеніи, кажется, весьма близки (?) къ нашимъ.

Онъ разсказалъ намъ, что у него сначала было обыкновеніе готовить свои проповѣди тщательно и усердно; но разъ на каедрѣ ему самому казалось, что онъ говоритъ такъ сухо и безжизненно, что языкъ отказывается продолжать и онъ принужденъ былъ остановиться. Съ тѣхъ поръ, выходя на каедру, онъ возлагаетъ все свое упованіе на Бога и говоритъ проповѣдь безъ приготовленія. Мы совершили вмѣстѣ съ нимъ безмолвную молитву и видно было, что это духовное упражненіе не чуждо душѣ достолюбезнаго Макарія. 21 іюля. Сегодня утромъ пришло къ намъ нѣсколько человѣкъ, принадлежащихъ къ обществу „духовныхъ христіанъ“, обыкновенно здѣсь называемыхъ „молоканами“, по причинѣ нѣкоторыхъ отступленій ихъ отъ обрядовыхъ постановленій господствующей церкви. Мы уже не разъ слышали про эту секту и очень желали поближе познакомиться съ нею. Здѣсь находится около 20 семействъ молоканъ, и мы собирались съ ними увидѣться. Макарій также пришелъ къ намъ; мы опасались, что его присутствіе будетъ стѣснять молоканъ въ ихъ религиозныхъ излініяхъ и бесѣдахъ съ нами, ибо со времени Екатерины II и Павла I молокане и духоборцы подвергались разнымъ угнетеніямъ и преслѣдованіямъ. Оказалось, что присутствіе Макарія вовсе ихъ не стѣсняло; скоро всѣ мы предались среди безмолвія внутреннему созерцанію и души наши раскрылись предъ Господомъ: такимъ образомъ молокане совершаютъ свое богопочтеніе въ безмолвіи, пока кто-нибудь не почувствуетъ въ себѣ вѣяніе св. Духа и не начнемъ говорить, какъ пастырь. Молитвенное собраніе наше происходило торжественно, по окончаніи его мы условились на счетъ времени новаго свиданія. Когда молокане удалились, Макарій воскликнулъ, проливая обильныя слезы: „въ какомъ состояніи мрака и невѣжества находился я донинѣ! Я прежде думалъ, что я одинъ только въ этихъ мѣстахъ шествую въ свѣтѣ Господнемъ и чувствую въ себѣ вѣяніе св. Духа, такъ что могу поклоняться въ духѣ и истинѣ; но все это было самолюбивымъ ослѣпленіемъ, я не зналъ что свѣтъ Божественнаго озаренія сіяетъ подлѣ меня среди этихъ людей, бѣдныхъ и незнатныхъ въ глазахъ міра, но богатыхъ теплою вѣрою своею въ Господа нашего Иисуса Христа. Онъ разстался съ нами въ весьма взволнованномъ состояніи“. Вѣрность описанія мнѣній и дѣйствій въ этомъ случаѣ о.

Макарія лежитъ конечно и всецѣло на совѣсти квакера Грилье де Мобилье. Не надо упускать изъ виду, что о. Макарій названъ здѣсь ректоромъ семинаріи, тогда какъ онъ былъ только ея инспекторомъ, что затѣмъ и мысли о. Макарія изложены не вѣрно а по понятіямъ и толкованіямъ квакеро́въ, и что о. Макарій долженъ былъ объясняться съ квакерами на французскомъ языкѣ, который онъ зналъ хорошо, но не настолько чтобы могъ такъ же хорошо излагать на языкѣ разговорномъ и въ живой рѣчи свои мысли, какъ хорошо могъ усваивать причитанное. Подтверженіемъ сказанному можетъ служить свидѣтельство, Н. В. Сушкова (Зап. о жиз. и вр. свят. Филарета, митр. моск.), гдѣ онъ указываетъ на то, что Грилье де Мобилье въ своемъ дневникѣ также по своему перетолковалъ и мысли, высказанныя митрополитомъ Филаретомъ въ его разговорѣ съ квакерами. Какъ бы то ни было, но изъ-за квакеро́въ о. Макарію пришлось потерпѣть. Приѣздъ квакеро́въ возбудилъ вниманіе, и за ними стали наблюдать и слѣдить. Ректоръ семинаріи подослалъ письмоводителя подсмотрѣть, что дѣлается въ квартирѣ инспектора, когда квакеры отправились туда. Письмоводитель подкрался къ замочной скважинѣ и увидѣлъ, что квакеры стоятъ на колѣняхъ и молятся и что съ ними молится и о. Макарій. Письмоводитель донесъ объ этомъ ректору, а ректоръ преосвящ. Іову. Когда квакеры уѣхали изъ Екатеринослава, Іовъ призывалъ о. Макарія и сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ, угрожая притомъ даже отлученіемъ отъ церкви. Когда преосвященный смолкъ, о. Макарій отвѣтилъ: „что же мнѣ было дѣлать? Совѣстно было такъ смотрѣть на нихъ во время молитвы, я и самъ сталъ на колѣни и молился по своему“. Выговоръ и угроза Іова осталась конечно безъ послѣдствій потому вѣроятно, что квакеры эти были не простые смертные, а пользовавшіеся покровительствомъ сильныхъ міра сего, какъ свидѣлствуютъ обстоятельства, предшествовавшія свиданію квакеро́въ съ о. Макаріемъ и записанныя Грилье де Мобилье во время пребыванія квакеро́въ въ Петербургѣ. Не даромъ конечно преосвящ. Іовъ сдѣлалъ выговоръ о. Макарію за квакеро́въ лишь по отъѣздѣ ихъ изъ Екатеринослава. Послѣ выговора за квакеро́въ неприятели и огорченія отъ ректора и сослуживцевъ увеличились еще по одному случаю въ то же лѣто. Во время вакацій

ректоръ съ наставниками и учениками отправились за городъ. О. Макарій повѣхалъ тоже. Къ нимъ присоединились нѣкоторые городскіе жители, такъ что составилось довольно большое общество. Когда въ роцѣ обществомъ обуяло веселье, ректоръ велѣлъ ученикамъ запѣть какую-то свѣтскую пѣсню. О. Макарій счелъ это неприличнымъ, не утерпѣлъ и сказалъ рѣшительнымъ тономъ: „не пойте! Пойте пѣсни духовныя“! Въ отвѣтъ на это послышались насмѣшки и разныя оскорбительныя изреченія и названія. О. Макарій не могъ конечно убѣдить подгулявшее общество, что „молодымъ людямъ и безъ того много искушеній, зачѣмъ разгорячать ихъ умъ и воображеніе свѣтскими пѣснями“. Онъ счелъ за лучшее удалиться и уѣхалъ немедленно обратно въ городъ. Послѣ этого случая ректоръ еще больше сталъ преслѣдовать о. Макарія, и непріятности приняли наконецъ такой острый характеръ, особенно со стороны самаго ректора, подвергавшаго о. Макарія насмѣшкамъ и оскорбленіямъ даже въ присутствіи учениковъ семинаріи и училищъ, что кроткій и незлобивый о. Макарій, недовольный и безъ того неустройствомъ семинарскихъ порядковъ, счелъ окончательно за лучшее удалиться вовсе изъ Екатеринослава. Переноса терпѣливо и великодушно всѣ оскорбленія, онъ никогда не жаловался даже своимъ друзьямъ. Вся скорбь его изливалась только въ такихъ словахъ: „ахъ, какой это черствый хлѣбъ—любить враговъ своихъ“! или „ахъ, какъ бы мнѣ мѣстечко такое, чтобъ я зналъ только самаго себя!“ Рѣшеніе о. Макарія покинуть Екатеринославъ было на этотъ разъ непреклонно. Не подѣйствовали, не успѣли отклонить его отъ этого намѣренія даже просьбы и убѣжденія друзей его — отцовъ Герболинскаго, Понятовскаго и Каллиника, не оставившихъ его и въ послѣднее самое тяжелое для него время службы въ семинаріи. Опасаясь, чтобъ друзья его не пострадали изъ-за него, онъ самъ просилъ ихъ не посѣщать его, не выказывать сближенія съ нимъ; но къ чести ихъ надо отнести, что они не взирая на непріятности, которымъ могли дѣйствительно подвергнуться, все-таки продолжали посѣщать и уговаривать его. „Ну что? я монахъ, хоть въ Сибирь посылай меня, я и туда пойду“⁶⁾), отвѣчалъ онъ имъ. Такъ тяжело стало ему его подо-

⁶⁾ «Странникъ», май 1881 г.

женіе въ Екатеринославѣ. Теперь кстати пришлось и письмо пр. Филарета, доставленное о.¹Макарію черезъ квакеро́въ, изъ-за которыхъ ему пришлось потерпѣть непріятности. Оно началось такъ: „съ удовольствіемъ прерываю молчаніе мое, не знаю прерву ли тѣмъ ваше“... О. Макарій, собираясь писать пр. Филарету, рѣшился просить его содѣйствія къ переводу въ другую семинарію; но, принимаясь нѣсколько разъ за письмо, онъ каждый разъ становился въ недоумѣніе передъ изложеніемъ причины просьбы своей о переводѣ. Высказать всю правду, значило отозваться дурно о начальствѣ, а это не сообразовалось съ его добрымъ, кроткимъ характеромъ. И вотъ, наконецъ онъ выставилъ какъ причину трудность и неудобство надзора за разсѣянными по квартирамъ въ разныхъ частяхъ города учениками и просилъ о переводѣ въ другую болѣе благоустроенную семинарію и къ такому ректору, „который былъ бы извѣстенъ преосвященному Филарету по духу Христову“. Цѣня нравственныя качества о. Макарія, а можетъ-быть и провѣдавъ о непріятномъ положеніи, въ которомъ находился онъ въ Екатеринославѣ, пр. Филаретъ сдѣлалъ больше чѣмъ просилъ и скорѣе чѣмъ ожидалъ о. Макарій. Не прошло и мѣсяца, какъ, по ходатайству преосв. Филарета, о. Макарій былъ переведенъ въ костромскую семинарію и не инспекторомъ, а уже ректоромъ. О. Макарій къ прискорбію немногихъ друзей покинулъ Екатеринославъ 9 марта 1821 года. Съ переѣздомъ въ Кострому его положеніе улучшилось, но скорби душевныя и тѣлесныя его и тамъ не покидали. Въ Костромѣ къ нему благоволило начальство, но отъ воспитанниковъ семинаріи онъ вынесъ непріятность, которая очень огорчила его; да и здоровье его, разстроенное въ Екатеринославѣ, въ Костромѣ ухудшилось: онъ схватилъ лихорадку, которая мучила его все лѣто, По прибытіи въ Кострому и вступленіи въ должность ректора семинаріи и профессора богословскихъ наукъ, о. Макарій скоро пріобрѣлъ особенное расположеніе духовнаго начальства. Его возвели въ санъ игумена, хотя и не дали пока монастыря въ управленіе. И былъ онъ игуменъ безъ монастыря и братіи, какъ самъ писалъ онъ не безъ ироніи. Впрочемъ, въ томъ же году, 21 декабря, онъ былъ возведенъ преосвященнымъ Самуиломъ въ санъ архимандрита и получилъ 1-е управленіе второклассный костромской Богоявленскій монастырь. Выразивъ

въ извѣстномъ письмѣ къ преосв. Филарету желаніе служить подъ начальствомъ такого ректора, который имѣлъ бы въ себѣ Духъ Христовъ, о. Макаріій старался въ самомъ себѣ осуществить такого начальника и дѣйствовать въ Духъ Христовомъ. Слѣдя за нравственностью воспитанниковъ, онъ требовалъ и отъ наставниковъ строгаго исполненія долга. Снѣдаемый ревностью о благѣ, онъ скорбѣлъ, когда вмѣсто осуществленія его добрыхъ желаній и намѣреній встрѣчалъ холодность и неудовольствіе подчиненныхъ и сослуживцевъ—наставниковъ. Поощряя и отличая своимъ расположеніемъ тѣхъ изъ воспитанниковъ, въ которыхъ замѣчалъ особенныя наклонности къ добру и благонравію, онъ строго взыскивалъ за поступки дурныя и преслѣдовалъ все, что не соотвѣтствовало, что было не свойственно высокому назначенію, къ которому готовились воспитанники. Это вооружило нѣкоторыхъ изъ нихъ и однажды, когда о. Макаріій проходилъ семинарскимъ дворомъ, изъ окна верхняго этажа, гдѣ помѣщались воспитанники, былъ брошенъ въ него кирпичъ, который попалъ ему въ плечо. Случай этотъ глубоко оскорбилъ и огорчилъ его, но онъ не сталъ и доискиваться виновнаго; а, собравъ всѣхъ воспитанниковъ, обратился къ нимъ съ кроткимъ увѣщательнымъ словомъ, которое всѣхъ тронуло и умилило до того, что произвело переломъ въ нравахъ и обычаяхъ духовнаго юношества. Да и самый поступокъ одного изъ дурныхъ товарищей долженъ былъ, особенно послѣ кроткаго увѣщательнаго слова, подѣйствовать отрезвляющимъ образомъ на остальныхъ лучшихъ по характеру воспитанниковъ, тѣмъ болѣе, что наставленія и поученія о. Макарія не были въ разладѣ съ его образомъ жизни. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые считали долгомъ только проповѣдывать или учить добру другихъ, а сами для себя не считали обязательнымъ выполнять то, чему учили. Какъ хорошій, такъ и дурной примѣръ и чаще всего послѣдній оставляетъ глубокое впечатлѣніе въ сердцахъ юныхъ. Вотъ какъ, по кончинѣ о. Макарія, писалъ о немъ бывшій ученикъ его Аѳанасій Соколовъ, архіепископъ казанскій¹⁾: „моей душѣ онъ всегда присущъ, какъ наставникъ, изъ устъ котораго лились сладчайшія рѣчи и въ семинаріи и въ его келліи, куда онъ бывало не-

¹⁾ «Страникъ», апрѣль 1860 г.

рѣдко призывалъ меня, юнаго богослова, для наученія, обличенія и усовершенія въ истинѣ и правдѣ и для принятія повелѣнія произносить его собственныя проповѣди въ церкви вмѣсто его самаго, по причинѣ крайней слабости его голоса; но вѣчно мѣсто въ душѣ моей онъ имѣеть наипаче потому, что духовная жизнь его при ученіи удерживала меня 19—20-ти-лѣтняго на путяхъ Господнихъ. Истину говорю, полный благодаренія Господу, даровавшему мнѣ такого наставника въ юности моей. Когда онъ послалъ меня на подвигъ учительства въ городъ Макарьевъ (Костромской губерніи), тогда я любилъ только молиться, читать его проповѣди и богословскіе уроки и быть его эхомъ. Это было въ 1824—25 году. Согрѣтый его духовнымъ свѣтомъ и теплотою, я поступилъ въ с.-петербургскую академію въ августѣ 1825 г. По прошествіи двухъ лѣтъ въ прилежномъ ученіи, Господь сподобилъ меня опять узрѣть свѣтлое лицо незабвеннаго отца Макарія въ домѣ митр. Филарета (1827) и насладиться его поученіемъ и вѣяніемъ благодати Божіей отъ его души лучезарной. Съ тѣхъ поръ я не видалъ его и только слышалъ съ радостію сына церкви православной объ апостольскихъ подвигахъ его въ хладныхъ предѣлахъ возлюбленнаго отечества моего. Славлю и величаю благодать Божію, которая осязательно для меня проявилась въ скудельномъ сосудѣ его, лобызаю жезлъ и палцу моего наставника: ибо *та мя настависта*, чту благавѣстнической посохъ его, пою пѣснь упованія и безсмертія на могилѣ челоуѣка Божія. Онъ не умеръ, онъ живъ въ Господѣ, во мнѣ и во многихъ, которыхъ просвѣтилъ св. крещеніемъ, богоглаголивимъ ученіемъ и житіемъ добродѣтельнымъ“. О. Макарій велъ постоянно примѣрный нравственный образъ жизни. Его можно было упрекнуть развѣ только въ излишнемъ небреженіи къ собственнымъ нуждамъ, къ своимъ силамъ, къ своему здоровью. Не вдаваясь въ аскетизмъ, онъ велъ постоянно строгую подвижническую жизнь: ѣлъ онъ мало и дѣйствительно для того только, чтобы жить, вставалъ рано и для того, чтобы приняться скорѣе вновь за работу, а ложился отдохнуть поздно, когда все кругомъ уже спало. Все остальное отъ служебныхъ занятій время онъ посвящалъ или чтенію или письму. Одежда его состояла изъ одной простой монашеской ряски, сшитой изъ дешевой шерстяной матеріи. Ряска эта возобновлялась ежегодно,

и обыкновенно къ Пасхѣ, при чемъ прежняя отдавалась нуждающемуся. Зимней одеждой долго служило ему то полукафтанье на бѣличьемъ мѣху, которое было подарено ему, при извѣстныхъ уже намъ обстоятельствахъ, преосвящ. Іовомъ Потемкинымъ. Бѣлье тоже соответствовало верхней одеждѣ: оно было изъ самаго дешеваго грубаго полотна, но чистоты безукоризненной. Строгий по жизни монахъ о. Макарій вовсе не чуждался общества и только избѣгалъ его свѣтскихъ удовольствій. Въ обществѣ держалъ онъ себя просто, но съ какимъ-то особеннымъ, ему собственно свойственнымъ достоинствомъ и вездѣ одинаково, въ какихъ бы слояхъ общества онъ не находился. Необычное появленіе духовнаго лица въ простой монашеской ряскѣ въ гостинной между свѣтскими людьми съ совсѣмъ другими стремленіями могло въ первыя минуты показаться страннымъ, но впечатлѣніе и обаяніе, которыя онъ производилъ, были настолько сильны, что и свѣтскіе люди группировались около него въ тѣсный кружокъ и слушали его съ замѣтнымъ вниманіемъ, не смотря на то, что въ числѣ ихъ случались и личности, не отличавшіяся особеннымъ уваженіемъ къ нашему духовенству и не упускавшія предлога пустить въ ходъ какое-нибудь bon mot съ претензіями на остроуміе.

Въ Костромѣ о. Макарію жилось довольно хорошо. Съ преосвященнымъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, со многими членами общества въ довольно близкихъ и съ инспекторомъ семинаріи о. Иліодоромъ въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ. Но слабость здоровья, разстроеннаго еще въ Екатеринославлѣ, усилившаяся болѣзнь глазъ, которой онъ былъ подверженъ, и нерѣдко возвращавшаяся лихорадка, которую онъ схватилъ въ первое время пребыванія своего въ Костромѣ, увеличивали ощутительно тягость его трудовъ и по семинарской службѣ и особенно по управленію бѣднымъ монастыремъ. Монастырскія зданія, большія и обширныя, были ветхи, а монастырскихъ средствъ не только къ ихъ возобновенію, но даже и къ поддержанію были недостаточно, что доставляло ему не мало заботъ. Любя приходить на помощь гдѣ было нужно, о. Макарій въ ту пору и самъ нуждался, несмотря на то, что привыкъ на себя тратить мало и довольствовался постоянно только самымъ необходимымъ. Мало того, что онъ любилъ помогать бѣднымъ изъ учащихся воспи-

таниковъ, онъ постоянно приходилъ на помощь и вездѣ, гдѣ видѣлъ нужду. Въ Екатеринославѣ, на примѣръ, онъ заплатилъ 150 рублей за Библию на еврейскомъ языкѣ и за лексиконъ къ ней для одного англійскаго еврея Морица, который обратился изъ еврейства въ христіанство и жилъ въ Екатеринославѣ. О. Макарій купилъ эти книги для Морица, чтобы облегчить Морицу проповѣдь Евангелія между евреями. Не отказывая въ помощи другимъ, онъ самъ часто стѣснялся въ денежныхъ средствахъ, и когда пришлось перебираться въ Кострому, о. Макарій былъ вынужденъ воспользоваться временною помощію другихъ и занять порядочную сумму на дорогу. Долгъ этотъ надо было выплачивать по прїѣздѣ въ Кострому, а тутъ привязалась еще лихорадка, отъ которой онъ страдалъ тогда все лѣто до осени. Деньги понадобились на лѣченье, и тогда, и послѣ, потому что лихорадка по временамъ возвращалась и глаза болѣли. Не мало хлопотъ было ему и съ начальствованіемъ надъ разнохарактерною монашествующею братіей. Все это тяготило его, а тутъ еще его надежный помощникъ и искренній другъ, инспекторъ о. Иліодоръ (впослѣдствіи преосвященный курскій), долженъ былъ его покинуть, потому что былъ переведенъ въ московскую академію бакалавромъ. Въ эту тяжелую для о. Макарія минуту онъ былъ обрадованъ прїѣздомъ такого гостя, который хотя на время заставилъ забыть всѣ непріятности. Къ нему прїѣхалъ его отецъ. Приведемъ относящееся къ этому времени письмо самаго о. Макарія къ его другу и бывшему товарищу по службѣ въ Екатеринославѣ, о. Іоанну Герболинскому: „Простите меня“, писалъ ему о. Макарій въ ноябрѣ 1822 года, „за долговременное молчаніе, оно не вывело ли самой любви вашей ко мнѣ изъ терпѣнія? Но вы знаете, что мы должны сносить тяготу одинъ другаго; а я знаю, что вы, хотя перестали писать ко мнѣ, но не перестали вспоминать обо мнѣ въ молитвѣ своей; а потому любви вашей не лишили меня, ибо молитва есть плодъ любви. Я нищая и убогая тварь: Господь вамъ воздастъ за меня.— Думаю, что вы читали длинное письмо, посланное мною на имя Г. Т., и знаете, какъ я до Костромы доѣхалъ. Между тѣмъ какъ глазная болѣзнь усилилась, насталъ въ семинаріи экзаменъ, а меня лихорадка схватила и томила чрезъ всю вакацію. Сентябрьская треть прошедшаго года была весьма тяжела для меня не

столько по вѣншимъ трудамъ, сколько по затрудненіямъ внутреннимъ. 24-го декабря поставили меня архимандритомъ въ здѣшнемъ Богоявленскомъ монастырѣ. Въ нынѣшнемъ году, опять въ юль, непосредственно по окончаніи семинарскихъ трудовъ, лихорадка посѣтила меня, и опять я лишился друга—отца инсп. Иліодора: сладцѣ мы пожили съ нимъ и другъ другу оставили о себѣ пріятную память по милости Божіей. Теперь я сообщу вамъ новость, которая, знаю, будетъ занимательна для сердца вашего. Я собираюсь проститься съ о. Иліодоромъ, а ко мнѣ гость на дворъ. Кто, вы думаете? Старецъ, отецъ мой! Посѣщеніе его было для меня благотворнымъ посѣщеніемъ милости Божіей, которой я не ожидалъ и не просилъ и недостойнъ былъ. Въ беседахъ о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ мы проводили цѣлыя ночи. Труднымъ путемъ Промыслъ ведетъ его, но бодрость и веселіе духа его дивны! Помолитесь объ немъ, да совершитъ его Господь, да сохранитъ его до конца въ вѣрности, и да сподобитъ его получить вѣнецъ славы и жизни вѣчной, уготованной побѣдителямъ! Чѣмъ ближе къ концу подходитъ дѣло, тѣмъ болѣе увеличиваются кресты его. Терпѣніе, братъ мой, терпѣніе! Не у до крове стоимъ противъ грѣха подвизающеся. Погостилъ у меня родитель одну недѣлю и уѣхалъ вмѣстѣ съ о. Иліодоромъ. Что вамъ сказать о моемъ состояніи здѣсь? Братіи у меня не много, но разнообразіе характеровъ ихъ удивительно. Зданія въ монастырѣ огромны, но ветхи и поддерживать ихъ не чѣмъ. Труды по семинаріи съѣдаютъ меня, изнемогаю въ силахъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Людей злонамѣренныхъ нѣтъ при мнѣ: одни благодѣтели, другіе пріятели, немного знакомыхъ и одинъ другъ. Чего бы кажется лучше? Но—*fecisti nos, Domine ad Te, et inquietum est cor nostrum, donec requiescat in Te*. Притомъ извѣстенъ вамъ темпераментъ мой. Мракъ души моей часто покрываетъ тѣнію печальною все меня окружающее. Если я въ самомъ дѣлѣ вывожу молчаніемъ своимъ изъ терпѣнія дружбу, то дайте ей въ подкрѣпленіе милосердіе: каждое письмо ваше будетъ для меня дѣломъ милосердія. Отче, отче! пишите и молитесь, прошу васъ покорнѣйше, о грѣшномъ Макаріѣ. Вѣрьте тому, что я стараюсь сохранять и питать благодарную память объ васъ, какъ даръ Божій, что и я вспоминаю объ васъ въ молитвахъ; подумайте о семь, когда будете обо мнѣ молиться,

и вы можете получать отъ вѣры любовію споспѣшествуемой отвѣты за меня на письма ваши и утѣшеніе, какого не могутъ вамъ доставить письма мои^{*)}.

О. Макарій продолжалъ служить въ Костромѣ до конца 1824 года, но уже въ 1823 году, тяготясь при разстроенномъ здоровьѣ, положеніемъ своимъ, задумалъ удалиться въ Кіевскую лавру и по своему обыкновенію написалъ Филарету, въ то время уже архіепископу московскому. На этотъ разъ, Филаретъ не поторопился ходатайствомъ за своего любимца и въ письмѣ, отъ 28 мая 1824 года, высказалъ ему даже свое недовольство: „Преподобнѣйшій отецъ архимандритъ и ректоръ! Винавать я предъ вами, что такъ долго не отвѣчалъ вамъ, особенно на то письмо, въ которомъ изъясняете вы намѣреніе удалиться отъ общественнаго служенія. Молва говоритъ, что вы уже и рѣшились. Не знаю по сему, не поздно ли разсуждать о семъ. Скажу что думаю, по крайней мѣрѣ дабы вы знали, что ненамѣренное было мое молчаніе, что лучшіе насъ отошли ко Господу, а мы грѣшныя остаемся еще: въ томъ признаемъ милосердіе Божіе и милосердіе, дающее намъ время покаянія и очищенія. Онъ же да поможетъ намъ и воспользоваться даромъ Его. Опасно искать общественнаго служенія, когда знаемъ свои недостатки, препятствующіе проходить оное съ успѣхомъ; но и того, думаю, остерегаться надобно, чтобы не оставить служенія, къ которому призваны и въ которое допустили себя ввести, по своей волѣ, по нетерпѣливости, по неудовольствію видѣть свою личность меньше своего мѣста. Надобно въ семъ испытать себя и прежде, нежели оставить свое мѣсто. Если же точно видимъ, что способности и силы наши не позволяютъ намъ исполнить, чего требуетъ служеніе наше, можно рѣшиться оставить оное, чтобы не быть виною ущерба общаго блага, и на сей конецъ представить начальству, какая способность или сила наша, по примѣчанію нашему, не соотвѣтствуетъ потребности и ожидать съ послушаніемъ, рѣшится ли оно еще терпѣть наши недостатки, или признаетъ нужнымъ занять мѣсто наше иначе. Что касается до искушеній отъ раздражительности, случаи къ нимъ больше или меньше есть вездѣ. Тишина духа утишаетъ нервы. Не на-

*) Письма архимандрита Макарія, 1, стр. 223.

добно также основывать мира на человѣкѣ, хотя онъ и сынъ мира, и даже миротворецъ. Благополучіе—найти такого; но если онъ, какъ говорите, *оканчиваетъ* жизнь, кто знаетъ, будетъ ли онъ *продолжать* ее, сколько намъ надобно? Надобно и сіе имѣть въ виду и, опираясь на человѣка Божія, утверждать сердце свое въ Господѣ самомъ. Вотъ, что я могъ вамъ сказать. Если не въ тяжелый то будетъ трудъ, увѣдомьте меня, что думаете и что предпринимаете. А я съ любовію есмь вашего высокопреподобія усердный слуга Филаретъ, а. московскій. Мая 28-го 1824 года.

Письма о. Макарія, на которое послѣдовалъ приведенный отвѣтъ Филарета, также какъ и его многихъ другихъ писемъ къ митрополиту, къ сожалѣнію не оказалось въ бумагахъ послѣдняго. Самъ ли митрополитъ Филаретъ, или разбиравшіе бумаги послѣ его кончины не сочли нужнымъ сберечь ихъ, только изъ переписки о. Макарія съ митрополитомъ уцѣлѣло повидимому лишь то небольшое, что митрополитъ лично, по кончинѣ о. Макарія, передалъ въ библіотеки: лаврскую, академическую и епархіальную. Такимъ образомъ изъ писемъ митрополита Филарета къ о. Макарію остается многое неяснымъ по отношенію къ нѣкоторымъ личностямъ, о которыхъ въ письмахъ упоминается.

Изъ приведеннаго письма Филарета очевидно, что въ виду пользы, которую приносилъ о. Макарій, его хотѣли по придержать и не отпускать такъ скоро на покой. Пришлось однако убѣдиться наконецъ, что труды, которые онъ несъ съ своей обычной энергіей, не соотвѣтствовали слабымъ силамъ его и безъ того болѣзненнаго организма и могли окончательно сгубить его здоровье. Въ концѣ 1824 года его вызвали въ Петербургъ, но все-таки не затѣмъ, чтобъ отпустить его въ Кіевъ, а съ тѣмъ, чтобы предложить ему епископство, къ которому его вѣроятно и уготовляли. По всему видно, что его не вполнѣ понимали и цѣнили и тѣ, которые его вели и вывели на „стропотный путь“. Они знали, что благодаря этому ли стропотному пути или постоянно работавшей мысли, у него составился твердый своеобразный взглядъ на жизнь, свой кругозоръ, свое міровоззрѣніе. Усвоивъ истинное значеніе христіанства и духа Христового, онъ шелъ непоколебимо къ намѣченной имъ себѣ цѣли, не уклоняясь ни на шагъ отъ своихъ убѣжденій ни въ словахъ, ни въ дѣлахъ; чему онъ училъ, что онъ проповѣдывалъ, то онъ

самъ выполнялъ и даже съ болѣею строгостью и послѣдовательностью, нежели требовалъ или искалъ того въ другихъ. И будучи архимандритомъ, онъ носилъ не шелковую рясу, а плохонькую шерстяную, какъ самый бѣдный монахъ, не въ каретѣ развѣзжалъ, а гдѣ пѣшкомъ, гдѣ въ тележкѣ или повозкѣ пробирался; не изысканнымъ, не сытнѣмъ рыбнѣмъ столомъ возмещалъ воздержаніе отъ мяса, а довольствовался самой простой пищей. И не изъ фарисейства, и не изъ юродства поступалъ онъ такъ, а потому, что признавалъ какъ искренно вѣрующій, что такъ должно. „Вѣра безъ дѣлъ мертва“. Если у кого и нѣтъ избытка въ средствахъ, то все-таки, при умѣренномъ и благоразумномъ пользованіи и немногими имѣющимися, можно, отказывая себѣ въ излишнемъ по удовлетворенію личнымъ нуждамъ, добыть и излишекъ въ пользу нуждающихся въ необходимомъ. Отказывая себѣ во многомъ и приходя на помощь другимъ, о. Макарій поступалъ совершенно искренно и такъ просто, что никому и въ голову не могло придти, что у него самого могла быть нужда за плечами. Его искренность во всемъ и со всѣми и одинаковая со всѣми простота въ обхожденіи, согрѣтая истинно-христіанскою любовью, привлекали къ нему всѣхъ и простыхъ и свѣтскихъ людей одинаково. Во всѣхъ внушалъ онъ къ себѣ истинное, а не напускное только чувство уваженій. На всѣхъ обращавшихся къ нему онъ производилъ какое-то невольное чувство обаянія. Замѣчательно, что никогда, нигдѣ, ни отъ кого не приходилось слышать о немъ какой-либо мало-мальски непріязненный отзывъ. Невольно проникаешься глубокимъ благоговѣніемъ при воспоминаніяхъ объ отраднѣхъ минутахъ, проведенныхъ въ его обществѣ—въ свѣтской ли гостинной, когда онъ съ Библіей въ рукахъ объяснялъ по просьбѣ окружающихъ его Св. Писаніе,—или въ уединенной бесѣдѣ на Троицкомъ подворьѣ разрѣшалъ просто и удобопонятно, безъ малѣйшей натяжки, недоумѣнія по вопросамъ религіознаго характера.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, о. Макарій явился къ оберъ-прокурору Св. Синода князю А. Н. Голицыну. Скоро ознакомясь съ о. Макаріемъ и узнавъ его покорооче князь Голицынъ полюбилъ его и постоянно благосклонно относился къ нему. Не-

рѣдко о. Макаріій служилъ и проповѣдывалъ въ домовоіи церкви князя Голицына. Вращаясь по неволѣ благодаря приглашеніямъ князя Голицына и своимъ прежнимъ связямъ въ высшемъ кругу, о. Макаріій приходилось иногда высказывать свои воззрѣнія на вѣру и жизнь. Это подало поводъ къ неосновательнымъ толкамъ и сужденіямъ о немъ въ средѣ мистиковъ высшаго круга. Не всѣ и мистики, какъ извѣстно, были искренно вѣрующіе. Были между ними и такіе, которые при всей склонности своей къ мистической созерцательности, не чуждались ни выгодъ, ни наслажденій свѣтской жизни. Нѣкоторые мистики, перетолковывая по своему воззрѣнію о. Макарія, считали его даже своимъ, но онъ вовсе не походилъ на нихъ ни по складу ума, ни по образу жизни. Онъ былъ дѣйствительно „человѣкъ духовный“, какъ его и называли, но ужъ ни какъ не пошиба мистиковъ того времени. Когда ему было предложено епископство, онъ отказался, потому что это не соответствовало ни его желаніямъ и стремленіямъ, ни его глубокому смиренію и строгому подвижническому и посреди міра образу жизни. Любя жизнь уединенную, созерцательную, онъ неохотно вращался въ кругу свѣтскихъ людей и ужъ, конечно, не только не искалъ, но и не желалъ высокаго сана, хотя бы и духовнаго. Не въ его характерѣ была оффиціальная, хотя бы и религіозная, общественная дѣятельность. Онъ былъ точно что „не отъ міра сего“, какъ выразился о немъ его сослуживецъ въ Екатеринбургѣ о. Герболинскій. Отказавшись отъ епископства, о. Макаріій подалъ въ Св. Синодъ прошеніе объ увольненіи его на покой въ одинъ изъ монастырей Кіевской лавры, къ разряду соборныхъ іеромонаховъ которой онъ былъ, какъ уже извѣстно, причисленъ указомъ Св. Синода. Въ Кіевъ влекло его и желаніе поклониться угодникамъ въ пещерахъ и желаніе уединиться и подготовить себя къ тому подвигу, о которомъ онъ мечталъ еще на студенческой скамьѣ въ академіи. Мечты юноши какъ о монашескомъ, такъ и о миссіонерскомъ призваніи были поддерживаемы Филаретомъ, который, по всей вѣроятности, не только поддерживалъ эти мечты въ студентѣ Глухаревѣ, но и руководилъ и приготавливалъ его къ ихъ осуществленію. Студентъ Глухаревъ, по окончаніи курса въ академіи, не былъ совершенно свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ долженъ былъ идти служить туда, куда направило его на-

частво. Онъ сдѣлалъ, что могъ и служилъ вѣрой правдой пока хватало силъ, постоянно честно относясь къ своимъ обязанностямъ профессора, инспектора и ректора. Затѣмъ, когда его уволили на покой, онъ о покой то меньше всего и заботился, а искалъ способы и средства приготовить себя къ той дѣятельности, о которой мечталъ еще юношей.

Въ началѣ 1825 года указомъ Святѣйшаго Синода онъ былъ уволенъ отъ духовно-учебной службы на покой въ Кіевскую лавру, съ сохраненіемъ магистерскаго оклада. Получивъ увольненіе онъ ожилъ и духомъ и тѣломъ и несмотря на суровую зиму 1825 года немедленно уѣхалъ изъ Петербурга. Сначала въ Кострому, для устройства дѣлъ, затѣмъ въ Екатеринославъ, гдѣ и провелъ дня три, для свиданія съ своими немногими друзьями. Въ Екатеринославѣ отъ останавливался въ домѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Тимофеевича Мизько, съ которымъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ и нерѣдко переписывался. Добравшись до Кіева, онъ помѣстился въ самой лаврѣ у преосв. Аѳанасія, викарія кіевскаго, съ которымъ скоро сблизился. Въ лаврѣ онъ оставался недолго. Болѣзненное состояніе его усилилось и вынудило его искать болѣе покойное убѣжище въ приписанной къ Кіево-Печерской лаврѣ Китаевской пустыни. Здѣсь онъ тоже прожилъ недолго. Въ стремленіяхъ своихъ къ духовному совершенству, онъ желалъ пройти и извѣдать на себѣ всѣ степени послушанія, подъ руководствомъ опытнаго руководителя и наставника въ духовной жизни. Провѣдавъ, что въ Глиновской (въ просторѣчїи Глинской) оптиной: Богородицкой пустыни настоятелемъ—старецъ Филаретъ, такой благочестивый наставникъ и руководитель какого именно и искалъ, о. Макарій, онъ въ концѣ 1825 года, испросилъ у Св. Синода переводъ въ ту пустынь (Путивльск. уѣзд. Курск. губ.), и переехалъ туда въ концѣ декабря того же года. „Я хотѣлъ среди Глинскихъ братій знакомиться съ искушеніями свойственными монашескому общежитію“, писалъ о. Макарій и затѣмъ о самой обители: „это школа Христова; это одна изъ свѣтлыхъ точекъ на земномъ мірѣ, въ которую, дабы войти, надлежитъ умаляться до Христова младенчества“. (Письмо арх. Макарія, ч. 2, стр. 153). Глинская пустынь была для о. Макарія послѣдней крестанью, гдѣ онъ наконецъ нашелъ все, чего искалъ, чтобы приготовить-

ся къ высокому и трудному подвигу миссіонера. „Я не писалъ и къ о. Филарету, однако всегда сохраняю утѣшительную память моего пребыванія въ его обители, опытныхъ наставленій его и отеческихъ благотвореній, и собираюсь писать къ нему“. Такъ писалъ о. Макарій изъ Бійска къ Г. Т. М. (ч. I, стр. 200). Слѣдующимъ назиданіямъ и совѣтамъ игумена Филарета, о. Макарій въ санѣ архимандрита, проходилъ съ терпѣніемъ и смиреннудріемъ степени послушанія, пока въ 1829 году не былъ вызванъ къ новой дѣятельности. Указомъ 24-го декабря 1828 года Св. Синодъ предписалъ преосв. Евгенію (Казанцеву) архіепископу тобольскому „составить проектъ къ образованію миссіонеровъ, для прочтѣйшаго успѣха въ дѣлѣ распространенія христіанства въ странѣ Сибирской“. Проектъ былъ составленъ ректоромъ и наставниками тобольской семинаріи и доставленъ Св. Синоду. Консисторія собрала свѣдѣнія о желающихъ принять должность миссіонера. Изъ духовенства тобольской епархіи явились и желающіе; но преосвященный разсудилъ имъ отказать, и обратился къ преосвященнымъ курскому и архангельскому, также и къ архимандритамъ соловецкаго и другихъ монастырей, прося увѣдомить, нѣтъ ли въ ихъ вѣдомствѣ желающихъ и способныхъ къ миссіонерскому званію. Это дошло до о. Макарія случайно и довольно страннымъ путемъ, чрезъ Мартина Андреевича Атласа, котораго о. Макарій очень любилъ и уважалъ и о которомъ нерѣдко въ перепискѣ съ знакомыми упоминалъ въ своихъ письмахъ. Этотъ Атласъ былъ человѣкъ очень образованный и глубоко-религіозный; католикъ по рожденію, онъ принялъ православіе, убѣдясь въ превосходствѣ ученія восточной церкви. Странствуя по святымъ мѣстамъ, онъ зашелъ и въ Глинскую пустынь. Посѣтивъ о. Макарія, онъ увидѣлъ, что о. Макарій пріютяся между стѣной и печкой пишетъ: о. Макарій занимался въ это время, по порученію воронежскаго архіепископа Антонія, переводомъ огласительныхъ словъ Θεодора Студійскаго, а помѣщеніе устроилъ себѣ для занятій около печки потому, что келлія его не отличалась теплотою: „что ты, о. Макарій, забился и сидишь тутъ въ темнотѣ?“ спросилъ Атласъ, войдя въ келію о. Макарія. „Что мнѣ дѣлать, когда я такъ слабъ и чувствую, что вездѣ дуетъ“, — отвѣчалъ о. Макарій. „Ты человѣкъ просвѣщенный, тебѣ надобно другихъ просвѣщать, а ты засѣлъ здѣсь въ темно-

ту. Иди, проповѣдуй Евангеліе сибирскимъ язычникамъ, вотъ Св. Синодъ ищетъ такого человѣка“. Затѣмъ Атласъ сообщилъ ему извѣстіе о томъ, что по распоряженію Св. Синода, тобольскій преосвященный ищетъ желающаго быть миссіонеромъ. Настоятелю Глинской пустыни о. Филарету былъ тоже сообщенъ циркуляръ о вызовѣ желающихъ и способныхъ къ миссіонерскому званію. Вѣсти эти возбудили въ печатливой и пылкой душѣ Макарія такую энергію, что онъ забылъ о слабости своего здоровья и, испрося благословеніе у настоятеля Глинской пустыни о. Филарета, послалъ въ Св. Синодъ прошеніе о разрѣшеніи ему отправиться въ Сибирь на проповѣдь Евангелія язычникамъ. Хотя Св. Синоду были хорошо извѣстны и строгая жизнь о. Макарія и его высшее богословское образованіе; но, поспѣшивъ, конечно не безъ вліянія митрополита Филарета, удовлетворить желаніе о. Макарія, Св. Синодъ отнесся къ этому съ нѣкоторой осторожностью и сносясь съ преосв. Евгеніемъ писалъ: „архимандрита Макарія обратитъ по усмотрѣнію вашему, на дѣло проповѣданія, гдѣ представится нужнѣе, въ видѣ, на первый случай, опыта, дабы по первымъ дѣйствіямъ его можно было судить; способенъ ли онъ къ пріемлемому на себя дѣлу, и въ состояніи ли будетъ отправлять оное съ желаемою пользою“. Въ іюнѣ 1829 года, о. Макарій уѣхалъ изъ Глинской пустыни, причемъ проводившій его благопожеланіями о. Филаретъ подарилъ ему на память требникъ съ собственноручной надписью: „1829 года іюня 5 дня. Усердствуетъ въ любви о Господѣ требникъ сей о. архимандриту Макарію, въ память его любви къ обители нашей. Глинской Богородской пустыни строитель Филаретъ. Въ Москвѣ о. Макарій получилъ благословеніе и отъ митрополита Филарета, который былъ очень доволенъ новымъ направленіемъ дѣятельности о. Макарія. Въ Москвѣ о. Макарій предполагалъ сначала дожидаться зимняго пути ради удобства сообщеній, но почему-то отправился 1 сентября въ путь и 30 сентября прибылъ въ Тобольскъ. Здѣсь напервыхъ порахъ онъ имѣлъ начинающую радость сойтись съ своимъ юнымъ другомъ, бывшимъ послушникомъ и келейникомъ Иваномъ, который покинулъ его въ Глинской пустынѣ и котораго онъ считалъ погибшимъ. Иванъ этотъ былъ изъ дворовыхъ людей Смоленскаго имѣнія г. Пашкова. Поступивъ въ монашество, Иванъ попалъ къ о. Макарію въ

послушники и келейники. О. Макарій лелѣялъ и воспитывалъ его къ духовной жизни и видѣлъ въ немъ не слугу, а друга. Иванъ ходилъ за о. Макаріемъ во время болѣзни и вообще служилъ ему „съ незабвеннымъ усердіемъ и честностью“ какъ отзывался о немъ о. Макарій. Вмѣстѣ пріѣхали они изъ Костромы и въ Глинскую пустынь, но тутъ Ивану что-то вздумалось уйти въ Молдавію въ Намецкій монастырь. Точно предчувствуя, что съ Иваномъ случится что-нибудь недоброе, о. Макарій скорбѣлъ о разлукѣ съ нимъ, какъ по родномъ дѣтищѣ. Предчувствія о. Макарія оправдались: еще до отъѣзда изъ Глинской пустыни онъ слышалъ, что Иванъ былъ въ оковахъ пересланъ изъ Молдавіи въ Орель. Легко можно представить себѣ восторгъ о. Макарія, когда онъ при встрѣчѣ съ Иваномъ узналъ, что Иванъ не былъ преступникомъ, а отправленъ въ Сибирь на поселеніе какъ непомнящій родства, потому что на границѣ Россіи и Молдавіи его бумаги показались подозрительными карантинному приставу. Иванъ увидалъ о. Макарія при переправѣ чрезъ Иртышъ, стоя на противоположномъ берегу, бѣжалъ за повозкой о. Макарія и нашелъ его на другой день въ архіерейскомъ домѣ. Радостное событіе это описано о. Макаріемъ въ Дневникѣ его, посланномъ преосв. Евгенію. Изъ переписки о. Макарія съ Е. Θ. Н. видно, что этотъ Иванъ былъ скоро изъ Сибири возвращенъ, женился и обзавелся своимъ домомъ; но бракъ былъ несчастливъ и Иванъ чрезъ Е. Θ. Н. выражалъ желаніе отправиться опять служить о. Макарію при миссіи. Какъ не жалѣлъ Ивана о. Макарій, но принять его отказался и отвѣчалъ: „скажите ему, что Богъ сочеталъ, того человекъ разлучить не дерзаетъ“... „Пусть будетъ вѣренъ Господу Иисусу Христу и женѣ своей, благословенной Господомъ. Пусть ее сноситъ, пусть нужду терпитъ, трудится, уповаеъ на Бога; пусть будетъ честенъ, строго честенъ, пусть помнитъ Господа, а Господь не забудетъ его, и я благословляю его въ душѣ моей именемъ Господнимъ... Господь вамъ да воздастъ за милосердіе ваше къ Ивану. Зной искушеній опалилъ его; но Господь да убѣлитъ ризу души его въ крови своей! Иванъ! Наше отечество, наше покоище, наше блаженство полное на небесахъ. Желай туда; то и здѣсь тебѣ лучше будетъ. Прости, братъ, Господь съ тобою“⁹⁾. Приступая къ мис-

⁹⁾ Письма Макарія 1881 г. кн. 1, стр. 54.

сіонерской службѣ, о. Макарій съ согласіи и благословенія преосв. Евгенія выбралъ себѣ въ сотрудники двухъ тобольскихъ семинаристовъ, отличавшихся добрымъ поведеніемъ и изъявившихъ желаніе поступить на миссіонерскую службу; Василя Степанова Попова 22 л. и Алексѣя Терентьева Волкова 18 л. Преосв. Евгеній на прошеніи Попова и Волкова, объ увольненіи ихъ изъ семинаріи на миссіонерскую службу положилъ резолюцію: „такъ какъ миссія учреждена по Высочайшему повѣленію, то учениковъ Попова и Волкова уволить, по прошенію, въ епархіальное вѣдомство и снабдить аттестатами послѣ испытаній, съ тѣмъ, чтобы явились съ оными ко мнѣ, причемъ увѣрить, что если будутъ проходить сіе званіе съ усердіемъ и рекомендаціею отъ начальника миссіи, и прослужать не менѣе четырехъ лѣтъ, то, въ случаѣ желанія ихъ поступить намѣсто, не только будутъ пользоваться равными, но и преимущественными правами предъ ихъ товарищами, остающимися при семинаріи или поступающими на мѣста; о чемъ сообщить и въ консисторію, для исполненія въ свое время обѣщанныхъ имъ и будущимъ по нимъ преимуществъ“. Консисторія опредѣлила жалованье миссіонерамъ: командированнымъ не далѣе 500 верстъ семейнымъ 1000 руб. ассигнаціями, безсемейнымъ 600 руб. Командированнымъ далѣе 500 до 1000 верстъ — семейнымъ 1500 руб. безсемейнымъ 1000 руб. а за 1000 до 2000 верстъ и дальше—семейнымъ 2000 руб. а безсемейнымъ 1500 руб., имѣющимъ же архимандритскія и игуменскія степени назначалось жалованье, присвоенное семейнымъ, съ тѣмъ, чтобы они изъ сей суммы употребляли и на прогоны и на кресты новокрещеннымъ и на другія издержки. О. Макарій желая вести дѣло проповѣди безмездно, отъ жалованья отказался и заявилъ преосв. Евгенію, что удовольствуется своимъ магистерскимъ окладомъ и тогда только будетъ просить пособія, когда его собственныя средства окажутся недостаточными. Идя на проповѣдь Евангелія, о. Макарій предварительно составилъ для руководства замѣчательныя правила въ истинно-христіанско-братскомъ духѣ. Вотъ что написалъ онъ: а) желаемъ, да будетъ у насъ все общее: деньги, пища, одѣяніе, книги и прочія вещи, и сія мѣра да будетъ для насъ удобностію въ стремленіи къ единомушію; б) желаемъ тому изъ насъ, которому опредѣленіемъ начальства будетъ поручено особенное по-

печеніе о дѣлѣ проповѣданія, повиноваться по правиламъ иноческаго общежитія какъ въ порученіяхъ, относящихся къ проповѣданію, такъ и въ другихъ отношеніяхъ и случаяхъ; онъ же долженъ во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ руководствоваться также правилами общежитія иноческаго, и тѣми постановленіями, какія мы отъ начальства пріимемъ за руководство въ служеніи проповѣданія; в) желаемъ принимать отъ него наставленія со вниманіемъ, смиреніемъ и любовію, а его наставленія должны проистекать изъ слова Божія, и быть согласными съ ученіемъ церкви Восточной и Греко-Россійской; г) желаемъ быть предъ нимъ искренними и откровенными въ частомъ исповѣданіи помысловъ и искушеній нашихъ, и вмѣстѣ съ нимъ учиться у Господа уклоняться отъ зла и творить благое; онъ же обязуется всякое исповѣданіе погружать въ бездну милосердія Божія, отнюдь не обличать явно того, что ему будетъ открываемо за тайну. Какъ въ исправительныхъ, такъ и во всякихъ другихъ мѣрахъ своихъ дѣйствовать въ смиренной памяти о собственной немощи, по долгу любви и снисхожденія къ братіямъ, и безпристрастно принимая отъ нихъ благонамѣренные совѣты, полезныя замѣчанія, кроткія напоминанія; въ случаѣ погрѣшительности поступковъ своихъ искренно виниться предъ ними и просить у нихъ прощенія и пособія къ исправленію своему“. Правила эти, за подписью о. Макарія и обоихъ сотрудниковъ его, были представлены преосв. Евгенію, который одобрилъ ихъ для руководства не только о. Макарію и его помощникамъ, но и другимъ будущимъ миссіонерамъ. Донося объ этомъ Св. Синоду, преосв. Евгеній просилъ позволенія „приступить къ выполненію этихъ правилъ въ видѣ опыта съ тѣмъ, чтобы распространить ихъ дѣйствіе въ послѣдствіи и на прочихъ, изъявившихъ и впредь могущихъ изъявлять желаніе быть миссіонерами учениковъ, если первый опытъ будетъ успѣшенъ“. Св. Синодъ утвердилъ назначеніе о. Макарія начальникомъ новой миссіи и прислалъ преосв. Евгенію для выдачи о. Макарію и его сотрудникамъ, на путевыя издержки 1000 руб., предоставивъ при томъ преосвященному право, въ случаѣ недостаточности этой суммы, выдать еще сколько окажется нужнымъ изъ епархіальныхъ средствъ съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи получить выданное изъ суммъ Св. Синода.

Теперь оставалось только избрать мѣстность, въ которую могла

направиться новая миссія, по соображенію со свѣдѣніями, собранными и доставленными тобольской духовной консисторіей. Сначала о. Макарій, по соглашенію съ своими сотрудниками, рѣшилъ было отправиться къ остякамъ и самоѣдамъ-идолопоклонникамъ, но оказалось, что эти народцы кочуютъ въ болотистой странѣ, съ суровымъ и холоднымъ климатомъ, что неладило съ слабымъ здоровьемъ ни о. Макарія, ни его старшаго сотрудника. Затѣмъ былъ избранъ народъ киргизскій, кочующій за Петропавловской линіей, въ кокчетавскомъ военномъ округѣ, гдѣ климатъ самый умѣренный въ сравненіи съ другими мѣстностями Сибири, да и языкъ киргизовъ близокъ къ татарскому, который былъ знакомъ уже о. Макарію и его сотрудникамъ, что давало возможность усвоить легко и киргизскій языкъ; но предварительныя сношенія о томъ преосв. Евгенія съ генераль-губернаторомъ Западной Сибири выяснили, что по политическимъ соображеніямъ это оказалось невозможнымъ безъ особаго на то Высочайшаго разрѣшенія. Киргизы посылали депутаціи въ Петербургъ и просили между разными домогательствами: „въ кокчетавскомъ округѣ укрѣпленій и деревянныхъ домовъ не строить, пашень не пахать, мечетей и школъ не заводить, ахуновъ и указныхъ муллъ не опредѣлять и позволить дѣтей своихъ не отдавать учиться въ школы ¹⁰⁾. Тогда уже окончательно былъ избранъ Бійскій округъ для проповѣди между теленгутами. Весьма осторожная инструкція тобольской консисторіи, утвержденная преосв. Евгеніемъ, гласила такъ: „согласно желанія о. архимандрита Макарія и другихъ семинаристовъ—Попова и Волкова, отправить ихъ въ Бійскій округъ, для обращенія обитающихъ тамъ инородцевъ въ христіанство и выдать имъ походную церковь, снабдивъ оную необходимыми принадлежностями, причемъ велѣтъ о. архимандриту: 1) изъ близъ лежащихъ къ кочевьямъ инородцевъ русскихъ селеній, выѣзжать въ кочевья ихъ, и согласно инструкціи, изданной Св. Правит. Синодомъ въ 1769 году, распространять

¹⁰⁾ О. Макарію не было дозволено обратиться къ киргизамъ съ проповѣдью христіанскою, а муллы и безъ позволенія проникли къ киргизамъ, омусульманли ихъ и успѣли даже завести и школы, противъ которыхъ возставали киргизы, но школы магометанскія конечно. (См. «Моск. Вѣд.» 1885 г. ноября 12, № 313 «Изъ средней Азіи»). Тоже видно и изъ всеподданнѣйшаго отчета (сбрь-прокурора Св. Синода. (См. «Моск. Вѣд.» 1885 г. ноября 10, № 311).

постепенно между ними слово Божіе, соображаясь съ §§ 287, 288, 290 и 292 Устава объ управленіи инородцевъ, не разглашая однако же, по силѣ помянутой инструкціи, что посланъ онъ для обращенія ихъ въ христіанство отъ правительства; 2) обращаясь между инородцами, рекомендовать ему, о. архимандриту и будущимъ съ нимъ семинаристамъ, учиться языку ихъ и узнавать обычаи и вѣру ихъ; и коль скоро достигнуть достаточнаго познанія языка ихъ, переводить имъ на оный книги Св. Писанія, вопервыхъ Новый Завѣтъ, Псалтырь и кромѣ сихъ Символь вѣры, молитву: „Отче нашъ“, заповѣди, катихизисъ и нѣкоторыя, по выбору, житія святыхъ отцовъ; 3) ученикамъ Попову и Волкову быть въ совершенномъ повиновеніи у о. архимандрита, и въ жизни велѣтъ имъ руководствоваться правилами общежитія, ими самими подписанными добровольно, и съ оныхъ выдать копію, за надлежащею скрѣпою; 4) какъ по настоящему служенію въ миссіи о. архимандритъ Макарій съ его сослужителями должны состоять подъ непосредственною моею зависимостью, то рекомендовать имъ: а) вести сколько возможно постоянный журналъ о дѣйствіяхъ своихъ и представлять оный ко мнѣ чрезъ три мѣсяца; б) не выѣзжать изъ Бійскаго округа безъ моего позволенія; в) о всѣхъ нужныхъ обстоятельствахъ, въ случаѣ потребности новыхъ наставленій, или ограниченія вышеписанныхъ постановленій, относиться прямо ко мнѣ съ рапортами и донесеніями; г) выдать ему архимандриту Макарію, кромѣ копіи съ документовъ въ постановленіи консисторіи упоминаемыхъ, и съ самаго постановленія и съ инструкціи миссіонерамъ, изданной въ 1769 году, также и шнуровую книгу изъ консисторіи, для постоянного записыванія расходовъ, выданной ему суммы, которую и долженъ онъ представлять ко мнѣ вначалѣ каждаго года“. Кромѣ того о. Макарій былъ снабженъ и копіей съ отношенія генерал-губернатора о сдѣланномъ имъ распоряженіи къ оказыванію о. Макарію гражданскими властями защиты и покровительства.

Къ этому времени относятся два письма митрополита Филарета къ о. Макарію, изъ которыхъ видно, что поводомъ къ нимъ были какія-то недоразумѣнія. Не было ли то желаніе о. Макарія отправиться для проповѣди въ Иркутскъ, тогда какъ имѣлось въ виду направить его въ Тобольскъ? Оба письма во всякомъ случаѣ ясно указываютъ на то, какъ митрополитъ зорко слѣдилъ

за своимъ любимцемъ. Въ концѣ перваго Филаретъ пишетъ: „Доздѣ отвѣтъ. Теперь слѣдуетъ мое письмо. Преосвященный Владиміръ сказываетъ, что вы проситесь въ Иркутскъ. Я предложилъ ему помедитъ представленіемъ о семъ, пока я васъ спрошу, не лучше ли въ Тобольскъ. Преосвященному тобольскому поручено составить проектъ миссіонерскаго учрежденія для тамошняго края. Вы его знаете. Итакъ мнѣ кажется, вамъ бы лучше къ нему. Можетъ-быть и планъ воспитанія, который вы создали на воздухѣ, и я съ вами силился основать на водѣ, тамъ хотя частію станетъ на твердую землю. А если не любо будетъ въ Тобольскѣ: то еще успеете отправиться и въ Иркутскъ; а крюку не будетъ. Отвѣтствуйте. Подъ конецъ скажу, что надлежало бы сказать сначала: благодарю васъ за посѣщеніе, право благодарю съ любовію, желая вамъ мира и спасанія вездѣ. Мар. 28, 1829, В. В – бія. Ус. слуга Ф. М. М — скій. Другое письмо отъ 30 декабря 1829 г. Оно такъ интересно, что мы приведемъ его вполнѣ. „Преподобному отцу архимандриту Макарію о Господѣ радоватися. Помнится, говорилъ я вамъ, при отбытіи вашемъ изъ Москвы, что буду заботиться о вашемъ пути. Помнится, вы обѣщали успокоить меня извѣщеніемъ: случайно ли сего не сдѣлалось или по намѣренію? Если по намѣренію: то мнѣ кажется, что лучше бы знать оное, нежели не знать, чтобы получить наставленіе. Но меня не только успокоилъ, но даже обрадовалъ преосвященнѣйшій архіепископъ тобольскій, извѣстивъ, что ваше прибытіе къ нему было въ мирѣ и съ самою доброю надеждою. Когда представленъ былъ Святѣйшему Синоду завѣтъ вамъ съ двумя учениками семинаріи: я почти смѣяться готовъ былъ надъ тѣми, которые говорили, устоитъ ли сіе дѣло. Какъ съ горы въ яму упадаю я, услышавъ, что въ намѣреніяхъ вашихъ оказываются направленія и перемѣны, озабочивающія вашего пастыря и страннопріимца, относительно ихъ удобоисполнимости. Что сіе значить? Простите меня, есть ли погрѣшаю. Желая, чтобы я оказался погрѣшающимъ. Но признаюсь, что забота преосвященнаго производитъ во мнѣ заботу, не прокрадывается ли тутъ собственное мудрствованіе мимо послушанія и благословенія. Если паче чаянія, мое опасеніе не совсѣмъ неосновательно: то надобно заботиться и вамъ и употребить осмотрительность и осторожность. Въ Св. Синодѣ болѣе всѣхъ, по жительству, знаетъ

васъ преосвященный Владиміръ, и любить васъ и покровительствуетъ. Но и онъ, предъ послѣднимъ отправленіемъ вашимъ въ Глинскую пустынь, изъявлялъ сомнѣніе, будете ли вы тамъ постоянны. Сомнѣніе сіе подтвердилось опытомъ. При отправленіи вашемъ въ дальній путь онъ изъявлялъ желаніе. Что есть ли вновь откроются событія, подтверждающія сіе сомнѣніе? Можете разсудить сами, какое тѣмъ затрудненіе сдѣлается вамъ и благому дѣлу, на которое вы употреблены. Понудимся, брате, утверждать себя и въ благомъ намѣреніи и въ отсѣченіи своего мудрованія. А если я говорю то, что вы уже дѣлаете, то, по апостолу, тояжде глаголати мнѣ убо недѣлностно, вамъ же твердо. Спасайся, служа спасенію другихъ безъ соблазна и смущенія. Молись о мнѣ, Ф. м. м—скій^а. Суда по письму этому, вѣроятно были какія-либо недоразумѣнія у преосв. Евгенія съ о. Макаріемъ: тогда о. Макарій гостилъ у преосвященнаго тобольскаго пока шла переписка о миссіи и самъ о. Макарій готовился къ миссіи. Намъ неудалось найти слѣдовъ этихъ недоразумѣній и по всей вѣроятности они не имѣли остраго характера и зависѣли отъ мѣстныхъ условій разногласія, въ какую мѣстность направить миссію, потому что преосвященный Евгеній относился всегда съ любовію къ о. Макарію. Преосвященный Владиміръ, а занимъ и митрополитъ Филаретъ не были близко знакомы съ средой, въ которой приходилось лицомъ къ лицу вращаться о. Макарію, и съ тѣми обстоятельствами, съ которыми приходилось бороться этой чистой и правдивой душѣ, жаждавшей единственно пользы ближнему. О. Макарію было легко оправдать себя въ желаніи перемѣнить мѣсто, стоило только изложить хотя и далеко не въ томъ неприглядномъ свѣтѣ, въ которомъ намъ представляются обстоятельства, сложившіяся во время его службы въ Екатеринославѣ; но онъ предпочелъ съ истинно христіанскимъ самоотверженіемъ лучше все перенести самолично, нежели послужить къ обвиненію какого-либо. Вѣроятно въ Петербургѣ узнали помимо его что-нибудь, потому что тогда онъ скоро получилъ новое назначеніе и съ повышеніемъ даже, какъ мы уже знаемъ. Что-нибудь подобное хотя и въ меньшей мѣрѣ случалось и въ послѣдствіи, что тревожило его духъ и заставляло удаляться и искать покоя совѣсти. Не одинъ онъ служилъ примѣромъ того, какъ и чему подвергаются люди, строго и неу-

клонно исполняющіе свой долгъ. Съ преосв. Евгеніемъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, какъ видно изъ писемъ преосвященнаго и все кончилось благополучно и на этотъ разъ, и 3 августа, о. Макарій отправился съ своими спутниками въ Бійскъ. Обстоятельства его отъѣзда приведемъ изъ Путевыхъ записокъ самого о. Макарія ⁴¹⁾. „1830 г. августа 3, распоряженіи епархіальнаго начальства, какія благопотребны были для отправленія нашего въ предназначенный путь, заключились соборною о насъ молитвою св. церкви. Божественную литургію и потомъ молебенъ совершалъ самъ преосвященный. По предварительному его благословенію мы стояли съ преклоненными главами подъ Евангеліемъ, когда святитель изрекалъ повелѣніе Господа и Бога нашего Иисуса Христа. Ему же *дадеса всяка власть на небеси и на земли: шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся елика заповѣдахъ вамъ,*—Его непреложное упованіе: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка: аминь* (Матѳ. 28, 18—20). По окончаніи молебнаго пѣнія, преосвященный, ставъ на амвонѣ, преподавъ намъ оживленное отеческою любовію наставленіе, ободрялъ насъ всемогущею силою Иисуса Христа, сказавшаго: *иди же еста два или трие собрании во имя Мое, ту есмь посредъ ихъ* (Матѳ. 18—20). Примѣромъ и словами апостола: *Духъ Святой по вся грады свидѣтельствуеть, глаголя, яко узы мене и скорби ждуть. Но ни единого же попеченіе творю, ниже имаю душу мою честну себѣ, развѣ еже скончати теченіе мое съ радостію и службу, юже пріяхъ отъ Господа Иисуса, засвидѣтельствовати Евангеліе благодати Божіа* (Дѣян. 20, 23, 24); и опять словами Спасителя: *въ мѣръ скорбни будете: но держайте, яко азъ побѣдихъ мѣръ* (Іоан. 16—33), *не бойся малое стадо, яко благоизволи Отець Мой дати вамъ царство;* открывалъ намъ высочайшій образецъ единосущія въ таинствѣ единосущной и нераздѣльной Троицы, и самый вѣрный способъ сохранить единеніе между собою—въ союзѣ души съ Богомъ; напоминалъ о блюденіи сердца, какъ о средоточіи христіанскаго подвига;—поучалъ бѣгать своекорыстія и сластолюбія, и приводилъ въ обличеніе сихъ страстей свидѣтельство мудраго: *въ злохудожну душу не видеть премудрость, ниже оби-*

⁴¹⁾ Памятникъ трудовъ благовѣстниковъ русскихъ. Москва. 1857.

таетъ въ тѣлеси повинимъ грѣху (Прем. I; 4); предохранялъ отъ унынія въ трудностяхъ и отъ суетной радости въ успѣхъ; обуздывалъ ревность въ самыхъ благонамѣренныхъ начинаніяхъ: „вы, младшая братія, говорилъ онъ, ничего и маловажнаго не предпринимайте безъ совѣта вашего старшаго брата“. Наконецъ, представивъ намъ въ руководство и образецъ общество Іисуса Христа съ Его учениками, а по вознесеніи Его обращеніе самихъ апостоловъ, вѣщалъ: *предаю васъ Богови и славу благодати Его могущему надати и дати вамъ наслѣдіе во языцехъ* (Дѣян. 20, 32). Воспоминайте меня въ молитвахъ вашихъ; а моя о васъ молитва будетъ выну крѣпко и прилежно. Грядите съ миромъ“. Тогда, повергшись къ стопамъ архипастыря, мы приняли отъ него святительское благословеніе, и въ сей же день, вскорѣ послѣ вечерни, выѣхали изъ Тобольска и достигли Абалацкаго монастыря“. Здѣсь они прожили три дня, воспользовавшись гостепримствомъ настоятеля монастыря о. Владиміра. Тутъ въ виду дальнаго пути они окончательно уложили вещи, нужныя для миссіи, въ повозку, которая должна была доставить ихъ въ Бійскъ. Выѣхавъ изъ Абалацкаго монастыря, они въ селеніи Бакмѣвомомъ переправились чрезъ Иртышъ и узнавъ, что въ Тарскомъ округѣ свирѣпствуетъ сибирская язва, оставили въ селеніи Готопуповимъ трактъ на Тару и отправились по Тюкалинской дорогѣ. Въ Тюкалинскѣ они отдохнули у мѣстнаго благочиннаго, который разсказалъ имъ случай, записанный въ дневникѣ о. Макарія: „онъ сказывалъ намъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ одна раскольничья деревня, восчувствовавъ гнѣвъ Божій въ чрезвычайной засухѣ, согласилась поднять изъ соборной тюкалинской церкви икону Божіей Матери, и передъ нею совершить на полѣ общіе моленіе о ниспосланіи дождя. Но когда совѣщаніе о семъ происходило у земледѣльцевъ; то одинъ изъ нихъ самый закоснѣлый раскольникъ, изрыгнувъ отъ нечистаго сердца хулу на святую икону, назвавъ ее просто доскою. Другой, желая его усовѣстить, отвѣчалъ ему на это: „что ты говоришь, братецъ? надъ святынею неругайся“. Вскорѣ потомъ икону изъ церкви подняли, совершили молебное пѣніе и получили дождь благопріятный; а хульникъ вскорѣ пораженъ былъ смертоносною язвою, которая въ теченіе немногихъ дней и его самого низвела во гробъ, и всѣхъ лошадей его изморила“. „Проѣхавъ селенія ,

Могильное и Пустынное, мы вступили въ Барабинскую степь, въ эту необозримую, наполненную болотами пустыню, безмолвную и печальную какъ могла. Среди первыхъ двухъ Барабинскихъ становъ, одинъ благоразумный земледѣлецъ водрузилъ близъ дороги крестъ съ изображеніемъ Христовымъ и при ономъ ископалъ кладезь. Мы съ сердечною радостію издали узрѣли Знаменіе Сына человѣческаго; и какое дѣйствіе въ христіанскихъ душахъ производитъ поклоненіе кресту Господню среди св. четыредесятиницы, подобное утѣшеніе, подобную ободрительную прохладу въ сердца вѣрующихъ вливаетъ видѣніе сего креста въ Барабинской степи. Мы спросили ямщика о крестьянинѣ, учинившемъ дѣло столь достойное христіанина: „вѣрно онъ человѣкъ добрый“? Отвѣтъ былъ такой: „можно назвать человѣкомъ“! Поклонившись кресту Господню, мы пили довольно чистую и пріятную воду изъ сего кладезя „напоминающую о бесѣдѣ Спасителя съ Самарянкою, и пожелали строителю креста благословеній Божіихъ“. Простое, но благоговѣйное чтеніе и пѣніе и усердная молитва земледѣльцевъ въ бѣдномъ сельскомъ храмѣ села Спаскаго, гдѣ путники провели праздникъ Успенія Богоматери, произвели глубокое впечатлѣніе на о. Макарія. „Мнѣ хорошо было съ вами, простыя души“, пишетъ онъ. „Воды соборной молитвы вашей подмывали и поднимали тяжесть мою. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь... нѣтъ, такъ никогда сіи слова не повторялись въ душѣ моей, какъ среди васъ, земледѣльцы, и притомъ въ августѣ и въ году, ознаменованномъ долговременною засухою“. Во время пути онъ пользовался случаемъ вести духовную бесѣду съ тѣми, которыхъ встрѣчалъ и которые желали воспользоваться его бесѣдой. Съ однимъ ямщикомъ евреемъ онъ велъ бесѣду о вѣрѣ, разясняя ему вѣтхозавѣтныя пророчества о Мессіи; сначала еврей возражалъ ему, но потомъ замолчалъ и внимательно выслушавъ его, сказалъ, что онъ желалъ и желаетъ стать христіаниномъ, о чемъ уже и послалъ прошеніе въ Томскъ, прося о наставленіи въ вѣрѣ и крещеніи; но предполагаетъ, что прошеніе, оставаясь безъ отвѣта, не дошло по назначенію. О. Макарій взялся помочь ему и написать объ этомъ преосв. Евгенію, за что обрадовавшійся еврей выразилъ ему свою благодарность. Въ одномъ селеніи, въ деревнѣ Тупомовой, гдѣ миссія пришлось остановиться для ночлега,

о. Макарій узналъ отъ старой вдовы, хозяйки дома, что она очень скорбитъ объ утратѣ умершаго сына, а еще больше о томъ, что онъ умеръ безъ напутствія Св. Тайнамъ. Высказывая ей слова утѣшенія, о. Макарій узналъ, что она и сама и дѣти ея давно уже не говѣли и не приобщались изъ опасенія, что послѣ причастія нельзя жить по прежнему. Тогда о. Макарій доказалъ ей всю важность разрѣшенія отъ грѣховъ и значеніе приобщенія тѣлу и крови Христовой: совѣтовалъ слушаться отца духовнаго, постоянно помнить Бога, наблюдать за своими поступками, словами и мыслями, и при нечаянномъ паденіи, обращаться съ сокрушеніемъ сердца къ Отцу Небесному, прося у Него прощенія ради Іисуса Христа. Долго увѣщая ее, онъ наконецъ увѣрилъ ее, что если она и ея дѣти будутъ ежегодно исполнять свой христіанскій долгъ, то и молитва ея о покойномъ сынѣ будетъ услышана. Тронутая увѣженіями о. Макарія, старуха общалась слѣдовать его совѣтамъ, а дѣти ея радовались, когда слышали, что мать и они будутъ причащаться Св. Тайнъ. Остановившаяся у священниковъ, и вступая конечно съ ними въ собесѣдованіе, о. Макарій записывалъ потомъ въ свой дневникъ замѣчательныя случаи, которые приводилось ему отъ нихъ слышать. Прибывъ 23 августа въ Барнауль, миссіонеры остановились у тамошняго соборнаго протоіея о. Созонта, которому доставили посланіе преосвященнаго, „исполненное выраженій архипастырскаго о насъ благоволенія и попеченія“, какъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ о. Макарій. О. Созонтъ снабдилъ о. Макарія всѣми нужными для миссіонерской походной церкви предметами: святымъ муромъ, ризами, другими священными вещами и богослужебными книгами, за исключеніемъ устава и цвѣтной тріоды, которые общалъ доставить послѣ. Въ Барнауль о. Макарій познакомился съ прежнимъ томскимъ губернаторомъ П. К. Фроловымъ, который заботился объ устройствѣ въ Барнауль новаго храма, показывалъ о. Макарію приготовленныя имъ для этого храма иконы и, выразивъ сочувствіе къ миссіонерскому дѣлу, общалъ пожертвовать для походной церкви миссіи священные сосуды. „Господь да воздастъ ему богатою своею милостію за сію жертву!“ По приглашенію же Фролова о. Макарій былъ и въ устроенномъ Фроловымъ въ Барнауль музеемъ, котораго рѣдкости очень заинтересовали о. Макарія. Черезъ нѣ-

сколько дней ему пришлось познакомиться и съ новымъ томскимъ губернаторомъ, который пріѣхалъ въ Барнаулъ и также общался помогать о. Макарію, пожелавъ ему при прощаніи, чтобы Господь увѣнчалъ предпринятый имъ трудъ добрымъ успѣхомъ. Утѣшенный и ободренный сочувствіями и обѣщаніями содѣйствія и помощи, о. Макарій съ своими сотрудиниками оставилъ Барнаулъ и прибылъ благополучно 28 августа въ Бійскъ (по татарски Яштура, т.-е. Новгородъ), откуда собственно и должна была начаться его трудовая, исполненная лишений, жизнь миссіонера. Татары, теленгуты и киргизы, съ которыми долженъ былъ имѣть дѣло о. Макарій, были почти сплошь язычники; около 300 душъ, не болѣе, были крещены, лѣтъ за 70 до прибытія о. Макарія, приходскими священниками. Живя по своимъ приходамъ довольно далеко отъ разбросанныхъ тамъ и сямъ новообращенныхъ, приходскіе священники конечно не могли слѣдить за ними и имѣть на нихъ постояннаго и слѣдовательно, на столько достаточнаго вліянія, чтобы имѣть возможность поддерживать между ними самыя необходимыя понятія объ истинахъ христіанской вѣры и отвращать отъ прежнихъ языческихъ обычаевъ. О. Макарію пришлось не только просвѣщать свѣтомъ Христовымъ самыхъ грубыхъ идолопоклонниковъ, но еще наставлять и утверждать въ вѣрѣ крещенныхъ и даже исправлять порою и требы за приходскихъ священниковъ.

Достигнувъ наконецъ Бійска, о. Макарій былъ вынужденъ вмѣстѣ съ своими сотрудиниками устроиться у гостепріимнаго бійскаго священника о. Петра Синкина. Прискать помѣщеніе для миссіи въ маленькомъ городишкѣ было въ то время невозможно. Устроившись кой-какъ, о. Макарій немедленно приступилъ къ дѣлу, которому и посвящалъ себя въ теченіи почти четырнадцати лѣтъ. Сначала онъ обратилъ свою просвѣтительную дѣятельность на тѣхъ инородцевъ, которые освоились настолько съ русскимъ языкомъ, что могли непосредственно понимать о. Макарія, причемъ не упускалъ случаевъ и возможности дѣйствовать черезъ переводчиковъ и на тѣхъ, которые вовсе не понимали русской рѣчи. Затѣмъ, скоро ознакомясь съ телемгутскимъ языкомъ, онъ могъ свободнѣе обращаться прямо къ инородцамъ и посѣщать ихъ въ ихъ юртахъ. Незнаніе мѣстныхъ языковъ не было единственнымъ препятствіемъ, которое необходимо было

устранить. Были и такія, которыхъ устраненіе не зависѣло отъ энергія о. Макарія. Крайне ограниченныя, можно сказать, нищенскія средства миссіи, природа Алтая, гдѣ приходилось не только пробираться по горамъ и дебрямъ верхомъ и пѣшкомъ, на лыжахъ, лодкахъ, и зачастую просто карабкаться по кругамъ и крутизнамъ, затѣмъ грубое невѣжество полудикихъ народцевъ и нашихъ ссыльныхъ раскольниковъ, и даже мѣстныя власти давали нерѣдко себя знать о. Макарію. Нельзя не подивиться, какъ хватило его силъ такъ долго и постоянно бороться съ этими разнообразными и тяжелыми препятствіями. Только при самомъ началѣ своей миссіонерской дѣятельности онъ былъ порадованъ полнымъ успѣхомъ въ обращеніи первенца, и даже содѣйствіемъ мѣстной власти. Точно само Провидѣніе, привлекая его къ этой новой дѣятельности, къ его настоящему призванію, устраняло препятствія, чтобы не ослабить его энергіи. Онъ и былъ въ дѣйствительности миссіонеръ по призванію, и такой миссіонеръ, котораго апостольская дѣятельность должна служить примѣромъ для всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ посвящать себя миссіонерскому служенію.

Не прошло и трехъ дней какъ къ о. Синкину, и по его приглашенію явились два алтайца—язычника, изъ коихъ одинъ былъ зайсанъ (что-то вродѣ наследственнаго старшины): оба они хорошо говорили по русски, что уже само по себѣ составляло большое удобство для о. Макарія въ бесѣдѣ съ ними, но на первый разъ она была неудачна. Грубыя выходки зайсана, который не давалъ говорить о. Макарію, противорѣчилъ ему, вскакивалъ, горячился, бѣгалъ по комнатѣ, тогда какъ его товарищъ слушалъ спокойно и внимательно, вывели наконецъ о. Макарія изъ терпѣнія и онъ прекратилъ бесѣду. Зато вечеромъ того же дня, въ домѣ земскаго переводчика Давыдова, у котораго о. Макарій учился татарскому языку съ цѣлію изложить хоть нѣкоторыя главныя истины христіанскія на языкѣ алтайскихъ инородцевъ, о. Макарій былъ порадованъ двумя инородцами, которыхъ онъ встрѣтилъ у Давыдова. Оба они отецъ и сынъ слушали о. Макарія съ замѣтнымъ расположеніемъ къ принятію христіанства; а дня черезъ два и тотъ грубый зайсанъ явился къ о. Макарію съ повинною и не въ томъ уже стропотномъ духѣ, въ какомъ былъ у насъ прежде, но униженно просилъ

прощенія, и столь безмолвно и кротко слушалъ слово о христіанской вѣрѣ, что говорить было „весьма пріятно“—записано въ дневникѣ о. Макарія. Скоро освоюсь съ татарскимъ языкомъ, о Макарій пожелалъ побывать въ самыхъ селеніяхъ инородцевъ, чтобы продолжая учиться ихъ языку, вмѣстѣ и проповѣдывать имъ въ ихъ стѣнахъ и кочевьяхъ, не упуская времени и случаевъ. Скоро случай и представился: о. Макарій встрѣтился съ инородцемъ-христіаниномъ Іеремією Параевымъ Шишковымъ, который жилъ въ 90 верстахъ въ селеніи Улалѣ и пріѣхалъ въ Бійскъ по дѣламъ. Отъ него о. Макарій узналъ, что въ Улалѣ въ домѣ Іереміи живетъ 17 лѣтній татаринъ Элеска, который ознакомясь чрезъ Іеремію съ вѣрой Христовой, желаетъ креститься не смотря на противодѣйствія своего отца. О. Макарій немедленно собрался и отправился въ Улалу, хотя пора была рабочая и лошадей доставать было трудно, а одинъ изъ его сотрудниковъ былъ боленъ, другаго же взять съ собою и оставить больнаго одного безъ призора было нельзя. О. Макарій окрестилъ Элеску въ рѣчкѣ Улалѣ назвавъ его Іоанномъ. Воспріемникомъ Іоанна былъ сынъ Іереміи Параева Шишкова—Карпъ. Въ Улалѣ же о. Макарій, при помощи тамошняго старшины (Демича) Егора, умѣвшаго хорошо говорить по татарски и порусски, составилъ на татарскомъ языкѣ краткое исповѣданіе вѣры христіанской.} Возвращаясь въ Бійскъ о. Макарій взялъ съ собою новокрещеннаго Іоанна, чтобъ ознакомить его еще подробнѣе съ истинами вѣры и правилами жизни христіанской и избавить отъ преслѣдованія гнѣвнаго отца. Проѣзжая селеніе Маймы вечеромъ о. Макарій нашелъ тамъ пріютъ и ночлеги—въ домѣ крещенаго инородца Андрея Чендекова. Узнавъ о его прибытіи, сбѣжался къ нему жители с. Майма съ женами и дѣтьми, большинство которыхъ состояло изъ однихъ крещеныхъ инородцевъ. „Усердіе ихъ къ слушанію Божественнаго слова“ пишетъ о. Макарій, „заставило меня провести часа два въ пріятнѣйшей съ ними бесѣдѣ, которую дѣти кончили пѣніемъ“: „Господи помилуй“ и аллилуія! Во время пути въ Бійскъ о. Макарій продолжалъ наставлять новокрещеннаго Іоанна, рассказы вая ему о жизни Іисуса Христа, о св. таинствахъ—крещеніи, мѣропомазаніи, покаяніи и причащеніи, объясняя ему христіанскія добродѣтели и дѣла противныя закону Божію; говорилъ о

послѣднемъ судѣ Христовомъ, о вѣчной жизни и блаженствѣ праведныхъ и о мученіи грѣшныхъ: заставлялъ повторять молитву къ Сыну Божію и переводить на алтайскій языкъ, повторять и запоминать краткія молитвенныя воззванія по алтайски. По пріѣздѣ въ Бійскъ, сотрудники о. Макарія Поповъ и Волковъ стали помогать ему и всѣ трое попеременно учили новокрещеннаго, который скоро выучилъ молитву Господню и краткое исповѣданіе вѣры, составленное о. Макаріемъ на алтайскомъ языкѣ въ Удалѣ. Тутъ были изложены кратко: понятіе о совершенствахъ Божіихъ, о сотвореніи міра, ангела и челоуѣка, о паденіи сатаны, о грѣхѣ первыхъ людей и о таинствѣ искупленія. Затѣмъ было ему прочитано изъ Евангелія: „о рожденіи, чудесахъ, страданіи, смерти, воскресеніи и вознесеніи Иисуса Христа и въ особенности о тайной вечери“. Мы внушали ему, сколь опасно и бѣдственно приступать недостойно къ таинству тѣла и крови Христовой, и старались утвердить въ душѣ его память о томъ, что Кровь Сына Божія Иисуса Христа очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха. О. Макарій, служившій первый разъ въ Бійскомъ соборѣ, наканунѣ Воздвиженія Честнаго Креста Господня, всенощную, а въ самый день праздника литургію, такъ описываетъ причащеніе св. тайнамъ Іоанна: „Когда онъ приступилъ къ чашѣ благословенія, я спросилъ его на здѣшнемъ татарскомъ нарѣчій: братъ Іоаннъ! скажи мнѣ вѣру твою! онъ отвѣчалъ: Поклоняюсь Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь. И далѣе: Отецъ въ Сынѣ, и Сынъ во Отцѣ, и Святыи Духъ въ Отцѣ и Сынѣ. Отецъ рождаетъ Сына и Духъ Святой отъ Отца исходитъ и сіи три одно, не три Бога, но Единъ Богъ. Потомъ я спросилъ: какъ Богъ Отецъ рождаетъ Сына и какъ Духъ Святой отъ Отца исходитъ? На сіе онъ отвѣтствовалъ: не вопрошай о семъ, Онъ одинъ знаетъ сіе. Молитвы: „Вѣрую Господи и исповѣдую, и „Вечери Твоя Тайныя“ произнесъ сперва на славянскомъ языкѣ, выговаривая за мною по одному слову и потомъ на природномъ своемъ нарѣчій произносилъ: „Сыне Божій, Иисусе Христъ! Ты истинный Богъ мой, Ты пришелъ спасти грѣшниковъ. Я первый грѣшникъ. Помилуй меня“. „Иисусе Христе, Сыне Божій! сіе есть тѣло Твое, сія есть Кровь Твоя. Тѣломъ Твоимъ напитай меня. Кровію Твоею отъ грѣха очисти меня. Тѣломъ Твоимъ и Кровію Твоею укрѣпи

меня на всѣ благія дѣла. Аминь“. Послѣ сего рабъ Божій Іоаннъ причастился Тѣла и Крови Господней во оставленіе грѣховъ въ жизнь вѣчную“. О. Макарій имѣлъ въ виду новокрещеннаго Іоанна, отличавшагося смышленностію, оставить при миссіи, выучить его читать и писать по русски и сдѣлать переводчикомъ; но онъ отказался, выразивъ желаніе вернуться въ Улалу и заняться земледѣліемъ. Выучивъ его еще читать молитвы къ Богоматери „Богородице, Дѣво радуйся“ мы ему на бумагѣ дали образъ краткаго молитвословія, дабы въ случаѣ забвенія могъ онъ по сей запискѣ найдти пособіе у кого-либо изъ людей грамотныхъ, и поручивъ его милосердію Божію, отпустили его въ Улалу“. Получивъ письмо о. Макарія, благодарившаго преосвященнаго за гостепримство и извѣщавшаго о крещеніи татарина, добрый и всѣми любимый архипастырь писалъ ему: „обращеніе вами татарина преисполнило меня живѣйшею радостію. Привѣтствую васъ отъ всей души съ симъ первенцемъ благодати Божіей, коей именемъ онъ запечатлѣнъ; и молю Господа да отверзеть и другимъ многимъ дверь своего милосердія вашимъ словомъ и молитвою. Благодарность ваша за девятимѣсячное у меня жителство справедливѣе должна обратиться отъ меня къ вамъ. Ибо раствореніе царствія Божія въ трехъ сатѣхъ освящало, а не истощало домъ мой, и вы опечалите меня, ежели отречетесь быть и именоваться моимъ семьяниномъ даже и въ отдаленія. Аще и не сый тѣломъ, но живу съ вами духомъ“. Разставшись съ новокрещенымъ, о. Макарій не переставалъ заботиться о немъ. Прежде всего онъ выпросилъ у исправника предписаніе на даровой для Іоанна переѣздъ въ Улалу, а какъ новокрещенному очевидно нельзя было вернуться въ семью кочевавшаго близъ Улалы отца, гдѣ его ждали непріятности, можетъ-быть даже и совращеніе къ прежнему нечестію, то о. Макарій чрезъ того же исправника хлопоталъ о распространеніи на Іоанна Высочайше утвержденнаго 17 іюня 1826 года, положенія Государственнаго Совѣта о новокрещенныхъ, которымъ они освобождались въ теченіи трехъ лѣтъ ото всѣхъ повинностей и податей и о припискѣ Іоанна къ христіанскому обществу и водвореніи его среди христіанскихъ семействъ. Мѣсяца черезъ два бійскій исправникъ сообщилъ о. Макарію, что изъ Томскоѣ казенной палаты послѣдовалъ запросъ о томъ — къ какому обществу же-

лаеть принадлежать новокрещенный Іоаннъ Шишковъ и прибилъ отъ себя, что у него уже готово и предписаніе, что Ивана Шишкова привезли въ Бійскъ для отобранія отъ него отвѣта. Этотъ оборотъ дѣла озадачилъ о. Макарія, успѣвашаго уже познакомиться съ характеромъ и обычаями инородцевъ. Такое требованіе начальства некрещенные инородцы приняли бы за притѣсненіе новокрещеннаго со стороны начальства, не желавшаго, по ихъ мнѣнію, перемѣны вѣры. Предполагая, что соблюденіе такой формальности будетъ пожалуй и для Ивана Шишкова оскорбительно и повредило бы ему не только въ глазахъ его бывшихъ единоцѣрцевъ, но что еще всего важнѣе отозвалось бы крайне вредно на успѣхъ Евангельской проповѣди среди инородцевъ, о. Макарій попросилъ исправника поручить это дѣло ему лично, на что исправникъ согласился. Опасеніе о. Макарія было основательно и если не въ этомъ случаѣ, то въ другихъ нашло оправданіе, какъ мы увидимъ впоследствии. „Уваживъ мое прошеніе“ пишетъ о. Макарій въ своемъ дневникѣ „Федоръ Андреевичъ (имя исправника Серебренникова) сотворилъ полезное для служенія нашего дѣла“. О. Макарій побывъ въ Улалѣ для проповѣди, отобралъ отвѣтъ отъ Іоанна, который и былъ потомъ водворенъ въ Улалѣ и причисленъ къ тамошнимъ христіанскимъ семействамъ. Этого перваго факта миссіонерской дѣятельности о. Макарія было бы совершенно достаточно для убѣжденія въ томъ, какъ всесторонне относился онъ къ своему призванію; но приведемъ еще нѣсколько выписокъ изъ его дневника, который онъ долженъ былъ вести для преосвященнаго Евгенія и въ которомъ всего рѣже встрѣчается его Я, тогда какъ извѣстно, что его старшій сотрудникъ въ ноябрѣ 1830 г. скончался, а младшій во второмъ году службы женился на дочери приказнаго чиновника и вышелъ въ гражданскую службу.

Мы должны сообщить еще предварительно вратцѣ и о подготовительной къ проповѣди дѣятельности о. Макарія. Новокрещенный татаринъ Іоаннъ хорошо понималъ и говорилъ по русски; но о. Макарію предлежало имѣть дѣло и съ незнавшими и непонимавшими русскаго языка и онъ немедленно принялся за изученіе мѣстныхъ нарѣчій: для этого онъ отлучался изъ Бійска, неумолимо совершая поѣздки верстъ за 100 и болѣе. Такъ онъ ѣздилъ въ отстоящій отъ Бійска на 120 верстъ Антоніевскій форпостъ

для изученія калмыцкаго языка, въ Сандыпскій, на правомъ берегу Бѣи, въ 100 верстахъ отъ Бѣйска, для лучшаго ознакомленія съ татарскимъ, а между тѣмъ не упускалъ всюду случая и для проповѣди. Въ Сандыпскомъ форпостѣ онъ встрѣтилъ татарина-христианина, который сообщая съ однимъ казакомъ помогъ ему перевести на мѣстное татарское нарѣчіе молитву Господню „Отче нашъ“ и десять заповѣдей, но все это было недостаточно, и о. Макарій пишетъ: „крайняя нужда въ постоянномъ толмачѣ была чувствуема со времени самыхъ первоначальныхъ опытовъ и дѣйствій миссіи нашей въ здѣшнемъ краю. Доселѣ мы какъ бы ходили по міру и побирались: накопляемое нами собраніе татарскихъ словъ и рѣченій уподоблялось сумѣ нищаго, въ которой вуски всякаго хлѣба, и мягкаго и черстваго, и пшеничнаго и ржаннаго, и свѣжаго и загнившаго, — все безъ разбора смѣшано, и все вмѣстѣ составляетъ тяжелую ношу. Бѣднякъ, который воздыхалъ прежде, смотря на пустую суму свою, теперь, когда сума его сдѣлалась полна, опять вздыхаетъ, зная, что носимое имъ бремя не можетъ освободить его отъ горькой бѣдности. Таковы были наши добычи въ знакомствѣ съ различными нарѣчійми, употребляемыми въ различныхъ племенахъ инородцевъ. Тутъ были свѣдѣнія почерпнутыя изъ разныхъ источниковъ, какіе мы встрѣчали на пути своемъ: ибо записки наши составлялись частію подъ руководствомъ бѣйскихъ мѣщанъ, изъ коихъ одни ведутъ торговлю съ алтайцами и черновыми татарами, а другіе бываютъ въ должности толмачей при земскомъ судѣ и и полиціи; частію съ словъ казаковъ и поселянъ, живущихъ въ смежности съ инородцами и имѣющихъ частое съ ними сношеніе; частію изъ собесѣдованій съ крещеными инородцами, которыхъ отцы или дѣды приняли христіанскую вѣру первые въ родѣ своемъ, и которые знаютъ не столько уже татарскій языкъ, сколько русскій;—частію изъ разговоровъ съ некрещеными татарами, мало еще знакомыми съ русскимъ языкомъ. Тутъ были слова кумандинцевъ, черновыхъ татаръ, телеутовъ, алтайцевъ; всякой всячины накопилось столь много, что не легко было привести сіи хаосное смѣшеніе въ стройный порядокъ. Что, думалъ я, изъ всего этого можетъ выйдти, кромѣ примѣчательной нелѣпности? Изъ всѣхъ нарѣчій, которыя хотя и сходны между собою, но и отличны одно отъ другаго, надлежало избрать болѣе

употребительное;—словарь его составлять обычнымъ порядкомъ, замѣчать, сколько можно, особенности свойственныя другимъ нарѣчіямъ; и такимъ образомъ, изучая одно, знакомиться мало по малу и съ прочими. Мы могли уже предлагать инородцамъ существенное ученіе Христовой вѣры и приглашать ихъ въ церковь Христову нарѣчіемъ черновыхъ татаръ и алтайцевъ, но въ переложеніи священнаго писанія на то или другое нарѣчіе неспособны были сдѣлать безъ толмача даже и шагу. Между тѣмъ по мѣрѣ умноженія новокрещенныхъ, изъ которыхъ многіе вовсе не говорятъ по русски, со дня на день открывалось болѣе случаевъ, въ коихъ потребность постояннаго толмача давала себя чувствовать очевиднѣйшимъ образомъ "... О. Макарій нашелъ наконецъ столь желаннаго толмача въ новокрещенномъ Теодорѣ и считалъ это для себя „знаменіемъ особеннаго благоволенія и милосерднаго попеченія Божія о дѣлѣ нашего служенія“. Съ этимъ Теодоромъ онъ приступилъ къ переложенію св. евангелія отъ Матѳея на татарское нарѣчіе черновыхъ инородцевъ. Немало затрудненій доставляли о. Макарію и давнокрещенные: „при наставленіи новокрещенныхъ“, говоритъ онъ, „какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, надлежало немало бороться съ предрасудками давнокрещенныхъ христіанъ, которые пріемля участіе въ свойственныхъ въ службѣ нашей занятіяхъ, безъ предварительнаго съ нами совѣщанія, иногда въ самомъ дѣлѣ помогаютъ намъ, а иногда умножаютъ наши затрудненія. Ибо если новокрещенный не говоритъ по русски, то мы учимъ его совершать молитвословія на природномъ его нарѣчіи; а незваные сотрудники наши, и даже тѣ изъ нихъ, которые, будучи природными татарами, сами говорятъ по татарски, внушаютъ ему, что онъ, оставивъ татарскую вѣру и принявъ русскую (не говорятъ христіанскую, но или русскую или крещеную) непременно долженъ молиться русскимъ языкомъ хотя и вовсе непонимаетъ его. Они поспѣшаютъ пріучить его къ странному произношенію молитвы, называемой Исусовою, которую сами произносятъ неправильно; а разумѣютъ ли, и стараются ли разумѣть, о томъ и неспрашиваютъ. Такимъ образомъ вниманіе новокрещеннаго возмущается: онъ не знаетъ, чего держаться, и кого слушать и когда въ памяти его татарскія слова смѣшаются съ русскими, то случается, что онъ, начавъ молитвословіе

на татарскомъ языкѣ, потомъ сбивается на русскій, и ни какъ не можетъ выйти изъ сей запутанности“. Все это усугубляло его трудъ, можетъ-быть порой и волновало его, но неустанной дѣятельности его не могло служить препятствіемъ. Онъ никому не отказывалъ въ своемъ пособіи, въ своемъ содѣйствіи. Въ редутѣ Семеновскомъ онъ написалъ прошеніе преосвященному Евгенію, отъ имени одного отставнаго казака римско-католическаго исповѣданія, пожелавшаго присоединиться къ Восточной православной церкви. По просьбѣ обращающихъ къ нему татаръ-христіанъ, крестилъ новорожденныхъ младенцевъ, причащаль св. таинъ, напутствовалъ умирающихъ, служилъ вечерню, утренню и часы гдѣ имѣлись часовни; въ селеніяхъ, гдѣ случалось проѣзжать, проповѣдывалъ, если представлялась малѣйшая возможность; если же замѣчалъ нежеланіе, то не настаивалъ, оставляя до другаго болѣе благопріятнаго времени и настроенія слушателей. Такъ одна старуха татарка, сопротивляясь сама, не препятствовала своимъ двумъ внукамъ вступить въ церковь Христову, но затѣмъ сама пришла вмѣстѣ съ внуками и объявила рѣшительную волю принять св. крещеніе. Случилось это 6-го декабря въ день Святителя Николая, послѣ того, какъ о. Макарій служилъ часы въ своей квартирѣ и потомъ по желанію мѣстныхъ жителей святилъ воду. „Велика милость Божія! въ удивленіи говоримъ мы сами себѣ“. Такъ записалъ о. Макарій. „Воистинну, сіе есть дѣло молитвъ Угодника Божія и Чудотворца Николая! И тогда же всѣ они трое крестились во имя Святыя единосущныя и нераздѣльныя Троицы. Послѣ обѣда, освятивъ воду, мы окропили все имущество, находившееся въ смиренной ихъ хижинѣ; и тутъ же узнали, что старица Т—ка и внуки ея прошедшую ночь провели безъ сна, что хотя у нихъ и было при готовлено конье мясо для ужина, однако никто не рѣшился вкушать его; и что они пребывали въ глубокой думѣ, пока всѣ трое маніемъ Божиимъ не соединились въ единодушномъ и искреннемъ желаніи быть христіанами. Старица Т—ка наречена въ св. крещеніи Анною, старшій внукъ ея Саввою, а младшій — Николаемъ. Послѣ сего раба Божія Анна всѣ свои такъ-называемыя куколки, которымъ по прежнему суевѣрію приписывала важную значительность, собрала и безъ всякаго смущенія отдала мнѣ для сожженія“. Затѣмъ онъ и послѣ посѣщалъ новокрещенныхъ. „Я старался утвердить ихъ въ

тѣхъ мыслихъ, какія первоначально были имъ внушаемы. Они молились вмѣстѣ со мною; и когда я просилъ старицу Анну молиться по временамъ сими словами Спасителя: Отче нашъ, да будетъ воля Твоя! то узналъ, что она прежде молилась такъ: „Боже мой! куда Ты скрылся? Посмотри на меня“. Кто бы могъ не одобрить и сего молитвословія? „О. Макарій снабжалъ грамотныхъ священнои исторіей, катихизисомъ и письменными краткими молитвословіями для того, чтобы читать собиравшимся по вечерамъ жителямъ и дѣтямъ ихъ и совершать вмѣстѣ съ ними молитвословіе. При всемъ рвеніи о. Макарій былъ и остороженъ. Такъ явившагося къ нему двадцатилѣтняго татарина съ изъясненіемъ желанія принять св. крещеніе онъ довелъ распросами до того, что татаринъ признался въ томъ, что былъ пойманъ въ воровствѣ и состоитъ подъ судомъ. Тогда о. Макарій, не смотря на увѣренія татарина, что онъ желаетъ принять св. крещеніе не для того, чтобы избавиться отъ наказанія, что онъ и прежде совершенія преступленія желалъ креститься, рѣшилъ удержать его до времени подъ сомнѣніемъ, но преподалъ ему наставленіе, училъ призывать имя Господа Иисуса Христа и творить знаменіе креста. Обратясь за разъясненіями къ исправнику, къ сторожамъ, подъ надзоромъ которыхъ татаринъ содержался, и къ другимъ лицамъ о. Макарій узналъ, что хотя татаринъ и не совсею искренностію рассказалъ о своемъ ночномъ дѣлѣ, но что онъ и прежде проступка своего дѣйствительно выражалъ желаніе сдѣлаться христіаниномъ, поводомъ къ чему послужили найденные имъ въ полѣ крестъ и нѣкоторыя иконы, что и навело его на мысль, по толкованію русскихъ земледѣльцевъ, что обрѣтеніе этихъ св. предметовъ было знаменіемъ воли Господней. Приставники же утверждали, что онъ послѣ наставленій о. Макарія сталъ прилежно Богу молиться. Тогда о. Макарій, съ разрѣшенія исправника, перевелъ татарина въ свою квартиру, гдѣ и стали его готовить къ св. крещенію. Татаринъ оказался ксати отлично говорившимъ по русски, что дало возможность миссіонерамъ еще больше ознакомиться съ мѣстнымъ татарскимъ навѣчіемъ, и „написать на семъ языкѣ такое изложеніе христіанской вѣры, которое было бы полнѣе краткаго символа, и въ которомъ можно было бы видѣть и основаніе и послѣдованіе единой истинной вѣры, по крайней мѣрѣ въ глав-

ныхъ чертахъ, для убѣжденія необходимыхъ“. Затѣмъ послѣ наставленій и испытаній, татаринъ былъ введенъ предъ литургіею въ чинъ оглашенныхъ и названъ Василиемъ. При окончаніи литургіи оглашенныхъ, онъ припадалъ къ стопамъ вѣрныхъ, прося каждаго помолиться о немъ грѣшномъ и нищимъ подавалъ лепту, а тѣ сами „съ молитвою преклонили колѣна за припадавшаго къ ихъ колѣнамъ“ молясь о немъ. „Февраля 1-го оглашенный Василій благодатію всемилостиваго Бога удостоенъ нынѣ св. крещенія и причастился Тѣла и Крови Христовой: онъ исповѣдывался предъ литургіею съ благонадежною искренностію. Новокрещенный сказывалъ, что отецъ его, старикъ лѣтъ 80, остающийся еще во тьмѣ суевѣрія, обѣщался за нимъ послѣдовать въ принятіи христіанской вѣры. Онъ говорилъ также, что станеть приглашать другихъ татаръ въ нашу церковь; а мы учили его внушать всѣмъ, что кто вѣруетъ во Иисуса Христа, Сына Божія, того душу Богъ развязываетъ и очищаетъ отъ всѣхъ грѣховъ, и принимаетъ въ любовь свою и въ царство небесное; а кто не вѣруетъ въ Сына Божія, Иисуса Христа, тотъ остается подъ гнѣвомъ и проклятіемъ Божиимъ по грѣхамъ своимъ и осужденъ будетъ по смерти вмѣстѣ съ діаволомъ, на вѣчную муку въ огнѣ, который никогда не угасаетъ“. Василій оставался потомъ недѣли двѣ при миссіи, ходилъ каждый день въ церковь на литургію, слушалъ чтеніе евангелія, или простое какое-нибудь наставленіе къ душевнымъ нуждамъ своимъ ближайшее, или трудился въ переводѣ изложенія вѣры на татарскій языкъ. Приведемъ еще одинъ примѣръ осторожности о. Макарія, примѣръ, свидѣтельствующій о томъ, что онъ не гнался за количествомъ обращенныхъ, а за ихъ нравственными качествами. Такъ одинъ 20 лѣтній татаринъ, хилый, видѣвшій только однимъ глазомъ, праздношатавшійся какъ бродяга, изъявилъ желаніе креститься. О. Макарій долго не соглашался приступить къ совершенію таинства надъ нимъ, сначала потому, что татаринъ, по легкомыслію своему и непостоянству, не могъ найдти воспріемника; а потомъ даже и тогда, когда его воспріемницей быть пожелала тетка татарина новокрещенная старица Анна, предлагавшая замѣнить ему родную мать и принять къ себѣ, считалъ сначала нужнымъ подвергнуть его испытанію и пріучить его къ труду. „Изъ всѣхъ новокрещенныхъ“, замѣчаетъ о. Макарій, „первый онъ

проходилъ столь долгое испытаніе, но безъ ропота, въ смиренномъ терпѣніи и ожиданіи. Ибо какъ всѣ называли его малоумнымъ и оуждали, то, вѣроятно, и самъ онъ привыкъ думать о себѣ подобнымъ образомъ, и потому ожидалъ св. крещенія, какъ милостыни, которой не почиталъ себя достойнымъ и не смѣлъ требовать. Да сбудется и на немъ оное слово ап. Павла: буіе Божіе премудрѣе человѣкъ есть: и немощное Божіе крѣпчеае человѣкъ есть. И еще: буія міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая: и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и не сушая, да сушая упразднитъ: яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ (1 Кор. 1, 25—29). Обучая Захарію (такъ назвалъ онъ татарина) познанію евангельскихъ истинъ, я не замѣтилъ въ немъ малоумія; но видѣлъ, что у него есть сердце способное любить Бога, и познавать, что Богъ есть всесовершенная любовь. Ни старица Анна, ни внуки ея, ни сосѣди ихъ не говорили уже, что онъ лѣнивъ, легкомысленъ, непостояненъ; онъ помогалъ жившимъ съ нимъ сколько могъ; и нашедши постоянный для себя пріютъ, сдѣлался безпечаленъ, спокоенъ и не показывалъ болѣе охоты бродить безъ цѣли. А какъ жилъ во время испытанія, такъ ведетъ себя и по крещеніи. Да сохранить его Матерь Божія подъ благодатнымъ покровомъ своимъ⁴. Проживъ до половины зимы въ Бійскѣ, о. Макарій отправился, въ февралѣ 1831 года, въ сопровожденіи своего сотрудника Волкова въ Сайдыпскій форпостъ. Тутъ была часовня, въ которую и помѣстилъ походную церковь. Встрѣченный, какъ гость давно желанный и долго жданный, о. Макарій рѣшился, по просьбѣ жителей форпоста Сайдыпскаго и редута Сайлапскаго, провести тутъ весь великій постъ и отпраздновать пасху, служилъ для нихъ во время св. четырехдесятницы, исповѣдалъ ихъ и причастилъ Св. Таинъ Христовыхъ; здѣсь же исповѣдывался и причастился извѣстный уже намъ—новокрещенный Іоаннъ, и сюда же приходила навѣстить о. Макарія новокрещенная старица Анна со старшимъ внукомъ своимъ, „молилась Богу въ походной церкви нашей, и въ первый разъ по крещеніи видѣла церковь“. По вечерамъ сходились къ о. Макарію на бесѣды нѣкоторые изъ крещеныхъ, „равно какъ и казаки сего форпоста по вечерамъ утѣшали насъ добротнымъ вниманіемъ предлагаемому имъ полезному чтенію“.

„Теперь случилось мнѣ на самомъ дѣлѣ испытать какихъ внутреннихъ и внѣшнихъ трудовъ исполнена должность приходскихъ священниковъ, какой требуетъ силы духа, какого навыка въ умномъ трезвѣннн, постоянства въ терпѣннн, зрѣлости въ разсужденнн, какой крѣпости силъ тѣлесныхъ и близости къ сердцу Іисуса Христа. Потому сколь неумѣрены и несправедливы многіе въ своихъ слишкомъ взыскательныхъ сужденняхъ о немощахъ служителей церкви“. На масляницѣ Сайдыпскія казачки надѣдали ему мірскими пѣснями. Онъ далъ имъ VI пѣснь лепты (покаянную)¹²⁾: „сестры Богъ спасти насъ можетъ“. Здѣсь онъ былъ счастливѣе чѣмъ въ Екатеринославѣ. Тамъ онъ вызвалъ насмѣшки и даже преслѣдованія со стороны ректора семинаріи за свой благой совѣтъ семинаристамъ пѣть вмѣсто мірскихъ пѣсень духовныя; здѣсь же простыя неученыя казачки его послушались. „Но сколько для христіанъ Сандыпскихъ прнятно было пребываніе наше съ церковью въ ихъ селенн, столько жъ и для насъ въ странствованн утѣшительна была возможность упражняться въ церковномъ Богослуженн и совершать Божественную литургію въ великнй постъ и въ недѣлю Святыхъ пасхи. Да будетъ приснопамятнымъ сіе благодѣаніе, которое архипастырь оказалъ здѣшней миссіи! Мы праздновали пасху въ Сайдыпѣ съ радостію, хотя и не безъ горькаго зелія—искушеннй. Бдѣнн на первый день было украшено и у насъ торжественнымъ освѣщеннмъ, хотя составляли оное, кромѣ свѣчей церкви, весьма немногія плошки. Зато вечернее освѣщеніе, въ нѣкоторые дни пасхальной недѣли, великолѣпнмъ своимъ едвали не превосходило всѣ знаменитыя иллюминаціи: у насъ пылали горы: ибо въ то время выжигали негодную траву, оставшуюся на горахъ отъ прошедшаго года. Самымъ же лучшимъ украшеннмъ нашей пасхи было благодушное послушанн Сайдыпскихъ женщинъ; онѣ какъ чрезъ весь постъ, такъ и въ сію седмицу воздерживались отъ мірскихъ пѣсней и за то получили позволенн пѣть въ самой церкви пасхальныя лѣсени, которыми увеселялись и по домамъ. Нѣкоторыя же изъ возрастныхъ дѣвицъ Сайдыпскихъ усердно

¹²⁾ *Лепта* была впоследствии издана въ пользу церковной алтайской миссіи безъ означенн имени автора о. Макарія, также какъ и все напечатанное имъ при жизни.

возжелали учиться грамотѣ, дабы самимъ читать Божественныя книги; и на сей конецъ получили отъ меня азбуки въ церкви при всемъ народѣ. Въ продолженіи всей пасхальной седмицы онѣ проводили за сими книжицами, по добровольной охотѣ своей, у одной, пожилыхъ лѣтъ вдовы—грамотеи, въ то время, которое суетность отдаеть для однихъ игръ и забавъ. А когда напала на нихъ скука, принимались пѣть: Христось воскресе!, и какъ онѣ, такъ и прочія увѣряли меня, что никогда столь мирно и весело не праздновали Свѣтлаго воскресенія Христова, какъ нынѣ“. Жители Сайдыпскаго форпоста просили о. Макарія избрать ихъ селеніе постояннымъ своимъ мѣстопробываемъ; но онѣ видя, что татары въ этомъ краю не показываютъ такой склонности къ христіанству, какъ татары, кочующіе за Бією и что Улада какъ мѣсто болѣе центральное представляетъ больше удобствъ и для пристрастия за новокрещенными и для дѣйствія во всей области черновыхъ татаръ и виды на самыхъ калмыковъ, избралъ Уладу станомъ для миссіи и въ маѣ 1831 года, переехалъ туда и помѣстился въ купленной по его порученію и перевезенной еще по зимнему пути избѣ. Не успѣвъ склонить о. Макарія избрать Сайдыпъ миссіонерскимъ станомъ, сайдыпскіе жители провожали походную церковь миссіи съ пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ; за то и о. Макарій пишетъ о нихъ: „будьте благословенны Богомъ, сайдыпскіе братія! усердіе ваше оставило въ душѣ моей утѣшительное воспоминаніе. Вы поведеніемъ своимъ утвердили меня въ той мысли, что дисциплина воинская, выправляя тѣла, болѣе или менѣе исправляетъ и души, и располагаетъ ихъ къ евангельскому послушанію“. Скоро однако о. Макарію пришлось покинуть Уладу. Узнавъ, что удалинцы опасаясь быть крещеными, собрались откочевать въ Кузнецкій округъ, куда миссіонеры не ѣздили, о. Макарій, чтобы устранить ихъ неосновательныя опасенія и самую перекочевку, предпочелъ лучше перебраться въ селеніе Майму, въ 8 верстахъ отъ Удалы и уже изъ Маймы дѣйствовать на теленгутовъ и черновыхъ татаръ. Не мало было хлопотъ о. Макарію и съ новокрещенными. „Семейству новокрещеннаго Григорія, въ которомъ“, пишетъ онѣ, „и мужъ и жена не знаютъ первыхъ потребностей добраго хозяйства грозятъ не малыя огорченія, въ особенности со стороны свойствен-

ной здѣшнимъ почти дикимъ людямъ привычки терпѣть все кромѣ полезнаго труда и понужденія къ оному. Это представляется имъ жестокимъ оскорбленіемъ вожденной для нихъ свободы, хотя такая для ихъ свобода есть плачевное рабство подъ-игомъ своеволія, наказуемаго разнообразною нищетою и бѣдностію: кто изъ числа ихъ, соединившись съ христіанскою церковію еще въ отроческія лѣта, находитъ потомъ пріютъ въ домѣ трудолюбиваго земледѣльца, тотъ будучи побуждаемъ иногда угрозою, а чаще ласкою и похвалою, легко измѣняется въ нравахъ и оставляя праздность, мало-по-малу знакомится съ полезными въ домоводствѣ искусствами. Такимъ образомъ составились въ здѣшнемъ краѣ цвѣтушія довольствомъ селенія изъ крещеныхъ татаръ, которые въ свою чреду новообращенныхъ братій своихъ приучаютъ къ тому же, чему сами въ молодыхъ лѣтахъ не безъ скорби учились. Но кто женатъ, нажилъ дѣтей и прожилъ уже половину вѣка своего до крещенія, какъ нашъ Григорій, тому трудно бороться съ навыками глубоко-вкоренившимися, и еще труднѣе приучить къ порядку хозяйства жену и дѣтей. Но невозможная у человѣкъ возможна суть у Бога (Лук. 18, 27); въ семъ токмо словѣ Божественной истины находитъ утѣшеніе мысль, устрашаемая разными видами возможностей горестныхъ! Новокрещенный Григорій и жена его съ груднымъ на рукахъ ребенкомъ, когда снѣгъ уже таялъ, а Майма поверхъ льда бѣжала, пѣшествовали изъ деревни Верхняго-Карагужа до стана миссіи и обратно. Приходили къ намъ съ жалобою на воспріемника и, дабы неудовольствіямъ своимъ дать сколько можно болѣе видъ справедливости, избрали время столь неудобное для себя и даже не безопасное для младенца. Хотѣли избавиться отъ послушанія воспріемнику своему, трудолюбивому и честному земледѣльцу, и ускользнуть въ другое мѣсто, гдѣ бы могли, какъ имъ угодно лѣниться, но не имѣли успѣха въ сей хитрости и возвратились въ домъ попечителя, съ обѣщаніемъ отъ меня — побывать у нихъ послѣ праздника, сообразить жалобу ихъ съ тѣмъ, что Арыковъ скажетъ, и усадить ихъ по возможности такъ, чтобы имъ ловко было сидѣть "... Въ одинъ праздничный день іюля было въ станѣ миссіи значительное, по сравненію съ другими временами, собраніе новокрещенныхъ. „Совершивъ литургію и подкрѣпившись обѣдомъ, я уда-

лился съ ними на малое разстояніе отъ селенія, и усѣвшись подь горою на берегу рѣки Маймы, разглагольствоваль съ братьями, при пособіи толмача; выслушавъ ихъ жалобы на бѣдность и недостатки въ необходимомъ, стараясь разрѣшить ихъ затрудненія въ расчетахъ съ воспріемниками, я предлагаль тому и другому приличные совѣты и нужныя наставленія. Та бесѣда заключена была утѣшеніемъ сихъ скорбящихъ и ободреніемъ ихъ надеждою на благодѣяніе Провидѣнія, на многомилостивое попеченіе Отца Небеснаго, который знаетъ въ чемъ имѣеть нужду каждый, и когда наступитъ благопотребное время, несомнѣнно поможетъ намъ и пошлетъ довольство, а до того времени обучаетъ насъ трудолюбію и терпѣнію, врачуетъ горестями духовныя раны въ душѣ и часто растворяетъ скорби наши разнообразными утѣшеніями, которыя впрочемъ по слѣпотѣ своей мы рѣдко примѣчаемъ. Когда же солнце стало склоняться къ западу и мы возвращались въ станъ миссіи, смотрю: ко мнѣ несуть письмо; распечатываю его, узнаю благотворную руку, и получаю въ немъ свидѣтельство Промысла въ подтвержденіе сказаннаго мною братьямъ нашимъ о Господѣ и въ укрѣпленіе ихъ немощи силою *упованія*. Изъ Петербурга пришла въ пользу ихъ щедрая милостыня: почему радость моя востекла до степени восхищенія. Было тогда время вечерняго молитвословія, и новокрещенные собравшись въ церковь, вкупѣ съ нами воздали Господу Богу благодареніе и вмѣстѣ съ симъ произнесли мольбу за милующихъ и служащихъ имъ ради Христа въ сихъ словахъ: *эй кутай пистингъ Исусъ Христосъ. Онго кыпсиларга, капси пискэ яхши эдинядыларъ сонингъ алкымъ берзинъ! т.-е. Господи Исусе Христе! всѣмъ человѣкамъ, которые благотворятъ намъ, даруй Твое благословеніе!* А вотъ и заботы о Макаріи о дѣтяхъ. „Семейство новокрещеннаго Афанасія получило избушку. Въ состояніи младенцевъ Θεодосія и Анисіи произошелъ поворотъ на лучшее. Анисія была какъ скелетъ живой, когда мать привезла ее съ сестрою въ наше селеніе; но она ни мало не поправлялась и въ попеченіи Даріи, на рукахъ девяностилѣтней старицы Вѣры; когда я въ концѣ іюля собрался въ Бійскъ, и все было готово къ отъѣзду, приходитъ Афанасій и жалуется, что корова столько молока не дастъ сколько нужно и для Анисіи, между тѣмъ какъ ему и своихъ дѣтей кормить нечѣмъ. Тотчасъ

младенцы взяты у него, и колыбель съ Анисіей повѣшена на волю Божию въ келіи старца Петра, и такимъ образомъ какъ бы оставлена на перекресткѣ, для возбужденія состраданія въ проходящихъ. Къ колыбели приставлена Феодосія помогать старцу въ попеченіи о сестрѣ, но сіе искушеніе, которое Петръ спокойно и терпѣливо принялъ и выдержалъ, продолжалось долго; и жена воспріемника новокрещенной Елены, которая прежде никакъ не соглашалась принять обѣихъ дѣвочекъ, была тронута какъ безпріютностью младенца такъ и сѣдинами старца. Возвратившись изъ Бійска я нашель дѣтей на рукахъ Анны, старецъ купилъ ей безъ меня богатую молокомъ корову, а скупая осталась у Афанасія. Теперь младенецъ совсѣмъ другой сталъ, здоровъ и полонъ; а Анна печется о сихъ дѣтяхъ съ усердіемъ и горячностью родной матери. Мы назначили ей годичную денежную награду изъ казны миссіи, откуда ей одѣяніе для дѣтей получать предположено“.

О. Макарій никогда не упускалъ случая вступать въ бесѣды съ инородцами, когда они собирались гдѣ-либо для раскладки или сдачи повинностей или ради другихъ причинъ; для крещенія же младенцевъ новорожденныхъ у новокрещенныхъ онъ всегда былъ готовъ отправиться верстъ хотя бы за 70 и даже верхомъ въ весеннюю распутицу. „Въ послѣдніе дни великой седмицы страданій Христовыхъ, я чувствовалъ изнеможеніе въ силахъ, но пасха снова подкрѣпила меня и приготовила на путешествіе на Чапшу, вмѣстѣ съ новокрещенною Еленою и ея воспріемникомъ. Ей надлежало взять у девера дочь свою еще младенческихъ лѣтъ, но она можетъ-быть въ семь дѣдѣ и не имѣла бы успѣха, а мнѣ одному съ нею, еще молодою женщиною, неприлично было находиться въ дорогѣ. Въ семь случаевъ попечитель ея оказалъ мнѣ обязательное великодушіе и терпѣливое снисхожденіе. Ибо я въ продолженіи пути ѣхалъ верхомъ на конѣ, а онъ съ Еленою не менѣе 70 верстъ шель просто, и ни однажды не возропталъ, хотя по мѣстамъ надлежало идти грязною топью и переходить рѣчки босыми ногами. Но однакожь прискорбіе было отъ меня недалеко. Елена изъявила прежде сего намѣреніе оставить у девера дочь свою навсегда некрещенною, питая надежду, что за это получить отъ него нѣкое вспомошествованіе для своей бѣдности. Воспріемникъ ея, если не вовсе склонялся мыслями къ

такому намѣренію Елены; то, по крайней мѣрѣ, нерѣшительно противорѣчилъ ей. Впрочемъ оба уступили моему убѣжденію, что христіанка должна ввести въ Христову церковь малолѣтнюю дочь свою, а не оставлять ее въ рукахъ невѣрнаго на жертву діаволу; но уступивъ, они не довольно кажется почувствовали нечистоту перваго своего мудрованія. Мы благополучно взяли дѣвочку изъ нехристіанскаго дома, и въ деревнѣ Бардѣ расположились крестить ее. Чтожъ случилось? Когда зажгли предъ иконами свѣчи, дѣвочка дотогѣ покойная удивительнымъ образомъ стала упрямыться; она садилась, ложилась на полъ въ то время какъ хотѣли поставить ее предъ иконами, отвращала отъ нихъ лицо свое, сжимала персты и не давала сложить ихъ для крестнаго знаменія. Хотя всѣ, находившіеся при семь событіи, увѣряли меня, что такое упрямство дѣвочки, неумѣющей ни о чемъ разсуждать, и едва начинающей произносить слова, никакого не заслуживаетъ вниманія; однако внутреннее чувство говорило мнѣ противное. Если это дитя, думалъ я, и не имѣетъ еще полнаго смысла, то отъ чего тревожится и не такъ спокойно смотритъ на горящія свѣчи, какъ спокойно смотрѣло прежде на огонь въ татарской юртѣ, и какъ непринужденно принимало изъ рукъ моихъ пищу? Я погасилъ свѣчи возженные предъ иконами, и убравъ все принадлежащее къ дѣйствию крещенія, началъ обличать въ матери и воспріемникѣ ея холодное и черствое расположеніе къ дѣвочкѣ, по которому они готовы были оставить ее внѣ церкви Христовой; говорилъ также, что этотъ грѣхъ видимо наказуется теперь отвращеніемъ ея отъ святыни; и чрезъ-то возбудилъ обоихъ принести усердную молитву объ отпущеніи сего грѣха и оставленіи наказанія. Когда такимъ образомъ хладное возгорѣлось и черствое смягчилось въ душахъ ихъ, то и дѣло получило совсѣмъ иной ходъ. Дѣвочка наша совершенно успокоилась, сдѣлалась кроткою и покорною рѣшительному теперь желанію матери; не отвращивалась ни отъ святыхъ иконъ, ни отъ меня, съ веселіемъ приступила къ крещенію, въ которомъ наречена Евдокією, и сама даже подавала мнѣ руки при совершеніи таинства муропомазанія. Не ясно ли, въ какомъ тѣсномъ союзѣ и общеніи находятся души дѣтей съ душами своихъ родителей? О, еслибы чаще размышляли о семь родители! О. Макарій не отказывался крестить и русскихъ младенцевъ. „Въ

ночи на воскресенье сыропустной недѣли, пріѣхалъ ко мнѣ изъ Верхней Каменки, нарочно посланный съ письмомъ отъ г. Мейера, (управитель заводскихъ селеній) который усиленно просилъ меня немедленно къ нему пріѣхать и крестить новорожденную дочь его, извѣщая при томъ, что младенецъ весьма слабъ. Когда, подумалъ я, откажу ему и скажу, чтобъ онъ въ сей христіанской нуждѣ отнесся къ приходскимъ священникамъ, между тѣмъ, дитя умретъ; тогда какъ оправдаюсь предъ совѣстію, если не буду въ отвѣтственности предъ начальствомъ! сверхъ того можетъ-быть онъ и посылалъ просить священниковъ приходской церкви, но не нашелъ ихъ въ селѣ Смоленскомъ. Такимъ образомъ я рѣшился исполнить требованіе г. Мейера, къ вечеру того же дня крестилъ младенца его, а въ немъ самомъ пріобрѣлъ благодотворителя для своихъ новокрещенныхъ чадъ¹³⁾. О. Макарій не дожидаясь приглашеній для напутствія больныхъ новокрещенныхъ инородцевъ св. таинствами покаянія и причащенія, какъ въ станѣ миссіи, такъ и внѣ стана, а являлся самъ лишь только узнавалъ о ихъ душевномъ и тѣлесномъ состояніи. Не отказывался пріобщать и русскихъ, когда къ нему обращались. О. Макарій дорожилъ временемъ. Зайди разъ въ татарскую юрту для проповѣди, онъ нашелъ тамъ только татарку, которая была занята стряпней да еще ребенкомъ, плакавшимъ въ колыбели. О. Макарій началъ свою проповѣдь, а татарка стала слушать, но расплакавшійся ребенокъ мѣшалъ и говорить и слушать. О. Макарій, замѣтивъ желаніе татарки слушать слово Божіе, подсѣлъ къ колыбелькѣ и закачивая ребенка, продолжалъ учить мать. Хорошо знавшій о. Макарія преосв. Парѣеній привелъ случай этотъ какъ примѣръ, какъ образецъ пастырской дѣятельности, одному молодому священнику, когда, обозрѣвая свою епархію, преосв. Парѣеній замѣтилъ, что священникъ этотъ не радитъ о своемъ приходѣ, не имѣетъ усердія къ своему пастырскому служенію, ни любви къ своей паствѣ¹³⁾. Таково было обращеніе о. Макарія съ недавно появившимся на свѣтъ Божій человѣкомъ, а вотъ обращеніе и къ отшедшему. Навѣщая крещенныхъ имъ татаръ въ Кузнецкомъ округѣ, Томской губерніи, о. Макарій

¹³⁾ «Странникъ» 1862 г. апрѣль.

зашелъ въ юрту къ ясачному и увидя, что онъ сильно боленъ, исповѣдалъ и приобщилъ Св. Таинъ; послѣ сего ясачный при немъ и умеръ. Зная, что христіанскаго кладбища тамъ нѣтъ, о. Макарій, не долго думая, положилъ покойнаго въ свою повозку, и привезъ его за 60 верстъ оттуда къ селу Легостаеву, гдѣ и обратился съ просьбой къ священнику дать въ своемъ саду мѣсто покойнику. Священникъ подумалъ: пожалуй, онъ эдакъ всѣхъ мертвецовъ ясачныхъ станетъ возить ко мнѣ въ садъ и класть. О. Макарій, провидя мысль его, сказалъ: „вотъ дьяволъ, сидя на плечѣ, запрещаетъ и внушаетъ, что я всѣхъ мертвецовъ стану возить къ нему въ садъ класть. Нѣтъ, отецъ, недостойнъ ты сего мертвеца принять въ свой садъ“! Положивъ покойника снова въ свою повозку, о. Макарій отвезъ его на деревенское кладбище, верстъ за 6 отъ села, самъ выкопалъ могилу и похоронилъ его. Деревенскіе жители рассказываютъ и теперь, что надъ могилой ясачнаго видѣли горящія свѣчи, почему и ходятъ на могилу эту и служатъ панихиды по ясачномъ ¹⁴⁾. Выше мы сказали, что о. Макарій, не желая тревожить жителей Улалы, не торопился устройствомъ тамъ стана для миссіи, а самъ переехалъ до времени въ селеніе Майму, отстоящую въ 8 верстахъ отъ Улалы, и сталъ распространять свою просвѣтительную дѣятельность изъ Маймы, терпѣливо перенося крайнія неудобства. Жилъ онъ въ Маймѣ у крещеннаго инородца Чендекова на квартирѣ, за которую, сверхъ платы, обучалъ грамотѣ дѣтей его. Вспоминая съ особенной любовью объ о. Макаріѣ, одинъ изъ здѣшнихъ учениковъ его инородецъ И. И. Суртаевъ рассказывалъ М. Путинцеву, какъ о. Макарій любилъ дѣтей. „Бывало придетъ къ Суртаевымъ и сейчасъ же заведетъ бесѣду съ ребятами: рассказываетъ имъ изъ Св. Исторіи, учитъ ихъ краткими молитвамъ, поетъ съ ними „Господи помилуй“ и „аллилуія“ и болѣе понятливымъ и усерднымъ любилъ давать по кусочку сахара. Позанявшись и погѣвши съ юнымъ поколѣніемъ, о. Макарій иногда примется шутить и играть: бѣгаетъ съ дѣтьми по зеленой полянкѣ взапуски, — при этомъ показываетъ видъ, что старается перегнуть какого-нибудь пятилѣтняго пузана, но

¹⁴⁾ «Страникъ» 1862 г. февраль.

не можетъ,—и при общемъ смѣхѣ дѣтей, уступаетъ маленькому бѣгуну... Тутъ опять раздача сахара побѣдителямъ,—и сколько веселья, радости для ребятишекъ! Веселье бываетъ въ эти минуты и самъ о. Макарій, его чистая душа радовалась, глядя на невинное веселье тѣхъ, о которыхъ Христосъ сказалъ: ихъ есть царство небесное. Да любилъ о. Макарій дѣтей и они любили его“.

„Страдалъ о. Макарій стѣсненіемъ въ груди. Любилъ кушать сырыя яйца разболтавши ихъ съ солью на чайномъ блюдочкѣ, и это кушанье, по его словамъ, облегчало боль его груди и очищало голосъ, а онъ имѣлъ голосъ тихій, но пріятный, мелодическій“. Другой инородецъ тоже ученикъ Макарія, купецъ А. С. Чендековъ, въ домѣ отца котораго въ с. Маймѣ квѣртировалъ Макарій, рассказывалъ Путинцеву кое-что изъ своихъ воспоминаній о. Макарія. „Въ Маймѣ о. Макарій, въ своей походной церкви, каждый воскресный и праздничный день, совершалъ рано утреню и потомъ, по маломъ отдыхѣ, обѣдню. Всѣхъ майминцевъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей зналъ въ лицо и по именамъ; требовалъ, чтобы въ праздники всѣ были у утрени и обѣдни, кромѣ конечно благословныхъ причинъ. Во время утрени, бывало пойдетъ о. архимандритъ по церкви, зорко оглядываетъ всѣхъ молящихся, и непременно замѣтитъ тѣхъ, кого нѣтъ, кто не былъ у утрени. Когда эти не бывшіе соберутся къ обѣдни, то по окончаніи ея, доставалось же имъ отъ о. Макарія: выйдетъ изъ алтаря, сердится, ставитъ виновныхъ тутъ же на поклоны, шумитъ, угрожаетъ еще новою епитимією, а въ концѣ концовъ самъ поклонится въ ноги тѣмъ, кого только что распекалъ, проситъ прощенія за то, что обидѣлъ ихъ и умоляетъ именемъ Божиимъ ходить усердно въ церковь. Такая доброта и смиреніе архимандрита имѣли благотѣльное вліяніе на народъ; всѣ старались неопустительно бывать въ церкви у всякой службы“. Въ свободное время отъ своихъ ученыхъ и миссіонерскихъ занятій, Макарій училъ дѣтей грамотѣ. Изъ Маймы же пришлось о. Макарію впервые поѣхать верхомъ. Ему былъ данъ самый смиренный, послушный конь. Но неопытный ѣздець не могъ съ нимъ справиться и конь повезъ о. Макарія не въ путь, а въ конюшню. Испуганный о. Макарій, увидѣвъ хозяйскую дѣвушку, доившую вблизи корову, закричалъ ей: „Ульяна держи коня!“ и Ульяна помогла всаднику

справиться съ конемъ и направить въ путь. Раскольники, поселившіеся въ горахъ и лѣсахъ Алтая за долго до прибытія туда о. Макарія распространяли про него нелѣпныя слухи: будто онъ антихристъ, имѣть крылья и летаетъ куда захочетъ, а на рукахъ и ногахъ у него когти. И вотъ когда Макарію, во время его миссіонерскихъ пѣздокъ, понадобилось остановиться въ одной небольшой раскольнической деревнѣ и потребовать, по имѣвшемуся у него бланку, подводу, то пришлось получить, не смотря ни на какія просьбы и мольбы его, отказъ. Затѣмъ хозяйка его квартиры старуха раскольница, войдя къ нему, спросила его: ты на крыльяхъ, отецъ, прилетѣлъ къ намъ, али нѣтъ? — Еслибы у меня были крылья, то я не просилъ бы подводъ у васъ, отвѣчалъ архимандрить. Старуха конечно сообразила, что онъ говоритъ правду, а все-таки продолжала допросъ: правда-ли, отецъ, что у тебя на рукахъ и ногахъ когти? о. Макарій молча показалъ ей свои руки, а также смиренно и безмолвно снялъ съ обѣихъ ногъ обувь и показалъ ихъ старухѣ. Старуха поспѣшила сообщить односельцамъ, что у о. Макарія нѣтъ ни крыльевъ, ни ногтей, и Макарій получилъ подводы. Купецъ Чендековъ, передававшій эти рассказы, питая глубокое благоговѣніе къ памяти своего учителя о. Макарія, выстроилъ на свой счетъ, въ 1880 году, въ Макарьевскомъ миссіонерскомъ селеніи церковь въ честь преп. Макарія Египетскаго. „Память праведнаго съ похвалами“! заключаетъ о. Михайлъ Путинцевъ. Употребляя скудные средства свои на оскѣдное обзаведеніе принявшихъ св. крещеніе и пособіе бѣднѣйшимъ и неимущимъ изъ нихъ о. Макарій отказывалъ себѣ во многомъ, и даже вмѣсто чая пилъ отваръ бадана (мѣстное растеніе). Постройка дома, въ которомъ можно было бы помѣстить походную церковь и миссію, затянулась до 1835 года. Знакомаясь съ дѣйствіями о. Макарія, исполненнаго любви, милосердія и состраданія къ бѣднымъ инородцамъ, Улалинцы не только перестали бояться его, но полюбивъ его предались ему какъ дѣти отцу и приняли (1834 г.) св. крещеніе. Тогда о. Макарій переселился обратно въ Уладу и основалъ свой главный станъ въ улусѣ Уладу, по правую сторону рѣки Катуня, при впаденіи рѣки Улады въ Майму. Жилъ онъ по временамъ и въ Маймѣ. У него были двѣ походныя церкви—одна въ Уладу, другая въ Маймѣ, но для обѣихъ антиминсъ одинъ, данный для

церкви Всемиловитаго Спаса. Другой антиминосъ въ честь Божіей Матери Одигитріи онъ получилъ лишь въ 1840 году.

Приведенныхъ свѣдѣній, извлеченныхъ нами изъ источниковъ, идущихъ изъ сказаній очевидцевъ дѣятельности о. Макарія, изъ его переписки съ разными лицами, и его путевыхъ записокъ и дневника, мы считаемъ совершенно достаточными для характеристики миссіонерской дѣятельности его и закончимъ выпиской изъ его личныхъ взглядовъ его мнѣній его такъ-сказать profession de foi относительно миссіонерской службы. Еще почти въ началѣ ея, въ 1831 году, писалъ онъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ. „Въ теченіи октября многія затрудненія и непріятности препятствовали распространяться къ дѣйствіяхъ службы въ селенія, избраннаго для главнаго мѣстопробыванія миссіи. Но кто прошелъ поприщемъ, усѣянномъ острыми камнями, тотъ возвращается ли, чтобы разсмотрѣть каждое мѣсто, гдѣ онъ преткнулся или претерпѣлъ уязвленіе? Благодареніе милосердому Богу, растворяющему горести утѣшеніями и полагающему предѣлъ скорбямъ, дабы онѣ не превысили мѣру силъ, дарованныхъ человѣку“! Такъ относился онъ къ препятствіямъ въ началѣ своей службы, а вотъ что говоритъ онъ въ тѣхъ же путевыхъ запискахъ, почти подъ конецъ миссіонерской дѣятельности вообще. „Не знаю: сіе описаніе будетъ ли когда-либо приведено въ общеизвѣстность; но справедливость требуетъ признаться, что въ путешествіе по немалой кривообразной чертѣ, собственно по области черновыхъ татаръ, отъ Сайдыпскаго редута чрезъ Телетское озеро до селенія Верхняго Карагужа не представилось ни одного случая крещенія. По поводу сего не представится ли комунибудь мысль о совершенной безплодности подобныхъ странствованій? Въ особенности, воспитанники и служители церкви, въ которыхъ какъ успѣхи миссіи могутъ производить благородное расположеніе къ соревнованію, такъ безуспѣшность напряженныхъ трудовъ можетъ рождать мысли и чувствованія печальныя и противныя пользамъ царствія Божія, могутъ подумать: „если и мы такимъ же образомъ будемъ скитаться, то какое и для кого произойдетъ отъ нашего миссіонерства пріобрѣтеніе“? Братья и отцы! Да будетъ намъ позволено изъяснить мысль свою о томъ, что помощь Божія можетъ обращать въ благое для насъ и нашей службы даже такіе труды, которые не награ-

ждаются вскорѣ новыми пріобрѣтеніями для церкви, каково было наше странствованіе по Черни въ путешествіи къ Телетскому озеру. Не всегда и военные корабли въ плаваніи своемъ имѣютъ сраженія, одерживаютъ побѣды, раздѣляютъ добычу; но часто отправляютъ ихъ изъ пристани къ находящемуся въ извѣстномъ разстояніи приморскому городу, или для испытанія, въ которомъ открылось бы, что въ нихъ есть соотвѣтственнаго назначенію ихъ и что требуетъ исправленія и дальнѣйшаго усовершенствованія; или для того, чтобы служащіе на сихъ корабляхъ упражнялись въ дѣлахъ, составляющихъ искусство мореплаванія и дальнѣйшаго усовершенствованія, знакомились съ опасностями и скорбями, неразлучными съ дѣланіемъ въ водахъ многихъ, изучали моря, пріобрѣтали умѣнье бороться съ бурями и волнами, и укрѣплялись мужествомъ и терпѣніемъ. Подобнымъ образомъ, кто приставленъ къ служенію полудикимъ, пребывающимъ во тьмѣ суевѣрія и невѣденія народамъ въ ихъ обращеніи къ истинному Богу во Исусѣ Христѣ, тотъ служитель церкви, хотя бы во время странствій своихъ по горамъ и лѣсамъ и не находилъ въ сихъ слѣпотствующихъ племенахъ челоувѣчества новыхъ гражданъ для небеснаго Иерусалима, однако можетъ, при Божіемъ благословеніи, извлечь изъ сихъ трудовъ своихъ разнообразную пользу для себя и своей службы. Сіи труды могутъ способствовать къ раскрытію, очищенію и утвержденію въ мисіонерѣ существенныхъ въ его званіи расположеній; они могутъ вводить его въ опытное познаніе горестей и пріятностей, сему званію свойственныхъ, обогащать его вѣрными свѣдѣніями о нравахъ и обычаяхъ инородцевъ, открывать ему тайны нарѣчій и суевѣрій ихъ, показывать мерпающія въ сей тьмѣ понятія о Богѣ, начала здраваго смысла, священнаго закона совѣсти, и служить поводомъ къ такимъ соображеніямъ, которыя, если будетъ благоугодно Господу, безъ сомнѣнія содѣлаются благонадежными способами руководствованія сихъ язычниковъ къ спасительному богопознанію. Кромѣ сего чѣмъ чаще мисіонеръ воспріемлетъ духовный мечъ слова Божія въ своемъ воинствованіи, тѣмъ болѣе учится и привыкаетъ владѣть имъ; узнавъ на самомъ дѣлѣ, сколь непріятель его упоренъ и крѣпокъ, онъ восчувствуетъ необходимость въ помощи Всемогущаго; а чѣмъ сильнѣе возчувствуетъ, тѣмъ сильнѣе будетъ взывать къ Нему

и Богъ услышитъ гласъ его, Всевышній благословитъ сіи труды его; только онъ долженъ предварительно согласиться на то, чтобы плоды благословенія Божія явились, если такъ Богу угодно, уже по смерти его, чтобы другой собралъ тамъ жатву, гдѣ онъ съѣтъ, чтобы сѣянцу и жнущему вмѣстѣ радоваться въ небесномъ царствіи, потому что и тотъ и другой—едино въ Господѣ. Царствіе Божіе подобно тому, какъ госпожа раздаетъ служанкамъ лѣнь разными долями, чтобы пряли и представляли ей, что нарядутъ; всякая служанка исполняетъ урокъ свой и вручаетъ госпожѣ пряжу; потомъ ткуть полотно изъ сихъ нитей, и всякая нить сама-по-себѣ малая получаетъ участіе и значительность въ общемъ произведеніи. Но взглянувъ на состояніе здѣшнихъ татаръ черновыхъ, посмотрѣвъ на ихъ юрты изъ кольевъ, покрытыхъ берестою, слабо защищающія ихъ отъ морозовъ и бурановъ зимою, между тѣмъ, какъ они окружены строевымъ лѣсомъ и могли бы или сами у русскихъ выучиться строить домики или просить русскихъ сооружать имъ покойныя избы сосновыя и кедровыя; положивъ на вѣсы разсужденія ихъ отвращеніе отъ постоянныхъ трудовъ и лѣность непобѣдимую, неприятность, столь нечувствительную и равнодушную къ чистотѣ, у многихъ способность размышленія какъ бы въ оцепѣненіи и совершенную безграмотность, — миссіонеръ можетъ съ перваго взгляда подумать, какъ думаютъ и другіе, что сіи племена не созрѣли для христіанства; можетъ сказать самъ въ себѣ, какъ и сказано въ одномъ напечатанномъ описаніи самоѣдовъ: „если и окрестить этихъ людей: то будутъ ли они счастливые отъ того“? Но онъ вспомнитъ сіе повелѣніе Господа: *идите научите вся языки* (Матѣ. 28, 19); и помыслитъ: кто таковъ я, что берусь судить о незрѣлости народовъ для всемірной вѣры въ Іисуса Христа, который за всѣхъ человѣковъ, и во спасеніе всѣхъ излилъ пречистую кровь Свою на крестѣ и вкусилъ смерть? Блаженство наше не на землѣ, а въ вѣчности; вѣрующій въ Господа Іисуса Христа, старающійся поступать по заповѣдямъ Божиимъ и во имя Господа Іисуса Христа просящій оставленія прегрѣшеній своихъ у Небеснаго Бога Отца, очищается отъ грѣховъ кровію Сына Божія Іисуса Христа, и входитъ въ царство небесное; тамъ восходитъ онъ отъ свѣта къ свѣту въ блаженномъ богопознаніи, сколь бы ни была низка та степень

разумѣнія, на которой онъ находился въ жизни земной. Посему если мы должны любить всѣхъ человѣковъ, какъ самихъ себя; то всѣмъ человѣкамъ должны желать, чтобы они учились вѣровать въ Распятаго Иисуса Христа, жить по Его заповѣдямъ, принадлежать Ему, и содѣлываться чадами Божиими. Нѣтъ народа, которому бы небеса не повѣдали славы Божіей; и нѣтъ народа, котораго не должны достигать глаголы служителей свыше откровеннаго слова, которые огрубѣвшихъ человѣковъ возводили бы чрезъ Иисуса Христа къ Отцу свѣтовъ, чтобы и они, по мѣрѣ своей пріемлемости, причащались свѣта и были сынами свѣта. Нѣтъ народа, въ которомъ бы Господь не зналъ Своихъ, нѣтъ той глубины невѣжества и омраченія, до которой бы Сынъ Божій не снисходилъ, не преклонилъ небесъ, не преклонялся, и нѣтъ народа, который бы не могъ въ избранныхъ своихъ получать изцѣленіе отъ листвій древа жизни (Апокалип. 22, 2). Итакъ надлежитъ научать всѣ народы, крестить ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и учить ихъ соблюдать все, что заповѣдалъ намъ Господь Иисусъ Христосъ (Матѳ. 28, 18, 20). Но способы и степени ученія могутъ и должны быть безчисленно разнообразны, а ядро ученія всегда и вездѣ одно—Иисусъ Христосъ, распятый для спасенія грѣшниковъ¹⁵⁾.

Д. Фил—новъ.

¹⁵⁾ Память трудовъ аговѣ козъ русскія въ 1857 год.

Р Ѣ Ч Ъ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ІОАННИКІЯ, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, ПРИ ВРУЧЕНІИ ЖЕЗЛА НОВОПОСТАВЛЕННУМУ ЕПИСКОПУ ВОЛОКОЛАМСКОМУ ХРИСТОФОРУ *.

Преосвященный епископъ Христофоръ! Святая церковь, ублажая святителей Божіихъ, между другими благохваленіями приписываетъ имъ и такую похвалу: *по имени твоему тако и житіе твое.*

Избранный по чину церковному высшимъ церковнымъ священноначаліемъ во епископа, утвержденный Боговѣнчаннымъ Монархомъ въ семь званіи и нынѣ наитіемъ всесвятаго и всеосвящающаго Духа чрезъ таинственное возложеніе рукъ святительскихъ удостоившійся архіерейскія благодати, прими, боголюбезный братъ, благохваленіе церкви избраннымъ святителямъ Божіимъ за правило и руководство всей твоей жизни.

Христофоръ, то-есть, Христоносецъ, носящій Христа въ сердцѣ своемъ,—имя твое; да будетъ по имени твоему и житіе твое. Въ этомъ залогъ дѣйственности и благоплодности служенія твоего церкви Христовой; въ этомъ источникъ отрады и утѣшенія среди трудовъ и огорченій, неразрывныхъ съ пастырскимъ служеніемъ; въ этомъ подпора и укрѣпленіе среди неуспѣховъ и

Хиротонія архимандрита Христофора, ректора Московской духовной академіи совершена 25 мая въ Сергіевой лаврѣ.

неудачъ, неизбѣжныхъ частію по недосмотру и невниманію самихъ труждающихся пастырей, частію по небрежности, а иногда малоспособности пасомыхъ къ воспріятію свѣта истины и послѣдованію оному.

Будешь ли, по долгу пастыря, учить другихъ истинамъ Христовой вѣры и правиламъ христіанской жизни, проповѣдуй слово не отъ себя, *не аки слово чловѣческоє, но якоже естъ воистину слово Божіе, не въ претрѣтсльныхъ чловѣческія премудрости словесяхъ, но въ явленіи духа и силы. Живо слово Божіе и дѣйствительно и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, проходящее до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслямъ сердечнымъ.* Исходя изъ сердца пастыря, носящаго въ себѣ Христа, оно и безъ особыхъ усилій съ его стороны, и не украшенное искусственными добротами вѣщаній, по примѣру слова Верховнаго Пастыреначальника, будетъ и дѣйствительно, и со властію надъ умами и сердцами пасомыхъ, и судительно помышленіямъ и мыслямъ сердечнымъ, и какъ благодатный елей будетъ умягчать и успокоивать сердца страждущихъ и обремененныхъ.

Будешь ли совершать священнодѣйствія для освященія себя и другихъ,—нося Христа въ сердцѣ своемъ, не только избѣжишь душевнаго расслабленія и лѣности, не только не будешь тяготиться ими, но можешь пріобрѣсти такое благодатное настроеніе, что уклоненіе отъ совершенія ихъ по какимъ-либо обстоятельствомъ будетъ тягостно для души твоей. *Иже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сиче желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже: кода прииду и явлюся лицу Божію* (Псал. 41, 1—3), говорилъ о себѣ ветхозавѣтній чловѣкъ Божій, еще не носившій въ себѣ, а только *выну видѣвшій предъ собою Господа.* Такое благоговѣйное настроеніе, безъ твоего сознательнаго старанія, даже безъ вѣдома твоего, не можетъ не дѣйствовать благотворно и на присутствующихъ въ храмѣ при совершеніи тобою священнодѣйствій. Непосредственное воздѣйствіе на душу другаго во многихъ случаяхъ даже гораздо сильнѣе, чѣмъ самыя подробныя разъясненія и убѣжденія.

Будешь ли, по долгу служенія своего, дѣлать такія или другія распоряженія въ созиданіе и утѣшеніе и укрѣпленіе, какъ пастырей, такъ и пасомыхъ,—нося Христа въ сердцѣ своемъ,

безопасенъ будешь отъ всякаго рода дѣйствій и распоряженій, совершаемыхъ по рвенію, пристрастію и лицепріятію. Не будетъ тогда въ твоихъ распоряженіяхъ ни излишней суровости, готовой совсѣмъ сокрушить надломленную трость и угасить послѣднія искры въ куращемся еще льнѣ, ни преступной снисходительности, готовой, по выраженію пророка, *подлагать възглавійца мяка подъ всякій локоть руки*, чтобы совсѣмъ усыпить и безъ того дремлющую совѣсть. Рано или поздно, и безъ твоихъ разъясненій уразумѣютъ справедливость такой дѣятельности всѣ вѣрные сыны церкви и оцѣнятъ ее по достоинству. Но не смущайся и тѣмъ, если продерзливые и ругатели, извращая и перетолковывая твои дѣйствія и распоряженія, въ самыхъ добрыхъ твоихъ дѣйствіяхъ будутъ видѣть зло, въ самыхъ благопріятныхъ распоряженіяхъ будутъ находить поводъ къ порицанію, памятуя, что и о Самой Высочайшей Правдѣ и Любви *ови глаголаху, яко благъ, другіи же, ни, но ѡститъ народы*.

Ближайшее служеніе твое—насаждать и утверждать въ умахъ и сердцахъ избранныхъ духовныхъ юношей сѣмена вѣры и благочестія и быть руководителемъ и направителемъ и самихъ насадителей. Не велика порученная твоему непосредственному водительству паства. Но управленіе ею и охраненіе ея потребуютъ много и мудрости духовной, и труда неусыпнаго, и любви самоотверженной, и терпѣнія великаго по тому обширному вліянію, какое можетъ оно имѣть на другія паствы, на созиданіе вѣрныхъ и на внутреннее положеніе святой церкви. Въ юношескомъ возрастѣ полагается задатокъ всей послѣдующей жизни. Это время сѣянія, за которымъ послѣдуетъ время жатвы, а извѣстна истина: кто чтò посѣетъ, то и пожнетъ. И не для себя только они будутъ пожинать посѣянное въ нихъ здѣсь; изъ учащихся истинамъ Божественной премудрости, они станутъ учителями вѣры и пастырями церкви или образователями и воспитателями духовнаго юношества, и въ свою череду посѣянное въ нихъ будутъ сѣять на почвахъ сердецъ другихъ юнѣйшихъ. Помысли же, возлюбленный братъ, сколько зла можетъ произойти, какъ далеко и широко можетъ распространиться оно, не только при неблагонамѣренныхъ дѣйствіяхъ,—отъ которыхъ да сохранить тебя Господь и впредь, какъ хранилъ доселѣ, но и при небольшой неосторожности и неосмотрительности, и даже при стре-

мленіяхъ къ доброму, не вполне соразмѣренныхъ съ временемъ и обстоятельствами случайными, которыхъ трудно, а иногда совсемъ невозможно предвидѣть. И за все сіе Верховный Пастыреназначальникъ потребуеъ отчетъ отъ тебя, какъ пастыря, когда предстанеши предъ Нимъ съ паствою своею на страшномъ судищи Его.

Но да не смущается сердце твое, и да не устрашаетъ тебя ввѣряемое тебѣ дѣло. Чѣмъ глубже сознаешь высоту подлежащаго тебѣ служенія и свою недостаточность къ достойному прохожденію его, тѣмъ крѣпче емлись упованіемъ за всемошную силу Божію, помня слово Господа къ верховному изъ апостоловъ: *довѣтъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9).

Какъ знаменіе ввѣряемаго тебѣ пастырскаго служенія, прими, боголюбезный братъ, жезлъ сей, и отъ новой, почившей на тебѣ, благодати Божіей преподай благословеніе людямъ Божіимъ.

Р Ъ Ч Ь

АРХИМАНДРИТА ХРИСТОФОРА ПРИ НАРЕЧЕНІИ ВО ЕПИСКОПА ВОЛОКОЛАМСКАГО, ТРЕТЬЯГО ВИКАРІЯ МОСКОВСКОЙ МИТРОПОЛИ.

Богомудрые отцы и архипастыри,—благодарю Бога моего Исусомъ Христомъ Господомъ нашимъ призывающаго меня къ новому высшему служенію спасительныя благодати Своея. Приношу также въ лицѣ вашего высокопреосвященства мою благодарность Св. Синоду, голосомъ котораго, по изволенію Св. Духа, избранъ я пріять жребій епископства. Рабъ преданный волю господина своего не можетъ не чувствовать внутренняго удовлетворенія, когда призывается на трудъ новый; въ призывѣ этомъ ему какъ бы слышится ободряющій голосъ: *о малъ быль си въренъ, надъ многими тя поставлю*. Но съ тѣмъ вмѣстѣ въ его душѣ не могутъ не возникать сомнѣнія и опасенія за свои силы и за успѣхъ того дѣла, къ которому онъ призывается. Дѣло трудное, великое, святое предлежитъ и мнѣ впереди. Не мнѣ судить, насколько въренъ я былъ въ томъ дѣлѣ, къ которому былъ приставленъ. Могу лишь свидѣтельствоваться совѣстію: тщился быть върнымъ по мѣрѣ силъ и разумнѣя, и не покоя искалъ на томъ пути, на который наставила меня десница Божія. И теперь, когда въ будущемъ предо мною открывается болѣе широкое поле дѣятельности, не работа страшитъ меня, смущаютъ меня условія, среди которыхъ приходится работать.

Всякое время имѣетъ свои особенности, свои задачи, съ ко-

торами такъ или иначе приходится считаться церкви Христовой въ лицѣ ея служителей. Бываютъ эпохи, когда требованія и запросы времени становятся въ такія неопредѣленные запутанныя отношенія къ требованіямъ и задачамъ церкви, что въ нихъ трудно бываетъ разобратъся. Свѣтъ евангельской истины до такой степени искусно смѣшивается съ омрачающими умъ лжемудрованіями въ области науки, литературы и жизни, правда до такой степени теряется среди утонченной, замаскированной лжи, лицемѣрія, обмана въ общественныхъ оффиціальныхъ и частныхъ отношеніяхъ, что часто не знаешь, гдѣ кончается правда, гдѣ начинается ложь; правда обращается въ ложь, ложь возводится на степень истины, хорошо замаскированный порокъ принимается и выдается за добродѣтель, истинная добродѣтель встрѣчается недовѣріемъ и подозрѣніемъ. Вѣра Христова до такой степени теряетъ свое живое значеніе въ сердцахъ ея исповѣдниковъ, что ее стараются обходить, игнорировать, или—что еще хуже—ею стараются лишь прикрываться для достиженія цѣлей, ничего общаго съ нею не имѣющихъ. Совѣсть человѣческая въ такой степени становится эластичною, сговорчивою, что часто съ замѣчательною тонкостію умѣютъ примирять принципы, убѣжденія и дѣйствія, повидимому совершенно непримиримы. Духъ міра—духъ эгоизма, вражды, интриги — широкою волной вторгается за ограду церкви. Жизнь въ такія эпохи представляется какъ бы сумерками, когда идешь ощупью, не ясно различаешь лица и предметы, встрѣчающіеся на пути, не знаешь, кто другъ и союзникъ, кто противникъ и врагъ, кто поборникъ истинныхъ интересовъ вѣры и церкви, кто современный, болѣе цивилизованный и искусный Иуда-предатель.

Такой характеръ представляетъ, думаю, настоящее время. Много нужно мужества и самоотверженія, чтобы словомъ и жизнью возвѣщать правду Христову; много нужно пронизательности и духовной опытности, чтобы предусматривать и распознавать ложь и неправду, подобно змію извивающіяся на всѣхъ путяхъ жизни, и обличать при свѣтѣ Христовомъ; много нужно нравственной силы, а еще больше любви Христовой, чтобы твердо и неуклонно и самому идти и другихъ вести по пути евангельскому и свою совѣсть блюсти неоскверненною отъ міра и въ то же время заботливою рукою, внимательно и осторожно охра-

нять тѣло Христово отъ внутреннихъ поврежденій и отъ наружныхъ заразительныхъ болѣзней времени.

Дерзну ли думать, что мое сердце исполнено такой любви къ церкви Христовой, огонь которой горѣлъ бы ровно и спокойно при всѣхъ невзгодахъ жизни? Дерзну ли думать, что у меня останеть правственной силы, самоотверженія, мужества и духовной опытности право править слово Христовой истины, твердою рукой высоко нести знамя вѣры Христовой, возрастать самому и другихъ возвращать въ мѣру возраста и исполненія Христова, вѣрно держать стражу, на которую призываетъ меня гласъ Божій?... Но простые рыбаки галилейскіе, призванные на служеніе проповѣди Христовой, не въ себѣ искали силъ и средствъ къ выполненію своей высокой миссіи, но въ эти именно священные дни сидѣли нѣкогда въ Иерусалимѣ и ждали обѣтованія, *дондеже облукнется силою свыше*. Входя въ трудъ ихъ, приѣмля наслѣдство ихъ служенія, буду и я ждать наступающаго великаго дня Господня, когда св. церковь введетъ меня въ наслѣдіе силъ и дарованій Св. Духа, нѣкогда въ день Пятидесятницы при сильномъ шумѣ, въ видѣ огненныхъ языковъ нисшедшихъ на первенцевъ церкви Христовой, нынѣ же тихою, но непресѣкаемою и неоскудѣвающею струей, какъ бы въ видѣ хлада тонка, изливающимъ въ свв. Тайнахъ Христовой церкви.

Помолитесь же, богомудрые отцы и архипастыри, Господину Вертограда, да даруетъ Онъ и мнѣ, возложеніемъ рукъ священства вашего, свою Божественную благодать, немощная врачующую и оскудѣвающаи восполняющую и да не тѣца будетъ во мнѣ благодать Его, но съ пользою потружусь въ святомъ Виноградѣ, его же насади десница Божія.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА ВЪ ИСКУССТВѢ.

(Нѣсколько замѣчаній и размышленій по поводу картины В. Д. Полѣнова).

Несмотря на многія обстоятельныя и прекрасныя критики специалистовъ, рѣшаюсь сказать нѣсколько можетъ-быть запоздалыхъ словъ по поводу картины г. Полѣнова—на томъ основаніи, что предъявляю къ картинѣ нѣсколько иныхъ требованія чѣмъ они; смотрю на неѣ именно не столько съ художественной сколько съ исторической точки зрѣнія. Если изъ нихъ многіе и болѣе серіозныя въ принципѣ не одобряютъ намѣренія автора сдѣлать картину реальной, изобразить Господа Иисуса Христа съ національными чертами, то я наоборотъ сходясь съ художникомъ въ принципѣ, смотрю только, какъ онъ *свою* задачу исполнилъ, насколько это ему удалось.

Исторически реальная картина изъ евангельской эпохи казалась мнѣ всегда чѣмъ-то очень симпатичнымъ и я не перемѣнилъ въ этомъ отношеніи мнѣнія послѣ опыта г. Полѣнова. И вотъ отчего.

Несомнѣнно, главная отличительная, черта христіанства отъ другихъ религій заключается въ его реальности: наше спасеніе, наше искупленіе не есть лишь исканіе, идеаль, это есть совершившійся *историческій фактъ* и наше дѣло только умѣть стать ему причастными. „Слово плоть бысть“, Сынъ Божій вочеловѣчился и прожилъ 33 года на землѣ до Своего страданія воскресенія и вознесенія на небо. Есть что-то необычайно трогатель-

ное въ тѣхъ подробностяхъ Его земной жизни, которыя намъ извѣстны. Въ нихъ Онъ является то любящимъ сыномъ то другомъ, то помощникомъ въ болѣзняхъ и скорбяхъ, то учителемъ: все это съ понятными намъ *человѣческими* чувствами любви, дружбы, негодованія и все это съ Божественнымъ всемогуществомъ и всевѣденіемъ, проявлявшимися въ сопровождавшихъ Его жизнь чудесахъ и откровеніяхъ истины. Оттого вѣрующему чело­вѣку особенно дорога мысль о Боговоплощеніи и онъ очень цѣнить все, что ему объ этомъ реально напоминаетъ. Самою церковью иконописаніе установилось на VII вселенскомъ соборѣ „какъ служащее намъ въ увѣреніе истиннаго, а не воображаемаго воплощенія Бога Слова“, какъ сказано въ опредѣленіи этого собора. Вотъ этого „увѣренія“ и ищетъ вѣрующій чело­вѣкъ, какъ говорить дальше это же опредѣленіе, и переносится воображеніемъ къ тому времени и съ охотой останавливается на малѣйшихъ подробностяхъ. И пишущій эти строки думаетъ, что не одинъ онъ, но всѣ, занимавшіеся исторіей евангельской эпохи, испытывали особенно умиленное настроеніе. встрѣчая на пути своихъ занятій ту или другую черту, открывающую лишнюю подробность въ образѣ или отдѣльномъ событіи жизни Господа Иисуса Христа. Какъ при чтеніи описаній путешествій по святымъ мѣстамъ, хочется самому видѣть все это, такъ и при ознакомленіи съ другими подробностями хочется видѣть Иисуса Христа изображеннымъ со всею историческою правдою, во всей той обстановкѣ, которая окружала Его земное дѣяніе. Хочется видѣть на рисунокѣ соединенными какъ всѣ чело­вѣческія такъ и всѣ божественныя черты Иисуса Христа: повторяю слова догмата 7-го собора, —это желаніе восполнить *побывствованіе* о Богочеловѣкѣ *Его изображеніемъ* т.-е. видѣть не Бога въ чело­вѣческомъ видѣ, какъ напр. Богъ являлся къ Аврааму въ видѣ странниковъ, а истиннаго Богочеловѣка, пришедшаго во плоти. Конечно этимъ трудность такого изображенія только усугубляется. Богочеловѣкъ — сколько смысла заключается въ этомъ словѣ! Сколько разныхъ сторонъ можно освѣтить въ этомъ Лицѣ, не впадая однако въ односторонность! Для поясненія этого я хочу указать на примѣръ святыхъ евангелистовъ, лично знавшихъ Господа Иисуса Христа. У апостола Іоанна Онъ является главнымъ образомъ какъ Слово, ставшее плотью,

какъ Единородный Сынъ Божій, пришедшій спасти міръ; съ са-мого начала раскрываются таинственныя черты Его Божественности, Его отношенія къ Отцу и ничего не говорится объ Его рожденіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ же Евангеліи встрѣчаются два трогательныхъ момента Его отношенія къ Матери: чудо въ Канѣ по Ея просьбѣ раньше чѣмъ пришелъ часъ Его и послѣднее обращеніе съ Креста. У евангелиста Луки, по видамъ его проповѣди, Иисусъ Христосъ изображенъ какъ Сынъ Божій, ставшій человѣкомъ безъ указанія какихъ-нибудь національныхъ чертъ. Его родословную онъ возводитъ по родству Матери до перваго человѣка заканчивая ее словами: (Иисусъ сынъ) Адамовъ, Божій. Онъ начертилъ образъ втораго Адама, котораго проповѣдовалъ ап. Павелъ, коего онъ былъ спутникъ, образъ искупителя грѣха перваго Адама для всѣхъ народовъ безъ различія. Наконецъ ап. Матеей показываетъ Его намъ какъ того Мессію, котораго ждалъ избранный еврейскій народъ, какъ истиннаго сына Авраама, какъ законнаго престолонаслѣдника царя Давида (выводя Его родословную черезъ нареченнаго отца), какъ Іудея, исполнявшаго законъ Моисеевъ, достаточно показывая Его Божественность въ своихъ по простотѣ трогательныхъ и вмѣстѣ глубокихъ изложеніяхъ Его ученія и чудесъ. Такимъ образомъ въ самихъ Евангеліяхъ мы имѣемъ три образца для изображенія Иисуса Христа смотря по большему освѣщенію той или другой стороны, но суть дѣла въ томъ, что во всѣхъ Евангеліяхъ Онъ равносильно изображенъ истиннымъ Богомъ и истиннымъ человѣкомъ, и желающіе Его изображать въ наше время перомъ ли или кистью должны проникнуться сознаниемъ Его Богочеловѣчества. А далѣе—вопросъ, на какомъ изображеніи остановится вдохновеніе художника,—это его дѣло. Мнѣ кажется, что напр. у почтеннаго критика Московскихъ Вѣдомостей излюбленный образъ Иисуса Христа составленъ по типу евангелиста Іоанна, судя по его указанію на Христа какъ свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. Художникъ же могъ излюбить другой типъ. Скажу больше: Христа, какъ Свѣтъ міру, мнѣ кажется и нельзя изобразить художнику иначе, какъ аллегорически. Оттого я понимаю реальное изображеніе Иисуса Христа, понимаю и даже сочувствую изображенію этому съ нѣкоторыми національными чертами, какъ ясно напоминающему

связь Новаго Завѣта съ Вѣтхимъ: только при этомъ должно нисколько не умалять Божественныхъ чертъ Іисуса Христа, а также имѣть въ виду, что еврейскій народъ былъ дѣйствительно избранный и всей своей исторіей, религіей и закономъ предъуготовлялся для принятія воплощеннаго Сына Божія.

Сдѣлавъ такое вступленіе я долженъ сказать, что тема выбранная художникомъ г. Подъяновымъ мнѣ кажется совершенно подходящей для исторически-реальной картины. Касаясь событій изъ жизни Іисуса Христа, не заключающаго въ себѣ чуда, она тѣмъ не менѣе даетъ возможность художнику при правильной постановкѣ лицъ—показать всю силу Божественнаго Слова, заставившаго замолчать вражду и лукавство; сохраняя вполнѣ человѣческой образъ Спасителя, окружая Его совершенно реальной исторически вѣрной обстановкой—показать Божественность Его взгляда, Его любви, Его ученія.

Посмотримъ, какъ понялъ эту тему художникъ и какъ онъ съ нею справился. Возьмемъ текстъ изъ святаго евангелиста: „А утромъ опять пришелъ въ храмъ, и *весь народъ шель* къ Нему. Онъ съелъ и училъ ихъ. Тутъ *книжники и фарисеи* привели къ Нему женщину, взятую въ прелюбодѣяніи и, *поставивъ ее посреди*, сказали Ему: учитель! эта женщина взята въ прелюбодѣяніи, а Моисей въ законѣ заповѣдалъ намъ побивать такихъ камнями: Ты что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь къ обвиненію Его. Но Іисусъ, наклонившись низко, писалъ перстомъ на землѣ (по гречески *εις γην*), не обращая на нихъ вниманія. Когда же продолжали спрашивать Его, Онъ восклонившись сказалъ имъ: кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень. И опять, наклонившись низко, писалъ на землѣ. Они же, услышавъ и будучи обличаемы совѣстью, *свали уходить одинъ за другимъ*, начиная отъ старшихъ до послѣднихъ; и остался одинъ Іисусъ и женщина стоящая посреди. Іисусъ, восклонившись и не видя никого, кромѣ женщины, сказалъ ей: женщина! гдѣ твои обвинители? Никто не осудилъ тебя? Она отвѣчала: никто Господи. Іисусъ сказалъ ей: и я не осуждаю тебя. Иди и впредь не грѣши“. Это евангельское событіе всегда обращало на себя вниманіе и главнымъ образомъ со стороны мудраго отвѣта Іисуса Христа. Не то представляетъ интересъ, что по Моисееву закону женщина подвергалась тако-

му наказанію, не то, что фарисеи, желая уловить Христа, привели ее къ Нему, не побоявшись осквернить въ нѣкоторомъ родѣ себя и храмъ. Вся сила въ отвѣтъ Спасителя, который не только сразу обезоружилъ Его враговъ (какъ многіе изъ Его отвѣтовъ), но проникъ въ ихъ души, заставилъ заговорить и ихъ черствыя совѣсти, открылъ путь всепрощенія и спасенія грѣшной женщиѣ. И выбравъ эту тему, мнѣ кажется, необходимо нужно изобразить тотъ моментъ, когда уже произнесенъ отвѣтъ Господа. Я представляю себѣ картину. Иисусъ Христосъ съ наклоненной главой, чтобы не укорять фарисеевъ своимъ взглядомъ, чтобы дать совѣсти каждого отвѣтить себѣ на это Божественное напоминаніе; предъ Нимъ женщина съ проявленіемъ перваго луча надежды на ея разстроенномъ, горящемъ стыдомъ, лицѣ—надежды не на сохраненіе жизни, но на прощеніе, на спасеніе; даже вижу фарисеевъ, пристыженныхъ, медленно въ разныя стороны, не глядя другъ на друга, расходящихся,—учениковъ и народъ, также пораженныхъ словами Учителя, углубившихся въ совѣсть по поводу ихъ, какъ углубляется каждый и теперь, читая это мѣсто.—Какой моментъ видимъ мы изображеннымъ на картинѣ г. Полънова? Онъ представляетъ моментъ, когда грѣшницу волочить толпа, имѣя во главѣ одного фарисея и одного саддукея, по двору храма и этимъ прервала бесѣду Иисуса Христа. Вниманіе Иисуса Христа еще не привлечено къ событію. Такимъ образомъ представленъ моментъ, котораго нѣтъ въ повѣствованіи евангелиста. Правда, въ евангеліи сказано, что Онъ сначала не обращалъ вниманія на нихъ, но въ евангеліи рассказъ начинается съ того момента, когда женщину уже привели къ Иисусу и поставивъ посреди стали Его спрашивать; о томъ, что ее волокли, не сказано ни слова. А главное, по евангелію, Христосъ является центромъ всего событія: къ Нему приводятъ женщину, Его спрашиваютъ, Онъ даетъ Божественный отвѣтъ. Во всемъ евангельскомъ рассказѣ писатель ни на минуту не оставляетъ Христа: рѣдко въ какомъ описаніи встрѣчается столько подробностей какъ здѣсь. Мы знаемъ, что Онъ сидѣлъ, знаемъ, сколько разъ Онъ нагибался и разгибался. Мнѣ кажется, что историческая правда, точно также какъ законы искусства, должны были заставить художника сдѣлать Иисуса нравственнымъ центромъ картины, выбрать тотъ моментъ, гдѣ ярче всего вы-

сказывается Его участіе въ этомъ событіи. Картина, наоборотъ, распадается на двѣ половины—это сразу бросается въ глаза—и связи между этими двумя половинами нѣтъ никакой. Даже болѣе того. Съ одной стороны, это очень реальная, великолѣпно написанная картина историческаго жанра, изображающая разъяренную толпу, собирающуюся побить камнями какую-то женщину. Съ другой стороны, какая-то уже совсѣмъ неудачная аллегорическая картина: Иисусъ Христосъ со Своими настоящими и будущими учениками. Объ этой аллегоріи послѣ, но только, повторю, двѣ половины картины разъединены и могутъ выражать нѣкоторую мысль развѣ только какъ контрасты, но реальнаго отношенія Иисуса Христа, Его ученія къ происшествію въ картинѣ не изображено. И такъ неудачно выбранный моментъ, такъ сказать децентрализація картины — первая причина несоотвѣствія картины евангельскому разсказу и силы ея впечатлѣнія, — впечатлѣнію этого разсказа. Но есть этому и другая причина. Это — тѣ историческія ошибки, которыя находятся въ картинѣ по ея задачѣ исторической и реальной. А нужно замѣтить, что малѣйшая историческая ошибка въ картинѣ, имѣющей претензіи на реализмъ, гораздо болѣе вредитъ впечатлѣнію, чѣмъ полное игнорированіе исторіи въ картинѣ, преслѣдующей чисто религіозныя цѣли.

И такъ приступимъ къ историческому разбору. Начнемъ по порядку. Гдѣ произошло изображаемое событіе? Въ евангеліи находимъ отвѣтъ: въ храмѣ. Но храмомъ, какъ вполне вѣрно замѣтилъ г. Соболевъ въ своей брошюрѣ, назывались одинаково и храмъ израиля (имѣвшій какъ отдѣленіе дворъ женщинъ) пли внутренней дворъ и внѣшній дворъ, иначе потомъ названный дворомъ язычниковъ. Если мы будемъ искать указаній, гдѣ обыкновенно возсѣдалъ во храмѣ Христосъ, то мы увидимъ, что во первыхъ, такимъ мѣстомъ была такъ-называемая Сокровищница въ дворѣ женщинъ (Лук. XXI, 1—2) и между прочимъ это мѣсто указано въ разбираемой нами главѣ отъ Іоанна (VIII, 20), во вторыхъ, въ притворѣ Соломоновомъ, во дворѣ язычниковъ. На эти два мѣста указываетъ и сочиненіе Вогюэ, служившее матеріаломъ для художника. Что же побуждаетъ г. Полѣнова остановиться на дворѣ язычниковъ и изобразить Иисуса Христа даже внѣ всякаго притвора. Объясненіе мы находимъ у г. Соболева, —это необходимо

де было для примиренія кажущагося противорѣчія: Иисусъ сидѣлъ въ храмѣ и писалъ *на землю*. Но дѣйствительно есть ли такое противорѣчье и нужно ли для его примиренія представить подъ ногами Спасителя непременно землю, а не полъ? Вопросъ разрѣшается очень просто. Стоить справиться въ греческомъ евангеліи и станетъ вполне ясно, что объ писаніи Иисусомъ на землѣ нѣтъ и рѣчи; сказано, что Онъ чертилъ по направленію къ землѣ (полу). Εἰς τὴν γῆν. Εἰς никогда не означаетъ „въ“ съ предложнымъ, а только „къ“ „на“ съ винительнымъ, „по направленію“—латинское ad, in съ винит., erga. Γῆ значитъ земной шаръ, почва, земля, полъ (Solum, Boden). Значитъ о писаніи на землѣ нѣтъ и рѣчи, да это и самъ художникъ понимаетъ, изобразивъ не песокъ, а каменистую почву. Но можетъ быть есть другая причина выбору г. Полънова, на которую встрѣчается намекъ у г. Соболева послѣ того, какъ онъ расхвалилъ художника за примиреніе несуществующаго противорѣчія. Онъ говорить: *едва ли* могли фарисеи привести грѣшницу въ храмъ Иудеевъ. Дѣйствительно, нельзя окончательно рѣшить этого вопроса: могъ ли фанатизмъ довести фарисеевъ и книжниковъ до того чтобы они рѣшились ввести въ храмъ грѣшную женщину или нѣтъ. Съ одной стороны можно указать на то, что для фарисеевъ храмъ уже не игралъ первой роли, у нихъ взяла перевѣсъ синагога, и также, что былъ обычай, по которому женщинъ, заподозрѣнныхъ въ невѣрности мужу, вводили во дворъ женщинъ и подводили ихъ къ дверямъ Никанора ¹⁾ ведущимъ уже въ храмъ, гдѣ допускались одни мужчины, и тамъ поили горькой водой для испытанія. Значитъ, входили въ этотъ храмъ и порочныя женщины. Съ другой стороны можно сказать, что и выборъ въ данномъ случаѣ двора язычниковъ не будетъ противорѣчьемъ евангелію, такъ какъ, повторяю, храмомъ назывался и этотъ дворъ, а что касается указанія въ 20 стихѣ на Сокровищницу, то нужно имѣть въ виду, что въ одной главѣ часто помѣщается нѣсколько разновременныхъ проповѣдей, соединенныхъ не хронологическимъ, но логическимъ порядкомъ. Каковъ же былъ дворъ язычниковъ? Онъ былъ почти весь въ портикахъ т. е. они проходили со всѣхъ его сторонъ и посреди его; въ этихъ то портикахъ

¹⁾ Stapfer La Palestine au temps de I. Christ. стр. 399.

и сосредоточивалась вся жизнь языческаго двора, въ нихъ спорили учителя, книжники, въ нихъ же училъ Господь (въ притворѣ Соломоновомъ), и художникъ совершенно невѣрно изобразилъ этотъ внѣшній храмъ въ видѣ какого-то холма и посадилъ Иисуса Христа учить въ такомъ неудобномъ для этого мѣстѣ; но можетъ-быть г. Полѣновъ зналъ, что портики были мощены пестрыми камнями, что противорѣчило его желанію представить у ногъ Христа землю; но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы знать, что мощенъ былъ весь внѣшній дворъ,—на это есть указанія во многихъ сочиненіяхъ, между прочимъ въ библейскомъ археологическомъ словарь Рима. Я же позволю себѣ привести подлинную цитату изъ Иосифа Флавія, изъ его сочиненія *De bello Judaico* (Zib. V cap. XIV) о томъ, что это было такъ и притомъ прямо съ указаніемъ на мѣсто, изображенное художникомъ. „Все пространство, которое было некрыто, было мощено камнями разныхъ породъ, а путь, который шелъ во второй храмъ, имѣлъ по правую и по лѣвую сторону ограду въ 3 локтя вышины, видъ которой былъ очень изященъ, и на ней на извѣстныхъ разстояніяхъ встрѣчались колонны, на которыхъ были вырѣзаны греческимъ и римскимъ письмомъ предписанія приличія и чистоты, чтобы предупредить чужестранцевъ, что они не имѣютъ права войти въ столь святое мѣсто“. Итакъ, что касается мѣста происшествія, то у художника сдѣлана ошибка, если не въ выборѣ мѣста, то въ изображеніи имъ выбраннаго.

Далѣе въ Евангеліи сказано, что Христосъ училъ народъ, который весь собрался вокругъ Него. Гдѣ же на картинѣ этотъ народъ, слушающій Иисуса Христа, гдѣ же это *λαός* (толпа, чернь)—слово, подъ которымъ никакъ нельзя разумѣть Его учениковъ—гдѣ онъ? Вопреки *прямому* и точному указанію Евангелія, этой толпы нѣтъ вовсе вокругъ Иисуса Христа. За то эта толпа является за грѣшницей въ какомъ-то разъяренномъ видѣ, готовая избить ее камнями. Не говоря о томъ, что этого нѣтъ въ Евангеліи, посмотримъ, возможно ли это было на самомъ дѣлѣ. Нѣтъ и нѣтъ. Нужно имѣть въ виду, что въ то время по римскимъ законамъ Иудеи не имѣли права подвергать казни кого бы то ни было безъ утвержденія власти римской. Этому лучшее доказательство въ ходѣ суда надъ Спасителемъ нашимъ. Правда, бывали случаи взрыва фанатизма, напр. въ убійствѣ архидіакона

Стефана, но въпервыхъ,—это былъ фанатизмъ религіозный и не простой толпы (тамъ игралъ роль напр. Павелъ); а нравы въ то время были такъ распушены, что нарушеніе нравственности не могло возбуждать такого фанатизма. Въ вторыхъ, если и предположить, что фарисеи какъ-нибудь искусно сумѣли возбудить этотъ фанатизмъ противъ грѣшницы, то народъ бы тутъ на мѣстѣ помки избилъ бы ее или бы повлекъ избивать ее за городъ, но никакъ нельзя было заставить этотъ разъяренный до высшей степени народъ съ камнями въ рукахъ волочить ее къ Христу въ храмъ, чтобы тамъ избить, въ храмѣ, гдѣ совершить это было бы просто преступленіемъ. Противъ Христа толпа еще не имѣла никакой вражды, а одновременно возбудить ненависть противъ двухъ — и Христа и грѣшницы фарисеи никакъ не могли по простому психологическому закону, по которому, распная Христа, толпа могла требовать освобожденія Вараввы-разбойника. Вся эта беспорядочная толпа, этотъ юноша, выпадающій на одну ногу впередъ, чтобы кинуть камень, всѣ эти лица не могли интересоваться отвѣтомъ Христа, не стали бы Его слушать, и еслибы и слышали, то не были бы способны остановиться въ своемъ намѣреніи, углубиться въ свою совѣсть. Состояніе народа, изображенное на картинѣ,—такое, въ которомъ онъ, видя предъ собою Праведнаго человѣка и Бога, способенъ кричать „распни Его“, и требовать освобожденія разбойника. Здѣсь уже возврата нѣтъ. Но въ данномъ случаѣ ничего такого не было. Никто не хотѣлъ и не собирался убить эту женщину, никакого страха смерти у ней не было; фарисеи и книжники вообще кровожадны не были, они боролись часто изъ-за буквы закона и Писанія, они болѣе всего боялись новыхъ ученій и противъ нихъ они начинали всегда борьбу мирнымъ образомъ. Оттуда постоянные споры между ихъ учителями, описанія которыхъ обильно находятся въ Талмудѣ. Оттого они занимались улавливаніемъ Иисуса Христа, желая его скомпрометтировать прежде всего передъ народомъ, потомъ же, когда усилилось Его вліяніе, и предъ римской властью. Въ данномъ случаѣ, они рассчитывали поставить Его въ безысходное противорѣчіе между закономъ Моисея и Его ученіемъ милосердія съ одной стороны, между еврейскимъ и римскимъ закономъ — съ другой. Это — представляется мнѣ — есть повтореніе случая съ монетой, гдѣ послѣ-

доваль извѣстный отвѣтъ Иисуса „отдадите Кесарево Кесареви“. Это было лукавое улавливаніе, это была вражда въ маскѣ лицемернаго недоумѣнія, а не нападеніе крикливой толпы на Христа. Грѣшницу привели фарисеи и книжники въ количествѣ конечно больше двухъ, а не волокли ее: она шла, подчиняясь ихъ авторитету, вѣрнѣе всего думая, что ее ведутъ на духовный судъ, гдѣ такимъ женщинамъ давали разводъ; поставивъ ее предъ Нимъ, они съ напускной почтительностью стали Его спрашивать: „Учитель“, слово очень цѣнное въ устахъ фарисеевъ, самихъ себя „величавшихъ учителями“ „скажи намъ“ и т. д. И все это тихо, медленно, безъ лишнихъ жестовъ, какъ требовало ихъ святошество; такъ же и шли они навѣрно по улицѣ, распуская „воскрилія“ своихъ тогъ, а ни въ коемъ случаѣ не позволили бы себѣ идти вмѣстѣ съ распушенной и вооруженной камнями толпой. Нужно вспомнить характеръ фарисеевъ. Стоитъ перечестъ обличенія Христа. Внѣшнее лицемѣріе—главная ихъ черта. „Гробы повапленные“. Вѣрность исторіи заключается не въ выпискѣ костюмовъ и не въ рыжей бородѣ, хоть бы была она снята и съ живаго палестинца, а въ пониманіи характера лицъ и событій. Вотъ этого-то и недостаетъ на правой сторонѣ картины, въ ней-то и есть перевѣсъ мелочныхъ подробностей, мелкаго реализма надъ исторической правдой. Что касается лѣвой стороны картины, то повторяю,—вась поражаетъ перемѣна въ пріемахъ художника: какъ тотъ же художникъ, который ради реализма подымаетъ цѣлый вопросъ о головномъ уборѣ, тотъ самый художникъ прибѣгаетъ къ какой-то странной аллегоріи и при этомъ нарушаетъ основные законы своего искусства напр. единства идеи, а также единства времени и мѣста. Поразительно и печально: каждое изъ искусствъ вообще и живопись въ особенности даетъ столько средствъ художнику служить истинѣ и красотѣ, вылить великую мысль въ изящную форму, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что самые умные и образованные, самые умѣлые въ техническомъ отношеніи, не ограничиваясь средствами своего искусства, забираются не въ свою область и задаются задачами для ихъ искусства невыполнимыми. Это мы наблюдаемъ и въ современной музыкѣ, и въ поэзіи, и въ живописи. Это предвидѣлъ еще Лессингъ, когда говорилъ о границахъ искусствъ въ своемъ Лаокоонѣ. На самомъ дѣлѣ, что такое

какъ не странная аллегорія, недостойная искусства: эти Іоаннъ и Іаковъ, сидящіе по сторонамъ Іисуса, этотъ Маркъ въ плащѣ, этотъ Симонъ Киринейскій на ослѣ, бѣдная вдова и т. п.? Но что особенно странно,—это приѣмъ, какимъ г. Соболевъ, такъ-сказать оффиціозный комментаторъ картины, защищаетъ появленіе этихъ фигуръ на картинѣ. Онъ разсуждаетъ такъ: можетъ быть онѣ и не были тутъ, но кто не согласится, что картина потеряла бы, еслибы снять эту прекрасную фигуру. Я скажу, что и первый не согласенъ съ этимъ. Конечно, снимать съ картины поздно, но несомнѣнно было бы очень хорошо, и картина только бы выиграла, еслибы художникъ воздержался отъ лишнихъ фигуръ и преслѣдованія мелочныхъ подробностей; картина выиграла бы единствомъ идеи, цѣльностью. Картина не есть альбомъ красивыхъ и эффектныхъ лицъ, и на нее такъ смотрѣть нельзя, но конечно, если критика такъ на нее смотреть, то она можетъ восторгаться каждой лишней фигурой; но тогда нельзя говорить объ ея историческомъ характерѣ и имѣть претензію толковать великую ея мысль. Несомнѣнно, ученики должны были быть при Спасителѣ въ этомъ случаѣ, но дѣло въ томъ, что ихъ нужно было изображать, руководствуясь ихъ внутренними чертами, а не случайными признаками. Противъ изображенія Петра въ этомъ отношеніи нельзя ничего сказать. Іоаннъ могъ возсѣдать рядомъ съ Христомъ, но не какъ сынъ наивно-честолюбивой женщины, а какъ „любимый ученикъ“, какъ трогательный повѣствователь нѣкоторыхъ событій изъ жизни Христа, гдѣ онъ былъ очевидцемъ, напр. здѣсь, какъ то любящее сердце, которое держало его у груди Христа на Тайной Вечери и не измѣнило Ему до самого креста. На его лицѣ должны были быть написаны та чистота и та любовь, которыя составляли его отличительныя свойства, между тѣмъ совсѣмъ недостойно рисовать великаго апостола для напоминанія о непріятномъ обстоятельстве его жизни. Можно было нарисовать женъ муроносицъ потому, что извѣстно, что онѣ всюду слѣдовали за нимъ, напр. Марію Магдалину, Лазаря, „друга“ Его, у котораго Онъ провелъ прошлую ночь въ Вифаніи, или вѣрнѣе, не изображать ихъ, но взять типъ каждаго изъ нихъ, насколько онъ намъ открывается въ Евангеліи, какъ идеаль для изображенія ближайшихъ послѣдователей Христа. Но сдѣлать то, что

сдѣлалъ г. Подъновъ, или что ему приписываетъ г. Соболевъ, это все равно, что еслибы всѣхъ поименованныхъ мною лицъ изобразить слѣдующимъ образомъ: мѣроносицъ съ мѣромъ, Марію Магдалину съ распущенными волосами и въ слезахъ, Лазаря—четверодневнымъ въ пеленахъ, какъ онъ вышелъ изъ грота и т. п. Держась взгляда г. Соболева можно сказать, что картина отъ этого только бы выиграла; для эффекта можно было представить въ дали тамъ, гдѣ виденъ прекрасный пейзажъ Элеонской горы, Савла лежащаго на дорогѣ ницъ, пораженнаго откровеніемъ. Я не шучу и не иронизирую, я привожу этотъ примѣръ для указанія фальшивой точки зрѣнія, на которой, можно предполагать—стоялъ художникъ и съ какой написана критика г. Соболева. Въ самомъ дѣлѣ, что является большимъ нарушеніемъ исторической правды—нарисовать Иисуса Христа безъ головного убора или Марка въ храмѣ среди народа въ покрывалѣ на нагомъ тѣлѣ? Касательно перваго я сошлюсь на словарь Рима (стр. 61), что нѣкоторые бѣдные арабы и евреи носили вмѣсто повязки одинъ шнурокъ черезъ голову; что же касается покрывала, то просто невозможно допустить такой костюмъ утромъ въ храмѣ у здороваго юноши. Это изображеніе показываетъ не только ошибочное отношеніе художника къ избранному имъ событію, но непониманіе и того событія, которое ему дало поводъ это сдѣлать. Тамъ поздней ночью юноша, уже расположившійся спать, услышавъ шествіе съ пѣніемъ псалмовъ, выскопчлъ изъ дому и, увидавъ своего Учителя, послѣдовалъ за шествіемъ въ чемъ попало,—и вдругъ ему дѣлаютъ изъ этого постоянный костюмъ и этимъ разрушаютъ всю прелесть этого живаго и характернаго эпизода. Не касаясь остальныхъ лицъ, скажу нѣсколько словъ о Симонѣ Кириинскомъ. Какая надобность была помѣстить его на картинѣ. Неужели ради символическаго значенія добраго животнаго, на что намекаетъ г. Соболевъ? И какъ ему оказаться тамъ? Дѣло въ томъ, что его встрѣтили ведущіе Иисуса Христа на Голгоѣу возвращавшимся съ поля при выходѣ, нужно предполагать, изъ города чрезъ Евремовы ворота. Теперь спрашивается: какъ это Симонъ, возвращавшійся съ работы въ западные ворота города (Голгофа на западъ Іерусалима) могъ отправляться на свое поле къ востоку на Елеонскую гору черезъ храмъ, мощенный, весь обстроенный

колоннадами, на который нельзя было пробраться иначе какъ по ступенямъ. Кромѣ того есть указанія въ Талмудъ ²⁾, что запрещаютъ даже проносить постороннія вещи черезъ этотъ дворъ. Дѣло въ томъ, что одно это слово дало поводъ художнику къ совершенно ложному представленію. Именно ту часть храма, которой Иродъ, по свидѣтельству Юсіфа Флавія, болѣе всего гордился и которую особенно украсилъ въ виду его доступности чужимъ, онъ вообразилъ себѣ какъ запущенный дворъ, гдѣ между камнями растеть травка и т. п. Насколько же вообще неудачны оказались всѣ эти лица лѣвой стороны т.-е. и ничего не прибавили къ содержанію картины и сами не представили интереса, такъ какъ аллегорія никому не была понятна, видно изъ того, что большинство публики не узнавало вовсе этихъ лицъ, а одинъ просвѣщенный критикъ назвалъ апостоловъ странниками, а Марію (мать Марка) и Роду торговками. Правда, на него очень жестоко напустился г. Соболевъ, но я, взывая къ здравому смыслу, спрашиваю, чья вина публики или художника, когда первая въ созданіяхъ втораго не видитъ того, что онъ долженъ былъ дать. Плохо утѣшеніе, что это судьба всѣхъ великихъ людей; дѣло въ томъ, что для самого художника дѣйствительно апостолы—странники (вспомните: забота о палкахъ, объ утомленіи въ фигурахъ, Маркъ—неодѣтый юноша, Симонъ Киринейскій—работникъ). Я прибавлю одно: я желалъ думать, что это дѣйствительно простыя торговки, случайно попавшій работникъ и что здѣсь нѣтъ никакихъ Симоновъ, Марковъ и т. п. и мнѣ по временамъ казалось что брошюра г. Соболева есть не болѣе какъ пародія на критику и ловкій памфлетъ на картину.

Теперь мнѣ остается сказать о главномъ лицѣ картины—объ Іисусѣ Христѣ и скажу правду—пріятнѣе было бы не касаться здѣсь такихъ вопросовъ, какъ о головномъ уборѣ, объ одеждѣ и т. д. тѣмъ болѣе, что несомнѣнно художникъ вложилъ много старанія въ изображеніе этого лица. Но что же дѣлать, когда *выступаютъ* подобные вопросы, когда комментаторъ дѣлаетъ цѣлое событіе изъ вопроса о головномъ уборѣ. Разъ не даютъ непосредственно отдаться впечатлѣнію, разъ мы должны искать въ картинѣ не вдохновеніе, но историческую вѣрность, хотятъ

²⁾ У Stapfer'a пята на 394 стр. изъ Мишна Берахотъ IX.

увѣрять, что изображеніе Иисуса Христа составлялось на основаніи научныхъ изслѣдованій,—мнѣ приходится разсмотрѣть всѣ эти научныя данныя и говорить объ этомъ изображеніи такъ, какъ никогда не приходилось, удѣлять большое вниманіе внѣшности и обстановкѣ. Несомнѣнно художнику необходимо искать историческихъ справокъ касательно образа Иисуса Христа, но зачѣмъ выносить ихъ въ публику, зачѣмъ дѣлать ненужныя цитаты, какъ напр. о томъ, что Евсевій назвалъ человѣческой образъ Христа рабскимъ видомъ. Вѣдь епископъ хотѣлъ сказать, что рисовать Спасителя невозможно, что это будетъ его униженіемъ. Какой же имѣетъ эта цитата смыслъ для художника, который изображаетъ Христа? Это прямо сѣетъ сомнѣніе въ душѣ зрителя и портитъ непосредственное впечатлѣніе отъ картины. Но разсмотримъ сперва частности, чтобы потомъ остановиться на общемъ.

Въ чемъ былъ одѣтъ Господь Иисусъ Христосъ? Мы на это имѣемъ указанія въ Евангеліи: Онъ носилъ нижнюю сорочку, называемую хитонъ не особенно длинную, но цѣльную безъ швовъ,— и верхнюю, называемую по гречески ἱμάτιον, наподобіе римской,—туники. ἱμάτιον по гречески употребляется во первыхъ въ общемъ смыслѣ „одежда“, а потомъ въ Евангеліи и у Іосифа Флавія означаетъ специальную еврейскую одежду евангельской эпохи, по еврейски называемую talith и представляющую изъ себя какъ бы двѣ простыни сшитыя вмѣстѣ въ мѣшкообразный плащъ (смотри слово ἱμάτιον въ словарѣ Рима, а также Stapfer'a La Palestine 199 стр.). Отличительная черта этого плаща у евреевъ были разноцвѣтныя кисти на 4 концахъ, предписанныя закономъ. Художникъ повидимому думаетъ, что примѣнительно къ Иисусу ἱμάτιον употреблено въ общемъ смыслѣ и онъ можетъ его изобразить въ платьѣ, которое онъ находитъ болѣе подходящимъ. Такъ можно судить по единственной—странно сказать, цитатѣ изъ Евангелія,—именно у Іоанна сказано, что „Господь снялъ верхнюю одежду“, притѣмъ изъ Евангелія въ русскомъ переводѣ, и по разсужденію, что Господь не носилъ длинныхъ одеждъ, такъ какъ за это упрекалъ фарисеевъ. Но онъ ихъ упрекалъ за чрезмѣрно удлинняемыя и распускаемыя одежды, но за національную одежду онъ ихъ обличать не могъ, и между фарисейскими одеждами и курткой, снятой съ бареліефа г. Полѣновымъ, несомнѣнно есть середина.

Римскій барельефъ, изображающій плѣнныхъ—естьли это историческое свидѣтельство для опредѣленія одежды Христа? Я предложилъ бы художнику составить себѣ понятіе о турецкомъ національномъ костюмѣ по изображеніямъ турецкихъ плѣнныхъ въ Россіи въ прошлую кампанію. Дѣло же въ томъ, что есть въ самомъ Евангеліи указанія неопровержимыя на плащъ, а не на халатъ. При исцѣленіи кровоточивой прямо сказано (какъ и въ другихъ мѣстахъ) что она коснулась (по гречески) къ *крáстѣда*, кисти Его одежды, что явно указываетъ на еврейскій плащъ *talith* всякому знакомому съ археологіей того времени. Что касается головнаго убора, то кромѣ той цитаты, которую я привелъ выше о бѣдныхъ евреяхъ, несомнѣнно видно изъ Библии и другихъ источниковъ, что большинство носило на головѣ повязки изъ платковъ. Корень еврейскихъ словъ указываетъ именно на *завязываніе*. Оттого я склоняюсь ко мнѣнію *Stapfer'a*, что Господь, если носилъ головной уборъ, то именно повязку съ концами ниспадающими на плечи и думаю, что это могло бы служить изящной рамкой для лица Христа, какъ полотенце Нерукотвореннаго Образа. Мнѣ кажется—повторяю—дѣло, не въ обстановкѣ, а въ выразительности лица, и въ головномъ уборѣ публика признала бы хорошо написаннаго Христа скорѣе, чѣмъ въ этотъ разъ безъ онаго. Но нужно имѣть въ виду, что уже сотни лѣтъ изображается Господь безъ убора на головѣ и оттого опять совершенно лишни и даже вредны толки по этому поводу, брошенные въ публику г. Соболевымъ. Но какъ бы то ни было, и безъ *шапочки* Христа на картинѣ многіе не узнавали сразу и не находили. Отчего это происходитъ? Конечно отъ мѣста ему отведеннаго и наконецъ отъ самого типа Его лица. Несомнѣнно поза, данная Иисусу Христу художникомъ, очень хороша и изящна по своей естественности; иначе кажется трудно изобразить Его въ согбенномъ видѣ, но повторяю: Его нужно было сдѣлать нравственнымъ центромъ событія. Въ картинѣ есть какая-то значительная ошибка не въ технической, а въ идейной перспективѣ; и наконецъ что касается самого лица, то несомнѣнно выражая свою мысль, свое пониманіе и чувство, художникъ долженъ былъ держаться типа Иисуса Христа, къ какому мы привыкли, какъ типа историческаго. Я этимъ вовсе не хочу сказать, что у насъ есть исторически доказанное изо-

браженіе Богочеловѣка, но историческимъ его сдѣлала исторія христіанскаго человѣчества, многія столѣтія дѣлющаго въ своей душѣ этотъ образъ. Его созданію содѣйствовало все, что было лучшаго какъ въ талантѣ художника такъ и въ чувствахъ христіанина. И отказаться отъ этого было бы громадной ошибкой. Это все равно какъ изорвать драгоцѣнный, но поврежденный пергаментъ, надъ разборомъ котораго уже работали многіе ученые, оттого, что они его прочли не вполнѣ и не безъ ошибокъ. Я вполнѣ согласенъ съ г. Быковскимъ (Русскія Вѣдомости), что всѣ цитаты, приведенныя у г. Соболева, показывающія что нѣтъ сохранившагося образа Христа, не даютъ права художнику давать изображеніе, къ которому мы не привыкли. Что же касается собственно вопроса о красотѣ, то несомнѣнно есть предположенія еще съ первыхъ временъ, что Христосъ не былъ красивъ, но это свидѣтельства не лицъ желавшихъ изобразить Христа, а крайнихъ спиритуалистовъ, не считавшихъ достойнымъ изображать Христа. Но художникъ служитъ красотѣ и если онъ беретъ за изображеніе Богочеловѣка, если онъ вдохновляется желаніемъ запечатлѣть образъ Бога, какъ Онъ являлся людямъ, и онъ считаетъ свое искусство достойнымъ этого, то ему нѣтъ дѣла до этихъ мнѣній, онъ долженъ стараться понять весь внутренній характеръ Божественнаго лица и вмѣстѣ съ тѣмъ пскать тѣ черты, которыя могутъ воплотить этотъ характеръ; т.-е. его изображеніе должно блестятъ или внѣшней или внутренней красотой. Мнѣ кажется художнику болѣе всего долженъ быть дорогъ образъ Іисуса Христа красивый; кому какъ не ему желать облечь красотой Истину, ему—служителю красотѣ? Но во всякомъ случаѣ онъ не иллюстраторъ различныхъ историческихъ взглядовъ, хотя бы они и принадлежали почтенному епископу церкви. Мнѣ нужно, чтобы у художника былъ свой излюбленный идеалъ и чтобы онъ сѣумѣлъ меня этимъ идеаломъ увлечь. Говорять, нужно стать на точку зрѣнія художника. Нѣкоторые это отрицаютъ. Я же съ удовольствіемъ готовъ стать на неё, но нужно, чтобы онъ сѣумѣлъ ее мнѣ опредѣленно показать. Я допускаю—какъ это ни трудно—что художникъ видитъ особенный смыслъ въ изображеніи Іисуса Христа некрасивымъ, но на картинѣ и этого нѣтъ. Меня ставить передъ картиною и говорить: „ты думаешь увидѣть Хри-

ста съ тѣми чертами, какъ привыкли всѣ Его видѣть, и хочешь у меня искать выраженіе, которое я Ему придамъ въ этомъ случаѣ; нѣтъ, напрасно: твое представленіе вовсе не историческое; на это есть совершенно разные взгляды“ и затѣмъ слѣдуетъ масса цитатъ противоположныхъ во взглядахъ, и меня какъ-будто хотятъ увѣрить, что изображенія художника суть не болѣе какъ примиреніе двухъ взглядовъ о красотѣ и некрасотѣ Иисуса Христа ³⁾). Вотъ въ чемъ секретъ неудовлетворенія публички въ особенности съ перваго раза.

Впрочемъ здѣсь опять является главнымъ образомъ вредъ комментарий къ картинѣ; здѣсь опять или комментаторъ или самъ художникъ клеветаетъ на себя. На самомъ дѣлѣ онъ ничего не примирялъ, онъ несомнѣнно изображалъ Христа, какъ Онъ ему представляется, онъ несомнѣнно вложилъ въ это изображеніе свое личное чувство, свою мысль, но бѣда въ томъ, что онъ былъ подъ гнетомъ своего исканія реальности и исторической вѣрности, онъ не отдался откровенно своему идеалу и постоянно спотыкался на мысляхъ о мелкихъ подробностяхъ костюма и т. д. Можетъ быть покажется, что я впадаю этими замѣчаніями въ противорѣчіе съ той защитой реально-исторической картины, которою я началъ статью. Но я долженъ оговориться. Я защищаю историческій характеръ картины, но вопросъ, чтѣ такое исторія. Исторію нельзя узко понимать, какъ рядъ археологическихъ подробностей, какъ рядъ фактовъ; историческимъ пониманіемъ называется пониманіе всего духа, всего характера извѣстной эпохи; археологическія подробности суть только пособіе къ изученію и пониманію исторіи, и набравъ извѣстные даже вѣрные историческіе факты и археологическія черты, нельзя еще писать исторической монографіи, тѣмъ болѣе историческую драму или рисовать историческую картину. Ни подлинныя башмаки, ни вѣрно срисованные типы не дѣлаютъ картины исторической, если она не проникнута духомъ данной эпохи, какъ не будутъ великолѣпно одѣтые и загримированные актеры въ ложно-классическихъ трагедіяхъ или современныхъ опереткахъ — римлянами, греками, турками, китайцами и т. д. Проникнувшись духомъ исторіи, понявъ духъ еврейскаго народа, не подумаешь

³⁾ Г Соболева брошюра стр. 44 строки 11—13

рисовать евреевъ современныхъ Христу съ такими кровожадными и безобразными чертами, потому что въ то время еврейство было цвѣтомъ челоѣчества, было народомъ, сохранявшимъ и въ религіи и въ жизни чистоту расы, красота котораго была извѣстна въ тѣ времена, на что есть указанія въ Библии, начиная съ Іосифа прекраснаго и кончая Іосифомъ Аримаѣйскимъ; также и въ Римѣ цѣнилась красота еврейскихъ женщинъ и многіе императоры приближали ихъ къ себѣ; теперь еврейскій народъ несетъ въ своихъ чертахъ слѣды вѣковаго раздраженія, обиды, озлобленія и то можно съ легкостью случайно встрѣтить толпу гораздо благообразнѣе изображенной г. Подгѣновымъ. Зналъ исторію, нельзя изображать фарисея и саддукея въ такихъ раздраженныхъ позахъ, когда отличительною чертою ихъ было лицемѣрное спокойствіе и наружное безстрастіе, нельзя изображать еврейскую толпу съ камнями въ рукахъ въ храмѣ или рисовать всѣхъ этихъ Марковъ, Симоновъ и т. д.

Повторяемъ: подготовленный изученіемъ археологіи, проникнутый духомъ извѣстной исторической эпохи, художникъ, заинтересованный, вдохновленный какою-нибудь темой изъ этой эпохи, долженъ весь отдаться своему вдохновенію и вылить его въ извѣстной формѣ, но не быть рабомъ мелкихъ подробностей, не быть подъ гнетомъ историческихъ справокъ. Напр. художнику для того, чтобы вѣрно изобразить природу на картинѣ, пришлось съѣздить на мѣсто, но онъ вѣдь не списывалъ тамъ этотъ прекрасный пейзажъ, эту прелестную зелень, это чудное освѣщеніе, онъ только вдохновлялся, только постигъ характеръ палестинской природы и въ своихъ чудныхъ эскизахъ приучилъ свою руку къ изображенію этой природы, а потомъ отдался вдохновенію—и въ этомъ секретъ прелести его пейзажа. То же самое слѣдовало сдѣлать со всей бытовой и исторической обстановкой картины. Отъ изученія археологическихъ подробностей, которымъ несомнѣнно авторъ посвятилъ много времени, слѣдовало перейти къ изученію характера эпохи, главнымъ образомъ по первоисточникамъ,—и тогда бы этотъ характеръ вылился въ картинѣ и вмѣстѣ избѣжались бы и историческія ошибки, потому что лишь вниманіе духа эпохи, лишь вполне опредѣленный взглядъ историка на изучаемый предметъ научааетъ его распредѣлять свой сырой матеріалъ. При такихъ условіяхъ картина подымается надъ

иллюстраціей исторіи и становится самостоятельнымъ произведеніемъ искусства. Вотъ такой-то цѣльности дѣйствія и нѣтъ въ картинѣ г. Полѣнова: несмотря на все стараніе и оригинальность художника, нѣтъ ничего, что бы онъ увѣковѣчилъ. Нельзя сказать, чтобы онъ намъ далъ такой образъ Христа, который можетъ послужить для подражанія дальнѣйшихъ художниковъ, несмотря на то субъективное чувство, которое онъ вложилъ въ это изображеніе,—чтобы онъ далъ вѣрную постановку изображаемаго событія, служащую отображеніемъ евангельскаго повѣствованія,—чтобы онъ изобразилъ такіе типы, которые бы стали историческими. Несмотря на всѣ труды, все осталось на положеніи попытки, историческихъ догадокъ, противъ которыхъ можно спорить, противъ которыхъ есть ясное опроверженіе въ первоисточникахъ. Обидно, когда, какъ говорятъ, десятилѣтній трудъ послужилъ не для того, чтобы дать намъ цѣльное зданіе, воздвигнутое вдохновеніемъ художника, предъ величіемъ котораго мы не могли бы не поклониться, а далъ намъ собранный, вмѣстѣ матеріалъ; обидно, когда вмѣсто одной оригинальной идеи, являются результатомъ этого труда археологическія гипотезы, на которыя безъ труда можетъ отвѣтить каждый изъ насъ. Я по крайней мѣрѣ жалѣю этотъ долготѣнный и добросовѣстный трудъ. Тѣмъ не менѣе намъ жаловаться на это нельзя, публика должна быть только благодарна г. Полѣнову. Уже одно то, что послѣ ряда громаднхъ полотнъ за послѣдніе года, оскорбляющихъ религіозныя, нравственныя, патріотическія и эстетическія чувства, вниманію публики была представлена такая тема,—это большая заслуга художника. Это подняло интересъ къ такого рода высокимъ предметамъ, какъ вопросъ о событіяхъ и обстановкѣ жизни Господа нашего. Казалось, со стороны русскаго художника — подвигъ рисовать картину на подобную тему въ то время, какъ вкусъ публики столько лѣтъ портился тенденціозными живописцами, когда богохульная картина производила шумъ и приносила барыши фабриканту Верещагину. И нашъ художникъ сознательно пошелъ на этотъ подвигъ, онъ трудился 10 лѣтъ. Но онъ увидѣлъ, что трудъ его оцѣненъ, что есть публика, которая ищетъ такого рода картинъ. Нынѣшняя выставка собрала неслыханное въ Москвѣ количество 30.000 посѣтителей. Трудъ художника получилъ высокую денежную оцѣнку со стороны Ав-

густѣйшаго покупателя. Это все должно давать бодрости на пути имъ выбранномъ, а намъ надежду увидѣть дальнѣйшій его трудъ, болѣе совершенный. Онъ вѣроятно сдумаетъ избѣжать многихъ нынѣшнихъ ошибокъ и навѣрно избѣжитъ главной. Онъ не допуститъ въ другой разъ комментаріевъ на его картину, распространяемыхъ на выставкѣ какъ бы отъ его имени или имени цѣлаго общества художниковъ, комментаріевъ прямо вредившихъ картинѣ, въ особенности своей неумѣренной и неумѣлой похвалой.

Знакомство же художника со всѣмъ археологическимъ матеріаломъ евангельской эпохи, рѣдкое умѣніе изображать природу Палестины, лично посѣщенной и изученной, его любовь къ этой эпохѣ и къ этому мѣсту, его искренность, заставляютъ думать, что новая картина будетъ ему стоить менѣе труда, въ особенности труда неблагодарнаго, подготовительнаго,—и что онъ, все болѣе и болѣе сближаясь не путемъ внѣшняго изслѣдованія, но внутренне духомъ съ евангельской эпохой, подаритъ насъ исторической картиной, которая бы составила гордость русскаго искусства.—Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ какъ не въ православной Россіи можно ожидать въ нашъ вѣкъ развитія религіозной живописи, а г. Полѣновъ несомнѣнно долженъ и можетъ этому послужить, все болѣе и болѣе проникаясь истинно — національнымъ чувствомъ. Это моя надежда и мое искреннее ему пожеланіе.

И. Кристи.

Апрѣль.—Май
1887 г.

ГОДИЧНОЕ СОБРАНИЕ МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА.

7-го іюня торжественно праздновалась семнадцатая годовщина Православнаго Миссіонерскаго общества, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріа Феодоровны и подъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнѣйшаго митрополита московскаго Іоаннікія. Въ день годовщины, литургію въ Успенскомъ соборѣ совершалъ высокопреосвященнѣйшій Іоаннікій, въ сослуженіи съ архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря Арсеніемъ, протопресвитеромъ Успенскаго собора о. Сергіевскимъ и другими членами Общества изъ среды Московскаго духовенства. Послѣ литургіи, владыкою, въ сослуженіи съ членами Миссіонерскаго общества, совершень былъ торжественный молебенъ, по окончаніи котораго въ муроварной палатѣ послѣдовало годичное собраніе Православнаго Миссіонерскаго общества. Оно происходило подъ предсѣдательствомъ владыки, въ присутствіи перваго помощника предсѣдателя, преосвященнаго Мисаила, епископа дмитровскаго, викарія московскаго, епископа Петра, управляющаго Ставронигіальнымъ Новоспасскимъ монастыремъ, духовныхъ и свѣтскихъ членовъ общества и многочисленной публики. При входѣ въ Муроварную палату митрополита съ епископами, хоромъ Синодальныхъ пѣвчихъ былъ исполненъ тропарь: *Благословенъ еси Христе Боже Нашъ*. За тѣмъ всѣ заняли мѣста и предсѣдающій Владыка-митрополитъ предложилъ присутствовавшимъ выслушать годовой отчетъ о дѣятельности Общества и его отдѣленій и миссій въ 1886 году. Изъ прочитаннаго отчета, между прочимъ, видно, что общество въ отчетномъ году имѣло 7,169 дѣйствительныхъ членовъ, изъ коихъ 422 было пожизненныхъ. Отдѣленія, или комитеты общества находились въ 36 епархіяхъ, не считая московской, гдѣ состоитъ совѣтъ общества. Членскихъ взносов и процентовъ на капиталы общества получено было 53,792 р. доходовъ отъ Боголюбской миссіонерской въ Москвѣ часовни получено 7,791 руб. а всего 61,584 руб. По комитетамъ въ отчетномъ году поступило всего 55,962 р. Всѣ же поступления достигли цифры 117,547 руб. Кромѣ того въ кассу поступило еще 31,089 р. кружечнаго сбора на распространеніе православія въ

Имперіи. Вся же сумма съ остаткомъ 1885 года (5⁰,513 р.) дошла до 699,151 рублей. Весь расходъ Общества въ минувшемъ году былъ 160,357 руб., въ томъ числѣ на содержаніе миссій и миссіонерскихъ учреждений 129,589 рублей.

Независимо отъ чтенія отчета, всѣмъ членамъ розданъ былъ печатный рапортъ совѣту общества отъ начальника Россійской духовной миссіи въ Японіи, епископа Николая, которымъ преосвященный Николай увѣдомляетъ, что постройка храма въ Токио доведена уже до купола, но что на окончаніе этой постройки у него изсякли средства, и просить для этой цѣли обратиться къ благотворителямъ. Къ рапорту приложенъ и самый видъ строящаго въ Японіи храма. Отчетъ объ алтайской и киргизской миссіяхъ томской епархіи за 1886 годъ также розданъ былъ въ печатныхъ экземплярахъ. Не смотря на всѣ трудности, представляемыя природою на Алтаѣ и фанатизмомъ иновѣрцевъ, миссія вела свои дѣла весьма успѣшно. Миссіонерами въ истекшемъ году сдѣлано 30,587 верстъ въ Алтайскомъ округѣ и обращено въ православную вѣру 639 душъ обоюга пола и кромѣ того въ 28 миссіонерскихъ школахъ обучалось 498 мальчиковъ и 236 дѣвочекъ.

Послѣ чтенія отчета, приступлено было къ выбору втораго помощника предсѣдателя, каковымъ оказался избраннымъ Московскій губернскій предводитель дворянства графъ С. Д. Шереметевъ. Въ члены ревизіонной комиссіи избраны: протоіерей: П. І. Капустинъ, В. П. Рождественскій, тайный совѣтникъ П. Н. Зубовъ и почетный гражданинъ С. Д. Ширяевъ. *Пер. Вид.*

ДѢЛО О НЕЗАКОННОЙ ТОРГОВЛѢ ЦЕРКОВНЫМИ СВѢЧАМИ ВЪ Г. ВЛАДИМІРѢ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у насъ во Владимірѣ открылся Епархіальный заводъ церковныхъ свѣчей по примѣру сосѣднихъ епархій—Московской и Нижегородской. Конечно, съ открытіемъ такого завода бывшіе частные торговцы и заводчики церковныхъ свѣчей, не имѣя возможности съ такимъ крупнымъ предпріятіемъ конкурировать, особенно при точномъ исполненіи закона не продавать въ однѣ руки менѣе 20 фунтовъ, прикрыли свою торговлю, а Епархіальный заводъ изъ своихъ прибылей сталъ большою подмогою въ средствахъ духовенству на его различныя общественныя нужды. Такъ изъ этихъ средствъ стало поддерживаться и развиваться существующее во Владимірѣ Епархіальное женское духовное училище. Благодаря имъ же, духовенство нашло возможность выстроить общежитіе въ мужскомъ духовномъ училищѣ и начать строить таковое же въ довольно обширныхъ размѣрахъ при мѣстной духовной семинаріи.

Но съ 1 января сего 1887 года прѣѣзжаетъ къ намъ во Владиміръ изъ Москвы нижегородскій цеховой И. Н. Блиновъ и открываетъ лавку съ продажей восковыхъ церковныхъ свѣчъ, въ Гостинномъ ряду, недалеко отъ лавки свѣчнаго Епархіальнаго завода. Всѣ мѣстные бывшіе заводчики и торговцы восковыми церковными свѣчами не мало были удивлены такимъ явленіемъ. Стали задавать вопросъ: да какъ же будетъ вести Блиновъ конкуренцію съ Епархіальнымъ заводомъ, когда по цѣнамъ воска эта конкуренція немислима? Но новый торговецъ нашелся: онъ запасся въ громадныхъ размѣрахъ свѣчами не изъ чисто пчелинаго воска, а изъ воска съ примѣсю парафина или церезина (такъ называемаго „минеральнаго воска“). Это дало возможность Блинову понизить цѣну свѣчей противъ цѣны на Епархіальномъ заводѣ, и онъ началъ бойко торговать. Но этого мало: новый торговецъ не постѣснился и закономъ, запрещающимъ продавать въ однѣ руки менѣе 20 фунтовъ, и сталъ производить розничную торговлю отдѣльно, по свѣчамъ. Дѣло пошло еще бойчѣе, тѣмъ болѣе, что открытіе новой лавки какъ разъ совпало съ богослуженіемъ, совершаемымъ въ церквахъ 5 января по случаю водоосвященія, когда всегда бываетъ громадная потребность въ свѣчахъ.

Пошла о практикѣ новаго торговца молва, и въ виду ея на основаніи закона 28 августа 1808 года, безусловно запрещающаго розничную продажу восковыхъ церковныхъ свѣчъ изъ частныхъ нецерковныхъ лавокъ (§ V), и преслѣдующаго такую продажу, какъ подлогъ (§ VII и слѣд.), возбуждено было противъ Блинова преслѣдованіе въ порядкѣ, который указанъ въ упомянутомъ законѣ.

Актами 5 января и 5 февраля сего года, составленными податнымъ инспекторомъ, въ присутствіи торговой депутаціи, полиціи, свидѣтелей и заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ, установлены были слѣдующія данныя: 1) что Блиновъ продалъ двумъ лицамъ Б. и З. изъ своей лавки восковыя свѣчи спеціально для употребленія при церковномъ богослуженіи, совершаемомъ 5 января въ православныхъ храмахъ по случаю водоосвященія, и притомъ посвѣчно, т.-е. въ количествѣ менѣе 20 фунтовъ; и 2) что свѣчи въ лавкѣ Блинова какъ по сортамъ и размѣрамъ (паникадилыня, выносныя, налѣпки и т. д.), такъ и по наружнымъ украшеніямъ (изображеніямъ Спасителя, Божіей Матери, креста и пр.), а равно по упаковкѣ, клеймамъ на оберткахъ и по объявленіямъ, разосланнымъ съ обращеніемъ „къ церковнымъ старостамъ“, несомнѣнно предназначены для употребленія исключительно при церковномъ богослуженіи, и не для чего иного, даже для продажи сектантамъ, употреблены быть не могутъ.

Согласно порядку, указанному закономъ 28 августа 1808 г., дѣло было направлено въ мѣстную казенную палату.

Палата, получивъ дѣло къ производству, возбудила вопросъ о внутреннемъ составѣ конфискованныхъ свѣчъ. Изъ экспертизы, которой онѣ были подвергнуты, выяснилось, что бѣлыя свѣчи Блинова состояли не изъ чистаго пчелинаго воска, а заключаютъ примѣсъ минеральнаго воска; а свѣчи желтыя по удѣльному вѣсу могутъ быть признаны сдѣланными изъ чисто пчелинаго воска, но утверждать это экспертиза не рѣшилась, въ виду невозможности въ короткое время произвести анализъ.

Получивъ такой отзывъ экспертовъ, палата вошла въ обсужденіе слѣдующихъ вопросовъ: 1) была ли произведена продажа свѣчей изъ лавки Блинова количествами менѣе 20 фунтовъ, для церковнаго богослуженія, вопреки закону 28 августа 1808 года; 2) какія именно свѣчи продавалъ Блиновъ, собственно церковныя, или же такія, которыя, по разъясненію въ циркулярѣ деп. торг. и мануф. отъ 8 марта 1878 года № 1563, идутъ „на разныя другія надобности въ общежитіи“, напримѣръ для освѣщенія комнатъ; и 3) для какой надобности предназначались свѣчи, конфискованныя въ лавкѣ Блинова. Эти три вопроса палата разрѣшила слѣдующимъ образомъ: 1) что изъ лавки Блинова свѣчи проданы были для употребленія при церковномъ богослуженіи, и притомъ въ количествѣ менѣе 20 фунтовъ; 2) что всѣ свѣчи имѣютъ безусловно видъ свѣчей, исключительно употребляемыхъ при церковномъ богослуженіи, и что такія свѣчи ни для освѣщенія комнатъ ни на другія какія надобности въ общежитіи предназначаться не могли и не продавались; но что по внутреннему своему содержанію эти свѣчи, какъ состоящія не изъ чистаго пчелинаго воска, не могутъ быть названы церковными восковыми свѣчами, какъ это разъяснилъ Правительствующій Сенатъ по дѣлу Фейерверкера и Зворыкина (1884 г. 18 января № 1067), и 3) что свѣчи Блинова неминуемо распространяются по святымъ храмамъ наравнѣ съ свѣчами изъ чисто пчелинаго воска чрезъ покушку ихъ старостами и богомольцами, не имѣющими возможности отличать поддѣльныя восковыя свѣчи отъ настоящихъ. Последнее заключеніе выведено палатою изъ отзывовъ консисторіи и духовнаго депутата. Палата соглашалась съ нами, что Блиновъ не только подрываетъ интересы церкви раздробительною продажей свѣчъ вопреки закона 28 августа 1808 г., но и нарушаетъ святость самаго учрежденія. Соглашалась, что употребленіе свѣчей Блинова производитъ въ храмахъ копоть и дымъ, причиняющій нѣчто въ родѣ морской болѣзни молящимся. По найденному внутреннему составу свѣчи Блинова однако не могутъ называться въ буквальномъ смыслѣ тѣми церковными, за продажу которыхъ въ количествѣ менѣе 20 фун-

товъ виновные должны быть преслѣдуемы по закону 28 августа 1808 г., хотя и несомнѣнно, что будучи совершенно сходны по наружному виду съ церковными восковыми свѣчами, онѣ продавались для употребленія при церковномъ богослуженіи, и самое приглашеніе Блинова, обращенное къ почтеннѣйшимъ церковнымъ старостамъ, ясно говорило о намѣреніи его распространить поддѣльные свѣчи именно въ церквахъ. Палата соглашалась, что отъ такого покушенія церковь должна быть ограждена закономъ властью, и незаконный торговецъ долженъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за продажу для употребленія при церковномъ богослуженіи непригодныхъ къ тому свѣчей; но огражденіе интересовъ церкви отъ наплыва поддѣльныхъ свѣчей и привлеченіе незаконнаго торговца къ отвѣтственности, падаеть, по ея мнѣнію, уже на обязанность общихъ судебныхъ мѣстъ. На этихъ основаніяхъ палата, руководствуясь 124 и 136 ст. учр. суд. устан., возбужденное противъ Блинова преслѣдованіе передала въ вѣдѣніе мѣстнаго прокурора.

Прокуроръ на дѣло Блинова посмотрѣлъ совсѣмъ легко. Въ своемъ отношеніи палатѣ онъ высказался, что въ дѣлѣ Блинова обращаетъ на себя вниманіе только одна 173 ст. уст. о наказ. налаг. мир. суд., опредѣляющая наказаніе за обманъ въ качествѣ товара и относящаяся къ преступленіямъ, называемымъ мошенничествомъ, подъ именемъ котораго на основаніи 1665 ст. ул. о нак. признается похищеніе чужаго имущества, обманомъ учиненное. „Принимая въ соображеніе, продолжаетъ прокуроръ, 1) Что въ данномъ случаѣ Блиновъ хотя и торговалъ свѣчами, имѣвшими внѣшній видъ церковныхъ свѣчей, но при этомъ изъ дѣла не видно, чтобы онъ обманывалъ своихъ покупателей увѣреніями, что свѣчи эти приготовлены изъ чистаго пчелинаго воска, что впрочемъ большинство прихожанъ и не знаетъ, но при этомъ указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, состоявшимся 10 іюля 1886 г. за № 11, воспрещается ограниченіе пріема отъ прихожанъ пожертвованій свѣчами, выдѣланными не изъ чистаго пчелинаго воска, а въ замѣнъ того предлагается употреблять мѣры архипастырскаго воздѣйствія къ побужденію причтовъ, старостъ и прихожанъ пріобрѣтать церковныя свѣчи не отъ частныхъ торговцевъ, а изъ епархіальныхъ заводовъ, гдѣ онѣ дѣлаются изъ чистаго воска,—оказывается, что покупатели восковыхъ свѣчъ, сдѣланныхъ не изъ чистаго воска, а съ другими примѣсями, не вводятся этимъ въ убытокъ, такъ какъ имѣютъ возможность дать имъ именно то назначеніе, для котораго онѣ куплены и слѣдовательно не могутъ считаться обманутыми; для соблюденія же доходовъ церкви, должны быть употребляемы архипастырскія воздѣйствія“ *) По

*) Просимъ обратить вниманіе на грамотность г. прокурора.

изложеннымъ соображеніямъ, не усматривая въ дѣйствіяхъ Блинова признаковъ уголовного преступленія и потому не признавая за собою права сдѣлать распоряженіе о возбужденіи противъ Блинова судебного преслѣдованія, прокуроръ возвратилъ въ казенную палату все производство по этому предмету и конфискованныя свѣчи.

Таковъ былъ финалъ дѣла о незаконной торговлѣ свѣчами. Казенная палата, получивъ отношеніе прокурора, опредѣлила конфискованныя свѣчи, имѣвшіяся при дѣлѣ, возвратить Блинову, а равно возвратить ему же и всѣ свѣчи, которыя были конфискованы въ его лавкѣ и которыя по закону 1803 г. (§ 11) должны поступить въ доходъ церкви. Послѣднихъ добавимъ отъ себя, было конфисковано около 300 пудовъ на сумму болѣе 7,000 руб.

Послѣ всѣхъ разсказанныхъ тревоженій Блиновъ, покрытый ореоломъ славы въ борьбѣ съ закономъ, поспѣшилъ взять конфискованныя было у него свѣчи, и въ своей вновь открытой лавкѣ, прибавилъ только къ прежней вывѣскѣ „торговля восковыми свѣчами“ мелкимъ шрифтомъ: „изъ минеральнаго воска“. А за тѣмъ, на удивленіе и зависть всѣхъ прежнихъ мѣстныхъ заводчиковъ и торговцевъ церковными свѣчами, бойко продолжаетъ прерванную торговлю и оптомъ и въ розницу и по-свѣчно.

Къ поясненію сказаннаго дѣла не мѣшаетъ читателю знать слѣдующее. Законъ 28 августа 1808 года есть законъ спеціальнѣйшій, исключительный, и въ немъ указаны: I, особый административный порядокъ преслѣдованія лицъ, виновныхъ въ „подложной“ продажѣ церковныхъ свѣчъ, чрезъ чиновъ полиціи и по высочайше утвержденному 9 февраля 1865 г. Положенію о пошлинахъ за право торговли (циркуляръ министерства финансовъ отъ 8 марта 1878 г. № 1363); II, особое наказаніе виновныхъ немедленно конфискаціею свѣчъ и взысканіемъ двойной пени стоимости послѣднихъ въ первый разъ, а во второй сверхъ того отсылкою виновныхъ къ суду по законамъ (§ 11 зак. 28 августа 1808 г.). Въ виду такихъ ясныхъ указаній закона, казенная палата сама обязана была обсудить, совершена ли Блиновымъ „подложная“ продажа церковныхъ свѣчъ, и если совершена—подвергнуть его взысканію, указанному въ 11 § зак. 28 августа 1808 г., а не пересылать дѣло къ прокурорскому надзору. Признавъ не подлежащимъ своему вѣдѣнію, палата открыла себѣ возможность уклониться отъ надлежащаго обсужденія дѣйствій Блинова. Такъ она признала не подлежащимъ сомнѣнію фактъ продажи свѣчъ Блиновымъ менѣе 20 фунтовъ для употребленія при церковномъ богослуженіи и пришла къ заключенію, что въ данномъ случаѣ церковь должна быть ограждена надлежащею властію, а Блиновъ долженъ быть подвергнуть отвѣт-

ственности. Между тѣмъ своею властью церкви она не оградила и Блинова ответственности не подвергла, устранивъ себя отъ обсуждения дѣйствій Блинова подъ предлогомъ своей некомпетентности.

Затѣмъ палата и по существу дѣла высказала неправильное сужденіе. Установивъ, что Блиновъ продавалъ церковныя свѣчи въ розницу менѣе 20 фунтовъ, она нашла, что въ церквахъ должны употребляться свѣчи „изъ чистаго пчелинаго воска“, а свѣчи-де Блинова сдѣланы не изъ чистаго—слѣдовательно, не могутъ называться въ буквальномъ смыслѣ „церковными восковыми свѣчами, за продажу которыхъ въ количествѣ менѣе 20 фунтовъ виновные должны быть преслѣдуемы по закону 28 августа 1808 года“. Въ силу этого-то Блиновъ, хотя несомнѣнно нарушившій законъ 28 августа 1808 г., не подлежитъ, по мнѣнію казенной палаты, взысканію, ибо-де свѣчи его по буквальному смыслу не подходятъ подъ дѣйствіе того закона. Но говоря о „буквальномъ“ смыслѣ закона, палата, кажется, не совсѣмъ изучила его; въ немъ нигдѣ не говорится о „восковыхъ церковныхъ свѣчахъ“, а просто „церковныхъ“. Цѣлю закона 28 августа 1808 г. оградить церковныя доходы отъ „алчнаго корыстолюбія“ посягающихъ на эти доходы частныхъ лицъ, и привилегія церкви состоитъ не въ исключительномъ правѣ выдѣлывать свѣчи изъ чистаго пчелинаго воска (это право и другимъ предоставлено), а въ исключительномъ правѣ розничной продажи свѣчъ для употребленія при церковномъ богослуженіи. Поэтому-то фактъ розничной продажи свѣчей для употребленія въ церквахъ уже самъ по себѣ составляетъ поступокъ, подлежащій карѣ по закону 28 августа 1808 г. Если же при такомъ нарушеніи закона нарушители будутъ употреблять еще матеріалъ поддѣльный, то ихъ должно тѣмъ болѣе преслѣдовать, разсматривая поддѣлку матеріала какъ увеличивающее вину обстоятельство. Толковать же законъ въ томъ смыслѣ, какъ толкуетъ его казенная палата въ разсматриваемомъ случаѣ, значитъ совсѣмъ отмѣнить дѣйствіе закона. Извѣстно, что „церезинъ“ значительно дешевле пчелинаго воска, продавать вмѣсто восковыхъ свѣчъ поддѣльныя необыкновенно выгодно. Понятно, что стоитъ только объявить безнаказанною продажу поддѣльныхъ свѣчей, то законъ 28 августа 1808 г. будетъ мертвымъ закономъ, а церковныя интересы вопреки волѣ законодателя будутъ отданы въ жертву „алчному корыстолюбію“ торговцевъ. Мнѣніе казенной палаты такимъ образомъ не только не оправдывается закономъ 28 августа 1808 г., но прямо противорѣчитъ его буквальному содержанию и цѣли.

Правда, казенная палата ссылается на дѣло Фейерверкера и Зворыкина 18 января 1884 г. за № 1067. По мнѣнію палаты,

Сенать освободилъ Зворыкина отъ взысканія, опредѣленнаго закономъ 28 августа 1808 года потому, что свѣчи оказались сдѣланными не изъ чистаго пчелинаго воска, а съ примѣсю „черезина“. Но содержаніе указа вовсе не позволяеть сдѣлать изъ него такой выводъ. Сенать, кажется, освободилъ Зворыкина отъ взысканія потому, что не доказано было нарушеніе Зворыкинѣмъ закона 28 августа 1808 года. Мысль эта выражена въ приведенныхъ соображеніяхъ о томъ, что фактъ продажи Зворыкинѣмъ свѣчей для церковнаго употребленія въ розницу не доказанъ; что свѣчи были въ закрытыхъ ящикахъ; что привезены онѣ Зворыкинѣмъ провѣдомъ лишь въ ярмарку, сдѣланныя изъ „черезина“; назначались онѣ для домашняго употребленія, на елки и т. п. Очевидно, указаніе на матеріалъ свѣчей принято, только какъ одно изъ многихъ соображеній, оправдывающихъ показаніе Зворыкина, что онъ продаетъ свѣчи не для церковнаго употребленія. Не говоря уже о томъ, что дѣло Зворыкина ничего не имѣетъ общаго съ дѣломъ Блинова, безспорно уличеннаго въ розничной продажѣ свѣчь для церковнаго употребленія исключительно при церковномъ богослуженіи, — не понятно, какъ палата могла выдѣлить одно изъ второстепенныхъ соображеній внѣ связи съ другими и приписать Сенату мысль о ненаказуемости продажи церковныхъ свѣчь въ количествѣ менѣе 20 фунтовъ на томъ единственно основаніи, что свѣчи не чисто восковыя. Не понятно особенно потому, что Сенать, какъ высшій блюститель правильнаго примѣненія законовъ, не могъ высказать такой мысли, которая бы въ корнѣ подрывала самое существованіе закона. Не говоримъ уже о томъ, что казенная палата не имѣла, кажется, данныхъ для признанія всѣхъ свѣчей Блинова поддѣльными. Экспертизою желтыя свѣчи признаны сдѣланными изъ чистаго воска; пусть экспертиза не утверждаетъ этого положительно, но не доказано и противнаго; такимъ образомъ желтыя свѣчи, конфискованныя у Блинова, должны быть признаны церковными свѣчами въ „буквальномъ смыслѣ“.

Не меньше грѣшитъ и заключеніе прокурора. По мнѣнію его сепаратный указъ Св. Синода 10 іюня 1886 г. будто отмѣняетъ дѣйствіе закона 28 августа 1808 г. Но разсуждая такъ, пришлось бы оправдывать даже завѣдомаго дѣлателя и сбытчика фальшивыхъ ассигнацій. Прокуроръ говоритъ: „изъ дѣла не видно, чтобы Блиновъ обманывалъ своихъ покупателей увѣреніями, что свѣчи, продававшіяся имъ, приготовлены были имъ изъ чистаго пчелинаго воска, — слѣдовательно тутъ нѣтъ обмана“. Не можетъ ли поддѣльватель фальшивыхъ бумажекъ сказать: „бумажки дѣлаю я для своего употребленія, и тѣхъ, кому я даю ихъ, не увѣряю, что онѣ настоящія, слѣдовательно я не обманываю“.

Вмѣсто заключенія о томъ, что въ дѣяніи Блинова не находится состава никакого преступленія или проступка, прокурорскому надзору слѣдовало прямо указать казенной палатѣ, что дѣло Блинова, согласно закону 28 августа 1808 г., всецѣло подлежит ея вѣдѣнію, а не мѣстнаго прокурора.

Могутъ найтись люди, которые одобрятъ рѣшеніе казенной палаты въ видахъ того, что этимъ рѣшеніемъ отмѣняется одна изъ привилегій, которыя всегда не особенно выгодно отзываются на организмъ общественной жизни. Не будемъ говорить ни за, ни противъ этого; припомнимъ выраженіе: *Dura lex, sed lex*. Доколѣ законъ 28 августа 1808 года существуетъ, онъ долженъ или примѣняться во всей цѣлости, или же быть отмѣненъ въ законодательномъ порядкѣ, а не встрѣчать себѣ помѣху отъ правительственныхъ учрежденій.

N. N.

Р. S. Рѣшеніе казенной палаты обжаловано было съ подачею жалобы черезъ нее же; но она, ссылаясь на 140 ст. Полож. о пошл. за право торговли, отказала въ принятіи такой жалобы. Обращаю вниманіе на 140 ст., которая совсѣмъ къ дѣлу не относится. Подана жалоба прямо въ Правительствующій Сенатъ, и какъ послѣдній разрѣшить, не премину сообщить.

N. N.

Къ этой корреспонденціи редакторъ *Соврем. Изв.* присовокупилъ слѣдующія свои замѣчанія, съ которыми мы не можемъ не согласиться.

Закономъ воспрещено производить розничную продажу церковныхъ свѣчъ кому нибудь, кромѣ церквей и церковныхъ лавочекъ. У преступающаго это правило конфискуется товаръ и взыскивается съ него административнымъ порядкомъ пени въ размѣрѣ удвоенной цѣны товара. Во Владимірѣ появляется торговецъ, продающій церковныя свѣчи въ розницу, да еще не чисто восковыя, а съ примѣсью минеральнаго воска. Его подвергаютъ преслѣдованію. Но сначала казенная палата, а потомъ прокуроръ отказываются привлечь торговца къ отвѣтственности. Казенная палата усмотрѣла, что торговецъ пускалъ въ продажу свѣчи, хотя назначенныя для церковнаго употребленія, но не восковыя, а поддѣльныя, слѣдовательно нецерковныя; а она, палата, преслѣдуетъ незаконную продажу только церковныхъ свѣчъ. Прокуроръ же отозвался, что продавая поддѣльныя свѣчи, торговецъ не увѣрялъ покупателей, чтобы онѣ были чисто восковыя, слѣдовательно не обманывалъ покупателей, слѣдовательно не мошенничалъ, а потому и не подлежитъ отвѣтственности.

Таково содержаніе статьи, помѣщаемой у насъ подъ чертою. Авторъ основательно замѣчаетъ, что на основаніи логики про-

курора слѣдовало бы воздерживаться отъ преслѣдованія и сбытчиковъ фальшивой монеты; а палата въ обстоятельстве, отягчающемъ вину, усмотрѣла обстоятельство, освобождающее отъ отвѣстности. Диковинная логика, диковинное правосудіе!

Авторъ полагаетъ, повидимому, что къ куріозной логикѣ и палату и прокурора привела антипатія ихъ къ привилегіямъ вообще и къ церковнымъ привилегіямъ въ частности. Антипатія къ привилегіямъ, доходящая до презрѣнія къ здравому смыслу! Что-то ужъ мудрено очень. Авторъ какъ будто становится даже на точку зрѣнія палаты и прокурора, совѣтуя имъ скрѣпить сердце извѣстнымъ изреченіемъ: „оуровъ законъ, да законъ!“ А мы не находимъ закона даже суровымъ, какъ ничего суроваго нѣтъ въ привилегіи напримѣръ просвиричь печь просвиры. Какія такіа и чьи же такіа врожденныя гражданскія права страдаютъ отъ того, что церкви предоставлена своего рода регалія на то, что въ церкви же исключительно употребляется? Напротивъ, ожидалась бы еще болѣе строгая редакція закона о церковныхъ свѣчахъ, именно въ смыслѣ огражденія церковныхъ правъ, а еще болѣе въ видахъ охраненія матеріаловъ для богослуженія отъ поддѣлокъ,—и притомъ всѣхъ матеріаловъ, какъ то и вина и масла, помимо свѣчъ. Свѣчи, въ частности, должны бы быть контролируемы еще на заводахъ и выпускаемы изъ нихъ не иначе, какъ по техническомъ удостовѣреніи, что онѣ сдѣланы изъ чистаго воска. Смѣшна отговорка (какъ было въ Зворыкинскомъ дѣлѣ), что съ церезиномъ молъ свѣчи дѣлаются для другаго назначенія, напримѣръ для рождественскихъ елокъ; она шита бѣлыми нитками. Много ли всего то зажигается рождественскихъ елокъ въ Россіи, чтобы изъ-за нихъ устраивать цѣлые заводы! Если нужны для другаго употребленія, нецерковнаго, церезиновыя свѣчи, пускай устраиваются для нихъ спеціальныя заводы, а не мѣшаются онѣ съ выдѣлкой церковныхъ свѣчей. (С. И.)

П О П Р А В К А.

Въ апрѣльской кн. „Православнаго Обозрѣнія“, въ статьѣ о Никонѣ, стр. 786, стр. 2 снизу напечатано: въ Москвѣ; слѣдуетъ исправить: въ Лысковѣ.

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Іюня 22-го 1887 года.

Цензоръ свящ. Іоаннъ Петропавловскій.

«Православное Обзорѣніе» выходитъ **ежемѣсячно**, книжками отъ 12 печатныхъ листовъ и болѣе. **Подписная цѣна 6 р. 50 к. въ годъ.**—а съ доставкою на домъ въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города **7 р. с.**

Полные экземпляры «Православнаго Обзорѣнія» за прежніе годы можно получать по слѣдующимъ пониженнымъ цѣнамъ: 1861, 1862, 1863 и 1864 годы—по 2 руб. безъ пересылки, 1865, 1866, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873 и 1874—по 3 руб. безъ пересылки, а за тринадцать лѣтъ—тридцать рублей. На пересылку прилагается за каждый годовой экз. за 8 ф., а за 13 лѣтъ — за 90 фунтовъ по разстоянію.

*Отъ Москвы за каждый фунтъ посылокъ съ книгами
взимается:*

До Або 12 к. Акмоль 18 к. Архангельска 13 к. Астрахань 15 к. Баку 16 к. Благовѣщенска на Амурѣ 20 к. Варшавы 13 к. Вильно 9 к. Витебска 6 к. Владикавказа 16 к. Владиміра 3 в. Вологды 5 к. Воронежа 5 к. Выборга 8 к. Вѣрнаго 18 к. Вятки 10 к. Гельсингфорса 10 к. Гродно 11 к. Дербента 16 к. Егате-ринодара 10 к. Екатеринослава 14 к. Елисаветполя 16 к. Житомира 10 коп. Иркутска 20 коп. Казани 9 к. Калиша 15 к. Калуги 3 к. Каменецъ-Подольска 13 к. Кишинева 15 к. Кіева 9 в. Ковно 10 к. Костромы 4 к. Красноярска 18 к. Куопіо 11 в. Курска 6 к. Кутайса 16 к. Кѣльцовъ 14 к. Ломжи 12 к. Люблина 12 к. Минска 8 к. Митавы 11 к. Могилева 6 к. Нижняго-Новгорода 5 Никол. (Приам. Обл.) 20 к. Новгорода 5 к. Ново-черкаска 11 к. Оренбурга 16 к. Орла 5 к. Пензы 8 к. Перми 15 к. Петрозаводска 11 к. Петрокова 14 к. Плоцка 14 к. Полтавы 9 к. Пскова 8 к. Радома 14 к. Ревеля 9 к. Риги 10 в. Рязани 3 к. Самары 12 к. С.-Петербурга 7 к. Саратова 9 к. Семипалатинска 18 к. Симбирска 9 к. Симферополя 14 к. Смоленска 4 к. Ставропольск. губ. 14 к. Сувалокъ 12 к. Съдлеца 12 к. Тавастгуса 10 к. Тамбова 5 к. Ташкента 18 к. Твери 3 в. Тифлиса 16 к. Тобольска 16 к. Томска 18 к. Тулы 3 к. Улеборга 13 к. Уральска 16 к. Уфы 14 к. Харькова 8 к. Херсона 13 к. Чернигова 8 к. Читы 20 к. Эривани 16 в. Якутска 20 к. Ярославля 3 к.

ЛОЖЬ ВЪ ИСТОРІИ.

Geschichtslügen. Eine Widerlegung landläufiger Entstellungen auf dem Gebiete der Geschichte. Paderborn. 1885.

Пятнадцатаго августа 1883 года папа Левъ XIII издалъ на имя кардиналовъ де-Люка, Питры и Гергенрöтера интересное посланіе, имѣющее характеръ воззванія ко всѣмъ католическимъ ученымъ, которые посвящаютъ труды свои на изученіе исторіи. Въ этомъ посланіи папа выставляетъ на видъ, что тѣ, которые стараются навлечь подозрѣніе и ненависть на церковь и папство, прибѣгаютъ нерѣдко для своей цѣли къ исторіи и притомъ съ такою силою, съ такою ловкостью и лукавствомъ, что то оружіе, которое должно было бы служить къ изобличенію неправды, въ ихъ рукахъ, напротивъ, этой неправдѣ содѣйствуетъ. Начало такому злоупотребленію исторіей положено было, по словамъ папы, еще три вѣка тому назадъ магдебургскими цензуріаторами, по слѣдамъ которыхъ пошли послѣ почти всѣ ученые учрежденія, уклонившіяся отъ древняго ученія. Ради своей цѣли они изслѣдовали самыя ничтожные остатки старины, обшарили каждый уголокъ въ архивахъ, вывели на свѣтъ разныя смѣшныя басни и снова дали ходъ такимъ выдумкамъ, которыя уже сто разъ были опровергнуты. То, что нѣкоторымъ образомъ составляетъ аксіому въ исторіи, ими часто искажается или искусно оставляется въ тѣни, славныя дѣянія и достопамятныя

заслуги проходятся молчаніемъ, между тѣмъ какъ все вниманіе, и притомъ чрезмѣрно-усиленное, сосредоточивается тамъ, гдѣ дѣло идетъ о какомъ-либо необдуманномъ или ошибочномъ шагѣ. Считается позволительнымъ раскапывать даже сомнительныя тайны частной жизни, причемъ въ особенности стараются извлечь и выставить на видъ именно то, что всего болѣе способно служить предметомъ любопытства и насмѣшки для толпы, всегда падкой на все соблазнительное. Тѣ изъ папъ, которые выдавались своими способностями, изображаются какъ корыстные, гордые и властолюбивые, а если нельзя набросить тѣнь на славу ихъ дѣяній, то осуждаютъ ихъ намѣренія и тысячу разъ повторяютъ глупое обвиненіе, что будто бы церковь погрѣшила противъ прогресса и цивилизации. Всѣ подобныя уловки пускаются въ ходъ въ настоящее время, такъ что теперь, даже болѣе чѣмъ когда-либо, можно сказать, что историческая наука есть заговоръ противъ истины. Всѣ старыя обвиненія теперь снова въ обращеніи и наглая ложь закралась какъ въ толстые томы какихъ-либо большихъ изданій, такъ равно и въ маленькія брошюрки, и въ летучіе листки ежедневной прессы, и въ соблазнительныя представленія театровъ. Въ особенности многочисленны именно тѣ произведенія, въ которыхъ воспоминаніе о прошедшемъ служитъ лишь орудіемъ для брани и клеветы. Всего хуже то, что такой способъ обращенія съ исторіей нашелъ себѣ доступъ даже въ школы и дѣтямъ для назиданія даютъ часто такія руководства, которыя переполнены всякаго рода клеветами. Если еще прибавить къ этому легкомысліе и злонамѣренность учителя, то понятно, что юные питомцы, освоившись съ подобною исторіей, съ отвращеніемъ относятся къ почтенной старинѣ и съ высокоумнымъ презрѣніемъ трактуютъ о самыхъ священнѣйшихъ лицахъ и предметахъ. За предѣлами элементарнаго образованія опасность становится нерѣдко серьезнѣе, такъ какъ при высшихъ ученыхъ занятіяхъ отъ простаго разсказа фактовъ переходятъ къ изслѣдованію ихъ основаній и на позорныхъ предразсудкахъ строятъ цѣлыя теоріи, которыя стоятъ иногда въ рѣзкомъ противорѣчій съ Божественнымъ откровеніемъ и поставляютъ своею задачей отрицать или по крайней мѣрѣ скрывать всякое благотворное вліяніе христіанскихъ учреждений въ жизни народовъ. Поступая такимъ обра-

зомъ, не думаютъ о томъ, въ какія непослѣдовательности и нечѣстности имъ приходится впадать и какой туманъ распространяютъ они въ области философіи исторіи; задача состоитъ по видимому только въ томъ, чтобы возбудить ненависть къ церкви и папству. Трудно представить себѣ, какія гибельныя послѣдствія происходятъ отъ того, когда исторія становится слугою партій и разныхъ человѣческихъ страстей. Переставъ быть тѣмъ, чѣмъ должна быть по праву, т.-е. наставницею жизни и свѣточемъ истины, она становится сообщницею преступленія и обмана, особенно въ отношеніи къ юному поколѣнію, наполняя душу его сумасбродными идеями и развращая его чувство благоприличія и скромности. Исторія легко овладѣваетъ духомъ юнаго поколѣнія, вообще подвижнымъ и склоннымъ ко всякаго рода возбужденію. Картины древности и образы людей, воскресающіе какъ живые при историческихъ разсказахъ, запечатлѣваются въ душѣ юноши на всю его послѣдующую жизнь. Если въ нѣжномъ возрастѣ напоить его ядомъ, то исправленіе впоследствии затруднительно и даже едва-ли возможно. Едва-ли можно надѣяться, что при болѣе зрѣломъ возрастѣ, когда ослабѣютъ первоначальныя впечатлѣнія, его сужденіе станетъ болѣе правильнымъ, ибо лишь немногіе посвящаютъ себя основательнымъ и разумнымъ занятіямъ исторіею, а послѣдующіе годы жизни, можетъ быть, болѣе представляютъ случаевъ къ тому, чтобы утвердиться въ заблужденіяхъ, чѣмъ освободиться отъ нихъ. Въ виду всего этого, взываетъ папа, въ высшей степени важно предупредить эту великую опасность и всѣми силами воспрепятствовать тому, чтобы столь великая наука, какъ исторія, служила впредь источникомъ бѣдствій для общества и для отдѣльных лицъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на папскій призывъ появилась вышеназванная книга подъ заглавіемъ: „Geschichtslügen“,—плодъ соединенныхъ усилій троихъ неизвѣстныхъ авторовъ, укрывшихся подъ общимъ именемъ „друзей истины“ (Drei Freunde der Wahrheit). Въ предисловіи къ своему труду авторы заявляютъ, что они начали его прежде обнаруженія папскаго посланія, но призывъ святаго отца побудилъ ихъ удвоить свои старанія, чтобы по возможности исполнить его желаніе и внести свою посильную лепту на дѣло предотвращенія указанной имъ великой опа-

ности. Составленная авторами книга должна, по ихъ мнѣнію, подробно показать, какъ въ самомъ дѣлѣ вся исторія христіанской церкви до крайности искажена предразсудками, злонамѣреннымъ извращеніемъ и наглою ложью; какъ историческая наука превратилась въ заговоръ противъ истины, стала слугою партій и человѣческихъ страстей, какъ ложь при посредствѣ школы утвердилась въ молодомъ поколѣніи и затѣмъ всѣми возможными путями проникла въ общество, чтобы возбудить въ немъ ненависть къ церкви и папству. Эта книга поставляетъ свою задачей разоблачить всѣ вѣками скопившіяся клеветы, которыя, какъ головы гидры, постоянно снова заявляютъ о себѣ и въ школахъ, и въ парламентахъ, и въ обиденной жизни, и въ учебникахъ, и въ романахъ, и въ энциклопедическихъ словаряхъ, и въ брошюрахъ, и въ журналахъ, и въ газетахъ, даже въ области искусства, въ музеяхъ и на сценахъ театровъ. Она предназначается и для учащейся молодежи, чтобы предохранить отъ тѣхъ ложныхъ взглядовъ, которые сообщаются ей учителями и учебными руководствами, и для вѣрующихъ католиковъ, чтобы очистить отъ ложныхъ обвиненій дорогія для нихъ учрежденія и лица, и для политиковъ и читателей газетъ всякаго направленія, чтобы правильнымъ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла уничтожить въ нихъ утвердившіеся предразсудки противъ религіи и церкви,—вообще для всѣхъ образованныхъ людей, которые въ состояніи вникнуть въ изслѣдованіе историческихъ вопросовъ и обладаютъ сердцемъ, способнымъ откликнуться на голосъ истины.

Вполнѣ естественно конечно, что книга, написанная въ такомъ направленіи и съ такими задачами, встрѣтила со стороны римскаго престола самый благосклонный приемъ. Левъ XIII и устно и письменно отзывался о ней съ большою похвалою, а троимъ авторамъ ея преподавъ за ихъ труды свое апостольское благословеніе. Но въ особенности интереснымъ представляется то обстоятельство, что и въ нѣмецкомъ обществѣ, въ странѣ самаго Лютера, книга имѣла несомнѣнный и очень значительный успѣхъ. Три изданія быстро разошлись одно за другимъ въ продолженіе лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а въ первой половинѣ 1885 года потребовалось уже четвертое, экземпляръ котораго и имѣется у насъ подъ руками. Никакими особенными

достоинствами эта книга не отличается; въ ней нѣтъ и ничего такого, что способно было бы увлечь читателя и всецѣло овладѣть его вниманіемъ. Быстрый успѣхъ ея при этихъ условіяхъ можетъ повидимому служить лишь своего рода знаменіемъ времени. Онъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ послѣднее время съ легкой руки Янсена въ Германіи, на этой родинѣ протестантизма, въ области церковно-историческихъ изслѣдованій совершается знаменательный переворотъ, могущій имѣть свои серьезныя послѣдствія.

Русскій человѣкъ стоитъ конечно въ сторонѣ отъ вѣковаго и доселѣ еще не прекращающагося спора между Римомъ и Германіей. Для него этотъ споръ не имѣетъ жизненнаго значенія, какъ для протестанта или католика; но, какъ членъ единой общечеловѣческой и въ частности христіанской семьи, и онъ не можетъ не интересоваться имъ, какъ однимъ изъ крупнѣйшихъ историческихъ явленій. Тѣ или другія перипетіи этого спора не могутъ конечно волновать его такъ, какъ они волнуютъ самыхъ участниковъ борьбы; но и для него, какъ для интересующагося наблюдателя, иногда нелишнимъ будетъ остановить свое вниманіе хотя бы и на такихъ повидимому малозначущихъ явленіяхъ, какъ указанное нами произведеніе „троихъ друзей истины“. Католикъ взглянетъ на это произведеніе съ чувствомъ торжества и радостнаго удовлетворенія, протестантъ возьмется за него съ глубокимъ прискорбіемъ и негодованіемъ, а православному русскому оно любопытно какъ знаменіе времени, какъ обнаруженіе совершающагося въ Германіи движенія.

Если религіозный споръ оставить въ сторонѣ, если смотрѣть на эту книгу просто какъ на историческое изслѣдованіе, то она производитъ на читателя очень странное впечатлѣніе,—мало того она способна, пожалуй, привести его даже въ великое недоумѣніе. Познакомившись съ произведеніемъ „троихъ друзей истины“, читатель легко можетъ вынести сомнѣніе даже въ самой возможности исторической истины, ибо онъ узнаетъ, что въ исторической наукѣ, при помощи извѣстнаго рода пріемовъ, почти съ одинаковымъ удобствомъ одно и тоже можетъ быть представлено и представляется, и чернымъ, и бѣлымъ; а то, что съ малолѣтства привыкъ онъ считать за неопровержимую истину и что доселѣ можно встрѣтить почти во всѣхъ учебникахъ исторіи,

если вѣрить „троимъ друзьямъ истины“, только выдумкой и дерзкою клеветою. Вся книга представляет собою какъ бы сплошной обвинительный актъ на современную историческую науку, и на нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся пунктахъ этого акта мы считаемъ теперь нелишнимъ остановить вниманіе читателей, чтобы дать имъ понятіе объ этомъ любопытномъ явленіи текущей нѣмецкой литературы.

Читатель безъ сомнѣнія съ малолѣтства слышалъ и теперь нерѣдко можетъ прочитать, какъ въ учебникахъ, такъ и въ историческихъ изслѣдованіяхъ, что возвышеніе римской и усиленіе папской власти совершалось иногда при помощи средствъ не вполне безукорыпленного свойства; что были нѣкоторые подозрительные документы, какъ напр. „даръ Константина“ и лжеиспидоровскія декретапіи“, которые выдавались и принимались всѣми за несомнѣнно-подлинныя, и только позднѣйшіе вѣка, болѣе просвѣщенные и способные къ критическому изслѣдованію, раскрыли наконецъ долго господствовавшее заблужденіе, а можетъ быть и обманъ. Эта мысль, получившая всеобщее распространеніе, набрасываетъ конечно нѣкоторую тѣнь на папство, а между тѣмъ, по увѣренію „друзей истины“, она представляет собою лишь злонамѣренную выдумку, направленную противъ церкви и ея главы. Что касается дара Константина, т.-е. того документа, въ силу котораго будто бы этотъ императоръ предоставилъ папѣ верховную власть надъ восточными патріархами и всѣми вообще христіанскими церквами, а также подарилъ ему Римъ и итальянскія провинціи, то обнаруженіе ложности этого документа нисколько не угрожало папству и его правамъ, такъ какъ оно вовсе и не думало видѣть въ немъ надежнѣйшій оплотъ и основаніе своего всемірнаго господства. Несомнѣнный фактъ, что въ эпоху самаго сильнаго напряженія политическихъ притязаній папства этотъ документъ совсѣмъ не былъ или очень мало былъ извѣстенъ и еще менѣе того употреблялся самими папами. Григорій VII нигдѣ не ссылается на него въ подтвержденіе своихъ требованій. Иннокентій III ничего не говоритъ объ немъ въ своихъ декретахъ и посланіяхъ, какъ ни часто имѣлъ онъ повидимому поводъ къ тому; только однажды онъ упоминаетъ объ этомъ документѣ въ рѣчи своей на память св. Сильвестра. Иннокентій IV заявилъ даже, что совсѣмъ не императоръ Кон-

стантинъ первый предоставилъ свѣтскую власть римскому престолу, но эта власть въ своемъ зародышѣ передана была Самимъ І. Христомъ апостолу Петру. Такимъ образомъ, когда весь міръ вѣрилъ въ подлинность этого документа, папы почти не упоминали о немъ, пользуясь для подтвержденія своихъ правъ совершенно иными основаніями. Съ пятнадцатаго вѣка подлинность „дара Константина“ многократно подвергается нападеніямъ именно со стороны католическихъ послѣдователей и на глазахъ у самого папы. Наиболѣе сильное опроверженіе этого документа, послѣ чего всякая защита его стала уже почти невозможною, принадлежитъ историку-паписту Баронию. По послѣднимъ изслѣдованіямъ совсѣмъ не въ Римѣ былъ устроенъ этотъ подлогъ и не для того, чтобы возвысить власть папы, а вѣроятнѣе всего во Франціи, въ С.-Дэни, съ цѣлію доказать законность франкской имперіи въ противоположность имперіи греческой. Переходя къ же-исидоровымъ декреталіямъ, авторы прежде всего выставляютъ на видъ, что и неподлинные документы этого собранія не представляютъ собою все-таки чистую выдумку. Часть ихъ неподлинна только по формѣ, по содержанію же заимствована изъ достовѣрнаго источника. Другіе документы дѣйствительно принадлежали папамъ и соборамъ, только не тѣмъ, какимъ они приписываются въ сборникѣ, а болѣе поздняго времени. Наконецъ и вполнѣ апокрифическія грамоты не сочинены все-таки же-Исидоромъ, а извѣстны были до него и встрѣчались въ частныхъ сборникахъ. По общему характеру своему же-исидоровскій сборникъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что составитель его совсѣмъ не былъ сознательнымъ и ловкимъ обманщикомъ, а человекомъ благочестивымъ, искренно-вѣрующимъ и добродѣтельнымъ, руководившимся лишь чистою ревностію о благѣ церкви и духовно-нравственномъ возвышеніи клира. Прежде господствовавшая мысль, что же-Исидоръ сознательно имѣлъ въ виду воспользоваться невѣжествомъ своихъ современниковъ, чтобы подчинить ихъ игу папства и поповства, въ настоящее время оставлена уже учеными изслѣдователями всѣхъ направленій. Даже протестантскіе ученые теперь соглашаются, что цѣль же-исидоровскаго сборника состояла совсѣмъ не въ томъ, чтобы содѣйствовать возвышенію папства. Что не привилегію римскаго престола имѣлъ въ виду составитель сборника, ясно видно

между прочимъ и изъ того, что ни въ одной изъ его грамотъ нѣтъ рѣчи о патримоніи Петра и о дареніяхъ, сдѣланныхъ римской церкви. Несмотря на все это, къ удивленію и негодованію „друзей истины“, въ протестантскихъ ученыхъ и періодическихъ изданіяхъ и въ настоящее время продолжаютъ повторять прежнюю ложь, что будто бы подлогъ лже-Исидора составляетъ главное основаніе папской власти и только центуріаторы оказали великую заслугу человечеству разоблаченіемъ этого подлога.

Ложь и клевета, по словамъ авторовъ, заявляетъ о себѣ не только тамъ, гдѣ дѣло идетъ о папствѣ, какъ учрежденіи, но старается также всѣми силами и личную дѣятельность и характеръ представителей этого учрежденія изобразить въ самыхъ неблагоприятныхъ чертахъ. О дурныхъ папахъ говорится такъ много и въ прессѣ, и съ каедры, что повидимому слѣдуетъ думать, что такими были если не всѣ, то по крайней мѣрѣ большая часть тѣхъ людей, которые занимали когда-либо римскій первосвященнической престолю. Само собою разумѣется, что по изображенію авторовъ дѣло представляется совершенно въ иномъ свѣтѣ. Они говорятъ, что даже по изслѣдованію самаго злостнаго протестанта, нѣкоего Дависсона, который употребилъ всѣ возможныя старанія, чтобы отыскать болѣе дурнаго о папахъ, во всемъ спискѣ ихъ оказалось только двадцать восемь такихъ, репутація которыхъ неблагоприятна. Впрочемъ семеро изъ нихъ причислены къ дурнымъ только потому, что давали свое согласіе на суровыя мѣры противъ протестантовъ, такъ что собственно порочныхъ папъ даже по счету Дависсона, несомнѣнно пристрастному и преувеличенному, оказывается лишь двадцать одинъ. Что можетъ значить это ничтожное количество, когда всѣхъ папъ насчитывается двѣсти пятьдесятъ девять и когда въ этомъ громадномъ большинствѣ даже строжайшее инквизиторское изслѣдованіе Дависсона не могло найти ничего дурнаго?! Протестантскій писатель не имѣетъ никакого права, ради этого ничтожнаго меньшинства дурныхъ первосвященниковъ, произносить свой приговоръ о нравственномъ уровнѣ папства вообще, особенно въ виду нѣкоторыхъ другихъ несомнѣнныхъ фактовъ, признаваемыхъ даже самимъ Лютеромъ, а именно,—что изъ двухсотъ пятидесяти девяти папъ сорокъ шесть пролили кровь свою за вѣру, семьдесятъ пять причислены къ лику святыхъ, тридцать

шесть уже признаны были въ общественномъ мнѣніи святыми прежде, чѣмъ церковь произнесла о нихъ свой приговоръ, и многіе были несомнѣнно выдающимися людьми по своимъ добродѣтелямъ, знаніямъ и характеру. Нѣтъ другаго престола на землѣ, столь же древняго и почтеннаго, какъ престолъ св. Петра, который столь же тѣсно связанъ былъ бы съ судьбами челоуѣчества въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій и который могъ бы указать на столь же многихъ и великихъ представителей. „Длинный вышелъ бы рядъ именъ, говоритъ Гердеръ, еслибы я захотѣлъ перечислить только наиболѣе достойнѣйшихъ и выдающихся изъ папъ. Слабыхъ на римскомъ престолѣ было гораздо менѣе, чѣмъ на тронахъ свѣтскихъ государей, и у многихъ изъ нихъ недостатки потому и бросались въ глаза, что они были недостатками папъ“. Достоиню замѣчанія наконецъ и то, что многіе изъ папъ, опозоренныхъ и оклеветанныхъ реформаторами, центуриаторами и ихъ послѣдователями, находятъ себѣ защитниковъ въ лицѣ извѣстныхъ протестантскихъ ученыхъ, которые принимаютъ на себя трудъ вполне или отчасти возстановить ихъ доброе имя. Въ ряду такихъ защитниковъ достаточно указать на Іоганна Мюллера, Генриха Лудена, Фридр. Раумера, Фридр. Гуртера, Фойгта, Штенцеля, Лео, Менцеля, Гфрѳрера, Ранке, Ансиллона, Мишле, Кюббета, Вальтеръ-Скотта, Гиббона.

Самымъ печальнымъ періодомъ въ исторіи папства считается обыкновенно десятый вѣкъ, а потому здѣсь ложь и клевета. по словамъ авторовъ, находятъ себѣ всегда наиболѣе обильную жатву. Въ протестантскихъ историческихъ сочиненіяхъ, какъ прежнихъ, такъ и позднѣйшихъ, даже въ протестантскихъ руководствахъ по церковной исторіи, уже одни заглавія тѣхъ отдѣловъ, которые касаются папства въ десятомъ вѣкѣ, обыкновенно съ особеннымъ удареніемъ указываютъ на то, что здѣсь читатель встрѣтитъ нѣчто весьма интересное и пикантное относительно Рима и папъ. Арнольдъ въ своей исторіи ересей касающемуся этого предмета отдѣлу даетъ даже такое заглавіе, котораго авторы не рѣшаются и повторить. Генке надписываетъ: „безстыдный образъ жизни нѣкоторыхъ папъ“, „усиливающаяся нравственная распущенность“. Неандеръ соотвѣтствующій столбецъ своей исторіи озаглавляетъ: „Римъ—мѣстопробываніе всѣхъ пороковъ“, а Куртцъ своему изображенію характера и дѣяній

папъ Сергія III и Іоанна X предпосылаетъ жирнымъ шрифтомъ напечатанныя слова: „римская порнократія“. Десятый вѣкъ, говоритъ Гегеле, обыкновенно принято называть самую темную эпохою во всей церковной исторіи; но опытъ научаетъ, что человекъ вообще склоненъ считать темнымъ то время, о которомъ самъ онъ очень мало знаетъ, и такимъ образомъ мракъ своей собственной головы переноситъ на эпоху. Утвержденію и распространенію такого взгляда на десятый вѣкъ въ особенности способствовали магдебургскіе центуріаторы; они были того мнѣнія, что въ этотъ періодъ времени гнѣвъ Божій исполнъ предоставилъ церковь на жертву людскимъ преданіямъ, тираниі епископовъ и ихъ вождя папы-государя. Въ церкви царили безбожники, преступники и идолопоклонники, а по всему христіанскому міру распространился глубокий мракъ. Подобно водолазамъ, разъискивающимъ жемчугъ въ водахъ океана, старались центуріаторы собирать всякіе неблагопристойныя анекдоты и скандальныя исторіи относительно Рима и папъ этого времени, а тѣ историкъ послѣдующаго и настоящаго времени, которые въ центуріаторахъ видятъ своихъ учителей, мыслятъ и пишутъ по ихъ образцу и такимъ образомъ поддерживаютъ и продолжаютъ прежнюю ложь. Впрочемъ даже и кардиналъ Бароній въ своихъ анналахъ изображаетъ десятое столѣтіе чрезмѣрно-мрачными красками, чѣмъ конечно весьма много содѣйствовалъ утверженію его дурной славы. Состояніе Італіи въ то время дѣйствительно было печальное, а Бароній, ближе всего знакомый именно съ этою страной, слишкомъ много придалъ ей значенія и то, что можно было сказать объ Італіи, приложилъ къ состоянію всей христіанской церкви запада того времени. Кромѣ того онъ погрѣшилъ еще въ томъ, что будучи рѣшительнымъ ультрамонтаномъ и ревностнымъ борцомъ за папскій престолъ, все-таки съ удивительною точностію собиралъ всѣ злыя сплетни о папахъ, какія только находилъ въ источникахъ, относясь къ нимъ съ излишнимъ легковѣріемъ; онъ старался всѣми силами защищать папъ отъ воздвигаемыхъ на нихъ обвиненій, но не обращалъ должнаго вниманія на самый корень злословія, т.-е. на критику тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ оно заимствовалось. Уступки, сдѣланныя такимъ образомъ Бароніемъ, были конечно съ торжествомъ встрѣчены протестантами, которые уси-

ленно пользовались ими при своихъ нападкахъ на церковь. Даже многіе и изъ католическихъ историковъ болѣе или менѣе соглашались съ ними, опираясь на авторитетъ того же Баронія, а потому обвинительный приговоръ надъ десятымъ вѣкомъ постановленъ былъ такъ-сказать по согласію обѣихъ сторонъ, т.-е. и католиковъ и протестантовъ, *conclamatum erat*. Но историческія изслѣдованія послѣднихъ десятилѣтій и на темную эпоху десятаго вѣка пролили много новаго свѣта. Въ настоящее время дознано, что придворные епископы Лиутпрандъ Кремонскій и Ратерій Веронскій, на разказахъ которыхъ опирались доселѣ съ полнымъ довѣріемъ, совсѣмъ не принадлежать къ числу историковъ правдивыхъ и заслуживающихъ довѣрія, а между тѣмъ найдены нѣкоторые новые документы и свидѣтельства, представляющіе эту эпоху въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ. Признано также и то, что репутація нѣкоторыхъ опозоренныхъ папъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ можетъ быть восстановлена, а по положенію дѣлъ въ одной Италіи никакъ нельзя заключать объ общемъ состояніи церкви въ десятомъ вѣкѣ во всей западной Европѣ, такъ какъ въ другихъ странахъ онъ ознаменованъ нѣкоторыми весьма отрадными явленіями и въ Германіи напр., былъ даже лучше тѣхъ вѣковъ, которые ему предшествовали и за нимъ послѣдовали. Многіе изъ новѣйшихъ историковъ своими трудами не мало содѣйствовали тому, чтобы представить эпоху десятаго вѣка въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ какъ она обыкновенно представлялась доселѣ, и въ ряду этихъ историковъ можно встрѣтить не только католиковъ, какъ: Дамбергеръ, Дёллингеръ, Гергенрөтеръ, Гефеле, Гаррөреръ и др. но и протестантовъ, какъ: Пертцъ, Ранке, Вайтцъ, Дённигесъ, Гизебрехтъ, Ваттенбахъ и др.

Не подлежитъ конечно сомнѣнію, что десятый вѣкъ былъ вообще временемъ смутнымъ и печальнымъ. Паденіе каролингской династіи имѣло своимъ послѣдствіемъ болшія политическія и религіозныя волненія. На сѣверѣ Италіи два могущественныхъ претендента вели борьбу изъ-за обладанія престоломъ, вторженія сарацынъ держали въ постоянномъ страхѣ почти весь полуостровъ, а большіе города, даже самый Римъ, стонали подъ тиранией властолюбивыхъ аристократическихъ фамилій. Тосканская аристократическая партія, во главѣ которой стояли три

нечестивыя женщины: Теодора старшая, дочь ея Теодора младшая и Марозія, около пятидесяти лѣтъ полновластно распоряжалась судьбами Рима. Къ величайшему вреду для церкви, эта партія не только захватила себѣ неограниченное господство въ свѣтскомъ управленіи, но вмѣшивалась и въ дѣла церковныя, уничтоживъ каноническую свободу выборовъ и замѣщая церковныя должности лишь своими приверженцами и креатурами. Естественнымъ слѣдствіемъ таковаго порядка были упадокъ дисциплины и нравственности, широкій просторъ для пороковъ и появленіе на церковныхъ мѣстахъ, даже на папскомъ престолѣ, людей недостойныхъ. Но прежде всего нужно замѣтить, что явы, которыми страдала римская церковь этого времени, развивались не изъ нея самой, а были привнесены, навязаны ей отвнѣ тосканскимъ дворомъ, распорядившимся въ Римѣ съ неограниченнымъ произволомъ. Всѣ тѣ соблазны, отъ которыхъ страдала римская церковь въ десятомъ вѣкѣ, причинены были ей именно такими папами, которые возведены были на первосвященнической престолю произволомъ владыкъ, самовластно господствовавшихъ въ то время въ Римѣ, т.-е. необузданныхъ и развращенныхъ женщинъ тосканскаго двора. Эти папы занимали свой престолъ безъ каноническаго выбора, безъ участія римскаго духовенства, а потому для церкви были навязанными отвнѣ и насильно. Кромѣ того необходимо имѣть въ виду, что относительно этого времени мы имѣемъ лишь скудныя, часто неясныя и противорѣчивыя извѣстія, носящія притомъ въ большей или меньшей степени замѣтный отпечатокъ партійныхъ страстей, такъ что къ подобнымъ извѣстіямъ слѣдуетъ относиться съ большою осторожностію и неизбѣжнымъ недовѣріемъ. Главнымъ рассказчикомъ самыхъ ужасныхъ исторій изъ этого времени служитъ Ліутпрандъ, состоявшій на службѣ у императора и Оттономъ великимъ возведенный въ санъ епископа Кремонскаго. Для характеристики этого писателя достаточно привести хотя нѣсколько отзывовъ объ немъ извѣстныхъ историковъ. Гёфеле называетъ его „ругателемъ“, челоукомъ, „преисполненнымъ лжи и злословія“, а Грöne говоритъ, что онъ по своей дикой ненависти похожъ не на историка, а скорѣе на низкаго и гнуснаго памфлетиста. Въ подобномъ же смыслѣ отзываются о Ліутпрандѣ и протестантскіе историки, какъ напр. Шлоссеръ

и въ особенности Ваттенбахъ. Послѣдній говоритъ, что цѣль Ліутпранда состояла въ томъ, чтобы своею книгою отплатить всѣмъ тѣмъ, которые оказали ему что-либо доброе или злое, въ особенности же дать исходъ своей ненависти противъ Беренгара, который былъ врагомъ императора и другомъ господствовавшей въ Римѣ тосканской партіи. Соответственно такой цѣли онъ далъ и названіе своему произведенію, озаглавивъ его „воздаяніе“. Руководимый своею злобою онъ съ чрезмѣрною подробностію останавливается на единичныхъ, часто незначительныхъ случаяхъ и съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаетъ разные анекдоты злостнаго и соблазнительнаго свойства. Достоверность этого историка представляется еще меньшею потому, что сообщаемыя имъ свѣдѣнія онъ почерпаетъ исключительно изъ устныхъ разсказовъ, впадая при этомъ неизбѣжно во многія крупныя ошибки, а между тѣмъ именно его показанія, принимаемыя безъ должной критики, и составляютъ главнѣйшее основаніе для всѣхъ тѣхъ клеветъ, которыя возводятся на римскій престолъ и папъ десятого вѣка.

Самыми дурными изъ всѣхъ римскихъ первосвященниковъ этого столѣтія обыкновенно изображаются Сергій III, Іоаннъ X и Іоаннъ XII, а потому „друзья истины“ и поставляютъ свою задачей возстановить по возможности ихъ незаслуженно-опозоренную репутацію. Внимательное и безпристрастное изслѣдованіе, говорятъ они, въ послѣднее время показало, что Сергій III совсѣмъ не такъ былъ худъ, какъ изобразилъ его Ліутпрандъ. Пристрастный писатель между прочимъ разсказываетъ напр. о томъ, какъ этотъ папа учинилъ возмутительное варварство надъ вырытымъ изъ могилы трупомъ своего предшественника Формозы, но по изслѣдованію оказывается несомнѣннымъ, что это ужасающее происшествіе имѣло мѣсто не при Сергіи III, а при Стефанѣ VII. Столь-же очевидно клеветой оказался и разсказъ о томъ, что будто-бы папа Сергій былъ въ преступной связи съ Марозіей, женою тосканскаго графа Альбериха, и что плодомъ этой связи былъ Іоаннъ XI, впоследствии вступившій на папскій престолъ. Поводомъ къ этой клеветѣ послужило будто-бы лишь то обстоятельство, что Сергій, какъ родственникъ Альбериха, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ его домомъ и вообще съ тосканскою партіею, а Іоаннъ XI былъ

несомнѣнно законнымъ сыномъ Альбериха. Клеветы, вводимыя Ліутпрандомъ на Сергія, тѣмъ менѣе представляются вѣроятными, что въ нѣкоторыхъ другихъ современныхъ свидѣтельствахъ встрѣчаются очень лестные отзывы объ этомъ первосвященникѣ. Изъ показаній Флодоарда, діакона Іоанна и старинной надписи на гробницѣ Сергія III-го можно напр. узнать, что этотъ папа, законно избранный и затѣмъ насильственно низложенный, возвратился снова въ Римъ по единодушнымъ просьбамъ народа, что онъ много потрудился надъ возстановленіемъ разрушенной латеранской церкви и кромѣ того ревностно заботился о поддержаніи строгой дисциплины въ клирѣ и изгонялъ изъ его среды всѣхъ тѣхъ, которые насильственно завладѣли церковными должностями. Само собою разумѣется, что Сергій никакъ не могъ-бы настаивать на строгой дисциплинѣ и чистотѣ церкви, еслибы самъ былъ такимъ дурнымъ человѣкомъ, каковымъ изобразилъ его Ліутпрандъ. Второй изъ наиболѣе худимыхъ папъ десятаго вѣка, Іоаннъ X, по разсказу Ліутпранда, былъ первоначально пресвитеромъ въ Равеннѣ. Архіепископъ Равеннскій Петръ часто посылалъ этого пресвитера по церковнымъ дѣламъ въ Римъ, гдѣ онъ обратилъ на себя вниманіе Θεодоры старшей и сдѣлался ея любовникомъ. Возведенный сперва на епископскую кафедру Болоньи, онъ потомъ благодаря стараніямъ и интригамъ Θεодоры занялъ мѣсто умершаго епископа равеннского. Вскорѣ послѣ этого незаконно посвятившій его папа умеръ, и Θεодора, чтобы постоянно имѣть при себѣ своего возлюбленнаго, заставила его покинуть отдаленную Равенну и занять римскій престолъ, на которомъ онъ и является подъ именемъ папы Іоанна X-го. По увѣренію авторовъ, во всемъ этомъ разсказѣ Ліутпранда, заимствованномъ, какъ онъ самъ сознается, у одного изъ злѣйшихъ враговъ Θεодоры, нѣтъ ни единого слова правды. Совсѣмъ не скорѣ послѣ того, какъ Іоаннъ сдѣлался Равеннскимъ архіепископомъ, умеръ Сергій III, занимавшій тогда папскій престолъ, такъ какъ извѣстно, что Іоаннъ былъ уже на этомъ мѣстѣ въ 905-мъ году, а смерть Сергія относится къ 911-му году. Занявъ римскій престолъ, Іоаннъ X не былъ на немъ непосредственнымъ преемникомъ того папы, отъ котораго получилъ посвященіе, такъ какъ преемниками Сергія были сперва Анастасій III и Ландонъ, а затѣмъ уже пре-

столя достался Іоанну. Архіепископъ Равенскій Петръ, который будто-бы часто посылалъ въ Римъ пресвитера Іоанна, оказывается по справкамъ личностію никогда и не существовавшей. Любovníкомъ Θεодоры Іоаннъ не былъ, а находился въ близкихъ къ ней отношеніяхъ только какъ родственникъ, вѣроятно племянникъ. Наконецъ, вопреки рассказамъ Ліутпранда, и объ этомъ папѣ сохранилось нѣсколько хвалебныхъ отзывовъ въ другихъ памятникахъ, какъ напр. у Флоарда и анонимнаго панегириста Беренгара, а патриотическая дѣятельность его на благо Италіи сохранила имя его въ исторіи съ не малымъ почетомъ. Онъ не только энергично защищалъ Италію и Римъ отъ разбойническихъ вторженій сарацынъ, но старался также освободить Римъ и папство отъ того унижительнаго рабства, въ которомъ держали ихъ аристократическія партіи, и съ этою именно цѣлію вступилъ въ союзъ съ Гугономъ, королемъ Ломбардіи. Даже и самую жизнь свою онъ положилъ въ этой борьбѣ за свободу Рима и папства, ибо Марозія подняла противъ него возстаніе, во время котораго онъ взятъ былъ въ плѣнъ и задушенъ въ темницѣ. Такая дѣятельность Іоанна X-го даетъ основаніе нѣкоторымъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей называть его величайшимъ изъ папъ десятаго вѣка. Что касается наконецъ третьяго изъ упомянутыхъ папъ, т.-е. Іоанна XII-го, то относительно его авторы заявляютъ, что хотя онъ и не былъ такимъ, какимъ слѣдовало-бы быть папѣ, хотя онъ и принесъ съ собою на престолъ св. Петра всѣ недостатки своего времени, сословія, возраста и воспитанія, однако-же онъ не былъ все-таки такимъ чудовищемъ, какимъ изобразеть его Ліутпрандъ. Введенный въ заблужденіе дурными совѣтниками, Іоаннъ XII измѣнилъ союзу съ Оттономъ великимъ и принялъ сторону его враговъ, вслѣдствіе чего императоръ явился въ Римъ съ арміею, выгналъ папу и собралъ соборъ, который долженъ былъ подъ его предсѣдательствомъ разслѣдовать предполагаемыя преступленія папы и произнести надъ нимъ свой приговоръ. По рассказу Ліутпранда, который въ свитѣ императора лично присутствовалъ на этомъ соборѣ, на папу взведены были обвиненія въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ. Враги папы говорили, что онъ служилъ мессу не приобщаясь, въ конюшнѣ посвятилъ одного діакона, десятилѣтнаго мальчика поставилъ епископомъ, производилъ

поджоги, на выходахъ являлся въ полномъ вооруженіи, провозглашалъ тосты въ честь діавола, за игрою въ кости взывалъ о помощи къ Юпитеру, Венерѣ и демонамъ, не соблюдалъ установленныхъ церковію молитвенныхъ бдѣній, не осбнялъ себя крестнымъ знаменіемъ и опозорилъ санъ свой множествомъ безнравственныхъ и постыдныхъ дѣяній, о которыхъ „друзья истины“ и говорить не считаютъ удобнымъ. Такъ какъ папа не явился на призывъ собора, то онъ осужденъ былъ заочно и низложенъ съ папскаго престола, а на его мѣсто возведенъ былъ новый съ именемъ Льва VIII-го. Этотъ разсказъ Ліутпранда авторы подвергаютъ самой безошадной критикѣ. Если, говорятъ они, и принять этотъ разсказъ за достовѣрный, то многія причины заставляютъ думать, что папскія преступленія, о которыхъ говорится въ немъ, были чистою выдумкой. 1) Самая нелѣпость взводимыхъ на папу обвиненій заставляютъ сомнѣваться въ ихъ истинности; они невѣроятны, потому что слишкомъ колоссальны, слишкомъ преувеличены. Даже Гиббонъ и тотъ отказывается имъ вѣрить, а дѣписатель Оттоновъ, епископъ Отгонъ Фрейзингенскій, утверждаетъ, что вѣрить имъ трудно. 2) Тѣ, которые составили эти обвиненія и отстаивали ихъ на соборѣ, были добровольными или вынужденными друзьями императора и злѣйшими врагами папы. Ихъ достовѣрность тѣмъ болѣе представляется сомнительною, если принять во вниманіе, что прелаты, бывшіе на соборѣ, еще прежде осужденія папы вели себя въ отношеніи къ нему въ высшей степени недостойнымъ образомъ, хотя онъ и былъ ихъ главою. Если эти прелаты были настолько безсовѣстны, что не постѣснились принять участіе въ незаконномъ соборѣ, низложеніи папы и возведеніи на престолъ антипапы и такимъ образомъ грубо нарушить церковные законы, то конечно у нихъ могло хватить совѣсти и настолько, чтобы въ случаѣ надобности безъ смущенія прибѣгнуть ко лжи и клеветамъ. 3) Низложеніе папы было дѣломъ неслыханнымъ, а потому нужны были какія-либо необыкновенныя причины, какія-либо неслыханныя преступленія со стороны папы, которыя бы можно было выставить въ глазахъ христіанскаго міра, какъ оправданіе образа дѣйствій императора и его сторонниковъ. 4) Изъ словъ самого Ліутпранда ясно, что даже императоръ Отгонъ не считалъ взводимыя на папу обви-

ненія справедливыми; онъ говорилъ на соборѣ: „часто случается, какъ мы знаемъ по собственному опыту, что низшіе клеветуютъ на лицъ высокопоставленныхъ. Въ этомъ и заключается причина того, что жалобы, сейчасъ принесенныя на папу и прочитанныя кардиналомъ, діаконемъ Бенедиктомъ, представляются намъ сомнительными, ибо мы не знаемъ, внушены ли они ревностію о правдѣ, или безбожнымъ недоброжелательствомъ“. * Императоръ долго медлилъ дать свое согласіе на приговоръ собора о низложеніи Іоанна, а когда наконецъ уступилъ усиленнымъ настояніямъ, то свое рѣшеніе утвердилъ не на тѣхъ страшныхъ обвиненіяхъ, которыя ввоздвигались на папу на соборѣ, а единственно на политическомъ преступленіи Іоанна, т.-е. на его измѣнѣ императору. 5) Наконецъ, когда Іоаннъ XII снова возвратился въ Римъ и въ 964 году собралъ соборъ въ храмѣ св. Петра, большинство присутствовавшихъ здѣсь состояло изъ тѣхъ самыхъ людей, которые были членами и прежняго незаконнаго собора, а въ числѣ ихъ былъ и главный обвинитель папы кардиналъ, діаконъ Бенедиктъ. Теперь эти люди постановили рѣшенія діаметрально-противорѣчившія ихъ прежнему образу дѣйствій; они объявили прежній соборъ постыднымъ и всѣ его дѣянія недѣйствительными, антипапу низложили, того, кто посвятилъ его, лишили сана, а всѣ совершенныя имъ поставленія и церковныя дѣйствія признали не имѣющими никакого значенія. Такимъ образомъ и при признаніи достовѣрности Ліутпрандова разсказа самыя обвиненія на папу, имъ передаваемыя, представляются невѣроятными; но достовѣрность эта, по увѣренію авторовъ, никакъ признана быть не можетъ. Писатель, который въ своемъ „воздаяніи“ (*Antipodosis*) имѣлъ цѣлю отомстить своимъ врагамъ и передавалъ о нихъ всякую ложь и клевету, не можетъ конечно считаться достовѣрнымъ и въ сочиненіи своемъ о дѣяніяхъ Оттона (*De rebus gestis Ottonis Magni Imperatoris*), въ которомъ разсказывается объ обвиненіяхъ на Іоанна XII-го, тѣмъ болѣе, что Іоаннъ былъ противникомъ Оттона, благодѣтель Ліутпранда, и отпрыскомъ тосканской фамиліи, находившейся въ союзѣ съ его врагомъ Беренгаромъ, а сочиненіе свое Ліутпрандъ писалъ между прочимъ для самаго Оттона. Помимо такого общаго соображенія въ самомъ разсматриваемомъ разсказѣ есть нѣчто такое, что возбуждаетъ сомнѣнія въ его достовѣр-

ности. Ліутпрандъ не говоритъ ни одного слова о томъ соборѣ, который созданъ былъ Іоанномъ послѣ его возвращенія въ Римъ и который осудилъ всѣ дѣйствія прежняго собора, обвинявшаго Іоанна. Такое умолчаніе авторы объясняютъ тѣмъ, что Ліутпрандъ боялся, чтобы упоминаніе объ этомъ соборѣ не возбудило въ читателѣ сомнѣнія относительно достовѣрности его прежняго разсказа. Сомнѣніе это тѣмъ естественнѣе, что продолжатель хроники Регино, хорошо знакомый съ описываемыми событіями, ничего не знаетъ о тѣхъ ужасныхъ обвиненияхъ, о которыхъ сообщаетъ Ліутпрандъ. Говоря о низложеніи Іоанна XII-го, онъ единственною причиною этого выставляетъ союзъ его съ врагами императора, а потому даетъ намъ основаніе думать, что разсказъ Ліутпранда въ значительной степени представляется вымысломъ. Впрочемъ, друзья истины заявляютъ, что для нихъ все равно, кто бы ни былъ авторомъ взведенныхъ на папу Іоанна XII-го клеветъ. Сочинилъ ли ихъ Ліутпрандъ, или соборъ, осудившій Іоанна, или оба вмѣстѣ, причемъ Ліутпрандъ только постарался преувеличить выдумки обвинителей собора, во всякомъ случаѣ выводъ будетъ тотъ, что обвинения на Іоанна преисполнены клеветою и что этотъ папа совсѣмъ не былъ такимъ чудовищемъ, какимъ изобразилъ его Ліутпрандъ. Свои изслѣдованія относительно папства въ десятомъ вѣкѣ „друзья истины“ заключаютъ увѣреніемъ, что какъ бы ни были велики бѣдствія церкви, она, какъ учрежденіе божественное, никогда погибнуть не можетъ. Напротивъ, здѣсь-то и обнаруживается съ особенною ясностію, что церковь есть дѣло Божіе, а не человѣческое, ибо тамъ, гдѣ человѣческое учрежденіе неизбежно должно погибнуть, церковь остается непоколебимою. Вѣрующій христіанинъ утѣшается мыслию, что хотя Христосъ и является спящимъ, но спитъ Онъ въ кораблѣ церкви и въ должное время пробудится, чтобы поведѣть бурю и морю затихнуть. Только безбожные нововводители, мало знакомые съ Евангеліемъ, при видѣ волнъ, поднимающихся на корабль святаго Петра, имѣютъ дерзость богохульно утверждать, что Христа будто бы нѣтъ въ немъ.

Вѣковая борьба папства съ имперіей представляетъ собою одно изъ самыхъ выдающихся явленій средневѣковой исторіи, а потому естественно, что и наши „друзья истины“ останавли-

ваются на его разсмотрѣніи съ особеннымъ вниманіемъ. Само собою разумѣется, что по ихъ изображенію это явленіе рисуется совершенно не въ томъ смыслѣ, въ какомъ большинство обыкновенно привыкло представлять его себѣ на основаніи школьныхъ уроковъ и учебниковъ. Словомъ „Каносса“, по ихъ мнѣнію, давно уже неумѣренно злоупотребляли люди, враждебно настроенные по отношенію къ церкви и папству, но никогда еще доселѣ это злоупотребленіе не достигало такихъ необычайныхъ размѣровъ, какъ въ послѣднее время, въ эпоху знаменитой культурной борьбы, провозглашенной въ Германіи княземъ Бисмаркомъ. Въ засѣданіи германскаго рейхстага 14-го мая 1872-го года имперскій канцлеръ заявилъ: „будьте спокойны: въ Каноссу мы не пойдемъ, ни тѣлесно, ни духовно“! (Seien Sie ausser Sorge: nach Canossa gehen wir nicht, weder körperlich, noch geistig)! Эти слова встрѣчены были шумными знаками одобренія всей лѣвой и большей части правой стороны. Не только либеральная, но даже отчасти и консервативная пресса поспѣшила разнести ихъ по всей Германіи; наконецъ, ихъ сочли нужнымъ увѣковѣчить даже на особомъ памятникѣ, поставленномъ близъ Гарцбурга. Высокій каменный обелискъ носитъ на себѣ бронзовое медальонное изображеніе князя Бисмарка съ надписью: „Nach Canossa gehen wir nicht. 14. mai 1872“. Эта знаменитая фраза должна была стать какъ-бы девизомъ германской имперіи въ ея отношеніяхъ къ церкви и папству, должна была выражать твердую рѣшимость государства отстаивать свою независимость и свои интересы отъ всякихъ клерикальныхъ притязаній, такъ какъ съ именемъ Каноссы неизбѣжно связывалось представленіе о глубокомъ униженіи нѣмецкой имперіи предъ папствомъ въ лицѣ угнетеннаго и опозореннаго императора предъ властолюбивымъ и надменнымъ папою. Но друзья истинны увѣряютъ своихъ читателей, что событія Каноссы совсѣмъ не имѣли того характера и значенія, какіе обыкновенно имъ приписываются. Свиданіе въ Каносскомъ замкѣ императора Генриха IV съ папою Григоріемъ VII ни по обстановкѣ, ни по самому существованію своему не заключало въ себѣ ничего такого, что давало-бы право видѣть въ немъ крайнее обнаруженіе чрезмѣрной папской притязательности и высокоумія, позоръ и неслыханное униженіе для императорскаго достоинства. Никто не заставлялъ Ген-

риха спѣшить въ Каноссу для свиданія съ Григоріемъ; его дѣло должно было рѣшиться на Аугсбургскомъ сеймѣ, куда приглашенъ былъ князьями имперіи и папа. Если Генрихъ не желалъ допускать Григорія въ Аугсбургъ и спѣшилъ сперва чрезъ пословъ, а потомъ лично вступить съ нимъ въ переговоры, то только потому, что этотъ путь непосредственнаго соглашенія съ папою представлялся ему гораздо болѣе удобнымъ и выгоднымъ, нежели рѣшеніе дѣла на сеймѣ. Отъ великодушія Григорія онъ скорѣе рассчитывалъ встрѣтить снисходительное отношеніе къ своимъ дѣяніямъ, чѣмъ отъ раздраженныхъ нѣмецкихъ князей, а потому и заявлялъ папѣ, что всѣ недоразумѣнія скорѣе и легче могутъ быть улажены въ ихъ непосредственныхъ переговорахъ, чѣмъ на многочисленномъ и страстно-возбужденномъ собраніи. При такомъ ходѣ событій едва-ли можетъ быть рѣчь о позорѣ и униженіи императора и высокомѣрной притязательности папы. Самый фактъ того публичнаго покаянія, которое было принесено Генрихомъ въ Каноссѣ, чтобы добиться отмѣны наложеннаго на него церковнаго отлученія, обыкновенно описывается такъ, что императоръ представляется какъ будто несчастнымъ страдальцемъ, жестоко потерпѣвшимъ и униженнымъ отъ высокомѣрно-торжествующаго Григорія. Публичное покаяніе Генриха изображается какъ неслыханное дотождѣ униженіе императорскаго достоинства, обставленное притомъ такими суровыми условіями, при которыхъ на долю кающагося выпали не нравственныя только, но и физическія страданія. Три дня будто-бы долженъ былъ несчастный императоръ простоять у воротъ замка безъ пищи, въ снѣгу и на холодѣ, въ одеждѣ кающагося, т.-е. въ одной тонкой сорочкѣ, прежде чѣмъ суровый папа смиловался наконецъ надъ его страданіями и допустилъ его въ замокъ для переговоровъ о снятіи отлученія. Но при ближайшемъ изслѣдованіи событія всѣ эти подробности на половину теряютъ свой трогательный характеръ. Въ самомъ фактѣ публичнаго покаянія не заключалось ничего неслыханно-унизительнаго для императорскаго достоинства. Такое покаяніе вполне соответствовало духу того времени и въ глазахъ современниковъ представлялось явленіемъ совершенно естественнымъ. Въ ту эпоху церковь господствовала въ жизни общественной, государственные законы сообразовались съ церковными постановленіями, а потому всѣмъ

казалось вполнѣ законнымъ, что публичный соблазнъ, причиненный кѣмъ либо въ противорѣчій съ законами церкви, долженъ быть исправленъ и публичнымъ покаяніемъ. Примѣры такихъ публичныхъ покаяній встрѣчались на каждомъ почти шагу и не считались за что-либо позорное. Многіе изъ благочестивыхъ князей того времени даже добровольно подвергали себя публичнымъ бичеваніямъ или ходили въ покаянныхъ процессіяхъ, и если припомнить хотя бы только императора Генриха III-го и французскаго короля Людовика святаго, то ясно будетъ, что Генрихъ IV не былъ ни первымъ ни послѣднимъ изъ высокыхъ коронованныхъ особъ, подвергшихся публичному церковному покаянію. Унижать и позорить Генриха не входило и въ расчеты папы, ибо Григорій гораздо болѣе желалъ видѣть императора высокимъ и могущественнымъ, чтобы въ союзъ съ нимъ имѣть надежную опору для церкви. Что касается тѣхъ суровыхъ испытаній, какія будто-бы пришлось вытерпѣть въ Каносѣ кающемуся императору, то при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, читатель неизбѣжно долженъ прійти къ тому выводу, что обычное, издавна имъ усвоенное представленіе объ этомъ далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Читатель можетъ быть думать, что кающійся императоръ дѣйствительно цѣлыхъ три дня оставался безъ крова и стоялъ предъ запертыми воротами Каносскаго замка? Совѣмъ нѣтъ. Генрихъ безпрепятственно допущенъ былъ во второй дворъ замка, т.-е. туда, гдѣ находились конюшни, сараи и помѣщенія для многочисленной прислуги замка. Здѣсь онъ могъ помѣститься гдѣ ему было угодно и провести свои дни ожиданія въ теплѣ и подъ кровомъ. Ему загражденъ былъ доступъ лишь въ послѣдній внутренній дворъ замка, т.-е. туда, гдѣ находились помѣщенія владѣлицы — Матильды и гдѣ пребывалъ въ то время папа Григорій. Никто не заставлялъ также императора все время стоять на холодѣ у воротъ во внутренній дворъ, и если онъ все-таки довольно долго постоялъ тутъ въ одеждѣ кающагося, то при этомъ имъ руководилъ прямой расчетъ, чтобы изъ оконъ замка его почаще видѣли Григорій и Матильда и чтобы, тронутые его покаяніемъ, поскорѣ исполнили его желаніе. Само собою разумѣется, что продолжительность такого стоянія не могла быть чрезмѣрною и изнурительною, такъ какъ размѣръ ея опредѣлялся доброю волею и

разчетомъ самого императора. Читатель можетъ быть думать также, что императоръ выходилъ стоять къ воротамъ на снѣгъ и холодъ въ одной тонкой сорочкѣ кающагося грѣшника? Напрасно. Эта длинная сорочка имѣла лишь символическое значеніе и надѣвалась обыкновенно поверхъ всей той одежды, какую всегда носилъ на себѣ кающійся. При такихъ условіяхъ снѣгъ и холодъ не могли очевидно имѣть для Генриха особеннаго значенія. Пусть не воображаетъ себѣ читатель чего-либо чрезвычайнаго и по поводу трехдневнаго поста кающагося императора. Этотъ постъ представлялъ собою самое обычное церковное требованіе, которому должны были подчиняться даже и не кающіеся только, а всѣ вообще вѣрующіе напр. въ продолжительный періодъ св. четырехдесятицы. Онъ состоялъ въ воздержаніи отъ вкушенія пищи только до вечера, а потому такой постъ въ продолженіи лишь трехъ дней не представлялъ для Генриха ничего ужаснаго. Если принять все это во вниманіе и припомнить напр. жестокія бичеванія и другія подобныя требованія тогдашней покаянной дисциплины, то нельзя не признать, что публичное покаяніе Генриха было не только не жестокимъ, а скорѣе слишкомъ легкимъ и недостаточно соответствовавшимъ тяжести его проступковъ. Прославленная Каносса теряетъ такимъ образомъ весь тотъ эффектъ, который ей издавна усвоится. Наконецъ, и по внутреннему смыслу своему Каносса, по увѣренію „друзей истины“, совсѣмъ не имѣла того значенія, какое ей обыкновенно приписывается. Съ словомъ „Каносса“ никакъ не слѣдуетъ соединять представленіе о глубокомъ униженіи германской имперіи предъ папскою властію. Такой общераспространенный въ настоящее время взглядъ установился лишь въ послѣдствіи, а современные событію хронисты съ этой точки зрѣнія на него не смотрѣли. Для Генриха Каносса была столько-же пораженіемъ сколько и побѣдой. Это былъ мастерской политической маневръ, при помощи котораго императоръ добился отмены церковнаго отлученія и такимъ образомъ сохранилъ за собою германскій императорскій престолъ. Для Григорія—это была церковная побѣда, но политическое пораженіе. Какъ политикъ, онъ и не желалъ бы Генрихова покаянія и не снялъ бы съ него наложеннаго отлученія, но какъ первосвященникъ онъ не могъ этого сдѣлать, какъ скоро Генрихъ явился

въ видѣ кающагося и такимъ образомъ заставилъ его исполнить свое желаніе. Своимъ публичнымъ покаяніемъ императоръ учинилъ насиліе надъ папою и при помощи этого церковнаго средства одержалъ такимъ образомъ политическую побѣду.

Всю дальнѣйшую исторію борьбы императоровъ съ папами авторы изображаютъ также совершенно не въ тѣхъ чертахъ, въ какпхъ доселѣ привыкло представлять ее себѣ большинство нашихъ читателей. Во всѣхъ частныхъ проявленіяхъ этой борьбы папы показали себя, по увѣренію друзей истины, людьми высоко-безкорыстными, благородными, вполне проникнутыми сознаниемъ своей великой христіанской задачи. Если ихъ образъ дѣйствій часто изображается въ совершенно обратномъ видѣ, то единственно благодаря той массѣ лжи и клеветы, которая благодаря стараніямъ враговъ церкви переполняетъ исторію той эпохи. Большая часть источниковъ, изъ которыхъ обыкновенно заимствуются свѣдѣнія о борьбѣ папства съ имперіей, принадлежить перу ревностныхъ сторонниковъ имперіи и потому отъ нихъ никакъ нельзя ожидать хотя сколько нибудь безпристрастнаго отношенія къ папамъ и ихъ дѣятельности. Къ разряду такихъ именно историковъ авторы относятъ Оттона Фрейзингенскаго и его продолжателя Рагевина, изъ коихъ первый былъ дядею императора Фридриха Барбароссы, дѣнія котораго описывалъ. Эти историки писали подъ прямымъ вліяніемъ и даже внушеніемъ самаго императора. Сохранилось письмо Фридриха къ Оттону, въ которомъ императоръ самъ предлагаетъ краткій очеркъ своихъ дѣяній, представляя ученому писателю только развить и дополнить указанный матеріалъ. Понятно, насколько безпристрастна и правдива выходитъ исторія Фридриха съ папствомъ, написанная Оттономъ подъ диктовку самаго императора. Не удивительно потому, если о многомъ, неблагопріятномъ для Фридриха, Оттонъ совершенно умалчиваетъ, и если съ другой стороны въ его произведеніи встрѣчаются такія вещи, которыя составляютъ лишь плодъ его воображенія, каковы, напр.: про- странныя, искусно-обработанныя рѣчи, которыя онъ произвольно влагаетъ въ уста изображаемыхъ имъ людей. По императорскому же порученію Рагевинъ беретъ на себя продолженіе труда Оттона, и документы и извѣстія, потребныя для его работы, сообщаются ему изъ императорской канцеляріи. Относительно доку-

ментовъ нужно еще имѣть въ виду, что цѣлая масса разныхъ посланій и грамотъ оказывается просто подложною, какъ напр.: между прочимъ, посланіе Адріана IV-го къ архіепископамъ Майнцскому, Кельнскому и Трирскому. Въ то время существовала цѣлая клика фальсификаторовъ, которые фабриковали и пускали въ свѣтъ самыя низкія клеветы на папство, такъ что позднѣйшіе папы Люцій III и Урбанъ III неоднократно должны были въ своихъ посланіяхъ дѣлать предостереженія противъ подобныхъ мастеровъ подлога. Папы горько жалуются на эту гнусную язву фальсификаціи (*improba pestis falsitatis*), измышляющую общественные документы, и опредѣляютъ, чтобы фальсификаторы, если они принадлежатъ къ числу членовъ клира, лишаемы были своихъ должностей и подвергались аресту. Что касается внутренняго смысла изображаемой борьбы, то причина ея лежала совсѣмъ не въ безмѣрныхъ притязаніяхъ и ненасытномъ честолюбіи римскихъ первосвященниковъ, а напротивъ, въ противузаконныхъ стремленіяхъ императоровъ къ абсолютному всемірному владычеству, которые должны были по ихъ теоріи подчинить себѣ и церковь. Гогенштауфены, по изображенію авторовъ, были сознательными и послѣдовательными представителями цезарепапизма; они поставляли себѣ задачей сдѣлать императора неограниченнымъ властелиномъ и государства и церкви, въ одномъ лицѣ соединить и императора и папу. Понятно, что папы неизбѣжно должны были возстать противъ подобныхъ притязаній и употребить всѣ свои силы на защиту независимости церкви. Побѣдоносно выдержавъ эту борьбу, разрушивъ всѣ планы и усилія Гогенштауфенскаго дома, папы явились благодѣтелями западной Европы, ибо спасли народную свободу отъ всеподавляющаго гнета абсолютизма. Проводя параллель между средневѣковою борьбою папства съ имперіей и недавними событіями нѣмецкаго культуркампфа, друзья истины заявляютъ, что какъ прежде, такъ и теперь государство старается сдѣлать церковь своею слугою, но церковь конечно отвергаетъ такія покушенія, ссылаясь на независимость, дарованную ей ея Основателемъ. Какъ прежде, такъ и теперь она желаетъ жить въ братскомъ союзѣ съ государствомъ и при его поддержкѣ осуществлять въ человѣчествѣ свои высокія задачи; но государство не хочетъ знать этихъ задачъ; оно желаетъ

господствовать надъ церковію и заставить ее служить своимъ частнымъ политическимъ цѣлямъ, а если церковь этому противодѣйствуетъ, то ее обвиняютъ во властолюбіи. Но какъ бы ни было могущественно государство, при всей своей силѣ и при всемъ своемъ искусствѣ, оно никогда не можетъ выдержать долгое время подобной борьбы съ церковію; здравый смыслъ народа всегда возстанетъ противъ продолженія такой борьбы и послѣднимъ моментомъ ея для государства всегда будетъ „Каносса“. Въ виду самыхъ послѣднихъ событій въ Германіи „друзья истины“ и всѣ ихъ единомышленники могутъ, пожалуй, съ торжествомъ указать теперь на исполненіе этого предсказанія. Знаменитые майскіе законы отмѣнены почти во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ и тотъ самый Бисмаркъ, который прежде провозглашалъ: „nach Canossa gehen wir nicht“, недавно въ прусской палатѣ господъ по поводу церковно-политическаго законопроекта заговорилъ уже совсѣмъ иначе. „Мы должны уступить, сказалъ онъ, нашимъ друзьямъ католикамъ во всемъ, въ чемъ мы можемъ уступить... Я ищу мира съ куріей... Миръ съ папой облегчитъ намъ борьбу съ внутренними врагами“... Но Каносса-ли здѣсь, это еще вопросъ, ибо отмѣна майскихъ законовъ явилась, какъ извѣстно, лишь платою за вмѣшательство папы въ германскіе выборы соотвѣтственно желаніямъ Бисмарка, т.-е. за то, что церковь въ этомъ случаѣ выступила слугою государства. Вѣковой вопросъ, такимъ образомъ, повидимому нисколько еще не подвинулся къ своему разрѣшенію.

Одно изъ самыхъ распространенныхъ обвиненій противъ католической церкви, выставляемое обыкновенно ея врагами, состоитъ въ томъ, что она слишкомъ много потворствовала народному суевѣрью, а потому въ значительной степени была причиною того мрака, который будто-бы характеризуетъ средневѣковую эпоху. Друзья истины конечно рѣшительно возстаютъ противъ этого обвиненія. По ихъ увѣренію, католическая церковь не только не содѣйствовала мраку, а напротивъ, съ самыхъ раннихъ временъ вела постоянную энергическую борьбу противъ всякаго рода суевѣрій. Въ доказательство своей мысли они останавливаются главнымъ образомъ на фактахъ изъ исторіи нѣмецкаго народа, начиная со времени его просвѣтителя Бонифація. Германцы отличались особенною приверженностію

къ своимъ отечественнымъ языческимъ богамъ и упорно отстаивали свои старые нравы и обычаи, а потому церковь съ первыхъ же временъ своего утвержденія въ Германіи должна была вести борьбу съ сохранившимися остатками язычества. Первый національный нѣмецкій соборъ, имѣвшій мѣсто въ 742-мъ году съ благословенія папы Захаріи, между прочимъ постановилъ, что каждый епископъ при содѣйствіи мѣстнаго графа долженъ смотрѣть, чтобы въ его епархіи народъ Божій не соблюдалъ языческихъ обычаевъ, но гнушался всякаго рода нечистоты, какъ напр.: языческихъ заупокойныхъ жертвоприношеній, жребье-метаній, гаданій, амулетовъ, наблюденій за полетомъ птицъ и ворожбы. Нужно также ревностно побуждать ихъ къ уничтоженію тѣхъ жертвенныхъ трапезъ, которыя глупые люди по языческому обычаю устроятъ подлѣ церквей съ призываніемъ святыхъ мучениковъ и исповѣдниковъ, оскорбляя тѣмъ Бога и Его святыхъ, а также и богохульныхъ огней, которые они называютъ „*podfyr*“, и всего того, что основывается на языческихъ суевѣріяхъ. Въ слѣдующемъ году къ этому первому собору присоединился второй, состоявшійся въ Лифтинѣ (близъ Камбрэ) и борьбу противъ суевѣрныхъ языческихъ обычаевъ поставившій своею главною задачею. Ради этой задачи составлена была формула отреченія отъ сатаны и исповѣданіе вѣры, которыя должны были употребляться при крещеніи, перечень языческихъ обычаевъ, который служитъ объясненіемъ общаго запрещенія, постановленнаго предшествовавшимъ соборомъ, и важнымъ пособіемъ къ изученію древне-германскаго язычества, а также постановлены были и наказанія для тѣхъ, которые будутъ виновны въ соблюденіи этихъ обычаевъ. Чтобы ближе познакомить читателя съ дѣятельностію церкви по уничтоженію суевѣрій въ Германіи, авторы приводятъ указанный перечень, сопровождая его нѣкоторыми объяснительными замѣчаніями. Изъ этого перечня мы узнаемъ, что дѣло шло здѣсь: 1) объ оскорбленіи святыхъ на могилахъ умершихъ, о такъ называемыхъ „*Dadisas*“, т. е. *Todesessen*, тризнахъ по умершимъ, причемъ обыкновенно пѣли, играли, плясали и пировали, при мертвомъ оставляли его оружіе, а рабы жертвовали даже и жизнью; 3) мерзкихъ праздникахъ (*spurcalibus*), совершавшихся въ февралѣ и сопровождавшихся маскарадами и принесеніемъ

въ жертву борова; 4) о шалашахъ для идоловъ; 5) объ оскорбленіи святыни въ церквахъ, о пирахъ, пѣннѣ и танцахъ въ нихъ; 6) о священныхъ мѣстахъ въ лѣсахъ, которыя назывались „нидами“; 7) о религіозныхъ обычаяхъ, исполнявшихся на скалахъ, какъ излюбленныхъ мѣстахъ для жертвоприношенія; 8) о жертвахъ Меркурію и Юпитеру, или Водану и Тору; 9) о жертвахъ, приносимыхъ святымъ, ибо новообращенный народъ, привыкшій къ культу героевъ, хотѣлъ и христіанскимъ святымъ приносить жертвы, какъ богамъ; 10) о цѣпочкахъ, поясахъ и разнаго рода амулетахъ, сдѣланныхъ изъ металла, дерева или пергамента съ надписями, а также о разныхъ травахъ для защиты отъ колдовства; 11) о священныхъ источникахъ; 12) о ворожбѣ при помощи извѣстныхъ словъ и выраженій; 13) о гаданіяхъ по птицамъ, лошадямъ, бычачьему навозу или по чиханію; 14) о гадателяхъ и метателяхъ жребіевъ; 15) объ огнѣ, извлекаемомъ чрезъ треніе изъ дерева. Чрезъ такой огонь обыкновенно прыгали для исцѣленія отъ лихорадки и другихъ болѣзней, а пепель разсыпали по полямъ для плодородія и предохраненія урожая отъ всякихъ вредныхъ гадовъ; 16) о клятвѣ надъ мозгомъ животнаго; 17) о языческихъ суевѣрныхъ примѣтахъ при началѣ какого-либо дѣла, напр. о наблюденіи надъ тѣмъ, какъ идетъ дымъ отъ очага, а также о значеніи, суевѣрно приписываемомъ въ этомъ случаѣ извѣстнымъ днямъ или фазамъ луны; 18) о мѣстахъ, признаваемыхъ священными и мѣстопробываніями разныхъ низшихъ божествъ; 19) о пучкахъ травы, посвящаемыхъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи и употребляемыхъ для суевѣрныхъ цѣлей; 20) о праздникахъ въ честь Юпитера и Меркурія; 21) о суевѣрныхъ обычаяхъ, исполняемыхъ при солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ и при новолуніи; 22) о подобныхъ же обычаяхъ, употребляемыхъ для укрощенія бури; 23) о суевѣрныхъ обрядахъ, совершаемыхъ при окапываніи валомъ дворовъ для защиты ихъ отъ колдовства; 24) о языческихъ праздничныхъ собраніяхъ въ разодранныхъ одеждахъ и обуви; 25) о сохранившемся языческомъ взглядѣ на всѣхъ умершихъ, какъ на святыхъ; 26) объ идолахъ, испеченныхъ изъ муки, и разныхъ хлѣбахъ въ честь боговъ, которымъ приписывается потому таинственная сила; 27) объ идолахъ устрояемыхъ изъ тканей; 28) о языческомъ обычаѣ ношенія идоловъ въ процессіяхъ по полямъ;

29) о деревянныхъ и металлическихъ ногахъ, рукахъ и другихъ членахъ тѣла, которые по языческому обычаю вѣшались подлѣ идола въ знакъ благодарности за исцѣленіе этихъ членовъ, или какъ просительная жертва объ ихъ исцѣленіи; 30) о суевѣрномъ представленіи, что будто-бы женщины обладаютъ особенною таинственною силой, такъ что могутъ заворожить луну и похищать сердца людей. Затѣмъ друзья истины перечисляютъ цѣлый рядъ церковныхъ опредѣленій противъ суевѣрія, свидѣтельствующихъ о постоянной и энергической борьбѣ съ нимъ церкви, каковы напр. окружныя посланія противъ гадателей и ворожей папы Льва IV, въ 850 г., къ епископамъ британскаго народа, папы Льва VII (936—939 г.) къ королямъ, герцогамъ, епископамъ, аббатамъ, графамъ и къ епископамъ зальцбургскому, регенбургскому, фрейзингенскому, зебенскому и остальнымъ епископамъ Галліи, Германіи, Баваріи и Алеманніи, а также постановленія соборовъ: майнцаго 1261 года, кѡльнскаго 1279 года, майнцаго, утрехтскаго и бреслаускаго 1290 г., майнцаго, утрехтскаго и трирскаго 1310 г., вюрцбургскаго 1329 г., наумбургскаго 1350 г., эйхштѣтскаго 1354 г., кѡльнскаго 1356 г., магдебургскаго 1370 г., Мейссенскаго 1413 г., любекскаго 1420 г., страсбургскаго 1432 г., бреслаускаго 1445 г., эйхштѣтскаго 1447, 1453, 1465, 1484 гг., бреслаускаго 1475 г., бамбергскаго 1491 г., шверинскаго 1492 г., бременскаго 1497 г., базельскаго 1505 г., магдебургскаго 1505 г., регенбургскаго 1512 г. Люди, уличенные въ суевѣріи, подвергались даже по соборнымъ опредѣленіямъ церковному отлученію и могли снискать себѣ прощеніе не иначе, какъ посредствомъ искренняго публичнаго покаянія, состоявшаго въ участіи въ церковныхъ процессіяхъ съ непокрытою главою и безъ обуви, въ стояніи у церковныхъ дверей или въ церкви съ поясомъ на шеѣ, при чемъ покаяніе должно было продолжаться или сорокъ дней, или два года, или даже пять лѣтъ, смотря по тяжести вины. Въ руководство пастырямъ церкви при борьбѣ противъ суевѣрій издавались особыя покаянныя чиновники (Bussbuch) большихъ и малыхъ размѣровъ, которые должны были служить пособіемъ при совершеніи исповѣди и назначеніи епитимій. Наболѣе древніе изъ такихъ чиновниковъ мерзебургскій, относимый къ седьмому вѣку, аббата Регино Прюмскаго († 915) и епископа Бурхарда Ворм-

скаго († 1025). Въ борьбѣ противъ суевѣрія и свѣтская власть шла нерѣдко рука объ руку съ церковною. При Карлѣ Великомъ было напр. въ 769 г. постановлено, чтобы епископъ ежегодно объѣзжалъ свою епархію и уничтожалъ въ ней суевѣрные обычаи. Это постановленіе неоднократно было подтверждаемо, какъ напр. въ 789 и др. годахъ, когда объявлены были нетерпимыми и подлежащими наказанію всякіе гадатели и знахари, всякаго рода амулеты, почитаніе священныхъ источниковъ и т. д.

Вооружаясь противъ суевѣрія, церковь большею частію старалась избѣгать всякихъ крутыхъ мѣръ и дѣйствовала съ величайшею осторожностію. Она уничтожала только то, что имѣло языческій или безнравственный характеръ, уважая самыя религіозныя чувства и потребности, которыя служили нерѣдко источникомъ суевѣрій. Язычникъ привыкъ напр. обращаться къ своимъ богамъ съ благодарностію за какіе-либо дары природы; самой благодарности церковь конечно не осуждала, но запрещала лишь обращаться съ нею къ языческимъ богамъ. Укоренившіеся языческіе обычаи она иногда и не уничтожала, но старалась обратить ихъ въ христіанскіе, придавая имъ новый смыслъ и значеніе. Христіанскіе праздники, какъ долженствовавшіе вытѣснить собою старыя языческіе, назначались нерѣдко въ тѣ самыя времена, когда народъ привыкъ совершать свои пренія языческія празднованія. Многіе изъ старыхъ обычаевъ оставлены неприкосновенными, но имъ дано новое символическое значеніе. Свойства нѣкоторыхъ языческихъ боговъ перенесены на христіанскихъ святыхъ. Самое существованіе языческихъ боговъ не было вполне отвергнуто; но эти боги превращены въ злыхъ духовъ, общеніе съ которыми представлялось человѣку опаснымъ и непозволительнымъ. Отсюда даже и доселѣ сохраняются нѣкоторые обычаи, имѣющіе свой отдаленный источникъ въ суевѣріяхъ язычества, но теперь получившіе уже христіанскій смыслъ, таковы напр. огни въ Пасху и въ Ивановъ день, освященіе сноповъ въ праздникъ Успенія Богоматери и т. под... Борьба противъ суевѣрій стоила церкви необычайныхъ усилій. Народныя суевѣрія всегда отличаются особенною живучестію, такъ какъ ихъ источникъ лежитъ въ естественныхъ религіозныхъ потребностяхъ человѣка. Если борьба съ останками язычества въ этой области не всегда сопровождалась полною побѣ-

дой, то нельзя конечно ставить это въ вину католической церкви, какъ это дѣлають ея враги, ибо, какъ показали друзья истины своимъ читателямъ, церковь съ своей стороны недостатка энергіи въ этой борьбѣ никакъ не обнаружила. Берлинъ почти единогласно признается столицею протестантизма, а между тѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ либеральный протестантскій богословъ Роте заявилъ, что этотъ самый „Берлинъ становится въ Европѣ столицею язычества“, ибо нигдѣ почти суевѣріе такъ не процвѣтаетъ, какъ въ Берлинѣ, и уже конечно не католическая церковь тому причиною. Стоитъ только взглянуть въ берлинскія газеты, чтобы видѣть, что нигдѣ нельзя найти такого великаго множества разныхъ гадальщицъ и предсказательницъ, какъ именно въ этой столицѣ протестантизма. Ежедневно эти сивиллы и предсказательницы будущаго восхваляютъ въ газетахъ свое искусство. Газета „Berliner Intelligenzblatt“ въ одномъ только номерѣ представляетъ читателю цѣлый рядъ подобныхъ объявленій: „парижская гадальщица“, „знаменитая предсказательница изъ-за границы“, „гадальщица изъ Россіи“, „гадальщица на изумленіе публики“, „гадальщица для важнѣйшихъ вопросовъ жизни“, „гадальщица, ученица извѣстной цыганской королевы Анастасіи—ех-матушки“, „американская гадальщица“, „образованная, молодая дама, изучившая во Франціи искусство раскладыванія картъ, угадываетъ прошедшее и будущее съ полнѣйшею точностію“. Въ номерѣ той же газеты за 17 сентября 1873 года содержалось не менѣе какъ девятнадцать подобныхъ публикацій, а еще жители Берлина говорятъ, что лучшія и наиболѣе извѣстныя гадальщицы въ газетахъ не публикуются. Четырнадцатаго октября 1873 года даже министерство внутреннихъ дѣлъ сочло нужнымъ издать приказъ противъ этого чрезмѣрно развившагося ремесла предсказательства, но берлинцы оказались изобрѣтательными и такъ умѣють обойти этотъ приказъ, что гадальщицы процвѣтають по прежнему. Берлинскій городской проповѣдникъ Гаузигъ въ издаваемыхъ имъ листкахъ „Blättern aus der Stadtmission“ для содѣйствія городской миссіи въ осуществленіи ея задачи сдѣлалъ въ іюлѣ 1882 года интересное сообщеніе о господствующихъ въ этой столицѣ суевѣріяхъ. По его словамъ, суевѣріе сопровождаетъ человѣка отъ колыбели до могилы и, какъ плодovitое въющеся растеніе, опутываетъ всѣ отношенія

его жизни. Онъ приводитъ затѣмъ цѣлый рядъ примѣровъ въ подтвержденіе своей мысли, заимствуя ихъ изъ разныхъ возрастовъ и жизненныхъ положеній. Дѣтство. Если семья продаетъ свою дѣтскую телѣжку и послѣдняго ребенка станетъ возить во взятой на прокатъ, то болѣе дѣтей въ этой семьѣ уже не будетъ. Мужъ говоритъ: все мои крещеныя дѣти умерли, послѣдняго ребенка я не позволилъ крестить и онъ остался живъ.— При крещеніи ребенка, въ то время, когда его обливаютъ водою, его долженъ держать мужчина, иначе ребенку не будетъ счастья. Маленькаго ребенка, которому нѣтъ еще года, не слѣдуетъ брать на кладбище и не нужно снимать съ него фотографическихъ портретовъ, иначе онъ непременно умретъ. Вѣнчаніе. На пути въ церковь женихъ и невеста не должны идти другъ подлѣ друга, потому что въ такомъ случаѣ непременно кончится разводомъ. Женихъ передъ вѣнчаніемъ долженъ дать невестѣ денегъ, чтобы деньги никогда у нея не переводились. Смерть. Многіе больные боятся приобщенія, ибо думаютъ, что въ такомъ случаѣ они должны неизбѣжно умереть. Одинъ гробовщикъ былъ твердо убѣжденъ, что гробъ, который предстоитъ продать, за нѣсколько часовъ до продажи двигается самъ собою. Это движеніе происходитъ отъ того, что мертвецъ самъ выбираетъ себѣ гробъ, а потому родные покойнаго должны покупать именно тотъ гробъ, который двигался. Если часы внезапно остановятся, то значитъ умереть кто-либо изъ родства. Въ комнатѣ, гдѣ лежитъ мертвецъ, зеркала должны быть завѣшаны, потому что иначе въ зеркалѣ будетъ отражаться другой мертвецъ, а это значитъ, что въ этомъ же домѣ умретъ скоро еще кто-нибудь. Если гробъ стоялъ на двухъ стульяхъ, то эти стулья нужно послѣ поставить вверхъ ногами. Послѣ выноса двери тотчасъ же должны быть заперты и все это для того, чтобы покойникъ не возвратился и не увелъ еще кого-либо съ собою. Если похоронная процессія почему-либо остановится предъ какимъ-нибудь домомъ, это значитъ, что въ немъ умретъ кто-нибудь. Снамъ очень многіе придаютъ пророчесственное значеніе. Если приснится грязная вода, это означаетъ болѣзнь, чистая—здоровье и благоденствіе. Ясное пламя означаетъ большую радость, въ особенности скорую свадьбу или богатство, а потому слѣдуетъ въ этомъ случаѣ запастись билетомъ на лоттерейю. Если же приснится одинъ дымъ безъ

пламени, то угрожаетъ большое несчастье и смерть. Встрѣтить при выходѣ изъ дома старуху или въ полѣ зайца значитъ не имѣть успѣха въ предпріятіи, тоже грозить и въ томъ случаѣ, если по выходѣ придется зачѣмъ-либо возвратиться. Для счастья многіе носятъ при себѣ маленькое распятіе или образъ Богоматери. Для счастья же приколачивается у порога подкова, найденная на дорогѣ, и притомъ непременно такъ, чтобы открытая сторона ея была обращена наружу. Когда мужъ отправляется куда-либо по важному дѣлу, жена зашиваетъ ему въ карманы соли, тмина и укропа, и въ такомъ случаѣ успѣхъ его дѣла считается обезпеченнымъ и отъ всякаго колдовства онъ гарантированъ. Плющъ въ домѣ имѣть не слѣдуетъ, ибо онъ привлекаетъ несчастье. Вступая въ новый домъ или квартиру, нужно прежде всего внести туда хлѣбъ и деньги, чтобы это никогда въ ней не переводилось. Если положить хлѣбъ на спину, будетъ ссора. Чтобы хлѣбъ былъ всегда въ изобиліи, нужно, разрѣзая его, три раза перекрестить его нижнюю сторону, и никогда не класть его отрѣзанною стороною къ двери. Торговцы имѣютъ обыкновеніе дунуть, плюнуть на первыя полученныя въ день деньги, чтобы привлечь ихъ какъ можно болѣе. Изъ новопріобрѣтеннаго товара купецъ никогда не возьметъ прежде всего сколько-нибудь для собственнаго употребленія, потому что въ такомъ случаѣ весь товаръ останется непроданнымъ. Чтобы деньги не переводились, нужно носить въ кошелькѣ, или вообще при себѣ, чешую отъ рыбы, съѣденной подъ новый годъ, или собачій зубъ, или гвоздь отъ гроба. Пятница считается днемъ особенно тяжелымъ. Чтобы не было несчастья, не слѣдуетъ ни крестить въ этотъ день, ни вѣнчаться, ни надѣвать новаго платья, ни начинать какую-либо работу. Въ продолженіе недѣли между праздникомъ Рождества и новымъ годомъ не слѣдуетъ ни стирать, ни сушить бѣлья, потому что въ противномъ случаѣ умретъ тотъ, кому это бѣлье принадлежитъ.

Если такая масса суевѣрій господствуетъ въ просвѣщенной протестантской столицѣ и если съ другой стороны извѣстно, что суевѣріе всегда было и есть во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, то не имѣетъ очевидно, никакого значенія тотъ упрекъ, который дѣлается въ этомъ отношеніи католической церкви. Помимо всѣхъ приведенныхъ данныхъ изъ ея исторіи стоитъ лишь взгля-

нуть во всякій католическій катихизисъ или учебникъ нравственнаго богословія, чтобы видѣть, что церковь эта никакихъ суевѣрій не хранитъ и ничему подобному не потворствуетъ.

Обвиняя католическую церковь въ потворствѣ суевѣрію, враги ея обыкновенно прибавляютъ еще, что и знаменитые процессы о колдовствѣ и вѣдмахъ есть также изобрѣтеніе папъ и католической церкви. Въ опроверженіе этого обвиненія друзья истины выставляютъ на видъ, что до начала XIII вѣка многіе учителя церкви рѣшительно возставали противъ народнаго заблужденія относительно колдовства, вѣдмъ, привидѣній и т. под. и цѣлый рядъ провинціальныхъ соборовъ объявляли это заблужденіе языческимъ, грѣховнымъ и еретическимъ. Въ сборникъ Граціана (*Decretum*) внесено было постановленіе, которымъ клиру вмѣнялось въ обязанность поучать народъ о недѣйствительности колдовства и о несомвѣстимости вѣры въ него съ христіанствомъ. Папа Григорій VII энергически высказывался въ 1074 году противъ происшедшихъ въ Германіи убіеній вѣдмъ и съ такою же рѣшительностію въ письмѣ къ королю Даніи возсталъ противъ судовъ надъ вѣдмами, называя ихъ варварскими и безчеловѣчными. Если иногда церковь и налагала наказанія на обвиненныхъ въ колдовствѣ, то до XIII вѣка эти наказанія были лишь дисциплинарными или состояли въ отлученіи отъ церковнаго общенія, сопровождаясь всегда наставленіемъ заблуждающихся; но никогда доселѣ она не обращалась къ содѣйствію свѣтской власти и не прибѣгала къ мѣрамъ кровавымъ. Несправедливо также и то, что будто бы инквизиціи принадлежитъ введеніе и поощреніе процессовъ противъ вѣдмъ. Къ дѣламъ подобнаго рода инквизиція имѣла въ началѣ очень мало отношенія. Папа Александръ IV даже запретилъ инквизиторамъ вмѣшиваться въ преслѣдованіе людей, обвиняемыхъ въ магіи, а Іоаннъ XXII приказывалъ имъ вступаться лишь тогда, когда дѣло идетъ о ереси. Эпоха высшаго развитія процессовъ противъ вѣдмъ относится не къ среднимъ вѣкамъ, а къ зарѣ новаго времени, къ вѣку возрожденія и реформаци. Въ прежнее время церковь карала лишь колдовство, соединенное съ ересью, а со второй половины XV вѣка и позднѣе повсюду раздаются обвиненія независимо отъ ереси прямо въ союзъ съ дьяволомъ и близкихъ съ нимъ отношеніяхъ. Въ это время становится уже всеобщимъ

народнымъ убѣжденіемъ, что вѣдьмы и ихъ хозяинъ продаютъ дьяволу свою душу и блаженство и въ замѣнъ этого получаютъ сверхъестественную силу и таинственныя средства, такъ что могутъ повелѣвать стихіями, измѣнять погоду, добывать сокровища, причинять всякій вредъ людямъ, животнымъ и растениямъ, измѣнять свой видъ, съ полнымъ просторомъ удовлетворять своимъ страстямъ, какъ напр. честолюбію, корыстолюбію и чувственности, при чемъ могутъ даже съ самымъ злымъ духомъ вступать въ половыя сношенія (*incubus, succubus*). Всѣ вѣдьмы находятся между собою въ тѣсномъ таинственномъ союзѣ и могутъ быть признаны по особому знаку. Для своихъ чародѣній онѣ употребляютъ мазь, приготовленную изъ дѣтскаго жира съ сокомъ животныхъ и растений. На шабашъ всѣ вѣдьмы каждой страны собираются обыкновенно въ одно мѣсто. Въ Германіи такимъ мѣстомъ служитъ Blocksberg, въ Швеціи—Blokula, въ Италіи—Barco di Ferraro. На мѣсто шабаша онѣ летятъ съ быстротою молніи верхомъ на метлахъ и вилахъ и проводятъ здѣсь Вальпургіеву ночь въ пляскахъ дикихъ вокругъ вельзевулова трона, въ роскошномъ пиршествѣ и затѣмъ гнусномъ распутствѣ. На это вѣрованіе народа въ вѣдьмъ церковь никогда не выражала своего взгляда. Въ каноническомъ правѣ можно найти церковныя наказанія за колдовство лишь въ томъ случаѣ, когда оно соединено съ ересью. Такое преступленіе съ начала среднихъ вѣковъ считалось такъ-называемымъ *crimen mixtum* и потому каралось не только церковію, но и государствомъ. Церковныя соборы большею частію ограничивались только тѣмъ, что отлучали виновныхъ отъ церковнаго общенія; но власть свѣтская съ ранняго времени захватила процессы о вѣдьмахъ въ свое вѣдѣніе и въ XVI и XVII вв., когда эти процессы стали до чрезвычайности распространенными, употребляла противъ обвиняемыхъ самыя суровыя мѣры, какъ пытки, мечъ и огонь. Извѣстная булла о вѣдьмахъ Иннокентія VIII (*summus desiderantes affectibus*), изданная 9 декабря 1484 года, имѣетъ своимъ предметомъ собственно церковное судопроизводство надъ еретиками, а колдовства касается лишь при случаѣ, и потому совершенно несправедливо утверждаютъ, что будто бы именно эта булла ввела процессы надъ вѣдьмами. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1489 году, два германскіихъ инквизитора, доминиканцы

Шпреигеръ и **Инститоръ**, издали книгу: „*malleus maleficarum*“, удостоившуюся папскаго и императорскаго одобренія. Въ этой книгѣ говорилось о сущности колдовства, объ обычаяхъ вѣдьмъ, о церковныхъ охранительныхъ средствахъ противъ чародѣяній и о судебной процедурѣ противъ вѣдьмъ. Само собою разумѣется, что эта книга, а также ея составители и тѣ, кои ее одобрили, подверглись впослѣдствіи ожесточеннымъ нападеніямъ. Друзья истины далеки отъ того, чтобы принимать на себя защиту этого печальнаго произведенія; но они считаютъ все-таки нужнымъ замѣтить, что нельзя судить то время съ точки зрѣнія девятнадцатаго вѣка, что книга эта была лишь выраженіемъ господствовавшихъ въ ту эпоху воззрѣній, что авторы ея собрали только то, что уже было написано прежде ихъ, что они руководились самыми лучшими намѣреніями, а ихъ суровость вполне гармонировала съ тогдашнимъ свѣтскимъ законодательствомъ по тому же предмету. Что же касается даннаго этой книгѣ одобренія, то изъ него еще вовсе не слѣдуетъ, по мнѣнію друзей истины, чтобы на папу и императора можно было возлагать отвѣтственность и за всю совокупность ея содержанія. Общій выводъ, къ которому приходятъ наши авторы по этому вопросу, состоитъ въ томъ, что не средніе вѣка, не папы и не католическая церковь ввели процессы о колдовствѣ и содѣйствовали ихъ послѣдующему кровавому развитію. Напротивъ, въ средѣ пастырей католической церкви находилось не мало такихъ, которые многихъ спасали отъ подозрѣнія и обвиненія въ колдовствѣ; изъ ихъ среды поднимались рѣшительные голоса противъ самыхъ процессовъ; въ эпоху самаго сильнаго распространенія этихъ процессовъ, именно папская инструкція 1657 года старалась по возможности смягчить ихъ, а въ Римѣ ни одна вѣдьма не была подвергнута сожженію.

Религіозная реформація XVI вѣка не уничтожила процессовъ о колдовствѣ и даже нимало не содѣйствовала ихъ смягченію. Сами протестантскіе писатели, какъ Томазіусъ, Куртцъ и Сольдау, признаютъ, что реформація не произвела никакой перемѣны въ этомъ отношеніи, что протестанты соперничали съ католиками въ преслѣдованіяхъ за колдовство и эти преслѣдованія въ эпоху реформаціи, особенно въ XVII вѣкѣ, достигли наибольшаго развитія, а въ протестантскихъ странахъ были даже сильнѣе и про-

должительно. Личные взгляды реформаторовъ на этотъ предметъ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Самъ Лютеръ не разъ ясно обнаруживалъ свое легковѣріе: онъ высказывалъ напр. вѣру въ существованіе бѣсенятъ въ видѣ подкидышей, которыхъ слѣдуетъ топить, а также въ союзъ вѣдьмъ съ дьяволомъ, и со всею рѣшительностію требовалъ ихъ наказанія, изъявляя готовность сжечь ихъ собственными руками. Кальвинъ и кальвинисты вполне вѣрили въ колдовство, и чѣмъ сильнѣе распространялся кальвинизмъ въ Англіи, тѣмъ многочисленнѣе становились тамъ процессы о колдовствѣ. Беза даже упрекали французскіе парламенты въ томъ, что они слишкомъ вялы въ преслѣдованіи вѣдьмъ. Въ Германіи протестантскіе проповѣдники нисколько не стѣснялись въ преслѣдованіяхъ за колдовство, такъ напр. въ Эсслингенѣ въ 1563 г. проповѣдникъ Неогеоргусъ обвинилъ трехъ женщинъ въ колдовствѣ и подвергъ ихъ пыткамъ. Католическіе священники часто также обвинялись въ чародѣйствѣ и союзѣ съ дьяволомъ, какъ напр. свящ. Іоакимъ Нибуръ въ Ростокѣ. При томъ великомъ авторитетѣ, какимъ Лютеръ и другіе реформаторы долго пользовались въ средѣ своихъ единовѣрцевъ, понятно, почему не въ протестантизмѣ, а въ католической церкви обнаружился первый протестъ противъ чрезмѣрно усилившихся процессовъ о колдовствѣ, принявшихъ какъ будто эпидемическій характеръ. Имена многихъ изъ этихъ друзей человѣчества остались невѣдомыми, но извѣстны напр. францисканецъ Spina (*fortalitium fidei*), итальянецъ Vignato (*de haeresi*), канонистъ Molitor или Müller изъ Констанца, который въ 1489 г. представилъ герцогу Сигизмунду тирольскому свою книгу въ опроверженіе вѣры въ колдовство, итальянецъ Ponzinibio, испанскій богословъ Martin Arles'кій и нѣкоторые другіе. Только въ 1563 году протестантъ Weier, врачъ герцога Клевскаго, возвысилъ свой громкій голосъ противъ безчинныхъ процессовъ (*de praestigiis daemonum*); но въ протестантской Германіи онъ остался одинокимъ; его книга въ 1565 году была осуждена протестантскимъ юридическимъ факультетомъ въ Марбургѣ, а самъ онъ съ трудомъ могъ избѣжать тяжкаго преслѣдованія. Только въ католической Германіи нашелъ себѣ пріютъ въ Трирѣ мужественный противецъ суетвѣрія, изгнанный протестантами пасторъ Cornelius Loos († 1593), книга котораго (*de vera et falsa magica*) навлекла на него на-

казаніе и гоненіе со стороны его церковныхъ властей. Ревностныхъ послѣдователей онъ нашелъ себѣ въ двухъ іезуитахъ — Tanner'ѣ и Friedrich'ѣ von Spee (1632, † 1635). Послѣдній, котораго Лейбницъ называетъ „великимъ человѣкомъ“, долгое время былъ духовникомъ и сопровождалъ на костеръ тѣ жертвы, которыя были осуждаемы за колдовство, а потому въ своей знаменитой книгѣ „Cautio criminalis“ на основаніи данныхъ личнаго опыта съ безпощадною критикою обнаружилъ всю фальшь и несправедливость этихъ процессовъ. Представленіе о дьяволѣ, говорить онъ, господствуетъ въ умахъ настоящаго времени болѣе нежели мысль о Богѣ. Какое бы несчастіе ни случилось—долго-временный ли дождь, неурожай, засуха, эпизоотія, болѣзни, эпидемія, пожаръ и т. п. — всему причиною вѣдьмы! Разбогатѣть ли кто-либо самымъ естественнымъ порядкомъ,—подозрѣваютъ колдовство. Благочестивъ ли кто-либо, молится прилежно съ четками, усерденъ къ церкви, — говорятъ, дьяволъ не даетъ ему покоя. Чѣмъ суровѣе и свирѣпѣе судья, тѣмъ болѣе его стануть хвалить за ревность къ справедливости. Изъ-за одного оговора, сдѣланнаго по глупости или злобѣ, онъ приказываетъ схватить самую лучшую женщину, въ особенности богатую вдову. Если эта женщина веда жизнь не безукоризненную, то это ставится ей въ улику, ибо при одномъ дурномъ можно предполагать и другое. Если же жизнь ея чиста, то говорятъ, что такую жизнь она желала прикрыть свои сношенія съ дьяволомъ. Если она отрицаетъ свою виновность, ее пытаются, чтобы вынудить признаніе. Защитниковъ ей не найти, ибо никто не осмѣлится вступить за нее изъ страха самому быть заподозреннымъ въ колдовствѣ. Если при первой же попыткѣ она признаетъ себя виновною, ее сожгутъ. Если она не сдѣлаетъ такого признанія, пытки усиливаются. Даже и послѣ признанія, мученія еще не прекращаются, ибо отъ нея добиваются выдачи тѣхъ людей, которые были участниками дьявольскихъ затѣй, которыхъ тотчасъ же привлекаютъ и подвергаютъ тѣмъ же истязаніямъ. Такимъ образомъ, на многихъ мѣстахъ огонь костровъ никогда совсѣмъ не прекращался. Никакому возрасту, ни полу, ни состоянію не было пощады. На костеръ безразсудно возводились и дѣти отъ 7 до 9 лѣтъ и старики, стоявшіе на порогѣ гроба. Число обвиненныхъ доходило до чрезвычайныхъ размѣровъ, такъ что пустыли цѣлыя

деревни, цѣлыя мѣстности. Такимъ образомъ, уже послѣ реформациі преслѣдованія за колдовство достигли такой силы и такого ужаснаго характера, съ какими изображаетъ ихъ Шпэ. Между тѣмъ современникъ этого писателя, такъ рѣшительно возставшаго противъ суевѣрія, протестантскій криминалистъ Бенедиктъ Карпцовъ († 1666) въ своей книгѣ „*practica rerum criminalium*“ рѣшительно придерживается вѣры въ колдовство во всемъ ея размѣрѣ и отрицаніе возможности союза съ дьяволомъ считаетъ преступленіемъ, заслуживающимъ строгаго наказанія. Этотъ Карпцовъ, знатокъ Священнаго Писанія, прочитавшій 55 или 56 разъ всю Библію, произнесъ до 20,000 смертныхъ приговоровъ. Другой протестантъ, ученый іенскій профессоръ Генрихъ Поттъ, написалъ даже ученый трудъ о непозволительной связи вѣдьмъ съ дьяволомъ. (*De nefando lamiarum cum diabolo coitu*). Только въ концѣ XVII вѣка, когда это суевѣріе достигло высшей точки своего развитія и уже двѣсти лѣтъ подвергалось нападеніямъ католическихъ пастырей и ученыхъ, выступилъ противъ него въ Нидерландахъ и протестантскій богословъ Беккеръ съ своею книгою, но подвергся рѣзкимъ нападеніямъ мѣстныхъ протестантскихъ богослововъ и лишенъ былъ своего мѣста. Въ началѣ XVIII столѣтія поднялъ голосъ по поводу господствовавшаго взгляда на колдовство юристъ изъ Галле, Христіанъ Томазиусъ (*Theses de crimine magiae 1701. Kurze Lehrsätze von dem Laster der Zauberei mit dem Hexenprocesse 1704.*), которому благодаря предшествовавшей успѣшной дѣятельности католиковъ въ этомъ направленіи удалось мало-по-малу добиться полнаго уничтоженія въ Пруссіи процессовъ о колдовствѣ. Замѣчательно, что въ этой странѣ, т.-е. въ Маркѣ Бранденбургской, процессы надъ вѣдьмами впервые появились вмѣстѣ со введеніемъ протестантизма и затѣмъ достигли впоследствии сильнѣйшаго развитія. Древнѣйшее документальное извѣстіе о колдовствѣ и преслѣдованія вѣдьмъ въ Бранденбургѣ относится ко времени курфюрста Іоахима II, т.-е. перваго протестантскаго государя этой страны. Сестра курфюрста, тоже протестантка, герцогиня Анна Мекленбургская твердо вѣрила, что ей повредила одна вѣдьма во образѣ чернаго козла, и затѣмъ она же убѣдила своего брата учинить допросъ съ пытками надъ другою вѣдьмою, которая будто бы причинила герцогинѣ болѣзнь, отрѣзавъ для своего колдовства

часть ея сорочки, и на этомъ допросѣ сама лично присутствовала. Примѣры подобныхъ расправъ можно находить здѣсь и въ пятидесятихъ и въ шестидесятихъ годахъ XVI вѣка. Даже въ 1728 году уголовной коллегіей въ Берлинѣ осуждена была на казнь огнемъ или мечемъ одна дѣвушка за договоръ съ дьяволомъ (pactum). Впрочемъ въ теченіе XVIII вѣка вѣра въ колдовство мало-по-малу ослабѣвала сперва въ средѣ ученыхъ и въ образованномъ классѣ, а затѣмъ и въ народѣ, такъ что въ срединѣ этого вѣка и процессы надъ вѣдьмами вообще прекратились. Последнимъ подобнымъ случаемъ въ католическихъ областяхъ считается сожженіе субпіерессы унтерцельскаго монастыря въ Вюрцбургѣ въ 1749 году. Въ странахъ протестантскихъ это суевѣріе продолжалось далѣе. Въ 1750 г. въ Кведлинбургѣ одна женщина была задушена и затѣмъ сожжена, какъ колдунья; въ 1776 г. въ Суффолькѣ, въ Англіи, одинъ ветеринаръ подвергнутъ былъ испытанію водою; въ 1783 году въ протестантскомъ Гларусѣ одна дѣвушка была казнена, какъ колдунья. Наконецъ въ Голландіи, въ Дельденѣ, даже въ 1823 году, одна старая женщина подвергнута была какъ вѣдьма испытанію огнемъ.

Такимъ образомъ, заключаютъ изъ приведенныхъ данныхъ друзья истины, не папы, не католическая церковь и не средніе вѣка виновны въ распространеніи суевѣрныхъ представленій относительно колдовства и жестокихъ процессовъ надъ вѣдьмами. Отвѣтственность въ этомъ не можетъ быть возлагаема въ частности ни на какую религіозную систему, ни на какое сословіе и ни на какой вѣкъ; упрекъ долженъ быть сдѣланъ или никому или всему человѣчеству.

Въ изслѣдованіяхъ по средневѣковой западно-европейской исторіи друзьямъ истины нельзя было конечно не остановить наконецъ своего вниманія еще на томъ учрежденіи, на дѣятельность котораго ихъ противники всегда указывали и указываютъ какъ на одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ въ лѣтописяхъ католической церкви и папства, т.-е. на инквизиціи и въ особенности ея развитіи въ Испаніи. Если вѣрить нашимъ авторамъ, то и тотъ взглядъ на это учрежденіе, который доселѣ можно считать господствующимъ въ обществѣ, есть не иное что, какъ крупное недоразумѣніе, обязанное своимъ существо-

ваніемъ злонамѣренной клеветѣ. По изслѣдованію друзей истины, основа учрежденія инквизиціи заключается въ неоспоримомъ правѣ церкви, предоставленномъ ей Христомъ и апостолами, увѣщевать, наказывать и изгонять изъ своей среды тѣхъ членовъ, которые не повинуются ея требованіямъ. Со времени Константина великаго, когда церковь вступила въ тѣсный союзъ съ государствомъ, церковныя наказанія, доселѣ налагавшіяся на еретиковъ, стали соединяться и съ карами уголовными, которыя предписывались и осуществлялись надъ еретиками не церковію, а государствомъ и въ интересахъ государства. Въ средніе вѣка государи и народы западной Европы всѣ были членами католической церкви и повсюду господствовало убѣжденіе, что государство должно быть въ тѣсномъ и необходимомъ союзѣ съ церковію, не терпѣть никакихъ уклоненій отъ такого союза и никакой иной новой религіи, кромѣ принятой церковію, а потому всякая попытка къ подобному уклоненію разсматривалась какъ покушеніе на существующій общественный строй, всякая религіозная ересь была вмѣстѣ съ тѣмъ и революціей, такъ какъ жизнь государства была настолько тѣсно связана съ жизнью церкви, что возстаніе противъ послѣдней необходимо ꙗвилось къ подрыву и установленнаго общественнаго порядка. Учреждая инквизиціонные трибуналы, сперва епископскіе, а потомъ доминиканскіе, римскій престолъ дѣйствовалъ по настояніямъ свѣтскихъ же властей и въ полномъ соотвѣтствіи съ существовавшими тогда государственными законами. Если средневѣковые сектанты подвергались суровому преслѣдованію огнемъ и мечемъ, то это представляется столь же естественнымъ, какъ и образъ дѣйствій современныхъ правительствъ, когда они не съ много бѣльшею кротостію и снисходительностію выступаютъ напр. противъ социаль-демократовъ, коммунистовъ, анархистовъ и динамитчиковъ, такъ какъ многіе изъ средневѣковыхъ еретиковъ были, по мнѣнію авторовъ, даже хуже и опаснѣе всякихъ нынѣшнихъ социалистовъ и динамитчиковъ. Къ разряду подобныхъ вредныхъ общественныхъ элементовъ, вполне заслуживавшихъ безопаднаго истребленія, друзья истины относятъ прежде всего альбигойцевъ, которые, по ихъ словамъ, отличались крайнею безирравственностію. Эта секта видѣла въ католической церкви только ложь и обманъ, а для своего распростра-

ненія не гнушалась никакими средствами, хотя бы и самаго безнравственнаго свойства. На югъ Франціи эти сектанты распоряжались подобно дикимъ шайкамъ разбойниковъ: они грабили всю страну, раззоряли церкви, насилывали женщинъ, святую евхаристію попирали ногами, а тѣхъ, кто имъ противился, предавали смерти. Понятно, что церковь и общество неизбѣжно должны были выступить на борьбу противъ такого вреднаго направленія, и крестовый походъ, задуманный еще Александромъ III-мъ, былъ наконецъ приведенъ въ исполненіе при Иннокентіи III-мъ, который съ полнымъ правомъ говорилъ, что альбигойцы хуже сарацынъ. Но этотъ походъ, какъ мѣра крайняя, организованъ былъ лишь тогда, когда всѣ мирныя средства, всѣ ревностныя увѣщанія миссіонеровъ оказались напрасными, а папскій легатъ Кастельно былъ даже коварно умерщвленъ. Нисколько не удивительно, что въ ожесточенныхъ кровавыхъ альбигойскихъ войнахъ произошло не мало своеволій и печальныхъ случаевъ всякаго рода, но въ высшей степени несправедливо было бы всѣ проявленія жестокости приписывать только крестоносцамъ-католикамъ, а тѣмъ болѣе ставить въ упрекъ католической церкви. Что-же касается знаменитыхъ словъ папскаго легата Арнольда Сито, который при штурмѣ Безьера въ 1209 г. будто бы говорилъ осаждающимъ на вопросъ ихъ о томъ, какъ разлпчать еретиковъ отъ католиковъ: „бейте всѣхъ, Господь Самъ съумѣетъ отыскать и защитить своихъ“! то эти слова, по увѣренію авторовъ, есть чистѣйшая выдумка. Современные событію мѣстные писатели ничего не знаютъ и не общаются объ этихъ словахъ легата. Разсказъ ведетъ свое начало отъ Цезарія Гейстербаха, который впрочемъ не выдаетъ его за достовѣрный, а только за слухъ, прибавляя при этомъ слово „dicitur“. Такая историческая безосновательность извѣстія нисколько не помѣшала протестантскимъ историкамъ, даже такимъ, которые считаются наиболѣе критичными, какъ Гизелеръ, принять его за несомнѣнную истину, а потому вымышленный разсказъ теперь неизмѣнно повторяется во всѣхъ учебникахъ.

Подъ именемъ собственно испанской инквизиціи разумется обыкновенно не тотъ церковный судъ, который съ этимъ именемъ первоначально установленъ былъ какъ въ Испаніи, такъ

и въ другихъ странахъ западной Европы, а учрежденіе позднѣйшее, введенное въ Испаніи во второй половинѣ XV-го вѣка по желанію и настоянію государственной власти. Эта испанская инквизиція учреждена была въ 1478 г. Фердинандомъ католикомъ и Изабеллой Кастильской и по ихъ просьбѣ въ томъ же году утверждена была папою Сикстомъ IV. Первый инквизиціонный трибуналъ этого рода открытъ былъ въ Севильѣ, въ 1481 г. а первымъ великимъ инквизиторомъ въ немъ былъ доминиканецъ Торквемада, одинъ изъ знаменитѣйшихъ богослововъ своего времени. Ближайшая и главнѣйшая задача этого учрежденія состояла въ борьбѣ съ жидовствомъ, которое и явно и тайно, подъ личиною видимаго христіанства, до такой степени усилилось въ то время въ Испаніи, что грозило серьезною опасностію не только католической религіи, но даже и самой національности испанскаго народа. Эта-то вотъ испанская инквизиція, по словамъ друзей истины, искажена была въ послѣдствіи и оклеветана до крайней степени благодаря тенденціозному и прямо лживому изображенію ея существа и дѣятельности. Главнымъ виновникомъ такого искаженія былъ апостать Ллоренте, который въ своей переполненной клеветою и злословіемъ книгѣ подъ заглавіемъ: „Histoire critique de l'inquisition d'Espagne“ (Paris 1818), представилъ это учрежденіе какимъ-то пугаломъ въ глазахъ всего общества. Охарактеризовать должнымъ образомъ научное значеніе книги Ллоренте, а тѣмъ самымъ и заступиться предъ читателемъ за оклеветанную будто бы испанскую инквизицію, друзья истины поставляютъ своею задачей. По ихъ увѣренію, Ллоренте неправъ прежде всего въ самомъ основномъ взглядѣ своемъ на происхожденіе и цѣль описываемаго имъ учрежденія. Онъ утверждаетъ, что этотъ трибуналъ введенъ былъ въ Испаніи и поощрялся въ своемъ развитіи римскою куріей, а государственная власть оказывала ему свое покровительство только потому, что видѣла для себя большую выгоду въ конфискаціи имуществъ тѣхъ людей, которые были осуждаемы инквизиціею. Друзья истины доказываютъ, что въ дѣйствительности было совершенно обратное тому, что утверждаетъ Ллоренте, т.-е. что испанская инквизиція была не церковнымъ, а государственнымъ, политическимъ учрежденіемъ; что инквизиторы были королевскими чиновниками, исполнѣ и исклю-

чительно зависимыми отъ свѣтской королевской власти; что своею дѣятельностію инквизиція служила государственнымъ интересамъ, и всѣ выгоды отъ нея выпадали на долю свѣтской власти, причиняя нерѣдко прямой ущербъ правамъ и преимуществамъ церкви, а потому папа старался при всякомъ удобномъ случаѣ ограничить силу этого учрежденія, всегда находившаго себѣ твердую опору во власти короля. Въ подтвержденіе своего взгляда, авторы ссылаются на нѣкоторыхъ выдающихся протестантскихъ историковъ, какъ напр. Лео, Гизо, Менцеля и въ особенности Ранке, а также и католиковъ: Гергенрöтера, Гамса и Кнöфлера. Правда есть и такіе писатели, которые несогласны признать испанскую инквизицію учрежденіемъ государственнымъ, какъ напр. Родриго и Вейссъ; но и они все-таки не считаютъ его церковнымъ, приписывая ему смѣшанный характеръ. Какъ бы то нибыло, но всѣ согласны въ томъ, что испанская инквизиція совершенно особымъ условіямъ обязана своимъ происхожденіемъ; что государственною властію она была введена и по преимуществу поощрялась; что свѣтская власть приводила въ исполненіе всѣ приговоры и что государственнымъ интересамъ прежде всего это учрежденіе служило. Если такъ, то позорныя дѣянія испанской инквизиціи, дѣйствительныя ли они или только воображаемыя, во всякомъ случаѣ несправедливо и не должно ставить въ упрекъ католической церкви. Что касается самыхъ этихъ позорныхъ и кровавыхъ дѣяній, обыкновенно поставляемыхъ въ обвиненіе испанской инквизиціи, то необычайные размѣры этихъ дѣяній и тонъ, въ которомъ о нихъ повѣствуется, невольно возбуждаютъ подозрѣніе. Въ протестантской энциклопедіи Герцога напр. говорится не иначе, какъ „объ ужасной кровавой работѣ“, „о страшной жестокости инквизиціи“, причѣмъ разсказывается, какъ одинъ только человекъ, первый великій инквизиторъ Торквемада, предалъ огню и позору 114,401 жертву, а всѣхъ несчастныхъ, погибшихъ отъ инквизиціи, насчитывается 341,021 чел. Въ „исторіи инквизиціи“ старокатолика публициста Фридолина Гоффманна, на заглавномъ листѣ книги самое слово „инквизиція“ напечатано кроваво-краснымъ шрифтомъ, а надписанія главъ составлены такъ, что сдѣлали бы честь всякому сенсационному роману. Правда, даже протестантскіе органы отзывались объ этой книгѣ, какъ о про-

изведенія не научномъ, называя ее даже памфлетомъ; но громадное количество брошюръ, газетъ и т. д. почерпаютъ свои свѣдѣнія объ инквизиціи именно изъ этихъ и подобныхъ имъ твореній, а для нихъ въ свою очередь главнымъ источникомъ служить знаменитый Ллоренте.

Отпрыскъ благородной аррагонской фамиліи, образованный и честолюбивый священникъ, совращенный масонами и быстро достигшій высокихъ должностей при просвѣщенномъ правительствѣ, Ллоренте, забывъ свою семейную, сословную и національную честь, измѣнилъ своему отечеству и продался французскимъ деспотамъ. Онъ содѣйствовалъ осуществленію декрета объ уничтоженіи монастырей и помогаль разграбленію секуляризованнаго церковнаго имущества, но потомъ подвергся обвиненію въ похищеніи 11-ти милліоновъ и позднѣе въ 1814 году изгнанъ былъ изъ страны, какъ государственный измѣнникъ. Удалившись въ Парижъ, Ллоренте, запрещенный въ священнодѣйствіи мѣстной церковною властію, пользовался поддержкою парижскихъ масонскихъ ложъ и сталъ заниматься писательствомъ. Онъ писалъ безыравственные романы и кромѣ „критической исторіи испанской инквизиціи“ издалъ еще „политическіе портреты папъ“, гдѣ Григорія великаго напр. называлъ „продажнымъ льстецомъ“, а Григорія VII-го — „величайшимъ чудовищемъ“ и „гнуснѣйшимъ злодѣемъ челоуѣчества“. Этотъ-то вотъ отступникъ, измѣнившій и церкви и отечеству, сталъ оракуломъ для всѣхъ тѣхъ, которые изъ ненависти и предрасположенія противъ католической церкви, говорятъ и пишутъ объ испанской инквизиціи. Но преисполненное клеветою произведеніе лживаго испанца, который самъ былъ нѣкогда секретаремъ инквизиціоннаго трибунала, нашло себѣ рѣшительное опроверженіе въ книгѣ Гефеле „кардиналъ Хименесъ“ и въ его статьѣ „инквизиція“ въ лексиконѣ Ветцера и Вельте. Трудомъ Гефеле и пользуются друзья истины въ своей защитѣ испанской инквизиціи. Ллоренте поставилъ себѣ задачей какъ только возможно болѣе представить образъ дѣйствій инквизиціи въ самыхъ ужасныхъ и кровавыхъ чертахъ. Противъ такой тенденціи испанскаго писателя Гефеле выставляетъ на видъ, что инквизиція дѣйствовала на основаніи признаннаго тогда принципа: *cujus regio, illius religio*, который съ такою же и даже еще большею суровостію примѣнялся и во

всѣхъ протестантскихъ странахъ; что уголовное право того времени вообще было много суровѣе и кровавѣе нынѣшняго; что смертная казнь за ересь примѣнялась тогда во всѣхъ государствахъ и исповѣданіяхъ, нимаю не исключая и протестантскаго; что, наконецъ, не одни еретики, но и цѣлый рядъ другихъ разнаго рода преступниковъ, какъ напр. богохульцы, блудодѣи, убійцы, мятежники, ростовщики, контрабандисты, колдуны и вѣдьмы, привлекались къ суду инквизиціи и подвергались ея осужденію, а потому въ числѣ жертвъ инквизиціи далеко не всѣ страдали за вѣру, но очень многіе были лишь обыкновенными государственными преступниками.

Число жертвъ инквизиціи въ книгѣ Ллоренте до чрезвычайности преувеличено. Онъ говоритъ напр. что инквизиціонный трибуналъ, учрежденный въ 1481 г. въ Севильѣ, въ первый же годъ своей дѣятельности предаль смерти двѣ тысячи человѣкъ; но это извѣстіе оказывается грубою ложью. Въ подтвержденіе своихъ словъ Ллоренте ссылается на Маріану; но по свидѣтельству послѣдняго двѣ тысячи человѣкъ казнены были не въ первый годъ Севильскаго трибунала, а во все время дѣятельности Торквемады, который въ этомъ году даже и не былъ еще приставленъ къ завѣдыванію инквизиціей. Въ доказательство великой ревности инквизиціоннаго трибунала Ллоренте рассказываетъ объ аутодафе, имѣвшемъ мѣсто въ Толедо 12-го февраля 1486-го года, причемъ подверглись наказанію не менѣе какъ 750 обвиненныхъ; но по изслѣдованіямъ оказывается, что ни одинъ изъ этого числа казненъ не былъ, а все ихъ наказаніе ограничивалось лишь публичнымъ церковнымъ покаяніемъ. Другой изъ приводимыхъ Ллоренте примѣровъ, а именно аутодафе въ Толедо 2-го апрѣля того-же года, окончился будто бы девятьюстами „жертвъ“; но и изъ этихъ жертвъ ни одинъ человѣкъ смертной казни не былъ преданъ. Вообще, по изслѣдованіямъ Гефеле, изъ всѣхъ тѣхъ инквизиціонныхъ процессовъ, на которые указываетъ Ллоренте, лишь весьма немногіе окончивались смертію осужденныхъ, а никто конечно не подумаетъ, что Ллоренте выставляетъ на видъ только слабые примѣры, у малчивая о болѣе крупныхъ. Относительно подробностей инквизиціоннаго процесса Гефеле вопреки утверженіямъ Ллоренте доказаль, что этотъ процессъ былъ много мягче и снисходи-

тельнѣе, чѣмъ въ другихъ судахъ того времени; что тюрьмы инквизиціи въ Испаніи вовсе не были ужасными подземельями, а напротивъ, много лучше такихъ же учреждений въ другихъ странахъ; что пытка при инквизиціонномъ процессѣ могла быть примѣняема только однажды и не повторялась, какъ это допускалось въ другихъ судахъ, что, наконецъ, такъ называемое *Sanbonito* (*saccus benedictus*), т.-е. нѣчто въ родѣ желтой монашеской рясы, надѣвавшейся на обвиняемаго и осужденнаго, со-всѣмъ не было страшнымъ знакомъ неизгладимаго позора и не имѣло характера постыднаго клейма, но употреблялось лишь какъ одежда покаянія и печали, какъ символъ внутренняго раскаянія и сокрушенія, подобно другимъ обычнымъ покаяннымъ одеждамъ, издавна употреблявшимся церковію. Изъ слова „аутодафе“ враги сдѣлали какое-то пугало, какъ будто это слово означаетъ не иное что, какъ громадное пламя, нѣчто въ родѣ какого-то чудовищнаго тагана, на которомъ жарились цѣлыя сотни несчастныхъ еретиковъ на услажденіе кровожадныхъ испанцевъ, которые, какъ людодѣды, толпились вокругъ. Въ дѣйствительности же слово „*auto da fé*“ гъ французскому „*feu*“ не имѣетъ никакого отношенія и означаетъ дѣло вѣры (*auctus fidei*), состоявшее прежде всего не въ сожженіи и убійствѣ, а въ объявленіи свободы несправедливо обвинявшемуся или въ примиреніи съ церковію покаявшагося или готоваго къ покаянію. Смертная казнь была лишь крайнимъ неизбѣжнымъ случаемъ относительно упорно-ожесточенныхъ; но такой случай былъ не правиломъ, а только исключеніемъ. При многихъ *autos da fé* не горѣло ничего, кромѣ той свѣчи, которую несъ въ рукѣ покаявшійся въ знакъ того, что чистая вѣра снова возгорѣлась въ его сердцѣ. При всемъ томъ римскій престолъ еще постоянно внушалъ снисходительность, оказывалъ покровительство преслѣдуемымъ и предписывалъ строгія мѣры противъ ложныхъ донощиковъ и свидѣтелей, какъ напр. папы Левъ X, Григорій XIII и Павелъ III. Испанскихъ инквизиторовъ обыкновенно обвиняютъ въ безпощадной жестокости, а между тѣмъ Гергенрөтеръ напр. говоритъ, что „они большею частію были люди безукоризненные и добросовѣстные“, что „даже злѣйшіе враги испанскихъ инквизиторовъ признаютъ чистоту ихъ намѣреній и безукоризненность жизни“. Бокль, который въ настоящемъ случаѣ

конечно не можетъ считаться пристрастнымъ, а также Ллоренте, историкъ и лютейшій врагъ инквизиціи, имѣвшій доступъ къ бумагамъ инквизиторовъ, свидѣтельствуютъ объ ихъ непреклонной и неподкупной справедливости. Священникъ англиканской церкви, Таузендъ, о Барселонской инквизиціи говоритъ, что всѣ ея члены были люди достойные уваженія, а большая часть изъ нихъ отличалась еще своимъ челоуѣколюбіемъ. Наконецъ, и общій взглядъ на инквизицію въ ея отношеніи къ просвѣщенію и культурѣ Испаніи, обыкновенно господствующій, представляется друзьямъ истины въ высшей степени несправедливымъ. Говорятъ, что будто-бы инквизиція, какъ мрачная ночь, какъ тяжкое духовное рабство, тяготѣла надъ Испаніей, заглушая у несчастнаго народа всякое естественное жизненное проявленіе, подавляя всякое свободное движеніе, какъ дикій потокъ она уничтожила въ странѣ всякое знаніе, всякую духовную культуру. Такое воззрѣніе стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ исторіей. Прежде всего самъ Ллоренте допускаетъ, что въ аутодафе испанскій народъ видѣлъ скорѣе акты милости чѣмъ жестокости, а потому люди всѣхъ сословіи и обоого пола, благороднѣйшіе мужчины и женщины, принимали въ нихъ участіе. Испанецъ Бальмесъ утверждаетъ, что инквизиція, сдерживавшая въ границахъ могущество дворянства и высшаго духовенства, была въ испанскомъ народѣ учрежденіемъ популярнымъ. Выдающіеся испанскіе ученые, какъ напр. мудрый Геронимъ Бланкасъ, гуманистъ Петръ Мартиръ, либеральный Цурита и св. Людовикъ Гренадскій относились къ инквизиціи съ похвалою и уваженіемъ, а потому для насъ понятно, отчего значительнѣйшіе люди того времени стояли близко къ этому учрежденію, отчего такъ рѣдки были жалобы на него народа; отчего даже въ „Донъ-Кихотѣ“, критически относившемся ко многимъ лицамъ и обстоятельствамъ своего времени съ полною свободою, нельзя найти никакихъ насмѣшекъ надъ инквизиціей. Въ особенности замѣчателенъ тотъ фактъ, что Испанія именно въ эпоху полнаго разцвѣта и господства инквизиціи переживала вмѣстѣ съ тѣмъ и золотой вѣкъ своего политическаго и соціальнаго, могущества, своей науки, своего искусства и литературы. Испанскій языкъ, какъ поздне французскій, былъ въ то время языкомъ всѣхъ образованныхъ людей, языкомъ дворовъ и дипло-

матовъ. Испанія давала всѣмъ тонъ въ модѣ, въ этикетѣ, въ литературѣ. Путешествіе въ Испанію признавалось необходимымъ для довершенія воспитанія всякаго, кто хотѣлъ быть человекомъ образованнымъ. Въ первое время инквизиціи и позднѣе въ большомъ количествѣ учреждены были школы и университеты; введено было книгопечатаніе, изъ другихъ странъ призывались въ Испанію знаменитые ученые; науки, а именно занятія классическія, поощрялись самымъ ревностнымъ образомъ, а стремленіе къ знанію возросло въ учащейся молодежи до такихъ размѣровъ, что издано было даже постановленіе, чтобы учащіеся посвящали на изученіе философіи не болѣе пяти лѣтъ, а затѣмъ употребляли силы свои на профессиональное образованіе. Именно въ этотъ инквизиціонный періодъ жили великіе испанскіе историки: Пульгаръ, Цурита и Маріана, а также и поэты: Сервантесъ, Лопе-де-Вега, Кальдеронъ, произведенія которыхъ, а равно и всѣхъ другихъ писателей того времени, создавшихъ славу Испаніи, напечатаны были съ разрѣшенія инквизиціи. Мы не утверждаемъ, говорятъ друзья истины, что инквизиція была причиною культурнаго процвѣтанія Испаніи; но хотимъ лишь показать, что она не подавляла культуры и знанія, какъ многіе утверждаютъ, и не водворяла тьмы египетской въ своей странѣ. Мы не думаемъ также восхвалять этого учрежденія; напротивъ, мы рѣшительно осуждаемъ всякое насильственное вмѣшательство свѣтской власти въ дѣло религіи, насколько оно имѣло мѣсто въ инквизиціи, всякій актъ жестокости, осуществлявшійся ею именемъ. Мы желаемъ лишь показать, что испанская инквизиція совсѣмъ не была такимъ чудовищемъ и пугаломъ, какимъ ее обыкновенно изображаютъ подъ вліяніемъ предразсудка и партійной ненависти.

Свою апологію испанской инквизиціи друзья истины заключаютъ весьма любопытными замѣчаніями касательно одного изъ выдающихся дѣятелей этого учрежденія, а именно аррагонскаго инквизитора Петра Арбуесъ, который даже жизнь поплатился за свою ревность, падши отъ руки убійцъ на ступеняхъ алтаря сарагосскаго собора, и какъ мученикъ причисленъ римскою церковію къ лику святыхъ. Враги католической церкви выставили Арбуеса самымъ жесточайшимъ и кровожаднѣйшимъ изъ испанскихъ инквизиторовъ. Каульбахъ изобразилъ его на своей

картинѣ, гдѣ представлена цѣлая семья осужденныхъ еретиковъ, лица которыхъ поражаютъ зрителя небесною возвышенностію своего выраженія, ясно свидѣтельствующею объ ихъ полной невинности. А подлѣ осужденныхъ представленъ Арбуесъ съ своими монахами, какъ живое воплощеніе истинно-дьявольскаго фанатизма и звѣрской жестокости. По словамъ аугсбургской газеты, когда эта картина въ 1871 году выставлена была въ Лейпцигѣ, подлѣ нея красовалась надпись: „Петеръ Арбуесъ, изъ Эпилы, великій іезуитскій инквизиторъ“. Организаторы выставки и ученые издатели газеты въ своемъ увлеченіи забыли даже, что Арбуесъ погибъ еще въ 1485 году, т.-е. тогда, когда еще не родился на свѣтъ и самый основатель іезуитскаго ордена. Подобно тенденціозному художнику Каульбаху, столь же тенденціозными оказываются въ отношеніи къ Арбуесу и историки, какъ напр. Газе, Курцъ и др. Послѣдній въ своей церковной исторіи говоритъ объ Арбуесѣ, что онъ при осуществленіи ужаснѣйшихъ жестокостей своей должности дѣйствовалъ съ такимъ рвеніемъ, что чрезъ шестнадцать мѣсяцевъ послѣ вступленія его въ дѣло число возведенныхъ имъ на костеръ простиралось уже до многихъ сотенъ. Клевета, однажды пущенная въ обращеніе, нашла себѣ доступъ и въ такія изданія, которыя предназначаются для употребленія въ школьныхъ библіотекахъ и даже католическихъ гимназіяхъ. Такова напр., книга Лёвенберга о путешествіяхъ и открытіяхъ, изданная въ Лейпцигѣ въ 1881 году, гдѣ между прочимъ говорится, что Колумбъ остался исключеннымъ изъ блаженныхъ и святыхъ, къ которымъ папа Пій IX еще 29 іюня 1867 года причислилъ его современника, великаго инквизитора Арбуеса, многія тысячи мучившаго пыткой и тысячи возведшаго на костеръ. Даже ученые профессора Галле'скаго университета Шлоттманъ и Якоби клеймятъ Арбуеса въ своихъ сочиненіяхъ позорными наименованіями кровожаднаго тирана, человѣкоубійцы и т. под.

Противъ всѣхъ этихъ живыхъ порицаній выступилъ въ 1882 году іезуитъ Бауеръ, теперь уже умершій, который заявилъ: „Арбуесъ вступилъ въ должность великаго инквизитора Арагоніи 19 сентября 1484 года и убитъ былъ евреями 14 сентября 1485 года. За весь этотъ періодъ времени неизвѣстно ни одной казни“. Сдѣлавъ такое рѣшительное заявленіе, Бауеръ

обратился къ Галле'скимъ профессорамъ съ вызовомъ, чтобы они доказали, не изъ памфлетовъ, не изъ книги Ллоренте и т. под., а на основаніи источниковъ, что Арбуесъ умертвилъ или приказалъ умертвить хотя бы одного человѣка. Если профессеры докажутъ это, то онъ публично откажется отъ своихъ словъ, но если имъ не удастся доказать свое положеніе, то пусть и они съ своей стороны открекуются отъ него публично въ берлинской „Германіи“ за подписью своего имени. Болѣе трехъ мѣсяцевъ прошло со времени вызова, но ни доказательства, ни отказа отъ прежнихъ словъ со стороны профессоровъ не послѣдовало. Тогда Бауеръ въ печатной книгѣ своей заявилъ, что онъ посылалъ проф. Шлоттманну свой вызовъ за подписью своего имени, приглашая его доказать существованіе хотя бы одной человѣческой жертвы инквизитора Арбуеса, но Шлоттманнъ предпочелъ молчать. Что г. профессоръ молчаніемъ признаетъ свою ошибку, — это конечно прекрасно, но было бы лучше и добросовѣстнѣе, еслибы публичная клевета и взята была назадъ публично. Требовавшееся отъ профессоровъ отреченіе не появилось и досель, равно какъ не послѣдовало и никакихъ доказательствъ взведеннаго на Арбуеса обвиненія. Представить подобныя доказательства, по увѣренію друзей истины, дѣло невозможное, ибо несомнѣнныя историческія данныя о жизни и дѣятельности Арбуеса рисуютъ его совершенно не въ тѣхъ чертахъ, въ какихъ стараются изобразить его враги католической церкви. Отпрыскъ благородной фамиліи, получившій отличное образованіе и съ юныхъ лѣтъ отличавшійся благочестіемъ и склонностію къ ученымъ занятіямъ, Арбуесъ съ особенною ревностію и успѣхомъ трудился сперва въ званіи духовника и проповѣдника. Когда въ 1484 году онъ назначенъ былъ инквизиторомъ Аррагоніи, страна эта переживала смутную эпоху. Іудеи и іудействующие христіане, угрожаемые инквизиціею, противопоставляли самую ожесточенную оппозицію этому учрежденію. Тщетно добываясь у королевской власти отмѣны конфискаціи и другихъ ненавистныхъ для нихъ постановленій, они рѣшили прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ средствамъ, а именно къ убійству должностныхъ лицъ инквизиціи, чтобы такимъ образомъ отнять охоту у кого бы то ни было поступать на службу этому учрежденію и тѣмъ ослабить его силу. Вражда направлялась не противъ

личностей инквизиторовъ, а противъ учрежденія, и для осуществленія задуманнаго плана введена была даже общая подать со всѣхъ іудеевъ, которая должна была идти на вознагражденіе наемныхъ убійць. Въ ночь съ 14 на 15 число сентября 1485 г. давно задуманное злодѣяніе приведено было въ исполненіе. Когда Арбуесъ колѣнопреклоненный молился на ступеняхъ алтаря сарагосскаго собора, наемные убійцы напали на него и нанесли ему смертельную рану. Раненый перенесенъ былъ въ его квартиру, гдѣ пріобшившись Св. Таинъ, простивъ своихъ враговъ и призывая святое имя Исуса и Маріи, скончался 17 сентября сорока трехъ лѣтъ отъ роду. Негодованіе по поводу позорнаго злодѣянія и печаль объ уtratѣ человѣка, высоко почитавшагося за его мудрость и добродѣтель, были всеобщи и чрезвычайно велики. Неимовѣрнаго труда стоило утишить взрывъ народной ярости противъ убійць и заговорщиковъ. Погребеніе Арбуеса совершено было съ великою торжественностію и народъ тотчасъ же сталъ чтить его память, какъ мученика. Восьмаго декабря 1487 года ему воздвигнутъ былъ великолѣпный памятникъ, а вскорѣ затѣмъ стали хлопотать и о томъ, чтобы народному почитанію мученика дано было церковное освященіе. Уже 1490 г. начато было изслѣдованіе по дѣлу о причисленіи Арбуеса къ лику святыхъ. Послѣ нѣсколькихъ перерывовъ дѣло это поднималось снова и наконецъ завершилось канонизаціею въ 1867 году при папѣ Піѣ IX. Уже изъ этихъ краткихъ свѣдѣній о жизни и преждевременной кончинѣ образованнаго и благочестиваго инквизитора, говорятъ друзья истины, ясно, что онъ не былъ „кровожаднымъ старикомъ“, какъ называютъ его иногда враги. Сложившееся въ позднѣйшее время обвиненіе Арбуеса въ неимовѣрной жестокости,—въ томъ, что будто бы онъ цѣлыя тысячи подвергалъ пыткамъ и возводилъ на костерь, представляетъ собою чистѣйшую клевету, единогласно опровергаемую свидѣтельствомъ всѣхъ современныхъ инквизитору испанскихъ писателей. Парамо въ своемъ большомъ трудѣ „De origine et progressu officii sanctae inquisitionis... Matriti 1598“ не сообщаетъ ни объ одной казни въ бытность Арбуеса инквизиторомъ. Маріана (Historia de rebus Hispaniae, 1592), говоритъ лишь о нѣсколькихъ постановленныхъ смертныхъ приговорахъ (nonnullis irrogata supplicia), которые, по мнѣнію Гамса были

только постановлены, но не приведены въ исполненіе. Если даже и не соглашаться съ мнѣніемъ Гамса, во всякомъ случаѣ у Маріаны рѣчь идетъ лишь о „нѣсколькихъ“ (nonnulli) казняхъ, а не о „многихъ тысячахъ“. Третій современный хронистъ Цурита, самъ бывший секретаремъ инквизиціи, рассказываетъ въ „Annales de Aragon“, что Арбуесъ употребилъ власть свою противъ многихъ пользовавшихся дурною репутаціей и ревностно пропагандировавшихъ іудейство; но изъ этихъ словъ Цуриты никакъ нельзя заключать, что всѣ эти „многіе“ преданы были смертной казни, ибо документы инквизиціонныхъ процессовъ свидѣтельствуютъ, что лишь самая незначительная часть обвиняемыхъ подвергалась этой высшей мѣрѣ наказанія. Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ такимъ образомъ слѣдуетъ, что при Арбуесѣ или совсѣмъ не было смертныхъ казней, или этой участи подверглись лишь немногіе. Даже самъ ненавистникъ—Лоренте нашелъ возможнымъ сказать про Арбуеса и его сотоварища Юглафа только то, что „они осудили нѣсколько новыхъ христіанъ“ (Ils condamnèrent quelques nouveaux chrétiens). Только представители нѣмецкой науки и искусства, какъ Каульбахъ, Газе, Курцъ, Ловенбергъ, Шлоттманнъ, Якоби и т. п. нѣсколько не стѣсняются клеймить святаго человѣка, сподобившагося мученическаго вѣнца, позорными наименованіями „кровожаднаго старика“, „палача многихъ тысячъ“, „убійцы и злодѣя“.

Покончивъ съ исторіею среднихъ вѣковъ, друзья истины оставляютъ своего читателя, если онъ не принадлежитъ къ числу ученыхъ специалистовъ, въ великомъ недоумѣніи, ибо значительную часть этой исторіи, какъ она писалась и пишется доселѣ, они представляютъ ему или сплошнымъ недоразумѣніемъ, или непрерывнымъ сознательнымъ обманомъ. Если онъ хочетъ повѣрить ихъ ученой аргументаціи, то пусть забудетъ то, что ему твердили въ школахъ, и что ему много разъ приходилось читать въ учебникахъ, статьяхъ и изслѣдованіяхъ; пусть навсегда откажется отъ тѣхъ привычныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ обыкновенно разсматривалъ доселѣ многое въ событіяхъ средневѣковой исторіи. Какъ нѣкогда Ремигій Клодвигу, друзья истины какъ бы говорятъ ему: „боготвори то, что ты жегъ, и сожги то, что ты боготворилъ“.

В. Соколовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ШОТЛАНДСКІЙ ПРОПОВѢДНИКЪ

ЭДВАРДЪ ИРВИНГЪ И ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛИ *.

У.

Испытанія и затрудненія.

Факты какъ будто сговорились и открыли противъ ирвингiанскаго „дѣла Божiя“ цѣлый походъ. И однако они не могли все-таки убѣдить ни самого Ирвинга, ни его послѣдователей, что все ихъ „дѣло Божiе“ было просто однимъ обманомъ или, лучше, самообманомъ какъ самихъ пророковъ, такъ и ихъ покровителей. Въ этой главѣ мы и постараемся разсмотрѣть то, что на первыхъ же порахъ громко говорило не въ пользу „дѣла Божiя“, показывая, что основаніе, на которомъ начало въ скоромъ времени постепенно выстраиваться ирвингiанское зданіе, было слишкомъ шатко и криво и что слѣдовательно на этомъ основаніи нельзя было устроить ничего твердаго и устойчиваго.

Первый вопросъ, который представляется намъ теперь, состоитъ въ томъ, истинны или ложны были описанныя въ предъидущей главѣ ирвингiанскія чудеса. Легко понять, какъ много измѣняется взглядъ на ирвингiанское дѣло отъ такого или инаго разрѣшенія этого вопроса. Его важность опредѣляется религиознымъ значеніемъ чуда. Но какъ вообще вопросы, касающіеся достовѣрности или недостовѣрности чудесъ, не могутъ принадлежать къ числу легкихъ вопросовъ, такъ и вопросъ объ ирвингiанскихъ чудесахъ при всей его важности не принадлежитъ къ числу вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ не представляло бы никакихъ затрудненій.

* См. май-юнь кн. «Прав. Обзор.» за текущій годъ.

Какими бы причинами мы ни объясняли выздоровленіе Мэри Кэмбелль, Маргариты Макдональдъ и Елизаветы Фанкорть, все-таки нужно признать, что съ ними случилось то, что выходило изъ ряда вонъ, нѣчто необыкновенное и потому трудно объяснимое. Чтобы объяснить исцѣленія отъ болѣзни означенныхъ дѣвушекъ вполне достаточнымъ образомъ, слѣдовало бы просто доказать недействительность исцѣленій. Но этого мы сдѣлать не можемъ, потому что ихъ не отвергали ни современники, ни потомки, иногда даже совершенно враждебно относившіеся къ сектѣ. Такимъ образомъ намъ остается только одно, именно бросить на ирвингянскія чудеса весь свѣтъ, какой только возможенъ и отказавшись найти что-либо несомнѣнное въ этомъ дѣлѣ, постараться представить его по крайней мѣрѣ съ наибольшою ясностью и вѣроятностью.

Прежде всего мы должны такъ-сказать выдѣлить изъ ряда собственно ирвингянскихъ чудесъ чудесное выздоровленіе Елизаветы Фанкорть, которое не имѣло на самомъ дѣлѣ никакой связи ни съ даромъ пророчествъ въ Шотландіи, ни съ исцѣленіями Мэри Кэмбелль и Маргариты Макдональдъ ¹⁾. Основаніе, почему имя первой встрѣчается въ ирвингянскихъ книжкахъ вмѣстѣ съ именами двухъ послѣднихъ, заключается единственно въ томъ, что выздоровленіе Елизаветы случилось *одновременно* съ другими ирвингянскими чудесами. Но ссылаться на это выздоровленіе въ доказательство истины своего дѣла послѣдователи Ирвинга имѣютъ такое же право, какое они имѣли бы, еслибы стали подтверждать ее какимъ-нибудь чудомъ, случившимся въ тридцатыхъ или сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія въ православной или римско-католической церкви. Чудесное выздоровленіе Елизаветы Франкорть въ пользу ирвингянъ нисколько не говоритъ, если даже оно и было дѣйствительно чудеснымъ (возможность чего не отрицаемъ).

Но допустимъ вопреки утверженію Миллера и вмѣстѣ съ докторомъ Нортономъ что выздоровленіе Елизаветы имѣло близкую связь съ остальными ирвингянскими чудесами. Измѣняется ли отъ этого сколько-нибудь дѣло? Нисколько. Тогда небольшого вниманія потребуетъ со стороны читателя, чтобы усмотрѣть во всѣхъ (главныхъ) ирвингянскихъ чудесахъ значительное сход-

¹⁾ Miller, I, 62. Этотъ случай, т.-е. выздоровленіе Елизаветы, по словамъ Миллера, «had no connection with the events in the northwest».

ство. Исцѣлялись только молодыя дѣвушки, корыя не могли встать съ постели отъ изнеможенія и истощенія силъ; всѣ онѣ поднялись на ноги благодаря родственникамъ и „семейнымъ друзьямъ“, которые заставляли ихъ вставать „силою духа“... Намъ кажется, что въ разсказахъ о дѣйствительныхъ чудесахъ представляются чудесными не только самые факты, но и подробности, при которыхъ они совершились, вообще вся обстановка того или другаго дѣйствительнаго чуда. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить на примѣръ претвореніе воды въ вино и насыщеніе народа пятью хлѣбами, хожденіе по волнамъ Спасителя и Его апостола и укрощеніе бури, воскрешеніе сына вдовы наинской, дочери Іаира и Лазаря, исцѣленіе гадаринскаго бѣсноватаго и дочери хананейки и проч. Въ разсказахъ объ ирвингянскихъ чудесахъ ничего подобнаго евангельскимъ чудесамъ мы не видимъ.

Уже и послѣ этихъ замѣчаній ясно, что ирвингянскія чудеса довольно сомнительны. Наши сомнѣнія увеличатся, если мы попробуемъ уяснить себѣ, въ чемъ состояли остальные чудеса, входящія въ составъ „сорока шести“ ирвингянскихъ чудесъ. Къ удивленію, сами ирвингянскіе писатели говорятъ объ этомъ предметѣ довольно загадочно, хотя конечно отъ нихъ и можно было бы ожидать противнаго. Вѣроятно же всего думать, что подъ „сорока шестью“ чудесами кромѣ трехъ упомянутыхъ выздоровленій эти писатели разумѣютъ многочисленныя исцѣленія отъ діавола, о которыхъ довольно подробно разсказываетъ докторъ Нортонъ. Но разсматривая чудеса этого послѣдняго сорта, мы прежде всего наталкиваемся на обстоятельство, не лишнее нѣкотораго комизма: сначала послѣдователи Ирвинга усердно хлопотали о томъ, чтобы получить пророческіе дары, а потомъ стали отъ нихъ исцѣляться! Полученіе пророческаго дара стало при извѣстномъ взглядѣ на дѣло отождествляться съ дьявольскимъ навожденіемъ! Дальше. Всѣ исцѣленія отъ діавола, „который подражалъ голосу Духа Святаго“ и такимъ образомъ сильно вредилъ вѣрующимъ, опять удивительно похожи одно на другое. Бѣдная фантазія сыновъ сѣвера въ этомъ случаѣ создала даже извѣстную схему, по которой и расположила всѣ матеріалы, относящіяся къ исторіи дьявольскихъ навожденій. Фантазія эта приписала дьяволу въ сущности такія неостроумныя дѣйствія, какихъ бы не позволилъ себѣ ни

одинъ не только опытный, но и самый посредственный воръ. Вотъ эта удивительно несложная схема. Въ мистера или мистрисъ N. N. входитъ дѣволъ и начинаетъ подражать голосу Духа Святаго, т.-е. по временамъ начинаетъ говорить чрезъ мистера или мистриссъ N. N., пророчествуетъ; вѣрующіе открываютъ это и послѣ молитвъ изгоняютъ дѣвола.

Разъ усумнившись въ достовѣрности ирвингянскихъ чудесъ, усмотрѣвъ въ нихъ нѣчто подозрительное, мы можемъ идти еще дальше. Мы можемъ спросить: если ирвингянскіе чудеса сомнительны, то возможно-ли какимъ-нибудь естественнымъ образомъ объяснить то, что случилось съ Мэри Кэмпбелль, Маргаритой Макдональдъ и даже Елисаветой Фанкорть? Отвѣчаемъ: возможно. Оказывается, что все, случившееся съ этими дѣвушками, могло быть только особаго рода болѣзью, свойственною притомъ больше всего однимъ молодымъ дѣвушкамъ. При такомъ предположеніи дѣлается особенно любопытнымъ и характеристичнымъ одинъ случай изъ практики англійскаго доктора Брайта, на который указываетъ Миллеръ. Вотъ этотъ случай: „докторъ Брайтъ однажды былъ приглашенъ къ одной молодой госпожѣ, которая не вставала съ постели *девять мѣсяцевъ*. При всякой попыткѣ встать съ ней дѣлалось головокруженіе и начинались страшныя страданія, главнымъ образомъ въ животѣ. Она почти совершенно потеряла употребленіе нижнихъ членовъ. И она, и ея родственники казалось совсѣмъ утратили надежду на ея выздоровленіе. Но по лицу ея не было видно, чтобы она была серьезно больна; на немъ не было замѣтно никакихъ внутреннихъ страданій; нельзя было убѣдиться въ органическомъ разстройствѣ и посредствомъ изслѣдованія. Докторъ Брайтъ отнесъ эту болѣзнь къ разряду истерическихъ. Самой больной казалось, что принимая извѣстныя пилюли, она чувствуетъ облегченіе, которое получалось также и отъ возбуждающихъ вспрыскиваній. Такъ какъ ея родственники не были особенно богаты, то докторъ Брайтъ съ полною серьезностію переговорилъ съ ея матерью и рекомендовалъ для вспрыскиваній простую воду, а вмѣсто пилюль—простые хлѣбныя шарики. Мать вскорѣ замѣтила, что эти средства производятъ на ея дочь такое же облегчающее дѣйствіе, какое получалось прежде и отъ дорогихъ лѣкарствъ. „Мои визиты, говорить докторъ, сдѣлались рѣже; я

отлучился на двѣ недѣли. При возобновленіи ихъ я нашелъ, что съ больной не произошло никакой перемѣны. Я попытался было осторожно перетащить ее съ постели на софу; но это было невозможно; пароксизмы сдѣлались для нея невыносимыми. Однажды (послѣ почти девятимѣсячнаго лѣченія) меня опять пригласили, когда прошло около мѣсяца послѣ моего послѣдняго визита. Ея сестра встрѣтила меня улыбаясь на лѣстницѣ и сказала мнѣ, что моя пациентка теперь совершенно здорова. Когда я сталъ спрашивать, мнѣ сказали, что за три дня передъ этимъ силы больной совершенно возстановились *подъ вліяніемъ сильнаго религіознаго впечатлѣнія*. Она теперь сидѣла, работала и была весела, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ выздоровѣла отъ какой-нибудь обычной болѣзни²⁾.

Можетъ быть и съ ирвингійскими пророчицами было нѣчто подобное. обстоятельство, что нѣкоторые изъ нихъ скоро вышли замужъ, дѣлаетъ еще болѣе вѣроятнымъ такое предположеніе, а при немъ и подлинность самой чахотки, которою была больна Мэри Кэмпбелль, возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Главный докторъ, изслѣдовавшій и описавшій эту чахотку, былъ шотландскій пасторъ Робертъ Стори. Сомнительно, чтобы онъ имѣлъ, какъ пасторъ, настолько обширныя свѣдѣнія въ медицинѣ, чтобы разсуждать о чахоткѣ, не только объ обыкновенной „туберкулезной“, но и о такой, которая была слѣдствіемъ появленія въ легкихъ огромныхъ нарывовъ, время отъ времени разрывавшихся и лопавшихся и дававшихъ мѣсто образованію другихъ нарывовъ, также въ свою очередь время отъ времени разрывавшихся и лопавшихся....

Повторяемъ, что всѣ приведенныя объясненія чудесныхъ исцѣленій могутъ быть и ненадежны. Въ такомъ случаѣ такъ и быть, пожалуй признаемъ достовѣрность ирвингійскихъ чудесъ. Но при этомъ вмѣстѣ съ вѣрующими въ нихъ мы избѣгнемъ одной только Сциллы. Страшная Харибда, которая совершенно насъ поглотитъ, ожидается въ томъ, что съ этими исцѣленіями было близко связано и что могло подтверждать ихъ истинность (и наоборотъ),—разумѣемъ ирвингійскіе неизвѣстные языки и вообще даръ пророчества. Если чудеса были совершены для того,

²⁾ Ibid. II, 234, 235.

чтобы убѣдить людей въ подлинности этого дара (а другой какой-нибудь цѣли ихъ совершенія мы не видимъ), то нельзя не удивляться, какъ была незначительна эта цѣль.

Многія выраженія на неизвѣстныхъ языкахъ были записаны. Мы приведемъ, для ясности дѣла, нѣкоторыя изъ извѣстныхъ намъ выраженій:

Ythis dil emma sumo.
 Hozeghin alta stare
 Holimoth holif awthaw
 Hoze hamena nostra
 Casa sera hastha caro *).

Для вѣрующихъ и пророковъ эти и подобныя письма представляли въ существѣ дѣла полную загадку. Если и были попытки къ ея объясненію, то нельзя не признать, что онѣ были не совсѣмъ надежны и мало вѣроятны. Обращая вниманіе на то, что въ приведенныхъ выраженіяхъ попадаются кое-гдѣ латинскія слова (sumo, alta, stare, nostra, caro), вотъ какъ объясняли вѣрующіе эти пророческія выраженія (мы выписываемъ объясненія въ томъ же порядкѣ, въ какомъ приведены выше выраженія на неизвѣстномъ языкѣ):

I will undertake this dilemma
 Я разрѣшу эту задачу.
 Iesus in the highest
 Исусъ въ вышнихъ
 Holy, most holy Father
 Святый, пресвятый Отче!
 Iesus will take our hands
 Исусъ возьметъ насъ за руки.
 This house will still in my care
 Всегда буду заботиться объ этомъ храмѣ *).

Вотъ и еще образцы пророческаго говоренія на неизвѣстныхъ языкахъ, кажется необъясненное:

Hippo-gerosto hippo booros senoote
 Foorime oorin hoopo tanto noostin
 Noorastin niparos hipanos bantos boorin
 O Pinitos eliacastino halimungitos dantitu

* Ibid. I, 72.

*) Ibid.; см. также «Прав. Обзорніе» 1877 г., июнь-июль, стр. 285.

Hampootine farimi aristos ekrampos
 Epoongos vangami beressissimo tcreston
 Sa tinootino alinoosis O fastos sungor O fuston sungor
 Eletanteti cretine menati.

А это *шмнг*:

Hippo gerosto nparos
 Boorastin farimi
 O fastos sungor boorinos
 Epoongos menati
 O deripangito boorin
 Ariston ecrampos
 Senoote hipanos noostin
 Hupen hippo booros ⁴⁾.

Когда въ Шотландіи сдѣлалось извѣстнымъ, что тамъ появились пророки, говорящіе на неизвѣстныхъ языкахъ, нѣкоторые постарались разузнать въ чемъ дѣло и какимъ то способомъ добыли весьма важный документъ, состоявшій изъ клочка бумаги, на которомъ первая ирвингiанская пророчица, Мэри Кэмбелль, въ минуту пророческаго экстаза, написала нѣсколько совершенно непонятныхъ каракуль ⁶⁾. Этотъ документъ былъ представленъ знаменитымъ оксфордскимъ и кэмбриджскимъ языковѣдамъ и между прочими доктору Ли (Lee), который „видѣлъ письма всѣхъ существующихъ на земномъ шарѣ языковъ“ ⁷⁾, и слѣдовательно могъ быть компетентнымъ судьей и толкователемъ того, что написано было ирвингiанскою пророчицей. Неизвѣстно, сколько времени трудился знаменитый кэмбриджскій гебраистъ надъ отысканіемъ смысла означенныхъ каракуль; извѣстно только, что онъ совершенно не могъ не только понять ихъ, но и просто прочитать.

„Содержаніе рукописи, если только въ ней что-нибудь содержится, сказалъ докторъ Ли, должно остаться для меня вѣчной тайной, потому что я рѣшительно не могу отыскать какой-либо смыслъ, какой-либо отдѣльный звукъ въ письменахъ, которыя въ рукописи содержатся. По моему мнѣнію, въ ней нѣтъ ни буквъ, ни словъ какого-либо языка, извѣстнаго во вселенной“.

⁴⁾ Köhler, 254, 255.

⁶⁾ «Пр. Обзорѣніе», *ibid.* и слѣд.; срвн. Memoirs of Thomas Chalmes by W. Hanna, II, 195.

⁷⁾ «Прав. Обзорѣніе», *ib.*

Этого мало. Ученый языковѣдъ обратилъ свое вниманіе и на цѣль непонятныхъ выраженій на неизвѣстномъ языкѣ. Эта цѣль также непонятна и совершенно необъяснима. Для чего писать и говорить на языкѣ, совершенно никому неизвѣстномъ? Ужь если дѣйствительно употреблять какой-нибудь неизвѣстный языкъ, то нужно также, чтобы онъ былъ извѣстенъ по крайней мѣрѣ немногимъ.

„Если написавшая эти письма дѣйствительно владѣть даромъ языковъ, то почему она сразу недоказала этого, сказавъ что-нибудь на языкѣ, извѣстномъ по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ? Это положило бы конецъ всякимъ сомнѣніямъ. Это было доказательствомъ истины и въ апостольскія времена“⁸⁾).

Таковы были ирвингянскіе неизвѣстные языки. Желаніе говорить именно на нихъ производило иногда большіе курьёзы и доказывало, что все это дѣло говоренія было простою, совершенно бессмысленною пародіею на то, что случалось въ апостольскія времена. Относится нижеслѣдующее замѣчаніе къ пророчествованію миссъ Голдъ именно на неизвѣстныхъ языкахъ или нѣтъ, сказать не можемъ, но только извѣстно, что эта пророчица, бросившая въ послѣдствіи свои пророчествованія, призналась что произносимое въ церкви во время пророческаго экстаза предварительно приготовлялось ею у себя на дому⁹⁾. Особенно же любопытно было говореніе на неизвѣстныхъ языкахъ пророка Таплина. Выше было сказано, что онъ обладалъ познаніями въ еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ. Очень естественно, что рассчитывая на невѣжество публики, онъ пользовался своими знаніями и при своихъ пророчествованіяхъ. Голь, какъ мы знаемъ, утверждаетъ, что нѣкоторыя слышанные имъ пророческіе звуки походили, по его мнѣнію, на звуки еврейскаго языка,—это и относится вѣроятно къ пророчествамъ Таплина. Предсѣдатель же митинговъ въ Альбюри, скоро прервавшій съ ирвингянами всякія связи, Hugh Mac Neil, нѣсколько разъ слышалъ, какъ Таплинъ во время пророчествъ не безъ усердія спрягалъ латинскій глаголь *amo* въ страдательномъ залогѣ: *amamini, amaminior*¹⁰⁾.

⁸⁾ Mill. I, 73.

⁹⁾ Köhler, 77.

¹⁰⁾ Mill. I, 72; II, 243.

Кромѣ говоренія на неизвѣстныхъ языкахъ, было еще, какъ мы видѣли, говореніе и на англійскомъ языкѣ. Изъ множества образцовъ такого говоренія, имѣющихся у насъ подъ руками, выберемъ только нѣкоторые, немногіе, для болѣе подробнаго ознакомленія съ тѣмъ, каково оно было. Вотъ напримѣръ, какъ пророчествовали пророки и пророчицы:

„Иисусъ, о, Иисусъ, Иисусъ, Иисусъ! Иисусъ, увѣнчанный славою, увѣнчанный славою и честію! Иисусъ, Сынъ утробы Дѣвы! Иисусъ, Сынъ Маріи! Иисусъ принявшій нашу плоть ¹¹⁾! Иисусъ, Богъ всѣхъ вѣчно благословенныхъ! Слава Тебѣ! Слава Слову, принявшему плоть! Слава воплощенному Господу! Слава возстановителю нашей природы! Слава за врата неба отверстыя! Слава за возстановленіе жизни! Слава Предтечѣ, вошедшему внутрь завѣсы, Первосвященнику на тронѣ! Единый истинный Богъ! Слава глубинамъ будущей любви! Слава единству съ нашею плотію! Слава троичному Иеговѣ! Слава нашему Спасителю, воскресшему Господу“ ¹²⁾ и т. д. ¹³⁾.

Или вотъ еще образецъ: „Слушайте слово Господне! Слушайте слово Господне! Слушайте слово Господне! Возвратитесь, возвратитесь, возвратитесь, возвратитесь къ вашему Отцу, вашему Отцу! Возвратитесь къ Нему нынѣ! Покайтесь, покайтесь, покайтесь въ вашей неправдѣ и обратитесь ко Господу! Господь благъ, долготерпѣливъ и многомилостивъ! Его гнѣвъ, Его гнѣвъ, Его гнѣвъ скоро возгорится. Но день, день, день близокъ день близокъ, день, день гнѣва, гнѣва, гнѣва Агнца! Покайтесь нынѣ, покайтесь нынѣ, и обратитесь къ Нему, обратитесь къ Нему, обратитесь къ Нему нынѣ! Обратитесь къ Нему нынѣ, предупредите Его гнѣвъ и не будьте въ числѣ Имъ оставленныхъ“ ¹³⁾!

Все это конечно очень благочестиво и прекрасно. Жаль только, что всѣ эти и подобныя пророческія изрѣченія слишкомъ мало содержательны; при этомъ совершенно непонятно, какая необходимость была подвергать опасности свое горло и впадать

¹¹⁾ Iesus in our nature!—говоря такъ, пророки вѣроятно проповѣдывали ученіе Ирвинга о грѣховности плоти Христа.

¹²⁾ Norton, p. 19.

¹³⁾ Köhler, 255.

въ истерику, чтобы произносить такія и подобныя безсодержательныя или мало содержательныя изрѣченія. Неужели все это дѣлалось для того, чтобы сильнѣе напечатлѣть истины, высказываемыя пророками, въ сердцахъ всѣхъ людей?! Но въ такомъ случаѣ можно сказать, что средство едва-ли достигало своей цѣли.

Что же касается *содержательныхъ* пророчествъ, т.-е. такихъ, въ которыхъ содержалось такое или иное пророческое предсказаніе, то изъ нихъ мы не знаемъ ни одного, которое исполнилось бы въ точности.

Очень естественно, что положивъ въ основаніе своей секты весь вышеизложенный пророческій вздоръ, вѣрующіе скоро подверглись полному смѣшенію языковъ. Но по ихъ мнѣнію это смѣшеніе зависѣло главнымъ образомъ отъ непрошеннаго вмѣшательства діавола, который всячески старался вредить дѣлу Божію. Разсматривая дѣйствія діавола, враждебныя ирвингянскому дѣлу, мы можемъ вполне видѣть, до какого тупоумія дошли покровители пророческихъ говореній, мистеръ Друммондъ, мистеръ Ирвингъ и остальные; они не имѣли совершенно возможности понять изъ слишкомъ очевидныхъ фактовъ что на самомъ дѣлѣ они „вошли только въ сообщество съ плутами и мошенниками, поставивъ на сцену хоръ ихъ манифестаций, и профанировали святилище Божіе, введя гнусныя интермедіи на неизвѣстныхъ языкахъ“ при богослуженіи ¹⁴⁾). По выраженію дѣйствительнаго пророка „одебелъ сердце людей сихъ, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смѣжиша, да не когда узрять очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и изцѣлю я“ (Ис. VI, 10).

Дѣйствія діавола среди вѣрующихъ были различны. Иногда онъ являлся имъ „во образѣ человѣка“. Принимая во вниманіе обстоятельство, что между дѣйствіемъ діавола „во образѣ человѣка“ и „черезъ человѣка“ можетъ быть различіе, и что въ послѣднемъ случаѣ опредѣленно различаются двѣ субстанціи, дьявольская и человѣческая, мы приходимъ къ заключенію, что выраженіе: „діаволь въ образѣ человѣка“ означаетъ такого человѣка, который, употребляя нѣмецкое выраженіе, есть въ

¹⁴⁾ Mss. Oliph. II, 298.

тоже время и дiаволь an sich. Другими словами дiаволь и человекъ въ этомъ выраженiи не различаются, человекъ, дiаволь, а не призрачный, здѣсь одно и тоже, что и дiаволь, есть дiаволь воплощенный. Мы не можемъ сказать, есть ли въ Священномъ Писанiи какiя-либо основанiя для признанiя въ дiавольномъ человекѣ, какъ бы не былъ онъ худъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и какъ бы враждебно не относился къ ирвингiанскому дѣлу, въ человекѣ, сотворенномъ по образу и подобiю Божiю, самого воплощеннаго дiавола. Но къ чести послѣдователей Ирвинга мы должны сказать, что подобныя понятiя въ сектѣ неразвиты и выраженiе: „дiаволь во образѣ человекѣ“ есть можетъ быть даже одна простая обмолвка...

Дѣйствiя дiавола „черезъ человекѣ“ очень многочисленны и говоря относительно иногда менѣе, а иногда болѣе тонки. Вотъ какъ вообще изображаетъ ихъ докторъ Нортонъ: „Злые духи, говоритъ онъ, появились среди насъ, подражая голосу Утѣшителя. Иногда ихъ тотчасъ же открывали, иногда же они обольщали кого-нибудь на долгое время. Въ другихъ случаяхъ люди, не имѣвшiе спиритуальныя силы, ни хорошей, ни дурной, передразнивали пророковъ (mimicked prophetic utterance) болѣе или менѣе успѣшно, или вслѣдствiе своей дерзости, или же подъ обольстительнымъ влiянiемъ возбужденiя. Нѣкоторые дѣйствительно одаренные спотыкались и падали; въ другихъ, если только не во всѣхъ насъ, были большiя или меньшiя ошибки и погрѣшности (incosistencies), безпорядочность, больше ревности, чѣмъ смысла, и слишкомъ мало смиренiя и кротости о Христѣ“¹⁵⁾. Нужно отдать доктору Нортону справедливость: онъ безъ стѣсненiй и довольно откровенно сообщаетъ о грѣхахъ „юной“ секты, которые называются имъ „испытанiями и затрудненiями“. Вотъ нѣкоторые случаи, имъ сообщаемые:

Однажды какой-то пришлецъ пришелъ въ церковь Ирвинга и началъ пророчествовать при богослуженiи. „Мистеръ Ирвингъ, сейчасъ же различивши, что это было худо, приказалъ ему молчать. Пришлецъ сопротивлялся. Тогда словомъ одного пророка онъ былъ буквально повергнутъ на полъ, съ котораго

¹⁵⁾ The Restoration of Apostles and Prophets, 72, 73.

былъ поднять блѣднымъ и трепещущимъ". Такое поверженіе было совершено три раза, потому что пришлецъ не хотѣлъ уступить. „Много молились за него и онъ былъ наконецъ освобожденъ въ тотъ же день, по его собственнымъ словамъ(!), отъ *трехъ отдѣльныхъ* дьяволовъ, имъ овладѣвшихъ“¹⁶⁾.

У одного клирика было двое семилѣтнихъ дѣтей близнецовъ, которые начали пророчествовать, будучи „безспорно“ подъ вліяніемъ спиритуальной силы. Все, что они говорили сначала, было прекрасно, отличалось „небеснымъ характеромъ“. Родители были твердо убѣждены, что чрезъ дѣтей говорилъ Духъ Божій. Но скоро послѣдніе стали дѣлать и нѣчто „экстравагантное“: они начали пророчествовать противъ одной свадьбы, имѣвшей совершиться. Эта „дьявольская доктрина“ возбудила въ родителяхъ страхъ и они рѣшились испытать духа. Но одинъ изъ младенцевъ вдругъ вскричалъ: „вы можете испытывать духовъ во взрослыхъ людяхъ, а не въ младенцахъ и питающихся грудью“. На другой день послѣ этого отецъ все-таки рѣшился испытывать. Но одинъ изъ младенцевъ опять громко вскричалъ: „не испытывай духа“. Отецъ: „испытаю словомъ живаго Бога“. Младенецъ: „если испытываешь, будешь наказанъ“. Тогда, раскрывъ IV главу 1-го посланія Іоанна и прочитавъ 3-й стихъ, сказали младенцу: „ты, духъ, владѣющій симъ отрокомъ, хочешь ли признать Господа воплощеннаго?“—„Не хочу“, отвѣчалъ громко духъ. Настойчивыя приглашенія и молитвы заставили его удалиться¹⁷⁾.

Одна молодая женщина сошла съ ума и говорила, что пойдетъ въ геенну. Тогда спросили бывшаго въ ней духа: кто ты? Выкативъ глаза и вода ими въ разныя стороны, женщина громко отвѣтила: „я—дьяволъ“! (J. am a devil). Во имя І. Христа духу повелѣвали оставить больную. На это онъ отвѣтилъ: „не хочу!“¹⁸⁾ Послѣ нѣкоторыхъ усилій онъ все-таки былъ изгнанъ¹⁸⁾.

Въ своемъ слишкомъ довѣрчивомъ отношеніи къ говорящимъ на неизвѣстныхъ языкахъ и пророчествующимъ, покровители духовныхъ дарованій подвергались крупнымъ обманамъ не только

¹⁶⁾ Ibid. p. 76, 77.

¹⁷⁾ Ibid. 74, 75.

¹⁸⁾ Ibid. 91, 92.

со стороны людей, живущихъ въ Англіи, но и внѣ ея. Весною 1834 года пріѣхалъ изъ Америки какой-то неизвѣстный человекъ съ женой и семьей и просилъ спиритуальныхъ лондонскихъ пасторовъ научить болѣе совершенно путямъ Божиимъ одну конгрегацию, образовавшуюся въ Америкѣ, въ которой появились такіе же „духи“, какъ и въ Англіи. Появленіе такой конгрегации, да еще въ Америкѣ, кажется было фактомъ очень приятнымъ для вѣрующихъ въ Лондонѣ: оно между прочимъ доказывало и справедливость ихъ собственныхъ вѣрованій. Поэтому неудивительно что пріѣзжіи американецъ былъ ими отлично принятъ. Ирвингъ даже позволилъ ему вмѣсто себя по временамъ говорить проповѣди съ церковной кафедры. Мистеръ же Таплинъ подъ влияніемъ сверхъестественной силы (*in the power*) пророчествовалъ о томъ, что американецъ избранъ Самимъ Богомъ быть *ангеломъ* и могущественнымъ пророкомъ въ Америкѣ, собрать тамъ народъ Божій и построить тамъ церковь Божию. На устройство ея открыта была въ Лондонѣ подписка... Въ Америку отправленъ былъ Кэрдъ (Caird), мужъ Мэри Кэмпбеллъ вмѣстѣ съ нѣкимъ Райерсономъ (Ryerson) для помощи борющейся тамъ съ злыми духами конгрегации и наученія народа. Но когда они пріѣхали въ Америку, то никакъ не могли найти указанной американцемъ конгрегации, хотя и употребили на это немало трудовъ. Наконецъ она была все-таки найдена. Всѣ избѣгали ея какъ совершенно безнравственной. Это была кажется конгрегация мормоновъ ¹⁹⁾. Въ ней были дѣйствительно злые духи, только нужно думать нѣсколько непохожіе на тѣхъ, какіе были извѣстны въ Лондонѣ. Оказалось, что члены этой конгрегации знали и самаго лондонскаго обманщика, который выдалъ себя предъ ними за племянника Ирвинга. Ко времени полученія въ Лондонѣ свѣдѣній о дѣйствительномъ положеніи дѣла въ Америкѣ послѣдній успѣшилъ куда-то убраться изъ Лондона ²⁰⁾.

Отъ подобныхъ *обмановъ*, которымъ подвергались и могли подвергаться пророки и ихъ покровители, перейдемъ къ самооб-

¹⁹⁾ Kohler, 115.

²⁰⁾ Mill. I, 105, 106; срв. Орловъ, въ Пр. Обзор. 1877 г. іюнь—іюль, стр. 305, 306.

манамъ, самообольщеніямъ *истинныхъ* пророковъ. Въ томъ не было еще большой бѣды, когда дьяволъ дѣйствовалъ чрезъ людей, о которыхъ всѣ и узнавали рано или поздно, что они говорятъ и дѣйствуютъ подъ его руководствомъ; не было большой бѣды и въ томъ, что вѣрующіе подвергались обманамъ со стороны ловкихъ людей, которые или „передразнивали“ пророковъ, или же принимали на себя видъ вѣрующихъ въ пророческія изрѣченія и усердно хлопотали въ пользу всего пророческаго дѣла. Но что мы можемъ сказать, когда тѣ лица, въ которыхъ всѣ были увѣрены, что чрезъ нихъ глаголалъ Самъ Духъ Святой, на словахъ которыхъ созидалась первоначально вся ирвингiанская „католическая апостольская“ церковь, которые были признаваемы совершенно *истинными* пророками всѣми другими, также *истинными*, пророками, также глаголавшими по предположенію отъ Духа Божія, когда эти лица мало по малу приходили къ сознанію, открыто выражаемому, что они пророчествовали не отъ Духа Божія, а просто на просто были только *обольщенны*?! Разсматривая подобные случаи, мы становимся даже совершенно въ тупикъ. Мы можемъ еще понять, какимъ образомъ полное ослѣпленіе появляется въ какомъ-нибудь отдѣльномъ человѣкѣ: въ этомъ случаѣ мы относимъ это ослѣпленіе просто къ ненормальному состоянію его умственныхъ способностей или сумасшествію. Но гораздо труднѣе намъ понять и объяснить это *коллективное* сумасшествіе *многихъ* людей, которые помѣшались на *одной* извѣстной идеѣ и всѣ закрывали свои глаза, чтобы не видѣть дѣйствительнаго значенія этой грубой пророческой вакханаліи, этого кощунства, этой дикой хулы, произносимой на Духа Святаго.

Проповѣданная Ирвингомъ ирвингiанская глупость не позволяла вѣрующимъ возвратиться вспять — къ здравому смыслу даже и при видѣ обстоятельствъ, случившихся съ упомянутымъ выше пророкомъ Бакстеромъ.

Этотъ ирвингiанскій пророкъ для того повидимому и рожденъ былъ, чтобы постоянно „спотыкаться“, особенно въ качествѣ пророка. Онъ былъ человѣкъ слишкомъ увлекающійся, всегда готовый столько же вѣрить и въ Бога, сколько и въ дьявола, совершенно разнузданный и весьма пылкаго темперамента. Живя постоянно въ Донкастерѣ и занимаясь дѣлами и обязанностями

солиситора, Бакстеръ часто посѣщалъ Лондонъ по различнымъ надобностямъ зимою 1831 и 1832 года. Во время своихъ посѣщеній ему пришлось быть на пророческихъ митингахъ, гдѣ онъ былъ пораженъ словами пророчествовавшихъ на одномъ изъ нихъ Таплина и миссъ Кардаль. Результатомъ этого было то, что онъ и самъ сдѣлался пророкомъ ²¹⁾.

Мы видѣли, что въ средѣ пророковъ было немало женщинъ, число которыхъ превосходило число мужчинъ. Вообще женщины преобладали въ пророческихъ кружкахъ не только своею численностию, но и большимъ одареніемъ духовною силой, такъ что Таплинъ и другіе имъ вполне уступали, отодвигаясь повидимому на задній планъ. Но когда сдѣлался пророкомъ Бакстеръ, онъ сразу же перевернулъ вверхъ дномъ всѣ прежнія пророческія отношенія. „Появившись, говоритъ мистриссъ Олифантъ, въ средѣ пророческаго круга, этотъ джентльменъ сталъ пророчествовать съ такою силою и властію, что въ головѣ у него начали появляться мысли о томъ, какъ бы ему сдѣлаться выше обыкновенныхъ пророковъ. Онъ занялъ главное мѣсто во всѣхъ интимнѣйшихъ и священнѣйшихъ собраніяхъ пророковъ“ ²²⁾. Великое почтеніе, которое оказывалъ ему за это Ирвингъ, кажется не имѣло границъ. Всѣ другіе, какъ пророки, такъ и пророчицы, должны были признать въ Бакстерѣ необыкновенную пророческую силу, которая была выше ихъ собственной, и онъ обращался со всѣми повелительно, не щадя и Ирвинга, которому онъ дѣлалъ замѣчанія и упреки ²³⁾. „Способъ и характеръ моихъ изрѣченій, говоритъ самъ Бакстеръ, такъ много разнились отъ изрѣченій, бывшихъ въ средѣ собственныхъ прихожанъ Ирвинга (Бакстеръ принадлежалъ къ англиканской церкви), что Ирвингъ былъ сильно удивленъ. *Я приказала (однажды) всѣмъ присутствующимъ просить настоятелей отъ меня, вмѣсто того чтобы просить ихъ отъ Бога.* Когда мнѣ предложено было нѣсколько вопросовъ, я отвѣтилъ на нихъ съ силою (in the power). Одинъ отвѣтъ такъ ловко подходилъ къ обстоятельствамъ дѣла, о которомъ я ничего не зналъ, что лицо, меня спрашивавшее, убѣди-

²¹⁾ Mill. I, 76; Mrs. Oliph. II, 410, 411.

²²⁾ II, 233.

²³⁾ Mrs. Oliph. II, 413, 414.

лось вполне въ томъ, что духъ, чрезъ меня говорившій, зналъ эти обстоятельства и намекалъ на нихъ въ отвѣтъ“²⁴⁾.

Бакстеру повидимому тѣсно было обнаруживать свою необыкновенную пророческую силу только въ одномъ зачумленномъ кружкѣ и онъ захотѣлъ избрать для себя болѣе широкую пророческую дѣятельность. Замѣтимъ здѣсь кстати, что какъ въ Ирвингѣ, такъ и въ его послѣдователяхъ, замѣчается одна характерная тенденція—это именно обращать на себя вниманіе и пріобрѣтать расположеніе людей, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ общества. Въ силу той же тенденціи началъ дѣйствовать теперь и Бакстеръ. Почувствовавъ въ себѣ необыкновенныя пророческія дарованія, онъ хочетъ обнаружить ихъ прямо предъ англійскимъ канцлеромъ...

И такъ дворецъ послѣдняго долженъ былъ принять въ себя невѣдомаго пророка, который намѣренъ былъ „возвѣстить тамъ о мракѣ, царившемъ въ видимой церкви“, „принести свидѣтельство, которое заставитъ *трепетать* всю англійскую націю“ и за него быть ввергнутымъ въ тюрьму. Канцлеръ долженъ былъ кромѣ того узнать, что въ Англіи „появилась мерзость запустѣнія, что сатана воссѣдаетъ на высокихъ мѣстахъ въ церкви и объявляетъ себя богомъ“, что „несмотря на увлеченіе Англіи мірскою прелестію, Богъ возстановилъ въ ней сословіе пророковъ, помазанныхъ Духомъ Святымъ“!²⁵⁾ и т. д.

Однимъ словомъ предъ отправленіемъ во дворецъ канцлера въ душѣ Бакстера была необыкновенно сильная, вполне пророческая буря!

Обстоятельства однако скоро показали, что онъ, неограниченно властвуя надъ пророками, на самомъ дѣлѣ не былъ особенно храбръ. Именно, когда онъ пришелъ во дворецъ и хотѣлъ пророчествовать, пророческой силы-то въ немъ совѣтъ и не оказалось! Очень интересно представить себѣ критическое положеніе великаго англійскаго пророка, когда онъ *цѣлыя четыре часа* ждалъ во дворцѣ англійскаго канцлера, не сойдетъ ли на него чудесная пророческая сила, чтобы „возвѣстить“... Однако на то, что она снизойдетъ, не было повидимому даже

²⁴⁾ Ibid. 233, 234.

²⁵⁾ Ibid. 414, 415.

какого-либо и намека. Конечно можно было бы, такъ рассказывать послѣ объ этомъ любопытномъ инцидентѣ самъ Бакстеръ, сказать что-либо и „безъ силы“... Но это было, должно быть, несовсѣмъ ловко и не совсѣмъ по пророчески. Великій пророкъ принужденъ былъ* уйти отъ канцлера, не произнеся тамъ ни единого пророчества ²⁶).

Чувства его были растрепаны. Для него сдѣлалось яснымъ, что онъ во всякомъ случаѣ не истинный пророкъ. Да и другіе-то пророки, побуждавшіе его идти во дворецъ, тоже не обольщены ли? Бакстеръ предсталъ предъ Ирвингомъ и со всѣми подробностями рассказалъ ему о своемъ великомъ преткновеніи во дворцѣ канцлера.

Отвѣтъ который далъ Бакстеру Ирвингъ, очень характеренъ. Трудно было въ самомъ дѣлѣ сказать что-либо въ пользу ирвингянскаго дѣла при обстоятельствахъ, въ которыхъ находился Бакстеръ, вдругъ признавшій въ себѣ со всею неудержимою силою своего темперамента лжепророка. Однако Ирвингъ вышелъ изъ затрудненія совершенно побѣдоносно. „Мы должны ждать“, сказалъ онъ сомнѣвающемуся Бакстеру. „Вы получили истинный пророческій даръ, только *безъ новаторенія!*!“ ²⁷).

Замѣчательно, что самъ Бакстеръ вполнѣ удовлетворился подобнымъ отвѣтомъ и сталъ кромѣ того думать, что миссія его къ канцлеру была имъ выполнена совершенно, но только посредствомъ *нѣмого свидѣтельства* ²⁸). Вскорѣ онъ сталъ поэтому пророчествовать въ кружкѣ кажется еще съ большею силою. Его дерзость дошла до того, что онъ получилъ однажды „откровеніе“, въ которомъ было ему сообщено, что Богъ отдѣлнитъ его отъ всѣхъ пророковъ для выполненія Своего „спеціальнаго намѣренія въ церкви“ ²⁹)...

Быль пророческій митингъ. На Бакстера сошла пророческая сила и онъ торжественно объявилъ, что *послѣ завтра* вѣрующіе получаютъ *крещеніе огнемъ*.

Всѣ съ радостію стали ожидать назначеннаго дня. Когда до-

*) Ibid. 415.

27) Ibid. 416.

28) Ibid.

29) Ibid. 420.

ждался, вечеромъ было изрѣченіе: „станьте на колѣна и примите крещеніе огнемъ“. Всѣ стали на колѣна, вознося непрестанныя молитвы. Но ничего похожаго на крещеніе огнемъ не было. „Опять и опять они молились и преклонялись“, но опять и опять и опять никакого крещенія не получали. Вѣра Бакстера была снова потрясена. Однако онъ продолжалъ молиться о крещеніи огнемъ *цѣлыхъ шесть недѣль*. Его жена пришла къ убѣжденію, что все дѣло было только „обольщеніемъ“. Но Бакстеръ молился. Только тогда, когда и для него стало совершенно яснымъ, что никакого крещенія ожидать невозможно, онъ оставилъ совершенно кругъ пророческій ³⁰⁾.

Обстоятельство это имѣло довольно важное значеніе въ жизни секты, потому что Бакстеръ сдѣлался ея врагомъ и скоро издалъ памфлеты, гдѣ изобразилъ самыя секретивѣйшія „спотыканія“ и „преткновенія“ пророковъ, которыя онъ въ совершенствѣ зналъ. Но и тутъ случилось все-таки нѣчто бакстеровское, совершенно вздорное. Именно онъ кажется первый далъ привингянской общинѣ дикое призвище, оставшееся за ней навсегда и ею отъ всей души ненавидимое: *ирвингизмъ*. Понятно, что такое названіе совершенно не соотвѣтствуетъ дѣлу: мы не думаемъ, чтобы можно было прилагать къ какой-бы то нибыло общинѣ названіе, оканчивающееся на *измъ*. Подъ словами матеріализмъ, идеализмъ, утилитаризмъ мы не разумѣемъ какихъ-либо общинъ. Не думаемъ также, чтобы названіе какой-либо общины, оканчивающееся на *измъ*, оправдывалось и особенными свойствами какого-либо языка. И однако слово „ирвингизмъ“, приложенное Бакстеромъ къ привингянской общинѣ или сектѣ, не только причинило самыя серьезныя затрудненія ей, но и различнымъ ученымъ, занимавшимся ея исторіей. Затрудненіе, причиненное осектѣ, состояло въ томъ, что слово, пущенное Бакстеромъ въ ходъ и такъ-сказать привившееся, сдѣлавшееся употребительнымъ въ литературѣ и разговорной рѣчи, указывало, что все дѣло Ирвинга и его послѣдователей не есть „дѣло Божіе“, а есть просто „ирвингизмъ“, дѣло вполне человѣческое, оканчивающееся на *измъ*. Ненависть къ этому слову въпослѣдствіи обнаружилась такъ сильно, что послѣдователи Ирвинга старались даже замаскировать всѣ свои

³⁰⁾ Ibid.

связи съ нимъ не говоря уже о томъ, что подвергали его очень тяжкимъ испытаніямъ, когда онъ находился во время своей жизни въ пророческомъ кружкѣ. Что касается затрудненій, причиненныхъ Бакстеромъ различнымъ писателямъ, изображавшимъ исторію секты, то они совершенно другаго рода и происходятъ именно отъ неприложимости названія „ирвингизмъ“ къ основанной Ирвингомъ сектѣ, которое однако приложить желательно. Такъ какъ секта отрицаетъ свое исключительное происхожденіе отъ Ирвинга, то у различныхъ писателей и возникаютъ въ существѣ дѣла совершенно неважные вопросы о томъ, имѣлъ ли въ самомъ дѣлѣ Ирвингъ какое-нибудь отношеніе къ „ирвингизму“ (буквально: къ своему собственному ученію), или нѣтъ. Вашингтонъ Вильксъ, рѣшая этотъ вопросъ, употребляетъ не мало краснорѣчія, чтобы показать, что *Ирвингъ* имѣлъ самое близкое отношеніе къ *ирвингизму* и что послѣдній есть даже „логическій выводъ изъ всѣхъ интеллектуальныхъ тенденцій Ирвинга, реализація его неутомимыхъ стремленій, воплощеніе его глубочайшихъ характеристическихъ чертъ, что этотъ ирвингизмъ есть истинное его дѣло, подобное всякой книгѣ, которую онъ написалъ, единственно вѣрное зеркало его души и, правильно понимаемый, лучшее оправданіе его памяти“ ³¹⁾. Съ этимъ взглядомъ Вашингтона Вилькса согласенъ Миллеръ ³²⁾, который говоритъ, что названія секты „католическая апостольская церковь“ или: „приверженцы возстановленнаго апостольства“ недостаточны и не вполне соответвуютъ дѣлу, такъ что употребленіе ея популярнаго названія „ирвингизмъ“ остается единственнымъ исходомъ изъ всѣхъ затрудненій ³³⁾. По этимъ, вѣроятно, побужденіямъ Миллеръ и озаглавливаетъ свое сочиненіе такъ: „The History and doctrines of Irvingism, or of the so called Catholic and Apostolic Church“. Если подъ словомъ „ирвингизмъ“ не разумѣть секты, а ученіе Ирвинга и даже его послѣдователей, что будетъ совершенно правильно, то заглавіе книги Миллера нужно перевести такъ: „исторія и доктрины ирвингянскихъ доктринъ, или такъ называемой католической и апостольской церкви“...

³¹⁾ W. Wilks. E. Irving p. 266

³²⁾ I, 4.

³³⁾ Ibid. X.

Миллеръ и самъ сознаетъ, что называть секту ирвингизмомъ не всегда удобно ³⁴⁾, и однако называетъ ее такъ. Подобнымъ образомъ поступаютъ и другіе писатели. Такъ Кёлеръ разсматриваетъ между прочимъ „ирвингизмъ“, какъ секту (*als secte*) ³⁵⁾.

Вообще послѣ появленія памфлета, написаннаго Бакстеромъ, въ этомъ дѣлѣ по нашему мнѣнію случилось тоже, что изображаетъ наша русская пословица: одинъ дуракъ бросить камень въ воду и десять умниковъ никакъ не могутъ его вытащить...

Разумѣется, мы сознаемъ, что вопросъ объ отношеніяхъ Ирвинга къ его сектѣ и наоборотъ можетъ быть вопросомъ, дѣйствительно требующимъ разрѣшенія. Но объ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ; теперь же перейдемъ къ краткому изображенію еще одного факта, который также, какъ и спотыканія пророковъ, могъ говорить слишкомъ ясно не въ пользу ирвингянскаго дѣла и на который ни Ирвингъ, ни его послѣдователи не только не хотѣли обратить вниманія, но и старались еще его поколебать посредствомъ тѣхъ же пророчествованій, а равно и посредствомъ напыщенныхъ рѣчей.

Фактъ этотъ заключался въ томъ, что какъ церковь, къ которой принадлежалъ Ирвингъ, такъ и общественное мнѣніе рѣшительно и безусловно говорили не въ пользу пророческихъ скандаловъ, бывавшихъ въ церкви Ирвинга.

16 октября 1831 года пророчества были дозволены въ его церкви, а въ декабрѣ мѣсяцъ того же года по предложенію попечителей (*trustees*) этой церкви церковная сессія опредѣлила не терпѣть при общественномъ богослуженіи никакихъ пророческихъ безобразій. Сначала впрочемъ хотѣлось убѣдить Ирвинга частнымъ образомъ и безъ всякаго суда запретить пророкамъ пророчествовать. Но Ирвингъ на это запрещеніе не соглашался. Тогда президентъ сессіи официально сообщилъ ему ея требованіе; были употреблены кромѣ того и другія средства отклонить его отъ покровительства пророкамъ. Но онъ опять не соглашался и говорилъ, что за всѣ сокровища Англіи не отступитъ отъ повиновенія Великому Главѣ и Архіерею церкви. Тогда

³⁴⁾ Ibid.

³⁵⁾ Het Irvingisme, стр. 18.

попечители 2 марта 1832 года рѣшили представить лондонской шотландской пресвитеріи формальную жалобу на его поведеніе. Получивъ ее, пресвитерія въ апрѣлѣ того же года вызвала его къ своему суду ³⁶⁾.

Въ самомъ началѣ суда, лишь только пресвитеры и старосты усѣлись на свои мѣста, Таплинъ, явившійся съ Ирвингомъ въ качествѣ свидѣтеля, началъ пророчествовать. „Вы собрались, пророчествовалъ пророкъ, не во Имя Его, вы собрались отъ своего имени. Берегитесь! Берегитесь! Трепещите, трепещите предъ Нимъ!“ Это пророчество дало поводъ одному обвинителю предложить пророку рядъ вопросовъ.

— Были-ли сцены, происходившія при говореніи языками въ церкви похожи на ту, какую вы произвели сегодня?

— Тутъ не было никакой сцены. Я не буду отвѣчать на вашъ вопросъ, если вамъ угодно употреблять такое слово, отвѣчалъ оправившійся послѣ своего пророчества Таплинъ.

— Хорошо, манифестаціи, какъ вы ихъ называете. Я не думаю, чтобы они были отъ Духа Божія. Я считаю ихъ оскорбленіемъ приличія.

— Я не буду отвѣчать на вашъ вопросъ.

— Хорошо, я предложу его въ другой формѣ: были-ли манифестаціи въ церкви, чрезъ васъ или чрезъ другихъ, похожи на ту, свидѣтелями которой мы были сегодня?

— Наши дарованія различны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, хотя и однородны. Мы говоримъ каждый различнымъ языкомъ, не безъ достоинства отвѣчалъ Таплинъ.

— Поняли-ли вы то, что изрекали сегодня?

— Понялъ, что изрекалъ по-англійски? ³⁷⁾.

Такимъ образомъ пресвитерія благодаря Таплину могла даже и во время суда въ совершенствѣ ознакомиться съ тѣмъ, что бывало въ церкви Ирвинга. Послѣ допроса свидѣтелей онъ держалъ рѣчь, въ которой напыщенными, оссіановскими выраженіями доказывалъ правильность своего поведенія. При этомъ онъ приводилъ преимущественно слѣдующіе аргументы въ свою защиту: свобода протестантскихъ церквей въ религіозномъ отношеніи;

³⁶⁾ Hohl, Bruchstücke... S. 161 и слѣд.

³⁷⁾ Mrs. Oliph. The Life of E. J. II, 269.

множество свидѣтелей, говорящихъ въ пользу ирвингiанскаго дѣла, псключающее возможность какой-либо ошибки; собственная честность. Обсудивъ все это дѣло въ своей рѣчи, предсѣдатель пресвитеріи спокойно объяснилъ Ирвингу слѣдующее: „для насъ не имѣеть большаго значенія обстоятельство, когда предъ нами смѣло и папски-автократическимъ тономъ онъ (Ирвингъ) заявляетъ, что все, имъ высказываемое, справедливо, потому что онъ это высказываетъ. Почтенный братъ, явившись въ собраніе своихъ сослуживцевъ, которые, какъ и онъ самъ, посвятили наукѣ всю свою жизнь, дни и ночи проводятъ въ чтеніи слова Божія и постоянно укрѣпляютъ себя въ молитвѣ и общеніи съ Богомъ, хочеть насъ убѣдить словами двухъ или трехъ женщинъ, дюжины или поддюжины своихъ единомысленныхъ съ нимъ друзей, что все это дѣло есть дѣло Духа Святаго, которое однако никто ни понять, ни объяснить не могъ! О, Духъ Божій святыи! Прости намъ это частое упоминаніе Твоего святаго имени! Истина вѣчно остается истиной. Истина, исходящая отъ Бога, должна быть одною и тою же какъ въ началѣ христіанскаго лѣтосчисленія, такъ и въ 1832 году, она зиждется на непреложныхъ основаніяхъ, на существенныхъ свойствахъ Самого Бога. Если я самъ читаю въ Священномъ Писаніи, что никто не долженъ пророчествовать въ церкви безъ истолкователя, и теперь узнаю изъ свидѣтельскихъ показаній, что въ церкви толкователей не было, то долженъ-ли я вѣрить послѣднему больше, чѣмъ первому?“³⁸⁾

Ирвингъ былъ осужденъ. Его сочли недостойнымъ быть пасторомъ церкви въ Риджентъ-Скверъ и рѣшили изъ нея удалить. Общественное мнѣніе, выраженное въ различныхъ органахъ печати, вполне было согласно съ рѣшеніемъ лондонской пресвитеріи³⁹⁾.

Говорять, что по поводу такого рѣшенія, Ирвингъ совѣтовался съ первымъ министромъ Англіи, лордомъ Мельбурномъ, съ которымъ былъ нѣсколько знакомъ, можно-ли искать защиты у шотландскихъ властей противъ рѣшенія лондонской пресвитеріи, причеиъ подробно изложилъ доказательства истинности

³⁸⁾ Hohl, Bruchstücke... S. 188—189.

³⁹⁾ См. Mrs. Oliph., II, 298.

пророческихъ говореній.— „Ваши аргументы превосходны,— отвѣтилъ ему на это министръ,— однако вы должны уступить!“⁴⁰⁾

На другой день послѣ состоявшагося рѣшенія лондонской пресвитеріи 3-го мая 1832 года Ирвингъ и члены его конгрегаціи отправились въ церковь, чтобы „въ послѣдній разъ“ совершить тамъ богослуженіе. Но къ церковнымъ дверямъ былъ уже прибитъ ордеръ пресвитеріи, воспрещающій Ирвингу проповѣди и богослуженіе въ его церкви. Никакіе протесты со стороны вѣрующихъ не привели ни къ какимъ уступкамъ. Нужно было покориться. Снявъ шляпу, Ирвингъ сталъ молча молиться предъ церковью, другіе изъ собравшихся послѣдовали его примѣру. По окончаніи молитвы духъ излился чрезъ одного пророка, призывая вѣрующихъ радоваться своему освобожденію и сообщая, что Богъ сотворитъ среди нихъ дивныя вещи⁴¹⁾.

За неимѣніемъ храма Ирвингъ проповѣдывалъ нѣкоторое время „на открытомъ воздухѣ“. Мѣстомъ собраній вѣрующихъ были загородныя мѣста въ Лондонѣ, особенно Britannia Fields и Islington Green. Проповѣди Ирвинга прерывались обыкновенно криками пророковъ и пророчицъ; иногда были слышны и крики людей, которые собирались посмѣяться надъ этими фанатиками. По окончаніи богослуженія и проповѣдей послѣдніе запѣвали обыкновенно какой-нибудь псаломъ, переложенный на старинный шотландскій напѣвъ. Они пѣли въ носъ и уныло, и что-то мрачное было въ пѣніи этихъ странныхъ, безумныхъ пѣвчихъ.

Совершать богослуженіе на открытомъ воздухѣ было не совсемъ удобно, хотя и были уже теплые майскіе дни. Нашли было „убѣжище“, которое могло вмѣщать восемь сотъ человѣкъ; въ немъ 6 мая и собрались коммуниканты. Но это „убѣжище“ было „отвратительно“ для вѣрующихъ и они предпочли бы ему „житницу“ или „коровій хлѣвъ“, еслибы ихъ можно было найти. Причиною этого было то, что убѣжище находилось въ домѣ, въ которомъ извѣстный социалистъ, Робертъ Оуэнъ, проносилъ свои рѣчи⁴²⁾. Къ чести Ирвинга и его послѣдователей слѣдуетъ сказать, что какъ въ это, такъ и во все послѣдующее

⁴⁰⁾ Mill. I, 91.

⁴¹⁾ Mrs. Oliph. II, 306 и слѣд.

⁴²⁾ Ibid. II, 301; Miller, I, 92.

время они относились совершенно враждебно къ социализму. Впрочемъ, они старались поддерживать существующіе порядки только преимущественно въ цѣляхъ достиженія своихъ собственныхъ выгодъ.

Все дѣло 1832 года они старались найти, купить или же построить вновь для себя капеллу. Но когда для постройки было собрано довольно денегъ, духъ чрезъ одного пророка запретилъ строить церковь, сказавъ что Богъ позаботится о ней въ свое время ⁴³⁾). Наконецъ уже осенью нашли большую комнату въ домѣ одного живописца въ Newman Street, называвшуюся „картинной галлереей“ (Picture Gallery). Она была снабжена скамейками и хорами. Въмѣсто каеэды однако въ ней была устроена, впереди, противъ входа, возвышенная платформа, на которой могло помѣститься до пятидесяти человекъ. Эта платформа имѣла полукруглый видъ и нѣсколько ступеней; какъ на ней, такъ и на ступеняхъ было устроено нѣсколько сѣдалищъ; первое сѣдалище, которое было выше другихъ и стояло посрединѣ, принадлежало пастору ⁴⁴⁾).

Первое богослуженіе въ „картинной галлерей“ было совершено девятнадцатаго октября, вечеромъ ⁴⁵⁾). Ирвингъ: проповѣдывалъ, прерываемый голосами пророковъ. Въ это-то время такъ-сказать въ своемъ семейномъ кружкѣ, мистеръ Друммондъ, сохранявшій до сихъ поръ совершенное молчаніе, вдругъ, ни съ того ни съ сего, возглаголалъ, какъ пророкъ.

„Ахъ, не гоните Его, не гоните вашего Спасителя! Ахъ, вы гордитесь вашимъ достоинствомъ! Ахъ, поистинѣ страшна ваша сила! Ахъ, вы можете противиться вашему Богу, противиться вашему спасенію! Ахъ, вы не нуждаетесь въ вашемъ Отцѣ! Вы нуждаетесь въ самихъ себѣ! Охъ, примите Его нынѣ! День почти кончился. Ахъ, войдите теперѣ! Не отлагайте, не отлагайте, не отлагайте! Ахъ, зачѣмъ вы обратились назадъ!“

Неизвѣстно, къ чему относилось это пророчество Друммонда, заключало ли оно въ себѣ какой-нибудь смыслъ и какой именно.

⁴³⁾ Mrs. Oliph. II, 308.

⁴⁴⁾ Ibid. 322, 323.

⁴⁵⁾ См. Norton, 64. По словамъ м-съ Олифантъ (II, 323) и Милера (I, 93), первое богослуженіе въ Newman Street было 24 октября; но это, кажется, не совсѣмъ вѣрно.

Извѣстно только, что когда онъ кончилъ свое пророчество, послѣ него начала пророчествовать какая-то „лэди“, въ словахъ которой также трудно угадать какой-либо смыслъ. За нею опять возглаголалъ мистеръ Друммондъ:

„Господь уготовалъ вамъ трапезу, трапезу въ виду вашихъ враговъ! Ахъ, надѣйтесь! Градъ будетъ построенъ,—ахъ! каждая іота, каждый камень въ зданіи. Ахъ! Санваллатъ, Санваллатъ, Санваллатъ! Оронитянинъ (?), аммонитянинъ, моавитянинъ! (произнося эти слова, мистеръ Друммондъ вѣроятно хотѣлъ показать что умѣетъ пророчествовать и на неизвѣстномъ языкѣ!) Ахъ, заключите союзъ, заключите союзъ, заключите союзъ съ оронитяниномъ! Ахъ, надѣйтесь, надѣйтесь!“⁴⁶⁾

Это послѣднее пророчество мистера Друммонда вѣроятно привело вѣрующихъ въ умиленіе, потому что въ словахъ его находилось нѣкоторое утѣшеніе для нихъ при обстоятельствахъ, которыя были сходны съ изображенными въ библейскомъ повѣствованіи о возвращеніи евреевъ изъ плѣна вавилонскаго и построеніи іерусалимскихъ стѣнъ. Но для всякаго непредубѣжденнаго человѣка не можетъ конечно не быть дѣломъ яснымъ, что бывшій и будущій членъ англійскаго парламента, мистеръ Генри Друммондъ, девятнадцатаго октября 1832 года, сошелъ окончательно съ ума.

М. Фивейскій.

⁴⁶⁾ Mrs. Oliph. II, 324—326.

КЪ ВОПРОСУ О БОГОСЛОВСКИХЪ ФАКУЛЬТЕТАХЪ ВЪ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ГЕРМАНИИ *.

Не пустое желаніе—вмѣшиваться въ чужія дѣла побудило насъ въ настоящій разъ остановить вниманіе читателя на вопросѣ, который возникъ среди чуждаго народа, изъ условій чуждаго намъ вѣроисповѣданія. Мы разумѣемъ вопросъ о постановкѣ и организациі богословскаго образованія въ протестантскихъ нѣмецкихъ университетахъ, до того обострившійся въ послѣднее время, что объ немъ стали уже говорить какъ о „спорѣ науки и церкви изъ-за теологическихъ факультетовъ“. Такъ какъ по нашему глубокому убѣжденію споръ этотъ могъ возникнуть только на почвѣ протестантизма, подъ вліяніемъ его рационалистической атмосферы; то конечно онъ и касается прежде всего только этого вѣроисповѣданія, которому дѣйствительно и приходится теперь вести непріятные счеты съ своимъ собственнымъ дѣтищемъ. Но и у насъ есть не мелочныя побужденія—не вмѣшиваясь въ самый споръ,—отозваться на него нѣсколькими словами. Не слѣдуетъ забывать, что организациія богословскаго образованія у нѣмцевъ способна иногда произвести со-

* По поводу вышедшей въ прошедшемъ году брошюры: «Наука и церковь въ спорѣ изъ-за теологическихъ факультетовъ»,—«Wissenschaft und Kirche im Streite um die theologischen Facultäten».—Von Martin v. Nathusius. Heilbronn. 1886. Ср. «Allgemeine Evangelisch-Lutherische Kirchenzeitung», 1886, S. 804 и дал.

блaзнѣ и у насъ дома... Вѣроятно, многіе еще помнятъ то время, когда въ нашей періодической литературѣ указывали на нѣмецкіе университеты, съ ихъ теологическими факультетами, какъ на образецъ, достойный и *нашего* подражанія, и совѣтовали вмѣсто существующихъ у насъ духовныхъ семинарій и академій, — открыть богословскіе факультеты при университетахъ, на совершенно однородныхъ основаніяхъ съ прочими факультетами¹⁾. Уже по этому одному интересно прослѣдить: дѣйствительно ли постановка высшаго богословскаго образованія въ Германіи настолько уже безукоризненно хороша, чтобы ее безусловно можно было принять за образецъ и у насъ? или быть-можетъ именно у нѣмцевъ эта постановка несвободна отъ крупныхъ и коренныхъ недостатковъ, вносящихъ пагубную заразу въ самую церковно-религіозную жизнь народа? Не обѣщая войти въ подробное разсмотрѣніе этихъ вопросовъ, мы однако надѣемся показать въ своей замѣткѣ одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ недостатковъ высшаго богословскаго образованія въ Германіи, который ясно видятъ теперь сами протестанты и стараются искоренить посильными средствами. Съ другой стороны при этомъ естественно возникаетъ вопросъ: откуда происходитъ то зло протестантскаго богословскаго образованія, на которое съ горечью жалуются теперь нѣкоторые протестанты и которое давно уже удручаетъ ихъ церковную жизнь? Наша замѣтка, надѣемся, покажетъ читателю, что это зло въ богословской протестантской жизни не случайное явленіе, но прямо и непосредственно вытекло изъ того направленія религіозной мысли, которое дано протестантизму самимъ Лютеромъ и которое затѣмъ было возведено почти на степень догмата протестантской науки. Такимъ образомъ, намѣченный нами частный вопросъ мы поставляемъ въ тѣсную связь съ общими, основными началами протестантизма, и въ раскрытіи этой связи полагаемъ главнѣйшую задачу своей настоящей замѣтки.

¹⁾ Въ Германіи, какъ извѣстно, нѣтъ отдѣльныхъ, спеціальныхъ заведеній для полученія высшаго богословскаго образованія въ родѣ нашихъ духовныхъ академій; но высшее духовное образованіе тамъ дается университетами, при которыхъ на ряду съ другими факультетами и на общихъ съ ними основаніяхъ существуютъ и такъ-называемые «теологическіе факультеты». См. объ этомъ въ «Правосл. Обозр.», за 1885 г., стр. 220, № 3.

Въ послѣднее время въ протестантской Германіи чаще и чаще стало повторяться одно весьма печальное явленіе: между пасторами, получившими богословское образованіе въ университетахъ, стали попадаться лица, вовсе не имѣющіе той вѣры, которую они обязаны по долгу своего сана проводить въ сознаніе своихъ прихожанъ. Какъ бы ни было тягостно это явленіе для сердца истыхъ протестантовъ, мы однако нисколько не считаемъ его страннымъ и загадочнымъ. Кто знакомъ, хотя въ главныхъ чертахъ, съ развитіемъ богословской мысли у нѣмцевъ-протестантовъ особенно въ нынѣшнемъ вѣкѣ, тотъ конечно давно привыкъ слышать, какъ различные „профессора теологіи“ проповѣдывали невѣріе среди учащейся молодежи, не только путемъ печатнаго слова, но также и въ лекціяхъ съ университетскихъ кафедръ. Столь пресловутый въ настоящее время „спекулятивный протестантизмъ“ въ этомъ отношеніи ни на-волосъ не лучше, чѣмъ его предшественникъ—плоскій и пустой рационализмъ. Мы приведемъ здѣсь два примѣра того, какъ нѣмецкіе профессора богословія подрываютъ въ своихъ слушателяхъ вѣру въ бытіе всего сверхъестественнаго и о Богѣ, Христѣ, христіанствѣ и откровеніи внушаютъ имъ понятія, несомвѣстимыя ни съ какою положительною вѣрой. Къ числу такихъ профессоровъ въ настоящее время можно отнести д-ра Отто Пфлейдерера, профессора богословія въ Берлинѣ. По замѣчанію одного протестантскаго критика ²⁾, во всемъ богословско-философскомъ воззрѣніи проф. Пфлейдерера господствуетъ предположеніе, что нѣтъ ничего такого, что указывало бы намъ на вмѣшательство какого-либо сверхъестественнаго порядка вещей въ этотъ міръ. Такое предположеніе у профессора *богословія* нисколько не должно казаться для насъ страннымъ, при свойственномъ ему представленіи о Богѣ. Бога онъ представляетъ, какъ *перво—я (Ur-ich) всеобъемлющей цѣлости міра*, при чемъ выразительно прибавляетъ, что предложеніе понятія *личности* къ этому Существо должно предоставить свободному *чувству каждого?* ³⁾. Послѣ этого ничего

²⁾ См. въ журн. «Zeitschrift für kirchl. Wissenschaft und kirchl. Leben», 1885, III, S. 150 и дал., статья *Senior'a Lic. E. Elster'a*, посвященная разбору сочиненій Пфлейдерера: «Religionsphilosophie auf geschichtl. Grundlage».

³⁾ См. «Religionsphilosophie auf geschichtlicher Grundlage». Von Dr. Otto Pfeleiderer. Zweite Auflage. Berlin. 1884, Bd. II, S. 279.

нѣтъ удивительнаго, если читатель сочиненій Пфлейдерера, по замѣчанію Эльстера, долженъ вынести сильное сомнѣніе въ существованіи *личнаго Бога*. Подвергая сомнѣнію бытіе *личнаго Бога*, тотъ же профессоръ слишкомъ унижаетъ искупительныя заслуги Христа и вообще дѣло нашего спасенія представляетъ въ совершенно превратномъ видѣ. Въ этомъ пунктѣ онъ повторяетъ извѣстное представленіе стараго рационализма, что обновленіе религіозной и нравственной жизни въ насъ совершается единственно примѣромъ Христа. По его словамъ, дѣло спасенія, совершенное Христомъ, всецѣло ограничивается лишь тѣмъ, что Онъ осуществилъ истинный „идеалъ жизни“ (*Lebensideal*), который и возбуждаетъ въ христіанинѣ свободную рѣшимость къ добру. Возрожденія же силою благодати Божіей, явившейся во Христвъ Исусѣ, Господѣ нашемъ, Пфлейдереръ повидимому совершенно не знаетъ, или по меньшей мѣрѣ, забылъ объ ней во время своихъ философскихъ изысканій. Не признаетъ ученый профессоръ также и сверхъестественнаго, *божественнаго* происхожденія христіанства, видя въ немъ лишь одну изъ „стадій“ развитія религіознаго сознанія людей. Сравнивая христіанство съ языческими религіями, онъ находитъ лишь количественное превосходство перваго надъ вторыми: христіанство, по его словамъ, стоитъ выше прежнихъ религій только въ смыслѣ восполненія, поправки односторонностей болѣе раннихъ стадій религіознаго сознанія. Вообще Пфлейдереръ очень любитъ обращаться къ сопоставленіямъ различныхъ религіозныхъ ученій; жаль только, что въ его сопоставленіяхъ оказывается много оскорбительнаго для христіанскаго чувства, такъ что, по замѣчанію Эльстера, „церковная теологія должна отвергнуть ихъ, какъ профанацію христіанства.“⁴⁾ Весьма сдержанную и безпристрастную оцѣнку профессорской дѣятельности Пфлейдерера мы находимъ въ „Новой евангелической церковной газетѣ“. Отдавая полную справедливость его спекулятивному остроумію, его увлекательному изложенію, „Церковная Газета“ говоритъ далѣе: „Онъ умѣлъ расположить и привлечь къ себѣ студентовъ и у многихъ пробудить интересъ къ научнымъ занятіямъ и къ проблеммамъ новѣйшаго изслѣдованія. Но конечно другой вопросъ, способенъ

⁴⁾ «Zeitschrift f. kirchl. Wissenschaft u. Kirchl. Leben», 1885 г., III, стр. 153.

ли онъ воодушевить и приготовить своихъ слушателей къ тому сану, который проповѣдуетъ покаянное очищеніе. Низведеніе ученія Павла на степень частной теоріи, совершенно отличной отъ взгляда и намѣренія Христа, едва-ли способно согрѣть сердце (любовію) къ слову о Крестѣ“⁵⁾. Другой берлинскій профессоръ богословія, д-ръ Юлій Кафтанъ, совершенно изгоняетъ изъ области теологіи самое понятіе откровенія, принятое въ наукѣ, и всю христіанскую религію построитъ уже на чисто-натуральныхъ основаніяхъ⁶⁾. Послѣ этого, читатель, вообразите себѣ тѣхъ протестантскихъ кандидатовъ священства, которые со всѣмъ юношескимъ жаромъ слушали такихъ профессоровъ въ университетѣ и потомъ должны будутъ, въ качествѣ пасторовъ, выступить съ такими воззрѣніями предъ своими приходами!... Мы вполнѣ понимаемъ теперь то, когда *Натусій*, авторъ названной брошюры касательно „Спора изъ-за богословскихъ факультетовъ“ съ глубокой душевной горечью жалуется на профессоровъ, проповѣдующихъ предъ своими слушателями такіе взгляды, „которые совершенно невозможно высказывать въ обществѣ прихожанъ; которые нуждаются въ особенной терминологіи и аллегоризмѣ для того, чтобы сдѣлаться годными для церковной каеедры“. „И таковы, говорится далѣе въ той же брошюрѣ,—не только взгляды касательно богосыновства *Исуса Христа*, касательно *Его воскресенія* и т. д. Въ настоящее время есть профессора, которые религію истолковываютъ изъ *натуралистическаго принципа*, и сообразно съ этимъ всякое откровеніе, а слѣдовательно и всѣ особенности христіанства, какъ онъ доселѣ понимались въ церкви, выдаютъ за *ложныя* представленія“⁷⁾.

Спрашивается теперь, къ чему же можетъ повести такое направление теологической науки въ протестантскихъ университетахъ? Каковы послѣдствія такого преподаванія богословія? Безъ сомнѣнія, весьма возможны случаи, и при томъ нерѣдкіе, что многіе студенты теологическаго факультета, усвоившіе себѣ

⁵⁾ «Neue evangelische Kirchenzeitung», 1885, S. 93.

⁶⁾ «Das Wesen d. christl. Religion dargestellt von Dr. Julius Kaftan. Basel. 1881, S. 174.

⁷⁾ См. брош. «Wissenschaft und Kirche im Streite um die theologischen Fakultäten». Von Martin v. Nathusius. Heilbronn. 1886 г. S. 4.

взгляды такихъ учителей, примѣры которыхъ мы привели, поймутъ несомнѣстимость своихъ воззрѣній съ принятіемъ пасторскаго сана и изберутъ себѣ другое поприще въ жизни. Конечно и въ этомъ случаѣ они внесутъ свои анти-христіанскіе взгляды въ практическую жизнь общества; но все-таки, это меньшее изъ двухъ возможныхъ золъ. Однако такіе случаи далеко не заурядны. Большая часть студентовъ-теологовъ такъ или иначе принимаютъ на себя долгъ духовнаго руководства паствой. Что же тогда происходитъ? Здѣсь возможно одно изъ двухъ: или невѣріе будетъ проповѣдываться съ церковныхъ кафедръ, или „служители слова“ будутъ являться лжецами и лицемѣрами предъ своими прихожанами. Открытая проповѣдь невѣрія, и притомъ съ церковной кафедры, не желательна однако самимъ профессорамъ теологии. Такъ напримѣръ, упомянутый профессоръ Кафтанъ высказывается по этому поводу слѣдующимъ, конечно предумотрительнымъ и сдержаннымъ образомъ: „Эти проповѣдники все снова и снова ощущаютъ потребность излагать и оправдывать свою богословскую точку зрѣнія. Но такъ какъ эта точка опредѣляется отрицательнымъ отношеніемъ къ ортодоксальнымъ понятіямъ, то этого нельзя сдѣлать безъ богословской критики, которая точно столь же назидательна и столь же мало имѣетъ самостоятельной цѣны, какъ и всякая критика. Или безтактность въ нѣкоторыхъ, надѣмся, отдѣльныхъ случаяхъ заходитъ такъ далеко, что полу-скептическая болтовня (Räsonnement) объ основахъ всѣхъ религій, напримѣръ о вѣрѣ въ личнаго Бога, переносится изъ теологической аудиторіи въ церковь“^{*)}). Безъ сомнѣнія, иногда можетъ случиться и то, что консисторія протестантская, если только она сама ортодоксальна, постарается воспрепятствовать такого рода злоупотребленіямъ, кандидата на пасторскую должность, заподозрѣннаго въ антихристіанскомъ направленіи, объявить неспособнымъ и не допуститъ его до вступленія въ санъ. Но и въ такомъ случаѣ все-таки происходитъ новое затрудненіе, обнаруживающее внутреннее противорѣчіе протестантизма. Протестантскіе теологи *принуждены* искать себѣ подготовки къ духовному сану въ университетахъ. Спра-

*) См. брош. «Die Predigt des Evangeliums im modernen Geistesleben». Von Dr. Julius Kaftan. Basel. 1879. S. 38.

шивается: справедливо ли не допускать ихъ къ принятію сана, къ которому долженъ былъ приготовить ихъ университетъ, ради чего они и поступили въ университетъ,—если они вполнѣ усвоили тамъ взгляды и ученія своихъ наставниковъ, и значить, были вполнѣ дѣльными студентами? Съ своей стороны мы не можемъ осуждать пастора Натусія за то, что онъ, указывая въ своей брошюрѣ на плохое состояніе дѣлъ въ протестантскихъ приходяхъ, раздражается словами, написанными нѣкогда, хотя по другому поводу, Викентіемъ иоринскимъ: „*O mira rerum conversio! absolvuntur magistri, condemnantur discipuli!*“ Онъ кратко и мѣтко характеризуетъ то „странное положеніе, въ которомъ находится теперь евангелическое духовенство“. „Мы видимъ, говоритъ онъ, что евангелическій священникъ при принятіи сана предоставленъ возможности крайне сомнительнаго столкновенія. Съ нимъ можетъ произойти тоже, что съ офицеромъ, котораго судъ по оскорбленію чести сначала присуждаетъ, подъ страхомъ отставки, къ *дуем*, а потомъ, въ случаѣ его послушанія, другой судъ за противозаконное дѣйствіе отправляетъ въ крѣпость,—и то и другое во имя государства. И для теолога въ сущности это—одна и таже власть, приводящая его къ столкновенію, именно *государственное управленіе церквию*. Профессоровъ теологіи назначаетъ *министръ культа*, который при этомъ дѣйствуетъ во имя государства, и именно онъ есть то лице, чрезъ которое осуществляетъ свои епископскія права *государь страны*. *Евангелическій оберкирхенратъ* (высшій церковный совѣтъ), правда, даетъ свое мнѣніе при замѣщеніи богословской кафедры, но и онъ чрезъ законный приговоръ въ послѣдней инстанціи былъ признанъ государственнымъ присутствіемъ. И *консисторіи*, высшей инстанціей которыхъ въ Пруссіи опять-таки бываетъ или министръ культа или оберкирхенратъ, отрѣшаютъ отъ духовнаго сана учениковъ тѣхъ профессоровъ. Такимъ образомъ, государственное правительство церкви назначаетъ учителей богословія и оно же удаляетъ пасторовъ, которые слѣдуютъ тѣмъ учителямъ“^{*)}.

Дѣло, очевидно, не можетъ дольше оставаться въ такомъ положеніи, въ этомъ сходятся теперь всѣ протестантскія партіи.

*) См. брош. *Nathusius'a*, *Wiss. u. Kirche* и т. д., стр. 6.

Именно въ послѣднее время стали раздаваться со всѣхъ концовъ протестантской Германіи многочисленныя жалобы на бьющее въ глаза злоупотребленіе въ церковной жизни. Въ состояніи общаго недовольства такимъ положеніемъ дѣлъ, и не находя лучшаго выхода, нѣкоторые стали уже болѣе или менѣе открыто заявлять, что пусть бы ужъ теперь лучше сами прихожане воспитывали пастора, вмѣсто того, чтобы пасторъ воспитывалъ своихъ прихожанъ. Но такое заявленіе конечно свидѣтельствуется только о крайней степени той безнадежности, въ какую повергнуты теперь многіе руководители протестантства; оказать же дѣйствительную помощь больному организму протестантской церкви оно, очевидно, отнюдь не можетъ. Между тѣмъ нѣтъ недостатка и въ проектахъ средствъ къ устраненію удручающаго зла. Только нельзя не замѣтить прежде всего, что рекомендуемая для этого средства столь же діаметрально противоположны между собою, какъ и самыя тѣ партіи, отъ которыхъ они направляются. Для примѣра мы приведемъ здѣсь мнѣнія двухъ, взаимно противоположныхъ, партій современнаго германскаго протестантизма. Пользуясь названной выше брошюрой Натусія, который, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ быть названъ представителемъ *правотѣрныхъ* протестантовъ (*bibelgläubigen Protestanten*), мы можемъ въ такихъ чертахъ изобразить чаянія и стремленія этой партіи касательно даннаго вопроса ⁴⁰⁾: на первомъ планѣ партія ставитъ „интересъ церкви и церковнаго преданія“. Для церкви и въ ея сферѣ должно совершаться образованіе протестантскаго духовенства; сообразно съ этою цѣлію должны быть организованы и богословскіе факультеты. Въ этомъ направленіи партія ужъ въ 1875 г. ходатайствовала на *генеральномъ синодѣ* (*Generalsynod*) и затѣмъ повторяла свое ходатайство, клонившееся къ тому, чтобы изысканы были путь и средство къ устраненію существующаго недостатка въ организаціи богословскихъ факультетовъ. Средство это она указывала въ томъ, чтобы наиболѣе независимой церковной партіи, именно *синодамъ*, была предоставлена полная возможность положительнаго *вліянія на замѣщеніе богословскихъ кафедръ*.

Но этого проекта, естественно, не признаютъ, да и не могутъ

⁴⁰⁾ *Nathusius*, цитован. брош., S. 7 дал.

признать либеральные профессора теологии и поддерживающіе ихъ члены такъ называемаго „союза протестантовъ“ (*Protestantenverein*). Органъ, защищающій интересы этой партіи, „протестантская церковная газета“ (*Protestantische Kirchenzeitung*), всегда встрѣчала и встрѣчаетъ подобные пректы съ самой ѣдкой насмѣшкой и глумленіемъ: „съ какими только горько-сладкими, лицемѣрно-набожными минами, пишетъ эта газѣта, въ какихъ только повидимому набожныхъ, но всегда дышащихъ лишь проклятіемъ надъ невѣрными, словахъ жалуются наши благочестивцы, наши „правовѣрные“, наши высокіе и низкіе штунденгалтеры въ консисторіяхъ и въ глухихъ крестьянскихъ избахъ, на безбожность науки, на невѣріе профессоровъ! Какъ часто въ тихомолку вздыхается объ упраздненіи теологическихъ факультетовъ или по крайней мѣрѣ объ иной постановкѣ ихъ; да и не только вздыхается въ тихомолку, но и проповѣдуется бурный крестовый походъ!“ При этомъ, либеральная партія съ своей стороны указываетъ возможность избѣжать столкновеній, но только совѣмъ противоположнымъ путемъ, именно путемъ устраненія всѣхъ церковныхъ условій для пасторской службы. Она настаиваетъ, чтобы подготовка къ этой службѣ совершалась посредствомъ науки, но чтобы наука, какъ того требуетъ самое существо ея, была безусловно свободна. И эта свобода не должна имѣть никакихъ ограниченій также и въ религіозной области. Протестантизмъ высоко поднялъ знамя свободы изслѣдованія; пусть же и церковь не суживаетъ рамокъ этой свободы, проповѣдуетъ либеральная партія. Профессорамъ должно предоставить эту свободу въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Въ ярой защитѣ свободы науки противъ воображаемыхъ враговъ ея, либеральная партія заходитъ такъ далеко, что единственный контроль въ дѣлѣ церковнаго ученія желаетъ предоставить исключительно каждой отдѣльной церковной общинѣ. Если и могутъ быть установлены какія-либо условія касательно вѣроученія, то, по взгляду партіи, это можно предоставить развѣ только отдѣльной церковной общины, при назначеніи ей пастора. Это желаніе либеральной партіи уже въ 1875 году высказано въ еженедѣльной газетѣ „Im neuen Reich“, однимъ псевдонимнымъ ея сотрудникомъ, подъ которымъ заподозривали „извѣстнаго учителя церковнаго права“. „Быть можетъ, въ иномъ

мѣстѣ, думаетъ этотъ учитель, община будетъ довольствоваться скромной долей церковной дѣеспособности, напримѣръ — даже простою способностію къ совершенію литургическаго акта и прочтенія чужой проповѣди, и благо: государство не будетъ имѣть никакого права—воспрещать ей это... Точно также государство не имѣетъ права изъявлять претензію — опредѣлять на будущее время богословское направленіе членовъ церковной общины. Предпочитаетъ ли община ортодоксальнаго или либеральнаго священника; болѣе ли находить она удовольствія въ сильномъ языкѣ прежнихъ служебниковъ и проповѣдей, или ей болѣе нравится назидаться болѣе утонченнымъ и обработаннымъ языкомъ нынѣшняго образованнаго свѣта; требуетъ ли она отъ духовнаго отца вѣры въ ангеловъ и дьяволовъ, въ чудеса и въ возможность услышанія молитвы, или она предоставляетъ ему право толковать эти и другіе члены вѣры только въ смыслѣ аллегорическомъ и духовномъ: все это должно просто-на-просто предоставить всецѣло каждой отдѣльной общинѣ, или же вся болтовня о религіозной свободѣ есть пустое фразерство!⁴¹⁾

Опровергая требованія либеральной партіи, Натусій, представитель партіи церковной, говоритъ, что либералы взводятъ клевету на защитниковъ чистоты церковнаго вѣроученія. Тѣ требованія, которыя выражены были большинствомъ голосовъ въ прусскомъ генеральномъ синодѣ и другими представителями церковной партіи, по словамъ Натусія, „не заключаютъ ничего изъ тѣхъ ужасныхъ призраковъ“, которыя рисуются разстроенному воображенію „Протестантской Церковной Газеты“. Эти требованія ограничиваются лишь тѣмъ, чтобы церкви была предоставлена возможность контроля надъ преподаваніемъ богословія въ протестантскихъ университетахъ; чтобы церковь имѣла право оказывать положительное вліяніе на то, чтобы профессора богословія, дающіе образованіе будущимъ пасторамъ, сами тверды были въ той вѣрѣ, которую ихъ слушатели должны будутъ некогда проповѣдывать обществу вѣрующимъ. Такой контроль церковная партія желаетъ предоставить въ извѣстной законной формѣ представителямъ церкви въ консисторіяхъ или въ синодахъ, указывая, для подтвержденія справедливости своихъ тре-

⁴¹⁾ Ср. Allgemeine Evangelisch-lutherische Kirchenzeitung, 1875 г., s. 477.

бованій, на правовыя отношенія въ церкви католической, гдѣ епископамъ дано право положительнаго вліянія на замѣщеніе профессорскихъ кафедръ по Богословію. Такъ синоды западныхъ прусскихъ провинцій уже въ 1850 г. приняли заключеніе такого содержания: „такъ какъ въ университетахъ, посредствомъ богословскихъ факультетовъ, совершается образованіе учителей церкви, и слѣдовательно, церковь принимаетъ существенное участіе въ поставленіи этихъ учителей, то, по аналогіи съ существующимъ въ католической церкви правомъ, она (церковь) посредствомъ консисторіи и экзаменаціонной комиссіи оказываетъ дѣятельное соучастіе при назначеніи профессоровъ Богословія“¹²⁾. Въ частности церковная партія напоминаетъ о тѣхъ статутахъ католическихъ богословскихъ факультетовъ, по которому епископы уполномочиваются отвергать назначеніе на кафедру профессора, касательно богословскихъ воззрѣній котораго представляются основательныя сомнѣнія. Подобныхъ правъ и полномочій желаетъ партія отъ государства такъ же и для представителей протестантской церкви. И именно теперь наступило, по ея мнѣнію, время, когда на эти и подобныя требованія нужно напирать съ особенной силою. „Новѣйшій ходъ современныхъ событій, говорится въ брошюрѣ Натусія, особенно ясно напоминаетъ государству о таковыхъ обязанностяхъ. Только-что оно поставило себя въ новыя отношенія къ римско-католической церкви чрезъ окончаніе культурной борьбы. При этомъ этой церкви выпало на долю изъявленіе такого почета, какого никогда неможетъ ожидать для себя евангелическая церковь и на какой она даже и не претендуетъ; но ей также должны быть предоставлены льготы, которыя необходимо вызываюся сравненіемъ съ тѣмъ тѣснымъ союзомъ, въ которомъ все еще находится вернѣйшая подруга государства, евангелическая церковь“¹³⁾.

Мы не станемъ отрицать того, что желаніе церковной партіи въ протестантской Германіи—достигнуть контроля надъ преподаваніемъ Богословія въ университетахъ—вполнѣ естественно при нынѣшнихъ печальныхъ явленіяхъ въ церковной жизни протестан-

¹²⁾ Ср. «Stimmen aus Maria-Zaach». Katholische Blätter. 1886 г.; s. 562.

¹³⁾ *Nathusius*, Wissenschaft und Kirche im Streite um die theolog. Facultäten. S. 44.

стантовъ. Напротивъ, мы даже сочувствуемъ этому стремленію болѣе благомыслящихъ протестантскихъ богослововъ къ ограниченію такъ называемой „свободы„ научнаго преподаванія, которая на дѣлѣ переходитъ въ германскихъ университетахъ въ полную разнузданность слова и разрѣшается въ нескончаемый споръ и борьбу изъ-за личныхъ мнѣній, споръ, который дѣйствуетъ разлагающимъ способомъ на учащуюся молодежь. Мы вполне сочувствуемъ вѣрующимъ протестантамъ, когда они съ ужасомъ и оцѣпененіемъ останавливаются предъ высоко вздымающимися волнами невѣрія, которыя наводняютъ уже преподавательскія кафедры въ ихъ богословскихъ факультетахъ. Положеніе, дѣйствительно, критическое, и Натусій правъ, когда пишетъ: „никого нельзя осуждать за то, что онъ дѣлаетъ усилія остаться въ живыхъ. А для церкви это именно и есть вопросъ жизни, какъ образованы тѣ, которые служатъ въ ней словомъ“ ¹⁴⁾. Но и при всемъ этомъ сочувствіи, мы не можемъ не напомнить ревнителямъ евангелической церкви, что врядъ ли, съ протестантской точки зрѣнія, можно назвать послѣдовательнымъ — это стремленіе къ церковному контролю богословско-университетскаго преподаванія и это желаніе ограничивать и поставлять въ опредѣленные рамки пресловутую свободу богословскихъ ученій.

Церковная протестантская партія, какъ мы замѣтили выше, ссылается на практику замѣщенія богословскихъ кафедръ въ католическихъ богословскихъ факультетахъ; но спрашивается: по какому праву она это дѣлаетъ? Мы не защитники интересовъ католической церкви и думаемъ, напротивъ, что вообще внутренняя жизнь этой церкви идетъ по пути ложному, хотя и прямо противоположному протестанству. Но мы не можемъ не признать, съ другой стороны, того, что въ занимающемъ насъ вопросѣ католическая церковь остается логически послѣдовательной и вѣрной разъ принятому, хотя и ложно-христіанскому, направленію жизни; что практика ея въ рассматриваемой нами области логически вытекаетъ изъ разъ признанныхъ ею принциповъ. Разсмотримъ это дѣло ближе и обстоятельнѣе.

¹⁴⁾ Ibid. S. 13.

Католическіе епископы, дѣйствительно, такъ же и въ Пруссіи, какъ и вездѣ, пользуются правомъ законнаго вліянія на замѣщеніе преподавательскихъ каѳедръ въ католическихъ богословскихъ факультетахъ. Но слишкомъ далекая отъ того, чтобы трактовать это право въ смыслѣ милости, дарованной ей государствомъ, католическая церковь всегда твердо настаивала на томъ своемъ принципѣ, что по праву только ей одной и принадлежитъ завѣдываніе дѣломъ образованія своего клира, а слѣдовательно, также и выборъ годныхъ для этого дѣла наставниковъ и что, напротивъ, всякое соучастіе государства при выполненіи церковію этой своей обязанности должно и можетъ быть разсматриваемо только какъ привилегія, дарованная ему церковію. Идеаломъ въ этомъ отношеніи для католической церкви всегда были и остаются вполнѣ предоставленные вѣдѣнію епископовъ училища (семинаріи) съ полнымъ курсомъ философіи и богословія. По ученію католической церкви, епископы служатъ установленнымъ отъ Бога авторитетомъ, который имѣетъ охранять церковное вѣроученіе и слѣдить за его чистотой. Поэтому католическіе епископы никогда и ни подъ какими условіями не должны допускать, чтобы изучающіе богословіе получали свое образованіе отъ профессоровъ, ученіе которыхъ было бы вредно или опасно для католической вѣры. Въ сознаніи этого права и этой обязанности католическая церковь чрезъ своихъ епископовъ и оказываетъ свое положительное вліяніе при назначеніи профессоровъ богословія, оставаясь, очевидно, вполнѣ послѣдовательной съ своей точки зрѣнія.

Совсѣмъ не такъ бываетъ при назначеніи протестантскихъ профессоровъ богословія. Когда министръ культа (Cultusminister) замѣщаетъ профессорскія каѳедры въ богословскихъ факультетахъ протестантскихъ университетовъ, онъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ, конечно, въ качествѣ представителя государства, которому подлежатъ названныя учебныя заведенія; но по протестантскимъ понятіямъ, какъ было замѣчено выше, министръ культа есть вмѣстѣ съ тѣмъ лице, чрезъ которое государь страны приводитъ въ дѣйствіе свои церковныя права. Церковный режимъ въ протестантизмѣ еще со временъ Лютера находится исключительно въ рукахъ свѣтскаго правительства („князей“—„Fürsten“). „Князь“—Fürst—есть именно то лице въ протестантизмѣ,

которому или абсолютно или съ конституціонными ограниченіями принадлежитъ верховная правительственная власть также и въ церковныхъ дѣлахъ вѣроисповѣданія. Въ то время какъ церковь католическая верховнаго управителя церковными дѣлами сматриваетъ къ папѣ и въ непосредственно отъ него зависимыхъ епископахъ; протестанты, если хотятъ оставаться вѣрными своей столѣтне-древней церковной практикѣ, должны всецѣло подчиняться въ дѣлахъ церковнаго режима королевскому авторитету. Иного авторитета для нихъ не существуетъ и не должно существовать по духу ихъ вѣроисповѣданія. Если монархъ, при выполненіи своихъ „коронныхъ правъ въ церкви“ („*circhliche Hoheitsrechte*“), пользуется совѣтомъ или содѣйствіемъ тѣхъ, которые кажутся способными къ этому; то это, безъ сомнѣнія, совершенно въ порядкѣ вещей, и дѣйствительно, напримѣръ, при назначеніи протестантскихъ профессоровъ богословія въ Пруссіи, *свѣтлицескій оберкурхенратъ* только даетъ свое мнѣніе. Но требованіе, чтобы именно синодальнымъ представителямъ было предоставлено вліяніе, и при томъ опредѣляющее вліяніе, на замѣщеніе богословскихъ кафедръ, очевидно, выходитъ уже за предѣлы какъ фактическихъ, такъ и юридическихъ отношеній въ протестантствѣ. Во всякомъ случаѣ, если протестантскіе синоды и желаютъ достигнуть для себя такого вліянія, то, по нашему мнѣнію, имъ никоимъ образомъ нельзя ссылаться, для подтвержденія законности своихъ притязаній на практику въ католическихъ университетахъ; менѣе счастливаго подтвержденія въ данномъ случаѣ, чѣмъ эта ссылка на права католическихъ епископовъ, мы не можемъ и придумать. Связанные папою, католическіе епископы, какъ было замѣчено, по самой вѣрѣ католической, признаются богоустановленными, высшими авторитетами учительства, которые обязаны строго наблюдать за чистотой вѣроученія. Но чтобы въ протестантизмѣ подобный авторитетъ касательно ученія вѣры присуць былъ синодамъ или какому бы то ни было иному представительству, этого, конечно, не станеть утверждать ни одинъ протестантъ. Какъ епископы католическіе перестали бы быть таковыми, еслибы захотѣли отказаться отъ упомянутыхъ своихъ правъ и обязанностей касательно церковнаго ученія, такъ точно и тотъ перестаетъ быть протестантомъ, кто приписываетъ подобныя же права и обязанности протестантскимъ синодамъ.

Однако, возражаютъ ортодоксальные протестанты, и мы также имѣемъ право на сохраненіе въ чистотѣ нашего вѣроученія. Или мы должны спокойно взирать на то, что профессора богословія извращаютъ своими толкованіями историческіе факты, на которыхъ церковь основываетъ свою вѣру; что они проповѣдуютъ въ своихъ лекціяхъ пантеистическіе взгляды; что они признаютъ уже лишь какого-то мертвого Христа, какого-то, погрязшаго въ матеріи и скованнаго законами своего развитія, Бога; что они отрицаютъ дѣйствительность всякой молитвы къ живому Богу и всякое личное безсмертіе? А между тѣмъ сохраненіе чистоты вѣроученія для насъ ничѣмъ не можетъ быть застраховано, если при назначеніи профессоровъ богословія не имѣютъ права сказать свое рѣшительное слово даже тѣ, которые болѣе всего желаютъ и болѣе всего способны стоять за неповрежденность ученія ¹⁵⁾.

Но мы спросимъ прежде всего такихъ ревнителей протестантской вѣры: какое же это—„чистое ученіе“, и гдѣ его можно отыскать, или какъ опредѣляется оно въ протестантизмѣ? Подразумѣвается ли при этомъ ученіе Лютера? Но кто же изъ протестантовъ исповѣдуетъ еще и понинѣ полное ученіе Лютера? Чтобы оставаться конкретнѣе, достаточно привести хотя ~~одну~~ одинъ примѣръ. Какъ извѣстно, Лютеръ только оправданіе единственно чрезъ вѣру признавалъ „*primus et principalis articulus*“ („первымъ и главнымъ членомъ“ вѣры) и говорилъ, обращаясь къ своимъ послѣдователямъ: „отъ сего члена нельзя отступать или отречься, хотя бы не оставалось ни небо, ни земля, ничто. На семь членѣ стоитъ все, чему мы учимъ и чѣмъ мы живы противъ папы, діавола и міра. Посему мы должны быть совершенно увѣрены въ немъ и не сомнѣваться; иначе все потеряно, и папа, и діаволь, и всѣ одерживаютъ побѣду надъ нами и остаются правы противъ насъ“ ¹⁶⁾ И однако, несмотря на такую настойчивость своего первоучителя, нынѣшнее протестанты, можно сказать, измѣнили и этому члену своего вѣроисповѣданія. Мы подразумѣваемъ именно новѣйшіе протестантское богословіе, которое совершенно и сполна отвергаетъ люте-

¹⁵⁾ *Nathusius*, цитов. брош., S. 14 и 16.

¹⁶⁾ *Schmalkaldische Artikel*. Th. 2. Art. 1 Ausgabe von Köthe. S. 219.

ровское учение объ оправданіи. На это печальное обстоятельство указывалъ протестантскому богословію уже Шнеккенбургеръ, при чемъ онъ замѣчаетъ, что между новѣйшими богословами—писателями, быть можетъ, можно таки указать хотя одного такого, который остался еще вѣренъ древнелютеранскому учению¹⁷⁾. Но если такова судьба этаго „articulus stantis et cadentis ecclesiae“¹⁸⁾, то не могутъ ли противопоставить нашему взгляду прочее содержаніе символическихъ книгъ? Но мы спросимъ: у многихъ ли изъ протестантовъ символическія книги пользуются теперь авторитетомъ? Кто же въ настоящее время серьезно считаетъ себя обязаннымъ—подчиняться въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ ученія требованіямъ этихъ книгъ? Объективной нормы вѣроученія въ настоящее время не существуетъ для протестантизма, она замѣнена тамъ свободой, чтобъ не сказать—произволомъ, субъективныхъ воззрѣній.

Впрочемъ, если говорить правду, то въ протестанствѣ и никогда строго не думали объ объективномъ вѣроисповѣданіи и никогда не придавали ему большой важности. Да и могло ли быть иначе? Разъ только право свободнаго изслѣдованія Св. Писанія было возведено въ принципъ, всякія ограниченія въ области вѣроученія должны были пасть сами собою. И еслибы символическія книги попытались провести какія-либо границы для свободнаго изслѣдованія, то это, безъ сомнѣнія, было бы прямымъ противорѣчіемъ указанному принципу. И если безъ ограниченій нельзя было обойтись при извѣстныхъ историческихъ обстоятельствахъ, если такія или иныя ограниченія свободы вѣроученія были неизбѣжны въ исторіи протестантизма, то это

¹⁷⁾ Vergleichende Darstellung des Lutherischen und reformatorisch. Lehrbegriffes. Herausgegeben. von Güder. Stuttgart 1852. Bd. II. S. 38—45.

¹⁸⁾ Т.-е. члена Вѣры, съ существованіемъ *ѿ* съ уничтоженіемъ котораго существуетъ и падаеть церковь протестантская. *Климъ*, въ Real-Encyklopedie für protest. Theologie und Kirche, Bd. XII, S. 582, такъ выражается о значеніи этого члена: «Учение объ оправданіи, и притомъ объ оправданіи вѣроу и только единственно вѣроу, есть тотъ членъ, въ которомъ реформація 16 столѣтія, особенно нѣмецко-лютеранская, признавала свой центръ, свой драгоцѣннѣйшій черлъ⁴ свою собственную субстанцію. Оно называлось articulus stantis et cadentis ecclesiae—такимъ, съ которымъ стоитъ и подаетъ евангелическое, на Евангелии основанное, христіанство.

значить, что онъ съ самаго начала носилъ въ себѣ зерно внутренняго разлада и внѣшняго разложенія. Поэтому-то и исторія протестантскаго богословія, дѣйствительно, представляетъ намъ картину безконечныхъ несогласій, такую путаницу взаимно противорѣчащихъ себѣ и опровергающихъ другъ друга мнѣній, больше которой едва ли можно встрѣтить въ философіи послѣднихъ вѣковъ. Ученый авторъ весьма интересной книги: „Церковь или протестантизмъ“¹⁹⁾ удачно замѣчаетъ на этотъ счетъ: „исторія протестантизма есть исторія того младшаго сына въ Евангеліи, который съ непокорствомъ и спѣсиво ушелъ изъ стараго родительскаго дома и на чужбинѣ мало-по-малу растерялъ свое отцовское наслѣдство. Какъ несправедливо и вредно для спасенія было—оставлять древній, прекрасный домъ матери церкви и на мѣсто Богомъ учрежденнаго авторитета поставять духъ чловѣческихъ воззрѣній и чловѣческаго произвола,—это уже много разъ доказывалъ ходъ исторической жизни протестантизма поистинѣ трагическимъ и плачевнымъ образомъ, да еще показываетъ и донинѣ. Хотя славный ученикъ Шлейермахеровскаго „посредствующаго богословія“, *Дорнеръ*, въ своей „исторіи протестантскаго богословія“, столько растратилъ остроумныхъ концепцій и ослѣпительныхъ фразъ, чтобы всѣ внѣшнія и внутреннія противорѣчія,—въ которыя такъ-называемый протестантскій принципъ вѣры въ продолженіе трехъ вѣковъ запутывался такъ, какъ это очень рѣдко удается,—представить и возвеличить какъ принципиальное развитіе и раскрытіе христіанства; но все-таки логическіе промахи и нехристіанскій характеръ протестантизма ясно проглядываютъ изъ каждаго отдѣла его книги“.

Такъ говоритъ католикъ, и мы, хотя совсѣмъ не сочувствуемъ католицизму, все-таки должны сознаться, что въ подлежащемъ вопросѣ католики стоятъ на почвѣ твердой и во всякомъ случаѣ — ясной и положительной. Они ни на одну минуту не стануть въ тупикъ, когда ихъ спрашиваютъ, во что они вѣрують? Они могутъ сказать, что они вѣрують во все,

¹⁹⁾ Полное заглавіе книги таково: «Kirche oder Protestantismus? Dem deutschen Volke zum vierhundertjährigen Lutherjubiläum gewidmet von einem deutschen Theologen. Dritte, neu durchbearbeitete und vielfach vermehrte Auflage der Schrift: Das Luthermonument im Lichte der Wahrheit. Mainz. 1883.

чему вѣрить учить католическая церковь, которую они считают Богомъ установленною учительницею народовъ. Католикъ, слѣдовательно, надѣляется право церкви на учительство высшимъ, божественнымъ авторитетомъ. Онъ признаетъ, что самъ Богочеловѣкъ Иисусъ Христосъ надѣлилъ церковь этимъ правомъ, когда говорилъ апостоламъ и ихъ законнымъ преемникамъ: „идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (Мѡ. 28, 19). Правда, этотъ преемственный авторитетъ церковнаго учительства для нынѣшняго католика всецѣло совмѣщается въ лицѣ папы, который своею личностію заслоняетъ для католика авторитетъ *вселенской церкви*. Это, конечно, — заблужденіе, внесенное въ католицизмъ уже чисто-человѣческими, мірскими соображеніями и притязаніями. Но и при этомъ заблужденіи, католикъ имѣетъ значительное преимущество предъ протестантомъ, потому что въ лицѣ папы, совмѣщающемъ для него высшій авторитетъ церкви, онъ имѣетъ твердую и во всякомъ случаѣ—*опредѣленную* опору церковнаго учительства, какой совсѣмъ нѣтъ для протестанта. Заблужденіе католика, слѣдовательно, состоитъ не въ отрицаніи опредѣленнаго авторитета церковнаго вѣроученія, а лишь только въ перенесеніи этого авторитета съ *церкви вселенской* на *одну* личность на землѣ. Значитъ, католикъ не только не можетъ отказаться искать гдѣ-либо свое опредѣленное вѣроисповѣданіе, а напротивъ, всегда можетъ найти оное въ учительствѣ папы. Это присутствіе въ католичествѣ одного опредѣленнаго источника церковнаго учительства и составляетъ прямую противоположность католичества съ протестантизмомъ, гдѣ совсѣмъ не достаетъ такого источника.

Протестанты, поставивъ на мѣсто *непогрѣшимаго* авторитета ²⁰⁾ церковнаго учительства принципъ *свободнаго изслѣдованія* Св. Писанія, тѣмъ самымъ одинъ разъ навсегда отреклись отъ единства ученія или лучше сказать—обрекли это единство на неминуемую гибель. Зачѣмъ же искать то, что потеряно безвозвратно? или лучше сказать — зачѣмъ искать эту потерю тамъ, гдѣ ее невозможно отыскать? Пусть сколько угодно сѣтуетъ и жалуется ортодоксальная партія въ протестантизмѣ на то, что

²⁰⁾ *Непогрѣшимый* авторитетъ учительства, который, безъ сомнѣнія, ошибочно перенесенъ въ католицизмѣ на папу, принадлежитъ только всей *вселенской* церкви, какъ это исповѣдуетъ церковь вселенская и католическая.

принципъ свободнаго изслѣдованія произвелъ страшныя опустошенія въ протестантскихъ вѣроисповѣданіяхъ, пусть громко раздастся изъ ея среды отчаянный вопль, что проникновеніе невѣрія въ самыя святилища науки и образованія будущихъ руководителей протестантскихъ общинъ должно наполнять патриотическія сердца нѣмцевъ страхомъ тяжкой отвѣтственности за религіозную жизнь нѣмецкаго народа: эти жалобы и вопли въ состояніи вызывать искреннее сочувствіе не у однихъ протестантовъ и не у однихъ нѣмцевъ, — но самому дѣлу они не помогутъ, зла не искоренятъ. Партія, выразителемъ которой является Натусій въ своей, разсматриваемой нами, брошюрѣ, хочетъ достигнуть невозможнаго, стараясь установить единство церковнаго ученія, и притомъ въ „существеннѣйшихъ“ („wesentlichsten“) его пунктахъ, во всѣхъ протестантскихъ церковныхъ общинахъ. Никакія средства не возстановятъ нарушеннаго единства вѣроисповѣданія тамъ, гдѣ отрицается всякій высшій непогрѣшимый [авторитетъ церковнаго учительства или лучше сказать, гдѣ такимъ авторитетомъ въ принципѣ признано *лично* мнѣніе и пониманіе каждаго вѣрующаго.

Натусій, какъ и вообще представляемая имъ партія, самъ чувствуетъ, что желаніе ихъ не мирится съ протестантской точкой зрѣнія; что для того, чтобы ученіе протестантскихъ профессоровъ богословія на самомъ дѣлѣ было контролируемо какимъ-либо церковнымъ присутствіемъ, хотя бы напримѣръ, генеральнымъ синодомъ, какъ „самыми компетентными въ этомъ дѣлѣ устами церкви“, необходимо навсегда разстаться съ излюбленнымъ принципомъ свободы личныхъ толкованій Св. Писанія. Поэтому-то представители этой партіи ничего не хотятъ знать ни объ „опредѣленныхъ постановленіяхъ и параграфахъ“, которые бы опредѣляли границы церковной вѣры, ни о какой бы то ни было инстанціи, которая бы имѣла надзоръ за точнымъ соблюденіемъ этихъ границъ. Поэтому-то и Натусій, приводя выраженіе Гофмана, что „богословіе, которое въ своей дѣятельности подчинено было бы церковному режиму, продало бы свое высокое прозваніе—служить Христу и этою цѣною купило бы себѣ долгъ человѣческаго холопства“, находитъ оное „удачнымъ выраженіемъ общей евангельской точки зрѣнія“. Поэтому-то онъ считаетъ нужнымъ пояснить отъ лица своей партіи: „для обезпеченія соблюденія границъ евангелическаго ученія, мы ищемъ

не какихъ-либо учреждений охранительныхъ, но лишь извѣстныхъ правилъ при постановленіи академическихъ наставниковъ.“ Но строго понимая дѣло, не есть ли уже это желаніе непосредственность съ лютеранской точки зрѣнія? Не стѣсняется ли фактически свободное изслѣдованіе уже этими „правилами“? Да и правду сказать, изъ всей брошюры Натусія невидно, чтобы партія его твердо была увѣрена въ полезности этихъ „правилъ“. Дѣйствительно непонятно, какъ можно ожидать хорошаго успѣха въ обезпеченіи нерушимости вѣрученія отъ какихъ-либо мелочныхъ правилъ, ничтожныхъ формальностей при избраніи профессора на богословскую кафедру, когда за нимъ сохраняется полная свобода изслѣдованія своего предмета? Да и кто станетъ ручаться за то, что даже съ примѣненіемъ „извѣстныхъ правилъ“, для избранія на кафедры будутъ постоянно попадаться только лица, которыя доселѣ не подавали никакого повода къ сомнѣніямъ на счетъ ихъ религіозныхъ мнѣній? Еслибы даже генеральный синодъ, самъ строго вѣрующій, серьезно выполнялъ свои права касательно выбора профессоровъ на богословскія кафедры, то все-таки, какъ мы уже знаемъ со словъ самого Натусія, послѣднее рѣшеніе выбора находится не въ его власти. Но допустимъ, что усилія этого учреждения въ выборѣ профессоровъ имѣли бы успѣхъ, и тогда все-таки можетъ произойти случай, который обратитъ въ иллюзію эти усилія. Натусій также не выпускаетъ изъ вниманія этого случая, потому что какъ достаточно уже доказалъ опытъ, такіе случаи происходятъ въ протестантскомъ богословскомъ мірѣ очень часто. Именно, легко можетъ статься, что уже избранный и назначенный профессоръ въ послѣдствіи окажется невѣрующимъ. На такой именно случай намекаетъ Натусій, когда говоритъ, что „въ послѣдствіи доцентъ оказывается совсѣмъ не такимъ, за какого его принимали или что онъ *внутренно* развивается въ такомъ направленіи, которое приводитъ къ серьезнымъ столкновеніямъ съ евангелическимъ ученіемъ“. Конечно, въ такомъ случаѣ должно быть что-либо предпринято со стороны генеральнаго синода, или какъ говоритъ Натусій, должно „что-либо произойти“. Но что же? Потребовать, чтобы такой профессоръ былъ отрѣшенъ отъ кафедры? Этого, безъ сомнѣнія, могутъ желать въ тихомолку, пусть даже такъ и случится въ концѣ-концовъ; все-

таки, выражать такое требованіе громогласно—значило бы открыто и рѣзко заявить несочувствіе и порицаніе противъ столь превозносимаго принципа свободнаго изслѣдованія. Или запретить студентамъ богословскаго факультета посѣщать и слушать лекціи такого профессора? Но вѣдь это было бы только окольнымъ путемъ похода противъ той же пресловутой свободы изслѣдованія; затѣмъ не значило ли бы это „бить по карману“ свободнаго изслѣдователя, вмѣсто борьбы съ нимъ на полѣ свободной науки? Мы уже не говоримъ о томъ, что въ протестантизмѣ даже не существуетъ авторитета, который могъ бы издать помянутое запрещеніе, да врядъ ли и у студентовъ нѣмецкихъ, привыкшихъ къ полной свободѣ научно-богословскаго изложенія догматовъ вѣры, можно будетъ предположить добровольную склонность — послѣдовать такому запрещенію. Натусій, какъ представитель партіи, надвѣвающейся найти спасеніе противъ удручающаго зла въ сферѣ самаго протестантизма, напрягаетъ все силы къ тому, чтобы выбраться изъ крайне непріятнаго и затруднительнаго положенія; онъ, какъ утопающій хватается за соломенку, принимается за все, что повидимому подаетъ хотя малѣйшую надежду на спасеніе, и все-таки, въ концѣ-концевъ, ему приходится въ полномъ недоумѣніи развести руками и сдѣлать изъ себя вопросительный знакъ... Въ такомъ именно смыслѣ мы и можемъ только объяснить мѣру, рекомендуемую Натусіемъ въ заключеніе всего, именно, чтобы „церковнымъ органамъ было предоставлено въ согласіи съ прочими академическими наставниками входить въ соглашеніе съ министромъ культа“ касательно того, чтобы невѣрующихъ профессоровъ богословія „надлежащимъ образомъ переводить изъ богословскаго на философскій факультетъ“. Но поможетъ ли это горю?...

Но самое вопіющее противорѣчіе, заключающееся въ стремленіи протестантской ортодоксальной партіи своими домашними средствами побороть врага, состоитъ именно въ томъ, что вообще требуютъ соблюденія границъ, которыя, по самому существу протестантизма, не были, да никогда и не могутъ быть проведены.

Ясно слѣдовательно, что протестантская точка зрѣнія, по существу своему, сама дѣлаетъ невозможнымъ—противопоставить злу какія-либо дѣйствительныя и сильныя преграды, несмотря

на всю важность переживаемого кризиса. Мы и теперь конечно скажемъ отъ себя, что съ своей стороны мы отнюдь не въ состояннн злорадствовать наступленю этого кризиса, хотя бы то и въ протестантствѣ. Напротивъ, мы съ горечью, и только подь вліаніемъ неотразимыхъ фактовъ, должны признать, что невѣріе и антихристіанскій духъ широкой волной разливаются теперь въ протестантскихъ богословскихъ факультетахъ, и это наводненіе, безъ всякаго сомнѣнн, причисляется къ самымъ печальнымъ явленіямъ нашего времени. Страшно подумать, что будетъ съ протестантскими приходами, если тѣ, которые предназначаются быть пастырями ихъ, вмѣсто того, чтобы подготавливаться къ проповѣдничеству Евангелія, окажутся научно-образованными приверженцами и апостолами невѣрн?! Вмѣсто того, чтобы высоко и твердо держать въ народѣ знамя вѣры и христіанства, они будутъ только расшатывать и подрывать тѣ христіанскія воззрѣнн, которыя такъ или иначе еще сохраняются среди вѣрующнхъ протестантовъ. И эта разрушительная дѣятельность невѣрн, безъ сомнѣнн, можетъ причинять вредъ не одному только протестантизму, она можетъ хватать и далеко за предѣлы этого вѣроисповѣданія. Дѣйствительно, невѣріе это часто объявляетъ войну противъ основныхъ истицъ всякой религн: бытіе Божіе и безсмертіе души подвергаются сомнѣню, отрицаню, а иногда и ѣдкому глумленю. И такое-то невѣріе часто проповѣдуется теперь открыто, съ самихъ профессорскихъ кафедръ въ протестантскихъ богословскихъ факультетахъ. Въ этомъ весь ужасъ положенія, которое поэтому вызываетъ всѣхъ къ *всеобщей* помощи и оборонѣ...

Самъ протестантизмъ конечно болѣе всего обязанъ изыскивать средства обороны; но онъ не въ состоянн. Его собственная природа и существо осудили его здѣсь къ полному безсилю и банкротству. Не слѣдуетъ ли поэтому благомыслящнмъ протестантамъ подумать о помощи *изъ-за предѣловъ* ихъ собственного вѣроисповѣданія.

С. А. Б.

НЕДУГИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ:

СПИРИТИЗМЪ, АТЕИЗМЪ И ТОЛСТОВЩИНА.

Рѣчь сказанная при выпускѣ воспитанницъ училища Ордена Св. Екатерины, 29-го мая 1887 года.

«Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные. По плодамъ ихъ узнаете ихъ» (Матѳ. VII, 15—16).

Такъ говорилъ Спаситель въ концѣ Своей нагорной бесѣды, въ которой, какъ извѣстно вамъ, изрекъ Онъ сущность новозавѣтнаго нравственнаго закона.

Должно быть недостаточно только разъ преподавать какое-либо ученіе, а нужно еще позаботиться о его сохраненіи учениками во всей чистотѣ, а равно и о точномъ выполненіи преподаннаго въ будущемъ. Не таковъ ли смыслъ приведенныхъ словъ Спасителя?—Онъ не довольствуется тѣмъ, что со всею ясностію разъ научилъ Своихъ учениковъ волю Отца небеснаго, но заботливо устремляетъ Свой божественный взоръ впередъ, въ будущее, когда ученики Его останутся одни, безъ видимаго руководства Своего Учителя. И что же предвидитъ Онъ?—Онъ предвидитъ явленіе среди Своихъ учениковъ—лжепророковъ, т.-е. лжеучителей, которые, имѣя хищную волчью натуру, т.-е. будучи исполнены злыхъ и хитрыхъ цѣлей, будутъ однако же казаться кроткими овцами, конечно для того, чтобы съ большимъ успѣхомъ уловлять въ сѣти своего лжеученія учениковъ Христовыхъ. „Берегитесь ихъ“, предостерегаетъ Христосъ.

Точно также поступилъ и ап. Павелъ, прощаясь съ ефесскими пастырями: „я знаю, говорилъ онъ имъ, что по отшествіи моемъ, войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада; и изъ васъ самихъ встанутъ люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь учениковъ за собою. По сему бодрствуйте!“ (Дѣян. XX, 29—41).

Прощаясь нынѣ съ вами, моими ученицами по Закону Божию, прощаясь вѣроятно навсегда, по крайней мѣрѣ съ большинствомъ изъ васъ,—я однакоже долженъ признаться вамъ, что думалъ и думаю не столько о настоящей минутѣ разлуки съ вами, сколько о вашемъ будущемъ... Чувствую, что мысль моя какъ-то невольно бѣжитъ впередъ и слѣдитъ по тѣмъ жизненнымъ путямъ, на которые вы вступаете, и при этомъ неотвязчиво ставится вопросъ: что будетъ съ вами? Останетесь ли такими, какими я зналъ васъ до сихъ поръ, или измѣнитесь до неузнаваемости въ своемъ нравственномъ обликѣ? Будете-ли на вашемъ пути вѣрны тѣмъ „глаголамъ жизни“ (Дѣян. V, 20), которые внушались вамъ здѣсь по руководству Евангелія, ученія апостоловъ и церкви православной, или все это забудете и бросите, какъ скучную рутину и „казенную мораль“, а вмѣсто того преклоните свои колѣна предъ вааломъ, золотымъ тельцомъ и иными богами, которыхъ отрекомендуетъ вамъ жизнь, какъ настоящихъ и достойныхъ поклоненія боговъ?...

Въ виду этихъ важныхъ вопросовъ будущаго, и по примѣру Господа нашего І. Христа и Его апостола, и я вамъ на прощанье говорю: „берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные... бодрствуйте!“

Но можетъ быть напрасны мои опасенія и предостереженія, и въ будущемъ, какъ и доселѣ, не грозятъ никакія опасности ни вашей вѣрѣ, ни вашей нравственности?

Кто знакомъ съ современнымъ броженіемъ умовъ и съ характеромъ міросозерцанія извѣстной части русскаго образованнаго общества, т.-е. того общества, въ которое вы вступаете и къ которому принадлежите по своему происхожденію и воспитанію,—тотъ согласится, что мои опасенія не напрасны...

Въ странное время мы живемъ: всѣ сознаютъ и чувствуютъ, что какая-то невидимая, но могучая рука времени сдвинула насъ

съ отцовскаго фундамента, съ тѣхъ крѣпкихъ основъ, на которыхъ твердо покоилась и развивалась цѣлая вѣка св. Русь православная. Будучи сдвинуты съ фундамента, и давненько уже, мы успѣли почувствовать и то, что намъ не ловко, что мы висимъ на воздухѣ и колеблемся. И вотъ, въ то время, какъ одни снова тяготѣютъ къ роднымъ для сердца, хотя и старымъ, отцовскимъ преданіямъ, желая и надѣясь выйти изъ своего неловкаго положенія и успокоиться сердцемъ, — другіе ни за что этого не хотятъ и все рвутся куда-то на чужбину, на „страну далече“, думая найти тамъ новые интересы, новые основы, но вмѣсто того, какъ и слѣдуетъ ожидать, попадая въ болото и тряспу... Такое безпокойное броженіе умовъ и погоня за новизной во всемъ, не исключая и религіозной сферы, — кружить головы, сбиваетъ русскій умъ съ здравыхъ путей, и современное поколѣніе стало похоже на капризныхъ, нервныхъ дѣтей, которыя, подъ вліяніемъ сильнаго волненія, не видятъ и не понимаютъ своей пользы; — или — на гастронома съ необыкновенно тонкимъ и извращеннымъ вкусомъ, которому поэтому нравятся не простая и здоровая пища, а гнилая и нездоровая, но непременно приправленная пряностями, съ какимъ-нибудь рѣзкимъ и острымъ вкусомъ и запахомъ. Многимъ современнымъ людямъ, подобно гастрономамъ, уже не хочется жить и вѣрить такъ, какъ жили и вѣрили наши предки: это очень просто и старо. Нельзя ли изобрѣсти такую вѣру или такое міровоззрѣніе, которое бы дало сердцу и волѣ побольше простора, а уму что нибудь новое, нельзя ли „непонятное понять, недоступныхъ, сокровенныхъ ощущеній испытать“ (Фаустъ). Отъ чего бы и не такъ? Нынѣ все сочиняютъ, отъ чего же не сочинить и вѣру, лишь бы она приходилась по вкусу современныхъ людей. И вотъ, для примѣра, изобрѣтательница Америка наградила Европу, а въ томъ числѣ и насъ, такъ-наз. „спиритизмомъ“, который есть ни что иное въ дѣлѣ вѣры, какъ именно гастрономическое блюдо, вполне рассчитанное на современный вкусъ тѣхъ людей, которые хотя и склонны къ вѣрѣ, но жаждутъ новизны и сильныхъ ощущеній, готовы промѣнять истинную, но старую вѣру, на нелѣпое, за то новое суевѣріе. Ибо что такое спиритизмъ? — Спиритизмъ (отъ spiritus — духъ: вѣра въ явленія и откровенія духовъ или по просту — мертвецовъ) есть дѣйствительно „суевѣріе“, но чрез-

вычайно серьезнаго свойства. Это своего рода болѣзнь, болѣзнь нашего вѣка и дѣйствуетъ эпидемически на подобіе средневѣковыхъ повальныхъ галлюцинацій, съ тою разностію, что тѣ охватывали толпы простыхъ людей, а спиритизмъ проникаетъ въ высшіе классы, охватываетъ интеллигенцію и полубразованный людъ. Число спиритовъ на земномъ шарѣ, говорятъ, въ настоящее время доходитъ до 20 милліоновъ. Конечная цѣль и мечта спиритизма состоитъ въ томъ, чтобы стать „мировой религіей“, которая должна вытѣснить не только языческія религіи, но и христіанскую и въ то же время произвести коренное и всестороннее преобразованіе человѣческаго рода въ религіозно-соціальному отношеніи. Такимъ образомъ спиритизмъ есть явленіе религіозно-соціальное и одинаково грозитъ какъ церкви христіанской, такъ и государству,—явленіе тѣмъ болѣе опасное, что для своей прививки къ обществу оно не требуетъ, чтобы люди сразу забыли и отрѣшились отъ наслѣдованныхъ порядковъ, представленій и вѣрованій; напротивъ, оно повидимому готово уживаться со всякими вѣрованіями, особенно съ христіанскимъ,—никого не стѣсняя и потрафляя вкусу каждаго, и только исподволь и слегка поселяя въ однихъ—болѣе равнодушныхъ—простое любопытство и желаніе испытать новое чувство и настроеніе, въ другихъ—людяхъ скептическихъ—легкое сомнѣніе, въ третьихъ—полувѣрующихъ и подчасъ набожныхъ—простой мистицизмъ (вѣру въ таинственное), способный подогрѣть сердце и дать отраду въ жизни, особенно среди тяжелыхъ обстоятельствъ и близости смерти. Въ этой податливости и таинственности обстановки, обѣщающей проникнуть за предѣлы гроба и заключается вся сила обаянія спиритизма, а въ то же время и вся опасность его для нашего времени, столь легкомысленнаго и индифферентнаго въ дѣлѣ вѣры.

Но человѣкъ, попавшій, какъ бы въ шутку и ненарочно, въ ловушку спиритизма, въ концѣ концовъ долженъ отречься отъ всей сущности христіанства; ибо спиритизмъ, попраждая христіанскую догматику, учитъ, что хотя Богъ есть, но Онъ не тронченъ въ лицахъ, Сынъ Божій не воплощался, грѣхопаденія не было, а слѣдовательно не нужно и искупленіе; ученіе объ адѣ, о воздаяніи пригодно только для легковѣрныхъ; І. Христосъ хотя историческое лице, но долженъ быть поставленъ въ одинъ

рядъ съ Буддой, Моисеемъ, Магометомъ и другими основателями религій. Хотя чудеса Его дѣйствительны, но Онъ былъ не болѣе какъ великій „медіумъ“ своего времени и не отличается отъ медіумовъ нашихъ дней. Мира ангельскаго нѣтъ, а есть міръ духовъ или душъ умершихъ людей, съ которыми живые люди могутъ вступать въ общеніе чрезъ посредство медіумовъ, т.-е. людей одаренныхъ особенно для этого способностью и воспримчивостью. Церковно-христіанскія учрежденія: священство, богослуженіе, обряды, таинства,—все это должно рухнуть само собой и очистить мѣсто для спиритизма. А послѣдній введетъ новыя богослужебныя формы, сокративъ ихъ до *minimum*—а, который называется *вопрошаніемъ духовъ* и право на это вопрошаніе принадлежитъ всякому—каждой семьѣ, каждому кружку друзей. Такимъ образомъ новая вѣра въ принципѣ отвергаетъ церковь и церковность и проповѣдуетъ индивидуальную вѣру и личную разработку догматовъ,—значитъ—полный рационализмъ и индифферентизмъ.

Вмѣсто всякаго богослуженія спиритизмъ практикуетъ вечернія собранія, такъ-называемыя „сеансы“. Посредствомъ этихъ сеансовъ, сущность которыхъ составляютъ откровенія духовъ, спиритизмъ надѣется вывести человѣчество изъ мрака и умственной бѣдности, обогативъ и осчастлививъ его великими открытіями и истинами. Но что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ?—Не смотря на 50-лѣтнее существованіе спиритизма, до сихъ поръ что-то не слышно, чтобы духи повѣдали міру хотя бы одну сколько нибудь цѣнную и оригинальную истину въ научномъ или религіозномъ отношеніи, за исключеніемъ тѣхъ моральныхъ истинъ—о любви къ ближнему и милосердіи, которыя давно намъ извѣстны изъ Евангелія и катихизиса, изъ которыхъ безъ сомнѣнія и заимствованы онѣ спиритическими медіумами... Однимъ словомъ, предъ судомъ здравой и непредубѣжденной критики, спиритизмъ есть не что иное, какъ *обманъ* и *самообманъ*, т.-е. обманъ иногда грубый и фокусническій со стороны шарлатановъ-медіумовъ, поставившихъ себѣ задачей морочить и наживаться насчетъ легковѣрной и суевѣрной публики,—и самообманъ со стороны этой публики,—самообманъ, зависящій съ одной стороны отъ незнанія устройства физиологической и психической природы человѣка, способной, какъ извѣстно, къ иллюзіямъ и галлюци-

націямъ, особенно при возбужденности и богѣзненности нервной системы ¹⁾, а съ другой—зависящій отъ вѣры человѣка, подтверждаемой и христіанствомъ, въ загробную жизнь и въ существованіе тамъ нашихъ усопшихъ родныхъ и друзей.

Этого довольно, чтобы видѣть, чѣмъ грозитъ спиритизмъ христіанству, человѣческому достоинству и современному истинному просвѣщенію. Очевидно, что спиритизмъ замѣняетъ вѣру Христову, столь согласную съ высокими требованіями человѣческаго духа и разума, какимъ-то поклоненіемъ мертвецамъ, воскрешаетъ давно забытыя—магію и колдовство и чрезъ то поворачиваетъ современную цивилизацію назадъ—къ темнымъ представленіямъ дикихъ народовъ и суевѣріямъ среднихъ вѣковъ... Но чтобы знать, чѣмъ онъ грозитъ современному государству, для этого достаточно указать на то, что спиритизмъ на своей родинѣ, т.-е. въ Америкѣ, весьма охотно вступаетъ въ дружбу съ сторонниками социализма и коммунизма, чтобы общими силами подкапывать существующее устройство человѣческихъ обществъ. Если такъ, то не трудно догадаться, какіе плоды могутъ вырасти на такомъ деревѣ. „По плодамъ ихъ узнаете ихъ“, внушаетъ Господь.

Вотъ вамъ одна серія лжепророковъ и притомъ повидимому самая невинная, начинающая свою пропаганду чуть не съ простой дѣтской забавы—съ какого-то верченія столовъ. Въ немъ рѣдко кто не участвовалъ, разумѣется въ шутку и изъ простаго любопытства; но эта шутка-забава, какъ видите, можетъ повести къ весьма важнымъ послѣдствіямъ—къ измѣнѣ Христу и христіанству. „Изъ васъ самихъ востанутъ люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь учениковъ за собою. Посему бодрствуйте!“

Но этимъ далеко не исчерпываются религіозно-нравственные недуги современнаго общества. Рядомъ съ суевѣрнымъ мистицизмомъ, каковъ спиритизмъ, вы найдете въ нашемъ обществѣ и діаметрально противоположное ему начало—*атеизмъ*, т.-е. полное отрицаніе бытія Божія и духовнаго міра. Это впрочемъ

¹⁾ Не очень давно печатали въ газетахъ, что одна дѣвушка въ Петербургѣ сошла съ ума именно вслѣдствіе посѣщенія спиритическихъ сеансовъ, которые сильно подѣйствовали на ея воображеніе и нервную систему.

всегда такъ было: гдѣ есть одно, тамъ и другое,—гдѣ суевѣріе, тамъ и невѣріе, и наоборотъ,—это какъ бы историческій законъ нравственно-умственной жизни народовъ. Такъ, въ эпоху разложенія Римской имперіи, среди разлива чувственности и невѣрія, съ особенною силою распространилась вѣра въ магію, въ гаданія, вызовы духовъ и предвѣщанія. То же замѣчается и въ эпоху французской революціи, когда людей одинаково интересовали какъ проповѣдники невѣрія и атеизма: Дидро, д'Аламберъ, Вольтеръ и другіе писатели, подготовившіе „богипю разума“, такъ и проповѣдники мистицизма, въ родѣ Месмера, Калліостро и масоновъ. Въ наше время рядомъ съ матеріализмомъ и атеизмомъ идетъ, какъ мы сказали, спиритизмъ, главный мотивъ котораго, какъ и прежнихъ суевѣрій, есть желаніе проникнуть за предѣлы гроба. Всѣ подобныя мистическія явленія суть не что иное какъ протестъ противъ невѣрія, — протестъ наглядно свидѣтельствующій о томъ, что въ глубинѣ человѣческаго духа заложена идея сверхчувственного и эта идея будучи сбита съ толку и подавлена всеотрицающимъ невѣріемъ, тѣмъ не менѣе громко заявляетъ свои права и невольно пробивается наружу, только жаль, что въ искаженной формѣ мистики и суевѣрій, которыя суть таже вѣра, только въ самой грубой и уродливой формѣ, унижительною для достоинства человѣка.

Что касается атеизма, то чтобы понять это—по существу ненормальное явленіе и знать надлежащую цѣну ему, для этого достаточно обратить вниманіе на тѣ причины, которыя производятъ его, и на тѣ плоды, которые вырастаютъ на этомъ деревѣ.

Напрасно думаютъ, что атеизмъ есть достояніе глубокихъ умовъ, великихъ ученыхъ и философовъ, или людей по преимуществу изучающихъ природу, т.е. натуралистовъ. Еще Бэконъ замѣтилъ, что „недостаточныя свѣдѣнія въ естеств. наукахъ склоняютъ человѣка къ безбожію, но болѣе глубокое изученіе ихъ приводятъ человѣка къ религіи“. Не естествознаніе само по себѣ предрасполагаетъ къ невѣрію, а человѣческое малознаніе. Вотъ почему великіе натуралисты были одушевлены глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Ньютонъ, напр., не иначе произносилъ имя Божіе, какъ снимая шляпу и въ своихъ сочиненіяхъ не стыдился указывать на слѣды Высочайшей творческой мудрости, открывающейся въ движеніи свѣтлѣ небесныхъ. Точно также невѣріе ни прежде, ни теперь, не составляло специальности

и философовъ. Правда въ прошломъ столѣтїи Д'Аламберъ, Дидро, Гольбахъ и т. д., будучи атеистами, любили себя называть философами, но на самомъ дѣлѣ это были диллетанты въ философїи. „Напротивъ, говоритъ одинъ глубокій знатокъ исторїи философїи, — напротивъ, къ чести философїи и къ отстраненію несправедливаго нареканія на нее, какъ на источникъ атеизма, должно сказать, что величайшія свѣтила этой науки, при всемъ разнообразїи ихъ понятій о Богѣ, не унижались до опроверженія истины бытія Божія и исторїя указываетъ только на ничтожное сравнительно, количество лицъ и невысокаго философскаго значенія, отвергавшихъ истину бытія Божія“ (Кудрявцевъ, „Пр. Обзор.“ 1882 г. т. I, стр. 203). Однимъ словомъ, то фактъ, что атеистовъ нѣтъ ни между великими учеными, будутъ ли то философы или натуралисты, ни между людьми неучеными, которые руководятся въ своей жизни чувствомъ истины и здравымъ смысломъ. Истинную почву, на которой развивается атеизмъ, нужно искать въ срединѣ между знаніемъ и незнаніемъ: атеистовъ плодитъ самоувѣренная полученность и легкомысленный диллетантизмъ въ наукѣ. Истинныхъ же ученыхъ предохраняетъ отъ невѣрія или болѣе глубокаго знаніе вещей, или сознаніе ограниченности человѣческаго разума и современной науки, далеко еще не сказавшей послѣдняго слова о мїрѣ, да едва ли когда нибудь и могушей сказать его..

Другая и болѣе важная причина, производящая атеизмъ, — это *нравственная испорченность* современныхъ поколѣній. „Никто не отрицаетъ бытія Божія, кромѣ того, кому выгодно, чтобы не было Бога“. (Бэконъ) Нѣтъ Бога, нѣтъ суда, нѣтъ и отвѣтственности за грѣхи, за эгоизмъ, за страсти и чувственныя влеченія, — вотъ логика и смыслъ современнаго атеизма! Человѣкъ же, для котораго идеаломъ жизни служить истина, добро и прекрасное, по самому существу этихъ идеаловъ не можетъ отвергать Бога, ибо самые эти идеалы получаютъ смыслъ и основу только съ признаніемъ идеи Божества или Бога, который именно и есть высочайшая истина, добро и красота. Значить атеизмъ исчезнетъ тогда, когда онъ потеряетъ почву подъ собой, именно тогда, когда мы будемъ посерьезнѣе учиться, когда поглубже будемъ понимать свой внутренній, духовный мїръ, т.-е. душу, а равно и внѣшній мїръ, природу — эту славу Творца; а главное — тогда, когда возвысится не столько умственный, сколько нрав-

ственный уровень нашего общества, когда мы будем любить и жить для истины, добра и прекраснаго. Въ наши дни какъ будто и замѣчается нѣкоторый поворотъ въ эту сторону, по крайней мѣрѣ замѣчается пониманіе этой стороны жизни. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что теперь атеизмъ нѣсколько ступивался, выдохся, такъ-сказать, потерялъ свою прелесть новизны и характеръ острой повальной болѣзни, чѣмъ онъ былъ еще въ недавнее прошлое. При всемъ своемъ легкомысліи, и мы наконецъ увидѣли его горькіе плоды, когда атеизмъ, въ лицѣ своихъ практическихъ поклонниковъ — нигилистовъ, несся на всѣхъ парахъ по лицу земли русской и стукнулся лбомъ объ стѣну. Всѣ увидѣли, что шутка плохая — превращать человѣка въ звѣря не знающаго никакой преграды для своихъ звѣрскихъ замысловъ,—увидѣли и, „по пословицѣ“: громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится,—всѣ, или очень многіе, стали креститься. И вотъ чудо! есть примѣръ, что даже атеистъ перемѣнилъ свою тактику и принялся за Евангеліе, хотя лучше было бы ему совсѣмъ не приниматься за него. Мы разумѣемъ здѣсь нѣкогда знаменитаго русскаго писателя—художника, а нынѣ не менѣ знаменитаго жепорока и изобрѣтателя „моей вѣры“ и „новаго Евангелія“—графа Льва Толстаго. Такъ какъ мы заговорили о современныхъ жеучителяхъ, то нельзя умолчать и о Толстомъ, тѣмъ болѣе, что это, можно сказать, животрепещущій жеучитель, объ немъ теперь толкуетъ вся Россія, вотъ уже другой годъ толкуетъ объ немъ, или лучше о его негласныхъ произведеніяхъ, вся наша литература и даже отчасти заграничная. Если я вамъ не скажу сегодня объ этомъ жеучителѣ, то завтра вамъ скажутъ о немъ ваши знакомые и можетъ быть спросятъ васъ: читали ли вы „новую вѣру“ Толстаго, и „новое Евангеліе“, его же? Какъ ни странно вамъ слышать, но то фактъ, что дѣйствительно есть „вѣра“ графа Толстаго и „новое Евангеліе“ его же!...

Не знаю, насколько искренно пишетъ графъ Толстой, ибо онъ большой сочинитель, какъ вы сами сейчасъ убѣдитесь; но онъ самъ пишетъ о себѣ въ своей „исповѣди“, что онъ былъ много лѣтъ атеистомъ и даже нигилистомъ, а потомъ, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, онъ додумался до того, что нельзя жить безъ вѣры, иначе застрѣлишься или удавишься. И вотъ

на старости лѣтъ началъ онъ искать вѣру, это русскій-то, православный по рожденію и воспитанію графъ! По крайней мѣрѣ искренно—и за то спасибо!... Послѣ долгихъ поисковъ нашелъ онъ наконецъ вѣру и притомъ въ самомъ лучшемъ источникѣ, въ христіанскомъ Евангеліи, которое онъ и принялся читать. „Послѣ многихъ сомнѣній и страданій, пишетъ графъ, я снова остался одинъ съ моимъ сердцемъ и съ таинственной книгой Евангелія“. Но „мнѣ не удавалось, говоритъ онъ, ни найти въ этой книгѣ того смысла, какой находили въ ней другіе, ни открыть тотъ смыслъ, котораго я искалъ“. Видите ли, графъ все искалъ въ Евангеліи какого-то *своего* смысла, а не того, котораго держалась и держится христіанская церковь отъ временъ апостольскихъ. И онъ наконецъ нашелъ *свой* смыслъ. И вотъ какъ: „истинное евангельское ученіе, проповѣдуетъ графъ, открыто мнѣ не систематическимъ, методическимъ изученіемъ его, а какимъ-то *внезапнымъ озареніемъ*. Я нашелъ ключъ къ истинному ученію Иисуса“. Замѣтимъ, онъ знаетъ только Иисуса. И это, какъ увидимъ, не безъ тенденціи. Графъ открылъ ключъ къ „истинному ученію Иисуса“ только тогда, „когда, по его выраженію, бросилъ объясненія ученой критики и богословія“, и это сдѣлалъ опять не просто, а во исполненіе словъ Иисуса: „если не будете какъ маленькія дѣти, не войдете въ царство небесное“. Какъ только графъ на шестомъ десяткѣ лѣтъ и при извѣстныхъ предвзятыхъ идеяхъ сдѣлался дитятей, онъ открылъ и ключъ. Ключемъ же ко всему, ко всей сути Евангелія, послужило слово Христово: „не противься злу, которое хотятъ тебѣ сдѣлать“. Лишь только онъ постигъ смыслъ этихъ словъ, котораго до графа будто бы никто не постигалъ, какъ „вдругъ, говоритъ онъ, для меня стало ясно все, что было темно во всѣхъ четырехъ евангеліяхъ“. Нашедши ключъ, подъ вліяніемъ „внезапнаго озаренія“, графъ принялся передѣлывать четыре евангелія въ одно. „Я старался, пишетъ онъ, методически, шагъ за шагомъ, разсѣять тотъ *туманъ*, который скрывалъ отъ людей истину; я переводилъ снова стихъ за стихомъ четыре евангелія, сравнивалъ ихъ, соединялъ ихъ въ новую конкорданцію, исправлялъ *заблужденія*“ (должно быть или въ евангеліяхъ, или въ нашемъ пониманіи ихъ). А заблужденій не мало нашелъ графъ и поэтому онъ проситъ читателя помнить, что „то, что отталки-

вааетъ его, читателя, и что представляется ему, читателю, *суевѣріемъ* (въ евангеліяхъ-то), то не есть ученіе Иисуса“. Это значитъ: исключай изъ евангелія все, что угодно, что не нравится тебѣ—всякому читателю!... Полномочіе весьма широкое и важное, за которое мы называемъ наприимѣръ протестантовъ—раціоналистами, а чтобы умѣть назвать графа приличнымъ ему именемъ, для этого нужно послушать его самаго и посмотрѣть, какъ онъ воспользовался самоизобрѣтеннымъ полномочіемъ.

Толкователи церковные, учить графъ,—„прѣувеличиваютъ значеніе личности Иисуса, смотря на него какъ на Бога“, тогда какъ по ученію графа, Иисусъ „былъ просто бѣднякъ, который имѣлъ обыкновеніе высказывать нравственныя сентенціи. Его подвергли бичеванію и предали позорной смерти. А потомъ этого бѣдняка равви стали считать Богомъ“. Вотъ какого смысла все доискивался графъ въ Евангеліяхъ!.. Итакъ, Иисусъ Христосъ для графа не Богъ, это не воплотившееся вѣчное Слово Бога Отца, которое по Евангелію отъ Іоанна (I, 1) есть Богъ: такое евангельское ученіе по графу есть не болѣе какъ суевѣріе и потому „не нравится“ ему и графомъ исключается изъ нашей вѣры, или лучше искажается. Сообразно съ своимъ предвзятыми цѣлями онъ такъ перетолковалъ первыя слова Евангелія отъ Іоанна: „Въ началѣ было Слово“ и проч.—„въ основу и начало всего стало разумніе (λόγος) жизни. Разумніе жизни стало *вмѣсто* Бога. Разумніе жизни есть Богъ“. Это значитъ, что личнаго Бога нѣтъ; вмѣсто Бога или Богомъ служить разумніе жизни, т.-е. людскій разумъ и есть Богъ. Чѣмъ отличается такое толкованіе графа отъ толкованія какого-то мужика-раскольника, который прочитавши: „въ началѣ было слово... слово было Богъ“,—сообразилъ: такъ какъ слово есть Богъ, а словомъ владѣть только человѣкъ, то каждый человѣкъ есть Богъ?.. Толкованіе графа отличается только тѣмъ, что онъ „Слово“ понимаетъ не въ смыслѣ *дара словес*, какъ понималъ мужикъ, но въ смыслѣ *разума*. Отвергая личнаго Бога, какъ Существо отдѣльное отъ міра, и считая за Бога коллективный человѣчскій разумъ, графъ произвольно навязываетъ Евангелію гегельянство какъ *пантеизмъ*, т.-е. такое воззрѣніе, по которому Богъ и міръ—одно и тоже, а считая Иисуса Христа за простаго человѣка, онъ отчасти напоминаетъ намъ древнее несторіанство.

Принявши за правило, чтобы „каждый изъ людей старался понимать учение Христа самъ своимъ разумомъ, а отнюдь не обращался за толкованіемъ его къ церкви“, — графъ Толстой исключилъ изъ Евангелій все чудесное и сверхъестественное и представилъ удивительные образчики собственнаго пониманія евангельскаго текста. Вотъ напр. какъ онъ передаетъ чудо исцѣленія слѣпца: „по дорогѣ увидаль Иисусъ челоуѣка глупаго отъ рожденія. И спросили ученики: кто виновать въ томъ, что челоуѣкъ этотъ отъ рожденія глупъ; онъ, или родители его? И сказалъ Иисусъ: не виноваты ни родители его, ни онъ самъ, но въ томъ дѣло Божіе, чтобы былъ свѣтъ тамъ, гдѣ была тьма. И Иисусъ открылъ глупому ученіе о томъ, что онъ, глупый, сынъ Бога—духа (въ смыслѣ разума), и познавъ это ученіе, глупый позналъ свѣтъ“. А когда его спросили „какъ онъ сталъ понимать все, когда прежде былъ глупъ? Онъ сказалъ: не знаю, какъ, но знаю, что теперь все понимаю“, и т. д. Желая быть популярнымъ, графъ иногда употребляетъ такую рѣчь: „Авраамъ, батюшка, вотъ съ тобою Лазарь коростовый сидитъ, онъ у меня ваялся подъ заборомъ“ (Лк. 16, 24). Мы въ Евангеліи читаемъ: „истинно говорю вамъ: что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ“ (Мѡ. XV, 18), а графъ такъ читаетъ: „вѣдь вы сами знаете, что какъ завяжетесь на землѣ, таковы и будете предъ Отцомъ. Извѣстныя слова Христовы противъ соблазнитель дѣтей, графъ такъ читаетъ: „соблазнить ребенка также дурно, какъ повѣситъ тому ребенку жерновъ на шею и броситъ въ воду. Трудно, чтобы онъ выплылъ, а скорѣе потонетъ“. (Срав. Мѡ. 18, 6).

Этихъ образцовъ достаточно, чтобы судить о той свободѣ разума, которую проповѣдуетъ гр. Толстой въ дѣлѣ пониманія каноническихъ Евангелій. Но это не все, даже не главное. Признавъ разумъ за Бога и сдѣлавъ свой разумъ единственнымъ критеріемъ истиннаго пониманія ученія Иисуса Христа, графъ проповѣдуетъ съ евангеліемъ въ рукахъ, что „никакого личнаго безсмертія на небѣ нѣтъ,... ожидать новой лучшей жизни, той жизни, въ которой будетъ доступно челоуѣку ближайшее общеніе съ Богомъ, блаженство личности, рай, мы не должны“. Иисусъ, по словамъ графа, „никогда ничего не говорилъ въ подтвержде-

ніе индивидуальнаго воскресенія и индивидуальнаго замогильнаго безсмертія“. Точно также „Исусъ никогда и нигдѣ не говорилъ о своемъ личномъ безсмертіи, Онъ и не воскресалъ. По графу „Исусъ говорилъ только о жизни такой, какова она есть... для людей“, поэтому „человѣку нужно пользоваться какъ можно лучше мгновеніемъ быстро улетающаго настоящаго“!... Земная жизнь похожа на ферму, снабженную всѣмъ въ изобиліи для всѣхъ людей, но люди приходя сюда, дерутся. Избитые, голодные они оставляютъ ферму, т.-е. умираютъ, принимая ферму за гостиницу (за временное жилище), „вообразивши, что обѣщанная ферма будетъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ“... „не нужно ждать ничего ни отъ неба, ни отъ земли“! восклицаетъ графъ, Такимъ образомъ оказывается, что графъ Толстой отвергаетъ основной догматъ не только христіанства, т.-е. воскресеніе Иисуса Христа, но основной догматъ и всякой религіи, т.-е. ученіе о загробной жизни. И въ то же время безцеремонно утверждаетъ, что это и есть единственно — истинное ученіе Господа Иисуса Христа — Евангеліе!...

Отвергая будущую жизнь, графъ Толстой совѣтуетъ „всѣмъ трудиться надъ устройствомъ общечеловѣческаго счастья здѣсь на землѣ“. тѣмъ болѣе, что вся наша общественная жизнь, учить графъ, никуда негодна: она основана „на насиліи“. „На насиліи основана администрація, на насиліи основанъ судъ, вся наша культура, вся цивилизація есть произведеніе насилія“. Насиліе видитъ графъ даже въ присягѣ на вѣрность царю и отечеству: „Имя Бога въ клятвѣ, въ присягѣ, служитъ санкціей обмана, такъ какъ „мы обѣщаемъ напередъ повиноваться повелѣніямъ *одного* *человѣка* или многихъ людей, тогда какъ *человѣкъ* можетъ повиноваться только одному Богу“ (какому?); „всѣ дѣйствія, противныя совѣсти (?), совершаемыя во имя клятвы, все это стало мнѣ казаться злымъ и презрѣннымъ“. Защита отечества отъ враговъ, война, для графа есть преступленіе и приравнивается имъ къ простому „разбою, убійству“. Всякое насиліе, говоритъ онъ, война, разбой совершаются людьми слѣпыми и лишенными познанія истины“. Любовь къ отечеству, патриотизмъ для графа суть не болѣе, какъ „грубая ложь“, внутренняя безсмысленнымъ воспитаніемъ. „Любовь къ отечеству, любовь къ моему народу... подвиги людей военныхъ, все это

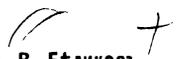
мнѣ кажется, говорить онъ, отвратительнымъ и жалкимъ“. Вѣроятно изъ желанія дать санкцію коммунизму, графъ не забылъ въ своемъ ученіи коснуться и этой утопіи и рѣшительно отвергаетъ всякую собственность: „все, что нѣкогда казалось мнѣ хорошимъ и великимъ—собственность всякаго рода, мои права (графъ отвергаетъ ранги и титулы), теперь все это сдѣлалось для меня дурнымъ и презрѣннымъ“. „Итакъ, заключаетъ графъ, нужно уничтожить насилие вообще вездѣ и всецѣло“. Уничтожить насилие и притомъ едва ли одними средствами *убѣжденія*,—это вѣроятно и значить, по ученію графа Толстаго—„не сопротивляться злу или злему“...

Вотъ какимъ вещамъ, перекувыркивающимъ все вверхъ дномъ, учить графъ и притомъ на основаніи Евангелія! Его писанія испещрены текстами и ссылками на того или другаго евангелиста!... Читая все это, думаешь, что у графа было въ рукахъ какое-то другое евангеліе, а не наше, такъ онъ пересочинилъ его, вымаравъ и исказивъ въ истинномъ Евангеліи все то, что не подходитъ подъ атеистическіе и нигилистическіе взгляды якобы увѣровавшаго графа. „Горбатаго исправить одна могила“, говоритъ русская пословица. Такъ и графъ Толстой едва ли сталъ лучше взявшись за Евангеліе и превратившись якобы въ невинное дитя. Если резюмировать „вѣру“ Толстаго, то окажется, что „это странная смѣсь всѣхъ заблужденій нашего вѣка“, заблужденій идущихъ къ намъ съ Запада и воспринятыхъ графомъ въ теченіе своей некроткой жизни, а именно: рационализма и такъ-называемой „отрицательной критики“, затѣмъ атеизма или по крайней мѣрѣ пантеизма, буддизма (собственно въ ученіи о нравственности и въ частности — о несопротивленіи злу) и даже просто нигилизма и коммунизма (въ смыслѣ отрицательно-разрушительнаго начала), именно тамъ, гдѣ онъ подвергается безпощадному осужденію и отрицанію существующій общественный порядокъ и призываетъ ко всеобщему перевороту и разрушенію этого порядка. Отъ обыкновеннаго нигилиста графъ Толстой отличается развѣ тѣмъ, что онъ, будучи нигилистомъ-теоретикомъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ преобразился „въ ангела свѣта“, т.-е. ловко задрапировался въ овечью одежду и потому имѣетъ право мирно жить въ своихъ московскихъ хоромахъ и поучать русскую публику отступленію отъ вѣры отцевъ,

опираясь на Евангеліе. Дать евангельскую санкцію, одобрить и оправдать Евангеліемъ всѣ религіозно-соціальныя заблужденія и недуги нашего вѣка,—это такъ оригинально, смѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшно и дерзко, что остается только удивляться изворотливости зла! Но чуть ли еще не болѣе странно то, что графъ Толстой пользуется, какъ слышно, громаднымъ уваженіемъ и едва ли не благоговѣніемъ за свою новоизобрѣтенную вѣру со стороны значительной части русской интеллигенціи, особенно изъ молодежи, которая не въ шутку готова принять его химеры за первоначальное, подлинное ученіе Христа, будто бы съ теченіемъ времени измѣненное въ Евангеліяхъ, и теперь снова открытое и очищенное отъ вѣковыхъ наслоеній графомъ Толстымъ... Жалка та русская интеллигенція, для которой не существуетъ такой нелѣпости, которой бы она не сочувствовала и не принимала... на вѣру! А все отъ того, что оторвалась отъ родной исторической почвы. Не даромъ и графъ Толстой такъ усердно приглашаетъ насъ отречься отъ любви къ отечеству и сдѣлаться космополитами...

Но вы не подражайте подобной легкомысленной интеллигенціи, будьте вѣрны той истинной христіанской вѣрѣ, которой научены, и не измѣняйте ей, помня слово Господа: „берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные. По плодамъ ихъ узнаете ихъ... Мнѣ скажутъ въ тотъ послѣдній день: Господи, Господи! не отъ Твоего ли имени мы пророчествовали и проповѣдывали? И тогда объявлю имъ: Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня дѣлающіи беззаконіе“!

Таковъ вамъ мой послѣдній урокъ по Закону Божию. Простите, что онъ вышелъ длиннѣе, чѣмъ и самъ я предполагалъ, но это отъ того, что нынѣшняя жизнь стала мудрена и богата опасностями, которыя скоро и не перечислишь, а мнѣ хотѣлось бы, чтобы онѣ миновали васъ — всѣ, до одной. Процвѣтайте же на славу и пользу православной церкви и дорогаго отечества. — Прощайте!

Свящ. В. Бѣликовъ.

ПОУЧЕНІЯ

ПО СЛУЧАЮ ИЗВѢСТІЯ О СТРАШНОМЪ ЗЕМЛЕТРЯСЕНІИ ВЪ ГОРОДѢ
ВЪРНОМЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ *.

I.

Благочестивые слушатели!

„Призирай на землю и творяй ю трястися“ (Псал. 103, 32), правосудный и всемогущій Господь Богъ, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ, посѣтилъ страшнымъ бѣдствіемъ жителей одной изъ отдаленныхъ окраинъ нашего обширнаго отечества—Семп-рѣченской области, и главнымъ образомъ — города Върнаго и его окрестностей. Безъ сомнѣнія, вамъ уже извѣстно, что этотъ городъ, довольно значительный по пространству, имъ занимаемому, и по количеству народонаселенія, состоящаго почти исключительно изъ нашихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ, совершенно разрушенъ въ концѣ прошедшаго мѣсяца страшнымъ землетрясеніемъ, при чемъ погибло очень много жителей, а оставшіеся въ живыхъ лишились крова и пристанища, лишились всего своего имущества и совершенно не имѣютъ мѣста, гдѣ бы могли подклонить голову, кромѣ той груды развалинъ, въ которую обратился теперь, попущеніемъ Божиимъ, несчастный городъ.

* Произнесены въ Минскомъ кафедральномъ соборѣ, при архіерейскомъ служеніи, 14 и 21 іюня 1887 года.

Ужась объемлетъ душу при одномъ воспоминаніи о такомъ страшномъ проявленіи гнѣва Божія, благочестивые слушатели! Но что должны были испытать несчастные жители, подвергшіеся этому ужасному бѣдствію, что они должны были пережить и почувствовать въ эти страшныя минуты, когда земля, которую мы привыкли считать твердою и неподвижною, стала колебаться подъ ногами ихъ, какъ морскія волны во время сильной бури?!... Благодареніе Господу! Мы живемъ въ такой мѣстности, въ которой, сколько намъ извѣстно, не бывало землетрясеній. Но представьте себѣ, братіе, какое поражающее впечатлѣніе должно производить на человѣка, когда земля, которую онъ привыкъ считать чѣмъ-то неизблѣмымъ, вдругъ начинаетъ колебаться у него подъ ногами! Съ ранняго дѣтства мы привыкли видѣть неподвижность, неизблѣмость почвы, на которой мы стоимъ; всѣ наблюденія нашихъ чувствъ вкоренили въ насъ это убѣжденіе, утвердили это вѣрованіе. И вотъ, когда вдругъ, совершенно нечаянно и неожиданно, начнетъ колебаться земля подъ нашими ногами, мы внезапно, вполне ясно и осозательно начинаемъ ощущать проявленіе и дѣйствіе таинственной, невѣдомой, всемогущей силы Божіей, въ одно мгновеніе ока двигающей громадную массу твердой и обыкновенно неподвижной земли. Одно мгновеніе уничтожаетъ убѣжденіе, составившееся въ теченіи всей прежней жизни; человѣкъ, въ своемъ высокомъ мнѣніи о себѣ, считающій себя царемъ природы, сразу является существомъ самымъ слабымъ и безпомощнымъ и вполне сознаетъ свое ничтожество. Онъ чувствуетъ себя какъ бы перенесеннымъ въ область разрушающихъ невѣдомыхъ силъ и не довѣряетъ болѣе почвѣ, на которую ступаетъ его нога. Чувство ужаса усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что человѣку землетрясеніе представляется какъ нѣчто повсемѣстное, безграничное,—куда бы онъ ни обратился, чтобы бѣжать, онъ всюду чувствуетъ подъ собою очагъ бѣдствія. Обстоятельства, сопровождающія землетрясеніе, по разсказамъ и описаніямъ очевидцевъ, не менѣе страшны и поразительны. Различныя принадлежности домашняго быта, самыя стѣны зданія, въ которомъ человѣкъ живетъ, шатаются, крыши валяются, колокола сами собою производятъ звонъ, башни и другія высокія каменныя зданія

падаютъ. Въ ужасъ люди покидаютъ непрочныя и ненадежныя жилища свои и ищутъ спасенія на улицахъ и площадяхъ. Страхъ поражаетъ и животныхъ: раздражающее душу мычаніе рогатаго скота, топотъ и ржаніе коней смѣшиваются съ беспорядочными и отчаянными воплями несчастнаго населенія, за минуту предъ тѣмъ бодрого и дѣятельнаго. Но вотъ раздается второй ударъ, сильнѣе и продолжительнѣе перваго,—и храмы Божиі, дома и всѣ вообще строенія рушатся, погребая въ своихъ развалинахъ тѣхъ, которые недавно можетъ-быть видѣли въ нихъ все свое благополучіе. Подземный гулъ и раскаты сливаются въ одинъ ужасающій стонъ, земля колышется, точно море въ бурную погоду, вздувается, лопается и поглощаетъ поля и деревни; по мѣстамъ, изъ образовавшихся въ ней трещинъ, вырывается пламя или удушающіе пары; рѣки выступаютъ изъ береговъ или совсѣмъ измѣняютъ свое теченіе. По истинѣ, это самая страшная и ужасная картина, потрясающая духъ человѣка до самаго основанія и напоминающая ему всемогущество Владыки и Вседержителя міра, сдвигающаго горы съ ихъ мѣстъ и потрясающаго самыя основы земли!

Страшный трепетъ объемлетъ душу, сердце обливается кровью при одномъ лишь представленіи картины этого ужаснаго бѣдствія! Но несчастные жители города Върнаго и его окрестностей всѣ эти ужасы пережили и почувствовали, все это испытали на себѣ и на своихъ дѣтяхъ и другихъ близкихъ къ нимъ людяхъ, и теперь переносятъ на себѣ всѣ послѣдствія этого ужаснаго бѣдствія. Они не имѣютъ крова и пристанища и во время сильнаго солнечнаго жара, во время дождя и бури, должны вмѣстѣ съ своими малолѣтними дѣтьми находиться подъ открытымъ небомъ, подвергая себя открытому и безпрепятственному дѣйствію всевозможныхъ стихій, находясь подъ разрушительнымъ вліяніемъ иногда слишкомъ раскаленной, иногда слишкомъ холодной атмосферы, ибо жилища ихъ разрушены до основанія и представляютъ собою безобразную груду развалинъ; и такое положеніе должно продолжаться еще очень долгое время, потому что, какъ сообщаютъ всѣ повременныя изданія, городъ къ зимѣ обстроиться не можетъ. Изъ сосѣднихъ мѣстностей, правда, туземцы доставляютъ къ городу въ небольшомъ количествѣ юрты, нѣчто въ

родѣ переносныхъ войлочныхъ палатокъ; но за эти убогія жилища нужно уплачивать деньги, а у многихъ жителей они погибли подъ развалинами, у другихъ же и не было ничего, кромѣ того незначительнаго имущества, которое погибло теперь подъ развалинами. вмѣстѣ съ другими зданіями разрушены также кухни и пекарни, въ которыхъ приготавлился хлѣбъ и другая пища для продовольствія населенія. Теперь, благодарн попечительности властей, устроены временныя помѣщенія для приготовления печенаго хлѣба; но они, безъ сомнѣнія, не могутъ, по недостатку необходимыхъ средствъ и принадлежностей, готовить хлѣбъ и другую пищу въ такомъ количествѣ, которое было бы достаточно для всѣхъ жителей. Многіе изъ уцѣлѣвшихъ жителей не успѣли заблаговременно оставить свои жилища и потерпѣли сильныя ушибы головы, рукъ и ногъ, и даже получили переломы и поврежденія оконечностей и другихъ частей тѣла. Они требуютъ ухода за собою, спокойнаго помѣщенія и медицинской помощи; требуется устройство больничныхъ помѣщеній, присылка врачей и спѣлокъ, а также и медицинскихъ принадлежностей, на что также конечно необходимы денежныя средства. Но развѣ возможно исчислить все, что необходимо для жителей довольно большаго города, лишившихся, вслѣдствіе землетрясенія, буквально всего своего имущества и едва успѣвшихъ спасти свою жизнь, такъ какъ землетрясеніе произошло рано утромъ, когда большинство жителей были объаты глубокимъ сномъ?!...

Что же намъ слѣдуетъ дѣлать, братіе, при полученіи извѣстія о такомъ отрашномъ бѣдствіи, которому подверглись наши единоплеменники и единовѣрцы? Самый естественный и даже единственно возможный для истиннаго послѣдователя Христова и сына церкви православной отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только тотъ, что всѣ мы, братіе-христиане, должны поспѣшить на помощь къ нашимъ страждущимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ; ибо помощь, какъ вы сами видѣли, благочестивые слушатели, для нихъ требуется немедленная и неотложная. Людямъ нечего вѣсть, людямъ не во что одѣться, людямъ не гдѣ жить, людямъ больнымъ не гдѣ и нечемъ лѣчиться; при такихъ обстоятельствахъ было бы грѣшно и даже преступно

раздумывать и рассчитывать, какъ удобнѣе и цѣлесообразнѣе было бы оказать помощь; каждый долженъ немедленно помочь страждущимъ, помочь всѣмъ, чѣмъ можетъ, чѣмъ располагаетъ въ данную минуту. „Аще кто о своихъ не промышляетъ“, говоритъ святой апостолъ Павелъ, „вѣры отверглся есть, и невѣрнаго горшій есть“ (1 Тим. 5, 8). То есть, если кто не заботится о своихъ ближнихъ, о томъ, чтобы помочь имъ въ трудную минуту жизни, тотъ долженъ быть признаваемъ какъ бы отвергшимся отъ вѣры и даже такимъ человѣкомъ, который хуже невѣрнаго.

И пусть не думаетъ кто-либо въ гордомъ фарисейскомъ самомнѣнн, что Богъ наказалъ жителей Семирѣченской области такъ страшно потому, что они грѣшнѣе другихъ, а мы, не пострадавшіе отъ землетрясенія, менѣе ихъ грѣшны. Пути Божіи неповѣдны, и умъ человѣческій не можетъ проникнуть въ нихъ; и потому еще неизвѣстно, кто большіе грѣшники, — тѣ, которые уже пострадали, или тѣ, которые еще не подверглись такому страшному бѣдствію за свои грѣхи. Припомнимъ въ этомъ случаѣ отвѣтъ Господа іудеямъ, „пришедшимъ и рассказавшимъ Иисусу о Галилеянахъ, которыхъ кровь Пилать смѣшалъ съ жертвами ихъ“ (Лук. 13, 1), т.е. умертвилъ ихъ во храмѣ въ то время, когда они приносили жертвы Богу, такъ что кровь убіенныхъ людей и жертвенныхъ животныхъ смѣшалась. „Мните ли“, отвѣчалъ Иисусъ пришедшимъ, „яко Галилеане сіи грѣшнѣйши паче всѣхъ Галилеанъ бяху, яко тако пострадаша? Ни, глаголю вамъ: но аще не покаетесь, вси такожде погибнете. Или они осмьнадесяте, на нихже паде столпъ Силовскій, и побилъ ихъ, мните ли, яко тѣи должнѣйши бяху паче всѣхъ живущихъ во Іерусалимѣ? Ни, глаголю вамъ: но аще не покаетесь, вси такожде погибнете“ (Лук. 13, 2—5). И въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, пострадавшіе отъ землетрясенія не были грѣшнѣе насъ, а быть-можетъ мы даже гораздо грѣшнѣе ихъ; но Богъ наказалъ именно ихъ, а не кого-либо другаго, по причинамъ и предначертаніямъ Ему единому извѣстнымъ; мы же вовсе не можемъ этого понять и постигнуть, „яко не испытани судоу Его, и не изслѣдовани путіе Его“ (Рим. XI, 33), по выраженію святаго апостола Павла. „Кто бо разумѣ умъ Господень? Или кто со-

вѣтникъ Ему бысть“? (ст. 34; см. Исаи 40, 13) вопрошаетъ онъ далѣе словами святаго пророка Исаи. Жители г. Вѣрнаго пострадали какъ бѣдоу вмѣсто всѣхъ насъ, погрязшихъ во грѣхахъ и порокахъ; наказавъ ихъ такъ страшно, тѣмъ самымъ милосердый и правосудный Господь даетъ намъ урокъ, наставленіе и предостереженіе, чтобы мы оставили нашу грѣховную жизнь, чтобы совершенно измѣнили ее, чтобы сдѣлались истинными послѣдователями и учениками Господа нашего Иисуса Христа, чтобы постоянно совершенствовались и преуспѣвали въ любви къ Богу и въ добрыхъ дѣлахъ по отношенію къ тѣмъ, кто нуждается въ нашей помощи, кто не можетъ обойтись безъ нея.

И вотъ въ настоящую минуту въ этой-то именно нашей матеріальной помощи и нравственной поддержкѣ и нуждаются пострадавшіе отъ страшнаго землетрясенія жители города Вѣрнаго и его окрестностей. Поспѣшите же къ нимъ на помощь, православные христіане, съ своими пожертвованіями, чѣмъ кто можетъ,—и будьте увѣрены, что милосердый Господь за ваше сочувствіе къ страждущимъ и за вашу помощь имъ воздастъ вамъ сторицею и въ этой жизни и въ будущей; ибо „рука дающаго, по слову Божію, не оскудѣетъ. Благотворенія и общенія не забываютъ“, говоритъ св. апостоль Павелъ; „такowymi бо жертвами благоугождается Богъ“ (Евр. 13, 16). „Тѣмже убо дондеже время пшамы“, говоритъ тотъ же апостоль въ другомъ мѣстѣ, „да дѣлаемъ благое ко всѣмъ, паче же къ приснымъ въ вѣрѣ“ (Гал. 6, 10).

По благословенію Святѣйшаго Синода, въ пользу несчастныхъ жителей города Вѣрнаго, пострадавшихъ отъ землетрясенія, сейчасъ и будетъ производится сборъ, и вы, благочестивые слушатели, безъ сомнѣнія не оставите ихъ своими послѣдними пожертвованіями. Аминь.

II.

Въ прошедшее воскресенье вашему благочестивому вниманію, братіе-христіане, было предложено съ этой церковной каѳедры поученіе по случаю извѣстія о страшномъ землетрясеніи, постигшемъ жителей Семірѣченской области вообще, и въ ча-

стности—города Върнаго и его окрестностей. Мы старались болѣе или менѣе наглядно и такъ-сказать осязательно изобразить предъ вами всѣ ужасы землетрясенія, которые должны были пережить несчастные жители разрушеннаго города; мы изобразили предъ вами и всѣ послѣдствія землетрясенія, которыя заключаются въ томъ, что несчастные жители города лишились всего своего имущества, погибшаго подъ развалинами, и теперь не имѣютъ куска насущнаго хлѣба и должны жить при такихъ тяжелыхъ условіяхъ подъ открытомъ небомъ вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми и больными членами семействъ. Мы говорили обо всемъ этомъ съ тою цѣлю, чтобы убѣдить слушателей оказать посильную помощь несчастнымъ жителямъ города Върнаго, наиболѣе пострадавшимъ отъ землетрясенія; ибо помощь требуется немедленная и неотложная. И благодареніе Господу, вложившему въ сердца многихъ изъ слушателей добрыя чувствованія и намѣренія! Многіе изъ посѣтителей сего святаго храма не остались глухи къ проповѣди слова Божія и откликнулись на призывъ проповѣдника своими посильными жертвованіями, которыхъ и было собрано восемнадцать рублей. Безъ сомнѣнія, благочестивые слушатели, и эти деньги могутъ оказать помощь нуждающемуся, и они могутъ принести свою долю пользы. Но во всякомъ случаѣ это жертвованіе составляетъ только каплю въ морѣ; бѣдствіе слишкомъ велико въ сравненіи съ суммой жертвованій, ибо разрушенъ цѣлый городъ съ восемнадцати-тысячнымъ населеніемъ. Положимъ, жертвованія въ пользу пострадавшихъ собираются не въ одномъ нашемъ городѣ, а по всей Россіи: по примѣру Благочестивѣйшаго Государя Императора и другихъ лицъ Царствующаго дома, прежде всѣхъ поспѣшавшихъ на помощь къ пострадавшимъ отъ землетрясенія съ своими жертвованіями, въ настоящее время жертвованія въ пользу върненскихъ жителей собираются по всему обширному пространству, занимаемому Россійскою Имперію. Но это не должно отклонять насъ отъ благочестиваго, истинно христіанскаго намѣренія оказать помощь пострадавшимъ и съ нашей стороны; ибо, если бы всѣ и каждый, будучи убѣждены въ томъ, что другіе помогутъ нуждающимся, сами не стали оказывать бѣднымъ никакой помощи, то, очевидно, въ пользу бѣдныхъ и

нуждающихся не поступило бы никакихъ пожертвованій: каждый надѣялся бы на помощь нуждающимся со стороны другаго, а нуждающіеся остались бы безъ куска хлѣба, безъ крова, и, вообще, безъ всего, что необходимо для жизни. „Аще братъ или сестра наги будутъ“, говоритъ св. апостоль Іаковъ, „и лишени будутъ дневныя пищи, речеть же имъ кто отъ васъ: идите съ мпромъ, грѣйтесь и насыщайтесь: не дасть же имъ требованія тѣлеснаго: кая польза?“ (Іак. 2, 15. 16)—безъ сомнѣнія, никакой, ни для того, кто имѣеть, ни для того, кто во всемъ нуждается. Такъ и въ отношеніи вѣрненскихъ жителей, пострадавшихъ отъ землетрясенія: если мы будемъ надѣяться на пожертвованія въ пользу ихъ со стороны другихъ, а сами не окажемъ имъ никакой помощи и ничѣмъ существеннымъ не выразимъ своего сочувствія къ ихъ тяжелому положенію; то отъ этого для нихъ не будетъ никакой пользы, и положеніе ихъ нисколько не улучшится; ибо другіе, подобно намъ, тоже могутъ разсчитывать на помощь нуждающимся съ нашей стороны, и такимъ образомъ эти послѣдніе останутся безъ всякой помощи, безъ всякаго пожертвованія. А пожертвованія въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ городѣ Вѣрномъ весьма нужны, даже совершенно необходимы; ибо дѣйствіе подземныхъ силъ въ этомъ городѣ еще не окончилось, колебанія и сотрясенія почвы, по послѣднимъ извѣстіямъ повременныхъ изданій, продолжаютъ ежедневнo, и иногда бываютъ такіе сильныя подземныя удары, что полуразрушенныя стѣны зданій, которыя уцѣлѣли хотя отчасти, отъ этихъ ударовъ разрушаются окончательно, и еще глубже погребаются подъ своими развалинами то немного изъ имущества, что могло бы быть полезнымъ, будучи извлечено изъ-подъ развалинъ, къ которымъ, очевидно, нельзя и подступитъ вслѣдствіе продолжающагося дѣйствія подземныхъ разрушительныхъ силъ природы; и потому жители города помѣщаются въ полѣ, подъ открытомъ небомъ, вмѣстѣ съ малыми дѣтьми и съ больными. Такъ какъ дѣйствіе подземныхъ силъ продолжается слишкомъ долго, и при томъ оно слишкомъ сильно, то быть-можетъ городъ со всѣми домами придется перенести на другое мѣсто, болѣе удобное и безопасное, на что, безъ сомнѣнія, потребуются громадныя средства, и въ этомъ случаѣ необходима самая широкая общественная благотворительность.

Посему, братіе, руководствуясь наставленіемъ святаго апостола Павла архипастырю Ефесской церкви св. Тимофею: „повѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ“ (2 Тим. 4, 2), каковое наставленіе относится и ко всѣмъ другимъ пастырямъ церкви Христовой, мы снова обращаемся къ вамъ отъ лица святой церкви съ убѣдительною просьбою о помощи несчастнымъ жителямъ города Вѣрнаго, пострадавшимъ и продолжающимъ страдать и переносить всевозможныя лишенія и неудобства отъ разрушительнаго дѣйствія подземныхъ силъ, превратившихъ цѣлый городъ въ груды развалинъ. „Страждущіе взываютъ къ помощи благотворителей“, скажемъ словами высшаго духовно-правительственнаго учрежденія въ русской церкви, „и Святѣйшій Синодъ питаетъ надежду, что возлюбленные о Господѣ чада нашей святой соборной и апостольской церкви, по искони отличавшему ихъ состраданію къ падшимъ въ несчастіе, памятуя спасительную Христову заповѣдь любви, милосердно подвигнутся на братскую помощь бѣдствующимъ жителямъ г. Вѣрнаго и селеній Семирѣченской области“ (изъ указа Св. Синода).

Итакъ, братіе-христіане, придите еще разъ съ своими посильными пожертвованіями на помощь къ несчастнымъ жителямъ г. Вѣрнаго и его окрестностей, пострадавшимъ отъ землетрясенія! Кто знаетъ? — можетъ-быть и мы будемъ нуждаться въ жертвованіяхъ со стороны другихъ, можетъ-быть и насъ вмѣстѣ съ другими согражданами постигнетъ какое-либо бѣдствіе, которое потребуетъ помощи со стороны нашихъ ближнихъ. Человѣческая жизнь на землѣ полна превратностей и неожиданностей; мы не знаемъ даже того, что съ нами можетъ случиться завтра; быть-можетъ завтра мы лишимся всего, что и имѣемъ; а быть-можетъ, и нуждаться ни въ чемъ уже не будемъ, ибо переселимся въ иной, лучшій міръ: все это въ рукахъ Божіихъ. „Любовь“ же къ ближнимъ, по словамъ апостола, „покрываетъ множество грѣховъ“ (1 Петр. 4, 8); но „судъ безъ милости не сотворшему милости“ (Іак. 2, 13). Не думайте братіе, что пожертвованія нуждающимся нанесутъ слишкомъ большой ущербъ вашему матеріальному благосостоянію; напротивъ, будьте вполнѣ увѣрены въ томъ, что благотворительность въ отношеніи къ ближнимъ, нуж-

даюшимся въ ней, есть вѣрнѣйшій путь къ полному благополучію даже и въ здѣшней жизни. „Юнѣйшій быхъ, ибо состарѣхся“, говоритъ пророкъ Давидъ, „и не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмене его просяща хлѣбы. Весь день милуетъ, и милостыни даетъ праведный, и сѣмя его во благословеніе будетъ“ (Псал. 36, 25, 26). „Иже даетъ убогимъ, не оскудѣетъ“, говоритъ премудрый Соломонъ: „а иже отвращаетъ око свое отъ нихъ, „въ скудости будетъ мнозѣ“ (Прит. 28, 27). Аминь.

Свящ. П. Авонскій.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗМОТРѢНІЕ

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНАГО РУССКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ
ОТНОШЕНІИ КЪ РАСКОЛУ ОТЪ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНІЯ ДО УЧРЕЖ-
ДЕНІЯ СВ. СІНОДА

Находя несомнѣннымъ съ достоинствомъ церкви и положи-
тельно бесполезнымъ дѣлать какія-либо уступки, которыхъ не
могъ принять фанатизмъ невѣжественныхъ суевѣровъ, церков-
ное правительство заботилось тѣмъ не менѣе о возвращеніи
заблудшихъ въ лоно церкви и употребляло къ тому средства,
которыя только могло внушить благоразуміе и искренняя лю-
бовь къ отпадшимъ братьямъ. По своему характеру и направ-
ленію, одни изъ этихъ средствъ были направлены къ тому,
чтобы уничтожить бездну, отжѣлявшую раскольниковъ отъ пра-
вославнаго общества, устранить всѣ препятствія, которыя ле-
жали въ положеніи церковныхъ дѣлъ и православномъ обществѣ,
отталкивали раскольниковъ и побуждали ихъ удалиться отъ цер-
кви и православнаго общества; другія—были прямо направлены
противъ раскольническихъ заблужденій, чтобы такимъ образомъ
въ средѣ самихъ раскольниковъ уничтожить препятствіе къ обще-
нію ихъ съ церковію.

Мы рассмотримъ всѣ эти мѣры и сдѣлаемъ, по требованію
нашей задачи, подлежащую имъ оцѣнку.

1) Первымъ изъ такихъ средствъ было стремленіе церковной
власти привести церковныя дѣла въ такой порядокъ, котораго

* См. май-іюньскую кн. «Прав. Обзор.» за текущей годъ.

требовало достоинство церкви,—вести строгое благочиніе въ отправленіи церковнаго богослуженія и побудить духовенство вести себя достойно своему высокому служенію; такъ какъ церковное неблагочиніе, небрежность, недостойное поведеніе священнослужителей увеличивали только ту глубокую бездну, которая отдѣляла раскольниковъ отъ церкви. Конечно, на пастыряхъ русской церкви лежала священная обязанность уничтожить это зло, какъ несогласное съ духомъ, достоинствомъ и чистотою церкви, и безъ раскола, но пастырямъ церкви необходимо было заботиться о прекращеніи возникшихъ безпорядковъ церкви потому еще, что съ одной стороны самые безпорядки вкрались въ церковную жизнь вслѣдствіе раскола, а съ другой питали расколъ, отторгая отъ церкви однихъ и препятствуя другимъ возвратиться въ лоно церкви. Отправленіе богослуженія въ XVII вѣкѣ не отличалось вообще строгимъ порядкомъ, благочиніемъ, торжественностію, равно какъ жизнь духовенства не отличалась благочестіемъ, трезвенностію и всѣми тѣми качествами, которыя приличны совершителю таинъ Божіихъ; напротивъ, въ отправленіи богослуженія много было безпорядковъ, въ жизни духовенства много пороковъ. Но со времени возникновенія раскола это неблестящее положеніе церковныхъ дѣлъ ухудшилось до возможной степени. Трудно объяснить, какою именно стороною расколъ содѣйствовалъ развитію безпорядковъ въ церковной жизни, тѣмъ болѣе, что расколъ, отстаивая внѣшность, обрядъ, долженъ былъ возвысить внѣшность, какъ это онъ потомъ и сдѣлалъ; но несомнѣнно, что небрежность въ отправленіи богослуженія, распушенность въ жизни духовенства особенно усилились со времени возникновенія раскола. Вѣроятно, ослабленіе субординаціи церковной, особенно въ періодъ междупатріаршества, когда строгій надзоръ со стороны церковной власти ослабѣлъ, а расколъ усилился, особенно сильно содѣйствовало развитію безпорядковъ церковныхъ. По крайней мѣрѣ, соборъ 1666 г. утверждаетъ, что когда только распространилась проповѣдь расколуучителей, будто въ настоящее время церкви — не церкви, архіереи — не архіереи, священники — не священники, священники вознерадѣли о всякомъ церковномъ благочиніи. Безпорядки въ церкви сдѣлались большимъ подспорьемъ дѣятельности расколуучителей. Значительная часть русскаго общества

отдѣлилась отъ церкви единственно только потому, что не умѣла отдѣлить содержанія отъ формы, сущности вѣры отъ обряда, уставъ отъ выполненія. Она по выполненію судила объ уставѣ, а уставъ отождествляла съ вѣрою; такимъ образомъ неточное или небрежное выполненіе устава становилось несомнѣннымъ свидѣтельствомъ упадка и поврежденности самой вѣры. Арсеній Сухановъ, замѣчая на Востокаѣ неточное, а часто и небрежное выполненіе устава церковнаго, пришелъ къ заключенію объ упадкѣ на Востокаѣ *самой вѣры*. Изъ такихъ же логическихъ началъ выходила въ своихъ сужденіяхъ о вѣрѣ та часть русскаго общества, которая потомъ образовала изъ себя раскольниковскія полчища. Какъ только огласились раскольниковскою проповѣдью отдаленныя углы Россіи, значительная часть духовенства не сумѣла противостоятъ жалкой проповѣди суевѣровъ; оно или совсѣмъ оставило богослуженіе и вообще исполненіе обязанностей своего званія, или исполняло ихъ крайне небрежно. Эта небрежность въ отправленіи церковныхъ службъ и порочная жизнь духовныхъ лицъ имѣли роковое значеніе для невѣжественнаго народа, который истинность, чистоту и неповрежденность вѣры измѣрялъ внѣшнею стройностью и благочиніемъ, порядкомъ въ богослуженіи. Видя безпорядки въ церкви, народъ прямо пришелъ къ тому же заключенію, къ какому при этихъ условіяхъ пришелъ Арсеній Сухановъ: онъ рѣшилъ, что вѣра упала, вѣра повреждена, искажена. Проповѣдь расколуучителей подтверждала ложный выводъ. „И такого рода священническаго многого невѣжества и нерадѣнія о врученномъ имъ Христовѣ стадѣ, и неприлежанія дѣлъ и непопеченія о всякомъ церковномъ благочиніи, и безчиннаго ихъ ради житія, многіи христіане отлучишася церковнаго входа, и молитвы, и о грѣсѣхъ своихъ покаянія и исповѣданія, и пріятія пречистаго тѣла и крове Христовы лишишася; могущіи же по домамъ своимъ начаша держати вдовыхъ священниковъ безъ благословенія и безъ свидѣтельства архіерейскаго, и ниіи же тѣхъ священниковъ мнози подъ запрещеніемъ и изверженніи отъ своего имъ архіерея служаху по домамъ и угождаху непокорливымъ святыя восточныя церкви (не хотящимъ въ церквахъ слушати пѣнія)“³¹²). Такимъ образомъ сама цер-

³¹²) Дополнит. акты истор., т. V, стр. 484.

ковъ была отчасти виновата въ отпаденіи многихъ отъ ея по-
печенія: собственныя ея неурядства и безпорядки соблазнили
многихъ и побудили ихъ искать удовлетворенія своимъ религіоз-
нымъ потребностямъ въ домашнемъ богослуженіи. При такихъ
условіяхъ, эти избѣгавшіе храма необходимо должны были сдѣ-
латься жертвою проповѣди расколуучителей. Церковное прави-
тельство того времени понимало всю глубину зла, отсюда про-
истекающаго для церкви; оно ясно сознавало, что доколѣ нрав-
ственная жизнь духовенства будетъ отличаться пороками и без-
нравственностію, доколѣ въ церковномъ богослуженіи будетъ
существовать безпорядокъ и небрежность, ни одна даже самая
благодѣтельная и рациональная мѣра, направленная противъ рас-
кола, не будетъ имѣть успѣха, потому что раскольникъ не безъ
основанія будутъ говорить: „*врацю исцѣлится самъ*, какъ выра-
зились отцы собора 1666 года въ началѣ своихъ засѣданій. Един-
ственное средство противъ этого застарѣлаго недуга, сдѣлавша-
гося особенно вреднымъ и опаснымъ со времени происхожденія
раскола, конечно образованіе, умственное и нравственное раз-
витіе служителей церкви. Такъ понималъ это и соборъ 1666 г.
Онъ предписывалъ: „повелѣваемъ, яко да всякій священникъ дѣтей
своихъ научаетъ грамотѣ и страху Божию и всякому церковному
благочинію, со всякимъ прилежаніемъ, яко да будутъ достойны
въ воспріятіе священства и наслѣдницы по нихъ церкви и цер-
ковному мѣсту; а не оставляти имъ дѣтей своихъ—наслѣдниковъ
мамонѣ, а церковь Христову корчемствовать и во священники
поставлятися сельскимъ невѣждамъ (иже иніи ниже скоты пасти
умѣютъ, кольми паче людей): тѣмъ убо бываютъ въ церкви Бо-
жіи мятежи и расколы“²¹³). Отцы собора, очевидно, хорошо по-
нимали, какъ причину происхожденія русскаго раскола, такъ и то,
какимъ важнымъ подспорьемъ служило для успѣха проповѣди
раскола существующее положеніе дѣлъ въ церкви—церковное
неблагочиніе и недостойное поведеніе священнослужителей. Сред-
ство было найдено самое дѣйствительное противъ означеннаго
зла; но, очевидно, оно могло принести дѣйствительную пользу
только въ будущемъ, когда возрастетъ это молодое поколѣніе

²¹³) Тамъ же, стр. 473. Полное собраніе законовъ Россійск. Импер., т. I, № 412, стр. 699.

пастырей искусныхъ граматъ, наученныхъ страху Божію и уваженію святыхъ, и не приносило никакой пользы въ настоящемъ. А между тѣмъ это существенно необходимо было сдѣлать теперь: „тѣмъ убо бывають съ церкви Божіи мятежи и расколы“. Следовательно, церковь должна была озаботиться перевоспитать насколько это конечно возможно, существующихъ священнослужителей, тѣмъ или другимъ путемъ внушить имъ уваженіе ко святыхъ, сознание долга, заставить ихъ заботиться о всякомъ церковномъ благочиніи. И нужно отдать справедливость церковному правительству того времени: оно всѣми доступными средствами старалось внушить духовенству сознание своего долга, уваженіе къ святыхъ. Отцы собора 1666—67 г. издали подробныя правила о соблюденіи церковнаго благочинія во всѣхъ его видахъ, и за неисполненіе предписаннаго налагало анаѳему, какъ на непокоряющихся церкви, полагая, что если не дѣйствуетъ убѣжденіе, то долженъ подѣйствовать страхъ отлученія отъ церкви²¹⁴). Сознавая важность этого дѣла, патріархъ Іоасафъ въ 1668 году издалъ „увѣщаніе“, послалъ граматы ко всѣмъ архіереямъ епархіальнымъ, въ которыхъ указывалъ этимъ послѣднимъ, что въ послѣднее время въ поведеніи монашествующихъ „много всякаго безчинства, и что отъ того безчинства иноческій чинъ отъ мірскихъ людей бываетъ въ безчестіи“, и требовалъ, чтобъ епархіальные архіереи постарались прекратить возникшіе безпорядки, разослали бы граматы и памяти по всѣмъ монастырямъ и церквамъ своей епархіи и „учинили бы заказъ крѣпкій, чтобъ иноки и инокини исходя изъ монастырей и безмѣстные въ домѣхъ у мірскихъ людей не жили и не ночевали, и не пили бѣ, и не бражничали, и безчинства не чинили; а гдѣ иноки и инокини у мірскихъ людей въ домѣхъ учнутъ въ передъ исходя изъ монастырей и безмѣстные жить и ночевать, и пить, и бражничать, и безчинство какое чинити, и на тѣхъ людяхъ, у кого иноческій чинъ объявится въ дому, правити пени по разсмотрѣнію, а иноковъ и инокинь—безчинниковъ поймавъ отсылать въ монастырь, гдѣ кто доведется“²¹⁵). Вслѣдствіе этой патріаршей граматы новгородскій митрополитъ Питиримъ разослалъ по

²¹⁴) Дополнит. акты истор. т. V, стр. 467.

²¹⁵) Акты археограф. экспед., т. IV, № 162.

своей епархіи къ архимандритамъ и поповскимъ старостамъ указы и памяти ²¹⁶⁾, вѣроятно тоже сдѣлали и другіе архіереи. Вообще, наблюденіе за церковнымъ и монастырскимъ благочиніемъ сдѣлалось однимъ изъ главныхъ предметовъ заботливости епархіальныхъ архіереевъ. Въ 1671 г. іюня 24 дня новгородскій митрополитъ Питиримъ издалъ указъ, по которому поповскіе старосты должны были учинить заказъ крѣпкой по всемъ Божіимъ церквамъ, чтобы попы и причетники пѣли и говорили единогласно, и безъ святительскаго указа не переходили бы отъ церкви къ церкви ²¹⁷⁾. Въ 1672 г. августа 11 Питириму сдѣлалось извѣстнымъ, что въ шенкурскомъ острогѣ и во всей вожской десятинѣ у черныхъ и бѣлыхъ поповъ многое церковное неисправленіе, о чемъ былъ посланъ поповскому старостѣ указъ. Прописывая содержаніе указа, поповскій староста подвѣдомымъ причтамъ: „а будетъ вы по господскимъ праздникамъ и въ воскресные дни и на государскіе ангелы молебновъ пѣти и Бога молити не учнете, и пѣти и говорити не единогласно, и дѣтей своихъ духовныхъ отъ всякаго дурна и безчинія унимать не учнете, и сами вы попы и дьяконы начнете упиваться до великаго пьянства и о церквахъ Божіихъ радѣть и православныхъ христіанъ, съ великимъ подрывленіемъ, страху Божію учить вы попы не учнете, и мѣра и масла у васъ въ церквахъ Божіихъ не будетъ, и за то васъ по указу великаго господина преосвященнаго Питирима митрополита Великаго Новгорода и Великихъ Лукъ, вѣдно поповскому старостѣ Предтеченскому попу Прокосью смирать васъ жестокимъ смиреніемъ, а буде кто не нажится и на такихъ непокорниковъ вѣдно ему писать въ Великій Новгородъ ко преосвященному Питириму и ихъ за крѣпкими поруками съ провожатымъ вѣдно присылать въ Великій же Новгородъ“ ²¹⁸⁾. Преслѣдуя ту же цѣль въ 1678 году митрополитъ новгородскій Корнилій приказалъ поповскимъ старостамъ и архимандритамъ, чтобы они строго смотрѣли за поведеніемъ духовенства и точнымъ исполненіемъ его прямыхъ обязанностей, уполномочивая старостъ подвергать виноватыхъ сверхъ

²¹⁶⁾ Т: стр. 215.

²¹⁷⁾ Акты экзед., IV, № 184.

²¹⁸⁾ Тамъ же, № 188, стр. 242.

обыкновеннаго наказанія — жестокаго смиренія, еще денежному штрафу ²¹⁹⁾). Ту же цѣль преслѣдовали и другіе епархіальные архіереи, понимая весь вредъ отсюда происходящій ²²⁰⁾).

Но не легко было уврачевать застарѣлый вѣковой недугъ русскаго духовенства. Происходи изъ низшаго класса, или по выраженію отцовъ собора 1666 года „изъ сельскихъ невѣждъ, которые не умѣютъ пасти скотовъ, колыми паче людей“, низшее духовенство не хотѣло отказаться ни отъ одной изъ тѣхъ грубыхъ привычекъ, съ которыми оно сроднилось еще въ дѣтствѣ, какъ онѣ ни были возмутительны. Оно ничего не видѣло худого ни въ своемъ служеніи, ни въ своей жизни. Оно не хотѣло да и не могло понять, какое гибельное вліяніе оно оказывало на своихъ пасомыхъ, религіозное чувство которыхъ возмущалось и увлекало ихъ въ глубь лѣсовъ, въ раскольническіе скиты. Духовенство, стоявшее во главѣ управленія церковными дѣлами, предпочитало страхомъ и тѣлесными наказаніями заставлять низшее духовенство исполнять свой долгъ, чѣмъ оставить ихъ на произволь судьбы. Съ 1682 года, когда попытка раскольниковъ оружіемъ возстановить старую вѣру не удалась, раскольники порвали послѣднія связи, соединившія ихъ съ церковію и обществомъ православныхъ. Они удалились во внутренность лѣсовъ, строили скиты и молебни и занялись самою дѣятельною, хотя тайною, пропагандой. Пропаганда ихъ должна была имѣть и дѣйствительно имѣла необыкновенный успѣхъ. Мѣшая внѣшность вѣры съ сущностью, отождествляя вѣру съ уставомъ и выполненіемъ его, раскольники по отдѣленіи отъ церкви внѣшнее благочиніе въ своихъ скитахъ и молебняхъ довели до возможнаго совершенства, выполненіе устава—до возможной точности. Здѣсь, очевидно, лежитъ успѣхъ ихъ пропаганды среди народа простаго, который также не можетъ отдѣлится внѣшности вѣры отъ ея сущности. „Первый, самый простой и наиболѣе употребляемый раскольниками способъ для совращенія православныхъ въ расколъ состоитъ въ приглашеніи ихъ въ свою моленную, видъ которой съ совершаемою въ ней службою обыкновенно сильно поражаетъ простолюдина, и онъ иногда

²¹⁹⁾ Тамъ же, № 225, стр. 312.

²²⁰⁾ Исторія рязанской іерархіи, стр. 166. Издан. 1820 г.

тотчасъ получаетъ въ себѣ самое увѣреніе, что расколъ есть истинная вѣра, и уходитъ въ расколъ.

1) Всѣ службы въ раскольническихъ моленныхъ совершаются по Іосифовскому уставу безъ малѣйшаго упущенія. Всѣ чтенія, бывающія въ службахъ, производятся не только неспѣшно, но даже нѣсколько на распѣвъ. Пѣніе въ раскольническихъ моленныхъ наиболѣе безыскусственное и почти всегда столповое, нѣсколько заунывное, русскими наиболѣе сносимое.

2) Всѣ входящіе въ моленные на службу стоятъ до конца службы, и въ продолженіе ея съ мѣста на мѣста не переходятъ, по сторонамъ и назадъ не смотрятъ, другъ съ другомъ не разговариваютъ, тѣмъ болѣе не смѣются. Взоръ ихъ наиболѣе обращенъ къ землѣ.

3) Раскольническія моленные или часовни всегда наполнены иконами художества наиболѣе любимаго въ народъ, художества стараго, греческаго или Корсунскаго, иконами большею частію съ разнымъ украшеніемъ и большаго размѣра. Передъ иконами во время службъ у нихъ всегда горитъ множество свѣчъ и масла. Все это, очевидно, довольно поразительно и привлекательно.

Послѣ этого обыкновенно указываютъ на православные храмы, на небрежное отправление богослуженія, на недостойное поведеніе священно-церковно-служителей православной церкви ³²¹⁾. Понятно само собою, какое впечатлѣніе должно произвести на всё, что простолюдинъ видѣлъ у раскольниковъ, и какое онъ долженъ вывести заключеніе, держась того же взгляда на вѣру какъ и сами раскольники. Способъ современной пропаганды раскольнической, описанный преосвященнымъ Григоріемъ, былъ тотъ же самый и въ то давнопрошедшее время, когда расколъ отдѣлился отъ церкви, образовалъ изъ себя совершенно самостоятельное и независимое отъ церкви общество и началъ тайную борьбу съ православіемъ, не безъ надежды на побѣду, которую обезпечивало недостойное поведеніе православныхъ священниковъ. Что

³²¹⁾ Истинно древняя христіанская церковь, Григорія архіеп. казанскаго, ч. II, стр. 315, 310 — 312, 316. Такъ объясняетъ успѣхъ раскольнической проповѣди патріархъ Іоакимъ. См. Слово благодарств. и се. Димитрій Ростовскій въ Рязьскѣ.

именно недостойное поведеніе священнослужителей православной церкви отталкивало раскольниковъ отъ церкви и ставило ихъ внѣ всякаго вліянія со стороны духовенства, достаточно припомнить, что Капитонъ Колесниковъ—этотъ образецъ расколическаго чисто вишняго благочестія—не позволялъ себѣ принимать благословеніе отъ того священника, котораго онъ однажды видѣлъ *мало себѣ въ грѣхи попустивша, и упившася до весьма*, хотя бы потомъ *и трезва со видѣша* ²²²). Думаемъ, что пастыри церкви того времени хорошо понимали, въ чемъ именно заключается сила раскола, и на сколько это возможно, старались черное и бѣлое духовенство перевоспитать такъ, чтобы самому духовенству не было *завору*, и церкви униженій. Послѣ расколическаго движенія въ 1682 году церковное правительство обратило особенное свое вниманіе на жизнь духовенства и на церковное благочиніе. Въ 1687 году Новгородскій митрополитъ Корнилій учредилъ особое отдѣленіе въ Тунскомъ приказѣ изъ четырехъ священниковъ, отличавшихся своею доброю жизнію и примѣрнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, трехъ письмоводителей и шести разсылныхъ съ тою цѣлю, чтобъ они самымъ бдительнымъ образомъ наблюдали за церковнымъ благочиніемъ и порядкомъ во всѣхъ его видахъ, за поведеніемъ священнослужителей, („чтобъ священническому чину въ укоризнѣ и поношевіи не быть“) учили, наказывали неповинующихся и доносили на неисправленныхъ. Въ наказѣ по этому поводу Корнилій писалъ: „Божественный и богоизбранный сосудъ, учитель вселенныя, святыи Павелъ апостолъ непрестанно ушесамъ возглаголетъ сице: „преданіе сохрани“; а нашей мѣрности предатеса въ управленіе церковь Божія и въ ней духовно-родшіесе и пребывающіе во преданныхъ отъ нея законѣхъ люди, дабы въ ней вся богопреданные святыи апостолами и св. отцы утвержденныи чины и христіанскій обычай храними крѣпщъ были. И мы о семъ усердиѣ имѣвъ попеченіе, ради подзиранія во входящихъ во святую церковь неправильныхъ порокъ повелѣли быть въ Тунскомъ приказѣ соборныи церкви премудрости Божія ключарю Никитѣ Тиханову, да съ нимъ изъ трехъ соборовъ выборнымъ тремъ священникамъ, искуснымъ и добροжителнымъ, дабы чрезъ

²²²) Посланіе Игнатія, митроп. тобольскаго III, стр. 99, изд. казанское.

ихъ къ намъ возвѣщаніе ради исправленія такихъ винъ, вѣдомо было " 22). Что эти входящіе во святую церковь неправильные пороки имѣли отношеніе къ расколу или стояли въ связи съ расколомъ, на это указываетъ повелѣніе митрополита ново-учрежденному отдѣленію при Туунскомъ приказѣ взять вмѣстѣ съ прежними указами о церковномъ благочиніи и книгу „Увѣтъ духовный“ и „о всѣхъ тамо писанныхъ статьяxъ ему ключарю Никитѣ съ выборными священники учинить съ подкрѣпленіемъ “ 223). О томъ же въ мартѣ 1683 году писалъ Устюжскій архіепископъ Геласій къ Соловчегодскому духовенству 225). Церковное правительство самымъ бдительнымъ образомъ смотрѣло за жизнь духовенства и за церковнымъ порядкомъ, пока распространившееся образованіе само сабою не уничтожило безнравственныхъ поступковъ, проистекавшихъ, очевидно, отъ невѣжества и непониманія своихъ обязанностей. Въ 1696 году онъ написалъ особую инструкцію поповскимъ старостамъ, въ которой главные параграфы посвящены наставленію о наблюденіи за церковнымъ благочиніемъ и жизнью духовенства 227). Въ 1714 году такуюже инструкцію далъ поповскимъ старостамъ новопосвященный Тамбовскій епископъ 228); но это уже послѣдніе въ этомъ родѣ документы.

Въ то же время церковное правительство самымъ дѣятельнымъ образомъ заботилось обуздать безмѣстное духовенство, которое поистинѣ было несчастьемъ русской церкви. Вдовы, подъ церковнымъ запрещеніемъ, или по другимъ какимъ-либо причинамъ оставшіеся безъ мѣсть, священники скитались изъ одного мѣста въ другое и предлагали свои услуги каждому. Что за люди были эти странствующие попы, объясняетъ довольно удовлетворительно соборное дѣяніе 1681 года. „А вдовымъ попамъ и еромонахамъ, отвѣчаютъ отцы на третье предложеніе царя, отнюдь не давать благословенія въ мірскихъ домахъ жить и службы церковные

223) Акты историч., т. V, № 152, стр. 262.

224) Тамъ же, стр. 263.

225) Акты археограф. экспед., т. IV, № 275.

226) Описаніе Румянцева муз. № CCCLXV, стр. 526.

227) Древняя российская вивлиоика XV, стр. 373. Изданіе 2-е.

228) Историко-статистическое описаніе тобольской епархіи, стр. 71—74.

совершать, для того что въ нынѣшнее время многіе попы и дьяконы живутъ безчинно и упиваются безмѣрнымъ пьянствомъ, и дерзають безстрашіемъ, не изтрезвився, служить божественную литургію и прочія церковныя службы — утрени, вечерни, молебны, панихиды, также и церковныя тайны святое крещеніе, муропомазаніе и благословеніе брака, и исповѣданіе и святое причащеніе и надъ болящимъ елеосвященіе, дѣйствуютъ пьяные, и отъ такого безчиннаго пьянства въ покаяніе не приходятъ и не престають, и божественнаго писаанія не внимають, и архіерейское запрещеніе презирають²²⁹⁾... Если же этимъ попомъ не удастся попасть въ крестовые попы, служить по домамъ, они уходили въ лѣса, ставили иконы и часовни, открывали богослуженіе и получали имя *страдалыцвъ*²³⁰⁾. Противъ безмѣстныхъ священниковъ и монаховъ издано было безчисленное множество указовъ, одинъ строже другаго, такъ они въ это время получили особенное значеніе: своимъ поведеніемъ они отталкивали раскольниковъ отъ церкви, а когда церковь начинала ихъ преслѣдовать, они уходили къ раскольникамъ, и удовлетворяя религиознымъ ихъ нуждамъ, заставляли раскольниковъ забывать важность и значеніе разрыва съ церковію.

Но не одними карательными мѣрами церковное правительство того времени думало перевоспитать грубое и малообразованное низшее духовенство; вмѣстѣ съ карательными мѣрами предпринимались и чисто духовныя, которыя должны были внушить духовенству сознаніе долга, сообщить понятіе о ихъ высокомъ служеніи. Съ этою цѣлію новгородскій митрополитъ Птиримъ бесплатно разсылалъ по приходскимъ церквамъ книгу „о священствѣ“ (вѣроятно ту самую, которую приказалъ перевести еще во время пребыванія его въ Воскресенскомъ монастырѣ), вмѣняя въ обязанность священникамъ и церковнымъ старостамъ списывать съ нея списки²³¹⁾. Въ 1683 году устюжскій архіепископъ Геласій писалъ къ соловычегодскому духовенству убѣдительную грамоту, чтобы оно жило и дѣйствовало такъ, какъ требуетъ того святость ихъ служенія и повелѣвають правила

²²⁹⁾ Акты историческ., т. V, № 75, стр. 114.

²³⁰⁾ Акты историческ., т. V, № 75, стр. 117.

²³¹⁾ Акты археограф. экспед., т. IV, № 184, стр. 236.

церковныя ²³²). Въ 1687 году рязанскій митрополитъ Павелъ, одинъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей противъ раскола, разослалъ по церквамъ своей епархіи убѣдительную грамоту, въ которой увѣщаетъ духовенство заботиться о всякомъ церковномъ благочиніи „яко да единодушно и едиными усты славится Богъ, и да не будутъ, по св. Апостолу Павлу раздоры“... и проч. ²³³). Но болѣе всѣхъ заботился о перевоспитаніи духовенства мѣрами чисто церковными св. Димитрій, митрополитъ ростовскій. Довольно долгое время въ Ростовѣ не было дѣятельныхъ архіереевъ, и низшее духовенство ростовской епархіи дошло до высшей степени разнузданности и нравственнаго паденія, а между тѣмъ въ средѣ раскольниковъ и даже въ православномъ обществѣ постепенно распространялось убѣжденіе, что худая безнравственная жизнь духовенства препятствуетъ совершенію таинствъ, что по молитвѣ недостойныхъ служителей Духъ святой не нисходитъ и не освящаетъ ²³⁴). Въ грамотѣ св. Димитрія, написанной вскорѣ по вступленіи его на ростовскую кафедру читаемъ: „вижду бо во многихъ церквахъ творимое пречистымъ и животворящимъ тайнамъ Христовымъ непочитаніе, паче же и уничиженіе. Держать бо тую толь великую святыню не на подобающемъ мѣстѣ, но нѣгдѣ во углѣ, а иногда дома безъ всякаго почитанія и въ сосудахъ нечистыхъ, очеривльыхъ; а еще горѣ, ниже нарицанія имъ честнаго видятъ. Не нарицаютъ бо я пречистыми христовыми тайнами, сіе есть тѣломъ Христовымъ, но нѣкимъ простымъ, паче же рещи безчестнымъ нарицаніемъ именуютъ,—рекше—*занась*“ ²³⁵). Св. Димитрій приводитъ, съ болью сердца, одинъ разговоръ его съ приходскимъ священникомъ. „Случися бо намъ, говоритъ онъ, мимошедшаго 1702 года во градъ Ярославль грядущимъ, внити во единой веси въ церковь, идѣже, по обычномъ моленіи, азъ смиренный, хотя обычную почесть и почесть и поклоненіе воздати пречистымъ Христовымъ тайнамъ, егда вопрошихъ тамошняго попа: „гдѣ суть животворящія Хри-

²³²) Тамъ же, № 275.

²³³) Исторія рязанской іерархіи, стр. 171—181. Изданіе 1820 г.

²³⁴) Розыскъ, стр. 510—512.

²³⁵) Собраніе сочиненій св. Димитрія Ростовскаго, ч. I, стр. 200.

стовы тайны? Попъ же той не разумъ словесе моего и, яко не домышляяй, стояше молча. Паки рѣхъ: гдѣ тѣло Христово? Попъ же ни сего словесе познати можаше. Егда же одинъ отъ со мною бывшихъ искусныхъ іереевъ рече къ нему: гдѣ запасъ? тогда онъ изъемъ изъ угла сосудецъ зѣло гнусный, показа въ немъ хранимую толь великую святыню въ небреженіи, на ню же ангелы смотрять со страхомъ, и возболѣзновахомъ о томъ сердцемъ по премногу²²⁶⁾... Другой случай, рассказанный святителемъ въ этомъ посланіи, не менѣе предыдущаго свидѣтельствуесть какъ о лѣности и небрежности нѣкоторыхъ священниковъ ростовской епархіи, такъ и о крайнемъ ихъ невѣжествѣ. „Въ нѣкоей церкви, пишетъ святитель, попъ служилъ святую литургію безъ книги, служебникъ нарицаемой, и безъ молитвъ служенію подобающихъ; токмо едины возгласы глаголя: и егда протопресвитеръ и протоіакоу, то узрѣвше, вопросиша его: для чего безъ книги служебника и безъ молитвы служить? отвѣща попъ: уже я прочелъ служебныя молитвы въ дому. Начаша убо глаголати ему, яко недобрѣ дѣлаесть. Онъ же рече: азъ отъ старыхъ поповъ сего навыкахъ, и сказа по имени, отъ кого навиче²²⁷⁾. „Не менѣе и о семь, болѣзную сердцемъ, пишетъ въ другомъ мѣстѣ св. Димитрій, яко о нѣкихъ попахъ слышу, что по вечерашемъ пьянствованіи, не отрезвившеся, къ служенію не приготовльшеся, и похмельемъ одержиміи дерзають литургисати, еже людемъ есть на соблазнъ, и самимъ таковымъ іереомъ на вѣчную погибель. Друзія же злонравніи въ церкви и св. олтарѣ сквернословить, матерно бранящеся, и творять домъ Божій вертепомъ разбойниковъ: и таковыхъ погибель не дремлетъ и судъ Божій не закоснитъ“ 2 Петр. II, 5²²⁸⁾. Нѣкоторые изъ священниковъ дозволяли себѣ рассказывать грѣхи, открытые имъ на исповѣди, и угрожали этимъ открытіемъ своимъ духовнымъ дѣтямъ, если почему-либо къ нимъ были не расположены или находились въ ссорѣ и враждѣ²²⁹⁾, очень многіе отказывались ходить напутствовать больныхъ, если только эти больные не имѣли хорошаго состоянія²⁴⁰⁾.

²²⁶⁾ Тамъ же, стр. 200—201.

²²⁷⁾ Тамъ же, стр. 214.

²²⁸⁾ Тамъ же, стр. 214—215.

²²⁹⁾ Тамъ же, стр. 153.

²⁴⁰⁾ Тамъ же, стр. 166—167.

Св. Димитрій, видя такія страшныя преступленія въ подвѣдомомъ ему духовенствѣ, посылалъ нѣсколько посланій по церквамъ своей епархіи, въ которыхъ учить, наставляеть и убѣждаетъ священниковъ оставить свои беззаконія и угрожаетъ въ случаѣ неисполненія страхомъ суда Божія. „Должность моя и божественное писаніе повелѣвають ми не молчати, но и моленіемъ и прощеніемъ увѣщевати васъ, о братіе! да въ своемъ званіи, яко же подобаетъ, пребываете. Глаголетъ бо съ апостолъ Павелъ къ Тимоѣею еще: проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ (2 Тим. IV, ст. 2); тоже говоритъ и пророкъ Іезекиль (Іезек. III, 17, 18, 19, XXXII, 7—89). Тѣхъ во св. писаніи глаголовъ Божіихъ и азъ грѣшный бояся, сіе малое предлагаю вамъ увѣщаніе ко исправленію вашему. Вижду бо въ васъ многое требующее исправленія, яже ово отъ невѣдѣнія, ово отъ небреженія неискусныхъ и нерадивыхъ іереевъ въ толикой вредъ преизыдоша, яко иная едва съ великимъ трудомъ врачеватися могутъ. О чесомъ болѣзную сердцемъ: ревность бо дому Божію снѣдаетъ мя, и страхъ объемлетъ мя, яко имущаго воздати о васъ слово Богови. И боюся да не како за ваше небреженіе и на меня прогнѣвается Господь. Убо вкратцѣ нынѣ завѣтъ: сія о нужнѣйшихъ нѣкихъ вещехъ отъ смиренія нашего вамъ предлагается“²⁴¹). Раскрывъ подробно важность, значеніе и силу таинства св. евхаристіи, св. Димитрій дѣлаеть подробныя наставленія священникамъ о способѣ совершенія таинства, о чувствахъ и особенномъ благоговѣніи, съ которыми іерей долженъ приступать къ совершенію сего великаго таинства, и грозитъ гнѣвомъ Божіимъ и будущимъ судомъ тѣмъ, которые не исправятся и послѣ этого увѣщанія. „О окаянные іерей! восклицаетъ святитель, аще сами Христа Бога въ пречистыхъ и животворящихъ Его тайнахъ сущаго не знаете, вѣры же и любви къ нему не имѣете, и достожднаго не воздате ему почитанія: [то како простыхъ людей истиннаго богопознанія научите? Горе вамъ вожди слѣпци, слѣпцовъ водящіе! Того ради властію, отъ Бога намъ данною, повелѣваемъ и страшнымъ судомъ Божіимъ претимъ, дабы іерей конечно всячески божественнымъ почитаніемъ

²⁴¹) Тамъ же, стр. 198—199.

и поклоненіемъ почитали пречистыя Христовы тайны, еже есть тѣло Христово, простѣрекше: святой агнецъ сушеный, на весь годъ, больныхъ ради хранимый. О, крайняго безуменія и неродѣнія глупыхъ іереевъ, паче реку—ругателей христовыхъ! о безстрастія и небреженія! о пагубы ихъ вѣчныя! Коль велие есть долготерпѣніе Божіе, яко не падеть огнь съ высоты на таковыя попы и не сожжетъ я живы на тѣхъ мѣстахъ, идѣ же тако литургисаютъ, истиннѣе же реку ругаются Христу! Блюдите убо и внимайте себѣ, о, іерей! да не поразить васъ внезапно Господь и не погибнете съ душами и тѣлеса и примите часть съ распеньшими Христа и съ поругавшимися Ему“²⁴²). Съ меньшей силою онъ обличаетъ тѣхъ изъ священниковъ, которые дозволяли себѣ открывать грѣхи кающихся... „И того ради пишемъ ко всѣмъ обще сіе наше краткое увѣщаніе, да и тайна исповѣди твердо хранима будетъ, во еже бы не погибати искуснымъ попомъ-духовникамъ и дѣтемъ духовнымъ не отщетеватися спасенія своего, иже безславливаемымъ быти. Глаголемъ бо съ Давидомъ ко таковымъ неразумнымъ іереамъ: разумѣйте безжиліи въ людехъ и буи нѣкогда умудритесь, вѣдуще, что есть тайна исповѣди или покаянія свяаго. Коль великій грѣхъ открывать и разорять ту тайну, и коль велиа тщета отъ разоренія тайны тоя бываетъ. Аще бы кій властелинъ или судъ гражданскій повелѣлъ и нудски принуждалъ іерея, да скажетъ каковый грѣхъ духовнаго своего сына, и аще бы прещеніемъ, смертію и муками претилъ и убѣждалъ ко изъясненію грѣха чьего: то іерей долженъ есть умерети мученическимъ вѣнцемъ, неже тайну Божию въ явленіе предати, изъясняя грѣхи духовнаго сына... О духовниче неискустный, злый обличителю своихъ духовныхъ дѣтей, раззорителю тайны Божія, соблазнителю міра и виновниче пагубы многихъ душъ человѣческихъ! Почто исповѣданные грѣхи и уже прощенные паки на среду приводиши? Почто Богомъ покровенная и потаенная открывая являеши? Почто скверниши очищенныхъ? Богъ положи въ забвеніе грѣхи человѣческіе исповѣданные, глаголетъ бо во Іезекилевомъ пророчествѣ: аще грѣшникъ покается, не вспоманутся къ тому грѣси его (Іезек. XXXIII, 16, 19). Ты же, окаанный іерею,

²⁴²) Тамъ же, стр. 200—214.

дѣтей твоихъ духовныхъ грѣхи памятствуеши и воспоминаеши ихъ же не подобаетъ воспоминати, и творишися противенъ Богу. Той бо единою прощенная не имать воспомянути въ безконечныя вѣки, ты же дерзаеши то воспоминати: коимъ каземъ достоинъ еси? Сія вамъ предлагаа, о іереи, молю васъ увѣщевая и увѣщеваяю моля, да престанете такового безумнаго злонравія и пагубныя дерзости... Азъ же смиренный архіерей властію архіерейскою вамъ іереомъ повелѣваю, не точію не обличати и въ явленіе непроизводити; но ниже тщеславитися тѣмъ, кому духовный отецъ еси... Аще же впредь, кто отъ іереевъ, въ такихъ неисправленіяхъ пребывающъ, извѣстно и имянно отъ нашего смиренія увѣдомъ будетъ, такой имать подняти отъ насъ судъ и наказаніе грозное, яко непокорный Богу и нашему архіерейскому увѣщанію противенъ²⁴³⁾. „Еще же и сіе нашему смиренію вѣстно сотворися, яко нѣщии отъ нерадивыхъ іереевъ, не малую подъ собою паству душъ человѣческихъ имущи не пекутся, якоже подобаетъ пешися о спасеніи ихъ, и лѣнятся ходити къ больнымъ, еже исповѣдати и причастити ихъ; а наипаче къ людямъ убогимъ и нищимъ не хотятъ ходити, токмо къ богатымъ ходятъ, а убогихъ и нищихъ презирають, и мнози нерадѣніемъ ихъ безъ исповѣди и безъ причація Божественныхъ таинъ умирають... Заповѣдю убо Бога нашего заповѣдуемъ іереомъ, да всячески пекутся о спасеніи душъ человѣческихъ, во дни и въ нощи, не презирающе убогихъ и нищихъ, но равно якоже о богатыхъ, тако и о тѣхъ радяще. Равно бо о всѣхъ отвѣтъ дати требъ во время грознаго испытанія, понеже равно о коемъждо владыка Христосъ истязаетъ отъ іерея, о нищемъ якоже и о богатомъ“²⁴⁴⁾. Но св. Димитрій не хотѣлъ оставить безъ отвѣта и тѣхъ возраженій со стороны раскольниковъ, которыя родились у нихъ вслѣдствіе дурнаго и недостойнаго поведенія духовенства и которыми они оправдывали свое отдѣленіе отъ церкви. Въ своемъ „розыскъ о брынской вѣрѣ“ св. Димитрій дѣлаетъ подробное и обстоятельное рѣшеніе вопроса: развращенное іерейское житіе возбраняетъ ли Духу святому приходити на святые дары и совершати я? Сказавъ, что не себя приносить

²⁴³⁾ Тамъ же, стр. 163—165.

²⁴⁴⁾ Тамъ же, стр. 166—167.

въ жертву Богу Отцу священнодѣйствующій іерей, но Сына Божія, и доказавъ, что примѣръ ветхозавѣтной исторіи — не приложимъ, св. Димитрій говоритъ: „потребно есть по истинѣ къ служенію и іерейское добродѣтельное житіе; дабы, яко ангель видимый съ невидимыми ангелами предстоялъ безкровной жертвѣ. И кійждо іерей долженъ по силѣ своей о семъ пещися, еже чистѣ и достойнѣ предстати алтарю Божию, да не въ судъ и не въ муку себѣ предстанеть. Любить бо Богъ служащихъ ему чистѣ іереовъ, и мзду имъ на небеса готовить: дерзающихъ же нечистѣ и недостойнѣ на служеніе приходити, имать предати мукамъ. Обаче и грѣшное іереовъ житіе нѣсть пренятіемъ дѣйствію св. Духа ко освященію и совершенію св. даровъ: вси то церковные учителя согласно утверждаютъ. Во свидѣтельство сея истины да приведется, вмѣсто многихъ святыхъ отецъ, единъ св. Іоаннъ Златоустъ. Той во своихъ на посланія св. апостола Павла бесѣдахъ, на 2-е посланіе къ Тимоею, во главѣ 1-й въ нравоученіи второмъ, извѣствуетъ: яко истинный есть приносъ, аще и нечисто житіе принося имать, и глаголетъ: крѣпами дѣйствоваше Богъ у кивота, егда хоташе спасти люди. Еда бо житіе священническое? еда бо добродѣтель толикое нѣчто споспѣшествуетъ? немощно сицевымъ, яже даруетъ Богъ, еже отъ священническія добродѣтели совершатися; все благодати есть, сего (іерея) есть отверзти точію уста, все же Богъ содѣлываетъ; образованій сей токмо исполняетъ. И паки глаголетъ: хошу нѣчно преславное рещи, но не чудитесь, ниже смущайтесь. Что же сіе есть? Приносъ тойжде есть, аще и случивыйся принесетъ, мы же внемлемъ словесамъ Златоустаго: аще и случивыйся (рече) принесетъ, сіе есть, аще и худый житіемъ будетъ іерей, обаче приносъ тойжде есть, тояжде, а не иная жертва, якоже и святаго коего мужа; и глаголетъ: аще и Павелъ, аще и Петръ (принесетъ) тойжде есть (прилогъ), его же Христосъ ученикамъ даде, и его же нынѣ священницы творятъ: и ничимъ же сей меньше онаго, зане и сего *не чловѣцы освящаютъ*, но самъ той, иже и онаго освятивый. Якоже бо глаголы, яже Богъ провѣща, тыяжде суть, яже и нынѣ священникъ глаголетъ: сие и приносъ тояжде есть“²⁴⁵). Затѣмъ въ подтвержденіе своей

²⁴⁵) Розыскъ, стр. 510—516.

мысли приводить примѣры изъ Пролога и Патерика Скитскаго. Отъ сихъ доводовъ и свидѣтельствъ, говоритъ св. Димитрій въ заключеніе, явѣ показуется, яко развращенное іерейское житіе •нѣсть возбраненіемъ благодати Духа святаго приходити на святыя дары и совершатися“.

Постоянно основывавшіяся въ это время школы, а въ нѣкоторыхъ епархіяхъ даже семинаріи дали возможность епархіальнымъ архіереямъ рукополагать въ санъ священника людей получившихъ образованіе, если и не особенно блестящее, по крайней мѣрѣ такое, которое внушало имъ уваженіе къ своему сану и сознаніе своего дѣла и удерживало ихъ отъ тѣхъ недостойныхъ поступковъ, которыми была такъ богата жизнь прежнихъ священниковъ, не получившихъ никакого правильнаго систематическаго образованія.

Правительство церковное бдительно смотрѣло за низшимъ духовенствомъ, но исполняло ли это послѣднее предписанія своего начальства? Одно то, что эти предписанія издавались едва ли не каждый годъ, говоритъ, что эти предписанія не исполнялись, или если исполнялись, то не такъ точно, какъ того требовало правительство, и не вездѣ. Здѣсь, какъ и во всей дѣятельности духовенства противъ раскола замѣчается самый крайній разладъ между требованіями и предписаніями высшаго духовенства и исполненіемъ со стороны низшаго. Но нельзя не замѣтить, что эта мѣра имѣетъ свою хорошую сторону. Она говоритъ, что духовенство смотрѣло на расколъ не съ презрѣніемъ, котораго онъ вполне заслуживалъ, но особенно снисходительно, не обольщалось православіемъ своей вѣры, но обращало вниманіе и на заявленія со стороны раскола, какъ скоро эти заявленія были справедливы и законны. Нельзя сказать и того, чтобы эти успія со стороны духовнаго правительства были напрасны и не приносили никакой пользы. Въ тотъ вѣкъ и въ гражданскомъ вѣдомствѣ и въ духовномъ наказаніе и страхъ относительно большинства были единственными средствами, которыми побуждали къ точному исполненію предписаннаго; слѣдовательно, наказаніе, которому подвергали виновныхъ, должно было сдѣлать то, чего не могли сдѣлать убѣжденія и всякія другія разумныя мѣры. Нельзя назвать случайнымъ совпаденіемъ того, что расколъ или совѣзмъ не распространился или распространился очень

слабо въ мѣстностяхъ, гдѣ былъ самый бдительный надзоръ надъ духовенствомъ, и съ особенною быстротою распространялся и усиливался въ мѣстахъ или совершенно пустыхъ, или удаленныхъ отъ благодѣтельнаго надзора епархіальнаго начальства. Расколъ усиливается въ олонецкихъ предѣлахъ—на болотистой мѣстности окруженной лѣсами, куда долго не могъ проникнуть никакой надзоръ; въ нижегородской области, которая сначала принадлежала къ патріаршей епархіи и по своей отдаленности отъ Москвы осталась почти внѣ всякаго надзора, а когда была открыта самостоятельная кафедра въ Нижнемъ-Новгородѣ, нижегородскіе митрополиты или совсѣмъ не обращали вниманія на расколъ и не принимали противъ него никакихъ мѣръ, или даже сами придерживались раскола.

2) Въ ряду другихъ причинъ, побуждавшихъ раскольниковъ удаляться православнаго общества и смотрѣть на него, какъ на не православное, едва ли не самую важною, послѣ причинъ чисто религіозныхъ, было увлеченіе нѣкоторой части русскаго общества иностранными обычаями. Отстаивая все старое, раскольники не могли примириться съ православнымъ обществомъ, въ домашнюю и общественную жизнь котораго входило много новаго, чужаго, иностраннаго, въ чемъ не было никакой нужды, что не вело ни къ какой серьезной цѣли. Это-то увлеченіе чужимъ увеличивало и безъ того глубокую бездну, отдѣлявшую раскольниковъ отъ православнаго общества, и дѣлало духовное и даже социальное единеніе ихъ почти невозможнымъ. Неразвитый малообразованный народъ по внѣшнему гадаеть о внутреннемъ, или вѣрнѣе—не выдѣляетъ и не можетъ выдѣлить внѣшняго отъ внутренняго: на то и другое онъ смотритъ какъ на нѣчто цѣлое и одинаково важное. Отсюда, уклоненіе отъ обычаевъ и условій жизни, преданныхъ предками, чисто національныхъ, въ понятіяхъ малообразованнаго народа имѣеть самую тѣсную связь съ уклоненіями отъ вѣры. Иначе и быть не могло. Каждый обычай національный и вообще все національное не подлежало никакому измѣненію, почиталось священнымъ и ограждено было соборными постановленіями ²⁴⁶⁾. Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести на раскольниковъ постепенное

²⁴⁶⁾ Сморг. напр. 40 главу наставленій Стоглаваго Собора.

привхожденіе въ жизнь русскаго народа обычаевъ иностранныхъ. Раскольники въ самомъ началѣ отдѣленія своего отъ церкви заподозрили православное общество въ латинствѣ ²⁴⁷⁾. Аввакумъ, вѣроятно по поводу запрещенія носить длинныя русскіе охобни паремъ Феодоромъ Алексѣевичемъ, писалъ: „о Русь! чего тебѣ захотѣлось? Латинскихъ обычаевъ? Совсѣмъ сплелись восточныя съ западными“. Но это подозрѣніе, пока ни на чемъ не основанное, должно было взойти на степень несомнѣннаго убѣжденія въ раскольническомъ обществѣ послѣ того, какъ въ частную и общественную жизнь русскаго общества стали входить дѣйствительно западно-европейскіе обычаи. Постепенно входили въ употребленіе брадобритіе, стриженіе усовъ, ношеніе париковъ, нѣмецкіе и венгерскіе костюмы, куреніе табаку и подоб. и проникали даже въ массу народную ²⁴⁸⁾. Въ глазахъ одностороннихъ ревнителей старины это уже было дѣйствительное отступленіе отъ истинной вѣры, чистое латинство, еретическое нововведеніе. Аввакумъ считалъ недостойнымъ и неприличнымъ благословить сына Василя Петровича Шереметева, „видя его блудоносный образъ“ и обличалъ отъ Писанія ²⁴⁹⁾. Денисовъ на стриженіе и бритье бороды и усовъ, куреніе табаку, ношеніе турецкихъ костюмовъ, употребленіе пищи вмѣстѣ съ турками и франками указываетъ какъ на несомнѣнный признакъ отступленія грековъ отъ истинной вѣры и упадка вѣры на Востоку ²⁵⁰⁾, хотя все конечно это не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ вѣрѣ. Такимъ образомъ, въ трудной борьбѣ съ расколомъ возникали новыя затрудненія, въ которыхъ виновато православное общество. Ясно же другихъ видѣло православное духовенство зло, могущее произойти, отстаивало доброе старое, и пока было можно, вооружалось противъ нововведеній, въ которыхъ не было никакой нужды и которыя не могли принести никакой пользы. За эту дѣятельность обыкновенно осуждаютъ духовенство, говорятъ, что оно

²⁴⁷⁾ «Книга на крестоборную ересь» протоп. Аввакума. Описаніе раскольниковъ. сочин. Александра Б. ч. II, стр. 6.

²⁴⁸⁾ Юридич. акты. № 30, стр. 77—81. «Судное дѣло о табакѣ».

²⁴⁹⁾ Автобіографія протоп. Аввакума, стр. 16.

²⁵⁰⁾ Изъясненіе о грѣсехъ. Приложение къ Винограду російскому Денисова. Рукоп. моск. дух. акад.

было также невѣжественно какъ и раскольники, и потому возставало противъ реформъ. Обвиненіе это по меньшей мѣрѣ несправедливо. Къ чести русскаго духовенства должно замѣтить, что оно не возставало противъ необходимыхъ и дѣйствительно полезныхъ реформъ, и возставало только противъ такихъ реформъ, какъ бранобрітіе и принужденіе носить нѣмецкіе костюмы, нужды, пользы и разумности которыхъ не докажетъ самый остроумнѣйшій изъ поклонниковъ европеизма и реформъ Петра I.

Первый, послѣ Никона, обратилъ на это вниманіе патріархъ Іоакимъ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ дозволена была продажа табаку. Табакокурение или „табакопійство“, какъ тогда выражались, начало быстро распространяться и не только въ высшемъ кругу, но проникало и въ низшіе слои²⁵¹⁾, даже въ духовенство²⁵²⁾. Въѣсть съ тѣмъ начало входитъ въ моду бранобрітіе. Патріархъ Іоакимъ вооружился противъ антинаціональных обычаевъ и повидимому достигъ своей цѣли: продажа табаку была запрещена, за бранобрітіе и подрѣзываніе волосъ начали лишать чиновъ²⁵³⁾. На что преимущественно опирался патріархъ Іоакимъ, когда требовалъ отъ гражданской власти запретить табакокурение, столь противное раскольникамъ, неизвѣстно, извѣстно только, что въ 1680 году былъ цѣлый рядъ слѣдствій по поводу табакокурения въ средѣ крестьянъ²⁵⁴⁾. Въ концѣ царствованія Θεодора Алексѣевича бранобрітіе опять начало распространяться съ особенною силою. Патріархъ Іоакимъ не могъ примириться съ нововведеніемъ „еллинскій, блудническій, гнусный обычай, древле многаши возбраняемый, во днехъ царя Алексѣя Михайловича всесовершенно искорененный, паки нынѣ неистовни начаша образъ, отъ Бога мужу дарованный, „избити“. Онъ отлучалъ отъ церкви за бранобрітіе и за сообщеніе съ бранобрітцами²⁵⁵⁾. Полагая, что эти новые, противные русской народности, обычаи входятъ не столько непосредственно изъ западной Европы, сколько чрезъ жившихъ въ Россіи нѣмцевъ и особенно

²⁵¹⁾ Юридическіе акты, № 30, стр. 77—81.

²⁵²⁾ Исторія о отцѣхъ и страдалц. соловецкихъ, стр. 38—39. Изданіе Есипова. Прилож. Раскол. дѣла XVIII в.

²⁵³⁾ Исторія Россіи. Соловьева, т. XIII, стр. 197.

²⁵⁴⁾ Юридическіе акты, № 30, отд. III.

²⁵⁵⁾ Исторія Россіи. Соловьева, т. XIV, стр. 277—278.

іезуитовъ, Іоакимъ старался унижить первыхъ и изгнать изъ Россіи послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что іезуиты, вѣрные своему призванію занимались въ Москвѣ самою дѣятельною пропагандой своего вѣроученія. Какъ только покровитель іезуитовъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, замѣшанный въ замыслахъ Шакловитаго, былъ сосланъ въ ссылку, патріархъ вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ, билъ челомъ великимъ государямъ, что езуиты живутъ на Москвѣ многое время не къ дѣлу, а прежде сего, изстаріи, при предкахъ государскихъ, римскіе езуиты въ московскомъ государствѣ никогда не были и не живали, а нынѣ живучи они езуиты на Москвѣ, чинятъ многую св. соборной апостольской церкви противность печатными письмами и образами на полотнахъ и на роговой кости, также и иными прелестями, а у святой соборной апостольской восточной церкви съ западнымъ римскимъ костеломъ многія несходства, и чтобы великіе государи больше сего имъ, езуитамъ, за такими вышеупомянутыми препятствіями въ московскомъ государствѣ не позволили²⁵⁶). Просьба Іоакима была уважена. Іезуиты были высланы изъ Москвы; дозволено жить только двумъ ксензамъ съ тѣмъ впрочемъ условіемъ, чтобъ „тѣ ксензы, живучи въ Москвѣ, ни въ какія не подлежащія и не въ свои дѣла не вступались и вѣрѣ греко-россійской никакой противности не чинили и русскихъ людей не отвращали и въ дома къ русскимъ людямъ не ходили, и чтобъ подъ именемъ ксензовъ въ Москвѣ іезуиты не проживали“²⁵⁷. Ревность патріарха Іоакима иногда доводила его до крайностей. По случаю рожденія Алексѣя Петровича въ дворцѣ (1690 года 28 февраля) должны были обѣдать всѣ чины государства и въ томъ числѣ служащіе въ Россіи иностранцы. Патріархъ настоялъ, чтобъ на этомъ чисто русскомъ торжествѣ не было иностранцевъ²⁵⁸). Требованіе престарѣлаго патріарха было уважено, но оно произвело неблагопріятное впечатлѣніе какъ на Петра, такъ и на иностранцевъ.

Предъ смертію патріархъ Іоакимъ, опасаясь за чистоту вѣры и національные обычаи, написалъ завѣщаніе, въ которомъ умо-

²⁵⁶) Собраніе государствен. грамотъ и договоровъ, т. IV, № 203.

²⁵⁷) Полное собраніе законовъ, т. III, № 1388.

²⁵⁸) Исторія Соловьева, т. XIII, стр. 153.

ляя государей сохранить ненарушимою чистоту вѣры православно-восточной и русскіе обычаи. „Опять напоминаю, писалъ онъ, чтобъ иновѣрцамъ еретикамъ—костеловъ римскихъ, кировъ нѣмецкихъ, татарамъ мечетей не давать строить нигдѣ, новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платьѣ перемѣнъ по иноземски не вводить. Удивляюсь царскаго синклита совѣтникамъ палатнымъ и правителямъ, которые на посольствахъ въ иныхъ земляхъ бывали, видѣли, что всякое государство свои нравы и обычаи имѣетъ въ одеждахъ и поступкахъ, свое держатъ, чужаго не принимаютъ, чужихъ вѣръ людямъ никакихъ достоинствъ не даютъ, молитвенныхъ храмовъ имъ строить не позволяютъ: въ нѣмецкихъ государствахъ есть ли гдѣ церковь благочестивой вѣры“²⁵⁹⁾. Не могъ конечно патріархъ Іоакимъ и подумать, что тотъ, къ кому онъ обращался съ своими увѣщаніями и мольбами, чрезъ 9 лѣтъ русскимъ запретилъ быть русскими по виѣшнимъ отличіямъ...

Въ 1690 году 22 августа избранъ былъ на мѣсто умершаго патріарха Іоакима казанскій митрополитъ Адріанъ²⁶⁰⁾. Новый патріархъ съ особенною ревностью защищалъ дѣло православія и русской народности. Положеніе дѣлъ измѣнилось, Петръ возмужалъ; потѣхи прекратились; началась реформаторская дѣтельность Петра. Иностранцы пріѣзжали въ Россію, по вызову Петра, со всѣхъ сторонъ въ огромномъ количествѣ. Въ 1698 году ихъ вдругъ пріѣхало 700 человекъ²⁶¹⁾. На правахъ дорогихъ гостей, они дозволяли себѣ разныя вольности²⁶²⁾. Народъ смотрѣлъ и недоумѣвалъ. Теперь патріархъ возвысилъ свой голосъ. Требовать высылки иностранцевъ изъ Россіи, какъ это сдѣлалъ Іоакимъ,—было дѣло не мыслимое: патріархъ уже не имѣлъ той силы и значенія, какими пользовались предшественники Адріана. Патріархъ рѣшился дѣйствовать чисто духовными мѣрами: онъ убѣждалъ, умолялъ, запрещалъ слѣдовать иностраннымъ обычаямъ, въ особенности онъ вооружался противъ бритья бороды, которая уже съ давнихъ поръ сдѣлалась

²⁵⁹⁾ Исторія Устрялова, т. II, приложение.

²⁶⁰⁾ Полное собраніе законовъ, т. III, № 1381.

²⁶¹⁾ Записки Желябужскаго, стр. 123, изд. Сахарова.

²⁶²⁾ Тамъ же, стр. 124.

символомъ, отличительнымъ признакомъ русской народности, православія. Вскорѣ по вступленіи своемъ на патріаршій престолъ, Адріанъ написалъ грамоту, въ которой онъ давалъ всякаго чина людямъ подробныя наставленія, которыми они должны руководиться въ религіозной и нравственной жизни, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную. Побужденіемъ къ написанію этой обширной грамоты послужило отчасти увлеченіе русскихъ иностранными обычаями. „Вижду бо, писалъ Адріанъ, нѣвія кромѣ закона исповѣданія и преданія ходящія и уклоняющіяся въ чужестранныя пѣнія, обычаи, паче же прелести еретическія и содружествующія и сообщаемыя съ самыми ими“²⁶³). Весь 15-й параграфъ этой грамоты посвященъ брадобрітію. Патріархъ Адріанъ старается доказать противузаконность брадобрітія и необходимость ношенія бороды — и священнымъ писаніемъ, и соборными опредѣленіями, писаніями св. отцевъ, примѣрами изъ жизни святыхъ и наконецъ здравымъ смысломъ. „Православнымъ христіанамъ не подобаеъ брить бородъ и противпѣся заповѣди Божіей. Ибо самъ Богъ воспретилъ это, говоря: „не постригайте брадъ вашихъ“. По пришествіи Христа на землю, святые апостолы также заповѣдывали: не подобаеъ брады власовъ растлѣвати и образъ мужескій надъ естество (не) измѣняти“ Обычай этотъ чисто еретическій. Царь Ираклій какъ только впалъ въ монофелитскую ересь, остригъ свою бороду; но за чуждый христіанства обычай, какъ исповѣдимый Богомъ наказанъ былъ страшно отъ Бога неестественнымъ отправленіемъ своихъ органовъ“²⁶⁴). Послѣдующіе еретики тоже брили бороды. Православные же христіане не только не брили своихъ бородъ, но даже страдали за нихъ, какъ страдалъ Евстафій въ Вильнѣ отъ Олгерда, Георгій болгарскій въ Средцѣ градъ отъ Селима Амурата и другіе. Вообще, всѣ святые, начиная отъ праотца Адама, имѣли бороды, какъ это можно видѣтъ на иконахъ. И при общемъ воскресеніи возстанутъ такими, какъ сотворилъ Богъ, совершенными мужами, съ цѣлыми и неподстриженными или выбри-

²⁶³) Грамота патр. Адріана. См. прибавл. ко II т. Раскольниковъ. дѣлъ XVIII в. Есяпова, стр. 78.

²⁶⁴) Здѣсь патр. Адріанъ приводитъ факты неприличныя и потому не удобныя къ изложенію.

тими бородами. Люди съ выбритыми бородами и оставленными усами—это не люди, но *коты или псы*.

Прилично напомнать (разумѣть) сказанное св. Духомъ: чело-вѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ... Нѣкоторые изъ ненаученыхъ, пренебрегая заповѣдь Божию и святыхъ, начали растлѣвати образъ мужнины — стричь и брить борода, носить иностранные одежды и на головахъ тафьи и большая часть изъ нихъ такъ смѣшалась съ еретиками, что съ трудомъ можно отличить православнаго отъ еретиковъ, которые день отъ дня впадаютъ все въ большее и большее заблужденіе. Брили борода обыкновенно въ поруганіе, какъ это можно видѣть изъ поступка Амнона царя надъ посланными Давида, изъ исторіи русскаго государства. Слышите брадобрійцы! если вы дѣти православной церкви, то уклонитесь отъ пагубнаго обычая. Посмотрите на икону страшнаго суда Христова и увидите, что праведные стоящіе по правой сторонѣ Христа всѣ имѣють борода, на лѣвой же сторонѣ стоящіи бесермены и еретики-лютеране, поляки и имъ подобные имѣють только одни усы, какъ кошки или псы. Посмотрите, кому подобны себѣ творите и въ коей части напсуетесь?! Съ тѣхъ поръ, какъ російскій народъ нашъ просвѣтился православіемъ, о брадобритіи никто не слышалъ. Прежде бывшіи архіереи и патріархи за брадобритіе отлучали отъ церкви и православнаго общества, отъ всякой святини, отъ архіерейскаго и іерейскаго благословенія. „Сихъ ради, заключаетъ патріархъ Адріанъ, не подобаетъ вамъ православнымъ христіанамъ сущимъ отнюдь приимати сего еретическаго и злодѣйскаго знаменія, но паче гнушатися имъ лѣпо и удалятися отъ него, яко отъ нѣкія мерзости, за небрадобридамъ некающимся и отъ того непреставшимъ не подобаетъ по установленію соборному, яко рѣчено, древнихъ архіереевъ благословеніе священническое подаяти, но подобаетъ входъ церковный таковымъ возбраняти и Св. Таинъ причащенія лишати, и сообщенія православныхъ христіанъ отлучати. Аще же кто отъ таковыхъ умретъ, непреставъ отъ злообычая сего, и искренно не покайся (сами судите себѣ самыя) какъ таковой сподобится православныхъ христіанъ погребенію или въ молитвахъ церковныхъ поминовенію, живъ сый противляйся Богу и Его закону; въ кую же часть возстанетъ на судъ Божій? въ часть

праведныхъ имущихъ не стриженныхъ браны или въ часть еретиковъ, бранобрійцевъ: оставляю вамъ самимъ на разсужденіе. Кійждо бо имать умъ, могутъ добръ сіа разсудити“²⁶⁵). Грамота эта должна была произвести сильное вліяніе на современниковъ. По отношенію къ раскольникамъ, она должна была убѣдить этихъ послѣднихъ, что церковь не имѣетъ ничего общаго съ латинствомъ и что національные интересы церковь оберегаетъ всѣми законными мѣрами. Клевета раскольниковъ падала сама собою. Въ средѣ тѣхъ, противъ которыхъ главнымъ образомъ направленъ былъ 15 параграфъ грамоты, не произвелъ, кажется, желаннаго дѣйствія. При огромномъ наплывѣ иностранцевъ изъ Западной Европы, при горячемъ сочувствіи царя всему иностранному и презрѣніи всего русскаго не резонно было и ожидать, чтобъ убѣжденіи духовной власти остаться вѣрными своей національной особенности могли остановить увлеченіе, перешедшее въ какую-то дикую фанатическую страсть. Не видѣлъ этого патріархъ. Онъ надѣялся еще убѣжденіемъ и духовнымъ запрещеніемъ остановить увлеченіе всѣмъ новымъ и иностраннымъ и предотвратить зло, могущее отъ сего произойти. Онъ написалъ новую обширную грамоту о бранобритіи, ношеніи париковъ, кудряхъ, о тафяношеніи и разослалъ ее ко всѣмъ архіереямъ епархіальнымъ и приходскимъ священникамъ, чтобъ они употребили все свое вліяніе на искорененіе антинаціональнаго обычая. Повторивъ содержаніе своей прежней грамоты о томъ же предметѣ и подкрѣпивъ ее новыми примѣрами изъ исторіи церкви и постановленіями соборовъ, патріархъ Адріанъ въ доказательство противозаконности бранобритія и такъ-сказать неестественности, приводитъ нѣкоторое сказаніе, которое будто бы принадлежитъ препод. Максиму Греку. „Предложу имъ на обличеніе сего безобразія (бранобритія), пишетъ патріархъ Адріанъ, нѣкоторую достопримѣчательную повѣсть мужа достовѣрнаго и святаго Максима Грека. Знаю, что не всѣ убѣдятся, но безумные нѣкоторые только посмѣются и поругаются сказанному: обычай неученыхъ смѣяться надъ словами мудрыхъ; но этого недостаточно, чтобъ умалчивать. Долгомъ считаю извѣстить объ ономъ писаніи, чтобъ

²⁶⁵) Грамота патріарха Адріана § 15. Раскольнич. дѣла XVIII в. Есипова, т. II прилож., стр. 85—90.

брадобрійцы не сдѣлались безумнѣе скотовъ безсловесныхъ. Нѣкто играя, говорить Максимъ, отрѣзалъ бороду „добробрад-наго козла“. Онъ же, хотя и безсловесенъ, тѣмъ не менѣе не могъ стерпѣть такого оскорбленія, — убилъ себя до смерти, ударяя своею головою безъ милости объ землю. И это, конечно, сдѣлалъ не самъ собою такъ козель, но Богъ, обличая безуміе брадобрійцевъ — подражателей еретическихъ обычаевъ, чрезъ неразумнаго скота сдѣлалъ это какъ въ древности Валаама обличилъ ослицею. Кто можетъ требовать еще большаго обличенія и увѣщанія?... Вы думаете, что оттого дѣлается красивѣе, благообразнѣе? Нѣтъ! истинно безчестны, гнусны и безобразны и предъ Богомъ и предъ человѣки, не говоря о томъ, что не естественно мужчинѣ заботиться объ этомъ, какъ женщинѣ. И такъ, если вы послушаете вашихъ отцовъ духовныхъ и удержитесь онъ брадобритія и таѣношенія, то будете свободны отъ глѣтвъ, запрещеній и отлученій, нанесенныхъ вамъ прежде бывшими соборами архіерейскими и будете истинными православными христіанами и сынами св. церкви. А вамъ всѣмъ архіереямъ, архимандритамъ, игуменамъ, протопресвитерамъ и іереемъ говорю и завѣщаю я, вамъ отецъ и архипастырь (не отъ себя, но отъ прежнихъ отцевъ выбравши): каждый изъ васъ въ своей паствѣ или приходѣ пусть научаютъ прихожанъ и своихъ духовныхъ дѣтей, чтобы они не вдавались въ такой страшный и не христіанскій обычай завивать волосы, брить бороды и усы, носить таѣи и парики; научайте всѣхъ избѣгать этого. По правилу 83 св. Василія Великаго каждый слѣдующій чужому обычаю подлежитъ запрещенію на шесть лѣтъ. Если же кто и послѣ этого не оставитъ своего противоестественнаго обыкновенія, то таковыхъ избѣгайте, и въ дома къ нимъ не входите, и на пути и при встрѣчѣ благословенія имъ не подавайте, въ церковь входите имъ не позволяйте и лишайте всякая святыни. Повелѣвая дѣлать такъ, мы приводимъ въ исполненіе только определенное предшествовавшими святыми патріархами²⁶⁶).

Такъ ли думалъ патріархъ Адріанъ о брадобритіи какъ писалъ или дѣйствовалъ только какъ осмотрительный администраторъ, — рѣшить трудно.

²⁶⁶) Тамъ же, стр. 64—72.

Несомнѣнно только одно, что Адрианъ современное положеніе дѣлъ понималъ гораздо лучше, нежели Петръ. Онъ видѣлъ, что возмущенныя массы народа готовы вспыхнуть, взяться за оружіе при первомъ удобномъ случаѣ или въ крайнемъ случаѣ стать на сторону раскола, и потому считалъ совершенно необходимымъ сдѣлать уступку народной партіи. Но не хотѣлъ этого видѣть Петръ. Онъ требовалъ, чтобы русскій вопреки всѣмъ законамъ историческаго развитія вдругъ сдѣлался европейцемъ въ головы до ногъ, и по виѣшнему виду и по внутреннему содержанию. Немедленно по возвращеніи изъ-за границы (1668 года августа 15) Петръ приступилъ къ передѣлкѣ русскаго человѣка въ западно-европейца. Сначала самъ собственноручно рѣзалъ боярамъ бороды, потомъ его шутъ, а наконецъ изданъ былъ указъ, которымъ повелѣвалось, кромѣ пахотныхъ крестьянъ, извошиковъ и духовенства всѣмъ чинамъ и сословіямъ брить бороды ²⁶⁷). Немного спустя (1700 г. августа 25) изданъ былъ новый указъ, которымъ запрещалось носить русское платье, а только французское, нѣмецкое и венгерское ²⁶⁸). Тотъ и другой законъ приводился въ исполненіе, по обыкновенію, пытками, казнями, штрафами. У воротъ стояли цѣловальники и взыскивали небывалую пошлину за русское платье и за бороду ²⁶⁹); мастерамъ наизуѣжайше запрещено шить русское платье, обувь и пр. ²⁷⁰). Что понуждало Петра издать эти указы? Никто этого не понималъ. Народъ ропталъ. Знаменитый застѣнокъ преображенскаго приказа, нѣсколько отдохнувшій послѣ стрѣльцкихъ казней, опять началъ свою мрачную дѣятельность... Еслибы, говорить г. Есиповъ, Петръ I вздумалъ брить бороды и переодѣть въ нѣмецкое платье до возстанія стрѣльцовъ, до образованія регулярнаго войска, то нѣтъ сомнѣнія, что побѣда осталась бы не за нимъ, а Москва обагрилась бы кровью, какъ во время царя Алексѣя Михайловича въ 1642 и 1648 годахъ; нѣтъ сомнѣнія, что и въ когда-то вольныхъ городахъ Новгородѣ и Псковѣ повторились бы смуты. Но Петръ уничтожилъ стрѣльцовъ — и

²⁶⁷) Раскольникабы дѣла XVIII в. Есипова, т. II, стр. 165.

²⁶⁸) Полное собраніе законовъ, т. IV, № 1741. Записки Желябужскаго, стр. 168.

²⁶⁹) Раскольник. дѣла XVIII в. Есипова, т. II, стр. 160.

²⁷⁰) Полное собраніе законовъ, т. IV, № 1887.

возстанія народныя были невозможны—сила окончательно была въ его рукахъ, и всякій бояринъ замыслившій противодѣйствовать Петру не могъ имѣть надежды на успѣхъ своихъ замысловъ. Послѣ страшныхъ стрѣлецкихъ казней Петръ могъ дѣлать, что ему угодно²⁷¹⁾. Но русскому не хотѣлось сдѣлаться нѣмцемъ, хотя бы то по внѣшнему виду; потому что по понятію русскихъ того времени—„кто то платье на себя одѣнетъ, тотъ бусурманъ“¹⁷²⁾. Нашлись люди, которыхъ не страшилъ Преображенскій приказъ: они сами являлись въ него для обличенія Петра *въ разрушеніи православной христіанской вѣры*. Такъ посадскій человекъ Андрей Ивановъ сказалъ за собою „сударево дѣло“ и приказалъ отвести къ заплекъ. Въ Преображенскомъ приказѣ онъ говорилъ: сударево дѣло за мною такое: „пришелъ я извѣщать государю, что онъ разрушаетъ вѣру христіанскую, велитъ бороды брить, платье носить нѣмецкое и табакъ велитъ тянуть. О брадобритіи писано въ уложеніи соборномъ (стоглавѣ). А про платье написано: кто станетъ иноземное платье носить, тотъ будетъ проклятъ, а гдѣ про то писано, того не знаю, потому что грамотъ неумѣю. А кто табакъ пьетъ, тѣмъ въ старые годы носы рѣзывали. И потому онъ Андрей для обличенія и пришелъ, чтобъ сударь велѣлъ то все переменить“²⁷³⁾. Но такой протестъ, какъ Андрея Иванова, большей части былъ не подъ силу, къ тому же онъ не приносилъ никакой пользы, кромѣ пытокъ и казни протестовавшихъ. И вотъ русскій народъ пошелъ въ раскольниковскіе скиты, гдѣ можно было жить и съ небритой бородой, или просто записывались въ расколъ. Большая часть православныхъ того времени, какъ и раскольники, не понимали, что внѣ церкви—нѣтъ спасенія. Для полученія спасенія считалось достаточнымъ исполненіе внѣшнихъ дѣлъ христіанскаго благочестія. Но внѣшность въ раскольниковскомъ обществѣ стояла выше и соблюдалась строже по большей части, чѣмъ въ православномъ обществѣ. Дѣйствительнаго различія между церковію и раскольниковскою общиною большинство того времени не по-

²⁷¹⁾ Раскольник. дѣла XVIII в. Есипова, т. II, стр. 162.

²⁷²⁾ Тамъ же, стр. 169. (Столбцы изъ преображен. приказа и архива министра юстиціи).

²⁷³⁾ Раскольник. дѣла XVIII в. Есипова, т. II, стр. 172.

нимала. Слѣдовательно, казалось такъ—переходящій въ расколъ, не теряя ничего, получалъ даже возможность—сохранить дорогія національные отличія, сохранить вѣру. Въ дѣлахъ *о словъ и дѣлъ* встрѣчаются показанія раскольниковъ, что они перешли въ расколъ влѣдствие указа брить бороды и носить нѣмецкое платье. Такъ крестьянинъ Ярославскаго уѣзда, городского стану, Семень Емельяновъ сынъ Кастаринъ въ распросѣ показалъ: „отъ рожденія ему Семену пятьдесятъ лѣтъ и измлада прежде сего крестился онъ троеперстнымъ сложеніемъ, какъ и прочія православные христіане, и съ прошлыхъ же лѣтъ, какъ о брадобритіи его императорскаго величества указъ состоялся указное платье носить велѣно, а съ котораго году имянно, о томъ сказать ме упомнить, и по нынѣ крестится онъ крестьянинъ двоеперстнымъ сложеніемъ для того по состоянію онаго указа возымѣлъ онъ сумніе о сложеніи перстовъ собою и ни у кого не видѣлъ и проч.“²⁷⁴⁾. Случай этотъ не единственный²⁷⁵⁾. Вотъ по истинѣ, жалкіе плоды нарушенія преданій и обычаевъ націи!

Не могло конечно произвести на раскольниковъ выгоднаго впечатлѣнія и то фальшивое положеніе, въ которое поставлена была церковь въ лицѣ своихъ представителей. Раскольники отдѣлились отъ церкви и не хотѣли имѣть съ него ничего общаго; тѣмъ не менѣе они слѣдили за всѣмъ происходящимъ въ ней. Церковь теперь должна была защищать и оправдывать то, противъ чего вооружилась съ такою силою, за что отлучала отъ своего общенія... Раскольникамъ такимъ образомъ дана была возможность обвинять церковь въ непослѣдовательности, не говоря уже о томъ, что самый фактъ вынужденнаго согласія церкви на рѣзкую реформу не иначе могъ объясняться въ раскольниковомъ обществѣ, какъ впаденіемъ церкви въ новую ересь. Раскольники, не пропускавшіе ни одного случая удобнаго для обвиненія церкви въ утратѣ древняго православія, теперь пріобрѣтали новое, по ихъ понятію и по понятію малообразованнаго народа, несомнѣнное доказательство отступленія отъ древней вѣры и преданія отцовъ и конечно воспользовались имъ въ своей проповѣди. Никогда расколъ не распространился такъ бы-

²⁷⁴⁾ Тамъ же. Прилож., стр. 97.

²⁷⁵⁾ Тамъ же, стр. 180.

стро, какъ въ царствованіе Петра I, вслѣдствіе оскорбленія народнаго чувства. Не понимая ученія раскола и отличія его отъ православнаго, народъ тѣмъ не менѣе охотно шелъ въ расколъ, какъ въ общество защищавшее дорогое и святое дѣло націи. Иначе будетъ совершенно непонятно, почему народъ оставлялъ церковь и охотно шелъ въ раскольническое общество, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ ученіи раскола, а между тѣмъ, фактовъ этихъ необыкновенно много. По дѣлу „Ряпинскихъ раскольниковъ“ Ѳеодоръ Ѳеодотовъ на допросѣ говорилъ: „а къ восточной соборной церкви онъ Ѳеодоръ обратиться не хочетъ, и послѣдуетъ по ихъ вышеозначенныхъ (раскольническихъ) учителей ученію; а что въ старой и новой вѣрѣ разнства, того онъ Ѳеодоръ не знаетъ, понеже онъ грамотъ не умѣетъ“ ²⁷⁶). По дѣлу „попа Якова“ Василій Елисеевъ Зайцевъ въ распросѣ говорилъ: „богослуженія по новоисправленнымъ книгамъ за несогласіе не приѣмлетъ, а зачѣмъ не знаетъ, что грамотъ не умѣетъ; и впредь желаетъ быть въ расколѣ“ ²⁷⁷). Григорій Тимоѣевъ по тому же дѣлу говорилъ: „а впредь онъ вѣру православную и церковь, въ коей пребываетъ благочестивѣйшій нашъ государь и вси правовѣрующіе и седьмъ св. таинствъ не прекословитъ, не приѣмлетъ, что въ старопечатными новоисправными книги не сходны, а въ чемъ не знаетъ, что грамотъ не умѣетъ, и впредь хочетъ быть въ той же противности и расколѣ, а прилучающіяся въ домъ его требы будетъ онъ для отправления искать попа, который бы возымѣлъ по старопечатнымъ книгамъ отправить, а ежели такого не изыщетъ и онъ и по новоисправленнымъ книгамъ пріять готовъ, и прежде бывшихъ и донинѣ пребывающихъ всѣхъ разныхъ толковъ, которое по старопечатнымъ книгамъ пріимали и приѣмлютъ не проклинаетъ и ставитъ за православныхъ“ ²⁷⁸). Фактовъ такого рода очень много ²⁷⁹. Раскольники на допросахъ чаще всего показывали, что они не желали быть въ православной вѣрѣ за несогласіе книгъ, а въ чемъ несогласіе—того не знаютъ... Что же въ самомъ дѣлѣ за стран-

²⁷⁶) Тамъ же, стр. 96.

²⁷⁷) Тамъ же, стр. 208.

²⁷⁸) Тамъ же, т. I, стр. 216.

²⁷⁹) Тамъ же, стр. 210, 211, 215, 218, 219, 225, 226, 229, 230, 232 и др.

ность—человѣкъ не знающій ученія раскола, пребывавшій доселѣ въ общеніи съ церковію, вдругъ записывается въ расколъ, человекъ готовый даже принимать требы отъ священниковъ православной церкви по новымъ книгамъ, добровольно платить двойной окладъ и подвергаетъ себя строгому преслѣдованію гражданской и церковной власти?! Откуда такая симпатія ко всякаго рода раскольникамъ „прежде бывшимъ и донинѣ пребывающимъ всѣхъ толковъ“? Потому, думаемъ, что раскольники, заплативъ двойной окладъ, могли носить русское платье, не брить бороду. Правда имъ приказано было носить особое позорное клеймо; но вѣдь это клеймо казалось позорнымъ въ глазахъ людей не русскихъ, людей—которымъ не дорого было все русское. Замѣчательно, что такихъ показаній до изданія указа о брадобритіи и нѣмецкомъ платьѣ не встрѣчается. Такимъ образомъ, благодаря реформамъ Петра I, расколъ не только быстро увеличился въ числѣ, но пріобрѣлъ нравственную силу и значеніе въ глазахъ русскаго народа, котораго доселѣ не имѣлъ...

На это конечно могутъ возразить, что сама церковь виновата въ отпаденіи отъ единенія съ нею многихъ ея членовъ: благодаря дѣятельности духовенства, борода стала особенно дорога русскимъ, сдѣлалась символомъ православія? Нѣтъ сомнѣнія, что увѣщанія патріарха Іоакима, грамоты патріарха Адріана усиливали и безъ того большое пристрастіе къ старинѣ; но кто же могъ предположить, что русскому запрещено будетъ быть русскимъ, имѣть какія-либо русскія обычаи, нравы, преданія? Къ тому же духовенство преслѣдовало свои цѣли и иначе дѣйствовать не могло. Оно ближе стояло къ народу и знало, въ какой тѣсной связи, въ понятіяхъ народа и раскольниковъ, стоитъ вѣра съ народными обычаями. Защищая послѣдніе, оно вмѣстѣ съ тѣмъ защищало и вѣру, равно гражданская власть, уничтожая народные чисто-національные обычаи и отличія, отторгла многихъ отъ вѣры. Очевидно, виновата здѣсь не церковь, но гражданское правительство.

Но фактъ совершился. Петръ I не хотѣлъ сознаться въ своей политической ошибкѣ. Онъ не обращалъ вниманіе на то, что, благодаря его реформамъ, церковь лишилась своихъ многихъ членовъ; онъ хотѣлъ русскихъ видѣть въ нѣмецкой оболочкѣ. Заботиться о сохраненіи національныхъ отличій было бесполезно

и небезопасно. Нужно было оставить на время фанатическихъ приверженцевъ старины раскольниковъ и объяснить массѣ православныхъ, что брдобритіе не имѣеть никакого отношенія къ вѣрѣ, что спасеніе вполне возможно и безъ бороды и безъ усовъ. Выполнить эту задачу принялъ на себя св. Димитрій Ростовскій. Въ 1705 году св. Димитрій отправился въ Ярославль. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, по окончаніи службы, св. Димитрія, возвращавшагося домой, остановили два челоуѣка съ такимъ вопросомъ: „владыка святыи! какъ ты велишь, велятъ намъ по указу государеву брды брить, а мы готовы главы наши за брды наши положить; уне есть намъ да отсѣдутся наши главы, неже да обрѣются брды наши“¹. Я, говоритъ святитель, приведенъ былъ въ удивленіе отъ такого внезапнаго и неожиданнаго вопроса и въ то время не могъ отвѣчать имъ словами писанія; только спросилъ ихъ: что отрастетъ голова ли отсѣченная или обритая борода“? Помолчавши нѣсколько они отвѣчали: борода отрастетъ, а голова нѣтъ. Тогда я имъ сказалъ, продолжаетъ св. Димитрій: „лучше вамъ нещадить своей бороды, которая можетъ отрости даже послѣ десятирчнаго бртья, нежели потерять голову, которая, будучи отсѣчена, не отрастетъ уже никогда, развѣ въ общее воскресеніе всѣхъ“². Предложившіе этотъ вопросъ ушли. Но въ келіи святителя вновь возникъ объ этомъ разговоръ, изъ котораго святитель узналъ, что многіе обрившіе свои бороды, по указу государя, сомнѣваются о возможности спасенія, потому что, будто бы обривши бороды, они потеряли образъ и подобіе Божіе. Св. Димитрій увѣщевалъ ихъ не сомнѣваться, доказывая имъ, что образъ и подобіе Божіе состоитъ не въ бородѣ, ни даже во всемъ лицѣ челоуѣческомъ, а въ невидимой душѣ. Къ тому же не должно сомнѣваться еще и по тому, что вѣдь вы брете бороды не по своему желанію, а по указу государя“³⁸⁰). Это происшествіе подало поводъ св. Димитрію написать прекрасное разсужденіе объ образѣ Божіемъ въ челоуѣкѣ, въ которомъ святитель раскрываетъ сначала догматическое ученіе объ образѣ Божіемъ въ челоуѣкѣ, а потомъ дѣлаетъ подробный разборъ всѣмъ тѣмъ основаніямъ, откуда у русскихъ составилось убѣжденіе, что образъ Божій состоитъ въ

³⁸⁰) Розыскъ, стр. 298—299. Издач. 1847.

бородѣ и усахъ, съ потерей которыхъ утрачивается будто бы образъ Божій.

Раскрывъ догматическое ученіе объ образѣ Божиѣмъ въ чело-вѣкѣ, доказавъ, что образъ Божій состоитъ въ разумной и невидимой душѣ, а не въ бородѣ, св. Димитрій замѣчаетъ: если допустить, что образъ Божій состоитъ въ бородѣ и тѣлесныхъ членахъ вообще, то мы необходимо впадемъ въ антропоморфическую ересь. Одного этого было бы достаточно, но св. Димитрій не останавливается на этомъ. Онъ дѣлаетъ подробный разборъ всѣмъ тѣмъ мѣстамъ священнаго писанія, богослужебныхъ книгъ и соборныхъ правилъ, которыя запрещаютъ брадобритіе, и находитъ, что въ нихъ собственно нѣтъ никакого запрещенія. Приводимыя мѣста священнаго писанія противъ брадобритія заимствованы изъ Ветхаго завіта и относятся преимущественно къ жрецамъ и левитамъ. Ветхозавѣтный обрядовый законъ вообще не обязателенъ для христіанъ, а тѣмъ болѣе законъ о брадобритіи, который и въ Ветхомъ завітѣ былъ обязателенъ только для однихъ жрецовъ и притомъ по особенному побужденію, мірянъ и въ Ветхомъ завітѣ этотъ законъ не касался. Христіанамъ же не дано подобнаго законоположенія. Оно, можно сказать, было даже запрещено, если взять во вниманіе, что апостолы запрещали христіанамъ изъ язычниковъ исполнять законъ Моисеевъ (Дѣян. апос. XV, 23 — 29), когда услышали, что нѣкоторые побуждали соблюдать законъ Моисеевъ. Если же апостолы освободили христіанъ отъ исполненія всего обрядоваго закона, то, значить, и закона о бородахъ ²⁸¹). Еще менѣе имѣютъ силы тѣ мѣста нашихъ церковныхъ и церковно-богословскихъ книгъ, которыя запрещали брадобритіе и на которыхъ основалось убѣжденіе, что спасеніе съ бритою бородою невозможно. Св. Димитрій дѣлаетъ подробный разборъ 47 главы Кормчей, 40 главы Стоглавника, правилъ соборовъ, стараго служебника, великаго стараго служебника и заключаетъ свое разсмотрѣніе рѣшеніемъ вопросовъ: „брадобритіе есть ли грѣхъ противъ Бога“, и „въ небрадобритіи есть ли спасеніе“? Въ разборъ этихъ мѣстъ святитель Димитрій показываетъ произвольность или положительный вымыселъ этихъ правилъ. Какъ основательны опроверженія св.

²⁸¹) Тамъ же, стр. 291—316.

Димитрія можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Такъ напр. Стоглавъ, въ доказательство противозаконности брадобритія, ссылается на одиннадцатое правило VI вселенскаго собора. Св. Димитрій приводитъ 11-е правило VI вселенскаго собора; но этимъ правиломъ запрещаются іудейскіе опрѣсноки и общеніе съ жидами, а не брадобритіе. Да и не могъ соборъ сдѣлать такого опредѣленія, „Стоглавникъ сказуетъ, яко соборъ оный, правило единнадцатое, еже не брѣти брадъ, писа аки бы противу Ковалинова устава, величаго брады брѣты. Мы же посмотримъ: соборъ вселенскій шестой бысть въ лѣто по Рождествѣ Христовѣ 680, Ковалинъ родися въ лѣто 719, воцарися же въ лѣто 741; отъ собора вселенскаго шестаго до царства Ковалинова преиде лѣто 60. Како убо соборъ вселенскій шестой писалъ что противу устава Ковалинова, егда Ковалинъ еще ниже родился? и како таковымъ неистинствующимъ писаніемъ яти вѣру“²⁸²).

Опровергши всѣ основанія, приводимыя противъ брадобритія, св. Димитрій не хотѣлъ сдѣлать рѣзкаго заключенія, на которое имѣлъ полное право. Онъ видѣлъ, какъ дороги были народу его національныя отличія и не хотѣлъ оскорбить ихъ: въ заключеніе онъ говоритъ только, что нерезонно поставлять въ зависимость отъ бороды свое спасеніе и не радѣть о нравственномъ совершенствованіи, но ничего не говоритъ о самомъ обычаѣ носить бороды... „Сія вся рекошася вся не въ досаду старымъ и честнымъ мужемъ, ихъ же брадою и сѣдинами Богъ и естество почти и украси; ни бо поучаемъ мы духовніи мірскихъ людей брадобритію, ни небрадобритіе величаемъ, ни хулимъ, понеже обое то ничтоже ко спасенію суть, ни способствуютъ, ни вредятъ; не имамы повелѣнія отъ Христа владыки нашего еже браду проповѣдати, но на путь спасенія человѣки наставляти. А яке глаголются, то глаголются во увѣщаніе тѣхъ, иже браду имѣють во образъ Божій въ великую святость и въ спасеніе: брадобритіе же вмѣняютъ въ тяжкій грѣхъ, и въ тцету спасенія, и въ самую погибель, и выше души своея ставятъ браду свою: не толико бо брегуть о спасеніи, елико о цѣлости брады. Грѣхи смертныя душу погубляющіе, въ ничтожіе имѣють, самимъ же

²⁸²) Розыскъ, стр. 322—323.

небрадобритіемъ чають спасены быти. Браду многими рублями окупити, душу же за денежку продати готовы: и тако, стала у нихъ брада выше души. Ниже самага Христа честнѣе своя брадѣ вмѣняютъ. Христа бо по вся дни отъ сердца своего брѣють скаредными своими помышленіями и дѣлы и не печалются о томъ: о брадѣ же имъ веліе попеченіе, да соблюдутъ ю цѣлу. Причащенія Божественныхъ таинъ—тѣла и крови Христовы бѣгають, и гнушаются аки нѣкоего нечестія; а браду имѣють въ великое благочестіе и тако стала у нихъ брада болѣе Христа. По истинѣ таковымъ подобаетъ нарицатися „бородіане“ паче, неже христіане; ни душа бо, ни Христосъ у нихъ въ толикомъ почитаніи, въ еликомъ брада ихъ. Идетъ воръ на воровство, на татьбу на разбой, забывъ Христа, забывъ и душу свою и не радить о томъ; а о брадѣ ему раднѣе велико. Обидѣти ближняго, грабити, похищати, неправды творити, озлобляти, слезы неповинныхъ и кровь проливати, забывъ Христа и душу свою, все то, яко ничтоже есть; едино токмо ко спасенію нужно, еже имѣти браду не брѣму. Житіе скверное, свинское, въ объяденіяхъ и пьянствахъ и въ нечистотахъ плотскихъ, въ прелюбодѣвіяхъ, въ содомствахъ и прочихъ скаредствахъ провождати, и пѣсни Христа отъ сердца своего отгоняти, и душу свою на вѣчную погибель преуготовляти, все то малая вещь, все то даромъ; едино честно и звано, еже браду сохранить нерушиму. Та спасеть, та въ царство небесное введеть, та предъ Богомъ оправдять, а безъ нея невозможно спастися. О крайняго безумія безумныхъ! Честна есть брада стараго мужа, но святость въ ней никака аще самъ грѣховъ многихъ исполненъ будетъ. Честны сѣдины, на никое же въ нихъ есть спасеніе, аще самъ не радить о спасеніи своемъ. Честны бяху брадами и сѣдинами своими оныя судіи израильстіи, иже въ Вавилонѣ хотяху насилovati блудно красную тѣломъ и душею Сусанну цѣломудренную: но что имъ брада и сѣдина поможе? Сиче и коемуждо въ день страшнаго суда Божія и грознаго испытанія не поможетъ брада, аще необрящется житіе праведно. Ниже повредитъ брадобритіе, аще явится житіе добродѣтельно. Не о брадахъ бо тамо истяжутъ, но о дѣлахъ; и не по брадамъ бо тамо дадутъ честь, но по богоугожденію. Не той тамо блаженъ будетъ, его же брады бритва не коснуса, но той блаженъ, его же сердце чисто соблюдеся.

Никто же убо отъ бородатыхъ да уповаетъ брадою своею спасеніе получить; и никтоже да сумнится о спасеніи своемъ брадобритія ради“²⁸³⁾.

Это прекрасное разсужденіе понравилось Петру. Онъ думалъ, что цѣль вполне достигнута: приверженцамъ бороды и усовъ не да что болѣе будетъ опереться, не изъ-за чего сопротивляться, Петръ I, очевидно, старался его распространить въ народъ и такимъ образомъ ослабить предубѣжденіе русскихъ противъ брадобритія. До 1717 года разсужденіе св. Димитрія „объ образѣ и подобіи Божіемъ въ человѣкѣ“ имѣло отдѣльныхъ три изданія²⁸⁴⁾, не говоря о томъ, что оно въ послѣдствіи издавалось вмѣстѣ съ „розныкомъ“, котораго оно сдѣлалось небольшою частію. Но, очевидно, Петръ смотрѣлъ на это дѣло односторонне— онъ ошибался. Св. Димитрій имѣлъ цѣль религіозную и разсужденіе самымъ несомнѣннымъ образомъ указываетъ только, что образъ Божій не въ бородѣ и брадобритіе не мѣшаетъ нисколько спасенію, и что указъ о брадобритіи не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія къ религіи и церкви. Слѣдовательно, не вооружаясь противъ этого указа, церковь нисколько не погрѣшаетъ, что могли подумать раскольники, и общенія ея не должно избѣгать; указъ можно исполнять, не являясь въ то же время противникомъ церкви. Но народъ вооружался противъ брадобритія не потому только, что поставлялъ въ тѣсную связь брадобритіе съ вѣрою и спасеніемъ: онъ вмѣстѣ вооружался и потому, что въ этомъ видѣлъ неуваженіе націи, презрѣніе національныхъ отличій, которыя не заключали въ себѣ ничего худаго.

Разсужденіе св. Димитрія Ростовскаго, вѣроятно, имѣло полный успѣхъ; каждому по прочтенію его становится яснымъ, что образъ Божій не въ бородѣ и бритъ ея слѣдов., не грѣшно. Но это разсужденіе все-таки не оправдываетъ указа Петра о брадобритіи. Самъ собою возникаетъ вопросъ: положимъ бриться не грѣшно; но зачѣмъ же вооружаться противъ бороды, когда отъ этого человѣкъ не становится ни умнѣе, ни ограниченнѣе, ни лучше нравственно и не хуже? къ чему эта фанатическая ревность уничтожать все русское? Зачѣмъ пытаться, казнить,

²⁸³⁾ Розыскъ, стр. 345—347.

²⁸⁴⁾ Словарь писателей духовн. чина, ч. I, стр. 126.

преслѣдовать, брать штрафы за то, въ чемъ нѣтъ ни хорошаго, ни дурнаго? Каждому необходимо приходитъ на умъ замѣчаніе патріарха Іоакима:... „всякое государство свои нравы и обычаи имѣеть, (какъ это видѣли бывшіе въ чужихъ земляхъ) въ одеждахъ и поступкахъ, свое держать, чужаго не принимаютъ“...²⁸⁵). Св. Димитрій не могъ отвѣчать на этотъ вопросъ и не могъ оправдать поступка Петра, не могъ отвѣчать на этотъ вопросъ и самъ Петръ... Церковь оправдала себя въ этомъ дѣлѣ и тѣмъ спасла, можетъ быть, тысячи, готовыя отпасть отъ ея общенія; но оставаясь вѣрными церкви народъ, все-таки видѣлъ преступленіе гражданской власти и бѣжалъ изъ общества. Въ борьбѣ духовенства съ расколомъ—брадобритіе и нѣмецкое платье были одними изъ главныхъ препятствій, почему раскольники не хотѣли обращаться къ церкви. Обратившіеся не могли скрыть своего неудовольствія. Яснѣе другихъ видѣлъ это преосвященный Питиримъ Нижегородскій, онъ просилъ Петра освободить раскольниковъ отъ брадобритія и ношенія нѣмецкаго платья и отъ положеннаго за то штрафа²⁸⁶), о чемъ формально донесъ ему 1722 года іюля 2-го. Просьба Питирима была исполнена²⁸⁷). Раскольники обращались къ церкви въ большомъ числѣ и съ большею охотою. Какъ осторожно было духовенство и какъ оно дѣятельно заботилось устранить все, что могло бы болѣе отдалять раскольниковъ отъ церкви, можетъ показать слѣдующій фактъ.

Св. Димитрій Ростовскій, какъ самъ говоритъ, „возжела отъ скуки, аще Господь восхощетъ, сочинить лѣтописецъ вкратцѣ за келлію“²⁸⁸)... Первая часть этого лѣтописца была написана и представлена въ Москву на разсмотрѣніе мѣстоблюстителя патріаршаго престола м. Стефана Яворскаго²⁸⁹). По разнорѣчію хронографовъ, вопросъ о годѣ Рождества Христова въ лѣтописцѣ остался неразрѣшеннымъ. Это обратило вниманіе читав-

²⁸⁵) Исторія царствованія Петра Великаго. Устрялова, т. II, приложение.

²⁸⁶) Исторія нижегородской іерархіи Макарія, стр. 93.

²⁸⁷) Собраніе законовъ Россійской Импер., т. VII, № 4596.

²⁸⁸) Жизнь св. Димитрія Ростовскаго, стр. 59.

²⁸⁹) Діаріушъ св. Димитрія Ростовскаго письма 1707 г. декабря 4. Полное собраніе сочиненій св. Димитрія Ростовскаго, ч. I, стр. 502.

шихъ, которые замѣтили по этому поводу св. Димитрій, что это произведетъ самое невыгодное впечатлѣніе на раскольниковъ. Св. Димитрій въ отвѣтномъ письмѣ м. Стефану Яворскому писалъ по этому поводу слѣдующее: „о соблазнѣ раскольниковъ въ изысканіи извѣстности касательно о Рождествѣ Христовѣ отвѣтствую: То мнѣ и хотѣлось показать, что неправое у нашихъ держится лѣтосчисленіе, чего до сихъ поръ не хотятъ увидѣти и познати. Помню, нѣкогда въ Преображенскомъ селѣ „Толицкій“²⁹⁰⁾ спорилъ съ вашимъ преосвященствомъ о лѣтахъ, утверждая, что отцы святые такъ положили. Если отцы святые, то для чего же они не согласуются съ библіями? Могли ли быть противны отцы святые Священному Писанію? Развѣ святые отцы, снисходя токмо къ народному обыкновенію, писывали лѣта міробытія такъ, какъ нынѣ мы пишемъ, а не утверждая. Естьли святые отцы написали лѣта отъ созданія міра до Рождества Христова 5500 лѣтъ; то для чего же послѣднѣйшіи лѣты грекъ Киръ Дорофей митрополитъ Могшизасійскій написалъ до Рождества Христова лѣтъ 5506... Развѣ о таковыхъ несогласіяхъ молчати, а что можно, того не обличати, и упрямству людекому снисходити? И не трудно молчати, и не писати; трудно изслѣдовати подробну, и писати въ изъясненіе вещь невѣдомую. Раскольщикамъ же никто ничѣмъ не угодитъ: они и изъ добрыхъ, полезныхъ и святыхъ вещей соблазняются. Для жука всегда

²⁹⁰⁾ Григорій Толицкій — раскольникъ-фанатикъ. Онъ въ 1700 году хотѣлъ произвести возмущеніе, посредствомъ подметныхъ писемъ, въ которыхъ говорили, что антихристъ уже пришелъ въ міръ, и что этотъ антихристъ есть никто иной, какъ царь Петръ Алексѣевичъ. 28 іюня 1700 года пѣвчій дякъ Федоръ Казанецъ отвѣтомъ показалъ, что «Гришка (Толицкій) рѣжетъ невѣдомо какія доски, а вырѣзавъ, хочетъ печатать тетради, а нанечатавъ, бросать въ народъ». Гришко Толицкій въ распросѣ и съ розысковиъ явился въ томъ: составилъ онъ воровскія письма, будто настало нынѣ послѣднее время и антихристъ въ міръ пришелъ, а антихристомъ въ томъ письмѣ, ручаясь, писалъ великаго государя, такъ же и нныя многія статьи ему, государю, воровствомъ своимъ въ укоризну писалъ и народомъ отъ него, государя, отступитъ велѣлъ и слушать его, государя и всякихъ податей ему платитъ не велѣлъ... И для возмущенія къ бунту съ тѣхъ своихъ воровскихъ писемъ единомысленникамъ своимъ и друзьямъ давалъ письма руки своей на столпцахъ, и въ письмѣ и тетрадяхъ... Подстрекалъ для возмущенія къ бунту и на его же, государево убійство. Раскольникъ. дѣла XVIII в. Еспнова, т. I, стр. 59, 60, 61, 1701 г. Гришка казненъ. Тамъ же, стр. 83.

ядовита роза и намъ ли послѣдовать ихъ безумію? Однако неисцѣльную рану лучше съ молчаніемъ сносить, нежели бесполезно и съ убыткомъ врачевать ²⁹¹⁾.

Такъ внимательно и такъ снисходительно къ заблудшимъ чадамъ церкви было духовное правительство того времени! Оно приносило жертвы, которыхъ расколь по своему фанатизму и ослѣпленію не оцѣнилъ, не видѣлъ и не хотеть видѣть...

²⁹¹⁾ Собраніе сочиненій св. Дмитрія Ростовскаго, ч. I, стр. 503—504.

МИХАИЛЬ НИКИФОРОВИЧЪ КАТКОВЪ †.

20 іюля въ 4 часа 20 минутъ по-полудни скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни редакторъ-издатель *Московскихъ Вѣдомостей* Михаилъ Никифоровичъ Катковъ.

Неизмѣримо тяжела потеря этого великаго вполне русскаго человѣка: всесторонне и высоко образованный мыслитель и глубоко убѣжденный вѣрующій сынъ православной церкви, талантливѣйшій представитель публичнаго общественнаго слова, искренній вѣроподанный слуга Царя, горячо преданный своей родинѣ гражданинъ, непреклонный и неустанный борецъ за ея вѣковѣчные устои, за ея единство, достоинство и величіе, свѣтлымъ разумомъ и поэтическимъ чутьемъ постигавшій глубокія движенія русскаго народнаго духа и художественнымъ мощнымъ словомъ выражавшій его помьслы, тревоги и радости, чаянія и идеалы... вотъ кто былъ Михаилъ Никифоровичъ. Такую потерю съ глубокою скорбію чувствуютъ не только всѣ истинно русскіе начиная съ Вѣнценоснаго главы народа, но и за рубежомъ Россіи — въ мірѣ славянскомъ, и тамъ, гдѣ вразумились внимать и сочувствовать *въцему* голосу представителя русской думы, выразителя мощи Россіи и ея грядущаго величія.

Да даруетъ Всемилостивый Мздовоздаатель вѣрному Своему рабу, доблестному стражнику и воину-страстотерпцу русской земли вѣчное успокоеніе въ небесныхъ обителяхъ и покроетъ его вѣнцемъ славы вмѣстѣ съ другимъ, ранѣе скончавшимся на томъ же поприщѣ соработникомъ — Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ!

Петергофъ, 21 іюля, 11 часовъ 18 минутъ дня.

Вмѣстѣ со всѣми истинно русскими людьми, глубоко скорблю о вашей и Нашей утратѣ. Сильное слово покойнаго мужа вашего, одушевленное горячею любовью къ отечеству, возбуждало русское чувство и укрѣпляло здравую мысль въ смутныя времена. Россія не забудетъ его заслуги, и всѣ соединяются съ вами въ единодушную молитву объ упокоеніи души его.

АЛЕКСАНДРЪ.

Такою телеграммою Его Величество Государь Императоръ удостоилъ вдову усопшаго издателя *Московскихъ Вѣдомостей*, Софью Петровну Каткову.

Не для одной вдовы и семьи почившаго глубокознаменательно это Царское слово собогѣзнованія о постигшей ихъ утратѣ. Эта утрата не ихъ только семейное горе, это утрата для всѣхъ русскихъ людей, для самаго русскаго Царя, дѣлящаго глубокоую скорбь о ней со своимъ народомъ. Царское слово было и есть великое утѣшеніе для семьи усопшаго; но въ равной мѣрѣ и всѣ русскіе люди съ благоговѣйнымъ чувствомъ душевнаго удовлетворенія прочтутъ въ выраженномъ съ высоты престола признаніи заслугъ покойнаго также признаніе значенія и направленія его многолѣтней дѣятельности. Это признаніе, говоря словами усопшаго, „подниметь духъ въ русскихъ людяхъ; оно укрѣпитъ многихъ колеблющихся; оно смутитъ людей чуждаго и непріязненнаго нашему народу образа мыслей“.

„Молимъ Бога“, писалъ усопшій 2 сентября минувшаго 1886 года *), „да будетъ отнынѣ служеніе русскому дѣлу менѣе тяжело и болѣе плодотворно чѣмъ было доселѣ. Да будетъ борьба за него только борьба со врагами, да исчезнутъ роковыя недоразумѣнія между его служителями, да господствуетъ надъ нашими дѣлами разумѣніе истинныхъ началъ нашей государственной жизни. Только при свѣтѣ ихъ можемъ мы исправить и оживить наши понятія, уберечь себя отъ обмана и въ овечьей и въ волчьей шкурѣ, успѣшно управиться внутри и съ торжествомъ выйти изъ затрудненій и опасностей вѣ“.

Въ царскомъ словѣ, изреченномъ при незакрытомъ еще гробѣ почившаго М. Н. Каткова, русскіе люди будутъ почерпать упованіе въ исполненіи завѣтныхъ моленій оплакиваемаго покойнаго, чтобы служеніе русскому дѣлу стало легче и плодотворнѣе.

*) *Моск. Вѣд.* 1886 № 243.

НЕСПРАВЕДЛИВОЕ НАРЕКАНІЕ.

Въ № 45 *Современныхъ Извѣстій* корреспондентъ, къ сожалѣнію имя свое скрывшій, сообщилъ, что московскій епархіальный заводъ „вагонами покупаетъ церезинъ у г. Протопопова“ Мы не отвѣчали на этотъ извѣтъ, потому что онъ, уже однажды въ этой газетѣ напечатанный, былъ въ свое время и опровергнутъ, и еще болѣе потому, что и самъ редакторъ газеты призналъ извѣстіе корреспондента напраслиною и выразилъ даже предположеніе, что оно—злонамѣренно, въ чемъ мы съ своей стороны вполнѣ увѣрены. Мы надѣялись еще, что и г. Протопоповъ заявитъ, что мы никогда у него не покупали церезина ни одного фунта. Онъ, по нашему мнѣнію, долженъ былъ сдѣлать это не только въ видахъ возстановленія правды вообще, но и потому, что лгушіе на заводъ говорятъ, что въ торговыхъ книгахъ г. Протопопова значатся отпуски церезина для епархіальнаго завода. Къ сожалѣнію, надежды на г. Протопопова не оправдались, а редакція *Совр. Изв.* напечатала черезъ надѣлю заявленіе неизвѣстнаго же радѣтеля о благолѣшіи храмовъ Божіихъ о томъ, что свѣчи епархіальнаго завода и „коптятся и плывутъ“. Въ виду этого мы вынуждены прекратить молчаніе.

1) *Церезина ни у кого никогда*, со дня основанія завода и до сего времени, *мы не покупали ни золотника*. Въ этомъ отношеніи мы достигли уже того, что церезинщики давно перестали даже и обращаться къ намъ съ своими услугами, чѣмъ надобѣдали прежде. И изъ настоящихъ восковъ мы имѣемъ возможность выбирать и выбираемъ лучшіе сорта. Убѣдиться въ семъ особенно въ настоящее время, когда воскъ заготовленъ на цѣлый годъ, можетъ каждый церковный староста: нашъ воскоблѣнный заводъ, какъ и кладовыя свѣчнаго завода открыты для осмотра во всякое время дня для лицъ, интересующихся церковно-свѣчнымъ дѣломъ. Мы готовы пригласить и химика для освидѣтельствованія своего воска; но думаемъ, что выдумывающіе небывлицы про заводъ не повѣрятъ никакому химику.

2) Относительно свѣчей приходится дать болѣе подробное объясненіе, хотя голословному заявленію болѣе, чѣмъ достаточно

противоставить многіе лестные отзывы о нашихъ свѣчахъ и устные и письменные, не только отъ лучшихъ московскихъ церковныхъ старостъ, но и иногороднихъ закашиковъ. Свѣча пльветъ и коптѣтъ — значить она изъ церезина, видимо заключаетъ тотъ корреспондентъ, какъ и многіе. Но свѣча изъ чистаго воска можетъ и пльть и коптѣтъ; и наоборотъ, свѣча съ небольшою примѣсью церезина можетъ горѣтъ, не оплывая. Тяга воздуха, уходъ за свѣчей, качество фитиля, его размѣръ и постановка и много другихъ чисто случайныхъ обстоятельствъ бываетъ причиною неправильнаго горѣнія свѣчи. Чтобы правильно судить о сравнительномъ достоинствѣ свѣчей разныхъ заводовъ, надобно хорошо знать, изъ чего работаетъ свѣчи каждый заводъ, и видѣтъ не разъ не два, какъ онѣ горятъ. Едва ли корреспондентъ имѣлъ всѣ эти данныя для сужденія. Нашимъ же рабочимъ извѣстны всѣ московскіе свѣчные заводы, а равно и то, какъ и изъ чего каждый изъ нихъ работаетъ свѣчи; мы сами имѣемъ возможность видѣтъ въ разныхъ церквахъ, каковы свѣчи у другихъ свѣчеторговцевъ, видимъ ихъ и въ огаркахъ, на епархіальномъ заводѣ доставляемыхъ, слышимъ ежедневно отзывы церковныхъ старостъ и ихъ помощниковъ о свѣчахъ другихъ заводчиковъ; на основаніи сихъ, думаемъ, вѣскихъ данныхъ мы съ полной увѣренностію можемъ утверждать, что вообще наша свѣчи выше свѣчъ другихъ заводовъ. Говоримъ: *вообще*, потому что на епархіальномъ заводѣ работаетъ одинаковая свѣча для всѣхъ, богатыхъ и убогихъ, а на всѣхъ частныхъ заводахъ играетъ большую роль лице, для котораго отпускаются свѣчи. Сдѣлать по заказу для одной двухъ церквей хорошія свѣчи — дѣло не трудное, но держать для всѣхъ одинаково хорошую свѣчу — дѣло совсѣмъ иное, и по силамъ оно только епархіальному заводу.

При всемъ томъ мы далеки отъ мысли, что свѣчи нашего завода совершенство. Напротивъ, мы болѣе чѣмъ кто-либо и видимъ и скорбимъ, что даемъ церквамъ свѣчи не всегда такія, какія желаемъ и при другихъ условіяхъ могли бы приготовить; мы знаемъ, что наши свѣчи иногда пльвуть и коптѣтъ и притомъ не отъ случайныхъ только причинъ, а иногда прямо отъ огарочнаго воска. Но лично мы здѣсь ни причемъ. Все дѣло въ огаркахъ, доставляемыхъ на заводъ изъ церквей. По милости извѣстныхъ церезинщиковъ, церезинъ широкою волною разливается не только по Москвѣ, но и по уѣзднымъ городамъ и всяемъ, такъ что вполне уберечься отъ него и епархіальному заводу возможности нѣтъ. Церезиновыя свѣчи продаются не только у свѣчеторговцевъ (почти всѣхъ), но и въ каждой колониальной лавкѣ въ Москвѣ (вопреки прямому закону, за нарушеніе коего обязаны преслѣдовать законнымъ путемъ церк.

старосты); развозятся по селамъ, продаются за деньги, мѣняются на шерсть, ленъ и т. п., разносятся по домамъ (въ Коломнѣ недавно уличена въ селѣ одна женщина, оставшаяся однако безъ законнаго возмездія за свое ремесло). Весь этотъ церезинъ, скупаемый не только частными лицами, но и церковными старостами, особенно любящими темноту въ церковномъ хозяйствѣ, попадаетъ въ церкви, а оттуда въ видѣ огарковъ на заводъ. Понятно, что такимъ образомъ церезинъ попадаетъ и въ свѣчи епархіальнаго завода. Что можемъ мы противъ этого сдѣлать? Не принимать огарковъ недоброкачественныхъ? Но впервыихъ, такіе огарки обыкновенно доставляютъ въ смѣшеніи съ огарками отъ нашихъ свѣчей и отдѣлать ихъ крайне трудно, чтобы не сказать болѣе; а во вторыхъ, старосты, а чаще всего ихъ посланные обыкновенно ссылаются на то, что церезиновыя свѣчи у нихъ приносныя или жертвованныя, что не принимая огарковъ, заводъ нарушаетъ интересы церкви. Чтобы улучшить огарочный воскъ, мы, несмотря на значительныя издержки, большую часть огарковъ не только перетапливаемъ, но и перебѣливаемъ въ соединеніи съ настоящимъ пчелинымъ воскомъ: это улучшаетъ огарочный воскъ, но, конечно, не дѣлаетъ его вполне чистымъ. Послѣ сего понятно, противъ кого должны возставать съ словомъ обличенія всѣ истинно скорбящіе о благолѣпіи Божіихъ храмовъ и на кого должна быть призываема власть архіерейская и Святѣйшаго Синода. Это противъ тѣхъ лицъ, которые ради несправеднаго прибытка не стѣсняются осквернять церкви Божіи, торгуя церезиновыми свѣчами, противъ тѣхъ старостъ, которые видя, что нерѣдко рядомъ съ ввѣренною ихъ попеченію церковію торгуютъ церезиновыми свѣчами, не только забываютъ обязанность прекращать незаконную торговлю, но и сами по тѣмъ или другимъ побужденіямъ покупаютъ такія свѣчи, сбывая огарки отъ нихъ на епархіальный заводъ. Если бы церковныя старосты всѣ дѣйствовали законно и согласно волѣ и распоряженію церковной власти, тогда церезинъ, самъ собою, безъ особенныхъ правительственныхъ мѣръ былъ бы вытѣсненъ изъ продажи. Архіерейская власть по отношенію къ заводу епархіальному не бездѣйствуетъ: и чрезъ постоянную ревизионную комиссію, и чрезъ ежемѣсячныя отчеты завѣдывающихъ заводомъ, она имѣетъ вполне достаточныя основанія судить о томъ, какъ ведется дѣло на заводѣ.

Относительно трехъ рублей, лишне будто бы взимаемыхъ епархіальнымъ заводомъ за свѣчи, радѣтель о храмахъ Божіихъ опять таки судить крайне поверхностно. Свѣчи изъ одного пчелинаго воска всюду продаются по 28 руб., тамъ, гдѣ за огарки платятъ какъ мы—22 руб. Да при настоящей цѣнѣ на желтый воскъ продавать свѣчи дешевле частнымъ свѣчеторговцамъ не

возможно. Если же есть свѣчи по 25 руб. и дешевле, то навѣрное въ нихъ есть церезинъ. Вообще странно какъ-то слышать теперь жалобы на дороговизну свѣчей. До учрежденія епарх. завода, 9 лѣтъ тому назадъ, когда желтый воскъ стоилъ 17—19 руб., свѣчи продавались отъ 30—35 руб., и жалобъ тогда слышно не было; а теперь, когда желтый воскъ покупаютъ 21—23 руб., свѣчи продаютъ 28 руб. за пудъ,—и находятся люди, утверждающіе, что эта цѣна высока. Не будь епархіальнаго завода, теперь свѣчи продавались бы не менѣе 35 руб. за пудъ. Сколько на одномъ этомъ церкви сберегли денегъ въ теченіе 9 лѣтъ? Предполагая, что въ Московской епархіи расходуется ежегодно до 35,000 пуд., получимъ почтенную цифру около 100,000 руб. въ годъ, а въ 9 лѣтъ—900,000 р. Кромѣ того, при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ своего существованія, епархіальный заводъ уже удѣлилъ на нужды епархіи около 90,000 руб. Часть этихъ взносовъ легла бы несомнѣнно новою тяжестью на церкви. И не епархіальнымъ ли заводамъ гг. пчеловоды обязаны тѣмъ, что пчелиный воскъ дорожаетъ годъ отъ году и общаетъ пчеловодству еще лучшіе годы? Нѣтъ, истинные радѣтели о храмахъ Божіихъ должны бытъ благодарны епархіальнымъ заводамъ, поддерживать ихъ всѣми зависящими мѣрами и ради пользы многихъ частныхъ свѣчеторговцевъ не ставить заводамъ каждое лько въ строку, а тѣмъ болѣе не клеветать на нихъ. Многое и еще нужно и хотѣлось бы сказать по поводу церковной свѣчной выдѣлки и продажи, данныхъ у насъ собралось за 9 лѣтъ много, но боимся, что и сказаннаго для газетной статьи черезчуръ довольно. Скажемъ въ заключеніи одно: Московскій епархіальный заводъ всѣ силы и мѣры употребить, какъ и употреблять на то, чтобы дать церквамъ свѣчу чистую, достойную Божіей церкви и недорогою. Ошибки бытъ могутъ, но злаго намѣренія и дѣянія мы за собой не знаемъ, и при Божіей помощи надѣемся не знать никогда.

Правленіе Моск. Епархіальнаго завода

* Прот. А. Ѳ. Некрасовъ, П. А. Преображенскій и свящ. А. С. Гурзовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

ДЛЯ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ,

ИЛИ СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ПОЛНАГО КРУГА ИХЪ ОБЯЗАННОСТЕЙ
И ПРАВЪ.

**Издание 2-е, исправленное и дополненное новѣйшими узаконеніями.
С.-Петербургъ. 1887 г.**

Сочиненіе инспектора С.-Петербургской духовной семинаріи Петра Нечаева.

Краткое содержаніе книги: Введеніе. — О пастырскомъ служеніи. — Совершеніе разныхъ священнодѣйствій. — О церковномъ хозяйствѣ. — Церковное письмоводство. — Частныя отношенія священника. — О правахъ и преимуществахъ священнослужителей и ихъ дѣтей. — О церковномъ судѣ.

Въ концѣ книги сдѣлано нѣсколько приложений, имѣющихъ практическое значеніе для приходскаго священника, какъ-то: изложеніе и изъясненіе апостольскихъ правилъ, о церковно-приходскихъ попечительствахъ, о церковно-приходскихъ школахъ, программы по Закону Божію и церковному пѣнію въ этихъ школахъ, о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ, о раздѣлѣ доходовъ, о гербовомъ сборѣ, о духовныхъ завѣщаніяхъ и о наслѣдствѣ по закону; руководительные вопросы при исповѣди мірянъ; наставленіе для спасенія утопающихъ; размѣръ земли, дающій право на участіе въ земскихъ выборахъ. О присоединеніи къ православію малолѣтнихъ дѣтей; образцы разныхъ церковныхъ документовъ; правила веденія церковныхъ приходо-расходныхъ книгъ, церковной отчетности и т. п.

Учебный Комитетъ при Св. Синодѣ сдѣлалъ, между прочимъ, слѣдующій отзывъ о достоинствѣ перваго изданія означеннаго сочиненія: „Оно отличается сравнительною полнотою содержанія, обстоятельностью въ обзорѣннѣи предмета, равно какъ и основательностію сужденій, наставленій и совѣтовъ... Со стороны выполненія задачи, трудъ г. Нечаева нужно признать вполне тщательнымъ и добросовѣстнымъ“ (Извлеч. изъ Журн. Учебн. Ком. отъ 28 сент. 1883 г. № 309).

Святѣйшій Синодъ удостоилъ сочиненіе П. Нечаева денежной преміи.

Одобрительные отзывы о второмъ изданіи книги П. Нечаева напечатаны: въ „Странникѣ“ (февраль 1887 г.) и „Церковномъ Вѣстникѣ“ (1887 г. № 11).

Цѣна „Руководству для священнослужителей“ два рубля тридцать коп. съ пересылкою. Выписывающіе прямо отъ автора не менѣе 5 экз. платятъ лишь по 2 р. за экз. съ перес.; при требованіи же отъ него не менѣе 25 экз. платятъ по 1 р. 85 коп. за экз. съ пересылкой. Адресоваться: въ С.-Петербургъ, инспектору духовной семинаріи Петру Ивановичу Нечаеву, а также во всѣ болѣе извѣстные книжные магазины С.-Петербурга и Москвы.

О БРОШЮРАХЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ОСОБЕННО ВЪ СРЕДѢ НАРОДА.

Цѣль изданія ихъ дать православнымъ русскимъ людямъ, и преимущественно изъ простаго званія, посильное пособіе къ уразумѣнію ученія вѣры и благочестія, проповѣдуемаго православною Церковію, и показать, что внѣ ея нѣтъ спасенія. Задача этихъ книжекъ такимъ образомъ та же, что и задача церковно-приходскихъ школъ и вѣбгослужебныхъ церковныхъ собесѣдованій. Изъ всего круга ученія св. Церкви, каждая книжка должна касаться одного какого-либо предмета и говорить о немъ просто и доступно, подробно и по возможности обстоятельно. Предметами же содержанія этихъ книжекъ имѣютъ быть: 1) Избранныя мѣста изъ Св. Писанія, преимущественно изъ Псалтири и другихъ учительныхъ и историческихъ книгъ, на церковно-славянскомъ языкѣ съ краткими правоучительными объясненіями. 2) Избранныя мѣста изъ твореній св. отцевъ и учителей Церкви съ краткими жизнеописательными предисловіями. 3) Объясненіе богослуженія православной Церкви, преимущественно свят. таинствъ и тѣхъ изъ обрядовъ, которые особенно употребительны и малозвѣстны въ своемъ значеніи, и 4) житія св. угодниковъ Божиихъ преимущественно чтимыхъ въ средѣ народа, изложенныя по четы-минейному тексту, съ правоучительными уроками. Руководительнымъ началомъ въ выборѣ и порядкѣ этихъ предметовъ должно быть постепенное выясненіе основныхъ истинъ Символа вѣры, молитвы Господней и заповѣдей. Въ каждой книжкѣ, украшенной въ заглавной заставкѣ своей (взятой изъ древне-славянскаго Евангелія) словами св. ап. Павла изъ 1 Тим. 3, 15, предполагается имѣть рисунокъ, соответствующій ея содержанію. Размѣръ книжекъ—отъ 16 до 32 страницъ въ 8 д. л.; цѣна отъ 2 до 5 коп.

НАПЕЧАТАНЫ СЛѢДУЮЩІЯ КНИЖКИ:

- 1) Жизнь преп. Маріи Египетской, ц. 3 к., за 100 экз. 2 р. 25 к.
- 2) Слово о Сырвой седмицѣ святителя Тихона Воронежскаго, съ краткимъ жизнеописаніемъ его, ц. таже.
- 3) Житіе и страданіе священномученика Власія и нже съ нимъ пострадавшихъ, ц. таже.
- 4) О крестномъ знаменіи; ц. 4 к., за 100 экз. 3 р.
- 5) Псалтирь св. царя и пророка Давида: ц. та же, какъ и о Крестномъ знаменіи

Приготавливаются къ печати и другія подобныя брошюры.

Складъ изданія въ Москвѣ, на Саввинскомъ подворьѣ, на Тверской улицѣ, въ канцеляріи преосвященнѣйшаго Александра, епископа Можайскаго. Тутъ же продается книжка: „Саввино-Сторожевскій монастырь въ 17 число іюля“.

УКАЗАТЕЛИ КЪ СЛОВАМЪ И РЪЧАМЪ

ФИЛАРЕТА,

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Цѣна 40 к., съ пересылкою 50 к.

Складъ изданія: Москва, Срѣтенскія ворота, домъ церкви Успенія въ Печатникахъ, квартира священника Богоявленскаго. Тамъ же можно получить „Слова и Рѣчи митрополита Филарета“, цѣна за пять томовъ 7 р., въсовыхъ за 7 фунтовъ.

Для того, чтобы съ удобствомъ пользоваться проповѣдями приснопамятнаго Святителя, не достаточно имѣть предъ глазами оглавленіе ихъ. Нуженъ болѣе или менѣе подробный указатель, и чѣмъ подробнѣе онъ будетъ, тѣмъ болѣе пользы онъ принесетъ. Желая по мѣрѣ умѣнія послужить пользѣ читателей и чтителей Словъ и Рѣчей приснопамятнаго проповѣдника, предлагаемъ вниманію читающихъ составленные нами три указателя.

I. Указатель содержанія Словъ и Рѣчей, кратко по возможности вездѣ словами проповѣдника, находимыми въ надписаніяхъ словъ, или въ оглавленіяхъ изданія 1848 года, или же взятыми изъ самыхъ проповѣдей, обозначающей содержаніе ихъ.

II. Указатель мѣстъ Священнаго Писанія, надписанныхъ надъ проповѣдями.

III. Указатель всѣхъ мѣстъ Священнаго Писанія, приводимыхъ въ проповѣдяхъ.

ВЫШЕЛЪ 4-й ТОМЪ

БЕСѢДЪ И ПОУЧЕНІЙ

ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКАНОРА,

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ОДЕССКАГО.

(Съ поученіями, направленными противъ графа Л. Толстаго).

Цѣна 2 р. съ пересылкою.

Въ продажѣ имѣются 1-й (1884), 2-й (1885) и 3-й (1886) томы „БЕСѢДЪ И ПОУЧЕНІЙ“ его высокопреосвященства; каждый томъ по 2 руб. Съ требованіями на книги можно обращаться въ ОДЕССУ, въ канцелярію Архіепископа.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВАГО ВРЕМЕНИ

(А. С. СУВОРИНА).

МОСКВА, ПЕТЕРБУРГЪ, ХАРЬКОВЪ и ОДЕССА.

Поступила въ продажу новая книга:

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

И. С. АКСАКОВА.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА.

Статьи разнаго содержанія. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 2 руб., на веленовой бумагѣ 2 руб. 50 коп., съ пересылкой 3 руб.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ:

ТОЖЕ. Томъ I. Славянскій вопросъ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ТОЖЕ. Томъ II. Славянофильство и западничество. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 руб.

ТОЖЕ. Томъ III. Польскій вопросъ и Западно-Русское дѣло. Еврейскій вопросъ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

ТОЖЕ. Томъ IV. Общественные вопросы по церковнымъ дѣламъ. Свобода слова. Судебный вопросъ. Общественное воспитаніе. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 руб.

ТОЖЕ, Томъ V. Государственный и Земскій вопросъ. Статьи о нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб. Велен. экз. по 2 р. 50 к., кромѣ третьяго тома, цѣна котораго 2 руб., съ перес. по 3 руб.

ТОЖЕ. Томъ VI. Прибалтійскій вопросъ. Внутреннія дѣла Россіи.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Съ портретомъ автора. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

БИОГРАФІЯ Θ. И. ТЮТЧЕВА.

Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 75 к., на вел. бумагѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ

IV ГОДЪ.

„КОЛОСЬЯ“

ЦѢНА 8 Р.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

За три года достаточно выяснились характеръ и значеніе журнала „Колосья“.

Для всякой библіотеки, для семьи и вообще для всѣхъ лицъ, интересующихся литературою, „Колосья“ незамѣнимый журналъ по богатству и разнообразію научно-литературнаго матеріала, которымъ изобилуетъ каждая книжка. Достаточно сказать, что въ году печатается не менѣе 5 большихъ русскихъ романовъ, по 12 повѣстей, рассказовъ, драматическихъ произведеній; масса стихотвореній и статей разнообразнаго содержанія. Въ приложеніяхъ даются лучшіе переводные романы.

Объемъ каждой книжки журнала (около 25 печ. листовъ), несмотря на дешевую цѣну, одинаковъ со всѣми другими большими журналами. Вышнее изящество стоитъ даже выше. Подписная цѣна остается прежняя: на годъ 8 руб., на полгода 5 руб.

Примѣч. для новыхъ подписчиковъ. Гг. новые подписчики на будущій 1887 годъ имѣютъ право приобрести журналъ „Колосья“ за истекающей 1886 годъ по льготной цѣнѣ, а именно за пять руб. По полученіи денегъ (за оба года 13 р.)—всѣ вышедшія и дальнѣйшія книги отправляются немедленно. Льготою этою могутъ воспользоваться только подписавшіеся до 29 декабря, такъ какъ пересылка прошлагоднихъ изданій принимается уже по вѣсу.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ журнала „Колосья“, Пушкинская ул., д. № 11.

Редакторъ-Издатель И. А. БАТАЛИНЪ.

Сочиненія Ю. Ө. Самарина. Томъ шестой. Содержаніе: Іезуиты и ихъ отношенія къ Россіи.—Предисловіе къ богословскимъ сочиненіямъ А. С. Хомякова.—Разборъ сочиненія К. Д. Кавелина „Задачи психологій“.— По поводу сочиненій Макса Мюллера по исторіи религіи.—Мелкія и неоконченныя статьи богословскаго и философскаго содержанія. Цѣна 2 руб. 50 коп. Получать можно у извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Проповѣди, рѣчи и бесѣды. Протоіерея Александра Иванова. Тула. 1887 г. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 1 руб. 70 коп. Продается у автора, въ Тулѣ.

Философское пессимистическое міросозерцаніе Шопенгауэра и его отношеніе къ христіанству. Критическое изслѣдованіе П. Калачинскаго. Кіевъ. Цѣна 1 р. 50 к. Съ требованіями прошу обращаться къ автору—преподавателю Кіевской Семинаріи или въ книжный магазинъ Н. Я. Оглоблина.

Православное учение о христіанскихъ добродѣтеляхъ: Вѣрѣ, Надежде и Любви. Свящ. Георгія Надеждинскаго. Цѣна 2 руб. Получать можно въ книжн. маг. Тузова, въ Петербургѣ, Леухина въ Москвѣ, Чернова—въ Саратовѣ и въ типографіи Феокритова въ Саратовѣ. Отъ автора, свящ. с. Голицына, Сарат. губ., Аткарск. у., можно получать ту же книгу 1 р. 50 коп. съ пересылкой.

Сборникъ церковныхъ пѣснопѣній, составленъ и на голоса положенъ по нотнымъ церковнымъ книгамъ, изданнымъ по благословенію св. Синода первымъ тисненіемъ въ Москвѣ въ 1772 году, и нынѣ правленымъ противу древнихъ безлинейныхъ (крюковыхъ) рукописей до XVIII столѣтія включительно, Н. Потуловымъ. Седмица первая святаго и великаго поста, разныхъ роспѣвовъ. Цѣна 2 р. 50 коп. Продается у издательницы Е. А. Потуловой, Москва, большая Грузинская, д. Ставишевой.

Вѣда православной восточной греко-россійской церкви по ея символическимъ книгамъ. Систематическій сборникъ извлеченій изъ опредѣленій соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, правилъ св. Апостоль и св. отцевъ, посланія патріарховъ православно-каѳолическія церкви о православной вѣрѣ, православнаго исповѣданія каѳолической и апостольской церкви восточной и катихизиса Филарета, митрополита московскаго. Сост. преподаватель московской духовной семинаріи С. Никитскій. Тетрадь первая: вѣроученіе. Цѣна 50 коп. Сладъ изданія у составителя, въ Москвѣ, домъ семинаріи въ Каретномъ ряду, а также въ книжн. маг. Салаевыхъ, на Мясницкой, домъ Обидиной; выписывающіе прямо отъ издателя за пересылку не платятъ.

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва
Юля 27-го 1887 года.

Цензоръ *свящ. Іоаннъ Петропавловскій.*

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ВАРЛААМА ВАЖЕСКАГО.

ИЗДАНИЕ ДРЕВНЯГО РУКОПИСНАГО ЖИТІЯ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ.

А. Григоровича.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1887.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое благочестивому вниманію читателей *Православнаго Обозрѣнія* житіе св. Варлаама Важескаго или Шенкурскаго списано съ рукописи житія сего угодника, хранящейся въ Троицкой Сергіевой Ливрѣ подъ № 677, въ листѣ, XVI столѣтія подъ названіемъ: „Соборникъ“ мѣсяцъ іюнь. Въ 1874 году, въ бытность мою въ Сергіевой Лаврѣ, по благосклонному и просвѣщенному распоряженію покойнаго о. ректора духовной академіи А. В. Горскаго, настоящій списокъ тщательно былъ изготовленъ для меня съ собственноручной отмѣткой покойнаго А. В. Горскаго въ концѣ списка о мѣстѣ нахождения рукописи*.

О заслугахъ и значеніи св. угодника Варлаама въ дѣлѣ распространенія христіанскаго просвѣщенія въ при—Важскомъ краѣ, а отчасти по Сѣверной Двинѣ, и въ дѣлѣ церковнаго строительства въ этомъ краѣ предоставляемъ судить специалистамъ по Русской Церковной Исторіи. Мы не можемъ здѣсь не упомянуть, что и доселѣ въ томъ краѣ живо сохраняется между мѣстными жителями память о св. угодникѣ; народъ помнитъ

* Свѣденія о жизни преп. Варлаама изложены также въ сент. кн. „Душеполезнаго Чтенія“ за 1868 г.

и свято чтить его память и посѣщаетъ не только бывшую обитель, имъ устроенную и въ послѣдствіи обращенную въ сельскій Богословскій приходъ, а равно и церкви, въ разныхъ мѣстахъ имъ поставленныя и до-нынѣ существующія (храмъ Рождества Христова на *Хаманевѣ*, храмъ Рождества Богородицы на *Усть-Путь* и храмъ Рождества Іоанна Предтечи на *Ледѣ*), но и всѣ въ самыхъ дикихъ и непроходимыхъ мѣстахъ и лѣсахъ урочища, гдѣ святой угодникъ или проходилъ или молился или отдыхалъ, и гдѣ и понынѣ сохранились или колодцы или кресты; или часовенки, освященныя его именемъ и благоговѣйной памятью народной объ его благотворной здѣсь дѣятельности. И это все со времянъ XV вѣка, когда св. просвѣтитель и „кормилецъ“ этого народа здѣсь проходилъ свою обильную святыми подвигами и благотвореніями земную жизнь.

Объ этой жизни его почерпаемъ свѣдѣнія изъ книги „Русскіе святые, чтимые всею церковію или мѣстно, сочиненіе Филарета, архіепископа Черниговскаго, мѣсяцъ іюнь“. „Преподобный Варлаамъ былъ въ мірѣ лицомъ весьма значительнымъ. Это былъ новгородскій посадникъ Василій Степановичъ Своеземцевъ, человекъ весьма богатый и уважаемый великими князьями. Древній повѣствователь пишетъ о немъ: посадникъ Василій по наслѣдству (изъ отчества) владѣлъ Заволочьемъ; рѣка Вага со всѣми ея окрестностями была въ его владѣніи. По другимъ свѣдѣніямъ дѣдъ Василя Степановича. Василій Матвѣевичъ, Своеземцевъ, новгород-

скій посадникъ, по купчей крѣпости 1315 г. приобрѣлъ у Чудскихъ старшинъ Азиса Харитолиза (Харитонія), Родда (Иродіона) и Игнатца (Игнатія) земли Шенкурскія до ростовскихъ границъ за 20,000 бѣлокъ и за 10 руб. Такъ образовалась на р. Вагѣ боярщина Васильевская или земли боярина Василія. Потомъ явились на Вагѣ 12 другихъ боярщинъ, но Васильевская была самая обширная и богатая * „Своеземцевы завели первые на Вагѣ хлѣбопашество; до того времени Чудь (аборигены Архангельской губ.) питалась ловлею звѣрей, птицъ и рыбы. Василій Степановичъ болѣе чѣмъ отецъ и дѣдъ употреблялъ огромныя средства свои для пользы дикой страны и особенно употреблялъ мѣры для нравственнаго образованія жителей ея. Живя самъ въ Новгородѣ, высылалъ онъ въ Заволочье управителей, а по временамъ и самъ бывалъ на Вагѣ для личныхъ распоряженій и для надзора за употребленіемъ довѣренныхъ. Онъ любилъ Вагу; по этой любви построилъ онъ въ Заволочѣ, на горѣ, надъ р. Вагою, городокъ, назвавъ его Пинежскимъ городкомъ, какъ поставленный надъ р. Пинежкою. Пинежка впадаетъ въ р. Вагу въ 16 верстахъ ниже г. Шенкурска“ (Архангельской губ.). Въ Новгородѣ Василій начальствовалъ честно и ненавидѣлъ худое, онъ былъ питателемъ сиротъ, одеждою

* Замѣчательно, что названія боярщинъ сохранились въ означенной мѣстности и донныѣ. Въ уставныя грамоты, введенныя въ 63—66 годахъ въ дѣйствіе въ удѣльныхъ имѣніяхъ Шенкурскаго уѣзда, названія этихъ боярщинъ, въ томъ числѣ Васильевской, тоже вошли.

нагимъ, врачемъ больныхъ, въ домѣ его находили себѣ покой всѣ странники. Особенно же расточалъ онъ благотворенія свои на любимой Вагѣ. Еще задолго до переселенія своего изъ шумнаго Новгорода въ любимый Важскій край онъ основалъ, въ 1444 г., на Вагѣ иноческую обитель въ честь евангелиста Іоанна. Василій Степановичъ поступилъ самъ въ Богословскую обитель и жилъ здѣсь какъ самый строгій инокъ до кончины своей, принявъ въ монашествѣ имя Варлаама. Въ 1552 году случился большой разливъ рѣки Ваги. Тогда открылось много гробовъ, въ томъ числѣ и гробъ блаженнаго Варлаама. Игумень Герасимъ съ братьею перенесли гробъ блаженнаго и положили близъ новаго храма. Тогда увидѣли, что мощи блаженнаго совершенно цѣлы, даже иноческія одежды его и гробъ не истлѣли, тогда какъ въ другомъ гробѣ современномъ увидали прахъ. Мощи преподобнаго Варлаама свидѣтельствованы въ 1630 г. Новгородскимъ митрополитомъ Кипріяномъ. Тогда же сдѣлано распоряженіе о празднованіи памяти преп. Варлааму (19 іюня), и въ его имя построены были придѣльный храмъ. Нынѣ мощи его почиваютъ въ бывшей монастырской, а съ 1764 г., приходско - Богословской церкви. Въ день кончины преподобнаго іюня 19 ежегодно бываетъ крестный ходъ изъ г. Шенкурска на мѣсто покоя пр. Варлаама“ (стр. 100—108). Православнымъ остается пожалѣть, что обитель преп. Варлаама упразднена. Она служила въ свое время житницей, изъ которой въ старину пособіе на

прокормленіе бѣдныхъ крестьянъ, страдающихъ отъ голода нерѣдко въ томъ краѣ, раздавалось щедрою рукою въ воспоминаніе добродѣтельнаго основателя этой обители, но главнымъ образомъ приходится скорбѣть о томъ, что съ упраздненіемъ сей обители православное населеніе Важскаго и по-двинскаго края лишилось оплота противъ раскола, весьма распространеннаго въ этой мѣстности (наиболѣе Ѳедосѣевцы). Тѣмъ не менѣе Божественный промыслъ въ лицѣ св. угодника своего и понынѣ хранитъ тамошнее населеніе, по преимуществу крестьянское, отъ того нравственнаго растлѣнія и всякаго рода пороковъ, чѣмъ страдаетъ это населеніе въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Крестьяне той мѣстности несравненно вообще честнѣе и порядочнѣе въ своемъ быту, чѣмъ крестьяне другихъ мѣстностей, семейные нравы у нихъ чище и устойчивѣе, въ общежитіи, въ отношеніи соблюденія правъ собственности чужой тамошніе крестьяне положительно идеально честны: воровства унихъ почти неслышно, конокрадство имъ неизвѣстно, договоры оно исполняютъ строго, къ страннику и дорожному, слабому и безпомощному великодушны въ истинно-христіанскомъ смыслѣ, трудолюбивы и самоотверженны по примѣру своего незабвеннаго св. учителя и подвижника любви преподобнаго Варлаама. Молитвами его бережется этотъ непочатый уголокъ отдаленнаго сѣвера Россіи.

Прим. Не безынтересныя свѣдѣнія, относящіяся къ житію препод. Варлаама извлекаемъ изъ письма къ намъ уважаемаго бывшаго секретаря съѣзда мировыхъ посредниковъ И. І. Костылева отъ 16-го іюня 1878 г. „Вамъ желательно имѣть историческое свѣдѣніе о преподобномъ Варлаамѣ Важескомъ, котораго мощи находятся въ Богословскомъ приходѣ Шенкурскаго уѣзда. Исполняя ваше желаніе, я обращался къ мѣстному священнику на мѣстѣ свадбить свѣдѣніями. Но оказалось, что тамъ нѣтъ никакого архива, кромѣ рукописи о преподобномъ, одежды преподобнаго и монастырскаго синодика. Молодой священникъ о. Гавріилъ не могъ ничего разъяснить ни изъ историческаго, ни изъ преданія о преподобномъ. Мѣстные жители, называемые чердосошными или монастырскими, показываютъ только мѣста, гдѣ находился монастырь, и только. По преданію извѣстно, что монастырь Богословскій былъ богатый и многолюдный. Изъ синодика видно, что тамъ было въ одно время однихъ схимонаховъ до 17. Я помню изъ Арханг. Вѣдомостей 40-хъ годовъ, въ которыхъ было отпечатано житіе Варлаама Важес. М. Заринскимъ, что преподобный въ мірѣ назывался Своеземцевъ-Едемскій, посадникъ Новгородскій. Въ мірѣ онъ назывался Василій Степановичъ Своеземцевъ-Едемскій. Владѣнія его въ Заволочѣ заключались изъ нынѣшнихъ волостей: Смотроповской, Липовской, Шахановской, Великониколаевской и отчасти Устопаденской и Предтеченской; а такжѣ общество Глубоковское, Поташевское и Киселевское со многими скитами составляли его владѣніе. Онъ былъ современникъ посадницы Марѣи Борецкой, владѣлицы большихъ имѣній по Двинѣ, интригъ которой удалился съ семействомъ изъ Новгорода въ свое имѣніе, опасаясь, чтобы не подпасть такой же участи, какой подпалъ его товарищъ Мирословскій или Мислословскій, безслѣдно потерявшійся тогда; но впослѣдствіи оказалось, что она держала его въ подземномъ заключеніи. У Своеземцева было большое семейство: 2 дочери и 8 сыновей. Изъ дочерей одна была выдана въ замужество за московскаго гостя. При жизни святаго имѣніе было раздѣлено между сыновьями и только часть онъ оставилъ себѣ на содержаніе монастыря. До крестьянской реформы общества Великониколаевской волости назывались боярщинами; изъ коихъ одна была Васильевская боярщина, принадлежавшая въ собственность святому, проживавшему въ монастырѣ. Въ то время Шенкурскъ имѣлъ большое значеніе, какъ торговый пунктъ, чрезъ который проходили сибирскіе товары въ Новгородъ. Позднѣе замѣнилъ его Холмогоръ, а затѣмъ Архангельскъ, но совсѣмъ съ другимъ характеромъ торговли и съ другими товарами. Монастырь потерялъ значеніе со временъ Екатерины II, когда населенныя имѣнія были отобраны въ казну, а монахи были переведены въ Шенкурскъ на мѣсто упраздщен-

наго женскаго монастыря. Въ началѣ 60-хъ годовъ здѣсь открыли опять женскій монастырь, который обстроился каменными зданіями, составляющими украшеніе нашего города, и обзавелся монахинями свыше 100 человекъ. Монахини успѣли собрать нѣсколько грамотъ царей, патриарховъ и митрополитовъ и между прочими есть грамота Патерика. Я не могъ отыскать Губ. Вѣдомостей 40 г., но за то наткнулся на свѣдѣніе, что Вогскую землю подробно описалъ нѣкто Мясниковъ, который сопутствовалъ ученой экспедиціи Свинына на сѣверѣ. Описание Мясникова было, говорятъ, помѣщено въ части въ журналѣ „Сынъ Отечества“ 1829 г., а остальная часть въ „Вологод. Губ. Вѣд.“

Въ той же день* память преподобнаго отца нашего Варлаама Пѣнежскаго чудотворца, иже на Вагѣ пречестенъ монастырь составльшаго во имя святаго и славнаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова. его же отчасти чудесъ исповѣданія благослови отче.

Богъ прославляемъ въ совѣтѣхъ святыхъ, рече Богоотецъ Давидъ. и паки дивенъ Богъ во святыхъ своихъ. совѣтъ убо святыхъ есть еже несумнѣнно вѣровати во святую Троицу Отца и Сына и Святаго Духа. и дерзновенно исповѣдати душею и усты, въ Троицы пѣваемаго единаго, присносущнаго Бога. и спасенія его заповѣди творити и евангельски жити. дивенъ же во святыхъ своихъ Богъ израилевъ. Израиль убо есть всякъ вѣру чисту имѣя къ Богу, якоже речеса и творя правду, яже есть оправдающая насъ заповѣди Господня. Земныхъ убо погнушався, возведе умъ свой къ небеснымъ благимъ. Не мятежно зрить душевными очима къ еди-

* Т.-е. іюня 19 д.

ному Богу, и не токмо душею и усты, но и тѣломъ и удесы своими творя благая дѣла прославляетъ Бога. слава бо есть Богови святое житіе святыхъ его. въ сицевыхъ убо святыхъ прославляемъ и дивенъ бываетъ Богъ. вси убо челоуѣцы видяще святыхъ къ Богу несумнѣнну вѣру и сокрушено сердце, душу праву и всѣ благая ихъ дѣла воздвигатся, пользу приимше отъ нихъ. хвалу Богу воздадутъ, творящему святыми своими преславная, по реченному, яко да видятъ благая ваша дѣла, прославятъ Отца вашего иже есть на небесѣхъ. сего ради святыхъ памяти почитати лѣпо есть, яко да въ нихъ Богъ славимъ есть. ангели ликовствуютъ. челоуѣцы пользуются. слава бо святыхъ превосходить на Бога. святымъ бо почитаемымъ Богъ почитаемъ есть. добродѣтель бо почетомъ Бога чту, не токмо же есть се. Но и сами отъ нихъ не малу пользу приемлемъ, святыхъ бо житія страхъ Божій вселяютъ въ душу. безстрашіе отгоняютъ. злыхъ престатіе, благихъ пріятіе вводятъ. тѣхъ бо житіе зряще всякъ въ чувство своихъ дѣлъ приходитъ. престатіе отъ злыхъ помышляетъ, благая творити хоцетъ. не можемъ бо мы исправитися отъ злыхъ, аще не пользу приимше отъ святыхъ. вся бо творить Богъ святыми своими насъ ради и нашего ради спасенія. свѣтъ бо есть святыхъ житія и просвѣщеніе душамъ нашимъ. якоже рече Господь, вы есте свѣтъ миру. тѣмже приимше пользу отъ нихъ похвалимъ святаго сего. о немже слово предлежитъ намъ днесь. Не скуденъ бо есть и онъ славы сего божественныя. понеже и онъ отъ древнихъ есть, аще и нынѣ пишемъ о немъ. не сеже точію едино но отъ дѣлъ своихъ божественныхъ чудесъ познавается. всяко бо древо отъ плода своего познано будетъ, рече Господь. и паки дѣла яже азъ

творю, та свидѣтельствують о мнѣ. и сего ради не-
пщюу небезмѣстно есть почитати, понеже и древнимъ о
немъ потребно бѣ, еже прежде ихъ бывшихъ писати,
по нихъ сущимъ родамъ писаніемъ яко залогъ оставляти.
кольми паче намъ писати лѣпо есть о святыхъ, послѣд-
нему и слабому роду, въ немже мало спасаемыхъ. не
точію убо полезно намъ есть, но и веліе приобрѣтеніе
есть отъ нихъ. сего ради вѣдый преблагій Господь
Богъ нашъ наше плотское и неполезное житіе свя-
тыхъ своихъ угодниковъ по различнымъ мѣстомъ, овымъ
отъ многихъ лѣтъ яко и сего святаго, овыхъ же отъ
мала лѣтъ бывающихъ яко свѣтила велія сіяюща въ
мирѣ показываетъ намъ, яко да видяще ихъ исправленія
возревнуемъ добродѣтели ихъ. едва бо многихъ и ве-
ликихъ святыхъ исправленія могутъ наставити насъ ко
спасенію. Тѣмже мню не втунѣ писати и о семъ свя-
темъ, о немже нудите мя о отцы и повелѣваете ми на-
писати вамъ о святемъ житіи и о чудесѣхъ его. еже
суть выше моя мѣры, понеже скудоумень есмь и не-
достаточень отнюдъ, яко скверны и грѣха* исполненъ.
святыхъ бо житія писати не моего скудоумія есть, но
иже въ философъстей премудрости возрасталимъ, и отъ
младенства яко млекоу воспитаннымъ премудростію.
кто бо отъ челоуѣкъ святыхъ житія исписати можетъ
яко звѣзды небесныя исчести. но отъ многихъ малая,
якоже отъ великаго моря каплю малую, елико дости-
гохомъ отъ вѣдущихъ таковая. Нечюдень творяся ска-
зующе кому, но долгъ воздаемъ отъ отецъ заповѣдан-
ный намъ. Суда онаго убоявся лѣниваго раба, но и то
къ сверстникомъ своимъ и подобнымъ мнѣ. къ премуд-

* Всяческп.

дрѣйшимъ же молчаніе съ моленіемъ сотворю, яко да и насъ невѣждей научатъ. пишу же не самовидѣць бывъ таковымъ, понеже иного монастыря есмь общаніемъ. и сожитіе имѣю далече отъ обители, но еже слышахъ отъ инокъ святаго обители отъ оставшихъ достовѣрныхъ свѣдѣтелей блаженнаго малообрѣтающихся въ обители святаго. но и они не самовидцы же, но отъ прежнихъ отецъ слышавше мнѣ повѣдаша отъ многихъ малая. иная же преславная чюдеса святаго слышахъ и отъ самѣхъ исцѣлѣвшихъ у гроба святаго, сами повѣдаша ми, благодарствуя Бога. обрѣтаетъ же ся сице о святемъ.

О отчествіи святаго и о пришествіи его на Вагу и о созданіи святаго мѣста сего.

Повѣдаютъ же святаго сего Варлаама отъ славныхъ родителей быти. отчѣствомъ убо и родомъ и воспитаніемъ преименитаго великаго Новаграда. владѣніемъ же и честію превозведенъ бысть паче сверстникъ своихъ. повѣдаютъ бо его, яко бысть посадникъ въ великомъ Новѣградѣ. нарековажеся имя его Василие. бывшу же ему во времена и лѣта придержащаго скифетроцарствія великія Росія благочестиваго государя великаго князя Василя Василіевича Владимерскаго и Московскаго, владушю тогда Тѣрцію великому князю Борису Александровичу. а на Рѣзани бысть тогда князь великій Феодоръ Ольговичъ. правящу святительскимъ престоломъ великія Росія отъ грекъ нѣкоему митрополиту Фотію, а въ великомъ Новѣградѣ архіепископу Еуфимію брадатому, въ лѣто 6934-е (ѡсѣмь). Бывъ же тогда великій Новѣградъ по жребіямъ раздѣленъ, яже нарицаются пятинны, въ раздѣленіяхъ пятинъ. изъ роду бяше и изъ отчества сему Василю посаднику Заволочіе име-

нуемо бѣше, въ немже превеликая рѣка Вага во участіи его бысть со всѣми предѣленіи своими. Тамъ убо въ велицѣмъ Новѣградѣ, блаженному сему Василию жителство и владѣніе имущу. Здѣ же въ Заволочіе именуемомъ вѣрныхъ рабъ послаше строити и промыслиати жребіемъ его, хождаше въ жребіи свои въ Заволочіе глаголемое на Вагу, назираше строеніе рабъ своихъ, и любя мѣсто то. приходя же изъ великаго Новаграда созда блаженный Василіе градецъ малъ во участіи своемъ въ Заволочіи, на высотѣ горы воскрай великія рѣки Ваги, на рѣчке на Пѣняжкѣ именуемой, прозваніе же нарекова граду тому Пѣнежскій градокъ именуемый. Тогда бо бѣ по рѣкамъ и по урочищамъ и градки малые именовашася. По назираниіи же града своего паки отхожаше въ великій Новѣградъ, правяше начальство свое. Живяше тамо по обычаю своему благочестно, благими дѣлы украшая душу свою. милостынями яже къ нищимъ сокровище полагая на небесѣхъ, и всѣми благими нравы угождаше яко вѣрный рабъ владыцѣ своему Богу. но убо яко кротокъ и тихъ бѣше душею блаженный Василіе. Многихъ ради нашествій ратныхъ бывающихъ Новуграду, оставляетъ великій Новѣградъ, возьмъ жену и дѣти своя, исходитъ изъ роду своего и отчѣства якоже новый Авраамъ. и отходитъ во свою отчину на Вагу въ Заволочіе глаголемое, идѣже издавеча Богъ ведяше его на сіе мѣсто, хотя показати его напоследокъ свѣтило миру. таже пришедъ вселися во градъ свой Пѣнежскій глаголемый.

О созданіи мѣста сего, и о прозорливомъ дарѣ святого и о пророчествіи его о святемъ мѣсте семъ.

Обычаи же бѣше блаженному на вся праздники господьскія и святыхъ памяти въ нощнемъ бдѣніи безъ

сна пребывати и молитвы дѣяти. Приспѣвшу же празднику апостола и евангелиста Іоанна Богослова. Бдящу же блаженному и молящуся Богу по обычаю своему въ ночь ону, въ ней же бываетъ память завтра Іоанна Богослова, слышитъ отвѣтъ уду храмины своя звонъ бывающъ доходящихъ слухи его. блаженный же Василіе отверзъ оконце храмины и зрѣтъ къ западной странѣ града, отнюдуже гласъ звона бываетъ, слышитъ абіе гласъ пѣнія и звонъ паче перваго простирающъ на мѣсте семь, на немже святое сіе мѣсто стоитъ и до сего дни. елико же святому слушающу божественнаго пѣнія сего и звона, толико же пѣніе божественное и звонъ умножашеся. дондеже годъ заутреній приспѣ, прообразующе послѣжде будущую благодать и пѣніе и звонъ на мѣсте семь, аки рукою показующе на мѣсто сіе святое, или яко гласомъ вопіаше веля ему монастырь поставити на сіемъ мѣсте. святой же слушая божественнаго пѣнія сего и звона, не просту вещь быти о семь разумѣ, но видѣніе Божіе непщева быти сему. и пѣніе ангельской звонъ божественный. Внимаше же блаженный и видѣніе се божественное прямо святаго праздника сего, и разсужаетъ не просто и сему быти, но проразумѣніемъ Божіимъ устроися благоволящу Богу и обитель во имя ученика его быти на мѣстѣ семь. и сего ради поверзаетъ себе предъ образомъ Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и со слезами взываше къ ней. Молитва. О Владычице Мати Христа Бога нашего. не презри моленіе раба своего. но аще благоволящу Богу и тебѣ быти о семь, буди ми помощница присно рабу своему, да воздвигну обитель возлюбленнаго ученика сына твоего, въ славу Пресвятыя Троицы и Твою Владычице. призри же Богородице яко мило-

серда на святое мѣсто сіе. и сохрани насъ убогихъ рабъ твоихъ обитающихъ въ немъ отъ навѣтъ вражіихъ, да непрестанно славимъ раби твои Пресвятое Имя Сына Твоего и Бога нашего и Твое Богородице въ нескончаемая вѣки, и прирекъ аминь. Таже ученика Христова моляше глаголя. О учениче возлюбленне апостоле Христовъ Іоанне Богослове. еже изволи да воздвигнуть будетъ на мѣсте сіемъ во имя твое пресвятыи храмъ твой. Да въ немъ присно славимъ будетъ пребезначальное Слово Божій и Пречистая Его Богомати, Его же на перси возлеглъ еси. моли непрестанно наперснице Христовъ, да сохраненъ будетъ святыи храмъ твой, и обитель твоя отъ навѣтныхъ прилогъ лукавыхъ бѣсовъ, да не вредно пребывающе непрестанно славимъ тя, яко ученика Господня возлюбленнаго. По молитвѣ же полагаетъ блаженный обѣтъ Богови и Матери Его Пресвятѣй Богородицы, яко да воздвигнетъ монастырь во имя апостола и евангелиста Іоанна Богослова, на томъ мѣсте идѣже ему показася отъ Бога, еже и бысть молитвами его святыми. По заутреннемъ же пѣніи и свѣту дневному возсіявшу, поиде блаженный въ надзрѣніе мѣста онога, на немже пѣніе и звонъ слышашеся. обрѣте два мѣста на ономъ показанномъ мѣстѣ недалече отъ града аки дващи стрѣлити на тойже рецѣ, ꙗ Пенежке глаголемѣй, на второй странѣ рѣки тоя Пѣнежки отъ града, едино убо на восточнѣй странѣ, второе же на западней странѣ. Оба же мѣста сіа близъ себе бяше аки вергнута каменемъ между има. Блаженный же Василіе возлюби восточное мѣсто. и потребно бѣ къ созданію обители паче втораго, и сего ради святыи Василіе восхотѣ монастырь поставити на восточнѣмъ семь мѣстѣ. Но обаче возверзе на Бога

упованіе, да гдѣ Богъ восхоцеть быти святому мѣсту ту и устроить. И сего ради вземъ часть Божію положи жребіи на оба сія мѣста. Трици и вымеси жребій* на второе сіе мѣсто, идѣже обитель сія стоить и донынѣ молитвами его святыми. святыи же прозрѣвъ о семъ душевными очима, глаголя къ рабомъ своимъ. виждете убо сія оба мѣста, но сіе убо есть мѣсто яже на восточнѣй странѣ его же азъ прежде возлюбихъ. сила убо положить въ него а живущихъ не будетъ на немъ. Но токмо на собраніе жить удобно есть. А яже второе мѣсто на западней странѣ на немже повелѣ Богъ быти обители, на него же жребій испаде. На томъ убо мѣсте земля не крѣпка есть. Мѣсто убо сіе падко есть, но убо отживчиво будетъ. Будетъ бо мѣсто сіе удобно жилище многимъ. И не оскудѣти имать отъ потребныхъ дондеже благоволитъ Богъ. Но аще сіи и отживчиво но будетъ мѣсто сіе ропотливо зѣло. Мѣсто же то восточное о немже святыи прорече яко не будетъ живущихъ на немъ и донынѣ убо бысть праздно отъ живущихъ, якоже рече святыи. и сія рекъ блаженный и прослезися, но обаче Давидово сотвори. Возвергъ о семъ упова на Бога, повинувся суду Божію. Началу дѣлу касаешся и Богу помогающу. Воздвиже на мѣсте томъ на немже Богъ повелѣ монастырь близъ града своего. Общежителство устрои, въ немже и церковь воздвигъ баше во имя святаго и евангелиста Іоанна Богослова. и вторую церковь тріехъ святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Растояніе же имуще мѣсто то яко дваци стрѣ-

* Трици.

лити отъ града, на второй странѣ нарицаемой Пѣняжки. Устрои же блаженный той въ обители той общее житіе, и о Христѣ братію собра. Устроивъ же общежитіе даде блаженный и окрестныя веси близъ монастыря онаго. и имѣнія многа инокомъ на пропитаніе и граматами вѣчно утверди. Поминая же блаженный реченное во святомъ Евангеліи еже рече раздоби алчущимъ хлѣбъ свой, и бездомныхъ и безкровныхъ введи въ домъ свой и расточи имѣнія и даждь нищимъ. И сего ради Василій распалися душею, конечное пріять нищелюбіе, якоже Іовъ праведный. Вдовицамъ бысть заступникъ, сирымъ отецъ. нищимъ питатель, обидимымъ помощникъ, нагимъ одежда, болящимъ посѣтитель; милостивъ бо бяше зѣло, якоже речеся: яко ни единому же изыти тшу изъ дому его. Страннолюбіемъ же якоже первый Авраамъ обрѣташеся, всѣхъ странныхъ вводя въ домъ свой, довольну пищу представляше имъ. Сего ради и Богъ съ нимъ бяше, не оставляше его во вся дни живота его. Расточаша бо вся имѣнія своя въ созданіе храмомъ и нищихъ во удовленіе, у себе же не остави ни единой мѣдницы. Многи бо храмы, церкви Божія строяше на Вагѣ во спасеніе души своей. созда убо храмъ Рождества Христова на Химанѣ. Второй же храмъ созда во имя Пречистыя Богородицы честнаго Ея Рождества, яке есть Усть-Пуи рѣки именуемой. Третій же храмъ созда во имя честнаго пророка и Предтечи Крестителя Господня Іоанна, честнаго его рождества, иже на рѣцѣ Леди глаголемѣй. Сія же святыя храмы стоятъ по порѣчьямъ своимъ и по урочищамъ въ Важестей обителей и донынѣ утвержены молитвами сего святаго. Сихже святыми иконами, и книгами, и свѣщами, и кадилы устрои и украси и до сего

дни. и на яже имѣнія ииѣмъ храмомъ на требованіе даише. Вся же сія строяше спасенія ради души своея. О постриженіи святаго. По семь же убо великій Василіе разсуждаетъ многмятежіе міра сего, могуства и прелесть его, яко суть суетна и прелестно зѣло. и къ сему же и реченное во умѣ приѣмля еже рече богоотець Давидъ: каѣ польза во кровѣ моемъ, внигда ходити ми во истлѣніе. И паки изволихъ примѣтатися къ дому Бога моего паче ниже жити ми въ селѣхъ грѣшничихъ. И сего ради оставляетъ блаженный жену и дѣти и весь домъ свой и отходитъ въ монастырь апостола и евангелиста Іоанна Богослова, его же самъ созда и учредивъ братію милостынею довольно. Абіе отрицается міра и яже въ немъ, остризааетъ власы главы своея, вкупѣ со отъятіемъ власъ отрѣзаетъ и вся своя душевная хотѣнія. Облечеса во святой ангельскій образъ; нарекованъ бысть именемъ Варлаамъ. Таже яко совершенъ инокъ пребывая въ обители своей, подвизался на діавола крѣпко, постомъ и молитвами угождаше Богу; смиреніемъ же и повиновеніемъ всѣхъ преодолеываше. Сего ради мяшеса быти яко единъ отъ убогихъ, а не яко начальникъ мѣсту сему и властелинъ великому Новуградѣ; не солга бо блаженный яко вѣрный Христовъ рабъ. Якоже бо великъ бяше преже пріятія иноческаго пребыванія въ добрыхъ дѣтелѣхъ. Сиче наипаче и по пріятіи ангельскаго подобія показовашеса вѣренъ во исправленіи Владыцѣ своему, на всякъ день подвизаяся, тѣлу своему врагъ бываше. Не даяше бо покоя себѣ, врагу противляся на всякъ часъ. Вѣдаше бо блаженный, якоже въ неже кто званъ бысть, въ томъ да пребываетъ. ему же бо дано много, много и взыщется отъ него. Сильніи бо сильно истяжуются

отъ Бога. Всяковѣ же ему во исправленіи преуспѣвающую шесть лѣтнее время. достигаетъ блаженный конецъ житія своего. Въ глубокой старости преставися къ вѣчнымъ обителямъ въ рунѣ Богови душу свою предаде іюня въ 19 день, на память святаго апостола Іуды, брата Господня по плоти, въ лѣто 6970-е (4310).—О явленіи мощемъ преподобнаго по прешествіи многихъ лѣтъ по преставленіи его. Но немощно убо святаго добродѣтели надолзѣ отъ всѣхъ утаитися, якоже ни граду превелику на высотѣ горы стоящу, всѣми невѣдому быти. Кая бо польза свѣтильнику горящу подъ спудомъ или подъ одромъ покровену быти, а не всѣмъ свѣтити. И сего ради убо всеильный Богъ, не хотя забыти трудовъ праведныхъ на мѣстѣ семъ бываемыхъ блаженнаго раба своего Варлаама и не хотя лишити всѣхъ вѣрныхъ святыхъ его добродѣтелей, яко да самъ не ложь обратится словесемъ своимъ, якоже рече: яко можетъ Богъ отъ каменя сего чада воздвигнути Аврааму. Сице симъ словесемъ исполнитель бываетъ Господь днесь показаніемъ сего святаго по смерти его. еще же и по прешествіи его многихъ лѣтъ, яко жива во плоти показа, неизреченными судьбами своими премудрыми устрояетъ. Скорбящимъ убо нѣкогда и стѣвающимъ братіямъ инокомъ обители сея многолѣтнаго ради прешествія и забвенія ради трудовъ святаго. По неже простоты ради инокъ тѣхъ безъ писанія обрѣтесе житіе преподобнаго, а памятухи уже преставишася. И сего ради мнозѣмъ невѣдомо бысть, и сумняхуся мнози о немъ. Мняху бо святаго яко простолюдина. а не единого отъ святыхъ. Хотяй же всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины прійти премудро устрои сице, хотя проявити святаго, яко и по смерти живъ есть, и

на небесѣхъ со ангелы водворяся, а не яко отъ простыхъ, якоже вси мняху о немъ. Устремляшебоя великая рѣка Вага глаголемая устремленіемъ многихъ водъ. и симъ наводненіемъ по вселѣтному движенію отрывашеся высоту горы. на ней же утверждень бѣше монастырь блаженнаго и храмъ Іоанна Богослова, у нея же церкви и мощи святаго погребены бѣше тогда. Во одинъ же убо отъ днѣй приспѣвши памяти святаго Варлаама, людемъ же многимъ собравшимся, якоже обычай имуть вкупѣ праздновати свѣтоносную память во обители блаженнаго. абіе всѣмъ зрящимъ сице бысть: теченіемъ убо многихъ водъ великая рѣка Вага оторвавшеся низпадеся верхъ горы тоя много зѣло, съ нею же много и тѣлесъ мертвыхъ оторвавшеся отъ земля низпадше вергошася въ великую рѣку Вагу. Толико убо оторвася горы тоя мало не по самую церковь Іоанна Богослова, ею же святой своима рукама постави, ветсѣ сущи ей прешествія ради многихъ лѣтъ. у нея же церкви и цѣлбоносное тѣло блаженнаго положено бысть, якоже речеся новѣй церкви поставленнѣй бывши апостола и евангелиста Іоанна Богослова, на иномъ мѣстѣ, яке и нынѣ Богомъ хранима стоитъ. И сего ради игуменъ обители тоя, Герасимъ именемъ, со освященнымъ соборомъ и со всѣмъ христіанскимъ народомъ шедъ выкопа святя тѣ цѣлбоносныя мощи святаго, несоша на главахъ честно со свѣщами и кандилы. паки погребоша его близъ стѣны новѣйшая церкви Іоанна Богослова одесную страны олтаря кадилаго со псалмопѣніемъ и со многими слезами въ лѣто 7065-е (4328). Дивно же братіе Божія смотрѣнія о семъ и челоуколюбія смотрѣніе премное, яко толико лѣтъ преиде, 90 лѣтъ по преставленіи блаженнаго Варлаама, а свя-

тыя его и цѣлбоносныя мощи цѣлы и невредимы отъ тлѣнныхъ обрѣтошася. но и ризы его святыя, въ нихъ же свить лежаше, но и гробъ его въ немъ же положенъ бысть не истлѣ, аки днесъ положенъ, точію малымъ нѣчимъ яко человекъ пріобщился тлѣ. Не мню же убо просто сему быти обрѣтенію мощемъ святаго Варлаама братіе, но вся смотрѣніемъ Божиимъ бысть въ нашу пользу показующу Богу, яко незабвенны труды иматъ блаженнаго раба своего Варлаама. Но симъ убо есть проявленіемъ покажетъ намъ всесильный Богъ яже о святѣмъ. Въ то же убо время, внегда святаго Варлаама мощи обрѣтены быша, вкупѣ со святымъ обрѣтоша нѣкогого мниха, увы, яко мене грѣшнаго. Гробъ и тѣло близъ святаго погребено за едино лѣто точію погребено до святаго мощей сего обрѣтенія истлѣ, иноже все и червми снѣденс. Увы мнѣ, аки отъ многъ лѣтъ лежимо бѣ. Се же отцы, яко мнится мнѣ, обоихъ сихъ проявленіемъ святаго и мниха сего покажетъ намъ всесильный Богъ своего неизреченнаго промысла божественное дѣло. Яко колико отстоить преподобный по смерти отъ всѣхъ паче жизни сея, и къ Богу дерзновеніе колико иматъ о всѣхъ насъ. И сего ради, якоже мню, устроися неизреченнымъ промысломъ Божиимъ сякову проявленію быти на самую свѣтоносную память святаго, въ нюже шествіе всѣмъ человекомъ бываетъ. яко да сошедшимся имъ вкупѣ празднующимъ святаго память, зрящимъ и видящимъ всѣмъ святаго обрѣтенія и сего мниха, не имуть сомнѣтися о святѣмъ, якоже прежде сомняхуся. Но вси воскликнуть всепремудрому Богу, строящему преславная святымъ своимъ и прелестное сомнѣніе отъемлющему отъ всѣхъ сердець. Игумень же тогда и сего мниха возьмъ мощи, положи

близь святаго на иномъ мѣстѣ. Обрѣтоша же вкупѣ со святымъ игумена бывшаго во обители сей Θεодосія именуемаго. Тѣло невредимо отъ тлѣнныхъ ничимже. Той же игумень воздвиже великій храмъ Іоанна Богослова во общемъ жительствѣ семъ, яже и донынѣ видимъ нами и хранимъ Богомъ. Къ тому убо храму пренесены быша мощи святаго, яже и донынѣ лежать, источаютъ преславная чудеса и исцѣленія приходящимъ къ нимъ съ вѣрою. Игумень же Герасимъ вземъ и сего игумена мощи положи у того же великаго храма апостола и евангелиста Іоанна Богослова близь раки святаго Варлаама. О сихъ же убо тако есть; мы же на подлежащее возвратимся.

О явленіи святаго Варлаама, како явился на память свою игумену Паисею съ братією и прещаше имъ о нечаяннїи милостыни во время глада.

Потребно же намъ братіе къ преже помянутымъ и сіе приложить вамъ. Бывшу нѣкогда гладу велику на Вагѣ и по вседвиньстей земли, и толико простершуся гладу тому, яко не токмо маломощнїи человѣцы но и сильнїе людіе оставляху жилища своя. по инымъ странамъ скитающесе питаху домашняя своя. Глада же онаго ради по діаволу навожденію Паисея игумень совѣтъ сотвори съ братією си не даяти милостыня нищимъ, мняху монастырю поспорити тѣмъ. Еликоже убо они совѣтъ сотворше и не даяше милостыня. толико монастырь оскудѣваше отъ потребныхъ. По совѣтованїи же томъ игумень и братія живяста тако, не дающе милостыня нищимъ. монастырю же скудѣющу, братїи же и работникамъ монастырскимъ разшедшимся скудѣнїя ради онаго. Такоже убо живущимъ приспѣ абіе память чудотворца Варлаама. По преданію же чудо-

творцеу обычай таковъ бѣ во обители той, яко на всяку память чудотворцеу и на всяко лѣто кормити нищихъ довольно, колико ихъ обрящется, и накормивъ надѣлити ихъ милостынями овымъ убо отъ хлѣбъ печеныхъ, овѣмъ же отъ житъ сельныхъ и инединаго же нищаго тща изъ монастыря своего испустити на память свою повелѣ чудотворецъ. Игуменъ же и братія и на память чудотворцеу не восхотѣста милостыню даяти нищимъ глада ради онаго. Великій же чудотворецъ Варлаамъ, якоже бѣ прежде смерти нищимъ питатель, сице и по смерти тѣхъ питатель является. Приспѣвши убо нощи, еяже заутро память святаго будетъ, игумену же и братіи бдящимъ на молитвѣ по обычаю своему, по молитвеннемъ же бдѣніи на сонъ преклоньшимся, внезапно Варлаамъ явися игумену и потомъ старѣйшей братіи сице. Пришедъ убо въ келію игумену во образѣ своемъ, якоже бѣ написанъ на иконѣ, въ рукахъ жезлъ имѣя, брадою темнорусъ, якоже бѣ и есть, и пришедше ко одру на немже игуменъ сонный покой пріимаше. глаголя игумену яримъ взоромъ: или ты убо спиши, а братія Христова гладомъ мруще погибають. Совѣтъ ли убо сотворилъ еси съ братією си, и не хочещи даяти милостыня Христовѣ братіи—нищимъ, и затворилъ еси житницы моя отъ маломощныхъ. Не вѣси ли, яко сихъ ради затворитися царство небесное. Но убо аще не отверзещи житницы моя маломощнымъ и нищимъ, то вѣси убо, яко до конца имать оскудѣти мѣсто сіе. Тѣмже за утра на память мою препитай нищихъ и раздаждь милостыню по повелѣнію моему, да прощень будещи въ дерзновенныхъ ти. И сія рекъ невидимъ бысть. Шедше же въ келію старѣйшей братіи, тоже рекъ имъ съ великимъ прещені-

емъ, яко не токмо на память его, но и по всякъ день даяти милостыня нещадно. Игумень же и братія старѣйшая возбнувше отъ сна и сошедшея вкупѣ разсуждаютъ видѣніе и шедъ ко гробу преподобнаго со слезами прощенія просяще. обѣщавшеся и впредь милостыню творити, якоже заповѣда имъ. На утрія же въ память преподобнаго накормивше нищихъ довольно по заповѣданію его, одѣливше милостынями отпушаху съ миромъ и впредь милостыню даяху. Богови славу воздаючи, иже тако прослави преподобнаго своего Варлаама.

Чюдо святаго Варлаама о слѣпомъ чловѣцѣ. Полезно же убо и се на среду привести. Въ Важестѣй области въ порѣчїи нѣкоемъ Ледстѣмъ имянуемомъ волость нѣгдѣ слобода глаголемая Верхоледская, шествіе имѣя отъ обители святаго шестьдесятъ поприщъ, въ нейже живяше чловѣкъ нѣкій по рекомому Давидъ. Очима слѣпъ бѣ. Много время страдаше болѣзнію тою очною зѣло тяжко, яко немощи ему на свѣтъ взозрити никакоже. Страждущу же ему зѣло и помышляющу да что сотворить очима своима, помышляющу же и недоумѣвающуся, непщеваніе приде ему, яко ити въ монастырь святаго Іоанна Богослова, и чудотворца Варлаама и тужатися неисходимо изъ обители, токмо аще помилуетъ его и исцѣлятъ очеса его. Сиче же ему непщующу и молящуся абіе отъ часа того нача болѣзнь отъ очесъ его отходити помалу. и не по мнозѣхъ днѣхъ очистишася очеса его отъ болѣзни, глядаше добръ и до сего дни молитвами Богослова Іоанна и преподобнаго Варлаама. Чловѣкъ же той Давидъ обѣтъ свой исполняетъ, якоже обѣщася, приде въ монастырь, прїять ангельскій образъ. бысть мнихъ именемъ Давидъ.

иль, прохождаше монастырскія службы. преставися въ вѣчную жизнь, слава Бога и чудотворца Варлаама.

Ино чудо святаго Варлаама о нѣкоемъ челоуѣцѣ работницѣ монастырѣстѣмъ. Похвально же убо есть и о семъ помянути. Челоуѣкъ убо нѣкій, имянуемый Панфиль, родомъ убо и воспитаніемъ Важскія области, урочищемъ же и порѣчіемъ Паденьскіе волости, житіемъ же и пребываніемъ обители сея святаго въ рабствѣ службѣ работаетъ на братію. Тогда же бысть игумень во обители святаго Іона, мирскимъ же прозваніемъ Безсонъ. Сему убо Панфилу случися заповѣданную службу проходить ношную, стрѣщи бо казны приставленъ бысть. Казначей же тогда бысть во обители Іоиль по реклому Тяжелно. Стрѣгуще же Панфилу тому заповѣданную ему службу, внезапно абіе въ полнощи толпа бѣсовъ множество нападоша нань. Видомъ убо и образомъ пришедше разбойничимъ, творяся лъстивіи аки разорити монастырь и разграбити казну пришедши. Овіи убо яко челоуѣцы червлены ризы на себѣ имуще являхуся, овіи же зелены, овіи же различныхъ образъ ризный видъ носяще являхуся. Якоже убо лукавіи разбоиницы суть и есть по словеси Господню, сиче разбоинически творяху. Нападоша убо нань, въ рукахъ имуще луки и стрѣлы, мечи и сулицы, люте устремляющеса, грозяху изсеци его, глаголюще ему отъ казны отбити и бѣжати въ дебрь. Онъ же аки въ правду мнѣвъ, яко разбойницы суть, вопити нача. Игумень же и братія стекшеса скорѣ, узнавше яко изумленъ есть, а не истиненъ, повелѣша бреши его до заутра. Онъ же истекъ отъ стрегущихъ его, бѣжа въ лѣсъ въ неходимую дебрь, мняше убѣжавъ сохранитися отъ злыхъ разбойникъ онѣхъ. Слыша бо ся ему аки стрѣляюще

въ стѣну храмины тоя, идѣже бѣ стрегущими онъ и съ улицы сующихъ въ окна храмины тоя. Онъ же забѣжа въ чашу лѣса, завалися въ дрязгахъ, невѣдущу никомуже, непщевавъ себе утайти. Зліи же они ратницы и разбойницы лукави бѣси въ слѣдъ его и окрестъ ходяще стрѣляху нань, страпаше вопіюще и глаголюще; убіемъ и погубимъ его. Вовпивше же и стрѣляюще престаху вопити и стрѣляти, не на благодаріе убо, яко зліи суть, но на большее погубленіе престаху, хотяще въ ровъ погибельный воврещи его и до конца погубити, еже и бысть. Внегда бо немощный сей увѣда, яко престаху вопити и стрѣляти, абіе вставъ помалу обозрѣвся всюду. и яко не видѣ никогоже, впаде во умъ его итти къ велицѣй рѣцѣ Вазѣ и ввергнутися въ воду и утопити себе, яко да тѣмъ избудеть мнимыхъ разбойникъ онѣхъ. Непщующу же ему сія абіе устремися пойде къ велицѣй рѣцѣ оно злое се дѣло сотворить. якоже и вознепщева. Создавый же всѣхъ Богъ не до конца оставляетъ созданіе свое, но о всяцѣмъ человѣцѣ печется, како спасти его и въ разумъ истинный привести, якоже и о семъ. Пришедшу же ему къ велицѣй рѣцѣ оной и размышляющу вергнутися въ воду и утопити себе; якоже речеся, абіе явился ему незнаемъ человѣкъ на рецѣ въ челну плавая. Онъ же убоялся человѣка того не вержеса въ рѣку. Отъ того убо въ чувство приде узна свою немощь. Абіе во умъ приде ему возвратитися въ монастырь святаго Варлаама и тамо пришедъ молити Бога о исцѣленіи своемъ. Возшедшу ему на гору, идѣже монастырь святаго, нападе паки на него нечистый духъ, верже его на землю, нача трясти и бити его весьма. Преставшу же бѣсу бити его, внезапно разслабишася ему нозѣ, не владыше

ими, яко ни весма двигнути ихъ. Въ таковъ же недужѣ пребысть седмь седминъ, не владыше ногами своими. Къ семуже и умоу мяташеся одинако. Стражущу же ему въ недужѣ семъ лѣто зѣло, и сего ради мнози простии людие подвизахъ его ити ко врачемъ и врачестися отъ нихъ. Онъ же яко простецъ сый, еще же и умоу несвершенъ общася ити ко врачемъ по завѣщанію ихъ. Богъ же за молитвъ преподобнаго Варлаама полагаетъ во умъ ему ити ко игумену и спроситися о семъ. Игумень же Іона воспрети ему ко врачемъ ити, но повелѣ ко гробу чудотворцеву вести его. Вѣдущій же его не радивше о немъ и отъ идоша отъ него оставивше его среди монастыря, не дошедъ чудотворцева гроба. Больный же онъ начатъ плакаться вѣдущихъ не имѣя, самъ же ити не можаше. Но обаче чудотворца призывая поползъ на чревѣ своемъ, приближися единъ къ чудотворцеву гробу и отверзъ двери гробницы. Абіе зрять два образа стоящихъ надъ гробомъ чудотворцевымъ, якоже поставлены суть, на иконахъ написаны на поклоненіе съ вѣрою приходящимъ. Единъ убо образъ Пречистыя Богородицы, второй же образъ чудотворцевъ Варлаамовъ. Чудотворцевъ же образъ зрять на иконѣ написаны и аки живъ къ Пречистыи образу устнами движеть, аки молится. Больный же онъ вѣрою обнажився къ чудотворцу приползе ко гробу его и оперся дланма посползе на гробъ и прослезился падъ и успѣ на гробѣ святаго. Славшу же ему на чудотворной той рацѣ святаго колико убо время, возбнувъ абіе, вострепета душею, яко невѣжество сотвори къ святому, яко усну на святомъ гробѣ его, вкупѣ же очути въ себѣ облегченіе отъ недуга своего. Возрадовася яко здравъ бысть и падъ облобыза раку

преподобнаго, и поклонися ему трици. и пришедь здравыма ногама и совершенымъ разумомъ, повѣда всемъ бывшую на немъ Божію милость, за молитвъ ради преподобнаго чудотворца Варлаама; съ нимъ же вси прославиша Бога, давшаго такову благодать угоднику своему Варлааму.

Чюдо святаго о женѣ нѣкоей иступившей ума. Неправду убо сотворю, аще о сей не предложу вамъ словеси. Монастыря убо сего отчины изъ вѣси нѣкоторыя Мелядша глаголемая, въ Важестей же области, поприщъ отъ святаго монастыря четыре имать. Жена нѣкая именемъ Агрипина разболѣся болѣзною огницею нарекованною. Въ таково же ей болѣзни немного стражущи, но недугъ золь пріобрѣте въ ней на много; страдаше бо въ болѣзни той огницею седмицу едину, ума же рѣшися на седмь седмиць. егда бо отъ болѣзни тоя устрабися и отъ одра воста смятесе умъ ея. яко не знати ей не токмо домашнихъ своихъ, но и себѣ не знааше, кто она и гдѣ бѣ. Во сметаніи же ума ея и ужасъ нападе на ню, яко всехъ боятися и домашнихъ своихъ и ближнихъ. И отъ того ужасенія въ непщеваніи бывши ей и въ чашу и въ лѣсъ бѣжати. Аще не отъ многихъ сердоболь ея удержанѣ бывши. съ подругъ же ея яко простъ людинъ промышляше о ней. многихъ врачейъ приводаше къ ней, непщевавъ отраду пріобрѣсти отъ нихъ отъ недуга ея. но ничто же успѣвши развѣ горшую болѣзнь пріобрѣте отъ нихъ. Но поздѣ узнавъ ведяше ю ко истинному врачу ко гробу чудотворца Варлаама и молебная сотвори о ней, приложивъ ю ко гробу чудотворцеву, и абіе жена та здравіе получи отъ недуга своего, и иде въ домъ свой съ мужемъ своимъ радуяся, славя Бога и чудотворца

Варлаама, иже отъ Бога таковую благодать стяжавшему.

Ино чудо святаго Варлаама о слѣпой женѣ. Въ предѣленіи же Важстемъ волость нѣкая урочищемъ Варомино глаголется, въ ней же человекъ нѣкто Амвросій имянуемый, имѣя жену у себѣ именованъ Макрину. Болѣзнь убо очную имуща, яко ни блещаніе свѣта не видѣти ей за едино лѣто. Мужъ ея многимъ врачемъ имѣніа разда, непщевавъ отъ нихъ облегченіе недуга пріобрѣсти женѣ своей и яко ничто же успѣ. Поздѣ нѣкогда въ чювство пріиде вести ю во обитель Іоанна Богослова. Игумень же Даніиль сотвори молебная о ней, приложи ю къ цѣлбоносному гробу чудотворца Варлаама и отъ того часа жена та прія здравіе очесемъ своимъ, и иде во свояси радуяся, славя Бога, иже таковымъ дарованіемъ одарившаго святаго.

Ино чудо святаго Варлаама. Бѣдно убо алчущимъ хлѣбъ отъяти, сице бѣдно алчущимъ и братіямъ чудесъ преподобнаго аще сего въ ряду не учинимъ. Волость нѣкая урочищемъ и порѣчіемъ Ледь рекома; въ той же убо волости христіанинъ нѣкто Василіе имянованный Шурухинъ. Той Василей расслабленъ бысть единою ногою и толико, яко немощи ему ити, ни ступити на ню, аще не инѣми подхващаемъ несенъ будетъ гдѣ. Страдаше же въ недузѣ семь лѣто едино, повелѣ вести себе во обитель Іоанна Богослова, идѣже цѣлботворимыя мощи и гробъ чудотворца Варлаама, и молебная исправль и приложенъ бысть ко гробу святаго, исцѣленіе обрѣте, иде въ домъ свой и радуяся, Богу славу возсылая прославльшему святыя своя.

Ино чудо святаго о расслабленной дѣвицы. Не буду посрамленъ, аще се къ предреченнымъ приложу. Чело-

вѣкъ нѣкто Леонтій по рекломъ Прокопiевъ, уѣзду Важскаго и волости нѣкоей Каренге имянуемой, дщерь у себя имѣя разслаблепу всѣми уды тѣла своея. Случижесе болѣзнь ей сиче. Во единъ убо отъ днiй совокупшася облаци воднiи и изыде туча велiя и возшумѣвши бури вѣтреней, изъ нихъ же возгремѣша громи сильнiи и молнiи огненiи и дождю убо идущу велико зѣло, вѣтру же шумно дышашу, грянуша убо громи сильнiи и молнiи жгущи, порази дщерь ону челоувѣка сего и верже ю долѣ. Всѣмъ зрящимъ и видящимъ сія, домашнимъ же ея пришедшимъ обрѣтоша ю безгласну трасущуюся и мятущуюся отъ усть пѣны точашу, еле дышущу. По часѣ же временнѣ преста пѣны теши отъ усть ея; облегченіе отъ безгласiя прiемше и отъ земнаго ничанiя, обаче же уды тѣла ея вся раздробшася и трасошася отъ громаго раженiя и молнiйнаго жженiя. собою не владаше ни ко устомъ хлѣба принести, аще не отъ своихъ кормима будетъ. Время же не мало тако страждущи всѣми уды своими, привезшу отцу ея во обитель Іоанна Богослова и положшу у гроба святаго Варлаама и по молебнемъ пѣнiи здравіе получи, якоже прежде недуга бѣ; отъиде въ домъ свой радуяся. хваляще Бога и святаго угодника его Варлаама.

Ино чюдо святаго Варлаама о бѣснующемся челоувѣцѣ. Инокъ во обители сей именовъ Никита возметнымъ недугомъ объять бысть нечистаго духа, хождаше бо въ день и ношь, сѣчиво сѣкущее въ рукахъ имѣя, стѣны и углы у келси сѣчаше, людей гоняше, мня сѣщи всѣхъ. Въ сичевомъ же ему недузѣ люте страждущу довольно время, игумень же и братiя едва привлекоша его къ рацѣ преподобнаго и моленіе сотвориша о немъ. Инокъ же онъ здравіе прiять молитвами святаго, въ

здравѣ разумѣ иде въ келію свою, радуяся, слава Бога и преподобнаго Его угодника Варлаама.

Ино чудо святаго о женѣ разслабленной. Полезно же убо есть и се къ преже реченымъ приложити. Обители святаго христіанинѣ нѣкто жену имѣя Капителину. Сія жена на полѣ по случаю собирающе жито; беруще же ей, явися бѣсъ зракомъ убо человѣческимъ, дѣломъ же чрезъ естество человѣче. Страшенъ убо ей явися зѣло, высокъ взоромъ, очима огнень, зубы скрежеташе на ню, оружіе оскордо въ рукахъ имѣя, грозяше посѣщи ю. Она же яко видѣвъ тако страшна ужасшися возопи гласомъ, паде на землю и бысть безгласна и безсловесна и пѣны тещи изо усть своихъ, отъябоя у нея языкъ, руцѣ и нозѣ, уста ея превратипаша на едину страну. И бысть разслаблена вся и безгласна много дній. Мужъ же ея по обычаю своему простецъ врачеваніемъ бѣсовскимъ помогаше ей и ничтоже успѣ, но паче горекъ недугъ протязаше ей. Жена же убо та аще и безгласна суть и разслаблена, но умомъ здрава бысть. Яко бо видитъ отъ врачей никоемже помощи нѣсть, моляшеся во умѣ своемъ апостолу и евангелисту Іоанну Богослову и преподобному Варлааму да ея помилуютъ. Молящужеся ей слышитъ отвнѣ дверій гласъ глаголющъ ей: жено якоже помысли сія и сотвори; повели убо вести себе во обитель мою. Азъ бо есть Варлаамъ глаголай ти. Она же яко разслаблена есть и безгласна намизаніемъ токмо очесны помаваше мужу своему, веля ему вести себе во обитель святаго; привезеней же бывши ей и молебная сотворша о ней у гроба блаженнаго Варлаама, абіе здравіе получи молитвами святаго; иде въ домъ свой радуяся, хваля Бога, иже тако прославляющаго святыхъ своихъ.

Ино чудо святаго о человекѣ нѣкоемъ болящемъ трясавицею. Потребно же убо есть и сего помянути вамъ. Человекъ нѣкій Владимерь глаголемый, родомъ убо и житіемъ волости Коскаръ именуемая, трясавицею томимъ бяше седмиць дващи десять со единицею пятиць. И толико убо болѣзноваше въ недузѣ семь, яко и пици и питія не вкушаше и толико, яко и уханія хлѣбнаго не можаше пріяти обоняніемъ своимъ, но токмо снѣгъ и воду во уста си пріимаше да тѣмъ животъ свой правяше днй сто и семьдесятъ и пять. Такожь ему стражущу кончевашеся животъ его и ко вратомъ смертнымъ приближашася, и ничтоже ино развѣ смерть предъ очима имущу, вознепщева убо во умѣ своемъ, яко милостивъ есть преподобный Варлаамъ приходящимъ къ нему съ вѣрою, нача молитися лежа на одрѣ своемъ, да получить милость отъ преподобнаго и обѣщася, получивъ здравіе, ити во обитель его и исправити молитвенная. Преподобный же Варлаамъ яко ту бысть, услыша молитву его. Въ той часъ лежащу на одрѣ даде ему здравіе отъ недуга. Онъ же получи здравіе обѣтъ свой исполняетъ, прииде во обитель блаженнаго и исправивъ молебная у чудотворныхъ раки, иде въ домъ радуяся, славя Бога и чудотворца Варлаама.

Ино чудо о томъ же человекѣ. Тойже убо человекъ Владимерь, древодѣль художествомъ. Крыющу же ему колокольницу глаголемую во обители блаженнаго, прииде ему болѣзнь чревная. Отъ болѣзни же тоя возматеса вся внутренняя его, воздымася убо утроба его отъ чреслъ своихъ и привождашеся къ персѣмъ его, и отъ сего кашель и хрипота велика великая прииде ему, возбываше весь животъ его. Сія же болѣзнь на

всякъ часъ томяше его, яко ни главу восклонити да-
яше ему, долѣ бо нича лежаше на земли дотолика, яко
и всей главѣ его воотекши спухнѣти отъ недуга сво-
его, за многа днѣй ни ясти же, ни пити могущу ему,
ни сна пріяти на малъ часъ. Въ таковѣ же недузѣ люто
страждущу ему, всѣмъ отчаявшимся живота его. пріят-
тели же его изнесше положиша его внѣ келіи на полѣ
вѣтренняго ради дыханія за хладомъ вѣтряннымъ отраду
малую приметъ отъ недуга, и положивъ отъидоша отъ
него. Лежашу же ему единому, ничтоже животно чающу,
но токмо къ часу смертному готовящуся и молящуся во
умѣ своемъ чудотворцу Варлааму, молящуся ему слы-
шитъ внезапно создаи пришедша нѣкого къ нему. И вземъ
подъ пазусѣ его и вознявъ вверху держаше его гла-
голя: не исходи изъ обители сія, но пребывай съ нами,
да будеши здоровъ. Больный же онъ еле возопи гла-
сомъ глаголя къ нему: господи не верзи мене долѣ,
яко и такъ скончаваю животъ свой. Онъ же тихо по-
ложи его на землю глаголя: не бойся, отсель будеши
здравъ. токмо не изыдеши изъ обители сея. И шедъ
ко гробу Варлаамову, помолися съ вѣрою да дасть ти
исцѣленіе отъ недуга твоего. Онъ же обозрѣвся сюду
и сюду, не видѣ никогоже, но токмо себе одинаго, и
ощутивъ здравіе иде къ цѣлботворимѣй рацѣ препо-
добнаго и моленіе со слезами сотвори, обѣщася не
изыти изъ обители сея до смерти, слава Бога, иже
такъ прослави угодника своего Варлаама.

Чудо святого о нѣкоемъ челоуѣцѣ болящемъ. Чело-
уѣкъ нѣкто живый въ Важестѣй области, въ нѣкоей
волости Смѣтанинѣ имянуемой, отъ обители святаго пять
поприць разстояніемъ, емуже имя Феодоръ по реклому

Можжелинь, огненнымъ недугомъ боляше. Въ болѣзни же сей во смятеніе ума пріиде толико, яко вставъ со одра, на немже лежаше, сѣкиру и ножъ въ руцѣ си взимаше, всѣхъ обрѣтающихся человекъ и скотъ сѣчаше зѣло. Сякова же ради лютаго недуга его едва отъ многихъ одолѣну быти ему и связану по руцѣ и по ногѣ ужи желѣзными; не точію же, но и ко одру крѣпко привязану лежащу на всѣхъ злобитися, зубы хвативше язвити всѣхъ. Стражущу же ему тако за многое время зѣло люто по вся дни и нощи неотступно, сердоболи же его взявше везоша въ монастырь святаго. Везущимъ же имъ тако просто не связавше его, воскрича абіе больной онъ нелѣпымъ гласомъ глагола, яко во огнь и въ воду везуть мене, ухвати единаго отъ сердоболи везущихъ его и оцепися о него руками и ногами, яко всѣмъ везущимъ его немощи отверсти рукъ и ногъ его. И тако уцѣпляема и въ монастырь ко гробу чудотворцеву принесше обоихъ. Тогда отцепистася отъ себе, егда у чудотворныя раки на молебнемъ же пѣніи, егда начатъ чести святое Евангеліе. Тогда больной видитъ отъемную тму очеса его, аки кожу воспрокинувшуюся чрезъ главу его и свѣтъ открыся въ очесѣхъ его, и тако въ свершеннѣ разумѣ, совершенно разумѣ, свершено и здравіе получи въ той часъ отъ недуга своего молитвами святаго. Иде въ домъ свой радуяся, хваля Бога и преподобнаго угодника Его Варлаама.

Ино чудо о недужномъ человекѣ трясовицею. Христіанинь нѣкій святаго обители именемъ Демонтей, рекомый Сивко, болѣзненѣ бяше трясовицею глаголемою. Волезноваше же люто зѣло въ болѣзни той много дній.

Врачемъ имѣніе раздаяше да ослабу отъ болѣзни пріиметь отъ нихъ и яко ничтоже помощи отъ нихъ недугу си обрѣтъ. Пришедъ къ рацѣ Варлаама расплакася, съ вѣрою прося милости уллучити отъ болѣзни своея. Рыдающу же ему тепле паде на землю у гроба святаго отъ слезныя нужда и успе. Спавшу же ему время не мало отъ сна возбну, ощутивъ себе здрава отъ болѣзни молитвами святаго. И поклонъ сотворивъ чудотворной рацѣ его, иде въ домъ свой радуяся. хвалу воздаяше Богу, славящему святыхъ Своихъ.

Чюдо святаго Варлаама о человѣцѣ такимъ же недугомъ страждущемъ. Подобно же и о семь помянути вамъ. Важкіе же области волость нѣкая Нижняя Едма глаголемая, въ ней же человѣкъ нѣкто именованный Діонисіе, рекомый Лапотъ, художествомъ ковачъ, боляше трясовицею время много. Толико же страждущу ему въ недузѣ семь, яко ни ясти, ни пити на много седмиць. До толика же страдоваше яко смерть предъ очима имѣти и надгробная готовити. Сице ему страждущу въ дому своемъ, въ тонокъ сонъ сведенъ бысть, въ немже явися ему святой. Явися же ему ангелолѣпнымъ подобіемъ, свѣтель зракъ имѣя, брадою темно-русъ, въ рукахъ жезлъ имѣя, якоже есть нынѣ на иконѣ написанъ, яже надъ святымъ гробомъ его, тихо глаголя ему: челсвѣче страдаеши зѣло отъ недуга своего, но аще хоцещи здравъ быти, гряди съ вѣрою ко гробу моему и будещи разрѣшенъ отъ недуга своего. Азъ бо есмь Варлаамъ начальникъ обители сея. Больной же возбнувъ отъ сна, обозрѣвся и никого же видя, восперився вѣрою явльшемуся ему святому Варлааму, идяше

съ радостію къ цѣлбоносному его гробу и молебная исправль, получи здравіе молитвами его святыми, и иде во свояси благодарьствуя Бога, такову благодать даровавшего угоднику своему Варлааму.

Ино чудо святого о человекѣхъ нѣкоемъ. Похвально и о семь въ ряду предложити. Во много помянутой въ Ледстей волости человекъ нѣкій Давидъ, рекомый Вертячей, страдаше люто зѣло единою шуею ногою весьма, яко не мощи ему ни двигнути всего себе ни съ мѣста одинаго. Случижесе ему болѣзнь наказаніемъ Божиимъ сице. Единою убо нѣкогда идушу ему путемъ въ домъ свой, идушу же ему чрезъ паточину нѣкую по глаголемымъ мостьцамъ, поползесе шуяя нога его въ паточину ону, омочи едину глезну ноги тоя въ воду. И абіе отъ воды тоя пристрѣ ему недугъ лють зѣло и едва прииде въ домъ свой. Пришедшу же ему въ домъ свой толикъ отокъ прииде ему, яко отещи всей шуей нозѣ его и до пояса, толико яко бревно видѣти всю ногу его. Страдаше же ногою тою зѣло долго время тако, яко всему тѣлу его свалитися и обнажитися голени всей и всѣмъ составомъ костямъ и жиламъ всея шуяя ноги его пристрашно зѣло, аки никогда же плоти быти на всѣхъ составѣхъ ноги тоя. Къ сему же ни брашна ни питія вкушаше на многи дни, яко всѣмъ зрящимъ живота отчаяти и гробная готовити ему. И сего ради многимъ врачемъ имѣніе раздаеше, но ничтоже отъ нихъ пользы приобрѣте, развѣ въ горекъ недугъ впаде. Страждушу же ему люто вельми въ чувство своихъ грѣхъ прииде и еже молити Бога о себѣ и прощенія о своихъ грѣсѣхъ просити отъ него и исцѣленія отъ недуга своего. Непшующу же ему сія нача

со слезами молити Бога и апостола Іоанна Богослова и преподобнаго Варлаама, да молитву сотворивъ о немъ къ Богу исцѣлятъ отъ недуга его, общася престоати, въ немже предъ Богомъ согрѣши яко человекъ. Молящужеса ему со слезами и общавающуся въ той часъ ощутивъ здравіе. И нача наступати тѣло на кости и на жилы его, и покрывся составы шюя ноги его, и весь отокъ уляже, аки не бысть никогда же, и здравъ прииде во обитель къ животворимому гробу святаго, и исправль моленіе иде въ домъ свой радуясь, славя Бога и угодника его Варлаама.

Ино чудо о человекѣцѣ иномъ. Не умолчано же буди вамъ и о семъ. Тоя же Ледскія рекомыя волости нѣкто человекъ Симеонъ по отчеству убо Григорьевъ сынъ Тимоѣева, отъ нѣкотораго же прилучая пристрѣ недугъ ему лють зѣло десному оку его. Зѣло же тяжко болѣзноваше въ недузѣ семъ, яко потухнѣти и отещи и болѣзновати всей странѣ главы его, идѣже десное око его полъ главы и шія съ гортанемъ и десная рука и вся страна тѣла его деснаго, яко немощи ему ни брашна ни питія вкусити гортанемъ своимъ, все бо затекло и болѣзноваше, весьма люта. Страдаше же тако люто болѣзноваше и весь собою не владыше, яко ни леци ни востати даяше ему о себѣ, но токмо инѣми носимъ бѣше пятнадесять седмиць. Пріятели же его яко видѣ въ такова его, смертная готовяше ему, животна нещевающе ничтоже. Всякими виды врачевскими помогаху ему и ничтоже успѣвше, общахуся вести его въ домъ Іоанна Богослова къ цѣлбоносной рацѣ чудотворца Варлаама. Но егда же общавшимся вкупѣ со общаніемъ преста абіе болѣсновати больный сей

и отъ недуга своего и облегченіе убо прія, здоровія же совершеннаго не получи. Но тако егда бысть у гроба святаго, тогда совершенно пріять здоровіе. Егдаже привезоша его во обитель святаго, съ нимже приде ко гробу блаженнаго и предъ малемъ симъ помянутый же и ногою бысть больной Давидъ по реклому (бысть) Вертячей, начаша молитися оба у цѣлбоноснаго гроба святаго обѣ ношѣ всю. Съ вечера же имъ молящимся снидоша въ витальницу идѣже работницы витають и ту покой пріемлюще уснуша. Уснувшимъ же имъ крѣпко съ болѣзненнаго труда онаго, невидимо приде къ нимъ святой Варлаамъ. толкну въ ребра больнаго сего Симеона, тихо глаголя: востани чадо, возбуди и клеветра своего Давида и шедъ идите оба ко гробу Варлаамову и молитесь прилежно. Се отсель не будутъ вамъ недужи сія. И се рекъ невидимъ бысть. Онъ же возбунувъ отъ сна, обозрѣся сюду и сюду не видѣ никогоже. Разбуди подруга своего, повѣда ему видѣніе се по ряду. Вкупѣ же ощутивше себе совершенно здоровіе получивша идоша съ радостію къ чудотворнѣй рацѣ преподобнаго Варлаама, со слезами молебная исправльше, идоша въ дома своя радуясь и славя Бога.

Ино чудо святаго о женѣ слѣпой. Помнити же подобаетъ и сію. Въ Важестѣмъ же уѣздѣ, въ волости нѣкоей, Емская гора имянуемѣй бѣше жена нѣкая, имянованная Анисія, слѣпа бѣ обѣими очесы своими, не точію не видѣ никого же, но ни свѣта блещанія можаше зрѣти. И сія страждущи не зряше свѣта охоженіе вселѣтное, повелѣ сердоболѣмъ вести себе въ домъ апостола и евангелиста Іоанна Богослова къ цѣлбоносному гробу святаго Варлаама. Сердоболя же ея

привезши приведоша къ рацѣ преподобнаго, съ нею же убо вкупѣ пріятели ея у цѣлботворимыя раки чрезъ ноцъ со слезами молящася о исцѣленіи очесъ ея. Освѣтающу же предъидущему дню вкупѣ со дневнымъ свѣтомъ стояще у гроба чудотворимаго слѣпая жена та прозрѣвъ очима своима молитвами преподобнаго Варлаама. Иде въ домъ свой радуяся зря очима своима свѣтло и до сего дни, хвалу Богови возсылаше, творящему святыми своими преславная.

Ино чудо о дѣвицѣ нѣкоей. Помянути же лѣпо намъ братіе и сіе. Въ предмалемъ помянутіи волости Химанемо глаголемой дѣвица нѣка нарекованная Евдокія немощна бяше нутреннимъ недугомъ, всю бо ея нутреннюю привождаше къ персемъ ея и торзяше нещадно недугомъ лютымъ. Въ сяковѣ же велицѣмъ недузѣ ея отоць пріиде на ню великъ зѣло, яко всему тѣлеси ея страдати и отеци люто зѣло. Толико же воспухнѣ отомъ симъ все тѣло ея, яко не знати очесъ и всего подобія лица ея, и зрѣніе свѣта скрыся отъ очію ея отокомъ симъ, точю малу зарю свѣта блещаше очію си. Бяше же болѣзнь сія тако есть ей, терзаше бо недугъ сій всю нутреннюю и все тѣло ея по многи дни. Таже по мнозѣхъ днѣхъ распадется весь отоць тѣлеси ея, сего ради и смрадъ бысть отъ нея великъ зѣло, яко всѣмъ смрада ради того возгнушатися ея и отбѣгати отъ нея. Страдаше же она въ недузѣ семь люто зѣло за много время, видитъ себе недуга ради сего отъ всѣхъ возгнушаему и отвращаему душевными очима возряше къ преподобному, со слезами вопія къ нему: о, преподобне Варлааме, виждь смиреніе мое и призри на мя грѣшную и убогую рабу твою, яко вси

возгнущашася мене и отвратиша лица своя отъ мене и ближніи и дальніи, но ты яко отецъ сирымъ не остави мене, имаши бо еже мощи помиловати мя, да не вниду во адъ жива отчаяніемъ погружаема. Сія же ей молящися обѣщаяся ити въ монастырь ко гробу святаго и помолитися о исцѣленіи своемъ. Великій же преподобный Варлаамъ скоръ услышати призывающихъ его съ вѣрою. Сице и сію услыша даде ей и здравіе въ дому ея, и исцѣлѣ отъ недуга своего. Въ той бо часъ нача улегати отокъ тѣлеси ея и вся внутренняя ея преста отъ болѣзни, аки не бысть никогда же. Она же пріять здравіе и совершенно исцѣленіе прииде во обитель святаго къ чудотворнѣй рацѣ его, молебная исправль, иде въ домъ свой радуяся, славя Бога, иже тако одарившаго святаго своего угодника.

Ино чудо святаго Варлаама. Не забыти же вамъ потребно и о семъ зѣло, зѣло бо мя есть приводить во удивленіе и сіе чудо великое. Въ предреченнѣй же волости на Химанемѣ у церкви служба іерей Александръ именуемый. Случися убо ему сице быти. Нѣкогда убо времени вешнему наставшу, зимному году минувшу, растаяше леди, потекоша воды, возшумѣша рѣки. Въ то убо новолѣтное время по обычаю своему преславная рѣка Вага зѣло наводнившеся стеченіемъ многихъ водъ, и разлилася вода всюду по лугамъ и по холмамъ, не точію же, но и обрѣтающаяся веси потопляше зѣло. Бяше во удолиі близъ великія рѣки Ваги, въ раздолиі горы, на ней же храмъ искони поставленъ бяше намененаго попа сего обителище витаніе уселено бысть, въ немже живяше. И сего ради по обычаю въ разліанія многихъ водъ возліяся вода многа въ раздоліе то,

въ немже дворъ попа онаго, и обыде вода та великая весь домъ той поповъ, и леду убо велику по водамъ тѣмъ скоро несущуюся, устремившуся прямо двора попа онаго, хотя соврещи и совратити всего его и потопити въ водахъ со всѣми живущими въ немъ. Попъ же онъ яко видитъ бѣду свою смертоносную, на молитвѣ ста въ храмѣ и со слезами призываше чудотворца Варлаама, да изметъ его отъ смертнаго часа сего. Молящужеся ему и плачущу горько со всѣмъ домою своимъ и живота отчаявшимся внезапно зреть пришедша скоро отъ обители святаго свѣтолюбна старца, въ рукахъ долго древо имуща и на ледъ возшедша, устремляющійся ледъ къ жилищу его древомъ тѣмъ долгимъ отвращающа отъ двора его и провожающа на среди рѣки. Попъ же се видѣ святаго старца онаго звати начатъ гласомъ велимъ глаголя: о великій Варлааме помози намъ и изми насъ отъ безгодныя сея смерти. Абіе въ той часъ отврати святой старецъ онъ весь ледъ отъ всего дому его и отпроводи его на среду великия рѣки къ верху глубины, юдуже идяше искони. И отступи велика вода отъ двора его и поиде путемъ своимъ, юдуже повелѣ Богъ итти ей; святой же невидимъ бысть. Попъ же онъ возрадовася со всѣми домашними своими, благодареніе воздаяше благодателю Богу, иже такими дарованными святыхъ своихъ одарившаго.

Ино чудо о человекѣхъ трудоватѣмъ воднымъ недугомъ. Непщую убо и о семъ помянути вамъ. Нѣкоторыя убо волости Смѣтанино именуемей, христіанинъ нѣкій Моисей нарекованный Аввакумовъ воднымъ недугомъ болѣзненъ бысть трудно зѣло, и отъ того не-

дуга тѣлесніи проходи оба его и отъ сего (недуга) опухла велика пріиде нань, яко вся нутренняя его аки камень до перси воспящеса, страдаше зѣло долго время. Стражущу же ему сія, ничто животно помышляющу, но и къ часу смертному готовящеса. Многимъ врачемъ имѣніе даяше, и яко нукою же пользу отъ нихъ пріобрѣте; приспѣвши же свѣтоносней памяти святаго Варлаама, въ нюже идущимъ многимъ людемъ вкушѣ праздновати святую его память, якоже обычай имуть на всяко лѣто. Больный же сей яко зреть многихъ челоувѣкъ со тщаніемъ идущихъ въ Богословлю обитель на память святаго, себе же единого оставающа и возбраняема ити во святую ту обитель недуга ради своего на чудотворную память святаго. И сице видѣвъ себе тако лежаща на одрѣ своемъ восплакася горько, великаго же чудотворца Варлаама молити начать, да подасть ему испѣленія, да вкушѣ празднство сотворитъ во обители его съ празднующими святую его память, общася и впредь на всяко лѣто на память его чудотворную свѣцу и просфиру приносить во обитель его и молебень пѣти у святаго его раки. Удивити же услышанію съ вѣрою призывающихъ преподобнаго. Егда убо немощному сему на одрѣ возлежащу и молящуся со слезами, вкушѣ съ моленіемъ симъ здравіе получи отъ всего недуга своего скорыми молитвами святаго. Пріиде радостною душею во святую обитель къ радостнотворной рацѣ святаго, обѣтъ свой исполняетъ, свѣтло празднуя святую ту цѣлбоносную память, возвратися въ домъ свой, славу возсылая Богу, давшему угоднику своему Варлааму творити таковая.

Ино чудо святаго о нѣкоемъ отрочати. Къ сему же и сіе приложити вамъ потребно бѣ. Тогожь предречен-

наго Моисея сынъ, отроча возрастомъ боляше зѣло болѣзнію неудобъ носимую; на деснемъ убо опѣ его аки валъ привалися велика ваязнь, уязвѣше грызущи все десное око его за долго время, и вся глава его воспухнѣ томима ваязнью сею, не даяше зрѣти обоима очесы его, яко ни ясти ни пити ему, но точію безъ престани вопіаше болѣзноваше весьма, яко родителемъ его оплакати на всякъ день и ноць и живота отчаяти. Отець же его, Моисей рекомый, яко помня въ себѣ великую милость преподобнаго Варлаама, егда воднымъ недугомъ болѣзноваше. Святый же Варлаамъ помилова и исцѣли отъ недуга его. Помыслившѣ же сія о сыну его возверзе вѣру къ преподобному, яко мощень и чада его помиловати, и со слезами моляше преподобнаго да послеть милость на немощнѣйшее отроча его и исцѣлитъ отъ недуга его. Скорый же въ молитвахъ всѣмъ призывающимъ его съ вѣрою преподобный Варлаамъ чудотворецъ, яки ту бывъ, пріятъ слезы родившихъ отроча, исцѣли рождшагося отъ нихъ, подаде здравіе отрочати въ той часъ въ дому его. Свалибося болѣзнь съ деснаго очесе его, уляже вся опухль всея главы его, аки никогда же бысть, погибе весь недугъ его. Родители же съ нимъ шедше во обитель святаго у цѣлбоноснаго его гроба сотворше моленіе, идоша въ домъ свой радуяся, слава пресущественнаго Бога, прославльша тако угодника своего Варлаама.

Чюдо святаго о избавленіи многихъ человекъ отъ трясовиць. Воистину же лѣпо и сіе помянути вамъ. Бысть убо нѣкогда въ Важстей области переваль на люди, немогоша убо люди мнози болѣзнію студеною глаголемою. Знобъ бо на люди приходаше и трясовицею

затрясаше многихъ зѣло. Въ то же время бысть настоятель обители сея игумень Герасимъ рекомый. При семь игуменѣ случися недугъ сей людемъ лють зѣло. Страждущимъ же имъ приспѣ абіе память преподобнаго Варлаама, въ нюже шедшеся въ Богословлю обитель къ цѣлбодательному гробу святаго студеною сею болѣзнію немощныхъ мужій и женъ и дѣтей до трею сотъ человекъ. Всѣмъ же симъ люто страждущимъ болѣзнію сею трясовицею глаголемою и пришедше къ цѣлбодательному гробу преподобнаго, со слезами моляше святаго съ вѣрою и просяще исцѣленія отъ недугъ своихъ. Егда же игумену молебная исправльшу о нихъ, въ той часъ вси тии человекъцы и мужи и жены и отрочата совершенно здравіе получиша отъ нужныя болѣзни сея и свѣтло праздноваху святую цѣлбоносную память, отидоша въ дома своя, радующеся, веліе хваленіе Богу воздающе творящему святымъ своимъ угодникомъ всѣмъ исцѣленіе.

Чюдо о разслабленной дѣвицѣ. Не мню убо и сего утаити васъ. Человекъ нѣкто Кириллъ бяше. Савинъ именованный, живаше въ прежереченной волости Химанемѣ рекомѣй. Сей человекъкъ имѣя у себе дщерь рекомую Гликерию толику слѣпу очима яко ни дневный свѣтъ видѣти ей и никогоже отъ человекъкъ, но токмо тмою очи ея омрачашеся за едино лѣто. Сице же и страждущи очима своима никакоже свѣта видящи. Пришедши убо богоносней памяти святаго Варлаама, отецъ же ея, аки отецъ чаду своему, везяше ю къ чудотворной рацѣ преподобнаго, и молебная сотвори, прозрѣ абіе очима дщи его, свѣтло гладаше и до сего дни молитвами его святаго. Идяше въ домъ свой бла-

годарное хваленіе благодателю Богу и угоднику Его Варлааму воздаше.

Чудо святаго о женѣ нѣкоей ногами разслабленной. Не забыти же подобаетъ и сего чудеси. Въ той же волости Химонемо реченной жена нѣкая Уліянія рекомая бѣше разслаблена обоима ногами, не токмо убо нешествена бывша ногама своима, но нимало присту-
пити можаше има. Изсохша убо толико видѣти ихъ аки треску прилѣпшу къ костямъ плоти ея, яко ни знамени тѣла на обоихъ ногахъ ея видѣти; руками инѣхъ носима; страдаше двократное лѣто время такожь страдавшу. Везе ю отецъ ея Патрекій глаголемый на память святую Варлаама чудотворца ко святому его гробу. По молебнемъ же пѣніи прія дщи его исцѣленіе обоима ногама своима, хождаше быстро восвояси иде, велелѣпну славу чудотворящему Богу святыми своими преславная воздаючи. Но убо житія святаго повѣсть въ конецъ достиже. Слово же предъидеть о времени и лѣтѣ и о винѣ, въ которое время и лѣто и коею виною святое житіе се устроися, но убо сице.

Въ лѣто 7097-е (ѡѣѣз) индиктіона втораго врудѣ лѣта первое, царствія рогомъ помазанъ бысть, въ побѣдахъ предивный, во бранѣхъ прехрабрый, Богомъ вѣнчан-
ный царь и Богомъ именитый государь, великій князь Ѳеодоръ Іоанновичъ Кіевскій и Владимерскій и Московскій и всея Россіи самодержецъ; великія же митрополія правящу престолъ преосвященный Іувъ, митрополитъ всея Россіи, рукоположеніемъ преосвященнаго архіепископа Александра Великаго Новаграда и Пскова, произысканіемъ и тщаніемъ игумена Даниила, яже о Христѣ съ братію, рукою многогрѣшнаго іеромонаха

Іоны, по обѣщанію отъ послѣднихъ инокъ обители живоначальныхъ Троица Антоніевы пустыни Сійскаго монастыря, сеже отецъ внегда составился святое житіе святаго отца сего. Свидѣтель ми есть Богъ не самоизвольне на сіе придохъ, но орудіемъ нѣкоимъ отъ отецъ обители Пресвятыя Троицы послану ми бывшу на Вагу глаголемую, и тамо орудіемъ тѣмъ по заповѣданію отецъ задержану ми бывшу, яко и озимѣти ми тамо. И сего ради законснѣнія случимися время довольно пребыти во святѣй обители сей святаго Варлаама. Игумень же въ то время обрѣтесе во обители сей вышереченный Даніиль; скорбѣше и сѣтуя съ братією си видѣвъ отъ раки святаго Варлаама рѣки чудесъ проливаемы приходящимъ къ нимъ съ вѣрою, а святое житіе святаго не написано бысть ни отъ кого же. И сего ради много отъ всѣхъ забвено бысть прешествія ради многихъ лѣтъ. Скорбѣющимъ же имъ и сѣтующимъ о семъ и желающимъ, дабы имъ кто написалъ отъ многихъ малая житія святаго, дондеже есть остатокъ древнихъ отецъ, достовѣрныхъ свѣдѣтелей блаженнаго, отсюду ко Господу не престаившася, понудиша меня грубаго запаса ради и памяти написать имъ таковая. Азь не смѣхъ ослушанія пріяти смерти убоявся преслушанія отецъ, но повинувся повелѣнію ихъ; не яко сынъ отцемъ дары принесохъ, но яко рабъ долгъ принесъ господіямъ своимъ. Вы же отцы святаго сего ученицы прелюбезнѣйшии и яко отцы чадолубивіи пріемше сія аки дѣтець немованія. Аще недостаточная узрите, исправить своимъ благоразуміемъ, понеже скудоумная отъ преимущихъ умна коньчуются; подобя ся своему Владыцѣ Христу, якоже и онъ древле пріять двѣ лептѣ убогія оныя, а не отрыну яко Владыка и Господь, ему

же слава со безначальнымъ его Отцемъ и съ пресвя-
тымъ, благимъ и животворящимъ его Духомъ и нынѣ
и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Списано съ рук. Троицкой Сергіевой лавры, подъ № 677, въ листъ,
XVII стол., подъ названіемъ: Сборникъ, мѣсяць іюнь).

19-го декабря
1874 года.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1887

А В Г У С Т Ъ .

СО Д Е Р Ж А Н І Е :

- I.—ШОТЛАНДСКІЙ ПРОПОВѢДНИКЪ ЭДВАРДЪ БРВИНГЪ И ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛИ. **М. П. Оивейскаго.**
- II.—ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗСМОТРѢНІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНАГО РУССКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ РАСКОЛУ ОТЪ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНІЯ ДО УЧРЕЖДЕНІЯ СВ. СНОДА. **М. Чистякова.**
- III.—РАЗБОРЪ МНѢНІЙ О ШЕСТИДНЕВНОМЪ ТВОРЕНІИ. (*Окончаніе*).
А. В. Новорусскаго.
- IV.—ПАМЯТИ МИХАИЛА НИКИФОРОВИЧА КАТКОВА. Слова, рѣчи и отъ печати по случаю его кончины.
- V.—ОГЛАВЛЕНІЕ II тома «Прав. Обзор.» за 1887 годъ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1887

«Православное Обзорѣніе» выходитъ **ежемѣсячно**, книжками отъ 12 печатныхъ листовъ и болѣе. **Подписная цѣна 6 р. 50 к. въ годъ.**—а съ доставкою на домъ въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города **7 р. с.**

Полные экземпляры «Православнаго Обзорѣнія» за прежніе годы можно получать по слѣдующимъ пониженнымъ цѣнамъ: 1861, 1862, 1863 и 1864 годы—по 2 руб. безъ пересылки, 1865, 1866, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873 и 1874—по 3 руб. безъ пересылки, а за тринадцать лѣтъ—тридцать рублей. На пересылку прилагается за каждый годовой экз. за 8 ф., а за 13 лѣтъ — за 90 фунтовъ по разстоянію.

*Отъ Москвы за каждый фунтъ посылокъ съ книгами
взимается:*

До Або 12 к. Акмоль 18 к. Архангельска 13 к. Астрахани 15 к. Баку 16 к. Благовѣщенска на Амурѣ 20 к. Варшавы 13 к. Вильно 9 к. Витебска 6 к. Владикавказа 16 к. Владиміра 3 к. Вологды 5 к. Воронежа 5 к. Выборга 8 к. Вѣрнаго 18 к. Вятки 10 к. Гельсингфорса 10 к. Гродно 11 к. Дербента 16 к. Екатеринодара 10 к. Екатеринослава 14 к. Елисаветполя 16 к. Житомира 10 коп. Иркутска 20 коп. Казани 9 к. Калиша 15 к. Калуги 3 к. Каменецъ-Подольска 13 к. Кишинева 15 к. Кіева 9 к. Ковно 10 к. Костромы 4 к. Красноярска 18 к. Куопіо 11 к. Курска 6 к. Кутайса 16 к. Къльцовъ 14 к. Ломжи 12 к. Люблина 12 к. Минска 8 к. Митавы 11 к. Могилева 6 к. Нижняго-Новгорода 5 к. Никол. (Приам. Обл.) 20 к. Новгорода 5 к. Новочеркаска 11 к. Оренбурга 16 к. Орла 5 к. Пензы 8 к. Перми 15 к. Петрозаводска 11 к. Петрокова 14 к. Плоцка 14 к. Полтавы 9 к. Пскова 8 к. Радома 14 к. Ревеля 9 к. Риги 10 к. Рязани 3 к. Самары 12 к. С.-Петербурга 7 к. Саратова 9 к. Семипалатинска 18 к. Симбирска 9 к. Симферополя 14 к. Смоленска 4 к. Ставропольск. губ. 14 к. Сувалокъ 12 к. Сьдлеца 12 к. Тавастгуса 10 к. Тамбова 5 к. Ташкента 18 к. Твери 3 к. Тифлиса 16 к. Тобольска 16 к. Томска 18 к. Тулы 3 к. Улеборга 13 к. Уральска 16 к. Уфы 14 к. Харькова 8 к. Херсона 13 к. Чернигова 8 к. Читы 20 к. Эривани 16 к. Якутска 20 к. Ярославля 3 к.

ШОТЛАНДСКІЙ ПРОПОВѢДНИКЪ

ЭДВАРДЪ ИРВИНГЪ И ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛИ *

VI.

Спиритуальное священство.

Мистеръ Друммондъ не только возглагола въ качествѣ пророка, но по окончаніи богослуженія, того же девятнадцатаго октября, поднялся съ своего мѣста и благословилъ всѣхъ присутствующихъ: „rose, говоритъ официальный источникъ, in the power of the Holy Ghost and blessed the people ¹⁾).

Что означалъ сей сонъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ возвратиться немного назадъ и посмотреть, что дѣлалось въ Альбюри съ весны 1832 года. Тамъ, какъ рассказываетъ докторъ Нортонъ, около двадцати человекъ, убѣжденные въ томъ что по волѣ Божіей Духъ Святой долженъ былъ явиться во всякомъ своемъ дѣйствованіи и дарованіяхъ въ церкви, согласились вмѣстѣ молиться

См. «Прав. Обзр.» за май-іюнь и іюль текущаго года.

¹⁾ См. Norton, 65. На этой страницѣ авторъ цитируетъ официальный ирвингианскій документъ, написанный послѣдующимъ апостоломъ, Уудгаузомъ: A Narrative of Events effecting the Position and Prospect of the whole Christian Church. Printed for private Circulation, Lond. 1847 (нѣм. переводъ 1848 г.), вышедшій въ 1865 году вторымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: Narrative of Events effecting the position and prospects of the whole Christian Church. Part. I. Second ed. with a second part, containing a continuation to the present times. Lond. Этого важнаго ирвингианскаго документа, какъ и многихъ другихъ, мы не могли приобрѣсти, несмотря на всѣ усилія, по причинамъ которыя будутъ объяснены ниже. См. Miller, I, 111, прим.

объ ихъ возстановленіи ²⁾). Это значитъ, что въ Альбюри, весною 1832 года, образовалась небольшая ирвингiанская община, которая была до нѣкоторой степени независимою отъ лондонской конгрегаціи Ирвинга. Она просила извѣстнаго намъ ректора прихода въ Альбюри Hugh Mac Neil'я оказать ей свои „симпатіи“ и одобрить поведеніе ея членовъ, т.-е. другими словами принять на себя покровительство пророкамъ. Но такъ какъ Hugh Mac Neil, какъ мы видѣли, совершенно отказался отъ этого покровительства, то община очутилась въ плачевномъ положеніи стада безъ пастыря. Нужно было совершать богослуженіе, таинства, а совершать было некому. Вѣрующіе сильно чувствовали свою беспомощность и вотъ *кто-то* постарался внушить мистеру Друммонду (мы не думаемъ, чтобы онъ догадался объ этомъ самъ), что ему, какъ хозяину парка въ Альбюри и убѣжденному покровителю пророковъ, не худо было бы замѣнить собою Hugh Mac Neil'я и сдѣлаться самому пасторомъ въ Альбюри. Мистеръ Друммондъ повидимому принялъ къ сердцу мысль о пріобрѣтеніи для себя званія пастора такъ близко, что она сдѣлалась его „господствующей идеей“, которую онъ лелѣялъ „нѣсколько мѣсяцевъ“,—не замѣчая и въ этомъ случаѣ, что его намѣренно и систематически доводили до сумасшествія; наконецъ, наскучивъ ожиданіемъ „ординаціи“ въ санъ пастора, онъ не выдержалъ и воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, сталъ сначала пророчествовать, а потомъ поднялся и благословилъ народъ ³⁾. Право благословлять народъ было похищено Друммондомъ у Ирвинга, который до сихъ поръ считалъ его своею неотъемлемою принадлежностью въ качествѣ шотландскаго пастора: мистеръ Друммондъ благословилъ народъ въ то самое время, когда хотѣлъ сдѣлать это по обыкновенію самъ Ирвингъ ⁴⁾.

Такимъ является предъ нами это дѣло послѣ разсмотрѣнія нѣкоторыхъ довольно миниатюрныхъ фактовъ.

Но Друммонда кажется пріучали къ большому терпѣнію. На другой день, 20 октября, словомъ одного пророка онъ былъ

²⁾ The Restoration of Ap. and Proph., p. 105.

³⁾ Norton, 65.

⁴⁾ Ibid.

только “названъ”⁵⁾, т.-е. предназначенъ быть пасторомъ, и долженъ былъ нѣсколько времени дожидаться „ординаціи“, которая одна могла сдѣлать его вполне пасторомъ.

Спустя два дня послѣ того, какъ Друммондъ благословилъ народъ, тоже самое священнодѣйствіе было совершено и Кардэлемъ: и онъ также благословилъ народъ силою Духа, какъ это сдѣлалъ назадъ тому два дня Друммондъ: Mr. C., говоритъ тотъ же официальный источникъ, blessed the people in the power of the Spirit, as Mr. D—had done two days before⁶⁾.

Но если указанное священнодѣйствіе Друммонда имѣло слишкомъ узкій, ограниченный смыслъ, то Кардэль былъ вовсе не такой человекъ, чтобы придавать какое-либо узкое, ограниченное значеніе даже и маловажнымъ вещамъ. Совершая тоже, что Друммондъ, онъ вовсе не думалъ ограничиться однимъ только званіемъ пастора и вслѣдствіе этого благословеніе народа, совершенное ими обоими, было одинаково только по формѣ, но ни въ какомъ случаѣ не было одинаково по своему значенію: именно благословеніе Кардэля было *первымъ зародышемъ итѣющею появиться апостольства* (the first buddings, although we knew it not, of the coming apostleship)⁷⁾. И дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, когда Кардэль молился, прося Бога о ниспосланіи св. Духа церкви, было пророческое слово, которое объявляло что Богъ избралъ его, м-ра Кардэля (не *named, a called*) апостоломъ и повелѣлъ ему сообщать всѣмъ вѣрующимъ святое помазаніе Божіе (a few days afterwards, while Mr. C—was in prayer, asking God for the outpouring of His Spirit upon the Church, there came a word of prophecy, declaring that the Lord had called him to be an apostle, and to convey his Holy unction)⁸⁾. Понятно что Кардэль, послѣ этого избранія, сдѣлался вполне апостоломъ, и притомъ первозваннымъ и верховнымъ, не имѣя никакой нужды въ скучномъ ожиданіи какой-либо будущей „ординаціи“...

Таково нехитрое происхожденіе првингянскаго апостольства!

⁵⁾ Ibid. p. 106.

⁶⁾ Ibid. p. 65.

⁷⁾ Ibid.

⁸⁾ Ibid.

Всматриваясь ближе въ изложенные факты, мы не можемъ не видѣть, какъ хитеръ и остороженъ былъ первозванный и верховный ирвингянскій апостоль. Если бы онъ первый сдѣлалъ какой-либо шагъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія для себя новыхъ, не совсѣмъ обычныхъ, достоинствъ, то ему безъ сомнѣнія поставили бы это на видъ, сочли бы его самозванцемъ, показали бы ему можетъ-быть, что онъ не имѣлъ никакого права присвоивать себѣ что-либо безъ согласія общины и т. д. Его поступки могли бы бить всѣмъ въ глаза. Но онъ такъ не сдѣлалъ, а предпочелъ *идти по слѣдамъ* Друммонда, который былъ въ сектѣ по прежнему денежною силою и властію, недопускающею возраженій. Нужно думать, что этотъ апостоль принималъ немаловажное участіе въ сообщеніи Друммонду мысли о достиженіи званія пастора и въ указаніи тѣхъ способовъ, которыми онъ можетъ этого званія достигнуть. Вѣроятно не мало старался Кардэль о развитіи сумасшествія въ сумасбродномъ и безъ того мистерѣ Друммондѣ! Такъ какъ Кардэль только шелъ по слѣдамъ Друммонда, то возражать противъ него, верховнаго апостола, значило возражать противъ самого мистера Друммонда! Друммондъ самовольно присвоилъ себѣ право благословлять народъ, — Кардэль сдѣлалъ тоже самое, только придавъ своему дѣлу болѣе широкое значеніе. Дѣйствительно, вслѣдствіе изложенныхъ тонкихъ соображеній верховнаго ирвингянскаго апостола даже Ирвингъ долженъ былъ прикусить языкъ, когда увидѣлъ до какихъ предѣловъ развитія дошла пущенная имъ самимъ же въ ходъ идея о возстановленіи апостольства, — когда эта идея силою обстоятельствъ воплотилась въ несимпатичномъ для него образѣ какого-то проходимца съ „адвокатскою совѣстью“. Ирвингъ былъ недоволенъ; но, повторяемъ, возражать не смѣлъ и при первомъ появленіи апостольства ограничился только внушеніемъ о „великой и страшной отвѣтственности“, которая соединяется съ званіемъ апостольскимъ, убѣждая апостола быть вѣрнымъ и предостерегая его противъ идолопоклонства или недолжнаго самовозвышенія, такъ какъ-де вся церковь есть апостольская, она не нуждается въ руководствѣ со стороны какого-либо отдѣльнаго человѣка, а сама есть „столпъ и утвержденіе истины“⁹⁾. За эти легкіе намеки на самовозвыше-

⁹⁾ Ibid. p. 66.

ніе верховнаго апостола и на принадлежность апостольскаго званія всѣмъ членамъ церкви Ирвингъ скоро получили не мало непріятностей отъ м-ра Кардэля...

Установленіе новаго апостольства въ томъ видѣ, въ какомъ оно было установлено, не совсѣмъ нравилось Ирвингу потому, что въ этомъ новомъ апостольствѣ было очень мало спиритуальнаго элемента. И однако оно было вполнѣ „реализаціей“ спиритуальныхъ тенденцій Ирвинга и въ этомъ отношеніи не могло представлять изъ себя ни для Ирвинга, ни для его послѣдователей ничего новаго: ново было только одно— это воплощеніе апостольства въ лицѣ мистера Кардэля. Что апостольство само по себѣ не было новостью, видно изъ того, что мысль о немъ появилась уже давно въ умѣ Ирвинга. Еще живи въ Шотландіи, онъ *благословлялъ* тамъ народъ, произнося *апостольское привѣтствіе*: миръ дому сему, что кажется не мало возбуждало подозрѣній въ средѣ шотландскихъ пресвитеріанъ, такъ какъ какія бы то ни было благословія въ Шотландіи неупотребительны, а потому и не привычны. Ирвингъ совершалъ также „апостольскія путешествія“, имѣлъ въ своей груди „апостольскія чувства“¹⁰⁾ и молился вмѣстѣ съ другими о ниспосланіи и возстановленіи апостоловъ¹¹⁾. При первомъ появленіи пророческихъ дарованій въ Шотландіи, тамъ, какъ мы уже видѣли, немало взывали о ниспосланіи апостоловъ.

Но возстановленіе апостольства было до сихъ поръ для Ирвинга одною только неопредѣленной, хотя и грандіозной, идеей и онъ никакъ не могъ предполагать, что найдутся люди, которые воспользуются этою идеей для удовлетворенія своихъ личныхъ цѣлей. Ирвингъ очевидно мало зналъ о томъ какая судьба постигаетъ многія великія идеи, когда онѣ распространяются въ массѣ: не будучи въ состояніи хранить ихъ въ цѣлости вслѣдствіе ихъ громадности, масса такъ-сказать размѣниваетъ ихъ на мелкую монету, что гораздо удобнѣе для ея ежедневнаго употребленія и обихода. Такъ и послѣдователи Ирвинга постепенно размѣнивали его грандіозныя идеи, вовсе не заботясь о томъ, останутся ли онѣ въ своей первоначальной неприкосновенности.

¹⁰⁾ Mrs. Oliph. 112, 248, 250; II, 16 и пр.

¹¹⁾ Mill. I, 207, примѣч.

Съ другой стороны крайній спиритуализмъ Ирвинга имѣлъ своимъ необходимымъ послѣдствіемъ крайній матеріализмъ, такъ какъ иногда люди достигаютъ въ своихъ стремленіяхъ результатовъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, какихъ достигнуть было имъ желательно.

Теперь мы приступимъ къ разъясненію слѣдующаго весьма важнаго вопроса, касающагося новаго апостольства. Мы знаемъ что въ сектѣ были уже пророки, чрезъ которыхъ, по предположенію, говорилъ самъ Духъ Святой. Спрашивается, зачѣмъ же понадобились для нея еще апостолы? Какова была цѣль учрежденія новаго ирвингійскаго апостольства?

За неимѣніемъ многихъ важныхъ ирвингійскихъ документовъ мы и въ этомъ случаѣ можемъ рѣшить этотъ вопросъ только послѣ разсмотрѣнія имѣющихся у насъ миниатюрныхъ фактовъ. Въ этомъ случаѣ имѣетъ особенно важное значеніе можетъ-быть и не вполнѣ сознательная замѣтка, которую дѣлаетъ докторъ Нортонъ, относительно цѣли установленія ирвингійскаго апостольства. Вотъ что между прочимъ говоритъ этотъ писатель въ своей книжкѣ: „мы не должны скрывать, — потому что это лишитъ насъ и другихъ полезнаго урока, — что плоть всегда соединяется или стремится соединиться съ духомъ (*mingles or seeks to mingle with the spirit*) и что она могла соединиться въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ и съ настоящимъ дѣломъ Господа. Въ дѣтскомъ и отроческомъ состояніи этого дѣла особенно должна была появиться большая склонность къ ошибкамъ, беспорядкамъ и, когда не было большой бдительности и молитвъ, къ обольщеніямъ. Да и какъ могло быть иначе при обстоятельствахъ, столь новыхъ, странныхъ и чудесныхъ, когда каждый изъ насъ былъ юнъ, а слѣдовательно и крайне неопытенъ въ такихъ высокихъ вещахъ; когда пасторы, вмѣсто того чтобы помогать вѣрующимъ и защищать ихъ, почти всѣ безъ исключенія смѣялись надъ ними или отвергали ихъ! Сначала, въ теченіе почти двухъ лѣтъ, у насъ не было ни апостоловъ ни ангеловъ (объ этихъ послѣднихъ мы скоро будемъ говорить), специальная обязанность которыхъ—уразумѣвать, регулировать и, если необходимо, контролировать спиритуальныя манифестаціи. Великій беспорядокъ царилъ и въ коринтской церкви послѣ болѣе, чѣмъ двѣнадцатимѣсячнаго наблюденія и руководства самого

апостола Павла; пророческія церкви и самыя пророки особенно къ этому безпорядку наклонны, онъ особенно для нихъ опасенъ, въ немъ они всего легче погрѣшаютъ. Порядокъ, высшій небесный законъ, скорѣе принадлежитъ апостоламъ, чѣмъ пророкамъ, почему и поставилъ Богъ въ церкви „первыя апостоловъ, второе пророковъ“; безъ апостоловъ не можетъ быть совершеннаго порядка, управленія и разумѣнія¹²⁾.

Докторъ Нортонъ хотѣлъ конечно сказать гораздо меньше, чѣмъ дѣйствительно сказалъ. Однако онъ сказалъ дѣйствительную правду и это дѣлаетъ ему честь; въ массѣ ирвингіанской жи какъ-то особенно пріятно бываетъ встрѣтить чистосердечныя намеки на истину. Такимъ образомъ съ одной стороны безпорядка, а съ другой необходимость въ порядкѣ, правильномъ управленіи и „разумѣніи“. Мы вѣримъ охотно доктору Нортону, что пророки дѣйствительно были вообще народъ *безпорядочный*. Они представляли изъ себя нѣкоторый родъ странствующихъ артистовъ, были одушевлены идеальными стремленіями, готовы на всякіе подвиги и большею частію не имѣли въ своемъ карманѣ ни шиллинговъ ни пенсовъ. Ихъ пророчества были грубымъ матеріаломъ, изъ котораго можно было сдѣлать все что угодно и съ этой точки зрѣнія они были полезны для тѣхъ, кто въ нихъ нуждался. Но будучи предоставлены самимъ себѣ, не находясь подъ строгимъ внѣшнимъ контролемъ, они могли натворить въ церкви и много бѣдъ своими безалаберными пророчествами. Кто напредвѣрь могъ поручиться, что пророки будутъ всегда говорить одну только истину и притомъ истину, полезную для вожаковъ секты, и будутъ совершенно послѣдовательны? Кто могъ поручиться, что они всѣ будутъ пророчествовать согласно² между собою? Кто могъ поручиться, что они не поддадутся никакимъ постороннимъ вліяніямъ, будутъ всегда независимы отъ чужихъ враждебныхъ сектъ мнѣній? Мы, вмѣстѣ съ докторомъ Нортонемъ, въ минуты откровенности совершенно упустимъ изъ виду обстоятельство, что чрезъ пророковъ говорилъ вѣдь самъ Духъ Святой, Который непогрѣшимъ и Который не есть Богъ *нестроенія, но мира, яко во всѣхъ церквахъ святыхъ* (1 Кор. 14, 33).

¹²⁾ Гр. 30 и 31.

Изъ всего сказаннаго дѣлаемъ очень любопытный выводъ, рѣзко характеризующій это новое любопытное апостольство.

Для обузданія пророковъ оно было учреждено!

Этотъ выводъ подтверждается не только мнѣніями ученыхъ ¹³⁾, но и фактически, послѣдующею исторіей секты. Власть апостоловъ, обуздывающая, упорядочивающая, контролирующая, регулирующая и уразумѣвающая, имѣла постоянно своимъ объектомъ обузданіе главнымъ образомъ пророковъ со всѣми бурными страстями ихъ бурныхъ темпераментовъ. Но апостолы не ограничивались только этимъ. Обуздывая пророковъ, они стали послѣ имѣть и болѣе широкіе виды на приложеніе своей обуздывающей власти. Такъ видя бурные перевороты, происходившіе среди европейскихъ народовъ, видя трепетъ націй и паденіе троновъ, они и въ этомъ случаѣ предлагали европейскимъ народамъ воспользоваться своею обуздывающею властью и прибѣгнуть къ ихъ стопамъ. Такимъ образомъ первоначальный мизерный фактъ обузданія былъ чреватъ будущимъ и, благодаря конечно фантазіи новыхъ апостоловъ, разросся въ послѣдствіи до невѣроятныхъ размѣровъ и апостолы съ полнымъ правомъ могли сказать про себя, что ихъ главная характеристическая обязанность обуздывать, обуздывать и обуздывать.

Теперь мы можемъ возвратиться къ нашему разсказу. Мы упоминали объ *апостолахъ*; но пока былъ еще только одинъ апостолъ, а остальные появились послѣ; о немъ и будетъ преимущественно наша рѣчь. Отъ 20 октября 1832 года, когда Друммондъ былъ назначенъ на должность пастора при церкви въ Альбюри, до святкоѣ того же года время прошло скоро. Верховному апостолу, а также одному изъ самыхъ вліятельныхъ пророковъ, Таплину, было очень желательно провести святки въ домѣ мистера Друммонда ¹⁴⁾. Пророческое слово явилось къ ихъ услугамъ: пророкъ, конечно силою духа, повелѣлъ имъ отправиться къ мистеру Друммонду,—могли ли они не послушать пророческаго велѣнія? Къ тому же вѣрующіе въ Альбюри по прежнему находились въ большихъ затрудненіяхъ и это требовало опять присутствія тамъ апостола. Затрудненія состояли въ слѣдую-

¹³⁾ См. напр. Köhler, Het Irvingisme, стр. 78.

¹⁴⁾ Köhler, 79.

щемъ. Хотя Друммондъ и былъ предназначенъ быть пасторомъ, однако отъ этого положеніе вѣрующихъ въ Альбюри мало измѣнялось. Среди нихъ скоро возникли вопросы объ его ординаціи. Одни говорили, что одного названія или предназначенія его пасторомъ было достаточно; другіе были съ этимъ несогласны и поговаривали объ „ординаціи“. Какой-то пророкъ разрѣшилъ вопросъ тѣмъ, что повелѣлъ вѣрующимъ взывать ко Господу, — Онъ услышитъ ихъ и отвѣтитъ на ихъ молитвы. Трудный вопросъ былъ окончательно разрѣшенъ, когда прибыли въ Альбюри Кардэлъ и Таплинъ.

Наканунѣ Рождества, вечеромъ, послѣ молитвъ въ собраніи вѣрующихъ духъ сошелъ на апостола, повелѣвая ему *возложить свои руки и ординировать* (moving him to lay hands on and ordain) одного молодого человѣка, который былъ прежде избранъ пророческимъ словомъ на служеніе и дѣятельность въ качествѣ *евангелиста*. Право Кардэля на совершеніе ординаціи не подлежало теперь уже никакому спору и онъ, нисколько не задумываясь, совершилъ ординацію, возложивъ руки на Плеса (Plase), который и сдѣлался первымъ, официально признаннымъ, ирвингянскимъ евангелистомъ ¹⁵⁾. Что касается Друммонда, то ему и теперь, наканунѣ Рождества, старались повидимому показать, что его ординація вполне зависитъ отъ воли апостола. Друммондъ принужденъ былъ ждать...

„Утромъ, въ Рождество, говоритъ докторъ Нортонъ, они (т.-е. вѣрующіе въ Альбюри) собрались для богослуженія и всѣ ожидали, не будетъ ли дано какого-нибудь указанія на счетъ ординаціи, которая тяжелымъ камнемъ лежала у всѣхъ на сердцахъ; но о ней ни одного слова не было сказано“ ¹⁶⁾. Мистеръ Друммондъ долженъ былъ опять ждать...

На другой день вечеромъ дѣло дошло до кризиса: нужно было

¹⁵⁾ Norton, 106; Miller, 114. Должность евангелистовъ появилась впрочемъ нѣсколько раньше до «событій» здѣсь изображенныхъ. Еще во время молитвенныхъ митинговъ въ Англіи о ниспосланіи Св. Духа, нѣсколько человѣкъ, движимые ревностію о просвѣщеніи *язычниковъ*, отправились съ проповѣдью евангелія и проповѣдывали не безъ успѣха, хотя и подвергались нѣкоторымъ неприяностямъ со стороны полиціи. Но должность евангелистовъ тогда повидимому не имѣла какого-либо официального характера. См. Miller, *ibid.* 109.

¹⁶⁾ *Ibid.* p. 106, 107.

совершить таинство причащенія, которое вѣрующимъ даже *новельно* было совершить. Но спрашивается: гдѣ же взять пастора? Друммонду очень хотѣлось совершить таинство, но онъ „не вполне ясно зналъ намѣреніе Божіе“ (he did not clearly discern the mind of the Lord) относительно этого дѣла и потому не могъ приступить къ совершенію Евхаристіи. Наконецъ одинъ пророкъ не выдержалъ: съ великою силою и въ бурѣ (with great vehemence and power), послѣ нѣсколькихъ словъ на неизвѣстномъ языкѣ, онъ назначилъ Друммонда *ателомъ* церкви, который долженъ преподавать народу тѣло и кровь Христовы и приказалъ апостолу ординировать его, какъ такого (called on the apostole to ordain him as such ¹⁷).

И эта новая должность въ ирвингянской іерархіи, должность ангела, была давно уже извѣстна Ирвингу, хотя съ словомъ „ангелъ“, которымъ называются въ Апокалипсисѣ (гл. II) представители мѣстныхъ церквей, онъ и не соединялъ какого-либо спеціальнаго значенія. Повидимому онъ употреблялъ его въ томъ же смыслѣ, въ какомъ у насъ въ народѣ называются, напримѣръ, митрополиты „бѣлыми ангелами“ и во всякомъ случаѣ не различалъ слова ангелъ отъ слова пасторъ ¹⁸). Отсутствіе такого различенія мы видимъ даже и въ повѣствованіи доктора Нортонъ о назначеніи Друммонда ангеломъ церкви. Нортонъ называетъ его то пасторомъ, хотя онъ и не имѣлъ права на такое названіе, то ангеломъ, а обстоятельство, что по словамъ пророка, ангелъ долженъ былъ совершать Евхаристію, показываетъ, что это слово дѣйствительно на первыхъ порахъ не имѣло какого-либо спеціальнаго ирвингянскаго значенія. Оно было придано ему послѣ, чѣмъ вполне и „осуществлена“ (реализирована) была мысль Ирвинга объ ангелѣ церкви.

На другой день Рождества дѣйствительно и произошло самое рукоположеніе Друммонда въ ангела при церкви въ Альбюри. Во время молитвеннаго митинга, бывшаго въ этотъ день, пророчествовалъ Кэрдъ, а Друммондъ читалъ 33 псаломъ (по-русской библіи 32). Затѣмъ послѣдній началъ предостерегать народъ „противъ блужданія неизвѣстно съ какою цѣлью“. „Послѣ псалма,

¹⁷) Ibid.

¹⁸) См. напр. Mrs. Oliph. II, 219.

разсказываетъ очевидецъ этой ординаціи, м-ръ Друммондъ сказалъ, что между вѣрующими есть нѣкоторые, очень озабоченные, какъ ему извѣстно, тѣмъ, какъ совершить таинство Евхаристіи, и просилъ братьевъ, которые чувствовали наклонность къ молитвѣ, сдѣлать совершеніе таинства предметомъ особеннаго моленія: затѣмъ велѣлъ старостѣ, м-ру Бэйфорду, читать и молиться. М-ръ Бэйфордъ началъ читать IV главу Евангелія Луки. Во время молитвы о томъ, чтобы Богъ открылъ Свою волю относительно обрядовъ (ordinances), духъ излился чрезъ м-ра Друммонда, говоря: „сія есть воля Господня, сія есть воля Господня, да совершается таинство Евхаристіи въ сей церкви; сія есть воля Господня“. Тогда духъ чрезъ мистера Кэрда призывалъ насъ къ радованію о томъ, что Господь услышалъ молитвы бѣдныхъ, и сказалъ: „готовьтесь къ желаемому празднеству; желайте совершить его въ воспоминаніе объ Иисусѣ; Господь напитаетъ алчущихъ; богатыхъ же отпустить ни съ чѣмъ“. М-ръ Бэйфордъ окончилъ свою молитву и м-ръ Друммондъ пожелалъ, чтобы въ церкви зачѣли 36 *парафразисъ*, который содержитъ слова, только что сказанныя духомъ. Когда приготовлялись къ пѣнію, Господь долгое время глаголалъ чрезъ м-ра Таплина на неизвѣстномъ языкѣ, и потомъ сказалъ: „Господь повелѣваетъ тебѣ, призванному быть ангеломъ сей церкви, насытить народъ сей тѣломъ и кровію Господа: слабые насытятся и гордые исчезнутъ“. Тогда м-ръ Друммондъ призывалъ церковь къ благодаренію Господа за милость, Имъ оказанную, но сказалъ при этомъ, что мы нуждаемся въ совѣтѣ Господнемъ относительно этого дѣла и присовокупилъ: „я могу преподать вамъ хлѣбъ и вино и вы можете вкушать хлѣбъ плотскими зубами и пить вино вашими устами, но это не значитъ еще имѣть общеніе съ Господомъ, духъ животворить, плоть же немощна“, и опять призывалъ къ молитвѣ. Тотчасъ духъ возглаголалъ чрезъ м-ра Кэрда, говоря: „да совершитъ Господь Свое дѣло; да откроетъ Онъ вполне Свое намѣреніе; да будетъ Его дѣло одно видимо среди васъ“. Послѣ этого духъ чрезъ м-ра Кардэля началъ открывать таинство Плоти и Крови и должное состояніе тѣхъ, которые ихъ принимаютъ, и съ сильнымъ выраженіемъ скорби говорилъ: „плачьте, ибо источники изсякли и нѣтъ воды; народъ Господень есть печаль для Господа; онъ есть бремя для Него; Его тѣснить,

Его тѣснятъ; есть среди васъ невѣрующіе; Иисусъ гнѣвнень, Иисусъ гнѣвнень“. Духъ тогда излился въ молитвѣ, взывая ко Господу: „о, сниди къ Твоему народу; о, по живому пути взойдите къ нашему Богу!“ заключая это длинной молитвой о всей церкви, и о служителяхъ ея въ отдѣльности, о каждомъ пасторѣ, евангелистѣ, старѣйшинѣ и пророкѣ. По окончаніи молитвы м-ръ Друммондъ опять сказалъ: „желаю, чтобы нѣкоторые изъ братьевъ помолились, ибо не разумѣю ясно намѣренія Божіи въ семъ дѣлѣ“. Духъ чрезъ м-ра Кардэля сказалъ „хорошо“ и продолжалъ увѣщевать и убѣждать; въ это время совокупно пророчествовали они оба. Тогда духъ излился чрезъ м-ра Таплина съ великою силою на неизвѣстномъ языкѣ и сказалъ: „Господь повелѣваетъ тебѣ, избранному апостоломъ, возложить руки на ангела сей церкви и ординировать его для управленія снмъ народомъ, и для насыщенія его тѣломъ и кровію Господа; будь вѣренъ, Иисусъ возвеличитъ тебя“. По окончаніи небольшой паузы, м-ръ Кардэль приблизился къ м-ру Друммонду, который стоялъ колѣнопреклоненнымъ у аналоя и послѣ сильной молитвы отъ духа, начавъ отъ сотворенія міра и указавъ постепенно на манифестаціи Господа въ лицѣ, страданіяхъ и славіи Господа Иисуса, съ сильнымъ воплемъ о вѣрѣ и о томъ, что рука Господня одна будетъ скоро видима, простеръ свои руки на главу м-ра Друммонда въ то время, когда послѣдній казалось былъ глубоко погруженъ въ общеніе съ Богомъ; Духъ чрезъ м-ра Кардэля глаголаъ: „исполнись святаго Духа, Духа мудрости и знанія и здраваго разумѣнія; живо памятью о страхѣ Господнемъ; насыти народъ Его и управляй имъ; будь вѣренъ до смерти и получишь вѣнецъ жизни, который Господь приготовилъ для тебя и для всѣхъ, любящихъ Господа Иисуса“. Тогда, обратясь лицомъ къ м-ру Бэйфорду, онъ благословилъ Друммонда и сказалъ слова ободренія, убѣждая его насыщать сей народъ и самому такимъ образомъ насыщаться. Тотчасъ послѣ этого духъ чрезъ м-ра Друммонда излился пѣвнію „слава въ вышнихъ Богу“, а духъ чрезъ м-ра Кардэля присоединился къ этому пѣнію отъ лица церкви, запѣвъ „славословіе“, которое подхватила и конгрегация. Затѣмъ послѣдовала замѣчательная молитва отъ духа чрезъ м-ра Друммонда, который благодарилъ и прославлялъ Отца за всю Его благость и милосердіе, за его доброе отно-

шеніе къ намъ, за непамятованіе нашего недостойнства, за прощеніе нашихъ грѣховъ, и просилъ Его съ великою настойчивостію не оставлять своихъ сосудовъ, иначе они разобьются въ куски. Казалось что онъ близко покоился на лонѣ Иисуса, наслаждаясь очевидно многими свѣтомъ, что можно было узнать и по быстротѣ его пророческаго говоренія. Тогда м-ръ Кардэль повелительнымъ голосомъ сказалъ отъ духа: „сія есть воля Божія, чтобы ты насытилъ народъ сей тѣломъ и кровію Господа. Воззри на нихъ; живи для народа; бодрствуй надъ нимъ дни и ночи: ты дашь отчетъ о душахъ, вверенныхъ твоему попеченію. Богъ благословитъ тебя за это. Богъ поставилъ тебя пастыремъ сего народа. Онъ отвергнетъ пастырей, которые отступили и осквернили воды, теперь онъ поставилъ для нихъ такого пастыря, который будетъ давать имъ чистую воду“. Тогда было слово къ м-ру Бэйфорду, убѣждающее его быть вѣрнымъ въ наученіи народа и обещающее и ему ординацію во время Господне. М-ръ Друммондъ пожелалъ тогда, чтобы воспѣли псаломъ, и въ это время духъ, чрезъ м-ра Кардэля, сказалъ: „воспойте двадцать четвертый и вознесите всѣ сердца ваши ко Господу“. Тогда духъ чрезъ м-ра Таплина, воспѣвъ длинную пѣснь на неизвѣстномъ языкѣ, объявилъ, что Иисусъ былъ посредъ насъ, что Онъ простиралъ Свой руки принять насъ, что мы должны идти къ Нему. М-ръ Друммондъ опять въ молитвѣ благословилъ Бога, молясь о душахъ пастырей, хотя бы и сложившихъ свои обязанности; и послѣ нѣсколькихъ словъ ободренія къ своему народу, указывая что пророчества духа не суть повелѣнія, а предлагаются по вѣрѣ, и что по вѣрѣ дается и получается благословеніе, заключилъ все священнодѣйствіе преподаваніемъ благословенія конгрегации¹⁹⁾.

Около того времени, какъ Друммондъ былъ посвященъ въ ангела, Кардэль написалъ свой обуздывающій „ордеръ“ или приказъ для секты, названный имъ „тайнствомъ золотого свѣтильника“ (*Mystery of Candelstick*). Онъ представляетъ изъ себя небольшой документъ, написанный языкомъ совершенно варварскимъ и наполненный мыслями совершенно дикими. Въ „тайнствѣ золотого свѣтильника“ упоминаются уже извѣстныя намъ

¹⁹⁾ Mill. I, 115--119.

должности, т.-е. апостолы, пророки, евангелисты, пасторы и ангель церкви. Кромѣ нихъ есть еще упоминаніе о діаконахъ. Должность послѣднихъ, а равно и пасторовъ вѣроятно цѣликомъ была заимствована у пресвитеріанской церкви и не соединила съ собою никакого опредѣленнаго, специально ирвингянскаго смысла. Упомянутыя должности имѣли своимъ прообразомъ золотой свѣтильникъ, поставленный въ скиніи: различныя его части, именно лампы, цвѣты и плоды, шишки должны были соответствовать различнымъ должностямъ и представителямъ ихъ въ новомъ спиритуальномъ священствѣ. Должностей было столько же, сколько и лампадъ въ золотомъ свѣтильникѣ, т.-е. семь ²⁰⁾.

Несмотря на „таинство золотого свѣтильника“ status quo спиритуальной ирвингянской іерархіи оставался въ очень неопредѣленномъ положеніи до марта или апрѣля мѣсяца 1833 г. Съ этого времени начали совершаться въ сектѣ не только новыя „ординаціи“, но и „реординаціи“. Послѣднія заключались въ томъ что нѣкоторыя прежде совершенныя ординаціи признаны были недостаточными и потому сочтено было нужнымъ „переординировать“ многихъ лицъ, т.-е. посвятить ихъ вновь на служеніе церкви.

Причиною этихъ новыхъ ординацій и „реординацій“ было обстоятельство, весьма характеристическое въ исторіи новой секты. Оно заключалось въ слѣдующемъ.

Послѣ рѣшенія лондонской пресвитеріи, которая лишила Ирвинга права совершать богослуженіе и проповѣдывать въ Риджентъ Скверъ, его мытарства не окончились. Имѣя въ виду его еретическое ученіе о грѣховности плоти Христа, шотландская церковь передала его суду и за это ученіе, послѣ чего онъ былъ лишенъ права не только проповѣдывать въ Риджентъ Скверъ, но и вообще быть членомъ шотландской церкви. По распоряженію генеральнаго собранія дѣло объ еретичествѣ Ирвинга было передано на обсужденіе пресвитеріи въ Аннанъ, въ которомъ Ирвингъ родился и гдѣ былъ рукоположенъ въ санъ пастора предъ своимъ перемѣщеніемъ въ Лондонъ. Пресвитерія въ мартѣ мѣсяцѣ 1833 года и вызвала его къ своему суду.

²⁰⁾ Ibid. II, 381, 2.

Обстоятельства суда не особенно интересны, хотя и въ этомъ случаѣ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ пророческихъ казусовъ. Именно, предъ прочтеніемъ приговора, которымъ Ирвингъ признавался виновнымъ въ ереси и навсегда былъ отлученъ отъ шотландской церкви, одинъ прибывшій изъ Лондона пророкъ огласилъ церковь, въ которой собралась пресвитерія, пронзительными пророческими звуками: „возстаньте! убѣжимъ! возстаньте, убѣжимъ! Бѣгите, бѣгите изъ сего мѣста! Можете-ли вы молиться? Можете-ли молиться Христу, котораго отвергаете? Не можете молиться! Вонъ, вонъ, бѣгите, бѣгите!“ Такъ какъ судъ происходилъ вечеромъ, а зажжена была только одна свѣча, то въ церкви было темно. Одинъ изъ клириковъ поднялъ свѣчу чтобы посмотрѣть, кто это пророчествуетъ въ средѣ собравшагося народа: оказалось, что это былъ недавно получившій даръ пророчества шотландскій пасторъ Давидъ Дау (Dow), прибывшій съ Ирвингомъ. По окончаніи пророчества онъ сталъ съ шумомъ выходить изъ церкви; за нимъ послѣдовалъ Ирвингъ и такъ какъ чрезъ густую толпу трудно было пробраться къ дверямъ, то онъ закричалъ громкимъ голосомъ: „встаньте, встаньте! Почему же вы не повинуетесь голосу святаго Духа. Всѣ, кто повинуются, пусть выйдутъ вонъ“. Когда онъ скрылся за дверями, прислужникъ три раза звалъ его назадъ. Но никакого отвѣта не было. Приговоръ былъ прочитанъ безъ него ²¹⁾.

Возвратившись 31 марта въ Лондонъ къ „своему любимому стаду“, Ирвингъ принялся было за отправленіе своихъ прежнихъ обязанностей въ общинѣ въ качествѣ пастора. Но апостоль не могъ простить ему его намековъ на отвѣтственность, съ которою соединено было апостольское званіе и проч. и потому въ его отсутствіе постарался провести въ средѣ лондонскихъ вѣрующихъ мысль, что Ирвингъ, вслѣдствіе отлученія отъ церкви, не можетъ быть пасторомъ, такъ какъ шотландская церковь всегда могла взять назадъ то, что ею было дано. Подъ вліяніемъ, вѣроятно, общаго настроенія пророки не стѣснялись высказывать своему бывшему покровителю эту мысль публично въ церкви. Однажды, когда Ирвингъ только что хотѣлъ „воцерковить“ одно дитя, апостоль грубо остановилъ его, сказавъ:

²¹⁾ Mrs. Oliph. II, 348—350.

„подождать нужно немного“²²⁾. Ничего сдѣлать противъ подобныхъ грубостей было нельзя и Ирвингъ принужденъ былъ сдѣлаться „простымъ вѣрующимъ“, смѣшаться съ толпой и видѣть, какъ другіе, „жалкіе черви“, хозяйничали и распоряжались всѣмъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде хозяйничали только онъ самъ, великій проповѣдникъ. Онъ долженъ былъ понять наконецъ, что его судьба вполне была теперь въ рукахъ новаго верховнаго апостола...

Униженіе Ирвинга впрочемъ продолжалось недолго. Уже 4 апрѣля того же года, на утреннемъ богослуженіи въ Newman Street, во время чтенія первой главы книги пророка Іереміи, когда прочитаны были слова: „жезль орѣховый азъ вижу“ (I, II), Таплинъ началъ пророчествовать объясняя слово „жезль“ относительно имѣющаго появиться спиритуальнаго священства и въ то же время повелѣлъ апостолу въ слѣдующій день посвятить Ирвинга ангеломъ церкви въ Ньюманъ Стритъ²³⁾.

5 апрѣля утромъ, когда по приказанію апостола въ церковь собрались всѣ члены конгрегаціи, по окончаніи богослуженія, апостолъ возложилъ свои руки на Таплина, и такимъ образомъ совершилъ надъ нимъ „ординацію“ во пророка, потому что Таплинъ хотя фактически и былъ уже пророкомъ, но никакой ординаціи прежде не получалъ. Она не давала ему никакихъ новыхъ пророческихъ правъ, но несомнѣнно служила къ его возвышенію въ средѣ пророковъ. Ординированный такимъ образомъ пророкъ долженъ былъ пророчествовать подобно неординированному въ общинѣ и сообщать апостолу и апостоламъ свѣтъ духа, въ которомъ они нуждались при устройствѣ церкви, хотя сужденіе о свѣтѣ, подаваемомъ пророкомъ, и принадлежало все-таки апостолу. Таплинъ сдѣлался первымъ, главнымъ пророкомъ (chief prophet) въ средѣ всѣхъ остальныхъ пророковъ и вечеромъ того же дня занялъ при богослуженіи мѣсто около апостола²⁴⁾. Когда, во время богослуженія 5 апрѣля происходило пѣніе 40 псалма (39), Таплинъ объявилъ, что Господь откроетъ теперь таинство золотого свѣтильника въ церкви и избралъ

²²⁾ Mill. I, 121.

²³⁾ Norton, p. 107, 108.

²⁴⁾ Kohler, 82.

пять человѣкъ *старостами* (elders), прибавляя что Господь скоро даруетъ и шестаго. Спустя нѣсколько времени пророкъ повелѣлъ Ирвингу преклониться и апостолу—рукоположить его. Ирвингъ молился чрезвычайно горячо и до самаго конца священнодѣйствія простоялъ на колѣняхъ, между тѣмъ какъ всѣ остальные члены конгрегаціи сидѣли въ торжественномъ молчаніи, ожидая, что сотворить Господь. Апостолъ велѣлъ читать вторую и третью главу первой книги царствъ. Такъ сдѣлано было не безъ цѣли, потому что въ этихъ главахъ говорится о недостойныхъ сыновьяхъ первосвященника Иліи, которые должны были теперь быть прообразомъ злоупотребленія священной властію и происшедшаго отсюда разстройства церкви. По прочтеніи этихъ главъ и должнаго ихъ истолкованія относительно современнаго священства, апостолъ сталъ на колѣна рядомъ съ Ирвингомъ и началъ молиться за него и за народъ и наконецъ поднялся и, возложивъ обѣ руки на Ирвинга, совершилъ надъ нимъ ординацію въ ангела церкви въ Newman Street ²⁵⁾. Такимъ образомъ въ сектѣ былъ рукоположенъ еще ангелъ, второй; это было все, что дала Ирвингу основанная имъ секта: онъ не былъ ни пророкомъ, ни апостоломъ, а сдѣлался только ангеломъ церкви, лишенный напередъ званія пастора. Послѣ его рукоположенія діаконамъ было повелѣно принести хлѣбъ и вино; когда это было исполнено, апостолъ спросилъ Ирвинга, желаетъ ли онъ исполнить по отношенію къ церкви тѣ обязанности, которыя заповѣданы Христомъ. Отвѣтъ данъ былъ утвердительный и *апостолъ началъ освящать дары* а затѣмъ преподавалъ ихъ Ирвингу, съ тѣмъ чтобы онъ въ свою очередь сдѣлалъ тоже самое относительно старость и конгрегаціи. Пропѣвъ псаломъ, славословіе и получивъ благословеніе, вѣрующіе разошлись ²⁶⁾.

Въ слѣдующій день былъ избранъ шестой староста ²⁷⁾ и такимъ образомъ постепенно открывалось для вѣрующихъ таинственное значеніе золотаго свѣтильника: съ ангеломъ во главѣ, старосты должны были соотвѣтствовать стеблю и шести вѣтвямъ

²⁵⁾ Norton, 108, 109.

²⁶⁾ Ibid. 110.

²⁷⁾ Ibid.

свѣтильника, семи лампадамъ и проч. (Исх. гл. XXV). Принимая во вниманіе, что въ пресвитеріанской церкви всѣ духовныя лица равны, что тамъ каждый пресвитеріанъ *eo ipso* есть въ то же время и духовное лицо, что слово староста—*elder* означаетъ въ пресвитеріанской церкви пастора, который управляетъ (*ruling elder*) въ отличіе отъ пастора, который учитъ (*teaching elder*), мы можемъ съ достаточною опредѣленностью вывести, какое значеніе съ словомъ „ангелъ“ начали соединять теперь въ сектѣ. Оно означало теперь главнаго старосту или пастора, не имѣющаго права учить.

Конечно, ангелъ съ шестью съ старостами могъ съ такимъ же удобствомъ соотвѣтствовать семи лампадамъ золотого свѣтильника, съ какимъ прежде, по мысли Кардэля, соотвѣтствовали имъ апостолы, пророки, пасторы, евангелисты, ангелъ церкви и діаконы...

Избранные шесть старость должны были дожидаться рукоположенія или ординаціи. Прежде нихъ была совершена ординація двухъ братьевъ въ *святилищныя*. Послѣдніе, во время богослуженія, выступили впередъ и стали на колѣна. Въ это время апостолъ началъ увѣщавать народъ поддерживать своихъ пастырей постоянною вѣрою и молитвами. Затѣмъ онъ возложилъ на нихъ свои руки; тоже самое было приказано сдѣлать и Ирвингу, такъ какъ евангелисты должны были служить подъ его начальствомъ. Рукоположеніе, или ординація, старость совершилось 14 апрѣля 1833 года. Въ этотъ день Ирвингъ напомнилъ вѣрующимъ обѣщаніе Господне объ ординаціи старость и пригласилъ ихъ запѣть 127 псаломъ. Когда пѣніе псалма было окончено, духъ сошелъ на апостола и онъ запѣлъ печальную пѣснь о грѣхахъ церкви. За нею слѣдовала изъ его устъ трогательная молитва которая вызвала у вѣрующихъ слезы умиленія, и наконецъ онъ произнесъ слова прощенія и мира. Послѣ этого онъ обошелъ колѣнопреклоненныхъ старость, поочередно возлагая на нихъ свои руки. Тоже самое приказано было сдѣлать и Ирвингу: такъ какъ и старосты должны были служить подъ его начальствомъ. 14 апрѣля, „новая пасха“, стало считаться „эпохой“ въ исторіи секты, съ этого времени начался „рядъ новыхъ лѣтъ“²⁸⁾. Причиною этого было вѣроятно то обстоятельство,

²⁸⁾ Ibid. 110, 112.

что время посвященія старость почти совпадало съ временемъ празднованія еврейской пасхи, а можетъ быть и то, что въ это время Господь вполнѣ открылъ таинственное значеніе золотого свѣтильника. Дальнѣйшія ординаціи имѣли своимъ послѣдствіемъ количественное, но не качественное приращеніе спиритуальной іерархіи.

Исключеніе впрочемъ составляли діаконы которые хотя и имѣли для себя соотвѣтствующія части въ золотомъ свѣтильникѣ, однако были посвящены уже послѣ „новой пасхи“, именно 20 апрѣля 1833 года. Можетъ быть это объясняется тѣмъ, что діаконы собственно говоря не входили въ составъ ирвингійскаго священства и избраніе ихъ принадлежало народу. Въ ирвингійскомъ катихизисѣ на вопросъ: „какія суть степени священства?“ дается отвѣтъ: „сін трп, именно степень ангела или епископа, степень пресвитера или священника и степень діакона“²⁹⁾. Но за то въ другомъ мѣстѣ тотъ же катихизисъ на вопросъ: „какое священство даровалъ намъ Господь Іисусъ Христосъ въ своей церкви?“ отвѣчаетъ: „восшелъ на высоту, Онъ далъ дары человѣкамъ: Онъ поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями“. Ангелы могли быть вѣтвію указаннаго здѣсь „четырёхъсоставнаго“ или „четверичнаго священства“ (four-fold ministry), такъ какъ они не отличались отъ пасторовъ. Но діаконы не могли и о нихъ въ послѣднемъ вопросѣ и отвѣтѣ катихизиса какъ видно не упоминается вовсе. Діаконовъ рукоположили ангелъ церкви и шесть старость, а къ апостолу они приведены были только для благословенія. Обязанность діаконовъ состояла въ заботахъ о мірскихъ дѣлахъ конгрегации. Ихъ избрано было семь человѣкъ съ нѣкимъ Давидомъ Керромъ во главѣ, который былъ „первымъ діакономъ“ (chief deacon), или архи-діакономъ. Нѣсколько послѣ были избраны еще и рукоположены „иподіаконы“,—эта должность соотвѣтствовала упомянутымъ въ XII главѣ 28 ст. перваго посланія къ Коринѳянамъ „дарамъ управления“ (κυβερνήσεις).—а также діоканиссы, обязанность которыхъ состояла въ посвященіи и заботахъ о женщинахъ. Докторъ Нортонъ утверждаетъ, что никакого другаго священства

²⁹⁾ Mill. II, 387, 388.

не было (официально) предоставлено женщинамъ въ церкви, кромѣ указаннаго ³⁰⁾.

Количественное приращеніе ирвингійанской іерархіи началось съ рукоположенія такъ-называемыхъ „помощниковъ“ для каждой отдѣльной должности, кромѣ должности апостольской (helps, ἀντιλήψεις) ³¹⁾. Такимъ образомъ кромѣ настоящихъ ангеловъ появились „ангелы-помощники“, кромѣ пророковъ,—„пророки-помощники“, евангелистовъ „евангелисты-помощники“ и т. д. Число послѣднихъ обыкновенно равнялось числу первыхъ: если, напримеръ, въ какой-либо конгрегаціи число пророковъ не превышало шести, то и число ихъ „помощниковъ“ опредѣлялось шестью.

Дальнѣйшія приращенія въ спиритуальной іерархіи заключались въ слѣдующемъ. 25 сентября 1833 г. былъ избранъ апостоломъ Генри Друммондъ, ангелъ церкви въ Альбюри. Наканунѣ этого дня одинъ пророкъ объявилъ, что намѣреніе Божіе относительно апостоловъ еще не вполне открылось, а 25 сентября другой пророкъ объявилъ, что Господь откроетъ свое намѣреніе, если вѣрующіе будутъ молиться. Послѣ многихъ молитвъ и пророческихъ изрѣченій словомъ пророчества Друммондъ и былъ избранъ апостоломъ. Никакого рукоположенія или ординаціи не было. Мистеръ Друммондъ совершилъ молитву въ которой просилъ Господа сдѣлать его годнымъ для апостольскаго дѣла, признавая свое недостоинство и молился о ниспосланіи ему свѣта, совѣта и силы ³²⁾. Такимъ образомъ Друммондъ прошелъ почти всѣ іерархическія ступени, былъ пророкомъ, пасторомъ, ангеломъ и наконецъ сдѣлался апостоломъ, послѣ чего уже никакого повышенія не получалъ. Въ концѣ 1833 года были избраны апостолами еще нѣсколько лицъ, нѣкто Кингъ-Черчъ (King-Church) который прежде служилъ въ лондонской тюрьмѣ и, сдѣлавшись апостоломъ, кажется значительно успѣлъ поправить свои прежнія дѣла и извѣстный намъ Спенсеръ Персиваль, потомокъ знатнаго англійскаго лорда Эгмонта, членъ англійскаго парламента и бывший староста. Въ 1834 году были избраны апостолами Николай Армстронгъ (бывшій ангелъ) и Уудгаусъ

³⁰⁾ Ibid. p. 118.

³¹⁾ См. 1 Кор. XII, 28.

³²⁾ Forton, 124—126.

(Woodhouse), бывший солиситоромъ; отецъ его что-то написалъ объ апокалипсисѣ. Въ 1835 году были избраны еще шесть лицъ, именно: бывший редакторъ ирвингiанскаго журнала „Утренніе часы“. Тюдоръ (въ февралѣ 1835 года), Генри Дальтонъ, бывший шотландскій пасторъ (въ апрѣлѣ), Томасъ Карлейль (въ маѣ) ³³⁾, Ситуэлль (Sitwell — избранъ нѣсколько послѣ Карлейля) В. Дау, шотландскій пасторъ, Мэкензи (14 юля 1835 года) бывший староста при церкви въ Риджентъ Скверъ и потомъ ангель. Такимъ образомъ всѣхъ апостоловъ избрано было двѣнадцать.

При избраніи двѣнадцатаго апостола впрочемъ случились обстоятельства, заслуживающія полнаго нашего вниманія. Первоначально, вмѣсто Мэкензи, былъ словомъ пророческимъ избранъ Давидъ Дау, уже извѣстный намъ шотландскій пасторъ который былъ вмѣстѣ съ Ирвингомъ въ Шотландіи на судѣ и тамъ пророчествовалъ. Но въ отвѣтъ на извѣстіе объ избраніи въ апостолы Дау написалъ, что отклоняетъ отъ себя эту честь, такъ какъ неспособенъ къ отвѣтственности соединенной съ апостольскимъ званіемъ и сомнѣвается въ законности выбора. Положеніе новыхъ апостоловъ, пророковъ и остальныхъ вѣрующіхъ было критическое: что подумать о пророкахъ, когда ихъ выборъ, совершенный по велѣнію Св. Духа, оказался недѣйствительнымъ? Немало было употреблено стараній склонить Дау къ принятію апостольства: за нимъ нарочно ѣздили въ Шотландію посланные, а когда онъ прибылъ въ Лондонъ были пущены въ ходъ всѣ аргументы. Но Дау не сдался и даже отказался вовсе отъ своихъ связей съ сектой...

Однако вѣрующіе побѣдоносно вышли и изъ этого затрудненія. Въ первоначальной исторіи апостольскаго вѣка они нашли случай, аналогичный тому который совершился въ ихъ общинѣ и Давидъ Дау былъ признанъ Иудею предателемъ. На его мѣсто были представлены два кандидата, „которые находились съ ними все время“, именно Дунканъ Мэкензи и докторъ Томпсонъ, извѣстный какъ изслѣдователь пророческихъ дарованій въ Шотландіи. Первый и былъ избранъ апостоломъ словомъ какого то пророка и это обстоятельство имѣло сходство съ избраніемъ апостола Матѳіа (Дѣян. I, 15—26) ³⁴⁾.

³³⁾ Этого апостола не слѣдуетъ смѣшивать съ Томасомъ Карлейлемъ историкомъ.

³⁴⁾ Norton 133; Miller, I, 157—159.

Исполненіе числа другихъ членовъ іерархіи обусловливалось съ одной стороны практическими потребностями, съ другой — теоретическими соображеніями, основанія для которыхъ находились въ Библии.

Практическія потребности въ постановленіи новыхъ членовъ іерархіи имѣли своею причиною построение въ Лондонѣ и другихъ мѣстахъ новыхъ првингійскихъ церквей и образованіе новыхъ првингійскихъ конгрегацій. И тѣ и другія образовались въ слѣдующихъ мѣстахъ Лондона: Бишопгетъ, Чильзи, Айлингтонъ, Соутваркъ, Паддингтонъ, Вестминстеръ и др. Упомянутыя шесть церквей съ церковью въ Newman Street во главѣ, образовали такъ-называемыя „семь церквей въ Лондонѣ“, въ соотвѣтствіе семи апокалипсическимъ церквамъ Азіи (Откр. I, 20). Зданія построенныя для богослуженія отличались изяществомъ и нѣкоторыя дорого стоили. Кромѣ Лондона появились првингійскія конгрегаціи и въ другихъ мѣстахъ какъ Англіи, такъ Шотландіи. Понятно, что это обстоятельство требовало поставленія и новыхъ членовъ іерархіи для каждой отдѣльной конгрегаціи.

Теоретическія соображенія основывались на темномъ, мистическомъ и аллегорическомъ толкованіи „таинственнаго значенія скинии (Mystery of Tabernacle)“. Одно „таинственнаго значенія золотого свѣтильника“ было недостаточно для образованія новой спиритуальной іерархіи; поэтому послѣдователи Ирвинга принялись за скинію и раздѣлили ее на мелкія части такъ, чтобы каждая часть скинии имѣла и соотвѣтствующую ей должность; при этомъ нѣкоторыя части скинии соотвѣтствовали или однимъ и тѣмъ же должностямъ или наоборотъ одни и тѣ же должности соотвѣтствовали различнымъ частямъ скинии. Такъ четыре столба при входѣ во святое святыхъ (Исх. 36, 36) означали „четверичное священство“, т.-е. апостоловъ, пророковъ, пасторовъ и евангелистовъ; но кромѣ „четверичнаго священства“ вообще они означали еще и „главнаго апостола“, „главнаго пророка“, „главнаго евангелиста“ и „главнаго пастора“ въ отдѣльности. Шесть старостъ каждой изъ семи лондонскихъ церквей соотвѣтствовали сорока восьми брусьямъ скинии (Исх. XXXVI, 23, 25, 27, 28). Но такъ какъ при умноженіи шести на семь получается сорокъ два, то старосты должны были

имѣть во главѣ шесть апостоловъ и тогда дѣйствительно получалось требуемое число 48. Пять шестовъ „поддерживавшихъ всѣ брусья“ означали остальныхъ пять апостоловъ (къ счастью въ то время, когда появились всѣ эти толкованія двѣнадцатый апостоль еще не былъ избранъ); но и при этомъ они все-таки не было особенно точны: пять шестовъ поддерживали только двадцать брусьевъ на одной сторонѣ скинии, а остальные двадцать шесть на другой и третьей сторонѣ поддерживались еще десятию шестами; кромѣ того въ скинии былъ еще „внутренній шестъ“ (Исходъ XXXVI, 31 — 33). Пять столбовъ (Исх. XXXVI, 38) при входѣ въ скинію означали пять евангелистовъ ³⁵⁾. Они были главными евангелистами. Кромѣ нихъ были избраны еще шестьдесятъ евангелистовъ которые должны были соответствовать шестидесяти столбамъ внѣшняго двора скинии (Исх. 27, 9—13 ³⁶⁾). Діаконы должны были соответствовать „двумъ шипамъ съ цоколями у каждой деки“ ³⁷⁾.

Такимъ образомъ въ соответствіе всѣмъ этимъ и подобнымъ толкованіямъ, а равно и вслѣдствіе указанныхъ практическихъ потребностей было избрано для всѣхъ семи лондонскихъ церквей по ангелу и ангелу помощнику, по шести старостъ и по шести старостъ помощниковъ и т. д. и со времени избранія ихъ началъ устанавливаться въ сектѣ „совершенный“ порядокъ, который долженъ былъ служить образцомъ для всѣхъ другихъ конгрегацій, появлявшихся и внѣ Лондона. Рано или поздно опредѣлилось и нормальное количество тѣхъ лицъ, которыя должны были служить для духовнаго назиданія, утѣшенія и управленія вѣрующихъ въ каждой конгрегаціи. Миллеръ указываетъ, что нормальное количество духовныхъ лицъ которое полагалось въ каждой конгрегаціи или проре, приходѣ, состоящемъ изъ 3000 человекъ было таково:

Ангель съ ангеломъ-помощникомъ	2
Шесть старостъ съ помощниками	12
Шесть пророковъ съ помощниками	12

Norton, 140, 141; срвн. The Tabernacle. Miller, II, 398—403.

³⁶⁾ Norton. 139.

³⁷⁾ Орловъ, «Прав. Обзоръ. февр., 1876 г. стр. 248.

Шесть евангелистовъ съ помощниками	12
Шесть пасторовъ съ помощниками.....	12
Семь діаконовъ съ помощниками.	14
<hr/>	
Итого....	64 ^{*)} .

Двѣнадцать апостоловъ не входятъ въ это исчисленіе, такъ какъ дѣятельность ихъ не ограничивается конгрегаціями, а простирается на всю вселенную,—они суть „главы вселенской церкви“. Но и безъ нихъ нормальное число духовныхъ лицъ для каждой конгрегаціи, какъ видно, слишкомъ велико. Какъ оно велико, можно видѣть изъ того, что въ нашихъ на примѣръ русскихъ приходахъ, такъ-называемыхъ „двухкомплектныхъ“, число духовныхъ лицъ обыкновенно не превышаетъ семи, предполагая, что эти приходы имѣютъ не менѣе 2—3 тысячъ душъ. Разумѣется на поддержаніе существованія такой многочисленной спиритуальной іерархіи не хватило бы всѣхъ средствъ и сумасброднаго Друммонда. Поэтому очень скоро по ея установленіи (въ 1835 г.) обращено было вниманіе на другой источникъ доходовъ который и служить до настоящаго времени въ качествѣ главнаго и едва ли не единственнаго источника. Это—Tithes, „десятины“ или десять процентовъ ежегоднаго дохода, получаемаго каждыиъ вѣрующимъ. Въ 1849 и 1858 году явились о десятинахъ цѣлыя „положенія“ которыя въ виду важности ихъ для нашихъ петербургскихъ вѣрующихъ, избираемыхъ существующими въ Петербургѣ, кажется на Сергіевской улицѣ, ирвингіанами, мы помѣщаемъ цѣликомъ въ концѣ нашего изслѣдованія. Здѣсь нѣтъ нужды поэтому говорить о „десятинахъ“ подробно, а достаточно только сказать, что если секта и придаетъ своему обiranію спиритуальный характеръ, однако „десятины“ взыскиваются съ вѣрующихъ очень строго и спиритуальная іерархія въ этомъ отношеніи говорятъ даже неумолима...

Хотя содержаніе массы спиритуальныхъ іерарховъ и стоитъ дорого, однако если вѣрить доктору Нортону вѣрующіе получаютъ отъ этого несомнѣнныя, и притомъ несомнѣнно спиритуальныя, выгоды. Докторъ Нортонъ объясняетъ это на примѣрѣ.

*) Mill. II; 53, срв. прилож. въ концѣ «Положенія о десятинахъ»; также Die eine, heilige, katholische und apostolische Kirche von H. Drummond. Basel, 1860. S. 13.

Положимъ говорить оъ какая-нибудь женщина заболѣеть. Къ ней сейчасъ является діаконисса, которая подаетъ ей всевозможную помощь, разумется въ предѣлахъ предоставленной этой діакониссѣ власти. Если больная женщина терпитъ недостатокъ въ чемъ-либо матеріальномъ, къ ней является діаконь для помощи или совѣта который, если нужно, совѣтуется объ этомъ съ семью діаконами. Если у больной женщины лежитъ что-нибудь на совѣсти или если она мучается отъ какой-нибудь внутренней скорби, она отдается на попеченіе пастора для утѣшеній, ободренія и молитвъ за нее; а если нужно, то и для отпущенія грѣховъ. Если по невѣжеству или вслѣдствіе грѣха, она плохо знакома съ Евангелиемъ то евангелистъ научаетъ ее снова первымъ началамъ Христова ученія и сообщаетъ въ чемъ заключается надежда нашего призванія. Если она получила или воображаетъ, что получила даръ пророчества или какія-нибудь откровенія, то пророкъ помогаетъ узнать, хороши они или худы, сохранить или отвергнуть ихъ. Если встрѣтитъ она какое-нибудь затрудненіе относительно доктрины или дисциплины, то поручается попеченію старостъ которые во время опасной болѣзни молятся за нее и помазываютъ масломъ во имя Господне. Если и всѣ эти „министры“ не могутъ помочь, является къ ней на помощь ангель, который, если нужно, совѣщается съ апостоломъ, а апостоль, если нужно, предлагаетъ дѣло на разсмотрѣніе *собора*. Когда дѣло будетъ обсуждено во всѣхъ этихъ инстанціяхъ, то его поворачиваютъ назадъ и оно, „если нужно“, проходитъ чрезъ тѣ же инстанціи, пока не достигнетъ больной физически или въ спиритуальномъ смыслѣ женщины. Если она нуждается въ какой-нибудь церковной цензурѣ, то около нея стоитъ діаконисса которая старается принять въ этой цензурѣ участіе и смягчить ея строгость ³⁹⁾).

Такимъ образомъ душа и тѣло каждой больной женщины раздѣляются какъ бы по частичкамъ и для каждой частички есть особая специальная должность въ спиритуальной іерархіи и есть представитель каждой должности который не можетъ соваться въ непринадлежащую ему частичку, даже еслибы это было и „нужно“. Слѣдствіемъ подобнаго положенія дѣла является въ

³⁹⁾ Norton, 119, 120.

сектъ страшный механизмъ въ обращеніи съ вѣрующими, отсутствіе живаго, человѣческаго съ ними обхожденія которое имѣло бы въ виду не отдѣльныя частички человѣческой души и тѣла, а всего, цѣлаго человѣка...

Сейчасъ только упомянуто о соборѣ который установленъ въ сектѣ и съ которымъ совѣщаются даже апостолы. Онъ есть (или лучше былъ) высшее церковно-правительственное ирвингианское учрежденіе. Онъ былъ установленъ вскорѣ послѣ откровенія „таинственнаго значенія скиннѣ“ и во всякомъ случаѣ не позже 1836 года, назывался „соборомъ Сіона“ или и просто „Сіономъ“ и „іерусалимскою стѣною“ и состоялъ изъ апостоловъ, пророковъ, ангеловъ, пасторовъ, старостъ и проч. семи лондонскихъ церквей. Обсужденію его подлежали всѣ важныя церковныя дѣла; онъ собирался обыкновенно однажды въ мѣсяцъ, въ „четвертый вторникъ“ каждаго мѣсяца ⁴⁰⁾. Порядокъ совѣщаній происходилъ слѣдующимъ образомъ. Когда предметъ совѣщанія достаточно былъ опредѣленъ, то 5 апостоловъ слѣдовавшіе по рангу за первымъ апостоломъ предлагали собранію „общіе принципы“, на основаніи которыхъ могло быть рѣшено дѣло. Послѣ этого пять первыхъ евангелистовъ объясняли собранію приложеніе „общихъ принциповъ“ къ разсматриваемому на соборѣ частному случаю. Затѣмъ старосты обсуждали все дѣло и ихъ обсужденіе было „резюмируемо“ семью ангелами. Когда это резюме было выслушано соборомъ, то всѣ ждали, не скажутъ ли чего пророки, имѣвшіе мѣсто на соборѣ. Пророки иногда подавали голоса, а иногда дѣло обходилось и безъ нихъ. Окончательное рѣшеніе дѣлалось апостолами чрезъ старшаго апостола или въ тотъ же день, тотчасъ послѣ совѣщанія, или при какомъ-нибудь удобномъ случаѣ послѣ. Это рѣшеніе санкціонировалось пророками, которые давали свою санкцію или „отъ духа“ или же просто отъ собственного чрева, иногда на той же, а иногда на слѣдующей сессіи. Въ составъ собора не входили діаконы; но они могли имѣть не прямое, а косвенное участіе въ его засѣданіяхъ, сообщая его членамъ о нуждахъ народа и церкви. Шестьдесятъ евангелистовъ, обязанные проповѣдывать евангеліе, участвовали въ соборныхъ засѣданіяхъ только тогда, когда

⁴⁰⁾ Mill. I, 172.

дѣло шло собственно о проповѣди евангелія. Въ такомъ случаѣ совѣтъ старость былъ „резюмируемъ“ не ангелами, а пятью старшими евангелистами ⁴¹⁾).

Мы можемъ конечно отдать полную справедливость устройтелямъ этого почтеннаго лондонскаго „Сіона“ и „іерусалимской стѣны“ и сказать, что всякое дѣло, въ „Сіонѣ“ поступающее, будучи проведено чрезъ массу спиритуальныхъ „каналовъ“ (channels), должно было рѣшаться очень основательно. Вообще, соглашаясь съ докторомъ Нортономъ при наблюденіи всей спиритуальной іерархіи „издали“, мы должны сказать, что „ни въ какой церкви не устроено такой прекрасной и состоятельной дисциплины относительно различныхъ должностей, обладающихъ такимъ достоинствомъ,—здѣсь существуетъ такая симметрія въ цѣломъ, что всякій, кажется, можетъ наблюдать даже движеніе различныхъ членовъ іерархіи при отправленіи ихъ обязанностей“ ⁴²⁾).

Однако, несмотря на всю наблюдаемость „движеній“ првингянской іерархіи и несмотря на всю ея симметричность, въ ней было кое-что и не ладное. Къ разсмотрѣнію этого предмета мы теперь и обратимся.

Еслибы при входѣ во святое святыхъ еврейской скиніи было поставлено не четыре, а пять столбовъ и еслибы апостоль не сказалъ просто, что Богъ „поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями“ (Еф. IV, II) а прибавилъ бы: „иныхъ ангелами“, то всѣ недоразумѣнія кончились бы сами собою: священство тогда было бы не „четверичное“, а „пятеричное“ и даже можетъ-быть „шестеричное“. Но такъ какъ столбовъ было четыре, а апостоль не упомянулъ объ ангелахъ, то послѣднихъ и не знали куда присовокупить, къ высшему ли рангу—апостольскому или же къ пастырямъ и учителямъ,—низшему. Понятно, что о присовокупленіи ихъ къ пророкамъ и евангелистамъ не могло быть и рѣчи, потому что это дѣло было вовсе не подходящее. Такимъ образомъ ангелы сдѣлались какими-то межеумками въ „четверичной“

⁴¹⁾ Norton, 141, 142: Mill. 172, 173: Орловъ. «Правосл. Обзоръ» 1876, стр. 247—249

⁴²⁾ Рр. 118. 119.

спиритуальной іерархіи. Но и это обстоятельство не могло бы имѣть большаго значенія, еслибы однимъ изъ первыхъ ангеловъ не сдѣлался Ирвингъ который, несмотря на всѣ свои униженія со стороны верховнаго апостола не могъ все-таки понять, что его достоинство въ качествѣ ангела могло быть ниже апостольскаго. Это повело ко многимъ коллизіямъ апостола и ангела и даже ко многимъ „бурнымъ переворотамъ“ въ сектѣ, происходившимъ конечно совершенно секретно отъ постороннихъ глазъ и сдѣланнымъ известными только благодаря нѣкоторымъ злымъ языкамъ, но и то не вполне.

Практически вопросъ объ отношеніяхъ ангела къ апостоламъ рѣшался въ пользу послѣднихъ. Иначе и быть и не могло, когда апостолами сдѣлались мистеръ Кардэль и самъ мистеръ Друмондъ. Особенно первый вовсе не былъ склоненъ слѣдовать какимъ-либо теоретическимъ разсужденіямъ о высотѣ званія ангела церкви, и принявъ въ свои руки апостольскую власть, очень скоро могъ поставить ее на степень, на которой „конкуренція“ ангела съ апостоломъ была совершенно невозможна. Но Ирвингъ фантазировалъ. Мы уже видѣли, что при первомъ появленіи апостольства онъ втайнѣ не могъ согласиться на признаніе за Кардэлемъ апостольской власти. Дальнѣйшее его поведеніе относительно апостольства было нисколько не лучше. Именно онъ хотѣлъ сначала просто „игнорировать“ новыхъ апостоловъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ хотѣлъ руководствоваться своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ и не допускать вмѣшательства апостоловъ въ дѣла своей конгрегации ⁴³⁾. Онъ ожидалъ при этомъ еще болѣе сильнаго обнаруженія спиритуальной силы въ средѣ вѣрующихъ чѣмъ какое было прежде, ожидалъ „крещенія огнемъ“ и перенесенія на воздухъ къ мѣсту своего служенія, какъ это случилось съ діакономъ Филиппомъ послѣ обращенія евнуха (Дѣян. XIII, 39). Понятно, что все это и подобное такъ и осталось одной мечтой.

Чѣмъ больше проявляли свою власть въ общинѣ апостолы, тѣмъ дальше шло и дѣло униженія Ирвинга. Въ 1833 году онъ уже повидимому сдѣлалъ значительную уступку апостоламъ и призналъ, что если ангелъ и не выше апостола, то по крайней

⁴³⁾ Орловъ, «Прав. Обзоръ» 1875, стр. 472.

мѣръ равенъ ему. Въ одномъ письмѣ, датированномъ отъ 30-го апрѣля 1833 г., къ одному изъ своихъ знакомыхъ Ирвингъ утверждаетъ, что „апостоль выше ангела церкви, а ангель церкви выше апостола“. Хотя это положеніе и напоминаетъ слова Шекспира: „Макбета меньше ты, хотя и больше“, однако мы не можемъ все-таки понять его своимъ „плотскимъ“ разумомъ, при неимѣннй разума „спиритуальнаго“. Ирвингъ это чувствуетъ и объясняетъ шотландцамъ (а чрезъ нихъ и намъ): „вы, шотландцы, можете ли понять сіе своимъ плотскимъ разумомъ. Предоставляю вамъ и это противорѣчіе назвать ересью (намекъ на ученіе о грѣховности плоти Христа). Ангель церкви выше апостола, а апостоль выше ангела церкви. Сказано: „первѣ апостоловъ“ (1 Кор. XII, 28) etc. и потомъ: „искусилъ еси глаголющаяся быти апостолы, и не суть, и обрѣлъ еси ихъ ложныхъ“ (Ап. II, 2). Теперь я спрошу: повелѣлъ ли Иисусъ написать свои посланія къ апостоламъ церквей или къ ангеламъ церкви? Чрезъ кого онъ повелѣлъ написать эти посланія? Не чрезъ апостола ли онъ сіе сдѣлалъ? Такъ и я получаю для себя чрезъ апостола наставленіи; но когда я получу ихъ, то апостоль долженъ первый имъ повиноваться, и я долженъ заботиться] чтобы онъ дѣлалъ сіе,—если только онъ не захочетъ возсѣсть на сѣдалище нашего общаго Учителя, Который одинъ совершенъ въ Самомъ Себѣ, а всѣ Его служители суть жалкіе черви, бесполезные,—которые всегда тяжело оскорбляютъ того, кого онъ сдѣлалъ Своею благодатію и милостію всегда достойнымъ, повинующимся и незлобивымъ“⁴⁴).

Но и эта доктрина о томъ, что „ангель церкви выше апостола, а апостоль выше ангела церкви“ причинила Ирвингу много неприятностей отъ верховнаго апостола. Поэтому Ирвингъ „дѣлался все болѣе и болѣе одинокимъ (isolated) въ маленькомъ мірѣ, руководимомъ экстатическими изреченіями, въ средѣ котораго было ежедневное развитіе. Въ формальныхъ отчетахъ оффиціальной „Хроники“ есть смутныя извѣстія, что въ немъ происходили бурные перевороты, къ которымъ благочестивая душа Ирвинга относилась съ печалью и горечью. Онъ долженъ былъ получать даже наставленія въ своей новой должности ангела которую сначала не ставилъ выше должности пресвитеріальнаго пастора. Онъ дол-

⁴⁴) Mrs. Oliph. II, 334.

женъ былъ понять, что со времени учрежденія апостольтва дѣлать заключенія изъ пророческихъ словъ или руководить пророками на основаніи своего авторитета уже перестало быть его обязанностью. Наоборотъ и по идеѣ и на практикѣ онъ долженъ былъ ожидать во всѣхъ случаяхъ рѣшенія апостола и послѣдній всегда произносилъ сужденіе относительно словъ, сказанныхъ Ирвингомъ народу, а это причиняло великую печаль и смущеніе и ему самому и народу“⁴⁵⁾). Ирвингъ наконецъ понялъ свою ошибку, — понялъ, что считать себя равнымъ апостолу ни въ какомъ случаѣ невозможно.

Кардэль между тѣмъ проявлялъ въ общинѣ все большую и большую власть. Чтобы избавиться отъ всѣхъ идіальныхъ стремленій Ирвинга, онъ задумалъ просто на просто его *выжечь* и удалить изъ Лондона. Случай къ этому скоро представился. Въ Эдинбургѣ появились языки; но вѣрующіе, по причинѣ вмѣшательства дьявола находились тамъ въ большомъ затрудненіи. Это обстоятельство и было предлогомъ для отправленія Ирвинга въ Шотландію,—онъ долженъ былъ устроить и привести въ порядокъ дѣла образовавшейся въ Эдинбургѣ спиритуальной конгрегаціи. Ирвингъ отправился туда въ январѣ 1834 года и устроилъ тамъ всѣ дѣла, а затѣмъ опять все-таки возвратился въ Лондонъ.

Спустя мѣсяць послѣ его возвращенія, въ Шотландію отправились Кардэль и Друммондъ и рукоположили въ Эдинбургѣ въ ангелы нѣкоего Тэта (Tait). Они посѣтили въ это время еще Гринокъ, послѣ чего м-ръ Друммондъ въ апрѣлѣ возвратился въ Лондонъ, а Кардэль, сопровождаемый пророкомъ и евангелистомъ, посѣтилъ Глесго, Пайслей, Киркудбрайтъ и другія мѣста рукополагая на своемъ пути іерарховъ⁴⁶⁾).

Будучи въ Лондонѣ, Ирвингъ въ свою очередь и самъ задумалъ воспользоваться отсутствіемъ верховнаго апостола. Именно вмѣстѣ съ Таплиномъ они рукоположили *шестьдесятъ* евангелистовъ и столько же ихъ помощниковъ⁴⁷⁾). Были ли это тѣ самые шестьдесятъ евангелистовъ которые соотвѣтствовали 60 стол-

⁴⁵⁾ Mrs. Oliph. II, 363, 364.

⁴⁶⁾ Mill. I, 141.

⁴⁷⁾ Ibid.: Köhler, 91, 92.

бамъ внѣшняго двора скиини о которыхъ мы говорили. сказать не можемъ; извѣстно только, что путешествующій въ Шотландіи Кардэль прислалъ въ Лондонъ письмо въ которомъ содержались грозные упреки Ирвингу и Таплину за самоволіе, говорилось, что оба они были оболщены и дѣйствовали подъ вліяніемъ сатаны. Имъ было приказано тотчасъ же отрѣшиться шестьдесятъ евангелистовъ съ помощниками отъ ихъ должностей и сказать имъ, что все сдѣланное съ ними есть только ноль. Ирвингъ долженъ былъ повиноваться ⁴⁸⁾).

Дѣйствія Кардэля по отношенію къ другимъ членамъ іерархіи обнаруживали не менѣ этого случая его сильную власть въ церкви. Такъ однажды онъ заставилъ молчать въ церкви двухъ пророковъ за то, что одинъ изъ нихъ хотѣлъ пророчествовать въ то время, когда апостоль самъ намѣренъ былъ что-то сказать, а другой произносилъ какія-то льстивыя слова ему, верховному апостолу. Еще одинъ пророкъ былъ отрѣшенъ отъ пророческой должности на нѣсколько мѣсяцевъ съ запрещеніемъ причащаться за то, что самовольно призвалъ одного изъ старостъ къ апостольству. Пророчицы также съ теченіемъ времени отрѣшены были отъ своихъ должностей всѣ поголовно. Впрочемъ это сдѣлано было вполне справедливо. „Пророчицы, предъ произнесеніемъ пророчествъ, большею частію подвергались страшнымъ конвульсіямъ, не только лица, но и всего тѣла и казалось страдали какъ бы отъ самыхъ жестокихъ пытокъ. Эти конвульсіи были такъ сильны, что даже ангелъ не могъ сидѣть спокойно и видѣть ихъ продолженіе, но вставалъ и вѣжливо приглашалъ пророчицъ перестать, или оставить свои тѣлодвиженія, кривлянія и всякое экстравагантное дѣйствіе и отдаться вполне только глаголающему чрезъ нихъ духу. Но его увѣщанія были исполняемы только отчасти“ ⁴⁹⁾). Не даромъ докторъ Нортонъ говоритъ, что женщины не получили никакихъ должностей въ новой спиритуальной іерархіи, кромѣ должностей діаконовъ...

Пребываніе въ такомъ кружкѣ сдѣлалось тяжело даже для самого Ирвинга. Онъ не могъ видѣть, какъ апостоль проявлялъ свою неограниченную власть, и самъ началъ искать случая уйти

⁴⁸⁾ Miller, 142.

⁴⁹⁾ Ibid. 143, 144.

подалше отъ этого зачумленнаго сумасшедшаго дома въ которомъ находился. Дѣйствительно въ сентябрь 1834 года онъ оставилъ Лондонъ съ тѣмъ, чтобы никогда въ него не возвращаться. Въ это время, несмотря на то, что ему было съ небольшимъ сорокъ лѣтъ, онъ былъ уже сѣдъ и казался старикомъ. На щекахъ игралъ чахоточный румянецъ. Однако достигнувъ и такого почтеннаго возраста, при своей тяжелой болѣзни, онъ не могъ освободиться отъ своей прежней страсти блистать и фигурировать. Его путешествіе въ Шотландію „верхомъ на лошади“, описанное имъ самимъ, представляется цѣлою величественною эпопеей...⁵⁰⁾ Кажется, только во время этого путешествія онъ созналъ вполне свою ошибку, заключающуюся въ препрательствахъ съ апостолами, и на его душѣ лежитъ теперь тяжкій „грѣхъ“, — „грѣхъ раскола“ (the guilt of schism), церковнаго раздѣленія, церковныхъ распрей, въ которомъ онъ и кается въ своихъ письмахъ, посланныхъ въ Лондонъ своему любимому стаду изъ Шотландіи⁵¹⁾. 8 декабря 1834 года Ирвингъ померъ и былъ похороненъ въ одномъ изъ склеповъ Глесговскаго собора.

Читатель можетъ теперь кстати спросить: кто же былъ въ самомъ дѣлѣ основателемъ секты, Ирвингъ или Друммондъ, или же еще кто-нибудь? Имѣлъ ли Ирвингъ какихъ-нибудь послѣдователей? Принадлежали ли они именно ему, или же кому-нибудь другому?

Намъ кажется, что всѣ эти вопросы не имѣютъ особеннаго какого-нибудь значенія. Во всякомъ случаѣ это суть вопросы *о чести*. Мы охотно предоставляемъ эту честь и Друммонду и Ирвингу и еслибы нашлось еще нѣсколько Друммондовъ и Ирвинговъ которые заявили бы свои претензіи на роль главныхъ дѣятелей или основателей секты, то и имъ безъ всякаго спора и охотно мы предоставили бы эту честь...

Гораздо важнѣе для насъ вопросъ о томъ, были-ли установлены точно и какія именно отношенія ангеловъ церкви къ апостоламъ послѣ смерти Ирвинга. На этотъ вопросъ можно отвѣтить, что были. Именно со временемъ было признано, что ангелы суть главы отдѣльныхъ конгрегацій, между тѣмъ какъ апостолы—

⁵⁰⁾ Mrs. Oliph. II, 378—396.

⁵¹⁾ Ibid. 421 и слѣд.

главы вселенской церкви. Въ этомъ смыслѣ каждому ангелу былъ усвоенъ эпитетъ председательствующаго (presiding). Чѣмъ больше значенія прибрѣталъ ангелъ въ сравненіи съ подчиненными ему іерархами, т.-е. евангелистами, пастырями и учителями, тѣмъ больше слѣдовательно возвышались и апостолы. У доктора Нортонъ встрѣчаемъ мысль, что ангелъ церкви есть *тоже, что епископъ*: должность ангела есть высшая и совершеннѣйшая форма епископства. „Она соотвѣтствуетъ первосвященству Аарона во второстепенномъ и ограниченномъ смыслѣ“. Это значить, что для апостоловъ былъ прообразомъ Моисей. Питая полное отвращеніе ко всему, что напоминаетъ главенство папы надъ церковью, секта признаетъ, хотя и чисто формальнымъ образомъ, І. Христа своимъ единымъ Главою. „Нашъ Господь Иисусъ Христосъ,—говоритъ докторъ Нортонъ,—есть единый Первосвященникъ вселенской церкви, единый Ангелъ Завѣта; двѣнадцать же апостоловъ суть старѣйшины вселенской церкви (the elders of the Universal Church) подобно шести старѣйшинамъ въ каждой частной церкви. Но хотя нѣтъ и не можетъ быть другой главы въ католической церкви, кромѣ одного Господа, намъ указано, что въ каждой отдѣльной церкви есть и можетъ быть главный пасторъ или ангелъ, какъ представитель и намѣстникъ Ангела всей церкви, имѣющій подъ своимъ начальствомъ шесть старцевъ, которые приводятъ въ исполненіе его рѣшенія и участвуютъ въ управленіи и надзорѣ, подобно апостоламъ Господнимъ. Различіе между апостолами и ангелами такимъ образомъ дѣлается яснымъ: первые председательствуютъ во вселенской церкви; вторые (большою частію,—потому что между ними есть и еще подраздѣленія), подобно тѣмъ, къ кому писалъ апостолъ Іоаннъ, суть главы мѣстныхъ конгрегацій, руководители ихъ богослуженія и возносители о нихъ ходатайства“⁵²⁾.

Впрочемъ хотя апостолы и суть главы вселенской церкви, но съ точки зрѣнія послѣдователей Ирвинга, усвоенной въ позднѣйшее время, церковь должна вся называться апостольскою, а не церковью только 12 мужей. Такое ученіе было слѣдствіемъ теоріи о такъ-называемомъ всеобщемъ священ-

⁵²⁾ 113, 114.

ствѣ, свойственной особенно пресвитеріанамъ. „Мы научены, говорить тотъ же авторъ,—что священство принадлежит не только однимъ іерархамъ, но и всей церкви (the whole church is priestly), какъ тѣлу Христову; служители Христа суть только орудія, чрезъ которыхъ Онъ отправляетъ свои первосвященническія функціи“⁵³⁾.

Объ отношеніяхъ апостоловъ къ другимъ членамъ іерархіи, пророкамъ, евангелистамъ, пастырямъ и учителямъ, а равно и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ послѣднихъ врядъ-ли нужно что-нибудь говорить, такъ какъ это ясно изъ самыхъ названій этихъ должностей: пророки должны были пророчествовать, евангелисты—проповѣдывать Евангеліе необращеннымъ или обращеннымъ только отчасти, пастыри и учителя (въ среду которыхъ входятъ и старосты) должны были служить въ качествѣ пасторовъ,—учить или управлять. Только относительно пророковъ можно замѣтить, что они мало-по-малу занимали подчиненное положеніе, дѣлались ниже апостоловъ, какъ это ясно и изъ сказаннаго. Оправдывая такое положеніе пророковъ теоретически или *догматически*, секта впадаетъ въ ересь. Именно подчиненное положеніе пророковъ зависитъ отъ того, что Христосъ, какъ Богочеловѣкъ, *выше Святаго Духа въ Своей церкви*, которая есть Христово тѣло. „Очевидное доказательство этого, говоритъ Нортонъ, заключается въ томъ, что апостольство изображаетъ собою главенство человѣка І. Христа; между тѣмъ пророчество есть говореніе Св. Духа; на этомъ и основывается главенство апостоловъ, которое не есть нѣчто произвольное, но проистекаетъ изъ главенства Іисуса и служебнаго подчиненія Ему Св. Духа, какъ единому Главѣ Его тѣла церкви“⁵⁴⁾. Другія, указываемыя докторомъ Нортонемъ, различія апостоловъ отъ пророковъ не особенно важны. Такъ различіе между ними есть между прочимъ различіе „урима и туммиа,—символовъ первый свѣта, а второй—суда. Соотвѣтственно этому обязанность пророка просвѣщать (to enlighten), а обязанность апостола разумѣвать (to discern) и произносить свое сужденіе. При этомъ можетъ случиться, что апостолъ будетъ говорить подъ вліяніемъ сверхъестественнаго и какъ бы пророческаго импульса,

⁵³⁾ Ibid. 136, 144.

⁵⁴⁾ P. 127.

а пророкъ будетъ говорить подобно обыкновенному человѣку. Обратное есть только обыкновенный и какъ бы нормальный способъ ихъ дѣятельности“⁵⁵⁾.

Когда послѣ вышеизложенныхъ ординацій и реординацій комплектъ ирвингянскихъ іерарховъ пополнился, то апостолы были „отдѣлены“ отъ прочихъ іерарховъ на нѣсколько времени. Дѣло было такъ.

Согласно пророчеству Бакстера, отъ 14 января 1832 года должно было пройти 1260 дней, когда Господь Иисусъ имѣлъ явиться во славу; „живые святые будутъ восхищены для встрѣчи Его; умершіе святые воскреснутъ и надъ міромъ будетъ произведенъ судъ въ назначенное время, послѣ чего настанетъ тысячелѣтнее царство“. Это пророчество основывалось на 3 стихѣ XI главы Апокалипсиса и было повторяемо весьма часто и все „съ болѣе широкимъ приложеніемъ“⁵⁶⁾ пророками.

Тысяча двѣсти шестидесятый день совпадалъ съ 14 іюля 1835 года. Апостолы получили приглашеніе собраться въ Лондонъ за недѣлю до этого срока, 7 іюля, вмѣстѣ съ ангелами семи лондонскихъ церквей, и тамъ недѣлю ожидать, „что Господь въ концѣ этого времени исполнитъ Свое обѣщаніе“. Апостолы такъ и сдѣлали, кромѣ „Иуды предателя“, Давида Дау, который своимъ поступкомъ, рассказаннымъ выше, ставилъ ихъ всѣхъ въ виду приближенія 14 іюля въ самое критическое положеніе. Когда, послѣ поспѣшнаго избранія Мэкензи число апостоловъ сдѣлалось полнымъ, ангелы семи лондонскихъ церквей возложили на апостоловъ свои руки (это впрочемъ не было „ординаціей“) въ знакъ того, что они формально отдѣляются на дѣло апостольства, подобно тому какъ апостолы Павелъ и Варнава были отдѣлены пророками и учителями антиохійской церкви на апостольское служеніе (Дѣян. XIII, 2, 3). Другіе присутствовавшіе при этой церемоніи ангелы были свидѣтелями, отъ которыхъ потребовано было согласіе и участіе въ совершеніи „священнаго акта“ отдѣленія апостоловъ. Такимъ образомъ при многихъ благословеніяхъ и пѣсняхъ радованія апостолы были отдѣлены (separated)⁵⁷⁾.

⁵⁵⁾ Ibid.

⁵⁶⁾ Mill. I, 156.

⁵⁷⁾ Norton, 133.

Впрочемъ читатель не долженъ думать, что послѣ этого отдѣленія апостолы дѣйствительно были восхищены на воздухъ и встрѣтили Господа. Нѣтъ, они просто отправились въ Альбюри „на двѣнадцать мѣсяцевъ“, гдѣ должны были заняться выработкою различныхъ важныхъ положеній, касающихся внутренняго и внѣшняго устройства секты⁵⁸⁾. Въ Альбюри для ихъ засѣданій была выстроена особая „соборная церковь“; а въ ней былъ поставленъ „додекаэдръ“, т.-е. столъ съ двѣнадцатью углами и мѣстомъ для каждаго апостола, въ пустой срединѣ котораго помѣщались писцы. Около стѣнъ устроены были сѣдалища для пророковъ, которые отправились въ Альбюри также на „двѣнадцать мѣсяцевъ“ и для другихъ присутствовавшихъ⁵⁹⁾.

Докторъ Нортонъ утверждаетъ, что отправившись въ Альбюри, апостолы показали этимъ церкви примѣръ „самопожертвованія“ (self-sacrifice)⁶⁰⁾. Въ чемъ оно заключалось, неизвѣстно; вѣроятно же всего предположить, что оно заключалось только въ „сидѣніи“ и „совокупномъ жителствѣ“ „въ теченіи двѣнадцати мѣсяцевъ“, въ чтеніи Библии отъ начала до конца и постоянной молитвѣ, въ оставленіи всѣхъ другихъ занятій и только въ случайномъ посѣщеніи церквей. Какъ ни трудны были всѣ эти занятія, все-таки не легко повѣрить доктору Нортону, что отправившись въ Альбюри апостолы дѣйствительно намѣрены были совершить и совершили какое-либо „самопожертваніе“..

VII.

Просвѣщеніе язычниковъ.

Пока апостолы и пророки занимаются выработкою различныхъ важныхъ результатовъ и проводятъ время въ гостеприимномъ домѣ м-ра Генри Друммонда, дадимъ мѣсто нѣкоторымъ размышленіямъ, которыя не представляются лишними интереса.

Мы перенесемъ на ту сторону Атлантическаго океана, въ Америку, и посмотримъ, что дѣлалось тамъ одновременно съ появленіемъ пророческихъ дарованій въ Шотландіи и Англіи.

⁵⁸⁾ Norton, 134.

⁵⁹⁾ Miller, I, 168.

⁶⁰⁾ Norton, ib.

Одинъ изъ величайшихъ бездѣльниковъ и негодяевъ, какіе были когда-либо извѣстны, Іосифъ Смитъ въ одно и тоже время съ Ирвингомъ основалъ свое „духовное христіанство“ среди невѣжественной и грубой части жителей Сѣверной Америки. Имѣло ли это смитовское „духовное христіанство“ какое-либо сходство съ „духовнымъ христіанствомъ“ Ирвинга и его послѣдователей? Въ этомъ и заключается интересующій насъ вопросъ.

Мы уже имѣли случай проводить аналогіи между Ирвингомъ и Іосифомъ Смитомъ. Теперь скажемъ, что однѣми указанными аналогіями мы не можемъ ограничиться.

Центръ тяжести всей дѣятельности Ирвинга и его послѣдователей заключался въ основаніи „духовнаго христіанства“. Къ понятію о такомъ христіанствѣ они пришли, какъ мы видѣли, путемъ отрицанія всѣхъ существующихъ христіанскихъ религій и вѣроисповѣданій и не только ихъ, но и всего, на чемъ они основываются, Библии, таинствъ. Много рѣчей и трудовъ отъ членовъ секты потребовалось, чтобы доказать и постороннимъ и самимъ себѣ, что такое отрицаніе вполне правильно и законно, что человѣку въ его религіозной жизни остаются только два исхода, или принятіе духовнаго христіанства или же погруженіе въ бездны идолопоклонства и невѣрія. Іосифъ Смитъ сдѣлалъ тоже самое, только гораздо проще. Начало его реформаторской религіозной дѣятельности также заключалось въ полномъ отрицаніи не только всѣхъ существующихъ религій, но и Библии и таинствъ; однако объ этомъ онъ не распространялся много, какъ Ирвингъ, а просто *нашелъ золотыя доски*, на которыхъ написаны были какія-то письма и изложено было какое-то темное ученіе. Написанное на золотыхъ доскахъ было переведено на англійскій языкъ и вполне замѣнивъ Библию сдѣлалось *основаніемъ* на которомъ построено было все религіозное зданіе мормоновъ. При этомъ очень характеристично было обстоятельство, что самъ Іосифъ безъ сомнѣнія очень хорошо зналъ, что его золотыя доски были только предлогомъ для порванія связей со всѣми существующими христіанскими вѣроисповѣданіями, что на самомъ дѣлѣ онъ никакихъ переводовъ съ золотыхъ досокъ не дѣлалъ и что слѣдовательно онъ былъ „безчестенъ и лживъ“. Объ этомъ знала и жена Іосифа Смита, и самъ пророкъ Брайамъ Юнгъ и всѣ они единогласно утверждали, что Іосифъ былъ

только „безчестенъ и живъ“. И однако новая религія, построенная на золотыхъ доскахъ, все-таки появилась и ея adeptовъ можно было считать цѣлыми тысячами. Такъ просто было дѣло ея основаніи въ средѣ невѣжественныхъ и полудикихъ массъ! Но въ Англіи подобнымъ образомъ основать какую-нибудь новую религію было нельзя; тамъ потребовалась для этого громадная ученость, какъ бы ни была она фиктивна, громадное краснорѣчіе, множество изслѣдованій и съ юридической, и съ физиологической, и съ какихъ-то другихъ точекъ зрѣнія и все это для доказательства правоты дѣла, которое по своему объему и значенію было въ сущности совершенно равнымъ обрѣтенію золотыхъ досокъ „безчестнымъ и живымъ“ проходимцемъ!

Сходство между ирвингianaми и мормонами не ограничивается одними указанными фактами. Чѣмъ больше мы погружаемся въ исторію той и другой секты, тѣмъ больше находимъ и поразительно сходныхъ фактовъ. Такъ и кажется, что какъ будто два человѣка сговорились между собою провести одни и тѣ же религіозныя идеи въ двухъ совершенно различныхъ и отдаленныхъ одна отъ другой странахъ, съ тѣмъ лишь только различіемъ, что идеи эти были приурочены къ степени пониманія образованныхъ людей и невѣжественныхъ, высшихъ особъ живущихъ въ Англіи, и дикарей живущихъ въ Сѣверной Америкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ у ирвингiana такъ и у мормоновъ есть ожиданіе скорого пришествія Христа, есть аллегорическое и мистическое толкованіе Ветхаго завѣта и приложеніе этого толкованія къ современнымъ событіямъ, есть „святыя послѣднихъ дней“, есть „Сіонъ“ и „спиритуальное“ священство, есть апостолы, пророки, евангелисты, пастыри и учителя, есть духовныя дарованія и сверхъестественныя откровенія. Сходство замѣчается даже и въ самомъ характерѣ и образѣ жизни тѣхъ и другихъ сектантовъ. Такъ напримѣръ о мормонахъ мы знаемъ, что въ нихъ „замѣтно совершенное отсутствіе всякаго юмористическаго дара; говоря френологически, они лишены даже шишки остроумія и юмора или если они и имѣютъ ее, то она не развита и положительно приглушена. Они отъ души смѣются дерзкой шуткѣ или грубой насмѣшкѣ, но оказываются совершенно неспособными оцѣнить рѣзкую сатиру, иронію или тонкую остроту и замѣтить смѣшное въ странномъ сопоставленіи идей. Мормонъ ужасно серьезенъ

и рѣдко бываетъ шутливымъ. Это отчасти слѣдствіе недостатка образованности; вѣрнѣе всего то, что ни одинъ человекъ, способный понять и оцѣнить нелѣпость, никогда не сдѣлался бы мормономъ¹⁾. Мы не можемъ сказать, способны ли ирвингіане понимать только дерзкую шутку или грубую насмѣшку подобно мормонамъ; но что они вообще народъ серьезный и даже, если судить по ихъ сочиненіямъ, угрюмый, что въ своей обыденной общественной и частной жизни они отличаются фарисейскою скромностью и вовсе не замѣчаютъ, что эта скромность совершенно противорѣчитъ ихъ дѣйствительнымъ поступкамъ, — все это и подобное не подлежитъ сомнѣнію. Въ частности относительно самого основателя секты мы уже замѣчали, что онъ не былъ способенъ ни къ какой шуткѣ и всю свою жизнь провелъ только въ „сплетеніи бременъ тяжкихъ и неудобноносимыхъ“ какъ для себя, такъ и преимущественно для другихъ.

Мы знаемъ, что у мормоновъ есть такъ-называемый „духовный бракъ“; знаемъ также въ чемъ онъ и состоитъ. Спрашивается: есть ли такой бракъ у ирвингіанъ?

Отвѣтить на этотъ вопросъ довольно трудно и во всякомъ случаѣ здѣсь нельзя обойтись безъ догадокъ и предположеній. Но если и нѣтъ какихъ-либо положительныхъ и прямыхъ извѣстій о существованіи у ирвингіанъ „духовнаго брака“, и именно такого же какой существуетъ и у мормоновъ, т.-е. полигаміи, то нужно сказать, что къ послѣдней есть у ирвингіанъ *довольно ясно наблюдаемая тенденція*. Чтобы неограничиваться одними гологоловными предположеніями относительно этого предмета, мы раскроемъ книжку профессора Тирша²⁾ и посмотримъ, что въ ней содержится.

Нелишне замѣтить, что профессоръ Тиршъ есть кажется единственный ирвингіанскій писатель, одна книжка котораго уже послужила „къ украшенію страницъ православной богословской литературы“.

Это обстоятельство даетъ намъ право сказать здѣсь нѣсколько словъ о самой этой книжкѣ, прежде чѣмъ вести рѣчь о содер-

¹⁾ Джонъ Бидль, Жизнь мормоновъ въ Ута, С.-Пб. 1872, стр. 179.

²⁾ Христіянскія начала семейной жизни. Соч. Тирша. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1861.

жаемся въ ней ученіи о духовномъ бракѣ. Отличительный ея характеръ какъ и множества другихъ првинціанскихъ книжекъ,— это крайняя пустота и бессодержательность. Мы не знаемъ, для какой цѣли русскіе переводчики или какъ они сами себя называютъ „издатели“ перевели ее на русскій языкъ. Если они своимъ переводомъ хотѣли оказать услугу необразованной части населенія Русской Имперіи, то нужно сказать, что для народнаго чтенія эта книжка совсѣмъ негодится. Всякому простолюдину безъ сомнѣнія будутъ гораздо понятнѣе слова апостола: „мужья, обращайтесь благоразумно съ своими женами, какъ съ сосудомъ слабѣйшимъ, и оказывайте имъ честь, какъ сонаслѣдницамъ животворной благодати“ (1 Петр. 2, 3); или: „кто любитъ свою жену, тотъ любитъ самого себя. Ибо никто никогда не имѣлъ ненависти къ плоти своей, но и питаетъ и грѣтъ ее, какъ Господь Церковь“ (Еф. V, 28, 29); или: „жена да боится своего мужа“ (Еф. V, 33), чѣмъ длинныя и многорѣчивыя разсужденія профессора Тирша, въ которыхъ онъ собственно говоря не высказываетъ ничего больше сказаннаго апостолами и евангелистами въ означенныхъ и другихъ мѣстахъ Новаго Завѣта. Мы не будемъ говорить о томъ, что для простолюдина выраженія: „романтизмъ произошелъ изъ смѣси христіанскихъ элементовъ съ мірскими, и не есть чистое, истинно-христіанское явленіе“³⁾; „исторія Вейнсбергскихъ женщинъ носить на себѣ истинно германскій характеръ“⁴⁾ и множество другихъ совершенно непонятны. Если же „издатели“ намѣрены были доставить пріятное и полезное чтеніе для образованныхъ людей, то нужно сказать, что за внимательное чтеніе книжки профессора Тирша примутся развѣ только одни крайніе любители общихъ мѣствъ. Въ самомъ дѣлѣ, для какого образованнаго человѣка можетъ-быть пріятна, полезна и поучительна хотя бы слѣдующая тирада изъ книжки профессора Тирша: „не слѣдуетъ быть невнимательнымъ къ наружнымъ формамъ обращенія: онѣ служатъ немаловажной поддержкой того взаимнаго уваженія, на которомъ долженъ быть основанъ христіанскій бракъ“, „внимательность супруговъ къ приличію въ каждодневномъ обращеніи другъ съ другомъ ни какъ

³⁾ Стр. 52.

⁴⁾ Стр. 64.

не слѣдуетъ почитать не нужною, скучною или смѣшною. Этого рода приличіе — нисколько не мѣшаетъ задушевности въ обращеніи. Небрежность въ домашнемъ обращеніи, въ одеждѣ и въ рѣчахъ близко граничитъ съ равнодушіемъ и невнимательностію⁵⁾ и т. д.? Въ этой тирадѣ только и попадаются слова: внимательность и невнимательность, небрежность и приличіе, а потомъ опять невнимательность... Сначала профессоръ Тиршъ говоритъ, что не слѣдуетъ быть невнимательнымъ въ обращеніи, а чрезъ нѣсколько строкъ указываетъ, что слѣдуетъ быть внимательнымъ въ обращеніи. Подобными и скучными разсужденіями наполнена вся его книжка.

Мы нѣсколько удалились въ сторону отъ главнаго предмета рѣчи потому, что сочиненіе профессора Тирша, хотя и переведенное на русскій языкъ, не заслуживаетъ подробнаго отдѣльнаго разбора. Сказавъ о ней нѣсколько словъ, мы уже не думаемъ возвращаться къ ея общей характеристикѣ и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію вопроса, какъ учить профессоръ Тиршъ о бракѣ съ котораго и начинается все его пустословіе.

Если не ошибаемся, нельзя найти въ его книжкѣ выраженія „духовный бракъ“: профессоръ Тиршъ довольно остороженъ, чтобы прямо говорить о такомъ бракѣ который существуетъ у мормоновъ. Но у него есть бракъ „въ чистѣйшемъ видѣ“⁶⁾, въ которомъ „физическая сторона подчинена духовной, но не вытѣсняется и не уничтожается ею“⁷⁾. Этотъ бракъ имѣетъ „высшую цѣль“⁸⁾, озаряется „свѣтомъ и святостію высшаго рода“⁹⁾; хотя „физическая сторона повидимому является въ немъ какимъ-то непріятнымъ противорѣчіемъ“¹⁰⁾, однако „соединеніе мушины съ жѣнщиной допускается и между христіанами“¹¹⁾, только непремѣнно „подъ мракомъ ночи“¹²⁾. Можно было бы набрать еще нѣсколькихъ подобныхъ же выраженій въ книжкѣ про-

⁵⁾ Ibid. 68, 69.

⁶⁾ Стр. 88.

⁷⁾ Стр. 11.

⁸⁾ Ibid.

⁹⁾ Стр. 17.

¹⁰⁾ Стр. 19.

¹¹⁾ Стр. 20.

¹²⁾ Ibid.

фессора Тирша. Но мы думаемъ, что и указанныхъ достаточно, чтобы понять, что всѣ они могутъ быть съ удобствомъ произнесены и любимъ мормономъ, имѣющимъ въ своемъ домѣ нѣсколько хозяекъ. Послѣдній тоже вѣдь можетъ сказать, что у него „физическая сторона подчиняется духовной, но не вытѣсняется и не уничтожается ею“ и т. д.

Если истинная и нелицемѣрная мормоническая похотливость прямо, безъ многихъ разсужденій, выразилась у мормоновъ въ установленіи магометанскаго брака, то конечно ирвингіане не дошли, по крайней мѣрѣ теоретически, до открытаго признанія святости брака въ магометанскомъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе этотъ бракъ *долженъ* быть слѣдствіемъ ихъ ученія. Изъ книжки профессора Тирша мы выводимъ заключеніе, что профессоръ связуетъ, подобно Ирвингу, только носима „бремена тяжка и бѣднѣ“ и возлагаетъ ихъ „на плеча человѣческа“ (Мѳ, XXIII, 4). Бремена эти настолько тяжки, что сами русскіе „издатели“¹³⁾, чуть не съ восторгомъ отзывающіеся объ его сочиненіи¹³⁾, тѣмъ не менѣе принуждены были снабдить нѣкоторыя мѣста въ немъ комментаріями, именно тамъ, гдѣ профессоръ „выражается гораздо рѣшительнѣе“¹⁴⁾ насчетъ проповѣдуемой имъ „строгости“ брачныхъ отношеній. Естественнымъ слѣдствіемъ строгаго ученія является невозможность и нежеланіе его выполнить, почему и не напрасно сказалъ Спаситель: „перстомъ же своимъ не хотятъ двигнути ихъ“ (Мѳ. 23, 4) тотчасъ же послѣ упоминанія о „бременахъ тяжкихъ“. Въ человѣческой жизни мы видимъ глубокое оправданіе той истины, что сплетеніе бременъ тяжкихъ и въ то же время нежеланіе перстомъ двигнути ихъ не соединены какою-либо внѣшнею связью, но являются *какъ причина и слѣдствіе*. Такимъ образомъ излишняя строгость ведетъ къ разнузданности,—это дѣло можно назвать даже обычнымъ и всѣмъ знакомымъ.

Мы бы не хотѣли вѣрить разнымъ темнымъ и неопредѣленнымъ газетнымъ слухамъ о гнетѣ, который приходится испытывать въ средѣ ирвингіанъ женщинѣ, о предполагающихся въ средѣ ихъ процессахъ и разводахъ, еслибы всѣ эти слухи такъ-

¹³⁾ См. напр. стр. 4.

¹⁴⁾ Стр. 32, 33.

сказать а ргіогі не получали своего оправданія въ ихъ теоретическомъ ученіи о бракѣ. Женщина ирвингіанка, вступившая въ брачный союзъ съ ирвингіаномъ, терпитъ много отъ страшнаго механизма и отсутствія жизненности въ ученіи ирвингіанъ и потому очень естественно, что время отъ времени и появляются слухи объ ея бурномъ желаніи освободиться отъ узъ, которыя налагаютъ на нее слишкомъ падвіе на „высшія цѣли“ и „высшія начала“ фарисея. Если дѣйствительно таково положеніе женщины у ирвингіанъ, то мы можемъ сказать, что оно ничѣмъ не отличается отъ положенія ея у мормоновъ ¹⁵⁾.

Намъ конечно возразятъ, что профессоръ Тиршъ совершенно опредѣленно защищаетъ единоженство и говоритъ, что „отступление отъ моногаміи есть непремѣнно и нарушеніе стыдливости“ и проч. Мы совершенно согласны съ этимъ. Но позволяемъ себѣ прежде всего спросить, предъ кѣмъ же профессоръ защищаетъ это единоженство? Еслибъ его книжка была написана противъ магометанъ, то намъ было бы совершенно понятно оправданіе единоженства. А то вѣдь профессоръ Тиршъ излагаетъ свои мысли можетъ быть и не предъ особенно строгими христіанами, какимъ является онъ самъ, но все-таки предъ христіанами которые не держатся доктрины о многоженствѣ. Ужь не явилась ли его и защита моногаміи вслѣдствіе того только обстоятельства, что его братья по вѣрѣ не слишкомъ усердно придерживаются въ практической жизни слишкомъ строгихъ правилъ, имъ предлагаемыхъ?

Идемъ дальше. Мы сейчасъ увидимъ, что ученіе объ единоженствѣ въ средѣ ирвингіанъ является не столько слѣдствіемъ ихъ строгихъ принциповъ, сколько слѣдствіемъ обстоятельствъ и необходимости. Изъ нижеслѣдующихъ замѣчаній читатель, надѣемся, съ полною ясностію пойметъ въ чемъ заключается „духовный бракъ“ мормоновъ и ирвингіанъ.

Если существуетъ ясное и близкое сходство между тою и другою сектою, простирающееся даже до мелочей, то нѣтъ сомнѣнія что между ними есть и различіе. Секта мормоновъ основана грубымъ невѣждою, если можно такъ выразиться, грубымъ американскимъ мужикомъ, появилась среди мужиковъ, и потому очень

¹⁵⁾ См. Джонъ Бидль, Жизнь мормоновъ въ Ута, 264—286.

естественно, что она мужицки груба. Секта ирвингіанъ основана въ Англіи, большинство ея членовъ принадлежало и принадлежитъ къ людямъ цивилизованнымъ, основатель ея былъ знакомъ даже съ нѣмецкой философіей Канта, какъ утверждаютъ, говорилъ по-французски, читалъ по-нѣмецки, и перевелъ на англійскій языкъ одну испанскую книгу. Такимъ образомъ отношеніе мормоновъ къ ирвингіанамъ таково же, какое бываетъ у грубой мужицкой семьи къ семьѣ какого-либо цивилизованнаго господина. Часто бываетъ, что въ той и другой семьѣ господствуютъ совершенно одинаковые инстинкты, одинаковыя страсти. Но въ семьѣ мужика эти страсти проявляются грубо, ничѣмъ не сдерживаются. Это мы и видимъ дѣйствительно у мормоновъ. „Оракулъ Іосифъ опредѣлялъ и объяснялъ всякое недоразумѣніе помощью немедленнаго небеснаго откровенія. Но какъ только показывалось красивое лицо женщины, между страстными проповѣдниками новой религіи возникалъ раздоръ и какъ ни покорны они были при установленіи богословскихъ догматовъ въ теоріи, проклятія ихъ дѣлались громки, когда этотъ же самый оракулъ пропозносилъ рѣшеніе въ отношеніи распредѣленія женщинъ между ними“¹⁶). Конечно отъ ирвингіанъ мы не услышимъ громкихъ проклятій при видѣ красиваго лица женщины,—и это по очень простой причинѣ: они—народъ такъ-сказать полированный для котораго формы приличія обязательны, по крайней мѣрѣ наружныя. Это мормоны во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, которые скользятъ по паркету. Но значить ли это, что въ средѣ ихъ не господствуютъ тѣ же инстинкты, тѣ же страсти, какіе мы наблюдаемъ и у дѣйствительныхъ мормоновъ? Мы не думаемъ, чтобы при существованіи у нихъ множества „спиритуальныхъ“ вещей и понятій, у нихъ не было и „духовнаго брака“ и „спиритуальныхъ женъ“. И если профессоръ Тиршъ защищаетъ единоженство, то не дѣлаетъ ли онъ этого только вслѣдствіе того, что въ сравненіи со всякимъ мормономъ онъ можетъ считаться цивилизованнымъ и даже очень ученымъ человѣкомъ?

Такимъ образомъ указанное нами различіе мормоновъ и ирвингіанъ ведетъ опять къ признанію сходства...

¹⁶) Джовъ Бидль, *ibid.* стр. 55.

Но есть между тою и другою сектою и дѣйствительное различіе, которое не ведетъ уже къ признанію никакого сходства. Различіе это опять таково же, какое существуетъ между семьей грубаго мужика и знатнаго, цивилизованнаго господина. Изъ множества историческихъ фактовъ мы знаемъ, что такое значить для мужика *реммиозная идея*, имъ сердечно усвоенная,—правильна эта идея или нѣтъ, все равно. Ради этой идеи онъ способенъ совершить иногда чудеса. Одушевляемый ею онъ съ большою охотою идетъ странствовать по всему свѣту, подвергается всевозможнымъ лишеніямъ, принимаетъ вѣнецъ мученичества въ случаѣ нужды и даже безъ нужды ложится иногда на костеръ и сжигаетъ себя живымъ. Можно быть вполне увѣреннымъ, что подобнаго самоотреченія всего меньше слѣдуетъ ожидать отъ цивилизованныхъ людей, искусившихся во всѣхъ благахъ жизни. Такимъ образомъ если религіозная идея, одушевляющая простолюдина, правильная или ложная, бываетъ обыкновенно силой, которая влечетъ его на подвиги, то наоборотъ, та же идея, усвоенная человѣкомъ цивилизованнымъ, уживается въ немъ иногда съ полнымъ старческимъ безсиліемъ и немощью. Все это мы какъ нельзя лучше и видимъ на примѣрѣхъ мормоновъ и ирвингянъ. Первые строили города и превратили пустыню въ плодотворную страну; они съ успѣхомъ вели продолжительныя и кровавыя войны; они не боялись ни высокой воды, ни сырости луговъ, ни влажныхъ вѣтровъ, ни грязныхъ дорогъ, ни зимнихъ морозовъ. Послѣдователи Ирвинга—увы! не сдѣлали плодотворной ни одной пустыни около какого-нибудь „Соленнаго озера“! Въ ихъ поступкахъ, въ ихъ сочиненіяхъ, въ ихъ намѣреніяхъ замѣтно всегда старческое безсиліе, присутствіе какого-то умственнаго и нравственнаго паралича. Даже и тогда, когда они трудятся и когда ихъ трудъ громаденъ, дѣло вовсе не измѣняется: этотъ трудъ совершенно напрасенъ, онъ остается безъ всякихъ практическихъ результатовъ. Отъ ихъ усилій и дѣятельности никому не бываетъ ни тепло, ни холодно, кромѣ можетъ-быть ихъ самихъ. Въ ихъ дѣятельности присутствуетъ какой-то фатумъ, какое-то проклятіе или убивающее въ нихъ способность къ полезному для людей труду или дѣлающее этотъ трудъ бесполезнымъ. Они походятъ на смоковницу, которая покрыта листьями, но не приноситъ плода и за это проклинается.

Все сказанное даетъ намъ право утверждать, что секта, несмотря на громадность ея заблужденій, на обширность ея замысловъ, все-таки совершенно *безвредна*, — не потому, что все, что она проповѣдуетъ, безвредно, а потому что *она совершенно неспособна къ живой и энергической пропагандѣ своихъ идей...*

Совершенные двѣнадцатью апостолами съ цѣлю просвѣщенія язычниковъ подвиги, рассмотрѣніе которыхъ составляетъ предметъ настоящей главы, вполне служатъ подтвержденіемъ только-что высказаннаго положенія. Просвѣщеніе язычниковъ двѣнадцатью апостолами составляло курьёзъ во всѣхъ возможныхъ смыслахъ; оно съ одной стороны возбуждаетъ смѣхъ, а съ другой заставляеть жалѣть о безсиліи и ничтожествѣ новыхъ апостоловъ. Мы и приступимъ теперь къ возможно полному рассмотрѣнію этого любопытнаго факта.

Въ теченіе своего годичнаго пребыванія въ Альбюри апостолы прочитали всю Библию, начавъ съ книги Бытія и кончивъ Откровеніемъ ¹⁷⁾ и составили нѣсколько документовъ изъ которыхъ два названы были „Two smaller testimonies“, т.-е. два меньшихъ свидѣтельства и одинъ „The Great Testimony“, т.-е. великое свидѣтельство. Сначала были составлены первыя, а „великое свидѣтельство“ составлено было послѣ нихъ. Порядокъ ихъ составленія докторъ Нортонъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ: „Вскорѣ послѣ отдѣленія апостоловъ было сказано много пророчествъ относительно свидѣтельства предъ христіанствомъ, свидѣтельства противъ Вавилона. Мы научены, что Вавилонъ не есть символъ исключительно и главнымъ образомъ папства, но скорѣе символъ подобнаго вавилонскому плѣненія церкви силами міра, ея вавилонскаго раздѣленія и смѣшенія: всякая враждебная другой секта говорить своимъ собственнымъ языкомъ, неспособна и не желаетъ понимать всякую другую секту. Было постановлено, чтобы каждый въ отдѣльности апостолъ, изложилъ печаль своего сердца (the burden of his heart) о грѣхахъ сей страны, ея правителей въ церкви и государствѣ и о грѣхахъ христіанства вообще, и чтобы всѣ писанія апостоловъ были отданы старшему апостолу (т.-е. Кардэлю), который соединилъ

¹⁷⁾ Norton, The Restor. of Apostles and Proph. p. 134, 135.

бы ихъ въ одно цѣлое и чтобы они въ такомъ видѣ предложены были вниманію епископовъ и клира“.

„Подобнымъ же образомъ и около того же самаго времени *другой изъ апостоловъ* долженъ былъ приготовить подобное же свидѣтельство для правителей государства. Затѣмъ было повелѣно приготовить и болѣе полное свидѣтельство для всѣхъ церковныхъ и гражданскихъ властей въ Европѣ; и прежде всего и главнымъ образомъ для папскаго правительства которое, претендуетъ на обладаніе государственнымъ мечемъ и ключами небеснаго царства, первосвященническою и государственною властію такъ много, что похититель Христова престола есть въ одно и то же время и король и первосвященникъ. Вовторыхъ, для претендентовъ на божественное право въ автократическомъ и неограниченномъ правительствѣ; и въ третьихъ представителямъ власти, основанной на народномъ самоуправленіи. Эти три ложныя формы власти прообразовали будущее таинство ложнаго пророка, дракона и апокалипсическаго звѣря“¹⁸⁾.

Исполнили ли апостолы въ точности все, что имъ было „повелѣно“, сказать не можемъ. Только извѣстно, что первыя два свидѣтельства, составленные подъ редакціей Кардэля и апостола Спенсера Персиваля, были представлены одно „архіепископу кэнтерберійскому, примасу всей Англій и митрополиту, а также и другимъ епископамъ соединенной церкви Англій и Ирландіи“; другое при посредствѣ Персиваля и Друммонда, — англійскому королю Вильгельму IV. По словамъ г. Орлова „представленіе обоихъ этихъ документовъ не имѣло никакихъ послѣдствій“. О нихъ даже совершенно позабыли и ихъ, кажется, въ цѣломъ видѣ нельзя достать теперь и въ самой Англій¹⁹⁾.

Въ виду относительной неважности этихъ свидѣтельствъ, а также и ихъ неполноты, мы не будемъ на нихъ останавливаться. Гораздо важнѣе для насъ „великое свидѣтельство“, появившееся въ 1836 году. Оно, если можно такъ выразиться, есть сводъ всѣхъ предшествующихъ свидѣтельствъ, которыя были въ свою

¹⁸⁾ Norton, 152, 153.

¹⁹⁾ Эти «Two smaller testimonies», съ выпусками, помѣщены у Miller'a въ приложеніи. Содержаніе выпущеннаго врядъ ли было извѣстно и самому Миллеру. Ср. Орловъ «Прав. Обзор.» 1876 г., февраль, стр. 252.

очередь плодомъ совокупной дѣятельности всѣхъ двѣнадцати мужей, подвизавшихся въ Альбюри въ теченіе цѣлаго года. Значеніе „великаго свидѣтельства“ опредѣляется тѣмъ, что по словамъ нѣкоторыхъ ирвингянскихъ писателей оно есть „самое важное произведеніе, какое было только извѣстно въ христіанской литературѣ со времени написанія Новаго Завѣта“; оно содержитъ въ себѣ „божественныя истины, обладаніе которыми было невозможно безъ непосредственнаго посланничества“ и поэтому „должно занять мѣсто непосредственно послѣ Новаго Завѣта“²⁰). Оно было переведено на нѣмецкій, французскій и латинскій языки²¹) подъ слѣдующимъ общимъ для всѣхъ переводовъ заглавіемъ: „патріархамъ, архіепископамъ и епископамъ и другимъ представителямъ церкви Христовой во всѣхъ странахъ, и императорамъ, королямъ, принцамъ и другимъ правителямъ крещенныхъ націй“. Мы имѣли подъ руками три экземпляра „великаго свидѣтельства“: одинъ помѣщенный въ приложеніи къ 1-му тому сочиненія Миллера, другой помѣщенный въ изданныхъ Рейнвальдомъ „Acta historico-ecclesiastica seculi XIX“ и третій въ нѣмецкомъ переводѣ, изданномъ въ Базелѣ въ 1871 году. При сравненіи этихъ трехъ экземпляровъ разностей въ нихъ, кромѣ незначительныхъ корректурныхъ ошибокъ, допущенныхъ нѣмецкимъ переводчикомъ, не оказалось. Но въ экземплярѣ „великаго свидѣтельства“ помѣщенномъ у Миллера есть довольно значительный пропускъ, котораго не встрѣчаемъ въ послѣднихъ двухъ упомянутыхъ экземплярахъ²²). Принимая во вниманіе, что Миллеръ ничего не говоритъ объ этомъ пропускѣ, мы можемъ думать, что онъ пользовался однимъ изъ позднѣйшихъ изда-

²⁰) См. Köhler, стр. 112.

²¹) Это обстоятельство можно было бы поставить на видъ профессору Тиршу который въ своей книжкѣ: «Христіанскія начала семейной жизни» хвалится, что она выдержала четыре изданія и «являлась въ датскомъ, голландскомъ и англійскомъ переводахъ» (стр. 5). «Великое свидѣтельство», не имѣющее, какъ увидимъ, *никакихъ достоинствъ*, появилось въ немаломъ количествѣ переводовъ, которое вообще не можетъ ни въ какомъ случаѣ свидѣтельствовать о достоинствѣ тѣхъ или другихъ ирвингянскихъ книжекъ, переводимыхъ самими ирвингянами и обыкновенно безъ означенія имени переводчиковъ.

²²) Сравни. Miller, I, 436; Acta historico-ecclesiastica seculi XIX, Hamburg 1840, p. 858—867; Das Zeugniß der Apostel, Basel 1871, S. 86—99.

ній „Testimony“. появившихся въ Англіи, въ которомъ пропускъ сдѣланъ былъ не безъ цѣли. Именно въ этомъ изданіи выпущена вся историческая часть ирвингянскаго дѣла, гдѣ изображается, какъ Ирвингъ принялъ на себя ему покровительство и какъ оно развилось въ Англіи. Это повѣствованіе вѣроятно было послѣ сочтено нѣсколько соблазнительнымъ и его рѣшили выпустить. Секта стыдится упоминать въ своихъ оффиціальныхъ документахъ даже самое имя Ирвинга!

Какъ плодъ совокупной и некратковременной дѣятельности двѣнадцати мужей этотъ документъ слишкомъ малъ: въ нѣмецкомъ переводѣ напимѣръ онъ составляетъ тощую книжечку in 8° въ девяносто девять страницъ. Нужно думать, что каждый апостоль, при небольшомъ знакомствѣ съ Священнымъ Писаніемъ и небольшомъ литературномъ навыкѣ, могъ бы написать подобный же документъ по крайней мѣрѣ мѣсяца въ три. Но съ другой стороны, какъ „свидѣтельство“ или исповѣданіе вѣры этотъ документъ слишкомъ великъ; его можно было бы сократить по крайней мѣрѣ наполовину. Сравнивая это ирвингянское свидѣтельство съ такъ-называемыми мормонскими сертификатами („Testimony of two witnesses“ и „Testimony of eight witnesses“), съ которыми оно имѣетъ нѣкоторое сходство по своей цѣли, мы должны признать безусловное преимущество за послѣдними, если примемъ во вниманіе ихъ почти лаконическую краткость и сжатость выраженія.

Растянутасть ирвингянскаго „великаго свидѣтельства“ зависитъ отъ облія общихъ мѣстъ и повтореній, касающихся главнымъ образомъ важнаго всемірнаго значенія новаго апостольства. Можно сказать, что апостолы возвращаются къ этому предмету каждый разъ, какъ только представится удобный случай, а подобныхъ случаевъ много. Для новыхъ апостоловъ нужно было, напимѣръ доказать крайнюю нужду и даже необходимость возстановленія апостольства, — и этой цѣли они думаютъ достигнуть посредствомъ изображенія прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ бѣдствій, постигавшихъ, постигающихъ и имѣющихъ постигнуть человѣчество. Но такъ какъ апостолы не были повидимому хорошо знакомы съ всемірной исторіей человѣчества и содержащимся въ ней изображеніемъ человѣческихъ бѣдствій, то и всѣ заявленія о нихъ являются въ великомъ свидѣтельствѣ однимъ

только переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Этотъ недостатокъ свойственъ не только ирвингіанскому „великому свидѣтельству“, но и множеству другихъ ирвингіанскихъ сочиненій: въ немъ грѣшить и профессоръ Тиршъ ²³⁾. Свое изображеніе бѣдствій апостолы начинаютъ съ грѣхопаденія. Затѣмъ о ни говорятъ о бѣдствіяхъ, соединившихся со всемірнымъ потопомъ и идолопоклонствомъ, которымъ былъ зараженъ родъ человѣчскій до Авраама; о бѣдствіяхъ евреевъ въ Египтъ во времена судей, во время вавилонскаго плѣна и предъ пришествіемъ Христа ²⁴⁾. Отъ начала христіанства до французской революціи не указано никакихъ бѣдствій. Но за то французская революція, съ которою апостолы были очевидно болѣе знакомы, обращаетъ на себя и больше ихъ вниманія и даетъ имъ возможность сказать кое что о „паденіи троновъ“, „разрушеніи алтарей“ и о „страшныхъ опасностяхъ“, которыми окружены люди со всѣхъ сторонъ, объ упадкѣ уваженія къ тѣмъ, кто поставленъ выше, именно дѣтей къ родителямъ, подданныхъ къ властямъ, слугъ къ господамъ, объ отрицаніи священнѣйшихъ истинъ Божіихъ (т.-е. ирвингіанскихъ), о замыслахъ невѣрующихъ и революціонеровъ довершить дѣло, неоконченное французской революціей, посредствомъ разрушенія всѣхъ древнихъ принциповъ, нравственныхъ, религіозныхъ, политическихъ, всѣхъ учрежденій въ церкви и государствѣ, объ образованіи новой эры атеистической анархіи подъ именемъ либерализма на развалинахъ христіанской вѣры и существующихъ правительствъ, о распаденіи и раздѣленіи всего христіанскаго міра на „тысячи“ сектъ. Эти бѣдствія изображены почти въ самомъ началѣ „великаго свидѣтельства“ ²⁵⁾. Черезъ нѣсколько страницъ мы опять встрѣчаемся съ сѣтованіями о раздѣленіи церкви на „тысячу“ сектъ, о ненависти которую питаютъ одна къ другой церкви восточная и западная, а римские католики къ протестантамъ, о расколахъ, раздѣленіяхъ, отступленіяхъ отъ вѣры и нарушеніяхъ дисциплины, о тираниіи правительствъ и злоупотребленіи своею властію „вселенскимъ епископомъ“ (папою) ²⁶⁾. Спустя нѣсколько времени опять тѣже

²³⁾ См. напр. Христіанскія начала семейной жизни, стр. 38, 40, 53, 59 и проч.

²⁴⁾ Acta h. eccl., p. 795.

²⁵⁾ Ibid. p. 796—802.

²⁶⁾ Ibid. 823—24; 827 и проч.

скучныя сѣтованія о розни, существующей между христіанами, и даже о „паденіи троновъ“ ²⁷⁾). Разумѣется, послѣ прочтенія „великаго свидѣтельства“ нельзя получить какихъ-либо болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній о печальномъ состояніи европейскаго общества, кромѣ свѣдѣній о „паденіи троновъ“, „непочтеніи дѣтей къ родителямъ“, слугъ къ господамъ и т. п. Однако по мысли новыхъ апостоловъ указанные ими бѣдствія современнаго христіанскаго міра ставятъ его въ одинаковое наложеніе съ людьми давно минувшихъ дней: какъ послѣ грѣхопаденія, всемірнаго потопа и проч. даны были людямъ обѣтованія и явились Ной, Моисей, судьи, цари и наконецъ пришелъ на землю Самъ Искупитель, такъ и теперь, при видѣ бѣдствій, постигшихъ современное человѣчество, Богъ умилостивился надъ людьми и послалъ имъ *якорь надежды и спасенія...* въ ирвингянскомъ апостольствѣ“ ²⁸⁾!

Высказавъ подобную мысль, апостолы, можетъ быть совершенно незамѣтно для самихъ себя, перестаютъ уже быть полными консерваторами, превращаются на дѣлѣ въ ярыхъ революціонеровъ и хотятъ подчинить своей обуздывающей власти всѣхъ кто чувствуетъ подъ собою какое-нибудь колебаніе. Императоры, короли, принцы и прочіе свѣтскіе правители могутъ конечно по прежнему быть властителями надъ вѣрными ихъ попеченію націями; но вмѣстѣ съ этимъ они должны признать надъ собою и *высшую* власть, которою обладаютъ ирвингянскіе апостолы, и вполнѣ этой власти подчиниться, если только желаютъ предохранить отъ колебаній свои троны. Нѣчто подобное должны сдѣлать родители, имѣющіе непокорныхъ дѣтей, господа, имѣющіе непокорныхъ слугъ и т. д. Однимъ словомъ всѣ обладающіе какою-либо властію должны признать надъ собою высшую апостольскую власть и припасть во смиреніи къ стопамъ новыхъ апостоловъ, признать всю ихъ непроходимую и невыразимую тупость и глупость и такимъ образомъ освободиться отъ всѣхъ золъ и дѣйствій. За все это императоры, принцы, короли, епископы, родители и господа должны уплачивать, какъ

²⁷⁾ Ibid. 853.

²⁸⁾ Ibid. 796.

слѣдуетъ, новавленной „вышей“ Богомъ установленной власти только „десятины“²⁹⁾).

Таковы претензіи новыхъ апостоловъ и таково ихъ, если и не всемірно-историческое, то по крайней мѣрѣ обще-европейское значеніе которое они себѣ присваиваютъ. Свои претензіи они изложили языкомъ довольно яснымъ и правильнымъ и вообще понятнымъ для представителей церковной и свѣтской власти въ Европѣ. Но тамъ, гдѣ они этихъ претензій не высказываютъ, а просто хотятъ познакомить міръ съ своимъ ученіемъ, они довольно темны. Въ „великомъ свидѣтельствѣ“ есть не мало страницъ гдѣ встрѣчаются какіе-то странные *умствєнные кляксы*, за которыми разобрать ничего невозможно. Послѣ этихъ клясовъ опять какъ будто все ясно и можно, по крайней мѣрѣ, понять хоть кое что; но затѣмъ опять кляксы и опять ничего разобрать невозможно. Особенно трудно было апостоламъ выяснить вопросы о значеніи символовъ и таинствъ. Видно, что ихъ головы не были способны къ энергическому и ясному богословскому мышленію, когда оно отъ нихъ требовалось.

Составивъ этотъ документъ, апостолы конечно могли бы послать его по почтѣ къ римскому папѣ и другимъ церковнымъ и свѣтскимъ властителямъ и затѣмъ ожидать, не будетъ ли отъ послѣднихъ какихъ-либо требованій о помощи. Но они не захотѣли ограничиться только такой разсылкой, а вознамѣрились сами лично отправиться просвѣщать европейскихъ и другихъ язычниковъ. Мы говоримъ „язычниковъ“, потому что взглядъ апостоловъ на всѣхъ другихъ инославныхъ, не принадлежащихъ къ ирвингланству, христіанъ былъ таковъ же, какого держатся и мормоны, признающіе язычниками всѣхъ, не имѣющихъ чести быть мормонами. Этого взгляда, какъ мы видѣли, придерживался еще Ирвингъ. Разумѣется, о просвѣщеніи дѣйствительныхъ язычниковъ, обитающихъ на примѣръ въ Персіи, не могло быть и рѣчи: дѣло это было трудное, опасное и можетъ быть не столь славное, какъ просвѣщеніе христіанъ язычниковъ, преимущественно европейскихъ.

Починъ въ дѣлѣ просвѣщенія язычниковъ былъ сдѣланъ самимъ мистеромъ Друммондомъ. На митингѣ пророковъ и апо-

²⁹⁾ Ibid. 850 и слѣд.

столовъ, въ іюнѣ 1836 года, онъ объявилъ „силою Святаго Духа“, что „двѣнадцать трибъ“ суть „христіанскія страны“. „духовный Израиль“, и согласно его пророчеству британскіе острова и континентъ Европы слѣдовало раздѣлить на двѣнадцать частей, которыя соотвѣтствовали бы „двѣнадцати трибамъ“ или колѣнамъ, упомянутымъ въ Апокалипсисѣ (VII, 4—8)³⁰⁾. Эта мысль была очень хороша и доставляла дѣлу просвѣщенія нѣкоторыя удобства; но при практическомъ ея осуществленіи встрѣтились очень серьезныя затрудненія.

Даже и при бѣгломъ взглядѣ на карту Европы можно видѣть, что число европейскіхъ государствъ превышаетъ число двѣнадцати. При этомъ нужно замѣтить, что въ просвѣщеніи, кромѣ европейскіхъ странъ, нуждались и другія страны, на примѣръ Америка, жители которой сходны съ англичанами по языку, нравамъ и обычаямъ и суть такіе же язычники, каковыхъ, по мнѣнію апостоловъ, представляли и всѣ другіе европейскіе христіане. Британская Индія также ни въ какомъ случаѣ не могла оставаться непросвѣщенною...

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ пришлось соединить нѣкоторыя государства въ одну „трибу“, и основаніемъ для такого соединенія послужило съ одной стороны сходство между нѣкоторыми отдѣльными странами, а съ другой и ихъ крайнее несходство. Такъ Шотландія и Швейцарія соединены были въ одно колѣно по причинѣ ихъ сродства³¹⁾, а Польша (почему-то признанная отдѣльнымъ государствомъ) была соединена въ одно колѣно съ Индіей, поелику въ этомъ случаѣ „нелегко усмотрѣть сходство“ (not easy to trace a resemblance)³²⁾. Америка была соединена въ одну трибу съ Англіей, Ирландія съ Греціей, Испанія съ Португаліей и такимъ образомъ затрудненія относительно раздѣленія языческаго міра на двѣнадцать колѣнъ были совершенно устранены.

Предъ отправленіемъ на проповѣдь апостолы занялись изученіемъ языковъ, нравовъ и обычаевъ странъ, которыя нужно было просвѣщать, и въ этихъ занятіяхъ провели послѣднюю

³⁰⁾ Norton, 156.

³¹⁾ См. напр. указаніе на это сходство у Norton'a, стр. 157.

³²⁾ Miller, I, 181.

половину 1836 и весь 1837 годъ. Предвидя массу затрудненій, нѣкоторые изъ нихъ „секретно“ помышляли остаться въ Англіи и не просвѣщать язычниковъ. Но дѣло было поставлено такъ, что отправиться было необходимо, что дѣйствительно и случилось въ наступившемъ 1838 году³³⁾. Главною цѣлью ихъ путешествія было *запечатлѣніе* 144.000 человекъ; каждый апостоль въ отдѣльности долженъ былъ запечатлѣть, т. е. обратить въ ирвингіанство, не менѣе двѣнадцати тысячъ человекъ въ каждомъ порученномъ ему колѣнѣ (см. Отпр. VII, 4—8). Чтобы достигнуть этой цѣли апостолы должны были „отыскать врата въ духовный градъ и поискать золота,—другими словами изслѣдовать въ отдѣльности состояніе тѣхъ странъ которыя были поручены ихъ просвѣщенію, познакомиться съ языкомъ, обычаями, нравами и характеромъ народа; выслѣдить людей которые, усвоивъ себѣ сами истину, могли бы сдѣлаться пригодными орудіями для ея распространенія и въ средѣ другихъ. Золото которое они должны были отыскать, заключалось въ образѣ и подобіи истины, удержанной у себя въ самомъ лучшемъ видѣ каждою отдѣльною церковью. Это золото они должны были привезти домой для пробы, чтобы оно, по очищеніи отъ примѣсей, могло циркулировать по всей церкви. Они должны были научиться, что истинное христіанство не существуетъ въ одной только Англіи (!); что есть драгоценныя истины въ греческой, римской и другихъ церквахъ (!) также, какъ и въ англиканской; что формы, чувства, обряды и практика богослуженія въ другихъ странахъ хотя и испорчены примѣсью суевѣрія, однако также пріятны Богу, какъ и суровая простота протестантизма“³⁴⁾. Предъ отправленіемъ на дѣло просвѣщенія язычниковъ апостоламъ было сдѣлано внушеніе, чтобы они путешествовали больше въ качествѣ частныхъ людей, учениковъ и наблюдателей, а не учителей. Это было для нихъ конечно легче; но, по справедливому замѣчанію Миллера, не совсѣмъ согласовалось съ ихъ характеромъ какъ „посланниковъ Господа Саваоа“³⁵⁾.

³³⁾ Miller, I, 183, 184.

³⁴⁾ Norton, 158.

³⁵⁾ Acta h. eccl. p. 863: «We come as Ambassadors from the Lord of Hosts»; «we come to proclaim glory to God in the highest»,—такъ говорили о себѣ апостолы предъ путешествіемъ.

Теперь мы прослѣдимъ дѣятельность апостоловъ въ просвѣщаемыхъ странахъ, при чемъ будутъ приняты во вниманіе и факты, относящіеся къ нѣскольکو позднѣйшему времени.

1) Верховный апостоль, мистеръ Кардэлъ, поступилъ благо-разумнѣе всѣхъ остальныхъ апостоловъ. вмѣсто того, чтобы отправляться въ далекія страны, подвергаться лишеніямъ и опасностямъ, изучать нравы, языкъ того или другаго просвѣщаемога народа онъ предпочелъ остаться въ Англіи которая была названа колѣномъ Іудинимъ (по причинамъ, не требующимъ объясненія), была „руководящимъ колѣномъ“ и символомъ „разумнаго управленія и подчиненія ему“³⁶⁾. Къ Англіи, какъ сказано, были присоединены Соединенные Штаты Сѣверной Америки, куда вмѣсто Кардэла вѣдиль апостоль Уудгаузъ. Оставаясь въ Англіи, Кардэлъ наблюдалъ за состояніемъ мѣстныхъ церквей и въ отсутствіе остальныхъ апостоловъ былъ полнымъ, неограниченнымъ властителемъ надъ англійскими ирвингіанами, притѣснялъ ихъ всячески и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ, такъ-сказать, центромъ для всѣхъ остальныхъ апостоловъ, разсѣянныхъ по всѣмъ концамъ Европы³⁷⁾.

2) „Второй“ апостоль, мистеръ Генри Друммондъ, избралъ мѣстомъ своей просвѣтительной дѣятельности Швейцарію и Шотландію, колѣно Веніаминово которое всегда „обнаруживало достойный удивленія патріотизмъ, хотя націи, населяющія эти страны, и были малы“. О дѣятельности мистера Друммонда, также какъ и почти всѣхъ остальныхъ апостоловъ, извѣстно весьма немногое. По словамъ Миллера вся дѣятельность Друммонда состояла только въ томъ, что онъ, занимаясь просвѣщеніемъ язычниковъ, „порхалъ“ между Швейцаріей и Шотландіей³⁸⁾; результаты этого „пбрханія“ были по всей вѣроятности крайне ничтожны. Но если историки умалчиваютъ о подвигахъ Друммонда, то они съ большею подробностію говорятъ намъ о просвѣтительныхъ подвигахъ въ Швейцаріи нѣкогo евангелиста Карре (Carre) который началъ свою проповѣдь въ ней нѣскольکو раньше

³⁶⁾ Свообразныя характеристики какъ Англіи, такъ и другихъ странъ, сдѣланныя апостолами, см. у Miller'a, I, 180, 181.

³⁷⁾ Ibid. 185.

³⁸⁾ Ibid.

Друммонда. Карре, по рожденію французъ, былъ нѣсколько времени назадъ въ Великобританіи, познакомился тамъ съ Ирвингомъ, „проповѣдывалъ ирвингіанскія идеи“³⁹⁾ и появился затѣмъ въ Швейцаріи гдѣ обратилъ въ новую вѣру нѣкоего Прэйсверка, бывшаго профессоромъ богословія въ женевскомъ университетѣ. Это было въ началѣ 1837 года. Противъ проповѣди ирвингіанскихъ просвѣтителей сильно вооружился извѣстный ученый, Мерль д'Обинье, который въ присутствіи профессоровъ и студентовъ университета прочиталъ нѣсколько лекцій относительно заблужденій ирвингіанъ. Въ отвѣтъ на это Прэйсверкъ устроилъ въ своемъ домѣ собраніе—на которомъ присутствовалъ и Карре, изложилъ свои мнѣнія причемъ было обращено въ ирвингіанство нѣсколько студентовъ университета, преимущественно изъ нѣмцевъ. Не смотря на всѣ представленія, сдѣланныя женевскимъ университетомъ, Прэйсверкъ отказался измѣнить своимъ убѣжденіямъ, вслѣдствіе чего, 9 февраля 1837 года, и былъ уволенъ отъ должности профессора богословія при университетѣ. Чтобы отвратить отъ ирвингіанства студентовъ, его принявшихъ, а равно и предохранить отъ него тѣхъ, которые не успѣли еще имъ увлечься, въ университетѣ было устроено нѣсколько собраній, въ которыхъ разные ученые произнесли нѣсколько лекцій съ цѣлью разоблаченія всѣхъ главныхъ заблужденій ирвингіанъ. Къ той же цѣли стремились профессоры и посредствомъ частныхъ бесѣдъ со студентами. Евангелистъ Карре далъ понять, что онъ желаетъ побесѣдовать о дѣлѣ съ профессорамъ, вслѣдствіе чего послѣдніе и предложили ему рядъ вопросовъ, относительно которыхъ возможенъ былъ споръ. Но Карре отъ всякихъ споровъ отказался. Что касается Прэйсверка, то онъ въ послѣдствіи оставилъ свои заблужденія и получилъ мѣсто профессора богословія въ Базелѣ⁴⁰⁾.

Несмотря однако и на дѣятельность Карре, который нѣсколько подготовилъ почву для дѣятельности Друммонда въ Швейцаріи, число обращенныхъ было ничтожно. Докторъ Нортонъ утверждаетъ, что когда Друммондъ не задолго до своей смерти въ 1860 году посѣтилъ снова Швейцарію, то отъ него получили

³⁹⁾ Mrs. Oliph., II, 388, 389.

⁴⁰⁾ Kohler, 172 и слѣд.

„запечатлѣніе“ только 200 человекъ обращенныхъ. Но и такой успѣхъ, по словамъ того же автора, былъ великъ!

3) Большимъ, въ сравненіи съ другими апостолами, успѣхомъ въ своей дѣятельности отличался апостоль Томасъ Карлейль, проповѣдывавшій въ сѣверной Германіи и Пруссіи которыя обнаруживали „твердость въ достиженіи своихъ цѣлей“ и названы были колѣномъ Симеоновымъ.

О нравственныхъ свойствахъ этого апостола и характеръ его дѣятельности извѣстно между прочимъ слѣдующее. Выше нами было замѣчено, что его не слѣдуетъ смѣшивать съ Томасомъ Карлейлемъ—историкомъ, который называетъ его своимъ „двойникомъ“. Пользуясь извѣстностью которую приобрѣлъ Карлейль-историкъ въ Германіи, Томасъ Карлейль-апостоль не однажды ухитрился даже пообѣдать въ Берлинѣ „съ какимъ-то посланникомъ“ вмѣсто знаменитаго историка! Кромѣ того Карлейль-апостоль былъ причиною многихъ недоразумѣній, возникшихъ между публикой и Карлейлемъ-историкомъ, такъ какъ выдавалъ свои сочиненія за сочиненія послѣдняго, получалъ адресованныя на его имя письма и „vice versa“ ⁴¹⁾... Публика, не зная въ чемъ дѣло, вѣроятно не мало удивлялась, когда авторъ „Исторіи Французской революціи“, „Писемъ и рѣчей Оливера Кромвеля“, „Исторіи Фридриха Великаго“ издавалъ отъ своего имени сочиненія въ родѣ слѣдующихъ: „О таинствѣ крещенія“ (On the sacrament of Baptisme), „Апостолы данные, потерянные и вновь обрѣтенные“ (Apostles given, lost and restored), „О символахъ въ богослуженіи“ (On symbols in Worship) и проч.,—сочиненія которыя, подобно всѣмъ другимъ ирвингянскимъ сочиненіямъ, не могли не отличаться крайнею бездарностью.

Въ своей просвѣтительной дѣятельности Карлейль нашелъ себя скоро дѣятельныхъ сотрудниковъ въ лицѣ нѣкаго Карла Бѣма и профессора марбургскаго университета Тирша, съ которыми мы нѣсколько уже познакомились. Бѣмъ родился и былъ воспитанъ въ Даніи, потомъ поселился въ Англіи и позже, въ Германіи „которая и сдѣлалась его отечествомъ“. Келеръ утверждаетъ, что будучи міряниномъ онъ отличался рѣдкими богословскими познаніями, строгою нравственностію и твердымъ благо-

⁴¹⁾ Reminiscences by Th. Carlyle, vol. I, p. 313.

честіемъ. Онъ былъ авторомъ многихъ сочиненій, написанныхъ въ защиту ирвингіанскихъ принциповъ⁴²⁾). Насколько можно судить по имѣющемуся у насъ подъ руками его сочиненію „Тѣнь и свѣтъ въ настоящемъ положеніи церкви“⁴³⁾, Бѣмъ дѣйствительно хорошо зналъ Священное Писаніе и отличался твердымъ благочестіемъ; но при этомъ нужно сказать, что онъ совершенно не былъ свободенъ отъ той чрезвычайной узкости воззрѣній, которая отличаетъ вообще ирвингіанъ; его сочиненіе „Тѣнь и свѣтъ въ настоящемъ положеніи церкви“ наполнено общими мѣстами и потому необыкновенно скучно. Бѣмъ былъ посвященъ Карлейлемъ въ евангелисты и послѣ игралъ значительную роль въ сектѣ, сдѣлавшись *апостоломъ-кодьюторомъ*. Значеніе этого слова будетъ объяснено ниже.

Профессоръ Тиршъ былъ ученикомъ Бѣма⁴⁴⁾ и также какъ и онъ посвященъ Карлейлемъ въ евангелисты. Обращеніе его въ ирвингіанство относится несомнѣнно ко времени послѣ 1837 г. Профессоръ Тиршъ самъ утверждаетъ, что въ 1833—37 годахъ онъ твердо держался при изученіи пророческихъ книгъ принциповъ, которые были сообщены ему нѣмецкими учеными Ольсгаузеномъ и Конрадомъ Гофманомъ. Но позднѣе, ближе познакомившись съ апостольскими общинами, онъ нашелъ тамъ богатый матеріалъ для объясненія пророческихъ книгъ, а равно и правильное церковное устройство⁴⁵⁾. Впервые онъ высказалъ особенно ясно свои ирвингіанскія идеи въ 1845 году въ своей книгѣ „Versuch zur Herstellung der historischen Standpunkte für die Kritik der neutestamentlicheu Schriften“, а въ 1849 году открыто перешелъ въ ирвингіанство. По желанію своихъ единомышленниковъ по вѣрѣ Тиршъ долженъ былъ на Пасхѣ того же года отправиться въ Берлинъ, чтобы сдѣлаться тамъ ангеломъ образовавшейся ирвингіанской общины. Какъ это обстоятельство, такъ и открыто высказанные профессоромъ Тиршемъ ирвингіанскіе взгляды не могли не обратить на себя вниманія

⁴²⁾ Стр. 176.

⁴³⁾ Schatten und Licht in dem gegenwärtigen Zustande d. Kirche von Charles J. T. Böhm. Dritte Auflage, Basel, 1878.

⁴⁴⁾ Ibid. S. V.

⁴⁵⁾ Die Genesis nach ihrer moralischen und prophetischen Bedeutung betrachtet von H. Thiersch, Basel, 1870, S. IX.

властей. Появившійся около того времени въ Пруссіи министерскій циркуляръ, направленный противъ увлеченій ирвингианствомъ преимущественно высшихъ классовъ берлинскаго общества, выразился, что „неизвѣстно, есть-ли ирвингизмъ христіанское исповѣданіе“ и это послужило основаніемъ почему профессоръ Тиршъ не могъ занять должности приватъ-доцента философіи въ марбургскомъ университетѣ; изъ Берлина же его выпроводили чрезъ полицію ⁴⁶⁾. Русскіе „издатели“ его сочиненія „Христіанскія начала семейной жизни“ замѣчаютъ, что онъ былъ „вынужденъ по проискамъ враговъ своихъ оставить марбургскій университетъ“, не распространяясь о томъ, что онъ былъ ирвингианинъ. Тиршъ былъ авторомъ многочисленныхъ ирвингианскихъ сочиненій и можетъ быть по справедливости названъ плодотвѣйшимъ защитникомъ ирвингианскихъ принциповъ. Но и онъ смотритъ на всѣ предметы сквозь призму усвоенныхъ имъ ирвингианскихъ идей, отыскиваетъ во всѣхъ мѣстахъ Священнаго Писанія „болѣе глубокое значеніе“ „мистическій“, „духовный“, „типическій“, „пророческій ихъ смыслъ“; по его мнѣнію каждый библейскій „разсказъ означаетъ не только то, что всякій въ немъ можетъ найти при первомъ взглядѣ, но и нѣчто другое и притомъ важнѣйшее“. Отъ этого происходитъ то, что его толкованіе Священнаго Писанія вполне аллегорическое, типическое, мистическое; познакомившись напр. съ его цитируемымъ сочиненіемъ: „Книга Бытія и ея нравственное и пророческое значеніе“, мы узнаемъ какое таинственное значеніе имѣетъ каждый стихъ въ книгѣ Бытія, но мало получаемъ свѣдѣній о томъ, какой ближайшій и дѣйствительный смыслъ заключаетъ въ себѣ эта книга. Указанный таинственный смыслъ важенъ для профессора Тирша потому, что онъ старается приложить его къ современнымъ событіямъ; такимъ образомъ въ концѣ концовъ выходитъ, что книга Бытія только какъ будто для того и была написана, чтобы прообразовать своими разсказами новое апостольство, которое и есть самое важное для профессора Тирша современное событіе.

Кромѣ Бѣма и Тирша Карлейль успѣлъ совратить въ ирвин-

⁴⁶⁾ Köhler, 176 и слѣд.

гіанство и еще нѣсколько лицъ. Такъ онъ обратилъ вниманіе на берлинскаго Oberconsistorialth'a Вильмара который подавалъ надежды на совращеніе; однако Вильмаръ все-таки не былъ совращенъ. Эта неудача не остановила апостола и скоро въ его свѣти попалъ ассистентъ пастора при церкви Елисаветы въ Берлинѣ, Карлъ Ротэ, который сильно принималъ къ сердцу нужды церкви и можетъ-быть тѣмъ доступнѣе былъ для проповѣдниковъ новой вѣры, чѣмъ меньше могъ достигнуть того къ чему стремился. Это побудило сотрудника Карлейля Бема пригласить Карлейля къ скорѣйшему отправленію въ Берлинъ, что апостоль дѣйствительно и исполнилъ; онъ провелъ тамъ зиму 1846—47 года вмѣстѣ съ апостоломъ Уудгаузомъ. Ихъ дѣятельность за это послѣднее время не осталась безъ результатовъ и они приготовили къ принятію ирвингіанства нѣсколько и другихъ прозелитовъ и между ними Obertribunalsassessor'a Вагнера, тайнаго Obertribunalsrath'a Ратмана, генерала Рюдова и другихъ высокопоставленныхъ особъ, а также проповѣдника при виолеевской церкви въ Берлинѣ, Кёппена, который въ 1848 г. вмѣстѣ съ своею женою и четырьмя другими прозелитами и былъ „запечатлѣнъ“ Карлейлемъ. Около этого времени въ Берлинѣ устроенъ былъ молитвенный ирвингіанскій домъ, гдѣ евангелисты Бёмъ и Беркли совершали богослуженіе три раза въ недѣлю. Около того же времени въ Берлинѣ явился изъ Англіи пророкъ Смитъ который прежде пророчествовалъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, при чемъ своими „страшнѣйшими изреченіями“ (haarsträubende utterances) разогналъ весь народъ, но наученный опытомъ, сталъ пророчествовать болѣе мягко. Пользуясь присутствіемъ этого пророка въ Берлинѣ можно было продѣлывать тѣже самыя комедіи, которыя были при избраніи лицъ спиритуальной іерархіи и въ Англіи, т.-е. пророкъ могъ избирать, а апостоль—рукополагать членовъ іерархіи. Смитъ назвалъ или избралъ Ротэ помощникомъ ангела при ирвингіанской церкви въ Берлинѣ; но такъ какъ Ротэ былъ недоволенъ этою должностію, то и отказался отъ чести быть помощникомъ ангела. Кёппенъ же, порвавшій связи съ консисторіей и открыто перешедшій въ ирвингіанство, сдѣлался старостой, а потомъ и ангеломъ въ Лигницѣ. Такимъ образомъ въ Берлинѣ образовались ирвингіанская община

и Карлейль могъ обнаруживать тамъ вполне свою апостольскую власть ⁴⁷⁾.

4) Апостоль Уудгаузъ избралъ мѣстомъ своей проповѣднической дѣятельности Австрію и Южную Германію, когнѣ Рувимо, причемъ Австрія названа была „историческою главою Германіи“, а о Южной Германіи было сказано, что она обнаруживала „сильное стремленіе къ объединенію отечества“. Впрочемъ дѣятельность этого апостола не ограничивалась только однѣми этими странами: онъ какъ сказано ѣздилъ вмѣсто Кардѣля въ Америку и помогалъ Карлейлю просвѣщать Сѣверную Германію. Такъ какъ главною характеристическою чертою этого апостола было качество терпѣнія которымъ онъ обладалъ въ высшей степени, считая его „единственнымъ признакомъ истиннаго апостольства“ (patience is the only signe of apostelship), то можно думать, что и его просвѣтительная дѣятельность была однимъ только обнаруженіемъ качества терпѣнія. Извѣстно, что въ Австріи ему удалось, вмѣстѣ съ Друммондомъ, представить „великое свидѣтельство“ князю Меттерниху который долженъ былъ представить его, въ свою очередь, „австрійскому императору (наслѣднику германскихъ императоровъ, обладающихъ властію, доставшеюся имъ отъ древнихъ временъ), христіанскому представителю всемірной имперіи римскихъ цезарей, представителю автократическаго, неотвѣтственнаго владычества на основаніи божественнаго права который является, по крайней мѣрѣ оффиціально, какъ узурпаторъ и похититель царскаго достоинства и славы, ибо всемірное владычество и неотвѣтственная власть принадлежатъ только одному Господу“ ⁴⁸⁾. Понятно, что князю Меттерниху подобныхъ комплиментовъ по адресу короля не было сказано, а было представлено только одно „великое свидѣтельство“ на которое онъ вѣроятно не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Въ Америкѣ Уудгаузъ имѣлъ незначительный успѣхъ.

Гораздо успѣшнее апостола, и именно въ Баваріи, дѣйствовалъ Кэрдъ, мужъ Мари Кэмбелль, которая умерла въ 1840 г. Отправившись послѣ ея смерти въ Баварію Кэрдъ провелъ нѣ-

⁴⁷⁾ Ibid. 179.

⁴⁸⁾ Miller, I, 190.

сколько лѣтъ въ Мюнхенѣ, а потомъ въ Аугсбургѣ, гдѣ усердно посѣщалъ католическія церкви и вошелъ въ сношенія въ высшимъ католическимъ духовенствомъ; его считали или католикомъ или желающимъ обратиться въ католичество. Между клириками которые вошли съ нимъ въ сношенія былъ Domvicaris Шпиндлеръ, который и былъ надлежащимъ образомъ ознакомленъ съ дѣломъ Божиимъ въ Англіи и возстановленіемъ апостольства. Шпиндлеръ въ 1844 году уже былъ окончательно убѣжденъ въ божественномъ происхожденіи апостольства, однако не переходилъ открыто въ ирвингіанство, оставаясь въ томъ санѣ, какой дала ему римско-католическая церковь. Подобнымъ же образомъ поступали и другіе обращенные въ ирвингіанство католическіе пасторы, Лютцъ, Эггеръ, Феримезеръ и Габъ (Gaab),—все они были авторами разныхъ ирвингіанскихъ сочиненій⁴⁹⁾.

5) В. Дау отправился въ Россію, когдѣ Даново, которое обнаруживало „постоянное стремленіе къ осуществленію того, что предопредѣлено Провидѣніемъ“. Въ какихъ городахъ Россіи былъ мистеръ Дау, неизвѣстно. Извѣстно только, что въ то время въ Россіи „едва ли и одинъ“ человекъ обнаружилъ готовность слушать его проповѣди и примкнуть къ апостольскимъ общинамъ.

6) Апостоль Спенсеръ Персиваль, членъ парламента, отправился въ Италію, когдѣ Манассіино которое обнаруживало „гражданскія добродѣтели и гражданскую вѣрность“. Въмѣстѣ съ Друммондомъ они хотѣли представить „великое свидѣтельство“ папѣ который „какъ намѣстникъ Господа Исуса, единого Царя и Пастыря, будучи пастыремъ, возсѣдающимъ на Его тронѣ, вслѣдствіе чего и является, по крайней мѣрѣ оффиціально, узурпаторомъ и похитителемъ достоинства и славы Христова царства, ибо только въ царствѣ Христовомъ пастырская и царская власть могутъ соединяться въ одномъ лицѣ, долженъ былъ получить свидѣтельство первымъ; ему оно должно было быть представлено вторымъ апостоломъ, призваннымъ къ исполненію сей обязанности, вмѣстѣ съ апостоломъ, назначеннымъ для Италіи“⁵⁰⁾. Однако личной аудіенціи папы и личнаго представленія ему „великаго свидѣтельства“ апостолы не могли добиться, а вручили

⁴⁹⁾ Kohler, 183 и слѣд.

⁵⁰⁾ Miller I, 190.

его въ 1838 году кардиналу Актону который въ томъ же году представилъ его папскому секретарю. Хотя нѣкоторые римскіе клирики въ Италіи и благосклонно смотрѣли на миссію апостола, однако въ новую вѣру не перешли.

7) Во Франціи, колѣнъ Ассировомъ которое обнаруживало „стремленіе въ братству“ проповѣдывалъ Дальтонъ. „Французскій король, въ качествѣ представителя ограниченной конституціонной монархіи, единственной формы монархіи, пригодной при настоящемъ положеніи дѣлъ, которая выродилась въ ея настоящей формѣ въ монархію, не основанную на правѣ первородства или на древнемъ законѣ, регулирующемъ наследіе трона, но основывающую свои притязанія на власть царскую, власть Господа Іисуса, на вотированіи, хотѣннн и избраніи народа (воплощая такимъ образомъ позорную, богохульную доктрину, будто вся власть принадлежитъ народу), въ каковомъ характерѣ короля избраннаго народомъ и является нынѣ французскій король, по крайней мѣрѣ официально, какъ узурпаторъ и похититель царскаго достоинства и славы, — ибо король избранный (хотя и безъ всякаго насилія) есть никто иной, какъ духовный Давидъ, о которомъ сказано: „достоинъ есть агнецъ заколенный пріяти силу и богатство и премудрость и крѣпость и честь и славу и благословеніе“, которому всякое созданіе должно воздавать славу (Апок. V, 12—14),—онъ (французскій король) долженъ былъ получить „свидѣтельство“ третьимъ (послѣ папы и австрійскаго императора) отъ втораго апостола и отъ апостола назначеннаго для Франціи“⁵¹⁾. Принялъ ли „великое свидѣтельство“ изъ рукъ апостоловъ французскій король, совершенно неизвѣстно. Всѣ труды Дальтона по просвѣщенію язычниковъ во Франціи, а вмѣстѣ съ нимъ и Карре который также, какъ и въ Швейцаріи, трудился и здѣсь (съ 1835 года), имѣли своимъ результатомъ, кажется, только совращеніе въ новую вѣру *одной* какой-то сумасбродной барыни которая, прежде полученія свѣдѣній объ образованіи церквей подъ властію апостоловъ, имѣла видѣніе новой церкви съ ея богослуженіемъ, — видѣла даже одежды, въ которыя должны были облекаться ея служители и самое мѣсто въ Парижѣ, гдѣ должна была строиться новая церковь⁵²⁾.

⁵¹⁾ Ibid. 191.

⁵²⁾ Norton. The Restorat. of Apostles and Prophets, p. 187.

8) Апостоль Ситуэлль просвѣщалъ Испанію и Португалію, коѣнно Невеалім овокоторое было образцомъ „рыцарской любви къ осуществленію предположенной цѣли, не смотря ни на какія практическія затрудненія“. Этотъ апостоль самъ признался, что при современномъ ему состояніи просвѣщаемой страны онъ могъ сдѣлать тамъ только очень небольшое. Одно что ему оставалось дѣлать это заходить въ харчевни, смотрѣть на входящихъ туда разныхъ людей и ждать, не пожелаютъ ли они что-нибудь отъ него выслушать. Они обыкновенно были подозрительны и недовѣрчивы; но когда ему удалось внушить имъ къ себѣ довѣріе, то они часто говорили ему, что они не католики, а протестанты; впрочемъ ихъ протестантская вѣра не отличалась ни „опредѣленностью, ни ясностію“. Съ тѣмъ только и воротился вѣроятно этотъ „посланникъ Господа Саваога“⁵³⁾.

9) Польша и Индія, коѣнно Ефремово, были поручены работамъ Тюдора. Сначала онъ былъ нѣкоторое время въ Англіи гдѣ помогалъ Кардэлю, а потомъ дѣйствительно отправился въ Индію гдѣ разстроилъ только свое здоровье. О результатахъ его трудовъ докторъ Нортонъ выражается такъ: „недавно (т.-е. около 1861 года) пришли извѣстія изъ Индіи, которыя, *если они вѣрны*, сообщаютъ, что Господь уже послалъ Своего святаго Духа и тамъ“⁵⁴⁾.

10) Данія, Голландія и Бельгія, коѣнно Иссахарово, — „страны, соперничающія въ торговлѣ“, были поручены Кингъ-Чорчу. „Онъ никогда не занималъ какого-либо виднаго положенія и не имѣлъ большаго успѣха въ своемъ колѣнѣ, хотя и было нѣсколько обращенныхъ въ Даніи и Голландіи и очень небольшое число въ Бельгіи“.

11) Апостоль Мэкензи отправился въ Швецію и Норвегію, коѣнно Гадово которыя обнаруживали „честность и непрекословную смѣлость, придерживаясь того, что они суть, и не увлекаясь мнѣніями другихъ“.

12) Ирландія и Греція, коѣнно Завулоново, которыя обнаруживали „способность къ умственнымъ и тѣлеснымъ наслажденіямъ“ (!) были поручены апостолу Армстронгу который дѣйствительно и былъ въ этихъ странахъ.

⁵³⁾ Miller, t. 193.

⁵⁴⁾ P. 187.

О результатахъ просвѣтительныхъ подвиговъ послѣднихъ двухъ апостоловъ ничего неизвѣстно.

Хотя такимъ образомъ трудами двѣнадцати и были обращены нѣсколько человѣкъ въ Германіи, двѣсти человѣкъ въ Швейцаріи, одна барыня во Франціи, и кромѣ того нѣсколько человѣкъ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, однако можно видѣть, что до ста сорока четырехъ апокалипсическихъ тысячей было далеко. И дѣйствительно самъ даже докторъ Нортонъ откровенно признается, что говоря вообще успѣхи апостоловъ были „слишкомъ малы“, что они, „трудились попусту, ни на что потратили свои силы“⁵⁵). Но дѣло апостоловъ не есть вѣдь, — по мнѣнію этого автора, — дѣло прошлаго, а будущаго! То, чего апостолы не могли сдѣлать на самомъ дѣлѣ, они сдѣлаютъ послѣ, а ихъ послѣдователи утѣшаютъ себя между тѣмъ текстами Священнаго Писанія, не совѣмъ кстати приложенными къ ирвингянскому дѣлу просвѣщенія язычниковъ. „И нынѣ укрѣпляйтесь... и да укрѣпляются вси людіе земли... зане Азъ съ вами есмь, глаголетъ Господь Вседержитель... И Духъ Мой настоитъ посредѣ васъ, — держайте!“ (Агг. XI, 5 — 6). „Видите, презорливіи, и смотрите, и чудитесь чудесемъ, и исчезните: понеже дѣло Азъ дѣлаю во днѣхъ вашихъ, ему же не имате вѣровати, аще кто исповѣсть вамъ“ (Авв. 1, 1). „Зане еще видѣніе на время, и просіметъ въ конецъ, а не вотще, аще умедлитъ, потерпи ему, яко идый прілетѣтъ и не умедлитъ“ (Авв. 11, 3). „И яко болящая приближается родити и въ болѣзни своей воскрича, тако быхомъ возлюбленному Твоему. Страха ради Твоего, Господи, во чревѣ пріяхомъ, и поболѣхомъ, и родихомъ Духъ спасенія Твоего... Не падемся, но падуть вси живущіи на земли. Воскреснутъ мертвіи и возстанутъ иже во гробѣхъ и возрадуются, иже отъ земли: роса бо, яже отъ Тебѣ, изцѣленіе имъ есть, земля же нечестивыхъ падетъ“ (Ис. XXVI, 17)⁵⁶).

М. Фивейскій.

⁵⁵) Ibid. p. 188.

⁵⁶) Ibid. 188, 189.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗСМОТРѢНІЕ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНАГО РУССКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ
ОТНОШЕНІИ КЪ РАСКОЛУ ОТЪ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНІЯ ДО УЧРЕЖ-
ДЕНІЯ СВ. СИНОДА *.

3) Со времени возникновенія раскола духовенство дѣятельно заботилось устранить въ положеніи церкви и общественной жизни все, что могло вызывать болѣе или менѣе справедливыя нареканія со стороны раскольниковъ. Мы видѣли, что духовенство того времени стремилось возвысить благочиніе въ отправленіи богослуженія и нравственную жизнь самого духовенства, устранить изъ общественной жизни новыя антинаціональныя обычаи, которые могли подать поводъ малообразованной массѣ подозрѣвать церковь и православное общество въ отступничествѣ, въ латинствѣ. Но эти мѣры, такъ-сказать палліативныя, устраняли только поводъ къ отпаденію отъ церкви однихъ и облегчали путь къ примиренію съ церковію другимъ, но нисколько не разрѣшали сомнѣній и недоразумѣній, изъ-за которыхъ раскольники главнымъ образомъ рѣшились порвать связь съ церковію, а въ послѣдствіи и со всѣмъ православнымъ обществомъ. Словомъ, это мѣры дипломатическія, получавшія особенную важность и значеніе въ борьбѣ только по соединеніи ихъ съ другими мѣрами, прямо воздѣйствовавшими на религіозную жизнь раскола, сами же по себѣ не имѣли особенно важнаго значенія. Главнымъ же образомъ духовенство въ борьбѣ съ расколомъ

См. май-іюньскую и іюльскую кн. «Прав. Обзор.» за текущій годъ.

употребляло тѣ чисто духовныя средства, на которыя указывало самое существо дѣла: это—разрѣшеніе всякаго рода раскольническихъ недоразумѣній и сомнѣній, обличеніе неправомыслія, клеветы, ошибокъ, пристрастія, односторонности, невѣжества раскольниковъ, убѣжденіе — покоряться св. церкви, въ которой невозможно спасеніе при самомъ строжайшемъ исполненіи всѣхъ дѣлъ христіанскаго благочестія, опроверженіе всѣхъ доводовъ и основаній, которыми раскольники думали доказать заблужденіе и еретичество церкви, истинность своихъ убѣжденій и оправдать свой разрывъ съ церковію.

Высокій примѣръ этого рода дѣятельности показали отцы собора 1666 года, созваннаго царемъ Алекс. Михайловичемъ противъ новоивльшихся раскольниковъ и мятежниковъ церковныхъ. Отцы собора думали разъясненіемъ, убѣжденіемъ, обличеніемъ, словомъ—одними духовными средствами водворить миръ въ церкви, нарушенный расколоучителями. Не издавая никакихъ постановленій противъ раскола, они признали необходимымъ призвать на соборъ всѣхъ расколоучителей и всѣми возможными мѣрами убѣдить ихъ въ справедливости и законности сдѣланнаго патр. Никономъ, предполагая, не безъ основанія, что какъ скоро обратятся къ церкви расколоучители, возмущенныя ими массы народа, оставшіеся безъ вождей и руководителей, необходимо должны сами собою принести раскаяніе. Расколъ, оставшіеся безъ вождей, лишенный такъ-сказать нравственной опоры, необходимо долженъ былъ пасть, или по крайней мѣрѣ значительно ослабѣть. Нужно полагать, что цѣль собора была между прочимъ та, чтобъ изъ бывшихъ расколоучителей по ихъ обращеніи сдѣлать миссіонеровъ, какъ это можно судить по эпитетамъ, наложенной на бывшаго расколоучителя старца Ефрема. Еслибы этой цѣли собора суждено было осуществиться, то расколъ бы уничтоженъ былъ еще въ то время. Для зараженныхъ расколомъ не могло быть сильнѣе и дѣйствительнѣе обличенія, какъ обличеніе изъ устъ того, кѣмъ они совращены были въ расколъ.

Съ этою цѣлію отцы собора распорядились, чтобы на соборъ явились расколоучители не только проживавшіе въ Москвѣ, но и бывшіе въ ссылкѣ²⁹²⁾ и жившіе въ отдаленныхъ монасты-

²⁹²⁾ Автобіографія протон. Аввакума, стр. 83.

ряхъ ²⁹³⁾). Призванныхъ на соборъ расколоучителей отцы собора убѣждали съ искреннею любовію и рѣдкимъ терпѣніемъ, несмотря на фанатическую непреклонность нѣкоторыхъ изъ расколоучителей, несмотря на дерзость и оскорбленіе со стороны расколоучителей. Послѣ Александра, епископа Вятскаго, написавшаго покаянный списокъ тотчасъ, какъ только разрѣшены были его сомнѣнія относительно исправленія символа и церковно-богослужебныхъ книгъ ²⁹⁴⁾, первымъ изъ расколоучителей призванъ былъ на соборъ протопопъ Юрьевца Повольскаго Аввакумъ, болѣе другихъ расколоучителей дѣятельный и энергичный. Зная, какъ велико было вліяніе Аввакума на дѣла раскола, отцы собора особенно заботились объ обращеніи этого фанатика, но—безуспѣшно. Аввакумъ—это одна изъ тѣхъ личностей, которыя, убѣдившись или увлекшись чѣмъ-либо, не могутъ переимѣнить своего убѣжденія до конца жизни и стоятъ внѣ всякаго вліянія. Ни убѣжденія, ни разъясненія, ни даже мольбы не производятъ на нихъ никакого впечатлѣнія: они не слушаютъ по большей части того, чтѣ имъ говорятъ, они напередъ рѣшили, что все противное ихъ рѣшенію, воззрѣнію, не право, не имѣетъ смысла. Потому, какъ бы сильно ни было опроверженіе ихъ заблужденія, оно не производитъ никакого психическаго процесса, кромѣ развѣ раздраженія... Къ этой категоріи должно отнести и протопопу Аввакуму. Безтолковый и фанатическій, онъ не могъ слушать никакихъ убѣжденій. Еще прежде въ началѣ раскола онъ неспособенъ былъ слушать увѣщаній: когда архимандритъ Андроніева монастыря съ братією убѣждали Аввакума покориться патріарху, онъ, какъ самъ о себѣ говорить, только *бранился* и *клялся* ²⁹⁵⁾. Преслѣдованія и ссылки раздражая Аввакума, еще болѣе усилили его фанатизмъ. Аввакумъ вообразилъ себя дѣйствительнымъ апостоломъ, которому онъ старался подражать и въ своихъ письмахъ и съ этимъ убѣжденіемъ остался до конца своей жизни. Само собою понятно, что на такую натуру не могли подѣйствовать ни духовныя мѣры, ни тѣлесныя наказанія. Сколько ни убѣждали

²⁹³⁾ Дополнител. акты историческ., V, стр. 458.

²⁹⁴⁾ Тамъ же, стр. 447.

²⁹⁵⁾ Автобиографія протоп. Аввакума, стр. 24.

Аввакума на соборѣ, онъ не только не покорился церкви, но „злону злобѣ прилагая, укори въ лице весь освященный соборъ, вси неправославными нарицаа“²⁹⁶). Соборъ опредѣлилъ лишить его священства и предать анаемѣ²⁹⁷), что и было совершено 13-го мая 1666 года въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. „Зѣло было ми тяжко въ обѣдню ту“ говоритъ самъ о себѣ Аввакумъ, но непокорился и въ свою очередь проклиналъ православныхъ²⁹⁸). Предполагая, что отлученіе отъ церкви подѣйствуетъ на Аввакума, отцы собора вновь призвали его и „паки увѣщенъ бѣ ко обращенію, но тщетенъ трудъ и жданіе баше“²⁹⁹). Аввакумъ сосланъ былъ въ Пустозерскій острогъ. Но вѣдь—не камень человѣкъ? Не можетъ быть, чтобъ любовь и вразумленіе не оказали своего дѣйствія? думали отцы собора и воспользовавшись прибытіемъ восточныхъ патріарховъ, вновь привезли Аввакума въ Москву. Какъ самъ говоритъ Аввакумъ „многажды“ его возили въ Чудовъ монастырь для убѣжденія, и наконецъ, поставили предъ вселенскихъ патріарховъ (соборъ былъ подъ предсѣдательствомъ двухъ патріарховъ восточныхъ — Александрійскаго Паисія и Антіохійскаго Макарія). Долго убѣждали Аввакума патріархи и въ заключеніе замѣтили: „вся Палестина, и сербы, и албанцы, и волохи, даже римляне и поляки, крестятся тремя перстами, одинъ ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двумя перстами; такъ не подобаеъ“. Но въ глазахъ Аввакума авторитетъ вселенскаго обличенія не имѣлъ никакой силы и значенія; онъ отвѣчалъ патріархамъ оскорбительною насмѣшкою: „Вселенскіе учителя! говоритъ Аввакумъ, Римъ давно упалъ и лежитъ не восклонно и ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіанамъ, и у васъ (на Востокѣ) православіе пѣстро отъ насилія. Турскаго Магмета не мощни есте стали, и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться...“³⁰⁰). Потомъ Аввакумъ *побранилъ* присутствовавшихъ на соборѣ и *сколько могъ* началъ разыгрывать роль юродиваго³⁰¹). Убѣждалъ и просилъ

²⁹⁶) Дополнит. акты историч., т. V, стр. 448.

²⁹⁷) Тамъ же.

²⁹⁸) Автобіографія протоп. Аввакума, стр. 74.

²⁹⁹) Дополнит. акты историч., т. V, стр. 448.

³⁰⁰) Ав біографія протоп. Аввакума, стр. 83—84.

³⁰¹) Тамъ же, стр. 85—86.

самъ царь, но Аввакумъ остался непреклоненъ ³⁰²)... Еслибы Аввакумъ хотя на минуту дозволилъ себѣ усумниться въ правотѣ своего дѣла, или призналъ необходимость провѣрки своихъ убѣжденій, при такихъ условіяхъ собора—онъ непременно бы обратился къ церкви. Но фанатизмъ Аввакума не позволялъ ему ни на минуту усумниться въ истинности и чистотѣ своихъ убѣжденій, не могъ допустить одной іоты правды въ дѣлѣ противниковъ и, какъ напередъ рѣшилъ, съ тѣмъ убѣжденіемъ и остался. Цѣлыя сотни соборовъ не могли бы поколебать фанатизма Аввакума...

Но неблагоприятный исходъ успій собора обратить къ церкви Аввакума не поколебалъ рѣшенія собора обратить къ церкви другихъ расколоучителей, хотя и другіе расколоучители по своимъ нравственнымъ качествамъ мало чѣмъ отличались отъ Аввакума. На пятое засѣданіе собора призванъ былъ Никита, священникъ Суздальскаго Рождественскаго собора. Никита не имѣлъ даже качествъ Аввакума, по своему умственному развитію онъ стоитъ несравненно ниже Аввакума, уступаетъ ему и въ ревности. Но онъ имѣлъ и преимущества предъ своимъ апостоломъ, которыми опредѣляется его исторія. Въ минуту опасности Никита способенъ былъ отказаться отъ своихъ убѣжденій, не считалъ грѣхомъ написать покаянный свитокъ и при первой возможности опять обратиться къ расколу: безъ этихъ качествъ онъ не могъ бы сдѣлаться главою мятежа 1682 года. Собору, конечно, неизвѣстны были эти качества души Никиты, и онъ съ такою же ревностію и любовію заботился объ обращеніи его какъ протопопа Аввакума. Узнавши, что Никита такъ и вѣруетъ, какъ написалъ въ своемъ свиткѣ, поданномъ царю Алексѣю Михайловичу ³⁰³), „архіереи начаша отверзати ему умныя очеса и являти его невѣжество, толковати же божественныхъ писаній трудности“ ³⁰⁴). Нужно полагать, что соборъ долго убѣждалъ Никиту. Ему подробно было указано, что ереси, погрѣшности и заблужденія находятся не въ скрѣжали и новоисправленныхъ книгахъ, а свиткѣ или челобитной Никиты ³⁰⁵), который ученіе

³⁰²) Тамъ же, стр. 88.

³⁰³) Дополнит. акты истор., т. V, стр. 449.

³⁰⁴) Тамъ же, стр. 450.

³⁰⁵) Тамъ же, дѣяніе собора 5-е.

св. отецъ назвалъ ересью. Но убѣжденія ни къ чему не повели: онъ такъ же относился къ убѣжденію, какъ и Аввакумъ, т.-е. не слушалъ увѣщаній. „Онъ же окаинный, говорится въ соборномъ дѣяніи, уподобился аспиду, затыкающему ушеса своя на гласъ обавающаго, не хотѣ и слушати архіерейскихъ увѣщаній, но гордостію дьявольскою напыщенъ бывъ, глагола единого себе искуснѣйша быти божественныхъ писаній, неже вси архіереи; обаче они (архіереи) яко добріи врачеве, презирающе и забывающе вся укоризны и руганія его нестерпимая, не присташа его молити же и увѣщати къ обращенію, но и тако аеіопа слыша“³⁰⁶). Отцы собора хотѣли обратить расколуучителей чисто духовными мѣрами, убѣжденіемъ, мольбами, кротостію, любовію. Они съ рѣдкимъ въ тотъ вѣкъ снисхожденіемъ, кротостію и любовію истинно христіанскихъ пастырей церкви относились къ отпадшимъ отъ церкви, не смотря на свои обширныя полномочія. Но развѣ могли имѣть какой-либо смыслъ убѣжденіе, любовь и кротость для такихъ нравственно безобразныхъ людей, какъ Никита?! Самая побѣда надъ такими людьми не приноситъ никакой пользы: Никита, напримѣръ, четырежды обращался къ церкви—и всё-таки оставался ревнителемъ раскола, заклятымъ фанатическимъ врагомъ церкви...

Вообще о дѣятельности отцовъ собора 1666 года должно замѣтить, что они думали и стремились достигнуть своей цѣли—обратить расколуучителей къ церкви одними чисто духовными средствами и всячески воздерживались отъ мѣръ крутыхъ, несвойственныхъ церкви: не подвергали расколуучителей наказанію даже тогда, когда эти послѣдніе являлись оскорбителями отцовъ собора. Такое гуманное и разумное отношеніе отцевъ собора къ расколу въ высшей степени замѣчательно: въ то время малѣйшее преступленіе противъ вѣры, нравственности христіанск. и церковнаго устава вызывало часто жесточайшія тѣлесныя наказанія; сопротивленіе, противорѣчіе были почти невыносимымъ дѣломъ. Не такъ, очевидно, смотрѣлъ на это дѣло соборъ 1666 года. Безуспѣшныя усилія убѣдить Аввакума и Никиту, ихъ дерзость, упорство не измѣнили тактики собора. Онъ тѣми же средствами и съ такою же любовію старается

³⁰⁶) Тамъ же, стр. 450.

обратить Ѳедора, Лазаря и др. расколуучителей. Діаконъ Ѳедоръ на соборѣ обругалъ всѣхъ архіереевъ еретиками, не изъявилъ малѣйшаго желанія примириться съ церковію; но архіереи начали „съ любовію“ увѣщевать его „да придетъ въ чувство“ и показывали ему, что все исправленное патр. Никономъ *благочестиво исправилася по преданію св. отцевъ, благодатію пресвятаго и животворящаго Духа* ³⁰⁷). Наглый обманъ Ѳедора (Ѳедоръ, преданный анаемѣ, написалъ покаянный свитокъ и присоединенъ былъ къ церкви, но потомъ забралъ всё свое семейство и бѣжалъ) ³⁰⁸), не оттолкнулъ отъ него отцевъ собора, они убѣждали его вновь и долго ожидали „исправленія“ ³⁰⁹). О Лазарѣ говорится въ соборномъ дѣяніи, что его „многими наученми бодрѣи пастырѣе на путь истинный наставляху, и вредъ его душевный врачевашу, давшѣ ему многихъ мѣсяцевъ поприще ко исправленію, терпяще его даже до пришествія святѣйшихъ патріарховъ Пансія Александрійскаго и Макарія Антиохійскаго“ ³¹⁰), хотя съ Лазаремъ можно было поступить строже, такъ какъ онъ, подобно своимъ предшественникамъ, „весь освященный соборъ въ лице укоряше“ ³¹²).

Соборъ 1666 года, какъ мы видѣли, строго держался разумныхъ гуманныхъ началъ въ борьбѣ съ расколуучителями и это направленіе собора тѣмъ болѣе заслуживаетъ глубокаго уваженія, что до собора и послѣ даже него долгое время грубой физической силѣ отдавалось очевидное преимущество не только гражданскимъ правительствомъ, но даже и церковнымъ. Изъ того, что по отношенію къ нѣкоторымъ расколуучителямъ это начало не принесло плода ожидаемаго, не привело къ желанной цѣли, еще никакъ не слѣдуетъ, будто это начало недѣйствительно, или прилагали его не надлежащимъ образомъ. Вышепоименованные не раскаявшіеся расколуучители принадлежали къ тому рѣдкому классу людей, на направленіе мыслей которыхъ не можетъ оказывать рѣшительно никакого дѣйствія ни начала нравственныя, ни

³⁰⁷) Дополнит. акты истор., т. V, стр. 452.

³⁰⁸) Тамъ же, стр. 452.

³⁰⁹) Тамъ же.

³¹⁰) Тамъ же, стр. 456—457.

³¹¹) Тамъ же, стр. 457.

³¹²) Дополнит. акты истор. т. V, стр. 452—455.

убѣжденіе, кротость, любовь и просьбы, ни грубая физическая сила, ни вообще—всякое другое средство: сердце этихъ расколоучителей это—камень, который такъ сильно сплоченъ, что не вывѣтривается отъ вѣтра и не поддается молоту. Другіе же расколоучители, серьезно искавшіе истины и съ болѣе нѣжными свойствами души, не могли устоять противъ истинно-христіанскаго направленія дѣятельности собора: они оставляли свои убѣжденія, или—послѣ убѣжденій и увѣщаній, сдѣланныхъ имъ на соборѣ, какъ раскаялись—Ефремъ Потемкинъ ³¹²⁾, іеромонахъ Авраамій ³¹³⁾, Антоній, бывшій архимандритомъ Спасскаго монастыря Муромскаго ³¹⁴⁾ и Сергій Салтыковъ, игуменъ Бизюковскаго монастыря ³¹⁵⁾, или—сами добровольно приходили на соборъ съ покаяннымъ свиткомъ, какъ іеромонахъ Сергій ³¹⁶⁾, Григорій—Іоаннъ Нероновъ ³¹⁷⁾, Герасимъ Фирсовъ и другіе ³¹⁸⁾.

Во все время дѣятельности собора мы не видимъ насилія, духа нетерпимости и жестокости, которыя обыкновенно приписываютъ духовенству, какъ главную и характеристическую черту въ его дѣятельности противъ раскола и въ особенности собору 1666 года.

Здѣсь нелишнимъ считаемъ опровергнуть ни на чемъ не основанное мнѣніе г. Варадинова, высказанное имъ въ своей „Исторіи Министерства внутреннихъ Дѣлъ“, будто постановленіе подвергать раскольниковъ не только церковному, но и гражданскому наказанію выражаетъ собою взглядъ духовенства на дѣло раскола и было сдѣлано соборомъ 1667 года (продолженіе собора 1666 года подъ предсѣдательствомъ восточныхъ патріарховъ). „Подобаеть ихъ (раскольниковъ) наказати и градскимъ казненіемъ, говорится въ этомъ постановленіи, зане во второй вселенскій соборъ, иже въ Константинополѣ собрася, во время благочестиваго царя Θεодосія Великаго на духоборца Македонія и быша тогда злочестивые епископы 36, послѣдователи ересе-начальнику Македонію; богоносніи отцы, по изверженіи и про-

³¹²⁾ Тамъ же, стр. 458.

³¹⁴⁾ Тамъ же, стр. 458.

³¹⁵⁾ Тамъ же, стр. 458—459.

³¹⁶⁾ Тамъ же, стр. 455.

³¹⁷⁾ Тамъ же, стр. 457.

³¹⁸⁾ Тамъ же, стр. 458.

клятѣи тѣхъ злочестивыхъ епископовъ, повелѣша ихъ наказати и градскимъ закономъ. И аще царскимъ повелѣніемъ благочестиваго царя Θεодосія біены быша зѣло говаяжими жилами и позориша ихъ, всадивши на верблюды и возиша по торгу и потомъ сослаша въ Емекинъ градъ Сирійскій и тамо злѣ скончашася, и такъ дал. (слѣдуютъ примѣры изъ исторіи соборовъ³¹⁹). Приводя это постановленіе г. Варадиновъ замѣчаетъ: „хотя постановленіе это свидѣтельствуеетъ о новомъ направленіи намѣреній и дѣйствій правительства, однако оно истекало не изъ этого юридическаго взгляда, а вращалось все еще въ кругъ религиозныхъ мѣръ, предпринимавшихся противъ раскольниковъ; по крайней мѣрѣ оно основано на книгахъ церковныхъ, которыя и приводятся здѣсь, какъ основаніе этой мѣры. Это узаконеніе имѣетъ своимъ основаніемъ *взглядъ духовенства на дѣло раскола*; правительство все еще не начинало смотрѣть на него съ точки зрѣнія государственной, ни даже уголовной или полицейской, т.-е. оно не относило проявленій раскола къ нарушенію законовъ“³²⁰). Кромѣ того, что это постановленіе существуетъ и что оно издано не безъ участія духовенства, ничего нельзя сказать объ этомъ законѣ: Варадиновъ говоритъ, что это узаконеніе — имѣетъ своимъ основаніемъ *взглядъ духовенства на дѣло раскола*. Это по меньшей мѣрѣ не вѣрно. Изъ разсмотрѣнія дѣятельности собора 1666 года несомнѣнно видно, что духовенство держалось совершенно противоположнаго взгляда на дѣло раскола: въ исторіи этого собора нѣтъ ни одного факта, который бы подтверждалъ мнѣніе г. Варадинова. Но оно и не принадлежитъ духовенству. Одно то, что это узаконеніе находимъ въ кодексѣ гражданскихъ постановленій и не находимъ ни въ соборномъ свиткѣ 1666—67 годовъ, ни въ церковныхъ постановленіяхъ, доказываетъ, что оно нужно было для гражданскаго правительства и издано имъ, хотя не безъ участія духовенства. Затѣмъ, документъ этотъ хотя изданъ отъ лица патріаршаго собора 1667 года, но принадлежитъ собственно правительству гражданскому. Въ 1681 году царь Θεодоръ Алексѣевичъ

³¹⁹) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, т. I, № 412, стр. 706.

³²⁰) Исторія министерства внутр. дѣлъ Варадинова, т. 8, дополнительная книга, стр. 10—11.

спрашивалъ архіереевъ, собравшихся на соборъ: какъ поступить съ раскольниками? (Если рѣшено было соборомъ 1667 г., къ чему же вновь созывать соборъ и спрашивать: какъ поступать съ раскольниками?) Соборъ отвѣчалъ: „блаженные памяти великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, ревнуя по Господѣ Божѣ и обороняючи мать свою святую церковь, *указалъ тѣхъ* враговъ, святыхъ церкви противниковъ, отсылать къ градскому суду, и по своему государеву разсмотрѣнію, кто чего достоинъ указъ чинить“ ³²¹⁾, „соборное доношеніе“ о раскольникахъ, которые не покорятся церкви „по многому архіерейскому ученію и прошенію и по наказанію церковному“ ³²²⁾. Царь Алексѣй Михайловичъ *указалъ*, говорили отцы собора; слѣдовательно, инициатива этого закона принадлежитъ царю, а не собору, который не имѣлъ даже права дѣлать подобныхъ постановленій, не превышая своей власти и правъ. Не должно забывать, что на соборѣ присутствовали по большей части самъ царь, царскій синклитъ и нарочитіи люди. Собору, вѣроятно, въ этомъ документѣ принадлежитъ одно, это изложеніе основаній, по которымъ раскольниковъ можно подвергать тѣлесному наказанію за противленіе церкви. Слѣдовательно, законъ этотъ по всей справедливости долженъ быть приписанъ гражданскому правительству; духовенство здѣсь дѣйствовало по инициативѣ и цѣлямъ гражданскаго правительства. Духовенство здѣсь, очевидно, принимало такое же участіе, какъ и въ составленіи уложенія царя Алексѣя Михайловича ³²³⁾, хотя никому не прійдетъ въ голову доказывать, что уложеніе составлено духовенствомъ; или какъ — полвѣка спустя, по приказанію Петра I, оно написало основанія для казни царевича Алексѣя Петровича, несочувствовавшего реформамъ своего отца, хотя, конечно, духовенство нисколько не виновато въ казни царевича. Вотъ почему мы не встрѣчаемъ этого важнаго документа ни въ церковныхъ постановленіяхъ, ни въ дѣяніяхъ собора 1666--67 годовъ, которому приписывается его изданіе. Далѣе, несправедливо также и то, будто

³²¹⁾ Акты историческіе, т. V, № 75, стр. 111.

³²²⁾ Тамъ же. См. начало отвѣга на 2-е предложеніе царя, стр. 111.

³²³⁾ Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, т. I, стр. 1--3.

„гражданское правительство, еще не начинало смотрѣть на расколъ съ точки зрѣнія государственной, ни даже уголовной или полицейской, т.-е. оно не относило проявленій раскола къ нарушенію законовъ“. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича издано въ 1649 году, а въ немъ самая первая статья говоритъ: „будетъ кто иновѣрцы, какія нибудь вѣры, или и русской человѣкъ, возложитъ хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на родшую Его пречистую Владычицу, нашу Богородицу и приснодѣву Марію, или на честный крестъ, или на святыхъ Его угодниковъ: и про то сыскивати всякими сыски на крѣпко. Да будетъ същется то до прямо, и того богохульника обличивъ казнити, сжечь“ ³²⁴). Далѣе полагается смертная казнь за безчинство въ церкви и торговая казнь за оскорбленіе духовныхъ лицъ ³²⁵). Раскольники же не только хулили св. крестъ, но порицали церковь, церковныя таинства, богослуженіе, отрицали самую церковь и іерархію, православную вѣру называли антихристовою, христіанъ—слугами антихристовыми: это можно найти въ каждомъ раскольническомъ сочиненіи. Слѣдовательно, правительство на раскольниковъ имѣло опредѣленный взглядъ. Такъ на основаніи этого закона расколуучитель Исаія былъ еще до собора 1666 года сожженъ ³²⁶), другіе сосланы въ ссылку потому же градскому закону ³²⁷). Слѣдовательно въ 1667 году изданъ *не новый* какой-либо законъ, а примѣненъ къ расколу и обоснованъ законъ уже существовавшій и дѣйствовавшій.

Но несмотря на благоразумную и осторожную дѣятельность собора, въ массѣ народа и даже духовенства скрывалось нѣкоторое недовѣріе какъ къ самому собору, такъ и дѣлу исправленія книгъ и чиновъ, которые онъ защищалъ. Причина этого, какъ увидѣли отцы собора, заключалась главнымъ образомъ въ томъ большемъ уваженіи къ стоглавному собору, которымъ утверждено все, отвергнутое патр. Никономъ, а соборъ стоглавый, нужно полагать, имѣлъ какія-либо основанія для своихъ опредѣленій. Какъ можно измѣнять утвержденное соборомъ и

³²⁴) Тамъ же, т. I, стр. 3, статья 1.

³²⁵) Тамъ же, статьи—2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8.

³²⁶) Автобіографія протоп. Аввакума, стр. 76.

³²⁷) Дополнит. акты истор., т. V, стр. 448—452.

утвержденное по внушенію Духа Божія? Развѣ можетъ заблудаться соборъ? Народъ, выходя изъ этихъ положеній, недоумѣвалъ, впадалъ въ противорѣчіе и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на соборъ настоящій. Необходимо было объясненіе. Соборъ 1666 года дѣлаеть подробный разборъ основаній, которыми стоглавый соборъ руководился въ своихъ опредѣленіяхъ и находитъ, что отмѣнить опредѣленія стоглаваго собора было необходимо, такъ какъ онъ для своихъ опредѣленій или совсѣмъ не имѣлъ никакихъ основаній, или же имѣлъ нелѣпныя и неправославныя. Но чтобы кто не призналъ дѣйствій собора 1666 года произвольными, отцы собора ссылаются на исторію древнихъ соборовъ, изъ которой видно, что часто одинъ соборъ отмѣнялъ постановленія и опредѣленія другаго собора.

Основываясь на житіи преподобнаго Ефросима Псковскаго, стоглавый соборъ опредѣлилъ пѣть аллилуіа дважды, а въ третій: слава Тебѣ Боже. Соборъ 1636 года говоритъ: до самаго послѣдняго времени святая православная восточная церковь пѣла аллилуіа трижды, какъ это можно видѣть въ книгахъ греческихъ и въ древнихъ русскихъ. „Если же въ житіи св. Ефросима Псковскаго написано, будто „аллилуіа“ должно говорить дважды, а въ третій — слава Тебѣ Боже“; то этому сказанію не должно вѣрить, — потому что тамъ написана великая и несказанная хула на святую и живоначальную троицу: въ объясненіи „аллилуіа“ тамъ говорится о воплотившемся Богѣ Отцѣ, и о воплотившемся Богѣ Духѣ Святомъ. Потомъ тотъ же самый писатель житія говоритъ, что всѣ церкви по всей земли издревле говорили аллилуіа по трижды и повторяли это нѣсколько разъ; самъ писатель говоритъ, что много святыхъ, просіявшихъ чудесами, говорили аллилуіа по трижды, и въ четвертый—слава Тебѣ Боже“³²²). Писатель житія говоритъ еще, будто св. Ефросимъ ходилъ въ Царь-градъ и тамъ будто слышалъ отъ патріарха и въ соборной церкви пѣніе аллилуіа по дважды. „Думаемъ, говоритъ соборъ, что не ходилъ въ Царь-градъ, потому что тогда были не таковы времена: тогда Турки владѣли Болгаріею, Сербіею и веѣмъ западомъ до Дуная и Чернаго моря, и осаждали христіанъ

³²²) Тамъ же, стр. 466.

великими и лютыми своими ратями“³²⁹⁾. Не вѣрно и то мнѣніе, будто „аллилуіа“ и „слава Тебѣ Боже“ по смыслу одно и тоже, и потому—для прославленія Св. Троицы дважды должно говорить „аллилуіа“, а въ третій „слава Тебѣ Боже“. Изъ всѣхъ существующихъ толкованій, сдѣланныхъ отцами и учителями церкви на ангельскую пѣснь „аллилуіа“, ни въ одномъ не содержится той мысли, что аллилуіа и слава Тебѣ Боже — одно и тоже³³⁰⁾. Вообще же „сіе смущеніе, еже глаголати, „аллилуіа“ дважды, тоже „слава Тебѣ Боже“, не отъ Ефросима стало, но отъ писателя Ефросимова житія, дьявольскимъ навѣтомъ, и Ефросимъ въ послѣднемъ поученіи своемъ, при смерти, якоже слышахомъ и разумѣхомъ, о аллилуіа ничего же завѣща братіи монастыри своего, ниже что писа о томъ въ testamentъ (завѣщаніи) своемъ, токмо солгано на преподобнаго Ефросима, очевидно писано отъ соннаго мечтанія и писатель не согласуется самъ себѣ“³³¹⁾. Такое исполненное противорѣчій и ересей сказаніе конечно не могло служить основаніемъ для опредѣленія собора, и если онъ сдѣланъ, то—незаконно. Не болѣе достовѣрно сказаніе и о двухъперстномъ знаменіи. „Знаменіе честнаго и животворящаго креста отъ св. священномученика Игнатія Богоносца, третьяго патріарха антиохійскаго и наслѣдника св. апостоловъ, и отъ вселенскихъ учителей, свыше и отъ начала, приняли православные знаменовати себя знаменіемъ честнаго креста тремя первыми перстами правой руки, соединивши ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, по неписанному преданію, какъ свидѣтельствуеть св. Василій Великій въ 27 словѣ къ святому Амфилохію епископу Иконійскому. Когда соединяемъ три первые перста правой руки, то этимъ исповѣдуемъ, что Св. Троица есть единъ Богъ тріупостасный и единосущный. Таково православное перстосложеніе, такъ учили св. апостолы и богоносные отцы. Что же касается до ссылки, будто св. Мелетій и блаженный Θεодоритъ писали и завѣщевали креститься такъ, какъ благословляютъ священники: это — ложь. Св. Мелетій три первые перста показалъ ради трехъ ипостасей Св. Троицы, и потому тѣ три перста совокупили ради единого

³²⁹⁾ Тамъ же, стр. 500—501.

³³⁰⁾ Тамъ же, стр. 503-- 504.

³³¹⁾ Тамъ же, стр. 504.

Божества, и совершилось знаменіе. Θεодоритъ же объ этомъ ничего не писалъ: объ этомъ подробно изслѣдовали иноки св. Аѳонской горы и великороссійскіе архіереи на соборѣ 7174 (1666 г.) и не нашли въ Θεодоритовой книгѣ такого писанія. Очевидно, это должно приписано Θεодориту нѣкоторыми скрытыми еретиками³³²).

Молитву Іисусову въ церквахъ и домахъ должно такъ говорить: „Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ, Аминь“, по древнему преданію св. отцевъ, какъ писано въ древнихъ греческихъ и славяно-россійскихъ хартейныхъ книгахъ. А кто по упрямству хочетъ говорить только одну: „Господи, Іисусе Христе, сыне Божій“, а „Господи Іисусе Христе Боже нашъ“ читать отказывается, тотъ мудрствуетъ и исповѣдуетъ, подобно Арію, что Христосъ есть Сынъ Божій только по благости, а не истинный Богъ, единосущный Отцу. Судите сами, говоритъ соборъ, и уразумѣете, какая молитва особенно приличествуетъ и большую честь воздаетъ Христу? Очевидно молитва: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ“ болѣе прилична, потому что этою молитвою исповѣдуемъ Христа Сына Божія и истиннымъ Богомъ. Никто не оуждаетъ молитву: Господи Іисусе Христе Сыне Божій; но если только признаютъ одну эту и отрицаютъ другую, тѣ несомнѣнно уподобляются древнимъ проклятымъ еретикамъ³³³).

Несомнѣнно, опредѣленія собора столглаваго, бывшаго при царѣ Іоаниѣ Васильевичѣ Грозномъ, неправильны: онъ для своихъ опредѣленій или совѣтъ не имѣлъ никакихъ основаній, или имѣлъ, но ложныя, не заслуживающія вѣры; потому ради чистоты церковной истины опредѣленія этого собора необходимо отмѣнить. Но чтобы не соблазнился кто-либо, соборъ 1667 года приводитъ много примѣровъ для доказательства той мысли, что не только соборы часто отмѣняли рѣшенія другихъ соборовъ, но что даже сами апостолы повиновались замѣчаніямъ другихъ апостоловъ, и это не признавалось незаконнымъ, не возмущало мира церковнаго, но признавалось особенно полезнымъ и даже необходимымъ. Въ ветхомъ завѣтѣ примѣромъ этого послушанія

³³²) Тамъ же, стр. 502.

³³³) Дополнит. акты истор., т. V, стр. 503.

былъ Моусей, который, послушавшись совѣта тестя своего Иофора, научился полезному, чего самъ не зналъ. Въ Новомъ Завѣтѣ находимъ свидѣтельства того, что повиновались одинъ другому даже первоверховные апостолы—такъ Павелъ уступилъ и повиновался Петру и Иакову въ Иерусалимѣ, равнымъ образомъ и ап. Петръ въ Антиохіи повиновался Павлу, когда заиралъ ему, что онъ ѣлъ съ язычниками. Подобно этому послѣ апостоловъ св. отцы, бывшіе на вселенскомъ и помѣстныхъ соборахъ, обличали и исправляли неправильно изложенныя правила соборовъ. Для доказательства и увѣренія приведемъ нѣкоторыя правила соборовъ, которыя на слѣдующихъ соборахъ были исправлены или отмѣнены. Соборъ бывшій въ Новой Кесаріи, 15-мъ правиломъ завѣщалъ имѣть по семи діаконовъ, хотя бы городъ былъ очень великъ. Св. отцы шестаго вселенскаго собора замѣтили объ этомъ Неокесарійскому собору, что онъ неправильно понималъ повѣствованіе Дѣяній апостольскихъ о семи діаконахъ: апостолы заботились тогда не о служащихъ божественнымъ тайнамъ, какъ это понимали отцы Неокесарійскаго собора, но о діаконахъ на которыхъ лежала обязанность заботиться объ устроеніи общественной трапезы. Подобнымъ образомъ шестой вселенскій соборъ отмѣнилъ постановленіе Карвагенскаго собора, которымъ узаконялось въ день воспоминанія Тайной Вечери служащимъ и мірянамъ, по примѣру Иисуса Христа, приобщаться Св. Таинъ вкусивши пищи. И не только постановленія соборовъ, но даже правила и постановленія апостоловъ св. отцы на соборахъ въ послѣдствіи исправляли къ лучшему. И не мало можно найти примѣровъ того, что правила соборовъ, по забвенію или по какому другому случаю неправильно положенныя, слѣдующими соборами были исправляемы: и святая церковь не только не порицаетъ этого, но даже похваляетъ. „Тѣмъ же убо посему да некто же и нынѣ стужаетъ о семъ настоящемъ соборѣ, видя нѣкія вины на ономъ бывшемъ соборѣ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ погрѣшенныя, о крестѣ и о трегубой аллилуйи, и о согбеніи перстовъ, и о символѣ и о прочихъ вещахъ писанныхъ на ономъ соборѣ, или въ правыхъ книгахъ печатныхъ или письменныхъ написанныя, исправляемы нынѣ же, повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи

Самодержца отъ великаго сего собора вселенскими святѣйшими патриархи, со многими свидѣтельствомъ и съ великимъ тщаніемъ исправленныя совершенно, но съ зѣлымъ же паче прилежаніемъ да приѣмлетъ я и чувствуетъ и любить (нынѣ) исправленное сіе соборное и обдержанное отъ всѣхъ сущихъ православныхъ по всей вселенской обрѣтающихся и да повинуется... „Что же касается до собора, бывшаго при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, то оный соборъ въ свидѣтельство не принимается; потому что онъ не былъ ни къмъ засвидѣльствованъ, не сносился даже писаніемъ съ вселенскими патриархами, какъ имѣеть обычай св. церковь, по преданію св. апостоловъ и св. отцовъ, совѣщаться о всякихъ церковныхъ дѣлахъ, и никто изъ мѣстоблюстителей (патріаршихъ разумѣется) не присутствовалъ“³³⁴). На томъ же основаніи соборъ 1667 отмѣнилъ постановленія собора о перекрещеваніи латинъ, бывшаго при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ³³⁵). Такимъ образомъ ссылка защитниковъ двуперстія, двойнаго аллилуіа и проч. на опредѣленія стоглаваго собора, узаконившаго это, не имѣла рѣшительно никакой силы: соборъ для своихъ опредѣленій не имѣлъ никакихъ основаній, или имѣлъ ложныя, своихъ опредѣленій не представилъ на судъ высшей іерархіи напр. константинопольскаго патріарха, безъ утвержденія котораго опредѣленія русскаго собора не могутъ имѣть никакой канонической важности, такъ какъ въ то время русская церковь (при царѣ Іоаннѣ IV) подлежала непосредственному вѣденію константинопольскаго патріарха.

Убѣждая расколоучителей покоряться церкви, разрѣшая ихъ сомнѣнія, обличая ихъ неправомысліе, соборъ 1666—67 годовъ предписывалъ тотъ же родъ двѣтельности духовенству въ борьбѣ съ расколомъ. „Соборнѣ заповѣдуемъ всѣмъ вамъ архимандритамъ и игуменамъ и всѣмъ монахамъ, протопопамъ мѣстнымъ и не мѣстнымъ, клирикомъ же и всякому чину, православнымъ христіанамъ, великимъ и малымъ, мужемъ и женамъ, и повелѣваемъ покарятися во всемъ безъ всякаго сомнѣнія и прекословія св. восточнѣй и апостольской церкви Христовѣ. Архимандриты же и игумены да научаютъ братію свою въ монастырѣхъ, про-

³³⁴) Тамъ же, стр. 505—506.

³³⁵) Тамъ же, стр. 495—500.

топопы и старосты поповскіе и попы мѣстные и не мѣстные, мѣстныя же священники кійждо въ своемъ приходѣ прихожанъ, и кійждо священникъ вся своя духовныя дѣти, мужи, жены и отроки, да учать почасту во вѣхъ церквахъ и наединѣ, дабы покоряться всѣмъ во всемъ безъ всякаго сумнѣнія святѣй восточной церкви“³⁶)... И такъ, учить мужей, женъ и отроковъ „учить въ церкви, учить наединѣ“ вотъ средство, которое предложилъ соборъ духовенству въ его борьбѣ съ расколомъ и которымъ по мнѣнію собора возможно было одержать побѣду надъ расколомъ. Средство это, безъ сомнѣнія, самое лучшее, самое дѣйствительное и разумное; оно единственно законное въ дѣлахъ вѣры и совѣсти и единственно возможное для духовенства, какъ служителей церкви. Расколъ значительно усилился и распространился болѣе всего потому, что расколуучители проповѣдывали лжеученіе въ церквахъ и въ домѣ, тайно и явно, на всякомъ мѣстѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ. Достаточно прочитать автобіографію Аввакума, чтобы видѣть, какъ неутомимо, какъ энергично проповѣдывалъ свое ученіе этотъ расколуучитель. Шелъ ли онъ въ ссылку или изъ ссылки, пользовался ли онъ свободой или сидѣлъ въ душевной тюрьмѣ—онъ всюду проповѣдывалъ свое ученіе, обличалъ „блудную еретическую“... Если нельзя было проповѣдывать устно, онъ прибѣгалъ къ письму... Слѣдовательно, соборъ предлагалъ то же средство, которымъ съ такимъ успѣхомъ пользовались расколуучители. Важность и необходимость устнаго наставленія въ вѣрѣ и обличенія неправомыслия расколническаго вполне сознавали пастыри русской церкви того времени. Время отъ времени они напоминали духовенству, что въ этомъ главнымъ образомъ состоитъ ихъ главная священная обязанность и что они всѣми силами должны заботиться о спасеніи ввѣренной имъ паствы. Октября 17, 1682 года патріархъ Іоакимъ писалъ новгородскому митрополиту Корнилию. „По гласу пречистыхъ устъ Спасителя нашего Іисуса Христа Бога, кое есть дѣло добраго пастыря, всѣмъ извѣстно есть: яко и душу свою за овцы положить добрый пастырь долженствуетъ. Сего ради наша мѣрность, приємлю, благоволеніемъ Господа Бога, ввѣренное россійское всего государства душъ христіанскихъ

³⁶) Тамъ же, стр. 486.

пастырство, презѣльнѣ всякими образы тщимся паствовати, дабы вси благочестивые людіе, союзомъ любви вяжущесе и братолюбствомъ, рожденніи отъ единыя матери церкви Христовы, пребыли присно въ ней, питоми негибающею пищею словесъ Духа, возрастающе въ вѣчную жизнь... Твое же боголюбіе, яко способникъ нашей мѣрности въ спасеніи словеснаго Христова стада, во врученной ти паствѣ, яко добрый пастырь, въ дѣланіи слова Божія потщися о овцахъ, погибающихъ церкви восточныя прелестію безумныхъ раскольниковъ, да не преемлится кто беззаконному ихъ и чуждому жесловію и, угрызнувся злоу ихъ бѣсѣдою, да не умретъ горькою смертію. Сего ради, по учительству богопроповѣдника св. апостола Павла и отъ нашея мѣрности нынѣ прошеніемъ, ради пострадавшаго за ны Христа Іисуса Господа, прельщеннымъ людемъ и прельщающимся отъ раскольниковъ святыя церкви проповѣдуй слово, настой, понуди, благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли, со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ; за сіе бо наипаче возмездихися отъ богатодавца Христа Бога нашего, спасая люди его благими и праведными дѣлы своими“³³⁷)... Эта грамота, дышащая истинною любовію христіанскаго пастыря, заботящагося о спасеніи ввѣреннаго ему стада Христова, нужно полагать, была разслана ко воѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ, въ епархіяхъ которыхъ раскольники основали свое пребываніе и усилились. Изъ отвѣта архіепископа устюжскаго Геласія на запросъ государей, что сдѣлано по части обращенія раскольниковъ, видно, что онъ получилъ по содержанию точно такую же грамоту отъ патріарха Іоакима 1683 г. (191) 11 января, кака была послана къ Корнилію новгородскому³³⁸). Въ 1683 году, въ настольной грамотѣ новорукоположенному астраханскому митрополиту Савватію, между другими его обязанностями по отношенію къ паствѣ, патріархъ Іоакимъ особенно заповѣдывалъ заботиться объ охраненіи своей паствы „отъ злаго плевелосѣягельства“ и достигать этого посредствомъ наученія людей и проповѣдл. „Иже сотворить и научить, сей велій наречется въ царствіи небесномъ“ говорилъ патріархъ. „Аще же вознерадитъ

³³⁷) Акты историч. т. V, № 98, стр. 154—155.

³³⁸) Дополнит. акты истор. т. X, № 108, отд. II, стр. 445.

о вручимоѣ божественномѣ семѣ дѣланіи и блазиствовати имать люди Божіи коимѣ дѣлательнымѣ порокомѣ, его же ради не точію архіерейства извержется, лишившися толикаго достоинства и вѣрненныя паствы, но и безконечнымѣ нестерпимымѣ мученіямѣ имать быти подлогѣ; образъ убо благихъ дѣлъ во всемѣ и прописаніе правды и истины всему врученному стаду да будетѣ, имать бо Господь Богъ отъ руки его словесныхъ овецъ разыскати, аще его нерадѣніемѣ отъ врага похитится“³³⁹⁾. Но чтобы вѣрнѣе достигать своей цѣли въ охраненіи паствы отъ плевелосѣятелей, патріархъ Іоакимъ совѣтовалъ Савватію учить самихъ священно- и церковно-служителей, чтобы они такимѣ образомъ сдѣлались дѣлательными помощниками ему въ дѣлѣ проповѣдыванія слова Божія и предохраненія паствы отъ плевелосѣятельства³⁴⁰⁾. Епархіальные архіереи въ свою очередь предписывали низшему духовенству наставлять христіанъ ко спасенію и обличать раскольниковъ. Такъ Геласій устюжскій архіепископъ предписывалъ Солю-Вычегодскому духовенству—„смотрѣть и развѣдывать крѣпко объ отмѣтникахъ, противящихся церкви Божіей, и раскольникахъ и капитонскаго ученія и наставлять ихъ ко благочестію“³⁴¹⁾. Въ 1689 году января 15 Тихвинскій монастырь, посылая монаха Савватія для управленія своею вотчиною Николаевскимъ Жунскимъ погостомѣ, далъ ему наказъ, которымъ предписывалось Савватію, чтобы онъ побуждалъ христіанъ повиноваться во всякихъ церковныхъ догматахъ восточной святой соборной и апостольской церкви и удаляться раскольниковъ и раскольническаго ученія; если которые будутъ противиться, тѣхъ „всяко принуждати ученіемъ“³⁴²⁾. Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ архипастырей прошлаго вѣка, св. Димитрій Ростовскій, самъ постоянно проповѣдывавшій слово Божіе и обличавшій устно и письменно раскольниковъ, требовалъ того же и отъ подчиненнаго ему духовенства. „О спасеніи душъ человѣческихъ всѣми видами, во дни и въ нощи, іерей пецися долженъ, якоже и о своей душѣ, писалъ св. Димитрій въ своемѣ окружномъ по-

³³⁹⁾ Акты историческіе, т. V, № 105, стр. 168.

³⁴⁰⁾ Тамъ же.

³⁴¹⁾ Акты археограф. экспед., т. IV, № 275.

³⁴²⁾ Акты историч., т. V, № 177, стр. 311.

слани къ іереямъ, дабы его небреженіемъ не погибли словесныя овцы Христовы, за нія же ему отвѣтъ Христу Богу дати въ день судный. По вся дни воскресные и праздничные іерей да поучаетъ народъ въ церкви отъ святыхъ книгъ, прилагая и отъ своего разума словеса полезная, елика будетъ возможно“³⁴³). Того же требовалъ отъ священнослужителей и Питиримъ епископъ нижегородскій.

Само гражданское правительство возлагало большія надежды на устные наставленія и обличенія раскольниковъ православнымъ духовенствомъ. Въ сентябрѣ 1682 года послана была царская грамота Двинскому воеводѣ князю Никитѣ Урусову, которою предписывалось ему помогать въ духовныхъ дѣлахъ посланному туда архіепископу Аванасію, когда онъ этой помощи будетъ требовать; самому же воеводѣ и дьяку „отнюдь не вступаться“³⁴⁴). Воеводамъ запрещалось казнить безъ архіерейскаго увѣщанія даже тѣхъ изъ раскольниковъ, которые должны быть судимы гражданскимъ судомъ³⁴⁵).

Теперь обратимъ вниманіе на то, насколько духовенство по своему образованію и развитію способно было выполнить означенное требованіе, и насколько оно на самомъ дѣлѣ выполнило.

Какъ ни велики надежды, которыя возлагали на церковную проповѣдь, но церковной проповѣди до самаго начала XVIII вѣка почти не слышно... Гдѣ причина этого страннаго явленія и вмѣстѣ прискорбнаго? Прежде всего и болѣе всего винять въ этомъ духовенство, по преимуществу низшее³⁴⁶). Обыкновенно говорить, что низшее духовенство было въ высшей степени невѣжественно и безнравственно, рѣшительно не понимало своихъ обязанностей; оно положительно неспособно было учить другихъ и не могло остановить проповѣди раскольниковъ³⁴⁷). Въ этомъ есть доля правды, но оно не объясняетъ сущности дѣла. Правда въ средѣ духовенства было немалое число людей невѣжественныхъ, не понимавшихъ своихъ обязанностей, неспособныхъ проповѣдывать слово Божіе примѣнительно къ современ-

³⁴³) Собраніе сочиненій св. Димитрія Ростовскаго, ч. I, стр. 215.

³⁴⁴) Акты историч., т. V, № 93, стр. 145—146.

³⁴⁵) Акты историч., т. V, № 100.

³⁴⁶) Раскольничьи дѣла XVIII вѣка Есипова, т. II, стр. 263.

нымъ потребностямъ и обстоятельствамъ; но было бы въ высшей степени несправедливо сказать такъ объ всемъ духовенствѣ того времени, даже — большинствѣ. Мы не встрѣчаемъ среди духовенства того времени получившихъ правильное систематическое образованіе (кромѣ южно-русскихъ ученыхъ), такъ какъ такого образованія негдѣ было получить; но за то въ томъ же духовенствѣ было не мало начетчиковъ въ родѣ протопопа Аввакума, которые могли бы научить своихъ пасомыхъ основнымъ истинамъ вѣры, предохранить отъ раскольнической пропаганды; могли не только состязаться съ раскольниками, но и успѣшно побѣждать ихъ. И если проповѣдь Аввакума и другихъ расколотчиковъ — простыхъ начетчиковъ — имѣла громадный успѣхъ, магически дѣйствовала на слушателей, то нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ успѣхѣ проповѣди начетчиковъ православныхъ. Что касается до народа, то онъ всегда относился къ проповѣди съ большимъ сочувствіемъ и, если можно такъ выразиться, съ жадностію слушалъ проповѣдниковъ (чѣмъ между прочимъ объясняется успѣхъ пропаганды расколотчиковъ). Достаточно припомнить, что Никонъ въ санѣ Новгородскаго митрополита дважды остановилъ бунтъ силою своего слова, и потомъ въ санѣ патріарха заставлялъ своихъ слушателей плакать и восторгаться, достаточно, говоримъ, припомнить одно это обстоятельство, чтобы убѣдиться, что народъ всегда съ особеннымъ сочувствіемъ относился къ церковной проповѣди. И не одного Никона слушалъ народъ и подчинялся его слову. Онъ съ восторгомъ слушалъ Симеона Полоцкаго, патріарха Іоакима, автора „Статира“ священника г. Орла, бывшаго въ Пермскихъ предѣлахъ и всѣхъ тѣхъ, кто только говорилъ свои проповѣди ³⁴⁶). Значитъ устная проповѣдь должна была принести самые обильные плоды, она могла не только предохранить православныхъ отъ раскольнической пропаганды, но сильно воздѣйствовать и на самый расколъ, хотя раскольники рѣдко посѣщали православные храмы. Развитію церковнаго проповѣдничества въ Россіи во второй половинѣ XVII вѣка препятствовали совершенно

³⁴⁷) Тамъ же.

³⁴⁸) Обзоръ русской духовн. литературы, стр. 359. См. отзывъ самаго автора «Статира», какъ охотно русскій народъ слушалъ проповѣди.

случайныя обстоятельства. Первые два патріарха Московскіе, управлявшіе русскою церковію послѣ большаго Московскаго собора 1666—67 годовъ, не позаботились привести въ исполненіе опредѣлений этого собора. Престарѣлый патріархъ Іоасафъ II-й старался болѣе своимъ краткимъ правленіемъ, чистотою своей души примирить съ церковію враждующихъ и одержать побѣду надъ суевѣрами ³⁴⁹). Вся его дѣятельность по части раскола ограничилась изданіемъ „Увѣщательной грамоты къ суевѣрамъ“ ³⁵⁰) и нѣкоторыхъ правилъ касательно церковнаго благочинія ³⁵¹). Расколъ въ его время, очевидно, еще болѣе усилился, не находя себѣ дѣятельнаго противодѣйствія со стороны духовнаго правительства. Питиримъ, дѣятельный въ санѣ Новгородскаго митрополита, въ свое кратковременное управленіе русскою церковію ³⁵²) ничего не успѣлъ сдѣлать по части раскола. Къ тому же дѣло раскола не представлялось имъ особенно важнымъ. Они думали, что это мимолетная вспышка, недоразумѣніе, которое должно само собою разрѣшиться и которое не требуетъ особенно важныхъ мѣръ.

Иначе смотрѣлъ на дѣло умный и образованный патріархъ Іоакимъ. Онъ, какъ мы видѣли выше, признавалъ за церковною проповѣдію оч. важное значеніе и разсылалъ свои грамоты къ архіереямъ епархіальнымъ, чтобы „они проповѣдывали слово благовременнѣ и безвременнѣ“ ³⁵³). Грамоты эти не оставались гласомъ вопіющаго въ пустынь—какъ это можно судить по донесенію Геласія архіепископа Устюжскаго ³⁵⁴). Но возникшій споръ въ Москвѣ о времени пресуществленія св. Даровъ въ таинствѣ евхаристіи и излишняя осторожность патріарха Іоакима остановили на долго церковное проповѣдничество, начавшее было оживляться со времени его патріаршества. Подозрѣвая однихъ въ латинствѣ, другихъ въ сочувствіи расколу, патріархъ Іоакимъ разрѣшалъ проповѣдывать только тѣмъ, въ православіи

³⁴⁹) Чтенія обществ. истор. и древн. Росс. 1848 г., № 7, стр. 80.

³⁵⁰) Обзоръ русской духовной литературы, стр. 333.

³⁵¹) Тамъ же.

³⁵²) Патріархъ Питиримъ былъ въ санѣ патріарха только 10 мѣсяцевъ — съ 6-го іюля 1672 г. до 12 апрѣля слѣдующаго года.

³⁵³) Историч. акты, т. V, № 98.

³⁵⁴) Дополнит. акты истор., т. X, № 108, отд. II, стр. 445.

которыхъ онъ не сомнѣвался. Многіе изъ южно-русскихъ ученыхъ, вызванныхъ и добровольно прїѣхавшихъ въ Москву, раздѣляли латинское ученіе о времени пресуществленія св. Даровъ на литургіи. Какъ получившіе образованіе въ польскихъ, по преимуществу іезуитскихъ коллегіяхъ, нѣкоторые изъ южно-русскихъ ученыхъ были убѣждены, что св. Дары пресуществляются въ тѣло и кровь Христову во время произнесенія священникомъ словъ Исуса Христа: сіе есть тѣло Мое... и сія есть кровь Моя..., какъ учила и учитъ римско-католическая церковь. Этого ученія придерживался и Симеонъ Полоцкій³⁵⁵), почему патріархъ Іоакимъ всѣми силами старался запретить ему проповѣдывать съ церковной кафедры. Полоцкій увлекъ многихъ своимъ ученіемъ и между другими Сильвестра Медвѣдева, одного изъ даровитѣйшихъ людей своего времени, который вступилъ въ 168⁶/₇ годахъ въ самую жаркую полемику съ Лихудами о времени пресуществленія св. Даровъ. Медвѣдевъ защищалъ латинское ученіе о пресуществленіи даровъ одними словами Спасителя безъ призванія св. Духа. Эту мысль Сильвестръ подкрѣплялъ свидѣтельствомъ разныхъ книгъ, изданныхъ въ XVII вѣкѣ малороссійскими учеными и преимущественно сочиненіемъ Θεодосія Софоновича, подъ названіемъ: „Выкладъ о церкви святой и о службѣ“³⁵⁶). Лихуды писали въ защиту православнаго ученія. Споръ этотъ соблазнительно дѣйствовалъ на раскольниковъ; онъ далъ имъ возможность обличать православныхъ въ латинствѣ съ нѣкоторымъ правомъ³⁵⁷). Патріархъ видѣлъ, что латинское ученіе о времени пресуществленія занесено въ Москву малороссійскими учеными и смотрѣлъ на ихъ недружелюбно. Очень вѣроятно, что этотъ споръ, колебавшій только Москву и не проникавшій въ глубь Россіи, остался бы безъ особенныхъ послѣдствій, еслибы къ этому времени не подоспѣлъ отзывъ Іерусалимскаго патріарха Досіея, въ которомъ онъ изложилъ свое

³⁵⁵) Сочиненіе: «о благоговѣнномъ стояніи во храмѣ Божіемъ» пресвящ. Филаретъ въ обзорѣ русской духовной литературы, стр. 349, приписываетъ Симеону Полоцкому на томъ основаніи, что въ этомъ сочиненіи говорится о пресуществленіи даровъ, будто оно происходитъ въ моментъ произношенія священникомъ словъ Спасителя: сіе есть Тѣло и проч.

³⁵⁶) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія 1845 г., № 2, «Лихуды».

³⁵⁷) Словарь писателей духов. чина, ч. 2, стр. 584—589.

сомнѣніе о православіи малороссійскихъ монаховъ и даже бѣлаго духовенства. Досиѣе совѣтывалъ, чтобы на будущее время епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и даже простыхъ священниковъ не поставлять изъ малороссовъ, которые учатся въ Польшѣ и папешскихъ мѣстахъ, но чтобы поставляли въ эти должности изъ великороссовъ какъ на Москвѣ, такъ и въ казачкой землѣ: „довольно бо православная вѣра ко спасенію, и не подобаетъ вѣрнымъ прельщаться чрезъ философію и суетную предельсть... О дабы благочестивый и на Москвѣ былъ сохраненъ обычай, по древнему уставу, еже не было бы игумена и архимандрита отъ казачкаго рода, но москале на Москвѣ и въ казачкой землѣ“... ³⁵⁸). Какъ строгій ревнитель православія, патріархъ Іоакимъ не могъ не обратить на это своего особеннаго вниманія: онъ сдѣлалъ запросъ малороссійскимъ архіереямъ и настоятелямъ монастырей—о времени пресуществленія даровъ на литургіи, о Флорентійскомъ соборѣ, о книгѣ: Выявль о церкви святой“ и пр. ³⁵⁹), и хотя получилъ отвѣтъ удовлетворительный, но не могъ переимѣнить своего мнѣнія о малороссійскихъ ученыхъ, тѣмъ болѣе, что отъ нѣкоторыхъ своихъ мнѣній они отказались не охотно, по принужденію ³⁶⁰). По той же самой причинѣ патріархъ ненавидѣлъ Сильвестра Медвѣдева, сжегъ его сочиненіе „Манна хлѣба животнаго“ ³⁶¹) и простеръ свою ревность до того, что запретилъ устную живую проповѣдь, не только малороссамъ, но и великороссамъ ³⁶²). Въмѣсто устной живой проповѣди приказано было читать въ церкви творенія св. отцевъ; исключеніе было сдѣлано для тѣхъ только лицъ, въ православіи которыхъ патріархъ не имѣлъ основанія сомнѣваться, но число довѣренныхъ лицъ было самое ничтожное и ограничивалось одними епархіальными архіереями ³⁶³).

³⁵⁸) Это посланіе Досиѣе приведено въ цѣломъ видѣ въ сочиненіи Нечаева «Жизнь св. Дмитрія Ростовскаго», стр. 23.

³⁵⁹) Словарь писателей духовн. чина, стр. 239.

³⁶⁰) Жизнь св. Дмитрія Ростовскаго, стр. 24.

³⁶¹) Обзоръ русск. дух. литературы, стр. 357.

³⁶²) Словарь писателей духовн. чина, стр. 587—589.

³⁶³) Историческія акты, т. V, № 98. Въ грамотѣ этой патріархъ уполномочиваетъ проповѣдывать слово Божіе одного только архіерея и обращается къ одному только ему. Тоже говорится и въ грамотѣ къ Геласію, архіепископу устюжскому. Очевидно, право это не было предоставлено всѣмъ.

Эта крутая мѣра безпорно вызвана была обстоятельствами, но она во всякомъ случаѣ крайность, которой не требовали обстоятельства. Споръ о пресущественіи не проникалъ въ массу, не шелъ далѣе Москвы и никого не соблазнялъ, кромѣ развѣ раскольниковъ, которые искали всюду основаній, чтобы оправдать свое отдѣленіе отъ церкви. Слѣдовательно, не было необходимости запрещать проповѣдничество. Церковными проповѣдниками являлись по преимуществу малороссійскіе ученые и воспитавшіеся подъ ихъ вліяніемъ: но тѣмъ и другимъ было запрещено проповѣдничество, слѣдовательно, уничтожено было благотворное вліяніе ихъ на проповѣдниковъ великорусскихъ. Православное русское духовенство патріархъ подозрѣвалъ, можетъ быть не безъ основанія, въ сочувствіи расколу и — ему было запрещено проповѣдничество. А между тѣмъ общество нуждалось прежде всего въ обстоятельномъ разрѣшеніи всѣхъ религіозныхъ вопросовъ, которые возникли со времени отдѣленія раскольниковъ отъ церкви, чего возможно было достигнуть единственно путемъ устной проповѣди. Чѣмъ же патріархъ думалъ замѣнить устную проповѣдь, которая должна была и предохранить православныхъ отъ раскола и обратить самихъ раскольниковъ къ церкви? На этотъ вопросъ мы нигдѣ не нашли прямого отвѣта; но, сколько можно судить по дѣятельности духовенства противъ раскола, кажется признано было болѣе удобнымъ — слѣдить самымъ тщательнымъ образомъ за всѣмъ, что происходило въ расколѣ, и при каждомъ его движеніи посылать искусныхъ обличителей; на всѣ другіе запросы отвѣчать письменно, гдѣ не можетъ быть промаха. Планъ этотъ исполнялся аккуратно, но нельзя не замѣтить здѣсь громадной ошибки. Не проходило ни одного болѣе или менѣе замѣчательнаго явленія въ расколѣ безъ того, чтобы не являлся увѣщатель, обличитель. Допустимъ, что всѣ эти увѣщатели, послылавшіеся къ раскольникамъ, были искусны въ дѣлѣ состязанія, хорошо знали всѣ недостатки раскола, допустимъ даже, что всѣ эти посольства вѣнчались успѣхомъ, (хотя этого по большей части не было), — и въ такомъ случаѣ проповѣдь оставалась незамѣнимою. Такъ какъ православное общество по большей части не знало даже самыхъ основныхъ и существеннѣйшихъ истинъ вѣры; то расколъ всегда, слѣдовательно, могъ усиливаться и пополняться

на счетъ православнаго общества, что на самомъ дѣлѣ и случилось. Мы уже видѣли, что въ средѣ раскола было не мало лицъ, которые не знали ни православнаго ученія, ни ученія раскола: они, слѣдовательно, сдѣлались раскольниками, не подозревая въ немъ ничего худаго, пошли въ расколъ, услышавъ перваго проповѣдника ³⁶⁴). Слѣдовательно, чтобы предохранить православныхъ отъ дѣйствія раскольнической пропаганды, необходимо было развить церковное проповѣдничество, насколько это возможно. Знакомаго съ основными истинами вѣры, съ главными пунктами раскольническаго вѣроученія, не такъ то бы было увлечь легко на сторону раскола. Такимъ образомъ раскольническіе начетчики стояли на этотъ разъ въ несравненно болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ православные священники: тѣ постоянно при каждомъ удобномъ случаѣ пропагандировали, а этимъ запрещено было.

Но чтобы не оставить низшее духовенство безучастнымъ зрителемъ въ борьбѣ съ расколомъ, вооружить его надѣжнымъ оружіемъ противъ противника сколько сильнаго, столько же и упорнаго, духовное правительство того времени приняло самыя дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы ознакомить его съ содержаниемъ и недостатками раскола и, такимъ образомъ, дать ему возможность успѣшно состязаться съ раскольниками и побѣждать ихъ. Съ этою цѣлію духовное правительство постоянно разсылало по приходскимъ церквамъ полемическія сочиненія, написанныя противъ раскола. Эти сочиненія приходское духовенство должно было читать въ церкви вмѣсто поученій, этими же сочиненіями оно само должно было руководствоваться въ своей полемикѣ съ раскольниками. Всѣ эти книги, какъ только выходили изъ печати, тотчасъ разсылались по приходскимъ церквамъ. А такъ какъ полемическія сочиненія противъ раскола писались по большей части вслѣдствіе тѣхъ видоизмѣненій, которыя принималъ расколъ, то духовенство того времени имѣло полную возможность ознакомиться, какъ съ ученіемъ раскола въ данный моментъ такъ и съ исторіею, черезъ что получало возможность, средство къ болѣе или менѣ правильной полемикѣ съ раскольниками и къ обличенію ихъ неправомыслія.

³⁶⁴) Раскольнич. дѣла XVIII в. Есяпова, т. I, стр. 208, 209, 211, 216, 218, 219 и проч.

Первымъ по времени разослано было по приходскимъ церквямъ соборное дѣяніе 1666—67 годовъ, въ которомъ разобраны были основные пункты раскольническаго вѣроученія— о двуперстіи, о крестѣ четвероконечномъ, о пресворахъ, объ адиплуи сугубомъ, о православіи восточныхъ патріарховъ и грековъ, о ихъ книгахъ, о житіи Ефросина, стоглавома соборъ и проч. Кроме того, соборное дѣяніе должно было ознакомить православныхъ съ опредѣленіемъ церкви относительно раскола и со взглядами церкви на расколъ. Для того приходскому духовенству предписано было это соборное дѣяніе читать въ церкви вмѣсто проповѣдей... „А съ сего писанія (соборнаго дѣянія) велѣти бы вамъ (поповскимъ старостамъ), всякія церкви священникамъ списки списати и въ церкви держати, и по часту велѣти прочитати, чтобы имъ соборное наше повелѣніе было вѣдомо; а какъ спишетъ, и въ томъ имѣти тебѣ у нихъ росписки за ихъ руками, а собравъ тѣ росписки отдать на патріаршемъ дворѣ за своею рукою“³⁶⁵). Но чтобы еще болѣе распространить это соборное дѣяніе въ средѣ духовенства и дать возможность читать его каждому православному, духовное правительство распорядилось, чтобы означенное соборное дѣяніе (первая его часть), за подписами восточныхъ патріарховъ и архіереевъ, было отпечатано при Служебникѣ. „Доздѣ нынѣ напечатася быти въ книзѣ Служебникѣ; а прочая вся правила и повелѣнія святѣйшихъ патріарховъ и священнаго собора будутъ потомъ вкупѣ во единой книзѣ особно напечатана“³⁶⁶). Такимъ образомъ, духовное правительство спѣшило познакомить съ церковнымъ опредѣленіемъ противъ раскола, съ сущностью ученія, тезисами и аргументами раскольническаго ученія и опроверженіями противъ этого ученія, не только духовенство, которое должно бороться съ расколомъ, но и самую массу, чтобъ предотвратить опасность заразиться расколомъ по невѣдѣнію. Оно было разослано въ 1668 году³⁶⁷). Но въ этомъ же соборномъ дѣяніи говорилось, что оно не есть полное опроверженіе раскольническаго ученія во всѣхъ его подробностяхъ, — что полное опроверженіе его найдутъ въ „Жезлѣ Прав-

³⁶⁵) Дополнит. акты истор. т. V, стр. 467.

³⁶⁶) Тамъ же, стр. 475.

³⁶⁷) Словарь писателей духов. чина, стр. 300.

ленія“, который послѣдовательно разбираетъ всѣ пункты раскольническаго ученія. „На сей его (попа Лазаря) богомерзкій свитокъ и на его единомысленника попа Никиты живыя обличенія сооружи освященный соборъ новую книгу, Жезлъ Правленія именованную, въ ней же вся подробну ихъ клеветы и возобличенія возобличаются, въ первой части Никитино буйствованіе отражается, во второй сего окаяннаго Лазаря безуміе объявляется и хулы его жезломъ изъ чистаго серебра Божія слова и отъ священ. писаній и праведныхъ винословіи сооруженныхъ посѣкаются. Въ томъ Жезлѣ, аще кто хоцетъ видѣти же и вѣдѣти, сихъ людей суемудріе обрящеть подробну расположенное и возобличенное, здѣсь же яко ненужное оставляется“³⁶⁸). Въ другомъ мѣстѣ въ соборномъ дѣяніи говорится: „о святомъ символѣ, и трегубой аллилуіи, о сложеніи перстовъ, сирѣчь о знаменіи честнаго креста, и о Иисусовѣ молитвѣ повелѣніе писано въ нашемъ соборномъ свитцѣ; а пространнѣйшее толкованіе о сихъ есть въ другомъ нашемъ свитцѣ, еже есть въ толкованіи, и въ книжѣ жезлъ правленія напечатано въ главѣ 20, 26, 28, 29 и 30“³⁶⁹). Слѣдовательно, соборнымъ дѣяніемъ хотѣли удовлетворить толькой первой и насущной потребности; подробнѣе же узнать духовенство и народъ долженъ изъ Жезла Правленія, который былъ разосланъ по приходскимъ церквамъ вскорѣ послѣ соборнаго дѣянія, именно въ 1668 году отъ имени патріарха Іоасафа II и отъ имени собора. Дѣяніе и Жезлъ Правленія еще не исчерпывали всей сущности раскольническаго вѣроученія. Оторвавшись отъ церкви и отвергнутый церковію, расколь съ одной стремился доказать правильность своего вѣроученія и слѣдовательно законность отдѣленія отъ церкви, съ другой—вооруженною силою думалъ утвердить „старую вѣру“, т.-е. свои раскольническія бредни возвести на степень истины церковной и сдѣлать ихъ обязательными для всякаго вѣрующаго, какъ ученіе самой церкви. Это вызвало новыя полемическія сочиненія, которыя въ свою очередь были разосланы духовенству.

³⁶⁸) Дополнит. акты истор. т. V, стр. 456.

³⁶⁹) Тамъ же, стр. 473.

³⁷⁰) Словарь писателей дух. чина, стр. 301.

Послѣ бунта Никиты Пустосвята 1682 г. патріархъ Іоакимъ поспѣшилъ написать новое опроверженіе челобитной Никиты, такъ какъ Никита на соборѣ заявилъ, что опроверженіе его челобитной, сдѣланное въ Жезлѣ, неполно, многіе пункты его челобитной оставлены безъ вниманія, и что онъ готовъ ее защищать теперь. „А противъ той челобитной и пятой части нѣтъ къ той челобитной мнѣ отвѣту, а изволишь, государыня, и нынѣ противъ Жезла того мнѣ отвѣцати, и я нынѣ его очищу“³⁷¹⁾... Къ разбору патріархъ Іоакимъ присоветовалъ исторію исправленія богослужебныхъ книгъ и повѣствованіе о „бунтѣ Никиты“ и разослалъ съ именемъ „Увѣта Духовнаго“ по всѣмъ церквамъ русской церкви въ томъ же 1682 году. Въ октябрѣ 1682 года Новгородскій митрополитъ Корнилій получилъ нѣсколько экземпляровъ Увѣта Духовнаго отъ патріарха съ тѣмъ, чтобы раздать его по церквамъ приходскимъ и монастырямъ безденежно, а въ которыя церкви не достанеть, то чтобы онъ, митрополитъ Корнилій, приказать списывать и читать ихъ въ церкви народу. „Блуститель же злый издревде пятаи челоувѣчески, завиствуя, на стезы въ мудрованіи святыя восточныя православныя церкви людемъ Божиимъ соблазны положивъ, многія души угрызе, очаровавъ лестію, діаволь, чрезъ свои сосуды злы, многихъ въ безумство ври ну и удалятися паствы и вся церкви святыя сотвори, глаголати бо развращенная и еретическая къ вѣчной пагубѣ устрои. Тѣмъ же наша мѣрность не терпящи сего зла и пагубнаго лживаго ученія къ тому въ пастырствѣ моемъ возрастати,... написахомъ книгу „Увѣтъ“ нашъ пастырскій духовный, въ немъ же вся ихъ прелесть, злоба же и безумство обнажится, иже увѣщеваеъ вся люди Божія духомъ кротости, достойной званію благовѣствованія Христова ходити, не вяжище слова Божія, но всѣмъ яко небесную пищу въ снѣдь предагаемъ, да вси раскольниковъ пагубы и гладнаго смертнаго вѣчнаго ученія убѣгнувше, насытятся благочестиваго православнаго ученія и общими всея восточныя церкви святыя смысламъ укрѣпятся. Твое же боголюбіе потщися о овцахъ погибающихъ...; и симъ нашимъ „увѣтомъ“ утверди твой пасомый людъ, многократно прочитывая имъ. Такжеде оныя

³⁷¹⁾ Исторія Саввы Романова по изданію Тихонравова, стр. 138. Русская лѣтопись, т. V

книги да последи въ подчиненные ти грады, ѿ въ обители, и гдѣ многое собраніе людей бываетъ и да повелиши тамо іереомъ со всякимъ прилежаніемъ прочитывати въ собраніяхъ людямъ Божиимъ часто, еже бы никто не соблазнялся прельщенныхъ людей пагубными глаголаньми, но въ церковномъ единственномъ мудрованіи, безъ всякаго размышленія, ни въ чемъ же сумняшеса пребывали бы; за се бо спасеніе вѣчное и воздаяніе много во царствіи небеснѣмъ стяжати имуть³⁷²⁾. Такого содержанія грамоту съ присылкой книгъ „Увѣта“ получили и другіе архіереи епархіальные³⁷³⁾. 8-го марта 1583 года Геласій архіепископъ устюжскій предписывалъ соль-вычегодскому духовенству: „наипаче же смотрѣть и развѣдывать на крѣпко объ отмытникахъ, противящихся церкви Божіи и раскольникахъ и Капитонскаго ученія, по новоисправленной книгѣ „Увѣту“ наставляти ихъ ко благочестію“³⁷⁴⁾.

Въ началѣ 1684 года вышло изъ печати „Слово благодарственное Господу Богу за чудесное избавленіе церкви отъ злыхъ навѣтниковъ и отступниковъ въ лѣто 7190 (1682)“, которое написалъ патріархъ Іоакимъ чрезъ годъ послѣ раскольниковьяго бунта въ Москвѣ³⁷⁵⁾; затѣмъ выходили одно за другимъ другія сочиненія патріарха Іоакима противъ раскола: „Слово противъ Никиты Пустосвата“ (1684). „Клятвенное объявленіе на ругатели св. иконъ“ (1684) и пр. Всѣ эти сочиненія печатались и разсылались по приходскимъ церквамъ, чтобы духовенство читало ихъ своимъ пасомымъ „имущимъ ко святѣй церкви послушаніе—во утвержденіе, да не соблазнятся льстивыми глаголы; прельщающимся же и прельстившимъ злою бесѣдою, умъ растлившю безумныхъ чловѣкъ и крамольниковъ,—въ облегченіе соблазновъ ихъ, да не покарятся въ конецъ лжамъ и бабимъ баснямъ и... погибнуть, но да отвратятся и послѣдуютъ церкви“³⁷⁶⁾. Церковное правительство того времени приказывало публиковать

³⁷²⁾ Акты Историч. т. V, № 98.

³⁷³⁾ Дополнительн. акты истор. т. X, № 101, сравненіе этого донесенія съ грамотою патріарха.

³⁷⁴⁾ Акты археограф. экспед. т. IV, № 275.

³⁷⁵⁾ Древняя Россійская вивліюнка ч. XV, стр. 282.

³⁷⁶⁾ Соборн. софійская бібліотека № 1503, ст. 2., л. 2 и 3 (Займствов. изъ Странника 1864 г., т. I, стр. 90).

даже о такихъ событіяхъ, которыя повидимому могли набросить нѣкоторую тѣнь на него. Такъ въ 1682 году по всѣмъ церквамъ разосланъ былъ списокъ съ соборнаго акта о проклятіи и казни попа Никиты; правительство какъ бы отдавало это дѣло на судъ всего народа „... изверженный соборомъ отъ чина бывшій попъ Никита и инии мнози, безуміемъ и самомнѣннымъ обычаемъ прельстившіяся, на св. церковь и на таинственные чины возложивша крамолу: и за такое ихъ возмущеніе и упоръ, отъ всего собора изверженный попъ Никита казненъ градскимъ судомъ смертію; и на то ихъ противленіе соборнаго изложенія посланы къ тебѣ печатныя тетради... И тѣ тетради во всеуслышаніе всѣмъ православнымъ христіанамъ вычестъ, и отъ Божественнаго Писанія показать, чтобъ никто св. соборнѣй и апостольской церкви противности и расколу не чинили, и такимъ врагамъ Божимъ, иже безчестятъ мать свою св. церковь и благочестивыхъ царей, и священный чинъ, и всѣхъ православныхъ христіанъ, не прельщались бы ихъ ложною бесѣдою; и съ тѣхъ тетрадѣй своему закону въ монастыри, въ погосты и въ выставки къ попамъ послать списки, съ нарочными посыльщиками, чтобы въ приходскихъ во всѣхъ церквахъ всѣмъ было про то вѣдомо, и приказать по вся недѣли священникомъ кійжде въ своемъ приходѣ, приходскимъ людямъ по вся недѣли тѣ тетради во услышаніе чести“ ³⁷⁷).

Что касается до посланія Игнатія митрополита тобольскаго и сибирскаго, то самое надписаніе показываетъ, что оно предназначено главнымъ образомъ для духовенства, которое святитель хотѣлъ ознакомить съ расколомъ и его направленіемъ въ Сибирь. „Игнатій, милостію Божіею, митрополитъ сибирскій и тобольскій: во Святѣмъ Духѣ пречестнѣйшимъ братіямъ и чадамъ православнымъ, святыя церкви нашея сибирскія: преподобнымъ архимандритамъ, священнымъ протопопамъ и іереямъ, и всему причту церковному, и всѣмъ православнымъ христіанамъ—благодать Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и любви Бога Отца и причастія Св. Духа со всѣми вами“ ³⁷⁸). Такъ какъ это

³⁷⁷) Историч. акты т. V, № 91, стр. 114.

³⁷⁸) Посланія Игнатія, митр. тобольскаго, стр. 9. Это надписаніе общее всѣмъ тремъ посланіямъ.

посланіе не было отпечатано въ то время, то „всѣ православные христіане“ могли узнать о содержаніи этого посланія отъ священнослужителей, которымъ оно было разослано. Было ли оно распространено по всей Россіи, подобно другимъ полемическимъ сочиненіямъ, неизвѣстно. Впрочемъ и въ Россіи оно было не безъизвѣстно, такъ какъ однимъ самъ Игнатій отправилъ эти посланія, другіе пользовались историческими данными этихъ посланій при составленіи новыхъ полемическихъ сочиненій... ³⁷⁹⁾).

Одна изъ главныхъ цѣлей написанія „Розыска“ между прочимъ была та, чтобъ дать духовенству сильное оружіе, которымъ бы они могли поражать раскольниковъ. Самъ св. Димитрій такъ говоритъ: „Противу раскольническаго упорства довольно отвѣствуютъ двѣ изрядныя книги, яже преждніи святѣйшіи патріархи московскіе со освященнымъ соборомъ написаша, которымъ книгамъ именованія суть сія: Жезлъ Правленія и Увѣтъ Духовный. И не требъ лучшихъ отвѣтовъ на возраженія умствованія безумнаго противниковъ св. церкви; но понеже тѣ книги въ нашей ростовской епархіи обрѣтаются ли гдѣ, нѣсть извѣстенъ, и гдѣ обрѣтаются: ненавистная бо рука раскольническаго истребляетъ я. Того ради краткую сію книжицу по должности моея написахъ; находящимъ бо волкамъ на стадо, не подобаетъ пастырю сномъ одержиму быти“ ³⁸⁰⁾. Еще при жизни своей св. Димитрій Ростовскій разослалъ по приходскимъ церквамъ Розыскъ ³⁸¹⁾, который потомъ печатался нѣсколько разъ и разсылался по приходскимъ церквамъ всей Россіи въ пособіе духовенству при состязаніи съ раскольниками ³⁸²⁾. Въ 1707 году былъ разосланъ по всѣмъ церквамъ митрополитомъ Іовомъ „Увѣ-

³⁷⁹⁾ Въ Соловецкій напр. монастырь отослалъ Игнатій свои посланія за собственноручною скрѣпкою по листамъ. Рукопись эта въ настоящее время принадлежитъ Казанской дух. академіи. Смотри предисловіе къ отдѣльному изданію посланій Игнатія, стр. 5—6. Св. Димитрій Ростовскій часто ссылается на посланія Игнатія, см. VIII и IX гг. III части Розыска.

³⁸⁰⁾ Предисловіе къ Розыску, стр. VII и стр. 102.

³⁸¹⁾ Словарь писателей духов. чина, стр. 127.

³⁸²⁾ Разсужденіе объ образѣ Божіемъ отдѣльно издано въ 1707 и 1717 Розыскъ въ началѣ былъ распространяемъ въ рукописи, а потомъ былъ издаваемъ въ 1745, 1748, 1755, 1762, 1776, 1803, 1855 гг. См. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ ч. VIII, стр. 4.

щательный отвѣтъ отъ Писаній, въ опроверженіе нѣкоторой подметной раскольнической и возмутительной тетрадки о рожденіи антихриста“, появившейся въ Новгородѣ (1707 г.) и ходившей между народомъ въ рукописи. По указу Петра этотъ отвѣтъ былъ напечатанъ въ Москвѣ и разосланъ по всей Россіи ³⁸³).

Въ 1720 году было издано „Объявленіе како преосвященный Питиримъ размѣнялся вопросами и отвѣтами съ раскольниками“ ³⁸⁴), а въ слѣдующемъ году изданы отвѣты Питирима на 240 вопросовъ, поданныхъ раскольниками діаконова согласія, подъ именемъ „Пращицы духовной“. Обѣ эти книги были разосланы въ пособіе духовенству ³⁸⁵).

Нужно отдать особенную честь церковному правительству того времени, что оно при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ умѣло найти средства, которыя не только дѣлали возможною борьбу, но обеспечивали успѣхъ даже для тѣхъ изъ духовенства, которые не имѣли возможности получить сколько-нибудь правильное образованіе. Болѣе образованные слѣдили за расколомъ съ особеннымъ вниманіемъ, отъ ихъ вниманія не укрылись ни одинъ новый тезисъ въ ихъ ученія, ни одно явленіе въ ихъ нравственно-религіозной и даже соціальной жизни, доказательствомъ чему могутъ служить полемическія сочиненія; все происходившее въ расколѣ было разобрано, взвѣшено, оцѣнено и опровергнуто, что требовало опроверженія, и все это—почти въ то же время дѣлалось достояніемъ всего духовенства, которое такимъ образомъ получало возможность не только бороться съ расколомъ, но и побѣждать его. Тотъ только не состязался съ раскольниками, кто не хотѣлъ... Конечно, было бы несравненно полезнѣе, еслибы при этихъ средствахъ еще процвѣтала живая устная проповѣдь, но и сдѣланное само по себѣ заслуживаетъ особенной похвалы и свидѣтельствуетъ какъ объ особенномъ вниманіи, которое было обращено духовнымъ правительствомъ на расколъ, такъ и объ особенномъ умѣнціи, тактѣ обезсилить вѣковое зло—невѣжество, тяготѣвшее не надъ однимъ только простымъ народомъ, но отчасти и надъ духовенствомъ.

³⁸³) Словарь писателей духов. чина, стр. 301.

³⁸⁴) Древняя російская вивлюэнка гл. XV, стр. 438.

³⁸⁵) Исторія нижегородской іерархіи, стр. 77.

Руководясь по преимуществу указанными пособіями, духовенство того времени вступало въ состязаніе съ раскольниками и здравымъ ученіемъ старалось обратить ихъ на путь истины. Изъ сохранившихся до нашего времени документовъ можно видѣть, что не было ни одного болѣе или менѣе населеннаго раскольниками мѣста, гдѣ бы мы не встрѣчали увѣщаній раскольникамъ со стороны духовенства. Мы представимъ краткій перечень этихъ увѣщаній, а потомъ для примѣра изобразимъ весь процессъ дѣла убѣжденія и обличенія раскольниковъ, какъ онъ тогда происходилъ, и самый способъ убѣжденія.

Соборъ на новоявленныхъ раскольниковъ, убѣждавшій раскольниковъ и признававшій убѣжденіе главнымъ средствомъ возвращенія раскольниковъ въ нѣдра церкви, разослалъ отъ своего имени первыхъ увѣщателей въ мѣста, зараженные расколомъ. Въ концѣ 1666 года въ августѣ мѣсяцѣ, по порученію собора ѣздили увѣщевать соловецкихъ мятежниковъ „изъ Ярославля Спасова монастыря архимандритъ Сергій, да Большаго Успенскаго собора попъ Василій Ѳеодоровъ, да Богоявленскаго монастыря, что на Москвѣ за ветошнымъ рядомъ, черный попъ Иосафъ, да черный дьяконъ Андреянъ, да патріаршъ сынъ боярской Григорій Чуровской, да подъячей Володиміръ Гусевъ“³⁸⁶). Извѣстно, какъ соловецкіе мятежники отнеслись къ убѣжденіямъ и увѣщаніямъ архимандрита Сергія съ помощниками; они отвѣчали на это своею челобитною царю Алексѣю Михайловичу³⁸⁷). Мятежникамъ вновь было сдѣлано увѣщаніе, хотя также безуспѣшно³⁸⁸), раскольники на этотъ разъ отвѣчали „краткою отпискою“ царю³⁸⁹). Это была уже крайняя дерзость, неуваженіе верховной власти; но тѣмъ не менѣе духовное правительство того времени по согласію съ гражданскимъ надѣялось убѣдить возмугившихся и продолжало посылать одного за другимъ увѣщателей. Самъ Денпсовъ въ своей исторіи „О отцѣхъ и страдалцѣхъ соловецкихъ“ говоритъ, что и послѣ дерзкой отписки часто посылались „нѣкія отъ духовныхъ властей, во еже пре-

³⁸⁶) Истина св. Соловецкой обители, стр. 21.

³⁸⁷) Акты историч., т. IV, № 248, стр. 536—537.

³⁸⁸) Акты археограф. экспед. т. IV, стр. 211.

³⁸⁹) Исторія о отцѣхъ и страдалцѣхъ Соловецкихъ, стр. 15—16. Въ приложеніи къ 11 т. Раскольнич. дѣла XVIII в. Есинова.

клонити я, покоритися того воли: иже прѣвѣжающе различнѣ оныя увѣщеваху, моленіемъ, ласканіемъ и прещеніемъ убѣждаху пріяти новыя книги“³⁹⁰). Въ то же время новгородскіе митрополиты посылали къ возмутившимся отъ себя увѣщателей и посланія. „Мнози же и отъ новгородскаго митрополита посылахуся на увѣщаніе соловецкія кпновіи отецъ“³⁹¹), говоритъ Денисовъ. Сначала посылалъ увѣщателей Питиримъ, потомъ Іоакимъ. Этотъ послѣдній между прочимъ приглашалъ къ себѣ казначея Геронтія, обѣщая ему представить достовѣрные свидѣтельства о крестѣ и другихъ предметахъ спора изъ древнихъ харатейныхъ книгъ³⁹²). Одни эти факты, кажется, достаточно говорятъ, какое важное значеніе придавало духовенство того времени нравственно-разумнымъ мѣрамъ, какъ велико было его терпѣніе и какъ противны были этому духу тѣ мѣры, къ которымъ принуждено было прибѣгнуть гражданское правительство.

Въ Москвѣ въ этотъ періодъ времени дѣятельности подвизались на поприщѣ убѣжденія раскольниковъ и состязанія—патріархи—Питиримъ, Іоакимъ, Адріанъ и мѣстоблюститель патріаршаго престола—Стефанъ Яворскій; крутицкій митрополитъ Павелъ, архимандритъ и иноки Чудова монастыря, куда обыкновенно посылали раскольниковъ для убѣжденія и исправленія, и наконецъ, присутствующіе въ приказѣ—тіунской избѣ.

Въ патріаршество Іоасафа II и Питирима убѣженіемъ раскольниковъ въ Москвѣ усердно занимался одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени крутицкій митрополитъ Павелъ, къ которому обыкновенно отсылали уличенныхъ въ расколъ. Передъ началомъ собора онъ убѣждалъ расколуучителя діакона Феодора³⁹³). Въ 1670 году онъ увѣщевалъ старца Аврамія и имѣлъ съ нимъ продолжительное преніе о новопечатныхъ книгахъ, о крестѣ и другихъ переменахъ въ книгахъ и чинахъ³⁹⁴). Впрочемъ патріархъ Питиримъ и самъ иногда убѣждалъ совращенныхъ въ расколъ. Въ 1673 году онъ убѣждалъ совращенную протопопомъ Аввакумомъ знатную боярыню вдову Морозову

³⁹⁰) Тамъ же, стр. 16.

³⁹¹) Тамъ же, стр. 16 и 17.

³⁹²) Акты историч. IV, № 248, стр. 534—535.

³⁹³) Описаніе нѣкоторыхъ раскольниковъ. сочиненій Александра В. ч. I, стр. 24.

³⁹⁴) Тамъ же, стр. 19.

изъ рода Соковниныхъ ³⁹⁵). Въ правленіе этихъ двухъ престарѣлыхъ патріарховъ увѣщаніемъ раскольниковъ занимался чудовской архимандритъ Іоакимъ (впослѣдствіи патріархъ ³⁹⁶) и нѣкоторые иноки этого монастыря ³⁹⁷), почему между прочимъ въ этотъ монастырь болѣе всего посылали для увѣщанія и исправленія раскольниковъ.

Патріархъ Іоакимъ, хорошо знакомый съ расколомъ, самъ часто убѣждалъ присылаемыхъ въ Москву раскольниковъ. Онъ увѣщевалъ боярыню Морозову, старца Варлаама, бывшаго псковскаго протопopa ³⁹⁸), нѣ котораго новгородскаго купца Лаврентія ³⁹⁹), нѣ котораго іерея Симеона ⁴⁰⁰), попа Θεодосія, который потомъ убѣждалъ на Вѣтку и былъ долгое время священникомъ при вѣтковской церкви ⁴⁰¹), чернеца Михаила Микулина ⁴⁰²).

Въ Москвѣ занимались убѣжденіемъ раскольниковъ по порученію, вѣроятно, самого патріарха и нѣкоторые священники ⁴⁰³).

Въ то же время въ новгородской епархіи новгородскіе митрополиты зорко слѣдили за расколомъ и старались вразумить дикихъ фанатиковъ, объяснить имъ сущность дѣла и избавить ихъ отъ душевной гибели и отъ тѣлесныхъ наказаній, которыя они должны были испытывать, какъ преступники государственные. Денисовъ въ своемъ „Виноградѣ“, рассказывая о мученіи Хвостовыхъ „Димитрія и дву его сестеръ“, самъ говоритъ, что одну изъ нихъ особенно долго увѣщевали посланные отъ архіерея „различными ласканьями“ ⁴⁰⁴); потомъ убѣждали отказаться отъ раскола Василія Лисицына, жителя Яма Крестецкаго и ученика Варлаама расколуучителя ⁴⁰⁵). Въ архіерейскомъ приказѣ

³⁹⁵) Домашній бытъ русскихъ царицъ Забѣлина, т. 11, «боярыня Морозова».

³⁹⁶) Тамъ же.

³⁹⁷) Словарь писателей духов. чина, стр. 294.

³⁹⁸) Посланіе Игнатія митр. тобольскаго, стр. 136.

³⁹⁹) Виноградъ Россійскій. Денисова л. 125—132. Рукопись московской духовной академіи.

⁴⁰⁰) Тамъ же, л. 159, 113—114.

⁴⁰¹) Исторія о бѣгствующемъ священствѣ. Смолр. лѣтопис. русск. литерат. и древн. т. IV, отдѣл. 111, стр. 61.

⁴⁰²) Виноградъ Россійскій, л. 114.

⁴⁰³) Исторія рязанской іерархіи, стр. 167.

⁴⁰⁴) Виноградъ Россійскій, л. 149.

⁴⁰⁵) Тамъ же, л. 151 на оборотѣ.

новгородскаго митрополита увѣщевали казначея Антоніева монастыря Григорія, Іосифа и Епимаха „и прежде убо ласканіемъ и мягкими увѣщаніями зѣло много новинъ содержатели потщася его прельстити и отъ древняго благочестія отвратити“⁴⁰⁶). Слѣдуя „Винограду“ Денисова далѣ идетъ разсказъ о мучениіи Сампсона, сына крестецкаго священника, который по увѣщанію въ архіерейскомъ разрядѣ принесть покаяніе⁴⁰⁷). Услышавъ о пропагандѣ Іоасафа Чаплина, новгородскій митрополитъ приказалъ представить ему его для увѣщанія, но онъ остался непреклоннымъ⁴⁰⁸). Александръ олонецкій купецъ за кощунство надъ православіемъ и распространение раскола представленъ былъ новгородскому митрополиту, который увѣщевалъ Александра „легкими словесы“⁴⁰⁹). Прасковія, дѣвица Новоторжка, увлеченная раскольниками, была представлена новгородскому митрополиту и „много увѣщеваема баше ласканіемъ, дабы отверглася древняго благочестія“⁴¹⁰). По сказанію Денисова въ новгородской епархіи были священники⁴¹¹) и даже дьячки, церковные причетники, которые вступали въ жаркую полемику съ раскольниками и обращали на путь спасенія⁴¹²). Въ то же время новгородскіе митрополиты старались вразумить тѣ дикія разбойничьи шайки, которыя разбойничали, жгли и грабили были и въ крайнемъ случаѣ готовы предать себя огню⁴¹³) и которыя убѣгали за границу⁴¹⁴).

Новгородскаго митрополита, одного изъ образованнѣйшихъ пастырей своего времени, Денисовъ въ „Виноградѣ“ своемъ называетъ особеннымъ любителемъ и защитникомъ Никоновыхъ догматъ⁴¹⁵). Онъ самъ ѣздилъ по мѣстамъ зараженнымъ расколомъ и совращенныхъ въ расколъ старался обратить къ цер-

⁴⁰⁶) Тамъ же, л. 156.

⁴⁰⁷) Тамъ же, л. 160 на оборотѣ.

⁴⁰⁸) Тамъ же, л. 169.

⁴⁰⁹) Тамъ же, л. 173 на оборотѣ.

⁴¹⁰) Тамъ же, л. 187.

⁴¹¹) Тамъ же, л. 225.

⁴¹²) Тамъ же, л. 193, 200.

⁴¹³) Акты истор., т. V, № 151. Посланіе Игнагія митропол. тобольскаго, стр. 123—124.

⁴¹⁴) Акты историч., т. V, № 127.

⁴¹⁵) Виноградъ Россійскій, л. 232 на оборотѣ.

кви ⁴¹⁶⁾. Иовъ имѣлъ продолжительныя пренія съ двумя особенно уважаемыми въ раскольническомъ мірѣ,—старцемъ Θεодосіемъ и Семеномъ Денисовымъ ⁴¹⁷⁾.

Тѣ же заботы встрѣчаемъ и въ другихъ епархіяхъ, зараженныхъ расколомъ. Въ рязанской епархіи заботился объ обращеніи раскольниковъ къ церкви Иларіонъ, который за свои состязанія съ раскольниками въ награду получилъ отъ восточныхъ патріарховъ саккосъ, съ правомъ облачаться въ него при богослуженіи ⁴¹⁸⁾, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ долженъ былъ служить вмѣстѣ съ патріархомъ. Онъ состязался съ раскольниками на соборѣ 1666—67 гг. и потомъ въ своей епархіи ⁴¹⁹⁾. Преемникъ Иларіона — Іосифъ публично состязался съ раскольниками, училъ и обличалъ ⁴²⁰⁾. Къ Павлу митрополиту рязанскому иногда присылалъ для увѣщанія раскольниковъ самъ патріархъ Іоакимъ ⁴²¹⁾.

Въ устюжской епархіи убѣждалъ раскольниковъ устюжскій архіепископъ Геласій, и сколько можно судить по его донесенію, не безуспѣшно ⁴²²⁾. Въ холмогорской епархіи, открытой главнымъ образомъ по поводу распространившагося въ той странѣ раскола, обращеніемъ раскола къ церкви ревностно занимался архіепископъ Аванасій. Онъ былъ изъ современныхъ іерарховъ искуснѣйшій состязатель съ раскольниками, такъ какъ самъ прежде держался ученія раскола; онъ былъ сильнымъ защитникомъ православія на московскомъ соборѣ 1682 г. ⁴²³⁾ и потомъ въ своей епархіи. По этому предмету онъ часто получалъ по-

⁴¹⁶⁾ Тамъ же, л. 233, 255.

⁴¹⁷⁾ Описаніе нѣкоторыхъ раскольнич. сочиненій Александра Б. ч. 1, стр. 221

⁴¹⁸⁾ Въ то время до времени царствованія Петра I, всѣ архіереи носили обыкновенную фелюнь, поверхъ которой надѣвали омофоръ. Саккосъ позволялъ носить патріархъ за особенныя заслуги. На соборѣ 1667 г. восточные патріархи предлагали патріарху Іоасафу II дозволить носить всѣмъ архіереямъ саккосъ, но онъ не согласился и сказалъ, что будетъ давать право носить его архіереямъ въ видѣ особенной награды.

⁴¹⁹⁾ Исторія рязанской іерархіи, стр. 131.

⁴²⁰⁾ Тамъ же, стр. 166.

⁴²¹⁾ Тамъ же, стр. 185.

⁴²²⁾ Дополнит. акты истор., т. X, № 101, стр. 446.

⁴²³⁾ Посланіе Игнатія митропол. тобольскаго, стр. 154.

⁴²⁴⁾ Словарь писателей духов. чина, стр. 58.

рученія отъ самаго Петра I ⁴²⁴⁾. Денисовъ называетъ Аѳанасія „лютѣйшимъ завистникомъ, Никоновыхъ новшествъ теплѣйшимъ и злѣйшимъ поборникомъ“ ⁴²⁵⁾ и говоритъ, что къ нему приво- дили зараженныхъ расколомъ, которыхъ онъ увѣщевалъ по- креститься церкви и принять сдѣланныя исправленія въ книгахъ и чинахъ ⁴²⁶⁾. Аѳанасій располагалъ громадными средствами къ со- стязанію съ раскольниками и обличенію ихъ: онъ имѣлъ гро- мадную бібліотеку изъ книгъ печатныхъ и рукописныхъ ⁴²⁷⁾.

Въ Сибири, частію отъ сыльныхъ расколуучителей, частію отъ добровольно бѣжавшихъ сюда раскольниковъ, расколъ бы- стро распространился; здѣсь раскольники по преимуществу по- селились въ Тюмени, Туринскѣ, Томскѣ и близъ лежащихъ мѣ- стахъ къ этимъ городамъ ⁴²⁸⁾. Расколъ здѣсь принялъ самыя дикія формы: раскольники сибирскіе подъ вліяніемъ фанатизма посто- янно оставляли свои дома, собирались въ лѣса и тамъ преда- вали себя огню. Сибирскіе митрополиты старались, насколько возможно, вразумить изувѣровъ и обратить ихъ къ православію. Митрополитъ Павелъ посылалъ неоднократно свѣдущихъ и опыт- ныхъ увѣщателей въ 1679 году къ раскольникамъ, собравшимся предать себя огню, на рѣчкѣ Березовкѣ, по внушенію попа До- метіана ⁴²⁹⁾. Въ 1686 году въ деревнѣ Ногормычѣ собралось 350 человекъ съ цѣлю сжечь себя; митрополитъ Павелъ вновь посылалъ увѣщателя соборнаго ключаря Іоанна Васильева ⁴³⁰⁾. Въ 1682 году, по порученію митрополита Павла, тобольскій со- борный протоіерей увѣщевалъ Дѣмку и Першку, которые воз- мущали народъ въ церкви ⁴³¹⁾. Въ 1688 году митрополитъ Павелъ вновь посылалъ увѣщателей къ раскольникамъ промышлявшимъ

⁴²⁴⁾ Виноградъ Россійскій, л. 207 на оборотѣ.

⁴²⁵⁾ Тамъ же, л. 108 на оборотѣ. Посланія Игнатія митрополита тобольскаго, стр. 146.

⁴²⁷⁾ Словарь писателей духовн. чина, стр. 58. Большая часть бібліотеки Аѳа- насія досталась графу Толстому.

⁴²⁸⁾ Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія 1854 г., т. 81, отд. V.

⁴²⁹⁾ Тамъ же. Дополнит. акты истор. т. VIII, № 50, стр. 218. Посланія Игнатія, митроп. тобольскаго, стр. 124, 125, 131—134.

⁴³⁰⁾ Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія, т. 81, отд. V. 1854 года.

⁴³¹⁾ Дополнит. акты истор., т. X, отд. IX—X, стр. 12—13.

разбоемъ на рѣкѣ Тегенѣ ⁴³²). Иногда митрополитъ Павелъ вступалъ въ преніе съ раскольниками ⁴³³). Преемникъ Павла митрополитъ Игнатій былъ еще болѣе энергичнымъ дѣятелемъ: онъ заботился объ обращеніи раскольниковъ къ церкви путемъ разъясненія и обличенія. Онъ то посылалъ увѣщателей къ раскольникамъ, рѣшившимся предать себя огню ⁴³⁴), то самъ вступалъ въ продолжительныя публичныя пренія съ расколуучителями и поражалъ ихъ ⁴³⁵). Не мало потрудился относительно вразумленія раскольниковъ сибирскій митрополитъ Іоаннъ Максимовичъ ⁴³⁶).

Въ нижегородской епархіи болѣе видными дѣятелями по убѣжденію раскольниковъ можно назвать перваго митрополита этой епархіи—Филарета ⁴³⁷), потомъ слѣдуетъ митрополитъ Сильвестръ (Волинскій) ⁴³⁸) и Питиримъ, о трудахъ котораго мы скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Въ черниговской епархіи, въ предѣлахъ которой поселились раскольники, бѣжавшіе изъ Великой Россіи, ревностнымъ защитникомъ православія и обличителемъ раскольниковъ былъ архіепископъ черниговскій Лазарь (Барановичъ), плодомъ дѣятельности котораго было не мало обратившихся къ православію ⁴³⁹).

Пренія съ раскольниками въ этотъ періодъ мы встрѣчаемъ даже въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ расколъ не имѣлъ своихъ послѣдователей, и гдѣ слѣдовательно можно было встрѣчать только раскольниковъ, бѣжавшихъ изъ главныхъ своихъ центровъ, какъ

⁴³²) Дополнит. акты истор., т. X, № 3, отд. XVI, стр. 15—16.

⁴³³) Посланія Игнатія митроп. тобольскаго, стр. 156—157.

⁴³⁴) Тамъ же, стр. 131—132.

⁴³⁵) Тамъ же, стр. 69, 159 и слѣдующія.

⁴³⁶) Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія 1850 г., т. LXVIII, отд. V; Временникъ, т. XX, «митрополитъ сибирскій Іоаннъ».

⁴³⁷) Исторія нижегородской іерархіи, стр. 10 — 19. Исторія Саввы Романова, стр. 129. Изданіе Тихонравова. Русскія лѣтописи. Истор. литер. и древн. т. V, отдѣлъ 11.

⁴³⁸) Исторія нижегородской іерархіи, стр. 30.

⁴³⁹) Исторія о бѣгствующемъ священствѣ Ивана Алексѣева. Изданіе Тихонравова. Русск. лѣтоп. т. IV, отд. 111, стр. 58. Обратившихся къ православію раскольниковъ историкъ называетъ *слабѣйшими*, въ отличіе отъ тѣхъ *храбрѣйшихъ*, которые при самомъ началѣ дѣятельности Лазаря Барановича и гражданскаго начальства побросали свои дома и поселились на Вѣткѣ, въ имѣніи пана Холецкаго.

напр. въ митрополіи бѣлгородской. Θεодосій, въ послѣдствіе вѣтковскій попъ, пойманъ былъ разсыльными бѣлгородскаго митрополита и представленъ архіерею „и той много нудався привести его къ новопреданіямъ“⁴⁴⁰). Изъ приведеннаго перечня можно видѣть, что епархіальные архіереи того времени внимательно слѣдили за раскольниками и ревностно заботились о ихъ обращеніи посредствомъ разъясненія, убѣжденія и обличенія. Убѣжденій раскольниковъ духовенствомъ мы не встрѣчаемъ только въ западныхъ епархіяхъ напр. смоленской потому, что тамъ до второй половины прошлаго столѣтія и не было раскольниковъ⁴⁴¹). Въ другихъ же епархіяхъ епархіальные архіереи обращали особенное вниманіе на расколъ и старались убѣжденіемъ и другими мѣрами вразумленія обратить суевѣровъ къ церкви. О результатѣ этой дѣятельности мы или ничего не знаемъ, или знаемъ, что она была неудовлетворительна; но это не даетъ намъ никакого права сказать, что эта дѣятельность на самомъ дѣлѣ была безуспѣшна. Факты заимствованы изъ раскольничей литературы, а раскольники, какъ извѣстно, любятъ говорить только о тѣхъ лицахъ, которыя до конца жизни остались *адамантами*; потому факты эти могутъ быть понимаемы, какъ дѣйствительное и очевидное доказательство того, что духовенство того времени самымъ бдительнымъ образомъ слѣдило за расколомъ и старалось обуздать суевѣровъ всѣми мѣрами. Какъ ни скрываютъ раскольническіе историки, но нельзя не замѣтить, что не было ни одного случая, судя даже по ихъ источникамъ, когда бы духовенство бросило въ тюрьму раскольника, или отдало градскому суду, не истощивши напередъ всѣ средства, не потерявши надежду убѣдить и вразумить суевѣра.

Изъ краткаго перечня дѣятелей по убѣжденію раскольниковъ, можно видѣть, что этой мѣрѣ дали самое широкое приложеніе. Цѣлое ли общество было заражено расколомъ, или только одинъ членъ былъ совращенъ въ расколъ, какъ скоро это дѣлалось извѣстнымъ, церковное правительство одинаково заботилось объ врачеваніи ихъ язвъ и спѣшило преподавать имъ духовное врачевство. Не было ни одного такого случая, когда бы духовное

⁴⁴⁰) Тамъ же, стр. 61.

⁴⁴¹) Исторія смоленской іерархіи и епархіи, стр. 56.

правительство узнало объ отпаденіи одного или нѣсколькихъ членовъ отъ церкви и не позаботилось объ обращеніи ихъ,— не послало къ нимъ болѣе или менѣе свѣдущаго и опытнаго увѣщателя. Постараемся теперь представить весь процессъ дѣла увѣжденій и обличенія раскольниковъ и самый способъ увѣжденія по тѣмъ историческимъ даннымъ, которыя у насъ имѣются подъ руками.

Приходскому духовенству было предписано самымъ строжайшимъ образомъ, чтобъ оно слѣдило за нравственно-религіознымъ состояніемъ всѣхъ своихъ прихожанъ,—не находится ли между ними „отгмѣтниковъ, не покаяющихся св. церкви, придерживающихся капитонскаго ученія“⁴⁴²). Если были такіе въ ихъ приходяхъ, то мѣстное духовенство должно было стараться вразумить ихъ и обратить къ св. церкви. Если же содержавшіе расколъ оказывались упорными, то о таковыхъ приходское духовенство должно было доносить поповскому старостѣ⁴⁴³) или епархіальному архіерею⁴⁴⁴). Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ ни одного документа, по которому бы можно было судить о характерѣ и направленіи полемики низшаго духовенства, которому предписывалось „отгмѣтниковъ, противящихся церкви Божіи наставлять ко благочестію“.

Есть основаніе, впрочемъ, предполагать, что въ этой полемикѣ было мало самостоятельнаго и оригинальнаго; духовенству приходскому разсылали полемическія сочиненія противъ раскола и приказывали, чтобы въ своей полемической дѣятельности съ раскольниками сообразовались съ тою или другою изданною полемическою книгою⁴⁴⁵). Трудно такъ же сказать что-либо определенное и объ успѣхѣхъ полемики низшаго духовенства съ раскольниками. Если принять во вниманіе, какими средствами располагало въ то время низшее духовенство, то мы должны придти къ тому заключенію, что духовенство могло вести болѣе или менѣе успѣшно состязанія съ расколомъ. Впрочемъ раскольники

⁴⁴²) Акты археограф. экспед. т. IV, № 275.

⁴⁴³) Тамъ же, т. IV, № 188, стр. 243. Дополнител. акты историч. т. X, № 101, стр. 445.

⁴⁴⁴) Акты архіограф. экспед. т. IV, № 188, стр. 249, № 275.

⁴⁴⁵) Тамъ же, № 275.

всегда неохотно вступали въ пренія съ православнымъ духовенствомъ и, слѣдуя внушенію Аввакума, всячески избѣгали даже встрѣчи съ православнымъ духовенствомъ; отсюда нужно предположить, что низшее духовенство, которое не пользовалось авторитетомъ, не имѣло силы, не могло имѣть особенныхъ успѣховъ въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ къ церкви.

Упорныхъ и нераскаявшихся раскольниковъ духовенство представляло къ поповскому старостѣ ⁴⁴⁶⁾, а большею частію прямо въ тѣнскій приказъ епархіальнаго архіерея ⁴⁴⁷⁾, члены котораго или убѣждали сами присланныхъ раскольниковъ, или представляли для убѣжденія архіерею. Обыкновенно говорятъ, что духовенство того времени отчасти по сочувствію къ расколу, болѣе изъ матеріальныхъ расчетовъ обыкновенно скрывало раскольниковъ и, зная о нихъ, не доносило высшему начальству. Нельзя оспаривать того, что нѣкоторые изъ духовенства, сами придерживаясь раскола, не доносили о раскольникахъ мѣстному начальству; другіе скрывали раскольниковъ, получая отъ нихъ себѣ богатое содержаніе, но такихъ было, судя срав-

⁴⁴⁶⁾ Дополнит. акты истор. т. X, № 108, отд. 11.

⁴⁴⁷⁾ Тѣнскій Приказъ (духовный) собственно завѣдывалъ дѣлами касательно церковнаго благочинія, но со времени возникновенія раскола въ этотъ приказъ, кажется, поступали и раскольники. Здѣсь, нужно полагать, имъ дѣлалось увѣщаніе присутствующими въ этомъ приказѣ духовными лицами. Такъ Корнилій, митрополитъ новгородскій, назначая въ этотъ приказъ новыхъ членовъ, приказывалъ имъ взять вмѣстѣ съ прежними указами этого архіерея и книгу «У ѣтъ духовный». См. акты археографическ. экспед.; т. IV, № 152. Книга «Увѣтъ» къ церковному благочинію, дѣлами котораго завѣдывалъ этотъ приказъ, не имѣла никакого отношенія. Нѣсколько позднѣе съ этимъ именемъ существовало въ Москвѣ особенное присутственное мѣсто, которое исключительно завѣдывало только дѣлами раскола. См. описаніе документовъ и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ св. Синода, т. I, стр. 200, 206, 600 и 625. Денисовъ часто говоритъ, что уличенные въ расколѣ были приводимы прежде всего въ приказъ, который онъ называетъ то разрядомъ, то приказомъ, то архіерейскимъ приказомъ. Виноградъ Россійскій л. 125, 134, 149, 166 и 160 на оборотѣ 159 и 169. Посланія Игнатія, митрополита тобольскаго, стр. 163. Нужно полагать, что это былъ обыкновенный архіерейскій приказъ, въ которомъ, подобно новгородскому, было особое отдѣленіе, занимавшееся дѣлами раскола. Какъ велось дѣло увѣщанія, неизвѣстно; извѣстно, что былъ здѣсь не простой допросъ раскольниковъ: ихъ здѣсь увѣщевали, по выраженію Денисова, хитрыми и ласкательными рѣчами, общаніями льстивыми и проч. Виноградъ Россійскій л. 114, 116, 149, 156 и 173 на оборотѣ.

нительно, немного, и было бы крайне несправедливо сказать это о большинствѣ. У насъ имѣется не мало документовъ подъ руками, которые свидѣлствуютъ совершенно о противномъ. Свою успѣшную дѣятельность по части обращенія раскольниковъ къ церкви Геласій архіепископъ устюжскій прямо приписываетъ низшему приходскому духовенству, которое ему доносило о всѣхъ придерживающихся раскола въ ихъ приходсахъ ⁴⁴⁸). Другіе архіереи получали свои свѣдѣнія о расколѣ тоже по большей части отъ приходскаго духовенства ⁴⁴⁹). Сами раскольники говорятъ, что чаще всего доносило низшее духовенство архіереямъ ⁴⁵⁰). Скорѣе кажется можно заподозрить духовенство того времени въ томъ, что оно слишкомъ усердно было на этотъ разъ ⁴⁵¹). Если между раскольниками попадался какой-либо принадлежащій къ другой епархіи, то такого обыкновенно отсылали къ мѣстному архіерею съ извѣстіемъ, за чтó задержанъ ⁴⁵²).

Скрывать раскольниковъ было въ это время довольно опасно. Поповскіе старосты зорко слѣдили за подвѣдомымъ имъ духовенствомъ и смиряли дѣйствительно „жестокимъ смиреніемъ“ ⁴⁵³). Замѣтимъ при этомъ, что само общество при избраніи того или другаго лица для посвященія въ какую-либо церковную степень брало съ него подписку, что онъ будетъ доносить о раскольникахъ тотчасъ, какъ только самъ узнаетъ объ этомъ.

Такъ въ поручной записи крестьянъ шунскаго погоста говорится: „поруцаемся есьмы... (слѣдуетъ перечень крестьянъ) по Терентіи Афтамоновъ сынѣ Щепинѣ въ томъ: жить ему вмѣсто брата его Козмы Пойницкіе трети и въ Пойницкую треть, быть ему дьячкомъ въ Шунскомъ погостѣ, у церкви Божіи церковная служба (съ) священникомъ Маркомъ Хрисанфовымъ, держать своя очередь, держать по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ по уставу... А буде онъ Терентій за нашею порукою, будучи

⁴⁴⁸) Дополнит. акты истор. X, № 101, стр. 445—446.

⁴⁴⁹) Пославіе Игнатія митроп. тобольскаго, стр. 158—159.

⁴⁵⁰) Пославіе Игнатія митроп. тобольскаго, стр. 158—159.

⁴⁵¹) Исторія о бѣгствующемъ священствѣ «о Θεодосіи іереѣ». Русскія лѣтописи, литер. и древ. т. IV, стр. 61.

⁴⁵²) Дополнит. акты истор. т. X, № 108, отд. 111.

⁴⁵³) Дополнит. акты истор. X, № 108, отд. 11.

въ церкви Божіи, по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ поуставу въ свою очередь (съ) священникомъ служить по новоисправленнымъ книгамъ и нарѣчнаго пѣнія пѣть не учнетъ или церковный расколъ держать учнетъ, или у кого свыше извѣщать не учнетъ...; и на насъ на поручникахъ пеня великихъ государей царей... и безчестіе и убытки и волокида“ ⁴⁵⁴).

При такихъ условіяхъ духовенству трудно было и опасно скрывать содержавшихъ расколъ: духовенство отвѣчало въ одно и тоже время и передъ своимъ епархіальнымъ начальствомъ, которое жестоко наказывало такихъ, и передъ своимъ обществомъ, которое избрало его и поручилось за него. Сочувствіе духовенства расколу является много позже, именно со времени Петра, когда онъ съ одной стороны сдѣлался неограниченнымъ распорядителемъ въ дѣлахъ церковныхъ, что не могло нравиться духовенству, а съ другой вооружился противъ всѣхъ національныхъ отличій. Дѣло раскола является въ такомъ случаѣ дѣломъ чисто національнымъ и въ духовенствѣ дѣйствительно въ это время нельзя не замѣтить особенной симпатіи къ расколу, чѣмъ и объясняется усиліе духовенства скрыть раскольниковъ, несмотря на самыя строгіе указы Петра и казни духовенства за неисполненіе сихъ указовъ. †

Представленныхъ раскольниковъ для убѣжденія одни архіереи убѣждали на дому ⁴⁵⁵), другіе вступали въ преніе въ церкви при большомъ стеченіи народа, чтобы и другіе могли видѣть раскольническую неправду ⁴⁵⁶), нѣкоторые упорныхъ раскольниковъ „имали на дѣйство“, то-есть приводили въ церковь во время совершенія обряда, извѣстнаго подъ именемъ „православія“ ⁴⁵⁷).

Геласій архіепископъ устюжскій въ отвѣтъ на запросъ государя: что сдѣлано имъ по части раскола? отвѣчалъ въ 1683 г.: „и того же года, государю, съ приѣзда моего въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ, Устюга посаду и устюжскаго и усольскаго уѣздовъ, по извѣту приходскихъ поповъ и дьяконовъ и церков-

⁴⁵⁴) Юридическіе акты, № 302, отд. 111, стр. 314—315.

⁴⁵⁵) Дополнит. акты истор. т. X, № 101, стр. 446.

⁴⁵⁶) Посланіе Игнатія, митроп. тобольскаго, стр. 164. Дополнительные акты истор. т. VIII, № 3, отд. IX—X.

⁴⁵⁷) Исторія рязанской іерархіи, стр. 167.

ныхъ причетниковъ на раскольниковъ, многія люди на домовый дворъ мужеска и женска пода привожены; и они многую противность о благочестіи предо мною въ распросныхъ своихъ рѣчахъ, расколъ и упорность великую чинили. И тѣ раскольныя люди, ово ученіемъ и умоленіемъ и въ монастырѣхъ живучи подъ началомъ, ко благочестію приступили и, бывъ у покаянія, Христовыхъ тайнъ Тѣла и Крови Господни причастились, а иные слушая по пастырской книгѣ „Увѣту“ то здравое ученіе, многіе къ церквамъ Божиимъ и ко исповѣди приходили и преждее свое злое, раскольное ученіе покинули“⁴⁵⁸)...

Иначе поступалъ съ раскольниками Игнатій, митрополитъ тобольскій;—онъ увѣщанія и обличенія раскольниковъ наединѣ считалъ и недостаточнымъ и несоотвѣтствующимъ цѣли, и потому приказывалъ приводить раскольниковъ въ церковь. Самъ онъ описываетъ такимъ образомъ свое состязаніе съ армяниномъ-раскольникомъ Іосифомъ Истоминымъ, который сѣялъ плевелы раскола въ Сибири. Это описаніе состязанія знакомитъ насъ,—какъ поступали архіереи съ раскольниками, и потому мы приведемъ его въ цѣломъ видѣ, какъ оно представлено у самого Игнатія.

„Въ 1693 году (7201) 8-го мая нѣкоторые благовѣрные клирики донесли нашему смиренію, пишетъ Игнатій, о проклятомъ и неизвѣстномъ арменинѣ Истоминѣ⁴⁵⁹), что онъ, живя въ Знаменскомъ монастырѣ, противная святѣй церкви творить, совращаетъ приходящихъ къ нему съ праваго пути православной вѣры и учитъ простыхъ всякому злему расколу. Услышавъ объ этомъ, я смиренный приказалъ ему придти ко мнѣ въ крестовую палату, и говорилъ ему: братъ Іосифъ! почему ты учишь всѣхъ приходящихъ къ тебѣ, чтобы они не входили въ церковь, не принимали отъ церкви никакой святыни, и возбраняешь принимать благословеніе отъ священниковъ? Нѣтъ владыко святой,

⁴⁵⁸) Дополнит. акты истор. т. X, № 101, стр. 446.

⁴⁵⁹) Истомина митроп. Игнатій называетъ въ своихъ посланіяхъ Астоменомъ. Сдѣлано это съ слѣдующею цѣлію: слово Астомень, будучи переведено на числа, соотвѣтствующія каждой буквѣ, даетъ въ итогѣ апокалипсическое число 666, на что и указываетъ Игнатій, желая представить расколоучителя Истомина чѣмъ-то въ родѣ антихриста или лицомъ близкимъ къ нему.

отвѣчалъ Истоминъ, я никого такъ не училъ, чтобы не входить въ св. церковь и не принимать ея святынь: потому и я самъ всегда хожу ко св. церкви. Имѣешь ли свидѣтеля твоей совѣсти, т.-е. духовника? спросилъ его вновь Игнатій.

— Имѣлъ отца духовнаго, прежняго знаменскаго архимандрита Моусея, отвѣчалъ Истоминъ.

— А сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты исповѣдывался?

— Года три уже прошло съ тѣхъ поръ, отвѣчалъ онъ.

— Почему же въ эти годы не очищаль помышлений твоей совѣсти покаяніемъ? спросилъ его вновь Игнатій.—Да къ тому же и учишь креститься двумя перстами, какъ проклятые армяне дѣлають? (я сказалъ такъ къ нему потому, что еще не зналъ, что онъ армянинъ и родомъ и вѣрою).

— Должно креститься двумя перстами, какъ объ этомъ пишется въ предисловіяхъ къ псалтыри слѣдованной, въ книгахъ Кирилла Іерусалимскаго, и въ книгѣ „о правой вѣрѣ“, и въ предисловіи учебной псалтыри и въ катихизисѣ, возразилъ Истоминъ.

— Въ тѣхъ книгахъ писаніе это подложное, замѣтилъ Игнатій. Чтобъ укрѣпить свою армянскую ересь, еретики къ словамъ блаженнаго Θεодорита въ толкованіи словъ: „великій палець да два послѣднія“ приложили цѣлую строку и тѣмъ на всѣ слова положили порокъ еретичества. Православные слагають три первые перста: великій персть и два близълежащіе къ нему — велико-средній и велико-указательный, во образъ св. Троицы. Большой палець знаменуетъ Бога Отца, велико-средній — Бога Сына, указательный—Бога Духа св., таково мудрствованіе учителей св. церкви, поучившихся отъ начала вѣры и получившихъ отъ Самаго Христа Бога чрезъ св. апостоловъ такое ученіе.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Истоминъ,—креститься двумя перстами дѣйствительно православно, креститься же тремя перстами—значить слѣдовать армянамъ. Миѣ это хорошо извѣстно, прибавилъ Истоминъ,—потому что я родомъ армянинъ.

Убѣдившись изъ распросовъ, что Истоминъ дѣйствительно армянинъ, Игнатій приказалъ діакону своему снять съ него всѣ знаки монашескаго чина—камилавхій, кукуль, мантию и парамантій; приказалъ оставить одинъ только крестъ на шеѣ.

— Вы еще неправославно пишете въ книгахъ и мудрствуете о воплощеніи Бога-Слова, началъ снова Истоминъ,—потому что говорите, будто Сынъ Божій отъ плоти и крови зачался. Сынъ Божій зачался отъ Духа Св. Такъ пишетъ объ этомъ въ Евангеліи своемъ Св. Іоаннъ Богословъ въ 1-мъ зачатѣ: *Иже не отъ крови, не отъ плоти: но отъ Бога родишася.*

Услушавъ отъ него такія слова, говоритъ Игнатій,—я сказалъ ему: истинно армянинъ ты и родомъ и вѣрою. Такъ всѣ армяне мудствуютъ будто бы плоть, воспринятая отъ Пресвятой Дѣвы и Богородицы Маріи, была не отъ плоти и кровей ея, но только отъ Духа Святаго. Безъ всякаго сомнѣнія ты—армянинъ, такъ какъ привелъ неправое толкованіе, прилагая наше возрожденіе отъ воды и Духа къ истинному, а не мечтательному воплощенію Сына Божія. Смотри слѣдующія слова Евангелія, которыя говорятъ: *и слово плоть бысть и вселися въ ны.* Эту истинную плоть Сынъ Божій принялъ отъ кровей Пресвятой Дѣвы: этою плотію претерпѣлъ свои страданія на Крестѣ и, какъ человѣкъ, умеръ; какъ Богъ и вмѣстѣ человѣкъ воскресъ въ третій день и вознесся на небеса, и опять придетъ въ другой разъ судить живыхъ и умершихъ ⁴⁶⁰).

Для справокъ о его происхожденіи и прежней жизни митрополитъ Игнатій отослалъ его въ свой духовный приказъ, гдѣ Истоминъ объяснилъ, что онъ по происхожденію дѣйствительно—армянинъ, принялъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ и матерію православную вѣру, но потомъ впалъ въ расколъ ⁴⁶¹), за что и былъ сосланъ въ Сибирь въ 1660 году.

Разсмотрѣвъ представленный мнѣ докладъ изъ приказа о происхожденіи и прежней жизни Истомина, я, пишетъ Игнатій, нашелъ, что не годится поучать его и состязаться съ нимъ наединѣ; потому приказалъ, чтобъ въ воскресные дни приводили его въ соборную церковь сибирской митрополіи, и началъ обличать его всенародно, доказывая изъ Святыхъ Писаній, что онъ настоящій еретикъ, который говоритъ хулу на воплощеніе Сына Божія, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и на сложеніе троичнаго образа въ трехъ первыхъ перстахъ. Я

⁴⁶⁰) Посланія Игнатія, митроп. тобольскаго, стр. 158—163.

⁴⁶¹) Тамъ же, стр. 163—164.

всѣмъ очевидно доказаль, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ божественною ипостасією, благоволеніемъ Отца и содѣйствіемъ Всесвятаго Духа, воплотился, т.-е. въ нашу плоть облекся, во чревѣ Пресвятой Дѣвы и Богородицы Маріи воспринялъ плоть отъ чистыхъ кровей ея, и душу умную и словесную, словомъ—принялъ цѣлое человѣческое естество въ тотъ моментъ, когда Архангелъ Гавріиль благовѣстилъ ей и она высказала свою полнѣйшую покорность волѣ божіей—словамъ: „се раба Господня, буди мнѣ нынѣ по глаголу твоему“ ⁴⁶²). Игнатій приводилъ Истомина въ доказательство дѣйствительнаго вочеловѣченія Иисуса Христа отъ Пресвятой Дѣвы Маріи, кромѣ Свящ. Писанія, церковныя пѣсни и ученіе св. отцевъ церкви, въ которыхъ раскрывается православное ученіе о вочеловѣченіи Сына Божія отъ Богородицы. Игнатій состязался и обличалъ Истомина въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ воскресныхъ дней, послѣ чего Истоминъ раскаялся и представилъ покаянный свитокъ, которымъ онъ засвидѣтельствовалъ свое обращеніе къ церкви и отказался отъ всѣхъ содержимыхъ имъ прежде ересей.

„Ся вся убо, и множайшая сихъ отъ Божественныхъ Писаний, говорить въ заключеніе митрополитъ Игнатій, слышавъ ересеначальникъ проклятый армянинъ, постыдѣся и посрамивъ и принесе покаяніе: его же вашей любви наше смиреніе, во второмъ моемъ посланіи, сирѣчь граматѣ пространнѣе изъясствовахъ. Отъ того времени божественная благодать всесвятаго и животворящаго Духа, многихъ ереси армянскіи защитниковъ устыдѣтися сотвори: ⁴⁶³) и познавше православное ученіе отступаша отъ того армянина и возгнушашася его мерзости, понеже слышаша глаголюща мя къ нимъ: виждьте, рѣхъ, братія моя, какову до сего времени скверному учителю, учащему васъ арменскаго мудрованія, и отъ истинныя греческія православныя вѣры отвращенію, послѣдовали есте, и сіе, благословенніи христоролюбцы, вѣмъ, яко по невѣдѣнію рода его арменскаго сіе со-

⁴⁶¹) Тамъ же, стр. 164—165.

⁴⁶²) Этотъ покаянный свитокъ митроп. Игнатій приводитъ въ цѣломъ видѣ въ 11 посланіи, стр. 35—37.

⁴⁶³) Митрополитъ Игнатій въ своихъ посланіяхъ всюду раскольниковъ называетъ армянами и полу-армянами, основываясь на двушерстіи, которое раскольники признавали православнымъ и древнѣйшимъ.

творите: нынѣ же познавше того армянина, добръ творите о согрѣшеніи своемъ кающеся. Яко таковымъ ядометнымъ еретическимъ ученіемъ прежде напившеся отъ него, нынѣ же исплюйте ядь его, и животворную воду православнаго ученія пріавше, измыйтеся и чисти будете. Се благословеніи христіолюбцы и чада восточныя Христовы церкви, слышали есть, елико въ Россіи прежде бысть ересеначальниковъ, но всѣхъ злѣйшии сіи проклятїи армено-защитницы, скаредный Аввакумъ распротопопъ, и скаредный разпопъ Никита пустосвятъ и прочїи вышеименованїи еретицы⁴⁶⁵).

Игнатїй въ своихъ посланїяхъ ничего не говоритъ о состязанїи относительно другихъ пунктовъ раскольническаго вѣроученїя, но нужно полагать, что оно было такъ же удачно, какъ и состязанїе о воплощенїи, если взять во вниманїе основательность, съ которою онъ разбираетъ другїе пункты раскольническаго вѣроученїя въ своихъ посланїяхъ, и какъ онъ близко былъ знакомъ съ исторїею и ученіемъ раскола⁴⁶⁶).

Игнатїй говоритъ, что это состязанїе произвело сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ при состязанїи и многіе обращались къ церкви, и неудивительно: массѣ, слѣдовавшей ученію Истомина, не было болѣе основанїя противиться церкви. Авторитетъ его разрушенъ; онъ палъ въ глазахъ своихъ послѣдователей и его паденїе необходимо должно было послужить къ возстанїю всѣхъ его послѣдователей. Для массы въ этой личности не было уже ничего обаятельнаго, внушающаго уваженїя; слѣдовательно, масса, слѣдовавшая ему, осталась безъ опоры, безъ руководителя, даже безъ почвы: потому что самъ учитель не только побѣжденъ на состязанїи, но открыто сознался въ своемъ заблужденїи и смиренно просилъ прощенїя у всѣхъ, кого онъ увлекъ своимъ ложнымъ ученіемъ⁴⁶⁷). Также поступалъ Рязанскїй митрополитъ Іосифъ: онъ призывалъ въ церковь и всенародно училъ и обличалъ. Въ февралѣ 1679 года Богословскаго монастыря ссылочный чернецъ Михаилъ Микулинъ говорилъ въ трапезѣ при всей братїи многія неистовыя раскольническія слова

⁴⁶⁵) Посланїя Игнатїя, митроп. тобольскаго, стр. 167—168.

⁴⁶⁶) Тамъ же, глава X, XI, XII, XIII, XIV.

⁴⁶⁷) Тамъ же, стр. 35—37.

про крестное знаменіе, и сказалъ: „есть де за нимъ дѣло Божіе и государево“. Архимандритъ Іосифъ, настоятель этого монастыря, извѣстилъ объ этомъ преосвященнаго Іосифа и представилъ ему писанные тѣмъ чернецомъ семь столповъ, въ коихъ всякія непристойныя рѣчи о Пресвятомъ Божествѣ. Преосвященный митрополитъ велѣлъ поставить сего чернеца предъ собою и по распросѣ въ недѣлю православія ималь его на дѣйство и при всемъ народѣ училъ и обличалъ“ ⁴⁶⁸).

Учить и обличать всенародно было болѣе общепотребительнымъ способомъ вразумленія раскольниковъ и признавалось болѣе соответствующимъ цѣли, съ чѣмъ нельзя не согласиться. Мы видѣли, что такъ поступалъ съ расколуучителями самъ патріархъ Никонъ. Нельзя не отозваться съ особенною похвалою объ этомъ приѣмѣ обличенія. Онъ имѣетъ не мало хорошихъ сторонъ. Прежде всего, здѣсь присутствующіе могли знакомиться съ ученіемъ и недостатками раскола, о которомъ они имѣли самыя смутныя понятія, и такимъ образомъ предохранять себя отъ ложнаго ученія, которое такъ дѣятельно разсѣвалось расколуучителями. Не менѣе благотворно должно было дѣйствовать и то, что состязаніе велось публично, предъ большимъ собраніемъ народа: дѣло это какъ бы представлялось суду народа; онъ приглашался смотрѣть и взвѣшивать и дѣлался въ нѣкоторомъ родѣ судьей. Побѣда надъ раскольниковъ въ состязаніи должна была поселять презрѣніе къ расколу и расколуучителямъ во всѣхъ присутствующихъ какъ православныхъ, такъ и содержащихъ расколъ. Архіереи иногда поручали публично увѣщевать раскольниковъ и вступать съ ними въ преніе и простымъ священникамъ ⁴⁶⁹); но это случалось довольно рѣдко, потому что раскольники съ священниками или совсѣмъ не хотѣли говорить, или просто бранились, не отвѣчая на ихъ вопросы ⁴⁷⁰).

Но вотъ образчикъ состязанія по раскольническому сказанію. Въ 1670 году (7178) взятъ былъ Авраамій и представленъ къ Павлу митрополиту Крутицкому для увѣщанія. Авраамій самъ передаетъ это состязаніе съ митрополитомъ объ антихриствѣ.

⁴⁶⁸) Исторія рязанской іерархіи, стр. 166—167.

⁴⁶⁹) Дополн. акты истор. т. X, № 3, стр. 13.

⁴⁷⁰) Тамъ же.

которое нужно полагать довольно близко къ дѣйствительности. „Власти рекли ⁴⁷¹⁾, пишетъ Авраамій, вы нынѣ плутаете (т.-е. раскольники) и въ своихъ писаніяхъ Никона антихристомъ называете. Антихристу быти во Іерусалимѣ, а не здѣсь. И тѣмъ людей Божіихъ зѣло возмутивше есте“. И азъ рекъ имъ: „о Никонѣ писалъ азъ, вопрошая отца Аввакума и возвѣщая ему о семъ, яко слично на немъ Никонѣ быти сему таянству и ни единого слова собою не умыслихъ; но отъ многихъ святыхъ о томъ собирая писанія, писахъ. Да и се писано въ моемъ писаніи, яко не испытани суть судьбы Божіи. Только глаголю вамъ и нынѣ, по писанію святыхъ отецъ, прилично на немъ (Никонѣ) быти сему таянству“.. И думной рекъ: „правду ты писалъ, что въ сѣверной странѣ быти антихристу. Да вѣдь не однѣ мы въ сѣверной странѣ, но есть и Нѣмцы, и иныя въ сѣверной странѣ живутъ. И посему не испытано гдѣ будетъ“. И азъ рекъ ему: „да писаніе многое сказуетъ намъ ясно о семъ, яко быти ему въ сѣверной странѣ въ третіемъ Римѣ, идѣже Скиеополь, и отступу не быти отъ вѣры и онъ — открытается. Тако намъ апостолъ сказуетъ и Златоустъ толкуетъ. Онъ открытается, отступъ учинитъ и отречется своя славы и послѣ себя приуготовитъ иныхъ, да дѣлаютъ мотая и потомъ и самъ возвеличится паки. И смотрите въ моемъ писаніи, еже у васъ нынѣ собравъ отъ многихъ святыхъ, да и число того звѣря, иже въ апокалипсисѣ въ 13-й главѣ истолковано отъ св. отецъ и сошлюсь на нынѣшнія лѣта“ ⁴⁷²⁾. Если даже допустимъ, что Авраамій совершенно вѣрно передаетъ свой разговоръ съ увѣщателями, чего однако раскольничьи писатели никогда не дѣлали, и тогда даже видно, что во 1-хъ, увѣщатели того времени терпѣливо и снисходительно выслушивали бредъ раскольнической больной фантазіи; во 2-хъ, не пускаясь въ глубокія соображенія и доказательства по этому поводу, которыя бы были въ большинствѣ случаевъ излишними, старались показать внѣшнюю очевидную невѣрность этого жалкаго мнѣнія, которое распространяли раскольники.

⁴⁷¹⁾ Авраамія убѣждали крутицкій митрополитъ Павелъ, вологодскій архіепископъ Симонъ, рязанскій митроп. Іларіонъ, чудовскій архимандритъ Іаковъ и думный дьякъ Іларіонъ Ивановъ. Смори описаніе нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненій Александра Б. ч. 1, стр. 20.

⁴⁷²⁾ Тамъ же, стр. 21.

Въ началѣ XVIII вѣка въ Россіи начало развиваться проповѣдничество устное. Южно-русскіе ученые, во множествѣ вызываемые и сами пріѣзжавшіе на сѣверъ, были первыми проповѣдниками. Особенно замѣчательнымъ проповѣдникомъ въ этотъ періодъ былъ св. Димитрій Ростовскій. Онъ проповѣдывалъ и въ Москвѣ, куда его часто вызывали для этого, и въ своей епархіи и тамъ и здѣсь пользуясь случаемъ, по большей части въ видѣ приложеній обличалъ суевѣріе раскольниковъ. Въ своихъ „вопросахъ и отвѣтахъ о вѣрѣ“, которые предлагалъ съ церковной кафедры, св. Димитрій часто обличалъ ученіе раскольническое. Такъ говоря о четвертомъ вселенскомъ соборѣ и ереси Діоспора и Евтихія, св. Димитрій замѣчаетъ: „исповѣданія такого еретическаго, на четвертомъ соборѣ проклятію преданнаго, до сихъ поръ держатся Армени, и тотъ арменскій толкъ въ двоеперстіи раскольническомъ заключается, въ которомъ чрезъ указательный перстъ, прямо стоящъ, божество разумѣтся, и чрезъ скривленъ подлѣ указательнаго, человѣчество. И причина дается, яко того ради скривленъ перстъ человѣчество Христово знаменуетъ, понеже-де Христосъ человѣчествомъ, преклонъ небеса, на землю сниде: слѣдовательно съ небесе на землю готовое человѣчество снесе, и съ готовымъ человѣчествомъ въ утробу Дѣвы вселися, а не отъ кровей ея Дѣвическихъ пріять. Еще же подъ таковыя два персты съ таковымъ толкомъ Арменскимъ о воплощеніи Христовомъ подводится: три персты—первый съ двумя послѣдними во имя Пресвятыя Троицы, въ ту силу, что будто Христомъ и вся Троица воплотилася, а не единъ отъ святыя Троицы—Сынъ Божій, по которому толку отъ Арменовъ и трисвятому пѣнію прилагается: *распныйся насъ ради*. И въ таковымъ-то злохульнымъ Арменскимъ толкомъ двоеперстіе свое раскольники за крайнюю святыню и за главизну спасенія и христіанства празднуютъ, и стариннымъ крестомъ нарицающе, не токмо паче настоящаго креста, но и паче самаго Христа таковой свой крестъ превозносятъ“... Въ другихъ мѣстахъ св. Димитрій старался показать, какъ ничтожно то, за что возстали раскольники и порвали связь съ церковію, и какъ противно самой вѣрѣ придавать особенную важность такимъ предметамъ, которые по своему существу не имѣютъ никакого отношенія къ вѣрѣ, или — если имѣютъ, то самое ничтожное.

Чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, св. Димитрій свои катехизическія поученія, подъ именемъ „вопросовъ и отвѣтовъ о вѣрѣ“, распространялъ въ народѣ. Приведемъ нѣкоторые изъ этихъ отвѣтовъ. Какъ напимѣръ—на вопросъ: koliko носиши на себѣ именъ? Св. Димитрій отвѣчаетъ: три: по естеству человекъ, по крещенію (имя рекъ), по вѣрѣ христіанинъ, а не перстовѣръ, или брадовѣръ, и старовѣръ. На вопросъ: для чего христіанину православному не надлежитъ показанными именами называться, и отъ самага начала христіанскаго такими именами христіане не называется, сирѣчь—перстовѣрами, брадовѣрами и старовѣрами? Св. Димитрій отвѣчаетъ: для того, понеже перстовѣрами называтися есть вѣровать въ перста два, или Христовы, или буде иныя какіе. Ежели въ персты два Христовы вѣровать, то признавать или съ двумя перстами Христа, а не съ пятьми; или два перста въ Христѣ святѣйшіе противу прочихъ Его перстовъ и противъ цѣлаго человечества (Христова) признавать. И такая вѣра во Христа будетъ злохульна, два персты токмо во Христѣ, а не цѣлаго Христа почитающая; кромѣ Христовыхъ же въ какіе-нибудь персты вѣровать, есть совсѣмъ Христа отвергать, и два перста будто идола Велеса или козій роги, или медвѣжію лапу вмѣсто Христа почитать, по примѣру безумныхъ идолослужителей. Брадовѣрами же быть и въ брады вѣровать, той же идолослужительный обычай слѣдуетъ, старовѣрами же,—какъ раскольники такъ и жидаы называются. Слѣдовательно, старовѣръ и жидовѣръ одна рѣчь и разумніе имѣется. Намъ же надлежитъ христіанами нарицатися... Егда же въ крестномъ знаменіи употребляемъ троихъ перстовъ, а не двоихъ, сіе говоримъ въ противность еретическаго толку арменскаго; и по православной вѣрѣ нашей Бога въ Троицѣ единого намъ объявленнаго чрезъ Христа, единого отъ Троицы. Такожъ и въ благословящей рукѣ, по вѣрѣ во Христа, въ перстахъ имъ—Исусъ Христосъ—изображаемъ; въ персты же, какъ кисть иконную или краски изображующія икону, не вѣруемъ. И не отъ перстовъ нашихъ освященіе намъ, животъ и защищеніе быти признаваемъ; но отъ св. Троицы, отъ имени Исуса Христа и отъ крестнаго его знаменія. И хотя не вся Троица страдала на крестѣ, но понеже благоволеніемъ всея Троицы сіе сдѣлалось, и отъ всея Троицы кресту сила, ради распеншагося на немъ

единого отъ св. Троицы Христа: того ради какъ имя І. Христось, такъ и имя пресвятыя Троицы, въ крестномъ знаменіи призывается. Слѣдовательно, и три персты — слагать не есть противно, два же персты съ толкомъ арменскимъ еретическо⁴⁷⁴⁾.

Св. Димитрій былъ самымъ дѣятельнымъ поборникомъ православія и строгимъ и неутомимымъ обличителемъ раскола: онъ не пропускалъ ни одного болѣе или менѣе виднаго случая и явленія въ расколѣ безъ того, чтобъ не обличить раскольниковъ и не предостеречь православныхъ. „Одинъ священникъ Ростовскій донесъ св. Димитрію, что одинъ его прихожанинъ не хочетъ воздавать поклоненія св. иконамъ. Св. Димитрій призвалъ его къ себѣ и убѣдился, что онъ зараженъ дѣйствительно еретическимъ заблужденіемъ⁴⁷⁵⁾. Вскорѣ онъ услышалъ, что и многіе члены его паствы заражены подобнымъ ученіемъ: они отвергали почитаніе св. мощей, иконъ, молитвы къ святымъ и всѣ вообще внѣшнія дѣйствія при Богослуженіи, почитая достаточнымъ одно внутреннее служеніе Богу⁴⁷⁶⁾. Такія лжеумудрованія справедливо онъ могъ производить отъ вліянія поселившихся между русскими иностранцевъ, злоупотреблявшихъ дарованною имъ свободою въ дѣлѣ вѣры. Лѣтъ чрезъ 5 дерзость прельщенныхъ чужими лжеумствованіями возросла до того, что нѣкоторые въ самой Москвѣ открыто стали возставать противъ иконопочитанія и другихъ свящ. учрежденій церковъ. Предположивъ опровергнуть это лжеученіе въ особомъ сочиненіи (что св. Димитрій и сдѣлалъ въ Розыскѣ, въ трактатахъ о притчахъ, о евангельской исторіи, о поклоненіи иконамъ) св. Димитрій продолжалъ въ своей устной проповѣди опровергать другія мнѣнія раскольниковъ⁴⁷⁷⁾.

Простымъ и для всѣхъ понятнымъ словомъ онъ раскрывалъ простому народу вредное вліяніе Брынскихъ лжеучителей на его жизнь и нравы и доказывалъ неосновательность ихъ мнѣній, наиболѣе распространенныхъ въ народѣ. Въ такомъ духѣ и съ этою именно цѣлію было сказано св. Димитріемъ въ Ростовѣ

⁴⁷¹⁾ Собраніе сочиненій св. Димитрія Ростовскаго ч. 1, стр. 67—68.

⁴⁷²⁾ Тамъ же, стр. 96--97.

⁴⁷³⁾ Тамъ же. Розыскъ, стр. 173.

⁴⁷⁴⁾ Розыскъ, стр. 161—211.

⁴⁷⁵⁾ Часть I, стр. 138, ч. II, стр. 26.

слово „къ прѣпростому народу“ ⁴⁷⁸⁾), и на Воздвиженіе честнаго и животворящаго креста тожь въ Ростовѣ ⁴⁷⁹⁾). Раскрывъ значеніе и силу креста Христова, св. Димитрій говоритъ въ словѣхъ на Воздвиженіе: „Но, мню, ни единому усумнѣваться отъ христіанскаго рода, что надобно поклоняться кресту Христову; точію есть нѣкое бездѣльное неразумныхъ человѣкъ сомнѣніе и вопросы: каковому кресту Христову кланяться—8 конечному токмо или и 4 конечному? На таковой вопросъ безумныхъ не требѣ и отвѣщати: явственно бо отъ св. писанія, вопервыхъ ветхаго, отъ образованій (прообразовъ) ветхихъ креста Христова. Моисей, егда распростре рудѣ свои и побѣждаше Амалика, не образъ ли бѣше четвероконечнаго креста Господня? И І. Навинъ, егда побѣждаше враги своя, не четвероконечный ли образоваше крестъ? И Іаковъ, стараго закона патріархъ, егда благословляше сыны Іосифовы Манассію и Ефрема, преложивъ руки своя во образъ 4-конечнаго креста Господня, и иная ветхая образованія креста, яже подробну исчисляти время намъ не достанеть. „Далѣе слѣдуетъ множество выписокъ изъ богослужебныхъ книгъ и твореній св. отцевъ, которые показываютъ, что крестъ Христовъ долженъ быть именно 4-конечный“. Се толикіе отъ св. от. и церковныхъ книгъ о 4-конечномъ крестѣ свидѣтельства! Но и самѣхъ сумнящихся раскольниковъ о четвероконечномъ крестѣ вопрошаю: каковымъ они крестомъ крестятся? О сложеніи перстовъ нынѣ не глаголю: время бо ми не достанеть, но на иное время отлагаю глаголати о томъ. Пущай каковымъ сложеніемъ хотять крестятся по упрямству ихъ, аще сіе и не должны творити. Точію каковъ крестъ на себѣ полагають, о томъ глаголю: 4 - конечный ли или 8 - конечный? Егда бо персты свои кладуть на челѣ—знаменуютъ вышній конецъ креста; егда же на чрево полагають, знаменуютъ нижній конецъ креста: на рамѣхъ же полагающе руку, предзначають два конца, въ широту и долготу положенныя. Аще же хотай, дабы былъ 8-конечный крестъ, почто не осьмиконечнымъ крестятся? Надобно, дабы едино положеніе въ долготу положимъ на чело и на чрево, три же положенія, едино на челѣ, другое на раменахъ, третье

⁴⁷⁸⁾ Собраніе сочиненій св. Димитрія Ростовскаго, ч. II, стр. 389.

⁴⁷⁹⁾ Тамъ же, ч. III, стр. 225.

на чревѣ; и такъ будетъ осьмиконечный крестъ, но тако не крестятся. Еще же аще кто и благословить каковымъ крестомъ, не четвероконечнымъ ли? Сіе глаголахъ о крестѣ четвероконечномъ, не аки бы отвергая осьмиконечный, или шестероконечный крестъ Христовъ, но да загражду уста безумныхъ и незнающихъ въ чемъ самая сила есть поклоненія креста Христова. Паче же надобно показати во изъясненіе о прочихъ святыхъ вещехъ, въ чемъ мы ихъ почитаемъ и поклоненіе креста Христова. Напримѣръ почитаемъ мы святое Евангеліе, въ которомъ многія вещи избрѣтаются, бумага и чернило, имъ же Слова Христовы суть на бумагѣ написаны, и вся исторія, т.-е. движенія Христовы; иногда обложено серебромъ и золотомъ, иногда парчею драгоцѣнною. Егда убо поклоняемся Евангелію святому, что мы почитаемъ и въ чемъ сила есть поклоненія Евангелія святаго? Въ томъ ли, во еже бы мы почитали дски или серебро, или золото, или парчи, или бумагу? Мню ни единъ отъ православныхъ сіе речеть: что убо почитаемъ? Почитаемъ слова Христовы, ученіе Христово и всю исторію житія Христова; послѣдовательнѣ же ради сего и все Евангеліе почитаемъ. Тоже, егда почитаемъ и икону святую, напримѣръ Христову, или Богородичну, или нѣкоего святаго: и въ иконѣ многія вещи избрѣтаются — дска, вапы или краски, (которыми пишетъ иконописецъ) и изображеніе первообразнаго, и ради сего и всю икону почитаемъ? Аще же мы ради изображенія первообразнаго почитаемъ икону, убо явственно является безуміе нѣкоторыхъ чловѣкъ, которые егда икона новая не хотятъ почитати. Аще же старая и окоптѣлая, или и новая, когда окоптятъ дымомъ, то почитаютъ; и таковыя не изображеніе первообразнаго почитаютъ, но дымъ и черноту, грязь и закоптѣлость; послѣдовательнѣ же не суть христіане, но идолопоклонники. Еще же отъ прежде реченныхъ, и тѣхъ безуміе показуется, которые, егда на дскѣ изображеніе бываетъ, почитаютъ, аще же на бумагѣ или холстѣ или иной вещи какой, то не хотятъ и почитати. И таковіи не изображеніе почитаютъ, но дску и древо, и въ идолопоклонники вмѣняты, не знающе, что и самъ Христосъ Господь свое изображеніе даде царю Авгарію не на дскѣ, но на убрूसѣ. Вѣдомо буди, яко мы и древніи иконы не ругаемъ, почитаемъ я, паче же чудесныя: обаче и сія не ради черноты или древности, но

ради чудодѣйствія Божія изображенія почитаемъ; можетъ бо Богъ и въ новыхъ иконахъ чудодѣйствовать. Аще бы была и древняя якоже въ ветхихъ и закоптѣла, надобно ю очистити и обмыти, или обновити во еже бы видѣ изображенія явственъ былъ каждому приходящему. Како же могу поклоняться иконѣ, аще не въмъ, чїя есть икона, и къ кому мой умъ возведу? Иконѣ егда кланяемся или лобызаемъ ю, тѣломъ должны есмы кланяться иконѣ, а умъ намъ возводити къ первообразному т.-е. чїя есть икона... Аще видѣ изображенія не явственъ, кому кланяться? Таковою бо вещь, аще бы кто діавола изобразилъ и закоптилъ; то бы и діавола иный не знаючи почиталъ и кланялся ему. Или якоже нынѣшнихъ временъ нѣкоторые господа стыждаются въ домахъ своихъ поставляти икону Христову или Богородичну; но уже нѣкія безстыдныя поставляютъ изображенія Венеры, или Діаны или прочихъ ветхихъ куміровъ... И аще бы невѣжа пришелъ, и такая нечестивая изображенія уже закоптѣлая увидѣвъ, не познавши, что то Божія суть, но мірская; могъ бы имъ кланяться, аки Божимъ и святымъ изображеніямъ, невѣжества ради своего. Божіе изображеніе всякъ долженъ разсуждати, а не вапы или вещь, на которой изобразися: изображеніе же почитати ради первообразнаго и во еже бы икону его не боготворяти. И тако будеть истинное поклоненіе иконамъ христіанское: за не же седьмый вселенскій соборъ якоже тѣхъ, которые не кланяются иконамъ, предаде анаѣмъ, тако и тѣхъ, которые злѣ кланяются и боготворятъ иконы⁴⁸⁰)...

Узнавъ, что расколоучители особенно усилились въ Ярославлѣ, святитель Димитрій отправился туда съ своимъ побѣдоноснымъ словомъ (18 ноября 1708 года); проповѣдывалъ здѣсь „о вѣрѣ раскольнической неправой и о святой нашей вѣрѣ православной“, защищалъ изображеніе четвероконечнаго креста. „Въ мѣсяцъ Ноембрїа позвала мя нужда быть въ Ярославлѣ, нужда же раскольническая: понеже умножишася въ нашей епархіи зѣло. Тамо бывъ, училъ помощію Божіею я недѣлю“⁴⁸¹).

Въ 1706 году св. Димитрій съ особенною силою проповѣды-

⁴⁸⁰) Тамъ же, ч. III, стр. 235—241.

⁴⁸¹) Діарїй 1708 г. смотр. собраніе сочин. ч. I, 18 ноября.

валъ въ Москвѣ противъ распространявшагося повсюду раскола ⁴⁸²).

4) Но не всегда было возможно правильное состязаніе съ раскольниками и вліяніе на нихъ для лицъ, имѣвшихъ желаніе къ тому и обладавшихъ необходимыми умственными и матеріальными средствами. Еще до собора 1666—67 г. раскольники начали удаляться въ глубь лѣсовъ ⁴⁸³). Послѣ собора, осудившаго ихъ, и особенно послѣ неудачнаго возстанія въ 1682 г. большинство раскольниковъ удалилось во внутренность лѣсовъ и порвало всѣ связи не только съ церковію, но и съ самымъ православнымъ обществомъ. Тамъ, въ глубинѣ лѣсовъ непроходимыхъ, на топкихъ болотахъ, на мѣстахъ неудобныхъ и заброшенныхъ они строили свои скиты, созидали молитвенные храмы, украшали ихъ иконами и открывали богослуженіе по своему вкусу и разумѣнію. Изъ своихъ лѣсовъ они выходили только для пріобрѣтенія предметовъ первой необходимости или для пропаганды. Такимъ образомъ, раскольники ставили себя внѣ всякаго вниманія со стороны православнаго духовенства и общества, воспитывали въ себѣ фанатизмъ къ церкви и обществу и занимались самою дѣятельною пропагандой, остановить которую не было почти никакой возможности. Выходили изъ своихъ скитовъ расколоучители подъ видомъ простыхъ крестьянъ, которыхъ ни въ чемъ не возможно заподозрить. По свидѣтельству св. Димитрія Ростовскаго они для совращенія въ расколъ обыкновенно выбирали людей „простыхъ и незлобивыхъ“ и старались поразить ихъ внѣшнею своею святостью и набожностью, строгимъ постомъ и долговременными молитвами; потомъ ругали положеніе дѣлъ въ Православной Церкви и восхваляли свои скиты, куда обыкновенно приглашали своихъ жертвъ провѣрить все сказанное имъ собственными глазами ⁴⁸⁴). Внѣшнее благолѣпіе и благочиніе, строгое выполненіе устава въ ихъ молельныхъ, все это должно было необыкновенно сильно дѣйствовать на приходившихъ въ раскольническіе скиты: они почти необходимо дѣлались жертвами раскола; иногда при этомъ раскольники

⁴⁸²) Жизнь св. Димитрія Ростовскаго, стр. 71.

⁴⁸³) Жезль Правленія, л. 9.

⁴⁸⁴) Розыскъ, стр. 559—560.

прибѣгали и къ насилію ⁴⁸⁵). А такъ какъ расколоучители по преимуществу старались совращать людей богатыхъ ⁴⁸⁶), то вскорѣ скиты раскольниковъ не только увеличились по числу своихъ обитателей, но и начали располагать громадными средствами, которыя помогали имъ въ минуту преслѣдованія со стороны гражданской власти. Такимъ образомъ образовались, умножились и разбогатѣли раскольниковыи скиты въ предѣлахъ Олонецкихъ, Керженскихъ, на Иргизѣ, въ Стародубѣ и Вѣткѣ. Освобождая себя отъ всякаго вліянія со стороны духовной и даже свѣтской власти, скитники тѣмъ же менѣ оказывали самое гибельное вліяніе на массу православнаго общества. Другіе изъ раскольниковъ, напротивъ, не уважали тихой и однообразной скитской жизни и брались за оружіе. Они составляли шайки, довольно сильно вооруженныя, нападали на православныхъ, грабили монастыри и церкви и въ случаѣ нападенія на нихъ угрожали самосожженіемъ, что нерѣдко и приводило въ исполненіе ⁴⁸⁷). Тѣ и другіе одинаково были вредны, какъ для церкви, такъ и для православнаго общества и требовали особенныхъ мѣръ, которыми бы можно было остановить быстро развившееся зло. Такимъ средствомъ со стороны духовной власти были миссіи противъ тѣхъ и другихъ раскольниковъ.

Миссіи въ строгомъ смыслѣ этого слова—въ XVII вѣкѣ не было. Не было и образованныхъ миссіонеровъ. Ни духовному, ни свѣтскому правительству неизвѣстна была даже приближительная численность раскольниковъ, скрывавшихся въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ. Распоряженіе п. Никона, а потомъ собора 1666 г. о метрическихъ книгахъ ⁴⁸⁸) не было приведено въ исполненіе: даже строгіе указы Петра I исполнялись далеко не такъ точно, какъ этого требовалъ Петръ ⁴⁸⁹). Такимъ образомъ

⁴⁸⁵) Раскольническія дѣла XVIII в. Есипова, т. I, стр. 566—567, 272.

⁴⁸⁶) Розыскъ, стр. 559, 486.

⁴⁸⁷) Акты истор., т. V, № 223, стр. 378—394. № 151, отдѣл. XV, XVI, XXII. Вообще фактовъ этого рода очень много, такъ какъ самосожженіе было завѣщано расколоучителями. Аввакумъ, напр., такъ говоритъ о самосожженіи: «блаженъ изволь сей о Господѣ»...

⁴⁸⁸) Дополнит. акты истор. т. V, стр. 461—462. Описан. рукописи Румянцова музея № ССССУ, стр. 609—610.

⁴⁸⁹) Описаніе документ. и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода, т. I,

духовное правительство не имѣло точныхъ свѣдѣній о численности раскольниковъ, жившихъ даже среди православнаго населенія ⁴⁰⁰⁾ и не имѣло почти никакихъ свѣдѣній о раскольникахъ жившихъ въ скитахъ. Самые скиты не всегда были извѣстны правительству. Этимъ между прочимъ объясняется, что духовное правительство, во всякомъ случаѣ довольно бдительно слѣдивши за расколомъ, не озаботилось воспитать опытныхъ, искусныхъ миссіонеровъ, которые бы постоянно обличали раскольниковъ въ самомъ ихъ убѣжищѣ, въ ихъ скитахъ, какъ это потомъ дѣлалъ Пителиръ Нижегородскій. Когда получались свѣдѣнія объ усиленіи въ какой-либо мѣстности раскольниковъ, объ ихъ дѣятельной пропагандѣ, или о намѣреніи предать себя огню, туда обыкновенно посылали болѣе или менѣе знакомыхъ съ расколомъ лицъ, нерѣдко въ сопровожденіи военнаго конвоя; такъ какъ въ мѣстахъ раскольниковскихъ сборищъ личность миссіонеровъ не всегда была безопасна. О дѣятельности этихъ миссіонеровъ, о характерѣ ихъ полемики, не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній историческихъ; о результатахъ этихъ миссій иногда можно только догадываться, иногда же невозможно сдѣлать и основательныхъ предположеній.

Первымъ въ качествѣ миссіонера является въ этотъ періодъ монахъ Бизюковскаго монастыря Ефремъ Потемкинъ. Потемкинъ прежде былъ одинъ изъ дѣятельныхъ расколоучителей. Онъ успѣлъ насадить расколъ въ Нижегородскомъ и Ветлужскомъ уѣздахъ, на Козлицкихъ болотахъ, и кромѣ общаго раскольниковскаго ученія проповѣдывалъ о наступленіи семилѣтняго голода. Призванный на соборъ въ 1666 году, онъ добровольно раскаялся, написалъ покаянный свитокъ и молилъ соборъ разрѣшить его отъ проклятія, положеннаго на всѣхъ расколоучителей. Во свидѣтельство искренности обращенія своего и какъ бы въ наказаніе за распространеніе раскольниковскаго лжеученія соборъ опредѣлилъ монаху Ефрему Потемкину, въ сопровожденіи старца

№№ 498—250, 500—362. Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи т. IV, №№ 2991, 2996.

⁴⁰⁰⁾ Часто жившіе среди православнаго населенія исполняли обряды православной церкви и такимъ образомъ устраняли возможность узнать ихъ. Посланія Игнатія, митроп. тобольскаго, стр. 130.

Знаменскаго монастыря Филарета и діакона Василя, идти въ тѣ страны, города и селы, гдѣ онъ распространялъ расколъ, и тамъ прельщенныхъ имъ всенародно увѣщевать, чтобъ они обратились къ св. соборной и апостольской цѣркви; объявить, что прежнее его ученіе—богомерзская ложь и дьявольское щеніе, и читать всенародно свой покаянный свитокъ вездѣ—въ Балахнѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ и въ Макарьевскомъ Желтоводскомъ монастырѣ. Не смотря на противодѣйствіе со стороны матери и сестры, Ефремъ отправился въ путь съ вышепомянутыми спутниками и въ точности исполнилъ предписаніе собора. Вездѣ, гдѣ онъ прежде разсѣвалъ плевелы раскола, онъ убѣждалъ покориться св. церкви, обличалъ раскольническое ученіе и читалъ свой покаянный свитокъ. По возвращеніи въ Москву, онъ явился на соборъ и представилъ составленные имъ путевыя записки о своей миссіонерской дѣятельности ⁴⁹¹⁾. Каковъ результата миссіонерской дѣятельности Ефрема?—на это отвѣчать довольно трудно: путевыя его записки до нашего времени не сохранились. Впрочемъ не безъ основанія можно предполагать, что миссія его была не безуспѣшна. Обличеніе изъ устъ того расколоучителя, отъ котораго научились расколу, должно было сильно подействовать на убѣжденіе зараженныхъ расколомъ; болѣе дѣйствительное обличеніе по крайней мѣрѣ невозможно. Прочитавши его путевыя записки соборъ „возрадовался“, убѣдился въ искренности его обращенія и торжественно присоединилъ его къ церкви ⁴⁹²⁾, что нѣкоторымъ образомъ указываетъ на сравнительно успѣшную миссіонерскую дѣятельность Ефрема.

Въ предѣлахъ Костромы и Кинешмы оч. рано появились расколоучители ⁴⁹³⁾ и безпрепятственно распространяли тамъ свое ученіе, чему не мало содѣйствовала отдѣльность этихъ городовъ отъ архіерейской каѳедры. Въ концѣ патріаршества Іосифа тамъ уже былъ расколоучитель Капитонъ Колесниковъ, который успѣлъ найти себѣ многихъ послѣдователей, особенно среди людей молодыхъ ⁴⁹⁴⁾. Впослѣдствіи у Капитона явился дѣятельный по-

⁴⁹¹⁾ Дополнит. акты истор. т. V, стр. 452—454.

⁴⁹²⁾ Тамъ же, стр. 454—455.

⁴⁹³⁾ Посланія Игнатія, митрон. тобольскаго, стр. 93.

⁴⁹⁴⁾ Тамъ же, стр. 100.

мошникъ Подрѣшетникъ. Самъ Капитонъ распространялъ расколъ въ предѣлахъ Костромскихъ и Вязниковскихъ ⁴⁹⁵), ученикъ его Подрѣшетникъ въ уѣздахъ Кинешемскомъ, Рѣтешскомъ и на Плесѣ. Капитонъ и Подрѣшетникъ по справедливости должны быть названы основателями безпоповщинскаго ученія. Они запрещали своимъ послѣдователямъ ходить въ православные храмы и къ отцамъ духовнымъ на исповѣдь и къ благословенію; отрицали и хулили таинства православной церкви, сами совершали у себя крещеніе и измыслили особенное причастіе посредствомъ изюма, выносимаго въ рѣшетѣ дѣвкой изъ подполя ⁴⁹⁶) и одобряли самоубійство. Для увѣщанія этихъ-то раскольниковъ посланъ былъ патр. Іоакимомъ въ 1687 году архимандритъ Новоспасакаго монастыря (Римскій Корсаковъ) ⁴⁹⁷), впоследствии митрополитъ Сибирскій. О результатѣ посольства Игнатія намъ ничего неизвѣстно. Извѣстно только, что по возвращеніи въ Москву изъ Костромскихъ предѣловъ—онъ составилъ „историческое извѣстіе“, о своемъ путешествіи ⁴⁹⁸), изъ чего можно заключить, что онъ пробылъ на мѣстѣ назначенія не малое время. „Историческое извѣстіе“ его, къ сожалѣнію, не сохранилось, но часть его вѣроятно вошла въ 11 его посланіе къ Тобольской паствѣ, гдѣ онъ подробно говоритъ о Костромскихъ Кинешемскихъ раскольникахъ ⁴⁹⁹).

Въ 1684 году въ предѣлахъ Новгородскихъ появился расколуучитель, по имени Тимошка. Онъ многихъ крестьянъ научилъ расколу и убѣдилъ ихъ не ходить въ православную церковь; самъ крестилъ младенцевъ и перекрещивалъ какъ старыхъ, такъ и молодыхъ. Въ томъ же году онъ ушелъ въ Шведскіе предѣлы, куда послѣдовали за нимъ совращенные имъ въ расколъ, покинувъ свои дома и имущество. Особенно охотно оставляли свою родину помѣщичьи крестьяне: они переходили въ Швецію къ Тимошкѣ въ 1684 и 1685 годахъ значительными партіями.

⁴⁹⁵) Тамъ же, стр. 112 и 119.

⁴⁹⁶) Тамъ же, стр. 113—114.

⁴⁹⁷) Обзоръ русской дух. литературы, стр. 366. Посланія Игнатія, митрополита тобольскаго, стр. 4.

⁴⁹⁸) Посланія Игнатія, митроп. тобольскаго, стр. 4.

⁴⁹⁹) Тамъ же, стр. 96—116.

Человѣкъ же 30-тъ изъ монастырскихъ крестьянъ подъ вліяніемъ ученія Тимошки добровольно предали себя огню. Гражданское правительство послало „дворянина добра“, который долженъ былъ хлопотать, на основаніи договоровъ съ Шведскимъ правительствомъ, о высылкѣ ихъ обратно въ Россію; митрополитъ же Новгородскій, вѣроятно изъ опасенія чтобъ они не сожглись, какъ это всегда въ подобныхъ случаяхъ дѣлали расколоучители, послалъ для увѣщанія ихъ архимандрита Евфимія⁵⁰⁰). Что сдѣлалъ Евфимій равно какъ и „дворянинъ добрый“ относительно цѣли своего посольства, намъ ничего не извѣстно. Духовенство не оставалось безучастнымъ зрителемъ происходившаго предъ его глазами, насколько это зависело отъ него, оно старалось уврачевать этотъ злой недугъ и не пропускало ни одного случая безъ того, чтобъ не употребить своего вліянія для блага и спасенія отпавшихъ собратій. Конечно, лучше бы было, еслибы духовенство съумѣло предупредить самые эти случаи; но это не всегда возможно даже въ настоящее время, въ то же время часто было совершенно невозможно. Въ 1687 году въ Новгородской области появился новый расколоучитель Омелька Ивановъ, который простодушныхъ крестьянъ побуждалъ къ самосожженію, а самъ старался завладѣть ихъ имуществомъ. Въ февралѣ (18-го) 1687 года Ивановъ съ шайкою единомышленниковъ овладѣлъ и заперся въ Палеостровскомъ монастырѣ. Но какъ только приблизился къ монастырю подполковникъ Григорій Мишенской, засѣвшіе въ монастырѣ раскольники сожглись, а Омелька Ивановъ, пограбивъ монастырскую казну, неизвѣстно гдѣ скрылся⁵⁰¹). Въ 1689 году Новгородскій митрополитъ Корнилій узналъ, что Омелька Ивановъ вновь появился въ Олонецкомъ уѣздѣ, и началъ опять распространять расколъ въ Толвуйскомъ и иныхъ погостахъ. Но какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Толвуйскомъ и иныхъ погостахъ отдано приказаніе о поимкѣ Омельки, сей послѣдній вновь съ шайкою раскольниковъ засѣлъ въ Палеостровскомъ монастырѣ. Митрополитъ Корнилій предписалъ указомъ Олонецкому протопопу Льву Иванову, чтобы онъ съ другими священными лицами ѣхалъ въ Палеостровскій монастырь

⁵⁰⁰) Акты истор., т. V, 127.

⁵⁰¹) Тамъ же, т. V, № 151, отд. I.

„и поучалъ и увѣщевалъ ихъ воровъ божественными писаніи, чтобы они, воры, отъ той своей прелести престоли и святой церкви принесли повиновеніе“⁵⁰²). Протопопъ отправился на мѣсто назначенія, но „они же окаяннїи пустынницы и вси послушашіе сквернаго ученія ихъ, не послушаша православнаго ученія ихъ и увѣщанія, прежде убо хуливше св. церковь и всѣхъ православныхъ христіанъ“. Вооруженные ружьями, пищалями, бердышами, саблями, копьями раскольники не допускали въ монастырь никого, морили монаховъ въ тюрьмахъ голодомъ и разоряли монастырь, а когда увидѣли себя окруженными царскимъ войскомъ — зажгли монастырь и сгорѣли со всѣмъ монастырскимъ строеніемъ⁵⁰³). Съ такими дикими фанатиками ничего, конечно, не сдѣлали бы даже самые искусные, опытные и хорошо образованные миссіонеры. И всѣ почти такого рода миссіи были безуспѣшны. Въ этой безуспѣшности винить духовенство почти не возможно, винить нужно ту дикую форму, которую принялъ расколъ. Еслибы раскольники серьезно сомнѣвались въ истинѣ церковной, искали этой истины и не нашли ея благодаря бездѣйствію и равнодушію духовенства; тогда, конечно, духовенство положительно бы было виновато въ удаленіи раскольниковъ отъ церкви. Но вѣдь этого рода раскольники (а ихъ было если не половина, то оч. значительная часть) были чисто разбойничьи шайки, которыя только подъ знаменемъ вѣры производили грабежи и разбои; объ истинѣ церковной они нисколько не заботились и не искали ее: они предавались дикому разгулу, пока ихъ свобода была ничѣмъ не стѣснена, при первой же попыткѣ со стороны правительства положить предѣлъ ихъ насилію, они предавали себя огню, какъ люди уже покончившіе съ этимъ міромъ и не находившіе въ немъ ничего хорошаго. Да и возставали часто не по увлеченію расколомъ, а просто по неудовольствію на существующій порядокъ вещей, приставали къ раскольникамъ или выдавали себя за раскольниковъ и начинали производить всевозможные беспорядки⁵⁰⁴). А между тѣмъ, узнавши, что прави-

⁵⁰²) Акты истор. т. V, № 151, отд. II, стр. 254. Посланія Игнатія тобольскаго митрополита, стр. 123.

⁵⁰³) Акты истор. т. V, № 151, отд. IV, стр. 259—260.

⁵⁰⁴) Дополнит. акты истор. т. X, № 3, отд. XV.

тельство всячески заботится не допустить ихъ да самосоженія, они угрожали всякій разъ самосоженіемъ какъ только являлись лица духовныя или свѣтскія съ увѣщаніемъ разойтись по домамъ и заниматься дѣлами приличными ихъ званію ⁵⁰⁵). Что могло сдѣлать съ этимъ безнравственнымъ скопищемъ бродягъ духовенство? къ чему могли повести убѣжденія? Нѣтъ; здѣсь всякое средство, какъ бы благодѣтельно и разумно не было, не имѣло смысла, не могло принести никакой пользы...

Въ Сибири отъ ссыльныхъ правительствомъ и добровольно бѣжавшихъ раскольниковъ расколъ распространился довольно быстро и принялъ тѣже дикія формы, какъ и на сѣверѣ Россіи. Духовенство по мѣрѣ возможности стремилось вразумить фанатиковъ, но усилія его имѣли такой же успѣхъ, какъ и миссіонеровъ сѣверныхъ странъ Россіи. Въ 1679 году (7187) нѣкто старецъ Данила (бывшій попъ Дометіанъ) на рѣчкѣ Березовкѣ началъ строить пустынь, въ которую въ короткое время собралось изъ разныхъ мѣстъ болѣе 300 человекъ. Примѣры самосоженія въ Сибири были оч. часты—отъ каждаго раскольническаго сборища ожидали этихъ послѣдствій—и потому духовенство и правительство заботились во время остановить собравшихся раскольниковъ, внушить имъ неразуміе ихъ поступковъ. Такъ поступили и въ настоящемъ случаѣ. Для увѣщанія собравшихся къ попу Дометіану Сибирскій митрополитъ Павелъ изъ Тобольска послалъ Знаменскаго монастыря архимандрита Герасима, Софійскаго собора ключаря Константина и протодьякона Меодія и „велѣно имъ говорить, чтобы они отъ такіе своей прелести отстали и православныхъ христіанъ не возмущали, и они бы старцы и старицы по монастырямъ, а бѣльцы въ дома свои шли и жили въ домѣхъ своихъ въ прежнихъ чинѣхъ, кто гдѣ жилъ, а впредь бы онъ Данила никого не постригалъ“ ⁵⁰⁶). Митрополитъ Павелъ посылалъ къ нимъ посланія, въ которыхъ на основаніи Св. Писанія доказывалъ неправильность раскольничьяго ученія, раскрывалъ, какъ великъ грѣхъ добровольно предовать себя огню, кончать жизнь самоубійствомъ. Но ни устныхъ увѣщанія миссіонеровъ, ни посланія не принесли пользы. Архи-

⁵⁰⁵) Дополнит. акты истор. т. VIII, № 50, стр. 219, 220, 221 и 222.

⁵⁰⁶) Тамъ же, стр. 218.

мандрить съ спутниками отправился, но по прїѣздѣ въ Tobольскъ подали „доѣздъ“ въ которомъ было написано: „чернецъ Данило и съ единомышленники своими отъ прелести своей ни мало не обратились... Генваря-де противъ 6-го числа, въ ночи, въ той заимкѣ чернецъ Данило съ единомышленники своими въ избахъ сожглись, а иные ушли въ рознь“⁵⁰⁷⁾.

Въ 1686 году вверхъ по рѣкѣ Течето собралось болѣе 200 раскольниковъ. Убѣжденія гражданскихъ увѣщателей оказались бесполезными. „Оброки де хлѣбные и иныя потуги положены на нихъ большіе, не въ мочь. А буде-де станете насъ изъ той заимки гнать и мы де всѣ тутъ въ дворѣ зажжемся“, говорили собравшіеся раскольники увѣщателямъ⁵⁰⁸⁾. Между тѣмъ оставить въ покоѣ ихъ было невозможно: они занимались грабежемъ и разбоемъ. „Они выѣзжали изъ пустыни человѣкъ по 40—50 съ ружьями, копьями, бердышами, свозили хлѣбъ съ близъ лежащихъ полей. Въ пустынь своей они завели кузнецовъ, ковали копья и бердыши, выходили вооруженные на дорогу, били, грабили людей, отнимали платье“⁵⁰⁹⁾. Митрополитъ сибирскій Павелъ послалъ къ нимъ увѣщателя знакомаго уже съ этимъ дѣломъ ключаря Софійскаго собора. „Но тѣ воры—раскольники отказали ему съ великимъ безчестіемъ“. Они поносили церкви Божіи и царское пресвѣтлое величество и хвалились всякимъ воровствомъ, поджогомъ города и хлѣбныхъ запасовъ“⁵¹⁰⁾ И невозможно ожидать, чтобъ послушались увѣщателя, какъ бы ни были убѣдительны и разумны увѣщанія, люди занимавшіеся грабежемъ и разбоемъ, которые и перешли въ расколъ единственно потому, что на нихъ наложены были большіе налоги хлѣбные и иные потуги. Всякаго рода недовольные, обиженные спѣшили оставить церковь и перейти въ расколъ. Раскольническое общество, заботясь объ увеличеніи своихъ членовъ, принимало къ себѣ всѣхъ, не разбирая, кто и по какимъ побужденіямъ переходитъ въ ихъ общество. Недовольные почему-либо, переходя въ раскольническое общество, незамѣтно вносили въ это обще-

⁵⁰⁷⁾ Тамъ же

⁵⁰⁸⁾ Дополнит. вѣты истор. X, № отд. XIV

⁵⁰⁹⁾ Тамъ же отд. XV, стр. 15.

⁵¹⁰⁾ Тамъ же отд. XVI. Посланія Игнатія митроп. Tobольскаго, стр. 133.

ство свой взглядъ и свои тенденціи; расколъ все болѣе и болѣе утрачивалъ свой церковный, чисто религіозный характеръ и принималъ характеръ политическаго общества, недовольнаго существующимъ порядкомъ вещей. Здѣсь расколъ является обществомъ противогосударственнымъ; слѣдовательно, мѣры церковныя, духовныя не могли принести рѣшительно никакой пользы. Расколъ съ характеромъ церковнымъ—и то не вполнѣ—оставался только въ скитахъ. Полагая, что причина этихъ постыжныхъ отдѣленій отъ церкви и возмущеній раскольниковъ лежитъ отчасти въ положеніи церковныхъ дѣлъ, сибирскій митрополитъ Павелъ назначилъ особеннаго миссіонера и исходатайствовалъ ему довольно большія полномочія съ тѣмъ, чтобы онъ ѣздилъ по обширной сибирской странѣ и исправлялъ все то, что въ церковныхъ дѣлахъ требовало исправленія. „Въ нынѣшнемъ 196 (1688) году, по указу великаго господина преосвященнаго Павла, митрополита Тобольскаго и всея Сибири, и по наказной памяти селенгинскаго Троицкаго монастыря игумена Θεодосія, велѣно ему Михаилу ѣхать для исправленія церковныхъ догматъ и духовныхъ дѣлъ по острогамъ и по волостямъ“⁵¹¹⁾. Чтò сдѣлалъ Миссіонеръ, намъ неизвѣстно; для насъ важно то, что духовенство, насколько это было возможно, старалось улучшить положеніе дѣлъ и употребляло всѣ зависящія отъ него мѣры вразумить раскольниковъ и уничтожить поводъ къ ихъ отпаденію отъ церкви (если таковой имѣлся). По мѣрѣ того, какъ дѣлались извѣстными мѣста убѣжищъ раскольниковыхъ, ихъ скиты, правительство (на этотъ разъ гражданское) посылало туда болѣе или менѣе свѣдущихъ миссіонеровъ. Въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка⁵¹²⁾ въ главномъ гнѣздѣ беспоповщинской секты—въ поморскихъ и выгорѣцкихъ скитахъ Андрея Денисова и Данилы Викулова подвизался противъ раскола нѣкоторый священникъ Іосифъ. Расколъ въ поморской странѣ насажденъ былъ еще во

⁵¹¹⁾ Историч. акты, т. V, № 166.

⁵¹²⁾ Когда именно дѣйствовалъ Іосифъ опредѣленно сказать нельзя. Св. Димитрій Ростовскій говоритъ въ Розыскѣ, стр. 588 «въ мимошедшихъ недавно годѣхъ». Розыскъ вышелъ въ свѣтъ въ 1709 году, незадолго до смерти святителя; слѣдовательно Іосифъ долженъ былъ дѣйствовать или въ самомъ началѣ XVIII или въ самомъ концѣ XVII вѣка.

время патріарха Никона сосланнымъ въ Палеостровскій монастырь бывшимъ епископомъ коломенскимъ Павломъ⁵¹³⁾. Потомъ расколь дѣятельно распространяли соловецкіе выходцы⁵¹⁴⁾, какъ въ Поморьѣ, такъ и вообще на сѣверѣ Россіи. Но до прихода въ Поморье Данилы Викулова и Андрея Денисова раскольники поморскіе жили разобщенно, мало имѣли между собою общенія, не имѣли общаго главы и руководителя. Во время осады Соловецкаго монастыря соловецкій старецъ Гурій приказалъ идти въ Поморье черному дьякону Игнатію, для поддержанія и распространенія въ народѣ раскола. Игнатій отправился въ Поморье и вмѣстѣ съ Досиеемъ, бывшимъ игуменомъ Тихвинско-Николаевскаго Бесѣдовскаго монастыря, занялся самою дѣятельною пропагандой. Въ Повѣнцѣ Игнатій своими разсказами о древне-церковномъ благочестіи увлекъ пылкаго юношу Андрея Денисова, знаменитаго впоследствии киноіарха выгорѣцкаго и „патріарха поморской церкви“⁵¹⁵⁾, какъ его называетъ въ своемъ библиографическомъ словарѣ Любопытный; а Досиеей прислалъ къ Игнатію своего ученика Данила Викулова, дьячка шумскаго погоста, который по наставленію отъ Игнатія пошелъ скитаться по разнымъ странамъ. Игнатій занялся было устройствомъ скита, но преслѣдуемый гражданскимъ начальствомъ вмѣстѣ съ Омелькою Ивановымъ завладѣлъ Палеостровскимъ монастыремъ и 4-го марта 1687 года съ 2700 человекъ другихъ фанатиковъ сжегся въ немъ⁵¹⁶⁾. Викуловъ былъ благоразумнѣе своего учителя. Онъ долго скитался по разнымъ областямъ, и какъ скоро преслѣдованіе со стороны гражданской власти ослабѣло, онъ опять пришелъ въ выговскую пустынь и поселился въ 1684 (7192) году на Саро-Озерѣ въ келліи своего бывшаго учителя Игнатія. Быстро къ нему стекались раскольники: однихъ Викуловъ самъ приглашалъ къ себѣ, другіе сами поселились около его келліи. Между ними въ 1391 или въ 92 году поселился и Андрей Денисовъ и часто

⁵¹³⁾ Описаніе нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненій Александра Б. ч. 1, стр. 206.

⁵¹⁴⁾ Исторія о отцѣхъ и страдальц. соловецкихъ, стр. 45—48. Издан. въ приложеніи ко II т. Раскольнич. дѣлъ XVIII в. Есипова. Виноградъ Россійскій.

⁵¹⁵⁾ Каталогъ Павла Любопытнаго, стр. 24.

⁵¹⁶⁾ Историческ. акты т. V, № 151, отд. I. Исторія русскаго раскола, Макарія стр. 253.

приходилъ къ Викулову. Черезъ годъ Денисовъ переселился къ Викулову, около котораго собралось такъ много раскольниковъ, что потребовалось новое мѣсто. Въ головѣ Денисова явилось сильное желаніе соединить всѣхъ раскольниковъ въ одно общежитіе. Смѣлый, предпріимчивый Денисовъ принялся за осуществленіе своего желанія съ особенною энергіею. Раскольникамъ понравилась его мысль. Быстро построены были жилища, разчищено мѣсто для пашни и весною засѣяно. Въ 1695 году пожаръ уничтожилъ всѣ строенія, хлѣбные запасы, но этотъ несчастный случай не только не повредилъ дѣлу, начатому Денисовымъ, но принесъ положительную пользу. Погорѣльцевъ пригласилъ къ себѣ нѣкто Захарій Степановъ, который еще въ 1691 году поселился съ своимъ семействомъ на Выгѣ рѣкѣ, онъ собралъ около себя много раскольниковъ и приспособилъ эту дѣсистую мѣстность для жилья. Викуловъ и Денисовъ со всѣмъ своимъ обществомъ переселились къ Степанову и здѣсь устроили общежитіе. Молва объ устройствѣ этой обители быстро распространялась „и начаша къ нимъ люди приходити съ разныхъ мѣстъ и градовъ, а оныя отцы Даниилъ и Андрей принимающе ихъ съ любовію и учаще и наказующе, и начаша чины и уставы церковныя и монастырскіе хранить; молодыхъ и дѣтей обоего пола учаху грамотѣ, и приде къ нимъ священноинокъ Пафнугій, мужъ вельми духовенъ, много лѣтъ живый въ Соловецкой обители и весь чинъ церковный и монастырскій добръ въздый; они же его съ великою любовію пріяша къ себѣ и начаша общежитіе и церковную службу уставляти по чину и уставу. И поставили Петра Прокопьева въ чинъ епископскій и къ нему пособниковъ пѣвцовъ и псаломщиковъ и канорхистовъ избрали... И уставили все по чину монастырскому, во вся службы монастырскія—кедарей и подкедарниковъ и нарядниковъ, старость и надсмотрщиковъ во вся братскія службы“... Построены были всѣ необходимыя въ общежитіи службы. Быстро стекались раскольники въ эту пустынь. Около 1700 года въ ней было уже болѣе 150 человекъ, въ 1726 г. было 1816 человекъ, въ 1727 г. было 2291, въ 1729 г. число раскольниковъ въ выгорѣцкой обители возрасло до 12,448 человекъ ⁵¹⁷⁾. Подъ защитою непрохо-

517) Раскольнич. дѣла XVIII в., т. I, стр. 318.

димыхъ лѣсовъ, топей, болотъ и озеръ иноки Корнилій, Пафнуцій, Павелъ и другіе поучали въ вѣрѣ, перекрещивали, совершали богослуженіе. Даниилъ Викуловъ, Андрей и Семень Денисовы, Петръ Прокопьевъ учреждали порядокъ внутренняго самоуправленія. Семь лѣтъ протекло спокойно. Никакой доносъ не навелъ церковное начальство на общину старо-вѣровъ, никто не донесъ и Петру во время двухъ его путешествій въ Архангельскъ, куда онъ проѣзжалъ чрезъ Вологду далеко отъ выговцевъ. Въ 1703 году Данило Викуловъ и Андрей Денисовъ получили извѣстіе неприятное, что Петръ, возвращаясь изъ Архангельска, приказалъ проложить дорогу отъ Нюхчы къ Вагозеру. Существованіе раскольниковъ непременно должно было открыться. Это извѣстіе сильно перепугало всѣхъ выговцевъ: начали готовить матеріалъ для самосожженія—смола, соломѣ; другіе собирались бѣжать во внутренность лѣсовъ. Но опасеніе раскольниковъ было напрасно. При переправѣ чрезъ рѣчку Вычь Петру доложили, что вверхъ по теченію рѣки завели пустынь и живутъ раскольники. „Пускай ихъ живутъ, отвѣчалъ Петръ и проѣхалъ смирно“⁵¹⁸⁾. Причина, почему Петръ такъ снисходительно обошелся съ выгорѣцкими раскольниками, заключается въ томъ, что Петръ, занятый другими дѣлами, еще не зналъ хорошо, что такое собственно раскольники. Убѣжденія и разъясненія со стороны духовенства онъ считалъ достаточнымъ для полной побѣды надъ расколомъ. „Съ противниками церкви, писалъ Петръ, съ кротостію и разумомъ поступать по апостолу: быхъ незаконнымъ яко беззаконенъ да беззаконныхъ пріобрѣщу, быхъ всемъ вся, да всяко ивкія спасу, а не отчужденіемъ, какъ нынѣ, и жестокими словами“⁵¹⁹⁾. Поэтому, не начиная преслѣдованій противъ выгорѣцкихъ раскольниковъ, онъ послалъ къ нимъ миссіонера, вышешоименованнаго священника Іосифа⁵²⁰⁾.

Что за личность былъ Іосифъ, намъ неизвѣстно, но есть основаніе предполагать, что онъ довольно основательно былъ знакомъ

⁵¹⁸⁾ Исторія выговской пустыни Ив. Филиппова II, III и IV главы.

⁵¹⁹⁾ Раскольнич. дѣла XVIII в. Есипова, т. II, стр. 218. См. приложенія.

⁵²⁰⁾ Розыскъ, стр. 588. Іосифъ, говорится въ Розыскѣ, былъ «по указу Государеву».

съ направлениемъ и характеромъ раскола, зная о тѣхъ средствахъ, которыми раскольники думали увеличить свое общество. Иосифъ входилъ въ пренія съ выгорѣцкими раскольниками, учителями Данииломъ Викуловымъ и Андреемъ Денисовымъ, пи салъ къ нимъ и ко всему ихъ сонмищу посланія. Въ особенности Иосифъ обличалъ за то раскольниковъ, что они прибѣгали къ волхвованіямъ, когда видѣли, что слова ихъ не дѣйствуютъ. Воспользовавшись нѣкоторой легендой о волшебствѣ жидовъ въ польскомъ королевствѣ, помѣщенной въ „зѣрцалѣ короны польскія“, Иосифъ сравнивалъ раскольниковъ съ тѣми жидами; (потому что раскольники, когда имъ не удается прельстить кого словами, совращаютъ въ расколъ посредствомъ волхвованія. Объ этомъ я знаю, говорилъ Иосифъ, отъ достовѣрныхъ свидѣтелей). „Такъ и вы раскольницы, говорилъ имъ Иосифъ, ради отступленія благочестія, чарованіемъ якоже и жиды дѣйствуете, ходяще по домамъ, и обою плоть простыхъ чловѣкъ прельщающе, и которіи прелести вашей не возслѣдствуетъ, тѣхъ чарованіемъ оболъщаете, якоже извѣстихся отъ достовѣрныхъ свидѣтелей сие“.

„Нѣкто Григорій, жившій въ Березовомъ на Волокѣ въ Кольскомъ присудѣ, имѣвшій домъ и изрядную семью, знавшій о вашихъ козняхъ, самъ о себѣ разказалъ такой случай, говорилъ Иосифъ. Когда тамъ собрались раскольники съ своими предводителями и построили на островѣ острогъ,—начали оттуда часто приходить въ домъ одного Григорія и прельщать. Онъ, зная о лукавствѣ вашемъ, не внималъ ихъ ученію и заботливо охранялъ отъ того своихъ домашнихъ. Черезъ нѣсколько времени раскольники получили извѣстіе, что скоро придетъ войско изъ Олонца для поимки ихъ: тогда они еще чаще стали приходить къ Григорію и всячески обращать къ своему зловѣрію; но онъ остался непреклоненъ. Однажды тѣ раскольники ночевали у Григорія; онъ съ особенною заботливостію оберегалъ своихъ домашнихъ отъ раскольниковскихъ козней; они же окаянныя, видя его непреклонность, что затѣвають? Начали часто выходить изъ избы въ сѣни; онъ вышелъ самъ и началъ осматривать,—не подожгли ли чего, но ничего не нашелъ. Потомъ ради нѣкоторой нужды потребовалась вода. Онъ вышелъ въ сѣни и, снявши покрывку съ сосуда съ водою, увидѣлъ, что по

верхъ воды что то плаваель на подобіе муки; оказалось, что это кости жженыя. А между тѣмъ изъ этого сосуда пили воду сноха его и нѣсколько дѣтей. Когда раскольники ушли, по прошествіи ночи, то домашніи Григорія, пившіе очарованную воду, начали проситься у него къ раскольникамъ на островъ. Онъ всячески удерживалъ ихъ, запрещалъ и молил со слезами; но никакъ не могъ удержать ихъ: убѣжали къ раскольникамъ. Вскорѣ послѣ пришли посланные воины; они же злые началопагубники (расколоучители) всѣхъ прельщенныхъ ими затворили на островъ потомъ и зажгли, а сами убѣжали. И такимъ образомъ всѣ прельщенные были сожжены. Смотрите окаянныя, говорилъ раскольникамъ Іосифъ, смотрите козни вашего прельщенія: гдѣ не можете прельстить словами, тамъ вы прибѣгаете къ чародѣйствамъ и погубляете: такова ваша святость⁵²¹⁾!... Іосифъ, конечно, имѣлъ въ виду показать раскольникамъ, что напрасно они хвалятся своимъ древле-церковнымъ православіемъ: способъ пріобрѣтенія себѣ единомышленниковъ посредствомъ волшебства, положительно нехристіанскій,—дѣло ихъ чисто изувѣрство, въ которомъ нѣтъ тѣни любви къ ближнему. Іосифъ оставилъ въ сторонѣ вѣрученіе и началъ обличать противниковъ съ той стороны, противъ которой они не могли дать никакого отвѣта. Неизвѣстно, насколько на самомъ дѣлѣ помогало раскольникамъ въ ихъ пропагандѣ волшебство, посредствомъ котораго они старались пріобрѣсти себѣ новыхъ членовъ, но то несомнѣнно, что раскольники дѣйствительно прибѣгали къ этому способу. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ писатели того времени⁵²²⁾ св. Димитрій Ростовскій, Игнатій митрополитъ тобольскій и сибирскій. Послѣдній между прочимъ передаетъ такой возмутительный фактъ. „Къ одному расколоучителю приходятъ его ученики и говорятъ: святой отецъ! ту беременную дѣвицу Богъ простилъ, родила младенца мужескаго пола: что прикажешь дѣлать? Тотъ окаянный мнимый пустынный сказалъ имъ: развѣ я вамъ не говорилъ еще прежде, что какъ только родить,—тотчасъ у новожденнаго младенца, поднявъ грудь, возьмите сердце и принесите его мнѣ на блюдѣ?! Идите и сдѣ-

⁵²¹⁾ Розыскъ, стр. 589, 590—591.

⁵²²⁾ Смотрите напр. Розыскъ, стр. 585, 586—587.

дайте такъ, какъ приказалъ вамъ. Они пошли и чрезъ нѣсколько времени принесли на деревянномъ блюдѣ сердце того новорожденнаго младенца, еще трепетавшее и живое, и отдалъ пустыиннику. Онъ взялъ ножъ, своими руками разрѣзалъ сердце на четыре части и сказалъ: возьмите это и, высушивъ въ печи, столките. Скверные тѣ слуги исполнили цриказанное, принесли и отдали ему истолченное младенческое сердце. Тогда пустынный взялъ писчей бумаги, по немногу разсыпалъ порошокъ по бумажкамъ и призвавъ нѣсколько своихъ послушниковъ, сказалъ имъ: возьмите эти бумажки со святынею, и идите по городамъ и по деревнямъ и, входя въ дома, учите, чтобы въ церковь не ходили, и у нынѣшнихъ поповъ благословенія не принимали, и не исповѣдывались бы у нихъ, и не принимали никакихъ таинствъ (святыни) отъ церкви, чтобы крестъ на себѣ изображали двумя перстами, а триперстнаго сложенія не принимали: это антихристова печать. И если васъ не послушаютъ: тогда отъ даннаго вамъ порошка влагайте имъ по немногу въ пищу, питье, сосудъ или колодезь. Когда отъ того вкусятъ, тогда обратятся къ вамъ воистину, повѣрятъ вашимъ словамъ и сдѣлаются добровольными мучениками⁵²³). Въ наше время подобное дикое суевѣріе представляется невѣроятнымъ, но въ тотъ вѣкъ суевѣрія и невѣжества—это очень возможно. Такимъ образомъ Іосифъ точкою отправленія въ своей полемикѣ избралъ *дѣло* раскольниковъ. Онъ бралъ общеизвѣстные возмутительные факты въ дѣятельности расколуучителей, которыхъ они сами не могли оспаривать и на основаніи ихъ доказывалъ ложь и неправомысліе раскольниковскаго ученія, вѣры.

Впрочемъ, хорошо зная, что за лица были Данила Викуловъ и особенно Андрей Денисовъ, трудно допустить, чтобы миссіонерская дѣятельность Іосифа могла имѣть значительный успѣхъ: такіе образованные и хорошо знавшіе свое дѣло миссіонеры, какъ Неофитъ, и тѣ ничего не могли сдѣлать въ скитахъ поморскихъ.

М. Чистяновъ.

(Продолженіе будетъ).

⁵²³) Посланія Игнатія, митроп. тобольскаго, стр. 119—121.

РАЗБОРЪ МНѢНІЙ

О ШЕСТИДНЕВНОМЪ ТВОРЕНІИ *

IV.

Опытъ объясненія шестидневнаго творенія изъ религіозно-философскихъ идей.

Мы разсмотрѣли двѣ главныхъ гипотезы или два мнѣнія о шестидневномъ твореніи и видѣли, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть признано правильнымъ. Оба эти мнѣнія обязаны своимъ происхожденіемъ стремленію ученыхъ богослововъ и вѣрующихъ представителей естественной науки—примирить нѣкоторыя противорѣчія между откровеннымъ ученіемъ и естествознаніемъ, касающіяся вопроса о происхожденіи міра и, въ частности, объ образованіи нашей планеты со всѣмъ разнообразіемъ ея предметовъ и явленій,—именно потому, что болѣе или менѣе успѣшное осуществленіе этого стремленія и удачное выполненіе предположенной задачи необходимо заставляло отрѣшиться отъ непосредственнаго и прямаго смысла библейскаго повѣствованія о твореніи и открыть его глубокой внутренней смыслъ. По одному изъ этихъ мнѣній, какъ мы видѣли, шестидневное твореніе, описанное въ первой главѣ кн. Бытія, дѣйствительно ограничивалось предѣлами шести обыкновенныхъ дней, но оно было не

* См. апрѣльск. кн. „Прав. Обзор.“ за 1836 г.

первоначальнымъ твореніемъ, или созданиемъ вещей, несуществовавшихъ раньше его, а только *возстановленіемъ* уже прежде созданнаго міра, но подвергшагося разрушенію и опустошенію вслѣдствіе нѣкоторой особенной причины. По другому мнѣнію, напротивъ, шестидневное твореніе было первоначальнымъ образованіемъ видимаго міра, совершенно несуществовавшаго до того времени,—но оно продолжалось не шесть обыкновенныхъ дней, а шесть большихъ періодовъ, послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга и соответствовавшихъ извѣстнымъ геологическимъ эпохамъ естественной исторіи земли, съ которыми собственно и отождествляются библейскіе дни творенія представителями этого мнѣнія. Но мы видѣли также, что какъ первое, такъ и второе объясненіе страдаетъ многочисленными недостатками и противорѣчитъ частію религіознымъ истинамъ, частію естественно-научнымъ даннымъ, вслѣдствіе чего представляется положительно невозможнымъ согласиться съ которымъ-нибудь изъ нихъ и приписать ему объективную истинность. Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, какъ нужно понимать описанное въ 1-й главѣ Бытія шестидневное твореніе, по прежнему остается неразрѣшеннымъ и открываетъ самое широкое поле для изслѣдованія со стороны богословской мысли; а вмѣстѣ съ этимъ остаются въ полной силѣ и тѣ противорѣчія, какія существуютъ по данному вопросу между Библиею и естествознаніемъ. Все это, естественно, побуждаетъ не останавливаться на тѣхъ результатахъ, которые пріобрѣтены богословскою наукою въ этой области, но продолжать изслѣдованіе дальше и дальше, пока наконецъ будетъ достигнуто такое пониманіе и объясненіе шестоднева, которое по возможности удовлетворило бы богословскую мысль и устранило бы различныя вопросы и недоумѣнія, возникающіе для нея въ настоящее время. Но по какому пути продолжать эти дальнѣйшія изслѣдованія въ указанной области? Какимъ способомъ можетъ быть достигнуто болѣе или менѣе удовлетворительное рѣшеніе вопроса о томъ, какъ должно понимать описанное Моисеемъ шестидневное твореніе, и какой смыслъ нужно придавать его повѣствованію объ этомъ предметѣ? Этотъ вопросъ не трудно будетъ рѣшить, если мы постараемся объяснить себѣ причину и источникъ тѣхъ недостатковъ, которыми страдаютъ объ разсмотрѣнныя нами выше богословскія гипотезы.

Мы сказали, что какъ гипотеза возстановленія, такъ и гипотеза соглашенія произошли единственно вслѣдствіе стремленія богослововъ согласить Моисеево повѣствованіе о твореніи съ данными естественно-научнаго изслѣдованія; здѣсь-то именно и заключается, по нашему мнѣнію, главный корень всѣхъ вообще показанныхъ нами недостатковъ обѣихъ гипотезъ, потому что это стремленіе заставило богослововъ избрать такой путь при объясненіи шестидневнаго творенія, который не могъ привести къ правильнымъ результатамъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ видахъ упомянутаго соглашенія они должны были показать, что исторія творенія въ томъ видѣ, какъ она изображена въ повѣствованіи Моисея, нисколько не противорѣчитъ естественнымъ фактамъ, что Моисей говоритъ тоже самое, о чемъ свидѣлствуютъ и естественныя науки. Вслѣдствіе этого они толковали библейское толкованіе такъ или иначе, смотря по тому, какъ имъ казалось болѣе удобнымъ для достиженія ихъ предвзятой цѣли, придавали ему тотъ или другой смыслъ, представлявшійся имъ болѣе соотвѣтствующимъ естественнымъ фактамъ, съ которыми нужно было привести его въ согласіе. Слѣдовательно, то или другое пониманіе этого повѣствованія въ сущности опредѣлялось извѣстными фактами природы, извѣстными результатами естественно-научнаго наблюденія, а не какими-либо данными, пріобрѣтенными посредствомъ тщательнаго и глубокаго изученія самаго духа Библии и въ частности ученія ея о твореніи, хотя богословы иногда и показывали видъ, что они дѣлаютъ свои заключенія объ исторіи творенія единственно въ силу такого именно изученія ея, какъ это особенно ясно видно въ гипотезѣ возстановленія, въ основу которой положены различныя экзегетическія и догматическія соображенія. Но это одно только маскированіе; на самомъ же дѣлѣ и въ названной гипотезѣ первымъ и основнымъ принципомъ для опредѣленія смысла библейскаго сказанія о твореніи служатъ естественныя факты. Такой путь при объясненіи библейскаго повѣствованія, естественно, долженъ былъ привести богослововъ къ ложнымъ результатамъ, къ неправильному пониманію шестоднева, долженъ былъ заставить ихъ приписать Моисею такія мысли, которыхъ онъ можетъ-быть вовсе и не имѣлъ. Способъ ихъ умозаключенія при этомъ былъ такого рода. Желая согласить извѣстный пунктъ Моисеева ше-

стоднева съ какими-либо выводами естествознанія, они обращались обыкновенно къ фактамъ природы, принимали ихъ за общую норму въ своихъ объясненіяхъ и утверждали: если факты природы заставляютъ сдѣлать такой именно выводъ, то слѣдовательно такъ, а не иначе долженъ говорить объ этомъ и Моисей въ своемъ повѣствованіи,—такой, а не иной смыслъ нужно предполагать и въ тѣхъ или другихъ его словахъ. Понятно, что не всегда легко было найти въ его исторіи тотъ смыслъ, какой хотѣлось видѣть въ ней богословамъ; вслѣдствіе этого для достиженія своей цѣли они прибѣгали къ различнымъ натяжкамъ и неестественнымъ толкованіямъ, то искажая иногда настоящій смыслъ библейскаго повѣствованія, то игнорируя даже нѣкоторые факты естествознанія. Взявши какой-нибудь фактъ въ качествѣ мѣрки при изслѣдованіи Моисеева сказанія, они примѣривали его по этой мѣркѣ и въ случаѣ надобности или растягивали его насильственно, или урѣзывали по своему произволу, выкраивая изъ него требуемый смыслъ. Разумѣется, при такомъ искусственномъ образѣ дѣйствій библейское повѣствованіе въ концѣ концовъ получало ложное освѣщеніе, приобретало совершенно неправильный смыслъ, словомъ являлось въ искаженномъ видѣ, а вслѣдствіе этого и о самомъ шестидневномъ твореніи, какъ предметѣ его, не могло быть составлено представленіе, соответствующее дѣйствительности.

Такимъ образомъ, мы ясно видимъ, что причина и источникъ всѣхъ недостатковъ рассмотрѣнныхъ нами гипотезъ, всѣхъ натяжекъ въ объясненіи шестидневнаго творенія заключается въ самой постановкѣ дѣла, которую нужно признать совершенно неправильною. Мы сейчасъ показали, что исходнымъ пунктомъ и основнымъ началомъ при изслѣдованіи внутренняго смысла библейскаго сказанія о твореніи служили для богослововъ естественно-научные факты. Но дѣло въ томъ, что эти факты и Моисеево повѣствованіе принадлежатъ къ совершенно различнымъ между собою областямъ и не имѣютъ никакого, по крайней мѣрѣ непосредственнаго отношенія между собою. Моисей преслѣдуетъ въ своемъ повѣствованіи чисто религіозныя цѣли, описываетъ твореніе міра, только какъ дѣло Божіе, старается показать только то, какъ дѣйствовала въ процессѣ міротворенія Божественная сила, а не то, какъ совершалось самое развитие

міра. Конечно, эти двѣ стороны творенія въ дѣйствительности находятся въ тѣсной взаимной связи между собою, но въ повѣствованіи Моисея изображается только первая, такъ-сказать религіозная, а вторая или естественная оставляется почти безъ всякаго вниманія. Такимъ образомъ понятно, что совершенно невозможно на основаніи естественно-научныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ исключительно только о естественномъ образованіи и развитіи вселенной, сдѣлать правильное заключеніе о внутреннемъ смыслѣ Моисеева шестоднева, изображающаго только творческую дѣятельность Бога въ процессъ мірообразования, тотъ способъ, какимъ Богъ проявлялъ Свою дѣятельность въ въ этомъ процессѣ. Истинный путь, посредствомъ котораго можно придти къ правильному объясненію и сообразному съ дѣйствительностію пониманію шестидневнаго творенія, можетъ быть только тотъ, когда основнымъ началомъ и исходнымъ пунктомъ изслѣдованія объ этомъ предметѣ и будетъ служить какой-либо принципъ, заимствованный изъ области сродной библейскому повѣствованію, т.-е. принципъ, имѣющій религіозно-философскій характеръ, и именно: какое-либо общее понятіе въ противоположность частнымъ и разрозненнымъ фактамъ природы, которыми пользовались представители вышеизложенныхъ согласительныхъ гипотезъ. Такимъ принципомъ ближе всего можетъ служить понятіе о *твореніи вообще*. Только тогда можно будетъ усвоить до нѣкоторой степени истинный смыслъ и объяснить сущность изображеннаго Моисеемъ *шестидневнаго* творенія, когда мы напередъ опредѣленно раскроемъ понятіе о твореніи *вообще*, т.-е. когда мы болѣе или менѣе удовлетворительно выяснимъ себѣ, въ чемъ именно должно состоять твореніе міра и какимъ образомъ оно могло совершиться. Но это понятіе само въ свою очередь можетъ быть выяснено только на основаніи другихъ, высшихъ и еще болѣе общихъ понятій. Какія же именно эти понятія? Твореніе міра можетъ быть рассматриваемо съ двухъ сторонъ: со стороны Бога, какъ лица творящаго, и со стороны самого міра, какъ предмета творенія; въ первомъ случаѣ твореніе нужно рассматривать, какъ раскрытіе и обнаруженіе Божественной дѣятельности въ процессѣ образованія вселенной, а во второмъ—его нужно понимать въ смыслѣ самаго образованія или развитія міра, т.-е. въ смыслѣ перехода

его изъ первоначальнаго несовершеннаго состоянія въ то состояніе, въ которомъ является соответствующимъ своей идеѣ. Итакъ понятіе о твореніи вообще слагается изъ двухъ элементовъ: изъ понятія о творческой дѣятельности Бога, какъ субъекта, и изъ понятія о развитіи міра, какъ объекта. Первое изъ этихъ частнѣйшихъ понятій можетъ быть выяснено только на основаніи общаго христіанскаго понятія о Богѣ, а второе—на основаніи также общаго представленія о мірѣ. Такимъ образомъ, при изслѣдованіи вопроса о шестидневномъ твореніи, необходимо прежде всего опредѣлить самую сущность творенія, а потомъ уже и приступить и къ объясненію дѣйствительной исторіи творенія въ томъ ея видѣ, какъ она изображена въ Библии; послѣ же всего этого можно будетъ обратиться и къ естественно-научнымъ фактамъ и посмотрѣть, противорѣчатъ ли они этой исторіи, или же находятся въ согласіи съ нею: путь очевидно совершенно обратный тому, по которому вырабатывались разсмотрѣнныя нами прежде объясненія шестидневнога творенія. Посмотримъ же, къ какимъ результатамъ можетъ привести изслѣдованіе въ данной области, избравшее себѣ этотъ путь.

По отношенію къ Богу твореніе, какъ мы сказали, есть обнаруженіе божественной дѣятельности, направленной къ образованію и устроенію міра, оно есть божественный актъ ¹⁾. Но въ чемъ-же именно состояла эта дѣятельность, и какимъ образомъ она проявлялась? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ мы должны обратиться къ понятію о Богѣ вообще и посмотрѣть, какой долженъ быть сдѣланъ изъ него выводъ по отношенію къ Его творческой дѣятельности.

По христіанскому теистическому представленію, Богъ въ Своемъ отношеніи къ міру есть существо какъ *трансцендентное*, такъ и *имманентное*, т.-е., съ одной стороны, Онъ существуетъ внѣ міра и надъ міромъ отдѣльно отъ него, а съ другой, Онъ

¹⁾ Говоря о твореніи, мы разумѣемъ здѣсь не первый и начальный актъ его, или твореніе изъ ничего, но такъ называемое обыкновенно второе твореніе, т.-е., собственно преобразование первоначальной матеріи въ слагоустроенный міръ, потому что этотъ именно моментъ и представляется шестидневнымъ твореніемъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь.

существуетъ въ соединеніи съ міромъ, присутствуетъ въ немъ самомъ подобно тому, какъ душа человѣка живетъ въ его тѣлѣ. Такъ какъ въ Своей творческой дѣятельности Богъ вступаетъ въ извѣстное общеніе съ міромъ и слѣдовательно, является съ послѣдней стороны, какъ существо имманентное, то для рѣшенія нашего вопроса мы и должны остановить вниманіе преимущественно на этой сторонѣ Его существа и выяснить себѣ, какимъ образомъ нужно понимать божественную имманентность. Вообще, Богъ имманентенъ міру; но эта имманентность не есть какая-нибудь пассивная, не есть простое присутствіе Его въ мірѣ, но присутствіе дѣятельное, активное, потому что пассивность вообще несвойственна Богу, и мы должны представлять Его не иначе, какъ вѣчно и непрерывно дѣятельнымъ по отношенію къ созданному Имъ міру. Присутствуя въ мірѣ Своимъ существомъ, Богъ въ тоже время постоянно дѣйствуетъ въ немъ, принимая живое участіе въ процессѣ его жизни и развитія. Но здѣсь представляется вопросъ: въ какомъ-же отношеніи должна находиться эта имманентная дѣятельность Бога къ силамъ и законамъ природы? Само собою понятно, что ее нельзя отождествлять съ дѣятельностію этихъ силъ, потому что это поведетъ къ отождествленію міровой жизни и развитія съ жизнью Бога къ полному сліянію Бога съ міромъ, т.-е., къ пантеистическому воззрѣнію, которое совершенно чуждо христіанскому представленію о Богѣ. Слѣдовательно, естественнымъ силамъ природы должна быть приписана полная самостоятельность въ дѣйствіяхъ; жизнь и развитіе міра должно совершаться свободно по тѣмъ законамъ, которые свойственны ему и дарованы ему Богомъ при сотвореніи. Какую-же послѣ этого роль должна играть божественная дѣятельность въ мірѣ и каково должно быть ея отношеніе къ дѣятельности физическихъ силъ? Это отношеніе можетъ быть не иное, какъ то, что Богъ только *управляетъ* ихъ дѣятельностью, руководитъ ею сообразно съ Своими премудрыми планами и предначертаніями, пользуется самими силами, какъ средствомъ для осуществленія Своихъ собственныхъ цѣлей въ природѣ. Понять это весьма не трудно. Сами по себѣ силы природы суть слѣпые и неразумные дѣятели; они съ непреклонною необходимостію слѣдуютъ тѣмъ законамъ, которые разъ навсегда установлены для нихъ Самимъ Творцемъ. Поэтому, будучи пре-

доставлены въ своей дѣятельности исключительно самимъ себѣ, онѣ не могли-бы произвести никакихъ разумныхъ результатовъ, и міръ представлялъ бы собою царство безпорядка и борьбы различныхъ, взаимно ослабляющихъ другъ друга дѣятелей. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно иное. Во всѣхъ обнаруженіяхъ міровой жизни намъ открывается строгій порядокъ и гармонія, удивительная цѣлесообразность, свидѣтельствующая о присутствіи въ мірѣ какой-то разумной идеи, управляющей всѣмъ ходомъ его жизни. Особенно ясно это обнаруживается въ органическомъ царствѣ, гдѣ ростъ и развитіе каждаго отдѣльнаго индивидуума опредѣляется и управляется общею идеею того рода, къ которому принадлежитъ индивидуумъ. При помощи однихъ физическихъ силъ, каковы-бы ни были эти силы, этого, повторяемъ, нельзя объяснить, потому что матерія и ея силы лишены всякой идеи и подчинены въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно закону необходимости. И такъ, откуда же въ мірѣ эта идея, чѣмъ объясняется разумность его жизни? Единственно возможное объясненіе для нея мы можемъ найти только въ понятіи объ имманентной дѣятельности Божіей, какъ мы представили ее выше, въ той мысли, что Богъ, присутствуя въ мірѣ, постоянно управляетъ дѣйствіемъ присущихъ ему силъ, направляя это дѣйствіе къ разумнымъ цѣлямъ. Такое вмѣшательство или, точнѣе, участіе божественной дѣятельности въ исторіи міровой жизни нисколько не уничтожаетъ свободу и самостоятельность самихъ естественныхъ факторовъ, какъ это можетъ показаться съ самаго начала, но сохраняетъ ее, напротивъ, въ полной силѣ и неприкосновенности. Нѣкоторую аналогію этому можно указать въ дѣятельности Бога въ области нравственной жизни людей и вообще въ исторіи всего человѣчества. Онъ управляетъ этою исторіею, руководитъ дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ царствъ и народовъ, направляя ее къ извѣстнымъ цѣлямъ сообразно съ Своими намѣреніями, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ приготовленіи Имъ людей къ пришествію Спасителя, когда Онъ создавалъ такъ-сказать удобную почву для принятія новаго ученія и наиболѣе благопріятныя условія для распространенія его по всей вселенной. Но во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ Онъ нисколько не стѣснялъ личной человѣческой дѣятельности, не насилывалъ человѣческой свободы и самостоятельности, а только пользовался

силами и способностями людей, какъ средствами для достиженія Своихъ собственныхъ цѣлей, направляя ихъ дѣятельность къ этимъ цѣлямъ совершенно незамѣтно для нихъ самихъ. Нѣчто подобное этому можно допустить и по отношенію къ божественному вмѣшательству въ жизнь природы физической, или къ имманентной дѣятельности Бога въ матеріальномъ мірѣ, который, не смотря на сверхъ-естественное воздѣйствіе, сохраняетъ полную свободу своихъ силъ и въ своемъ развитіи слѣдуетъ собственнымъ законамъ.

Послѣ этого нетрудно будетъ понять и то, въ чемъ собственно должна была состоять творческая дѣятельность Бога въ образованіи вселенной, и какъ должно было совершаться это образованіе. Если вообще имманентная дѣятельность Его въ мірѣ состоитъ только въ управленіи естественными его силами, которымъ она оставляетъ совершенную самостоятельность, то въ этомъ же должны были состоять и творческіе акты Его, потому что и они составляютъ видъ той-же самой имманентной дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ мы необходимо должны допустить, что Богъ сталъ имманентенъ міру съ того самаго момента, какъ послѣдній началъ существовать еще въ видѣ необразованной матеріи какъ бы въ зародышѣ, пѣтому что вѣдь странно было бы предполагать, что Онъ являлся сначала по отношенію къ міру какъ существо исключительно трансцендентное, живущее внѣ міра и отдѣльно отъ него и только уже послѣ окончательнаго устройства міра сталъ присутствовать въ немъ, какъ имманентное существо. Но мы уже говорили, что такое присутствіе можно представлять себѣ не иначе, какъ непрерывно дѣятельное, а не какъ чисто пассивное, такъ что съ самаго момента творенія первобытной матеріи Богъ началъ проявлять въ ней Свою имманентную дѣятельность. Но если эта дѣятельность по отношенію къ готовому и вполне устроенному міру состоитъ въ управленіи и сохраненіи, то по отношенію къ первой матеріи она должна была состоять въ творческомъ преобразованіи ея въ благоустроенный міръ, она должна была обнаруживаться какъ творческая дѣятельность. И такъ творческіе акты необходимо признать видомъ имманентной божеств. дѣятельности въ мірѣ, какъ это мы и замѣтили выше. Но съ другой стороны, необходимость требуетъ также допустить, что Богъ съ самаго начала

создалъ матерію, послужившую Ему субстратомъ для образованія міра, съ тѣми силами, которыя дѣйствуютъ въ ней и въ настоящее время. Если-же такъ, то процессъ творенія міра долженъ былъ совершиться при совмѣстномъ дѣйствіи двухъ факторовъ: имманентной дѣятельности Бога, съ одной стороны, и законмѣрной дѣятельности естественныхъ силъ, съ другой, потому что вѣдь нельзя же допустить, что Богъ, вложивъ послѣднія въ матерію, Самъ же какимъ-нибудь образомъ воспрепятствовалъ ихъ дѣйствіямъ. Слѣдовательно, и здѣсь, какъ въ управленіи міромъ, имманентная дѣятельность Бога, направленная къ образованію его, должна была стать въ извѣстное отношеніе къ дѣятельности естественныхъ силъ. Каково могло быть это отношеніе, мы уже видѣли выше: оно могло состоять только въ управленіи и руководствѣ со стороны Бога естественными силами сообразно съ тѣми идеями, которыя Онъ хотѣлъ осуществить въ созданіи міра. Твореніе міра по отношенію къ Богу должно было, поэтому, состоять въ томъ, что Онъ, предоставивъ полную свободу дѣйствій естественнымъ силамъ, присущимъ первоначальной матеріи, только направлялъ эти дѣйствія такъ, чтобы въ результатъ онъ произвели тотъ міръ, идея котораго существовала въ Немъ отъ вѣчности. Отсюда понятно само собою, что весь процессъ мірообразования долженъ былъ совершаться въ теченіи неопредѣленно долгаго времени, потому что, будучи предоставленъ дѣйствію своихъ естественныхъ силъ и законовъ, міръ могъ идти по пути своего образованія только съ строгою постепенностію, могъ достигнуть окончательной ступени своего развитія не иначе, какъ пройдя послѣдовательно всѣ посредствующія ступени совершенства между первоначальнымъ своимъ состояніемъ въ видѣ необразованной матеріи и тѣмъ состояніемъ, которое вполнѣ соответствовало божественной идеѣ о немъ. Творческое участіе Бога въ процессъ мірообразования нисколько не опровергаетъ и не ослабляетъ этого вывода, потому что оно, какъ мы сказали, должно было состоять только въ урегулированіи дѣятельности физическихъ силъ, а не въ усиленіи и вспоможеніи ей. Ускорять процессъ образованія міра для Бога не было никакой необходимости, потому что для Него и тысяча лѣтъ, по словамъ Псалмопѣвца, имѣетъ такое-же значеніе, какъ одинъ день.

Къ такимъ выводамъ о сущности творенія, понимаемаго въ смыслѣ божественнаго акта, приходимъ мы на основаніи общей идеи о Богѣ. Теперь постараемся раскрыть понятіе о твореніи съ другой его стороны, со стороны самого міра, какъ объекта творенія. Исходнымъ пунктомъ для этого, какъ мы сказали, должно служить общее представленіе о мірѣ. Разсматривая видимый міръ, во всей его цѣлости, во всей совокупности его отдѣльных предметовъ и явленій, мы съ полною справедливою можемъ признать его огромнымъ *живымъ организмомъ*. Какъ и въ обыкновенномъ организмѣ, мы видимъ въ немъ взаимное подчиненіе другъ другу частей и цѣлаго, соподчиненіе отдѣльных частей между собою. Существованіе каждой отдѣльной части вполне зависить отъ цѣлаго, которое само, въ свою очередь, всецѣло зависить въ своемъ существованіи отъ отдѣльных частей какъ всѣхъ вообще, такъ и каждой порознь; наконецъ и сами части по отношенію къ своему существованію находятся во взаимной зависимости между собою, такъ какъ каждая изъ нихъ въ известной мѣрѣ служитъ необходимымъ условіемъ существованія для всѣхъ другихъ. Такимъ образомъ, между всѣми предметами и явленіями міра господствуетъ самая тѣсная *органическая* связь, которая обуславливаетъ жизнь и развитіе міра и безъ которой онъ не могъ бы существовать, какъ это обнаруживается и во всякомъ обыкновенномъ организмѣ. Но если таково должно быть наше представленіе о мірѣ, то какой-же можетъ быть сдѣланъ отсюда выводъ по отношенію къ вопросу объ его первоначальномъ образованіи? Въ понятіи каждаго организма необходимо заключается представленіе о его *развитіи*, т.-е., о переходѣ его изъ несовершеннаго или зародышеваго состоянія въ состояніе вполне сложившагося организма, изъ потенціи въ реальность. Каждый организмъ начинаетъ свое существованіе не иначе какъ въ видѣ зародыша, въ которомъ онъ заключается въ потенциальномъ состояніи, и потомъ уже послѣдовательнымъ рядомъ ступеней, восходящихъ къ большому и большому совершенству, онъ съ строгою постепенностію переходитъ наконецъ къ состоянію полного развитія, т.-е., къ такому состоянію, въ которомъ во всей полнотѣ осуществляется его идея. Строгая постепенность развитія есть, слѣдовательно, характеристическое свойство всякаго организма въ дѣлѣ его образованія. Тоже са-

мое поэтому нужно сказать и о процессѣ образованія міра, какъ живаго организма. Прилагая къ нему общее свойство организованныхъ существъ, мы необходимо должны предположить, что и онъ также пришелъ въ настоящее свое состояніе путемъ развитія изъ какого-либо первоначальнаго несовершеннаго зародыша, что и онъ первоначально находился въ потенціальномъ состояніи и только чрезъ послѣдовательный переходъ отъ низшей степени къ высшей онъ наконецъ достигъ совершеннаго состоянія, въ которомъ мы видимъ его въ настоящее время. Такимъ міровымъ зародышемъ или потенціею можно считать ту необразованную и безформенную матерію, которая была создана Богомъ въ самомъ началѣ, и изъ которой потомъ былъ образованъ существующій теперь прекрасный и гармоническій міръ.

Вопросъ теперь въ томъ, какимъ образомъ могло и должно было совершаться это постепенное развитіе вселенной и какіе факторы должны были дѣйствовать въ немъ? Понятно, что въ этомъ процессѣ должна была обнаруживаться самостоятельность вселенной. Матерія, составлявшая міровой зародышъ, была съ самаго начала надѣлена разнообразными силами, дѣйствовавшими по извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ законамъ. Эти-то силы прежде всего и должны были принимать дѣятельное участіе въ преобразованіи безформенной матеріи въ прекрасный и благоустроенный міръ, онъ-то именно и должны были служить естественными факторами міроваго развитія. Но могли-ли онъ быть единственными дѣятелями въ процессѣ мірообразования? Достаточно-ли было одной только ихъ дѣятельности, чтобы изъ первобытной неустроенной матеріи образовался настоящий міръ со всею его красотами, порядкомъ и гармоніей, со всею разумнымъ и целесообразнымъ ходомъ его жизни? Не трудно видѣть, что здѣсь можетъ быть данъ только отрицательный отвѣтъ. Сами по себѣ физическія силы, какъ мы сказали выше, слѣпы и неразумны; между тѣмъ процессъ развитія міра могъ совершаться только подъ условіемъ воздѣйствія какого-либо разумнаго начала. Въ самомъ дѣлѣ, всякое развитіе есть постепенное осуществленіе извѣстной идеи, а потому и весь процессъ его необходимо долженъ опредѣляться этою идеею; во все продолженіе его она необходимо должна стоять на первомъ планѣ,

какъ послѣдняя цѣль его, обуславливая чрезъ это самое каждый отдѣльный моментъ, или каждую ступень его. То же самое, въ частности, мы должны сказать и о міровомъ развитіи. Перводанная масса веществъ не была еще міромъ, хотя она и должна была преобразоваться въ него впоследствии, какъ зерно, изъ котораго должно развиться растеніе, еще не есть самое растеніе. Но такъ какъ она все-таки должна была сдѣлаться міромъ и именно опредѣленнымъ міромъ,—тѣмъ самымъ, для образованія котораго она и была предназначена Богомъ, то слѣдовательно, его идея необходимо должна была присутствовать въ первобытной матеріи съ того самаго момента, когда началось постепенное преобразование послѣдней или процессъ міроваго развитія. опредѣляя собою весь ходъ этого процесса и направляя его къ тому, чтобы онъ привелъ къ требуемымъ результатамъ. Но сама по себѣ идея, какъ отвлеченное понятіе, конечно не можетъ быть дѣятельнымъ началомъ, не можетъ управлять и руководить ходомъ мірообразованія; такимъ дѣятельнымъ началомъ можетъ быть только живое существо. Отсюда само собою слѣдуетъ заключеніе, что процессъ міроваго развитія долженъ совершаться при дѣятельномъ участіи въ немъ какого-либо живаго и разумнаго существа, которое имѣло въ себѣ идею о мірѣ и сообразно съ нею опредѣляло и направляло весь ходъ развитія къ его послѣдней цѣли; понятно, что этимъ разумнымъ дѣвателемъ въ разсматриваемомъ процессѣ можетъ быть только Богъ. Итакъ, развитіе міра не могло совершиться при помощи однихъ естественныхъ силъ, но необходимо требовало участія со стороны сверхъестественной Божественной дѣятельности, которая должна была управлять и руководить дѣйствіями этихъ силъ, направляя ихъ къ тому, чтобы въ результатъ онъ произвелъ благоустроенный міръ. Само собою понятно, что весь процессъ развитія, которое предполагаетъ строгую постепенность въ переходѣ отъ одного состоянія къ другому, могъ совершиться только въ теченія неопредѣленно долгаго времени, что было выведено нами уже и прежде. Такимъ образомъ, выходя изъ двухъ совершенно различныхъ понятій мы пришли къ однимъ и тѣмъ же результатамъ въ изслѣдованіи вопроса о сущности творенія міра вообще: его нужно представлять себѣ, какъ постепенное развитіе міра изъ первозданной необразованной матеріи въ живой и гар-

моническій образъ, совершавшееся посредствомъ естественныхъ матеріальныхъ силъ, при воздѣйствіи Божественной творческой силы, т.-е. при участіи Божественной дѣятельности, управлявшей и руководившей естественными физическими силами.

Продолжая наше изслѣдованіе дальше мы должны спросить теперь: какимъ же образомъ совершалось развитіе отдѣльныхъ частей міроваго цѣлаго или отдѣльныхъ формъ міровой жизни, и въ какомъ взаимоотношеніи нужно представлять себѣ отдѣльные творческіе акты Бога, обуславливавшіе и сопровождавшіе это развитіе? Совершались ли отдѣльныя творенія въ строгомъ преемствѣ и послѣдовательности одно за другимъ, или они находились въ другомъ какомъ-либо хронологическомъ отношеніи между собою? Для того, чтобы можно было дать какой-нибудь отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы опять должны обратиться къ понятію о мірѣ, какъ живомъ организмѣ, и на основаніи общихъ законовъ органическаго развитія опредѣлить законы его собственнаго развитія, касающіеся отдѣльныхъ его частей или отдѣльныхъ предметовъ, его составляющихъ. Наблюдая развитіе организмовъ вообще, мы видимъ, что оно совершается не такъ, какъ совершается обыкновенно механическое образованіе, или возрастаніе какого-нибудь предмета. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ предметъ развивается (если только истинно употребить это слово въ данномъ случаѣ) не во всемъ своемъ составѣ одновременно, а по частямъ. Когда, напримѣръ, производится постройка какого-либо зданія, то прежде всего устраивается фундаментъ, затѣмъ нижнія части зданія, послѣ нихъ среднія, верхнія и т. д., пока наконецъ оно не будетъ совсѣмъ окончено; при устройствѣ какой-нибудь машины точно также каждая часть готовится отдѣльно одна за другою, и потомъ уже изъ нихъ составляется цѣлое. Но не то бываетъ при развитіи организмовъ. Здѣсь съ самаго начала всѣ отдѣльныя части существа или предмета развиваются и совершенствуются одновременно во взаимной связи и зависимости другъ отъ друга. Растеніе, напримѣръ, развивается не такъ, что у него появляются первоначально корни, затѣмъ стволъ, или стебель и наконецъ вѣтви и листья,—но такъ, что всѣ эти части у него возрастаютъ параллельно, вмѣстѣ въ одно и то же время постепенно переходя отъ несовершенства къ совершенству. Такъ именно должно

быть и по самой идеѣ организма. Мы видѣли, что характеристическая особенность и сущность органическаго строенія или *организации* состоитъ во взаимной связи и зависимости частей съ цѣлымъ и между собою. Каждая часть, обуславливаясь въ своемъ существованіи цѣлымъ, сама въ свою очередь служить въ извѣстной степени условіемъ его существованія и находясь въ полной зависимости отъ прочихъ частей, сама является для нихъ необходимою. Такое отношеніе между частями организма необходимо должно существовать съ самаго начала, потому что уже съ самаго момента своего происхожденія организмъ является какъ *организованное* цѣлое. Если же такъ, то и развитіе организма можетъ совершаться не иначе, какъ подъ условіемъ взаимодѣйствія его частей, изъ которыхъ каждая должна способствовать сохраненію и усовершенствованію всѣхъ остальныхъ и сама въ свою очередь должна пользоваться услугами этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, развитіе организма, обуславливаемое взаимодѣйствіемъ его частей, можетъ состоять только въ постепенномъ развитіи и усовершенствованіи этихъ послѣднихъ, что дѣйствительно и наблюдается на самомъ дѣлѣ. Таковъ общій законъ, касающійся развитія отдѣльныхъ частей органическаго цѣлага.

Посмотримъ теперь, къ какимъ выводамъ приведетъ насъ приложеніе этого общаго закона къ развитію частей міроваго организма. Нельзя конечно утверждать, что міръ во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ подробностяхъ долженъ быть подчиненъ указаннымъ законамъ органическаго развитія, потому что въ сущности хотя онъ и можетъ быть названъ организмомъ, но онъ есть организмъ совершенно особаго рода, и условія его развитія нѣсколько неоднаковы со всѣми прочими организмами. Мы сказали, что каждый обыкновенный организмъ уже съ самаго своего зарожденія есть организованное цѣлое, потому что по установленному закону каждый организмъ происходитъ только отъ подобныхъ себѣ организмовъ; кромѣ того, благоприятныя условія для существованія и развитія каждаго организма находятся не только въ немъ самомъ, въ извѣстномъ взаимоотношеніи его частей, но и внѣ его, въ окружающей средѣ. Совсѣмъ другое нужно сказать о мірѣ. Будучи созданъ первоначально въ видѣ необразованной матеріи, онъ не былъ еще организован-

нымъ цѣлымъ; отдѣльныя части его не существовали еще и въ зародышѣ, какъ бываетъ въ обыкновенномъ организмѣ, и должны были явиться не иначе какъ только вслѣдствіе особенныхъ творческихъ актовъ или воздѣйствій Божественной силы (въ чемъ собственно и состояла творческая дѣятельность Бога). Но такъ какъ для существованія и развитія каждой отдѣльной части міроваго организма необходимы были благопріятныя къ тому условія, и такъ какъ эти условія должны были заключаться только въ самомъ мірѣ, то понятно, что каждая изъ его частей могла явиться по дѣйствию творческой силы не ранѣе, какъ только тогда, когда благопріятствовало ей состояніе цѣлаго, и когда уже были вызваны другія, необходимыя для нея части этого цѣлаго. Такимъ образомъ, органическое царство могло быть вызвано къ существованію не раньше, какъ было благопріятнымъ для него образомъ устроено неорганическое царство,—въ частности, растенія могли явиться только тогда, когда была приспособлена къ тому почва, водяныя и земляныя животныя—только подъ условіемъ существованія воды и атмосферы и т. д. Такимъ образомъ первоначальное возникновеніе или дифференцированіе въ массѣ вещества отдѣльныхъ составныхъ частей могло и должно было произойти не одновременно, а въ различные моменты времени. Но это вовсе не значитъ, что отдѣльныя части міроваго цѣлаго образовались послѣдовательно одна за другой, какъ это бываетъ, напр. при построеніи дома, потому что эта послѣдовательность касается только моментовъ первоначальнаго зарожденія указанныхъ частей. Какъ части организма, предполагающаго постепенное развитіе, онѣ должны были являться первоначально въ несовершенномъ и неразвитомъ состояніи, обусловливая тѣмъ самымъ первоначальное несовершенство самаго органическаго цѣлаго; но послѣ того онѣ уже должны были все болѣе и болѣе развиваться во взаимной связи и зависимости, и поддерживая существованіе другъ друга, послѣдовательно переходить отъ низшей степени совершенства къ высшей, пока наконецъ была достигнута послѣдняя цѣль міроваго развитія, т.-е. пока міръ достигъ того состоянія, при которомъ вполне осуществлялась его идея. Слѣдовательно, органическое царство вообще, должно было развиваться въ связи и параллельно съ развитіемъ неорганическаго, равно какъ и это послѣднее съ

своей стороны также до нѣкоторой степени должно было обусловливаться въ своемъ развитіи органическимъ царствомъ и т. д. Такой выводъ по отношенію къ образованію отдѣльных частей міра долженъ быть сдѣланъ на основаніи общаго представленія о немъ, какъ объ органическомъ цѣломъ. Мы должны признать, что всѣ формы міровой жизни, обнаруживающіяся въ современномъ мірѣ, развились до настоящаго своего состоянія съ строгою постепенностію и притомъ не преемственно, одна послѣ другой, какъ бываетъ при механическомъ образованіи, а параллельно и въ тѣсной взаимной связи и зависимости между собою; слѣдовательно отдѣльные и творческіе акты или воздѣйствія Божественной силы, обусловливавшіе развитіе этихъ формъ міровой жизни, мы также должны признать параллельными и одновременными между собою, т.-е. должны допустить, что Богъ проявлялъ Свою творческую дѣятельность одновременно во всѣхъ частяхъ образуемаго міра, а не переходя послѣдовательно отъ одной къ другой.

Съ этими данными, добытыми априорнымъ путемъ изъ общихъ религіозно-философскихъ понятій, мы можемъ теперь обратиться къ объясненію шестидневнаго творенія, изображеннаго въ первой главѣ книги Бытія. Сдѣланные нами выводы о сущности творенія вообще и объ образѣ его совершенія могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ и на внутренній смыслъ библейскаго изображенія его. Чтобы сколько-нибудь рѣшить вопросъ о томъ, какъ нужно понимать Моисеево описаніе отдѣльныхъ творческихъ актовъ Божіихъ или отдѣльныхъ твореній, мы должны составить себѣ опредѣленное воззрѣніе относительно того, въ какомъ видѣ представляется у него вообще процессъ творенія міра. Если, какъ было показано нами, сущность міротворенія должна была заключаться въ постепенномъ естественномъ развитіи міра изъ первозданной матеріи, при дѣятельномъ участіи сверхъестественной Божественной силы, управляющей и руководящей этимъ развитіемъ,—то таковъ долженъ быть и общій смыслъ всего Моисеева повѣствованія о твореніи, такъ какъ оно изображаетъ объективную истину. Разсматривая внимательно это повѣствованіе, мы дѣйствительно видимъ, что и въ немъ твореніе міра представляется, какъ процессъ развитія, совершаемый физическими силами при Божественномъ содѣйствіи. Это показываетъ

прежде всего уже краткое замѣчаніе Моисея относительно Божественнаго присутствія въ первозданной материи. „Духъ Божій ношашеся верху воды“, говоритъ Моисей, при описаніи первоначальнаго состоянія міровой матеріи, и этимъ самымъ указываетъ на имманентное присутствіе Бога въ міръ, обнаружившееся съ первыхъ моментовъ его происхожденія. Но мы уже говорили выше, что Божественную имманентность нельзя представлять себѣ простымъ только пассивнымъ присутствіемъ существа Божія въ міръ, а непременно активнымъ присутствіемъ, т.-е. соединеннымъ съ дѣятельностью. Слѣдовательно и упоминаемое Моисеемъ присутствіе Духа Божія „надъ водами“ нельзя понимать такъ, что Онъ носился или облакалъ первобытную землю, подобно тому, какъ она окружена теперь воздухомъ,—но не иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что Онъ, проникая Своимъ существомъ необразованную и пустынную матерію, проявлялъ въ ней Свою начинающуюся творческую дѣятельность, приготовляя ее къ послѣдующему мірообразованію, или, какъ выражаются обыкновенно богословы, „вливалъ жизнь въ мертвое вещество“. Что такъ именно представлялъ себѣ это присутствіе и самъ Моисей, можно видѣть уже изъ подлиннаго еврейскаго текста этихъ словъ, такъ какъ тамъ для обозначенія „носился“ употреблено выраженіе „*merachephet*“—отъ глагола „*rachaph*“, который прилагается обыкновенно къ птицѣ высиживающей яйца. Слѣдовательно, и самое слово, употребленное Моисеемъ въ данномъ случаѣ показываетъ, что онъ представляетъ Божественное присутствіе въ первозданномъ веществѣ не какъ чисто пассивное, но какъ такое, которое сопровождалось нѣкоторою дѣятельностію, направленною по отношенію къ этому веществу. Въ чемъ должна была состоять эта дѣятельность, и какъ мы должны ее представлять себѣ,—это уже мы видѣли раньше, когда рассматривали понятіе имманентности Бога вообще: она должна была состоять въ управленіи дѣйствіями естественныхъ силъ и въ направленіи ихъ къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Если эту первоначальную дѣятельность Бога въ міровой матеріи признавать приготовленіемъ, или даже какъ бы началомъ творенія, то понятно, что такимъ же образомъ она должна была проявляться и въ самомъ твореніи. Слѣдовательно, уже это мѣсто Моисеева повѣствованія даетъ нѣкоторое основаніе утверждать, что творе-

ніе міра состояло въ дѣятельности естественныхъ силъ, управляемой всемогущею Божественною силою.

Но еще яснѣе и опредѣленнѣе эта мысль высказывается Моисеемъ въ самомъ изображеніи его исторіи міротворенія. Здѣсь мы находимъ самое отчетливое различіе обѣихъ сторонъ въ процессъ творенія, самое очевидное указаніе какъ на Божественную дѣятельность, обусловливавшую этотъ процессъ, такъ и на участіе въ немъ физическихъ силъ, которыя были средствами міроваго развитія. Возьмемъ для образца Моисеево изображеніе какого-либо отдѣльнаго творческаго акта и рассмотримъ такъ-сказать самые элементы, входящіе по этому изображенію въ составъ его или точнѣе тѣ стороны, которыя различаются въ немъ. Моисей; напримѣръ, такъ описываетъ твореніе животныхъ въ 5-й день: „И рече Богъ: *да изведуть воды* гады душъ живыхъ и птицы, летающія по земли по тверди небеснѣй; и бысть тако. И сотвори Богъ киты великія... и видѣ Богъ яко добро“ (20—21 ст.). Первымъ и главнымъ факторомъ въ описанномъ здѣсь твореніи Моисей весьма ясно выставляетъ сверхъестественное воздѣйствіе Божественной творческой силы, выражающееся въ томъ, что *Богъ повелѣлъ* явиться извѣстнымъ тварямъ. Въ приведенныхъ словахъ Моисея заслуживаетъ особеннаго вниманія та форма, въ которой выражено творческое повелѣніе Бога: оно было обращено къ водамъ и состояло въ томъ, чтобы эти послѣднія сами собою, изъ своихъ собственныхъ нѣдръ произвели тѣ существа, которыя составляли предметъ разсматриваемаго творенія. Это повелѣніе, слѣдовательно, какъ нельзя болѣе указываетъ на то, что самъ Творецъ не только допускалъ, но даже требовалъ отъ создаваемаго міра дѣятельнаго участія въ своемъ образованіи или, такъ-сказать, самообразованія. Такимъ образомъ, по признанію самого Моисея, твореніе міра совершилось также и посредствомъ дѣятельности физическихъ силъ и состояло поэтому въ естественномъ развитіи его, что является другимъ факторомъ міротворенія. Но если дѣятельность физическихъ силъ и естественное развитіе были вызваны сверхъестественнымъ воздѣйствіемъ Творца, то въ чемъ же состояло это воздѣйствіе, и въ какомъ отношеніи оно находилось къ естественному фактору? Нельзя думать, что оно ограничивалось простымъ только повелѣніемъ Творца, обращеннымъ

къ матеріи, чтобы она произвела изъ себя ту или другую форму міровой жизни. Такое повелѣніе есть выраженіе только *трансцендентности* Божіей, такъ какъ оно указываетъ на Существо не только отличное отъ міра, но и отдѣльное отъ него, стоящее внѣ его и обладающее идеею о мірѣ, по которой должно совершаться его развитіе. Между тѣмъ мы видѣли ужѣ, что самое развитіе міра посредствомъ дѣятельности его естественныхъ силъ возможно не иначе, какъ только подѣ условіемъ имманентной дѣятельности Бога въ мірѣ, управляющей и руководящей процессомъ этого развитія. Слѣдовательно, если Моисей даетъ понять, что въ твореніи міра принимали участіе также и физическія силы, что оно поэтому было саморазвитіемъ міра, то онъ долженъ былъ признать и то, что это саморазвитіе обусловливалось и сопровождалось непрерывною дѣятельностью Бога, отличною отъ простаго обнаруженія Его воли въ видѣ повелѣнія, и что въ этой то именно руководящей дѣятельности и состояла сущность творческаго воздѣйствія Бога на матерію, какъ сверхъестественнаго фактора въ процессѣ міротворенія. Даже и въ самомъ текстѣ повѣствованія Моисея мы находимъ нѣкоторый намекъ на то, что онъ дѣйствительно такъ понимаетъ творческую дѣятельность Бога. Обратимся опять къ приведенному нами мѣсту изъ его шестоднева. Сказавши о томъ, что Богъ повелѣлъ водамъ произвести живыхъ тварей, онъ продолжаетъ: „и сотвори Богъ киты великія и всяку душу животныхъ гадовъ... и видѣ Богъ, яко добро“ (21 ст.). Несмотря на то, что онъ только-что сказалъ о призваніи Богомъ матеріи къ самодѣятельному произведенію животныхъ, онъ въ приведенныхъ нами словахъ ясно выражаетъ, что это произведеніе было все-таки дѣломъ Божественнымъ, что животныхъ этихъ сотворилъ самъ Богъ. Какъ же мы должны понимать это? Какимъ образомъ согласить такое признаніе, съ одной стороны, самодѣятельности матеріи въ своемъ преобразованіи, а съ другой—творческаго дѣйствія Бога, обусловливающаго это преобразование? Понятно, что единственно возможное предположеніе, которое примирило бы это противорѣчіе Бытописателя съ самимъ собою, должно состоять въ томъ, что въ твореніи міра одинаково принимали участіе оба эти фактора,—какъ сверхъестественный, такъ и естественный. Но нельзя думать, что дѣйствіе сверхъестествен-

наго фактора ограничивалось однимъ только творческимъ повелѣніемъ, обращеннымъ къ матеріи, потому что въ этомъ повелѣніи Богъ требуетъ только самодѣтельности послѣдней, а самъ какъ будто совершенно отклоняется отъ всякаго участія въ процессѣ мірообразования. Если же, напротивъ, Моисей представляетъ Его дѣятельнымъ участникомъ въ этомъ процессѣ, то понятно, что такое участіе Его могло состоять не въ чемъ иномъ, какъ въ управленіи ходомъ естественнаго развитія міра, такъ что оба указанные фактора должны переплетаться между собою самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ образомъ и потому идти параллельно другъ другу—точно такъ, какъ это было уже показано нами раньше.

Такимъ образомъ, при свѣтѣ тѣхъ данныхъ, которыя приобрѣтены нами путемъ вывода изъ общихъ понятій, мы видимъ, что и по воззрѣнію самаго Моисея, сущность творенія заключалась въ естественномъ развитіи міра дѣйствіемъ физическихъ силъ при непосредственномъ дѣятельномъ участіи самого Бога, который руководилъ и управлялъ этими силами сообразно съ присущею Ему идеею о мірѣ. Какое же теперь мы должны сдѣлать отсюда заключеніе по отношенію къ отдѣльнымъ творческимъ актамъ Божиимъ, какъ они изображены у Моисея, въ какомъ отношеніи между собою нужно представлять эти акты,

какъ нужно понимать изображаемые Моисеемъ творческіе дни?

Представляя твореніе міра въ видѣ *саморазвитія* его, т.-е. въ видѣ самостоятельнаго и самодѣтельнаго преобразования его изъ первобытной неустроенной матеріи, Моисей чрезъ это самое долженъ былъ прежде всего признать, что весь процессъ творенія совершался неопредѣленно долгое время, такъ какъ понятіе саморазвитія необходимо предполагаетъ, что міръ съ строгою постепенностію переходитъ отъ одного состоянія къ другому, отъ низшихъ степеней совершенства къ высшимъ, пока наконецъ онъ достигъ той степени своего развитія, которая предполагается его идеею. Если же такъ, то и каждое частное творческое дѣло Божіе, имѣющее своимъ предметомъ образование той или другой отдѣльной формы міровой жизни, произведеніе той или другой части міроваго цѣлаго, точно также должно было обнимать весьма продолжительный періодъ времени, потому что и твореніе каждой отдѣльной части міра состояло въ постепен-

номъ развитіи и усовершенствованіи ея. Слѣдовательно, если Моисей говоритъ, что то или другое творческое дѣло совершилось въ продолженіи одного дня, что весь міръ сотворенъ въ шесть дней, то понятно, что подъ этими днями онъ не могъ разумѣть обыкновенные земные дни, состоящіе изъ 24-хъ часовъ и опредѣляемые восходомъ и заходомъ солнца,—но это были совершенно особенные творческіе дни, и каждый изъ нихъ долженъ былъ продолжаться неопредѣленное время. Это первый выводъ изъ указаннаго нами общаго представленія Моисея о твореніи, касающійся частнѣйшаго изображенія имъ отдѣльныхъ творческихъ дѣлъ, или его повѣствованія собственно о *шести-дневномъ* твореніи.

Далѣе, если по воззрѣнію Моисея твореніе міра состояло въ самостоятельномъ развитіи его изъ первоизданной матеріи, то, слѣдовательно, онъ смотритъ на міръ, какъ на живой организмъ, характеристическую особенность котораго и составляетъ способность къ саморазвитію. Но мы уже видѣли выше, какъ при такомъ воззрѣніи на міръ нужно представлять себѣ образованіе отдѣльныхъ его частей во взаимномъ отношеніи ихъ между собою. Мы видѣли, что процессъ образованія міра, какъ органическаго цѣлаго, нельзя представлять въ видѣ обыкновеннаго механическаго наростанія, при которомъ всѣ отдѣльныя части цѣлага образуются преемственно другъ за другомъ и каждая слѣдующая часть является только послѣ образованія предыдущей, но необходимо допустить, что въ этомъ процессѣ всѣ отдѣльныя части міра развивались и совершенствовались одновременно и параллельно другъ другу, въ тѣсномъ взаимодействіи между собою, постепенно переходя отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному состоянію, пока онѣ достигли послѣдней цѣли своего развитія, хотя первые моменты образованія каждой изъ нихъ можетъ-быть и не совпадали между собою. Такимъ образомъ, отдѣльныя дѣла творенія, какъ они изображены въ Моисеевомъ шестодневѣ, нельзя представлять себѣ такъ, что они совершались преемственно другъ за другомъ, подобно тому какъ факты, человѣческой исторіи смѣняются одинъ другимъ, но необходимо заключить, что всѣ они были тѣсно переплетены между собою и совершались параллельно. Нельзя, на примѣръ, представлять, что твореніе животныхъ началось послѣ того, какъ

были уже окончательно сотворены растенія; напротивъ, первыя животныя формы появились вѣроятно одновременно съ первыми зачатками растительнаго царства, или во всякомъ случаѣ въ то время, когда это послѣднее находилось на самой низшей степени своего развитія, и съ тѣхъ поръ твореніе обѣихъ этихъ формъ органической жизни продолжалось совершенно параллельно, пока оно не достигло послѣдней своей цѣли. Точно также и другіе творческіе акты съ того момента, какъ они начинались, продолжали раскрываться въ теченіе всей исторіи землеобразованія до самаго ея окончанія и слѣдовательно, въ полной параллели между собою. Впрочемъ въ этомъ отношеніи нужно сдѣлать исключеніе для одного только перваго творческаго дѣла, сотворенія свѣта, которое не могло продолжаться въ теченіе всего процесса землеобразованія и требовало для себя непродолжительнаго времени. Различіе это зависѣло отъ самаго существа предмета указаннаго акта. Свѣтъ не есть какой-либо реальный предметъ, подобно растенію, или животному, но только извѣстное состояніе особаго рода матеріи. По естественно-научной теоріи сущность свѣта состоитъ въ сотрясеніи частицъ эѳира разбѣянныхъ въ пространствѣ, какъ звукъ есть сотрясеніе частицъ воздуха, откуда слѣдуетъ, что и твореніе его должно было состоять только въ томъ, чтобы привести эѳиръ въ колебательное движеніе; такъ какъ самая эта матерія, какъ субстратъ свѣтовыхъ явленій, вѣроятно была сотворена въ одно время съ прочею массою первобытнаго вещества. А для совершенія этого вовсе не требовалось какихъ-либо продолжительныхъ процессовъ развитія, и вполне достаточно было одного момента, въ продолженіе котораго матеріальныя частицы могли бы получить толчекъ отъ творческой силы. Намекъ на такую исключительность въ разсматриваемомъ отношеніи этого творческаго акта можно видѣть и у самаго Моисея въ его повѣствованіи о данномъ предметѣ. Сказавши о сотвореніи свѣта и о раздѣленіи его отъ тьмы, онъ заключаетъ: „и бысть вечеръ, и бысть утро — *день единый*“ (5 ст.), а не *первый*, какъ долженъ былъ бы сказать по аналогіи съ изображеніемъ другихъ творческихъ дней. Слѣдовательно употребляя этотъ способъ выраженія, Моисей самъ признаетъ, что первый день былъ совершенно особенный творческій день, отличный отъ всѣхъ другихъ, день *единственный* и

исключительный, т.-е. что дѣло творенія, которому онъ посвященъ, было совершено нѣсколько иначе, чѣмъ другія творческія дѣла, относящіяся къ прочимъ днямъ; эта особенность вѣроятно и есть именно та, которую мы указали. Итакъ, за исключеніемъ перваго творенія всѣ творческіе акты, описанные Бытописателемъ въ его шестодневѣ, должны были совершаться въ теченіе всей исторіи мірообразования, конечно съ того момента этой исторіи, къ которому относится начало каждаго изъ нихъ, слѣдовательно параллельно и одновременно между собою. Отсюда мы должны сдѣлать другой выводъ по отношенію къ вопросу о пониманіи шестидневнаго творенія: творческіе дни, въ продолженіе которыхъ по Моисею совершился весь процессъ творенія міра, необходимо должны быть признаны параллельными между собою и, слѣдовательно, взаимно совпадающими другъ съ другомъ, ибо каждый изъ этихъ дней обнимаетъ собою по библейскому изображенію не начало только относящагося къ нему Божественнаго акта творенія, не основоположеніе того или другаго частнаго процесса творенія, но весь этотъ процессъ отъ самаго начала его до полнаго окончанія. Если же такъ, то дни творенія нельзя считать даже и продолжительными періодами времени, въ теченіе которыхъ происходило образованіе той или другой формы міровой жизни, потому что если къ каждому отдѣльному періоду относится произведеніе особенной группы предметовъ, составляющихъ міръ, какъ это говорится у Моисея о дняхъ творенія, то всѣ эти періоды также должны быть отдѣльны другъ отъ друга и потому должны преемственно слѣдовать одинъ за другимъ, смѣняя другъ друга въ хронологической послѣдовательности; а этого, какъ мы видѣли, нельзя сказать о Моисеевыхъ дняхъ творенія. Такимъ образомъ, эти творческіе дни нельзя считать вообще какими-либо моментами *времени*, потому что имъ не можетъ быть приписана взаимная смѣна и преемственность, которая составляетъ необходимое предположеніе такихъ моментовъ.

Мы сдѣлали отрицательное опредѣленіе творческихъ дней, между которыми распредѣляется въ Моисеевомъ повѣствованіи весь процессъ мірообразования, показали въ какомъ смыслѣ нельзя понимать ихъ. Но какое же въ такомъ случаѣ должно быть дано положительное опредѣленіе ихъ, т.-е. что именно

нужно разумѣть подъ ними въ дѣйствительности? Если библейскіе дни творенія нельзя признавать какими-либо отдѣльными моментами времени, въ продолженіе которыхъ совершалось образование міра, то единственно возможное пониманіе ихъ должно состоять только въ томъ, что они обозначаютъ самые творческіе акты или отдѣльные процессы творенія, изъ которыхъ по изображенію Моисея слагалось все дѣло мірообразования. Въ частности, какъ это уже само собою вытекаетъ изъ раскрытаго нами раньше понятія о сущности творенія вообще, по отношенію къ Богу, или субъекту творенія подъ ними нужно разумѣть отдѣльныя или частныя обнаруженія Его творческой дѣятельности въ общемъ ходѣ мірообразования, а по отношенію къ самому міру, какъ объекту, они должны обозначать частные процессы развитія и образования той или другой формы міровой жизни, совершавшіеся въ мірѣ при Божественномъ содѣйствіи. Только при такомъ пониманіи дней творенія и можно оправдать взаимное совпаденіе или параллельность ихъ, которую мы принуждены были признать на основаніи раскрытаго прежде общаго представленія о твореніи, раздѣляемаго, какъ мы видимъ, и самимъ Моисеемъ. Если поэтому онъ говоритъ, что міръ сотворенъ въ шесть дней, то этимъ онъ выражаетъ только ту мысль, что все дѣло міротворенія состояло изъ шести отдѣльныхъ творческихъ дѣлъ, что весь процессъ міроваго развитія состоялъ изъ шести частнѣйшихъ процессовъ, обусловливаемыхъ воздѣйствіями творческой силы и совершавшихся одновременно и параллельно. Такое пониманіе шестоднева даетъ также возможность устранить нѣкоторое недоумѣніе метафизическаго характера, могущее возникнуть въ томъ случаѣ, если дни творенія понимать въ смыслѣ какихъ-либо моментовъ времени, будутъ ли это обыкновенные дни, или цѣлые періоды неопредѣленной продолжительности. Если понимаютъ дни въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, то дѣло представляется такъ, что Богъ какъ будто заранѣе предположилъ совершить весь актъ мірообразования въ 6 моментовъ времени и раздѣлил его между этими моментами. Но здѣсь является вопросъ: почему же Онъ опредѣлил для сотворенія міра шесть дней, почему Онъ употребилъ на это дѣло не болѣе и не менѣе какъ только шестеричное число моментовъ времени? Для Него одинаково возмо-

жно было употребить для этого 5 дней, точно также какъ и 10, потому что, напримѣръ, каждый отдѣльный родъ органической жизни, каждая отдѣльная форма растительнаго и животнаго міра могли быть созданы въ различные дни, равно какъ набобротъ растительное и животное царство могли быть созданы Имъ въ одинъ день; для Него было безразлично раздѣлить все дѣло творенія на 6 или на другое какое-либо число частей, для каждой назначивъ отдѣльный моментъ времени. Но почему же, повторяемъ опять, міръ сотворенъ именно въ шесть дней? Не для того же конечно Богъ избралъ это число, чтобы посредствомъ его съ присоединеніемъ 7-го дня покоя или субботы дать твердое религіозное основаніе учрежденію шестидневной рабочей недѣли съ заключительнымъ седьмымъ субботнимъ днемъ, по священнымъ служенію Богу, потому что и человѣческая недѣля могла состоять изъ какого угодно числа дней и суббота могла быть 8-мъ или 10-мъ днемъ, точно также какъ и 7-мъ. Этотъ вопросъ не будетъ имѣть мѣста, коль скоро подъ днями творенія мы будемъ разумѣть не моменты времени, а самые творческіе акты или частные процессы образованія той или другой формы міровой жизни, творенія той или другой части міроваго организма. Здѣсь шестеричное число дней опредѣляется уже самымъ существомъ дѣла и потому имѣетъ глубокое основаніе. Чтобы міръ вполне осуществлялъ свою идею, онъ долженъ былъ имѣть именно столько существенныхъ и наиболѣе главныхъ составныхъ частей, большее количество ихъ было излишне, а меньшее—недостаточно; слѣдовательно и весь процессъ образованія міра долженъ былъ состоять изъ этого именно числа отдѣльныхъ процессовъ и обусловливавшихъ ихъ творческихъ воздѣйствій Божественной сплы. Такимъ образомъ, если подъ библейскими днями разумѣть эти именно частные творческіе процессы, то указанное число ихъ нужно будетъ признать совершенно необходимымъ, вытекающимъ изъ самой идеи о мірѣ.

Правда, такое объясненіе шестидневнаго творенія встрѣчаетъ повидимому непреодолимое затрудненіе въ самомъ текстѣ библейскаго повѣствованія. Но это только повидимому; въ дѣйствительности же это затрудненіе вовсе не такъ сильно, какъ представляется съ перваго взгляда и не исключаетъ возможности устраненія его. Дѣло идетъ о твореніяхъ третьяго и шестаго

дня. По Моисееву сказанію каждый изъ этихъ творческихъ дней содержалъ въ себѣ два совершенно различныхъ дѣла или два частныхъ творческихъ процесса, направленныхъ къ образованію различныхъ между собою формъ міровой жизни, именно: въ 3-й день совершилось образованіе суши чрезъ собраніе водъ въ одно мѣсто и твореніе растительнаго царства, а въ 6-й день первоначально были сотворены животныя обитающія на сушѣ, а потомъ человѣкъ, какъ царь и владыка всего сотвореннаго. Такимъ образомъ повидимому нѣтъ никакой возможности утверждать, какъ мы это дѣлаемъ, что подъ днями творенія разумѣются самые творческіе процессы или отдѣльные акты творенія, а не какіе-либо моменты времени, потому что въ такомъ случаѣ Моисей не могъ бы два различныхъ творческихъ дѣла соединить въ одномъ и томъ же днѣ, но непременно долженъ былъ бы каждое изъ нихъ представить дѣломъ особеннаго дня, такъ что напримѣръ образованіе суши усвоилось бы тогда третьему дню, а твореніе растений—четвертому и т. д. Если же съ другой стороны удержать представленное нами пониманіе дней творенія, то неизбежно является вопросъ, почему же Моисей два отдѣльныхъ творческихъ дѣла объединилъ формою одного дня, такъ-сказать соединилъ два процесса творенія въ одинъ процессъ, или по нашему пониманію два различныхъ дня въ одинъ день. По отношенію къ третьему дню этотъ вопросъ кажется можетъ-быть рѣшенъ довольно правдоподобно, если мы обратимъ вниманіе на то отношеніе, въ какомъ находятся между собою оба творческихъ дѣла этого дня, на тѣсную взаимную связь, существующую между обоими процессами развитія, совершившимися въ этотъ день. Суша, служащая почвою для растений, составляетъ необходимое условіе для ихъ существованія и развитія, и притомъ извѣстныя свойства почвы обуславливаютъ нѣкоторымъ образомъ тѣ или другія особенности въ растительныхъ формахъ, полагая этимъ основаніе для родовыхъ и видовыхъ различій въ царствѣ растений. Существованіе и развитіе растений, такимъ образомъ, весьма тѣсно и неразрывно связано съ появленіемъ и процессомъ образованія суши. По мѣрѣ того какъ возникали изъ воды новые острова и матеріи, на нихъ по дѣйствию творческой силы должны были появляться и растительныя формы; затѣмъ по мѣрѣ постепеннаго возра-

станія и расширенія этихъ пространствъ сухой земли, сопровождавшагося измѣненіемъ ихъ физическихъ свойствъ, и растительные организмы должны были претерпѣвать соотвѣтствующія измѣненія въ своихъ внѣшнихъ формахъ и внутреннемъ строеніи. Вслѣдствіе такой неразрывной связи между этими двумя процессами представленіе одного изъ нихъ необходимо влекло за собою и представленіе другаго; нельзя было представить процессъ постепеннаго развитія царства растений, чтобы вмѣстѣ съ этимъ не возникало представленіе о постепенномъ образованіи суши, равно какъ и наоборотъ, какъ будто это были только двѣ стороны одного и того же процесса. Вотъ этимъ-то вѣроятно и можно до нѣкоторой степени объяснить то обстоятельство, что Моисей какъ бы соединяетъ между собою оба разсматриваемые процесса и принимаетъ ихъ за одно творческое дѣло, относя ихъ поэтому къ одному и тому же дню, т.-е. обобщая ихъ въ конкретномъ изображеніи одного творческаго дня. Но соединяя ихъ такимъ образомъ вмѣстѣ, онъ все-таки не теряетъ изъ своего сознанія, что въ сущности это суть два совершенно различные процесса, хотя и тѣсно связанные между собою; такое сознаніе и выражается именно въ томъ, что онъ все-таки и описываетъ ихъ, какъ два различные и самостоятельные Божественные акты творенія, совершавшіеся отдѣльно.

Но какимъ же образомъ объяснить теперь сказаніе Моисея о твореніи въ одинъ и тотъ же шестой день и земныхъ животныхъ и человѣка, между которыми, какъ кажется, нѣтъ ничего общаго? По ясному изображенію самой Библии человѣкъ стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ животныхъ и отъ Самаго Бога поставленъ царемъ и владыкою всей природы, такъ что Моисей по видимому никакимъ образомъ не могъ соединять твореніе его и животныхъ въ одинъ творческій актъ и чрезъ это относить къ одному дню. Правда, что твореніе человѣка не имѣло никакой связи съ твореніемъ животныхъ и оба эти творческіе процесса не обуславливались другъ другомъ, какъ это мы видѣли относительно твореній третьягодня, такъ что объясненіе, данное нами для того дня, неприложимо къ шестому дню, но тѣмъ не менѣе и въ данномъ случаѣ можно представить нѣкоторыя основанія, въ силу которыхъ Моисей имѣлъ право соединить вмѣстѣ два совершенно различныхъ творенія. Дѣло въ томъ, что чело-

вѣкъ, не смотря на исключительное свое положеніе въ мірѣ и на безусловное свое превосходство предъ животными, все-таки имѣеть нѣчто общее съ послѣдними; мы разумѣемъ его тѣлесную природу. Съ этой своей стороны онъ подчиненъ тѣмъ же самымъ законамъ, которые вообще управляютъ органическимъ міромъ, и въ частности тѣмъ, которые господствуютъ среди животныхъ, обитающихъ на сушѣ. Тѣлесная жизнь человѣка по своему началу, развитію и окончанію ничѣмъ не отличается отъ жизни животныхъ млекопитающихъ; она проходитъ тѣ же самые моменты развитія, совершается при тѣхъ же самыхъ физическихъ условіяхъ и подвержена тѣмъ же самымъ благопріятнымъ и неблагопріятнымъ вліяніямъ, какъ и жизнь этихъ животныхъ. Словомъ, по своей тѣлесной природѣ онъ можетъ быть признанъ только высшею формою животнаго міра, и не будь онъ одаренъ духовною природою, онъ мало чѣмъ отличался бы отъ обыкновенныхъ животныхъ изъ породы млекопитающихъ. Вотъ эта то общность человѣка съ послѣдними и побудила вѣроятно Моисей разсматривать твореніе его и животныхъ, какъ одинъ общій творческій актъ, конкретно изображенный въ формѣ одного творческаго дня. Что именно въ силу указаннаго сходства человѣка съ животными онъ связываетъ твореніе его съ твореніемъ животныхъ, это можно видѣть также и изъ того обстоятельства, что въ данномъ мѣстѣ онъ ничего не говоритъ о твореніи высшей стороны человѣческаго существа или духа, отличающаго его отъ прочихъ тварей, а описываетъ исключительно только твореніе тѣлесной его природы, приближающей его къ животнымъ, что доказывается и даннымъ Богомъ человѣку благословеніемъ плодиться и размножаться, благословеніемъ относящимся исключительно къ тѣлесной природѣ. Но и здѣсь также, какъ и въ первомъ случаѣ, Моисей не забылъ, что твореніе человѣка и твореніе земныхъ животныхъ суть все-таки два совершенно различныхъ акта, и потому о каждомъ изъ нихъ онъ говоритъ особо. Онъ не упустилъ здѣсь изъ виду также и того, что человѣкъ при всемъ своемъ сходствѣ съ животными стоитъ несравненно выше ихъ, какъ вѣнецъ ихъ созданія, что поэтому и твореніе его есть актъ исключительной важности; эту мысль онъ весьма ясно выразилъ чрезъ то, что представилъ Бога какъ бы бесѣ-

дующимъ, совѣтующимся съ Самимъ собою, какъ это обыкновенно дѣлается между людьми въ важныхъ и особенныхъ случаяхъ.

Итакъ, разсмотрѣнное затрудненіе въ дѣйствительности оказывается не настолько сильнымъ, чтобы оно заставило совершенно отказаться отъ представленнаго нами объясненія библейскихъ творческихъ дней, по которому послѣдніе означаютъ не моменты времени, а такъ-сказать моменты самаго творенія, т.-е. творческія дѣла, или самые Божественные акты и обусловливавшіеся ими естественные процессы развитія міра, и потому мы по прежнему продолжаемъ держаться такого объясненія даннаго предмета. Но если такъ именно нужно понимать самые дни творенія, то конечно и упоминаемые Моисеемъ вечеръ и утро также не могутъ быть приняты и понимаемы въ собственномъ смыслѣ. Соответственно тому, что обозначаютъ собою творческіе дни, вечеръ и утро можно разсматривать, какъ два различные и даже противоположные момента въ исторіи образованія той или другой формы міровой жизни, именно: подъ вечеромъ можно разумѣть тотъ моментъ, когда творческое воздѣйствіе на матерію еще не обнаруживалось, когда, слѣдовательно, извѣстная часть міроваго цѣлаго еще не была дифференцирована въ общей массѣ вещества, между тѣмъ какъ утромъ напротивъ обозначается тотъ моментъ, когда подъ вліяніемъ Божественнаго воздѣйствія она уже выдѣлилась изъ массы міровой матеріи и когда, слѣдовательно, въ этой послѣдней стала обнаруживаться та или другая форма жизни.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе все сказанное нами до сихъ поръ, мы получимъ слѣдующій смыслъ въ Моисеевомъ изображеніи каждаго отдѣльнаго творческаго акта. Возьмемъ для примѣра сказаніе объ образованіи тверди небесной во второй день. „И рече Богъ, говоритъ Моисей, да будетъ твердь посредѣ воды; и да будетъ разлучающи посредѣ воды и воды“ (6 ст.). Мы видѣли, что это творческое повелѣніе еще не есть творческая дѣятельность, не есть тотъ Божественный актъ, который обуславливалъ образованіе тверди, оно еще не есть самый процессъ творенія; оно есть только выраженіе Божественной идеи о предметѣ, который долженъ быть сотворенъ въ данномъ случаѣ. Здѣсь Богъ какъ бы выражаетъ еще только свое намѣ-

рѣніе сотворить извѣстную часть міра и указываетъ ту идею, которая должна быть осуществлена въ этомъ твореніи. Въ сущности своей это Божественное повелѣніе тоже, что Божественный совѣтъ предъ сотвореніемъ человѣка; только въ послѣднемъ случаѣ Божественное намѣреніе выражается въ иной формѣ и съ большею торжественностью. Но вслѣдъ же за этимъ намѣреніемъ обнаруживается и самая творческая дѣятельность Бога въ мірѣ: „и бысть тако“, продолжаетъ Моисей послѣ вышеприведеннаго творческаго повелѣнія, т.-е. Божественное намѣреніе создать твердь приводится въ исполненіе. При содѣйствіи Божественной творческой силы матерія начинаетъ преобразовываться изъ безразличной и безформенной массы въ опредѣленную форму бытія, т.-е. начинается естественный процессъ развитія, который долженъ привести къ образованію небесной тверди, раздѣляющей верхнія воды отъ нижнихъ. „И сотвори Богъ твердь...“ продолжаетъ Моисей, и видѣ Богъ, яко добро“²⁾). Процессъ творенія окончился. Божественная творческая сила, пользуясь физическими силами и законами, какъ средствами для своей цѣли, произвела то, что въ системѣ цѣлой вселенной должно было составлять необходимый элементъ, безъ котораго невозможна была полная гармонія. Результатъ этого творческаго процесса вполне соответствовалъ Божественной идеѣ, къ осуществленію которой онъ былъ направленъ, и потому заслужилъ полное одобреніе со стороны Творца. „И бысть вечеръ, и бысть утро,—день второй“. Оканчивая изображеніе этого творческаго акта, Моисей дѣлаетъ какъ бы общій выводъ и въ краткихъ словахъ показываетъ Божественное всемогущество, которое изъ безформенной массы вызвало къ бытію опредѣленную форму міровой жизни; въ тоже время онъ обозначаетъ мѣсто этого акта въ ряду другихъ актовъ творческой дѣятельности Бога. „И бысть вечеръ, и бысть утро“, т.-е. было первоначально безжизненно и пусто, существовала только безформенная мате-

²⁾ Въ еврейскомъ текстѣ этихъ послѣднихъ словъ собственно не находится въ данномъ стихѣ: они составляютъ вставку 70-ти. Но такъ какъ это Божественное одобреніе есть обыкновенная формула, которую Моисей заканчиваетъ свое изображеніе отдѣльныхъ твореній, то и въ данномъ случаѣ оно можетъ быть удержано безъ ущерба для смысла.

рія, но потомъ вслѣдствіе творческаго воздѣйствія на нее совершился процессъ развитія, который въ концѣ концовъ привелъ къ образованію опредѣленной области міроваго бытія; это былъ второй творческой актъ, второе дѣло Творца въ общей исторіи мірозданія.

Но при такомъ пониманіи дней творенія повидимому не можетъ быть и рѣчи объ исторіи мірозданія въ обыкновенномъ смыслѣ, а потому Моисей не имѣлъ никакого основанія и права говорить о творческихъ актахъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они изложены въ его повѣствованіи. Если днями творенія онъ называетъ самые процессы творенія, которые, какъ мы видѣли, совершались параллельно и одновременно между собою, то говоря о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, онъ съ одинаковымъ правомъ могъ излагать ихъ какъ въ такомъ, такъ въ иномъ порядкѣ; слѣдовательно, настоящій порядокъ его изложенія является какъ будто безосновательнымъ и произвольнымъ, вслѣдствіе чего и самое повѣствованіе его лишается историческаго характера, такъ какъ исторія требуетъ, чтобы порядокъ въ изложеніи фактовъ опредѣлялся или хронологическою, или логическою связью между ними. Но это несправедливо. Моисей имѣлъ глубоко объективное основаніе для того, чтобы излагать творческіе акты въ такомъ, а не иномъ порядкѣ; это основаніе заключалось въ условной зависимости между отдѣльными творческими процессами, въ силу которой одинъ процессъ могъ начаться не раньше, какъ для него явились благопріятныя условія въ другомъ процессѣ, который поэтому долженъ былъ начаться уже раньше. Органическая жизнь не могла появиться на землѣ прежде, чѣмъ могла найти для себя благопріятствующія условія въ неорганической природѣ. Слѣдовательно, образованіе неорганическаго міра вообще должно было начаться раньше, чѣмъ твореніе организмовъ; но съ того времени, какъ появились на землѣ первоначальныя, зародышевыя формы послѣднихъ, процессы развитія ихъ должны были совершаться параллельно и въ связи съ процессами образованія неорганической природы. Мы не будемъ разсматривать этого въ подробностяхъ, но скажемъ только, что тотъ же самый законъ долженъ быть приложенъ и по отношенію къ частнымъ творческимъ актамъ, изображеннымъ въ Библии. Такимъ образомъ эта зависимость между частными

процессами развитія міра опредѣляла также и нѣкоторую хронологическую ихъ послѣдовательность, касающуюся собственно самаго начала ихъ. Эта-то послѣдовательность и есть именно та самая, которую указываетъ Моисей въ своемъ шестодневѣ. Такимъ образомъ, когда онъ говоритъ, что первымъ дѣломъ Творца было твореніе свѣта, вторымъ—образованіе тверди небесной и т. д., то въ этомъ онъ остается вполне вѣрнымъ объективной дѣйствительности, а потому и повѣствованіе его со всею справедливостію можетъ быть признано „исторіею творенія“, или историческимъ повѣствованіемъ.

Теперь могутъ спросить насъ: почему же Моисей въ своемъ повѣствованіи о твореніи прибѣгаетъ къ такому метафорическому способу выраженія мыслей, называя творческія дѣла Бога днями и изображая весь процессъ мірообразования въ формѣ шестидневнаго творенія? Почему онъ не описываетъ дѣло такъ, какъ оно было, представляя творческіе процессы, именно какъ процессы, параллельные другъ другу, а не изображая ихъ подъ видомъ слѣдующихъ другъ за другомъ дней творческой недѣли? Прежде всего мы замѣтимъ на этотъ вопросъ: нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Моисей представляетъ исторію творенія міра образно подъ видомъ шестидневной творческой недѣли, потому что образность есть обыкновенное свойство Моисеева изложенія различныхъ фактовъ и истинъ и вообще обыкновенное свойство представленія у восточныхъ народовъ, къ которымъ принадлежалъ Еврей. Такая образность была отчасти даже и необходима для Моисеева повѣствованія, потому что оно было написано первоначально для мало-развитыхъ читателей, которые неспособны были къ усвоенію высокихъ отвлеченныхъ истинъ, еслибы онѣ предлагались имъ въ чистомъ видѣ. Что же касается изображенія исторіи мірообразования, именно въ формѣ шестидневной недѣли съ заключительнымъ седьмымъ днемъ Божественнаго покоя или субботы, то это съ достаточною вѣроятностью можно объяснить особенною цѣлю, которую Моисей между прочимъ имѣлъ въ виду при изложеніи своего повѣствованія о твореніи. Цѣль эта состояла въ томъ, чтобы указать религиозное основаніе для установленія еврейской субботы, какъ дня назначеннаго для богослуженія, показать, почему именно Богъ освятилъ 7 день, а не другой какой либо. Онъ хотѣлъ показать, что

человѣческая шестидневная рабочая недѣля съ ея заключительнымъ седьмымъ днемъ покоя имѣетъ свое глубокое религіозное основаніе въ Божественной творческой недѣлѣ, также закончившейся покоемъ Творца, что человѣческая недѣля имѣетъ своимъ прототипомъ недѣлю Божественную. Въ виду этого ему прежде всего необходимо было показать, что Божественная недѣля также состояла изъ семи частей (каковыми-бы ни были эти послѣднія), потому что безъ этого признака она не могла бы служить и прототипомъ человѣческой 7 дневной недѣли. Это было самое главное. Но затѣмъ, чтобы сдѣлать эту истину для нихъ какъ можно нагляднѣе, чтобы яснѣе показать Евреямъ первообразное значеніе творческой недѣли, бытописатель и изображаетъ ее въ видѣ обыкновенной недѣли, состоявшей изъ шести дней творенія съ заключительнымъ 7 днемъ покоя, называя, такимъ образомъ, днями отдѣльные акты, изъ которыхъ она собственно состояла. Но поступая такъ, бытописатель нисколько не погрѣшаетъ противъ истины, потому что онъ не искажаетъ этой истины, а только представляетъ ее образно и наглядно. Въдъ никто не станетъ обвинять его за то, что онъ въ томъ же повѣствованіи сообщаетъ не чистое и отвлеченное понятіе о Богѣ, а изображаетъ его антропоморфически, приписывая Ему такія свойства и признаки, которые принадлежатъ только человѣку.

Мы окончили изслѣдованіе о данномъ предметѣ по избранному нами новому пути, представлявшемуся для насъ наиболѣе правильнымъ, и узнали тѣ результаты, къ которымъ должно было привести это изслѣдованіе. Но теперь остается еще посмотрѣть, дѣйствительно-ли эти результаты правильны и не нужно ли, напротивъ, признать достигнутое этимъ объясненіе Моисеева шестоднева столь же ложнымъ и несоответствующимъ дѣйствительности, какъ и то, которое предлагаютъ разсмотрѣнныя въ предыдущихъ главахъ гипотезы? Пробнымъ камнемъ для опредѣленія достоинства этого объясненія должны служить факты природы, пріобрѣтенные путемъ научнаго изслѣдованія. Библия и природа, какъ двѣ книги одного и того же Божественнаго откровенія, не могутъ взаимно противорѣчить другъ другу, но должны быть совершенно согласны между собою.

Поэтому, еслибы оказалось, что представленное нами объясненіе Моисеева шестоднева находится въ противорѣчій съ несомнѣнными выводами естествознанія, то мы должны были бы признать его совершенно неправильнымъ и потому отказаться отъ него совершенно, напротивъ согласіе его съ этими выводами должно служить достовѣрнымъ признакомъ его объективной истинности. Но сопоставляя такимъ образомъ Моисеево повѣствованіе о твореніи, понимаемое въ указанномъ нами смыслѣ, съ фактами естественно-научнаго изслѣдованія, мы находимъ ихъ совершенно согласными между собою. По нашему изслѣдованію библейской исторіи творенія оказалось, что творческіе акты Бога необходимо признать параллельными другъ другу и совершавшимися одновременно въ теченіе всей исторіи міротворенія (почему именно мы и не могли разумѣть подъ творческими днями какіе-либо моменты времени); но о томъ же самомъ свидѣтельствуетъ и научное изслѣдованіе земной коры. Мы не будемъ здѣсь распространяться подробно объ этомъ предметѣ, такъ какъ въ предыдущихъ главахъ намъ приходилось не разъ касаться его, но скажемъ только вообще, что геологическіе и палеонтологическіе факты весьма ясно показываютъ, что процессъ развитія или образованія каждой изъ всѣхъ формъ міровой жизни, о сотвореніи которыхъ говоритъ Моисей въ своемъ шестодневѣ, продолжался въ теченіе всей геологической исторіи землеобразованія. Атмосфера, суша, растенія и животныя, разъ появившись въ самыя древнѣйшія эпохи этой исторіи, продолжали затѣмъ постепенно развиваться, преобразовываться и совершенствоваться въ продолженіе всѣхъ геологическихъ періодовъ до времени, непосредственно предшествовавшаго появленію на землѣ человѣка. А это самое, какъ мы видѣли, должно признать и въ Моисеевой исторіи міротворенія.

Итакъ мы видимъ, что болѣе или менѣе удовлетворительные результаты при изслѣдованіи библейскаго шестидневнаго творенія могутъ быть достигнуты только въ томъ случаѣ, когда мы будемъ изъяснять его не на основаніи фактовъ природы, а на основаніи данныхъ, заимствованныхъ изъ родственной ему области. Не Библию нужно объяснять посредствомъ природы, а напротивъ, природу нужно понимать при свѣтѣ Библии. Наше сла-

бое и ограниченное опытное познаніе не можетъ служить мѣрою абсолютнаго Божественнаго вѣдѣнія, сообщаемаго намъ въ книгѣ Божественнаго Откровенія; между тѣмъ какъ, напротивъ, при свѣтѣ этого вѣдѣнія мы безъ труда можемъ проникнуть въ глубокія тайны природы, которыя для ограниченнаго человѣческаго разумѣнія могли бы остаться совершенно непонятными и необъяснимыми.

А. Новорусскій.

ПАМЯТИ

МИХАИЛА НИКИФОРОВИЧА КАТКОВА.

РЪЧЬ

высокопреосвященнѣйшаго Іоанникія, митрополита московскаго, при отпѣваніи М. Н. Каткова 25 іюля.

„Прійдите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему, благодаряще Бога.

„Если и при гробѣ каждаго, скончавшагося въ вѣрѣ и упованіи жизни вѣчныя, нѣтъ мѣста безутѣшной скорби и воплямъ отчаянія, то при гробѣ почившаго о Господѣ собрата, новопреставленнаго раба Божія Михаила, почти полстолѣтія трудившагося съ честію и славою ко благу своего отечества, отдавая ему послѣднее цѣлованіе, остается только благодарить Господа Бога, воздвигающаго и въ наше скудное духомъ время такихъ самоотверженныхъ дѣятелей, какимъ былъ почившій.

„Возблагодаримъ Бога прежде всего за тѣ таланты, которые дарованы были почившему Господомъ; возблагодаримъ Его за то, что споспѣшествовалъ развитію и умноженію данныхъ ему отъ природы талантовъ непрерывною, напряженною собственною дѣятельностію; возблагодаримъ Господа за то, что даровалъ почившему на первыхъ же порахъ общественной его дѣя-

тѣльности стать твердо на стражѣ истинныхъ интересовъ своего отечества и помочь ему, несмотря ни на какія препятствія, отторченія и неспрїятности, держаться неуклонно разѣ принятаго направленія; возблагодаримъ, наконецъ, Бога, что при своихъ глубокомысленныхъ занятіяхъ истинами научными, почившій сохранилъ въ сердцѣ своемъ чистыми и неповрежденными истины св. Христовой вѣры и оставался во всю жизнь свою преданнѣйшимъ сыномъ св. православной церкви.

Не безъ труда пройдено почившимъ полувѣковое поприще общественной дѣятельности, не безъ воздыханій сердечныхъ ратоваль онъ за интересы горячо любимаго имъ отечества. Кому неизвѣстно, что бывали времена, когда онъ почти одинъ— истинный патріотъ, горячо любившій свое отечество и глубже всѣхъ понимавшій и умомъ, и сердцемъ истинныя его нужды и потребности, ратоборствовалъ противъ цѣлаго сонмища мнимыхъ ревнителей чести и славы своего отечества, и мало понимавшихъ его нужды, и мало или совсѣмъ не любившихъ его? Событія нерѣдко скоро оправдывали его прозорливыя вѣщанія; но сколько тревоженій испытывала любящая душа его, пока ясно для всѣхъ раскрывалось то, что видѣлъ онъ прежде всѣхъ. Сколько огорченій, клеветъ, злорѣчій приходилось испытывать ему за свое самоотверженное служеніе ясно и живо сознаваемой имъ истинѣ, пока мощное только внутреннею силой слово его проникало въ сознаніе и убѣжденіе милліоновъ, читавшихъ свое.

Дивное поистинѣ зрѣлище! Человѣкъ, не занимающій никакаго виднаго высокаго поста, не имѣвшій никакой правительственной власти, дѣлается руководителемъ общественнаго мнѣнія многомилліоннаго народа; къ голосу его прислушиваются и иностранные народы и принимаютъ его въ соображеніе при своихъ мѣропріятіяхъ. Рѣдко кому выпадала на долю такая завидная участь. Да послужить многоплодная дѣятельность почившаго утѣшеніемъ для осиротѣвшаго его семейства въ постигшей его великой скорби. Онъ исполнилъ возложенную на него миссію, и яко пшеница, вполне созрѣвшая и во время пожатая, переносится въ житницу Господню.

Одно смущаетъ насъ при гробѣ почившаго. Вотъ истинно-русскіе общественные дѣятели, одинъ за другимъ, сходятъ въ

могилу. Найдутся ли достойные имъ преемники, сильные словомъ и дѣломъ? Будемъ молить Верховнаго Правителя царствъ и народовъ, да не престанетъ Онъ изводить самоотверженныхъ, сильныхъ словомъ и дѣломъ дѣателей на ниву земли Русской. Тогда, проводя въ могилу подобныхъ дѣателей, мы съ утѣшеніемъ можемъ говорить: *умре. и яко не умре: подобна бо себѣ остази по себѣ.*

Но какъ *нѣсть челоувѣкъ. иже живъ будетъ и не согрѣшитъ*, то паче всего будемъ молить Бога духовъ и всякія плоти, да проститъ Онъ, Всеблагій, всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія раба Своего Михаила и учинитъ его въ сонмъ праведныхъ⁴.

С Л О В О

надъ гробомъ М. Н. Каткова. сказанное во
время литургіи.

*Подвизомъ добрымъ подвизахся,
теченіе скончахъ, атру соблюдохъ,
прочее убо соблюдаемъ
иже вѣнецъ правды, ето же воздастъ ми
Господь въ день оукъ*
(2 Цѣл. IV, 7, 8).

Такъ предъ временемъ своего отшествія изъ этой жизни свидѣльствовалъ о себѣ предъ ученикомъ своимъ св. ап. Павелъ, конечно не въ похвалу себѣ, а въ утѣшеніе ученика въ его разлукѣ съ учителемъ. въ назиданіе его, а чрезъ него и другихъ, своимъ примѣромъ.

Такъ не въ похвалу себя, а въ наше утѣшеніе. въ наше назиданіе и возбужденіе къ подражанію могъ бы, нѣтъ, долженъ былъ бы засвидѣтельствовать о себѣ здѣ предъ нами предлежащій отецъ и учитель, и другъ и братъ нашъ.

Но, увы, у нашего художника слова, слово замерло навсегда и гробовая крышка скоро закроетъ его отъ насъ до великаго дня Господня. Увы, наше солнце закатилось, наша слава померкла; нѣтъ болѣе мужа, бывшаго стражемъ Россіи; скончался—отнять отъ насъ мудрецъ, самимъ Богомъ посланный быть нашею путеводною звѣздою.

Господи, что же это? Ужь не судъ ли Твой, судъ праведный, но грозный, страшный судъ совершаешь Ты надъ нами грѣшными? Ужь не кара ли это на насъ за наши увлеченія и шата-

нія. Не пусть отвѣтить на это совѣсть каждаго изъ насъ. У этого гроба должно умолкнуть слово обличенія.

Мы ищемъ утѣшенія и назиданія себѣ. А это утѣшеніе и назиданіе видится намъ въ приведенномъ апостольскомъ словѣ, которое поэтому мы и дерзаемъ приложить къ почившему, говоря, что онъ великое теченіе своей жизни, скончалъ добрымъ подвигомъ соблюдши вѣру, за что ожидаетъ его вѣнецъ правды отъ Господа.

Да, великое теченіе жизни совершилъ почившій. Не о томъ рѣчь наша, что онъ достигъ того предѣла земной жизни, который указывается Св. Писаніемъ въ словахъ: *дніе мѣтъ нашихъ... семьдесятъ мѣтъ: аще же въ силахъ осьмьдесятъ мѣтъ и множае мѣтъ трудъ и болѣзнь.* (Пс. LXXXIX, 10). У него, ни днемъ, ни ночью не дававшего дреманія вѣждамъ своимъ, вся жизнь была жизнію въ собственномъ смыслѣ, вся была непрерывнымъ и неустаннымъ движеніемъ впередъ,—она была подвигомъ. У него, нѣрѣдко забывавшаго за дѣломъ о пищѣ и снѣ, вся жизнь была не жизнію плоти, хотя и оживленной, а вполне и всецѣло жизнію духа, лишь какъ бы по нуждѣ облеченнаго въ плоть,—того духа, который какъ искра Божія, вложенъ въ каждаго изъ насъ, и который ярко горѣлъ въ почившемъ, съ каждымъ днемъ разгораясь все шире и выше, все свѣтлѣе и чище до послѣднихъ дней его маститой старости. Какимъ огнемъ правды и любви горѣло его слово, какимъ свѣтомъ истины свѣтили его рѣчи,—то слово и тѣ рѣчи, которыя и служили главнымъ выраженіемъ жизни его духа. Какимъ огнемъ истины, правды и любви горѣли и святили его ясныя очи—зеркало души!

И этимъ огнемъ онъ насъ согрѣвалъ болѣе полвѣка. Этимъ свѣтомъ намъ свѣтилъ онъ цѣлую эпоху. И куда, куда не проникалъ у насъ этотъ свѣтъ истины и любви его духа? Кого не обнималъ почившій огнемъ любовнаго служенія своего нашему счастью, нашей славы? Отъ престола царскаго до ветхой хижины послѣдняго поселянина все было предметомъ его заботливой думы, его горячаго слова о насъ. Церковь и общество, государство и семья, наука и искусство, промышленность и торговля—все, всѣ стороны человѣческой жизни и дѣятельности охватывалъ онъ своимъ орлинымъ зоркимъ взглядомъ, оцѣнивалъ, опредѣлялъ и устроилъ своимъ гениальнымъ умомъ, обо

всемъ болѣлъ своею великою душой. Его взглядомъ дорожили сильные міра сего; къ его слову прислушивались правители народныя; его душа обаяла всѣхъ истинно-русскихъ людей. Это былъ архистратигъ Руси православной; это былъ оплотъ, охрана нашего царскаго престола; это былъ истинный сынъ и ревностный защитникъ матери нашей — св. православной церкви. На хоругви его гигантской жизнедѣятельности на славу и счастье Россіи, не только для насъ, но и тамъ, далеко за моремъ, отчетливо ярко свѣтилось три великія слова: *православіе, самодержавіе и народность*, тѣ три великія слова, которыми отъ дѣтъ древнихъ, служили устоями русской народной жизни и не напрасно. Ими — этими устоями, она — Русь матушка усилилась, окрѣпла и стала могучею на страхъ врагамъ. Слово царское еловъ почившаго — порука намъ въ томъ.

Невольно припоминаются при мысли объ этихъ устояхъ, которые такъ ревниво и неуклонно оберегаль, такъ громко и крѣпко защищаль своимъ вѣщимъ словомъ почившій, устой древле еврейской жизни, возвѣщавшіеся когда-то народу Божию пророками его. И эти вѣщія рѣчи нашего мудраго старца отчасти напоминаютъ даже собою боговдохновенныя вѣщанія ветхозавѣтныхъ пророковъ, въ той части ихъ, гдѣ они призывали избранный народъ къ твердому стоянію въ истинной вѣрѣ, къ храненію завѣтовъ отцовскихъ, къ уклоненію въ заманчивые союзы съ языческими сосѣдями? Не ими ли, не этими ли божественными вѣщаніями вдохновлялся почившій въ рѣчахъ своихъ? Въ самомъ дѣлѣ, припомните его горячія рѣчи за братское единеніе Славянства во главѣ съ Россіей, великія судьбы которой онъ предрекалъ. Припомните его крѣпкія и сильныя предостереженія отъ увлеченія ложнаго либерализма, проповѣдующаго новое изычество въ видѣ матеріализма и социализма съ его животными инстинктами, и т. п. Припомните его неустанныя заботы о русской наукѣ, о русскомъ народномъ образованіи, которое должно вырабатывать не верхоглядовъ, говорящихъ съ чужаго голоса, а людей здравой и крѣпкой самостоятельной мысли, и во главѣ котораго должна стоять вѣра православная. Этотъ самый св. храмъ, созданный по мысли его въ самой срединѣ нашего дома ученія и открывающій взору молящихся все священнодѣйствіе великаго таинства въ немъ совершаемаго, развѣ не наглядный свидѣтель его заботъ о томъ, чтобы вѣра правосла-

ная была такъ-сказать душой школы и науки русской?... Припоминается мнѣ при этомъ, какъ нѣжно и горячо заботился онъ и радовался онъ о томъ, что дѣти нашей школы всѣ вмѣстѣ молятся, сами поютъ и читаютъ, всѣ вмѣстѣ выслушиваютъ покаянный канонъ, всѣ вмѣстѣ приступаютъ къ великому таинству Св. Причастія.

Если теперь все это широкое и великое теченіе жизнедѣятельнаго подвига почившаго на благо Россіи, теченіе пресѣкшееся, но оставившее и непремѣнно долженствующее оставить надолго, навсегда глубокой слѣдъ въ нашей жизни, мы подведемъ подъ мѣрку апостольскаго сужденія о собственной, своей жизни, то не обинуясь здѣсь, предъ лицомъ всей церкви, дерзаемъ сказать за почившаго, что онъ въ своемъ жизненномъ подвигѣ дѣйствительно *въру соблюлъ*, по истинѣ былъ проповѣдникомъ и исповѣдникомъ Св. Православной Вѣры, любовію споспѣшествуемой. Въдъ и основныя заповѣди вѣры Христовой, на которыхъ весь законъ и пророцы висятъ, тому и учатъ насъ, чтобы мы любили Бога, а въ Богѣ ближняго своего (Мф. ХХІІ, 40). И Самъ Господь нашъ не задолго до своего часа смертнаго, давая ученикамъ своимъ послѣднюю завѣтную заповѣдь, говорилъ также, что *больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV, 13). И почившій, какъ ревновавшій о славѣ Божіей, жизнь свою положившій на служеніе благу близкихъ ему по вѣрѣ и крови, не иначе смотрѣлъ на это служеніе свое родной землѣ, какъ на святой долгъ, котораго не всегда даже можно касаться надменнымъ разумомъ и который нужно исполнить именно потому, что это—долгъ, это—воля Божія, это—непреложный законъ Божій.

Неустанный провозвѣстникъ этой Божественной мудрости въ русской народной жизни, почившій самъ первый проявлялъ ее на себѣ. Мало была извѣстна міру личная жизнь его, но тѣ, которые были близкими свидѣтелями этой тихой замкнутой жизни, конечно, всѣ единогласно подтверждаютъ справедливость ихъ словъ. Ибо они знаютъ, съ какою, на примѣръ, любовію онъ спѣшилъ бывало въ этотъ святой храмъ къ службѣ церковной; они знаютъ, съ какимъ умиленнымъ смиреніемъ преклонялъ онъ здѣсь свои старческія колѣна для молитвы, съ какимъ благоговѣйнымъ трепетомъ подходилъ онъ къ принатію Св. Таинъ. А о любви его къ ближнимъ, объ его готовности помочь

нуждающемуся, объ его довѣрчивости, вытекавшей изъ его глубокаго уваженія къ личности человѣческой, расскажем вамъ и дѣти нашей школы, изъ которыхъ, къ несчастію, далеко не всѣмъ судилъ Богъ проститься со своимъ дорогимъ отцомъ. Неумолимо грозный обличитель жи людской въ мірѣ семъ прелюбодѣйномъ, онъ былъ ангеломъ мира въ дѣтскомъ невинномъ мірѣ. Мудрый, какъ змій въ охраненіи народной жизни отъ враговъ и недруговъ нашихъ, онъ въ кругу дѣтей и друзей былъ цѣль, какъ голубь, какъ евойственно то посланникамъ неба (ср. Мѡ. X, 16). Умилительно, бывало, смотрѣть, какъ ласкаеть онъ малыхъ—и чужихъ и своихъ; вѣдь его, какъ древняго патріарха, Богъ благословилъ большою семьей; онъ видѣлъ чады своихъ и чада чадъ.

Но довольно... Не мнѣ моимъ слабымъ словомъ начертать нравственный образъ почившаго во всей его дивно величавой полнотѣ и красотѣ. Пусть витіи народные сдѣлаютъ это, а исторія на вѣчные вѣки запечатлѣетъ этотъ образъ на своихъ страницахъ; ибо Россія, говоря словами Вѣнченоснаго Монарха нашего, не забудетъ заслугъ его—этого, самимъ Богомъ посланнаго намъ неустаннаго, мудраго и крѣпкаго стража вѣковѣчныхъ устоевъ нашей православной русской жизни.

Я же, свершая свое слово, въ утѣшеніе и назиданіе себѣ и другимъ, смѣю думать сказать теперь о почившемъ, соблюдаемъ вѣру въ своей подвижнической жизни на славу Россіи, что прочее соблюдаетъ ему вѣнецъ правды отъ Господа, смѣю сказать, что онъ—духъ его, оставившій эти бранные останки, возлетаетъ теперь въ обитель Отца небеснаго—въ соборъ свѣтлыхъ духовъ, созерцающихъ Бога, а въ Немъ истину, добро и красоту, которыя почившій такъ страстно любилъ здѣсь при жизни своей.

Быть можетъ непрощенные судьи скажутъ намъ, что почившій былъ чловѣкъ и какъ чловѣкъ не безъ грѣха и станутъ указывать эти грѣхи. Пусть ихъ. И мы знаемъ это прежде нихъ еще; изъ слова Божія, знаемъ мы, что безъ грѣха ни одинъ день житія чловѣка на землѣ. (Іов. 14, 5). Но мы знаемъ и то, что на основаніи этого же слова Божія заповѣдуетъ намъ св. перковь. Она заповѣдуетъ намъ о почившихъ братьяхъ нашихъ прежде всего и больше всего молиться Богу, прося у Него пре-

щенія согрѣшеній ихъ. И по этой-то заповѣди всѣ истинно русскіе люди съ Благочестивѣйшемъ Государемъ во главѣ молятся нынѣ о почившемъ. И мы вѣруемъ, что Богъ внемлетъ этой молитвѣ и на ней, какъ на крыльяхъ серафимскихъ, почившій тѣмъ легче и скорѣе будетъ возноситься къ престолу Господа славы.

Послѣвшимъ же, и мы братіе, присоединиться къ этой многомилліонной молитвѣ, вознесемъ сердца наши горѣ и въ этой молитвѣ найдемъ высшее утѣшеніе въ постигшей насъ незамѣнимой утратѣ. Аминь.

Свящ. И. Соловьевъ.

Р ъ ч ь

н а м о г и л ь М. Н. К а т к о в а.

Отходя на судъ исторіи и на самый судъ Божій, великій чело-вѣкъ земли Русской, ты не нуждаешься ни въ лаврахъ славы, которыми со всѣхъ сторонъ, даже изъ-за рубежей нашего отечества, вѣнчаютъ могилу твою, ни въ нашей слабой оцѣнкѣ. Но исполненный любви, ты не отторгнешь дани сердца: глубокой скорби о переживаемой утратѣ. Она волнуетъ всѣхъ отъ Царственнаго Вождя нашего до простыхъ, но сознательныхъ людей Россіи. Въ плодахъ неисчислимыхъ и неизмѣримыхъ трудовъ твоихъ мы находимъ утѣшеніе и ободреніе.

Ты не призванъ былъ къ практической дѣятельности. Но сколько великихъ дѣлъ совершилъ ты. И чѣмъ-же? Однимъ могучимъ словомъ своимъ. Оно раскрывало предъ нами глубину твоего ума и обиліе и разнообразіе познаній. Но мы чтимъ въ тебѣ не мыслителя и ученаго только. Произведенія твоего слова запечатлѣны художественнымъ совершенствомъ. Но не гениальнаго оратора и писателя, какимъ ты былъ, мы чтимъ въ тебѣ, а великаго историческаго дѣятеля нашей эпохи; хотя орудіемъ твоей дѣятельности было только слово, но оно двигало событіями, стоило выигранныхъ битвъ.

Въ чемъ тайна твоего могущества? Въ умѣ и патриотизмѣ говорятъ. Но первымъ обладаютъ многіе, а второй одушевляетъ милліоны... Нѣчто большее подняло тебя на высоту твою. Не обвинуясь, скажемъ: не умъ, а геній твой, не патриотизмъ, а ге-

русская любовь къ твоему отечеству, къ твоему Государю, къ твоему народу. Особенности твоего разумнаго государственнаго интереса во всѣхъ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ заключались, кромѣ здраваго смысла, въ удивительной чуткости, прозорливости, практической мудрости. Отъ этого-то слово твое, совѣтъ твой были ключемъ къ рѣшенію государственныхъ вопросовъ и имѣли такое рѣшающее вліяніе на дѣла и даже самую жизнь; слово твое становилось властью.

Героизмъ твоей любви изъ тебя, всегда добраго и вѣрнаго подданнаго, сдѣлалъ стража земли Русской, который честно и грозно оберегалъ и охранялъ ея интересы и силы, а въ години испытаній, когда поднимались на нее враги внутренніе и внѣшніе, страшнаго борца, котораго могла побѣдить одна только смерть.

Съ глубокимъ утѣшеніемъ мы слышали съ высоты престола признаніе силы твоего слова, особенно въ смутныя времена нашего отечества. Мы помнимъ ихъ. Не разъ нависали надъ нашей землей темныя тучи; отъ смуты въ умахъ, отъ мглы въ сердцахъ не видно было, куда идти, на что опереться; блуждающіе огни манили насъ въ пропасть... Но ты Божій воинъ, архистратигъ нашей мысли, нашего слова, поднимался первый, а порою одинъ, безъ оружія, лишь съ вѣрою въ силы своего отечества и своимъ разумомъ, шелъ противъ обмана, коварства, заклатай вражды. И что же? Предъ тобою расточались враги, говорить ли, враги государственнаго единства нашего, а затѣмъ цѣлости и нераздробленности нашей верховной власти, составляющихъ глубочайшую основу нашего могущества и величія въ міръ. Въ эти години устами твоими вѣщалъ духъ нашего народа, говорилъ ангель-хранитель русскаго царства.

Со временемъ философы, филологи, юристы, экономисты, педагоги и другіе спокойно оцѣняютъ, что и какъ ты дѣлалъ. Мы же, взволнованные твоимъ отшествіемъ изъ среды нашей и этой еще незакрытой могилы, будемъ утѣшать себя, что духъ твой будетъ жить въ насъ, какъ великая государственная и народная сила, и твой великая личность будетъ путеводною звѣздой нашей. Прости.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ

по поводу смерти Михаила Никифоровича Каткова.

Изъ отзывовъ появившихся въ русской печати приведемъ слѣдующіе:

Моск. Церк. Вѣд. № 30.

Велика эта потеря и едва ли достойно будетъ оцѣнена всѣми въ настоящее время. Не знаешь, чему болѣе удивляться въ этомъ человѣкѣ, одиноко стоящемъ пока въ нашей исторіи. Этой ли необычной глубинѣ ума и силѣ слова, которая ставитъ его въ ряду знаменитѣйшихъ дѣятелей слова всѣхъ временъ—ораторовъ и писателей, той ли неутомимой самоотверженной изо дня въ день въ теченіе 25 лѣтъ работѣ и несокрушимой никакими препятствіями твердости духа, тому ли не вліянію, а могуществу, которое онъ сосредоточилъ въ своемъ лицѣ этими качествами своими, и которое простиралось такъ далеко, что ему съ болѣшимъ правомъ, чѣмъ газетѣ *Times*, можно бы приписать названіе „шестой“ державы, или наконецъ тому положенію, которое онъ, благодаря совпаденію этихъ условій, впервые занялъ въ Русскомъ государствѣ и своимъ блестящимъ примѣромъ явилъ какъ бы цѣлое откровеніе того, чѣмъ можетъ и долженъ быть, если чувствуетъ въ себѣ силы, православный русскій человѣкъ и вѣрный слуга Царя и отечества.

„Возвышенный умъ, пронизательный, быстрый, обширный. умѣвшій судить не по внѣшности явленій, но доходившій до самаго корня, обнимавшій ихъ со всѣхъ сторонъ въ причинахъ и послѣдствіяхъ, чуждый всякаго застоя и подражательности. вездѣ собственнымъ мышленіемъ доходившій до истины, закрытой отъ большинства массой ходячихъ теорій и предразсудковъ—этотъ великій даръ Божій, которыми владѣлъ почившій, былъ красугольнымъ камнемъ его слова. Къ этому присоединилась и соответствующая сила рѣчи, которая кромѣ красоты и благородства отличалась еще и рѣдкимъ качествомъ, столь полезнымъ въ борьбѣ съ темными сторонами жизни—тонкимъ сатирическимъ отбѣнкомъ и оригинальнымъ остроуміемъ. Его иронія, его мѣткая насмѣшка, служила ему едва ли не чаще и не вѣрнее, чѣмъ серіозные доводы и громовыя филиппики. Не рѣдко достаточно было ему одного слова, одного прозвища, чтобы отмѣченное ими темное дѣло или глупое, но принарядившееся какъ слѣдуетъ, мнѣніе были потеряны. Эти природныя свойства генія Михаила Никифоровича не могли бы однако сдѣлать его тѣмъ чѣмъ онъ былъ самъ по себѣ, еслибы онъ не поддержалъ и не развилъ ихъ неустаннымъ трудомъ. Онъ поступилъ по еван-

гельской притчѣ, какъ рабъ получившій 5 талантовъ, и въ этомъ отношеніи можетъ быть названъ образцомъ христіанина и гражданина. Выступивъ на поприще публициста, онъ долженъ былъ видѣть, какое поле обширное, невоздѣланное или обрабатываемое неправильно и хищнически, предстояло ему, и онъ не устранился будущаго труда и взялъ его на себя полностью. Съ того времени до кончины онъ не зналъ отдыха. Изданіе ежедневной газеты требовало отъ него кромѣ постановки ея на первыхъ порахъ во всѣхъ отношеніяхъ шести передовыхъ статей въ недѣлю отъ начала и до конца веденія имъ дѣла. Большинство ихъ писалось имъ самимъ или же, какъ онъ самъ заявлялъ, по его инициативѣ, съ его поправками и передѣлками. Рѣже очевидно онъ и не могъ писать при взятомъ на себя дѣлѣ слѣдить за положеніемъ Россіи во всѣхъ направленіяхъ, и на каждый вопросъ сказать сильное слово. Нетрудно представить себѣ, сколько подготовки требовалось, чтобы становиться каждый разъ, такъ какъ онъ, на высотѣ всякаго изъ вопросовъ, возникавшихъ быстро одинъ за другимъ и часто въ одно и то же время, при томъ сколько энергіи, но и торопливости и тревоги въ то время, когда жгучій вопросъ долженъ былъ рѣшиться скоро и надо было успѣть разъяснить его, успѣть высказаться достаточно сильно и общепонятно, чтобы отвратить гибельный исходъ его. Такія дѣла, когда каждый день былъ дорогъ, не переводились, особенно для человѣка столь близко принимавшаго къ сердцу достояніе и честь родины — и вотъ его лихорадочная дѣятельность: получены вечернія извѣстія — вечеръ и ночь посвящаются тому, чтобы ихъ осмыслить и приготовить къ слѣдующему дню руководящую статью. Онъ зналъ, что отъ его слова много зависитъ и потому былъ строгъ въ себѣ и не позволялъ себѣ утомленія. 25 лѣтъ онъ несъ эту службу отечеству, и силы его истощились: надо теперь удивляться только, что они горѣли въ немъ такъ долго, удивляться этой бодрости и энергіи духа, несмотря на некрѣпкое физическое здоровье, не ослабѣвшей и при упадкѣ силъ въ послѣдніе годы. Онъ съ полнымъ правомъ могъ бы сказать о себѣ словами поэта.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
 Съ утра до истощенья силъ,
 Довольно пахарь терпѣливый
 И плугъ тяжелый свой водилъ.

*

*

Стереть бы потъ дневнаго зноя,
 Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ.
 Безумецъ! нѣтъ тебѣ покоя,
 Нѣтъ отдыха, впередъ, впередъ!

* *

*

Взгляни на нивы—пашни много
 А дня вемного впереди,
 Вставай же рабъ лѣвннй Бога,
 Господь велитъ: иди, иди.

Не брошу плуга рабъ лѣвннй,
 Не отойду я отъ него,
 Покуда не прорѣжу нивы
 Господь для сѣва своего *.

Только почившій дѣятель былъ идеальнѣе представленнаго поэтомъ пахаря. Лѣвность не была знакома этому гиганту труда и таланта. Всѣ слова слабы для оплаканія невозградимой утраты. Не стало перваго гражданина земли Русской, мощнаго голоса, великой совѣсти, непреклоннаго характера. Миръ праху его⁴.

Возвращаясь къ оплакиваемому Россіей усопшему дѣятелю, Вѣдомости останавливаются на его непримѣрной въ теченіе долгихъ лѣтъ неутомимости и стойкости до послѣдней капли крови.

Описаніе этой долготѣней его страды было бы изображеніемъ исторіи истекшаго двадцатипятилѣтія политической и внутренней жизни Россіи; но и бѣглаго обзора наиболѣе памятныхъ ея моментовъ довольно, чтобы обозначить всю широту ея. Съ перваго же выхода на поприще публициста ему пришлось вступить въ жаркое дѣло. Разгорѣлся польскій вопросъ. Противники національнаго его рѣшенія были едва-ли не сильнѣе въ самой Россіи, чѣмъ за границей. М. Н. способствовалъ всѣми своими силами и энергіей патріотическому обороту дѣла и сразу своими незамѣнимыми услугами выдвинулся на удивительную высоту, возбудивъ интересъ и вниманіе къ своему слову за границей и вызвавъ въ Россіи многочисленныя и живѣйшія знаки сочувствія. Но этой же дѣятельностью онъ нажилъ себѣ непримиримыхъ враговъ въ тѣхъ, кому не по душѣ былъ русскій исходъ вопроса, всего болѣе разумѣется, въ польскихъ слояхъ, умѣвшихъ затѣмъ пріобрѣсти обширное вліяніе на ходъ русской жизни, и вообще въ недругахъ русской вѣры и народности. Съ неутомимомъ зоркостью слѣдилъ затѣмъ его ординой взоръ за всякимъ русскимъ интересомъ. Горячо отзывался онъ на доброе и съ беспощадною логикой, какъ требовала этого важность дѣла, раскрывалъ и казнилъ то, что таило въ себѣ вредъ. Непроницаемымъ туманомъ легло въ то время на русскіе умы, опьяненные словомъ „свобода“, множество разныхъ теорій, желавшихъ „освободить“ отдѣльное лицо отъ всякихъ законовъ и границъ. Смущеніе и развратъ, овладѣвшіе не только молододою, но и зрѣ-

* Хомяковъ.

люю часть общества несомнѣнно раздувались злонамѣренными людьми, имѣвшими въ томъ выгоду. Борьба съ этой заразой, искавшей привести Россію къ гибели, составляла одну изъ главныхъ заботъ М. Н. до послѣднихъ дѣтъ и влила не мало терпѣній въ его нелегкій путь. Сворачиванію общества не мало содѣйствовали заграничныя подпольныя листки, издаваемые русскими перебѣжчиками, особенно „Колоколь“ Герцена, привлекательный въ качествѣ вещи запрещенной. Кто не помнитъ или не слышалъ о блистательныхъ разоблаченіяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“, которыя совершенно уничтожили въ обществѣ обаяніе этого листка. Начиная 60-хъ годовъ, когда стали выходить „Моск. Вѣд.“ подъ редакціей Каткова, первые годы послѣ великой реформы освобожденія—быдо временемъ надеждъ и оживленныхъ работъ по преобразованіямъ въ различныхъ отрасляхъ управленія. М. Н. пришелъ на помощь этому живому дѣлу горячее убѣжденное слово, стараясь способствовать его успѣху. Такъ съ энтузіазмомъ пріѣтствовалъ и защищалъ онъ новый судъ. Когда въ послѣдствіи недостатки этого новаго суда, его развращающее вліяніе заставили М. Н. столь же энергически требовать его измѣненія, онъ сдѣлался цѣлью близорукихъ упрековъ въ отступничествѣ со стороны лицъ, которыя не хотѣли видѣть недостатковъ въ томъ, что устроено по принципамъ милой имъ доктрины. Но онъ не подчинился слѣпо ходячимъ ученіямъ; учился изъ жизни и мыслить самостоятельно, и видя съ теченіемъ времени яснѣе, въ чемъ правда и истинная польза, считалъ долгомъ говорить по своему убѣжденію: таково свойство умовъ независимыхъ. Главнымъ средствомъ подкопать въ самомъ корнѣ, обуявшую образованное общество путаницу понятій и ложныя наносныя извнѣ увлеченія, должна была сдѣлаться твердая и серьезная постановка образованія отъ среднихъ до высшихъ ступеней и М. Н., въ борьбѣ со смутой, особенное вниманіе обратилъ на организацію этого дѣла. Школа была также расшатана и отравлена разлитымъ повсюду дурманомъ. Утвердить школьное дѣло въ Россіи, по образцу лучшей европейской школы—нѣмецкой, на основѣ классическаго образованія—вотъ чего желалъ М. Н. и послѣ многихъ препятствій ему удалось содѣйствовать этому. Въ 70-хъ годахъ проведенное классическое образованіе въ гимназіяхъ, а въ началѣ 80-хъ—преобразование и уставъ университетовъ. Завершаясь разъ на Руси смута и измѣна развивалась вездѣ и во всѣхъ видахъ: завелось, какъ выражались „М. В.“, „множество государствъ въ государствѣ“. М. Н. Катковъ неуклонно изъ года въ годъ раскрывалъ ее и преслѣдовалъ во всѣхъ ея личинахъ, но несмотря на всю мощь этого борца, обстоятельства были сильнѣе, зло росло и лишь ужасное преступленіе 1 марта, слишкомъ ярко, увѣ, под-

твердивши истину его громовыхъ обличеній, заставило всѣхъ опомниться и отшатнуться отъ пропасти. Его убѣжденная рѣчь, призывавшая власть выступить во всеоружіи, сознать свою историческую необходимость и полномочность сослужила свою службу. Власть вернулась. Трудно вспомнить безъ умилена знаменитую статью, въ которой онъ привѣтствовалъ новую эру и приглашалъ всѣхъ встать передъ возвращающимся правительствомъ. Съ тѣмъ же безпримѣрнымъ жаромъ, съ каковымъ охранялъ онъ духовную историческую личность русскаго народа, пекся М. Н. и о его матеріальномъ благосостояніи. Сколько русскихъ интересовъ въ этой области и мелкихъ, и крупныхъ было имъ принято подъ свою защиту, сколько изъ нихъ онъ съумѣлъ отстоять и защитить своимъ словомъ, своимъ кровнымъ трудомъ. Разстройство русскихъ финансовъ и обдѣивіе народа постоянно заботили его. Онъ долго и безъ устали боролся противъ ненациональной экономической политики, разорившей и финансы и промышленность и съ Божьею помощію достигъ и въ этомъ благопріятнаго результата. Политика эта вступила на новый путь, обещающій быть плодотворнымъ. Мнѣнія, которыя въ этой области высказывались М. Н., будучи вполне одинокими въ началѣ, теперь дѣлаются общимъ достояніемъ. Сколько пришлось ему ратовать противъ бесполезнаго сжиганія на милліоны кредитныхъ рублей, которые могли годиться на полезное дѣло внутри Россіи, противъ разорительнаго для русской промышленности таможеннаго тарифа, подрывавшаго ея производительность, злоупотребленій желѣзныхъ дорогъ, поощрявшихъ иноземныхъ промышленниковъ въ ущербъ отечественнымъ и другихъ многообразныхъ злоупотребленій. Многие изъ его желаній теперь, слава Богу, становятся фактомъ, но долго, долго голось его былъ вопіющимъ въ пустынь. — Вездѣ, гдѣ видѣлъ посягательство на достояніе роднаго народа, онъ былъ неутомимъ въ своихъ разоблаченіяхъ. Для улучшенія нашей хлѣбной торговли онъ находилъ полезнымъ устройство подъемныхъ машинъ (элеваторовъ), принятыхъ за границей. Но когда образовалась иностранная компанія съ цѣлю взять монополію на устройство ихъ въ Россіи, М. Н. сразу усмотрѣлъ хищническую цѣль и въ длинномъ рядѣ статей показалъ весь вредъ ихъ устройства при данныхъ условіяхъ: дѣло компаніи не выгорѣло. Это эпизодъ изъ недавняго времени. У всѣхъ на памяти еще и походъ его противъ питейныхъ порядковъ. Съ необыкновенною ясностью показалъ онъ, въ какой громадной степени бѣдность народа зависитъ отъ пьянства и въ многочисленныхъ статьяхъ указалъ и способы къ поправленію дѣла. Новыя питейныя правила не выдержали его критики: онъ доказалъ какъ день, что они могутъ только ухудшить положеніе. Послѣдовали

различныя противорѣчивыя дополненія и циркуляры къ нимъ, но коренное исправленіе ихъ все еще заставляетъ себя ждать. Счастливѣе кончилась его компанія противъ кавказскаго трагеданта. Благодаря быстрому, всестороннему и убѣдительному выясненію имъ дѣла, пропускъ иностранныхъ товаровъ по закавказской желѣзной дорогѣ, грозившей подорвать нашъ сбытъ въ Закавказьѣ и Средней Азіи, Высочайшей волей былъ запрещенъ. Припомнимъ ли Сибирскую желѣзную дорогу или воровски зашвырнувшіе на западной границѣ иностранныя заводы, сахарную ли спекуляцію — вопросы эти не переводились во все время его писательскаго подвига — вездѣ онъ — и обыкновенно онъ одинъ со своею неумолимою логикой и ясностью разлагаетъ положеніе вещей во всей ихъ глубинѣ и значеніи, вездѣ побѣдоносно **рагуеть за правое дѣло противъ незаконныхъ притязаній.**

Не менѣ ревниво и неуклонно слѣдила всеобъемлющая мысль Михаила Никифоровича Каткова и за внѣшнею политикою, и положеніемъ Россіи среди государствъ Европы. Съ обычной проницательностію наблюдалъ онъ за всѣми перипетіями политической жизни европейскіхъ странъ, наглядно раскрывая ихъ своимъ читателямъ и извлекая изъ всего поученіе и убѣжденіе въ особой великой роли своего отечества. И здѣсь приходилось ему постоянно раскрывать интриги, направленныя противъ достоинства и политической самостоятельности Россіи. Западные недоброжелатели наши, борющіеся противъ русской прямоты обманомъ и ложью, рано почувствовали силу дальновиднаго противника, котораго имѣли въ М. Н. и научились цѣнить и бояться его. Онъ сталъ цѣннымъ союзникомъ и опаснымъ врагомъ. Во время послѣднихъ замѣшательствъ на востокѣ, имя Каткова не сходило со страницъ европейскихъ газетъ. Цѣлые столбцы наполнялись сообщеніями объ его словахъ, и ихъ обсужденіемъ. Когда въ разгаръ кризиса М. Н. нашелъ нужнымъ дать отпоръ зарвавшейся Германіи и указать ей свое мѣсто, а вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ сочувствіе Франціи, это сочтено было событіемъ и произвело озлобленіе въ Германіи и энтузіазмъ во Франціи, которая нынѣ наперерывъ спѣшитъ выразить скорбь по случаю его кончины и соревнуетъ въ чести присутствовать на его погребеніи. Почитатель генія и патріотизма Бисмарка, долгое время искавшій для Россіи его союза, М. Н., какъ скоро не осталось сомнѣнія въ непримиримой враждебности германской политики, сталъ зорко на стражѣ русскаго дѣла, и послѣдніе годы Берлинскій канцлеръ имѣлъ въ его лицѣ дѣло съ равными по силѣ политикомъ, обращавшимъ въ ничто его хитрые планы.

Въ данныхъ свойствахъ дѣятельности почившаго уже заволачивается разгадка пріобрѣтеннаго имъ чрезвычайнаго значенія.

Но надо яснѣе выразить ея причину. Главная сила его истекла изъ того, что онъ сразу выступилъ органомъ русской народной культуры, какъ человѣкъ выросшій изъ родной исторической почвы, вѣрный вѣковымъ преданіямъ православія и самодержавія, полный убѣжденія въ жизненности и спасительности этихъ началъ, крѣпкій національнымъ самосознаніемъ. Вотъ почему онъ сдѣлался представителемъ тѣхъ зиждущихъ историческихъ силъ Россіи, которыми движутъ эти великія начала, и которыя составляютъ хотя скромную въ своей нетребовательности, но тѣмъ не менѣе преобладающую часть ея населенія, которою до сихъ поръ опредѣлялась ея историческая роль—представителемъ и выразителемъ мыслей православнаго русскаго народа. Какъ древній миѣскій богатырь въ борьбѣ получалъ силы, соприкасаясь съ землею, такъ и почившій дѣятель почерпнулъ свое могущество въ этой вѣрности своей землѣ, ея завѣтамъ и нуждамъ, въ духовномъ единеніи съ ней. Заграницей хорошо поняли это значеніе его смѣлаго голоса и только потому, конечно, и придавали ему такую важность. Тамъ правда любятъ прикидываться непонимающими, выставлять его главою особой партіи—„панславистовъ“, этому приписывать его вліяніе и подчасъ удивляться его смѣлости, но это одна изъ обычныхъ уловокъ западной науки обмана. Всѣмъ извѣстно, что Катковъ никогда не принадлежалъ къ такъ называемымъ „партіямъ“, самъ онъ неоднократно находилъ нужнымъ заявлять, что выражаетъ лишь свои личныя убѣжденія. А въ этихъ убѣжденіяхъ онъ сходилъ съ большинствомъ по русски чувствующей Россіи и это была его партія. Катковъ говорилъ отъ лица настоящей Россіи. Его великое значеніе заключается въ томъ, что онъ явился въ нужную минуту органомъ и поборникомъ этой, безгласной всего чѣще, Россіи и впиталъ въ свои рѣчи ея скрытую силу и правду. Эта чувствуемая имъ и всѣми опора его слова не дала ему пасть въ борьбѣ. А вся дѣятельность его была неравная борьба одного съ цѣлой системой, съ другой Россіей, петербургскою, тянувшей къ западу, ненародной по стремленіямъ, а частію и по происхожденію. Первые шаги его были особенно трудны. Газета подвергалась гоненію и запрещенію. Русское дѣло встрѣчало препятствія въ средѣ лицъ, облеченныхъ властію. Но твердый сознаниемъ правоты, онъ не побоялся говорить истину и смѣло ратовалъ противъ лицъ невѣрно служившихъ своему Государю или не понимавшихъ русскихъ интересовъ! Вѣрный слуга Царя и народа, а не отдѣльныхъ правительственныхъ лицъ, онъ сразу показалъ это и заставилъ уважать свое мнѣніе. Послѣ первыхъ опытовъ его издавію уже никогда не осмѣливались дѣлать даже предостереженія и его свободная рѣчь раздавалась громко и безбоязненно. Въ Божѣ почившій Государь удостоивалъ

его своего довѣрія, а Державный Сынъ его въ милостивомъ рескриптѣ годъ тому назадъ призналъ всенародно его заслуги и нынѣ въ телеграммѣ къ вдовѣ усопшаго вновь соизволилъ утѣнить всѣхъ „истинно русскихъ людей“ выражеміемъ Своего высокаго сочувствія и скорби о потерѣ человека, котораго „сильное слово, одушевленное горячею любовью къ отечеству, возбуждало русское чувство и укрѣпляло здравую мысль въ смутныя времена“.

Историческое значеніе для Россіи знаменитаго дѣятеля еще усугубляетъ характеромъ той эпохи, въ которую онъ былъ выдвинутъ Провидѣніемъ. Время, которое отмѣчено дѣятельностью Каткова было переходное и критическое. Дѣломъ великой важности было, какое направленіе приметъ жизнь государства потрясенная въ своихъ устояхъ. Отъ этого зависѣло будущее Россіи. Весь народъ по Царскому слову сталъ свободенъ. Начиналась новая эра русской исторіи. Еще новый въ свободѣ народъ, какъ нѣжный отрокъ, требовалъ о себѣ попеченія. Нужна была большая осмотрительность, сдержанность и постепенность въ примиреніи со старымъ новаго начала. вмѣсто этого въ образованныхъ слояхъ, съ восторгомъ привѣтствовавшихъ реформу, находимъ совсѣмъ другое: не осторожность видимъ мы, а какой бѣшеный порывъ впередъ. Несмотря по сторонамъ, сломя голову несутся они какъ будто желая вознаградить себя за народное освобожденіе и нахватать себѣ разныхъ свободъ съ опасностью растащить государство на части. Освобожденіе было дѣломъ народнымъ, безъ всякаго подражанія чужому, небывалымъ блестящимъ проявленіемъ чисто русскихъ историческихъ условій жизни. Либеральные провозвѣстники дальнѣйшихъ реформъ, долженствовавшихъ дополнить первую, напротивъ искали себѣ свободы на чужой ладъ, по европейской мѣрѣ—искали конституціи. Хотѣлъ ли идти къ этому народъ, ими не спрашивалось. Его намѣревались вести не историческимъ, знакомымъ ему путемъ—въ такія басурманскія дебри, въ которыя онъ не могъ бы пойти добровольно. Но этотъ народъ, получившій свободу, не могъ оставаться безгласнымъ. Какъ же онъ могъ высказаться? Известно, что не весь народъ обыкновенно дѣлаетъ событія, а передовые люди составляющіе кость отъ кости его. Народу нуженъ былъ человѣкъ, который бы раздѣлялъ его возрѣнія и вѣрованія и умѣлъ бы заставить уважать ихъ. Такой человѣкъ, стоявшій далеко впереди людей своего вѣка, нашелся. Важнѣе былъ этотъ, ясно сознающій свое право, сильный своимъ прошлымъ, гордый русской народный голосъ, раздавшійся изъ устъ Каткова. Этотъ, передовой человѣкъ народа, воплотилъ въ себѣ все то, что могъ и хотѣлъ бы сказать за себя самъ народъ.

Изъ минуты пережитаго нами шатанія общественной мысли, поклоненія проземному кумиру, разочарованія въ старыхъ народныхъ идеалахъ—убѣжденная проповѣдь великаго патріота сдѣлала свое святое дѣло—поддержала угасавшій огонь историческаго величія Россіи и не дала затоптаться въ грязь унаслѣдованные ею отъ предковъ завѣты.

Понятно почему слово его было такъ смѣло и безтрепетно: оно далеко было отъ личныхъ интересовъ и служило прикрытіемъ и охраной неоцннимаго отечественнаго сокровища.

Всѣми богатыми силами своими возсталъ М. Н. противъ увлеченія Россіи на путь конституціи и въ то время, какъ ея сторонники корили всячески русскіе порядки и видѣли въ ней панацею отъ всѣхъ бѣдъ, онъ убѣдительно и настойчиво отмѣчалъ признаки ея разложенія и безсилія на Западѣ и даже на самой родинѣ ея, въ Англии, избличалъ ложь ея мнимой свободы и съ обычною властью ума показывалъ, какіе прочные задатки государственнаго могущества и цѣлости и вмѣстѣ истинной свободы заложены въ русскомъ вѣкахъ сложенномъ православному самодержавію.—Не знаемъ, будемъ ли повторять ясное для читателя, если скажемъ, что геній его, постоянно открывавшій глаза общественному мнѣнію то на то, то на другое явленіе и способный ясно видѣть многое недоступное обыкновенному взору, сдѣлалъ едвали не главное и самое важное для всѣхъ открытіе, подсказавъ ему ту роль, которую онъ занялъ впервые въ государствѣ, взявшись среди новыхъ условий свободнаго отъ рабства народа за службу публициста. Онъ показалъ своею дѣятельностью, что въ самодержавномъ государствѣ голосъ гражданина можетъ раздаваться съ полной свободой, если имъ движетъ истинная любовь къ отечеству, а умъ и талантъ даютъ право на вниманіе—и только лица обладающія этими свойствами и достойны того, чтобы выдвинуться впередъ ради общественной пользы. Мы видѣли, на какую недостигаемую высоту общественнаго значенія поставило это открытіе столь выдающійся талантъ. Послѣ долгой и славной своей службы на избранномъ посту на киванія въ сторону конституціи и нынѣ о правахъ безъ словъ объ обязанностяхъ, М. Н. высказалъ свое политическое исповѣданіе, которое всякій могъ провѣрить его примѣромъ—что русская конституція заключается въ государственномъ законѣ, въ нашей присягѣ подданныхъ на вѣрное служеніе Царю и отечеству. Эта присяга заключаетъ въ себѣ нашу обязанность служить Царю вѣрою и правдою и всѣми средствами способствовать благу государства; слѣдовательно она даетъ намъ и неотъемлемое право дѣлать это. Прямое и свободное слово въ данную минуту—обязанность всякаго вѣрноподданнаго и тѣмъ

болѣе публициста, избравшаго себѣ служеніе словомъ. Такъ и поступалъ почившій, и не смотря на массу могущественныхъ враговъ, его нельзя было заставить молчать. Эта заслуга Каткова особенно велика. Она показала намъ всю высоту доступной у насъ свободы и явила дивное зрѣлище независимаго писателя предъ независимымъ монархомъ.

Таковы причины въ общей сложности, создавшія удивительное явленіе могущества человѣка, однимъ своимъ способностямъ безъ всякаго посторонняго вліянія обязаннаго всѣмъ своимъ значеніемъ, не разъ направлявшаго судьбы своего отечества и оказавшаго ему незамѣнимыя услуги.

Высотѣ его ума соотвѣтствовало благородство характера и нравственныхъ правилъ и чистота сердца. Это былъ цѣльный русскій человѣкъ, глубоко и православно вѣрующій и безупречный семьянинъ. Въ теченіе болѣзни онъ не разъ приобщался св. Таинъ и былъ напутствованъ елѣосвященіемъ. Въ своей журнальной дѣятельности онъ постоянно поддерживалъ интересы православія, съ которымъ считалъ неразрывно связаннымъ величіе Россіи. Единовѣрныя церкви Востока были предметомъ постояннаго его вниманія. Особенно много сердечнаго пыла положено имъ было на упроченіе связи Россіи съ единовѣрными намъ славянами и другими народностями Востока; среди тяжкаго періода отчужденія отъ насъ Болгаръ застала его и кончина. Всякое проявленіе церковнаго начала въ Россіи радовало его. Онъ не мало писалъ о важныхъ церковныхъ вопросахъ и еще недавно радостно привѣтствовалъ зарожденіе церковно-приходскихъ школъ. Это былъ образцовый гражданинъ въ полномъ смыслѣ слова, знавшій, что за каждое лишнее слово, за каждый поступокъ должно отдать отвѣтъ и никогда не позволявшій себѣ чего-либо дурнаго, никогда не говорившій пустаго и лишняго. Его газета была также какъ и его духовная личность, верхомъ благородства и изящества, серъёзности и дѣльности. Никогда нельзя было встрѣтить тамъ что либо легкомысленное или потворствующее дурнымъ вкусамъ читателей.—М. Н. Катковъ былъ въ полномъ смыслѣ рыцаремъ безъ страха и упрека.

Почившій не ограничивался изданіемъ газеты. Въ литературѣ онъ составилъ себѣ имя также и тридцатилѣтнимъ изданіемъ „Русскаго Вѣстника“ и сверхъ того 20 лѣтъ со времени основанія имъ Лицея въ память Цесаревича Николая управлялъ этимъ заведеніемъ. Но его публицистическіе труды останутся его главною славой. Рѣдкаго человѣка потеряла Россія. Такіе люди рождаются столѣтіями. Еще много можно было ждать отъ него: онъ умеръ въ полномъ разцвѣтѣ таланта. Но будемъ благодарны и за то, что онъ далъ: его имя навсегда останется сим-

воломъ русской чести, русскаго ума, русскаго слова. Пусть же вмѣстѣ съ Державнымъ Отцемъ единодушно помянетъ русская семья своего дорогаго сына и помолится о упокоеніи его не знавшей себѣ отдыха чистой души.

С-Петербургскія Вѣдомости № 198.

Скорбныя ожиданія свершились: Михаила Никифоровича Каткова не стало! Тяжкая болѣзнь прервала жизнь полную трудовъ, славы и мученій, жизнь мужественнаго патриота и величайшаго, вѣрнѣе сказать, единственнаго, русскаго публициста.

Михаилъ Никифоровичъ скончался на 69 году жизни, въ полнотѣ своихъ умственныхъ силъ, когда Россія ждала отъ него еще многого, вполне доступнаго его нисколько не ослабѣвшимъ творческимъ способностямъ и политической прозорливости. Онъ умеръ какъ разъ въ ту минуту, когда общественное сочувствіе обратилось къ нему съ единодушіемъ, напомнившимъ лучшій въ его публицистической дѣятельности 1863 годъ, — умеръ въ сіяніи только-что исполненнаго дѣла — блестящаго и мужественнаго отпора даннаго иноземному вліянію. Подъ боевымъ знаменемъ, которому онъ никогда бы не измѣнилъ, онъ ждалъ возстановленія утомленныхъ борьбою силъ чтобы снова служить горячо любимой имъ Россіи; судьба рѣшила иначе.

Въ этихъ немногихъ строкахъ, набрасываемыхъ подъ первымъ впечатлѣніемъ скорбной утраты, не мѣсто систематическому обзору жизни, не богатой событіями, но перекрѣпленной великимъ внутреннимъ содержаніемъ. Напомнимъ только, что М. Н. Катковъ направилъ всѣ силы своего ума и яркаго публицистическаго таланта на борьбу съ противогосударственнымъ теченіемъ, преслѣдуя его въ печати, въ проявленіяхъ общественной дѣятельности, въ самихъ правительственныхъ сферахъ. Перешедшій въ его руки съ 1863 года ежедневный политическій органъ далъ ему возможность развить во всей силѣ и ширинѣ свою публицистическую дѣятельность. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе почти двадцати пяти лѣтъ, редактируемая М. Н. Катковымъ *Московскія Вѣдомости* не переставали сохранять значеніе важнаго фактора русской политической и общественной жизни, участвовавшего во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ ея явленіяхъ.

Нынѣ еще не настало время для безпристрастной оцѣнки тѣхъ отношеній въ какія за этотъ долгій періодъ времени руководимая Мих. Ник. Катковымъ газета становилась къ лицамъ и событіямъ, выдвигавшимся на сцену жизни. Положеніе беспощадной борьбы занятое *Московскими Вѣдомостями* создавало имъ и ихъ редактору многочисленныхъ враговъ. Но даже враги не отрицали яркаго и сильнаго таланта Михаила Никифоровича и его блестящей проницательности, преимущественно въ вопро-

сахъ внѣшней политики. Не могли отрицать въ немъ и другаго рѣдкаго въ журналистѣ качества: покойный публицистъ никогда ничего не дѣлалъ для угожденія публики, для внѣшняго успѣха своихъ изданій. Разъ въ чемъ-нибудь убѣжденный, онъ высказывалъ свою мысль до конца рѣзко и ярко, хотя бы зналъ заранее, что въ данную минуту общественная масса будетъ противъ него. Впрочемъ, онъ рѣдко говорилъ къ массѣ: его лучшія самыя обдуманныя и обработанныя статьи всегда были обращены къ властнымъ правительственнымъ сферамъ. Это былъ публицистъ не столько газетный, сколько государственный.

Утрата какую несеть Россія въ лицѣ М. Н. Каткова неощущима. Она теряетъ не только первокласснаго журналиста, создавшаго политическое значеніе русской печати, но теряетъ тотъ центральный умъ, который въ критическія минуты собиралъ вокругъ себя здоровое общественное мнѣніе и указывалъ ему прямой путь.

Статья № 155.

Свѣча погасла. Жизнь отлетѣла. Нѣтъ на Руси Каткова! 20 іюля, въ 4 часа дня, скончался Михаилъ Никифоровичъ среди многочисленной своей семьи, въ подмосковномъ имѣніи своемъ Знаменскомъ. Последніе дни великой жизни исчезла уже всякая надежда выздоровленія. Ежечасно ждали катастрофы. Она совершилась.

Онъ умеръ, какъ умираетъ воинъ на полѣ битвы, отдавъ всего себя подвигу которому служилъ. Онъ умеръ подъ святымъ знаменемъ русскаго дѣла, среди сложныхъ политическихъ обстоятельствъ, исходъ которыхъ извѣстенъ лишь Богу. Міръ прислушивался къ его слову. Но ему не суждено было договорить это слово. Смерть, медленно приближаясь, прежде всего ревниво лишила великаго больнаго употребленія языка. Болѣе двухъ недѣль не могъ онъ выговорить слова, сохраняя всю полноту сознанія, мучительно лишенный способности передать то, что можетъ-быть желалъ бы передать. Растроганный высокимъ участіемъ, высказавшимся въ тяжкіе дни его болѣзни, онъ только знаками могъ выразить свою благодарность.

Пусть же звучитъ изъ могилы это недоговоренное слово, эта прерванная рѣчь! Некому облечь ее въ пламенную, увлекательную умы и сердца форму, но общій смыслъ ея остается яснымъ. Берегите Россію, говорилъ онъ и правящимъ и повинующимся. Да будетъ, какъ было для него, единственнымъ и исключительнымъ мѣриломъ и указаніемъ нашимъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ, и во внутреннихъ мѣропріятіяхъ, крѣпость и благо государственнаго тѣла, переданнаго намъ тяжелою исторіей нашею не на растрату и разрушеніе, а на охраненіе и созиданіе.

- VII.—Историческая правда въ искусствѣ. *И. Криспи.* 363—382
- IX.—Извѣстія и замѣтки: Годичное собраніе миссіонерскаго общества.—Дѣло о незаконной торговлѣ церковными свѣчами въ г. Владиміръ.—
Поправка. 383—392

I Ю Л Ь.

- I.—Ложь въ исторіи. *А. В. Соколова* 393—444
- II.—Шотландскій проповѣдникъ Эдвардъ Ирвингъ и его послѣдователя. *М. П. Оувейскаго* 445—469
- III.—Къ вопросу о богословскихъ факультетахъ въ протестантской гарманіи. *С. А. Б.* . . . 470—491
- IV.—Недуги нашего времени: спиритизмъ, атеизмъ и Толстовщина. *Свящ. В. Е. Бялкова* 492—506
- V.—Поученія по случаю извѣстія о страшномъ землетрясеніи въ городъ Вѣрномъ и его окрестностяхъ. *Свящ. П. Авонскаго* 507—516
- VI.—Историческое разсмотрѣніе дѣятельности православнаго русскаго духовенства въ отношеніи къ расколу отъ его возникновенія до учрежденія Св. Синода. *М. Чистякова.* 517—556
- VII.—Михаилъ Никифоровичъ Катковъ †. 557—558
- VIII.—Извѣстія и замѣтки: Неправедливое нареканіе.—Объявленія. . . 559—568

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- IX.—Житіе преподобнаго Варлаама Важскаго. Съ предисловіемъ. *А. И. Григоровича.* . . . 1—47

А В Г У С Т Ъ.

- I.—Шотландскій проповѣдникъ Эдвардъ Ирвингъ и его послѣдователи. *М. П. Оувейскаго.* . . . 559—633

II. Историческое разсмотрѣніе дѣятельности православнаго русскаго духовенства въ отношеніи къ расколу отъ его возникновенія до учрежденія Св. Синода. <i>М. Чистякова</i>	Стр. 634—707
III. —Разборъ мнѣній о шестидневномъ твореніи. (Окончаніе). <i>А. Новорусскаго</i>	708—743
IV. — Памяти Михаила Никифорова Каткова.	744—770
V. —Оглавленіе II-го тома „Православнаго Обзорнія“ за 1887 годъ.	771—772